Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 3-7.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК: 340.1

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНСТВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Акименко Е. С.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье исследуется трансформация механизмов правового регулирования взаимодействия государства и общества в Российской Федерации в современный период проведения специальной военной операции (СВО). Анализируются отдельные положения нормативно-правовой базы, направленные на социальную поддержку участников боевых действий и стабилизацию экономики. Делается вывод, что правовая консолидация является ключевым инструментом удержания легитимности публичной власти. Подчеркивается, что механизм трансляции общественной поддержки на защиту национальных интересов в правовую плоскость инкорпорирован в нормы отечественного права. Подобное законотворчество предотвращает возможный разрыв между эмоциональным состоянием общества и бюрократической реальностью. Развитие системы правовых гарантий, выстраивание этой системы снимает социальное напряжение. Легитимность подпитывается ощущением справедливости правопорядка. Одним из важнейших факторов долгосрочной легитимности является переход от временных распоряжений к системному законодательству.

Ключевые слова: легитимность, публичная власть, специальная военная операция, гражданское общество, нормативно-правовое регулирование, общественная поддержка, консолидация, правопорядок, участник боевых действий, государство.

Актуальность исследования предопределяет крайнюю необходимость и важность теоретико-правового понимания рекордной динамики в сторону развития отечественного законодательства в области законодательного установления, гарантирования и закрепления прав и льгот граждан России, принимающих участие в СВО в условиях нарастающего внешнего давления на российское государство. Известно, что с февраля 2022 г. Государственная Дума приняла свыше 400 нормативных правовых актов. Председатель Совета Федераций В. Матвиенко в беседе с Президентом России В. Путиным сообщила, что в весеннюю сессию 2026 г. Совет Федерации одобрил более 50 законов, направленных на достижение целей СВО. «Законы о поддержке участников носят более точечный характер, но от этого они не теряют свою важность» [1], отметила она.

В Указе Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» подчеркивается, что для достижения целей процветания России «необходимы согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития» [2]. «Следовательно, применение права становится безальтернативным инструментом стратегического развития государства, в рамках которого следует защищать национальные приоритеты посредством создания справедливых и равных условий для граждан. Такой подход обеспечивает доверие общества к проводимой публичной властью правовой политике, что становится фактором защиты государства от кризисов политического и социально-экономического характера» [3].

В классической теории права кризис традиционно рассматривается как фактор делегитимации власти. Однако современная российская государственно-правовая деятельность демонстрирует обратный процесс: оперативное реагирование

законодателя на проблемные вопросы общества способствует формированию и укреплению связующей нити взаимопонимания этих двух институтов. Легитимность в данном контексте выступает не просто как абстрактное признание власти народом, а как юридически оформленное доверие, подкрепленное конкретными материальными и социальными гарантиями. Изучение того, как право интегрирует общественный патриотический подъем в устойчивые общественные институты, представляет высокую научную значимость для теории государства и права. «В годы испытаний на прочность государство, его правоохранительные структуры и военная организация, а также различные институты гражданского общества должны не противопоставлять себя друг другу, а быть объединены идеей искреннего служения Отечеству. В современных условиях эти принципы сохраняют актуальность» [4, с. 62].

В данной статье автором предпринята попытка выявить способы изменения правового режима функционирования государства, способствующие поддержанию социальной стабильности и легитимности управления, проанализировать концептуальные основы понимания соотношения понятий «легальность» и «легитимность» в связке с проведением СВО, оценить вектор воздействия принятых законов на общественное сознание.

Проведенный анализ законодательной деятельности по нормативно-правовому обеспечению единства гражданского общества и государственных институтов как фактора поддержания легитимности управления в условиях ведения боевых действий дает нам основание полагать, что за период с 2022 по 2026 г. деятельность законодателя характеризуется следующим. Проводились мероприятия по принятию законов, регулирующих вопросы прямой поддержки защитников Отечества. Дополнительным основанием служит развитие системы правовых гарантий, о которой регулярно заявляет Президент РФ В. Путин.

Принят комплексный пакет законов, регулирующих различные сферы: установлены новые льготы для ветеранов СВО, Федеральным законом от 20 февраля 2026 г. № 35-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О ветеранах» скорректирован Закон о ветеранах, Ветеранам СВО предоставляется по их заявлению до 35 дней отпуска без сохранения зарплаты в год.

Федеральными законами от 26.12.2024 г. № 481-ФЗ, от 25.12.2023 г. № 663-ФЗ, от 20.10.2022 г. № 406-ФЗ, от 7.10.2022 г. № 377-ФЗ установлено, что на период нахождения заемщика-мобилизованного (контрактника, добровольца) в медицинских организациях в стационарных условиях на излечении от увечий (ранений, травм, контузий) или заболеваний, полученных при выполнении задач в ходе СВО. В случае, если заемщик-мобилизованный (контрактник, доброволец) признан судом безвестно отсутствующим - на период до отмены этого решения суда либо до объявления лица умершим. Порядок начисления и уплаты процентов и иных платежей в период кредитных каникул для физлиц: мобилизованный (контрактник, доброволец) освобожден от уплаты процентов, начисляемых на сумму основного долга в льготный период по кредитным договорам (кроме обеспеченных ипотекой). Если же в этот период кредит погашается досрочно, то средства не могут направить на уплату процентов, а сумму сверх объема обязательств по кредиту без учета процентов должны вернуть.

Постановлением Правительства РФ от 11.04.2024 N 460 приводятся меры поддержки при оплате коммунальных услуг. Если постоянно или временно проживающий в жилом помещении мобилизованный отсутствует в нем в связи с мобилизацией, размер платы за предоставленные отдельные виды коммунальных услуг пересчитывается, даже если помещение не оборудовано прибором учета и не подтверждена техническая невозможность его установить либо прибор учета

имеется, но он неисправен и не отремонтирован потребителем услуг. Заявление о перерасчете в этом случае подается в обычном порядке, но к нему не требуется прикладывать акт обследования для установления технической невозможности установки приборов учета. Чтобы подтвердить длительность временного отсутствия мобилизованного в жилом помещении, к заявлению нужно приложить документы, подтверждающие период прохождения военной службы по мобилизации.

Указом Президента РФ от 31.07.2024 г. № 644 установлена единовременная денежная выплата в размере 400 000 руб. для граждан РФ и иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в ВС РФ или ВНГ РФ сроком на 1 год и более для выполнения задач СВО на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области, Херсонской области и Украины. Квота на обучение по программам бакалавриата и специалитета для детей военнослужащих, участвовавших в СВО, установлена ФЗ от 29.12.2022 г. № 641-ФЗ и постановлениями Правительства от 28.04.2023 г. № 669, от 21.02.2024 г. № 201 реализуется данная мера поддержки через предоставление в образовательное учреждение документов, подтверждающих родство с военнослужащим. Право молодых семей с участниками СВО на выплаты для приобретения жилья в соответствии с постановлением Правительства от 7.11.2024 г. №1509 означают, что молодые семьи, в которых хотя бы один из супругов либо один родитель в неполной семье принимают (принимали) участие в СВО, включены в перечень лиц, имеющих первоочередное право на выплату для приобретения (строительства) жилья. Молодыми считаются семьи, в которых обоим супругам (одинокому родителю) еще нет 35 лет. Возраст устанавливается на день, когда высший исполнительный орган субъекта принимает решение о включении молодой семьи в список претендентов на получение выплаты. Основное требование - семья должна нуждаться в жилье. Размер выплаты в зависимости от отсутствия или наличия детей в семье составляет соответственно 30% и 35% расчетной (средней) стоимости жилья.

Федеральным законом от 25.04.2026 г. № 108-ФЗ работодателю указано кто из его работников сможет реализовать свое установленное право этим законом. Оно заключается в преимущественном оставлении на работе таких сотрудников, которые могли бы быть уволены при ОШМ, если бы прибыли на прежнее место работы после СВО. В условиях равных квалификаций и производительности труда на работе останется участник СВО. Федеральным законом от 25.05.2026 г. № 153-ФЗ установлено, что у одного из родителей или ребенка военнослужащего, являющегося инвалидом I или II группы, имеется право на предоставление ежегодного отпуска одновременно с таким военнослужащим, а продолжительность такого отпуска должна быть одинаковой с отпуском военнослужащего, при необходимости частично без сохранения заработной платы.

Всего с 2022 г. принято более 180 Федеральных Законов, напрямую касающихся участников СВО, которые корректируются исходя из текущих вызовов времени. Облаченные в правовые нормы государственные гарантии и льготы усиливают уровень доверия к власти, чувство уверенности в неоставлении один на один гражданина, защищающего суверенитет страны на опасных рубежах, что положительно сказывается на общем морально-политическом состоянии общества, влияя положительно не только на уровень правосознания, но и на уровень доверия к власти. Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что механизм трансляции общественной поддержки на защиту национальных интересов в правовую плоскость инкорпорирован в нормы отечественного права. Подобное законотворчество предотвратило возможный разрыв между эмоциональным состоянием общества и бюрократической реальностью. Следует признать факт, что

«России в настоящее время чрезвычайно необходимо достижение общественного согласия...» [5].

Развитие системы правовых гарантий, выстраивание этой системы снимает социальное напряжение: семья военнослужащего видит, что государство не ограничивается лозунгами, а создает работающий правовой алгоритм защиты ее интересов. Таким образом, легитимность подпитывается ощущением справедливости правопорядка.

Одним из важнейших факторов долгосрочной легитимности является переход от временных распоряжений к системному законодательству. Законы о присвоении статуса ветерана боевых действий лицам, участвующим в СВО, формируют новую социальную страту. Законодатель заранее конструирует механизм их возвращения в гражданское общество. Так же и, например, наставничество для курсантов и студентов военных и гражданских вузов прошедшими военную службу гражданами, связывает личный героизм с общественным признанием и успехами в карьере и службе, предотвращая риск маргинализации комбатантов после окончания СВО. Законодательно возможность остаться на военной службе у офицеров и контрактников, признанных военно-врачебной комиссией не годными или ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных при исполнении обязанностей военной службы, … награжденными в связи с таким участием государственными наградами Российской Федерации, являющимися ветеранами боевых действий в связи с исполнением таких обязанностей [фз 53], закреплена Федеральным законом от 14.07.2022 N 315-ФЗ, который внес в ст. 36 Федерального закона от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ соответствующую норму.

Таким образом, при ведении страной военных действий на настоящем примере, полагаем, что легитимность власти обеспечивается не только электоральными процессами, но и непрерывной деятельностью законодателя в области принятия конкретных нормативных правовых актов. Поддержка обществом государственных решений в свою очередь находит юридическое выражение в системе взаимных обязательств. Феномен доверия к власти вышел за пределы идеологических и социологических размышлений. Гражданское общество взаимодействует с государством через конкретные статусы, например, член семьи участника СВО, где у каждой из сторон есть право и обязанность.

Продолжающее развиваться нормативно-правовое обеспечение правоотношений государства и общества создает перспективу развития страны по окончании СВО и победы над нацистскими потомками. Заложенные сегодня правовые механизмы реабилитации, переподготовки и социальной защиты ветеранов боевых действий станут фундаментом национальной устойчивости. Дальнейшая задача юридической науки заключается в доктринальном оформлении накопленного опыта для включения его процесс становления сильного правового государства. Правовая консолидация, по нашему мнению, является одним из ключевых инструментов удержания легитимности публичной власти.

Список литературы:

1. URL: https://tass.ru/obschestvo/27961491[Электронный ресурс]. — Дата обращения: 10.08.2026 г.
2. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: http://pravo.gov.ru. — Дата обращения: 10.08.2026 г.
3. Тарабукин, В. В. Особенности применения права как формы реализации правовой политики по защите национальных интересов в условиях фактического и гибридного противостояния России недружественным странам / В. В. Тарабукин // Государственная власть и местное самоуправление. — 2025. — № 12. — С. 3–5.
4. Крижановская, Г. Н. Служение отечеству: взаимодействие власти и общества в условиях военных конфликтов / Г. Н. Крижановская // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. — 2025. — № 3 (32). — С. 54–67.

5. Игнатьева, С. В. Основные тенденции развития государственного правового регулирования в России на рубеже XX-XXI веков : статья / С. В. Игнатьева, Н. Ю. Игнатьева // Теория государства и права. — 2025. — № 4-1(47). — С. 112–118.
6. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность / Е. В. Виноградова, А.О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.]; под ред. С. И. Захарцева ; Санкт-Петербургская академия Следственного комитета. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 2025. 125 с.
7.Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли / Е. В. Виноградова, А.О. Воробьев, И. Н. Грибов [и др.] ; под ред. С. И. Захарцева ; Российская академия наук. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2025. — 459 с.
8. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2024. — 423 с.

Akimenko E. S. Regulatory and legal support for the unity of civil society and states as a factor in maintaining legitimacy of government in conditions of conducting vilitary operations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 3-7.

The article examines the transformation of the mechanisms of legalregulation of interaction between the state and society in the Russian Federation. The Russian Federation in the modern period of the special military operation (SVO). The analysis focuses on certain provisions of the regulatory framework aimed at providing social support to participants in combat operations and stabilizing the economy. It is concluded that legal consolidation is a key tool for maintaining the legitimacy of public authority.It is emphasized that the mechanism for translating public support for the protection of national interests into the legal sphere is incorporated into the norms of domestic law. Such law-making prevents a possible gap between the emotional state of society and bureaucratic reality. The development of a system of legal guarantees and the building of this system relieve social tension. Legitimacy is fueled by the sense of fairness in the rule of law. One of the most important factors for long-term legitimacy is the transition from temporary orders to systemic legislation.

Keywords: legitimacy, public authority, special military operation, civil society, regulatory and legal regulation,public support, consolidation, law and order, participant in combat operations, state.

Spisok literatury:

1. Https://tass.ru/obschestvo/27961491, data obrashcheniya — 10.08.2026 g.
2. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://pravo.gov.ru, data obrashcheniya 11.08.2026.
3. Tarabukin V.V. Osobennosti primeneniya prava kak formy realizacii pravovoj politiki po zashchite nacional'nyh interesov v usloviyah fakticheskogo i gibridnogo protivostoyaniya Rossii nedruzhestvennym stranam // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2025. N 12. S. 3 —5.
4.Krizhanovskaya G.N. Sluzhenie otechestvu: vzaimodejstvie vlasti i obshchestva v usloviyah voennyh konfliktov // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025. № 3 (32). S. 54–67.
5. Ignat'eva SV., Ignat'eva N.Yu. Osnovnye tendencii razvitiya gosudarstvennogo pravovogo regulirovaniya v Rossii na rubezhe XX-XXI vekov: stat'ya // Teoriya gosudarstva i prava. – 2025. – № 4-1(47). – S. 112–118.
6. Vinogradova E. V., Gribov I. N. [i dr.] Dobro, doverie, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoj mysli: antichnost' i sovremennost' / pod red. S. I. Zaharceva; Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta. — 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. — Sankt-Peterburg, 2025. — 125 s.
7. Vinogradova E. V., Gribov I. N. [i dr.] Dobro, doverie, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoj mysli / pod red. S. I. Zaharceva ; Rossijskaya akademiya nauk. — 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. — Moskva, 2025.
8.M. Yu. Gutman, S. I. Zaharcev, N. V. Zorina [i dr.].Politiko-pravovoe upravlenie i ugrozy suverenitetu gosudarstva / M. Yu. Gutman, S. I. Zaharcev, N. V. Zorina [i dr.]. – 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – Moskva : INFRA-M, 2024. – 423 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 8-18.

УДК 340.111

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СООТНОШЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ГОСУДАРСТВО КАК ПЛАТФОРМА» И КОНЦЕПЦИИ ПОНИМАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ИДЕИ САМОУПРАВЛЕНИЯ НАРОДА

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье проводится сопоставительный анализ концепции «Государство как платформа» и концепции понимания системы правового регулирования как формы самоуправления народа России, с целью поиска возможностей их совмещения. Анализируются основные положения каждой концепции. В модели платформенного государства выделяется ее центральный элемент – человекоцентризм (клиентоцентризм). В концепции системы правового регулирования центральное место занимает идея самоуправления народа, принимающая правовые формы. Указывается фундаментальное конституционное противоречие, порождающее различие между двумя концепциями. Это закрепление в конституционных положениях либеральной идеологии, конкретизацией идей которой выступает концепция «Государство как платформа» и коллективистской идеологии, конкретизацией которой выступает концепция понимания системы правового регулирования как формы воплощения идеи самоуправления народа. Установлены принципиальные различия и общие моменты в вопросах признания народа как субъекта учредительной и государственной власти, понимания природы государства, содержания регулятивных конструкций. Предприняты попытки определить возможность взаимодействия концепций и показать позитивную роль их интегративного потенциала. Показывается, что интеграция может быть достигнута при встраивании платформенной модели государства в конституционную модель системы самоуправления народа. При этом платформенная модель должна носить производный, служебный характер, быть нацеленной на реализацию целевых установок конституционного развития народа России.

Ключевые слова: цифровая трансформация, государство как платформа, система правового регулирования, система самоуправления народа.

Важнейшим направлением развития современного государства и общества выступает цифровая трансформация сфер государственного управления, призванная преобразовать весь механизм взаимодействии государства с гражданами и гражданским обществом, прежде всего – с бизнесом. В таких условиях технологическая революция (искусственный интеллект, большие данные, распределенные реестры и др.) существенно изменяет указанный механизм, переводя его в плоскость цифрового платформенного взаимодействия. В научной литературе происходит осмысление происходящих в государстве и обществе процессов цифровой трансформации [2; 3; 4], предпринимаются попытки выработки концептуальной основы цифровой трансформации государственного управления [5; 6], проводятся исследования прикладной направленности по реализации концепции цифровой трансформации государственного управления [7; 8; 9]. Вместе с тем, в российском государстве и обществе продолжают последовательно осуществляться процессы конституционализации и конституционно-правовой модернизации основ народовластия, государственно-правовой сферы, сферы гражданского общества, положения личности во взаимоотношениях с государством, связанные с принятием действующей Конституции [1] и получившие новый импульс в результате конституционной реформы 2020 г. Данные процессы также исследуются учеными, что находит свое воплощение в соответствующих научных работах общетеоретического и прикладного характера. Особое значение принадлежит исследованию теории системы правового регулирования, позволяющей комплексно охватить соответствующие процессы и тенденции. Среди различных подходов к пониманию смысловых аспектов этой системы самостоятельное значение имеет подход, рассматривающий систему правового регулирования как форму воплощения идеи самоуправления народа России [10; 11; 12], ориен-

тирующий на исследование программно-целевой направленности воплощающего данную идею конституционного регулирования [13; 14], акцентирующий внимание на процессуальном оформлении движения идеи самоуправления народа [15].

Указанные направления: технологическое и регулятивно-правовое, редко совмещаются в научных исследованиях. Однако, проведение соотношения между ними способно выявить весьма актуальные проблемы: способна ли цифровая трансформация государственного управления (и в целом цифровое государство) ограничить конституционный потенциал народовластия и субъектность народа в рамках учредительной и публичной власти? Возможно ли встроить цифровое платформенное управление в действующую конституционно-правовую систему самоуправления народа России? Каким может быть механизм совмещения единой цифровой государственной платформы с системой правового регулирования как правовой формой самоуправления народа России?

С учетом этого, цель статьи состоит в установлении возможности в теоретико-прикладном аспекте совместить основы концепции «Государства как платформы» с положениями подхода понимания системы правового регулирования как формы воплощения идеи самоуправления народа. Теоретической основой процесса цифровой трансформации государственного управления выступает концепция «Государство как платформа», создателем которой считается американский исследователь Тим О'Рейли, идея которой состоит в организации в рамках цифровой платформы взаимодействия между государством, частным капиталом и гражданами для достижения эффективности общего результата.

Концепция «Государство как платформа» предусматривает сквозную межведомственную цифровизацию процессов и создание комплексной организационно-технической инфраструктуры как для предоставления госуслуг, так и для обеспечения деятельности системы госуправления [6, с. 12]. Данная концепция содержит в себе теоретическую модель создания принципиально новой системы государственного управления. В ней государство (в виде государственного аппарата) служит единой, функционирующей на основе цифровых технологий инфраструктурной платформой, в рамках которой обеспечена интеграция процессов управления по тематическим, прикладным критериям, ориентированным на практические потребности взаимодействия граждан и бизнеса с государством. Предполагается трансформация роли государства в формате данной платформы. Императивные методы государственного управления носят служебный характер и сохраняются в рамках его статуса как учредителя, провайдера, оператора и модератора платформы, устанавливающего нормативную базу (платформенное право) и требующего ее соблюдения всеми участниками платформенного взаимодействия. Диспозитивные методы составляют основу платформенного управления и непосредственно направлены на обеспечение процессов платформенного взаимодействия.

Особое место в новой модели государственного управления занимает «дата - центричный подход – постоянное накопление объективных данных об объектах управления, осуществление контроля через использование технологий больших данных» [8, с.19]. Подход основан на признании «данных» в качестве центрального ресурсного элемента системы управления. Предполагается создание единой стандартизированной и унифицированной базы объективных и актуальных данных, поступающих в реальном времени. Данные собираются, обрабатываются, систематизируются, хранятся и в таком качестве служат основой для осуществления процессов управления и принятия управленческих решений. «Цифровая трансформация вызывает глубокую реорганизацию бизнес-процессов с широким применением цифровых инструментов в качестве механизмов исполнения процессов, что приводит к существенному (в разы) улучшению характеристик процессов и появлению

принципиально новых их качеств и свойств» [7, с. 8]. Использование процессного подхода в новой модели государственного управления основывается на признании управленческой деятельности в качестве единого процесса, объединяющего и интегрирующего комплекс процессов, направленных на достижение общего целевого результата. Предполагается, что за счет создания единой технологической инфраструктуры и объединения разнообразных государственных информационных систем, а также автоматизации рутинных процессов и предиктивной аналитики на базе больших данных, способствующей прогнозированию тенденций развития ситуации, достигается существенное повышение скорости процессов управления, что, в свою очередь, обеспечивает оперативность выработки, принятия и реализации управленческих решений. Этому способствует и реинженеринг процессов управления, что предполагает их фундаментальное, революционное преобразование за счет целевой переориентации на решение комплексных «жизненных ситуаций», устраняющей избыточные, промежуточные процессуальные этапы и процедуры.

Центральным элементом концепции выступают положения о человекоцентризме, состоящие в том, что «целью реализации идеи «Государство-как-платформа» является благополучие граждан и содействие экономическому росту, основанному на внедрении технологий. В фокусе развертывания Платформы находится гражданин в условиях новой цифровой реальности. Государство должно создать условия, которые помогут человеку раскрыть свои способности и сформировать комфортную и безопасную среду для его жизни и реализации потенциала» [8, с. 18]. Человекоцентристский подход находится в единстве с принципом клиентоцентричности, в соответствии с которым потребности клиента (пользователя) служат исходным ориентиром при формировании процессов государственного управления (создании цифровой среды) в рамках единой инфраструктурной платформы. Этот принцип предполагает обеспечение единого доступа к сервисам для граждан и бизнеса, проактивное информирование государством клиентов о новых возможностях при наступлении соответствующих жизненных ситуаций. В рамках обратной связи платформа систематизирует опыт взаимодействия с клиентами, и с учетом этого улучшает качество предоставляемых услуг, внедрение в пользовательскую сферу единых стандартов и алгоритмов, что упрощает процесс взаимодействия с клиентами.

Итак, цифровая трансформация государственного управления в целях обеспечения принципов человекоцентричности и клиентоцентричности предполагает модернизацию его сущностных характеристик, системную встроенность управленческих процессов в платформенную организацию. Вместе с тем логика платформенного управления, основанная на признании нейтральности в обеспечении технологического взаимодействия, требует критического отношения. Это относится, прежде всего, к алгоритмизации процесса управления, придающей всему многообразию отношений технологический формат, а также к необходимости конституционно-правовой модернизации (прежде всего регламентации) процессов цифровой трансформации в целом.

В концепции понимания системы правового регулирования как формы воплощения идеи самоуправления народа, исследовательский акцент сделан на системном соединении правовых и социолого-исторических начал (формы) в познании природы данной системы, попытке показать «реальное движение идеи самоуправления народа, проходящей соответствующие иерархические уровни (самодвижение идеи) и совершающей замкнутые регулятивные циклы» [10, с. 1].

В центре данной системно-правовой теории находится народ России, который «характеризуется в качестве субъекта социально-исторического процесса, наследующего традиции предков (ранее живших поколений), существующего в настоящем времени (ныне живущее поколение), способного воспроизводить себя в будущих

поколениях. Данный программно-прогностический подход наделяет народ России характеристиками источника и субъекта учредительной власти, обладающего способностью учреждать в форме конституции функционально-целевую модель собственного движения в будущее состояние, реализовывать целевые ориентиры, выступая социальным субъектом публичной власти и конституционно-правовым субъектом в статусе избирательного корпуса. «Следовательно, именно Конституция РФ служит формой учреждения системы самоуправления народа России, правотворческим актом и итогом его волеизъявления в статусе социально-исторической общности (в социологическом выражении) и в статусе субъекта учредительной власти конституционного учредительного процесса) в правовом смысле» [15, с. 140]. Результатом всего этого выступает целевая направленность конституционного регулирования как первого (базового) уровня системы правового регулирования [14].

Следующим аспектом анализа системы правового регулирования выступает ее уровневый характер. «Исследуя систему правового регулирования важно различать два ее уровня. Первый – конституционный уровень – воплощает и выражает непосредственное волеизъявление (право) народа (право, непосредственно исходящее от народа), представленное в конституционном строе и зафиксированное в конституции. Второй – производный уровень (государственно-правовое регулирование) – воплощает и выражает право, исходящее от представительных учреждений народа: органов государственной власти и органов местного самоуправления. Соответственно, на этом уровне воля народа преобразуется в волю представительных учреждений народа, и, сохраняя свои качественные характеристики, выступает этапом развития (динамики) идеи самоуправления народа, совершая регулятивные циклы. Глобальный цикл – выработка и проявление учредительной воли народа, воплощение в конституционном строе этой воли, ее преобразование в государственную и муниципальную волю – интегрирует всю иерархию производных регулятивных циклов при наличии полноты и замкнутости на глобальном цикле» [10, с. 9].

В концепции особое значение придается исследованию структуры системы правового регулирования, где выделяется три ее аспекта: структура строения, структура организации, структура функционирования. «Эта структура (закон) по сути является идеей самоуправления народа, движение которой порождает качества интегративности, полноты, замкнутости. Поэтому система правового регулирования выступает формой воплощения и реализации идеи самоуправления народа» [10, с. 9].

Иерархия структуры строения системы субъектов: «высший результирующий уровень - народ, последующая нисходящая иерархия – государство, глава государства, парламент государства – правительство государства – федеральные органы исполнительной власти – органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ. Иерархия структуры строения системы объектов: высший результирующий уровень – конституционный строй, далее следует система государство-общество, последующими нисходящими иерархическими уровнями являются: система органов государства – социальные системы (иные положения Конституции) – общество – социальные системы» [10, с. 5]. «Следующим аспектом является структура организации, по - сути, усложняющая структуру строения. Усложнение основывается на возникновении прямых и обратных связей у субъектно-объектного состава и появлением нового качества целостности. Специфика данной целостности заключается в установлении связей координационного и субординационного характера, преобразующих субъектно-объектный состав и выстраивающих иерархические уровни.

Полнота структуры организации проявляется в наличии прямых и обратных связей между субъектно-объектным составом как в параметрах каждого иерархического уровня, так и в межуровневых взаимодействиях. Прямые и обратные связи субъектов и объектов вышестоящих уровней интегрируют аналогичные связи субъектов

и объектов всех нижестоящих уровней. Прямые и обратные связи между субъектом – народом в статусе носителя учредительной власти и объектов – конституционным строем интегрируют всю иерархию связей, тем самым замыкая ее» [10, с. 6-7].

Структура функционирования «выражает закон перехода от начальных состояний системы к заданным, акцентируя внимание на динамическом аспекте и выступая в форме процесса правового регулирования. Субъект – регулирующая подсистема воздействует на объект – регулируемую подсистему через процессуальную форму, изменяя тем самым параметры состояния системы от первоначальных к заданным. Основание процессуального взаимодействия служит наличие между субъектом и объектом прямых и обратных связей.

Функциональная структура содержит учредительный процесс: формирование волеизъявления народа (в виде положений конституционного строя), придание этим положениям характера действующего права (в Конституции), установление соответствия между параметрами волеизъявления народа в нормативных положениях конституционного строя, и фактическим состоянием (параметрами) становления конституционного строя. Данная структура интегрирует все иерархические уровни, которые в дифференцированном выражении выступают процессуальной иерархией. Наличие функциональных структур в каждом уровне и межуровневом взаимодействии свидетельствует об их полноте, что указывает, в свою очередь, на замкнутость функциональной структуры системы правового регулирования» [10, с. 7-8].

Итак, «специфика целостной структуры системы правового регулирования заключается в ее интегративном (синтезирующем) характере, что выражается в иерархических структурных уровнях, наличии высшей результирующей и уровневых результирующих структур, полноте структурных уровней и, соответственно, замкнутости всей иерархии на высшей результирующей структуре» [10, с. 8].

Методологическим основанием исследования соотношения концепции «Государство как платформа» и концепции системы правового регулирования как формы воплощения системы самоуправления народа является содержащееся в Конституции РФ противоречие между конституционными положениями, воплощающими либеральную идеологию и коллективистскую идеологию. Данное противоречие носит фундаментальный характер и создает своеобразный «проблемный узел», который, с одной стороны, частично разрешается посредством механизма, заложенного в самой Конституции РФ, а с другой стороны, данное противоречие, будучи перенесенным в сферу государственной и общественной практики, в определенной степени может сниматься при помощи последующего конституционного и государственно-правового регулирования.

Действующая Конституция РФ, выступая прямым следствием крушения советской конституционной системы, в полной мере восприняла и воспроизвела идеи традиционного либерализма. В качестве таких идей могут быть выделены - человекоцентризм, провозглашающий права и свободы личности (ст. 2, 17, 18 Конституции РФ), конституционное разделение и ограничение государственной власти (ст. 10, 11 Конституции РФ), приоритет и защита частной жизни и частной собственности (ст. 23, 35 Конституции РФ), свободные рыночные экономические отношения (ст. 8 Конституции РФ), политическое и идеологическое многообразие и свободы (ст. 13, 28 – 31 Конституции РФ). Концепция «Государство как платформа» основывается на либеральной идеологической доктрине и отражает современное, прикладное понимание ее идей в отношении формата государственного управления. Прежде всего концепция воспроизводит идеи человекоцентричности и клиентоцентричности во взаимоотношениях с государством. Государство представлено как цифровая инфраструктура, целью и назначением которой выступает не монополизация сферы услуг, а создание условий для реализации потребностей граждан и бизнеса в усло-

виях рынка. Граждане обладают открытым доступом к данным и сервисам, обеспечивается прозрачность и контроль за действиями органов государственной власти. Государство в рамках платформенного формата создает условия для равного доступа граждан к получению государственных услуг и обеспечению конкуренции со стороны частного бизнеса в вопросах оказания услуг гражданам. То есть цифровая трансформация в рассматриваемой концепции предполагает создание либерального открытого общества и обслуживающего его потребности государства, помещенные в цифровой формат существования и взаимодействия.

Наряду с привнесением принципиально новой идеологии либерализма Конституция РФ, унаследовав от советской конституционной модели коллективистские ценности и приоритеты, закрепила ряд новых. К их числу можно отнести: признание многонационального народа РФ как учредителя Конституции РФ (Преамбула Конституции РФ), демократический тип российского государства (ст. 1 Конституции РФ), признание народа в качестве носителя суверенитета и источника власти (ст. 3 Конституции РФ), указание на тысячелетнюю историю РФ, сохранение памяти предков, преемственность в развитии Российского государства, признание исторически сложившегося государственного единства (ст. 67-1 Конституции РФ), солидарность поколений (ст. 75 Конституции РФ), социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность (ст. 75-1 Конституции РФ).

В концепции системы правового регулирования как формы воплощения идеи самоуправления народа происходит реализация коллективистской идеологии, последовательно воплощаемой в системе конституционного и государственно-правового регулирования. В данной концепции народ характеризуется как единая социально-историческая общность, выступающая интегративным образованием по отношению к составляющим его отдельным личностям. Народ (но не государство), обладающий учредительной властью, вправе организовывать собственное существование и развитие в правовых формах. Соответственно и система правового регулирования выступает формой нормативного закрепления и реализации коллективистских (но не индивидуальных) целей. Базовой целью выступает перевод народа в качественно новое состояние. В концепции акцент сделан на понимании народа в его развитии, в координатах «прошлое – настоящее – будущее» именно как коллективного образования. Отсюда коллективистское измерение системы правового регулирования предполагает учет исторического опыта и прогноза будущего в развитии народа как целого, но не выражает частные интересы отдельных лиц и бизнеса.

Изложенное свидетельствует, что понимание субъектности народа выступает принципиальным моментом расхождения позиций в рассматриваемых концепциях. Соответственно, в концепции системы правового регулирования народ в качестве субъекта учредительной власти одновременно является и субъектом конституционного правотворчества, способного самостоятельно определять и учреждать в правовой форме перспективы и программно-целевую направленность собственного развития. И если в Преамбуле Конституции РФ народ выступает в статусе субъекта учредительной власти, то в гл. 1 Конституции РФ он предстает в статусе субъекта государственной (публичной) власти (в рамках избирательного корпуса, формирующего представительные органы публичной власти). Народ – это не суммативное объединение индивидуальных пользователей платформенного взаимодействия, а единый субъект общественно-исторического процесса.

И, как видим, в концепции «Государство как платформа» отсутствует представление и понимание народа как субъекта социального взаимодействия. Центральным субъектом является гражданин – пользователь сервисной инфраструктуры, предложенной в рамках платформенной модели управления. Правовой статус субъекта - пользователя (клиента) устанавливается государством и локальными нормами циф-

ровых платформ, измеряется диапазоном возможных сервисных услуг, при том, что гражданин через обратную связь оценивает только качество и ассортимент услуг, но не участвует в выработке перспектив развития самого государства как платформы. Это прерогатива учредителя и оператора платформы (в лице государства как технологического субъекта), что не предусматривает участия народа в данном процессе (отсутствует имеющееся в концепции системы правового регулирования различие между правом исходящим от народа и правом государства).

В концепции системы правового регулирования государство служит формой организации народа, чье функциональное (служебное) назначение состоит в реализации целей, поставленных народом в Конституции РФ. В этой связи государственно-правовое регулирование, будучи производным уровнем от конституционного регулирования, направлено на перевод народа в качественно новое, прогрессивное состояние. Это достигается посредством заложенного в Конституции РФ механизма реализации системы самоуправления народа, который состоит в том, что народ в ходе учредительного процесса на конституционном уровне учреждает правовой статус государства, в рамках избирательного процесса происходит воплощение волеизъявления народа в состав и деятельность представительных органов государственной власти, а в рамках законодательного процесса воля народа трансформируется в форму действующих законов. И далее, в ходе последующего государственного строительства происходит процесс воплощения воли народа в иные структуры государственного аппарата, а их подзаконное правотворчество выступает способом конкретизации воли народа, воплощенной в действующих законах.

В концепции «Государство как платформа» содержится принципиально новое понимание государства, связанное с его трансформацией в единую цифровую платформу. Причем модель государства в формате цифровой платформы в Конституции РФ отсутствует. Поэтому рассматриваемые концептуальные положения могут характеризоваться (в лучшем случае) как не противоречащие Конституции РФ, выступающие формой воплощения и конкретизации либеральной идеологической доктрины, заложенной в конституционных конструкциях.

В рамках платформы государство выступает как ее учредитель и регулятор платформенных процессов, а также как оператор данных и потребитель технологической инфраструктуры. В качестве учредителя (субъекта власти) государство устанавливает формат платформы, определяет нормативное регулирование платформенного взаимодействия, включая систему контроля и механизмы ответственности. Происходит сокращение государственного аппарата, где платформа служит технологической формой реализации его функционального назначения. Как видим, в концепции системы правового регулирования государство выступает как форма организации народа и механизм трансформации его воли для достижения целевых конституционных установок. В концепции «Государство как платформа» государство выполняет роль учредителя, провайдера, регулятора и оператора. Однако в ней нет точного ответа на вопрос о том, чья воля воплощается в цифровой платформенной модели, чей интерес выражают платформенные алгоритмы. И если в концепции системы правового регулирования государство однозначно выражает волю народа, выступающего в форме учредительного корпуса, то в платформенной модели технологическая основа создается органами исполнительной власти и IT-компании.

Регулятивные конструкции в двух концепциях отличаются по форме и содержанию. В концепции системы правового регулирования регулятивный механизм (процесс, имеющий циклический характер и замкнутый на глобальном цикле, интегрирующем всю иерархию производных регулятивных циклов) включает воплощение воли учредительного корпуса в конституционную форму (право народа), процесс конституционного регулирования, реализацию воли избирательного корпуса в про-

цессе формировании представительных учреждений, реализацию конституционного программно-целевого блока в процессе государственно-правового регулирования, процесс контроля за соответствием достигнутых результатов установленной конституционной формы, процесс корректировки конституционной формы.

В концепции «Государство как платформа» регулирование осуществляется через создание цифровой инфраструктуры и единых норм (стандартов) и алгоритмов. Процесс включает сбор и систематизацию данных, обработку данных алгоритмами, принятие решений алгоритмами, мониторинг и корректировку процессов в реальном времени на основе данных. Имеет место обратная связь с пользователями через каналы платформенного взаимодействия.

Регулятивное сходство между двумя концепциями состоит в механизме замкнутой цикличности. В концепции системы правового регулирования это этапы цикла – учреждение конституционной формы, процесс конституционного регулирования, процесс государственно-правового регулирования, контроль и корректировка регулятивного результата. В концепции «Государство как платформа» следующие этапы цикла – сбор и систематизация данных, обработка данных алгоритмами, принятие решения, мониторинг процесса и корректировка алгоритмов. При этом циклы в системе правового регулирования связаны с осуществлением воплощения в правовых формах идеи самоуправления народа в координатах «прошлое – настоящее – будущее». Циклы в рамках платформенной модели носят технологический характер, осуществляются в реальном времени. В системе правового регулирования циклы направлены на достижение конституционного программно-целевого блока. В платформенной модели – на повышение эффективности взаимодействия граждан, бизнеса, государства. Итак, сравнительный анализ показывает принципиальное различие двух концептуальных подходов. Вместе с тем, при определенных условиях возможна их совместимость. Речь идет о встраивании элементов платформенного подходы в конституционно - правовую модель самоуправления народа. Это встраивание может быть осуществлено на различных этапах циклического движения.

Так, на стадии реализации учредительной воли народа и ее воплощении в конституционном акте платформенная модель способна технологически усилить роль граждан в конституционном правотворчестве, обеспечивая тем самым реализацию института непосредственной демократии. Возможно организовать вовлечение граждан в процесс обсуждения проектных конституционных положений, организовать учет и обработку поступивших предложений и замечаний, провести предварительное голосование по ключевым вопросам проекта конституции.

На стадии реализации конституционной формы цифровая платформа способна организовать участие граждан в обсуждении в реальном времени результатов движения законопроектов и законов в представительных органах государственной власти и принятых законов на этапе их действия через механизм мониторинга.

На стадии контроля за результатами реализации конституционной формы цифровая платформа способна создать открытость и доступность результатов деятельности органов государственной власти, учет и обработку поступивших от них предложений и замечаний по улучшению работы государственного аппарата, обеспечивая тем самым обратную связь с народом и сам контроль на постоянной основе.

На этапе корректировки целевой направленности конституционной формы цифровые технологии способны организовать выявление инициатив граждан о необходимости внесения поправок и пересмотра положений Конституции РФ, обсуждение этих инициатив, проведение по ним предварительного голосования.

Приведенные варианты взаимодействия двух концептуальных подходов будут иметь место только при встраивании единой цифровой платформы в конструкцию системы правового регулирования в изложенной трактовке, то есть при подчинении

платформенной модели действующей конституционной модели с ее программно-целевыми установками и конституционной субъектности народа России. Если же платформенная модель будет сосуществовать и развиваться параллельно с конституционной системой самоуправления народа, возможна ее практическая изоляция от конституционных целей и переключение политической энергии граждан и общества на сферу потребительских услуг и клиентоцентричность, то есть возможно превращение народа из субъекта власти в совокупность граждан – потребителей услуг. В концепции системы правового регулирования подобная ситуация исключается, поскольку народ, учреждая конституционную форму своего существования, четко определил уровни правового регулирования: конституционный (право народа) и государственно-правовой. При интеграции платформенной модели в структуру системы правового регулирования право, исходящее от государства, а тем более алгоритмы, создаваемые исполнительными органами госвласти и IT- компаниями, не может быть выше, чем право народа, оно (право государства) в рассматриваемом контексте носит производный, служебный, реализационный характер.

Изложенное позволяет конкретизировать обозначенную выше проблему. Ее суть сводится к тому, что в конституции народ нормативно не обозначил цифровой формат государства и, соответственно, не определил статус алгоритмов как регуляторов, которые якобы являются технологически нейтральными. На самом деле алгоритмы (платформенные регуляторы), как уже отмечено, воплощают волю и интерес органов исполнительной власти и IT- компаний. Они не проходят процедуры законодательного процесса, не публикуются в официальных изданиях государства, и, с этой точки зрения, их легитимность неоднозначна. То есть можно констатировать, что в таком варианте внедрение единой цифровой платформы, формируемой вне учредительной власти народа и вне конституционного регулирования, требует дополнительной аргументации. Решение указанной проблемы (и интеграции рассматриваемых концепций) может быть найдено в конституционализации платформенной модели государства. Это предполагает необходимость включения важнейших вопросов, связанных с практическим внедрением положений концепции «Государство как платформа» в конституционный уровень регулирования, через предварительное обсуждение этих вопросов народом и внесение поправок в Конституцию РФ, а при необходимости, ее пересмотр.

Единая цифровая платформа, как уже подчеркивалось выше, должна быть встроена в действующую конституционную модель, и следовательно, реализовывать конституционный программно-целевой блок, не противореча ему концептуальными идеями превращения граждан, осознающих преемственность поколений, коллективизм, солидаризм в граждан – потребителей (пользователей). Либеральная идеология представлена в Конституции РФ, но она не воплощена в цифровой формат государства – платформы.

Назначение подобной технологической инфраструктуры – сопровождать в соответствии с конституционным программно-целевым блоком движение идеи самоуправления народа на всех стадиях ее воплощения в формы системы правового регулирования. Цифровой потенциал при таких условиях будет выполнять служебную роль, усиливая начала конституционно-правового и государственно-правового регулирования. Это, в свою очередь, четко определит место исполнительной власти в системе народовластия, исключив возможность ее усиления за счет монополизации вопросов создания архитектуры платформы и ее технологической инфраструктуры.

Список литературы:

1.Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Доступ из справ. – правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.

2.Сурина А.В., Мироненков В.Б. История развития и современные понятия цифровой трансформации //Системный анализ в проектировании и управлении: Сборник научных трудов XXIII Международной научно-практ. конференции 27-29 июня 2024 г. [в 2 частях]/ Ч.2. - С.184-193.
3. Гумеров И.Р. Цифровая трансформация государственного управления в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. - №3. – с.91-99.
4. Алексеева М.В., Рыбак С.В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12. - №2. – с.16-23.
5. «Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация» доклад / Центр стратегических разработок. – Москва, 2018. – 72с.
6. Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. Шклярук М.С., М: РАНХиГС, 2019.
7. Буров В.В., Петров М.В., Шклярук М.С., Шаров А.В. «Государство – как – платформа»: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. – 2018. - №3. – С. 6-17.
8. Буров В.В., Петров М.В., Шклярук М.С., Шаров А.В. «Государство – как – платформа»: эффекты реализации и управление развертыванием // Государственная служба. – 2018. - №4. – С.17-26.
9. Мирошниченко М.А., Городничая Д.И., Хейшхо М.Ю. Государство как платформа: к чему идет цифровая трансформация госуправления // Вестник Академии знаний. – 2023. – №2 (55). – с.450-458.
10. Анохин А.Н. Проблемы понимания системы правового регулирования как формы воплощения идеи самоуправления народа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т.2 (68). - №2. – С.1-10.
11. Анохин А.Н. Методологические основы исследования системы власти народа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т.6 (72). - №1. – С. 3-11.
12. Анохин А.Н. Теоретические вопросы исследования конституционных основ системы самоуправления народа России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т.5 (71). - №4. – С. 16-24.
13. Анохин А.Н. О программно-целевом методе и теории ограничений как элементов конституционного регулирования в Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т.10 (76). - №3. – С. 208-214.
14. Анохин А.Н. О целевой направленности конституционного регулирования в Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т.10 (76). - №3. – С. 208-214.
15. Анохин А.Н. О понимании основ конституционного процесса в Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т.10 (76). - №1. – С. 138-144.

Anohin A.N. A study on the nexus between the 'Government as a Platform' paradigm and the interpretation of the legal regulatory system as a form of popular self-governance // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 8-18.

A comparative analysis of the 'Government as a Platform' concept and the understanding of the legal regulatory system as a form of self-governance of the people of Russia, with the aim of identifying opportunities for their integration is provided in the article. The core tenets of each concept are analyzed. The platform state model is characterized by its core element: human-centricity (or client-centricity). The concept of the legal regulation system is centered on the idea of popular self-governance, which takes on legal forms. A fundamental constitutional contradiction is identified, which gives rise to the distinction between the two concepts. This reflects the constitutional anchoring of two ideologies: liberalism, manifested through the 'Government as a Platform' concept, and collectivism, expressed through the view of the legal regulatory system as an embodiment of popular self-rule. The study establishes the fundamental distinctions and shared aspects concerning the recognition of the people as the subject of constituent and sovereign power, the conceptualization of the nature of the state, and the substance of regulatory constructs. Attempts have been made to determine the feasibility of interaction between these concepts and to demonstrate the positive role of their integrative potential. It is shown that integration is attainable through the incorporation of the state platform model into the constitutional model of popular self-government.

Keywords: digital transformation, government-as-a-platform (GaaP), regulatory framework, system of grassroots self-governance.

Spisok literatury:

1.Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: [prinyata vsenarodnim golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennimi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.]. – Dostup iz sprav. – pravovoi sistemi KonsultantPlyus. – Tekst: elektronnii.

2.Surina A.V., Mironenkov V.B. Istoriya razvitiya i sovremennie ponyatiya tsifrovoi transformatsii // Sistemnii analiz v proektirovanii i upravlenii: Sbornik nauchnikh trudov KhKhIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konferentsii 27-29 iyunya 2024 goda [v 2 chastyakh]/ Ch.2.- S.184-193.
3. Gumerov I.R. Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2022. - №3. – S. 91-99.
4. Alekseeva M.V., Ribak S.V. Transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya: k modeli tsifrovogo gosudarstva // Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta. – 2025. – T. 12. - №2. – S. 16-23.
5. «Gosudarstvo kak platforma. (Kiber) gosudarstvo dlya tsifrovoi ekonomiki. Tsifrovaya transformatsiya» doklad / Tsentr strategicheskikh razrabotok. – Moskva, 2018. – 72 s.
6. «Gosudarstvo kak platforma: Lyudi i tekhnologii / pod red. Shklyaruk M.S., M: RANKhiGS, 2019. – 111s.
7. Burov V.V., Petrov M.V., Shklyaruk M.S., Sharov A.V. «Gosudarstvo – kak – platforma»: podkhod k realizatsii visokotekhnologichnoi sistemi gosudarstvennogo upravleniya // Gosudarstvennaya sluzhba. 2018. - №3.
8. Burov V.V., Petrov M.V., Shklyaruk M.S., Sharov A.V. «Gosudarstvo – kak – platforma»: effekti realizatsii i upravlenie razvertivaniem // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2018. - №4. – s.17-26.
9. Miroshnichenko M.A., Gorodnichaya D.I., Kheishkho M.Yu. Gosudarstvo kak platforma: k chemu idet tsifrovaya transformatsiya gosupravleniya // Vestnik Akademii znanii. – 2023. – №2 (55). – S. 450-458.
10. Anokhin A.N. Problemi ponimaniya sistemi pravovogo regulirovaniya kak formi voploshcheniya idei samoupravleniya naroda // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2016. – T.2 (68). - №2. – S. 1-10.
11. Anokhin A.N. Metodologicheskie osnovi issledovaniya sistemi vlasti naroda // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2020. T.6 (72). №1. S. 3.
12. Anokhin A.N. Teoreticheskie voprosi issledovaniya konstitutsionnikh osnov sistemi samoupravleniya naroda Rossii // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2019. – T.5 (71). - №4. – S. 16-24.
13. Anokhin A.N. O programmno-tselevom metode i teorii ogranichenii kak elementov konstitutsionnogo regulirovaniya v Rossiiskoi Federatsii // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T.10 (76). - №3. – S. 208-214.
14. Anokhin A.N. O tselevoi napravlennosti konstitutsionnogo regulirovaniya v Rossiiskoi Federatsii // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T.10 (76). - №3. – S. 208-214.
15. Anokhin A.N. O ponimanii osnov konstitutsionnogo protsessa v Rossiiskoi Federatsii // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2024. T.10 (76). №1. S. 138.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 19-26.

УДК 343

АКТ ОБ АМНИСТИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, СОТРУДНИЧАВШИХ С ОККУПАНТАМИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ОТ 17 СЕНТЯБРЯ 1955 ГОДА: МОТИВЫ ПРИНЯТИЯ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Астафичев П. А.

Санкт-Петербургский университет МФД Российской Федерации

Статья посвящена историко-правовому исследованию мотивов принятия и содержания акта об амнистии советских коллаборационистов от 1955 г. Доказывается, что в содержательном аспекте данный акт опирался на дифференцированную юридическую технику, исключая досрочное прощение наиболее опасных правонарушителей. Презумпция малодушия и несознательности, а также инструментарий деятельного раскаяния, явки с повинной и искупления вины – достаточные основания для позитивной историко-правовой оценки сущности Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. Данная амнистия имела разумные и объективные основания вследствие двух основных факторов – прекращения состояния войны Советского Союза с Германией и истечения десятилетнего срока давности. Государственно-правовая система послевоенного СССР имела достаточно сил, средств и ресурсов, чтобы эффективно противодействовать вероятному продолжению противоправной деятельности со стороны отдельных коллаборационистов, которые воспользовались своим правом на амнистию и совершали бы новые противоправные деяния.

Ключевые слова: коллаборационизм, равенство перед законом и судом, гуманизм, амнистия, реабилитация, вооруженный конфликт, государственная безопасность.

17 сентября 1955 г., т. е. по истечении 10 лет со дня победоносного завершения Великой Отечественной войны и капитуляции нацистской Германии [1], Указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена амнистия в отношении сравнительно широкой категории советских граждан, причастных в период войны к коллаборационизму. Лица, которые оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами «по малодушию и несознательности», приобрели возможность вернуться к «честной трудовой жизни» и стать «полезными членами общества». Мотивировалось это новыми успехами советского народа в хозяйственном и культурном строительстве, укреплением социалистического государства, устойчивым прекращением состояния войны и гуманистическими целями советской мирной политики [2].

В содержательном аспекте данный акт выглядел следующим образом. Он касался двух основных категорий советских граждан: которые находились в пенитенциарных учреждениях в СССР (или могли в них находиться в будущем вследствие уголовного обвинения) либо проживали за границей. В отношении *первой категории* действовали правила: если лица привлекались к ответственности за коллаборационизм на срок менее 10 лет лишения свободы – они освобождались от дальнейшей ответственности; если срок составлял более 10 лет – вследствие амнистии срок сокращался наполовину; независимо от сроков, от ответственности освобождались лица, которые были осуждены за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях; действовала оговорка о неприменении акта амнистии в отношении коллаборационистов, которые выполняли карательные функции (убийства, истязания сограждан). С амнистированных лиц снималась судимость и прекращалось поражение в правах.

Вторая категория граждан (находившихся в вынужденной эмиграции, «невозвращенцы») подпадала под режим амнистии следующим образом: по общему правилу, от ответственности освобождались военнослужащие, которые сдались в плен; лица, которые служили в немецкой армии, полиции или специальных немецких

формированиях. При условии *искупления вины* (последующей патриотической деятельностью в пользу Родины) или *явки с повинной*, от ответственности освобождались лица, которые занимали руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды; вовлеченные в антисоветские организации в послевоенный период. Наконец, если находящиеся за границей советские коллаборационисты ранее совершили тяжкие преступления против государства – амнистия рассматривалась как смягчающее вину обстоятельство и, после возвращения на Родину, к этим гражданам могло применяться максимальное наказание в виде пяти лет ссылки [3].

Вопреки кажущейся широкомасштабности, вследствие дифференцированного метода правового регулирования советский законодатель избежал чрезмерных, крайних и явно несправедливых подходов. Амнистия лиц, которые были осуждены на сроки менее 10 лет при истечении срока давности в 10 лет означала, что фактически речь шла лишь о гражданах, чьи преступления были установлены по истечении существенного времени с момента их совершения. Более ощутимым выглядел акт амнистии в отношении лиц, осужденных на сроки свыше 10 лет, однако их освобождение от ответственности не было безусловным (оно ставилось в зависимость от темпоральных факторов). «Карательная оговорка» пресекала возможность досрочного прощения коллаборационистов, уличенных в убийствах и истязаниях на оккупированных нацистами территориях [4, с. 150].

В сущности, тот же дифференцированный подход просматривался и в отношении лиц, которые находились за границей и ранее занимали руководящие должности в созданных оккупантами органах или были вовлечены в антисоветские организации в послевоенное время (условие – искупление вины либо явка с повинной); совершили тяжкие преступления против государства (существенное уменьшение, но не исключение уголовного наказания). Наиболее близкими к безусловным устанавливались только два обстоятельства: во-первых, сдача в плен; во-вторых, служба в немецкой армии, полиции или специальных немецких формированиях (при отсутствии признаков иных видов преступлений).

Коллаборационизм – сложное и неоднозначное явление [5, с. 542], которое нуждается в научном осмыслении и соответствующей теоретико-методологической трактовке [3, с. 170]. Вне сомнения, коллаборационизм – это преступление и безнравственный поступок (предательство, измена), но его мотивы могут быть разными и это должно учитываться законодателем и господствующей в обществе моралью. Особенно остро данная проблематика проявилась в меняющейся юридической и нравственной оценке такого деяния, как сдача в плен. Советская доктрина периода Великой Отечественной войны относилась к этому с абсолютной непримиримостью. Действовала норма ст. 193.22 УК РСФСР от 1926 г. (самовольное оставление поля сражения во время боя; сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой; отказ во время боя действовать оружием) [6], применялся Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 16.08.1941 г. (арест семей сдавшихся в плен командиров или политработников) [7]. Факт пребывания в плену трактовался на основе презумпции виновности, соответствующие лица направлялись в фильтрационные лагеря НКВД (оговорка ст. 193.22 УК РСФСР от 1926 г. об обусловленности сдачи в плен боевой обстановкой применялась крайне редко). При этом поступление сдавшихся в плен советских граждан на службу в немецкую армию, полицию или специальные немецкие формирования нередко обусловливалось угрозой последующей уголовной ответственности на Родине за сдачу в плен.

Указ Президиума ВС СССР от 17.09.1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны» существенно смягчил общественную позицию в отношении оценки статуса лиц, сдав-

шихся в плен и оказавшихся, вследствие экстраординарных обстоятельств, в весьма неоднозначной ситуации нравственного выбора. Их деяния не объявлялись правомерными, но подлежали амнистии по истечении 10-летнего срока давности. Обновленному пониманию феномена сдачи в плен способствовали и художественные произведения того времени (в частности, повесть М. Шолохова «Судьба человека» от 1956 г. имела целью, в некоторой степени, «реабилитировать» в глазах общества военнопленных, которые ранее считались безусловными изменниками и предателями).

Мотивы коллаборационизма не исчерпываются одними лишь обстоятельствами, связанными со сдачей в плен (малодушие, трусость, недостаточный героизм, отсутствие воинской доблести, отваги и т. п.) [9, с. 108]. Проявившиеся в период Великой Отечественной войны мотивы могут быть подразделены на отдельные функциональные группы, которые нуждаются в дифференцированной юридической и нравственной оценке [11, с. 108]. Их спектр достаточно разнообразен: неприятие советского строя, национализм в советских республиках, неверие в успех отечественной армии, противоправный и безнравственный прагматизм (выгода, облегчение условий – зачастую бесчеловечного – быта, обретение экономических преимуществ вследствие коллаборационизма и т. п.). Последний феномен коллектив авторов (Н.В. Ворошилова, А.В. Толмачева, А.М. Стеблинский) экспрессивно, но весьма точно квалифицирует как «простое шкурничество и продажность» [11, с. 138].

Все это имеет социально-психологические объяснения, но не общественное оправдание. Следует учитывать юридически обоснованную позицию Нюрнбергского трибунала, признавшего (на базе принципов естественного права) нацизм противоправным явлением [7, с. 86] (коллаборационизм – форма соучастия; следовательно, он не может быть оправдан во взаимосвязи с основной формой юридически недопустимого деяния). Вместе с тем, это не исключает последующего государственно-правового акта амнистии, предполагающего ориентацию на позитивное мирное строительство, приоритет гражданского согласия, поддержку равноправия граждан, утверждение принципов гуманизма и справедливости в обществе [12, с. 317]. Важными условиями для этого являются, во-первых, обеспеченность устойчивого мира (длящееся прекращение фактического состояния войны или иного вооруженного конфликта); во-вторых, истечение достаточного для того срока давности (в анализируемом случае – 10 лет). В условиях военного времени или сразу после завершения войны амнистия коллаборационистов выглядела бы совершенно неприемлемой [13, с. 21].

Рассматриваемый акт советского правительства от 1955 г. имел не только объективные, но и ряд субъективных предпосылок к принятию. В их числе – смена политического руководства, начало «хрущевской оттепели», подготовка к разоблачению «культа личности» И.В. Сталина, общее смягчение государственно-правового режима при сохранении курса на коммунистическое и социалистическое строительство. По мнению В.Н. Земского, «период 1953-1960 гг. в истории СССР – это время амнистий и реабилитаций» [14, с. 85]. Немаловажное значение имел также визит в СССР канцлера ФРГ и достигнутая договоренность об освобождении немецких военнопленных (при подобном соглашении было бы несправедливым сохранение репрессии советских военнопленных, воевавших на стороне государства-победителя). Бремя исторической вины нацистской Германии не воспрепятствовало новому руководству данной страны (по истечении разумного срока давности) обеспечить защиту и покровительство немецких граждан, которые находились в состоянии вынужденной эмиграции и желали возвращения на территорию своего государства. К зеркальным политико-правовым мерам стимулировался, таким образом, и СССР. Подчеркнем, в связи с этим, что речь шла именно о тех советских гражданах, кото-

рые действительно *желали* возвращения, но воздерживались от этого действия вследствие угрозы уголовного преследования.

Публично-правовой инструментарий прощения (помилования, амнистии, снятия ранее действовавших ограничений, освобождения от ответственности) следует отличать от близкого по природе, но не тождественного института реабилитации (признания деяния правомерным, а примененной санкции – противоправной) [15, с. 330]. Речь в 1955 г. не шла и не могла идти о том, что коллаборационисты, якобы, осуществляли правомерную деятельность (нет оснований для подобного утверждения и в наши дни). Однако истекшее время стимулировало соразмерное смягчение государственно-правовой позиции. Это обусловлено даже не столько соображениями правового гуманизма и справедливости, сколько конституционным принципом равноправия граждан. Если гражданин страны «оступился», совершил правонарушение, это не лишает его права на сохранение определенной степени защиты и покровительства со стороны государства [16, с. 122]. Статус законопослушных граждан и правонарушителей не тождественен, но и не полностью противоположен, поскольку и те, и другие – граждане [17, с. 43]. Этот государственно-правовой подход, который считается очевидным в условиях современной России, в 1955 г. лишь начинал свой генезис и формировал, таким образом, обновленное конституционное правосознание.

Подчеркнем еще раз, что амнистия коллаборационистов не имеет ничего общего ни с противоправным оправданием нацизма [18, с. 184], ни с их гипотетической (и аналогичным образом противоправной) реабилитацией [19, с. 103]. При этом Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 г. давал поручение Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР и трудоустройству репатриантов. Советское общество того времени относилось к данному решению неоднозначно. Наряду с поддержкой гуманистической позиции многие фронтовики и ветераны воспринимали это как несправедливость; спецслужбы были вынуждены мириться с тем, что их многолетняя оперативная работа по выявлению бывших коллаборационистов подверглась обесцениванию.

Официальные СМИ трактовали все это в качестве, своего рода, «акта милосердия сильного государства», которое вследствие могущества и державности может себе «такое позволить» без ощутимого ущерба государственной безопасности. В пространстве масс медиа культивировались образы «раскаявшегося предателя», «возвращения изгоев в общество» и их социальной адаптации, что сыграло далеко не последнюю роль в советской пропаганде (иммиграционные потоки – важный показатель благополучности социалистического образа жизни). Кроме репатриации вынужденных эмигрантов, Указ от 17.09.1955 г. освобождал из-под заключения тысячи людей, что способствовало дальнейшему демонтажу системы ГУЛАГа. Последняя нередко демонстрировала системные сбои (включая наиболее крупные восстания заключенных – Норильское, Воркутинское и Кенгирское). В произведении Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962 г.) и ряде иных работ автора в художественно-документальной форме весьма репрезентативно описываются соответствующие события и обстоятельства.

Акт об амнистии коллаборационистов от 1955 г. не только устранял или существенно смягчал уголовную ответственность бывших правонарушителей, но исключал их судимость и поражение в правах. Это – важная составляющая данной гуманистической кампании, поскольку амнистированные лица приобретали гарантированную законом возможность осуществлять обычную гражданскую жизнь – трудиться и социально адаптироваться. Институт поражения в правах особенно активно применялся в РСФСР и СССР в период с 1920 по 1950 гг. [20, с. 110], предполагая такие государственно-правовые меры, как лишение избирательных прав, запрет

труда в госструктурах, ограничение права на поселение в крупных городах, права на высшее образование, права на объединение, лишение наград, пенсионного обеспечения и родительских прав [21, с. 227].

Комплекс этих и ряда иных мер способствовал отрицанию права на правосубъектность [22, с. 2321] – одного из фундаментальных прав человека, признанных СССР и международным сообществом во Всеобщей декларации прав человека после завершения Второй мировой войны [23]. При этом отрицание права на правосубъектность – весьма древний публично-правовой институт, который был свойственен, в частности, Римскому или древнеславянскому праву (фикция юридической смерти живого физического лица, объявление субъекта вне закона и вне охраны закона, бесправие). В более поздней государственно-правовой практике имелись отчасти смягченные, но все же близкие аналоги – «шельмование» при Петре I [24, с. 40], «mort civile» (гражданская смерть) по Французскому кодексу от 1810 г. и т. д.

С течением времени государственно-правовая практика стала в целом отказываться от подобных институтов, но нельзя сказать, что она это полностью исключила. Во всяком случае, и в современной России, и во многих зарубежных странах нет такого состояния правовой системы, чтобы со снятием или погашением судимости ранее осужденное лицо полностью, однозначно и безоговорочно восстанавливалось бы во всех без исключения правах. Ранее осужденные лица, так или иначе, ограничиваются в юридическом статусе, причем российский институт снятия или погашения судимости не является единственной законодательной моделью (в США, например, действует система «criminal record» (запись о преступлении) и последовательного очищения досье («expungement») с разным уровнем доступа при трудоустройстве; в Великобритании вследствие «Rehabilitation of Offenders Act» по истечении времени правонарушитель считается прощенным (spent); во Франции и в Германии данные о преступлениях фиксируются в специальных реестрах, по истечении времени соответствующая информация из них удаляется).

Указ Президиума ВС СССР от 1955 г. полностью восстановил в правах бывших коллаборационистов, опираясь на презумпции малодушия и несознательности, а также инструментарий деятельного раскаяния, искупления вины и явки с повинной. При этом степень государственно-правового прощения ставилась в логическую зависимость от того, какой уровень в иерархии немецкой армии, полиции или специальных немецких формирований занимал советский коллаборационист (чем этот уровень выше, тем сложнее было приобрести право на амнистию). Данный подход (вне сомнения, более справедливый, чем унификация или обратный принцип) отличается, в частности, от средневековой практики, когда «рядовых» государственных изменников из простонародья безжалостно казнили, а организаторов бунтов и переворотов щедро миловали (нередко вследствие родственных связей конкурирующих за власть дворян). Занятие советскими коллаборационистами руководящих должностей в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, вне сомнения, важный квалифицирующий признак, который был верно учтен в положениях Указа от 17.09.1955 г. Презумпции малодушия и несознательности относятся скорее к обычным гражданам, чем к руководителям и лидерам (хотя и, как в данном случае, противоправной направленности).

Изложенное позволяет сформулировать следующие обобщения и выводы. Акт об амнистии советских коллаборационистов от 1955 г. имел объективные и субъективные причины, официальную и неофициальную мотивировку. Будучи проявлением милосердия, гуманизма, прощения и стремления к дальнейшему общественному консенсусу, но главным образом, – поддержки конституционного принципа общегражданского равенства перед законом и судом, он не имел ничего общего с оправданием или реабилитацией противоправного нацизма. В содержательном аспекте

акт об амнистии опирался на дифференцированную юридическую технику, исключая досрочное прощение наиболее опасных правонарушителей. Презумпция малодушия и несознательности, а также инструментарий деятельного раскаяния, явки с повинной и искупления вины – достаточные основания для позитивной историко-правовой оценки сущности Указа Президиума ВС СССР от 17.09.1955 г.

Данная амнистия имела разумные и объективные основания вследствие двух основных факторов – прекращения состояния войны СССР с Германией и истечения десятилетнего срока давности. Победоносное окончание ВОВ и новые успехи советского народа в государственном, хозяйственном и культурном строительстве в послевоенное время в достаточной степени балансировали угрозы государственной безопасности, связанные с амнистией утративших общественную опасность коллаборационистов. Амнистия предполагала социальную адаптацию бывших правонарушителей, предоставление им возможности возвращения к честной трудовой жизни и стать полезными членами общества. Государственно-правовая система послевоенного СССР имела достаточно сил, средств и ресурсов, чтобы эффективно противодействовать вероятному продолжению противоправной деятельности со стороны отдельных коллаборационистов, которые воспользовались своим правом на амнистию и совершали бы новые противоправные деяния.

Список литературы:

1.Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией» // ВВС СССР. 1955. № 2. Ст. 34.
2.Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» // ВВС СССР. 1955. № 17. Ст. 345.
3.Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1956 года «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» к военнослужащим Советской Армии и Флота, сдавшимся в плен врагу в период Отечественной войны» // ВВС СССР. 1956. № 19. Ст. 411.
4.Ковалев Б.Н. Убийцы об убийцах: показания бывших карателей против своих сослуживцев (на примере дела Г.М. Гуревича-Гурвича) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 150-162.
5.Нижник Н.С. Проституция на территориях, оккупированных нацистами в годы Великой Отечественной войны: коллаборационизм или вынужденная мера выживания? // Российский девиантологический журнал. 2025. № 4. С. 542-563.
6.Поливанов Я.М. Размышления о причинах коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Исторические судьбы России XIX – XX вв. Историографический и социокультурный анализ. – Казань, 2015. С. 170-190.
7.Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600. Утратило силу.
8.Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 года № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» // Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13.
9.Цикунов Д.А. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны: истоки явления (на материалах рассекреченных документов) // Сапоговские штудии – 2024. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – Кострома, 2024. С. 108-112.
10. Некрылова О.Г., Кузнецов М.Е. Коллаборационизм среди местного населения на оккупированной территории СССР в годы войны: мотивы и причины // Исторический бюллетень. 2022. № 2. С. 108-112.
11. Ворошилова Н.В., Толмачева А.В., Стеблинский А.М. Визуальная репрезентация образа коллаборационизма в советском кинематографе // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 2. С. 135-143.
12. Султаналиева Ш.А., Гарбер А.И. Роль межличностного и межгруппового прощения в историческом контексте // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Педагогика. Психология. Социология. 2023. № 2. С. 317-329.
13. Овчинникова Е.В. Борьба с коллаборационизмом в СССР в период Великой Отечественной войны. Дис. … канд. истор. наук. – Саратов, 2003.
14. Земсков В.Н. К вопросу о ситуации с заключенными в первые послесталинские годы // Геополитический журнал. 2014. № 7. С. 85-93.
15. Кириллов В.М. Амнистия или реабилитация: проблема преодоления практики революционной законности (1953 – начало 1960-х гг.) // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути. М., 2023. С. 330-341.

16. Мархгейм М.В., Носков В.А., Волченко А.В. Конституционно-правовое содержание защиты и покровительства Россией граждан, находящихся за рубежом // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 2. С. 122-130.
17. Пресняков М.В. Конституционное регулирование доступа к государственной гражданской службе: реализация принципов равенства и справедливости. – Саратов, 2007.
18. Антонян Ю.М. Антинаучные попытки оправдания нацизма в современной России // Российский криминологический взгляд. 2008. № 4. С. 184-188.
19. Мараева А.В. Вопросы толкования термина «реабилитация нацизма» применительно к ст. 345.1 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 103-105.
20. Бородина А.М., Дворянсков И.В. Эволюция наказаний, связанных с поражением в правах, в отечественном уголовном праве // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 3. С. 110-117.
21. Спиридонова О.Е. Лишение государственных наград как поражение в правах: современный подход уголовного законодательства и УК РСФСР 1926 г. // Ярославский юридический форум. – Ярославль, 2025. С. 227-237.
22. Шугуров М.В. Право человека на признание правосубъектности: нормативно-ценностное содержание и международно-правовые гарантии // Право и политика. 2009. № 11. С. 2321-2329.
23. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. 1995. 5 апреля.
24. Рожнов А.А. Эволюция института уголовного наказания в период правления Петра I // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4. С. 37-41.

Astafichev. P.A. The Act of Amnesty for Soviet Citizens Who Collaborated with the Occupiers During the Great Patriotic War of September 17, 1955: Motives for Adoption, Contents, and Historical and Legal Assessment Issues // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 19-26.

This article presents a historical and legal study of the motives for the adoption and content of the 1955 amnesty act for Soviet collaborators. It is demonstrated that, in its substantive aspect, this act relied on a differentiated legal technique, excluding early pardons for the most dangerous offenders. The presumption of cowardice and irresponsibility, as well as the instruments of active repentance, confession, and atonement, constitute sufficient grounds for a positive historical and legal assessment of the essence of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 17, 1955. This amnesty had reasonable and objective grounds due to two main factors: the end of the state of war between the Soviet Union and Germany and the expiration of the ten-year statute of limitations. The state and legal system of the post-war USSR had sufficient strength, means, and resources to effectively counter the likely continuation of illegal activity by individual collaborators who would have exercised their right to amnesty and committed further illegal acts.

Keywords: collaborationism, equality before the law and the courts, humanism, amnesty, rehabilitation, armed conflict, national security.

Spisok literatury:

1.Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «O prekrashchenii sostoyaniya vojny mezhdu Sovetskim Soyuzom i Germaniej» // VVS SSSR. 1955. № 2. St. 34.
2.Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 17 sentyabrya 1955 goda «Ob amnistii sovetskih grazhdan, sotrudnichavshih s okkupantami v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.» // VVS SSSR. 1955. № 17. St. 345.
3.Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 20 sentyabrya 1956 goda «O primenenii Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 17 sentyabrya 1955 goda «Ob amnistii sovetskih grazhdan, sotrudnichavshih s okkupantami v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.» k voennosluzhashchim Sovetskoj Armii i Flota, sdavshimsya v plen vragu v period Otechestvennoj vojny» // VVS SSSR. 1956. № 19. St. 411.
4.Kovalev B.N. Ubijcy ob ubijcah: pokazaniya byvshih karatelej protiv svoih sosluzhivcev (na primere dela G.M. Gurevicha-Gurvicha) // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2024. № 4. S. 150-162.
5.Nizhnik N.S. Prostituciya na territoriyah, okkupirovannyh nacistami v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: kollaboracionizm ili vynuzhdennaya mera vyzhivaniya? // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2025. № 4. S. 542-563.
6.Polivanov Ya.M. Razmyshleniya o prichinah kollaboracionizma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoricheskie sud'by Rossii XIX–XX vv. Istoriograficheskij i sociokul'turnyj analiz. Kazan', 2015. S. 170-190.
7.Postanovlenie VCIK ot 22 noyabrya 1926 goda «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa RSFSR redakcii 1926 goda» // SU RSFSR. 1926. № 80. St. 600. Utratilo silu.
8.Prikaz Stavki Verhovnogo Glavnokomandovaniya ot 16 avgusta 1941 goda № 270 «Ob otvetstvennosti voennosluzhashchih za sdachu v plen i ostavlenie vragu oruzhiya» // Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 22 iyunya 1941 g. – 1942 g. T. 13.

9.Cikunov D.A. Kollaboracionizm v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoki yavleniya (na materialah rassekrechennyh dokumentov) // Sapogovskie shtudii – 2024. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya. – Kostroma, 2024. S. 108-112.
10. Nekrylova O.G., Kuznecov M.E. Kollaboracionizm sredi mestnogo naseleniya na okkupirovannoj territorii SSSR v gody vojny: motivy i prichiny // Istoricheskij byulleten'. 2022. № 2. S. 108-112.
11. Voroshilova N.V., Tolmacheva A.V., Steblinskij A.M. Vizual'naya reprezentaciya obraza kollaboracionizma v sovetskom kinematografe // Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU. 2020. № 2. S. 135-143.
12. Sultanalieva Sh.A., Garber A.I. Rol' mezhlichnostnogo i mezhgruppovogo proshcheniya v istoricheskom kontekste // Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociologiya. 2023. № 2. S. 317-329.
13. Ovchinnikova E.V. Bor'ba s kollaboracionizmom v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Dis. … kand. istor. nauk. – Saratov, 2003.
14. Zemskov V.N. K voprosu o situacii s zaklyuchennymi v pervye poslestalinskie gody // Geopoliticheskij zhurnal. 2014. № 7. S. 85-93.
15. Kirillov V.M. Amnistiya ili reabilitaciya: problema preodoleniya praktiki revolyucionnoj zakonnosti (1953 – nachalo 1960-h gg.) // 1953-j. Podvedenie itogov i vybor puti. – M., 2023. S. 330-341.
16. Marhgejm M.V., Noskov V.A., Volchenko A.V. Konstitucionno-pravovoe soderzhanie zashchity i pokrovitel'stva Rossiej grazhdan, nahodyashchihsya za rubezhom // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2012. № 2. S. 122-130.
17. Presnyakov M.V. Konstitucionnoe regulirovanie dostupa k gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: realizaciya principov ravenstva i spravedlivosti. – Saratov, 2007.
18. Antonyan Yu.M. Antinauchnye popytki opravdaniya nacizma v sovremennoj Rossii // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2008. № 4. S. 184-188.
19. Maraeva A.V. Voprosy tolkovaniya termina «reabilitaciya nacizma» primenitel'no k st. 345.1 UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 4. S. 103-105.
20. Borodina A.M., Dvoryanskov I.V. Evolyuciya nakazanij, svyazannyh s porazheniem v pravah, v otechestvennom ugolovnom prave // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. 2020. № 3. S. 110-117.
21. Spiridonova O.E. Lishenie gosudarstvennyh nagrad kak porazhenie v pravah: sovremennyj podhod ugolovnogo zakonodatel'stva i UK RSFSR 1926 g. // Yaroslavskij yuridicheskij forum. – Yaroslavl', 2025. S. 227-237.
22. Shugurov M.V. Pravo cheloveka na priznanie pravosub"ektnosti: normativno-cennostnoe soderzhanie i mezhdunarodno-pravovye garantii // Pravo i politika. 2009. № 11. S. 2321-2329.
23. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10 dekabrya 1948 goda) // Rossijskaya gazeta. 1995. 5 aprelya.
24. Rozhnov A.A. Evolyuciya instituta ugolovnogo nakazaniya v period pravleniya Petra I // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2017. № 4. S. 37-41.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 27-32.

УДК 340.15:340.14

ОТ ОБЫЧАЯ К ПРАВОПОРЯДКУ: СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Ахъядов Эльдар Саид-Мохмадович

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

В статье рассматривается возникновение древнерусского права как длительный процесс перехода от обычных регуляторов родоплеменного общества к более устойчивым правовым формам, связанным с укреплением княжеской власти, развитием суда и формированием ранней государственности на Руси. Анализируются основные источники и предпосылки древнерусского права, роль правового обычая, княжеской практики, судебной деятельности и первых письменных правовых памятников. Особое внимание уделяется связи права с процессами политической консолидации, становлением публичной власти и усложнением общественных отношений. Показано, что древнерусское право возникало не как разовый результат законодательного акта, а как многослойная система норм, сформировавшаяся под воздействием хозяйственных, военных, социальных и культурных факторов. Сделан вывод о том, что изучение происхождения древнерусского права сохраняет теоретическое значение и в современных условиях, поскольку позволяет глубже понять исторические основания российской правовой традиции, идеи правопорядка, государственного единства и преемственности правового развития.

Ключевые слова: древнерусское право, правовой обычай, Русская Правда, княжеская власть, Древняя Русь, источники права, история государства и права, раннее государство, судебная практика, правовая традиция.

Проблема возникновения древнерусского права относится к числу ключевых тем истории государства и права России. Ее значимость определяется тем, что именно в ранний период развития Руси складывались исходные формы нормативного регулирования, судебного разрешения споров, публичного принуждения и правового упорядочения общественных отношений. «Исследование древнерусского права позволяет увидеть, как из совокупности обычаев, властных распоряжений и судебной практики постепенно формировалась более устойчивая правовая система, связанная с укреплением ранней государственности» [1].

Актуальность темы определяется не только историко-правовым интересом. Для современной юридической науки обращение к истокам права важно постольку, поскольку Конституция Российской Федерации закрепляет идеи правового государства, высшей ценности человека, прямого действия права, единства публичной власти и исторической преемственности российской государственности. В этом смысле исследование древнерусского права позволяет проследить длительную линию развития нормативных представлений о порядке, справедливости и публичной власти, не отождествляя, но сопоставляя ранние правовые формы с современными конституционными ценностями, закрепленными, в частности, в преамбуле, статьях 2, 3, 15, 18 и 67.1 Конституции РФ.

Методологическую основу статьи составляют историко-правовой, формально-юридический, системный и сравнительно-аналитический методы. Историко-правовой метод позволяет проследить логику перехода от дописьменных регуляторов к ранним правовым памятникам. Формально-юридический метод используется для анализа обычая, княжеского установления и судебной практики как форм права. Системный подход необходим для рассмотрения древнерусского права в связи с хозяйственными, политическими и военными условиями его формирования. Сравнительно-аналитический метод дает возможность сопоставить

различные научные объяснения происхождения права на Руси и оценить роль каждого фактора в общем процессе правогенеза.

Возникновение права на Руси не может быть сведено к появлению одного письменного источника или к волевому решению князя. Право складывалось по мере усложнения общественных отношений, роста имущественного обмена, укрепления власти и появления необходимости в более устойчивых правилах поведения. Пока общество сохраняло преимущественно родоплеменную организацию, основными регуляторами выступали обычай, традиция, авторитет рода и коллективные формы разрешения конфликтов. Однако развитие торговли, имущественной дифференциации и межплеменных связей делало эти механизмы недостаточными. Возникала потребность в более определенных правилах, действующих не только в рамках рода, но и на более широкой территории.

Особое значение имело становление ранней публичной власти. Князь и дружина постепенно переставали быть только военной силой и начинали выполнять управленческие и судебные функции. Именно в этой точке пересечения обычая и власти появляется ранняя форма права: норма уже не просто соблюдается по традиции, а поддерживается авторитетом и принуждением со стороны складывающегося государства. Следовательно, древнерусское право возникало одновременно с формированием механизмов публичной власти и неотделимо от процесса политической консолидации Руси. Наиболее ранним и устойчивым источником древнерусского права выступал правовой обычай. Он возникал из повторяющихся моделей поведения, которые общество признавало обязательными. В условиях, когда еще не существовало развитого законодательства, именно обычай определял допустимое и недопустимое, устанавливал правила возмещения вреда, порядок примирения, формы ответственности и способы разрешения споров. Его сила основывалась не на письменно закрепленной норме, а на признании со стороны общины и устойчивости социальной практики.

Правовой обычай имел ряд особенностей. Во-первых, он был тесно связан с коллективным сознанием и жизненным укладом общества. Во-вторых, он отличался казуальностью: нормы формировались вокруг типичных конфликтных ситуаций, а не в виде абстрактных общих правил. В-третьих, обычай долго сохранял связь с нравственным и религиозным восприятием справедливости. Именно поэтому раннее право не следует понимать в современном узконормативном смысле. «Это была система социально признанных правил, в которой юридическое начало еще не отделилось полностью от традиции, религии и обычного уклада жизни» [2].

Вместе с тем обычай не был статичен. По мере усиления княжеской власти и усложнения суда отдельные обычаи санкционировались властью, включались в судебную практику и получали более устойчивую форму. Именно этот процесс превращения обычая в правовую норму государственного значения можно считать одним из важнейших механизмов возникновения древнерусского права. Здесь возникает переход от локального общественного регулятора к более общей норме, поддерживаемой публичной властью. Становление древнерусского права невозможно объяснить без учета роли княжеской власти. Князь не только осуществлял внешнеполитические и военные функции, но и выступал арбитром в конфликтах, источником властных решений и центром судебной активности. По мере укрепления его положения право начинало приобретать более выраженный публичный характер. Судебное разбирательство, сбор дани, обеспечение порядка и поддержание мира между подвластными группами постепенно превращали княжескую власть в один из главных каналов правового регулирования.

Именно в судебной практике происходила конкретизация правовых правил. Суд не просто применял уже существующие обычаи, но и отбирал, закреплял и

перерабатывал их. Повторяемость судебных решений создавала основу для выработки более устойчивых норм. В этом смысле древнерусское право формировалось не только «снизу» — из обычая, — но и «сверху» — через деятельность князя и его окружения. «Такая двойственная природа права объясняет, почему его источники долгое время сочетали общественную традицию и властное начало» [3]. С теоретической точки зрения данный процесс представляет особый интерес. Он показывает, что право возникает не просто из абстрактной идеи справедливости и не исключительно из приказа власти, а из их взаимодействия. В древнерусских условиях княжеское установление имело шансы стать правом лишь тогда, когда оно укоренялось в социальной практике и поддерживалось представлениями общества о допустимом порядке. Это делает древнерусское право ценным материалом для общей теории происхождения права.

Следующим этапом становления древнерусского права стало появление письменных правовых форм. Их значение состояло не только в фиксации нормы, но и в изменении самого характера права. Письменный текст делал правило более определенным, устойчивым и воспроизводимым, а потому расширял возможность его применения на большей территории. В то же время письменное закрепление не уничтожало обычай, а сосуществовало с ним: раннее право Руси оставалось смешанным по своей природе.

Наиболее известным памятником древнерусского права стала Русская Правда. В научной литературе она рассматривается не как внезапное начало права, а как результат предшествующего развития обычаев, княжеских установлений и судебной практики. «Ее появление свидетельствовало о том, что власть уже нуждалась в большей правовой определенности и стремилась упорядочить наиболее значимые для общества отношения: защиту личности, имущественные споры, ответственность за причинение вреда, порядок взысканий и особенности судопроизводства» [4].

Важно подчеркнуть, что ранняя письменная фиксация норм еще не означала существования развитой кодификации в современном смысле. Право оставалось казуистичным, сословно и социально дифференцированным, во многом ориентированным на возмещение ущерба, а не на абстрактное равенство перед законом. Однако именно в таких памятниках начинает проявляться стремление к относительной системности, что отличает право раннего государства от простого набора локальных обычаев. По своему содержанию древнерусское право отражало потребности общества, находившегося на переходной стадии между родоплеменной организацией и более сложной государственностью. На первый план выходили нормы, связанные с охраной личности, имущества, порядка взысканий и урегулированием конфликтов. Существенное место занимали нормы о причинении вреда, о компенсации, о защите собственности и о механизмах поддержания общественного мира. Это позволяет сделать вывод, что древнерусское право возникало прежде всего, как практический инструмент стабилизации социальных связей, а не как теоретически выстроенная правовая система.

Одновременно формировались и ранние процессуальные начала. Судебная процедура, способы доказывания, участие сторон в разбирательстве, роль представителей власти — все это свидетельствовало о том, что право уже выходило за пределы материальной нормы и начинало оформляться как особый порядок разрешения споров. Даже если эти процедуры были далеки от современных стандартов правосудия, они выполняли важную функцию: превращали конфликт в предмет формализованного рассмотрения, а не простой мести или произвольного насилия. Отдельное значение имела связь древнерусского права с религиозно-нравственными представлениями. Формирование ранних норм происходило в культурной среде, где право, мораль и религия еще тесно переплетались. По этой

причине право не следует описывать только как механизм принуждения. «Оно выступало также способом закрепления представлений о должном, справедливом и допустимом в общине и государстве. Такая многослойность является одной из важнейших черт древнерусского права как исторического типа права» [5].

Исследование происхождения древнерусского права имеет значение не только для исторической науки. Источник права является одной из ключевых категорий в теории. Особую значимость источникам права придает тот факт, что они выступают в качестве отправной точки в процессе познания права [6, с. 3]. Оно позволяет понять, что российская правовая традиция формировалась как результат длительного взаимодействия обычая, власти, суда и письменной нормы. Современное право качественно отличается от права Древней Руси, однако историческая преемственность проявляется в самом факте устойчивого стремления к правовому упорядочению общественной жизни, к обеспечению порядка и к связыванию власти нормативными началами.

Именно здесь оправдано обращение к Конституции РФ. В современном конституционном праве закреплены идеи высшей ценности человека, народного суверенитета, верховенства Конституции, прямого действия прав и исторической преемственности государственности. Эти положения содержатся, в частности, в преамбуле, ст. 2, 3, 15, 18 и 67.1 Конституции РФ. Они не могут быть механически перенесены на эпоху Древней Руси, но служат важным теоретическим ориентиром: позволяют увидеть в истории права не набор изолированных эпизодов, а длительный путь развития нормативного порядка и публичной власти.

С учетом этого древнерусское право может быть осмыслено как исходная стадия отечественного правового развития, в которой уже были заложены некоторые базовые идеи: необходимость общего порядка, значимость судебного разрешения споров, связь права с публичной властью и стремление к нормативному закреплению социально значимых отношений. Именно поэтому тема возникновения древнерусского права остается важной и для современной теории права, и для истории российского государства. Возникновение древнерусского права представляло собой длительный и неоднородный процесс, связанный с переходом от родоплеменных регуляторов к более устойчивым правовым формам раннего государства. Его основой выступали правовой обычай, княжеская власть, судебная практика и постепенное появление письменных правовых памятников. Древнерусское право возникало не одномоментно и не исключительно как результат воли правителя, а как продукт взаимодействия социальной традиции, публичной власти и потребностей усложнявшегося общества.

Теоретическое значение данной темы состоит в том, что она позволяет увидеть истоки российской правовой традиции в их исторической глубине. Через анализ древнерусского права раскрываются ранние формы нормативности, механизмы правового упорядочения и предпосылки формирования государственно-правового единства. В сопоставлении с современными конституционными принципами это дает возможность глубже понять преемственность развития российской государственности и права. Цивилисты сходятся в едином мнении о времени происхождения термина «источник права». Единогласно считается, что термин «источник права» бы внедрен в научный оборот древнеримским мыслителем Титом Ливием, который относил Законы XII таблиц к источникам публичного и частного права [7, с. 17]. Ф. И. Тарановский, разделял взгляды Л. И. Петражицкого, он также акцентировал внимание на многочисленность видов формально выраженных источников, к числу которых он относил официальные государственные акты, коллективный массовый авторитет и договоры. По его мнению, ввиду многообразия видов формальных источников права, они могут подвергаться дополнительной

классификации по признаку официальности, в результате чего можно выделить официально-властные нормативно-правовые акты и акты неофициального характера [8, с. 171]. М. С. Студеникина определяет источники права как условный термин, обозначающий основные формы преобразования государственной воли в юридические нормы [9, с. 32].

Формально-юридические источники права - это предписания властного характера, принятые в особом порядке и устанавливающие правила поведения. Нарушение таких правил карается государственным принуждением [10, с. 215].

Список литературы:

1.Казарин Виктор Николаевич Профессор Рудольф Левонович Хачатуров: иркутский период научно-педагогической деятельности. К 75-летию со дня рождения // Правоведение. 2014. №3 (314). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professor-rudolf-levonovich-hachaturov-irkutskiy-period-nauchno-pedagogicheskoy-deyatelnosti-k-75-letiyu-so-dnya-rozhdeniya (дата обращения: 06.03.2026).
2.Хужина О. Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте исторического правового наследия России: IX – начало XVIII века // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2(70). С. 65–70.
3.Аболмасова Т. Е. Предпосылки возникновения и развития права на вероисповедания в древнерусском государстве // Философия права. 2017. № 1(80). С. 69–75.
4.Архипов А. В. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за хищения в период правления династии Рюриковичей (IX–XVI века) // Уголовная юстиция. 2017. № 10.
5.Лакова М. Б. История возникновения и развития института совместной собственности супругов в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2022. № 2-2(125). С. 85–86.
6.Марченко М. Н. Источники права. М., 2014. С. 3.
7.Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2003. С. 69
8.Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии и права. Юрьев, 2005. С. 171.
9.Студеникина М. С. Некоторые аспекты проблемы источников права в Российской Федерации // Проблемы законотворчества в Российской Федерации. Труды ИЗИСП. 1993. Вып. 53. С. 32.
10. Ромашов Р.А. Теория государство и права. СПб., 2005. С. 215.

Ah"yadov El'dar Said-Mohmadovich. From Tribal Union to Early Statehood: Political and Legal Prerequisites for the Emergence of the Old Russian State // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 27 – 32.

The article examines the emergence of the Old Russian State as a complex and multifactorial process of political consolidation of the East Slavic lands. It analyzes the main scholarly approaches to explaining the origins of Old Russian statehood, the socio-economic, military, and trade prerequisites for the unification of tribal unions, as well as the role of princely power, the druzhina, and early legal customs in the formation of public authority. Particular attention is paid to the transition from pre-class forms of social organization to early state structures, the formation of centers of power, and the strengthening of governance mechanisms in the territory of Rus. It is shown that the emergence of the Old Russian State was not a one-time act, but rather a prolonged process of institutionalization of power, accompanied by the development of administration, judicial activity, military organization, and the first legal regulators. The article concludes that the study of the political genesis of Ancient Rus retains scholarly significance under modern conditions, since it makes it possible to identify the historical foundations of Russian statehood, the unity of public authority, and the legal organization of society.

Keywords: Old Russian State, Old Russian statehood, political genesis, East Slavs, princely power, tribal unions, early state, public authority, Ancient Rus, history of state and law.

Spisok literatury:

1.Kazarin Viktor Nikolaevich Professor Rudol'f Levonovich Hachaturov: irkutskij period nauchno-pedagogicheskoj deyatel'nosti. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya // Pravovedenie. 2014. №3 (314). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professor-rudolf-levonovich-hachaturov-irkutskiy-period-nauchno-pedagogicheskoy-deyatelnosti-k-75-letiyu-so-dnya-rozhdeniya (data obrashcheniya: 06.03.2026).
2.Huzhina O. N. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti v kontekste istoricheskogo pravovogo naslediya Rossii: IX – nachalo XVIII veka // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. № 2(70). S. 65–70.
3.Abolmasova T. E. Predposylki vozniknoveniya i razvitiya prava na veroispovedaniya v drevnerusskom gosudarstve // Filosofiya prava. 2017. № 1(80). S. 69–75.
4.Arhipov A. V. Razvitie rossijskogo zakonodatel'stva ob ugolovnoj otvetstvennosti za hishcheniya v period pravleniya dinastii Ryurikovichej (IX–XVI veka) // Ugolovnaya yusticiya. 2017. № 10.

5.Lakova M. B. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya instituta sovmestnoj sobstvennosti suprugov v Rossijskoj Federacii // Vestnik magistratury. 2022. № 2-2(125). S. 85–86.
6.Marchenko M. N. Istochniki prava. M., 2014. S. 3.
7.Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo. M., 2003. S. 69
8.Taranovskij F. V. Uchebnik enciklopedii i prava. Yur'ev, 2005. S. 171.
9.Studenikina M. S. Nekotorye aspekty problemy istochnikov prava v Rossijskoj Federacii // Problemy zakonotvorchestva v Rossijskoj Federacii. Trudy IZISP. 1993. Vyp. 53. S. 32.
10. Romashov R.A. Teoriya gosudarstvo i prava. SPb., 2005. S. 215.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 33-37.

УДК 340.1

КИБЕРПРАВО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Беляева Г. С., Мамин А. С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируется место киберправа в системе российского права в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Рассматриваются доктринальные подходы к определению правовой природы киберправа, его соотношение с информационным и цифровым правом, а также особенности предмета и метода правового регулирования в цифровой среде. Особое внимание уделяется проблеме отраслевой автономности киберправа и возможности его квалификации в качестве комплексного межотраслевого правового образования. Предмет киберправа предлагается определить, как сферу общественных отношений, связанных с созданием, использованием, функционированием, защитой и правовым оборотом цифровых технологий, данных, информационных систем, сетевых платформ, алгоритмических решений и объектов цифровой среды.

Ключевые слова: киберправо, цифровое право, информационное право, цифровая трансформация, киберпространство, цифровая среда, правовое регулирование, система российского права, комплексный правовой институт.

В современных условиях, когда информационно-коммуникационные технологии (далее: ИКТ) проникают во все сферы жизни общества, включая правовую, возникает проблема адаптации правовых механизмов к новой цифровой реальности. При этом цифровая трансформация оказывает двоякое воздействие на правую систему: с одной стороны, происходит информатизация действующих правовых отношений (внедрение ИКТ в правовое регулирование традиционных правовых институтов – оказания государственных услуг, договорные отношения и т.д.), с другой же – возникает необходимость модернизации существующих подходов и формирования новых регулятивных комплексов (норм, институтов, отраслей). В юридической науке в многочисленных дискуссиях все чаще упоминаются такие понятия, как «киберправо», «цифровое право», «сетевое право», иллюстрирующие попытки осмыслить правовое регулирование отношений в новой цифровой парадигме.

Актуальность выбранного направления научного исследования обусловлена и тем, что правовые регуляторы не всегда успевают за темпами технологического прогресса и вынуждены зачастую приспосабливаться к нему. Государство принимает новые правовые нормы, регулирующие прежде неизвестные отношения (например, законодательство о цифровых активах, профилях, данных), артикулируя на практике вопрос о месте киберправа в системе российского права в следующей постановке: является ли киберправо новой самостоятельной отраслью российского права или законодательства, комплексным межотраслевым институтом, объединяющим нормы различных отраслей, либо частью (подотраслью) существующей отрасли? В этой связи некоторое внимание предлагается уделить происхождению самого термина «киберправо» и его соотношению со смежными понятиями, категориями и явлениями.

Приставка «кибер-» показывает отношение изучаемого понятия к термину «кибернетика» (от греч. искусство управления), введенному Н. Винером в 1848 г. для обозначения самостоятельной науки об управлении, связи и обработке информации [1]. Отметим также, что в современном английском языке, с опорой на Кембриджский англо-русский словарь, префикс «cyber-» широко используется для обозначения связи явления с компьютерными сетями, виртуальной реальностью и информационным пространством [1]. Например, речь идет о таких понятиях, как киберпространство, кибербезопасность, киберпреступность, киберспорт и их англоязычных

эквивалентах. В русском языке использование приставки «кибер-» в большей степени характерно для обыденного использования, однако термины «киберпреступность» и «кибербезопасность» широко используются на официальном уровне (например, в Распоряжении Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» [3]). В официальный текст нормативно-правовых и индивидуально-правовых актов проникают понятия «кибер-риски», «кибератаки», «кибермошенничество» и т.д.

В юридической науке понятие «киберправо» стало появляться на рубеже XX–XXI вв. в связи с развитием глобальных информационно-телекоммуникационных сетей и потребностью охватить правовое регулирование новой сферы – киберпространства. И по сей день данный термин не получил однозначного толкования и единодушного одобрения со стороны научного сообщества. Безусловным остается одно – существует определенная сфера общественных отношений – отношения в сети Интернет (киберпространстве) и совокупность правовых норм, их регулирующих. Исследователи предлагают следующие наименования для обозначения этих правовых норм – «цифровое право», «интернет-право», «компьютерное право», «коммуникационное право», «виртуальное право» и даже «правовая информатика» [4]. С одной стороны, такое разнообразие терминологии отражает новизну и междисциплинарность исследуемой области, с другой стороны, отсутствие устоявшихся доктринальных ориентиров приводит к определенной терминологической свободе и даже сумбурности.

Следует отметить, что определенная дискуссионность в анализируемом вопросе наблюдается и в зарубежной правовой доктрине и практике. В англоязычной литературе наряду с термином «Internet Law» (интернет-право) существуют понятия «Cyber Law», «Law of Cyberspace», «IT Law» (соответственно, буквально киберправо, право киберпространства, право информационных технологий), но, вместе с тем, подчеркивается, что это не единая отрасль права, а совокупность норм различных отраслей, регулирующих отношения в сети Интернет. Иллюстрирующее данный подход высказывание мы находим у американского юриста Р. Дж. Амброги, который в начале 2000-х гг. писал: «Интернет-право – динамичная, гибкая и неизведанная область практики, где правила еще не определены окончательно. На самом деле это даже не отдельная область права, а смесь теории и практики, взятых из различных сфер – своеобразная мешанина из элементов интеллектуальной собственности, гражданских свобод, деликтного, уголовного, имущественного, телекоммуникационного, международного торгового и других отраслей права» [5]. Иными словами, в зарубежной юриспруденции право, регулирующее отношения в киберпространстве, оформилось именно как межотраслевой комплекс (правовое образование), а не самостоятельная отрасль законодательства.

Перейдем к вопросу о соотношении киберправа со смежными понятиями и категориями – «информационное право» и «цифровое право». Что же касается соотношения киберправа и информационного права, то последнее, безусловно, предшествовало первому, что дает основание многим ученым считать киберправо – частью информационного права. Попробуем ответить на этот вопрос.

Информационное право оформилось в конце XX в. как самостоятельная комплексная отрасль, опосредующая общественные отношения в сфере создания, хранения, распространения и использования информации во всех ее видах и формах, как реакция на появление в национальных правовых системах многочисленных законов в информационной сфере. В настоящее время данная отрасль права охватывает широкий круг вопросов: от прав на информацию, доступа к сведениям, деятель-

ности СМИ, библиотек и архивов до защиты информации и информационной безопасности.

В связи с «широкоохватностью» информационного права в вопросе об их соотношении с киберправом некоторые исследователи считают киберправо частью (подотраслью) информационного права, ограниченной рамками отношений в киберпространстве. Такой подход прослеживается, например, в учебной литературе, где киберправо излагается как раздел информационного права и рассматривается как более узкое по охвату направление, связанное именно с Интернетом и цифровыми технологиями [6]. Тем самым киберправо не дублирует информационное право под новым названием, а сосредоточено исключительно на цифровых технологиях и отношениях, из них вытекающих. Вместе с тем, существуют явления и процессы, выдающие из поля информационного права, но регулируемые киберправом. Речь, в частности, идет о правовом режиме программного обеспечения, вопросах обращения криптовалют, взаимодействие человеко-машинных устройств (роботов) и т.д. Иначе говоря, киберправо, в свое время выделившееся из права информационного и обладающее с ним общими чертами и приемами правового регулирования, в настоящее время не может рассматриваться лишь его составной частью или институтом, это самостоятельное образование, охватывающее объекты цифровой среды, как в правовом, так и в учебном и научном преломлении.

Не менее дискуссионный вопрос – это соотношение киберправа еще с одним понятием, набирающим популярность в последние годы, – цифровым правом.

Концепт цифрового права изначально был призван акцентировать внимание на цифровизации (цифровой трансформации) общественных отношений, традиционных институтов права и возникновении новых правовых объектов в контексте цифровой экономики. Примером такого подхода на законодательном уровне является введение Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ в Гражданский кодекс РФ статьи 141.1, легально закрепившей категорию «цифровые права» [7]. Далее было принято специализированное законодательство о цифровых финансовых активах и цифровой валюте (Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ) [8]; единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» (Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 231) [9]; цифровом профиле иностранного гражданина (Указ Президента РФ от 09.07.2025 № 467) [10]. Эти новеллы свидетельствуют как о формировании новой правовой терминологии и механизмов, связанных с цифровыми объектами, так и о необходимости дальнейшего изучения и формализации в рамках правового поля.

Понятие цифрового права также далеко от своего окончательного научного оформления, однако в самом общем виде его можно определить, как комплекс норм, связанных с использованием цифровых технологий в правовой системе.

Так, по мнению авторов одноименного учебника под редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой, цифровое право представляет собой «систему гарантированных государством общеобязательных, формально-определенных правил поведения, которая складывается в области применения или с помощью применения цифровых технологий и регулирует отношения, возникающие в связи с использованием цифровых данных и цифровых или IT-технологий» [11]. При этом данными авторами цифровое право признается комплексной отраслью российского законодательства.

В свою очередь, М.А. Рожкова считает, что под цифровым правом следует понимать «совокупность правовых норм и институтов, регулирующих разнообразные отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий, но эти нормы не объединены единым методом регулирования и относятся к различным отраслям права» [4]. И в этом случае не представляется возможным сделать вывод о

монолитности цифрового права в качестве самостоятельной отрасли, по крайней мере, на настоящий период времени.

Что же касается соотношения цифрового права и киберправа, то, опираясь даже на эти два подхода, иллюстрирующих различные позиции по форме, но не отличающиеся различием мнений относительно природы, сущности и предмета цифрового права, можно сделать вывод о том, что цифровое право и киберправо при общности первоосновы (сферы правового регулирования) все же следует разграничивать. Единственный вопрос – какими критериями при этом руководствоваться.

Наиболее продуктивно на данном этапе объединить достоинства вышеназванных точек зрения и представить комплексный подход, согласно которому предмет киберправа определить, как сферу общественных отношений, связанных с созданием, использованием, функционированием, защитой и правовым оборотом цифровых технологий, данных, информационных систем, сетевых платформ, алгоритмических решений и объектов цифровой среды. При этом ключевым критерием включения отношений в предмет киберправа является образование юридической значимой цифровой среды, которой технология преобразует возникновение, изменение, прекращение и защиту прав, свобод и законных интересов в специфическую форму.

Все три концепта «информационное право», «цифровое право» и «киберправо» находятся в развитии, и их окончательные дефиниции еще не сформированы.

Еще одним из центральных теоретических вопросов остается статус киберправа в системе российского права (точнее, законодательства). Возникновение новой отрасли законодательства предполагает наличие особого предмета метода регулирования, отличающихся от других отраслей, массива законодательства и некоторых других критериев [12]. Является ли киберправо такой новой отраслью – вопрос дискуссионный. Как нами было установлено ранее, в научных публикациях можно выделить два основных подхода. Согласно первому из них, киберправо (равно как и цифровое право) не образует самостоятельной отрасли, а представляет собой совокупность норм различных отраслей, применяемых к специфическим отношениям в цифровой сфере [4]. Потребность в правовом регулировании информационной сферы привело к появлению специальных законов, но не обязательно новой отрасли; нормы об интернете, компьютерах, связи зачастую встроены в различные «традиционные» отрасли (гражданское, уголовное, административное право и т.д.).

Согласно второму подходу, киберправо рассматривается как формирующаяся самостоятельная отрасль российского законодательства. Сторонники этой точки зрения указывают, что появились все предпосылки для выделения киберправа в отдельную отрасль: имеется качественно новый предмет – отношения в сфере информационных технологий, а также складываются особые принципы и режимы регулирования этих отношений [13].

Примечательно, что аналогичные споры велись при формировании предпринимательского, экологического, медицинского и информационного права, прежде чем они получили признание. В дальнейшем эволюция киберправа может привести либо к его официальному признанию в качестве новой отрасли, либо к органичному включению в существующие отрасли (например, в виде подотрасли информационного права). Сейчас необходимы дальнейшая теоретическая разработка категории киберправа, уточнение ее понятийного аппарата, принципов и механизмов правового регулирования, что послужит формированию согласованной государственной политики в сфере обеспечения кибербезопасности.

Список литературы:

1.Новый энциклопедический словарь. – М: Большая Рос. Энцикл. : Рипол Классик, 2000. – 1455 с.
2.https://dictionary.cambridge.org/ru/cyber (дата обращения: 01.02.2026)
3.Собрание законодательства РФ. – 02.01.2023. – № 1 (часть III). – Ст. 476.

4.Рожкова, М.А. Цифровое право (Digital Law) – что это такое и чем оно отличается от киберправа / интернет-права / компьютерного права? / М.А. Рожкова // Закон.ру. – 2020. – 15 марта.
5.Ambrogi, Robert J. The Essential Guide to the Best (and Worst) Legal Sites on the Web. 2th edn. – N.Y.: ALM Publishing, 2004. – P. 159.
6.Леонтьев, А. Н. Киберправо: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. – Волгоград: ВолгГТУ, 2021. – 80 с.
7.Собрание законодательства РФ. – 25.03.2019. – № 12. – Ст. 1224.
8.Собрание законодательства РФ. – 03.08.2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
9.Собрание законодательства РФ. – 03.04.2023. – № 14. – Ст. 2407.
10. Собрание законодательства РФ. 14.07.2025. – № 28. – Ст. 3955.
11. Цифровое право. Учебник / Под ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М.: Проспект, 2023.
12. Беляева, Г. С. Соотношение отраслей права и отраслей законодательства: некоторые проблемные аспекты / Г.С. Беляева, В.П. Беляев // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 4(73). – С. 136-141.
13. Грудцына, Л.Ю. Цифровое право как комплексная отрасль российского законодательства / Л.Ю. Грудцына // Образование и право. – 2023. – № 3. – С. 277-283.

Belyaeva G. S., Mamin A. S. Cyber Law in the System of Russian Law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 33 – 37.

The article analyzes the place of cyber law in the system of Russian law in the context of digital transformation of social relations. Doctrinal approaches to defining the legal nature of cyber law and its correlation with information law and digital law are examined, as well as the specifics of the subject matter and methods of legal regulation in the digital environment. Special attention is paid to the issue of sectoral autonomy of cyber law and the possibility of its classification as a complex intersectoral legal formation. The subject of cyberlaw is proposed to be defined as the sphere of social relations related to the creation, use, functioning, protection, and legal circulation of digital technologies, data, information systems, network platforms, algorithmic solutions, and digital environment objects.

Keywords: cyber law, digital law, information law, digital transformation, cyberspace, digital environment, legal regulation, Russian legal system, complex legal institution.

Spisok literatury:

1.Novyj ehnciklopedicheskij slovar'. – M: Bol'shaya Ros. Ehncikl. : Ripol Klassik, 2000. – 1455 s.
2.https://dictionary.cambridge.org/ru/cyber (data obrashcheniya: 01.02.2026)
3.Sobranie zakonodatel'stva RF. – 02.01.2023. – № 1 (chast' III). – St. 476.
4.Rozhkova, M.A. Cifrovoe pravo (Digital Law) – chto ehto takoe i chem ono otlichaetsya ot kiberprava / internet-prava / komp'yuternogo prava? / M.A. Rozhkova // Zakon.ru. – 2020. – 15 marta.
5.Ambrogi, Robert J. The Essential Guide to the Best (and Worst) Legal Sites on the Web. 2th edn. – N.Y.: ALM Publishing, 2004. – P. 159.
6.Leont'ev, A. N. Kiberpravo: uchebnoe posobie / A.N. Leont'ev. – Volgograd: VolgGTU, 2021. – 80 s.
7.Sobranie zakonodatel'stva RF. – 25.03.2019. – № 12. – St. 1224.
8.Sobranie zakonodatel'stva RF. – 03.08.2020. – № 31 (chast' I). – St. 5018.
9.Sobranie zakonodatel'stva RF. – 03.04.2023. – № 14. – St. 2407.
10. Sobranie zakonodatel'stva RF. 14.07.2025. – № 28. – St. 3955.
11. Cifrovoe pravo. Uchebnik / Pod red. V.V. Blazheeva, M.A. Egorovoj. – M.: Prospekt, 2023.
12. Belyaeva, G. S. Sootnoshenie otraslej prava i otraslej zakonodatel'stva: nekotorye problemnye aspekty / G.S. Belyaeva, V.P. Belyaev // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2024. № 4(73). S. 136-141.
13. Grudcyna, L.Yu. Cifrovoe pravo kak kompleksnaya otrasl' rossijskogo zakonodatel'stva / L.Yu. Grudcyna // Obrazovanie i pravo. – 2023. – № 3. – S. 277-283.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 38-46.

УДК 340.1

ПОЛИТИКА «ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ДИКТАТУРЫ» В РСФСР В 1918-1921 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Биличенко Б. Е.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

В статье исследуется политика «продовольственной диктатуры», проводившаяся в РСФСР в 1918–1921 гг., с позиции ее организационно-правового оформления. Рассматриваются нормативные основания чрезвычайного регулирования продовольственной сферы, формирование и развитие системы органов, осуществлявших заготовку, распределение и контроль за движением продовольствия. Особое внимание уделяется разграничению компетенции центральных и местных органов власти, деятельности Народного комиссариата продовольствия, продовольственных комитетов и иных структур, задействованных в реализации государственной продовольственной политики. Анализируется также развитие правовых средств изъятия сельскохозяйственной продукции, государственного принуждения и ответственности за нарушение установленных правил. Показано, что в условиях Гражданской войны продовольственная политика приобрела чрезвычайный характер и сопровождалась последовательным усилением централизации управления, расширением полномочий продовольственных органов и ограничением рыночных механизмов распределения. Прослеживается изменение организационно-правовых форм продовольственного регулирования от введения продовольственной диктатуры в 1918 г. к системе продразверстки и последующему отказу от чрезвычайной модели в связи с переходом к новой экономической политике в 1921 г. Сделан вывод о том, что политика «продовольственной диктатуры» выступала одним из направлений формирования мобилизационной модели государственного управления, в рамках которой чрезвычайные организационные меры получали нормативное закрепление и становились элементом единого механизма обеспечения продовольствием армии, городского населения и промышленности.

Ключевые слова: продовольственная диктатура, продовольственная политика, РСФСР, Народный комиссариат продовольствия, организационно-правовое регулирование, снабжение, новая экономическая политика.

Первые годы существования советского государства сопровождались глубоким хозяйственным кризисом, одним из наиболее острых проявлений которого стала проблема снабжения населения продовольствием. Особенно тяжелое положение к весне 1918 г. сложилось в крупных промышленных центрах Северо-Западного и Центрального районов страны, а также на Урале. Сокращение производства гражданской продукции, нарушение сложившихся хозяйственных связей, уменьшение поступления хлеба из деревни и потеря ряда традиционных хлебопроизводящих территорий существенно ограничили возможности централизованного снабжения. Масштаб кризиса отражала динамика государственных заготовок зерна. Если в декабре 1917 г. они составляли 136 тыс. т, то в январе 1918 г. сократились до 46 тыс. т, а в апреле того же года до 38 тыс. т. Предпринятая весной 1918 г. попытка наладить товарообмен между городом и деревней также не дала ожидаемого результата из-за недостатка промтоваров и слабости местного управленческого аппарата [1].

В этих условиях продовольственный вопрос естественным образом приобрел значение, выходившее далеко за пределы хозяйственной политики – обеспечение хлебом городского населения, промышленных центров и вооруженных сил непосредственно связывалось с возможностью сохранения функционирующего государственного механизма. Недостаточность экономических способов регулирования побуждала советское руководство расширять применение административного принуждения. В течение 1918 г. складывается особый порядок государственного воздействия на отношения производства, заготовки, перемещения и распределения продовольствия, который получил наименование политики продовольственной диктатуры. Его характерной чертой стало соединение чрезвычайных полномочий гос-

органов с последовательной централизацией продуправления [2]. Хронологические рамки продовольственной диктатуры охватывают период 1918-1921 гг. Нижняя граница определяется нормативным оформлением продовольственной диктатуры весной 1918 г. и предоставлением Наркомпроду чрезвычайных полномочий, верхняя - связана с отказом от основных институтов чрезвычайной продовольственной политики в условиях перехода к НЭП.

Важно подчеркнуть, что содержание продовольственной диктатуры не исчерпывалось отдельными запретами, обязанностями по сдаче хлеба либо санкциями за нарушение государственной монополии. Не менее значимой являлась перестройка самого аппарата управления. Наряду с Наркомпродом и системой местных продовольственных органов создавались специальные структуры, предназначенные для непосредственного проведения заготовительной политики. Формировалась Продовольственная армия, численность которой к ноябрю 1918 г. превысила 29 тыс. чел, а к октябрю 1919 г. достигла 45,5 тыс. чел. Одновременно действовали продовольственные отряды, численность которых уже к ноябрю 1918 г. составляла около 72 тыс. чел. В июне 1918 г. в систему реализации продовольственного курса были включены комитеты крестьянской бедноты, хотя к концу года этот организационный эксперимент был прекращен посредством их слияния с Советами.

Отметим, что продовольственная диктатура представляла собой постепенно складывавшийся механизм публичного управления – в его рамках нормативное закрепление компетенции Наркомпрода сочеталось с созданием подчиненного ему аппарата, перераспределением полномочий между центральными и местными органами, привлечением специальных формирований к выполнению управленческих задач и расширением сферы административного принуждения. Показательно, что сохранившиеся документы отражают не только принятие декретов, но и практическое взаимодействие СНК РСФСР с Наркомпродом, деятельность губернских продовольственных комитетов, проведение реквизиций, организацию хлебозаготовок, установление твердых цен и разрешение возникавших на местах конфликтов.

Постепенно чрезвычайные способы заготовки и распределения продовольствия получили дальнейшее распространение и были встроены в более широкую систему мер военного коммунизма, при этом результативность государственной заготовительной деятельности постепенно возрастала. В кампанию 1917-1918 гг. было заготовлено около 50 млн пудов хлеба, крупы и зернового фуража, в 1918-1919 гг. уже 107,9 млн, в 1919-1920 гг. 212,5 млн, а в 1920-1921 гг. 367 млн пудов [1;3]. Эти показатели сами по себе, конечно, не позволяют дать исчерпывающую оценку эффективности проводимой политики, однако все же свидетельствуют о существенном расширении возможностей государства по централизованному изъятию и перераспределению продовольственных ресурсов. На наш взгляд, в данной связи особо значимо выявить основные закономерности организационно-правового оформления политики продовольственной диктатуры в РСФСР в 1918-1921 гг. – в рамках современной науки вопрос рассматривается лишь фрагментарно, преимущественно в контексте региональной практики и историографии [4-7]. Рассмотрим основополагающие организационно-правовые акты, закрепившие и сопровождавшие проведение продовольственной диктатуры и решение продовольственного вопроса в целом.

В первую очередь необходимо отметить, что правовое оформление нового курса происходило в сжатые сроки – очевидно, что продовольственный вопрос не терпел промедления, от его эффективного решения без малого зависело укрепление советского постреволюционного строя. Центральное место занял утвержденный 9 мая и введенный в действие 13 мая 1918 г. Декрет ВЦИК о предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий для борьбы с укрывательством хлебных запасов и спекуляцией, в котором подтверждалось сохранение государственной хлебной монопо-

лии и твердых цен на хлеб, а владельцы зерна обязывались в установленный срок заявлять и сдавать государству все излишки сверх объемов, необходимых для посева и личного потребления. За сокрытие хлебных запасов и спекуляцию предусматривались суровые меры ответственности, включая лишение свободы, конфискацию имущества и безвозмездное изъятие незаявленных излишков. Наркомпроду предоставлялись чрезвычайные полномочия по руководству продовольственным делом – издавать обязательные постановления, отменять распоряжения местных органов, требовать содействия от учреждений и других ведомств, реорганизовывать и распускать местные продовольственные органы, отстранять их должностных лиц и применять принудительные меры для обеспечения выполнения государственных заготовительных требований. Часть этих полномочий могла передаваться представителям Наркомпрода на местах [8]. Тем самым Декрет закрепил переход к новой, более централизованной модели управления продовольственной сферой, при которой Наркомпрод становился фактически административно-принудительным центром проведения государственной продовольственной политики. Отметим, что для настоящего исследования данный акт имеет принципиальное значение, поскольку именно в нем были заложены фундаментальные правовые основы расширения компетенции продовольственных органов и усиления государственного вмешательства в процессы заготовки, учета и распределения хлеба.

Следующий важный шаг был сделан 27.05.1918 г. со вступлением в силу Декрета ВЦИК о реорганизации Наркомпрода и местных продовольственных органов – тем самым чрезвычайная продовольственная политика получала уже не только материально-правовую, но и организационную основу. Декрет существенно расширял сферу ведения Наркомпрода, на который возлагались организация в общегосударственном масштабе снабжения и распределения продовольствия и других предметов первой необходимости, регулирование заготовок сельскохозяйственной продукции и подготовка перехода к более централизованным формам торговли. Органы, занимавшиеся распределением отдельных видов товаров, ставились в соответствующей части деятельности под руководство Наркомпрода, а установление цен на предметы первой необходимости должно было осуществляться совместно с ВСНХ. Для согласования работы различных ведомств и подготовки планов заготовки и распределения при Наркомпроде учреждался Совет снабжения.

Значительная часть Декрета посвящена перестройке местного продовольственного аппарата. На местные продовольственные органы возлагалось проведение хлебной монополии, изъятие излишков хлеба по твердым ценам, выполнение заданий Наркомпрода по заготовке продовольствия и предметов первой необходимости, а также их распределение среди населения в соответствии с общегосударственными планами и инструкциями; усиливался контроль центра над местными учреждениями. Наркомпрод получил возможность направлять в местные продовольственные комитеты своих представителей, которые могли приостанавливать исполнение решений этих органов до их рассмотрения Наркомпродом. Т.е. создавалась более жесткая вертикаль продовольственного управления, в которой местные структуры в значительной степени утрачивали самостоятельность и включались в единую систему, подчиненную центральному ведомству [9].

Формирование чрезвычайной системы продовольственного управления весной 1918 г. не завершилось предоставлением НКПрод особых полномочий и реорганизацией местного продовольственного аппарата, уже в последующие месяцы государство столкнулось с необходимостью расширения круга субъектов, непосредственно участвовавших в проведении хлебозаготовительной политики. Существовавших админресурсов было недостаточно для обеспечения регулярного поступления продовольствия в крупные города и промышленные центры, вследствие чего

получила развитие практика привлечения рабочих организаций к проведению заготовительных мероприятий.

Следующим этапом организационного оформления продовольственной политики стал Декрет СНК от 3.08.1918 г. «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» [10] – советская власть стремилось дополнить существовавший аппарат Наркомпрода организованными рабочими формированиями, способными непосредственно участвовать в получении хлеба в производящих районах. В заготовительную работу включались общественные организации, деятельность которых приобретала публично значимый характер и подчинялась задачам государственной продовольственной политики. Такое решение позволяло соединить вертикаль государственного продовольственного управления с мобилизационными формами участия рабочих (в дальнейшем именно эта практика стала одной из предпосылок более широкого использования продотрядов в процессе проведения хлебозаготовок). Расширение состава участников заготовительной деятельности не могло решить проблему определения объема сельскохозпродукции, который должен был поступать в распоряжение г-ва. Модель, сложившаяся весной-летом 1918 г., была ориентирована на выявление хлебных излишков, пресечение их сокрытия и принудительное изъятие в предусмотренных законодательством случаях – советская власть же стремилась придать заготовкам плановый и предсказуемый характер. Эта задача потребовала изменения самого правового механизма отчуждения продовольствия.

Качественно новый этап был связан с принятием 11.01.1919 г. Декрета СНК «О разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями» [11]. Данный акт закрепил принцип, согласно которому потребности государства в хлебе и фураже определялись централизованно, после чего соответствующий объем продукции распределялся между производящими губерниями. Установленные задания далее должны были доводиться до нижестоящих административно-территориальных единиц и непосредственных производителей – т.е. таким образом происходил качественный переход от преимущественно ситуационного выявления и изъятия излишков к заранее установленному государством обязательству по сдаче определенного количества продукции. Также необходимо отметить, что усиление государственного контроля над заготовками закономерно ставило вопрос о последующем распределении полученной продукции, поскольку само по себе увеличение поступлений продовольствия в государственные фонды не обеспечивало решения проблемы снабжения населения. Требовалась организационная система, способная распределять продукты между потребителями по установленным государством правилам, и уже в начале 1919 г. заметное внимание стало уделяться перестройке потребительской кооперации и ее последующему включению в централизованный снабженческий механизм.

В данном контексте особое значение имел Декрет СНК от 16.03.1919 г. «О потребительских коммунах» [12]. Этот акт отражал стремление советского правительства реформировать и использовать существовавшие формы потребительской кооперации для проведения политики централизованного распределения, в самом документе необходимость преобразований связывалась с тяжелым положением со снабжением и потребностью в более экономном использовании имеющихся ресурсов. Как уже было отмечено, основная идея Декрета заключалась в создании единого распределительного аппарата, для этого существовавшие потребительские кооперативы должны были объединяться и реорганизовываться в потребительские коммуны, охватывавшие население соответствующей территории. В городах и фабрично-заводских центрах предусматривалось создание единой потребительской коммуны, а в сельской местности отдельные распределительные пункты могли образовывать самостоятельные коммуны либо включаться в более крупные объедине-

ния. Население закреплялось за определенными распределительными пунктами, через которые должно было осуществляться снабжение. С правовой точки зрения происходило постепенное изменение статуса кооперативных структур, которые все теснее включались в государственный распределительный механизм. Полагаем, что значение данного акта состоит в расширении самого содержания продовольственной диктатуры, т.к. государственное регулирование охватывало уже не только способы получения сельскохозяйственной продукции, но и последующий порядок ее движения к потребителю. За счет этого наконец удалось сформировать взаимосвязанную систему заготовки, учета и распределения продовольственных ресурсов.

В течение 1919 и 1920 гг. рассматриваемая система продолжала усложняться. Расширялся круг продуктов, подлежавших централизованной заготовке, укреплялась подчиненность местных органов центральным ведомствам, одновременно развивалась система нормированного снабжения населения. К концу 1920 г. накопленный опыт выявил еще одну проблему, связанную с наличием различных организационных каналов распределения продовольствия и предметов первой необходимости. Их параллельное функционирование затрудняло проведение единой снабженческой политики и создавало предпосылки для дальнейшей централизации.

Попыткой решения этой задачи стал Декрет СНК от 26.10.1920 г. «Об объединении государственного снабжения населения продуктами питания и предметами первой необходимости» [13], его принятие обосновывалось необходимостью устранить различия в видах снабжения и распределительных нормах, а также сосредоточить распределение продовольствия и предметов первой необходимости в руках единого госоргана - Наркомпрода, которому передавалось исключительное право осуществлять снабжение как городского, так и сельского населения продуктами промышленного, кустарного и сельскохозяйственного производства, включая товары, ввозимые из-за границы. Документ также связывал производственные планы центральных хозяйственных органов с планами снабжения Наркомпрода – продукты питания и предметы первой необходимости, заготовленные Наркомпродом, произведенные на предприятиях, находившихся в ведении ВСНХ, либо ввезенные из-за границы, должны были распределяться по единым госпланам и через систему Наркомпрода. Исключение составляли лишь ресурсы, предназначенные для производственно-технических нужд, экспорта и резервного фонда. Самовольное распределение предметов личного и домашнего потребления в обход установленного порядка квалифицировалось как расхищение госдостояния и подлежало судебному преследованию. Декрет закрепил существенное усиление позиций Наркомпрода и завершал процесс превращения его в центральный орган госснабжения населения – к осени 1920 г. государственное регулирование фактически распространилось уже на весь механизм распределения основных потребительских ресурсов.

Одновременно с совершенствованием снабженческого аппарата сохранялась необходимость обеспечения выполнения продразверстки и на местах. Центральные органы власти к 1920 г. не ограничивались установлением лишь общих правил и нормативов, определяя конкретные сроки, объемы и направления деятельности территориальных продовольственных структур, что превращало систему разверстки в разветвленный механизм исполнения обязательных государственных заданий (что во многом и предопределило ее эффективность).

Показательным в этом отношении является Предписание Председателя Совнаркома и Наркомпрода от 19.11.1920 г., адресованное губернским продовольственным совещаниям и требовавшее завершить выполнение разверсток по хлебу, зерновому фуражу, картофелю, масличным семенам и овощам к 15.01.1921 г. [14]. Содержание документа свидетельствует как о значительном расширении предмета разверсточной политики, так и о высокой степени централизации ее проведения. На

первоначальном этапе главным объектом госзаготовок выступал хлеб, к концу же 1920 г. адмраспределение обязательных поставок распространялось на широкий перечень сельскохпродукции. Примечательно и то, что центральная власть устанавливала конкретный срок завершения кампании. Губернские продовольственные органы в такой системе обладали прежде всего исполнительной компетенцией и должны были обеспечить реализацию решений, принятых на общегосударственном уровне.

К началу 1921 г. созданный за предшествующие годы организационно-правовой механизм достиг максимальной степени централизации – продразверстка охватывала значительную часть сельскохозяйственной продукции, деятельность местных органов была тесно связана с обязательными заданиями центра, распределение основных продуктов осуществлялось преимущественно через государственную систему снабжения. Но сохранение подобной чрезвычайной модели в условиях изменения военно-политической и хозяйственной обстановки становилось все менее оправданным. Завершение основной фазы Гражданской войны, тяжелейшее состояние с/х и необходимость нормализации экономического обмена обусловили пересмотр принципов взаимодействия государства с крестьянским хозяйством.

Нормативное оформление этого поворота было связано с Постановлением ВЦИК от 21.03.1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» [15]. Документ закреплял отказ от разверсточного механизма, который на протяжении предшествующих лет составлял одну из основных юридических конструкций чрезвычайной продовольственной политики. Существенно изменялось правовое основание передачи сельскохозяйственной продукции государству, вместо административно устанавливаемого задания вводилось налоговое обязательство, размер которого должен был определяться заранее. После его исполнения производитель получал более широкие возможности распоряжаться оставшейся частью продукции. С правовой точки зрения происходил переход от чрезвычайно-разверсточного способа изъятия к налоговой форме регулирования, предполагавшей большую определенность обязанностей сельскохозяйственного производителя. Постановление от 21.03.1921 г. поэтому целесообразно рассматривать как важнейшую нормативную границу исследуемого периода, фактическое свидетельство начала демонтажа механизма продовольственной диктатуры и перехода к иным принципам хозрегулирования, получившим дальнейшее развитие в условиях НЭП.

Подводя итог проведенному выше анализу, отметим, что политика проддиктатуры в РСФСР в 1918-1921 гг. представляла последовательно формировавшийся организационно-правовой механизм чрезвычайного госуправления. Его возникновение было обусловлено резким обострением продовольственного кризиса, нарушением хозяйственных связей и необходимостью обеспечить снабжение армии, городского населения и промышленных центров. В этих условиях советское государство постепенно отказалось от экономических способов воздействия на продовольственные отношения и перешло к администрированию, основанному на централизации управления, обязательности госпредписаний и широком применении мер принуждения. Нормативное оформление проддиктатуры происходило одновременно с перестройкой системы государственных органов – расширение компетенции Наркомпрода сопровождалось усилением его контроля над местными продовольственными структурами, привлечением к заготовительной деятельности рабочих организаций и созданием дополнительных механизмов исполнения решений центральной власти. В результате к концу 1918 г. сложилась разветвленная система, в которой центральные органы определяли основные направления продполитики, а местные учреждения обеспечивали их практическую реализацию. Именно соединение чрезвычайных полномочий с организационной централизацией составляет одну из основных характеристик исследуемой политики.

Дальнейшее развитие этой системы было связано с переходом к продразверстке, Декрет от 11.01.1919 г. изменил сам подход к государственным заготовкам, поскольку обязательства по сдаче продукции стали определяться исходя из заранее установленной государственной потребности и распределяться между территориями (т.е. кампания приобрела фактически плановый характер). Одновременно государственное регулирование распространялось и на сферу распределения продовольствия. Реорганизация потребительской кооперации, последующее объединение государственного снабжения и расширение перечня продукции, охватываемой разверсткой, показывают, что к 1920 г. сложился механизм, контролировавший значительную часть движения продовольственных ресурсов от производителя до потребителя. Организационно-правовое содержание продовольственной диктатуры не ограничивалось системой принудительных хлебозаготовок. Ее важнейшими элементами являлись перераспределение компетенции между органами власти, укрепление ведомственной вертикали, установление обязательных заданий для территориальных структур, включение общественных организаций в решение государственных задач и формирование централизованного порядка снабжения населения. Все это позволяет рассматривать продовольственную диктатуру как один из характерных примеров становления мобилизационной модели раннесоветского госуправления. В ее рамках чрезвычайность постепенно приобретала нормативно оформленный и институционально устойчивый характер. Вместе с тем данная модель сохраняла непосредственную зависимость от военно-политических и хозяйственных условий. К началу 1921 г. высокая степень централизации и сохранение разверсточного механизма вступили в противоречие с задачами восстановления сельского хозяйства и товарного обмена. Постановление ВЦИК от 21.03.1921 г. о замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом зафиксировало изменение принципов госрегулирования. Переход к налоговой форме означал постепенный отказ от наиболее жестких элементов чрезвычайной продполитики и обозначил начало иной модели взаимоотношений государства с сельскохозпроизводителем.

Полагаем, что опыт 1918-1921 гг. показывает, что продовольственная диктатура представляет интерес именно как значимый этап формирования раннесоветской системы публичного управления, и должна рассматриваться гораздо шире, чем один из элементов экономической политики периода военного коммунизма.

Список литературы:

1. Установление продовольственной диктатуры. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина», 2026. URL: https://www.prlib.ru/section/1157331 (дата обращения 11.08.2026).
2. Ковалев, Д. В. Продовольственная диктатура // Большая российская энциклопедия. URL: https://web.archive.org/web/20260424205430/https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3179159
3. Попов, Г. Г. Продразверстка и геоэкономика Советской России / Г. Г. Попов, Н. В. Раздина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2024. – № 87. – С. 66-76.
4. Руссков, Д. С. Продовольственная диктатура и продовольственная разверстка в чувашском крае: методы осуществления и итоги / Д. С. Руссков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2009. – № 3-4(63). – С. 201-208.
5. Чемоданов, И. В. Реализация политики «продовольственной диктатуры» и «военного коммунизма» в вятской деревне (1918-1919 гг.) / И. В. Чемоданов // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков : Материалы XVI Международной научной конференции : в 2 частях, Иваново, 05–06 апреля 2017 года. Том Часть 2. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. С. 475-481.
6. Яхутль, Ю. А. Продовольственная диктатура большевиков и бело-зеленое движение на Кубани (1920-1921 гг.) / Ю. А. Яхутль // Современная научная мысль. – 2022. – № 5. – С. 131-136.
7. Климова, И. С. Продовольственная диктатура - канун крестьянской войны в Тамбовской губернии / И. С. Климова, И. Д. Петришина // Проблемы аграрной истории России : Материалы Третьей Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию профессора В.М. Важинского (1930-2010), Липецк, 24 апреля 2020 года. – Липецк, 2020. – С. 109-116.
8. Декрет ВЦИК Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов, 9 мая 1918 г. О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб.док.за 50 лет. Т1. 1917-1928 гг. М.: Политиздат, 1967.

9. 27 мая. Декрет ВЦИК и СНК о реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов // Подлинник, 6 лл.; пометка: 27.V; печать: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Всероссийский Центральн. Исполнит. Комитет Советов рабоч. солд. крест, и казачьих депут. Президиум. Архив, ф. 2, оп. 1, сд. хр. 6098. «Известия» № 109, 31 мая;«Известия» № 118,11 июня; «Собрание Узаконений» № 38, ст. 498; «Протоколы», стр. 23-26, 322-326 // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Политиздат, 1959.
10. 3 августа. Декрет о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций // Проект, с подписью В. И. Ленина после утверждения в СНК // Известия ЦИК // 9 корпус; печать: Российская Федеративная Социалистическая Советская Республика. Бюро печати при Совете Народных Комиссаров. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6813, л. 2. «Известия» № 166, 6 августа // Декреты Советской власти. Т. III.
11. Декрет Совета Народных Комиссаров «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства». 11 января 1919 г. // «Собрание узаконений 1919 г.» № 1, ст. 10. // Из истории Гражданской войны в СССР. 1918-1922: Сб. док. и материалов в 3 т. Т. 1. Май 1918-март 1919. – М.: Советская Россия, 1960.
12. 16 марта. Декрет СНК о потребительских коммунах // Тезисы В. И. Ленина. Копия. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24914, л. 4 (печатаются впервые под литерой а). Тезисы М. И. Фрумкина. ЦПА, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 264, л. 25 (печатаются под литерой б). Тезисы А. И. Свидерского, 2 лл., с пометкой В. И. Ленина: Тезисы Свидерского. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8489. Проект комиссии СНК, 2 лл., с пометкой В. И. Ленина: Проект Крестинского. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8490. Проект комиссии СНК, с правкой В. И. Ленина; пометка: Владимиру Ильичу. От О. Шмидта. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24914, лл. 1-3, 5-6 (печатается под литерой в). Проект редакционной комиссии, с правкой В. И. Ленина, 2 лл.; пометка: Проект. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8906 (параграфы с правкой В. И. Ленина печатаются под литерой г). Декрет: Подлинник, 2 лл. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8907. «Известия» № 60, 20 марта (печатается под литерой д); «Собрание Узаконений», 1919, № 17, ст. 191 // Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г.
13. 26 октября. Декрет СНК об объединении государственного снабжения населения продуктами питания и предметами первой необходимости // Проект, 1 л., с правкой В. И. Ленина; пометки: Проект // 380/9. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15906 (пункт с правкой В. И. Ленина печатается впервые под литерой а). Проект, с подписью В. И. Ленина после утверждения в СНК; пометки: Проект // Пр. 394, п. 9. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15914, л. 2. Декрет: Подлинник. ЦПА, там же, л. 1. «Известия» № 242, 29 октября (печатается под литерой б); «Собрание Узаконений» № 86, ст. 429. // Декреты Советской власти. Т. XI. Октябрь – ноябрь 1920 г. – М.: Политиздат, 1983.
14. 19 ноября. Предписание Председателя Совнаркома и Народного комиссариата продовольствия всем губернским продовольственным совещаниям завершить выполнение разверсток по хлебу, зерновому фуражу, картофелю, масличным семенам и овощам к 15 января 1921 года // Подлинник; пометки: Л. Хинчук. В. Сенин. 18/XI. А. Свидерский // 19/XI 20 г. // Лит. А; номера телеграммы: № 581 // № 761т. ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. х р. 16228, л. 1. Копия; пометки: Лит. А // 20/X1 – 20 г.; номер телеграммы: № 581/761/т. ЦПА, там же, л. 2. // Декреты Советской власти. Т. XI. Октябрь – ноябрь 1920 г. – М.: Политиздат, 1983.
15. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом. 21 марта 1921 года // Распубликован в № 62 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 23 марта 1921 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. – М., 1944.

Bilichenko B.E. The policy of «food dictatorship» in the rsfsr in 1918–1921: the organizational and legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 38–46.

The article examines the policy of «food dictatorship» implemented in the RSFSR between 1918 and 1921 from the perspective of its organizational and legal framework. It considers the regulatory grounds for emergency regulation of the food sector, as well as the formation and development of the system of bodies responsible for procuring, distributing, and controlling the movement of food. Special attention is paid to the delineation of the competencies of central and local authorities, the activities of the People's Commissariat of Food, food committees, and other structures involved in implementing the state food policy. The development of legal means for the confiscation of agricultural products, state coercion, and liability for violating established rules is also analysed. It is shown that, under the conditions of the Civil War, food policy acquired an emergency character and was accompanied by a consistent strengthening of centralization of management, an expansion of the powers of food authorities, and a restriction of market mechanisms for distribution. The change in the organizational and legal forms of food regulation is traced – from the introduction of food dictatorship in 1918 to the system of prodrazvyorstka and the subsequent abandonment of the emergency model due to the transition to the new economic policy in 1921. It is concluded that the policy of "food dictatorship" was one of the directions in the formation of a mobilization model of state governance, within the framework of which emergency organizational measures were given normative consolidation and became an element of a unified mechanism for providing food to the army, the urban population, and industry.

Keywords: food dictatorship, food policy, RSFSR, People's Commissariat of Food, organizational and legal regulation, supply, new economic policy.

Spisok literatury:

1. Ustanovlenie prodovol'stvennoi diktatury. FGBU «Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina», 2026. URL: https://www.prlib.ru/section/1157331 (data obrashcheniya 11.08.2026).
2. Kovalev, D. V. Prodovol'stvennaya diktatura // Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya. URL: https://web.archive.org/web/20260424205430/https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3179159
3. Popov, G. G. Prodrazverstka i geoehkonomika Sovetskoi Rossii / G. G. Popov, N. V. Razdina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2024. – № 87. – S. 66-76.
4. Russkov, D. S. Prodovol'stvennaya diktatura i prodovol'stvennaya razverstka v chuvashskom krae: metody osushchestvleniya i itogi / D. S. Russkov // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva. – 2009. – № 3-4(63). – S. 201-208.
5. Chemodanov, I. V. Realizatsiya politiki «prodovol'stvennoi diktatury» i «voennogo kommunizma» v vyatskoi derevne (1918-1919 gg.) / I. V. Chemodanov // Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii KHKh-XXI vekov : Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii : v 2 chastyakh, Ivanovo, 05–06 aprelya 2017 goda. Tom Chast' 2. – Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2017. – S. 475-481.
6. Yakhutl', Yu. A. Prodovol'stvennaya diktatura bol'shevikov i belo-zelenoe dvizhenie na Kubani (1920-1921 gg.) / Yu. A. Yakhutl' // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2022. – № 5. – S. 131-136.
7. Klimova, I. S. Prodovol'stvennaya diktatura - kanun krest'yanskoi voiny v Tambovskoi gubernii / I. S. Klimova, I. D. Petrishina // Problemy agrarnoi istorii Rossii : Materialy Tret'ei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu professora V.M. Vazhinskogo (1930-2010), Lipetsk, 24 aprelya 2020 goda. – Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2020. – S. 109-116.
8. Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov Rabochikh, Soldatskikh, Krest'yanskikh i Kazach'ikh deputatov, 9 maya 1918 g. O predostavlenii Narokomprod chrezvychainykh polnomochii po bor'be s derevenskoi burzhuaziei, ukryvayushchei khlebnye zapasy i spekuliruyushchei imi // Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. V 5 t.: Sb. dok. za 50 let. T. 1. 1917-1928 gg.
9. 27 maya. Dekret VTSIK i SNK o reorganizatsii Narodnogo komissariata prodovol'stviya i mestnykh prodovol'stvennykh organov // Podlinnik, 6 ll.; pometka: 27.V; pechat': Rossiiskaya Sotsialisticheskaya Federativnaya Sovetskaya Respublika. Vserossiiskii Tsentral'n. Ispolnit. Komitet Sovetov raboch. sold. krest, i kazach'ikh deput. Prezidium. Arkhiv, f. 2, op. 1, sd. khr. 6098. «Izvestiya» № 109, 31 maya;«Izvestiya» № 118,11 iyunya; «Sobranie Uzakonenii» № 38, st. 498; «Protokoly», str. 23-26, 322-326 // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. – M.: Politizdat, 1959.
10. 3 avgusta. Dekret o privlechenii k zagotovke khleba rabochikh organizatsii // Proekt, s podpis'yu V. I. Lenina posle utverzhdeniya v SNK // Izvestiya TSIK // 9 korpus; pechat': Rossiiskaya Federativnaya Sotsialisticheskaya Sovetskaya Respublika. Byuro pechati pri Sovete Narodnykh Komissarov. Arkhiv, f. 2, op. 1, ed. khr. 6813, l. 2. «Izvestiya» № 166, 6 avgusta // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. III. 11 iyulya – 9.11.1918g.
11. Dekret Soveta Narodnykh Komissarov «O razverstke mezhdu proizvodyashchimi guberniyami zernovykh khlebov i furazha, podlezhashchikh otchuzhdeniyu v rasporyazhenie gosudarstva». 11 yanvarya 1919 g. // «Sobranie uzakonenii 1919 g.» № 1, st. 10. // Iz istorii Grazhdanskoi voiny v SSSR. 1918-1922: Sb. dok. i materialov v 3 t. T. 1. Mai 1918-mart 1919. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1960.
12. 16 marta. Dekret SNK o potrebitel'skikh kommunakh // Tezisy V. I. Lenina. Kopiya. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 24914, l. 4 (pechatayutsya vpervye pod literoi a). Tezisy M. I. Frumkina. TSPA, f. 19, op. 1, ed. khr. 264, l. 25 (pechatayutsya pod literoi b). Tezisy A. I. Sviderskogo, 2 ll., s pometkoi V. I. Lenina: Tezisy Sviderskogo. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 8489. Proekt komissii SNK, 2 ll., s pometkoi V. I. Lenina: Proekt Krestinskogo. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 8490. Proekt komissii SNK, s pravkoi V. I. Lenina; pometka: Vladimiru Il'ichu. Ot O. Shmidta. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 24914, ll. 1-3, 5-6 (pechataetsya pod literoi v). Proekt redaktsionnoi komissii, s pravkoi V. I. Lenina, 2 ll.; pometka: Proekt. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 8906 (paragrafy s pravkoi V. I. Lenina pechatayutsya pod literoi g). Dekret: Podlinnik, 2 ll. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 8907. «Izvestiya» № 60, 20 marta (pechataetsya pod literoi d); «Sobranie Uzakonenii», 1919, № 17, ct. 191 // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. IV. 10 noyabrya 1918 g. – 31 marta 1919 g. – M.: Politizdat, 1968.
13. 26 oktyabrya. Dekret SNK ob ob"edinenii gosudarstvennogo snabzheniya naseleniya produktami pitaniya i predmetami pervoi neobkhodimosti // Proekt, 1 l., s pravkoi V. I. Lenina; pometki: Proekt // 380/9. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 15906 (punkt s pravkoi V. I. Lenina pechataetsya vpervye pod literoi a). Proekt, s podpis'yu V. I. Lenina posle utverzhdeniya v SNK; pometki: Proekt // Pr. 394, p. 9. TSPA, f. 2, op. 1, ed. khr. 15914, l. 2. Dekret: Podlinnik. TSPA, tam zhe, l. 1. «Izvestiya» № 242, 29 oktyabrya (pechataetsya pod literoi b); «Sobranie Uzakonenii» № 86, st. 429. // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. XI. Oktyabr' – noyabr' 1920 g.
14. 19 noyabrya. Predpisanie Predsedatelya Sovnarkoma i Narodnogo komissariata prodovol'stviya vsem gubernskim prodovol'stvennym soveshchaniyam zavershit' vypolnenie razverstok po khlebu, zernovomu furazhu, kartofelyu, maslichnym semenam i ovoshcham k 15 yanvarya 1921 goda // Podlinnik; pometki: L. Khinchuk. V. Senin. 18/XI. A. Sviderskii // 19/XI 20 g. // Lit. A; nomera telegrammy: № 581 // № 761t. TSPA, f. 2, op. 1, ed. kh r. 16228, l. 1. Kopiya; pometki: Lit. A // 20/Kh1 – 20 g.; nomer telegrammy: № 581/761/t. TSPA, tam zhe, l.2.//Dekrety Sovetskoi vlasti. T.XI.Oktyabr' – noyabr' 1920 g. M.:Politizdat, 1983.
15. Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. O zamene prodovol'stvennoi i syr'evoi razverstki natural'nym nalogom. 21 marta 1921 goda // Raspublikovan v № 62 Izvestii Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 23 marta 1921 goda // Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1921 g. – M., 1944.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 47-52.

УДК 340.132

РОССИЙСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ (весна-лето 2026 г.)

Бондарчук И. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Статья посвящена анализу количественных и качественных показателей федерального законодательного процесса. Автор анализирует и выявляет тенденции в принятии 200 федеральных (конституционных) законов на протяжении трех месяцев – мая-июля 2026 г. С использованием диахронического метода проведено сравнение параметров принятия федеральных законов субъектами права законодательной инициативы трех месяцев 2026 года с аналогичными отрезками времени 2025 и 2024 годов. В центре нашего внимания – принятие федеральных законов, которые, во-первых, направлены на обеспечение интегрированности новых субъектов Российской Федерации, а во-вторых, - касаются взаимоотношений «центр-регионы». По вопросам, связанным с интеграцией воссоединенных субъектов федерации Государственная Дума в мае-июле 2026 года приняла 5 федеральных законов. В частности, принятые законы знаменуют собой не только окончание созыва Государственной Думы, но направлены на завершение в целом комплекса вопросов, направленных на обеспечения интеграции указанных субъектов в государственно-правовое пространство России.

Ключевые слова: проекты федеральных законов, законодательная деятельность, субъекты права законодательной инициативы, эффективность законодательства, статистический метод, диахронический метод, интеграция субъекта федерации, СОЗД, федеральный законодатель.

Наше продолжающееся исследование, результаты которого публиковались в журналах «Право и современные государства» (2024–2025 гг.) и «Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки» (2026 г.), направлено на выявление статистических взаимосвязей нормотворческой активности субъектов права законодательной инициативы. Исследование количественных данных позволяет выявить тенденции и закономерности в принятии законов, а также оценить влияние различных факторов на законодательный процесс. Российскими исследователями изучается как в целом нормотворческая активность Государственной Думы, так отдельные показатели ее деятельности. Например, по количеству принятия новых документов в год в сравнении с иными субъектами права законодательной инициативы [1, с. 15].

Количественные данные о законодательной деятельности Государственной Думы VIII созыва с января по июль 2026 г. собраны на основании мониторинга официального сайта СОЗД:

Таблица. Динамика законодательного процесса с января по июль 2026 г. [2].

2026 год	**январь**	**февраль**	**март**	**апрель**	**май**	**июнь**	**июль**
Внесено законопроектов	98	102	122	135	95	104	92
Проведено заседаний	6	6	8	4	4	4	6
Рассмотрено законопроектов	90	98	106	63	73	72	103
Отклонено законопроектов	69	65	60	31	21	20	7
Принято законов	**21**	**33**	**46**	**32**	**52**	**52**	**96**

Ранее проведенные и опубликованные исследования статистики законодательного процесса на федеральном уровне в 2024 и 2025 гг. дают возможность отметить колебания по принятию Государственной Думой федеральных законов в пределах 200-250 законов. Так, если за аналогичный период (май-июль) в 2024 г. был принят

231 федеральный закон [3, с. 86], а в 2025 году – 252 федеральных закона [4, с. 73; 5, с. 92], то в текущем 2026 г. их принято всего 200.

При этом из принятых в мае–июле 2026 г. 200 федеральных законов только 3 новые и имеют самостоятельное значение в системе законодательного регулирования общественных отношений в РФ, остальные – уточняют, дополняют либо изменяют существующие федеральные законы. Речь идет о трех новых федеральных законах, внесенных Правительством РФ: «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»; «О технологической платформе создания, развития и эксплуатации информационных систем» и «О цифровых валютах и цифровых правах». Таким образом, подавляющее количество принимаемых федеральных законов (98,5%) вносит изменения в другие федеральные законы.

Кроме того, по официальным данным можно проследить динамику принятия федеральных законов по субъектам внесения законодательной инициативы (см. Рис. 1), а также визуализировать данные по сферам правового регулирования принятых законов (см. Рис. 2).

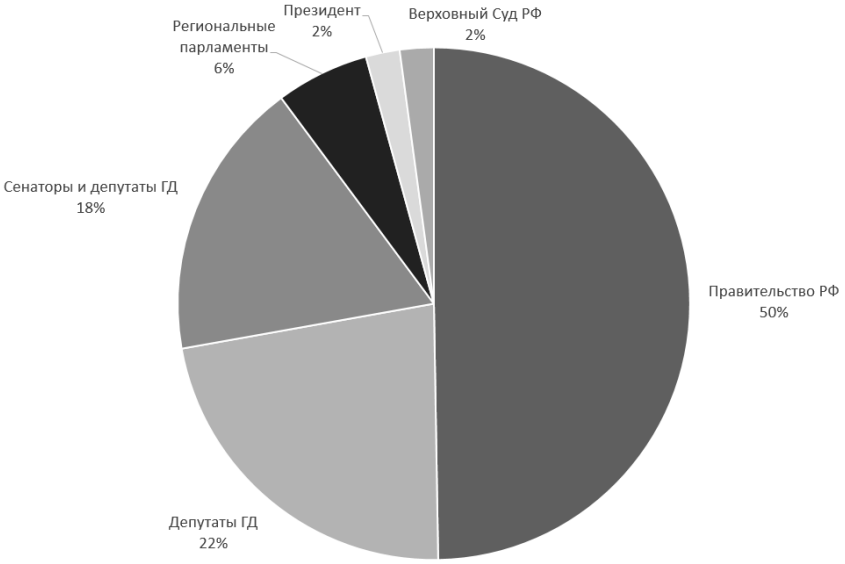


Рис. 1. Количество принятых федеральных законов по субъектам внесения законодательной инициативы (май–июль 2026 г.)

В числе 12 принятых инициатив региональных парламентов – Государственный Совет Республики Татарстан, Законодательное Собрание Запорожской области, Законодательное Собрание Новосибирской области, Законодательное Собрание Челябинской области, Брянская областная Дума, Дума Ставропольского края, Московская городская Дума, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга и Законодательное Собрание Вологодской области, Законодательное Собрание Нижегородской области, Архангельское областное Собрание депутатов. При этом доля принимаемых законодательных инициатив субъектов РФ в сравнении с аналогичными периодами в 2024 и 2025 гг. сохраняется в пределах 5-7% от общего процента принимаемых законов на федеральном уровне.

Самыми долго рассматриваемыми законопроектами (более 2,5 лет) из принятых в мае-июле 2026 г. законопроектов стали 2 инициативы: одна инициатива была внесена совместно депутатами Государственной Думы и сенаторами РФ, а другая Правительством РФ в 2023 г. Первая инициатива направлена на урегулирование вопросов по размещению рекламных щитов местных винодельческих хозяйств вдоль ав-

тодорог. При этом реклама допускается только в тех регионах, где расположены сами винодельческие хозяйства (Федеральный закон Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в ст. 21 и 38 Федерального закона «О рекламе»). По второй инициативе станет для бизнеса возможной реструктуризация долгов – Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Вместе с тем в целом масштабы принятия федеральных законов в Государственной Думе показывают сокращение времени рассмотрения их в качестве проектов федеральных законов и ускорения законодательного процесса. Так, обобщение и расчеты статистических данных всей совокупности рассмотренных законопроектов в указанный период (за исключением законопроектов о ратификации международных договоров и соглашений, а также их денонсации) от момента внесения до их принятия показало, что среднее значение жизненного цикла законопроекта в Государственной Думе в весеннюю сессию 2026 г. составляет 6 месяцев.

Первенство среди субъектов права законодательной инициативы по числу законопроектов, которые были отклонены Государственной Думой в мае-июле 2026 г., остается за депутатами Государственной Думы (отклонено 23 законопроекта) и за субъектами федерации (отклонено 12 законопроектов). Из общего числа отклоненных законопроектов (48) отметим следующие три проекта, которые были внесены Правительством РФ: 1) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с передачей части полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях в области дорожного движения органу исполнительной власти столицы РФ города федерального значения Москвы»; 2) «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии коррупции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования законодательства в сфере противодействия коррупции); 3) «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии коррупции" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования антикоррупционного законодательства). Одним из оснований отклонения двух последних инициатив Правительства РФ было указано в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы как наличие иного аналогичного проекта федерального закона на рассмотрении Государственной думы, который принят в первом чтении. Примечательно, что данный законопроект также был инициирован Правительством РФ и в нем использовалась иная терминология (например, «увольнение (прекращение полномочий)» вместо «увольнение (освобождение от должности»). В отношении первого из указанных в перечне отклоненных инициатив Правительства РФ были получены замечания концептуального характера. Подход, предлагаемый в законопроекте к установлению подведомственности дел об административных правонарушениях, а также закреплению полномочий соответствующих органов и должностных лиц, существенно отличается от используемого в КоАП. Помимо указанного было отмечено, что в ч. 2 ст. 78 Конституции РФ, предусматривающей возможность заключения данных соглашений, не содержится каких-либо требований о предварительном внесении изменений в федеральные законы, устанавливающих возможность заключения соглашения и определяющих его содержание. Нельзя не отметить, что дискуссионная инициатива Правительства РФ была внесена еще в 2015 г., и только через одиннадцать лет после получения письма Правительства РФ с предложением отклонить (снять с рассмотрения) указанные проекты федеральных законов, по ней вместе с указанными двумя иными инициативами было принято соответствующее решение законодателем.

По тематике федеральные законы, принятые в мае–июле 2026 г. распределились следующим образом:

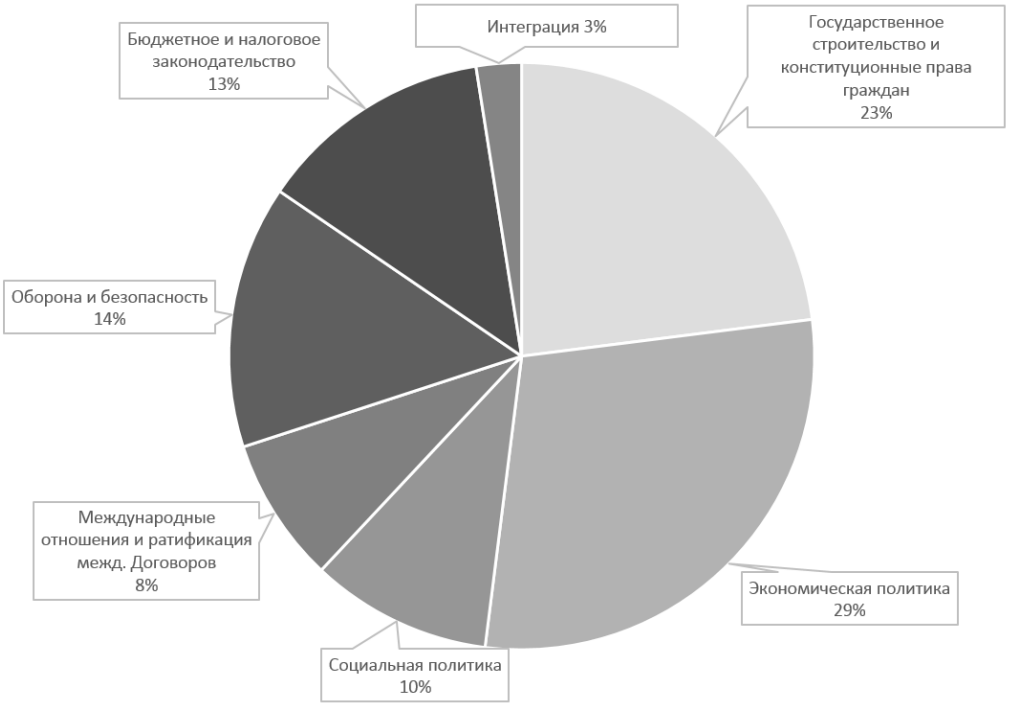


Рис. 2. Тематика принятых в мае-июле 2026 г. федеральных законов

Наибольшее количество законов принято Государственной Думой в сферах «Экономическая политика» и «Государственное строительство и конституционные права граждан». Эта тенденция сохраняется на протяжении трех лет.

По вопросам, связанным с интеграцией воссоединенных субъектов федерации в анализируемый период Государственная Дума приняла 5 федеральных законов. В частности, принятые законы знаменуют собой не только окончание созыва Государственной Думы, но направлены на завершение в целом комплекса вопросов, направленных на обеспечения интеграции указанных субъектов в государственно-правовое пространство РФ. Речь идет о следующих принятых федеральных законах: от 10.06. 2026 г. № 175-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и на прилегающих территориях»; от 10.06.2026 г. № 181-ФЗ «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»; от 10.06.2026 г. № 184-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации»; от 26.06.2026 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 4.08.2026 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы».

За аналогичный период в 2024 и в 2025 гг. Государственная Дума принимала по 6 федеральных законов, которые тем или иным образом были также направлены на урегулирование правоотношений, связанных с вопросами интеграции воссоединен-

ных субъектов РФ. Следует подчеркнуть, что по заявлению Председателя Государственной Думы В. В. Володина в его выступлении на завершающем пленарном заседании VIII созыва работа по интеграции ДНР и ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в единое правовое поле РФ завершена. Он также обратил внимание на тот факт, что в этой связи принято порядка 70 базовых законов, многие из которых инициированы депутатами. Еще одним наблюдаемым нами процессом является работа законодателя по кодификации законодательства. Данное направление деятельности традиционно находится на одном из первых мест количеству принимаемых изменений в действующие кодексы РФ. Так, в мае-июле 2026 г. внесено 46 дополнений и поправок (23% от общего количества принятых законов на федеральном уровне) в 16 кодексов РФ. Рекордсменом по количеству внесенных изменений являлся Кодекс РФ об административных правонарушениях, в который 14 раз вносились изменения в указанный период, на втором месте – Налоговый кодекс РФ, в который 8 раз вносились изменения.

Тематика в сфере которой принималось Государственной Думой наибольшее количество федеральных законов – «Экономическая политика» и «Государственное строительство и конституционные права граждан», ровно половина всех принятых федеральных законов рассмотрена по инициативе Правительства РФ – 50%. Отдельное внимание федеральный законодатель уделил вопросу интеграции ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области. При этом в целом данная работа характеризуется тем фактом, что интеграция ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в государственно-правовое пространство завершена.

Список литературы:

1. Павлов П. Н. Статистические взаимосвязи нормотворческой активности российских государственных институтов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 4. С. 3–28.
2. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: https://sozd.duma.gov.ru/
3. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в мае-июле 2024 года: путь от проекта к федеральному закону // Право и современные государства. 2024. № 4. С. 85–91.
4. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в мае-июне 2025 года: путь от проекта к федеральному закону // Право и современные государства. 2025. № 3. С. 71–77.
5. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в июле-августе 2025 года: путь от проекта к федеральному закону // Право и современные государства. 2025. № 4. С. 90–97.
6. Председатель ГД: завершена работа по интеграции ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей URL: http://duma.gov.ru/news/63970/

The russian legislative process: an empirical analysis of federal laws (spring–summer 2026) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 47-52.

This article analyzes the quantitative and qualitative indicators of the federal legislative process. The author examines trends in the adoption of 200 federal (constitutional) laws over a three-month period—May through July 2026. Using a diachronic method, the parameters regarding the adoption of federal laws initiated by authorized entities during these three months of 2026 are compared with corresponding periods in 2025 and 2024. The study focuses on the adoption of federal laws that, firstly, aim to ensure the integration of the new constituent entities of the Russian Federation and, secondly, address center-region relations. Between May and July 2026, the State Duma adopted five federal laws concerning the integration of the reunited constituent entities of the Russian Federation. In particular, these laws not only mark the conclusion of the State Duma's convocation but also aim to finalize the overall set of measures designed to integrate these entities into Russia's legal and state framework.

Keywords: draft federal laws, legislative activity, subjects of the right of legislative initiative, legislative effectiveness, statistical method, diachronic method, integration of a constituent entity of the Federation, SOZD, federal legislator.

Spicok literatury:

1. Pavlov P. N. Statisticheskie vzaimosvyazi normotvorcheskoj aktivnosti rossijskih gosudarstvennyh institutov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2021. № 4. S. 3–28.

2. Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti Gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»). URL: https://sozd.duma.gov.ru/
3. Bondarchuk I. V. Rossijskij zakonodatel'nyj process v mae-iyule 2024 goda: put' ot proekta k federal'nomu zakonu // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2024. № 4. S. 85–91.
4. Bondarchuk I. V. Rossijskij zakonodatel'nyj process v mae-iyune 2025 goda: put' ot proekta k federal'nomu zakonu // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2025. № 3. S. 71–77.
5. Bondarchuk I. V. Rossijskij zakonodatel'nyj process v iyule-avguste 2025 goda: put' ot proekta k federal'nomu zakonu // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2025. № 4. S. 90–97.
6. Predsedatel' GD: zavershena rabota po integracii DNR, LNR, Zaporozhskoj i Hersonskoj oblastej URL: http://duma.gov.ru/news/63970/
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 53-61.

УДК 348

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СВЯЩЕННИКОВ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ ДАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Венедиктов А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье изложен процесс эволюции системы подготовки священников для национальной церкви Дании, как государственного института, во второй половине XX – начале XXI вв. В ходе исследования выявлено, что в изучаемый период, можно указать, что изучаемая система состоит из двух основных блоков: 1) высшее образование на уровне не ниже магистра на теологических факультетах университета Копенгагена и Орхуса; 2) обязательное непрерывное образование священников в их первом трудоустройстве в соответствующих учреждениях. Нормативная база позволяет претендовать на должности священников также лицам, имеющим степень магистра по иным специальностям, но с обязательной переподготовкой. Эволюция системы непрерывного образования священников, действующая уже на протяжении служения, способствует поддержанию их профессионализма при выполнении своих непосредственных обязанностей.

Ключевые слова: национальная церковь Дании, подготовка священников, непрерывное образование, теологические факультеты, университеты, образование.

Должность священника, много, терпеливо и настойчиво работающего с людьми, требует серьезной профессиональной, в том числе исторической, теоретической и психологической подготовки. И это при том, что сам термин «должность» не в полной мере подходит для этого случая. По нашему мнению, и мнению большинства верующих – это призвание, служба. Не удивительно, что в условиях принадлежности церкви в Дании, как института, государству, оно стремится обеспечить приходы датской национальной церкви всесторонне подготовленными и образованными людьми, готовым к решению существенного комплекса стоящих как перед ними лично, так и перед приходом проблем и задач.

Сегодня, согласно исполнительному указу, изданному во исполнение закона о трудоустройстве на должностях в Церкви Дании – далее Церкви (см. консолидированный акт №864 от 25.06.2013 г., дополненным нормами законов №2067 от 21.12.2020 г., №1679 от 30.12.2024 г. т №1772 от 29.12.2025 г.), на пастырские должности: 1) лица, получившие степень магистра теологии в датском университете; 2) лиц, служивших священниками в Церкви Гренландии и получивших высшее образование из христианских студий, предусмотренное парламентом Гренландии, и владеющих датским языком; 3) лица, работавшие не менее 7 лет как пасторы евангельско-лютеранских свободных общин, отвечающие условиям передачи церквей национальной церкви для использования, если епископ епархии, где он или она в последний раз служил пастором свободной церкви, рекомендует это.

При этом, безусловно, священники должны быть членами национальной церкви, а министр церковных дел может решить, что участие в учебе в учреждениях Церкви по подготовке и непрерывному образованию священников является условием трудоустройства священником. Он также назначает консультативный комитет для представления ему рекомендации о составе программы богословского непрерывного образования в соответствии с подпунктом; устанавливает подробные правила по поводу требований к теологическому непрерывному образованию (пп. 1), а также по консультативному комитету (пп. 2), включая состав комитета, деятельность и компетенции для установления критериев рекомендаций.

Лишь в особых случаях министру церковных дел позволено, по запросу, предоставить лицу, которое не отвечает вышеизложенными условиям, но которое имеет степень магистра, полученную в университете Дании, прошло курс теологического образования подать заявку на пастырские должности (§ 1 а.) Дополнительно установлено, что министр имеет право разрешить лицу, не отвечающему установленным требованиям, занять пастырскую должность в случае, если таковое продемонстрировало владение качествами, необходимыми для этого. Но, лишь при достижении таким лицом возраста 35 лет и сдаче экзамена, определенного данным министром. В иных случаях, такое лицо может быть допущено к занятию соответствующей должности лишь при утверждении епископом (§ 3). Лишь после этого вновь назначенный священник может принять обет Евангелическо-лютеранской церкви [1].

Таким образом, для лиц со степенью магистра, но без знания теологии предлагается дополнительное образования (для получения доступа к пасторским должностям). В ходе обучения претенденты изучают следующие предметы: греческий язык, знание Библии, этика и философия религии, догматика с экуменической теологией, Экзега Нового Завета, практическая теология, магистерский уровень [2].

С момента принятия и развития христианства и его институтов в Дании важнейшим образовательным и научных учреждением для подготовки священников стал университет Копенгагена. «История богословского факультета в период с момента основания университета в 1479 г. до конца века Реформации делится на две основные части: католический факультет и лютеранский факультет после восстановления университета в 1537 г». [3].

Конституция 1849 г. гарантировала свободное одобрение и унификацию в подведомственном министерстве вместе с школьным образованием (сегодня в подведомственно Министерству высшего образования и науки). Таким образом, между факультетом и церковью не существовало институционной связи. Несмотря на это, до 1924 г. считалось необходимым быть членом национальной церкви, чтобы иметь возможность преподавать на теологическом факультете. В 1942 г. факультет теологии вместе с факультетом теологии Орхуского университета стал готовить претендентов на звание священников для церкви. Однако, 1) университетское образование было доступно не для всех; 2) обходилось дорого; 3) не всегда требовалось для подготовки низшего звена церковных служителей; 4) университеты не имели возможности оперативно и в необходимом объеме заниматься вопросами дополнительного образования, переподготовки и т.п.

Очевидно, исходя из данных предположений, в 1964 г. министру по делам церкви было поручено создать институт непрерывного образования для священников. Данное учреждение с помощью проведения курсов должно было предоставить священникам церкви доступ к непрерывному образованию, включая систематическую ориентацию в современных философских, социологических, литературных и художественных вопросах, как необходимое условие для выполнения задач в современном обществе. При наличии возможности, священникам других религиозных общин также предполагалось предоставлен доступ к участию в курсах института.

Установление правил работы Совета и деятельности института возлагалось на министра по делам церкви. Сам же институт должен был управляться независимым советом, состоящим из двух представителей от каждого из богословских факультетов университетов Копенгагена и Орхуса, директора пастырской семинарии, одного представителя от Датской ассоциации духовенства, епископа Хельсингёрской епархии и двух мирян, назначенных министром по делам церкви. Финансирование процесса создания и деятельности Института брало на себя государство [4].

Однако, как выяснилось уже в ближайшие после открытия института годы, он оказался не в состоянии разрешить все возложенные на него задачи. Очередной по-

пыткой решения проблемы стало создание в 1976 г. Датского теологического колледжа, задачей которого провозглашалось — обеспечить духовенство церкви доступом к повышению квалификации посредством организации курсов, включающих систематическую ориентацию на современные философские и социологические, литературные и художественные вопросы, педагогику и педагогическую практику как необходимое условие для выполнения задач Датской народной церкви в современном обществе. При создании колледжа предусматривалось, что в случае наличия свободных мест, к участию в курсах колледжа могут быть привлечены также священнослужители других конфессий.

Одной из специфик в организации данного учреждения являлась система его управления в виде независимого совета, который должен был состоять из: 1) одного из епископов страны, назначаемого министром по делам церкви, 2) ректора пастырской семинарии, 3) 2-х членов, назначаемых советом богословского факультета Копенгагенского университета из числа штатных преподавателей, 4) 2-х членов, назначаемых Советом богословского факультета Орхусского университета из штатных преподавателей, 5) 1-го члена, назначаемого Датской ассоциацией духовенства, 6) 2-х мирян, назначаемых министром по делам церкви. Ежедневное управление возлагалось на ректора, а определение дополнительных правила для совета и деятельности колледжа возлагалось на министра по делам церкви. Все расходы на функционирование данного учреждения возлагались на государственный бюджет (§ 3). Одновременно отменялся вышеупомянутый закон № 39 от 14.02.1964 г. об учреждении института повышения квалификации для священников [5].

Однако, очевидно, и данный вид подготовки и переподготовки священников в Дании не в полной мере оправдал возложенных на него задач и в 1989 г. предложен очередной закон об учреждениях Датской Церкви по подготовке и повышению квалификации священников. Законопроект представляет собой модернизацию свода правил, регулирующих административную, организационную и финансовую структуру предыдущих учебных заведений для священников в церкви: пастырских семинарий и богословского колледжа. Таким образом, был законопроект задуман как общий административный (рамочный) акт, в соответствии с которым пастырские семинарии и богословский колледж объединяются под одним управлением.

Представление законопроекта стало естественным следствием включения предмета практического богословия в качестве обязательной части богословского изучения из-за с внедрением новой учебной программы на богословских факультетах в Копенгагене и Орхусе. В связи с чем настало время пересмотреть подготовку будущих священников и их непрерывное образование, осуществляемое в собственных учебных заведениях Церкви. Согласно законопроекту, совет директоров должен нести ответственность за общее управление учебными заведениями, включая выработку рекомендаций по найму постоянных преподавателей, а также за обеспечение соблюдения учебной программы, установленной для этих учреждений.

В соответствии с подробными положениями совета, повседневное управление должно было осуществляться руководителем отдельного учреждения в сотрудничестве с институциональным комитетом.

Предложение также подразумевало, что министр по делам Церкви создаст постоянную экспертную рабочую группу для выработки ему рекомендаций по вопросам преподавания и учебной программы, а также для выполнения функций экспертного консультативного органа для министра при заполнении вакансий постоянных преподавателей и постоянного консультирования данного министра по делам Церкви по вопросам образования. Согласно предложению, расходы, покрываемые за счет средств церковного налога округа в общем фонде, предлагалось приравнять к расходам, применяемым к образовательной структуре в Церкви, который был введен

для других групп сотрудников (органисты, хористы и граверы). В результате, предложение не увеличивало расходы государственного казначейства.

Кроме того, законопроект не предлагал радикальных структурных изменений в существующей системе образования, но предложение о новом устройстве было призвано расширить возможности для адаптации, в частности, к изменениям в других важных для Церкви и общего развития общества аспектах образования [7].

Целью проектируемых образовательных учреждений должно было стать обеспечение на научной основе: 1) будущих священников Церкви вводным пастырско-богословским образованием в областях их священнической деятельности; 2) священников Церкви практико-богословским повышением квалификации и 3) священников Церкви общим богословским повышением квалификации, включая систематическую ориентацию в социальных науках, философии, литературе и искусстве с целью выполнения задач Церкви в современном обществе (§ 1).

Священники и кандидаты в богословы, а также студенты-богословы получали право участвовать в образовании в соответствии с подробным постановлением министра по делам Церкви (§ 2.1). При этом министру давалось право принять решение о том, что образовательные учреждения могут предоставлять образование лицам, не указанным выше (§ 2.1). Кроме того, министру, по рекомендации постоянной рабочей группы, созданной министром по делам церкви в отношении датских церковных учебных заведений для священников, предоставлялось право устанавливать дополнительные правила содержания и организации обучения (§ 3).

Управление образовательными учреждениями предполагалось возложить на объединенный советом директоров, назначаемый на 3-летний срок, в состав которого входили: 1) представитель министерства по делам церкви; 2) два епископа страны, назначаемые министром по делам церкви по рекомендации епископов; 3) два члена, назначаемые Датской ассоциацией духовенства; 4) представитель национальной ассоциации членов приходских советов (§ 4.1). При этом предусматривалось, что высшие ответственные руководители учебных заведений участвуют в заседаниях правления.

Министру по делам церкви предоставлялось также право устанавливать дополнительные правила для правления учебных заведений (§ 4.3); назначать главного исполнительного директора и штатных преподавателей учебных заведений по рекомендации правления (§ 5.1); устанавливать дополнительные правила назначения (§ 5.2). Расходы на функционирование образовательных учреждений покрывались из общего фонда, согласно закону о финансах Датской церкви (§ 6). Данный Закон вступил в силу 1.01.1991 г. (§ 7) [7], соответственно, отменялся закон № 257 от 26.05.1976 г. о богословском колледже.

Фактически одновременно с выше рассмотренным законом (№ 309 от 16 мая 1990 г.), 17.01.1991 г. издан Исполнительный указ министерства церковных дел об управлении Церковью Дании учреждениями по образованию и подготовке священников (ВЕК №42 от 17.01.1991), вступил в силу 1.02.1991 г. Им предусмотрено создание совета директоров, который состоит из представителя министерства, 2 епископа страны, назначенных министром церковных дел по рекомендации епископов, 2 члена назначенных ассоциацией священников Дании и 1 представитель Национальной ассоциации Членов приходского совета. Срок деятельности данного органа установлен в 3 года. Председателя совета и его заместителя назначал министр церковных дел на период деятельности. Во внешних отношениях совет директоров представляет председатель или, в его отсутствие, его заместителем (§ 1).

Решения совета принимались на заседаниях, которые возглавлял председатель или, в его отсутствие, заместитель председателя, принимались простыми путями большинства голосов. В случае ничьей решающим являлся голос председателя (§ 2).

Кворум Совета директоров составлял не менее 4 присутствующих членов. Однако, если участников меньше, решение позволялось принять по делам, которые не могли ожидать решения без значительных неудобств. Вместе с тем, за отсутствующими членами Совета сохранялась возможность высказать свое мнение перед принятием решения (§ 3). Сами заседание совета следовало проводить ежеквартально. Председатель определял их время и место, повестку встреч. Повестка дня должна была включать предложения, полученные от членов совета и министерства церковных дел. На заседание совета должно быть созвано по меньшей мере 14 человек. Однако председатель получил право созвать заседание в кратчайшие сроки, когда она есть дела, требующие быстрого решения. Внеочередные заседания проводились, когда председатель считает это необходимым, или по крайней мере два участника просили этого. Также глава совета должен обеспечить своевременную рассылку повестки дня и письменных материалов, которые планировалось представить на заседаниях совета.

Решения совета предписано вносить в протоколы решений, подписанных после каждого заседания, членами, участвовавшими во встрече. Любой из них мог потребовать свое несогласие фиксировать в протоколе решения (§ 4).

Высшим руководителям учебных заведений позволялось посещать заседания совета директоров и участвовать в переговорах, если совет не решал иначе в каждом частном случае (§ 5). В целом же совет директоров отвечал: 1) за общее управление учреждения Евангелической лютеранской церкви Дании для образования и подготовки священников; гарантировал, что учреждения соответствуют требованиям преподавания на научном уровне (§ 6); 2) назначал институционный комитет для каждого учебного заведения, которые принимали участие в индивидуальной жизни ежедневной деятельности в сотрудничестве с топ-менеджерами учреждения; 3) определял состав и правила процедуры для институциональных комитетов (§ 7); рекомендовал: министр церковных дел по назначению наиболее ответственных руководителей учреждений и преподавателей с постоянным контрактом (§ 8.1).

Однако, перед тем, как представить рекомендацию, совет должен был высказать заключение о профессиональной квалификации кандидатов в соответствии с п. 3 Закона № 309 от 16 мая 1990 г. (§ 8.2.). Другие сотрудники работали в совете или по усмотрению совета директоров учреждения (§ 8.3). Кроме того, Совету директоров давалось право рекомендации министру церковных дел об изменениях и обновлениях учебной программы в образовательных заведения, после получения мнения постоянной рабочей группы (§ 9). Он также отвечал за бюджетирование и бухгалтерский учет (§ 11.1); готовил предложение о бюджете института (должен быть представлен не позднее 1 апреля в год перед бюджетным годом в министерство утверждения) (§ 11.2); в рамках утвержденного министерством бюджета, совет устанавливал бюджет для каждого подчиненного учреждения (§ 11.3).

Еще одним важным учреждением, призванным развивать и направлять церковное образование в Дании стал церковный образовательный и научно-технический центр, созданный указом от 2018 г. [8]. Перед ним стоит цель: 1) на научной основе обеспечивать кандидатов в теологи практическим теологическим образованием в рамках подготовки к служению священником в Датской Церкви, а также на основе повышения квалификации укреплять предпосылки для служения вновь принятым священникам в церкви (§ 1.1); 2) укреплять альментеологическую, практическую теологическую и педагогическую деятельность в Датской Церкви и на научной основе обеспечивать альментеологическую, практическую теологическую и педагогическую подготовку, включая ориентацию в области социальных наук, философии, литературы и искусства с целью выполнения задач Церкви в современном обществе (§1.2); 3) обучать деканов с целью выполнения управленческих, консультативных и

административных функций должности декана (§ 1.3); 4) собирать, обрабатывать, разрабатывать и распространять данные и знания, которые имеют значение для церкви и взаимоотношений между церковью и обществом (§ 1.4).

Центр образования и знаний Церкви Дании возглавляет совет из шести членов, как предусмотрено разделом 4 закона об учреждениях Церкви Дании по образованию и непрерывному образованию священников. Председателя и заместителя председателя правления центра назначает министр церковных дел, а Совет директоров устанавливал подробные правила своей деятельности в правилах процедуры (§ 2). Вместе с тем, Центр образования и знаний Церкви Дании ежедневно возглавлял ректор и по его рекомендации совет назначает академического координатора «Образования» и «Знаний и развития» соответственно (§ 3).

«Обучение» включает подготовительную подготовку, обязательную непрерывную подготовку, подготовку деканов и добровольную непрерывную подготовку. При этом «Знание и развитие» включает сбор, обработку и распространение знаний, организацию конференций, содействие работе рабочих групп и сетевые мероприятия. Для отрасли «Образование» совет, по рекомендации ректора создал специализированные комитеты. Вообще же предметные комитеты формировались так, чтобы академическое предложение программ степени отражало различные требования, пожелания и потребности. Кроме того, в предметных комитетах было обязательно представительство университетов Копенгагена и Орхуса, а ректор готовил положения каждого комитета курса, которые утверждаются Советом (§ 4).

Для сферы «Знания и развития» назначен один специализированный комитет (специализированный комитет по знаниям и развитию), также созданный по рекомендации ректора. Его цель – обеспечить создание и дальнейшее развитие общей программы сбора, обработки и распространения знаний в национальной церкви. И в этом случае университеты Копенгагена и Орхуса представлены в Академическом комитете по вопросам знаний и развития, а ректор определяет полномочия для Предметного комитета по знаниям и развитию, утверждаемым Советом.

Особая роль отведена консультативному совету экспертов (академический совет), который состоит из академического состава и возглавляется ректором. Задача данного органа - обеспечении координации, развития и согласованности между профессиональными компетенциями и задачами организации, включая проведение по меньшей мере одного семинара в год (§ 6).

Программа «Тренировка» предусматривает начальную подготовку, включает служение и функции настоятеля, в т.ч. участие в руководстве общиной и членстве в приходском совете, проповедь, богослужение, церковные акты, беседы, учения и администрации. Программа длится всего 19 недель, включая назначенную стажировку, соответствующую одному семестру (§ 7).

Отельный важный процесс - обязательное непрерывное образование священников в их первом трудоустройстве. Он включает в себя дальнейшее изучение направлений (см. § 7) других основных богословских дисциплин для работы священников, информацию о современных церковных, культурных и социальных условиях.

Собственно, образование состоит из двух интернатных (т.е. с проживанием обучающихся на месте) курсов продолжительностью одну неделю в течение 2 лет (§ 8). Добровольные (т.е. по выбору) предложения непрерывного образования должны предлагаться как по общим богословским и практическим теологическим дисциплинам, так и по соответствующим предметам (§ 9). При этом, задача обязательного обучения для деканов – квалифицировать и обновить его для выполнения различных функций декана (§ 10).

Цели программы «Знаний и развития» таковы: 1) предоставлять знания, релевантные национальной церкви и взаимоотношениям между церковью и обществом;

2) распространять полученные знания о национальной церкви и общественности; 3) заниматься сбором и предоставлением данных; 4) функционировать как центр изучения, знаний, консультирования и координации Датской церкви в сферах практической теологии, желательно в междисциплинарной перспективе; 5) сотрудничать со связанными учреждениями и организациями в Дании и за рубежом, университетами и поддерживать контакты Евангелической лютеранской церкви со школьным миром (§ 11).

Следует указать на компетенции и задачи консультативного совета: осуществляет общее управление центром; следит, чтобы центр отвечал требованиям преподавания и т.д. на научном уровне; гарантировать, что центр отвечает требованиям по предоставлению и распространению знаний (§ 12); представлять рекомендацию министру церковных дел об изменениях и обновлениях академических правил.

В тоже время, совет не может подавать рекомендацию по вопросам уровня преподавания, пока соответствующие специализированные комитеты не подадут собственные заключения (§ 13). Вместе с тем, содержание программ утверждается советом (§ 14). Распределение обязанностей между руководством образовательного и научно-технического центра установлено следующее:

1.Совет директоров отвечает за стратегическое планирование (§ 15).

2. Ректор несет ежедневную ответственность за персонал и отвечает за: а) реализацию стратегических целей совета директоров для организации в целом; б) организация и осуществление обучения на научной основе; в) общее образовательное, административное и финансовое управление центром; г) чтобы центр через собственные инициативы и как запрашивающий, предоставляет релевантные и полезные знания как для национальной церкви, так и для общества в целом; д) обеспечение распространения собранных знаний (§ 16).

В свою очередь академические координаторы помогают ректору реализовать стратегические цели организации в целом, а профессиональные координаторы составляют местную базу управленческих распоряжений и осуществляют ежедневную операционную ответственность на своем месте (§ 17). Назначение директора и постоянных учителей происходит через Совет директоров, который представляет рекомендацию министру по назначению ректора, но не ранее получения письменно обоснованного мнения о профессиональной квалификации заявителей от комитета по оценке, созданного в соответствии с разделом 19 (§ 18).

Важную роль в кадровой работе играет и совет директоров, который создает оценочный комитет по таким позициям: 1) ректор центра; 2) два члена, назначенные в соответствии с рекомендацией университетов Копенгагена и Орхуса, и 3) один член, назначенный советом директоров. Председателем оценочного комитета является ректор, а сам комитет может, по решению совета директоров, быть утвержден специальным экспертом. Также совет директоров устанавливает подробные правила работы комитета по оценке (§ 19). При формировании преподавательских должностей, ректор должен базироваться на информации по кандидатам от оценочной комиссии, после чего представляет свое решение на утверждение министру (§ 20). Иной персонал нанимается исключительно ректором (§ 21).

Условия вступления законом установлены следующие. Выпускники богословских факультетов датского университета и другие, которые могут получить священники в Датской евангелически-лютеранской церкви, имеют доступ к подготовительному образованию. Ректор может установить список ожидания, если очень большое количество абитуриентов подает заявку на поступление; может предоставить доступ другим, кто готовится к служению священника в церкви (§ 24). Священники, впервые работающие в церкви, также имеют доступ к обязательному непрерывному образованию, но ректор может предоставить доступ другим священни-

кам (§ 25). Деканы церкви имеют доступ к участию в обучении декана (§ 26). Кроме того, священники, приходские помощники/работники церкви и культуры, для которых осуществляется церковное наблюдение, учителя национальной церкви, лидеры и работники добровольной церковной работы, также имеют доступ к участию в курсах и учебных курсах, которые предлагаются как добровольное непрерывное образование (§ 27).

Что касается вопросов участия в преподавании, то для этого священнику следует предъявить свидетельство об участии в подготовительном образовании в соответствии с разделом 1(3) Закона о трудоустройстве на должностях в Церкви Дании и т.д. Вместе с тем, священники, упомянутые в § 25, должны завершить обязательное непрерывное образование в течение 2-х лет после трудоустройства. Однако от этого освобождались священники, работающие на временных должностях или условиях коллективного договора с квотой занятости менее 50% (§ 28). По своему усмотрению ректор получил право, как не учитывать данные требования (§ 29), так и разрешить пропускать отдельные занятия (§ 30).

К иным правам ректора закон относит право возможность дисциплинарных мер в отношении учащихся (§ 31); полностью или частично освободить от платы за обучение, или же взимать полную плату (§ 32). Определение правил установления оплаты за дополнительные услуги, возлагается на Совет директоров (§ 33). С принятием данного акта (вступил в силу 12.01.2018), отменялся исполнительный приказ № 1501 от 10.12.2013 г. «о Центре образования и знаний Церкви Дании».

Подводя итог эволюции системы подготовки священников для национальной церкви Дании в исследуемый период, можно указать, что изучаемая система состоит из двух основных блоков: 1) высшее образование на уровне не ниже магистра на теологических факультетах университета Копенгагена и Орхуса; 2) обязательное непрерывное образование священников в их первом трудоустройстве в соответствующих учреждениях. Нормативная база позволяет претендовать на должности священников также лицам, имеющим степень магистра по иным специальностям, но с обязательной переподготовкой. Эволюция системы непрерывного образования священников, действующая уже на протяжении служения, способствует поддержанию их профессионализма при выполнении своих непосредственных обязанностей.

Список литературы:

1.Bekendtgørelse vedrørende lov om ansættelse i stillinger i Den Danske Folkekirke m.v. LBK No 676 07.13.2026. – URL: Bekendtgørelse af lov om ansættelse i stillinger i folkekirken m.v. (дата обращения 8.09.2026).

2.Efteruddannelse for kandidater uden teologi med henblik på pastorale stillinger.– Efteruddanelse for kandiddader uder teologi med pa pastorale stilling – Kobenhavns Universitet

3.Redaktion Leif Grane G • E • C Gads Forlag København 1980. Produceret som elektronisk tekst på Det Teologiske Fakultet, Københavns Universitet, og lagt på fakultetets hjemmeside med forlagets tilladelse. December 2015. – URL: Københavns Universitet 1479-1979, Bind V, Det teologiske Fakultet (дата обращения 8.09.2026).

4.Forslag til Lov om oprettelse af et efteruddannelsesinstitut for præster. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 5. februar 1964.*). – URL: 19631_L113_som_vedtaget.pdf (дата обращения 8.09.2026).

5.Forslag til Lov om præstehøjskolen. ; (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 13. maj 1976.*). – URL: 19751_L123_som_vedtaget.pdf (дата обращения 8.09.2026).

6.Kirkeministeren (Torben Rechendorff). Forslag til lov om folkekirkens institutioner til uddannelse og efteruddannelse af præster. (Lovforslag nr. L 137). – URL: 19891_L137_fremsaettelsestale.pdf (дата обращения 8.09.2026).

7.Forslag til Lov om folkekirkens institutioner til uddannelse og efteruddannelse af præster. – URL: 19891_L137_som_vedtaget.pdf (дата обращения 8.09.2026).

8.BEK nr 13 af 10/01/2018 (Gældende)Bekendtgørelse om Folkekirkens Uddannelses og Videnscenter. – URL: B20180001305.pdf (дата обращения 8.09.2026).

Venediktov V. V. The Development of the Clergy Training System in the Evangelical Lutheran Church of Denmark (Second Half of the 20th – Early 21st Centuries) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 53-61.

This article outlines the evolution of the clergy training system for the National Church of Denmark—functioning as a state institution—during the second half of the 20th and the early 21st centuries. The study reveals that the system comprises two main components: 1) higher education at the master's level (or higher) within the theology faculties of the Universities of Copenhagen and Aarhus; and 2) mandatory continuing education for clergy during their initial employment at relevant institutions. Regulatory frameworks also allow individuals holding master's degrees in other disciplines to qualify for clergy positions, provided they complete mandatory retraining. The evolution of the clergy's continuing education system—active throughout their tenure—helps maintain professional standards in the performance of their pastoral duties.

Keywords: National Church of Denmark, clergy training, continuing education, theology faculties, universities, education.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 62-67.

УДК 349

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ В XIX ВЕКЕ

Великая О. С.

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Исследование посвящено изучению проблем организации образования для несовершеннолетних осужденных в Великом княжестве Финляндском в 19 в. Выявлены основные нормативные акты, регулирующие данный вопрос, а также изложены отдельные результаты данного процесса. Определено, что предоставление начального образования несовершеннолетним осужденным являлось частью государственной политики Российской империи в Великом княжестве Финляндском. Результаты данной политики позволили, после освобождения из мест ограничения свободы, большинству молодых людей не просто вернуться к жизни в обществе, но и за частую приобрести достойную профессию, надежный источник существования вне преступного мира.

Ключевые слова: Российская империя, Финляндия, обучение несовершеннолетних, места ограничения свободы, нормативные акты.

Вопросы обучения несовершеннолетних лиц в местах лишения / ограничения свободы несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи вообще и ее регионах, нашли свое отображение в научных публикациях как отечественных, так и зарубежных ученых [1, с. 10-13; 2, с. 159-164; 3, с. 90-98; 4, с. 79-83; 5].

Первый детский дом в Финляндии был основан при укреплении Суоменлинны в середине XXVIII в. Однако количество учреждений, предназначенных для детей, начало увеличиваться только в XIX в. Это было общеевропейское явление, фоном которого стало рождение новых национальных государств и укрепившаяся вера в особую природу детства. С реформой уголовного законодательства в Европе несовершеннолетних правонарушителей стали помещать в учебные заведения вместо тюрем. Первое настоящее учебное заведение Финляндии было основано в 1829 г. в Кюллияля Выборгского уезда [6]. Школьный дом Кылляля (Kylliälä) был основан в 1829 г. недалеко от Выборга. Сегодня учреждение теперь работает под названием Образовательный центр Лиминга (Limingan) недалеко от города Оулу. В Финляндии домашняя работа в школе изначально рассматривалась как воспитательная работа с детьми, подвергающимися насилию. При этом, учреждение в Кюлляльки было единственным в для детей с делинквентным поведением до 1860-х годов [7].

К середине XIX в. в Европе и Финляндии, невежество и неграмотность часто рассматривались как причина преступлений, поэтому образование заключенных в карцере было немедленно регламентировано указом 1866 г.: "Начальное образование, которое в иных случаях обеспечивается за счет нанятого специально преподавателем с необходимыми помощниками, должно было стать предметом курса обучения в начальных школах». Предполагалось, что образование будет направлено на самых молодых заключенных, поэтому более старшие, т.е. те, кому за 40 лет [8] освобождались от обучения. Кроме того, предоставление молодым заключенным образования должно было поддерживаться библиотекой в каждом карцере.

26 ноября 1866 г. издан Временный указ «Об исполнении наказаний в виде лишения свободы», который сделал тюремное заключение основной формой наказания за преступления [9]. Однако, при этом, молодых людей не должны были держать в одной комнате с пожилыми заключенными, и, если возможно, в идеале их следовало отправлять в приемную семью (пар. 4) [10].

Вместе с тем, этим же указом, по сути наряду с обычным заключенным было введено понятие несовершеннолетнего преступника: «Юный озорник, не достигший двенадцатилетнего возраста, должен, по возможности или, если в стране появляется

возможность, предоставляется возможность содержания в одиночной комнате, или, если в стране появляется возможность передачи… под опеку или детей, подвергающихся жестокому обращению, которые должны быть отданы на воспитание». Пар. 15 предусматривало обязательное обучение Закону Божьему, элементарным познаниям; ремеслам, входящим в круг действия заведения. И даже более того, пар. 17 данного указа устанавливал, что «Элементарное обучение, которое производится назначенным для этого учителем с необходимыми помощниками, должно обнимать обыкновенный курс народных школ, но может простираться и далее». Исполнительный приказ 1866 г. также гласит, что в случае лиц моложе 18 лет, в течение нескольких месяцев полного не рассматривается как воспитательная мера, и они должны были быть немедленно переведены в другой класс.

Невежество и неграмотность часто рассматривались как причина преступлений, поэтому образование заключенных в карцере было немедленно регламентировано указом 1866 г.: "Начальное образование, которое должно было обеспечиваться назначенным для этой цели преподавателем с необходимыми помощниками, должно было стать предметом курса обучения в начальных школах» [11, с. 21].

«В 1893 г. в Вуорелла состоялось открытие первого воспитательного учреждения для малолетних преступниц… Окончившим полный образовательный курс в учреждении предоставлялись те же права, какими пользовались учащиеся, окончившие полный курс высшей народной школы» [3, с. 92; 12, с. 387].

В Миккели в 1875 г. была основана школа Кой Викко, которой руководила Ассоциация по обучению небезопасных детей. Она, как и другие учреждения образовательной ассоциации, была ориентирована на лечение плохо себя ведущих детей. Позднее, в начале XX в. охранительное воспитание разделилось на еще две важные части: 1) уголовная политика; и 2) социальная политика [13, с. 4-14]. По сути, первое, т.е. защитное воспитание в области уголовной политики на практике означало специальные учреждения под руководством тюремного управления Великого княжества и, очевидно, являлись аналогом исправительных учреждений

В этом же году законодателем сделано заявление о воспитательных мерах в отношении несовершеннолетнего заключенного: 16§ «Если только несовершеннолетнего не предписано поместить в учебное заведение; обращение, которому он подвергается в пенитенциарном учреждении, должно быть приспособлено к его преступлению и соответствовать его преступлению, что означает его воспитание» [14].

20.02.1883 г. издано «Высочайшее ЕИВ Объявление, о штате Тавастгусской карательной и рабочей тюрьмы» [15, с. 6-8]. В штат данного учреждения, кроме стандартного набора подобных учреждений, входили старшая и младшая учительницы. Содержание данного акта, по нашему мнению, т.е., включение в штат двух учительниц, говорит о том, что к этому периоду для учреждений, где содержались несовершеннолетние, учителя, как и образование, стало стандартным явлением.

Указ о исправительном учреждение для несовершеннолетних нарушителей спокойствия и дегенеративных мальчиков Койвула, от 17.11.1890 г. [16, p. 4], кроме исправительных мер, предусматривал обязательный процесс обучения. При этом, окончание школьного курса в данном учебном заведении, а в последующем и аналогичных, давала право на льготы, предоставляемые учащимся, оканчивающим высшие государственные школы страны (§ 16). Т.е., школьное образование учащихся Куйволы, которое по объему и содержанию должно было включать курс высшей начальной школы.

История школьных домов в Финляндии насчитывает почти двести лет, хотя государство начало только в 1891 г. Учреждения, созданные до этой даты, были созданы только в 1891 г. [17]. Новый, мощный толчок к улучшению деятельности школ в пенитенциарных заведениях Великого княжества Финляндского дал указе 1894 г. о

введении в действие Уголовного кодекса, который подчеркивал необходимость изоляции молодых преступников и, таким образом, защиты тех, кого считали развращенными. от пожилых заключенных самой низкой категории принуждения.

Подавляющее число молодых людей впервые в жизни могли обучаться в начальной школе, и в заключении они чаще видели положительный опыт, чем образе своих родителей, сверстников. Более того, они регулярно учились и действительно научились читать и писать. В соседнем штрафном изоляторе в Хельсинки, до примерно 60% поступивших в тюрьму неграмотных научился писать в именно в данном заведении. Можно также предположить, грамотность была еще более распространена в Каколе и замке Хямеен, где среднее время пребывания было более чем в два раза больше, чем в Сёркя, что также давало им возможность выполнить более больше классов начальной школы [18, p. 94]. В середине 1890-х годов ежедневная программа в Сяркелянском учреждении для мальчиков Общества образования состояла из обучения, работы, богослужений и игр, не забывая, конечно, о регулярном сне и питании. Обучение длилось 22 ч. в неделю и охватывало целый ряд предметов - от родного языка до пения и арифметики. Работа заключалась в обычных домашних делах, которые считались подходящими для мальчиков, например, ношение воды и разрезание ореолов. Поддержание дисциплины включая поощрения, предупреждения, лишение пищи или, в крайних случаях, телесные наказания.

Следует также указать, что рабочее время наказуемого в изучаемый период в Финляндии составляло регулярно 11 ч. в день, включая время, затрачиваемое на религиозное и иное школьное образование. Однако за день до воскресенья и в день праздника работа прерывалась причастием на час раньше обычного (раздел 41) [19].

Поддерживала данное направление (образования) и высшая власть страны. 14 января 1891 г. изданы правила для губернских тюрем Финляндии на этот год. Согласно данному документы, проповедники обязывались: «4) осуществлять надзор и руководство начальным образованием таких заключенных, как такое обучение, и наставлять в религии как таковой как этих, так и других заключенных, которые особенно в этом нуждаются, а также подготовить их к подтверждение таких заключенных, которые не являются грамотными, при условии, что время для их оставаться в тюрьме», «8) ежегодно в течение февраля месяца отчитываться перед директором о свою службу и начальное образование в течение прошедшего года» [20, с. 20].

В обязанности же учителя, входило: 1) по утверждению директора и под руководством пастора и под руководством и наблюдением проповедника учитель несет ответственность за заключенных мужчин и женщин обучение элементарным знаниям; 2) отправлять в тюрьму тех, кто должен получить начальное образование в тюрьму, чтобы проверить его меру знаний и побеседовать с проповедником. начальнику группы, к которой может быть приписан заключенный; 3) помогать проповеднику в составлении списков и учебные материалы и школьное оборудование в тюрьме, а также подчиняться проповеднику и своевременно обратиться к префекту с просьбой о предоставлении необходимых средств; 4) помогать проповеднику в уходе за книжным фондом; предложить начальнику тюрьмы увеличить коллекцию книг; 5) записывать в специальную памятную книгу, под наблюдением пастора, все необходимые для учета его службы в тюрьме; и а также другую подобную информацию, касающуюся ведения начального образования, которые надзиратель или пастор считает необходимыми [20, с. 23].

Уголовный кодекс ВКФ 1889 г. освобождал от уголовной ответственности лиц, не достигших 15-летнего возраста, но по решению суда дети старше 7 лет могли быть направлены в общеобразовательное учреждение. (Указ об отмене или сокращении преступности 39/1889 Гл. 3, 1 §). Социальная политика государственной программы образования поддерживала учреждения, в которых были размещены «непо-

слушные», но еще не преступные дети. В указе об исполнении наказаний задачей этих учреждений было воспитание детей «к богобоязненности, целомудрию, знанию, трудолюбию и хорошему порядку» (39Б/1889, гл. 6 1§) первое учебное заведение в Вуореле, ориентированное на девочек было основана в Вихти в 1893 г.

По состоянию на 1891 г. в местах заключения ВКФ основными преподаваемыми предметами были религия, письмо, счет и пение. В результате того, что в течение этого года в окружных тюрьмах Миккели, Куопио и др. проводились строительные работы, в тюрьмах по этой причине часть года отсутствовали подходящие школьные помещения, а в указанное в них время заключенные не получали школьного образования. В исправительно-трудовых тюрьмах предметами образования были религия, чтение в закрытых помещениях, письмо, арифметика, грамматика родного языка, география, основные аспекты истории родины и песни, и обучение проводилось по 5-6 часов в день в разных классах. За исключением пения, каждый класс регулярно преподается по часу в день. В соответствии с отчетами, предоставленными этими тюремными учителями, администрация предоставила следующие данные:

Тюрьма близ Хельсинки. В тюрьму поступил 201 чел.й, чьи знания по прибытии были оценены так: 65 могли читать хорошо, 50 - удовлетворительно, 69 - достаточно, 8 - немного и 15 - совсем нет, и т.д. Умело считать: 6 отлично, 6 хорошо, 29 удовлетворительно, 18 немного и 142 вовсе нет. Хотя 152 из 201 упомянутого заключенного были моложе 40 лет, только 59 из них, из-за отсутствия достаточного количества преподавательского состава, можно было позволить закончить 1 год обучения в школе. В течение года школу посещали 186 чел., из которых 82 остались с предыдущего года и 104 были приняты в школу в течение года [21, p. 21]. Из них:

	В начале года	По окончании школы
Хорошо читали	65	102
Удовлетворительно читали	64	60
Избегали чтения	43	17
Немного читали	9	7
Вообще не читали	5	-
Хорошо писали	1	16
Писали удовлетворительно	10	46
Писали свободно	37	62
Писали немного	48	48
Не писали вообще	90	14
Считали хорошо	12	34
Считали удовлетворительно	10	18
Избегали счета	30	48
Немного считали	30	48
Не считали вообще	109	52

В течение года 179 заключенных покинули тюрьму, из них 104 - с более длительным или посещали тюремную школу в течение более или менее длительного периода. Были изучены записи о выпускниках при освобождении следующим образом: 87 могли читать хорошо, 53 - удовлетворительно, 29 - достаточно и 9 - немного; 21 человек мог писать хорошо, 25 - удовлетворительно, 38 - довольно хорошо, 35 - немного и 9 - чуть-чуть. 60 - нет; 25 хорошо, 19 удовлетворительно, 22 справедливо, 29 немного и 84 вовсе нет. Средний возраст учеников в разных классах варьировался от 21 до 27 лет. В изучаемый период в библиотеке имелось 3 426 томов, доступных для заключенных, из которых 2 726 финских и 700 шведских. В течение 1889 года библиотека в тюрьме выдала 2 536 книг.

Тюремная тюрьма Турку. В течение года школу посещали 227 заключенных, разделенных на 4 класса. Из них 1 умер в течение года, 1 сбежал, 8 освобождены, а 54 были освобождены от занятий по следующим причинам, а именно [21, с. 42]: из уже пройденного школьного курса – 14; из-за преклонного возраста 15; по болезни – 10; из-за отсутствия возможности 11; ради порученной работы 2; Тюремная библиотека насчитывала 2 251 том, в том числе 1 676 на финском и 575 на шведском языке, широко использовались заключенными в течение года [21, с. 43].

Уголовно-трудовая тюрьма Хямеенлинна. В течение года школу посещали 316 чел., из которых 215 остались с предыдущего года, а в течение года к ним присоединилось 101. Из последних 215 смогли посещать школу по прибытии: 22 могли читать хорошо, 20 - удовлетворительно, 35 - достаточно, 14 - немного и 10 - совсем нет. Писали отлично 1, хорошо 11, удовлетворительно 20, немного 17 и совсем нет 52. Считали хорошо 5, удовлетворительно 9, немного 20 и совсем нет 67. Из 316 заключенных, упомянутых выше, 7 умерли, а 68 освобождены в течение года. Таким образом, общее количество учащихся на конец года составило 241. Из них: 8 учеников освобождены от нерегулярного посещения школы по окончании года за прохождение курса и 15 - из-за высокого возраста. До 1890 г. осталось 218 учеников.

В течение года школу Лаппеенрантская исправительно-трудовой тюрьмы посещали 168 заключенных. Из них 1 смог посещать школу по прибытии: читать, хорошо - 37, удовлетворительно - 41, хорошо - 46, немного - 26 и совсем нет - 18; написать: хорошо 20, хорошо 19, удовлетворительно 31, немного 46 и совсем нет 52; считать хорошо 33, удовлетворительно 23, немного 46 и совсем не 64. [21, с. 44]. Таким образом, можно указать, что в исследуемый период базовое начальное образование постепенно, к концу 19 – к началу XX вв. стало общеобязательной практикой для несовершеннолетних и взрослых. Однако, основной упор делался в княжестве на образование молодежи, что не только дисциплинировало таких лиц в местах ограничения свободы, давало им в последствии реальный шанс найти свое место в свободной жизни, где потребность в грамотных гражданах, особенно на фоне быстрого экономического развития Финляндии, становилась все острее.

Список литературы:

1.Асеева А. С. Правовые основы помещения несовершеннолетних в исправительные заведения Российской империи после 1861 г. // Вестник экономической безопасности. Юридические науки. № 2. 2019. – С. 10-13. – URL: Правовые основы помещения несовершеннолетних в исправительные заведения в Российской империи после 1861 г. (дата обращения: 02.02.2026).

2.Белянкова Е. И. Цели и особенности педагогической работы исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в Российской империи во второй половине XX – начале XX вв. // научно-практический журнал «Гуманихация образования». № 6/2009. – С. 159-164. – URL: Цели и особенности педагогической работы исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников в российской империи во второй половине XIX - начале XX веков

3.Орфинская Л. В. Исправительно-воспитательные учреждения и патронат в России и Финляндии. Конец XIX – начало XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 1. – С. 90-98. – URL: Исправительно-воспитательные учреждения и патронат в России и Финляндии. Конец XIX — начало XX в. (дата обращения: 02.02.2026)

4.Прысь Е. В., Фирудин Махрамали оглы Фейзуллаев. Правовое регулирование кадровых вопросов воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи конца XIX – начала XX века // Уголовно-исполнительное право. 2014. №1. – С. 79-83. – URL: Правовое регулирование кадровых вопросов воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи конца XIX - начала XX века (дата обращения: 02.02.2026)

5.VANGIN OPPIMISPOLKU PORTTI-KOULUTUKSESSA: Vankien sekä henkilökunnan kokemuksia ja mielipiteitä Lindberg, Lilli & Mikkonen, Tuuli 2010 Laurea Tikkurila. – 57 p.

6.KOULUKODIT ESIRIPUN TAKANA Koulukodit ammattilehtien artikkeleissa ja tieteellisissä julkaisuissa Sami Kihlman Tomi Rautiainen Erityispedagogiikan pro gradu -tutkielma Syyslukukausi 2010 Kasvatustieteiden laitos Jyväskylän yliopisto. – 19 p. – URL: URN:NBN:fi:jyu-201011173104.pdf

7.Nuori pahantekijä – Alaikäiset kuritushuonevangit 1800-luvun lopulla Pro gradu -tutkielma Suomen ja Pohjoismaiden historia Filosofian, historian, kulttuurin ja taiteiden tutkimuksen laitos Humanistinen tiedekunta Emilia Kukkola Huhtikuu 2015 Tiedekunta/Osasto / Fakultet/Sektion – Faculty Humanistinen

tiedekunta Tekijä / Författare – Author Emilia Kukkola Laitos / Institution – Department Filosofian, historian, kulttuurin ja taiteiden tutkimuksen laitos Työn nimi / Arbetets titel – Title Nuori pahantekijä – Alaikäiset kuritushuonevangit 1800-luvun lopulla Oppiaine / Läroämne – Subject Suomen ja Pohjoismaiden historia Työn laji / Arbetets art – Level Pro gradu -tutkielma Aika / Datum – Month and year Sivumäärä / Sidoantal – Number of pages.
8.Resurssien mukaan ikäraja vaihteli 35 ikävuoteen. Vrt. Hämeenlinna vuosikertomus 1891, Db:1, Hämeenlinnan kuritushuone- ja työvankila, HMA. Sielunhoidon ja kouluopetuksen vuosikertomukset 1894, II Ha:1, Helsingin keskusvankilan seurakunnan arkisto, KA. Kts. myös Lahtinen & Salminen 2014, s. 102.
9.Высочайшее Его Императорского Величества Постановление о исполнении наказаний лишением свободы. 26 ноября 1866 г. №27, 2 ¼ листа, печатан в Гельсингфорсе 31 июля 1867 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1867.
10. Lastensuojelun sosiaalityön historia Suomessa 1800-luvun lopulta 1990-luvulle Päivi Känkänen Sosiaalityön pro gradu -tutkielma Yhteiskunta- ja kauppatieteiden tiedekunta Yhteiskuntatieteiden laitos Sosiaalityö Itä-Suomen yliopisto Toukokuu 2012. – С. 17-18. – URL: content (дата обращения: 02.02.2026)
11. VANGIN OPPIMISPOLKU PORTTI-KOULUTUKSESSA: Vankien sekä henkilökunnan kokemuksia ja mielipiteitä Lindberg, Lilli & Mikkonen, Tuuli 2010 Laurea Tikkurila. – URL: https://urn.fi/URN:NBN:fi:amk-2010120316972 (дата обращения: 02.02.2026)
12. Исправительные учреждения для несовершеннолетних в Финляндии // Тюремный Вестник. СПб., 1912. №2. С. 387.
13. Heini Lesojeff Lasten- ja koulukotien johtajien kasvatusnäkemykset ja pedagoginen johtajuus 1970–1980-lukujen vaihteessa. Metropolia Ammattikorkeakoulu Sosionomi YAMK Sosiaali- ja terveysalan palveluiden johtaminen Opinnäytetyö 28.1.2019. – P. 4-14.
14. KM 1875, rangaistuksen toimeenpanemisesta, 2. luku 16§.
15. 1883 г. 20 февраля. Высочайшее ЕИВ Объявление, о штате Тавастгусской карательной и рабочей тюрьмы. // Сборник постановлений Великого княжества Финляндского за 1883 г. №10. – С. 6-8.
16. Hans Kejserliga Majestäts Nâdiga Reglemente, för Koivula uppfoslringsanstalt för minderárige manliga lörbrylare och vanartade gossar à Nygárd lägenhet i Olverkervo by ai Thusby socken. Gifvet i Helsingfors. den 17 November 1890. / 1890. STORFURSTENDÖMET FINLANDS FÖRFATTNINGSSÍSAMLING №o 23. № 23, 3 ark, utgifvet i Helsingfors, den 24 November 1890. Helsingfors, Kejserliga Senatens tryckeri, 1890. – P. 4.
17. Österbladh, Kaarlo 1934: Pappissääty Suomen valtiopäivillä 1809–1906. Osa 2, 1885–1906, Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia, Helsinki. – URL: Pappissääty Suomen valtiopäivillä 1809-1906. II, 1885-1906 / kirjoittanut Kaarlo Österbladh. - Digitaaliset aineistot - Kansalliskirjasto
18. Nuori pahantekijä – Alaikäiset kuritushuonevangit 1800-luvun lopulla. Pro gradu -tutkielma Suomen ja Pohjoismaiden historia Filosofian, historian, kulttuurin ja taiteiden tutkimuksen laitos Humanistinen tiedekunta Emilia Kukkola Huhtikuu 2015. – P. 94. – URL: Nuori pahantekijä – Alaikäiset kuritushuonevangit 1800 (дата обращения: 02.02.2026)
19. Vuoden 1891 maakuntavankilamääräykset. Hänen Keisarillisen Majesteettinsa armollinen säädös. Suomen maakuntavankilat. Helsingissä; klo 14.00, tammikuussa 1891. – URL: Provincial Prison Statute 1891 :: Documents :: Historiakone :: Publications :: Agricola - Finnish history network (agricolaverkko.fi)
20. Hens Kejserlige Mejestäts Nâdiga Reglemente för Iänsiängelserna i Finland. Gifvet i Helsingfors, den 14 Januari 1891. Wi ALEXANDER den Treslje, med Guds Näde, Kejsare oth Sjelfherrskare öfver hele Ryssland. Tsar af Polen, Storfnrsle 1111 Finland, etc., ele., etc. Göre veterligt: att Wi funnit godt härigenom i nâder fastställa följande reglemente för 151115 fängelsernaJ i Finland // STURFURSTENDÜMET FINLAan FÜRFATTNINGSSAMLING 1891. Innehällande: N:o 1-47 jemte Kronologiskt och Alfabetiskt register. A I U HELSINGFORS, KEJSERLIGA винтика TRchERI, 1892. Kronologiskt Reg
21. SUOMENMAAN VIRALLINEN TILASTO. XII. VANKEINHOITO. Vankeinhoitohallituksen kertomus vuodelta 1889. – HELSINGISSÄ, KEISARILLISEN SENAATIN KIRJAPAINOSSA, 1891. – 56 s.
22. SUOMENMAAN VIRALLINEN TILASTO. X II . VANKEINHOITO. Vankeinhoitohallituksen kertomus vuodelta 1889. HELSINGISSÄ, KEISARILLISEN SENAATIN KIRJAPAINOSSA, 1891. P. 41-44.

Velikaya O. S. THe organization of education for juvenile offenders in Finland in the 19th century // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 62-67.

This study examines the organization of education for juvenile offenders in the Grand Duchy of Finland during the 19th century. It identifies the key regulatory acts governing this issue and presents some of the outcomes of this process. The study concludes that the provision of primary education to juvenile offenders was part of the Russian Empire’s state policy within the Grand Duchy of Finland. The results of this policy enabled most of these young people, upon their release from penal institutions, not only to reintegrate into society but often to acquire a respectable profession—a reliable means of livelihood outside the criminal world.

Keywords: Russian Empire, Finland, education of juveniles, penal institutions, regulatory acts.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 68-73.

УДК 340 (470) «199/200»

КАДРОВАЯ РАБОТА В ПРОКУРАТУРЕ КРЫМА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Задерейчук И. П.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье проведён анализ проблем кадровой работы в органах прокуратуры Республики Крым в контексте формирования правового государства и развития рыночной экономики. Особое внимание уделено динамике штатной численности, механизмам комплектования кадрового состава, причинам увольнений, задачам омоложения коллектива, а также оценке уровня профессиональной подготовки молодых специалистов. Исследовано влияние социально-экономических трансформаций на показатели текучести кадров. Отдельно рассмотрены организационные аспекты отбора кандидатов для заключения договоров о целевом обучении. Установлено, что критериями отбора абитуриентов выступали академическая успеваемость, значимые достижения в области правоведения, а также совокупность морально-нравственных качеств и выраженность мотивации к службе в органах прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура Крыма, кадровая работа, прокуратура.

Успех работы любого учреждения или организации всегда зависел от уровня профессиональной подготовки её сотрудников. К моменту распада СССР в прокуратуре Крыма трудился коллектив прокурорско-следственных работников, имевших высшее юридическое образование. Это были выпускники ведущих юридических факультетов и институтов СССР, обладавшие значительным опытом практической работы. Изменения в социально-экономической и политической сферах жизни крымского общества, происходившие после 1991 г., оказывали влияние на работу с кадрами и их численность, а также формировали новые подходы к отбору кандидатов на службу в органах прокуратуры. Эти изменения в кадровой работе в изучаемый период не потеряли своей актуальности и на современном этапе развития прокуратуры Республики Крым.

Согласно утверждённому к 1.01.1992 г. штатному расписанию по Республике, в прокуратуре предусматривались следующие должности: 1 единица – прокурор республики; 2 – заместители прокурора; 1 – начальник следственного управления; 3 – заместители начальника следственного управления; 14 – начальники других отделов и старшие помощники прокурора; 13 – прокуроры следственных управлений; 25 – помощники прокурора и прокуроры других отделов; 10 – следователи по особо важным делам. В городских, районных и приравненных к ним прокуратурах по штату было предусмотрено: 34 прокурора; 20 заместителей прокуроров; 86 помощников прокурора; 57 старших следователей и следователей [1, л. 1]. В 2004 г. штатное расписание прокуратуры АРК насчитывало 606 штатных единиц, из них 430 оперативных работников и 176 чел. технического персонала. При этом в аппарате работало 199: оперативных работников – 139, технических – 60. В местных органах прокуратуры трудилось 407 чел.: оперативных работников – 291, технических работников – 116 [2, л. 64]. Спустя 3 года, по состоянию на 1 мая 2007 г., утверждённым Генеральным прокурором Украины штатным расписанием предусматривалось уже 710 сотрудников. Из них на аппарат было выделено 226 штатных единиц (158 – для оперативных работников, 68 – для технического персонала), на местные прокуратуры – 484 штатные единицы (367 – для оперативных работников, 117 – для технических работников) [3, л. 121]. В 2011 г. штатное расписание прокуратуры Крыма выглядело так: 1 прокурор и 7 заместителей прокурора Крыма; 42 начальника управления, отдела, старших помощника; 11 заместителей начальников управлений;

93 старших помощника, прокурора управлений, помощника прокурора; 14 следователей по особо важным делам, старших следователей.

В райгорпрокуратурах и приравненных к ним прокуратурах штатным расписанием было предусмотрено 29 и 31 заместитель, старшие помощники и помощники прокуроров – 279, старшие следователи и следователи – 52. Всего утверждённым штатным расписанием к 30.12.2011 г. в прокуратуре АР Крым насчитывалось 559 оперативных работников [4, л. 1]. На 1.01.2014 г. штат прокуратуры АР Крым насчитывал 696 чел., фактически работало 675 [5, л. 1]. Увеличение штатного расписания было связано с ростом количества обращений граждан, усилением работы по поддержанию государственного обвинения, состоянием законности и правопорядка, а также увеличением численности и структурных подразделений в других правоохранительных органах на поднадзорной территории.

Рассматривая гендерный состав прокуратуры АР Крым, можно отметить, что наряду с мужчинами активно трудились женщины, причём их количество увеличивалось год от года. Если в 1992 г. работало 71 женщина [6, л. 9], то в 2006 г. их насчитывалось уже 138 [7, л. 16], а к 2014 г. – 237 [5, л. 1]. Рост численности женщин-работников обусловлен как общим увеличением штатной численности прокуратуры Крыма, так и снятием негласного ограничения на приём женщин на обучение и работу в органы прокуратуры, действовавшего в советский период. Кроме того, сами девушки проявляли большой интерес к правозащитной деятельности.

Возрастной состав служащих прокуратуры Крыма по состоянию на 1 января 1992 г. был следующим: сотрудников в возрасте до 30 лет работало 45 чел., от 30 до 40 лет – 99 чел., от 40 до 50 лет – 63 чел., пенсионного возраста – 9 чел. [6, л. 9].

В 1994 г. в прокуратуре работало 25 чел. в возрасте от 25 до 30 лет (12 следователей, 12 помощников прокурора, 1 сотрудник аппарата); пенсионеров – 17, сотрудников предпенсионного возраста – 15. При этом в основном это были опытные сотрудники: стаж работы до 3 лет имели 40 сотрудников, свыше 7 лет – 168 [8, л. 54]. В 1996 г. возрастной состав прокуратуры выглядел так: работников до 25 лет было 23, от 25 до 30 лет – 32, от 30 до 40 лет – 101; женщин в возрасте 45–50 лет и мужчин в возрасте 50–55 лет – 43; работников пенсионного возраста – 50 [9, л. 117].

Вместе с тем в 1992 - 1996 гг. наблюдался отток из прокуратуры опытных кадров. Постепенно увольнялись работники, имевшие значительный стаж прокурорской работы; в большей степени это было связано с выходом на пенсию. Например, в 1996 г. на пенсию уволились: Федотова Екатерина Фёдоровна (стаж работы в органах прокуратуры – 43 г.а, последняя должность – прокурор ГСО); Змейкина Нина Семёновна (стаж – 43 г., прокурор отдела национальной безопасности); Стариков Анатолий Дмитриевич (стаж – 40 лет, помощник прокурора Киевского района Симферополя); Шабалина Валентина Григорьевна (стаж – 35 лет) [10, л. 7].

Несмотря на постепенное увольнение на пенсию возрастных крымских прокуроров, до начала 2000 г. сохранялась тенденция, при которой средний возраст прокуроров превышал 30 лет. Именно с 2000 г. начался процесс стремительного омоложения кадрового состава прокуратуры. Наиболее наглядно эти данные представлены в таблице 1.1 [11].

Таб. 1.1.: Распределение прокуроров по возрасту

Год	возраст			
	до 25 лет	от 25 до 30 лет	от 30 до 40	женщины от 40 до 50 и мужчины от 50 до 55 лет
1998	44	34	104	39
2000	69	67	91	23
1 января 2002	111	93	78	35
1 января 2003	74 (18%)	131 (31,9 %)	82 (20 %)	40 (9,7 %)

1 января 2005	107 (22,1 %)	174(35,9%)	53 (10,9 %)	
1 января 2007	117 (23,2%)	162 (32,3 %)	113 (22,3%)	73 (14,4 %)
1 января 2011	71 (14,2 %)	157 (31,5 %)	182 (36,6 %)	53 (10,6 %)
1 января 2014	161	183	253	69

Приведённые в таблице данные свидетельствуют о том, что на протяжении 2000-х годов в органах прокуратуры Крыма работало значительное количество молодых сотрудников в возрасте до 30 лет. Лишь к 2011 г. ситуация начала выравниваться – наблюдался рост доли работников более старшего возраста.

Естественно, что молодой возраст личного состава прокуратуры отражался на уровне опыта её работников. Общий прокурорский стаж значительной части сотрудников был невелик. Так, в 2005 г. оперативные работники прокуратуры Крыма распределялись по стажу так: со стажем до 3 лет – 184 чел. (38 %), от 3 до 5 лет – 71 чел. (14,6 %). Таким образом, более 50 % сотрудников имели незначительный практический опыт работы. В 2011 г. распределение по стажу выглядело так: до 3 лет – 98 чел. (19,7 %), от 3 до 5 лет – 76 чел. (15,2 %), от 5 до 10 лет – 169 человек (34 %), свыше 10 лет – 154 чел. (30,9 %) [12, л. 15]. Динамика свидетельствует о постепенном накоплении опыта в коллективе: доля сотрудников со стажем свыше 5 лет существенно выросла, а доля наименее опытных – сократилась почти вдвое.

Сложившаяся ситуация была вызвана не только уходом на пенсию работников со стажем, но и большой текучестью кадров. В период с 2001 по 2006 г. эта динамика имела следующий вид: в 2001 г. было принято на службу 85, а уволено 76 чел.; в 2002 г. – 115 и 83; в 2003 г. – 65 и 56; в 2004 г. – 105 и 94; в 2005 г. – 119 и 58 [15, л. 6]; в 2006 г. – 77 и 56 чел. соответственно [13, л. 16]. В период с 2007 по 2009 гг. темпы увольнения были замедлены. В 2007 г. было уволено 35 чел., в 2008 г. – 35, в 2009 г. – 30 чел. Наметившаяся динамика сокращения числа уволенных объяснялась тем, что в органах прокуратуры Крыма росло количество работников, которые получали пенсию по достижении пенсионного возраста и одновременно заработную плату. В 2010 г. снова произошёл рост количества уволенных. Эта цифра за год составила 75 чел, что объяснялось внесением изменений в пенсионное законодательство Украины, которым планировалось отменить выплату единовременной денежной помощи при выходе на пенсию по выслуге лет. По этой причине в 2010 г. уволилось 29 работников, которые не желали терять денежные выплаты [13, л. 15].

Стремительное омоложение горрайпрокуратур привело к тому, что в 2002 г. в Симферопольской межрайонной природоохранной прокуратуре из 7 чел. 5 имели стаж работы до 5 лет, 1 – 7 лет и 1– 29 лет [14, л. 131]. В прокуратуре Центрального р-на г. Симферополя в 2002 г. трудилось 13 прокурорско-следственных работников. Из них только прокурор В.И. Мартыненко имел 21 год стажа, а его заместитель Г.Н. Кузьмин – 16 лет; все остальные 11 работников имели стаж до 3 лет. При этом 7 сотрудников вообще работали менее 1 года [14, л. 131].

В 2005 г. в Джанкойской межрайонной прокуратуре из общего штата в 15 работников опыт работы имели только четыре человека: прокурор, его заместитель и 2 старших помощника; у остальных стаж работы в органах прокуратуры не превышал трёх лет. Более того, 7 прокурорско-следственных работников вообще не были аттестованы. В этом же году в прокуратуре Железнодорожного района г. Симферополя из 16 штатных единиц только прокурор и его заместитель имели стаж работы более 5 лет. Указанные выше цифры позволяют сделать вывод о том, что преобладание молодого состава среди прокурорско-следственных работников отрицательно сказывалось на эффективности обеспечения прокурорского надзора.

Другим примером может служить анализ работы с кадрами в прокуратуре г. Ялты в 2002 г. В этом году прокуратурой города руководил О.Б. Махнев, имевший стаж работы более 19 лет в органах прокуратуры. Он был опытным работником,

правильно понимал роль и задачи прокуратуры, главные приоритеты её деятельности, владел оперативной обстановкой на обслуживаемой территории. Заместителями у него трудились прокурор В.П. Руденко (стаж работы – 20 лет) и А.В. Титаренко, который, несмотря на ещё незначительный стаж работы (6 лет), зарекомендовал себя как способный, перспективный работник, успешно трудившийся на порученном участке работы [14, л. 174]. Всего штат прокуратуры насчитывал 20 чел.: из них стаж работы до 1 года имели 2, от 1 до 3 лет – 4, от 3 до 5 лет – 3, от 5 до 10 лет – 1, свыше 10 лет – 10 чел. Указанное распределение по стажу было оптимальным для передачи опыта молодому поколению, подготовки надёжной смены, а также обеспечения эффективности работы прокуратуры города. Вероятнее всего, это было связано с тем, что руководитель прокуратуры О.Б. Махнев постоянно занимался улучшением деловой обстановки и созданием нормального морально-психологического климата в коллективе, уделял внимание обеспечению работников жильём. Так, в 2000 г. жильё получили 3 работника, а в 2001 г. – 2; также было получено, капитально отремонтировано и оснащено мебелью новое здание для размещения прокуратуры [14, л. 178]. К сожалению, указанный пример не был массовым явлением в прокуратуре Крыма того времени. В первой половине 2000-х гг. в органах прокуратуры АР Крым более 1/3 кадрового состава составляли молодые специалисты, т.е. те, чей стаж работы был менее 3 лет, а в 2003–2004 гг. из прокуратуры уволилось 150 работников (в исходном тексте указано 152; по сумме данных за 2003 и 2004 гг. получается 150), то есть более трети всего личного состава.

Большая текучесть среди личного состава в 2000-х гг. кадровые подразделения прокуратуры объясняли ошибками молодых специалистов в выборе профессии, низкой теоретической подготовкой, отсутствием деловых и моральных качеств, необходимых для работы в органах прокуратуры. К сожалению, именно эти факторы, наряду с низкой заработной платой, отсутствием надёжных социальных гарантий (обеспечение жильём, санаторно-курортным лечением), а также порой ненормированным рабочим днём и большим количеством материалов, приводили к нежеланию молодёжи работать в прокуратуре. Естественно, что и сами кадровые службы допускали ошибки при комплектовании органов прокуратуры молодыми специалистами во время выдачи целевых направлений. Порой и сами руководители горрайпрокуратур не владели необходимыми навыками работы с молодыми специалистами либо подходили к этому виду своей работы формально.

Важным направлением в кадровой работе прокуратуры Крыма был процесс, связанный с отбором так называемых целевиков. Уже со второй половины 90-х гг. XX в. кадровые подразделения прокуратуры Крыма осуществляли системную работу по подбору кандидатов для получения целевого направления на обучение в профильные высшие учебные заведения. Деятельность по отбору предполагала всестороннее изучение личности кандидата для приёма на службу для определения его соответствия предъявляемым требованиям, наличия обстоятельств, препятствующих приёму на службу в органы прокуратуры. Так, в протоколе оперативного совещания при начальнике отдела работы с кадрами прокуратуры АР Крым от 2.08.2001 г. было сообщено, что в Национальную юракадемию Украины им. Я. Мудрого было отобрано 42 абитуриента, из никх поступило 18, а в Одесскую национальную юракадемию в 2001 г. – 18 и 15 соответственно [15, л. 2]. В 2004 г. было выделено 38 целевых мест для поступления в указанные высшие учебные заведения [16, л. 50]. Руководство прокуратуры АР Крым обращало внимание кадровых подразделений на необходимость учитывать в своей работе требования Генпрокурора о том, чтобы рекомендовать для поступления в высшие учебные заведения преимущественно лиц, имеющих трудовой стаж, а также лиц мужского пола, т.к. работа в органах прокуратуры связана с психоэмоциональными перенапряжениями [16, л. 1].

В 2004 г. кадровые подразделения должны были заниматься прогнозированием на календарный год и в перспективе на 5 лет потребности в кадрах и, исходя из этого, ежегодно до 31.12. подавать в Генеральную прокуратуру Украины соответствующую информацию. Также руководство прокуратуры требовало от кадровых структур систематически заниматься работой по выявлению способных молодых людей для получения целевого направления. С этой целью руководители кадровых подразделений должны были поддерживать постоянные связи с госорганами управления образованием, общеобразовательными учебными заведениями (прежде всего с углублённым изучением юрдисциплин), высшими учебными заведениями I–II уровней аккредитации (в частности, с теми, которые готовили младших специалистов по специальности «правоведение» образовательно-квалификационного уровня «младший специалист»), а также с военными комиссариатами. Занимаясь подбором абитуриентов, работники кадровых органов должны были обращать внимание на способность молодых людей к прокурорско-следственной деятельности, на высокий уровень общеобразовательной подготовки и состояние здоровья [16, л. 50].

В качестве иллюстрации результаты отбора абитуриентов для получения рекомендации от прокуратуры Крыма можно рассмотреть на примере 2005 г. Так, по результатам проведённой работы в 2005 г. выданы направления 15 абитуриентам, имевшим золотые, и 8 – серебряные медали [13, л. 2]. В 2006 г. прокуратура рекомендовала для обучения 20 лиц с золотыми медалями, 12 серебряных медалистов, 7 членов МАН Украины, 5 лиц, уволенных из рядов ВС Украины, 5 со стажем работы, 5 выпускников юридических техникумов – участников 3-го и 4-го этапов Всеукраинской олимпиады по основам правоведения [13, л. 1]. Указанные цифры позволяют сделать вывод о том, что кадровые подразделения прокуратуры Крыма выполняли приказ Генпрокурора Украины. Отобранные для обучения по целевым направлениям абитуриенты действительно имели значительные достижения в годы обучения, что должно было способствовать их дальнейшему успешному поступлению и обучению. По окончании вуза они должны были стать работниками прокуратуры и успешно реализовывать на практике возложенные на них полномочия.

Руководство прокуратуры Крыма в исследуемый период уделяло важное внимание организации и проведению на базе прокуратур АР Крым производственной практики студентов. Благодаря такому направлению деятельности руководители прокуратур имели возможность изучить деловые и моральные качества студентов, выяснить перспективы их дальнейшего трудоустройства в органы прокуратуры. Например, в 2004 г. в прокуратурах автономии прошло практику 132 студента базовых вузов, а в 2005 г. – 158 студентов.

Заслуживает внимания и сложившаяся в 2000-х гг. практика, когда руководители прокуратуры АР Крым лично выезжали в служебные командировки в Харьков и Одессу с целью посещения базовых юридических вузов для ознакомления с условиями обучения и уровнем подготовки студентов, общения с преподавателями и руководством, а также уделяли внимание бытовым вопросам [13, л. 2]. Подобное направление деятельности должно было способствовать повышению уровня подготовки выпускников, улучшению организации учебного процесса, что в результате сказывалось и на эффективности осуществления прокурорского надзора в Крыму.

Таким образом, на протяжении изучаемого периода в системе органов прокуратуры наметились стойкие тенденции по увеличению её штатной численности. Это было связано с увеличением объёмов работы и появлением новых направлений прокурорского надзора в условиях построения рыночной экономики и правового государства, активизации работы, направленной на борьбу с преступностью, регулирование межнациональных и межконфессиональных отношений. Происходил процесс омоложения прокуратуры, а также увеличения численности женщин среди проку-

рорско-следственных работников. В начале XXI в. это происходило из-за массового увольнения прокуроров, имевших значительный опыт в прокурорском надзоре, в связи с выходом на пенсию либо переходом в другие сферы. Особое внимание руководство прокуратуры Крыма уделяло подбору кандидатов для получения целевого направления: это должны были быть выпускники, имевшие высокие достижения в учебной деятельности в годы обучения. Такой подход должен был способствовать пополнению органов прокуратуры профессиональными кадрами.

Список литературы:

1.Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 905.
2.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1497.
3.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1713.
4.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 2282.
5.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 2724.
6.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 991.
7.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 906.
8.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1637.
9.ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 947.
10. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 989.
11. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1050. Л.1; ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1138. Л. 1.; ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д 1636. Л. 5.; ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 2281. Л. 15.; ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1138. Л. 43.
12. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 2281.
13. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1636.
14. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1365.
15. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1291.
16. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 3. Д. 1470.

Zadereychuk I. P. Personnel work in the Prosecutor's Office of the Crimea in the Late 20th-Early 21st Centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 68-73.

The article analyses the challenges of personnel work in the prosecutorial bodies in the Republic of Crimea within the context of building a rule-of-law state and developing a market economy. Special attention is paid to the dynamics of staffing levels, mechanisms for staff recruitment, reasons for dismissals, objectives related to the renewal of the workforce as well as assessment of the professional level of young specialists. The impact of socio-economic transformations on staff turnover rates has been examined. Additionally, the organisational aspects of selecting candidates for targeted training agreements are considered. It has been established that the criteria for selecting applicants included academic performance, notable achievements in the field of jurisprudence, a combination of moral and ethical qualities and a pronounced motivation to serve in the prosecutorial bodies.

Keywords: Prosecutor's Office of Crimea, personnel work, Prosecutor's Office.

Spisok literatury:

1. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 905.
2. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1497.
3. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1713.
4. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 2282.
5. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 2724.
6. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 991.
7. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 906.
8. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1637.
9. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 947.
10. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 989.
11. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1050. L.1; GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1138. L. 1.; GARK. F. R-2874. Op. 3. D 1636. L. 5.; GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 2281. L. 15.; GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1138. L. 43.
12. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 2281.
13. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1636.
14. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1365.
15. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1291.
16. GARK. F. R-2874. Op. 3. D. 1470.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 74-80.

УДК 340.1:340.15

КОДИФИКАЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Карая А. В., Ходзинский А. С.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье исследуется актуальность изучения средневековых кодификационных процессов, обусловленная их методологической ценностью для решения современных задач правового развития. Рассматривается проблема значения исторического опыта систематизации права в условиях глобализации и трансформации государственного суверенитета. Поднимается вопрос о правовом плюрализме средневековых обществ как альтернативной модели сосуществования различных правопорядков при отсутствии сильной централизованной власти. Целью статьи является обоснование научного и методологического потенциала средневековых стратегий кодификации для понимания современных процессов правовой интеграции, гармонизации законодательства и рецепции правовых институтов. Методологическую основу статьи составляет сравнительно-исторический и историко-правовой анализ кодификационных практик. Исследование опирается на изучение синтеза римского наследия и германских правовых обычаев в средневековых королевствах, а также на материал канонического и иудейского права. Основное внимание уделяется эволюции юридической техники и механизмам систематизации правового материала в средневековых кодексах. В результате проведенного анализа установлено, что кодификационные процессы Средневековья демонстрируют устойчивые модели взаимодействия власти, права и общества, также анализируется феномен канонического права как первой панъевропейской правовой системы, предложившей модель для анализа современных наднациональных правовых образований. Отдельное внимание уделено кодификации в иудейском праве как уникальному примеру систематизации юридических норм вне связи с государственным суверенитетом.

Ключевые слова: средневековая кодификация, систематизация права, правовой плюрализм, каноническое право, иудейское право, рецепция права, юридическая техника, гармонизация законодательства.

Изучение кодификационных тенденций в средневековый период требует учета ключевого исторического контекста, а именно крушения Римской Империи, которое оказало определяющее влияние на их специфику. Первые примитивные кодифицированные своды возникли лишь в V-VI вв., формируясь в виде юридических компиляций. Образование новой общественной структуры, основанной на сосуществовании завоевателей и покоренного населения, породило уникальные кодификационные процессы. Ярким примером служит Кодекс Эйриха (475 г.), созданный как свод законодательных норм для вестготов, обретших независимость от Рима, и интегрировавший как германские правовые обычаи, так и римское правовое наследие [1, с. 41]. В 496 г. появляется Салическая правда – это сборник репрессивных предписаний, предназначенный для применения на всех землях королевства Хлодвига. Еще одним памятником эпохи стал «Римский закон вестготов» (506 г.), представлявший собой компиляцию римских юридических источников. В последующий длительный период кодификационная активность практически прекратилась, что объяснялось политической раздробленностью и отсутствием потребности в нормативном обеспечении централизованной власти.

Специфика кодификационной деятельности в рассматриваемый период проявлялась в том, что наблюдалась централизация управления как основа систематизации права, а важнейшим фактором, позволившим начать масштабные работы по упорядочиванию законодательства, стало укрепление централизованной власти. Поэтому возникла насущная потребность в создании сбалансированного и унифицированного свода правовых норм для регулирования жизни большого числа подданных, чем и объясняется тот факт, что первоначальные формы кодификации носили локаль-

ный характер, о чем свидетельствуют городские уставы, такие как «Ордонансы Севильи» (1527 г.), кутюмы Ипра (1535 г.) и кутюмы Антверпена (1582 г.).

Также следует отметить доминирование религиозно-правовой нормативистики, при котором процесс кодификации в Средневековье был во многом сосредоточен на нормах канонического (церковного) права, а его отличительной чертой стала трансформация религиозных догм и правил в полноценные источники права. Одним из первых масштабных трудов в этой области стало систематизированное собрание канонического права, составленное в Галлии около 600 г., которое впоследствии легло в основу известного сборника «Hispana», созданного под руководством архиепископа Исидора Севильского.

В то же время отмечалось стремление к всеобъемлющей кодификации, при которой содержание многих кодифицированных актов было нацелено не на отдельную правовую отрасль, а на комплексное охватывание всего национального права. Ярким примером служит одна из первых испанских кодификаций «Семь Партид» (Siete Partidas), разработанная в Кастилии в 1256-1263 гг. Данный монументальный труд состоял из семи частей, каждая из которых регламентировала определенную сферу общественных отношений: 1 – положение Церкви в государстве; 2 – полномочия королевской власти и государственное управление; 3 – судопроизводство; 4 – семейные правоотношения; 5 – договорное право; 6 – преступления; 7 – виды наказаний. Несмотря на заметное влияние римского и канонического права, профессиональный уровень данной кодификации подтверждается ее долговечностью, так как эти правовые конструкции сохраняли актуальность не только в испанских колониях Латинской Америки, но и впоследствии в независимых государствах, образовавшихся на их территории [2, с. 12-13]. Однако для кодексов XII-XVIII вв. была характерна слабая внутренняя структурированность, что выражалось в казуистичности, условности и недостаточной точности юридических формулировок. Проблема заключалась не только в отсутствии общих частей, но и в методологической неразработанности таких фундаментальных понятий, как единство правовых институтов, родовидовые определения и общий категориальный аппарат, что делало систематизацию весьма поверхностной [3, с. 42].

В IX в. на территории Франции возникают две знаковые компиляции, объединившие подлинные документы и фальсифицированные тексты, имитировавшие римское право (Лжекапитулярии и Лжедекреталии). Данные сборники впоследствии получили широкое распространение и активное применение.

В XI в. основными инициаторами и проводниками кодификационной работы выступили представители церковной власти. Яркими примерами служат труды епископа Бурхарда, создавшего «Декрет», который представлял собой масштабную компиляцию из 1700 фрагментов более ранних канонических сборников, и епископа Ивона, чей «Декрет» включил в себя 3760 разнообразных фрагментов. Однако наиболее значимым памятником этой эпохи по праву считается «Декрет» Грациана, составленный в Болонье около 1140 г., эта неофициальная компиляция произвела тотальную систематизацию всего корпуса церковного права. Грациан не просто собрал разрозненные тексты различного происхождения, но и привел их в логическое соответствие, выстроив в строгой иерархии в зависимости от авторитета источника. Не будучи официально утвержденным, декрет, тем не менее, приобрел колоссальный научный и практический авторитет, вытеснив все предшествующие компиляции и став ключевым источником канонического права [3, с. 43].

В начале XIII в. папы Иннокентий III и Григорий IX инициировали официальную систематизацию канонических текстов, результатом которой стало издание декреталий Григория IX (1234 г.). Впоследствии этот процесс продолжался, пополняясь папскими декреталиями вплоть до появления фундаментального систематизирован-

ного свода «Corpus juris canonici» (1582 г.), который сохранял свою юридическую силу вплоть до принятия Кодекса канонического права в 1917 г.

Эволюция кодификационных процессов в иудейском праве в эпоху Средневековья имела принципиальное отличие, обусловленное двумя взаимосвязанными факторами. С одной стороны, наблюдалось усложнение нормативной базы, требовавшее объединения многочисленных религиозных текстов в единую систему, а с другой – это уникальность ситуации заключалась в том, что существование иудейского права не было связано с наличием суверенного национального государства, что определило специфическую «стратегию выживания» права, где кодификация стала инструментом сохранения национальной и религиозной идентичности [3, с. 44-46].

Ответом на этот вызов стало создание Моисеем Маймонидом труда «Мишне Тора» («Повторение Закона»). Целью этого кодекса была не только систематизация, но и адаптация иудаизма к философским принципам аристотелевского рационализма. Состоящий из 14 книг, этот всеобъемлющий свод охватывает примерно 15 тысяч предписаний религиозного, гражданского и уголовного характера, формируя целостную правовую систему иудаизма.

Начиная с XV в., в Европе наблюдается значительная интенсификация процессов систематизации права. Данная тенденция была вызвана комплексом взаимосвязанных причин, а именно: 1) наблюдалась политическая централизация, где ключевым фактором стало укрепление централизованной монархической власти, которая для эффективного управления нуждалась в упорядоченном и систематизированном законодательстве. Законодательная активность монархов стала целенаправленным инструментом создания единого правового поля; 2) динамичное развитие торговли и экономического оборота вступило в противоречие с существующей фрагментированной и архаичной правовой системой. Кодификация выступила в роли основного механизма для унификации огромного массива юридических норм, устраняя препятствия для коммерческой деятельности; 3) эпоха Возрождения пробудила глубокий интерес к античному наследию, что выразилось в стремлении заимствовать и адаптировать совершенные формы правового регулирования Древнего Рима и Греции, видя в них образец для подражания; 4) переход от рукописного копирования к книгопечатанию стал революционным этапом в распространении права. Техническая возможность тиражирования идентичных экземпляров законодательных актов кардинально повысила их доступность и уровень правовой осведомленности в обществе. Существование множества локальных правовых обычаев (кутюмов) создавало значительные сложности в судопроизводстве. Уже с XIII в. начинаются активные попытки их систематизации и унификации, этот процесс стартовал с создания частных компиляций, таких как: во Франции: «Совет другу» Пьера де Фонтена (1258 г.), «Книга о правосудии и речи адвоката» (1260 г.), «Установления святого Людовика» (1270 г.); в Норвегии: масштабная унификация местных правовых систем, предпринятая королем Магнусом VI Хаконарсоном в 1274 г.

Характерные черты кодификации данного периода заключались в том, что значительная часть кодификационных работ либо повторяла, либо творчески перерабатывала нормы древних законодателей. Яркой иллюстрацией этого служат слова аббата де Сен-Пьера, обращенные к Людовику XV, который утверждал, что монарх, создав совершенный свод законов, может превзойти самого Юстиниана и стать «величайшим благодетелем человечества». Правовые предписания в кодифицированных актах зачастую тесно переплетались или дублировали религиозные постулаты, отражая неразрывную связь светской и духовной власти. Помимо систематизации религиозных и светских норм, предпринимались попытки кодификации судебной практики. Наиболее показательным примером служат «Кутюмы Бовези» (1283 г.), составленные Филиппом де Бомануаром. Этот сборник представлял собой система-

тизированное изложение правил, применявшихся судом графства Клермон в регионе Бовези, и стал важным источником обычного права Франции [3, с. 252].

Фиксация местных правовых обычаев и составление их сборников выявили серьезную проблему, так как многие из этих норм находились в непримиримом противоречии друг с другом, что зачастую делало их совместное применение невозможным. Выход из этой конфликтной ситуации виделся не просто в пассивной регистрации разнородных правил, а в активном поиске универсальных принципов, способных сформировать общее, унифицированное обычное право.

Этот процесс нашел яркое воплощение во Франции, где качественный скачок в обобщении правового материала был осуществлен королем Карлом VII в Ордонансе Монтиль-ле-Тур (1453 г.). Данный законодательный акт систематизировал и объединил разрозненные кутюмы Северной Франции. Аналогичная тенденция наблюдалась и за пределами французского королевства. Так, в 1530 г. по решению короля Нидерландов Карла V была начата масштабная работа по фиксации всех местных правовых обычаев региона. Этот грандиозный проект занял около двух столетий и привел к созданию сборника, вобравшего в себя более 700 правовых обычаев. На территории же Киевской Руси потребность в систематизации породила знаменитый правовой памятник Русскую Правду [3, с. 46-47].

Особой уникальностью отличалось развитие кодификационных процессов на территории Российской империи. Созданное в 1649 г. Соборное Уложение стало итогом обобщения многогранного отечественного правового опыта, отраженного в судебниках, указных книгах, царских указах, думских приговорах и решениях Земских соборов. Отличительной чертой Уложения была его глубокая ориентация на религиозно-православное восприятие юридических и политических явлений. Структурно оно состояло из 25 глав и 967 ст., охватывающих широкий спектр вопросов от судоустройства до вотчинного права и преследования богохульников [2, с. 19-25].

Как справедливо отмечал Г.И. Муромцев: «культурно-историческая специфика региона предопределила уникальность его правового пути. Идеи и ценностные ориентиры общества в каждый исторический период непосредственно формировали характер правопонимания и уровень юридической техники, что опровергает существование единого для всех эпох и культур понятия кодификации» [4, с. 74-75]. Динамика нормотворчества на этой территории определялась идейным противостоянием двух основных подходов: национально-традиционного и концепции исторической отсталости. Первое направление было укоренено в уникальных государственных институтах и правовых традициях. Его особенности проявлялись в специфике экономического развития, широком распространении коллективных форм хозяйствования (община, артель), доминировании коллективистских установок в правосознании и тесной связи с православной культурой [5, с. 176]. Как подчеркивал Г.Ф. Шершеневич «типологическое отличие российского общества от западноевропейского и отсутствие общей культурной основы исключали возможность прямого заимствования правовых моделей» [6, с. 29].

Во втором подходе, как указывает А.А. Борзунова, традиционная «совещательная» правовая культура, сохранявшаяся со времен Русской Правды вплоть до 1917 года, отражала системное отставание в развитии юридической техники, государственного управления и судебной системы [2, с. 21]. Э. Аннерс связывал эту особенность с укоренившейся после татаро-монгольского ига авторитарной моделью власти, которая воспроизводилась на протяжении последующих столетий. При этом Г.Ф. Шершеневич, исследуя социально-экономический и культурный вопросы в России, в том числе в правовой сфере, обусловливавшее необходимость рецепции передовых достижений европейских стран, отмечал, что «Московское правительство широкою рукой добывало из иностранного права…» [6, с. 29].

Переломный момент в подходах к систематизации законодательства наступил в эпоху Петра I, для которой стало характерным прямое заимствование норм зарубежных НПА. Особенностью этого этапа была методология работы, сводившаяся часто к механическому переводу иностранного документа на русский язык с последующим провозглашением его действующим законом [4, с. 76-77]. Яркой иллюстрацией служит Воинский устав 1716 г., представлявший собой перевод шведского аналога 1683 г.; аналогичным образом были адаптированы шведский Табель о рангах и Морской артикул [6, с. 256]. Даже подготовка Полного собрания законов и Свода законов Российской империи, осуществленная М.М. Сперанским, базировалась на заимствовании идей британского мыслителя Фрэнсиса Бэкона [7, с. 34].

Низкая эффективность кодификационных работ в России того периода объяснялась комплексом причин: отсутствием у верховной власти последовательной политической воли; отсутствием заинтересованности и понимания со стороны подавляющего большинства населения; острейшим дефицитом профессиональных юридических кадров. Как констатировал Н.М. Коркунов, что на момент принятия Свода законов в 1832 г. просто не было специалистов, способных провести его глубокий анализ и осмыслить его юридическую природу [8, с. 3].

Начиная с XVI в. кодификационный процесс в Европе переходит в новое качество, что было связано с этапом окончательного укрепления королевской власти, что нашло отражение в интенсификации законодательной деятельности. Если ранее кодификация была сосредоточена на систематизации уже существующих норм обычного права, то теперь ее основной целью стало упорядочение новых, только формирующихся правовых предписаний. Разумеется, они не могли мгновенно вытеснить действующие нормы, однако именно на эти новейшие акты сместился фокус внимания (Кодекс Фабера во Франции – 1605 г.; Кодекс Леопольда в Австрии – 1670 г.; Кодекс Карла в Италии – 1726 г.). Важно подчеркнуть, что в этот период объектом кодификации по-прежнему оставались кутюмы (во Франции), которые подвергались систематизации, однако их содержание не всегда кардинально пересматривалось. Некоторые же кодексы были нацелены на упорядочение судебной практики. К последним можно отнести Кодекс судебных решений, изданный президентом парижского парламента де Броссом в 1612 г. [3, с. 48-49, 398].

Особый путь развития кодификационных процессов наблюдался в Англии, что было связано с формированием прецедентной системы права. Её фундаментом стали так называемые «Ежегодники» (Year Books) – регулярные собрания судебных решений. В 1616 г. Фрэнсис Бэкон, занимавший пост лорд-канцлера при дворе Якова I, выдвинул предложение не просто обобщить нормы, содержащиеся в этих сборниках, но и провести их всестороннюю систематизацию. Свою концепцию он изложил в «Предложениях по упорядочению и совершенствованию права Англии», однако политический конфликт между королем и Парламентом воспрепятствовал реализации этой масштабной идеи [3, с. 49].

В континентальной Европе кодификационные процессы привели к синтезу различных правовых традиций: местных обычаев, наследия римского права, новейших законодательных актов центральной власти и судебных решений. Примечательно, что унификации подверглась не только материальное право, но и сама процедура нормотворчества. Согласно методике Пюссора, законодательный процесс включал несколько последовательных стадий: а) подготовка проектов статей адвокатами; б) их экспертиза Генеральным Советом по реформе правосудия без участия разработчиков; в) голосование о включении предложений в единый свод ордонансов; г) окончательное утверждение монархом [3, с. 53, 60]. По этой многоуровневой процедуре были приняты ключевые законодательные акты эпохи: Кодекс Людовика о гражданском правосудии (1670), Ордонанс об уголовном правосудии (1670), Торго-

вый кодекс Савари (1673), а также «Черный кодекс» о регулировании рабства в колониях (1685). Данный период ознаменовал переломный момент в понимании сущности кодекса. Если ранее кодифицированные акты преимущественно систематизировали древнее правовое наследие, представлявшее собой конгломерат разноотраслевых норм (гражданских, уголовных, налоговых, а иногда и религиозных), то теперь на первый план вышла философия Просвещения. Идея создания универсального свода законов, охватывающего все сферы регулирования, наиболее последовательно была выражена Иеремией Бентамом в его концепции «Панномиона» (всезаконника). С середины XVII в. начали формироваться концептуально целостные кодексы, ориентированные на регулирование конкретных предметных областей: Уголовный кодекс Баварии (1751), Гражданский кодекс Баварии (1756) [3, с. 332, 390].

Научно обоснованное разграничение правовых норм, основанное на рациональном понимании природы регулируемых отношений, culminated в создании пяти фундаментальных кодексов во Франции начала XIX в. Дальнейшее развитие кодификационных работ отразило прогресс юридической науки в области систематизации и дифференциации отраслей права. Во Франции последовательно принимаются Лесной кодекс (1827), Сельскохозяйственный кодекс (1898), Кодекс труда (1910), Кодекс морской торговли (1926). Налоговое законодательство было окончательно консолидировано в Налоговый кодекс лишь в 1950 г., завершив многолетний процесс формирования отраслевой системы права [9].

Проведенное исследование позволяет заключить, что средневековая кодификация представляла собой не линейный прогресс от хаоса к порядку, а сложный, многомерный и часто противоречивый процесс правогенеза. Его фундаментальной характеристикой был стратегический синтез, в рамках которого разнородные правовые традиции: римская, германская, каноническая и местно-обычная, не просто сосуществовали, но вступали в продуктивное взаимодействие, порождая новые правовые формы. От «варварских правд», легитимировавших новую политическую реальность через фиксацию обычая, до всеобъемлющих сводов вроде «Семи Партид», утверждавших идеологию централизованной власти, кодификация выступала ключевым инструментом конструирования социального и политического порядка.

Особую методологическую ценность демонстрирует сравнительный анализ двух моделей: европейской, где кодификация была неразрывно связана с укреплением государственного суверенитета, и иудейской, где она стала «правовой стратегией выживания» в условиях его отсутствия, указанный контраст убедительно доказывает, что систематизация права является ответом не только на вызовы управления, но и на экзистенциальную потребность сообщества в сохранении идентичности.

Таким образом, исходя из анализа изложенного материала, можно прийти к выводу о том, средневековая эпоха оставила в наследство не просто набор архаичных правовых памятников, а фундаментальные, сохраняющие актуальность методологические принципы, а именно: 1) принцип правового плюрализма, признающий возможность сосуществования и взаимовлияния различных правовых систем; 2) принцип адаптивного заимствования, демонстрирующий, что рецепция чужих правовых норм является не слабостью, а признаком гибкости и прагматизма правовой системы; 3) принцип системообразующей роли кодификации, согласно которому унифицированный свод законов служит не только регуляторным, но и цивилизационным каркасом для формирующейся политической общности.

Средневековые кодексы заложили ту интеллектуальную и институциональную матрицу, внутри которой продолжалось развитие европейского права в Новое и Новейшее время. Их изучение позволяет понять, что современные правовые системы являются не итогом, а моментом в длительном историческом диалоге традиции и

новации, универсализма и партикуляризма, власти и права.

Список литературы:
1.Новицкий, И. Б. Римское право : учебник / И. Б. Новицкий. – Москва : Теис, 1998. – 245 с.
2.Борзунова, О. А. Теория и практика кодификации в налоговом праве : монография / О. А. Борзунова. – Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2009. – 255 с. – Текст : непосредственный.
3.Кабрияк, Р. Кодификация / Р. Кабрияк ; пер. с фр. Л. В. Головко. – Москва : Статут, 2007. – 476 с.
4.Муромцев, Г. И. О культурной исторической специфике российских кодификаций / Г. И. Муромцев. // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 сент. 2008 г.). – Нижний Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2009. – 1097 с.
5.Синюков, В. М. Российская правовая система: введение в общую теорию / В. М. Синюков. – Саратов : Полиграфист, 1994. – 495 с. – Текст : непосредственный.
6.Шершеневич, Г. Ф. История кодификации гражданского права в России : монография / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Тип. Император. Ун-та, 1893. – 128 с. – Текст : непосредственный.
7.Сергеевич, В. И. Конспект по истории русского права / В. И. Сергеевич. – Санкт-Петербург : Тип. С. Волпнянского, 1904. – 708 с. – Текст : непосредственный.
8.Коркунов, Н. М. Значение Свода законов– Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашевича, 1892. – 25 с.
9.Пилипенко, А. Н. Классификация и систематизация законодательства Франции / А. Н. Пилипенко. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2001. – № 9 (57). – С. 109–119.

Karaya, A.V., Khodzinsky A.S. Codification in the Middle Ages as a methodological resource for modern legal development: a historical and theoretical analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 74-80.

The article examines the relevance of studying medieval codification processes, which is by their methodological value for addressing contemporary challenges in legal development. The issue of the significance of historical experience in systematizing law in the context of globalization and the transformation of state sovereignty is considered. The question of the legal pluralism of medieval societies as an alternative model for the coexistence of different legal orders in the absence of a strong centralized authority is raised. The aim of the article is to substantiate the scientific and methodological potential of medieval codification strategies for understanding contemporary processes of legal integration, harmonization of legislation, and the reception of legal institutions. The methodological basis of the article is a comparative-historical and historical-legal analysis of codification practices. The study is based on an examination of the synthesis of Roman heritage and Germanic legal customs in medieval kingdoms, as well as on material from canon and Jewish law. The main focus is on the evolution of legal technique and the mechanisms for systematizing legal material in medieval codes. The analysis has established that the codification processes of the Middle Ages demonstrate stable models of interaction between power, law, and society; the phenomenon of canon law is also analysed as the first pan-European legal system, which proposed a model for analysing modern supranational legal entities. Special attention is paid to codification in Jewish law as a unique example of the systematisation of legal norms in the absence of state sovereignty.

Keywords: medieval codification, systematization of law, legal pluralism, canon law, Jewish law, reception of law, legal technique, harmonization of legislation.

Spisok literatury:
1.Noviczkij, I. B. Rimskoe pravo : uchebnik / I. B. Noviczkij. – Moskva : Teis, 1998. – 245 s. 2. Borzunova, O. A. Teoriya i praktika kodifikacii v nalogovom prave : monografiya / O. A. Borzunova. – Moskva : Yuniti-Dana : Zakon i pravo, 2009. – 255 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
3.Kabriyak, R. Kodifikaciya / R. Kabriyak ; per. s fr. L. V. Golovko. – Moskva : Statut, 2007. – 476 s. 4. Muromcev, G. I. O kul`turnoj istoricheskoj specifike rossijskix kodifikacij / G. I. Muromcev. – Tekst : neposredstvenny`j // Kodifikaciya zakonodatel`stva: teoriya, praktika, texnika : materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (25–26 sent. 2008 g.). – Nizhnij Novgorod : Nizhegorod. akad. MVD Rossii, 2009. – 1097 s.
5.Sinyukov, V. M. Rossijskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshhuyu teoriyu / V. M. Sinyukov. – Saratov : Poligrafist, 1994. – 495 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
6.Shershenevich, G. F. Istoriya kodifikacii grazhdanskogo prava v Rossii : monografiya / G. F. Shershenevich. – Kazan` : Tip. Imperator. Un-ta, 1893. – 128 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
7.Sergeevich, V. I. Konspekt po istorii russkogo prava / V. I. Sergeevich. – Sankt-Peterburg : Tip. S. Volpnyanskogo, 1904. – 708 s. – Tekst : neposredstvenny`j.
8.Korkunov, N. M. Znachenie Svoda zakonov. – Sankt-Peterburg : Tip. V. S. Balashevicha, 1892. – 25 s.
9.Pilipenko, A. N. Klassifikaciya i sistematizaciya zakonodatel`stva Francii / A. N. Pilipenko. – Tekst : neposredstvenny`j // Zhurnal rossijskogo prava. – 2001. – № 9 (57). – S. 109–119.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 81-87.

УДК 327.7

УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Камышанский Д. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В научной статье исследуется роль и значение межпарламентского сотрудничества в системе обеспечения коллективной безопасности на евразийском пространстве. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации механизмов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ, Организация) к современным транснациональным вызовам, требующим не только военно-технического, но и опережающего нормативного правового реагирования. Объектом исследования выступает система коллективной безопасности ОДКБ, а предметом – деятельность Парламентской Ассамблеи ОДКБ (ПА ОДКБ) как ключевого института гармонизации законодательства государств – членов Организации. На основе анализа положений Договора о коллективной безопасности от 1992 г. и Устава ОДКБ от 2002 г. рассматривается эволюция правового статуса ПА ОДКБ. Особое внимание уделяется практической реализации Программы деятельности ПА ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства на период 2026–2030 гг. Кроме того, автором сформулированы основные направления влияния парламентской дипломатии на эффективность системы безопасности. Сделан вывод, что укрепление межпарламентского сотрудничества является критически важным фактором повышения устойчивости региональной архитектуры безопасности. Перспективы дальнейшего развития видятся в закреплении самостоятельного правового статуса ПА ОДКБ в соответствии с Уставом Организации и расширении ее полномочий в сфере предварительного мониторинга имплементации решений высших органов ОДКБ.

Ключевые слова: Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Парламентская Ассамблея ОДКБ, межпарламентское сотрудничество, коллективная безопасность, региональная безопасность, гармонизация законодательства, международная безопасность, превентивная дипломатия.

Трансформация архитектуры международной безопасности в XXI в. характеризуется смещением фокуса с традиционных военных угроз на комплексные гибридные вызовы: киберпреступность, международный терроризм, информационное противоборство и биологические риски. Эффективное противодействие указанным угрозам невозможно исключительно силами оборонных ведомств, оно требует создания единого правового поля и синхронизации национальных законодательств.

Для Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ, Организация), обеспечивающей стабильность на значительной части Евразии, институциональным инструментом решения этой задачи выступает парламентская дипломатия.

Целью настоящей статьи является анализ вклада межпарламентского взаимодействия в повышение операционной эффективности системы коллективной безопасности ОДКБ через призму законотворческой и мониторинговой деятельности.

Институционализация парламентского измерения ОДКБ прошла путь от консультативного форума до специализированного органа. Если Договор о коллективной безопасности 1992 г. [1] закладывал преимущественно военные основы интеграции, то Устав ОДКБ 2002 г. [2] зафиксировал необходимость координации позиций национальных парламентов. Стоит отметить, что изначально **Парламентская Ассамблея ОДКБ** (далее – ПА ОДКБ) функционировала как структура, принимающая модельные (рекомендательные) законодательные акты. Однако динамика современных угроз потребовала пересмотра ее функционала [3].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что задержки в имплементации решений высших органов ОДКБ на национальном уровне зачастую связаны именно с отсутствием гармонизированных нормативных баз [4]. Это обусловило начало процесса трансформации ПА ОДКБ из дискуссионной площадки в ключевой институт правовой интеграции. В этом контексте представляется важным, что каждое решение Совета коллективной безопасности ОДКБ (далее – СКБ) требует внесения изменений во внутреннее законодательство государств – членов Организации. Если национальные правовые системы используют разные дефиниции для одних и тех же явлений, процесс согласования затягивается.

Например: в государстве А под «экстремистским материалом» понимается конкретный перечень печатных изданий, обновляемый судом, а в государстве Б – любая информация в сети Интернет, признанная таковой решением прокурора. При попытке реализовать единое решение ОДКБ по блокировке ресурсов правоохранительные органы сталкиваются с невозможностью исполнить запрос коллег из соседнего государства без нарушения собственного процессуального кодекса.

При этом в ряде государств – членов ОДКБ ратификация международных договоров требует прохождения сложной многоступенчатой процедуры в парламенте. Если модельный закон ПА ОДКБ носит рекомендательный характер, он может годами находиться в очереди на рассмотрение профильных комитетов национальных законодательных органов, уступая приоритет социально-экономическим вопросам внутренней повестки. Иными словами, ПА ОДКБ перестает быть лишь «зеркалом», отражающим политическую волю президентов в парламентах, она становится «фильтром» и «ускорителем» [5]. Переход к модели обязательной гармонизации означает, что любое будущее решение СКБ будет изначально готовиться с учетом уже принятых ПА ОДКБ модельных законов. Это исключает ситуацию, когда военно-политическое решение принимается на высшем уровне, но вязнет в юридических противоречиях на этапе его исполнения национальными министерствами внутренних дел или службами национальной безопасности.

Центральным элементом текущего этапа развития межпарламентского сотрудничества является реализация **Программы деятельности ПА ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства на 2026–2030 годы** (далее – Программа), которая направлена на устранение правовых барьеров в четырех приоритетных сферах. Остановимся на них подробнее.

Во-первых, *противодействие терроризму и экстремизму*.

Унификация понятийного аппарата для упрощения процедур экстрадиции лиц, подозреваемых в террористической деятельности, и блокировки их финансовых активов. По мнению автора, унификация понятийного аппарата в сфере противодействия терроризму является фундаментом, на котором строится все практическое взаимодействие правоохранительных органов государств – членов ОДКБ. В условиях отсутствия единых юридических определений даже самые современные технические средства связи между ними оказываются бесполезными из-за правовых коллизий [6]. Например: в государстве А лицо подозревается в «террористическом сообществе», а в Уголовном кодексе государства Б такого состава преступления нет (есть только «бандитизм» или «организация незаконного вооруженного формирования»). Юридически это разные составы с разным набором признаков умысла и цели. Судья в государстве Б обязан отказать в выдаче, так как не может оценить обоснованность обвинения по несуществующей в его законе статье.

При этом создание единого модельного закона или протокола к Договорам о взаимной правовой помощи позволяет синхронизировать уголовные кодексы. Когда во всех государствах – членах ОДКБ вводится единая статья «Финансирование терроризма» с идентичным описанием объективной стороны и субъекта преступления,

процедура выдачи превращается из сложной юридической экспертизы в технический процесс сверки данных паспорта и санкционного списка. Это исключает возможность для скрывающихся лиц использовать так называемые «правовые гавани» внутри самого блока ОДКБ.

В рамках Программы работа над этими вопросами ведется путем разработки типового проекта закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [7].

Представляется, что принятие такого акта позволит создать единое «правовое силовое поле». Экстрадиция сократится с месяцев до недель [8], а финансовые активы начнут блокироваться не после совершения атаки, когда деньги уже потрачены на закупку взрывчатки, а на этапе их перемещения, разрывая логистическую цепь террористической ячейки еще до перехода к активной фазе реализации угрозы.

Во-вторых, *обеспечение информационной безопасности.*

Разработка модельных законов, регламентирующих борьбу с деструктивным контентом и защиту критической информационной инфраструктуры в государствах – членах ОДКБ. В отличие от прямого международного договора, которому должны подчиняться государства, модельный закон действует мягче: он предлагает готовую юридическую архитектуру [9]. Это необходимо, поскольку цифровые угрозы (кибератаки, фейки, взломы систем управления и др.) не признают государственных границ, а национальные законодательства пока сильно различаются по уровню развития. На наш взгляд, принятие таких модельных законов ПА ОДКБ превращает цифровое пространство региона из лоскутного одеяла разных правил в единый периметр безопасности.

Так, например, хакерская группировка не сможет безнаказанно атаковать энергосеть государства А с серверов, арендованных в государстве Б, пользуясь тем, что его законодательство еще не успело ввести ответственность за такие действия. Единые стандарты позволят заблокировать атаку на границе благодаря согласованной работе провайдеров. Кроме того, каждому государству не нужно тратить миллиарды на разработку своей уникальной нормативной базы и проведение сотен часов экспертиз. За основу берется апробированный текст модельного закона, адаптируется под местную специфику и принимается в кратчайшие сроки.

В-третьих, *миротворческая деятельность.*

Совершенствование правовых основ применения Коллективных миротворческих сил ОДКБ, включая закрепление международно признанного статуса участников операций и их гарантий безопасности. В целом указанный процесс представляет собой создание жесткого юридического каркаса, который позволяет превратить политическое решение о вводе войск в легитимную международную операцию с четко прописанными правилами поведения. Важно отметить, что опыт проведения операции в Казахстане в январе 2022 г. выявил ряд пробелов: юридические сложности с пересечением границ контингентами до формального принятия решения СКБ, вопросы подсудности военнослужащих за правонарушения, совершенные вне мест службы [10], а также неопределенность их статуса при взаимодействии с местными властями. Проблема заключается в том, что военнослужащий государства А, находящийся с миссией в государстве Б, юридически находится в так называемой «серой зоне». Он не является ни обычным иностранным гражданином, ни полноценным международным миротворцем под флагом ООН.

Гармонизация законодательства в рамках ПА ОДКБ направлена на устранение этих лакун через принятие унифицированных норм [11]. Хотя Коллективные миротворческие силы ОДКБ формально могут действовать без прямого мандата Совета Безопасности ООН (на основании главы VIII Устава ООН о региональных соглашениях), государства – члены Организации принимают национальные законы, которые

де-факто приравнивают статус своих миротворцев к статусу «голубых касок». Это необходимо для того, чтобы нормы международного гуманитарного права (в частности, защита от нападений) распространялись на контингенты ОДКБ автоматически. Также в модельном законодательстве имеется норма, согласно которой участники Коллективных миротворческих сил ОДКБ на период операции наделяются статусом, аналогичным статусу административно-технического персонала дипломатических представительств. Это решает проблему таможенных досмотров личного багажа, иммунитета от гражданской юрисдикции принимающей стороны в части действий, связанных с исполнением служебных обязанностей, и неприкосновенности военной техники и узлов связи.

По мнению автора, реализация этих норм превращает Коллективные миротворческие силы ОДКБ из символического инструмента в оперативный, поскольку исчезает пауза на ратификацию: парламенты уже заранее привели свои уголовно-процессуальные и административные кодексы к общему знаменателю, войска могут приступить к выполнению задач сразу после пересечения границы. При этом повышается легитимность миссии в глазах местного населения. Четко прописанный правовой статус лишает оппонентов возможности называть миротворцев «оккупантами», так как закон жестко ограничивает их функции стабилизацией обстановки и выводит из-под удара местных политических конфликтов.

В-четвертых, *противодействие незаконному обороту наркотиков и оружия*.

Создание единых протоколов оперативного обмена информацией между правоохранительными органами государств – членов ОДКБ.

Нарко- и оружейный трафик в зоне ответственности ОДКБ носит ярко выраженный транснациональный характер. Классический маршрут контрабанды опиатов («Северный путь») проходит из Афганистана через Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан в Россию и далее в Европу. Каналы переброски огнестрельного оружия часто имеют обратную или латентную направленность [12]. Принятие модельного закона обязывает ведомства перейти на единый стандарт кодирования информации. Например: если государство А использует одну систему классификации видов наркотических средств, а государство Б – другую, их базы данных не могут синхронизироваться автоматически. Протоколы устанавливают использование единого цифрового словаря UNODC (Управления ООН по наркотикам и преступности) для маркировки веществ. Это позволяет системе при вводе кода вещества в государстве А мгновенно подсветить все связанные эпизоды в государстве Б.

Важно также отметить, что для борьбы с современным наркобизнесом недостаточно ловить уличных закладчиков. Гармонизация законов о противодействии отмыванию доходов устанавливает общий перечень признаков подозрительных операций. Например: если серия мелких переводов криптоактивов зафиксирована в государстве А как оплата за «цветочные поставки», а аналогичная структура транзакций выявлена в государстве Б, протокол обязывает правоохранительные органы обоих государств инициировать совместную проверку в течение 24 часов и наложить синхронный арест на счета.

Практическим результатом указанной работы в четырех выделенных сферах становится сокращение так называемого «времени реакции» системы безопасности: когда национальные законы приведены к единому стандарту, механизмы принятия решений СКБ реализуются без дополнительных внутригосударственных процедур согласования. По мнению автора, крайне важно, что помимо законотворчества, деятельность ПА ОДКБ оказывает реальное влияние на систему безопасности.

Так, регулярные выездные заседания Совета ПА ОДКБ позволяют делегациям на местах оценивать специфику пограничных регионов (например, центральноазиатского сектора), что способствует выработке более точных формулировок в докумен-

тах СКБ. Стоит также отметить, что рекомендации по координации действий парламентских делегаций ОДКБ в рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ и других площадок предотвращают принятие резолюций, противоречащих интересам Организации. Этот тезис описывает переход от классической «жесткой безопасности», основанной на танках и границах, к концепции «мягкой силы» и общественной дипломатии. В контексте ОДКБ это означает создание интеллектуального и социального фундамента, который делает интеграцию необратимой и устойчивой к внешнему давлению [13].

Немаловажно, что проведение научно-организационных мероприятий (конференции, круглые столы, семинары и др.) различного уровня с участием гражданского общества повышает уровень доверия населения к интеграционным процессам, снижая риски внутриполитической дестабилизации под влиянием внешних акторов.

Научные мероприятия собирают не только политиков, но и академическое сообщество – политологов, историков, социологов и правоведов из всех государств – членов Организации. На таких площадках происходит синхронизация исторического нарратива. Например, совместное обсуждение вопросов общей борьбы с терроризмом на Северном Кавказе или в Центральной Азии создает единую фактологическую базу. Когда ученые разных государств приходят к согласию в оценках угроз, они транслируют эти выводы своим студентам, чиновникам и аудитории национальных СМИ. Это лишает внешних акторов возможности переписывать историю двусторонних отношений в антироссийском или антисоюзном ключе.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что укрепление межпарламентского сотрудничества является критически важным фактором повышения устойчивости региональной архитектуры безопасности. Военно-технический потенциал Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ может быть полноценно задействован только при наличии прочного юридического фундамента [14].

По мнению автора, перспективы дальнейшего развития видятся в **двух стратегических направлениях**: 1. Закрепление самостоятельного правового статуса ПА ОДКБ непосредственно в тексте Устава Организации (с изменением его соответствующих статей), что выведет ее за рамки вспомогательных структур. 2. Расширение полномочий ПА ОДКБ в сфере предварительного мониторинга имплементации решений высших органов ОДКБ. Создание постоянно действующего механизма парламентского контроля позволит выявлять коллизии в национальном праве еще на этапе подготовки проектов решений СКБ, обеспечивая их безусловное исполнение государствами – членами Организации. Таким образом, переход от модели «мягкого» рекомендательного законотворчества к модели обязательного мониторинга и жестких рамочных стандартов станет качественным скачком в развитии ОДКБ как зрелой региональной организации безопасности.

Список литературы:

1. Договор о коллективной безопасности (принят в г. Ташкенте 15 мая 1992 г.) // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. – [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 10.07.2026).

2. Устав Организации Договора о коллективной безопасности (принят в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1712653/ (дата обращения: 10.07.2026).

3. Колесник А.А. О приоритетных направлениях и задачах модельного законотворчества в Организации Договора о коллективной безопасности на 2025-2030 гг // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 3(64). С. 30–38.

4. Кудашкин А.В., Камышанский Д.Ю. Актуальные вопросы совершенствования модельного законотворчества для государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2026. № 6(347). С. 119–129.

5. Бондуровский В.В., Поспелов С.В. Деятельность Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности по гармонизации законодательства в сфере противодействия терроризму // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 2 (59). С. 41–48.
6. Противодействие коррупции в государствах – членах ОДКБ : Терминологический словарь / А.Н. Аксенов, С.А. Воронин, Д.Ю. Камышанский [и др.]. – М.: Издательская группа "Юрист", 2025. – 112 с.
7. Таалатбек Масадыков: в 2026 году приоритетом ОДКБ станет укрепление межпарламентского сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: https://paodkb.org/events/taalatbek-masadykov-v-2026-godu-prioritetom-odkb (дата обращения: 23.07.2026).
8. Бондуровский В.В., Сидненко Г.Ф. Модельное законодательство СНГ и ОДКБ в сфере борьбы с международным терроризмом и трансграничной преступностью: состояние и направления совершенствования // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1(4). С. 67–74.
9. Колесник А.А. Научное обеспечение модельного законотворчества в ОДКБ: потребности и перспективы // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 3 (60). С. 6–15.
10. Закомолдин Р.В. О сближении и гармонизации норм и положений военно-уголовного законодательства государств – участников ОДКБ // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 12. С. 93–98.
11. Положение о разработке и принятии модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://paodkb.org/lawmaking (дата обращения: 23.07.2026).
12. Нуриддинов Р.Ш., Сулаймонова А.М. Перспективы взаимодействия государств Центральной Азии по обеспечению региональной безопасности в регионе в рамках ОДКБ и ШОС // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2020. № 8. С. 345–348.
13. Петрищев Е.В. Роль межпарламентского сотрудничества в совершенствовании нормативно-правовой основы деятельности ОДКБ // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 138–142.
14. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», посвященной Дню народного единства (Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, 7 ноября 2025 года) / А.Н. Аксенов, С.А. Воронин, Р.В. Закомолдин [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4(56). С. 197–214.

Kamyshanskiy D.Yu. Strengthening Inter-Parliamentary Cooperation as a Factor in Improving the Effectiveness of Collective Security in the Area of Responsibility of the Collective Security Treaty Organization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 81–87.

The scientific article examines the role and significance of inter-parliamentary cooperation within the system of ensuring collective security in the Eurasian space. The relevance of the topic is determined by the need to adapt the mechanisms of the Collective Security Treaty Organization (CSTO, the Organization) to contemporary transnational challenges that require not only military-technical but also proactive normative legal responses. The object of the research is the CSTO's collective security system, while the subject is the activity of the Parliamentary Assembly of the CSTO (PA CSTO) as a key institution for the harmonization of legislation among the member states of the Organization. Based on an analysis of the provisions of the 1992 Collective Security Treaty and the 2002 CSTO Charter, the evolution of the PA CSTO's legal status is considered. Special attention is paid to the practical implementation of the PA CSTO Program of Action for the convergence and harmonization of national legislation for the period 2026–2030. Furthermore, the author formulates the main directions of parliamentary diplomacy's influence on the effectiveness of the security system. It is concluded that strengthening inter-parliamentary cooperation is a critically important factor in enhancing the resilience of the regional security architecture. Prospects for further development are seen in consolidating the independent legal status of the PA CSTO in accordance with the Organization's Charter and expanding its powers in the sphere of preliminary monitoring of the implementation of decisions made by the CSTO's supreme bodies.

Key words: Collective Security Treaty Organization (CSTO), Parliamentary Assembly of the CSTO, inter-parliamentary cooperation, collective security, regional security, harmonization of legislation, international security, preventive diplomacy.

Spisok literatury:

1. Dogovor o kollektivnoj bezopasnosti (prinyat v g. Tashkente 15 maya 1992 g.) // Oficial'nyj sajt Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti. – [Elektronnyj resurs]. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (data obrashcheniya: 10.07.2026).
2. Ustav Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti (prinyat v g. Kishineve 7 oktyabrya 2002 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. – [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1712653/

3. Kolesnik A.A. O prioritetnyh napravleniyah i zadachah model'nogo zakonotvorchestva v Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti na 2025-2030 gg // Pravo. Bezopasnost'. CHrezvychajnye situacii. 2024. № 3(64). S. 30–38.
4. Kudashkin A.V., Kamyshanskij D.YU. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya model'nogo zakonotvorchestva dlya gosudarstv – chlenov ODKB v sfere obespecheniya bezopasnosti i protivodejstviya novym vyzovam i ugrozam // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2026. №6(347). S.119–129.
5. Bondurovskij V.V., Pospelov S.V. Deyatel'nost' Parlamentskoj Assamblei Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti po garmonizacii zakonodatel'stva v sfere protivodejstviya terrorizmu // Pravo. Bezopasnost'. CHrezvychajnye situacii. 2023. № 2 (59). S. 41–48.
6. Protivodejstvie korrupcii v gosudarstvah – chlenah ODKB : Terminologicheskij slovar' / A.N. Aksenov, S.A. Voronin, D.YU. Kamyshanskij [i dr.]. – Moskva : Izdatel'skaya gruppa "YUrist", 2025. – 112 s.
7. Taalatbek Masadykov: v 2026 godu prioritetom ODKB stanet ukreplenie mezhparlamentskogo sotrudnichestva. [Elektronnyj resurs]. URL: https://paodkb.org/events/taalatbek-masadykov-v-2026-godu-prioritetom-odkb (data obrashcheniya: 23.07.2026).
8. Bondurovskij V.V., Sidnenko G.F. Model'noe zakonodatel'stvo SNG i ODKB v sfere bor'by s mezhdunarodnym terrorizmom i transgranichnoj prestupnost'yu: sostoyanie i napravleniya sovershenstvovaniya // Dialog: politika, pravo, ekonomika. 2017. № 1(4). S. 67–74.
9. Kolesnik A.A. Nauchnoe obespechenie model'nogo zakonotvorchestva v ODKB: potrebnosti i perspektivy // Pravo. Bezopasnost'. CHrezvychajnye situacii. 2023. № 3 (60). S. 6–15.
10. Zakomoldin R.V. O sblizhenii i garmonizacii norm i polozhenij voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva gosudarstv – uchastnikov ODKB // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2023. № 12. S. 93–98.
11. Polozhenie o razrabotke i prinyatii model'nyh zakonodatel'nyh aktov, rekomendacij i inyh pravovyh aktov Parlamentskoj Assambleej Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti. [Elektronnyj resurs]. URL: https://paodkb.org/lawmaking (data obrashcheniya: 23.07.2026).
12. Nuriddinov R.SH., Sulajmonova A.M. Perspektivy vzaimodejstviya gosudarstv Central'noj Azii po obespecheniyu regional'noj bezopasnosti v regione v ramkah ODKB i SHOS // Vestnik Tadzhikskogo nacional'nogo universiteta. Seriya social'no-ekonomicheskih i obshchestvennyh nauk. 2020. № 8. S. 345–348.
13. Petrishchev E.V. Rol' mezhparlamentskogo sotrudnichestva v sovershenstvovanii normativno-pravovoj osnovy deyatel'nosti ODKB // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2024. № 5. S. 138–142.
14. Obzor II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Pravovye voprosy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii», posvyashchennoj Dnyu narodnogo edinstva (Moskovskij universitet imeni A.S. Griboedova, Moskva, 7 noyabrya 2025 goda) / A.N. Aksenov, S.A. Voronin, R.V. Zakomoldin [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. 2025. № 4(56). S. 197–214.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 88-95.

УДК 340.158

НОРМАТИВНЫЙ ФУНДАМЕНТ УЧАСТИЯ КОМСОМОЛА В ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ: ОБЗОРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Пряхин А. И.

Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета

В советскую систему военно-патриотического воспитания был интегрирован довольно обширный круг субъектов, среди которых особое место занимала комсомольская организация. Политико-правовой статус комсомола отличался автономным положением, одновременно опосредованным тесной связью с партией, что при условии массовости организации и широкого молодежного представительства определяло его уникальную позицию в разрезе реализации военно-патриотического воздействия на население. При этом для правовой науки фундаментальным вопросом является нормативная регламентация оснований подобной деятельности. Целью исследования является характеристика ключевых нормативных актов, как всесоюзных, так и внутренних, фиксирующих ключевые базисы участия комсомола в военно-патриотическом воспитании. Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов. В результате анализа нормативно-правового пространства советского периода декларируется тезис о наличии довольно сбалансированного «каркасного» регулирования деятельности комсомола в контурах военно-патриотического воздействия на молодежное сообщество в рамках всесоюзных и внутренних документов, при этом фиксируется и ретроспективно признаваемый потенциал закрепления на уровне закона положения о непосредственном участии комсомольской организации в военно-патриотическом воспитании.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, гражданско-патриотическое воспитание, комсомол, молодежь, советское государство, патриотизм.

Советская система военно-патриотического воспитания молодежи отличалась широким спектром субъектов, интегрированных в различные реализационные аспекты указанной деятельности.

Доктрина и практика военно-патриотического воспитания в советский период успешно следовали принципу коллективизма, в определенной степени составляющему каркас марксистско-ленинской идеологии, что обусловило и привлечение в указанный сегмент «ресурсов» общественных объединений. Причем в контексте военно-патриотического воздействия на молодежь особенно результативной оказалась формула «молодежь для молодежи», которая воплощалась в жизнь в том числе через работу комсомольской организации. При этом в условиях очевидной степени значимости комсомола для осуществления военно-патриотических мероприятий для юридической науки особенно важным остается вопрос о правовой составляющей функционирования обозначенной структуры в рамках названного вектора.

Отметим, что создание массовой молодежной коммунистической организации еще на заре Советского государства представляло собой своеобразное решение проблемы игнорирования физического и духовного потенциала молодежи.

Как справедливо подчеркивает Л.С. Цветлюк, «… социологический закон определяет весомое положение молодежи в преобразовании общества и страны в целом, выводит её в число двигателей общественного прогресса. В Советском Союзе правящая компартия и Советское государство были заинтересованы не только в максимальной реализации этого социологического закона, но и во всяческом использовании сил, знаний, энтузиазма молодого поколения в интересах страны, общества, самой партии» [1]. В разрезе подобной парадигмы созданный в 1918 г. Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ) занял центральную нишу, в дальнейшем став ведущим молодежным и общественным объединением. Согласимся с В.К.

Криворученко, по мнению которого, «…комсомол играл роль («боевого») помощника и («надежного») резерва («правящей» или по Ленину – «правительственной») партии. Собственно, этим определялось его место в обществе, взаимоотношения с государством (его органами в центре и на местах), со всеми структурами политической организации (Системы) советского общества» [2, с. 1].

В разрезе анализа правового статуса комсомольской организации, в частности, и в военно-патриотической сфере, укажем на тот факт, что как таковые нормативные основы консолидации советских граждан были заложены еще в Конституции РСФСР 1918 г., ст. 16 которой закрепляла, что «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации» [3].

Программа РКСМ, утвержденная на I Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи 29 октября – 4.11.1918 г., закрепляла, что «… для объединения революционной молодежи организуется Российский Коммунистический Союз Молодежи. Он является одним из отрядов Международного Интернационала Молодежи. Союз, являясь в целях проявления самодеятельности молодежи вполне независимой организацией, в своей революционной работе солидарен с Российской Коммунистической партией (большевиков). Оставаясь вполне самодеятельными, работая рука об руку с другими рабочими организациями, вместе с ними идти к торжеству коммунизма …» [4, с. 9].

Документ, фиксируя принцип полной самодеятельности молодежи, дополняемый солидарностью с партией, также абрисно интегрировал молодежное объединение и в сферу военно-патриотической работы, обозначая в качестве одного из направлений достижения собственных целей широкое распространение среди молодежи идеи спорта и военного обучения и создания среди молодежи соответствующих организаций [4]. В 1922 г. V съезд РКСМ также продолжил военно-патриотическую линию. В решении съезда об основных задачах коммунистического воспитания в новых условиях отмечалось, что «к воспитательной работе среди молодежи, которая в силу своего возраста, более эмоциональна, этому последнему моменту нужно отводить значительно большее место. <…>. Необходимо использовать весь романтически-революционный материал для воспитания юношества — подполье, гражданскую войну, ВЧК, подвиги и революционные приключения рабочих, Красной Армии, изобретения, научные экспедиции и т. д.» [4, с. 89]. В обновленной версии Устава, принятой в рамках V съезда, подчеркивалось, что «каждый комсомолец занимается спортом и физической культурой, помня, что рабочему классу нужны физически сильные, здоровые и крепкие работники и борцы за коммунизм» [5, с. 8].

Обозначим, что в первые годы советской власти военно-патриотическое воспитание как таковое не являлось достаточно автономным элементом воздействия на молодежь. Оно было детерминировано борьбой пролетариата с буржуазией и лишь частично фигурировало в отдельных решениях РКСМ, зачастую существуя лишь в контексте революционной борьбы и физического воспитания молодых граждан.

Однако важно заметить, что именно в рамках V съезда РКСМ взял шефство над Красным Флотом. Так, приказом Реввоенсовета (РВС) от 19.10.1922 г. закреплялась следующая директива: «… в согласии с постановлением V Всероссийского съезда РКСМ полагать Российский Коммунистический Союз Молодежи шефом рабоче-крестьянского Красного флота» [6].

В рамках указанного направления в декабре 1922 г. ЦК РКСМ была создана специальная комиссия, возглавившая руководство шефской работой, а региональные комсомольские организации, в свою очередь, были прикреплены к флотам [7].

По справедливому мнению В.И. Моисеева, как таковая «необходимость шефства проистекала, прежде всего, из создания подлинно народной армии, стоящей на защите интересов рабочих и крестьян, укрепления обороны страны в условиях перехода армии на мирное время после Гражданской войны в соответствии с экономическими возможностями, в то же время была обусловлена военной опасностью в окружении капиталистического мира» [8].

Ситуация в начале 1920-х годов действительно характеризовалась довольно критическим состоянием морских сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Первая мировая война, революционные потрясения 1917 г. и последующая Гражданская война фактически уничтожили материально-техническую базу флота. Значительная часть кораблей была затоплена, переправлена Белым движением за рубеж или требовала капитального ремонта. Кроме того, флот испытывал острую нехватку угля, мазута, продовольствия и обмундирования. Подобное кризисное положение дополнялось и кадровым дефицитом. Выход из сложившегося кадрового и «морального» тупика нашелся именно в привлечении организованной молодежи.

В Обращении V Съезда РКСМ к морякам Красного флота, ко всей трудящейся молодежи РСФСР внимание заострялось на всесторонней поддержке флота: «…все комсомольцы России должны знать: наш Российский Коммунистический Союз Молодежи и в дни мира не бросит якоря в тихой пристани. Мы будем готовиться к тому, чтобы отбить все попытки мировых хищников (откуда бы они ни шли), поработить рабоче-крестьянскую Россию, а для этого прежде всего мы постараемся поддерживать боевой дух тех, кто защищает морские подступы к Советской республике, укреплять их веру в то, что рабоче-крестьянская молодежь России не забыла их» [9, с. 308-309]. В документе также содержался призыв для всех комсомольцев и трудящейся молодежи «каждодневно помогать Красному Флоту и его морякам: переписываться с моряками, помогать их семьям, устраивать сборы, отчисления, пропагандировать идею создания мощного Красного Военного Флота» [9, с. 308-309]. Причем «лучшей комсомольской организацией будет та, которая сможет больше всего нести в дело помощи красным орлам наших морей» [9, с. 309].

Как подчеркивает П.А. Меркулов, «…в ходе мобилизации 1923 г. комсомол послал на флот более 7,5 тысяч комсомольцев. Укрепление Красной Армии и флота, переходивших на кадрированную систему комплектования, поставило вопрос о вневойсковой подготовке молодежи к военной службе. Эта задача решалась в рамках общественных организаций…» [10].

В разрезе шефства над флотом комсомол взял на себя обязательство не просто помогать ему материально, но и стал своеобразной кузницей новых кадров.

Л. Д. Троцкий в рамках V Съезда РКСМ отмечал, что союз «выдвигает из своей среды первые кадры и новых молодых моряков, которые должны будут на своих плечах вынести судьбы … революционного флота» [9, с. 241]. Символической вехой приятия шефства над Красным флотом стало переименование учебного корабля «Океан» Балтийского флота в «Комсомолец», утвержденное приказом РВС от 15.10.1922 г. № 2367.

Так называемая «военно-шефская» работа и в последующие периоды становления и развития советского государства стала одним из базовых направлений работы РКСМ, сначала сменившем название на Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (РЛКСМ), а затем и на Всесоюзный Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ), укрепляя его позиции в разрезе военно-патриотического воспитания. Подчеркнем, что в Уставе Всесоюзного Ленинского

Коммунистического Союза Молодежи, принятом на VII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 11-22 марта 1926 г., помимо физического развития комсомольцев появилось и положение о том, что «комсомолец помнит, что он должен уметь защищать пролетарскую революцию с оружием в руках, что комсомол — опора Красной Армии и Красного Флота. Поэтому каждый комсомолец должен внимательно изучать военное дело, будучи в Красной Армии и Красном Флоте первым в учении, первым в дисциплинированности, первым на боевой линии» [11].

В Уставе 1936 г., принятом X съездом ВЛКСМ, среди обязанностей членов союза закреплялась необходимость «изучать военное дело, быть беззаветно преданным великой социалистической Родине и быть готовым отдать для нее все свои силы, а если понадобится – и жизнь» [12]. Определенные трансформации правого статуса комсомола произошли и на конституционном уровне. Если в первых союзных и российских конституциях отсутствовали как таковые упоминания о молодежи в целом, то в контурах Конституции СССР 1936 г. возникли «организации молодежи», которые фигурировали в рамках статей 126 (право граждан на объединения в общественные организации) и 141 (право на выставления кандидатов по избирательным округам) Конституции СССР 1936 г. [13].

Следует указать на тот факт, что в контексте военно-патриотической работы с населением (вне привязки к деятельности ВКСМ) важным нововведением стало появление в Основном законе положений о всеобщей воинской обязанности (ст. 132) и защите Отечества как священном долге каждого гражданина СССР (ст. 133). В целом, в предвоенный период ВЛКСМ продолжал функционировать в рамках трека по укреплению так называемой «военно-физкультурной работы», предлагая различные инициативы, например, о введении подростковой ступени «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), обязательной военно-физкультурной подготовки комсомольцев южно-трубного металлургического завода г. Никополя и организации военно-физкультурного отряда из членов ВЛКСМ [14], должности секретаря ВЛКСМ по военной работе в обкоме комсомола по Центрально-Черноземной области [15] и т.д. Помимо обозначенного направления, комсомольская организация реализовала и мероприятия политпросвещения, также направленные на воспитание у комсомольцев и молодежи твердых идейных убеждений, коммунистической нравственности, социалистического патриотизма и интернационализма, постоянной готовности к защите завоеваний социализма.

В 1931 г., в связи с бурным развитием военной авиации, IX съезд ВЛКСМ объявил шефство над ВВС. Знаменитый лозунг «Комсомолец – на самолет!» превратился в общегосударственную программу: за короткий срок в стране открылись сотни планерных школ и аэроклубов, где без отрыва от производства молодежь осваивала летное мастерство. Подобный вектор работы привел к тому, что к 1941 г. значительная часть летного состава РККА состояла из воспитанников комсомольских аэроклубов. Исследователи отмечают что, «…для руководства подготовкой летного состава был сформирован Центральный штаб при ЦК ВЛКСМ. На местах при комсомольских комитетах были созданы аналогичные штабы. Кадры пилотов готовились в авиашколах и авиаклубах при Обществе содействии обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим)» [16]. Кроме того, комсомол явился инициатором появления и развития различных военно-прикладных видов спорта – например, парашютного.

Указанные обстоятельства опосредовали тот факт, что с началом Великой Отечественной войны ВЛКСМ превратился в боевой резерв действующей армии.

Постановлением ЦК ВЛКСМ от 23.06.1941 го. «О мероприятиях по военной работе в комсомоле» закреплялось требование о том, «чтобы каждый комсомолец на своем посту работал так, как достойно для советского патриота, помогал бы обеспе-

чить нашу Красную Армию, Военно-Морской Флот всем необходимым для победы над врагом до полного его уничтожения» [17]. В годы войны векторы работы комсомольской организации сместились в сторону фактической защиты Отчества – одни члены ВЛКСМ ушли на фронт добровольцами, другие работали в тылу.

Как в дальнейшем указывалось в Постановлении ЦК КПСС от 1.10.1968 г. «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи», «бессмертна слава воспитанников Ленинского комсомола – героев Великой Отечественной войны, грудью вставших на защиту Родины от угрозы фашистского порабощения» [18].

В послевоенный период ВЛКСМ активно участвовал в работе по восстановлению Советского государства, и воспитании молодежи, готовой к реальному отторжению внешних угроз. Наряду с защитой ленинской идеологии и интересов пролетариата, на авансцену вышли и задачи по непосредственному формированию категории советского патриотизма. Логичным итогом стало последующее закрепление в Уставе ВЛКСМ 1962 г. следующей директивы: «священный долг комсомола – готовить молодежь к защите социалистической Родины, воспитывать самоотверженных патриотов, способных дать решительный отпор нападению любого врага» [19].

В документе также утверждалась обязанность члена ВЛКСМ быть «самоотверженным патриотом Советской Родины, готовым отдать для нее все свои силы, а если понадобится – жизнь, крепить мощь Вооруженных Сил СССР, изучать военное дело, проявлять бдительность, хранить государственную тайну» [19].

В последующем постановлением XVII съезда ВЛКСМ «О частичных изменениях в Уставе ВЛКСМ» 1974 г. фиксировалась дополнительная необходимость «предусмотреть в Уставе, что первичные комсомольские организации (на основании решения ЦК ВЛКСМ) имеют Красное знамя как символ чести и боевой сплоченности комсомольцев, объединенных беззаветной преданностью социалистическому Отечеству, Коммунистической партии Советского Союза» [20]. Следующей важной вехой в утверждении особого статуса комсомола стало принятие Конституции 1977 г., которая официально внедрила ВЛКСМ в общественно-политический ландшафт.

Так, согласно ст. 7 Основного закона, комсомол наравне с иными общественным организациям имел право участвовать в управлении государственными и общественными делами, решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов [21]. Более того, по сравнению с Конституций СССР 1936 г. делегированное организациям молодежи право выдвижения кандидатов в депутаты в субъектном контексте теперь ограничивалось одним ВЛКСМ, исключая иные формирования.

По справедливому мнению И. В. Жукова, в Основном законе «… впервые вводится глава «Политическая система», в которой закреплены основы функционирования трех ее важных элементов – государства, КПСС, общественных организаций. Отмечается роль третьего элемента политической системы – общественных организаций (профсоюзов, ВЛКСМ и др.) [22, с. 59]. Ю. М. Тихонравов также особо подчеркивал «важнейшую функцию демократического характера» последних, которая предоставляла общественным организациям право «в соответствии со своими уставными задачами участвовать в управлении делами государства, общества, в решении политических, экономических, социальных вопросов» [23]. Конституция 1977 г. также определила качественно новый статус советского патриотизма, в ст. 36 фиксируя, что осуществление прав граждан СССР «обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР» [21].

Отметим, что подобные модификации определяли довольно сбалансированный подход к организации деятельности комсомола в сфере военно-патриотического

воспитания молодежи, в результате чего формально сложилась достаточно согласованная система, где реальное участие в мероприятиях военно-патриотического спектра дополнялись нормативной основой, представленными как всесоюзными нормативными правовыми актами, так и внутренними документами. Однако, несмотря на выстроенную в течение нескольких десятилетий институциональную и правовую структуру взаимодействия с населением в военно-патриотическом ключе, комсомол, как и иные общественные и государственные структуры, не справился с кризисным положением советской идеологии в конце XX в., что дополнялось внутренними организационными проблемами.

Резюмируя, можно заключить, что комсомольская организация, существуя в статусе помощника и «боевого резерва» партии играла значительную роль в реализации векторных задач Советского государства. Причем в системе военно-патриотического воспитания ВЛКСМ выступал главным оператором и связующим звеном между партией, армией и советской молодежью.

Комсомол, непосредственно участвуя в военно-патриотическом воспитании советских граждан, прежде всего, молодежного сообщества, на протяжении всего советского периода демонстрировал свою общественно-политическую значимость в качестве одного из ключевых союзников партии в военной сфере. Данный тезис подтверждался и в нормативной плоскости – программные документы, уставы и издаваемые комсомольской организацией акты фиксировали военно-патриотические максимы и обязывали членов союза поместно им следовать, что в условиях массового представительства союза, обеспечивало их довольно успешную интеграцию в общественно-политическую и идеологическую конъюнктуру.

Правовой фундамент участия комсомола в реализации военно-патриотического воспитания молодежи был представлен как всесоюзными документами (Конституциями 1936, 1977 гг., актами различных органов и ведомств и т.д.), которые преимущественным образом создавали «каркас» для интеграции комсомола в разные сферы социальной жизни, и непосредственно документами комсомольской организации (прежде всего, уставами и программами), которые последовательно фиксировали военно-патриотическую работу в качестве прямой обязанности каждого комсомольца. При этом, полагаем, что наличие прямого указания на военно-патриотическое воспитание как один из ключевых векторов работы комсомола на уровне законодательства СССР упрочило бы юридическую составляющую обозначенной деятельности.

Список литературы:

1.Цветлюк, Л. С. Молодежь и юношеские организации в политической системе советского общества. 20–30-е годы XX столетия /Л.С. Цветлюк // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 2 (март-апрель). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Tsvetliuk_Youth/ (дата обращения: 06.07.2026).

2.Криворученко, В.К. Молодёжь в истории страны // Информационный гуманитарный портал знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 1.

3.Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 06.07.2025).

4.Товарищ комсомол. 1918-1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 1. 1918—1941. – М.: Мол. гвардия, 1969. – 600 с.

5.Программа и Устав Российского Коммунистического Союза Молодежи : (секция КИМ) : приняты на 5 Всероссийском съезде. – Петроград : Рабочее кооперативное издательство «Прибой». Сектор «Юный пролетарий», 1923. – 52 с.

6.Сборник приказов Революционного военного совета Союза советских социалистических республик. Алфавитно-предметный указатель... за 1920 г. – Петроград; Москва : б. и., 1920-1934, 1922. – 171 с.

7.Лаюк, Е.М. Военно-шефская работа в СССР (1922 – июнь 1941 г.): монография. М.: НИЕВ, 2006. – 195 с.

8.Мосеев, В. И. Шефство над Красной армией и флотом в период 1921-1940 гг. / В.И. Мосеев // Ученые записки НовГУ. – 2018. – №4 (16). – С. 1-4.
9.V Всероссийский съезд РКСМ. 11 –19 октября 1922 года. Стенографический отчет. Изд-во «Молодая гвардия», 1927. С. 308–309.
10. Меркулов, П. А. Комсомол в системе молодежных общественных организаций 1920-х гг. / П.А. Меркулов // Вестник РУДН. История России. – 2017. – №1. – С. 49-58.
11. VII Всесоюзный съезд ВЛКСМ. 11-22 марта 1926 года. Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи // ВЛКСМ в резолюциях его съездов и конференций. 1918-1928 гг. М.-Л., изд-во «Молодая гвардия», 1929.
12. X съезд ВЛКСМ. 11—21 апреля 1936 года. Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи // X съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет, ч. II. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
13. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 08.07.2026).
14. О военно-физкультурной работе в комсомольской организации Никопольского южно-трубного металлургического завода Днепропетровской области. Из постановления ЦК ВЛКСМ, январь 1941 года // ЦА ВЛКСМ.
15. Саран, А.Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928-1934 гг. Москва - Орел: изд. ОГАУ, 2003. – 434 с.
16. Ручкин, Б.А., Мухамеджанов, М. М. Непознанное наследие комсомола / Б.А, Ручкин, М.М. Мухамеджанов // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. С. 104-115.
17. О мероприятиях по военной работе в комсомоле. Из постановления ЦК ВЛКСМ, 23 июня 1941 года // Огненные годы. Молодежь в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 годов. Сборник документов. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1965. С. 11-13.
18. Постановление ЦК КПСС от 1 октября 1968 г. «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» // Правда. – 1968. – № 280.
19. Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи : Принят XIV съездом ВЛКСМ. М., Мол. гвардия, 1962. – 32 с.
20. Документы ЦК ВЛКСМ 1974. — М.: Мол. гвардия, 1975. – 336 с.
21. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. – М.: Политиздат, 1978. – 62 с.
22. Жуков И.В. Конституционный статус общественных объединений в период социализма / И.В. Жуков // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 2. – С. 47-54.
23. Тихонравов, Ю.В. Основы философии права. М., Вестник, 1997. – 604 с.

Priakhin A.I. The normative foundation of the komsomol's participation in the military-patriotic education of youth: overview characteristics // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 88–95.

The Soviet military-patriotic educational system integrated an extensive range of actors, among which the Komsomol occupied a special position. Autonomy characterized the political and legal position of the Komsomol, linked closely to the party. Given the organization's mass nature and broad representation among young people, these factors determined its unique role in promoting military patriotism among the population. At the same time, for legal science, the fundamental issue is the normative regulation of the grounds for such activities. This study aims to characterize key regulatory acts, both at the all-Union and internal levels that define the basis for the Komsomol's involvement in military-patriotic education. The research methodology combines general scientific, specialized scientific and legal approaches. Based on an analysis of Soviet regulations, the author argues that a balanced "framework" regulates Komsomol activity within the military-patriotic influence on youth communities at both the all-Union and internal levels. Furthermore, the legislative level retains potential for the retrospective recognition of Komsomol involvement in military education.

Keywords: patriotism, civic-patriotic education, military-patriotic education, spiritual and moral education, komsomol, youth, Soviet state.

Spisok literatury:

1. Tsvetlyuk, L. S. Molodezh' i yunosheskie organizatsii v politicheskoi sisteme sovetskogo obshchestva. 20–30-e gody KHKH stoletiya /L.S. Tsvetlyuk // Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2011. № 2 (mart-aprel'). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Tsvetliuk_Youth/ (data obrashcheniya: 06.07.2026).
2.Krivoruchenko, V.K. Molodezh' v istorii strany // Informatsionnyi gumanitarnyi portal znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 1. S. 1.

3.Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) // SPS «Garant» (data obrashcheniya: 06.07.2025).
4.Tovarishch komsomol. 1918-1968: Dok. s"ezdov, konferentsii i TSK VLKSM. T. 1. 1918—1941. – M.: Mol. gvardiya, 1969. – 600 s.
5.Programma i Ustav Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi : (sektsiya KIM) : prinyaty na 5 Vserossiiskom s"ezde. – Petrograd : Rabochee kooperativnoe izdatel'stvo «Priboi». Sektor «Yunyi proletarii», 1923. – 52 s.
6.Sbornik prikazov Revolyutsionnogo voennogo soveta Soyuza sovetskikh sotsialisticheskikh respublik. Alfavitno-predmetnyi ukazatel'... za 1920 g. – Petrograd; Moskva : b. i., 1920-1934, 1922. – 171 s.
7.Layuk, E.M. Voenno-shefskaya rabota v SSSR (1922 – iyun' 1941 g.): monografiya. M.: NIEV, 2006. 195 s.
8.Moseev, V. I. Shefstvo nad Krasnoi armiei i flotom v period 1921-1940 gg. / V.I. Moseev // Uchenye zapiski NovGU. – 2018. – №4 (16). – S. 1-4.
9.V Vserossiiskii s"ezd RKSM. 11 –19 oktyabrya 1922 goda. Stenograficheskii otchet. Izd-vo «Molodaya gvardiya», 1927. S. 308–309.
10. Merkulov, P. A. Komsomol v sisteme molodezhnykh obshchestvennykh organizatsii 1920-kh gg. / P.A. Merkulov // Vestnik RUDN. Istoriya Rossii. – 2017. – №1. – S. 49-58.
11. VII Vsesoyuznyi s"ezd VLKSM. 11-22 marta 1926 goda. Ustav Vsesoyuznogo Leninskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi // VLKSM v rezolyutsiyakh ego s"ezdov i konferentsii. 1918-1928 gg. M.-L., izd-vo «Molodaya gvardiya», 1929.
12. X s"ezd VLKSM. 11—21 aprelya 1936 goda. Ustav Vsesoyuznogo Leninskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi // X s"ezd VLKSM. Stenograficheskii otchet, ch. II. Partizdat TSK VKP(b), 1936.
13. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utverzhdena post-anovleniem Chrezvychainogo VIII S"ezda Sovetov Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik ot 5 dekabrya 1936 g.) URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (data obrashcheniya: 08.07.2026).
14. O voenno-fizkul'turnoi rabote v komsomol'skoi organizatsii Nikopol'skogo yuzhno-trubnogo metallurgicheskogo zavoda Dnepropetrovskoi oblasti. Iz postanovleniya TSK VLKSM, yanvar' 1941 goda // TSA VLKSM.
15. Saran, A.YU. Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Tsentral'noi Rossii. 1928-1934 gg. Moskva - Orel: izd. OGAU, 2003. – 434 s.
16. Ruchkin, B.A., Mukhamedzhanov, M. M. Nepoznannoe nasledie komsomola / B.A, Ruchkin, M.M. Mukhamedzhanov // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. №3. S. 104-115.
17. O meropriyatiyakh po voennoi rabote v komsomole. Iz postanovleniya TSK VLKSM, 23 iyunya 1941 goda // Ognennye gody. Molodezh' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza 1941-1945 godov. Sbornik dokumentov. Izd-vo TSK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1965. S. 11-13.
18. Postanovlenie TSK KPSS ot 1 oktyabrya 1968 g. «O 50-letii VLKSM i zadachakh kommunisticheskogo vospitaniya molodezhi» // Pravda. – 1968. – № 280.
19. Ustav Vsesoyuznogo Leninskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi : Prinyat XIV s"ezdom VLKSM. M., Mol. gvardiya, 1962. – 32 s.
20. Dokumenty TSK VLKSM 1974. — M.: Mol. gvardiya, 1975. – 336 s.
21. Konstitutsiya (Osnovnoi Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: Prinyata na vneocherednoi sed'moi sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 goda. – M.: Politizdat, 1978. – 62 s.
22. Zhukov I.V. Konstitutsionnyi status obshchestvennykh ob"edinenii v period sotsializma / I.V. Zhukov // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. – 2014. – № 2. – S. 47-54.
23. Tikhonravov, YU.V. Osnovy filosofii prava. M., Vestnik, 1997. – 604 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 96-105.

УДК 342

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОПУБЛИКОВАНИЯ АКТОВ, СОДЕРЖАЩИХ РАЗЪЯСНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОБЛАДАЮЩИХ НОРМАТИВНЫМИ СВОЙСТВАМИ, НА «ОФИЦИАЛЬНОМ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛЕ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ» (www.pravo.gov.ru)»

Пухнаревич М. С.

МГЮА им. О. Е. Кутафина

В работе изучен процесс правовой организации опубликования правовых актов Российской Федерации, его становление, развитие, современное состояние. Выявлено, что практика децентрализованного размещения таких актов на ведомственных сайтах, коммерческих справочно-правовых системах не отвечает критериям официальности и общедоступности. Отсутствие требования в законодательстве РФ об опубликовании таких актов в официальных источниках, в частности на «Официальном интернет-портале правовой информации» порождает правовую неопределенность затрудняет своевременное ознакомление правоприменителя с актуальным требованиями и может создавать предпосылки для неконтролируемого административного усмотрения. Предложено правовое решение проблемы.

Ключевые слова: публикация нормативно-правовых актов, официальные порталы, законодательство, доступность.

Характерной чертой современного состояния правовой системы РФ служит усложнение общественных отношений, обусловленных разнообразными причинами как негативного, так и позитивного характера: нестабильность международных отношений, нарастающие угрозы государству, развитие новых технологий во всех сферах жизни общества, цифровизация. От государства в такой ситуации требуется оперативное и гибкое правовое регулирование, что не всегда представляется возможным. В связи с этим в современной правовой системе России классические источники права претерпевают глубокую трансформацию. Все более значимое место в регулировании правоотношений занимают документы, которые формально не относятся к нормативным правовым актам и правовым актам, но фактически исполняют их функции. Сформулированные в них правовые позиции содержат обязательное толкование правовых норм. Такие документы активно используются судами при рассмотрении споров, в предпринимательской среде и многих других сферах жизни общества. Однако в настоящее время на законодательном уровне отсутствуют требования опубликования указанных документов в отличии от указанного требования к нормативным правовым актам. Государственные органы-разработчики документов самостоятельно определяют, в какой форме, на каком ресурсе и в каком порядке доведут его до широкого круга лиц.

Указанные обстоятельства не позволяют в полной мере реализовывать принцип правовой определенности, являющимся фундаментальным элементом верховенства права, что потенциально может привести к его деформации и различиям в практике применения права. Целью является анализ и выявление системных рисков, связанных с неопубликованием «актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (квазинормативных актов), а также разработка предложений по преодолению указанной проблемы. Задачей является определить правовую природу «актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (квазинормативных актов), предложить подход к решению проблемы раскрытия квазинормативных актов.

Несмотря на то, что проблемы правотворческой деятельности органов государственной власти зачастую становятся предметом исследования научного сообщества, комплексный анализ «актов, содержащих разъяснения

законодательства и обладающих нормативными свойствами» (квазинормативных актов) через призму «теневого толкования» до сих пор фрагментарно.

В большей степени акцент при изучении указанного вопроса ставится на материальном аспекте, то есть о содержании таких актов, либо на процессуальных вопросах как оспаривание в судебном порядке. При этом вопрос способов и форм доведения этих актов до широкого круга лиц и их легитимацией через транспарентность (опубликование) остается на периферии научного дискурса.

Несвоевременная реакция государства на регулирование новых общественных отношений может привести к необратимым последствиям в правовом поле, что, соответственно, повлечет негативные последствия в общественной жизни.

В условиях, когда классический законодательный процесс в силу объективных причин не успевает реагировать на динамично меняющиеся экономические и технологические реалии, ведущая роль по своевременной реакции переходит к исполнительной власти. Органы госвласти, обладая исключительными компетенциями на регулирование правоотношений в соответствующей сфере деятельности, берут на себя функцию по детализации, конкретизации и разъяснению зачастую абстрактных и спорных законодательных норм. С одной стороны, такой механизм в полном объеме способен устранять правовые пробелы и реагировать на изменения, но с другой, он же может порождать предпосылки к деформации системы источников права – масштабного разрастания массива ненормативных актов, регулирующих правоотношения в определенной сфере.

Юридическая наука и доктрина традиционно исходят из деления актов на нормативные правовые акты и правовые акты. Между ними проводится четкая грань. Легального определения нормативного правового акта в российской законодательстве нет. Под нормативным правовым актом принято принимать письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм [7]. Это определение впервые было закреплено в постановлении Государственной Думы РФ от 11.11.1996 г. № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации».

Признаки нормативных правовых актов конкретизированы в постановлении Пленума ВС РФ от 25.1.22018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [8], а именно: принятие (издание) в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом; наличие в акте правовых норм (правил поведения); обязательность правовых норм для неопределенного круга лиц; направленность на урегулирование общественных отношений, на изменение или прекращение существующих правоотношений. Именно комплекс указанных признаков наделяет документ статусом нормативного правового акта.

Вместе с тем для их легитимации необходимо соблюсти ряд процедур: нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, подлежат государственной регистрации Минюстом РФ, независимой антикоррупционной экспертизе на сайте regulation.gov.ru в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», созданном для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения и обязательному официальному опубликованию в «Российской газете», Собрании законодательства РФ и на «Официальном интернет-портале правовой информации»

(www.pravo.gov.ru), функционирование которого обеспечивает Федеральная служба охраны РФ. Под правовым актом, в свою очередь, подразумевается документ, содержащий разовые предписания, адресованные конкретным лицам и рассчитанные на однократное применение.

Законодательством дефиниция «правовой акт» не установлена. Определение дано в Методических рекомендациях по определению нормативности правовых актов субъектов РФ и муниципальных правовых актов в целях ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов РФ, Федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов и регистров муниципальных нормативных правовых актов субъектов РФ, утвержденных Минюстом России, но с указанием на их ненормативность. Так, ненормативный правовой акт - правовой акт регламентированной формы, изданный в установленном порядке уполномоченным лицом (органом), содержащий индивидуальные предписания, рассчитанные на однократное применение и адресованные конкретному лицу (лицам).

В качестве признаков ненормативных правовых актов определены следующие: не устанавливает общих норм поведения; издается по организационно-распорядительным вопросам во исполнение актов большей юридической силы; принимается уполномоченным(и) органом(ами) (должностными лицами) в инициативном порядке, поэтому носят односторонний характер; форма правового акта либо установлена актом большей юридической силы, либо не определена; носит индивидуальный (персональный) характер. Предписания, содержащиеся в акте, направлены на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей определенных лиц; властные предписания обязательны для исполнения субъектами правоотношений, кому адресован правовой акт; действие ненормативного акта исчерпывается его однократным применением (исполнением).

Ненормативные правовые акты не имеют направленности на неопределенный круг лиц, а наоборот, индивидуально определены и рассчитаны на однократное применение. Правовой акт – волеизъявление управомоченного субъекта права, регулирующее общественные отношения путем установления (изменения, прекращения) конкретных правоотношений, результаты которых в виде велений, обращений, соглашений и т.п. в установленных законом случаях фиксируются в документарной форме (акте-документе) [1, с. 25].

Ю.А. Тихомиров под правовым актом понимает письменный документ, принятый управомоченным субъектом права (государственным органом, местным самоуправлением, институтами прямой демократии, имеющий официальный характер и обязательную силу, выражающий властные веления и направленный на регулирование общественных отношений [14, с. 17]. Такие акты зачастую именуют актами правоприменения. Е.М. Кузьмина правоприменительный акт понимает как самостоятельный вид правовых актов, представляющих собой официальный акт-документ, принятый управомоченным на то органом на основе соответствующей правовой нормы по какому-либо делу в отношении конкретного субъекта [4, с. 137 - 139].

За пределами дефиниций нормативных правовых актов и правовых актов находятся такие документы и акты, которые издаются официальными органами, имеющие признаки нормативности и не размещаемые в официальных источниках опубликования. Важно отметить, что в указанном контексте акты, имеющие пометку об ограничении распространения или гриф секретности не рассматриваются. Речь идет о не отвечающих требованиям, предъявляемым к нормативным правовым актам, официальных письмах, разъяснениях, методических рекомендациях и обзорах, издаваемым органами государственной власти.

Постановлением Пленума ВС РФ от 25.12.2018г. №50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих

разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» обозначена проблема определения таких ненормативных актов, издаваемых органами государственной власти. Такие акты названы «актами, содержащими разъяснения законодательства и обладающими нормативными свойствами». Согласно Пленуму они обладают двумя существенными признаками: издание их органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, уполномоченными организациями или должностными лицами; наличие в них результатов толкования норм права, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности в отношении неопределенного круга лиц.

Селивановский И.С. дает авторское понятие таким актам – «под актами, обладающими нормативными свойствам, необходимо понимать правовые акты органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, уполномоченных организаций или должностных лиц, содержащие результаты толкования, создавая как конкретизирующие предписания, так и новые правила поведения, которые используются в качестве общеобязательных в правоприменительной деятельности отношении неопределенного круга лиц» [12].

В юридической науке существует и активно используется конструкция «квазинормативных» или «квазиправотворческих» актов. Эти категории синонимичны и несут в себе единый смысл. Так, Р.Л. Иванов проводит их разграничение с нормативными правовыми актами в следующем: «на наш взгляд, отличие квазиправотворческих актов от актов правотворчества состоит в том, что первые изначально не предназначены для установления и выражения норм права и процесс их создания не обеспечивают, хотя и принимаются они субъектом правотворчества по правилам правотворческой процедуры, а также обладают наименованием и атрибутами актов правотворчества» [3]. Полагаю, что «акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами» идентичны квазинормативным (квазиправовым) актам, а сам процесс толкования без официального опубликования его результатов порождает пробелы правовой культуры. Проблематичный вопрос квазинормативных актов – их неопределенный статус и место в российском правовом поле.

По своей форме они мимикрируют под информационный или рекомендательный характер, но демонстрируют все признаки нормативности, поскольку формируют новые правила поведения или в значительной степени корректирует существующие, даже несмотря на то, что зачастую в таких актах указывается на то, что документ нормативным правовым актом не является, так как не содержит общеобязательных правил и правовых норм (например, методические рекомендации Роспотребнадзора МР 3.1.0178-20. «Определение комплекса мероприятий, а также показателей, являющихся основанием для поэтапного снятия ограничительных мероприятий в условиях эпидемического распространения COVID-19», утвержденные Главным государственным санитарным врачом РФ 8.05.2020 г., письмо Минфина России от 3.05.2017 г. № 03-04-05/27036, письмо Минтруда России от 30.10.2024 г. № ПГ/21099-6-1). Разработчики таких документов используют конструкцию «разъяснения» или «методические рекомендации», что автоматически не относит их к нормативным правовым актам, и они остаются «невидимыми» не только для системы государственного учета, но и общества.

Отсутствие жестких процедурных рамок при их подготовке и издании позволяет государственным органам формулировать новые регуляторные требования в упрощенном порядке, минуя процедуры, установленные для нормативных правовых актов (правовая экспертиза, общественное обсуждение, независимая антикоррупционная экспертиза, государственная регистрация).

В некоторых случаях такие акты могут являться иллюстрациями расширительного или ограничительного толкования, что может либо расширять рамки дозволенного, либо сужать их, соответственно.

Селивановский И.С. приводит в качестве примера письмо ФНС России от 30.12.2015 г. № ГД-4-14/23321@ «О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 4 (2015)», отмечая, что указанным разбором допускается правомерным использование в сокращенном фирменном наименовании общества на русском языке знака «амперсанд», несмотря на отсутствие допущения использования символов в фирменном наименовании [13].

Примером корректировки содержания различных явлений может служить письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54^1 Налогового кодекса Российской Федерации», в котором определяются характерные черты такого явления, как «техническая» компания – они не осуществляют деятельность в своем интересе и на свой риск, не обладают необходимыми активами, не выполняют реальных функций, и принимают на себя статус участников операций с оформлением документов от их имени в противоправных целях.

Письмом ФНС РФ от 11.02.2010 г. № 3-7-07/84 «О рассмотрении обращения» дано определение «фирмам-однодневкам» - юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации, и т.д. Аналогичное определение приводилось в письме ФНС России от 24.07.2015 г. № ЕД-4-2/13005@. Некоторые исследователи отмечают квазиправовое содержание в политико-юридических государственных документах, отмечая, что они лишены признаков юридического акта, но влекут прямые юридические последствия для правоприменителей [6]. Положения квазиправовых актов активно используются и судами при разрешении споров. В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2.12.2025 г. № Ф04-3807/2025 по делу № А27-7441/2025 содержатся ссылки на разъяснения Минфина Р, изложенных в письмах от 25.02.2019 г. № 03-11-11/12012, от 20.02.2021 г. № 03-11-11/12103, о возможности применения налога на профессиональный доход в отношении доходов, полученных в виде процентов по договорам займа.

В Апелляционном определении Апелляционной коллегии ВС РФ от 17.10.2024 г. № АПЛ24-381 Об оставлении без изменения решения ВС РФ от 7.08.2024 г. № АКПИ24-393, отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим подпункта «в» п. 1 официальных разъяснений по вопросам применения Указа Президента РФ от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», утвержденных Приказом Минтруда от 2.04.2024 г. № 164н. Важным правовым аспектом обладает Постановление КС РФ от 31.03.2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца 2 пп. 1 п. 1 ст. 342 Налогового кодекса РФ в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть». В Постановлении институализировано понятие актов, обладающих нормативными свойствами и необходимость их полноценного судебного оспаривания [9].

Так, Конституционным Судом отмечено, что если оспариваемый акт (в Постановлении – ФНС России) обладает свойствами, позволяющими применять его в качестве обязывающего предписания общего характера, то его облечение в форму разъяснения само по себе не может служить достаточным основанием для признания недопустимости его проверки на соответствие федеральному закону.

Одновременно отмечается проблема отсутствия в законодательстве четкого определения оснований и условий судебного оспаривания таких актов, что повлекло разноречивую практику при решении вопроса относительно значения формальной

стороны характеристики такого акта (порядок издания, опубликования, регистрация Минюстом РФ и т.д.). Конституционным Судом также установлено, что обжалование актов, содержащих разъяснения налогового законодательства, которые формально не являются нормативными правовыми актами, но фактически обладают нормативными свойствами, должно осуществляться в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством для оспаривания нормативных правовых актов. Процедура обжалования нормативных правовых актов экстраполируется на процедуру обжалования квазиправовых актов, т.е. в контексте их оспаривания статус квазиправовых актов и нормативных правовых актов аналогичный.

Таким образом, «актами, содержащими разъяснения законодательства и обладающими нормативными свойствами» или же квазиправовыми актами регулируется и изменяется достаточно большой спектр вопросов во множестве форм внешнего выражения, что подтверждает их высокую роль в правовом поле. В этой связи, если документ фактически меняет правовой режим или влияет на него, то он обязан проходить обязательную централизованную процедуру официального опубликования.

Одной из ключевых проблем квазинормативных актов представляется отсутствие требований к их опубликованию, что, среди прочего, было отмечено КС РФ в 2015 г. Нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не были официально опубликованы для всеобщего сведения. В силу своего неопределенного статуса квазиправовые акты выпадают из данной концепции. Письма, разъяснения и иные акты, обладающие нормативным свойствами, не признаются источниками права, на них не распространяются требования об обязательном опубликовании в официальных источниках. Несмотря на то, что такие акты так же издают уполномоченные официальные органы власти и их содержание устанавливает (отменяет, изменяет) правила поведения, публикация происходит лишь на официальных сайтах издавшего их органа, а не на едином портале правовой информации. Такое размещение лишь формально соответствует принципу правовой определенности и конституционному принципу гласности. Перед правоприменителем становится задача правильного поиска и анализа подходящего, а главное актуального акта среди массива подобных актов государственных органов, находящихся на различных ресурсах.

Так, ч. 3 ст. 15 Конституции РФ установлено, что любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения [11]. С точки зрения верховенства права, сущностное содержание акта превалирует над его формой. Полагаю, что если акт обладает нормативными свойствами, то его необходимо опубликовывать по аналогии с нормативными правовыми актами.

Как было отмечено выше, источниками официального опубликования в РФ являются «Российская газета», Собрание законодательства Российской Федерации и «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

На указанных ресурсах публикуются акты Президента РФ, Правительства РФ и нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти в соответствии с Указом Президента РФ от 23.05.1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти». Публикация на указанных ресурсах является обязательным условиям для вступления актов в силу [15]. В эпоху цифровизации наиболее приоритетным и перспективным представляется опубликование актов на «Официальном интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Надежный канал размещения актов государственной воли становится неотъемлемой частью самого права. Авторы выделяют преимущества «Официального интернет-

портала правовой информации» (www.pravo.gov.ru): присвоение уникального индекса опубликованному документу – «номера опубликования», первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» НПА считается их официальным опубликованием, а также, что официальными являются все тексты правовых актов с внесенными в них изменениями, размещаемые на «Официальном интернет-портале правовой информации» [2, с. 241].

Рассматриваемый портал является прямым результатом процессов цифровизации. Долгое время, ввиду отсутствия общедоступных электронных ресурсов, официальными источниками являлись исключительно печатные издания [10]. Но государство своевременно отвечает на вызовы времени и не противодействует технологиям, а использует их для повышения эффективности распространения и применения нормативных правовых актов. Мельникова Л.Ю. в контексте рассмотрения процессов цифровизации госуправления с точки зрения возможного возникновения сопряженных с внедрением информационных технологий конституционно-правовых рисков, приходит к выводу, что скорость, непредсказуемость и многофакторность происходящих изменений требуют создания более гибкой системы государственного управления в целях минимизации конституционно-правовых рисков [5, с. 34].

Федеральная служба охраны РФ обеспечивает развитие «Официального интернет-портала правовой информации» (www.pravo.gov.ru)», размещает на нем нормативные правовые акты РФ и иные акты, а также осуществляет в установленном порядке подготовку текстов нормативных правовых актов РФ и иных актов с учетом внесенных в них изменений и размещение этих текстов на сайте.

Отмечаю, что «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) является единым официальным государственным информационно-правовым ресурсом в РФ в соответствии с Указом Президента РФ от 3.03.2022 г. № 90 «О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)». Этим же Указом декларируется, что целью наделения сайта таким статусом является обеспечение Президента РФ, Правительства РФ, иных органов публичной власти, организаций и граждан официальной, полной и достоверной правовой информацией [17].

Вместе с тем, обеспечивает развитие государственной системы правовой информации, функционирование и развитие «Официального интернет-портала правовой информации» (www.pravo.gov.ru)», размещает (опубликовывает) правовые акты РФ и иные акты, а также поддерживает их в актуальном состоянии, Федеральная служба охраны РФ, что выводит портал за рамки иных государственных систем. Осуществления такого объема функций ФСО России выполняющей задачи в области обеспечения безопасности, в том числе безопасности РФ [16], в отношении портала, однозначно свидетельствует о его надежности, бесперебойности функционирования и о актуальности состояния актов, опубликованных на нем. ФСО России обеспечивается технологический приоритет безопасности публикуемых актов, гарантирует аутентичность и неизменность размещенных текстов, полностью исключая риск несанкционированного доступа и фальсификации правовых актов.

В соответствии со ст. 9^1 Федерального закона от 14.06.1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) размещаются (опубликовываются) федеральные конституционные законы, федеральные законы, международные договоры, вступившие в силу для РФ, и международные договоры, которые временно применяются РФ (за исключением договоров межведомственного характера), резолюции Совета Безопасности ООН, предусматривающие введение, изме-

нение, приостановление или отмену принудительных мер, акты палат Федерального Собрания, принятые по вопросам, отнесенным к ведению палат ч. 1 ст. 102 и ч. 1 ст. 103 Конституции РФ, указы и распоряжения Президента РФ, постановления КС РФ, определения КС РФ о разъяснении постановлений КС РФ, а также иные решения Конституционного Суда РФ, которыми предусмотрен такой порядок размещения (опубликования). Также могут быть размещены иные акты палат Федерального Собрания, правовые акты Правительства РФ, других органов государственной власти РФ, законы и иные правовые акты субъектов РФ и муниципальные правовые акты.

Полагаю, что требованиями к опубликованию нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) допустимо применять по аналогии и к «актам, содержащим разъяснения законодательства и обладающим нормативными свойствами». В связи с вышеизложенным, для преодоления проблемы «теневого толкования», в целях соблюдения принципа правовой определенности, полагаю возможным внести изменения в Федерального закона от 14.06.1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», изложив абзац третий ст. 9.1. в следующей редакции:

«9.1. На «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) могут быть размещены (опубликованы) иные акты палат Федерального Собрания, правовые акты Правительства РФ, других органов государственной власти РФ, законы и иные правовые акты субъектов РФ и муниципальные правовые акты, *а также акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами*.». Указанное изменение повлечет необходимость внесения корреспондирующих изменений в следующий нормативные правовые акты, в части касающейся распространения положений, регламентирующих размещений текстов правовых актов, и на акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: Указ Президента РФ от 3.03.2022 г. № 90 «О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)»; приказ ФСО России от 2.09.2024 г. № 121 «Об утверждении Порядка размещения текстов правовых актов с внесенными в них изменениями на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)»;

Вывод: Современное состояние системы источников отечественного права характеризуется усложнением ее структурно-иерархической связи, выражающимся в все большем применении актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами. Данная категория актов не является нормативным правовым актом, но тем не менее оказывает существенное регулятивное воздействие на общественные отношения, что обуславливает необходимость их своевременной интеграции в правовую систему РФ и в информационное пространство. В актах, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, содержание превалирует над формой и формальным юридическим статусом. Данные акты формулируют общеобязательные правила поведения для неопределенного круга лиц и ориентирует правоприменительную практику, но без оформления в правовую норму. Находясь вне права ими осуществляется толкование норм права, зачастую устанавливая дополнительные правила, а соответствующий акт размещается лишь на сайте органа государственной власти или ином ресурсе. Практика децентрализованного размещения таких актов на ведомственных сайтах, коммерческих справочно-правовых системах не отвечает критериям официальности и общедоступности. Отсутствие требования в законодательстве РФ об опубликовании таких актов в официальных источниках, в частности на

«Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)» порождает правовую неопределенность затрудняет своевременное ознакомление правоприменителя с актуальным требованиями и может создавать предпосылки для неконтролируемого административного усмотрения.

Официальное опубликование на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)» следует из положений ч. 3 ст. 15 Конституции РФ о необходимости официального опубликования актов, прямо или косвенно затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина. Размещение актов, обладающих нормативными свойствами, на едином государственном портале – это не технический шаг, а базовое требование настоящего времени. Интеграция таких актов в интернет-портал позволит упорядочить правовой массив, обеспечить его внутреннюю непротиворечивость и системную упорядоченность.

Необходимость расширения перечня актов, подлежащих обязательному размещению на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), продиктовано временем. Такой шаг станет важнейшим на пути к ликвидации ликвидации «серых зон» права, повышению уровня правовой определенности и укреплению верховенства права.

Список литературы:

1.Васильев Р.Ф. О понятии правового акта // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1998. № 5. С. 3-25.
2.Вершинин А.П. Доступ к цифровой информации: правовое регулирование: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2024. 241 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2026).
3.Иванов Роман Леонидович. Квазиправотворческие акты и отношения в Российской правовой системе // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvazipravotvorcheskie-akty-i-otnosheniya-v-rossiyskoy-pravovoy-sisteme (дата обращения: 05.07.2026).
4.Кузьмина Е.М. Правоприминительные акты: соответствие формы и содержания // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14. С. 136 - 147.
5.Мельникова Л.Ю. Цифровизация государственного управления: конституционно-правовые риски // Конституционное и муниципальное право. 2026. № 1. С. 34 - 38.
6.Ноздрачев А.Ф. Акты государственной политики в механизме административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 3 - 12. // СПС «КонсультантПлюс»
7.Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2026).
8.О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 // СПС «КонсультантПлюс»
9.По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2026).
10. Пухнаревич, М. С. Обеспечение функционирования и развития «Официального интернет-портала правовой информации» Федеральной службой охраны Российской Федерации в условиях цифровизации / М. С. Пухнаревич // Юридическая деятельность в условиях цифровизации : Сборник статьей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 марта 2021 года / Под редакцией Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 434-438. – EDN BPXXAB. (
11. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.07.2026).
12. Селивановский И.С. Акты, обладающие нормативными свойствами: благо или ошибка правового регулирования (признание квазинормативных актов в правовой системе России) // Юридическая мысль. – 2018. – Т. 108, № 5. – С. 55-61 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.07.2026).
13. Селивановский И. С. Влияние актов, содержащих разъяснение законодательства и обладающих нормативными свойствами (квазинормативных актов) на практическую юриспруденцию // Вопросы российской юстиции. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-aktov-soderzhaschih-razyasnenie-zakonodatelstva-i-obladayuschih-normativnymi-svoystvami-kvazinormativnyh-aktov-na

14. Тихомиров Ю.А., Котлевская И.В. Правовые акты: Учебно-практическое и справочное пособие. М., 1999. 381 с.
15. Указ № 763 (1996 год): О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 22. – Ст. 2663.
16. Указ № 1013 (2004 год): Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. № 1013 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. - № 32. – Ст. 3314.
17. Указ № 90 (2022 г.): О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)»: Указ Президента Российской Федерации от 3.03.2022г. №90 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1470.

Pukhnarevich, M. S. On the Necessity of Publishing Acts Containing Legal Interpretations and Possessing Normative Characteristics on the "Official Internet Portal of Legal Information" (www.pravo.gov.ru) // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 96-105.

This paper examines the legal framework for the publication of legal acts in the Russian Federation, tracing its origins, evolution, and current state. It is argued that the prevailing practice of decentralizing such acts—by placing them on departmental websites or within commercial legal reference systems—fails to meet the criteria of being "official" and "publicly accessible." The absence of a statutory requirement to publish these acts in official sources, specifically on the "Official Internet Portal of Legal Information," creates legal uncertainty, hinders those who apply the law from becoming timely aware of current requirements, and may foster conditions for unchecked administrative discretion. A legal solution to this problem is proposed.

Keywords: publication of normative legal acts, official portals, legislation, accessibility.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 106-110.

УДК 340.12

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГУМАНИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Федоришин А. И.
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Статья посвящена анализу генезиса и эволюции идеи гуманизма как правового принципа в отечественной и зарубежной юридической мысли. Автором рассматриваются этапы формирования гуманистических начал права – от античных представлений о справедливости до современных конституционных гарантий достоинства личности. Особое внимание уделено вкладу Чезаре Беккариа в теоретическое обоснование гуманизма уголовного права, а также специфике советского и постсоветского периодов развития данного принципа в российском законодательстве. Новизна работы заключается в сопоставлении широкого и узкого подходов к трактовке гуманизма в современной теории права и в оценке практических механизмов его реализации на отраслевом уровне. Сделан вывод о том, что гуманизм преобразовался из философской максимы в операциональный правовой принцип, требующий дальнейшей методологической проработки. Практическая значимость проведенного рассмотрения заключается в демонстрации того, что споры о широком и узком понимании гуманизма – не сугубо академическая абстракция, а вопрос, определяющий реальную правоприменительную практику: от назначения наказания за рецидив преступлений до условий содержания осужденных. Сопоставление российского и казахстанского опыта гуманизации уголовно-исполнительного законодательства показывает, что общее правовое наследие продолжает формировать сходные векторы реформирования на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: гуманизм, принцип права, история юриспруденции, права человека, уголовное право, достоинство личности, правовая культура, правоприменительная практика, отечественная цивилистика, уголовная репрессия.

Гуманизм редко воспринимается юристами как категория с собственной родословной – чаще он фигурирует в кодексах уже «готовым» термином. Между тем путь от античных рассуждений о справедливости до ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) занял тысячелетия, и на этом пути идея неоднократно меняла содержание, оставаясь неизменной лишь по названию [1].

Само слово восходит к латинскому «humanitas», однако правовое наполнение этого термина сформировалось значительно позже эпохи Цицерона. В отечественной цивилистике и теории права принято отталкиваться от эпохи Ренессанса и Просвещения, когда человек впервые был поставлен в центр правовой конструкции не как подданный, а как носитель неотчуждаемых прав. Разрыв между декларацией и практикой при этом сохранялся столетиями – достаточно вспомнить, что пытки как средство получения доказательств официально применялись в европейских судах вплоть до конца XVIII в.

Именно на этом фоне выделяется фигура Чезаре Беккариа, чей трактат 1764 г. стал переломным моментом для всей последующей истории уголовного права. Как отмечается в исследовании, посвященном интерпретации принципа гуманизма в его политико-правовых воззрениях, данная моральная максима связывается у итальянского мыслителя «с презумпцией невиновности, идеей экономии уголовной репрессии и ограничения смертной казни» [2]. Из всех представителей эпохи Просвещения именно Беккариа внес наибольший вклад в теоретическое обоснование гуманизма применительно к карательной практике государства [2].

Практическое преломление этих идей в современном российском законодательстве прослеживается достаточно отчетливо. По наблюдению исследователей, изучавших правовые взгляды Беккариа, гуманизм в его трактовке заключался в провозглашении презумпции невиновности, установлении моратория на смертную казнь, запрете пыток и требовании соразмерности наказания

совершенному деянию [3, с. 5-15]. Показательно, что уголовный закон у Беккариа понимает наказание не как инструмент устрашения, а как средство исправления преступника, удерживающее от повторного совершения преступлений в дальнейшем [3, с. 5-15]. Здесь стоит сделать оговорку: сам Беккариа не создавал систематической правовой доктрины – он писал памфлет, реакцию на конкретную судебную практику своего времени, и лишь позднейшая юриспруденция превратила его эмоциональные аргументы в набор операциональных принципов.

Дискуссия о содержании принципа гуманизма далеко не завершена, и это, пожалуй, один из наиболее методологически напряженных участков современной теории права. В отечественной литературе выделяют два конкурирующих подхода к пониманию его сущности – широкий и узкий, причем граница между ними проходит именно через категорию безопасности [4].

Согласно более широкой трактовке, принцип гуманизма включает в себя два взаимосвязанных аспекта: обеспечение безопасности человека и уважение человеческого достоинства, включая недопустимость причинения физических или психических страданий [4]. Узкая же трактовка исключает аспект безопасности, сводя реализацию принципа исключительно к уважению достоинства личности [5]. Разница здесь не терминологическая – от выбора подхода зависит, например, допустимо ли обосновывать ужесточение уголовной ответственности интересами безопасности общества, ссылаясь при этом на тот же принцип, который защищает права обвиняемого. Отдельные авторы идут дальше в детализации содержания принципа. Раскрывая его составляющие, исследователи указывают на всесторонность критериев правовой оценки гуманизма, включающих уважение прав человека, охрану чести и достоинства, обеспечение государством мер по сохранению благополучия граждан, защиту духовных и материальных благ, а также создание условий для всестороннего развития личности [5]. Список внушительный – но возникает вопрос, не превращается ли столь широкое понимание в декларацию, лишенную юридической операциональности?

Показательна в этом смысле позиция А.Ф. Галузина, который оправдывает включение вопросов безопасности в содержание гуманизма «спецификой уголовно-правового гуманизма» [6]. Согласуются с этим и выводы ученых, проводивших сравнительно-правовые исследования гуманистических начал уголовной политики стран СНГ: гуманистические начала занимают важнейшее место в уголовной политике всех государств СНГ. Картина здесь, впрочем, неоднородная – унификация подходов на постсоветском пространстве далека от завершения, и национальные особенности сохраняются даже при формальном сходстве кодифицированных норм. Принцип гуманизма следует воспринимать не только как теоретическую конструкцию доктрины, но и как методологическую основу дальнейшей модернизации всей системы права [7]. Автор одной из ключевых работ на эту тему характеризует принцип права как рабочий операционный термин, отражающий конвенциональные позиции правоведов относительно сущности и правовой природы принципов в целом [7]. Формулировка осторожная, почти нарочито нейтральная – и в этом, вероятно, есть свой резон: чрезмерная категоричность в вопросах, где консенсус специалистов еще не достигнут, выглядела бы методологически поспешной.

Наиболее развернутое закрепление принцип гуманизма получил в уголовном праве – и это не случайность, а следствие исторической логики. Именно карательная функция государства порождала наибольшее число конфликтов между интересами общества и достоинством отдельной личности, поэтому именно здесь потребность в гуманистическом ограничителе оказалась острее всего.

Показательно наблюдение исследователей, изучавших развитие данной идеи в советском и постсоветском законодательстве: несмотря на относительную молодость гуманизма как правового явления, его идея находит отражение в уголовно-правовых нормах на протяжении всей истории развития отечественного уголовного законодательства [8]. Юридическое закрепление принципа состоялось лишь в действующем УК РФ, где он стал одним из основополагающих начал, обеспечивающих защиту прав и свобод человека независимо от его статуса – законопослушного гражданина или лица, совершившего преступление. Формулировка кодекса прямо запрещает применение мер уголовно-правового характера, причиняющих физические и нравственные страдания.

Табличное сопоставление помогает увидеть логику эволюции нормативного закрепления принципа на разных исторических этапах.

Таблица №1 - Эволюции нормативного закрепления принципа на разных исторических этапах.

Период	Форма закрепления гуманизма	Ключевая особенность
дореволюционный (до 1917 г.)	отдельные нормы Уложения о наказаниях	отсутствие системного закрепления, сохранение телесных наказаний
советский (1917-1991 гг.)	декларативные нормы, приоритет «социалистической законности»	гуманизм подчинен классовому подходу
постсоветский (с 1996 г.)	ст. 7 УК РФ как самостоятельный принцип	системное закрепление, приоритет прав личности

Гуманизация уголовного законодательства как процесс не сводится к смягчению санкций – это изменение закона и практики его применения, направленное на повышение криминологической безопасности человека, утверждение равенства, справедливости и человечности через отказ от смертной казни, установление соразмерных санкций и расширение оснований освобождения от ответственности. Механизм этот работает не автоматически: законодателем принцип гуманизма нередко понимается в узком смысле, тогда как в действительности он предполагает куда более глубокое отношение к человеческой личности [8]. Разрыв между декларацией и правоприменением, отмеченный еще применительно к эпохе Беккариа, воспроизводится и сегодня – только в других формах.

Уголовно-исполнительная сфера дает еще один срез проблемы. Идеи гуманизма находят отражение и здесь – принцип закреплен непосредственно в отраслевом законодательстве [9]. Гуманизация условий отбывания наказания характерна не только для РФ, но и для государств ближнего зарубежья. Сравнительный анализ уголовно-исполнительных кодексов России и Республики Казахстан, проведенный отечественными исследователями, показывает сходные векторы реформирования, ориентированные на улучшение положения отдельных категорий осужденных – беременных женщин, женщин с детьми, инвалидов. Совпадение направлений реформирования на постсоветском пространстве вряд ли случайно: общее правовое наследие продолжает формировать сходную логику модернизации даже спустя три десятилетия после распада единого государства. Судебная практика дает конкретный пример реализации принципа – неприменение смертной казни при вынесении приговоров, несмотря на формальное сохранение соответствующей санкции в отдельных статьях кодекса [10]. Принцип гуманизма здесь предстает общеправовой идеей, включающей уважение достоинства и прав человека, заботу о создании благоприятных условий общественной жизни [10]. Мораторий, введенный Конституционным Судом РФ в 1999 г. и подтвержденный Определением от 19.11.2009 г. № 1344-О-Р, стал, возможно, самым наглядным доказательством того, что гуманистический принцип способен преодолевать инерцию карательного законодательства даже без формальной отмены нормы. Что касается конституционного уровня – он задает рамку, внутри которой отраслевые нормы

конкретизируют абстрактный принцип. Достоинство личности охраняется государством согласно ст. 21 Конституции РФ, и эта норма выступает своеобразным фундаментом, на который опираются последующие отраслевые гарантии. Именно конституционное закрепление позволяет говорить о гуманизме не просто как об этической максиме, но как о юридически обязывающем стандарте, нарушение которого может быть предметом судебного оспаривания.

Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве сохраняют дискуссионный характер и в новейшей литературе [11]. Один из последних аналитических обзоров по теме, посвященный соотношению принципа гуманизма и принципа безопасности, был опубликован в 2023 г. и продолжает линию полемики, заданную еще советской доктриной уголовного права [12]. Показательно, что и сегодня, спустя более двух веков после Беккариа, юридическая наука не пришла к единому определению границ гуманизма – одни исследователи расширяют его содержание до всеобъемлющей категории благополучия личности, другие настаивают на строгом ограничении сферой достоинства.

Путь идеи гуманизма от философской категории до операционального правового принципа занял столетия и далеко не завершен. Отечественная юриспруденция прошла через несколько качественно различных этапов – от фрагментарных норм дореволюционного законодательства через декларативную советскую модель к системному закреплению принципа в ст. 7 действующего УК РФ. Мировая правовая мысль внесла в этот процесс решающий вклад через фигуру Чезаре Беккариа, чьи идеи о соразмерности наказания и запрете пыток остаются актуальными и сегодня, несмотря на кардинальные изменения социального контекста.

Практическая значимость проведенного рассмотрения заключается в демонстрации того, что споры о широком и узком понимании гуманизма – не сугубо академическая абстракция, а вопрос, определяющий реальную правоприменительную практику: от назначения наказания за рецидив преступлений до условий содержания осужденных. Сопоставление российского и казахстанского опыта гуманизации уголовно-исполнительного законодательства показывает, что общее правовое наследие продолжает формировать сходные векторы реформирования на постсоветском пространстве. Дальнейшие исследования, вероятно, должны сосредоточиться на операционализации принципа гуманизма – переводе философской максимы в конкретные измеримые критерии правоприменения, поддающиеся эмпирической проверке. Без этого дискуссия рискует воспроизводить одни и те же аргументы, менявшие лишь терминологическую оболочку на протяжении последних двух столетий.

Список литературы:

1.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2.Авдеев В.А., Шумакова Е.В. Регламентация принципа гуманизма в уголовном законе и его реализация на правоприменительном уровне // Всероссийский криминологический журнал. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentatsiya-printsipa-gumanizma-v-ugolovnom-zakone-i-ego-realizatsiya-na-pravoprimenitelnom-urovne (дата обращения: 24.07.2026).

3.Букалерова Л.А., Остроушко А.В. Принцип гуманизма и принцип безопасности в теории права: аспекты соотношения // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 5-15.

4.Галузин А.Ф. Правовой гуманизм как юридический феномен // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-gumanizm-kak-yuridicheskiy-fenomen

5.Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2019.

6.Мусаев М.А. Интерпретация принципа гуманизма в политико-правовых воззрениях Чезаре Беккариа // Юридическая наука и практика. 2020. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42492863

7.Новикова Ю.С. Правовые взгляды Беккариа // Актуальные проблемы российского права. 2014. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-vzglyady-bekkaria (дата обращения: 24.07.2026).

8.Развитие идеи гуманизма в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-gumanizma-v-ugolovnom-zakonodatelstve-sovetskogo-i-postsovetskogo-periodov (дата обращения: 24.07.2026).
9.Реализация принципов уголовного права при назначении наказания // Актуальные проблемы российского права. 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipov-ugolovnogo-prava-pri-naznachenii-nakazaniya (дата обращения: 24.07.2026).
10. Современные тенденции в уголовно-исполнительной сфере: гуманизация условий отбывания наказания в России и Казахстане // Пенитенциарная наука. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sfere-gumanizatsiya-usloviy-otbyvaniya-nakazaniya-v-rossii-i-kazahstane (дата обращения: 24.07.2026).
11. О проблемах гуманизации уголовного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-gumanizatsii-ugolovnogo-zakonodatelstva
12. Принцип гуманизма в российском праве: конституционный, общеправовой и отраслевой аспекты // Государство и право. 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-gumanizma-v-rossiyskom-prave-konstitutsionnyy-obschepravovoy-i-otraslevoy-aspekty (дата обращения: 24.07.2026).

Fedorishin A.I. **Historical development of the idea of humanism in Russian and world jurisprudence** // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 106-110.

The article examines the genesis and evolution of humanism as a legal principle in Russian and foreign legal thought. It covers the stages of formation of humanistic foundations of law, from ancient notions of justice to modern constitutional guarantees of human dignity. Special attention is paid to Cesare Beccaria's contribution to the theoretical substantiation of humanism in criminal law, as well as the specifics of the Soviet and post-Soviet periods of development of this principle in Russian legislation. The novelty of the work lies in comparing broad and narrow approaches to interpreting humanism in modern legal theory and in assessing practical mechanisms for its implementation at the sectoral level. It is concluded that humanism has transformed from a philosophical maxim into an operational legal principle requiring further methodological elaboration. The practical significance of the review is to demonstrate that the debate about a broad and narrow understanding of humanism is not a purely academic abstraction, but an issue that determines real law enforcement practice: from the imposition of punishment for recidivism to the conditions of detention of convicts. A comparison of the Russian and Kazakh experience in humanizing penal enforcement legislation shows that the common legal legacy continues to form similar vectors of reform in the post-Soviet space.

Keywords: humanism, the principle of law, the history of jurisprudence, human rights, criminal law, dignity of the individual, legal culture, law enforcement practice, national civics, criminal repression.

Spisok literatury:

1.Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 27.11.2023) // Sobranie zakonodatel'stva RF. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2.Avdeev V.A., SHumakova E.V. Reglamentaciya principa gumanizma v ugolovnom zakone i ego realizaciya na pravoprimenitel'nom urovne // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023.
3.Bukalerova L.A., Ostroushko A.V. Princip gumanizma i princip bezopasnosti v teorii prava: aspekty sootnosheniya // ZHurnal rossijskogo prava. 2023. № 6. S. 5-15.
4.Galuzin A.F. Pravovoj gumanizm kak yuridicheskij fenomen // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-gumanizm-kak-yuridicheskiy-fenomen
5.Latypova E.YU., Nechaeva E.V. Spornye voprosy soderzhaniya principa gumanizma v ugolovnom prave // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-gumanizma-i-printsip-bezopasnosti-v-teorii-prava-aspekty-sootnosheniya (data obrashcheniya: 24.07.2026).
6.Musaev M.A. Interpretaciya principa gumanizma v politiko-pravovyh vozzreniyah CHezare Bekkaria // YUridicheskaya nauka i praktika. 2020. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42492863
7.Novikova YU.S. Pravovye vzglyady Bekkaria // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014.
8.Razvitie idei gumanizma v ugolovnom zakonodatel'stve sovetskogo i postsovetskogo periodov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-gumanizma-v-ugolovnom-zakonodatelstve-sovetskogo-i-postsovetskogo-periodov
9.Realizaciya principov ugolovnogo prava pri naznachenii nakazaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019.
10. Sovremennye tendencii v ugolovno-ispolnitel'noj sfere: gumanizaciya uslovij otbyvaniya nakazaniya v Rossii i Kazahstane // Penitenciarnaya nauka. 2021.
11. 11.O problemah gumanizacii ugolovnogo zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015.
12. Princip gumanizma v rossijskom prave: konstitucionnyj, obshchepravovoj i otraslevoj aspekty // Gosudarstvo i pravo. 2022.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 111-118.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

Чуева И. А., Туранин В. Ю.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

Статья посвящена особенностям правового статуса молодежных организаций в России и зарубежных государствах в первой четверти XX в. – на основе сравнительного историко-правового анализа законодательства Российской империи, Советского государства, Германии, Франции, Великобритании и США рассматриваются основные подходы к нормативному регулированию создания и деятельности молодежных объединений. Исследуются особенности правового положения общественно-политических и воспитательных молодежных организаций, обусловленные различиями государственного устройства и политико-правовых доктрин рассматриваемых стран. Обосновывается положение о том, что развитие правового статуса молодежных объединений в рассматриваемый период определялось особенностями национальных правовых систем, характером государственной политики и степенью политического воздействия на общественные организации. Отдельно выявлены специфические черты советской модели, связанные с определяющим влиянием партийно-идеологических установок на организационное развитие и деятельность коммунистических союзов молодежи.

Ключевые слова: советское государство, молодежь, молодежная политика, советское право, политико-правовая доктрина, коммунистические союзы молодежи, молодежь, молодежные организации, правовой статус, общественные объединения, скаутское движение.

Первая четверть XX в. характеризовалась существенными изменениями в правовом регулировании деятельности общественных объединений, включая организации молодежи. Развитие политических движений, распространение новых форм общественной самоорганизации и преобразование государственных институтов обусловили необходимость определения юридических основ создания и деятельности молодежных союзов. При этом национальные законодательства предусматривали различные подходы к их правосубъектности, организационной самостоятельности, возрастным условиям членства и государственному контролю.

Для истории отечественного государства и права особый интерес представляет, безусловно, изменение правового положения молодежных организаций в России после революционных событий 1917 г. Создание в 1918 г. Российского коммунистического союза молодежи положило начало развитию новой системы молодежных организаций, деятельность которых осуществлялась под непосредственным воздействием партийных установок.

На наш взгляд, предусмотренный в рамках настоящего исследования сравнительный историко-правовой анализ позволит выявить особенности формирования правового статуса молодежных организаций в ранний послереволюционный период, определить степень их юридической самостоятельности и установить характер взаимоотношений с государственными органами и политическими партиями. В этой связи представляется целесообразным обратиться к законодательству Российской империи, СССР, Германии, Франции, Великобритании и США, уделив основное внимание правовым механизмам учреждения молодежных объединений, их правам, обязанностям и механизмам государственного воздействия на их деятельность.

Отдельные аспекты правового положения молодежных организаций в России и зарубежных государствах первой четверти XX в. получили освещение в отечественной и зарубежной научной литературе. Так, вопросы законодательного регулирования деятельности общественных объединений в Российской империи исследовали Г.Н. Крижановская, Ф.Х. Галиев и А.А. Дерюгин [1]. Особенности возникновения и

развития патриотических, военно-спортивных и иных молодежных организаций в дореволюционной России рассматривали В.Ю. Рылов [2] и Н.В. Потапова [3], тогда как Р.В. Рыбаков [4] сосредоточил внимание на деятельности некоммунистических молодежных объединений в первые годы советской власти. Более широкие вопросы юридического положения общественных организаций в советском государстве нашли отражение в исследованиях А.Ю. Сарана [5]. Определенный интерес представляют и работы зарубежных ученых. В частности, Дж.О. Спрингхолл (J.O. Springhall) [6] и М. Розенталь (M. Rosenthal) [7] исследовали историю становления британского скаутского движения, его организационные особенности и общественное значение. Развитие молодежных организаций во Франции рассматривал А. Бауберо (A. Baubérot) [8], тогда как В.Р. Краббе (W.R. Krabbe) [9], Э. Харви (E. Harvey) [10] и Б. Стамболис (B. Stambolis) [11] уделяли внимание деятельности молодежных объединений в Германии, включая их взаимодействие с политическими партиями и государственными институтами. Отдельные аспекты организации французского скаутского движения изучались М. Ванхунакер (M. Vanhoenacker) [12]. В рамках настоящего исследования мы сосредоточимся непосредственно на историко-правовом анализе нормативного закрепления правосубъектности молодежных организаций и пределов государственного вмешательства в их деятельность.

Становление молодежных организаций в начале XX в. происходило в условиях развития общественного движения и изменения законодательства об объединениях граждан, получили распространение скаутские, спортивные, религиозные, профессиональные и политические молодежные союзы. Их правовое положение преимущественно определялось общими нормами об общественных объединениях, предусматривавшими требования к учреждению организаций, возрасту участников и осуществлению государственного контроля. В Российской империи были приняты Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г., допускавшие создание объединений без получения предварительного разрешения органов государственной власти. Вместе с тем законодательство предусматривало административный надзор и особые условия приобретения имущественных прав. Согласно ст. 7 раздела I несовершеннолетним, а также учащимся низших и средних учебных заведений запрещалось учреждать общества и состоять в них. Исключения предусматривались для отдельных категорий объединений – в частности, ст. 8 раздела II допускала участие несовершеннолетних в профессиональных обществах при отсутствии соответствующих уставных ограничений [13].

Определенная специфика видна и в организации российского скаутского движения, первые отряды которого возникли в 1909 г. Важным этапом стало учреждение Общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут», устав которого был утвержден 26.08.1914 г. Юридическое оформление общества осуществлялось посредством объединения взрослых лиц, обеспечивавших воспитательную деятельность скаутских отрядов, т.е. фактическое участие несовершеннолетних в молодежном движении могло осуществляться в рамках организаций, формально учрежденных взрослыми гражданами [14].

Становление молодежных организаций в рассматриваемый период происходило и в зарубежных государствах, где также действовали национальные правовые механизмы регулирования общественных объединений. Во Франции Закон об ассоциациях от 1.07.1901 г. закреплял возможность создания объединений без предварительного разрешения, устанавливая специальный порядок приобретения ими правоспособности. В Германии Закон об объединениях от 19.04.1908 г. предусматривал более строгие ограничения политической деятельности несовершеннолетних – лицам моложе 18 лет запрещалось состоять в политических организациях и присутствовать на политических собраниях, за предусмотренными законом исключениями.

Отметим, что эти положения уже отражали особенности национальных подходов к регулированию общественной деятельности молодежи, прежде всего в вопросах участия в политических объединениях. Иной механизм юридического оформления молодежных организаций получил развитие в Великобритании и США. В Великобритании Королевской хартией от 4.01.1912 г. Ассоциации бойскаутов был предоставлен корпоративный статус, закреплявший ее правосубъектность и основные полномочия. Аналогичный подход применялся в США, где федеральным законом от 15.06.1916 г. организация Boy Scouts of America получила специальный корпоративный статус, включая право приобретать имущество, заключать договоры и самостоятельно определять внутреннюю структуру. Примечательно, что в обоих случаях правовое оформление осуществлялось посредством специальных актов, посвященных конкретным организациям.

На наш взгляд, наиболее показательными различиями в регулировании деятельности молодежных организаций являются особенности приобретения ими правосубъектности, участия несовершеннолетних в управлении объединениями и осуществления государственного надзора. При этом необходимо учитывать, что правовое положение молодежных организаций зависело от общих принципов регулирования общественных объединений и особенностей национальных правовых систем.

Во Франции Закон от 1.07.1901 г. об ассоциациях предусматривал разграничение права на создание объединения и приобретения им юридической правоспособности. Согласно ст. 5 учредители организации, претендовавшей на соответствующий статус, должны были заявить о ее создании в административные органы, представив сведения о наименовании, целях, местонахождении и руководителях. Предусматривалось также опубликование соответствующих сведений. Статья 6 определяла имущественные права зарегистрированных объединений, включая возможность приобретения имущества и участия в судебных разбирательствах. Примечательно, что законодательство не устанавливало специального порядка регистрации молодежных организаций, вследствие чего их юридическое положение определялось общими нормами об ассоциациях. Вместе с тем ст. 3 предусматривала недействительность объединений, созданных для противоправных целей, а ст. 7 допускала их судебную ликвидацию [15].

В Германии правовое регулирование отличалось более выраженным разграничением объединений по характеру их деятельности. Закон от 19.04.1908 г. устанавливал дополнительные требования к политическим организациям. Согласно § 3 их руководители были обязаны в двухнедельный срок после учреждения представить полицейским органам устав и сведения о составе правления. Особое значение имел § 17, запрещавший лицам моложе 18 лет членство в политических объединениях и участие в политических собраниях, за исключением предусмотренных законом случаев. Нарушение соответствующих требований влекло ответственность, установленную § 18, в том числе для руководителей организаций, допускавших несовершеннолетних к членству. Следовательно, законодательные ограничения затрагивали непосредственно возможности политической самоорганизации молодого поколения. Изменение конституционных основ государственного строя после 1-й мировой войны повлияло на последующее развитие данного института – ст. 124 Веймарской конституции от 11.08.1919 г. закрепила свободу образования объединений и недопустимость отказа в предоставлении им правоспособности исключительно по политическим, социально-политическим или религиозным основаниям. Вместе с тем конституционное признание свободы объединений не устраняло необходимости специального регулирования условий участия несовершеннолетних в их деятельности [16-17].

В Великобритании Королевская хартия от 4.01.1912 г. закрепила корпоративный статус Ассоциации бойскаутов и определила основные элементы ее внутреннего устройства. Отдельно отметим наличие положений о возможности учреждения территориальных отделений, распоряжения имуществом, организации воспитательной деятельности и взаимодействия с государственными учреждениями [18].

В США сходный подход получил выражение в федеральном законе от 15.06.1916 г. Boy Scouts of America. Согласно § 2 организация приобретала право самостоятельно заключать договоры, владеть имуществом, выступать стороной в судебных разбирательствах и принимать внутренние правила, ст. 5 определяла основы формирования исполнительного совета, состоявшего из граждан США. При этом законодатель закрепил специальные ограничения, связанные с некоммерческим характером деятельности объединения – так, в соответствии с § 4 организация не могла выпускать акции и распределять дивиденды. Существенное значение имели положения § 8, предусматривавшие представление ежегодного отчета Конгрессу, и § 9, сохранявшие за Конгрессом полномочие изменять или отменять соответствующий закон [19]. Иными словами, в американской скаутской модели предоставление специального корпоративного статуса сочеталось с законодательным установлением обязанностей организации и сохранением возможности последующего государственного воздействия на ее правовое положение.

Сопоставление британского и американского законодательства, очевидно, позволяет установить определенное сходство в способах юридического оформления скаутских организаций. В обоих государствах специальные акты предоставляли объединениям корпоративную правоспособность, регулировали вопросы внутреннего управления и определяли пределы осуществления имущественных прав, но вместе с тем предоставление самостоятельного статуса организации не означало аналогичного расширения организационных прав несовершеннолетних участников, т.к. управление соответствующими объединениями осуществлялось предусмотренными учредительными документами органами, в формировании которых существенная роль принадлежала взрослым лицам. На наш взгляд, данное обстоятельство позволяет разграничить юридическую самостоятельность молодежного объединения как субъекта права и степень самостоятельного участия молодого поколения в определении направлений его деятельности.

Рассмотренные выше акты в целом свидетельствуют о существовании нескольких основных подходов к правовому регулированию молодежных организаций. Французское законодательство предусматривало применение общего режима ассоциаций, германское устанавливало специальные ограничения политического участия несовершеннолетних, тогда как в Великобритании и США использовались механизмы индивидуального законодательного признания отдельных организаций. Полагаем, что принципиальное различие заключалось в способах определения пределов организационной самостоятельности и государственного вмешательства, при этом во всех рассмотренных правовых системах юридический статус молодежного объединения и правовое положение его несовершеннолетних участников сохраняли самостоятельное значение. Выделенные особенности необходимо учитывать для последующего сопоставления с советской моделью, формирование которой происходило в условиях определяющего воздействия партийной доктрины.

Революционные события 1917 г. существенно повлияли на развитие правового положения общественных объединений в России. Изменение государственного строя сопровождалось пересмотром принципов регулирования общественной деятельности, включая участие молодого поколения в политических организациях. Так, Конституция РСФСР от 10.07.1918 г. в ст. 16 закрепила государственное содействие объединению рабочих и беднейших крестьян, связывая реализацию свободы союзов

с классовыми основами советской государственности. При этом конституционная норма все же не устанавливала самостоятельного порядка учреждения молодежных организаций, оставляя вопросы их внутреннего устройства и деятельности для дальнейшего регулирования [20].

Ключевым событием рассматриваемого периода стало образование Российского коммунистического союза молодежи на I Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи, проходившем с 29.10. по 4.11.1918 г. Принятые программные и уставные документы предусматривали организационную самостоятельность РКСМ при признании им политических установок РКП(б), согласно Уставу членами союза могли становиться лица в возрасте от 14 до 23 лет. В числе основных направлений деятельности РКСМ провозглашались защита правовых и экономических интересов молодежи, участие в разработке законодательства и взаимодействие с государственными учреждениями – указанные положения отражали стремление придать молодежной организации самостоятельное общественно-политическое значение, выходившее далеко за пределы воспитательной деятельности [21]. Однако уже в 1919 г. характер взаимоотношений комсомола с коммунистической партией получил организационное закрепление – совместное указание ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ от августа 1919 г. предусматривало непосредственное подчинение Центрального комитета комсомола Центральному комитету партии, тогда как местные организации РКСМ действовали под контролем соответствующих партийных комитетов [22]. Очевидное значение данного решения заключалось в нормативном оформлении внутрипартийной организационной зависимости РКСМ.

Дальнейшее развитие организационно-правовых основ деятельности комсомола получило отражение в Уставе РКСМ, принятом III Всероссийским съездом в октябре 1920 г. Документ сохранил возрастные пределы членства от 14 до 23 лет, одновременно установив дифференцированный порядок приема. Рабочая и крестьянская молодежь принималась без рекомендаций, тогда как для остальных категорий требовались рекомендации двух членов РКП(б) или РКСМ, имевших установленный организационный стаж. Организационная структура РКСМ строилась на принципах демократического централизма, предусматривавших подчинение нижестоящих органов вышестоящим, первичными звеньями выступали ячейки, создававшиеся на предприятиях, в учреждениях, селах и учебных заведениях при наличии не менее трех членов союза [23]. Формирование советской модели молодежного движения сопровождалось и созданием специальных детских организаций. В мае 1922 г. II Всероссийская конференция РКСМ приняла решение о распространении опыта организации пионерских отрядов, а V Всероссийский съезд РКСМ в октябре того же года объединил их в детскую коммунистическую организацию «Юные пионеры имени Спартака» [24]. Представляется, что данный процесс имел значение для дальнейшей институционализации советской системы работы с молодым поколением. При этом, в отличие от британской и американской практики специального законодательного признания скаутских объединений, организационное оформление пионерского движения первоначально осуществлялось посредством решений комсомольских органов, действовавших под партийным руководством. Также в контексте исследования необходимо кратко упомянуть Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 3.08.1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними», устанавливающий обязательность утверждения уставов и регистрации соответствующих организаций, компетенцию государственных органов и основания отказа в утверждении устава [25]. Подчеркнем, что комсомол занимал особое место в системе партийно-общественных организаций – и в этой связи представляется необходимым разгра-

ничивать общий правовой режим общественных объединений и фактический механизм регулирования деятельности коммунистического союза молодежи.

Таким образом, сформулируем следующие ключевые выводы в заключение настоящего исследования. В первой четверти XX в. правовой статус молодежных организаций в России и зарубежных государствах формировался в рамках различных подходов к регулированию общественных объединений – основные различия проявлялись в порядке учреждения организаций, условиях приобретения ими правосубъектности, возрастных ограничениях членства и пределах государственного контроля. Особое внимание в данном контексте необходимо уделять отечественному опыту, поскольку именно в России после революционных событий 1917 г. произошел существенный пересмотр принципов организации молодежного движения. На наш взгляд, специфика советской модели заключалась в сочетании формально закрепленной организационной самостоятельности коммунистических союзов молодежи с их фактическим подчинением партийным органам, партийные решения и уставные документы приобретали определяющее значение для регулирования деятельности РКСМ, что отличало его положение от рассмотренных зарубежных молодежных объединений. Именно становление системы партийного руководства при сохранении отдельных элементов внутриорганизационного самоуправления стало одной из основных особенностей правового положения молодежных организаций в ранний советский период.

Список литературы:

1. Крижановская Г.Н., Галиев Ф.Х., Дерюгин А.А. Деятельность негосударственных обществ и союзов как институтов политической системы Российской империи в конце XIX - начале XX века в контексте правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2021. Т. 17. № 4 (66). С. 129-143.
2. Рылов В.Ю. Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 150-158.
3. Потапова Н.В. Деятельность Христианского союза молодых людей в России в 1917-1922 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 96-99.
4. Рыбаков Р. В. Некоммунистические политические и общественные объединения молодежи в 1917 – первой половине 1920-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2013. Вып. 1. Ч. 1. С. 59-77.
5. Саран А.Ю. Правовое положение общественных организаций в СССР в 1920–1930-х гг. // Власть. 2017. № 6. С. 115-120.
6. Springhall J. O. The Boy Scouts, Class and Militarism in Relation to British Youth Movements 1908-1930 // International Review of Social History. 1971. Vol. 16. No. 2. P. 125-158.
7. Rosenthal M. The Character Factory: Baden-Powell and the Origins of the Boy Scout Movement. New York: Pantheon Books, 1986. 335 p.
8. Baubérot A. Los movimientos juveniles en la Francia de entreguerras // Hispania. Revista Española de Historia. 2007. Vol. 67. No. 225. P. 21-42.
9. Krabbe W. R. Die gescheiterte Zukunft der Ersten Republik. Jugendorganisationen bürgerlicher Parteien im Weimarer Staat (1918-1933). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. 353 S.
10. Harvey E. Autonomía, conformidad y rebelión: movimientos y culturas juveniles en Alemania en el periodo de entreguerras // Hispania. Revista Española de Historia. 2007. Vol. 67. No. 225. P. 103-126.
11. Stambolis B. Youth and Youth Movements: Relations, Challenges, Developments // The Oxford Handbook of the Weimar Republic / Ed. by N. Rossol, B. Ziemann. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 587.
12. Vanhoenacker M. Education in a French Secular Group of Scouts: A Site to Study Tensions over Citizenship // Citizenship Studies. 2011. Vol. 15. No. 8. P. 1047-1059.
13. О временных правилах об обществах и союзах : Именной Высочайший указ 4 марта 1906 г. // 3 ПСЗ. Т 26. № 27479. Собрание узаконений. 1906. 7 марта. Отд. I. Ст. 308.
14. Ефимова Е.А. К столетию Общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут» (1914-1918). ИНИОН РАН. URL: https://legacy.inion.ru/index.php?page_id=524 (дата обращения 08.10.2026)
15. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. Закон Франции об ассоциациях от 1 июля 1901 г., ст. 3, 5–7. Légifrance.
16. Vereinsgesetz vom 19. April 1908. Закон Германии об объединениях от 19 апреля 1908 г. // Deutsches Reichsgesetzblatt. 1908. Nr. 18. S. 151–157.
17. Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г., ст. 124.

18. Royal Charter of the Boy Scouts Association. 4 January 1912. Королевская хартия Ассоциации бойскаутов Великобритании от 4 января 1912 г.
19. An Act to Incorporate the Boy Scouts of America. June 15, 1916. // United States Statutes at Large. 1916. Vol. 39. P. 227–229.
20. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10-го июля 1918 г. // Первая Советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). М., 1938, стр. 423-439.
21. I Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи. 29 октября - 4 ноября 1918 года. Из Программы и Устава Российского Коммунистического Союза Молодежи // В кольце фронтов. Сборник документов. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1963, стр. 38-42.
22. О взаимоотношениях Российского Коммунистического Союза Молодежи и Российской Коммунистической партии (большевиков). Совместное указание ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ. Составлено на основании резолюции VIII съезда РКП(б) и резолюции пленума ЦК РКСМ, август 1919 года // КПСС о комсомоле и молодежи. Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений ЦК КПСС и других партийных документов (1917-1961 гг.). Изд. 3-е, дополн. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1962, стр. 7-9.
23. III Всероссийский съезд РКСМ. 2-10 октября 1920 года. Устав Российского Коммунистического Союза Молодежи // Третий Всероссийский съезд РКСМ. 2-10 октября 1920 года. Стенографический отчет. М.-Л., изд-во «Молодая гвардия», 1926, стр. 315-321.
24. V Всероссийский съезд РКСМ. 11-17 октября 1922 года. Детское движение. Тезисы доклада на политпросветсекции // V Всероссийский съезд РКСМ. 11-19 октября 1922 года. Стенографический отчет. Изд-во «Молодая гвардия», 1927, стр. 344-348.
25. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли в порядке надзора за ними. 3 августа 1922 г. // Распубликован в № 180 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 12 августа 1922 г.

Chueva I.A., Turanin V.Yu. On the issue of the legal status of youth organizations in Russia and foreign countries in the first quarter of the 20th century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 111-118.

The article is devoted to the specific features of the legal status of youth organizations in Russia and foreign countries in the first quarter of the 20th century – based on a comparative historical and legal analysis of the legislation of the Russian Empire, the Soviet state, Germany, France, the United Kingdom, and the United States, the main approaches to the regulatory framework governing the establishment and activities of youth associations are examined. The article explores the specific features of the legal status of socio-political and educational youth organizations, which are determined by the differences in the state structure and political and legal doctrines of the countries under consideration. The argument is substantiated that the development of the legal status of youth associations during the period under consideration was determined by the specific features of national legal systems, the nature of state policy, and the degree of political influence on public organizations. In addition, specific features of the Soviet model are identified, which are related to the decisive influence of party-ideological guidelines on the organizational development and activities of communist youth unions.

Keywords: The Soviet state, youth, youth policy, Soviet law, political and legal doctrine, communist youth unions, youth, youth organizations, legal status, public associations, the scout movement

Spisok literatury:

1. Krizhanovskaya G.N., Galiev F.Kh., Deryugin A.A. Deyatel'nost' negosudarstvennykh obshchestv i soyuzov kak institutov politicheskoi sistemy Rossiiskoi imperii v kontse XIX - nachale XX veka v kontekste pravovogo gosudarstva // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. T. 17. № 4 (66). S. 129-143.
2. Rylov V.Yu. Patrioticheskie i voenno-sportivnye organizatsii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii nachala XX veka // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ehkonomika. Informatika. 2010. № 7 (78). Vyp. 14. S. 150-158.
3. Potapova N.V. Deyatel'nost' Khristianskogo soyuza molodykh lyudei v Rossii v 1917-1922 gg. // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2015. T. 7. № 1. S. 96-99.
4. Rybakov R. V. Nekommunisticheskie politicheskie i obshchestvennye ob"edineniya molodezhi v 1917 – pervoi polovine 1920-kh gg. // XX v. i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii. 2013. Vyp. 1. Ch. 1. S. 59.
5. Saran A.Yu. Pravovoe polozhenie obshchestvennykh organizatsii v SSSR v 1920–1930-kh gg. // Vlast'. 2017. № 6. S. 115-120.
6. Springhall J. O. The Boy Scouts, Class and Militarism in Relation to British Youth Movements 1908-1930 // International Review of Social History. 1971. Vol. 16. No. 2. P. 125-158.
7. Rosenthal M. The Character Factory: Baden-Powell and the Origins of the Boy Scout Movement. New York: Pantheon Books, 1986. 335 p.

8. Baubérot A. Los movimientos juveniles en la Francia de entreguerras // Hispania. Revista Española de Historia. 2007. Vol. 67. No. 225. P. 21-42.
9. Krabbe W. R. Die gescheiterte Zukunft der Ersten Republik. Jugendorganisationen bürgerlicher Parteien im Weimarer Staat (1918-1933). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. 353 S.
10. Harvey E. Autonomía, conformidad y rebelión: movimientos y culturas juveniles en Alemania en el periodo de entreguerras // Hispania. Revista Española de Historia. 2007. Vol. 67. No. 225. P. 103-126.
11. Stambolis B. Youth and Youth Movements: Relations, Challenges, Developments // The Oxford Handbook of the Weimar Republic / Ed. by N. Rossol, B. Ziemann. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 587.
12. Vanhoenacker M. Education in a French Secular Group of Scouts: A Site to Study Tensions over Citizenship // Citizenship Studies. 2011. Vol. 15. No. 8. P. 1047-1059.
13. O vremennykh pravilakh ob obshchestvakh i soyuzakh : Imennoi Vysochaishii ukaz 4 marta 1906 g. // 3 PSZ. T 26. № 27479. Sobranie uzakonenii. 1906. 7 marta. Otd. I. St. 308.
14. Efimova E.A. K stoletiyu Obshchestva sodeistviya mal'chikam-razvedchikam «Russkii skaut» (1914-1918). INION RAN. URL: https://legacy.inion.ru/index.php?page_id=524 (data obrashcheniya 08.10.2026)
15. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. Zakon Frantsii ob assotsiatsiyakh ot 1 iyulya 1901 g., st. 3, 5–7. Légifrance.
16. Vereinsgesetz vom 19. April 1908. Zakon Germanii ob ob"edineniyakh ot 19 aprelya 1908 g. // Deutsches Reichsgesetzblatt. 1908. Nr. 18. S. 151–157.
17. Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. Konstitutsiya Germanskogo reikha ot 11 avgusta 1919 g., st. 124.
18. Royal Charter of the Boy Scouts Association. 4 January 1912. Korolevskaya khartiya Assotsiatsii boiskautov Velikobritanii ot 4 yanvarya 1912 g.
19. An Act to Incorporate the Boy Scouts of America. June 15, 1916. // United States Statutes at Large. 1916. Vol. 39. P. 227–229.
20. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki, prinyataya V Vserossiiskim s"ezdom Sovetov v zasedanii ot 10-go iyulya 1918 g. // Pervaya Sovetskaya Konstitutsiya (Konstitutsiya RSFSR 1918 goda). M., 1938, str. 423-439.
21. I Vserossiiskii s"ezd soyuzov rabochei i krest'yanskoi molodezhi. 29 oktyabrya - 4 noyabrya 1918 goda. Iz Programmy i Ustava Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi // V kol'tse frontov. Sbornik dokumentov. Izd-vo TSK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1963, str. 38-42.
22. O vzaimootnosheniyakh Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi i Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Sovmestnoe ukazanie TSK RKP(b) i TSK RKSM. Sostavleno na osnovanii rezolyutsii VIII s"ezda RKP(b) i rezolyutsii plenuma TSK RKSM, avgust 1919 goda // KPSS o komsomole i molodezhi. Sbornik rezolyutsii, reshenii s"ezdov, konferentsii partii, postanovlenii TSK KPSS i drugikh partiinykh dokumentov (1917-1961 gg.). Izd. 3, dopoln. Izd-vo TSK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1962, s. 7-9.
23. III Vserossiiskii s"ezd RKSM. 2-10 oktyabrya 1920 goda. Ustav Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi // Tretii Vserossiiskii s"ezd PKCM. 2-10 oktyabrya 1920 goda. Stenograficheskii otchet. M.-L., izd-vo «Molodaya gvardiya», 1926, str. 315-321.
24. V Vserossiiskii s"ezd RKSM. 11-17 oktyabrya 1922 goda. Detskoe dvizhenie. Tezisy doklada na politprosvetsektsii // V Vserossiiskii s"ezd RKSM. 11-19 oktyabrya 1922 goda. Stenograficheskii otchet. Izd-vo «Molodaya gvardiya», 1927, str. 344-348.
25. Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnykh Komissarov. O poryadke utverzhdeniya i registratsii obshchestv i soyuzov, ne presleduyushchikh tseli izvlecheniya pribyli v poryadke nadzora za nimi. 3 avgusta 1922 g. // Raspublikovan v № 180 Izvestii Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 12 avgusta 1922 g.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 119-126.

УДК 340.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ В 1919-1922 ГГ.

Чуева И. А.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

В рамках статьи осуществлено исследование специфики правового положения молодежи в советских республиках в 1919-1922 гг. с учетом политико-идеологических и социально-экономических условий становления советской государственности. Особое внимание уделяется воздействию марксистско-ленинской доктрины, программных установок и решений коммунистической партии на формирование правовых основ государственной политики в отношении молодого поколения. На основе изучения партийных документов и нормативных правовых актов рассматриваются изменения правового положения молодежи в сферах трудовых отношений, образования, социальной защиты. Анализируются организационно-правовые механизмы вовлечения молодого поколения в общественно-политическую жизнь, трудовую деятельность и реализацию задач советского государства. Отдельное внимание уделяется деятельности коммунистических союзов молодежи и их взаимодействию с партийными и государственными органами, а также рассмотрению соотношения общих идеологических установок советской власти и особенностей их нормативного закрепления в отдельных республиках. Отмечается значение образования СССР для последующего развития законодательства, определявшего правовое положение молодежи.

Ключевые слова: советское государство, молодежь, молодежная политика, советское право, социалистическое право, политико-правовая доктрина, коммунистические союзы молодежи

Ранний послереволюционный период с 1919 г. по 1922 гг. занимает особое место в истории становления советской государственности и формирования правового положения молодежи. Определение прав и обязанностей молодого поколения в указанные временные рамки приобретало особое значение, поскольку именно эта возрастная группа рассматривалась советской властью в качестве важного участника политических и социально-экономических преобразований. Содержание правового положения молодежи во многом определялось господствовавшей политико-правовой доктриной. Принятая VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. партийная программа закрепила идеологические ориентиры дальнейшего развития советского общества, включая задачи коммунистического воспитания и преобразования системы народного образования [1]. Партийные установки оказывали непосредственное влияние на государственное правотворчество, определяли направленность принимаемых решений и деятельность соответствующих институтов, вместе с тем их нормативное воплощение происходило в условиях существования нескольких советских республик.

Исследование правового положения молодежи в указанный период предполагает обязательное установление характера взаимосвязи партийных решений и республиканского законодательства, выявление общих тенденций и особенностей регулирования трудовых, образовательных и иных отношений с участием молодого поколения. Особого внимания заслуживают правовые гарантии несовершеннолетних, деятельность коммунистических союзов молодежи и постепенное сближение законодательства советских республик. Образование СССР 30.1.21922 г. [2], создавшее новые государственно-правовые условия для последующей унификации правового регулирования, в данном контексте является логичной заключительной точкой, после которой исследование должно сосредоточиться, преимущественно, уже на общесоюзном законодательстве.

Проблема формирования правового положения молодежи в первые годы советской власти получила определенное освещение в отечественной историографии.

Основная часть исследований сосредоточена на истории комсомольского движения, взаимоотношениях молодежных организаций с компартией и их участии в общественно-политической жизни. Собственно юридические аспекты государственной политики в отношении молодого поколения изучены менее последовательно.

На данное обстоятельство обращает внимание А.Н. Соболева, исследовавшая основные этапы развития отечественной историографии молодежного движения. Характеризуя научные работы начала 1930-х гг., автор отмечает, что «…освещение проблем молодежного движения почти полностью сводилось к изучению ВЛКСМ…» [3, с. 127]. Подобная направленность исследований в значительной степени определялась политико-идеологическими условиями советского периода. На наш взгляд, ее следствием стало недостаточное внимание к правовому положению молодежи как самостоятельной социальной категории, включая лиц, не состоявших в коммунистических молодежных организациях.

Особый интерес для настоящего исследования представляют работы П.А. Меркулова, посвященные нормативно-правовому статусу комсомола и особенностям его взаимодействия с государственными органами. Рассматривая юридическую природу партийных документов, ученый указывает следующее: «…можно согласиться со сторонниками юридического позитивизма, что классифицировать партийные документы и работы лидеров компартии однозначно как нормативно-правовые в чистом виде не представляется возможным…» [4, с. 88]. Данное положение, безусловно, имеет принципиальное значение для изучения советской правовой системы, поскольку позволяет разграничивать формальную юридическую силу партийных решений и их фактическое воздействие на государственное управление.

Также важное место в современной историографии занимают исследования Р. В. Рыбакова, посвященные деятельности некоммунистических молодежных объединений в 1917 г. и первой половине 1920-х гг. [5]. Согласимся, что общественное положение молодежи определялось комплексом обстоятельств, связанных с трудовой деятельностью, образованием, материальным обеспечением и возможностью участия в общественных объединениях, и в этой связи полагаем необходимым учитывать существование различных форм молодежной самоорганизации, деятельность которых постепенно ограничивалась по мере укрепления политического положения коммунистического союза молодежи. Вышеприведенные примеры историографии очевидно предопределяют необходимость более полного исследования непосредственного влияния партийно-идеологических установок на формирование правового положения молодежи в советских республиках, поскольку детально этот вопрос ни в одной из работ не являлся центральным. Ключевое значение здесь приобретает обращение к программным документам и решениям РКП(б) 1919-1922 гг., позволяющее установить основные направления политики партии и проследить механизмы ее последующего нормативного закрепления.

К 1919 г. большевистское руководство приступило к более последовательному определению места молодежи в системе советских общественных отношений. Важнейшее значение имела Программа РКП(б), принятая VIII съездом партии в марте 1919 г., закрепившая основные направления преобразования общественной жизни, включая развитие системы народного образования, осуществление коммунистического воспитания и вовлечение трудящихся в социалистическое строительство. Провозглашавшиеся принципы бесплатного и доступного образования, соединения обучения с производительным трудом и формирования нового общественного сознания непосредственно затрагивали интересы молодого поколения – при этом необходимо учитывать, что программа представляла собой партийный документ, определявший политические ориентиры государственного развития [6].

В контексте исследуемой проблемы необходимо отметить и принятую тем же VIII съездом РКП(б) резолюцию «О работе среди молодежи». Документ закреплял представление о коммунистических союзах молодежи как особой форме организации молодого поколения, деятельность которой должна была сочетать политическое воспитание с развитием молодежной инициативы. Признание необходимости самостоятельной организационной деятельности имело существенное значение для определения места таких объединений в складывавшейся системе советских институтов, однако важно понимать, что предусмотренная партийными установками самостоятельность изначально ограничивалась общностью политической программы и задачами коммунистического воспитания [6].

Дальнейшее развитие названный подход получил в совместном указании ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «О взаимоотношениях Российского Коммунистического Союза Молодежи и Российской Коммунистической партии (большевиков)», принятом в августе 1919 г. Документ устанавливал организационные принципы взаимодействия партии и комсомола, включая непосредственное подчинение ЦК РКСМ ЦК РКП(б), предусматривалось также обязательное вступление членов партии в возрасте до 20 лет включительно в коммунистический союз молодежи [7]. Принятие этого документа фактически послужило началом формализации процесса формирования устойчивой организационной связи между партийными и молодежными структурами – формально сохраняя собственные руководящие органы и внутреннюю организацию, РКСМ включался в систему партийного руководства, что, очевидно, существенно ограничивало самостоятельность определения его политических задач. О дальнейшем укреплении этой системы свидетельствует письмо ЦК РКП(б) всем губернским и уездным комитетам партии о работе РКСМ от 12.12.1920 г. [8] – теперь вопросы развития молодежных организаций включались в сферу непосредственного внимания территориальных партийных комитетов. Отметим, что особенность рассматриваемой модели заключалась в использовании уже сложившейся партийной организационной сети для руководства молодежным движением. В результате такого взаимодействия возможности РКСМ определялись как собственными организационными ресурсами, так и степенью поддержки со стороны партийных структур, т.е. формирование госполитики в отношении молодежи уже в раннесоветский период сопровождалось институциональным сближением партийных и общественных механизмов управления.

Вместе с тем, очевидно, что рассмотрение партийных решений РКП(б) само по себе не позволяет установить особенности их реализации во всех советских республиках. В качестве примера приведем опыт Украинской ССР, где действовал Коммунистический союз молодежи Украины. На II съезде КСМУ, состоявшемся 11-16 мая 1920 г. принята резолюция о текущем моменте и задачах молодежи [9], т.е. наличие самостоятельных съездов и программно-организационных решений украинского комсомола свидетельствует о существовании республиканских механизмов реализации общих коммунистических установок. При этом необходимо учитывать военно-политические условия, в которых развивалось молодежное движение в советских республиках, поскольку участие в решении задач Гражданской войны непосредственно отражалось на содержании деятельности соответствующих организаций.

Практическое значение данного обстоятельства подтверждается циркулярным письмом ЦК КСМ Украины и ЦК содействия Красной Армии Южного бюро ВЦСПС от 31.08.1920 г. о порядке проведения мобилизации комсомольцев на фронт. Документ предусматривал мобилизацию 2000 членов КСМУ с распределением заданий по отдельным губерниям. Примечательно, что организационное обеспечение мобилизации осуществлялось с участием комсомольских и профсоюзных структур [10]. Таким образом, фактическое участие в коммунистическом союзе

предполагало принятие дополнительных организационных обязанностей, обусловленных политическими и военными задачами – однако вместе с тем подобные обязанности членов молодежной организации следует разграничивать и с общеобязательными предписаниями военного законодательства.

В рамках настоящего исследования нельзя не отметить отдельное направление партийной политики – работу среди молодежи различных национальностей. На III Всероссийском съезде РКСМ, проходившем 2–10.10.1920 г., принята специальная резолюция о работе среди национальных меньшинств [11]. Сам факт выделения данного вопроса в самостоятельную повестку говорит о признании необходимости учитывать национальную неоднородность молодежной среды при организации коммунистического движения. Однако наличие общих политических установок еще не позволяет говорить о тождестве форм их реализации – безусловно, организационные условия деятельности молодежных объединений напрямую зависели от государственного устройства соответствующих территорий, национального состава населения и развития местных партийных структур. В этой связи представляется необходимым разграничивать работу РКСМ среди национальных меньшинств и деятельность молодежных организаций самостоятельных советских республик. Постепенная стабилизация социально-экономической ситуации в государстве к 1921 г. логично потребовала пересмотра отдельных направлений молодежной политики – так, резолюция IV Всероссийского съезда РКСМ об охране труда подростков, принятая в сентябре 1921 г., явилась прецедентом вынесения вопросов охраны труда несовершеннолетних на уровень съезда коммунистического союза молодежи [12].

Вопросы места молодежных организаций в советской политической системе сохраняли актуальность и в 1922 г. На XI съезде РКП(б), проходившем с 27 марта по 2 апреля, была принята специальная резолюция по вопросу о РКСМ – обращение высшего партийного форума к деятельности коммунистического союза молодежи подтверждает устойчивое значение данного института в партийной повестке. В условиях НЭПа перед молодежными организациями возникали задачи, связанные с изменением хозяйственных отношений, организацией труда, политическим воспитанием и сохранением влияния коммунистической партии на молодое поколение. Данные процессы нашли отражение и в документах V Всероссийского съезда РКСМ, состоявшегося в октябре 1922 г., в частности в решении об основных задачах коммунистического воспитания в новых условиях [13; 14].

Формулируя промежуточный вывод, целесообразно отметить, что приведенная выше доктрина, безусловно, определяла приоритетные направления государственного воздействия на молодое поколение, однако ее юридическая реализация происходила посредством уже нормативных и организационных механизмов. Политическое единство не устраняло особенностей государственного устройства советских республик, более того, деятельность молодежных организаций регулировалась одновременно их внутренними документами, партийными решениями и законодательством соответствующих республик. Подобное сочетание источников различной юридической природы обусловливало сложность нормативного определения правового положения молодежи. Рассмотренные партийно-идеологические установки получали юридическое закрепление в законодательстве советских республик, однако содержание и способы такого закрепления различались. Представляется целесообразным обратиться к основополагающим нормативным правовым актам, определявшим положение молодого поколения в трудовых, образовательных и социальных отношениях. При этом необходимо учитывать, что самостоятельность республиканских правовых систем сочеталась с постепенно усиливавшимся влиянием законодательства РСФСР, которое использовалось в качестве основы для регулирования отдельных сфер общественной жизни.

КЗОТ РСФСР, введенный в действие 15.11.1922 г., устанавливал специальные гарантии для несовершеннолетних работников. Согласно ст. 12 лица моложе 18 лет освобождались от привлечения к трудовой повинности, ст. 95 ограничивала рабочий день подростков от 16 до 18 лет 6 часами. Ст. 135 запрещала прием на работу лиц младше 16 лет, допуская в исключительных случаях трудоустройство подростков, достигших 14-летнего возраста, по разрешению инспекции труда. Дополнительные ограничения предусматривались в отношении ночных, подземных и вредных для здоровья работ. Примечательно, что ст. 185 устанавливала возможность получения пособия по безработице несовершеннолетними независимо от продолжительности предшествующей работы по найму [15]. Совокупность названных положений свидетельствует о формировании специального правового режима труда несовершеннолетних – или, по крайней мере, о начале этого процесса. Также нельзя не отметить п. V постановления о введении Кодекса в действие, предусматривавший распространение его положений на союзные и автономные советские республики и области [16]. Самостоятельным направлением правового регулирования выступала и социальная защита детей. Декретом ВЦИК от 10.02.1921 г. учреждена Комиссия по улучшению жизни детей, в состав которой вошли представители государственных ведомств, ВЧК и профсоюзов [17].

Определенными особенностями характеризовалось и законодательство Белорусской ССР. Конституция республики от 3.02.1919 г. закрепляла государственное содействие объединению трудящихся в организации и провозглашала задачу обеспечения рабочих и беднейшего крестьянства бесплатным образованием. Однако особый интерес представляет декрет Президиума ЦИК ССР Белоруссии от 24.01.1922 г. «О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР» – его принятие закрепляет юридическое значение российского законодательства в белорусской правовой системе. Декрет устанавливал порядок действия на территории республики декретов и распоряжений РСФСР, признавая обязательную силу актов объединенных комиссариатов при соблюдении предусмотренных условий их опубликования и получения соответствующих изданий. В отношении остальных нормативных актов РСФСР предусматривался особый порядок признания их обязательности, что свидетельствовало о постепенном сближении законодательства двух республик при сохранении определенной самостоятельности белорусской правовой системы. Подобный механизм имел принципиальное значение для последующего сближения республиканского законодательства, поскольку позволял решать вопросы применения нормативных предписаний РСФСР в пределах другой советской республики [18; 19].

Сходные идеологические положения обнаруживаются в конституционном законодательстве советских республик Закавказья. Конституция Азербайджанской ССР от 19.05.1921 г. закрепляла государственное содействие объединениям трудящихся и провозглашала задачу предоставления бесплатного образования, Конституция ССР Армении от 4.02.1922 г. предусматривала использование школы как инструмента социалистического воспитания, связывая образовательную деятельность с производительным трудом [20; 21]. Конституция ССР Грузии от 2.03.1922 г. также закрепляла свободу объединений трудящихся и задачу обеспечения их бесплатным образованием [22]. Данные положения имели преимущественно общий характер и непосредственно не устанавливали специального правового статуса молодежи.

Отметим, что приведенные нормативные акты позволяют однозначно установить определенное единство основных принципов правового регулирования, обусловленное общностью советской политико-правовой доктрины. Полагаем, что важнейшей особенностью рассматриваемого периода стало постепенное сближение правовых систем советских республик при сохранении самостоятельных механизмов нормативного регулирования отдельных общественных отношений – при этом

предпосылки унификации законодательства советских республик складывались еще до образования СССР. Определяющее значение имели общность политико-идеологических установок, развитие межреспубликанских отношений и распространение отдельных нормативных решений РСФСР на территории других советских республик. Новый этап указанного процесса был связан с образованием СССР 30.12.1922 г. Принятый I Всесоюзным съездом Советов Договор об образовании СССР предусматривал разграничение компетенции союзных и республиканских органов государственной власти. Согласно п. 1 Договора к ведению Союза относились установление основных законов о труде, общих начал народного просвещения и мер в области охраны народного здравия [23]. Указанные положения имели непосредственное значение для дальнейшего развития правового положения молодежи, поскольку создавали государственно-правовые предпосылки для согласованного регулирования трудовых, образовательных и социальных отношений. Полагаем, что образование СССР обозначило переход к институциональному обеспечению единства советского законодательства. При этом унификация правового положения молодежи представляла собой последующий процесс, осуществлявшийся в рамках разграниченной компетенции союзных и республиканских органов.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее. Развитие правового положения молодежи в советских республиках в 1919-1922 гг. происходило под определяющим воздействием партийно-идеологических установок, которые задавали основные направления правотворчества, при этом общность политико-правовой доктрины не исключала некоторых особенностей нормативного регулирования в отдельных республиках. Анализ законодательства рассматриваемого периода свидетельствует о постепенной конкретизации прав и обязанностей молодого поколения, прежде всего в области труда, образования и социальной защиты несовершеннолетних. Особое значение имело формирование специальных юридических гарантий, закрепленных в трудовом законодательстве, хотя их реализация осуществлялась в условиях сохранявшихся мобилизационных потребностей государства и усиления партийного влияния на общественные отношения. На наш взгляд, именно в 1919-1922 гг. сформировались первые базовые организационные и юридические механизмы, определившие дальнейшее развитие правового положения молодежи в советском государстве.

Список литературы:

1. Восьмой съезд РКП(б). Москва. 18-23 марта 1919 г. II. Резолюции и постановления съезда. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 2. 1917-1922. – М.: Политиздат, 1983.

2. Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик. 30 декабря 1922 г. // И.В. Сталин. Сочинения, т. 5, Приложение № 1, стр. 393-395. Впервые опубликовано в газете «Правда», № 293, 31 декабря 1922 г. Перепечатано в сборниках документов: Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1939, стр. 18-20; Первая Конституция Союза ССР (Конституция СССР 1924 года). М., 1948, стр. 339-340, и в др. изданиях.

3. Соболева А. Н. Проблемы молодежного движения 1920-1930-х гг. в отечественной историографии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 11. С. 126-132.

4. Меркулов П. А. Нормативно-правовой статус комсомола в 1920–1930-е годы // Управленческое консультирование. 2017. № 2. С. 85-94.

5. Рыбаков Р. В. Некоммунистические политические и общественные объединения молодежи в 1917 – первой половине 1920-х гг. // XX век и Россия. Общество, реформы, революции. 2013. Вып. 1. Ч. I.

6. Восьмой съезд РКП(б). Москва. 18-23 марта 1919 г. II. Резолюции и постановления съезда. Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // Печатается по тексту книги: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1969, с. 369, 390-437, 442.

7. О взаимоотношениях Российского Коммунистического Союза Молодежи и Российской Коммунистической партии (большевиков). Совместное указание ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ. Составлено на основании резолюции VIII съезда РКП(б) и резолюции пленума ЦК РКСМ, август 1919 года // КПСС о комсомоле и молодежи. Сборник резолюций, решений съездов, конференций партии, постановлений

ЦК КПСС и других партийных документов (1917-1961 гг.). Изд. 3-е, дополн. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1962, стр. 7-9.
8. Письмо ЦК РКП(б) всем губернским и уездным комитетам партии о работе РКСМ. 12 декабря 1920 г. // Печатается по тексту газеты «Правда», 1920, 12 декабря, № 280.
9. Резолюция II съезда КСМУ о текущем моменте и задачах молодежи. 11-16 мая 1920 г. // «Известия ВУЦИК», № 125, 20 мая 1920 г.
10. Циркулярное письмо ЦК КСМ Украины и Центрального комитета содействия Красной Армии Южного бюро ВЦСПС о порядке проведения мобилизации комсомольцев на фронт. 31 августа 1920 г. // «Коммунист», № 194, 31 августа 1920 г.
11. III Всероссийский съезд РКСМ. 2—10 октября 1920 г. Резолюция о работе РКСМ среди национальных меньшинств // Третий Всероссийский съезд РКСМ. 2-10 октября 1920 г. Стенографический отчет. М.-Л., изд-во «Молодая гвардия», 1926, стр. 303-305.
12. IV Всероссийский съезд РКСМ. 21-28 сентября 1921 года. Резолюция об охране труда подростков // IV съезд РКСМ, 21-28 сентября 1921 года. Стенографический отчет. М.-Л., изд-во «Молодая гвардия», 1925, стр. 200-204.
13. Одиннадцатый съезд РКП(б). Москва. 27 марта-2 апреля 1922 г. II. Резолюции съезда. По вопросу о РКСМ // Печатается по тексту Полного собрания сочинений В.И. Ленина, т. 45, с. 67-68, 69-116, 136-138 и тексту книги: Одиннадцатый съезд РКП(б), Март - апрель 1922 года. Стенографический отчет, М., 1961, с. 525-580.
14. V Всероссийский съезд РКСМ. 11-17 октября 1922 года. Об основных задачах коммунистического воспитания в новых условиях // V Всероссийский съезд РКСМ. 11-19 октября 1922 года. Стенографический отчет. Изд-во «Молодая гвардия», 1927, стр. 315-317.
15. Кодекс законов о труде РСФСР (в редакции 1922 г.). 9 ноября 1922 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
16. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г., принятое на IV сессии 9 ноября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел 1-й. – М., 1950.
17. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. О Комиссии при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете по улучшению жизни детей. 10 февраля 1921 года // Распубликован в № 31 Известий ВЦИК Советов от 12 февраля 1921 года.
18. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии. 3 февраля 1919 г. // «Съезды Советов в документах. 1917-1936», т. II. М., 1960, стр. 233-237.
19. О силе для ССРБ декретов и распоряжений РСФСР. [Декрет Президиума ЦИК ССР Белоруссии]. 24 января 1922 г. // СУ БССР, 1922, № 1, ст. 1.
20. Конституция Азербайджанской Социалистической Советской Республики. 19 мая 1921 г. // «Съезды Советов в документах, 1917 —1936», т. II. М., 1960, стр. 326-339.
21. Конституция Социалистической Советской Республики Армении. 4 февраля 1922 г. // «Съезды Советов в документах, 1917-1936», т. II. М., 1960, стр. 373-384.
22. Конституция Социалистической Советской Республики Грузии. 2 марта 1922 г. // «Съезды Советов в документах. 1917-1936», т. II. М., 1960, стр. 415-432.
23. Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. 30 декабря 1922 г. // Образование СССР. 1917-1924: Сб. док. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Chueva I.A. Features of the legal status of youth in the soviet republics in 1919-1922 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 119-126.

Within the framework of the article, a study was conducted of the specific features of the legal status of young people in the Soviet republics in 1919-1922, taking into account the political, ideological, and socio-economic conditions of the formation of Soviet statehood. Special attention is paid to the influence of the Marxist-Leninist doctrine, programmatic guidelines, and decisions of the Communist Party on the formation of the legal foundations of state policy towards the younger generation. Based on the study of party documents and regulatory legal acts, changes in the legal status of young people in the areas of labour relations, education, and social protection are examined. The analysis focuses on the organizational and legal mechanisms for involving the younger generation in socio-political life, labour activities, and the implementation of the Soviet state's tasks. Special attention is paid to the activities of communist youth unions and their interaction with party and state bodies, as well as to examining the relationship between the general ideological principles of the Soviet government and the specifics of their normative consolidation in individual republics.

Keywords: The Soviet state, youth, youth policy, Soviet law, socialist law, political and legal doctrine, communist youth unions.

Spisok literatury:

1. Vos'moi s"ezd RKP(b). Moskva. 18-23 marta 1919 g. II. Rezolyutsii i postanovleniya s"ezda. Programma Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov) // Kommunisticheskaya partiya SSSR v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898-1986). T. 2. 1917-1922. – M.: Politizdat, 1983.

2. Deklaratsiya ob obrazovanii Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. 30 dekabrya 1922 g. // I.V. Stalin. Sochineniya, t. 5, Prilozhenie № 1, str. 393-395. Vpervye opublikovano v gazete «Pravda», № 293, 31 dekabrya 1922 g. Perepechatano v sbornikakh dokumentov: S"ezdy Sovetov SSSR v postanovleniyakh i rezolyutsiyakh. M., 1939, str. 18-20.
3. Soboleva A. N. Problemy molodezhnogo dvizheniya 1920-1930-kh gg. v otechestvennoi istoriografii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2015. T. 11. S. 126-132.
4. Merkulov P. A. Normativno-pravovoi status komsomola v 1920–1930-e gody // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. № 2. S. 85-94.
5. Rybakov R. V. Nekommunisticheskie politicheskie i obshchestvennye ob"edineniya molodezhi v 1917 – pervoi polovine 1920-kh gg. // XX vek i Rossiya. Obshchestvo, reformy, revolyutsii. 2013. Vyp. 1. Ch. I.
6. Vos'moi s"ezd RKP(b). Moskva. 18-23 marta 1919 g. II. Rezolyutsii i postanovleniya s"ezda. Programma Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov) // Pechataetsya po tekstu knigi: Vos'moi s"ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoly. M., 1969, s. 369, 390-437, 442.
7. O vzaimootnosheniyakh Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi i Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Sovmestnoe ukazanie TSK RKP(b) i TSK RKSM. Sostavleno na osnovanii rezolyutsii VIII s"ezda RKP(b) i rezolyutsii plenuma TSK RKSM, avgust 1919 goda // KPSS o komsomole i molodezhi. Sbornik rezolyutsii, reshenii s"ezdov, konferentsii partii, postanovlenii TSK KPSS i drugikh partiinykh dokumentov (1917-1961 gg.). Izd. 3-e, dopoln. Izd-vo TSK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1962.
8. Pis'mo TSK RKP(b) vsem gubernskim i uezdnym komitetam partii o rabote RKSM. 12 dekabrya 1920 g. // Pechataetsya po tekstu gazety «Pravda», 1920, 12 dekabrya, № 280.
9. Rezolyutsiya II s"ezda KSMU o tekushchem momente i zadachakh molodezhi. 11-16 maya 1920 g. // «Izvestiya VUTSIK», № 125, 20 maya 1920 g.
10. Tsirkulyarnoe pis'mo TSK KSM Ukrainy i Tsentral'nogo komiteta sodeistviya Krasnoi Armii Yuzhnogo byuro VTSSPS o poryadke provedeniya mobilizatsii komsomol'tsev na front. 31 avgusta 1920 g. // «Kommunist», № 194, 31 avgusta 1920 g.
11. III Vserossiiskii s"ezd RKSM. 2—10 oktyabrya 1920 goda. Rezolyutsiya o rabote RKSM sredi natsional'nykh men'shinstv // Tretii Vserossiiskii s"ezd PKCM. 2-10 oktyabrya 1920 goda. Stenograficheskii otchet. M.-L., izd-vo «Molodaya gvardiya», 1926, str. 303-305.
12. IV Vserossiiskii s"ezd RKSM. 21-28 sentyabrya 1921 goda. Rezolyutsiya ob okhrane truda podrostkov // IV s"ezd RKSM, 21-28 sentyabrya 1921 g. Stenograficheskii otchet. M.-L., izd-vo «Molodaya gvardiya», 1925, str. 200-204.
13. Odinnadtsatyi s"ezd RKP(b). Moskva. 27 marta-2 aprelya 1922 g. II. Rezolyutsii s"ezda. Po voprosu o RKSM // Pechataetsya po tekstu Polnogo sobraniya sochinenii V.I. Lenina, t. 45, s. 67-68, 69-116, 136-138 i tekstu knigi: Odinnadtsatyi s"ezd RKP(b), Mart - aprel' 1922 goda. Stenograficheskii otchet, M., 1961, s. 525.
14. V Vserossiiskii s"ezd RKSM. 11-17 oktyabrya 1922 goda. Ob osnovnykh zadachakh kommunisticheskogo vospitaniya v novykh usloviyakh // V Vserossiiskii s"ezd RKSM. 11-19 oktyabrya 1922 goda. Stenograficheskii otchet. Izd-vo «Molodaya gvardiya», 1927, str. 315-317.
15. Kodeks zakonov o trude RSFSR (v redaktsii 1922 g.). 9 noyabrya 1922 g. // Sobranie Uzakonenii i Rasporyazhenii Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1922. № 70. St. 903.
16. Postanovlenie Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. O vvedenii v deistvie Kodeksa Zakonov o Trude R.S.F.S.R. izd. 1922 g., prinyatoe na IV sessii 9 noyabrya 1922 g. // Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyi. – M., 1950.
17. Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta. O Komissii pri Vserossiiskom Tsentral'nom Ispolnitel'nom Komitete po uluchsheniyu zhizni detei. 10 fevralya 1921 goda // Raspublikovan v № 31 Izvestii Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 12 fevralya 1921 goda.
18. Konstitutsiya Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki Belorussii. 3 fevralya 1919 g. // «S"ezdy Sovetov v dokumentakh. 1917-1936», t. II. M., 1960, str. 233-237.
19. O sile dlya SSRB dekretov i rasporyazhenii RSFSR. [Dekret Prezidiuma TSIK SSR Belorussii]. 24 yanvarya 1922 g. // SU BSSR, 1922, № 1, st. 1.
20. Konstitutsiya Azerbaidzhanskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki. 19 maya 1921 g. // «S"ezdy Sovetov v dokumentakh, 1917 —1936», t. II. M., 1960, str. 326-339.
21. Konstitutsiya Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki Armenii. 4 fevralya 1922 g. // «S"ezdy Sovetov v dokumentakh, 1917-1936», t. II. M., 1960, str. 373-384.
22. Konstitutsiya Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki Gruzii. 2 marta 1922 g. // «S"ezdy Sovetov v dokumentakh. 1917-1936», t. II. M., 1960, str. 415-432.
23. Dogovor ob obrazovanii Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. 30 dekabrya 1922 g. // Obrazovanie SSSR. 1917-1924: Sb. dok. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1949.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 127-130.

УДК 340.12:347.79(47+57)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В МЕХАНИЗМЕ ОХРАНЫ МОРСКИХ РУБЕЖЕЙ СССР В 1920–1930-Е ГОДЫ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Шармоянц А. Н.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется формирование специальных ограничительных правовых режимов в советском морском законодательстве 1920–1930-х годов. На основе анализа декретов о лоцманской службе, маячном деле и радиосвязи доказывается, что в условиях НЭПа охрана суверенитета в прибрежных водах обеспечивалась комплексом публично-правовых запретов, позитивных обязываний и финансовых стимулов. Обоснован вывод о создании эшелонированного режимного барьера, нейтрализовавшего риски иностранного присутствия при сохранении международной торговли.

Ключевые слова: специальный правовой режим, правовые ограничения, правовые стимулы, государственный суверенитет, безопасность мореплавания, лоцманская служба, маячный сбор, радиосвязь.

Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике поставили перед советским государством сложную теоретико-правовую задачу, от решения которой зависело сохранение его политической и экономической самостоятельности. Восстановление разрушенного хозяйства требовало открытия морских торговых портов для иностранного коммерческого тоннажа, на долю которого приходилось до девяноста процентов внешнеторгового грузооборота страны, однако допуск зарубежных судов во внутренние и территориальные воды в условиях дипломатической изоляции и слабости военно-морского флота создавал прямую угрозу безопасности прибрежных рубежей. В классической отечественной догматике правовой режим определяется как особый порядок регулирования, который выражается в специфическом сочетании дозволений, запретов и позитивных обязываний, создающем конкретную степень благоприятствования или ограничения для субъектов права [1, с. 185]. Когда обычных общерегулятивных средств оказывается недостаточно для купирования внешних угроз, законодатель конструирует специальный ограничительный режим [4, с. 91]. Именно этот путь избрала советская власть в 1920–1930-е годы, заменив недостаток линейной военной силы жестким нормативным фильтром в прибрежных акваториях.

Первым структурным элементом данного пограничного барьера выступил режим государственной лоцманской проводки, основанный на доминировании императивных позитивных обязываний. Хотя утвержденный 3.07.1922 г. Лоцманский устав РСФСР сохранил заметную технико-юридическую преемственность с имперским Положением 1890 г. в части возрастного ценза и профессиональных экзаменов [3, с. 219], публично-правовая природа института изменилась радикально. Если в Великобритании и Франции лоцманские службы функционировали на корпоративных началах, то советский законодатель пресек попытки делегатов Всероссийского съезда морских лоцманов 1923 г. учредить в портах Черного и Азовского морей самоуправляемые лоцманские артели с собственным имуществом [5, с. 311]. Принятие СНК СССР Постановления от 25.07.1926 г. «О государственных морских лоцманах» и последующая кодификация этих норм в Приложении V к Кодексу торгового мореплавания (КТМ) СССР 1929 г. закрепили исключительную государственную монополию на проводку судов. Перевод лоцманов из штатов военного ведомства в категорию вольнонаемных служащих, а в 1934 г. – в ведение Народного комиссариата водного транспорта, не ослабил режимного контроля, поскольку лоцман на борту иностранного судна наделялся контрольно-надзорными функциями по

пресечению промеров глубин, фотосъемки береговых объектов и сброса балласта [7, с. 104]. При этом в советском морском праве была заложена нетипичная для классической цивилистики деликтная конструкция: государство принимало на себя имущественную ответственность за аварии, произошедшие по вине государственных лоцманов, но императивно ограничивало ее пределы наличным объемом специальных портовых аварийных фондов по отдельным морям, подчиняя все споры исключительной юрисдикции советских судов [7, с. 104–105]. Таким образом, с одной стороны был сохранен административный контроль, но с другой, ограничены коммерческие риски.

Вторым эшелоном охранительного механизма стал правовой режим навигационно-маячной инфраструктуры, в котором жесткие вещно-правовые изъятия сочетались с гибкой системой фискальных ограничений и правовых стимулов. В отличие от английского торгового законодательства, допускавшего нахождение маяков в собственности корпораций, советское право отнесло земельные участки под береговыми маяками и обслуживающими их сооружениями к категории земель морского транспорта, которые закреплялись в исключительном ведении государства, изымались из гражданского оборота и освобождались от налогов и ренты [9, с. 30]. Оперативное управление дирекциями маяков и лоции было сосредоточено в военизированной вертикали Управлений по обеспечению безопасности кораблевождения (УБЕКО), подчиненных Главному гидрографическому управлению. Анализируя финансовую составляющую данного режима, закрепленную Декретом СНК РСФСР от 19.09.1922 года «О лоцманском и маячном сборах», мы видим, что законодатель отказался от восприятия маячного сбора как нейтральной платы за услугу освещения фарватера, превратив его в дифференцированный инструмент внешнеполитического принуждения: для отечественных судов в малом каботаже устанавливалась минимальная ставка (0,25 золотой копейки с регистровой тонны-нетто), для иностранных судов из государств, заключивших с советской республикой торговые соглашения, вводилась льготная такса (1 золотая копейка), тогда как к судам стран, не имевших договорных отношений с РСФСР (а впоследствии – с СССР), применялась трехкратно увеличенная нормальная такса в размере 3 золотых копеек [2, с. 457]. В структуре специального правового режима подобная тарифная градация выполняла двойную функцию, одновременно выступая чувствительным имущественным обременением для флагов недружественных государств и действенным правовым стимулом [4, с. 60], побуждавшим зарубежные деловые круги лоббировать заключение официальных торговых договоров с Москвой. Фискальная норма способствовала прорыву внешнеполитической блокады и налаживанию дипломатических отношений.

Третий контур специального ограничительного режима сформировался в сфере регулирования морской радиосвязи, где объектом государственной охраны впервые выступила нематериальная физическая среда – радиочастотный спектр. Распространение судовых радиотелеграфных установок породило острую правовую коллизию между традиционным иммунитетом иностранного судна и потребностью прибрежного суверена в информационной безопасности, так как радиоволны позволяли передавать разведывательные и коммерческие сведения прямо с рейда советского порта в обход пограничного и таможенного контроля. Первоначально Декрет СНК РСФСР от 19.09.1918 г. о централизации радиотехнического дела и принятые в марте 1920 г. правила о береговых радиостанциях заложили основы государственного надзора в эфире, обязав береговые посты вести регулярное слуховое наблюдение на волне 600 метров и немедленно докладывать военно-контрольным пунктам о сигналах бедствия и навигационных угрозах, а Постановление СТО СССР от 21.08.1924 г. закрепило обязательное оснащение радиостанциями морских торговых судов [6, с.

106; 8, с. 108]. Однако в отношении иностранного тоннажа к концу 1920-х годов доминирующим методом регулирования становится прямой административный запрет. Постановление СНК СССР от 24.07.1928 г. «О пользовании радиоустановками иностранными судами во время нахождения их в водах Союза ССР» ввело строгий пространственно-временной режим радиомолчания. Иностранным невоенным судам, находящимся в пределах десятимильной зоны от советских берегов, запрещалось вести радиообмен, кроме случаев передачи сигналов бедствия и сообщений, связанных с предотвращением аварий [6, с. 108]. На время стоянки в порту судовые радиорубки подлежали принудительному опечатыванию портовыми властями, а в тех исключительных случаях, когда радиообмен санкционировался, действовал запрет на применение неутвержденных шифров и вводились строгие лимиты на количество слов в радиограммах [6, с. 108–110]. Эфир, по сути, контролировался также, как к пограничная полоса.

Сопоставление рассмотренных нормативных комплексов показывает, что советское законодательство 1920–1930-х годов не ограничивалось разрозненными ведомственными мерами по техническому упорядочению судоходства. В условиях геополитической уязвимости государство выстроило на морских подходах и в акваториях торговых портов целостный, глубоко эшелонированный специальный правовой режим ограничительного типа. Его юридическая архитектура опиралась на три взаимосвязанных элемента: императивное подчинение движения иностранного судна государственному лоцману при усечении деликтной ответственности казны, использование дифференцированных ставок маячного сбора в качестве политико-правового стимула для налаживания дипломатических отношений и установление абсолютных пресекающих запретов на неконтролируемое использование судовых радиостанций. Такой комплексный подход позволил перевести задачу охраны государственного суверенитета в плоскость повседневного административно-технического администрирования, обеспечив надежный контроль над иностранным присутствием в территориальных водах без нарушения базовых конвенционных принципов международного торгового мореплавания.

Список литературы:

1.Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 288 с. – Текст : непосредственный.

2.Законодательство и международные договоры Союза ССР и союзных республик о правовом положении иностранных физических и юридических лиц : систематизированные материалы с комментариями / В. В. Егорьев, Г. Н. Лашкевич, М. А. Плоткин, Б. Д. Розенблюм. – Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. – 592 с. – Текст : непосредственный.

3.Змерзлый, Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. : монография / Б. В. Змерзлый. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2014. – 660 с. – Текст : непосредственный.

4.Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве : монография / А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2004. – 250 с. – Текст : непосредственный.

5.Никитина, А. П. Попытки реформирования организации лоцманского дела в 1923 г. в Черноморско-Азовском регионе / А. П. Никитина, А. Н. Шармоянц. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 2. – С. 308–315.

6.Шармоянц, А. Н. Использование радиосвязи в начале XX века в СССР для обеспечения безопасности торгового мореплавания / А. Н. Шармоянц. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69), № 1. – С. 106–111.

7.Шармоянц, А. Н. Особенности правового регулирования лоцманской службы в 20-е – 30-е годы XX века в СССР / А. Н. Шармоянц. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 3. – С. 100–109.

8.Шармоянц, А. Н. Правовое регулирование развития радиосвязи в постреволюционный период в СССР / А. Н. Шармоянц. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 1. – С. 107–113.

9.Шептовицкий, М. Я. Морское право : учебник для институтов водного транспорта и морских техникумов / М. Я. Шептовицкий. – Ленинград : Гострансиздат, 1936. – 226 с. – Текст : непосредственный.

Sharmoyants A. Special restrictive legal regimes in the mechanism of protecting the maritime borders of the Ussr in the 1920s–1930s: a theoretical and legal analysis // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 127-130.

The article examines the formation of special restrictive legal regimes in Soviet maritime legislation of the 1920s–1930s. Analyzing decrees on pilotage, lighthouses, and radio communications, the author proves that under the New Economic Policy, coastal sovereignty was protected through a complex of public law prohibitions, positive obligations, and financial incentives. It is concluded that an echeloned regime barrier was created to neutralize the risks of foreign presence while preserving international trade.

Keywords: special legal regime, legal restrictions, legal incentives, state sovereignty, maritime safety, pilotage service, light dues, radio communication.

Spisok literatury:

1.Alekseev, S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave / S. S. Alekseev. – Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1989. – 288 s.
2.Zakonodatel'stvo i mezhdunarodnye dogovory Soyuza SSR i soyuznykh respublik o pravovom polozhenii inostrannykh fizicheskikh i yuridicheskikh lits : sistematizirovannye materialy s kommentariyami / V. V. Egor'ev, G. N. Lashkevich, M. A. Plotkin, B. D. Rozenblyum. – Moskva : Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu RSFSR, 1926. – 592 s.
3.Zmerzlyi, B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale XX vv. : monografiya / B. V. Zmerzlyi. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2014. – 660 s.
4.Mal'ko, A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave : monografiya / A. V. Mal'ko. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Yurist", 2004. – 250 s.
5.Nikitina, A. P. Popytki reformirovaniya organizatsii lotsmanskogo dela v 1923 g. v Chernomorsko-Azovskom regione / A. P. Nikitina, A. N. Sharmoyants // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2018. – T. 4 (70), № 2. – S. 308–315.
6.Sharmoyants, A. N. Ispol'zovanie radiosvyazi v nachale XX veka v SSSR dlya obespecheniya bezopasnosti torgovogo moreplavaniya / A. N. Sharmoyants // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69), № 1. – S. 106–111.
7.Sharmoyants, A. N. Osobennosti pravovogo regulirovaniya lotsmanskoi sluzhby v 20-e – 30-e gody XX veka v SSSR / A. N. Sharmoyants // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2018. – T. 4 (70), № 3. – S. 100–109.
8.Sharmoyants, A. N. Pravovoe regulirovanie razvitiya radiosvyazi v postrevolyutsionnyi period v SSSR / A. N. Sharmoyants // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2019. – T. 5 (71), № 1. – S. 107–113.
9.Sheptovitskii, M. Ya. Morskoe pravo : uchebnik dlya institutov vodnogo transporta i morskikh tekhnikumov / M. Ya. Sheptovitskii. – Leningrad : Gostransizdat, 1936. – 226 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 131-140.

УДК 340.113.1

ПРАВОВАЯ МЕТАФОРА И КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Ярощук И. А.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Исследуется правовая метафора как средство юридической техники и ее связи с культурным кодом национальной правовой традиции. Актуальность темы определяется расширением использования метафорических выражений в языке права, что ставит вопрос о пределах их допустимости с позиций системности и определенности права. Целью является разработка методики проверки правовой метафоры на соответствие культурному коду правовой традиции. Выделены признаки правовой метафоры: функциональная направленность, перенос из сферы-источника в сферу-цель, способность к терминологизации, наличие пределов допустимости. Обоснована необходимость междисциплинарного анализа метафоры в религиозно-этическом, лингвистическом и политико-правовом аспектах. Разработана трехкритериальная методика оценки метафоры на соответствие культурному коду традиции: семантический критерий соотносит смысловое ядро метафоры с инвариантным содержанием правового понятия, аффективный выявляет эмоционально-оценочное восприятие образа, институциональный устанавливает совместимость метафоры с действующей системой правовых институтов. Предложенный алгоритм позволяет разграничивать метафоры, органично встраивающиеся в язык права, и образы, способные вызывать отторжение нормы и противоречия, что имеет значение для совершенствования юридической техники и толкования оценочных категорий.

Ключевые слова: правовая метафора; культурный код; юридическая техника; концептуальная метафора; терминологизация; семантический критерий; аффективный критерий; институциональный критерий; правовая традиция; толкование права.

Под правовой метафорой мы понимаем средство юридической техники, основанное на переносе концептуального содержания из конкретной, чувственно воспринимаемой понятийной области в сферу абстрактного правового понятия. Определение опирается на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути …метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [24, с. 5–7]. Данная теория актуальна и для юридической сферы: метафора в праве выступает не стилистическим украшением, а продуктивным средством юридической техники. Она является инструментом смыслообразования, структурируя восприятие правовой реальности и задавая вектор толкования нормы.

Правовой метафоре присущи следующие признаки. Во-первых, выраженная функциональность: в отличие от художественной метафоры она подчинена прагматической цели [21, с. 59–94]: упрощать понимание сложных норм и минимизировать риск коллизий при толковании. По А.Ф. Черданцеву, метафора «по своей сути прагматична» и служит эффективным средством реализации коммуникативной установки законодателя [19]. Во-вторых, это перенос образа из сферы-источника в сферу-цель. Сферами-источниками выступают органистические, пространственные, механистические, архитектурные, информационные, милитарные и иные модели; сферой-целью – абстрактное правовое понятие, требующее образной конкретизации. В-третьих, способность к терминологизации: частое употребление минимизирует образную составляющую метафоры, превращая ее в готовые языковые единицы – «юридическое лицо», «источник права», «бремя доказывания», «источник повышенной опасности», «правовой механизм», «ветви власти» и др. В-четвертых, правовая метафора не бесконтрольна и имеет методологические пределы допусти-

мости: она остается вспомогательным средством и не подменяет норму-дефиницию. В.М. Баранов и Н.А. Власенко справедливо отмечают, что «при неумеренном использовании она способна дезориентировать адресата, порождать ложные ассоциации и снижать правовую определенность», потому ее применение требует строгого технико-юридического контроля [2, с.18]. Право не существует в вакууме – оно произрастает из конкретной социокультурной почвы, детерминированной религиозными, языковыми, бытовыми и политическими факторами. Метафора, находящая свою реализацию в языке права, либо вступает в резонанс с глубинными структурами правосознания, присущими данному социокультурному сообществу, либо, напротив, вступает с ними в противоречие, что с высокой вероятностью может повлечь отторжение соответствующей правовой нормы. Адекватная оценка правовой метафоры требует анализа по нескольким взаимодополняющим направлениям: религиозно-этическому (исследование укорененных в традиции представлений о справедливости, вине, искуплении); лингвистическому (анализ семантических гнезд, в которых исторически складываются и функционируют правовые понятия); политико-правовому (раскрытие глубинных установок – патернализма и автономии, этатизма и либерализма, коллективного и индивидуального); а также изучение прецедентов правовой метафорики, то есть того, какие метафоры уже были легитимированы в языке права. Указанные векторы позволяют сформировать своего рода «паспорт» правовой традиции страны, на основании которого возможна проверка метафоры на соответствие трем критериям – семантическому, аффективному и институциональному.

С позиции семантического критерия реализуется проверка смыслового ядра метафоры на соответствие культурному коду ключевого правового понятия. Задача имеет междисциплинарный характер и опирается на положения когнитивной лингвистики, семиотики права и юридической техники. Когнитивная лингвистика способствует выявлению семантического ядра значения метафоры – тех ведущих признаков, которые в языковом мышлении носителей языка коррелируют с правовым понятием, а также того, какие архетипические образы переносятся в сферу права и по каким причинам [12, с. 80–85]. Это своеобразная проверка метафоры на соответствие направленности ее действия тому вектору, который задает смысловое ядро самого юридического понятия в целях исключения возможного противоречия.

В качестве источников реконструкции смыслового ядра правового понятия выступают: нормативно фиксированное определение, обладающее общеобязательной юридической силой и реализующее точное правовое содержание номинируемого объекта; доктринальное толкование, которое в условиях модернизации механизма государства вырабатывает новые формы и инструменты разъяснения юридических положений; а также выведение значения понятия с учетом всего правового контекста. Последнее предполагает анализ специфики функционирования понятия в отдельных статьях, главах и нормативных актах различных отраслей права.

Такой подход позволяет выделить инвариантное семантическое ядро правового понятия – комплекс доминирующих семантических признаков, образующих минимально необходимое и константное содержание понятия, которое остается неизменным при его употреблении во всем массиве нормативных актов независимо от его отраслевой отнесенности. Это семантический каркас, модификация которого способна привести к деструкции самого понятия как юридической категории.

Так, например, понятие «должностное лицо», имеющее метафорическую природу возникновения, фигурирует в дефинитивных конструкциях целого ряда нормативных актов: в Уголовном кодексе РФ [16], в КоАП РФ [9], в актах трудового законодательства, а также в антикоррупционных нормах. Компаративный анализ указанных контекстов – совокупности функций, вменяемых должностному лицу, ха-

рактера правоотношений и видов ответственности – позволяет реконструировать смысловое ядро понятия. Таковым выступает осуществление лицом организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных функций. Это содержание эксплицируется не из отдельно взятой нормы-дефиниции, а из системного анализа всего релевантного нормативного массива. Следовательно, в основе подхода лежит презумпция системной организации права, согласно которой законодатель использует термины не произвольно, а с соблюдением принципа последовательности. Это обусловливает возможность реконструкции значения понятия даже при отсутствии его эксплицитной легальной дефиниции.

В ст. 10 ГК РФ содержится понятие «злоупотребление правом»: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [4]. П. 2 статьи устанавливает санкцию – отказ в судебной защите. Понятие фигурирует и в других статьях ГК РФ применительно к нормам о недействительности сделок, корпоративных отношениях и защите вещных прав.

Семантическое ядро понятия «злоупотребление правом» образуют 6 структурных составляющих.

1. Субъект – управомоченное лицо. Злоупотребление правом возможно лишь со стороны субъекта, формально являющегося носителем реализуемого правомочия. Поведение лица, не обладающего субъективным правом, квалифицируется как иное правонарушение (например, самоуправство). Управомоченность образует конститутивный элемент, отделяющий данное понятие от смежных категорий.

2. Действие – осуществление права. Реализация возможностей, предоставленных законом управомоченному лицу. Возникает парадоксальная ситуация: внешне поведенческий акт остается в пределах формально предоставленного правомочия, при этом содержательно определяется противоправностью. Субъект не переходит пределы буквально дозволенного, а искажает целевое предназначение нормы.

3. Способ – выход за пределы добросовестного поведения. Разграничение правомерной реализации права и злоупотребления им осуществляется через оценочную категорию «добросовестность»: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав... участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» [4, п. 3 ст. 1]; «Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются» [4, п. 5 ст. 10]. Содержательное наполнение категории реализуется через систему индикаторов: отсутствие разумной цели действия, несоразмерность способа защиты, противоречие сложившейся практике взаимоотношений сторон.

4. Цель – причинение вреда либо извлечение необоснованных преимуществ. Применительно к шикане признак прямо закреплен в п. 1 ст. 10 ГК РФ («исключительно с намерением причинить вред»). Для иных форм – более широкий подход: приобретение необоснованных выгод, обход предписаний, недобросовестное осуществление права в ущерб контрагенту.

5. Форма вины – прямой либо косвенный умысел. Злоупотребление правом предполагает осознанный характер деяний: субъект либо непосредственно преследует цель наступления вредоносных последствий, либо сознательно допускает их. Неосторожная форма вины несовместима с природой института.

6. Правовое последствие – отказ в судебной защите. Санкция закреплена в п. 2 ст. 10 ГК РФ. Ее природа отличается от классических мер ответственности (возмещение убытков, взыскание неустойки): сущность состоит не в карательном воздействии, а в отказе в защите того субъективного права, которым лицо формально обладало, но реализовывало недозволенным способом.

6 признаков, в комплексе образующих инвариантное семантическое ядро, остаются постоянными во всех нормативных контекстах. Это позволяет идентифицировать «злоупотребление правом» как тождественную самой себе юридическую категорию независимо от отраслевой специфики использования: в Семейном кодексе РФ (ст. 7 – осуществление прав в противоречии с их назначением) [15], в Жилищном кодексе РФ (ч. 2 ст. 7 аналогия через принцип добросовестности) [8], в процессуальном законодательстве (ч. 2 ст. 41, ч. 2 ст. 111, ст. 159 АПК РФ; ст. 35, 99 ГПК РФ) [1, 5], а также в ст. 54.1 Налогового кодекса РФ [13], формализующей категорию «добросовестность» через верифицируемые критерии.

Проверка смыслового ядра метафоры на соответствие культурному коду правового понятия – второй элемент анализа. Ю.М. Лотман определял культурный код как «комплекса необходимой для существования данной культуры информации, содержащейся в самых разнообразных текстах этой культуры» [10, с. 5–6]. Культурный код не имеет явной выраженности в структуре норм, но имплицитно задает направление когнитивному вектору при толковании правовых понятий.

Анализ культурного кода предполагает выявление частотных коллокаций в языке права, под которыми понимается «комбинация двух и более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости» [3, с. 136] «причинить вред», «существенное нарушение», «недобросовестное осуществление».

Корпусный анализ коллокаций предполагает формирование репрезентативного корпуса правовых текстов, лемматизацию, извлечение статистически значимых сочетаний и их содержательный анализ. Это позволяет: выявлять имплицитные правовые концепты (устойчивая коллокация «злоупотребить правом» свидетельствует о том, что конструкция воспринимается как целостный концепт, а не механическая сумма составляющих); реконструировать культурный код понятия (коллокаты «злоупотребления» – «грубое», «явное», «недопустимое» – свидетельствуют об устойчиво негативной коннотации); совершенствовать юридическую технику; объективизировать толкование оценочных категорий.

Репрезентируем экспликацию культурного кода на примере понятия «злоупотребление правом». «Злоупотребление» – сложное слово от корней «зло» (древнерусское «зъло» – «плохое, вредное, греховное») и «употребление» («использовать, применить») [20]. Уже на уровне внутренней формы заложена аксиологическая оппозиция: использование блага (права) во зло, обращение его в противоположность.

Слово восходит к греческому κατάχρηση δικαιώματος и латинскому abusus iuris. Латинское abusus («от, прочь» + «пользоваться») означает «использование с превышением, потребление до конца, дурное обращение» [18]. Уже в римской традиции закрепляется идея: право имеет внутренние границы, выход за которые превращает дозволенное в запрещенное.

Понятие актуализирует глубинные бинарные оппозиции:

Уровень оппозиции	**Полюс 1**	**Полюс 2**
Аксиологический	добро / благо	зло / вред
Юридический	правомерное поведение	противоправное поведение
Морально-этический	добросовестность	недобросовестность
Функциональный	осуществление права	использование права во вред
Социальный	общее благо	частный эгоистический интерес

Понятие формируется на пересечении римской юридической доктрины и христианской этической парадигмы. Римское право выдвинуло исходный тезис «qui iure suo utitur neminem laedit» («кто использует свое право, никому не вредит») [7, с.

90–96], обеспечивавший защиту обладателя права от произвольного вмешательства и правовую определенность. Христианская традиция привнесла принцип любви к ближнему, ограничивающий формальное право требованием милосердия. Французская доктрина XIX в. выработала концепцию «abus de droit» как реакцию на формализм Кодекса Наполеона [17, с. 112]. Российская традиция в трудах И.А. Покровского и В.П. Грибанова зафиксировала переход от римского формализма к признанию границ осуществления права [14; 6, с. 8–9].

Эксплицированная модель культурного кода может быть представлена следующим образом: право, являясь аксиологической категорией, при формализованном применении, исключающем нравственную рефлексию, трансформируется в инструмент деструктивного воздействия. Культурный код фиксирует демаркационную линию – предел, за которым право утрачивает сущностную природу и конвертируется в собственную противоположность. Эта граница имеет не формально-юридическую, а ценностную природу и укоренена в моральном сознании культуры.

Аффективный критерий – второй компонент проверки правовой метафоры на соответствие культурному коду. Аффективный фильтр направлен на выявление эмоционально-оценочных реакций, возникающих у носителя правовой культуры при восприятии метафорического образа. Критерий базируется на положении когнитивной лингвистики о том, что концептуальная метафора не является семантически нейтральным инструментом: она всегда несет имплицитную аксиологическую нагрузку, укорененную в коллективном опыте лингвокультурного сообщества. В правовом русле это приобретает особую значимость, поскольку правовые тексты не только информируют, но и оказывают перлокутивное воздействие – формируют установки, легитимируют либо делегитимируют модели поведения.

Аффективный анализ проводится по параметрам: эмоциональная валентность; интенсивность аффекта; вторичные ассоциации; культурное соответствие (насколько метафора резонирует с базовыми ценностными ориентирами либо вступает с ними в диссонанс). Проиллюстрируем сказанное на примере правовой метафоры «стратегия национальной безопасности». Метафора характеризуется амбивалентной окраской при доминировании позитивного вектора. Компонент «стратегия» восходит к греческому στρατηγία («искусство полководца») [18] и активирует ассоциации рационального планирования, предвидения, профессионализма и контроля – позитивная валентность, редуцирующая тревожность. Компонент «безопасность» апеллирует к базовой потребности человека и вызывает положительную реакцию (защищенность, стабильность, отсутствие угрозы). Вместе с тем контаминация порождает скрытую негативную валентность: сама потребность в стратегии безопасности предполагает наличие опасности. Эта амбивалентность функциональна: она обеспечивает мобилизацию, не провоцируя состояния дезорганизации.

Интенсивность аффекта дифференцируется в зависимости от контекста. В стабильное время – низкая либо умеренная: метафора функционирует в режиме «фоновой» легитимации управления. В условиях реальной либо декларируемой угрозы интенсивность возрастает: метафора мобилизует коллективные защитные механизмы, тревога канализируется в лояльность, страх перед угрозой трансформируется в доверие к центру принятия решений. Вторичные ассоциации образуют несколько устойчивых линий:

– милитарная: стратегия → полководец → армия → оборона → военные действия. Легитимирует милитаризацию сознания и расширение компетенции силовых ведомств; безопасность концептуализируется прежде всего как военная;

– темпоральная: стратегия → долгосрочное планирование → горизонт прогнозирования → стабильность курса. Формирует ощущение предсказуемости будущего и запрос на сохранение существующего порядка;

– субъектная: стратегия → стратег → центр принятия решений → иерархия. Утверждает моносубъектную модель управления, маргинализируя горизонтальные формы организации; гражданское общество предстает объектом, а не субъектом;

– экзистенциальная: национальная безопасность → выживание нации → базовые ценности → идентичность. Активирует предельные смыслы и легитимирует экстраординарные меры в логике «чрезвычайного положения».

Культурное соответствие – исключительно высокое. Концепт безопасности занимает центральное место в российской политико-правовой ментальности: геополитическое положение, опыт многочисленных вторжений и протяженность границ сформировали устойчивую доминанту «оборонного сознания». Российская правовая культура традиционно делегирует функцию обеспечения безопасности государству как верховному субъекту, что исключает концепцию индивидуальной, общественной или муниципальной безопасности как автономных феноменов. Для традиции характерен мобилизационный тип развития [11, с. 4], при котором ресурсы концентрируются под эгидой г-ва, – метафора стратегии активирует именно этот сценарий. Институциональный критерий направлен на диагностику совместимости метафоры с действующей архитектурой правовых институтов. Методологическую основу составляет институциональная теория права, рассматривающая правовую систему не как совокупность изолированных норм, а как целостную структуру взаимосвязанных институтов – нормативно организованных социальных практик, обладающих собственной телеологией, процедурами и субъектным составом [22, 25, 26].

Метафора, внедряемая в язык права, неизбежно проецирует определенную институциональную модель: либо подтверждая и легитимируя существующие институты, либо предлагая альтернативу, либо, в случае конфликта, является деструктивной для системности правового мышления. Устанавливается, апеллирует ли метафора к реально существующему в правопорядке институту. Метафора признается референтной, если обозначаемый ею институт инкорпорирован в действующее право. Так, например, метафора «налоговый резидент» восходит к латинскому residens («сидящий на месте, пребывающий») [18], изначально обозначала лицо, постоянно проживающее на территории, то есть являлась метафорой пространственно-территориальной интеграции. В п. 2 ст. 207 НК РФ прямо закреплена легальная дефиниция: налоговым резидентом признается физическое лицо, фактически находящееся в РФ не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев. Обозначаемый метафорой институт инкорпорирован в действующее право, следовательно, метафора обладает полной институциональной референтностью.

С позиций институциональной компетенции оценивается, соответствует ли объем полномочий, имплицируемый метафорой, реальной компетенции института. Так, метафора «Конституционный Суд как негативный законодатель» восходит к концепции Г. Кельзена [23, с. 30–88], рассматривавшего орган конституционного контроля как участника законодательного процесса, действующего «с отрицательным знаком»: в отличие от парламента, который позитивно создает нормы, КС их устраняет, признавая неконституционные акты утратившими силу.

импликация метафоры	**реальная компетенция КС РФ**	**соответствие**
устранение нормы из системы	признание акта неконституционным (ч. 3 ст. 79 ФКЗ): акты утрачивают силу	соответствует
правотворческая функция	формально нормы не создает; осуществляется конституционный контроль	частично
дискреция, сопоставимая с законодателем	связан Конституцией и пределами проверки	не в полной мере
полный суверенитет в «отмене» акта	проверяет лишь акты, перечисленные в ст. 125 Конституции	ограниченно

Метафора демонстрирует частичное соответствие: ядро образа – способность элиминировать нормы – референтно корректно, но импликация статуса «законодателя» с самостоятельной дискрецией выходит за пределы реальных полномочий КС РФ, создавая риск гипертрофированной интерпретации его роли. Важным является установление, каким образом метафора стратифицирует институты относительно друг друга. Так, метафора «вертикаль власти» моделирует систему публичной власти как единую иерархическую конструкцию, в которой нижестоящие уровни подчинены вышестоящим, а вся конструкция восходит к федеральному центру.

Импликация метафоры	**нормативная организация публичной власти**	**соответствие**
подчинение региональной власти федеральной	органы власти субъектов самостоятельны вне пределов ведения РФ (ст. 73, 77 Конституции)	частично
прямая субординация губернаторов Президенту	глава субъекта – в системе единой публичной власти, но не подчинённый Президента	частично
единый управленческий каскад «сверху вниз»	сочетание федеративной децентрализации с единством системы	не в полной мере
включение органов МСУ в вертикаль	МСУ не входит в систему органов госвласти (ст. 12 Конституции)	не соответствует

Метафора акцентирует централизующий вектор и фиксирует объективно существующую тенденцию к иерархизации, однако редуцирует конституционно закрепленные координационные и децентрализационные начала, приписывая институтам отношения непосредственного административного подчинения.

В рамках институциональной процедуры определяется, имплицирует ли метафора процессуальный порядок функционирования института, коррелирующий с нормативно закрепленной процедурой.

За нормой ч. 1 ст. 7 УК РФ («Наказание... не может иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства») закреплена доктринальная метафора «гуманизация уголовного закона», имплицирующая последовательное «смягчение» деятельности законодателя и правоприменителя.

Импликация метафоры	**Закрепленная норма-гарантия**	**Соответствие**
Соразмерность наказания	Ч. 1 ст. 60 УК РФ – более строгий вид назначается, только если менее строгий не достигнет целей	Соответствует
Приоритет менее строгой меры	Ч. 1 ст. 60 УК РФ – принцип экономии уголовной репрессии	Соответствует
Обеспечение безопасности личности	Ст. 7, ч. 4 ст. 7 УПК РФ – законность, недопустимость незаконных доказательств	Соответствует
Недопустимость унижающих процедур	Ч. 2 ст. 9 УПК РФ – запрет унижения чести и достоинства	Соответствует

Утверждение или отрицание телеологической согласованности реализуется посредством определения тождественности целевой направленности, имплицируемой метафорой, нормативно определенному предназначению института. Так, например, метафора «объект преступления как ядро состава преступления» представляет объект уголовно-правовой охраны смысловым центром, вокруг которого организованы остальные элементы (объективная сторона, субъект, субъективная сторона).

Имплицируемая цель	**Нормативно определенное предназначение**	**Соответствие**
Приоритет охраняемого объекта как центра	Охрана прав и свобод, собственности, общественного порядка и др. (ч. 1 ст. 2	Соответствует

	УК РФ)	
Построение Особенной части вокруг объекта	Главы Особенной части сгруппированы по родовому объекту	Соответствует
Объект как основание криминализации	Ответственность лишь за деяние, посягающее на охраняемый объект (ст. 8, 14 УК РФ)	Соответствует

Метафора «ядра» адекватно репрезентирует нормативно определенное предназначение объекта преступления как системообразующего элемента механизма уголовно-правовой охраны. Таким образом, три критерия – семантический, аффективный и институциональный – образуют комплексную рамку, позволяющую диагностировать совместимость правовой метафоры с культурным кодом национальной правовой традиции. Семантический критерий вскрывает соответствие смыслового ядра метафоры культурному коду правового понятия; аффективный – ее эмоционально-психологическую резонантность; институциональный – совместимость с действующей архитектурой правовых институтов и скрытые запросы на институциональные преобразования. В совокупности они позволяют отличать метафоры, органично встраивающиеся в язык права национальной традиции, от образов, способных породить отторжение нормы либо когнитивный диссонанс, разрушительный для системности правового мышления.

Список литературы:

1.Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).
2.Баранов В.М., Власенко Н.А. Метафора в праве: методологическая опасность и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 11–19.
3.Батыршин Р.И. Семиотическая, культурологическая и теологическая парадигмы культурного кода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 135–142.
4.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
5.Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
6.Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Изд-во МГУ, 1972. 207 с.
7.Денисов С.И. Становление и эволюция категории «злоупотребление правом» в зарубежном законодательстве // Экономика. Социология. Право. 2017. № 2 (6). С. 90–96.
8.Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14 (с послед. изм. и доп.).
9.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 (с послед. изм. и доп.).
10. Лотман Ю.М. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 770 с.
11. Лубский Р.А. Мобилизационный социотип развития России: методология трансдисциплинарного исследования и социальная реальность // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11. С. 3–13.
12. Любимова О.Ю. Когнитивный подход к концептуальным метафорам и его применение при анализе сложных абстрактных понятий в юридическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 9 (864). С. 80–85.
13. Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральные законы от 31.07.1998 № 146-ФЗ (часть первая) и от 05.08.2000 № 117-ФЗ (часть вторая) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2000. № 32. Ст. 3340.
14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Изд. Т-ва МИР, 1916. 281 с.
15. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16 (с послед. изм. и доп.).
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
17. Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом: историко-теоретическое исследование // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1, ч. 1. С. 112–129.
18. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2007.

19. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
20. Шапошников А.К. (сост.) Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010. 582 с.
21. Ярощук И.А. Метафоры в праве: монография. М.: Норма, 2026. 156 с.
22. Hauriou Maurice. La science sociale traditionnelle. Paris: Larose, 1896. 432 p.
23. Kelsen H. Wesen und Entwicklung der Staatsgerichtsbarkeit // Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1929. H. 5. S. 30–88.
24. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. London: The University of Chicago Press, 2003. 193 p.
25. Romano Santi. L'ordinamento giuridico: Studi sul concetto, le fonti e i caratteri del diritto. Pisa: Spoerri, 1918. 202 p.
26. Weinberger Ota. Versuch einer Anwendung moderner Logik auf das juristische Denken. Berlin: Duncker & Humblot, 1970. 396 p.

Yaroshchuk A. l. Legal Metaphor and the Cultural Code of National Tradition // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 131-140.

The study focuses on the legal metaphor as a tool of legal technique and its connection with the cultural code of a national legal tradition. The relevance of the topic is determined by the increasing use of metaphors in the language of law, which raises the question of the limits of their admissibility from the perspective of the consistency and certainty of law. The aim of the work is to develop a methodology for assessing whether a legal metaphor aligns with the cultural code of a legal tradition. The study identifies the key features of a legal metaphor: functional orientation, transfer from a source domain to a target domain, potential for terminologization, and the existence of admissibility limits. The necessity of an interdisciplinary analysis of metaphor in religious-ethical, linguistic, and political-legal aspects is substantiated. A three-criteria methodology for evaluating a metaphor's compliance with the cultural code of a tradition has been developed: the *semantic criterion* correlates the semantic core of the metaphor with the invariant content of a legal concept; the *affective criterion* identifies the emotional and evaluative perception of the image; and the *institutional criterion* establishes the compatibility of the metaphor with the existing system of legal institutions. The proposed algorithm allows for distinguishing between metaphors that are organically integrated into the language of law and images that may cause rejection of a norm or lead to contradictions, which is significant for improving legal technique and the interpretation of evaluative categories.

Keywords: legal metaphor; cultural code; legal technique; conceptual metaphor; terminologization; semantic criterion; affective criterion; institutional criterion; legal tradition; interpretation of law.

Spisok literatury:

1.Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 15.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2026).
2.Baranov V.M., Vlasenko N.A. Metafora v prave: metodologicheskaya opasnost' i perspektivy // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 1 (45). S. 11–19.
3.Batyrshin R.I. Semioticheskaya, kul'turologicheskaya i teologicheskaya paradigmy kul'turnogo koda // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2025. Vyp. 4 (898). S. 135–142.
4.Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya): Federal'nyy zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 10.06.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 1994. № 32. St. 3301.
5.Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 14.11.2002 № 138-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2002. № 46. St. 4532.
6.Gribanov V.P. Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav. M.: Izd-vo MGU, 1972. 207 s.
7.Denisov S.I. Stanovlenie i evolyutsiya kategorii «zloupotreblenie pravom» v zarubezhnom zakonodatel'stve // Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo. 2017. № 2 (6). S. 90–96.
8.Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.2004 № 188-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 03.01.2005. № 1 (ch. 1). St. 14 (s posled. izm. i dop.).
9.Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 07.01.2002. № 1 (ch. 1). St. 1 (s posled. izm. i dop.).
10. Lotman Yu.M. Semiotika kul'tury v tartusko-moskovskoy semioticheskoy shkole // Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2002. 770 s.
11. Lubskiy R.A. Mobilizatsionnyy sotsiotip razvitiya Rossii: metodologiya transdistsiplinarnogo issledovaniya i sotsial'naya real'nost' // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2012. № 11. S. 3–13.
12. Lyubimova O.Yu. Kognitivnyy podkhod k kontseptual'nym metaforam i ego primenenie pri analize slozhnykh abstraktnykh ponyatiy v yuridicheskom diskurse // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. Vyp. 9 (864). S. 80–85.
13. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nye zakony ot 31.07.1998 № 146-FZ (chast' pervaya) i ot 05.08.2000 № 117-FZ (chast' vtoraya) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 31. St. 3824; 2000. № 32. St. 3340.

14. Pokrovskiy I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M.: Izd. T-va MIR, 1916. 281 s.
15. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.01.1996. № 1. St. 16 (s posled. izm. i dop.).
16. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 1996. № 25. St. 2954.
17. Usol'tsev E.Yu. Zloupotreblenie pravom: istoriko-teoreticheskoe issledovanie // Idei i idealy. 2021. T. 13. № 1, ch. 1. S. 112–129.
18. Fasmer Maks. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. 4-e izd., ster. M.: Astrel': AST, 2007.
19. Cherdantsev A.F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii: monografiya. M.:INFRA-M, 2012.320 s.
20. Shaposhnikov A.K. (sost.) Etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. M.: Flinta: Nauka, 2010. 582 s.
21. Yaroshchuk I.A. Metafory v prave: monografiya. M.: Norma, 2026. 156 s.
22. Hauriou Maurice. La science sociale traditionnelle. Paris: Larose, 1896. 432 p.
23. Kelsen H. Wesen und Entwicklung der Staatsgerichtsbarkeit // Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1929. H. 5. S. 30–88.
24. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. London: The University of Chicago Press, 2003. 193 p.
25. Romano Santi. L'ordinamento giuridico: Studi sul concetto, le fonti e i caratteri del diritto. Pisa: Spoerri, 1918. 202 p.
26. Weinberger Ota. Versuch einer Anwendung moderner Logik auf das juristische Denken. Berlin: Duncker & Humblot, 1970. 396 p.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 141-146.

УДК 34.01

ПРОИЗВОДНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ НОРМАТИВНОГО ОБОБЩЕНИЯ

Цуканова Е. Ю.
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В статье исследуется природа и функциональное значение производных юридических фактов в механизме правового регулирования. Обращается внимание на то, что производные юридические факты представляют собой результат нормативного обобщения, осуществляемого правотворческим органом, и выступают средством обобщения первичного фактического материала. В ходе анализа выявляется генетическая зависимость производных фактов от первичных обстоятельств, суммированных в результате нормативного обобщения. Кроме того, обосновывается их системообразующая роль в правовом регулировании. Рассматривается эволюция доктринальных подходов к делению юридических фактов на первоначальные и производные. Отмечается, что использование производных фактов не только обеспечивает экономию нормативного материала и компактность законодательного текста, но и выполняет систематизирующую функцию, связывая общие и особенные части правовых институтов, подотраслей, отраслей. Делается вывод о том, что производные юридические факты выступают важнейшим элементом оптимальной организации нормативного материала, придающим правовой системе внутреннюю согласованность и иерархическую упорядоченность.

Ключевые слова: производные юридические факты, нормативное обобщение, первичные юридические факты, систематизация, юридическая техника, кодификация, правовое регулирование, фактические составы.

Наиболее значимым критерием качественного законодательного текста, в особенности кодифицированных актов, выступает системность в изложении нормативного материала. Существуют различные способы достижения логической упорядоченности, одним из которых является нормативное обобщение как прием законодательной техники. При осуществлении нормативных обобщений законодатель абстрагируется от множества индивидуальных жизненных ситуаций, выявляет существенные признаки и на их основе формулирует обобщенное правовое понятие. Нормативное обобщение позволяет перейти от казуистического перечисления конкретных обстоятельств к оперированию емкими правовыми конструкциями. Такого рода деятельность является проявлением системного подхода в правотворчестве.

Использование нормативных обобщений находит свое выражение в различных классификациях правовых явлений. В частности, в настоящее время одной из таких устоявшихся в отечественной теории права классификаций является деление правоотношений на первоначальные и производные. Об этом еще в 70-е годы прошлого столетия писал Л.С. Явич: «Есть правоотношения, которые регулируют фактически существующий вид общественных отношений, и такие правоотношения, которые сами по себе (но опираясь на фактические обстоятельства) образуют особый вид отношений, без них вообще не существующий» [1, с. 224].

В основе данной дифференциации лежит критерий происхождения правовой связи, который напрямую предопределяет наличие и степень зависимости от фактических общественных отношений. Первичные правоотношения направлены на юридическое опосредование реально складывающихся общественных связей. Они направлены на обслуживание базовых, естественных потребностей людей. Отношения такого рода объективно возникают и развиваются в силу закономерностей общественного развития. Существование таких общественных взаимосвязей не зависит от соответствующего правового опосредования. Право в этом случае выступает как форма для реально существующих взаимосвязей и может только скорректировать их развитие в должном направлении. Даже в условиях отмены правового регу-

лирования данные фактические отношения исчезнуть не могут, поскольку обусловлены объективным развитием социума. Примером подобного рода служат большинство гражданских, семейных, трудовых и иных отношений, складывающихся независимо от того, признаны ли они правом и в какой форме закреплены.

Производные (вторичные) правоотношения образуются исключительно благодаря правовому оформлению. Их возникновение обусловлено действием юридических норм и вне права они не имеют самостоятельного фактического содержания. Наиболее ярким примером связей субъектов такого рода служат процессуальные правоотношения, которые существуют только благодаря юридическому опосредованию и только в правовой форме. В научной литературе обоснованно отмечается, что абсолютное большинство фактов процессуального права имеет производный характер, поскольку связаны с действиями суда и сторон, основанных на иных фактических обстоятельствах [2, с. 52].

Таким образом, основным критерием разграничения первичных и производных правоотношений выступает характер связи с фактическими отношениями, правовой формой которых они выступают. Аналогичный критерий может быть положен в основу деления юридических фактов на первичные и производные.

На начальном этапе зарождения идеи о делении юридических фактов на первоначальные и производные в большей мере имело отношение к процессуальной сфере, преимущественно к вопросам судебного доказывания. Это не случайно, поскольку именно в данном аспекте актуальным является установление производных фактов посредством доказывания первоначальных. Так, Ю.К. Осипов в середине 70-х годов XX в. применительно к указанной проблематике писал о том, что «правильней было бы подразделять юридические факты на первоначальные и производные, обозначая вторым термином все (вторичные, третичные и т.д.) юридические факты, обретающие свою силу от конкретных жизненных обстоятельств» [3, с. 172-173]. Представляется, что такой подход вполне справедлив и имеет значение не только применительно к области процессуального права. Просто в этом контексте данная проблематика и ее практическая значимость проявляются наиболее отчетливо.

В последующем позиция о возможности и необходимости выделения указанных видов юридических фактов была высказана уже на общетеоретическом уровне. В.Б. Исаков в исследовании, непосредственным предметом которого выступили юридические факты, приводя данную классификацию, поясняет: «В основе этого деления лежит содержание юридических фактов и их взаимоотношение между собой. В правовом регулировании нередко используются фактические обстоятельства, которые как бы надстраиваются над первичными юридическими фактами, представляют их обобщенное, систематизированное выражение» [4, с. 42].

Также ученый отмечает, что нормативное закрепление и использование производных фактов свидетельствует о довольно высокой степени зрелости структурного элемента системы права, а также качества законотворческой техники [4, с. 42-43]. Дело в том, что обобщения такого плана, как правило, являются результатом длительного эволюционного становления и развития. Их введение осуществляется с целью охватить единым термином множество однородных фактических ситуаций и избежать при этом казуистичности в изложении законодательного текста.

Между тем, при использовании производных юридических фактов имеется опасность утраты органичной связи с первичными обстоятельствами. Следовательно, необходимо, чтобы содержание производных фактов было четко и однозначно раскрыто в нормах права, а также предусмотрен соответствующий механизм контроля.

Объяснения производности такого плана правовых конструкций в дальнейшем встречаются и в работах иных ученых современного российского периода [5, с. 33; 6, с. 99]. В частности, Е.Н. Горюнова справедливо обращает внимание на то, что «в

правовом регулировании есть такие фактические обстоятельства, которые как бы пирамидальны над первичными юридическими фактами, представляя их обобщенное и систематизированное выражение» [6, с. 99]. Образная пирамидальность отражает иерархическую структуру правового регулирования, где вышестоящие факты охватывают нижестоящие. Кроме того, обращается внимание на относительность квалификации фактов в качестве первоначальных или производных. При определенных обстоятельствах одно и тоже фактическое обстоятельство может выступать в качестве одного либо другого вида. Это позволяет говорить о гибкости правового регулирования, а также его способности к адаптации применительно к особенностям различных правовых режимов.

При этом неизменно отмечается, что первичные факты выступают предпосылкой для возникновения новых фактов либо, соединяясь с ними в единый фактический состав, создают необходимые условия для динамики правоотношений, а именно их возникновению, изменению и прекращению. Сказанное обосновывается проявлениями системности как в последовательном развитии правоотношений, так и в основаниях их появления. В данном случае речь идет не только о хронологически зависимой, но также и содержательной последовательности. Зачастую ранее возникшее правоотношение для других в последующем имеет значение одного из элементов фактического состава, который законодателем провозглашается в качестве нового самостоятельного юридического факта.

Основываясь на тех же позициях, В.В. Ярков квалифицирует факт злоупотребления правом как производный (или вторичный), поскольку он «устанавливается судом на основе других юридических фактов» [7, с. 44-45]. Аналогичный подход прослеживается в трудах иных ученых [8, с. 24; 9, с. 14-15]. Вместе с тем, В.В. Ярков указывает и на иную функциональную составляющую производности, заключающуюся в экономии нормотворческих усилий. Видится справедливым суждение ученого о том, что «использование производных юридических фактов экономит место в нормативном акте, позволяет более сжато выражать заложенные в нем идеи законодателя, облегчает процесс правотворчества и последующую реализацию права» [10, с. 547]. Действительно, использование в тексте закона обобщения в виде производных юридических фактов дает возможность компактно излагать нормативный материал, что упрощает как сам процесс создания правовых норм, так и их последующую реализацию на практике. Сокращение объема законодательного текста не приводит к пробелам, поскольку при этом повышается информационная составляющая. Одно правовое понятие заменяет целый комплекс фактических предположений. В конечном итоге это способствует правовой определенности, облегчает правоприменителю поиск нужной нормы и толкование ее содержания.

Суммируя сказанное, следует отметить, что по своей правовой природе производные юридические факты представляют собой результат нормативного обобщения, осуществляемого правотворческим органом. Речь идет о своеобразном «сжатии» первичного фактического материала. Однако это не является механическим сокращением текста, поскольку множество разрозненных жизненных ситуаций группируются по существенным признакам, а их индивидуальные особенности отступают на второй план. Такая систематизация придает правовому регулированию не только компактность, но и внутреннюю логику, поскольку каждый производный факт оказывается встроенным в общую иерархию юридических понятий.

Вторичная природа производных юридических фактов предполагает их генетическую зависимость от тех фактических обстоятельств, которые предшествовали возникновению и выступили их фактической основой. Не случайно правоотношение, которое в определенных случаях может в совокупности с иными обстоятель-

ствами выступить в качестве фактического состава, в научной литературе квалифицируют как производный юридический факт [11, с. 36].

Такой способ формирования юридических фактов для целей правового регулирования представляет собой не что иное, как синтез предшествующих фактических предпосылок и обозначение общим термином. Именно в этом аспекте производность юридических фактов рассматривается нами как результат нормативного обобщения, то есть процесса, в ходе которого отдельные, частные жизненные ситуации сводятся к «единому знаменателю». Это позволяет избежать дублирования нормативного материала. Нормативное обобщение в наиболее широком смысле представляет собой выраженные в праве абстрактные положения (принципы, дефиниции, общие нормы), являющиеся результатом систематизации и обобщения конкретного нормативного материала. Они способствуют целостности и, как следствие, системности законодательного акта [12, с. 9-10].

Данное деление помогает систематизировать фактические обстоятельства и выстраивать их иерархию в механизме правового регулирования. Зачастую в процессе формирования производного юридического факта принимает участие уполномоченный субъект, задача которого заключается в официальном подтверждении ранее накопленного фактического состава и юридическом его закреплении.

В качестве примера можно привести факт безвестного отсутствия гражданина. Анализируя данное обстоятельство в качестве юридического факта, можно обнаружить два уровня обстоятельств. Первый уровень образуют реально и объективно существующие фактические условия, складывающиеся вне зависимости от правового воздействия. К их числу можно отнести факт длительного отсутствия лица в месте его жительства и отсутствие каких-либо сведений о нем, позволяющих установить его местонахождение. Второй уровень является следствием действий соответствующего юрисдикционного органа, а именно, суда, который выносит решение о признании лица безвестно отсутствующим (ст. 42 ГК РФ).

Официальное признание состояния безвестного отсутствия в качестве единого юридического факта возможно только после вынесения судебного акта. При этом указанные разрозненные фактические обстоятельства обретают юридическую завершенность и формируют единое правовое состояние. Оно, будучи производным юридическим фактом, включает в себя всю первичную фактическую основу. Это позволяет правоприменителю не возвращаться всякий раз к проверке обстоятельств отсутствия, а оперировать уже готовым правовым понятием, с которым норма права связывает определенные последствия (в частности, назначение опеки над имуществом, расторжение брака в упрощенном порядке, снятие с регистрационного учета и прочее). Иными словами, безвестное отсутствие является результатом обобщения комплекса жизненных обстоятельств, получая при этом в праве свое обобщенное обозначение. В дальнейшем юридическое значение имеет именно это обозначение, а не каждый из исходных фактов в отдельности.

Соответственно этому, вторичность предопределяется процессом формирования, поскольку они, обобщая и суммируя существенные признаки первичных фактических обстоятельств, позволяют в дальнейшем оперировать уже не единичными жизненными обстоятельствами, а обобщенными правовыми конструкциями. В конечном итоге, это позволяет законодателю избегать казуистического перечисления всех возможных первичных обстоятельств. Нормативное обобщение в этом плане выступает не просто приемом юридической техники, а способом конструирования самого юридического факта, придающим ему системообразующее значение в фактическом составе. Сказанное дает возможность для вывода о том, что иерархия юридических фактов в системе фактических обстоятельств служит основой для выработки общих правовых понятий. Последние, будучи результатом абстрагирования

от конкретных жизненных ситуаций, сами приобретают значение производных юридических фактов.

Подводя итоги проведенного анализа, можно говорить о том, что производные юридические факты следует рассматривать как результат нормативного обобщения, то есть целенаправленной деятельности законодателя по абстрагированию от многообразия первичных обстоятельств и конструированию обобщенных правовых понятий. Это дает основание к выводу о том, что производные юридические факты выступают в качестве одного из важнейших элементов оптимальной организации нормативного материала. Они выполняют функцию своеобразных «реперных точек», вокруг которых формируются нормативные предписания более частного характера. Однако преимущества использования производных юридических фактов в процессе формирования законодательства не исчерпываются только лишь техническими преимуществами. Их использование выполняет и систематизирующую функцию, поскольку посредством обобщений такого рода обеспечивается внутренняя согласованность нормативного массива. Абстрактное обобщенное понятие выступает связующим звеном между общей и особенной частями любого структурного правового подразделения (института, подотрасли, отрасли). С учетом этого, производные юридические факты одновременно решают как сугубо технические, так и системные задачи. Они способствуют экономии нормативного материала, а также структурной организации права. Это, безусловно, имеет существенное значение как для кодификационной работы, так и текущего правотворчества.

Применительно к теории юридических фактов использование нормативных обобщений позволяет выявить новые аспекты систематизации фактических обстоятельств, которые выполняют свое предназначение только в совокупности. Сказанное дает возможность не только оптимально описывать конкретную жизненную ситуацию, но также придает системе права внутреннюю согласованность и иерархическую упорядоченность. Понимание производных юридических фактов как итога нормативного обобщения позволяет более детально осмыслить динамику правового регулирования, поскольку использование абстрактных правовых конструкций способствует более эффективному и единообразному правоприменению.

Список литературы:

1. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 287 с.
2. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. – Москва: Статут, 2021. – 460 с.
3. Осипов, Ю. К. Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права / Ю. К. Осипов // Вестник гражданского процесса. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 166-180.
4. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. – М.: Юрид. лит., 1984. – 144 с.
5. Фаршатов, И. А. Производные правоотношения / И.А. Фаршатов // Государство и право. – № 2. – С. 28-34
6. Горюнова, Е. Н. Диалектика юридических фактов в системе правовых норм / Е. Н. Горюнова. – Белгород: Везелица, 2002. – 297 с.
7. Ярков, В. В. Доказывание злоупотребления процессуальным правом / В. В. Ярков // Закон. – 2022. – № 7. – С. 40-51.
8. Скуратовский, М. Л. Дополнение иска в арбитражном процессе - злоупотребление? / М.Л. Скуратовский // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 7. – С. 22-24.
9. Тарасов, И. Н. Злоупотребление в процессуальном праве на примере судебных расходов / И.Н. Тарасов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 7. – С. 14-15.
10. Ярков, В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе / В. В. Ярков. – Москва: Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.
11. Бабанова, Ю. В. Роль и функции юридических фактов в сфере финансовой деятельности государства / Ю.В. Бабанова // Финансовое право. – 2011. – № 12. – С. 34-36.
12. Цуканова, Е. Ю. Общие нормы как обязательный атрибут кодифицированного нормативного акта / Е. Ю. Цуканова, Д. М. Бакирова // Право и государство: теория и практика. – 2024. № 11(239). С. 8-11.

Tsukanova E.Yu. Derivative legal facts as a result of normative generalization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 141-146.

This article examines the nature and functional significance of derivative legal facts within the mechanism of legal regulation. It is noted that derivative legal facts represent the result of normative generalization carried out by the law-making body and serve as a means of generalizing primary factual material. The analysis reveals the genetic dependence of derivative facts on the primary circumstances summarized as a result of normative generalization. In addition, their system-forming role in legal regulation is substantiated. The evolution of doctrinal approaches to the division of legal facts into original and derivative is considered. It is noted that the use of derivative facts not only ensures the economy of normative material and compactness of the legislative text, but also performs a systematizing function, connecting the general and special parts of legal institutions, sub-branches, and branches of law. It is concluded that derivative legal facts constitute the most important element of the optimal organization of normative material, imparting internal consistency and hierarchical ordering to the legal system.

Keywords: derivative legal facts, normative generalization, primary legal facts, systematization, legal technique, codification, legal regulation, factual compositions.

Spisok literatury:

1. YAvich, L. S. Obshchaya teoriya prava / L. S. YAvich. – Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976. – 287 s.
2. Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva / D.B. Abushenko, K.L. Branovickij, S.K. Zagajnova i dr.; pod red. V.V. YArkova. – Moskva: Statut, 2021. – 460 s.
3. Osipov, YU. K. Elementy i stadii primeneniya norm sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava / YU. K. Osi-pov // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2024. – T. 14, № 3. – S. 166-180.
4. Isakov, V. B. YUridicheskie fakty v sovetskom prave / V.B. Isakov. – Moskva: YUrid. lit., 1984. – 144 s.
5. Farshatov, I. A. Proizvodnye pravootnosheniya / I.A. Farshatov // Gosudarstvo i pravo. – № 2. – S. 28-34
6. Goryunova, E. N. Dialektika yuridicheskih faktov v sisteme pravovyh norm / E. N. Goryunova. – Belgorod: Vezeli-ca, 2002. – 297 s.
7. YArkov, V. V. Dokazyvanie zloupotrebleniya processual'nym pravom / V. V. YArkov // Zakon. – 2022. – № 7. – S. 40-51.
8. Skuratovskij, M. L. Dopolnenie iska v arbitrazhnom processe - zloupotreblenie? / M.L. Skuratovskij // Arbit-razhnyj i grazhdanskij process. – 2023. – № 7. – S. 22-24.
9. Tarasov, I. N. Zloupotreblenie v processual'nom prave na primere sudebnyh raskhodov / I.N. Tarasov // Arbit-razhnyj i grazhdanskij process. – 2023. – № 7. – S. 14-15.
10. YArkov, V. V. YUridicheskie fakty v civilisticheskom processe / V. V. YArkov. – Moskva: Infotropik Media, 2012. – 608 s.
11. Babanova, YU. V. Rol' i funkcii yuridicheskih faktov v sfere finansovoj deyatel'nosti gosudarstva / YU.V. Baba-nova // Finansovoe pravo. – 2011. – № 12. – S. 34-36.
12. Cukanova, E. YU. Obshchie normy kak obyazatel'nyj atribut kodificirovannogo normativnogo akta / E. YU. Cuka-nova, D. M. Bakirova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 11(239). – S. 8-11.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 147-153.

5.1.2 Админка и конституционное

УДК 342.71

УТРАТА ГРАЖДАНСТВА КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ: ОСНОВАНИЯ, ПРОЦЕДУРЫ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗГРАЖДАНСТВА

Адельсеитова А. Б., Конопелько А.М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется институт утраты гражданства как сложное конституционно-правовое явление, находящееся на пересечении частных и публичных интересов. Анализируются конституционно-правовые основы прекращения гражданства Российской Федерации, рассматриваются основания и процедуры утраты гражданства в соответствии с Федеральным законом от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Особое внимание уделяется проблемам без гражданства (апатризма), возникающим в результате коллизий национальных законодательств, а также вопросам соответствия действующего правового регулирования конституционному принципу равенства граждан. Проводится сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта регулирования вопросов гражданства и безгражданства, в частности, практики Африканского суда по правам человека и народов, а также подходов к определению правового статуса лиц без гражданства в Российской Федерации и зарубежных странах. Обосновывается необходимость дальнейшей доктринальной и законодательной конкретизации критериев и процедур прекращения гражданства, направленной на обеспечение баланса между защитой национальной безопасности и сохранением конституционных гарантий прав личности. Предлагается введение единой категории «утрата гражданства» для систематизации законодательства и устранения терминологической неопределённости.

Ключевые слова: гражданство, утрата гражданства, прекращение гражданства, лишение гражданства, безгражданство, апатризм, конституционно-правовая ответственность, принцип равенства, национальная безопасность, денатурализация, правовой статус, зарубежный опыт.

В системе конституционного права ключевая роль принадлежит институту гражданства, так как именно посредством него оформляется стабильная юридическая взаимосвязь лица и государства. Указанная взаимосвязь не ограничивается формальным закреплением принадлежности - она раскрывается через корреспондирующие права и обязанности сторон, а также через возможность для индивида находиться под защитой государства, одновременно отвечая перед ним за исполнение установленных требований. Конституция РФ в ст. 6 закрепляет принципиальное положение: гражданство является единым и равным независимо от оснований приобретения, а гражданин не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Подобная гарантия подчёркивает особую значимость гражданства как неотъемлемой составляющей конституционно-правового положения личности. Одновременно с этим за последние годы правовое регулирование в рассматриваемой сфере подверглось заметной трансформации, вектор которой направлен на ужесточение контроля за процедурами приобретения и сохранения статуса гражданина. Это порождает необходимость теоретического осмысления института утраты гражданства, который до настоящего времени не получил однозначной правовой квалификации.

Терминологическая неопределённость является одной из ключевых проблем рассматриваемой сферы. В нормативных актах и научной литературе используются различные понятия: «выход из гражданства», «прекращение гражданства», «отмена решения о приёме в гражданство», «лишение гражданства», «утрата гражданства». Каждое из них имеет собственное юридическое содержание и влечёт разные правовые последствия. Так, выход из гражданства предполагает добровольное волеизъявление лица, тогда как прекращение гражданства по инициативе государства осу-

ществляется независимо от воли гражданина. Лишение гражданства как самостоятельная санкция Конституцией РФ запрещено, однако фактический результат применения некоторых мер, формально именуемых прекращением гражданства, может совпадать с лишением. Утрата гражданства представляет собой наиболее широкую категорию, охватывающую все случаи прекращения правовой связи с государством - как по воле лица, так и по решению уполномоченных органов. Использование единого понятийного аппарата позволило бы устранить противоречия в правоприменительной практике и обеспечить большую определённость правового регулирования [7, с. 97].

Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» закрепил институт прекращения гражданства, включив в него несколько групп оснований. Ст. 22 закона предусматривает прекращение гражданства вследствие добровольного волеизъявления гражданина; сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство, что может выражаться в совершении преступления, действий, создающих угрозу национальной безопасности, либо в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учёт; установления факта представления поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приёме в гражданство; а также иных оснований, предусмотренных международным договором [4]. Приведённый перечень свидетельствует о том, что законодатель существенно расширил возможности принудительного прекращения гражданства, распространив их на лиц, приобретших гражданство в результате приёма, признания или на основании международного договора. Лица, являющиеся гражданами по рождению, таким основаниям не подвержены, что создаёт объективное различие в правовом положении двух категорий граждан.

Основания прекращения гражданства в принудительном порядке принято разделять на две группы в зависимости от времени возникновения обстоятельств, послуживших основанием для такого решения. 1-ю группу образуют основания *ex ante* - обстоятельства, существовавшие до принятия решения о приёме в гражданство. К ним относится представление поддельных документов или заведомо ложных сведений, на основании которых было принято решение о приёме в гражданство. Вторую группу составляют основания *ex post* - обстоятельства, возникшие после приобретения гражданства. Это совершение преступления, совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности, а также неисполнение обязанности по воинскому учёту. Такое разграничение имеет практическое значение, поскольку для оснований ex ante закон устанавливает десятилетний пресекательный срок, по истечении которого прекращение гражданства по данному основанию не допускается, тогда как для оснований *ex post* подобный срок отсутствует, и гражданство может быть прекращено независимо от времени совершения соответствующего деяния [4].

Особого внимания заслуживает вопрос о правовой природе прекращения гражданства. Формально оно не является лишением гражданства в том смысле, который запрещён Конституцией, поскольку законодатель использует иную терминологию и указывает на восстановительный характер соответствующих мер. Однако для лица, утратившего статус гражданина, юридические последствия оказываются тождественными: оно лишается всего комплекса прав, гарантированных гражданам, и переходит в категорию иностранных граждан или лиц без гражданства. Изложенное позволяет квалифицировать прекращение гражданства в качестве меры конституционно-правовой ответственности, которая применяется в случае несоблюдения лицом законодательно закреплённых условий, касающихся получения и сохранения гражданства. Указанный вид ответственности обладает в рассматриваемой области

рядом специфических черт. Так, он реализуется не при всяком нарушении, а исключительно при совершении деяний, несовместимых со статусом гражданина и демонстрирующих отказ лица от принятого на себя обязательства следовать Конституции и действующему законодательству. Соответственно, применение такой меры должно сопровождаться достаточными процессуальными гарантиями, включая судебный контроль и возможность представления возражений [1, с. 123].

Процедурные аспекты прекращения гражданства урегулированы достаточно детально. По ст. 23 закона, заявление о выходе из гражданства подаётся совершеннолетним дееспособным гражданином в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел либо в дипломатическое представительство или консульское учреждение в зависимости от места нахождения. Выход из гражданства не допускается, если гражданин имеет не выполненное перед РФ обязательство, в отношении него осуществляется исполнительное производство, он привлечён в качестве обвиняемого по уголовному делу либо не имеет гражданства иностранного государства или гарантий его приобретения [4]. Последнее условие напрямую связано с проблемой безгражданства: законодатель стремится не допустить ситуации, при которой лицо, выходя из гражданства РФ, оказывается без какого-либо гражданства. Ст. 24 закона регулирует прекращение гражданства вследствие совершения преступления. Она содержит перечень составов преступлений, совершение которых влечёт прекращение гражданства, и устанавливает, что такое решение принимается независимо от времени совершения преступления и даты вынесения приговора. Копия вступившего в законную силу приговора направляется судом в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел в пятидневный срок [4].

Вопросы безгражданства приобретают особую значимость применительно к институту прекращения гражданства. Под безгражданством, или апатризмом, понимается ситуация, при которой лицо не состоит в гражданстве ни одного государства. В международном праве принято разграничивать апатризм de iure - когда в силу национального законодательства ни одно государство не признаёт лицо своим гражданином, - и апатризм de facto, при котором лицо юридически сохраняет гражданство, однако лишено возможности пользоваться защитой со стороны своего государства. Статус апатридов урегулирован Конвенцией о статусе апатридов 1954 года, согласно которой апатридом признаётся лицо, не рассматриваемое в качестве гражданина каким-либо государством в силу его закона [2, с. 501]. Конвенция о сокращении случаев безгражданства 1961 г. закрепляет дополнительные гарантии, призванные не допустить возникновения ситуаций, влекущих утрату лицом гражданства. Принцип предотвращения безгражданства отнесён и Европейской конвенцией о гражданстве к числу основополагающих начал, на которых должно строиться законодательство о гражданстве. В частности, прекращение гражданства признаётся недопустимым, если его следствием становится безгражданство, кроме случаев, когда гражданство было получено обманным путём, посредством сообщения недостоверных сведений либо сокрытия существенных фактов [2, с. 503].

Состояние безгражданства возникает, как правило, вследствие так называемых негативных коллизий национальных законодательств. Такие коллизии возможны, когда государство лишает лицо гражданства, а другое государство не предоставляет ему своего гражданства, либо когда лицо выходит из гражданства одного государства, не приобретая гражданства другого. В развитых правопорядках существует лишь ограниченное число случаев, при которых прекращение гражданства может повлечь безгражданство, и важнейшим из них является приобретение гражданства обманным путём. Российское законодательство в этом вопросе следует международным стандартам: выход из гражданства не допускается, если лицо не имеет иностранного гражданства или гарантий его приобретения. Однако принудительное

прекращение гражданства по основаниям, предусмотренным ст. 22 закона, таких гарантий не предполагает, что создаёт теоретическую возможность возникновения безгражданства. Данное обстоятельство требует дополнительного осмысления с точки зрения соответствия международным обязательствам РФи [2, с. 504].

Последствия безгражданства для личности носят выраженный негативный характер. Лицо без гражданства не имеет права на проживание на территории какого-либо государства, не может пользоваться дипломатической защитой, лишено права на политическое участие, ограничено в доступе к социальным и экономическим правам. Государство, в свою очередь, также заинтересовано в минимизации случаев безгражданства, поскольку наличие значительной группы лиц, не охваченных устойчивой юрисдикцией, создаёт предпосылки для социальной напряжённости и затрудняет реализацию миграционной политики. Именно поэтому принцип предотвращения безгражданства рассматривается как общепризнанная норма международного права, а его реализация в национальном законодательстве - как показатель приверженности государства правозащитным стандартам [2, с. 505].

В контексте проблемы безгражданства особого внимания заслуживает правовой статус лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность. Как отмечают В. А. Зайцев и М. В. Чистюхина, отсутствие документов не всегда тождественно отсутствию гражданства. Лицо может быть гражданином государства, но не иметь подтверждающих это документов, что создаёт значительные трудности в реализации его прав. В то же время апатриды, не имея гражданства ни одного государства, оказываются в наиболее уязвимом положении, поскольку их правовой статус определяется исключительно законодательством страны пребывания.

В РФ правовое положение апатридов регулируется Федеральным законом от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно п. 10 ст. 4 Закона о гражданстве, лицо без гражданства определяется как «лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства». Однако, как справедливо отмечают исследователи, отсутствие комплексного правового регулирования статуса таких лиц, особенно при отсутствии у них документов, удостоверяющих личность, приводит к их фактическому исключению из сферы действия публичного и частного права, что сводит практически к нулю их адаптацию и интеграцию в общество [8, с. 378–381].

Ещё один аспект рассматриваемой проблемы связан с конституционным принципом равенства граждан. Конституция РФ закрепляет равенство граждан независимо от оснований приобретения гражданства. Это означает, что объём прав и обязанностей, а также гарантии их реализации не должны различаться в зависимости от того, приобрёл ли человек гражданство по рождению или в результате приёма. Между тем действующее законодательство фактически устанавливает различие: лица, приобретшие гражданство в результате приёма, признания или на основании международного договора, могут быть лишены своего статуса по основаниям, предусмотренным ст. 22 закона, тогда как граждане по рождению такой возможности не подвержены. Такое различие имеет объективное основание - необходимость проверки законности приобретения гражданства, - однако его последствия нуждаются в дополнительной оценке с точки зрения соразмерности и справедливости. Если риск утраты статуса сконцентрирован исключительно в одной категории граждан, это может восприниматься как создание «граждан второго сорта», что противоречит духу конституционных гарантий [5, с. 19].

С проблемой равенства тесно связан вопрос о терминологической ясности. Ис-

пользование различных понятий для обозначения сходных по своим последствиям процедур затрудняет понимание правового регулирования и создаёт почву для противоречивой правоприменительной практики. Представляется, что введение единой категории «утрата гражданства», охватывающей все случаи прекращения правовой связи с государством, позволило бы систематизировать законодательство и обеспечить более чёткое разграничение добровольных и принудительных процедур. При этом важно, чтобы основания принудительной утраты гражданства были сформулированы максимально определённо, а их применение сопровождалось эффективными процессуальными гарантиями. Оценочные категории, такие как «действия, создающие угрозу национальной безопасности», нуждаются в конкретизации, поскольку их неопределённость создаёт риск произвольного применения [6, с. 68].

Анализ зарубежного опыта представляет значительный интерес для совершенствования российского законодательства о гражданстве. В частности, показательным является опыт Африканского суда по правам человека и народов, который в своей практике неоднократно рассматривал дела, связанные с нарушением права на гражданство. Как отмечают К. Ю. Татаринцев и П. П. Ланг, институт гражданства в Африке сталкивается с серьёзными вызовами, обусловленными колониальным прошлым, миграционными процессами и несовершенством национальных законодательств. Африканский суд, учреждённый в соответствии с Протоколом к Африканской хартии прав человека и народов, играет важную роль в защите прав лиц, столкнувшихся с угрозой утраты гражданства или безгражданства.

В частности, в деле Анюдо Очиенг Анудо против Танзании (2018 г.) Суд постановил, что государство-ответчик произвольно лишило заявителя танзанийского гражданства, нарушив ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, и обязал государство внести изменения в законодательство, предоставив лицам средства судебной защиты в случае споров об их гражданстве. В деле Роберт Джон Пеннесис против Танзании Суд также признал нарушение права на гражданство и обязал государство немедленно освободить заявителя из тюрьмы и выплатить ему компенсацию. В деле Кеннеди Гихана и другие против Республики Руанда Суд признал произвольный отзыв паспортов нарушением права на свободу передвижения и участие в политической жизни, обязав государство восстановить паспорта заявителей [9, с. 417–420]. Приведённые примеры демонстрируют, что эффективная судебная защита права на гражданство возможна даже в условиях ограниченного признания юрисдикции международных судов. Однако, как справедливо отмечают исследователи, лишь 8 из 34 государств-участников Африканского союза признали юрисдикцию Суда в отношении индивидуальных жалоб, что существенно ограничивает возможности лиц по защите своих прав. Этот опыт может быть полезен для РФ в контексте обсуждения вопроса о расширении судебного контроля за решениями о прекращении гражданства.

Сравнительно-правовой анализ правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в России и зарубежных странах, проведённый Н. С. Савиловой, показывает, что в большинстве государств применяется национальный режим, предполагающий равный статус с гражданами страны пребывания, за исключением ограничений, установленных национальным законодательством. В РФ, согласно ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором. Однако, как отмечает автор, объём правоспособности апатридов и иностранных граждан всё же является сокращённым по сравнению с гражданами России. Это связано с необходимостью защиты суверенитета государства от иностранного влияния. При этом в отношении апатридов такие ограничения не всегда имеют объективное обоснование, поскольку

они не связаны с другим государством политико-правовой связью. Данное обстоятельство требует дополнительного осмысления с точки зрения принципа равенства и справедливости [10, с. 271–275].

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Институт утраты гражданства представляет собой сложное правовое явление, в котором сочетаются публичные интересы государства и частные интересы личности. Действующее законодательство предусматривает широкий перечень оснований прекращения гражданства, включая как добровольный выход, так и принудительные меры, применяемые к лицам, приобретшим гражданство в результате приёма, признания или на основании международного договора. Расширение оснований прекращения гражданства усиливает защитную функцию государства в сфере национальной безопасности, но одновременно обостряет вопросы соответствия таких мер конституционному принципу равенства и международным стандартам в области прав человека. Проблема безгражданства сохраняет актуальность, поскольку принудительное прекращение гражданства не всегда сопровождается гарантиями приобретения иного гражданства, что создаёт теоретическую возможность возникновения ситуаций, при которых лицо оказывается вне гражданства какого-либо государства. Для устранения выявленных противоречий необходима дальнейшая законодательная работа, направленная на уточнение понятийного аппарата, конкретизацию оснований принудительного прекращения гражданства и усиление процессуальных гарантий прав личности. Особого внимания заслуживает вопрос о введении единого института утраты гражданства, применение которого было бы в равной степени предсказуемым для всех категорий граждан и исключало бы произвольное ограничение права на гражданство. Зарубежный опыт, в частности практика Африканского суда по правам человека и народов, демонстрирует важность эффективного судебного контроля за решениями о гражданстве и необходимость обеспечения равного доступа к правосудию для всех лиц, независимо от их статуса.

Список литературы:

1.Коновалов Д. Д. Прекращение гражданства как мера конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 3. С. 120–132.

2.Трифонова (Казарян) К. В., Трифонов С. Н. Безгражданство как конституционно-правовой статус // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 501–508.

3.Росенко М. И. Гражданство Российской Федерации: трансформация правовых механизмов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 38–46.

4.Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «О гражданстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

5.Кулакова Е. В. О конституционном принципе равенства граждан и новеллах института прекращения гражданства Российской Федерации // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 1. С. 18–22.

6.Баринов Э. Э., Туров С. С. Прекращение гражданства Российской Федерации как форма денатурализации: конституционно-правовые пределы и вызовы национальной безопасности // Образование и право. 2026. № 1. С. 64–70.

7.Червонюк В. И., Казакова В. Л. Утрата гражданства: лингвистический (текстуальный), телеологический и формально-юридический анализ законодательства современных государств // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4. С. 96–104.

8.Зайцев В. А., Чистюхина М. В. Особенности правового статуса лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 378–381.

9.Татаринцев К. Ю., Ланг П. П. Правоприменительная практика Африканского суда по правам человека и народов в отношении вопросов гражданства: особенности и вызовы // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 417–420.

10. Савилова Н. С. Правовой статус иностранного гражданина и лица без гражданства в РФ и зарубежных странах // Научные известия. 2022. № 26. С. 271–275.

Adelseitova A. B., Konopelko A.M. Loss of citizenship as a constitutional and legal institution:

grounds, procedures and problems of statelessness // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 147-153.
The article examines the institution of loss of citizenship as a complex constitutional and legal phenomenon at the intersection of private and public interests. The constitutional and legal foundations of termination of citizenship of the Russian Federation are analyzed, the grounds and procedures for loss of citizenship in accordance with Federal Law No. 138-FZ of 28.04.2023 "On Citizenship of the Russian Federation" are considered. Special attention is paid to the problems of statelessness (apatridism) arising from conflicts of national legislations, as well as issues of compliance of current legal regulation with the constitutional principle of equality of citizens. A comparative legal analysis of foreign experience in regulating citizenship and statelessness is conducted, in particular, the practice of the African Court on Human and Peoples' Rights, as well as approaches to determining the legal status of stateless persons in the Russian Federation and foreign countries. The need for further doctrinal and legislative concretization of criteria and procedures for termination of citizenship, aimed at ensuring a balance between the protection of national security and the preservation of constitutional guarantees of individual rights, is substantiated. The introduction of a unified category of "loss of citizenship" is proposed to systematize legislation and eliminate terminological uncertainty.

Keywords: citizenship, loss of citizenship, termination of citizenship, deprivation of citizenship, statelessness, apatridism, constitutional and legal responsibility, principle of equality, national security, denaturalization, legal status, foreign experience.

Spisok literatury:

1.Konovalov D. D. Prekrashchenie grazhdanstva kak mera konstitutsionno-pravovoy otvetstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2024. № 3. S. 120–132.
2.Trifonova (Kazaryan) K. V., Trifonov S. N. Bezgrazhdanstvo kak konstitutsionno-pravovoy status // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5 (71). № 4. S. 501–508.
3.Rosenko M. I. Grazhdanstvo Rossiyskoy Federatsii: transformatsiya pravovykh mekhanizmov // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75). № 4. S. 38–46.
4.Federalnyy zakon ot 28.04.2023 № 138-FZ (red. ot 26.06.2026) «O grazhdanstve Rossiyskoy Federatsii» // Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: http://pravo.gov.ru.
5.Kulakova E. V. O konstitutsionnom printsipe ravenstva grazhdan i novellakh instituta prekrashcheniya grazhdanstva Rossiyskoy Federatsii // Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal. 2024. № 1. S. 18–22.
6.Barinov E. E., Turov S. S. Prekrashchenie grazhdanstva Rossiyskoy Federatsii kak forma denaturalizatsii: konstitutsionno-pravovye predely i vyzovy natsionalnoy bezopasnosti // Obrazovanie i pravo. 2026. № 1. S. 64–70.
7.Chervonyuk V. I., Kazakova V. L. Utrata grazhdanstva: lingvisticheskiy (tekstualnyy), teleologicheskiy i formalno-yuridicheskiy analiz zakonodatelstva sovremennykh gosudarstv // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2024. № 4. S. 96–104.
8.Zaytsev V. A., Chistyukhina M. V. Osobennosti pravovogo statusa lits, ne imeyushchikh dokumentov, udostoveryayushchikh lichnost i grazhdanskuyu prinadlezhnost // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 8. S. 378–381.
9.Tatarintsev K. Yu., Lang P. P. Pravoprimenitelnaya praktika Afrikanskogo suda po pravam cheloveka i narodov v otnoshenii voprosov grazhdanstva: osobennosti i vyzovy // Agrarnoe i zemelnoe pravo. 2025. № 6. S. 417–420.
10. Savilova N. S. Pravovoy status inostrannogo grazhdanina i litsa bez grazhdanstva v RF i zarubezhnykh stranakh // Nauchnye izvestiya. 2022. № 26. S. 271–275.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 154-157.

УДК 343.8

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ

Бармашов В. И.

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России)

В научной статье проводится анализ практики применения постпенитенциарной пробации в России. Приоритетной мерой социальной поддержки для лиц, отбывших наказания в исправительных учреждениях и центрах, выступает содействие в трудоустройстве. В тоже время помощь в получении документов, медико-психологическая помощь, получение образовательных услуг, слабо востребованы среди лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, что противоречит распространенному мнению о том, что у бывших осужденных к лишению свободы и принудительным работам отсутствуют социально-коммуникативные навыки. Сформулирован вывод, что постпенитенциарная пробация не имеет существенных отличий от исполнительной пробации, в результате чего предлагается их объединение в один вид. Дается новое более широкое определение исполнительной пробации. В завершении отмечается, что возложение на уголовно-исполнительные инспекции задач по применению постпенитенциарной и исполнительной пробации со временем может привести к необходимости выделения нового вида учреждений уголовно-исполнительной системы – центров помощи осужденным и лицам, отбывшим наказания, и находящимся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: пробация, центр пробации, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, осужденный, уголовно-исполнительная инспекция.

В результате длительной изоляции от общества лицам, отбывшим наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, может потребоваться ресоциализация (правовые и психолого-педагогические мероприятия), социальная адаптация (содействие в поиске работы и решении бытовых вопросов) и социальная реабилитация (восстановление прежних социальных ролей и связей).

В целях удовлетворения этих потребностей с 1.01.2025 г. для лиц, освобожденных из исправительных учреждений и центров, и столкнувшихся с жизненными трудностями, применяется постпенитенциарная пробация – система мер, направленных на их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию [1]. Постпенитенциарная пробация предоставляется в заявительном порядке. В 2025 г. за мерами социальной поддержки обратилось 10884 чел. (8,34% от общего количества имеющих право на обращение), включая 8979 . освободившихся из мест лишения свободы и 1905 чел., отбывших наказания в исправительных центрах.

В обращениях лиц, отбывших наказания в виде лишения свободы и принудительных работ, отражалась необходимость: оказания содействия в трудоустройстве (85% заявлений); получения пособия по безработице (25,9% заявлений); консультирования по социальным и правовым вопросам (11,1 % заявлений); предоставления временного места пребывания (10,9 % заявлений); получения государственной социальной помощи по социальному контракту (6,9 % заявлений); получения документов, необходимых для реализации своих прав (4,2 % заявлений); получения медицинской помощи (4,8 % заявлений); получения профессионального образования, повышения квалификации, профессиональной переподготовки (4,2 % заявлений); психологической помощи (3,8 % заявлений) [2].

Анализируя статистические данные, можно заметить, что большинство представляемых заявлений включали необходимость оказания содействия в трудоустройстве, и только каждому десятому лицу потребовалось временное место проживания. Из этого следует вывод, что лица, освобождающиеся из учреждений, исполняющих наказания, в основной массе имеют место жительства, но не могут подобрать себе работу в условиях быстро развивающегося рынка труда и наличия судимости. Реже всего бывшие осужденные обращались за

содействием в получении документов, медицинской и психологической помощью, получении образовательных услуг. Предполагаем, что работа, проводимая администрациями исправительных учреждений и центров по исправлению осужденных, формирует у них базовые знания о жизни общества за пределами мест содержания, а «отрядный» образ жизни позволяет осужденным обмениваться актуальной информацией между собой. Кроме того, ключевые документы осужденных (паспорт РФ, СНИЛС, полис ОМС и др.), необходимые для реализации прав гражданина, восстанавливаются учреждениями, исполняющими наказания, еще в период отбывания наказания.

Одной из особенностей постпенитенциарной пробации является ее комплексный характер, обеспечиваемый контролем со стороны уголовно-исполнительных инспекций, которые для оказания всесторонней поддержки нуждающимся лицам взаимодействуют со множеством государственных и общественных организаций: Социальным фондом РФ, органами местного самоуправления, полицией, службами занятости населения, центрами пробации, средствами массовой информации, образовательными, медицинскими, религиозными организациями. Для реализации мероприятий постпенитенциарной пробации работниками уголовно-исполнительных инспекций привлекаются психологи, психотерапевты, наркологи [3, с. 116], специалисты по социальной и реабилитационной работе, работники службы занятости населения и другие лица. Короп В.О. даже вводит в оборот понятие «технология постпенитенциарной пробации», под которой понимает «воплощение идей комплексного подхода в социальной работе» [4, с. 144]. Матвеева О.С. справедливо считает целесообразным «изучать уставные документы взаимодействующих с уголовно-исполнительными инспекциями субъектов, в которых не должно быть завуалировано противоправной деятельности» [5, с. 208]. Это взаимодействие должно быть не для «галочки», а отвечать запросам обращающихся лиц.

Нефедова Т.А. отмечает, что «нередко суды применяют в отношении лиц, освободившихся из исправительных учреждений, административный надзор, который устанавливает ряд ограничений. К примеру, обязанность регулярно сообщать о своем местонахождении, проживать по указанному адресу, что создает преграды для социальной адаптации, предусмотренной постпенитенциарной пробацией» [6, с. 168]. В действительности нам видится, что мероприятия постпенитенциарной пробации должны быть синхронизированы с предписаниями административного надзора. Бывший осужденный должен какое-то время оставаться под контролем со стороны правоохранительных органов, в результате чего для уголовно-исполнительных инспекций создается дополнительный канал связи об успешности проведения мероприятий постпенитенциарной пробации.

Согласно Федеральному закону от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», кроме постпенитенциарной пробации, существует также исполнительная пробация, применяющаяся к лицам, отбывающим наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества (обязательные и исправительные работы, ограничение свободы и др.). Оба вида пробации исполняются уголовно-исполнительными инспекциями, и в целом, схожи по содержанию, за исключением сроков проведения и категорией лиц, которым оказывается содействие.

Здесь следует обозначить несколько вопросов: 1) почему срок применения постпенитенциарной пробации не может превышать один год с момента начала реализации индивидуальной программы, а срок исполнительной пробации и вовсе ограничен периодом отбывания наказания? Возможно, будет правильнее установить предельный срок применения обеих пробаций, зависящий от конкретного вида наказания – до снятия или погашения судимости? 2) Действительно ли существуют серьезные различия в подходах сотрудников уголовно-исполнительных инспекций к

выбору мер по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, нуждающихся в применении как исполнительной, так и постпенитенциарной пробации? Нам видится, они идентичны. 3) Почему обращаться за помощью в центры пробации могут только лица, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация [1]? Дворянсков И.В. справедливо отмечает, что «центры пробации не являются самостоятельным субъектом пробации, а выступают лишь одним из инструментов ее реализации» [7, с. 183]. Предполагаем, что осужденные, в отношении которых применяется исполнительная пробация, также могут нуждаться во временном жилье в центре пробации.

По нашему мнению, все лица, к которым уголовно-исполнительные инспекции применяют меры пробации, должны иметь равные возможности в получении социальной поддержки. В связи с этим постпенитенциарную и исполнительную пробацию предлагается объединить в один вид пробации, «исполнительную пробацию», под которой понимать *«вид пробации, представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера».* В научном обществе оба вида пробации обычно рассматривают также вместе [8; 9], а в Федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» правам и обязанностям уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнительной и постпенитенциарной пробации, правам и обязанностям лиц, в отношении которых применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация посвящена отдельная гл. 6 [1].

В завершении отметим, что введение института постпенитенциарной пробации в 2025 г. привело к увеличению нагрузки на уголовно-исполнительные инспекции, которые всего годом ранее приобрели опыт применения исполнительной пробации. Очевидно, что и уровень подготовленности кадров уголовно-исполнительной системы, осуществляющих работу с различными категориями граждан, должен быть выше. Мы становимся свидетелями расширения границ деятельности уголовно-исполнительных инспекций, находящихся уже далеко за пределами процесса исполнения уголовных наказаний. Фактически функционал уголовно-исполнительных инспекций со временем может быть раздут настолько, что возникнет потребность в выделении нового вида учреждений уголовно-исполнительной системы – центров помощи осужденным и лицам, отбывшим уголовное наказание, и оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Интересно мнение Рябовой О.А. и Рябова П.Р., которые смотрят еще дальше и считают «необходимым создание единой государственной службы пробации, которая полностью возьмет на себя функции по реализации пробации на территории РФ, включая полномочия и мероприятия по принятию и обработке заявлений от осужденных, составлению программы пробации, осуществлению взаимодействия с государственными, муниципальными органами, органами социальной защиты, органами службы занятости, непосредственному исполнению программ пробации и дальнейшему патронату» [10, с. 368].

Список литературы:

1. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 03.09.2026).
2. Обзор ФСИН России о реализации мероприятий по внедрению пенитенциарной пробации в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за 2025 год // официально не опубликован.

3. Кандабарова Т. С. Постпенитенциарная пробация в отношении наркозависимых осужденных // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты. Материалы международного научно-практического семинара. Красноярск, 2025. С. 113 – 116.
4. Короп В. О. Постпенитенциарная пробация как технология социальной работы с лицами, освободившимися из исправительных учреждений Российской Федерации // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Бурятия.Улан-Удэ,2023.С.143– 144.
5. Матвеева О. С. Профессиональное взаимодействие сотрудников исправительных учреждений в постпенитенциарный период пробации // Пенитенциарная наука: дискуссионные вопросы теории и практики. сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава ВИПЭ ФСИН России : в 2 ч. Вологда, 2024. С. 205 – 209.
6. Нефедова Т. А. Постпенитенциарная пробация и проблемы ее реализации в России // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции. Симферополь. 2025. С. 165 – 169.
7. Дворянсков И. В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 2 (66) С. 179 – 186.
8. Калинина А. А. Организация воспитательной работы с лицами, в отношении которых применяется исполнительная и постпенитенциарная пробация // XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина. Сборник материалов. Пермь, 2025.
9. Кривенцева С. М. Исполнительная и постпенитенциарная пробация // Флагман науки. 2024. № 6 (17). С. 683-684.
10. Рябова О.А., Рябов П.Р. Постпенитенциарная пробация в РФ и проблемы ее реализации // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 366 – 369.

Barmahov V.I., Problems of the use of post-penitential probation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 154-157.

The scientific article analyzes the practice of applying post-penitential probation in Russia. A priority measure of social support for persons who have completed their sentences in correctional institutions and centers is assistance in employment. At the same time, assistance in obtaining documents, medical and psychological assistance, obtaining educational services are poorly in demand among persons in respect of whom post-penitential probation is applied, which contradicts the widespread opinion that former prisoners to imprisonment and forced labor do not have social and communication skills. The conclusion is formulated that post-penitential probation does not have significant differences from executive probation, as a result of which it is proposed to combine them into one form. In this regard, a new broader definition of executive probation is given. In conclusion, it is noted that the imposition on the criminal executive inspectorates of tasks for the use of post-penitentiary and executive probation over time may lead to the need to allocate a new type of institution of the criminal executive system - centers for helping prisoners and persons who have served their sentences and are in difficult life situations.

Keywords: probation, probation center, resocialization, social adaptation, social rehabilitation, prisoner, criminal executive inspection.

Spisok literatury:

1. On probation in the Russian Federation: Federal law of 06.02.2023 No. 10-FZ [electronic resource] // Access from the ConsultantPlus legal system. (accessed on: 03.09.2026).
2. Review of the FPS of Russia on the implementation of measures to introduce penitentiary probation in the activities of institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation for 2025 // not officially published.
3. Kandabarova T. S. Post-penitential probation in relation to drug addicted prisoners // Countering the drug threat at the present stage: legal and socio-humanitarian aspects. Materials of the international scientific and practical seminar. Krasnoyarsk, 2025. S. 113-116.
4. Korop V. O. Post-penitentiary probation as a technology of social work with persons released from correctional institutions of the Russian Federation//Forms and methods of social work in various spheres of life. materials of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude, 2023. S. 143-144.
5. Matveeva O. S. Professional interaction of correctional officers in the post-penitentiary period of probation//Penitentiary science: discussion issues of theory and practice. collection of scientific works of the teaching staff of the VIPE FSIN of Russia: at 2 o'clock Vologda, 2024. S. 205-209.
6. Nefedova T. A. Post-penitential probation and the problems of its implementation in Russia // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions. Collection of articles on the results of the IV international scientific-practical conference. Simferopol. 2025. S. 165-169.
7. Dvoryanskov I.V. Post-penitential probation: conceptual principles // Penitentiary science.2024.T.18.No.2.
8. Kalinina A. A. Organization of educational work with persons in respect of whom executive and post-penitential probation is applied//XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin. Collection of materials. Perm, 2025
9. Krivenceva S. M. Executive and post-penitential probation//Flagship of science. 2024.№6(17).S.683-684.
10. Ryabova O.A., Ryabov P.R. Post-penitential probation in the Russian Federation and the problems of its implementation // Agrarian and land law. 2024. № 10 (238). S. 366-369..

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 158-166.

УДК 346.52

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Бекирова Э. Э., Цепенникова К. А.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы проблемы и перспективы развития института государственно-частного партнерства. Определено, что государственно-частное партнерство является эффективным механизмом реализации баланса частных и публичных интересов в предпринимательской деятельности. Выявлено, что несовершенство действующего законодательства усложняет достижение единообразия в практике реализации проектов в рамках государственно-частного партнерства, при этом достижение единообразия правоприменительной практики в данной сфере является основой, эффективности реализации проектов государственно-частного партнерства и минимизации числа судебных споров между публичным и частным партнерами. Анализ научных исследований позволил обобщить и выделить ряд проблем, связанных с развитием института государственно-частного партнерства на которые указывают большинство исследователей, к их числу относятся: наличие пробелов и коллизий в законодательной регламентации исследуемых общественных отношений; недостаточность информационного обеспечения публичных и частных субъектов; отсутствие заинтересованности должностных лиц в реализации проектов, посредством государственно-частного партнерства. Аргументированы рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере, улучшению институциональной среды и повышению эффективности взаимодействия между государством и бизнесом. Определено, что наиболее оптимальной будет являться такая модель распределения рисков, при которой государством обеспечивается возврат вложенных средств инвестору, при этом доходность не гарантируется, что будет стимулировать частного партнера к более эффективной реализации и управлению проектом.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инвестирование, национальная идея, национальная безопасность, инфраструктура, социально-значимые проекты, концессия, риск, инвестор, модернизация, научно-технический прогресс. инвестиционный проект, концессия, концессионные соглашения.

Государственно-частное партнерство является эффективным механизмом реализации баланса частных и публичных интересов в предпринимательской деятельности. Государственно-частное партнерство представлено в качестве взаимодействия государства публично-правовых лиц и субъектов хозяйствования различной организационной формы, направленного на реализацию экономической политики государства, развития экономики путем сотрудничества и консолидации ресурсов, дифференциации рисков, взаимной ответственности, социальной ориентированности бизнеса путем реализации социально значимых проектов. Изучению государственно-частного партнерства посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных правоведов и экономистов. Тем не менее, действующая практика и законодательство в значительной мере отстают от доктрины. Указанное, приводит к снижению эффективности взаимодействия государства и бизнеса в сфере реализации инфраструктурных проектов, обладающих особой общественной значимостью, поскольку необходимы для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения, а также прав и свобод, гарантированных Конституцией.

В сентябре 2024 г. в пленарном заседании Восточного экономического форума Президент России В. В. Путин заявил, что совершенствование отраслевого законодательства и механизма его реализации, является обязательным условием развития государственно-частного партнерства, а также призвал обеспечить прозрачность и справедливое распределение рисков между партнерами [1].

Ряд отечественных исследователей в области экономической теории утверждают, начиная с 2014 г., наблюдается спад российской экономики, что является детерминирующим фактором, способным активизировать процесс развития государ-

ственно-частного партнерства [2, с. 36]. Не можем не согласиться с данным утверждением, поскольку указанный вопрос все чаще выступает в качестве темы для обсуждения как в научных кругах, так и на государственном уровне.

В 2008 г. Постановлением Правительства РФ утверждена Концепция социально-экономического развития до 2020 г., которая закрепляла расширение частного инвестирования в государственные проекты в качестве приоритетного направления развития российской экономики, последующим программным документом явилась Концепция социально-экономического развития РФ до 2030 г., в данных прогнозных документах были заложены основы развития экономики в долгосрочной перспективе [3]. По нашему мнению, приоритетность развития частного инвестирования в условиях рыночной экономики не вызывает сомнения. К сожалению, разразившийся в 2008 г. мировой экономический кризис кардинально изменил первоначальные условия, на которых была заработана концепция. В период с 2011 по 2012 г. эксперты Высшей Школы Экономики и РАНХиГС осуществляли разработку документы, вносящего коррективы в первоначальную концепцию с учетом изменений, обусловленных экономическим кризисом. Несмотря на то, что указанный документ был разработан в 2012 г., он не был утвержден Правительством, а первоначальная концепция, содержащая недостижимые цели, не была отменена и формально сохраняла юридическую силу.

Поскольку, стабильное развитие любого сектора экономики невозможно без развитой инфраструктуры, так как отсутствие развитой инфраструктуры отрицательно сказывается на стоимость выпускаемой продукции и, как следствие, снижает конкурентоспособность производителей как на внутреннем, так и на международном рынке [4, с. 22]. Для развития государственно-частного партнерства наличие развитой инфраструктуры, а также модернизация и совершенствование объектов инфраструктуры, имеющих общественное значение обуславливает эффективность реализации проектов сотрудничества публичных и частных субъектов. Верность выбранного вектора развития подтверждается результатами исследования, проведенного в 2021 г. Центром мировой конкурентоспособности, согласно которому Россия поднялась в рейтинге The IMD World Competitiveness Rankin с 50 на 45 место [5].

К числу индикаторов, указывающих на рост экономики, можно отнести: развитие жилой инфраструктуры; повышение эффективности бизнеса; повышение доступности и качества высшего образования и т.д. Вместе с этим, сдерживающими развитие национальной экономики являются отдельные факторы, среди, которых недостаточная эффективность и качественная составляющая деятельности государственных и муниципальных органов власти, недостаточность стимуляции научно-технического прогресса; определенный дефицитный компонент финансовых ресурсов; недостаточная степень доверия со стороны частных инвесторов.

На основе анализа доктринальных исследований можно обобщить и выделить ряд проблем, связанных с развитием института государственно-частного партнерства, на которые указывают большинство исследователей к их числу относятся: наличие пробелов и коллизий в законодательной регламентации исследуемых общественных отношений; недостаточность информационного обеспечения публичных и частных субъектов; отсутствие заинтересованности должностных лиц в реализации проектов, посредством государственно-частного партнерства. До принятия специального закона №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» надлежащее правовое регулирование государственно-частного партнерства на федеральном уровне, отсутствовало, что привело к принятию органами государственной власти субъектов РФ

региональных законов в целях урегулирования правоотношений, возникающих в связи с применением инструментов государственно-частного партнерства [6].

Органы государственной власти, принимая профильные региональные законы, руководствовались модельным законом, разработанным Министерством экономического развития, что было сделано с целью формирования более универсального подхода к регулированию рассматриваемых правоотношений. Однако, эти цели не были достигнуты, поскольку недостатки регионального законодательства, в данной сфере, не позволили достигнуть единообразия в практике реализации проектов государственно-частного партнерства. В конце 2015 г. в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» был внесен ряд изменений, закрепивших институт частной инициативы, что в значительной степени увеличило объем прав и гарантий частных инвесторов в рамках концессионного соглашения [7].

Совершенствование концессионного законодательства затронули сферу взаимодействия публичного субъекта и частного инвестора. При разработке данных положений был учтен опыт реализации проектов в рамках концессионных соглашений, что выразилось в таких законодательных новеллах, как оценка эффективности проекта и процедура принятия решения в рамках концессионных правоотношений.

Оценка эффективности проекта, реализуемого в рамках государственно-частного партнерства, осуществляется уполномоченным органом и заключается в выборе наиболее эффективного способа реализации предложенного проекта.

С внесением рассматриваемых изменений принятие решений осуществляется компетентным органом. По результатам оценки эффективности проекта принимается одно из решений: о согласии с условиями реализации проекта; о признании реализации проекта неэффективным. Устанавливая данный порядок принятия решения по частным инициативам, законодатель руководствовался стремлением исключить возможность воздействия на процедуру со стороны публичного партнера. Данная мотивация выглядит весьма обоснованно, поскольку проекты, не обладающие прозрачной процедурой принятия решений по их реализации, не являются привлекательными для инвесторов. Несовершенство и разрозненность законодательства, регулирующего данную отрасль права, также делает свой отрицательный вклад в инвестиционную привлекательность инфраструктурных проектов государства. Единственным сектором экономики, в котором наблюдается тенденция стабильного и положительного развития инфраструктуры, является транспортная отрасль.

Несмотря на то, что между государством и бизнесом уже сформирована общепринятая парадигма взаимодействия, разрешению существующих проблем и уменьшению степени риска, при реализации государственно-частного партнерства, продолжают препятствовать недостаточный уровень осведомленности должностных лиц об отраслевой специфике и внутренних особенностях инфраструктурных проектов, а также отсутствие у них незаинтересованности в привлечении надежных инвесторов [8, с. 29]. Устранение данного проблемообразующего фактора возможно посредством расширения практики привлечения квалифицированных специалистов на стадиях разработки и реализации проектов, а также путем разработки системы повышения мотивации должностных лиц в реализации масштабных инфраструктурных проектов в рамках государственно-частного партнерства.

Наряду с разрозненностью законодательства, регулирующего исследуемый институт, остро стоит проблема отсутствия специализированного ведомства, ответственного за формирование и реализацию единой государственной политики и как следствие плана и направления развития государственно-частного партнерства. Созданный в 2009 г. АНО «Национальный центр ГЧП», несмотря на продолжительность своей деятельности, не снискал доверия у инвесторов. Следует отметить, что структура Министерства экономического развития включает в себя Департамент

финансово-банковской деятельности и инвестиционного развития, функционирующий в целях привлечения в инфраструктурные проекты инвестиций с применением механизмов государственно-частного партнерства, вместе с этим, показатели вовлеченности частного бизнеса в сотрудничество с публичными субъектами демонстрируют недостаточную эффективность работы вышеуказанных органов.

В государстве давно назрел вопрос о формировании государственной политики в области государственно-частного партнерства на федеральном, региональном и местном уровнях. Фундаментом такого внутреннего направления политики должно послужить определение концепции развития экономической инфраструктуры, обуславливающей направленность инфраструктурных проектов. Определение данной концепции представляется нами либо в виде отдельного нормативно-правового акта, либо дополнением и последующем внесением соответствующих изменений в действующее законодательство. Предлагаемая концепция должна закреплять приоритетные социально-экономические направления, в целях развития инфраструктуры которых будут разрабатываться проекты, реализуемые посредством государственно-частного партнерства. Качественная проработка и совершенствование законодательства будет также способствовать концентрации инвестиционных поступлений в приоритетных областях отечественной экономики, что позволит повысить эффективность реализации проектов за счет формирования инфраструктуры, обладающей особой общественной значимостью.

Необходимость совершенствования законодательства обуславливается и тем, что с момента принятия действующего федерального закона, регулирующего государственно-частное партнерство, произошли значительные изменения как в практике реализации проектов посредством исследуемого института, так и в правовой доктрине. Безусловно, нельзя утверждать, что действующее законодательство в сфере государственно-частного партнерства утратило свою актуальность, но вполне уверенно можно сказать, что оно далеко от совершенства, поскольку является разрозненным и изобилует пробелами. В качестве примера можно привести, отсутствие законодательного определения форм и моделей государственно-частного партнерства, что негативно влияет на правовую определенность в данном вопросе.

Следует отметить, что кроме общих признаков, проекты государственно-частного партнерства обладают общими проблемами в процессе их реализации, о чем свидетельствует статистика и судебная практика. В соответствии с данными «Развивай РФ» количество запущенных и реализованных проектов в 2023 г. сократилось в 3 раза. Если в 2022 г. было запущено 346 новых проектов, реализуемых посредством государственно-частного партнерства, на общую сумму 877,6 миллиардов руб., то в 2023 г. только 116, на сумму 765,5 миллиардов руб. [9]. Ситуация, сложившаяся в рассматриваемой сфере деятельности, обусловлена состоянием отечественной экономики, функционирующей в уникальных исторических условиях, и свидетельствует о снижении привлекательности инвестирования в инфраструктурные проекты в виду повышения рисков. Такое положение дел требует незамедлительной реакции со стороны государства, поскольку отсутствие притока внебюджетных средств в общественно значимые проекты, может сказаться на качестве оказания государственных услуг населению и последующему нарушению гарантированных прав и свобод. Согласно прогнозам Фонда Росконгресс, к концу 2030 г. российская экономика войдет в четверку крупнейших в мире, в том числе, за счет привлечения частных инвестиций для реализации государственных проектов. Справедливым будет отметить, что при сохранении тенденции к снижению числа проектов, таким прогнозам едва ли суждено сбыться [10].

Переходя к рассмотрению проблем реализации проектов государственно-частного партнёрства, следует учитывать, что такие проекты находятся во взаимо-

связи с другими инфраструктурными объектами. В качестве примера можно привести проект, направленный на развитие зон промышленного производства, реализация которого будет нецелесообразна при отсутствии объектов инфраструктуры, обеспечивающих логистику. Наиболее востребованными сферами экономики, в которых реализация проектов осуществляется с применением инструментов государственно-частного партнерства, остаются транспортная, социальная и коммунальная. При этом, реализуемые проекты имеют специфику, обусловленную особенностями отрасли. Так, проекты социальной сферы, являются менее прибыльными, что обусловлено проблемностью прогнозирования и нестабильностью спроса и реализуются в основном на уровне субъектов. Проекты коммунальной сферы, в большинстве своем, реализуются на уровне муниципальных образований и направлены на поставку энергоресурсов населению. Для транспортной сферы характерны масштабные, межрегиональные инфраструктурные проекты в связи с чем большинство из них реализуется на федеральном уровне. К специфике проектов, реализуемых в рассматриваемых отраслях экономики, относятся и риски, которые несут публичный и частный партнер при их реализации. Проекты, реализуемые в социальной и транспортной сфере, наиболее часто сталкиваются с риском повышения стоимости строительства и несвоевременное завершение или незавершение строительства объекта. В качестве самых распространенных рисков в коммунальной сфере выступают риски, связанные с обслуживанием объекта соглашения и неисполнения обязательств. Риски неисполнения обязательств можно характеризовать как значимые для любой сферы, в которой реализуется проект государственно-частного партнерства. Также, к значимым рискам можно отнести: для транспортной сферы риски, связанные с проектированием; для социальной и коммунальной сферы риски, связанные с обслуживанием объекта соглашения.

В качестве примера, приведем кейс из судебной практики. Между концедентом и концессионером было заключено концессионное соглашение, объектом которого является тепловые сети. В соответствии с условиями соглашения, его Предметом является обязанность концессионера провести реконструкцию недвижимого имущества, предназначенного для теплоснабжения абонентов, на территории нескольких муниципальных образований. Концессионером был проведен капитальный ремонт участка тепловых сетей, не входивших в соглашение, в возмещении стоимости которого было отказано концедентом. Требования концессионера о взыскании неосновательного обогащения были удовлетворены судами экономической юрисдикции первой и апелляционной инстанции. Суд кассационной инстанции удовлетворил жалобу концедента и отказал в иске, аргументируя это тем, что произведенный ремонт входил в обязанности Истца, поскольку заключался в улучшении и замене старого и аварийного оборудования, что направленно на улучшение характеристик и эксплуатационных свойств объектов соглашения [11]. Данный кейс является хрестоматийным примером, когда частный партнер одновременно столкнулся и с риском содержания объекта соглашения, и с риском неисполнения обязательств.

Справедливым будет отметить, что увеличение стоимости проекта также оказывает значительное влияние на процесс его реализации. К сожалению, сценарий, когда подорожавший проект дополнительно финансируется, как в приведенных примерах, встречается не повсеместно. Финансирование проекта напрямую зависит от повышения его стоимости и может обернуться банкротством частного партнера и судебным разбирательством. В качестве примера можно привести Постановление Арбитражного суд Северо-Западного округа от 26.03.2021 г. по делу А56-108694/2019. Согласно фабуле дела в 2017 г. между Правительством Ленинградской области (концедент) и ООО «Бассейн Гат» (концессионер) было заключено концессионное соглашение, по условиям которого на концессионера возлагаются обязан-

ности по строительству и эксплуатации плавательного бассейна. Реализация данного проект предусматривала инвестиции в размере 690 миллионов руб. Исполнение, взятых на себя обязательств, осуществлялось концессионером за счет средств в размере 86,69 миллионов руб. в виде возмещения НДС, но 01.08.2018 г. вступил в силу запрет на возмещение НДС с расходов, за счет бюджетных инвестиций, что стало причиной увеличения стоимости проекта. Концессионер инициировал заключение дополнительного соглашения к концессии, в целях увеличение объема бюджетного финансирования, в подписании которого концедентом было отказано, что послужило причиной обращения с иском в суд. Три судебных инстанции отказали в удовлетворении исковых требований, мотивируя это тем, что соглашением не содержит условия, предусматривающие строительство объекта соглашения за счет средств, полученных в качестве возмещения НДС. Суд кассационной инстанции также указал, что соглашение содержит указания на максимально допустимый размер бюджетного участия, а удовлетворение иска означало бы необоснованное перекладывание рисков неполучения концессионером возмещения НДС на концедента [12].

Рассмотренные примеры указывают на низкую коммерческую эффективность проектов государственно-частного партнерства, что также служит фактором, негативно сказывающимся на их реализации. Пример ООО «Бассейн Гат» не позволяет нам обойти стороной и не отметить также правовые риски, которые несёт частный партнер, связанные с изменениями положений действующего законодательства. Справедливым будет отметить, что повышение стоимости проектов это всего лишь верхушка «айсберга-последствий», ставших следствием изменений в налоговое законодательство. Процесс возмещения НДС занимает некоторое время, поэтому частные партнеры прибегали к получению кредитных средств, для уплаты НДС и начала реализации проекта, возврат которых осуществлялся по мере поступления возмещений из бюджета. По сути, введение запрета на возмещение НДС из бюджетных средств, полученных с капитальных грантов и субсидий, увеличило риски невозврата таких кредитов и лишило частных партнеров возможности привлекать дополнительные средства для реализации проектов, за счет краткосрочных кредитов, что в свою очередь существенно снизило рентабельность проектов, реализуемых в рамках государственно-частного партнерства [13].

На основании вышеизложенного, нами было установлено, что отсутствие эффективной модели распределения рисков, является существенной проблемой исследуемого института. По нашему мнению, оптимальной будет являться такая модель распределения рисков, при которой государством обеспечивается возврат вложенных средств инвестору, при этом доходность не гарантируется, что будет стимулировать частного партнера к более эффективной реализации и управлению проектом.

Следует обратить внимание на неравномерность развития исследуемого института на уровне субъектов. Согласно рейтингу субъектов по уровню развития государственно-частного партнерства за 2025 г., можно сделать вывод, что механизм государственно-частного партнерства чаще применяется в регионах, обладающих крупным рынком строительных компаний и развитой инфраструктурой. Лидирующие позиции в этом рейтинге занимают: г. Москва, Нижегородская область, город Санкт-Петербург, Ленинградская обл., Пермский край [14]. Нет сомнений, что субъекты, занимающие лидирующие позиции, имеют больший бюджетный потенциал и опыт в реализации таких проектов. Считаем, что опыт в реализации инфраструктурных проектов обеспечивает публично-правовые образования квалифицированными кадрами, которые являются ценным ресурсом, т.к. имеют представление о взаимодействии с инвесторами в рамках государственно-частного партнерства.

Нехватка опыта, квалифицированных кадров и финансирования служат детерминантами отсутствия качественных инфраструктурных проектов регионального

уровня. Устранение первых двух причин возможно путем привлечения специалистов в рассматриваемой области либо подготовкой собственных кадров, что и в первом, и во втором случае достаточно затратно.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что выявлены следующие проблемы при реализации инфраструктурных проектов посредством государственно-частного партнерства: снижение благоприятности делового климата; множество вероятных рисков, с которыми может столкнуться частный инвестор, отсутствие эффективной системы распределения и управления рисками; отсутствие квалифицированных кадров и опыта реализации проектов государственно-частного партнерства у регионов. Решение выявленных проблем возможно посредством применения комплексных мер, т.к. они обусловлены совокупностью факторов, затрагивающих различные сферы деятельности общества и государства. В сложившейся ситуации, залогом эффективного функционирования как общественных, так и государственных институтов, является надлежащее законодательное регулирование.

Несовершенство действующего законодательства усложняет достижение единообразия в практике реализации проектов в рамках государственно-частного партнерства, что не может приниматься в качестве положительного явления. Достижение единообразия практики рассматривается в основополагающего начала, обеспечивающего эффективность проектов и сокращение числа судебных споров между публичным и частным партнерами.

Проблема отсутствия сформированной и согласованной государственной политики в области государственно-частного партнерства на федеральном, региональном и местном уровнях порождает недоверие к государственно-частному партнерству, потому представляется целесообразным совершенствование правового регулирования в данной сфере. Фундаментом такого внутреннего направления политики государства должно послужить определение концепции развития экономической инфраструктуры, обуславливающей направленность инфраструктурных проектов.

Определение данной концепции представляется в виде отдельного нормативно-правового акта или актуализации действующего законодательства посредством внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство, регулирующее государственно-частное партнёрство. Предлагаемая концепция должна закреплять приоритетные социально-экономические направления, в целях развития инфраструктуры которых будут разрабатываться проекты, реализуемые посредством государственно-частного партнерства. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в направлениях регламентации моделей и механизмов государственно-частного партнерства, в различных отраслях и сферах учитывая отдельные специфические особенности реализации государственно-частного партнерства в различных сферах и закрепления в нормативных актах четкой системы распределения рисков.

Список литературы:

1. Путин призвал улучшить механизм государственно-частного партнерства // РИА Новости : [сайт]. – 2024. – Текст : электронный. – URL : https://ria.ru/20240905/putin-1970733078.html.

2. Панкратов А. А. Государственно-частное партнерство в современной практике. Основные теоретические и практические проблемы : учебник. – 1-е изд., перераб. и дополн. / А. А. Панкратов // – Москва : Дело и сервис. – 2009. – С. 36. – Текст : непосредственый.

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2020 года : [утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации №1662-р от 17 ноября 2008 года] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.- URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/

4. Городнова Н. В., Пешкова А. А. Развитие института государственно-частного партнерства: мотивация персонала к инновационной деятельности / Н. В. Городнова, А. А. Пешкова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 4-1. – С. 20-23. - – Текст : электронный. – URL :

https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-motivatsiya-personala-k-innovatsionnoy-deyatelnosti
5. Карминский А. Россия стала более конкурентоспособной: как это получилось /А. Карминский // Forbes [сайт]. – 2021. – Текст : электронный. – URL : https://www.forbes.ru/obshchestvo/432921-rossiya-stala-bolee-konkurentosposobnoy-kak-eto-poluchilos
6. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон №224-ФЗ от 13.07.2015 года ; [принят Государственной Думой РФ 1 июля 2015 года ; одобрен Советом Федерации РФ 8 июля 2015 года] // СПС «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
7. О концессионных соглашениях : Федеральный закон № 115-ФЗ от 21.07.2005 года ; [принят Государственной Думой РФ 6 июля 2005 года ; одобрен Советом Федерации РФ 13 июля 2005 года] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/
8. Шаблова Е. Г., Городнова Н. В., Березин А. Э. Развитие модели государственно-частного партнерства: управление и правовое регулирование в рамках БРИКС. / Е. Г. Шаблова, Н. В. Городнова, А. Э. Березин // Восточно-Европейский журнал. – 2015. – № 3. – С. 26-30. – Текст : электронный. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-modeli-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-upravlenie-i-pravovoe
9. ГЧП-проекты стали крупнее, но их число уменьшилось // «Национальный центр РАЗВИВАЙ.РФ» [сайт]. – Текст : электронный. – URL : https://pppcenter.ru/press-tsentr/novosti/gchp-proekty-stali
10. Перспективы проектной деятельности в социально-экономическом развитии РФ // «Фонд Росконгресс» [сайт]. – Текст : электронный. – URL : https://roscongress.ru/materials/perspektivy-proektnoy-deyatelnosti-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-rf/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
11. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2022 года по делу №А51-8837/2021 // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. – Текст : электронный. – URL : https://kad.arbitr.ru/Card/052421f0-18fd-439d-ae0d-425198109f07
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 марта 2021 года по делу № А56-108694/2019 // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс]. – Текст : электронный. – URL : https://kad.arbitr.ru/Card/42365fcf-a68e-46ce-88f4-75b057f81eb6.
13. Савельев В. Коварный НДС / В. Савельев // Коммерсантъ. – 2018. – Текст : электронный. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/3702133
14. В Минэкономразвития России подвели итоги рейтинга регионов по уровню развития ГЧП за 2023 год // Платформа для подготовки проектов и привлечения инвестиций в инфраструктуру «РОСИНФА». – 2024. – Текст : электронный. – URL : https://rosinfra.ru/news/v-minekonomrazvitiia-rossii-podveli-itogi-reitinga-regionov-po-urovniu-razvitiia-g-ch-p-za-2023-god

Bekirova E.E., Tsepennikova K.A Legal problems and prospects for the development of the institute of public-private partnership // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 158-166.

The article analyzes the problems and prospects for the development of the public-private partnership institution. It is determined that public-private partnership is an effective mechanism for achieving a balance between private and public interests in business activities. It is revealed that the shortcomings of the current legislation complicate the achievement of uniformity in the practice of implementing projects within the framework of public-private partnership; at the same time, achieving uniformity in law enforcement practice in this area is the basis for the effectiveness of public-private partnership projects and for minimizing the number of legal disputes between public and private partners. An analysis of scientific research has made it possible to generalize and identify a number of problems related to the development of the institution of public–private partnership, which are pointed out by most researchers. These include: the presence of gaps and conflicts in the legislative regulation of the social relations under study; insufficient information support for public and private entities; and the lack of interest among officials in implementing projects through public–private partnership. Recommendations have been substantiated for improving the regulatory framework, enhancing the institutional environment, and increasing the efficiency of interaction between the state and business. It has been determined that the most optimal model would be one in which the state ensures that the investor receives a return on their invested funds, while the return is not guaranteed – this will encourage the private partner to implement and manage the project more effectively.

Key words: public-private partnership, investment, national idea, national security, infrastructure, socially significant projects, concession, risk, investor, modernization, scientific and technological progress. investment project, concession, concession agreements.

Spisok literatury:

1. Putin called for improving the mechanism of public-private partnership // RIA Novosti: [website]. – 2024. – Text: electronic. – URL: https://ria.ru/20240905/putin-1970733078.html

2. Pankratov A. A. Public-private partnership in modern practice. Main theoretical and practical problems: a textbook. – 1st ed., revised and supplemented / A. A. Pankratov // – Moscow: Delo i Servis. – 2009. – P. 36.
3. The Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: [approved by Order No. 1662-r of the Government of the Russian Federation dated 17 November 2008] // SPS "ConsultantPlus". – Text: electronic.- URL: https://www.consultant.ru
4. Godonova N. V., Peshkova A. A. Development of the public-private partnership institution: staff motivation for innovative activities / N. V. Godonova, A. A. Peshkova // International Research Journal. – 2016. – No. 4-1. – Pp. 20-23.
5. Karminsky A. Russia has become more competitive: how this happened / A. Karminsky // Forbes [website]. – 2021. – Text: electronic. – URL: https://www.forbes.ru/obshchestvo/432921-rossiya-stala-bolee
6. On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 224-FZ dated July 13, 2015; [adopted by the State Duma of the Russian Federation on July 1, 2015; approved by the Federation Council of the Russian Federation on July 8, 2015] // SPS "ConsultantPlus". – Text: electronic. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
7. On concession agreements: Federal Law No. 115-FZ dated July 21, 2005; [adopted by the State Duma of the Russian Federation on July 6, 2005; approved by the Federation Council of the Russian Federation on July 13, 2005] // SPS "ConsultantPlus".
8. Shablova E. G., Gorodnova N. V., Berezin A. E. Development of the public-private partnership model: management and legal regulation within the framework of BRICS. / E. G. Shablova, N. V. Gorodnova, A. E. Berezin // East European Journal. – 2015. – No. 3. – Pp. 26–30
9. PPP projects have become larger, but their number has decreased // "National Center DEVELOVAIT.RF" [website]. – Text: electronic.
10. Prospects for project-based activities in the socio-economic development of the Russian Federation // "Roscongress Foundation" [website]. – Text: electronic. – URL: https://roscongress.ru/materials/perspektivy-proektnoy-deyatelnosti-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii
11. Resolution of the Fifth Arbitration Appeal Court dated December 26, 2022, in case No. A51-8837/2021 // Arbitration Case Database [Electronic resource]. – Text: electronic. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/052421f0-18fd-439d-ae0d-425198109f07
12. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District dated March 26, 2021, in case No. A56-108694/2019 // Arbitration Case Database [Electronic resource]. – Text: electronic. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/42365fcf-a68e-46ce-88f4-75b057f81eb6
13. Savelyev V. Cunning VAT / V. Savelyev // Kommersant. – 2018. – Text: electronic. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3702133
14. The Ministry of Economic Development of Russia has summed up the results of the ranking of regions by the level of PPP development for 2023 // Platform for project preparation and attracting investments in infrastructure "ROSINFA". – 2024. – Text: electronic. – URL: https://rosinfra.ru/news/v-minekonomrazvitiia-rossii-podveli-itogi-reitinga-regionov-po-urovniu-razvitiya-g-ch-p-za-2023-god
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 167-173.

УДК 340.12

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА ВЛАСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК ВЫЗОВ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ОСНОВАНИЯМ ПРАВА

Римский А. В., Сорокопуд М. С., Шишкин Р. В.

Статья посвящена концептуальному осмыслению феномена трансформации субъекта власти в условиях цифровизации общественных отношений. Авторы исходят из посылки, что классическая модель государственного суверенитета, базирующаяся на антропоцентричных основаниях права, сталкивается с принципиально новыми вызовами, порождаемыми экспансией цифровых технологий. В работе обосновывается тезис о формировании гибридной модели суверенитета, в рамках которой традиционный субъект власти (государство) утрачивает монополию на властные полномочия, уступая место наднациональным технологическим корпорациям, алгоритмическим системам и цифровым платформам. Внимание уделяется анализу антропологических рисков, сопряженных с размыванием границ между публичным и приватным, а также с утратой человеком своей идентичности в «цифровом паноптикуме». На основе анализа актуальных теоретико-правовых концепций и практики цифровизации государственного управления делается вывод о необходимости пересмотра классической парадигмы суверенитета и выработки новых подходов к правовому регулированию, учитывающих постчеловеческую реальность.

Ключевые слова: суверенитет, цифровой суверенитет, постчеловек, правовая антропология, субъект власти, цифровизация, технологоцентризм, алгоритмическое управление.

Классическая модель государственного суверенитета, восходящая к Ж. Бодену и получившая развитие в трудах Г. Еллинека, исходила из незыблемости двух постулатов: верховенства государственной власти на определенной территории и независимости этой власти на международной арене. По мнению Г. Еллинека, суверенитет по своему историческому происхождению есть представление политическое, «его создали те великие силы, борьба которых составила содержание ряда столетий» [1, с. 285]. Вместе с тем, XXI в. ставит эти классические основания под сомнение. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин на Петербургском международном юридическом форуме в 2026 г. прямо заявил: «XXI век ставит нас перед лицом сложнейших противоречий и вызовов. Он может стать веком триумфа свободы, а может превратиться в нечто прямо противоположное, если отбросит на обочину принцип верховенства права. Сейчас мир вступил в полосу глобальной неопределенности такого масштаба, что на повестку дня поставлен вопрос о выживании человечества. Рушатся прежние формы, принципы и нормы организации социальной жизни, а то, что приходит им на смену в самых, казалось бы, успешных странах и регионах мира, наглядно демонстрирует неадекватность задачам сохранения и развития человечества» [2]. В этом ракурсе проблема трансформации субъекта власти в цифровой среде предстает в совершенно ином свете, ставя под вопрос сами основания классической теории суверенитета. Цель данной работы – предложить концептуальную рамку для осмысления феномена «постчеловеческого суверенитета» и наметить практические контуры правового регулирования, способного ответить на вызовы гибридной реальности.

Развитие технологий искусственного интеллекта, киберфизических систем и биотехнологий ставит под сомнение саму возможность сохранения антропоцентричных оснований права. По мнению А.И. Ковлера: «На смену печатному слову, звуку, изображению пришли цифровые технологии, когда электронные чипы захватывают все больше не только информационного, но и личного пространства» [3, с. 6]. Более того, философы говорят об утрате человеком своей идентичности: «Чело-

век не только утратил идентичность. Он понемногу сходит совсем на нет. Умирает как антропологическая данность» [3, с. 7]. Человек не утрачивает идентичность в строгом смысле – он ее делегирует. Сознательно или нет, но мы отдаем себя цифре: наши предпочтения, перемещения, социальные связи, интимные переживания превращаются в набор битов, которые кто-то (или что-то) анализирует, интерпретирует и на основе которых принимает решения. Также А.И. Ковлер подчеркивает: «Антропологический подход во многом противопоставляется позитивистским воззрениям, обращаясь к плюралистическим концепциям возникновения права, подразумевая под ним продукт общественной жизнедеятельности социума, а не нормотворчества органов государственной власти» [3, с. 5]. Если право – продукт общественной жизнедеятельности, то оно должно меняться вместе с обществом. Вместе с тем, общество сегодня трансформируется настолько стремительно, что традиционные конструкции правосубъектности оказываются под серьезным давлением.

На этот вызов обращают внимание А.В. Попова и Л.Е. Киселевская, отмечая, что использование киберфизических систем «рано или поздно приведет к появлению новых политических субъектов — андроидов и гуманоидов как электронных лиц» [4, с. 51]. При этом авторы подчеркивают, что отдельные роботы уже сегодня обладают удостоверениями личности, а значит, юридическая субъектность перестает быть исключительной прерогативой человека. Более того, развитие кибер- и биотехнологий, по их мнению, создает реальную угрозу «уничтожения морального кода» в случае конструирования постчеловека [4, с. 52].

Данные опасения приобретают не абстрактно-философский, а вполне конкретный правовой смысл в свете активного внедрения систем искусственного интеллекта в государственное управление и правоприменительную практику. Исследование показало «Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации», проведенное РАНХиГС в 2024 г., федеральные органы уже используют 90 систем искусственного интеллекта, еще 20 находятся на этапе внедрения [5, с. 52]. При этом, как отмечают А.В. Буньков, Д.А. Репин и П.Е. Щеголев, российское законодательство не содержит комплексных норм об использовании ИИ в публичной власти. К числу неурегулированных вопросов авторы относят отсутствие требований к алгоритмической подотчетности, механизмов обжалования решений, принятых с применением ИИ, а также института независимой экспертизы таких систем [6, с. 389].

Эти слова – не философское отвлечение. За ними стоит реальная правовая проблема: кто является субъектом права в цифровой среде? Официальная позиция Министерства юстиции РФ, озвученная заместителем министра Вадимом Федоровым, такова: «Очевидно, что искусственный интеллект сам по себе не может быть субъектом преступления, поскольку несмотря на автономность, он не обладает сознанием, волей и правосубъектностью» [цит. по: 7, с. 93]. Впрочем, практика внедрения искусственного интеллекта в государственное управление демонстрирует, что эта позиция нуждается в существенной корректировке.

Противоречие заключается в том, что решения, принимаемые с использованием искусственного интеллекта, могут иметь обязательную юридическую силу, но субъект ответственности за эти решения остается неопределенным. По данным специализированных обзоров, «за последние годы в России число дел, где фигурируют нейросети, автоматические штрафы, дипфейк-контент и обработка персональных данных с использованием ИИ, увеличилось примерно на 60%, при этом устойчивой судебной практики и специального закона об искусственном интеллекте пока нет» [7, с. 93]. По мнению в разработке доктрины «распределенной ответственности» участников жизненного цикла ИИ-систем. По мнению С.А. Дуваяровой, выход из

этой ситуации видится в развитии «доктрины распределенной ответственности участников жизненного цикла ИИ» [7, с. 92]. Это означает, что ответственность за вред, причиненный ИИ-системой, должна распределяться между разработчиками (за архитектурные ошибки), операторами (за ненадлежащее использование) и органами власти (за принятие непроверенных решений). По нашему мнению, целесообразно закрепить эту доктрину в разрабатываемом законе об искусственном интеллекте, о необходимости принятия которого заявил Минюст России в 2026 году.

Сегодня государство утрачивает монополию на власть как в экономической, так в регуляторной сфере. Е.О. Гаврилов обращает внимание на то, что в современных условиях ключевые ресурсы, обеспечивающие суверенность, сосредоточены у иностранных субъектов, преимущественно частных структур. В связи с этим закрепление цифрового суверенитета государства является необходимым условием сохранения государственного суверенитета в целом – при отсутствии материально-технической базы цифровой суверенитет неизбежно оказывается производным от суверенитета компаний – поставщиков IT-инфраструктуры [8, с. 150].

Тревогу вызывает ситуация в сфере интеллектуальной собственности и антимонопольного регулирования. Как сообщает Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности, Федеральная антимонопольная служба предлагает ослабить антимонопольные иммунитеты для правообладателей в сфере ИТ, что, по мнению председателя РЦИС Андрея Кричевского, «существенно сократит возможности защиты нематериальных активов российскими ИТ-компаниями и ослабит позиции этих компаний на рынке» [9]. В условиях санкций и ограничений предлагаемые меры, по мнению индустрии, «торпедируют усилия Правительства РФ и институтов развития по достижению технологического суверенитета» [9].

В России уже сформирована система стратегических документов, определяющих технологическое развитие. К их числу относятся: Стратегия научно-технологического развития (утв. Указом Президента РФ от 1.12.2016 г. № 642, в ред. 2024 г.), Концепция технологического развития на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р), Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490). Одновременно с этим, все перечисленные акты носят преимущественно программно-целевой и экономический характер, не затрагивая в должной мере специальные правовые механизмы защиты отечественных разработчиков, антимонопольные иммунитеты и институциональные гарантии инвестиций в ИТ-сферу. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразна разработка Стратегии правового обеспечения технологического суверенитета России как документа, восполняющего указанный пробел и закрепляющий правовые инструменты достижения технологической независимости.

В РЦИС указывается, что «интеллектуальная собственность и прямо вытекающие из 4-й части ГК РФ изъятия из антимонопольного права никак не оправдывают недобросовестное поведение на рынке», а действующей редакции ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ вполне достаточно для пресечения злоупотребления правом, а предлагаемые поправки избыточны и вредны [9].

Одна из самых тревожных тенденций цифровой эпохи – алгоритмизация управления. Решения, которые раньше принимались людьми на основе опыта, интуиции и моральных установок, сегодня все чаще передаются алгоритмам. «Использование нейронных самообучаемых сетей, позволяет достичь минимальных затрат при максимальной скорости принимаемых решений» [4, с. 52]. Вместе с тем, авторы предупреждают о том, что «использование новых технологий может привести к необра-

тимым последствиям, в том числе возможной духовной деградации постчеловека ввиду вероятных непросчитываемых рисков, сопряженных с социальными последствиями совершенствования генетического кода человека» [4, с. 51].

Сегодня алгоритмам делегируются судебные решения, кадровые назначения, кредитные рейтинги, медицинские диагнозы, но в случае сбоя алгоритма механизмы воздействия на него и привлечения к ответственности отсутствуют. А.И. Минаева пишет, что в цифровом пространстве человек взаимодействует с алгоритмами и цифровыми кодами, с которыми невозможно вести диалог, согласовывать цели и организовывать совместную деятельность на взаимовыгодных началах [10, с. 31]. Право, по своей природе, есть инструмент коммуникации между равными субъектами, предполагающий диалог, аргументацию и взаимное признание. Но как можно вести диалог с кодом? Как можно апеллировать к его совести, если у него нет совести? Эти вопросы остаются без ответа в рамках действующего правопорядка.

Цифровая трансформация государственного управления несет риски как для суверенитета государства, так и прямые угрозы правам человека. А.В. Буньков, Д.А. Репин и П.Е. Щеголев обращают внимание на отсутствие в российском законодательстве специализированных норм, регламентирующих применение искусственного интеллекта в деятельности органов публичной власти. В числе нерешенных проблем авторы называют неурегулированность вопросов алгоритмической прозрачности, отсутствие процедур обжалования решений, вынесенных с использованием ИИ-систем, а также недостаток механизмов независимого контроля за работой таких систем [6, с. 389]. Это означает, что гражданин оказывается перед лицом «черного ящика»: он не знает, на основании каких критериев принято решение, не может его оспорить и не имеет гарантий, что ошибка алгоритма будет исправлена. Такое положение дел подрывает саму идею правовой определенности, поскольку решение, принимаемое машиной, становится не менее обязательным, чем судебный акт, но при этом лишено судебных гарантий.

Эта проблема остро проявляется в сфере административной ответственности. Автоматизированные комплексы фотовидеофиксации нарушений в сфере дорожного движения формируют постановления по делам об административных правонарушениях в упрощенном порядке – без составления протокола, без возможности очной защиты, без гарантий правильности распознавания [7, с. 94]. При этом ст. 2.6.1 КоАП РФ закрепляет презумпцию ответственности владельца транспортного средства, что фактически перекладывает бремя доказывания на гражданина. На практике это означает, что человек вынужден доказывать свою невиновность перед машиной, которая, по сути, не подлежит контролю.

Складывается парадоксальная ситуация: алгоритм, будучи лишенным правосубъектности, не может быть привлечен к ответственности, вызван в суд или допрошен в качестве свидетеля, однако принимаемые им решения обладают обязательной юридической силой и влекут для человека неблагоприятные последствия. Бремя ответственности возлагается на гражданина, тогда как его процессуальные возможности по оспариванию алгоритмического акта оказываются существенно ограниченными ввиду отсутствия прозрачности критериев, заложенных в программный код, и законодательно закрепленных механизмов обжалования. Выход из этой коллизии видится в разработке и принятии специализированного Федерального закона «Об основах правового регулирования использования искусственного интеллекта в государственном управлении», который закрепил бы три главных принципа: алгоритмическую прозрачность – обязанность органов власти раскрывать информацию об используемых алгоритмах, критериях принятия решений и источниках данных; право на человеческое участие, предполагающее обязательное участие

человека в принятии окончательных решений, затрагивающих существенные права и свободы граждан; административный механизм обжалования алгоритмических решений, позволяющий гражданину требовать их пересмотра с обязательным участием человека-эксперта. Реализация этих положений позволит восстановить баланс между эффективностью цифрового управления и защитой прав личности и создать институциональные предпосылки для формирования цифрового суверенитета личности как нового уровня правовой субъектности в условиях гибридной реальности.

В условиях, когда государственный суверенитет размывается действиями транснациональных корпораций и алгоритмических систем, возникает потребность в ином уровне суверенитета – суверенитете личности. Исследователи, работающие с концепцией «цифрового суверенитета личности», предлагают понимать под ним «способность людей предпринимать действия и принимать решения сознательным, преднамеренным и независимым образом (автономный и легитимный контроль) в отношении всех элементов цифровой жизни (цифровой личностью), в частности, персональными данными, цифровыми профилями в социальных сетях и интернет-сервисах, аппаратным и программным обеспечением, цифровыми процессами, электронными услугами и инфраструктурой» [11, с. 124].

Предложенная концепция отличается новизной по трём основным направлениям: акцент переносится на осознанное и самостоятельное управление действиями в цифровом пространстве, ответственность рассматривается как обязательная составляющая цифрового суверенитета личности, сфера действия суверенитета расширяется на все элементы цифровой жизни индивида, а не ограничивается лишь контролем над персональными данными. По мнению А.И. Минаевой, в структуру правового статуса личности в условиях цифровизации должны быть включены «цифровые права», «цифровые обязанности» и «цифровая ответственность» [10, с. 34-35]. С учетом этого мы предлагаем рассматривать цифровой суверенитет личности как комплексную правовую категорию, охватывающую право на контроль над персональными данными (включая их удаление и перенос), право на информационную автономию (возможность не участвовать в цифровых коммуникациях без дискриминационных последствий), право на защиту от алгоритмической дискриминации, право на цифровую идентичность и право на цифровое завещание.

В настоящее время объективно назрела потребность в переходе от разрозненного регулирования цифровых отношений к их системной кодификации. По мнению А.Е. Усольцева, российское правовое регулирование в цифровой сфере развивалось преимущественно экстенсивным, реактивным путём, что привело к значительной фрагментации нормативного материала. Следствием этого стало одновременное действие множества разрозненных, а нередко и противоречащих друг другу нормативных актов, что порождает коллизии, затрудняет правоприменение и вынуждает субъектов ориентироваться в десятках разноуровневых документов [12, с. 149-150].

Стратегическое решение о преодолении этой фрагментации уже принято: на уровне Президента РФ поставлена задача создания Цифрового кодекса, разработка которого ведется межведомственной рабочей группой при Министерстве цифрового развития. Планируется, что этот акт станет системообразующим ядром отечественного цифрового права, выполняя функции систематизации разрозненных норм, устранения коллизий и пробелов, установления единого понятийного аппарата, а также закрепления принципов и общих режимов регулирования для будущих технологий. Основополагающими принципами Цифрового кодекса должны стать: цифровой суверенитет, технологическая нейтральность права, приоритет защиты прав человека в цифровой среде, а также принцип антропоцентричности, не допускаю-

щий создания «постчеловека» как угрозы конституционному строю. Работа над кодексом должна быть завершена до конца 2030 г.

Проведенное исследование позволяет утверждать: феномен «постчеловеческого суверенитета» – реальный вызов, с которым теоретико-исторические правовые науки уже сегодня не могут не считаться. Классическая модель суверенитета, веками зиждившаяся на антропоцентричных основаниях права, в цифровой реальности обнаруживает свою недостаточность. Государство, еще недавно бывшее единственным легитимным носителем властных полномочий, ныне вынуждено делить это пространство с транснациональными технологическими корпорациями и алгоритмическими системами, что неизбежно ведет к децентрации субъекта власти.

Каковы же контуры будущего? В долгосрочной перспективе, по-видимому, будут формироваться две конкурирующие модели суверенитета: 1) Государственно-ориентированная, предполагающая сохранение верховенства государственной власти в цифровой среде через механизмы национального правового регулирования; 2) Личностно-ориентированная, в рамках которой «цифровой суверенитет личности» становится способностью индивида самостоятельно контролировать свою цифровую идентичность и данные. Впрочем, как нам представляется, наиболее жизнеспособным окажется гибридный сценарий, сочетающий элементы обеих моделей, но при непременном сохранении антропоцентричных оснований права. Иного пути, позволяющего избежать подмены человека алгоритмом, просто не существует.

Для движения по этому пути необходима выработка конкретных правовых механизмов, способных удержать антропоцентричный вектор развития. В их число мы включаем: формирование специализированного законодательного акта, закрепляющего алгоритмическую прозрачность, право на человеческое участие и процедуры обжалования алгоритмических решений; легитимацию доктрины распределенной ответственности всех участников жизненного цикла ИИ-систем; завершение системной кодификации цифрового права; а также институционализацию в правовом статусе личности цифровых прав, обязанностей и ответственности как самостоятельных элементов. Решение этих задач требует подлинно междисциплинарного диалога – на стыке теории права, философии, антропологии и информатики. Такой комплексный подход позволит сохранить антропологические основания права в условиях нарастающей цифровой экспансии и обеспечить человеку достойное место в новой технологической реальности. XXI век может стать веком постчеловека, но может остаться и веком человека – выбор за нами.

Список литературы:

1.Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 312 с.
2.Валерий Зорькин – о тернистом пути цивилизации права. Председатель КС РФ выступил с лекцией на Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета. 25.06.2026.
3.Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 5-29. DOI:10.12737/jrl.2022.125.
4.Попова А.В., Киселевская Л.Е. Концепция постчеловека – новый дискурс XXI в. // История и современность. 2018. № 3. С. 51–65. DOI: 10.30884/ihs/2018.03.03.
5.РАНХиГС. Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. М., 2024.
6.Буньков А.В., Репин Д.А., Щеголев П.Е. Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт // Социология и право. 2025. Т. 17. № 3. С. 386–396. DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-386-396.
7.Дуваярова С.А. Искусственный интеллект в государственном управлении: правовые основы и проблемы административной ответственности в Российской Федерации // Образование и право. 2026. № 1. С. 92–96. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-92-96.
8.Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 146–152.

9.Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности. Ослабленный иммунитет – угроза суверенитету. 14.08.2025. URL: https://xn--h1apes.xn--p1ai/about/press/oslablennyj-immunitet-ugroza-suverenitetu (дата обращения: 07.08.2026).
10. Минаева А.И. Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.1. М., 2022. 179 с.
11. Литвинцева Е.А., Васекин А.С. Формирование цифрового суверенитета личности: коммуникативный аспект // Коммуникология. 2024. Т. 12. № 3. С. 116-127.
12. Усольцев А.Е. Концептуальные основы и принципы Цифрового кодекса России // Молодой ученый. 2025. № 36 (587). С. 149–152. URL: https://moluch.ru/archive/587/128322

Rimskiy A.V., Sorokopud M.S. Shishkin R. V. Posthuman Sovereignty: The Transformation of the Subject of Power in the Digital Environment as a Challenge to the Anthropological Foundations of Law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 167–173.

The article is devoted to a conceptual understanding of the phenomenon of the transformation of the subject of power in the context of digitalization of public relations. The author proceeds from the premise that the classical model of state sovereignty, based on the anthropocentric foundations of law, faces fundamentally new challenges generated by the expansion of digital technologies. The paper substantiates the thesis about the formation of a hybrid model of sovereignty, within which the traditional subject of power (the state) loses its monopoly on powers, giving way to supranational technology corporations, algorithmic systems and digital platforms. Special attention is paid to the analysis of anthropological risks associated with the erosion of boundaries between public and private, as well as with the loss of human identity in the "digital panopticon". Based on the analysis of current theoretical and legal concepts and the practice of digitalization of public administration, the author concludes that it is necessary to revise the classical paradigm of sovereignty and develop new approaches to legal regulation that take into account posthuman reality.

Keywords: sovereignty, digital sovereignty, posthuman, legal anthropology, subject of power, digitalization, technolocentrism, algorithmic governance.

Spisok literatury:

1.Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2004. 312 s.
2.Valerij Zor'kin – o ternistom puti civilizacii prava. Predsedatel' KS RF vystupil s lekciej na Peterburgskom mezhdunarodnom yuridicheskom forume // Rossijskaya gazeta. 25.06.2026.
3.Kovler A.I. Antropologiya prav cheloveka v cifrovuyu epohu (opyt sravnitel'nogo analiza) // ZHurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26. № 12. S. 5-29. DOI:10.12737/jrl.2022.125.
4.Popova A.V., Kiselevskaya L.E. Koncepciya postcheloveka – novyj diskurs XXI v. // Istoriya i sovremennost'. 2018. № 3. S. 51–65. DOI: 10.30884/ihs/2018.03.03.
5.RANHiGS. Indeks zrelosti iskusstvennogo intellekta federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii. M., 2024.
6.Bun'kov A.V., Repin D.A., SHCHegolev P.E. Pravovye problemy vnedreniya II-tekhnologij v sistemu gosudarstvennogo upravleniya i administrirovaniya: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt // Sociologiya i pravo. 2025. T. 17. № 3. S. 386–396. DOI: 10.35854/2219-6242-2025-3-386-396.
7.Duvayarova S.A. Iskusstvennyj intellekt v gosudarstvennom upravlenii: pravovye osnovy i problemy administrativnoj otvetstvennosti v Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2026. № 1. S. 92–96.
8.Gavrilov E.O. Cifrovoj suverenitet v usloviyah globalizacii: filosofskij i pravovoj aspekty // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2020. T. 4. № 2.
9.Rossijskij centr oborota prav na rezul'taty tvorcheskoj deyatel'nosti. Oslablennyj immunitet – ugroza suverenitetu. 14.08.2025. URL: https://xn--h1apes.xn--p1ai/about/press/oslablennyj-immunitet-ugroza-suverenitetu (data obrashcheniya: 07.08.2026).
10. Minaeva A.I. Individual'nye sub"ekty rossijskogo prava v usloviyah razvitiya cifrovyh tekhnologij: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. … kand. yurid. nauk: 5.1.1. M., 2022. 179 s.
11. Litvinceva E.A., Vasekin A.S. Formirovanie cifrovogo sovereniteta lichnosti: kommunikativnyj aspekt // Kommunikologiya. 2024. T. 12. № 3. S. 116-127. DOI: 10.21453/2311-3065-2024-12-3-116-127.
12. Usol'cev A.E. Konceptual'nye osnovy i principy Cifrovogo kodeksa Rossii // Molodoj uchenyj. 2025. № 36 (587). S. 149–152. URL: https://moluch.ru/archive/587/128322 (data obrashcheniya: 07.08.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 174-185.

УДК 316.624; 343.85; 347.19; 347.641

УЧАСТИЕ ДОБРОВОЛЬЦЕВ (ВОЛОНТЕРОВ) В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Казанцева Е. В.
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

По данным Росстата в 2025 г. впервые за пять лет зафиксировали рост числа безнадзорных детей. Одновременно фиксируются случаи вовлечения подростков в противоправные действия, в том числе в деструктивные онлайн-сообщества и террористические и(или)экстремистские схемы. С целью повышения эффективности профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, законодателем предоставлено право добровольцам (волонтерам) и добровольческим (волонтерским) организациям, осуществлять индивидуальную профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в форме наставничества. Наставничество помогает точечно работать с теми, кто уже попал в группу риска, и не давать ситуации усугубляться. Однако правовое регулирование данного института имеет некоторые пробелы и коллизии. Участие волонтера (добровольца) и(или) волонтерской организаций в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних имеет два направления: Первое направление – направлено на участие в общей и групповой профилактике, для этого волонтерская организация должна иметь соответствующую цель, а волонтёр – зарегистрирован в ЕИС в данном направлении деятельности. Второе направление характеризуется участием в индивидуальной профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних добровольческой (волонтерской) организации и(или) добровольца (волонтера) в качестве наставника. Отмечено, что добровольческая (волонтерская) организация, не может быть наставником, их деятельность направлена только на оказание организационной помощи в проведении наставничества. Наставником может быть только субъект, который включен в реестр наставников — это инструмент, помогающий системно находить подходящих специалистов для работы с несовершеннолетними, контролировать их квалификацию и безопасность, а также давать возможность актуализировать информацию. Наставник в профилактической деятельности может проводить только индивидуальную профилактическую работу. Добровольческая (волонтёрская) организация, как наставник, по мнению автора, может только оказать содействие в проведении группой профилактики. Автором отмечено, что волонтером-наставником может быть совершеннолетний дееспособный гражданин, не имеющий судимости, прошедший отбор и обучение по специальной программе, и включен в реестр наставников.Правовое регулирование осуществления добровольцами (волонтерами) и(или) добровольческими (волонтерскими) организациями индивидуальной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в форме наставничества, имеет пробелы и коллизии и требует реформирования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: безнадзорность, волонтер, волонтёрская организация, доброволец, добровольческая организация, индивидуальная профилактика, наставник, несовершеннолетний, реестр.

«Voluntarius» латинское слово и переводится как «добровольный». В научной исторической доктрине отмечается, что слово «volontaire» появилось в XVII в. во Франции. Волонтерами называли солдат-добровольцев, которые принимали участия в войнах за вознаграждение.

Непосредственно слово «доброволец» имеет славянское происхождение, имеющие словообразовательный признак старославянизма: добро. Как отмечал в 2022 г. Владимир Путин «доброволец» – наше российское слово, а «волонтер» – международное слово. Президент подчеркнул, что такой человек в первую очередь тот, кто оказывает помощь другим по «доброй воле».

Современным словарям русского языка присущи определённые особенности в толковании указанных дефиниций. Во-первых, в словарях фиксируются термины «волонтер» и «доброволец» в двух значения: соответственно в военном и гуманитарном. Во-вторых, выделяется два типа контекстов употребления указанных дефиниций: 1) в законодательном контексте, используются как однородные члены предложения, и как абсолютные синонимы; 2) в общем контексте – неабсолютные синонимы (слова, которые отличаются друг от друга компонентами значения).

Анализ научных трудов, посвященных истории становления и развития добровольчества (волонтерства) в мире, в том числе и России, позволяет отметить два по-

лярных взгляда. Согласно первого – добровольчество (волонтерство) является самостоятельным социальным феноменом, который зародился в античной Греции и Риме. В России ее возникновение связывают с принятием христианства, а первые правовое предпосылки закрепления осуществлены в 1551 г. Иваном Грозным. Вторая группа ученых рассматривает добровольчество (волонтерство) как форму благотворительной деятельности, которая появляется в мире в XIX в., а в России XX [1, с. 21-22]. Не вдаваясь в полемику исторических аспектов возникновения и становления добровольчество (волонтерство), отметим, что, по мнению автора, это социальный феномен, являющийся формой благотворительности.

Закон, регулирующий добровольческую (волонтерскую) деятельность, появился в 1995 г. (Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – Федерального закона № 135)) [2]. Законодатель определяет, что под добровольческой (волонтерской) деятельностью следует понимать добровольную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и(или) оказания услуг в целях четко определенных законодателем.

В ст. 2 Федерального закона № 135 законодатель закрепляет исчерпывающий перечень целей деятельности добровольцев (волонтеров) и(или) добровольческой (волонтерской) организации. В 2010 г. указанная норма дополняется целью: «участия в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В 2018 г. волонтёрская деятельность получает самостоятельный правовой статус, который постоянно трансформируется с учетом развития общественных правоотношений.

По данным Росстата в 2025 г. в России впервые за 5 лет зафиксировали рост числа безнадзорных детей. Одновременно фиксируются случаи вовлечения подростков в противоправные действия, в том числе в деструктивные онлайн-сообщества, в террористические или экстремистские схемы. С целью повышения эффективности профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также во исполнения поручений Президента России, законодателем в 2025 г. предоставляется право добровольцам (волонтерам) и(или) добровольческим (волонтерским) организациям, осуществлять индивидуальную профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в форме наставничества. По мнению законодателя, наставничество поможет точечно работать с теми, кто уже попал в группу риска, и не давать ситуации усугубляться. Однако правовое регулирование данного института имеет некоторые пробели и коллизии.

Согласно единой информационной системе (далее – ЕИС) «Добро.рф», в России по состоянию на 1.01.2026 г. зарегистрировано свыше 9-ти миллионов добровольцев. Указанный портал (ранее имел называние «Добро.ру») создан Ассоциацией волонтерских движений (далее – Ассоциация), которая появляется, как и портал в 2014 г., по инициативе Президента России, в период динамично развивающегося интереса нашего и мирового сообщества к добровольчеству (волонтерству) и его реализации. Первичная цель создание портала – вовлечение граждан в добровольческую (волонтерскую) деятельность. Оценив положительные аспекты развития в внедрения в общество добровольческой (волонтерской) деятельности, законодатель, в лице Федерального агентства по делам молодёжи с 2016 г. оказывает всестороннею государственную поддержку в развитии Ассоциации и сайта «Добро.рф». Основная задача сайта – реестр волонтёрских организаций, сводилась к тому, чтобы связать тех, кто ищет помощь, и тех, кто готов её оказать, в том числе обеспечить взаимосвязь существующих и планирующих социальных проектов России.

В 2018 г. данный сайт получил первое официальное законодательное закрепление: Федеральным законом от 05.02.2018 № 15 [3] в Федеральный закон № 135 вводится ст. 17.5. Единая информационная система в сфере развития добровольчества

(волонтерства). Указанная норма содержит два ключевых аспекта: 1) закрепление организационных и контролирующих полномочий в сфере развития добровольчества (волонтерства) за Правительством РФ; 2) закрепление принципа добровольности по предоставлению информации в ЕИС непосредственно зарегистрированными пользователями (добровольцами (волонтерами) и(или) добровольческими (волонтерскими) организациями).

Реализуя предоставленные полномочия в 2019 г. Правительство РФ, принимает постановление от 17.08.2019 № 1067 [4], закрепляющее правила функционирования ЕИС. Проанализировав правила, с учетом тематики нашего исследования, отметить, что особенностью ЕИС является наличие в ней информации о: 1) добровольцах (волонтерах), в том числе информации о количестве часов, затраченных ими на данную деятельность; 2) компетенциях добровольцев (волонтеров) и о полученном опыте; 3) добровольческих (волонтерских) организациях и действующих ресурсных центрах, в том числе о видах их деятельности.

Следует отметить, что вся информация в ЕИС вноситься зарегистрированными пользователями самостоятельно, после первичной регистрации. Информация о количестве затраченных часов волонтерами при осуществлении деятельности вносится добровольческими (волонтерскими) организациями или благополучателями (благополучатели – это субъект правоотношений, которые получили услугу от добровольцев и являются пользователями ЕИС). Таким образом, можем констатировать, что актуальность, достоверность и полнота внесенной информации в ЕИС лежит непосредственно на зарегистрированных пользователях [5], а ее достоверность вызывает множество вопросов.

Распространение по миру и России короновирусной инфекции «COVID-19» (в конце 2019 г.), введение государствами на своих территориях локдауна [6, с.212], указало на значимость волонтерской деятельности в обществе, и потребовало от государственных органов более значимой поддержке их деятельности. Анализ правовых актов в сфере деятельности добровольцев (волонтеров) и(или) добровольческих (волонтерских) организаций, позволяет отметить, что существенное изменения и дополнения, направленные на всестороннюю им поддержку как со стороны государственных органов, так и со стороны общества начинается только с 2021 г.

Изучая законодательные акты, научную доктрину, различные правила, инструкции, положения деятельности добровольческих (волонтерских) организаций, можем отметить некоторые аспекты деятельности добровольцев (волонтеров) и(или) добровольческих (волонтерских) организаций.

Во-первых, практически все зарегистрированные добровольцы (волонтеры) являются членами той или иной волонтерской организации. Да, ЕИС позволяет регистрироваться физическому лицу самостоятельно, однако при оказании услуги, они всегда взаимодействуют с той или иной организацией, которая, в последующем, включает их как своего члена организации. Без регистрации в ЕИС гражданин оказывающий помощь иным субъектам общества, рассматривается не как волонтер, а как физическое лицо. Во-вторых, в законодательстве отсутствует требование к возрасту физического лица, желающего стать волонтёром.

Из анализа информации волонтерских организаций, размещенной в свободном доступе на их официальных сайтах, их участниками могут быть как совершеннолетние граждане, так и несовершеннолетние, которым исполнилось четырнадцать лет, но при условии, наличия письменного согласия родителей.

В ранних исследованиях, автором отмечалось, что несовершеннолетние могут быть участниками следующих видов добровольческих (волонтерских) организаций: 1) молодежных объединений (с четырнадцати лет); 2) детских общественных движений (с 8 лет) [7, с. 48-54]. К примеру, несовершеннолетние (участники детского

общественного движения) среднеобразовательных школ принимают участие в плетении маскировочных сетей, для участников СВО.

В-третьих, в Федеральном законе № 139 закреплено, что, исходя из условий и порядка осуществления добровольческой деятельности, добровольческие (волонтерские) организации могут самостоятельно определять требования к волонтёру. Исключением является указание законодателя, что если для какой-то деятельности нужны особые медицинские показания, то организатор вправе требовать соответствующие справки, а волонтёр может рассчитывать на компенсацию расходов, затраченных на медицинское обследование. При этом законодатель не называет каких-либо универсальных перечней требований для всех, а предоставляет право организациям или благополучателю, самостоятельно их устанавливать в зависимости от вида деятельности (услуги), к примеру, к навыкам или опыту, к состоянию здоровья. Также, к примеру, в 2018 г. постановлением Правительства РФ от 28.11.2018 № 1425 [8], утверждены общие требования к порядку взаимодействия государственных и муниципальных органов, с волонтёрскими организациями, а в 2024 г. эти требования детализированы [9]. В указанном порядке определены требования к состоянию здоровья добровольца (волонтера) при осуществлении им волонтерской деятельности, такие как отсутствие повышенной температуры тела, отсутствие заболевания туберкулезом органов дыхания (эти требования предъявляются и к волонтеру-наставнику).

В-четвертых, участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних добровольцев (волонтеров) и добровольческих (волонтерских) организаций имеет два направления:

Первое направление – это их участие в общей и групповой профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Для осуществления указанной деятельности в уставных документах добровольческой (волонтерской) организации должна быть указана данная цель деятельности [1, с. 21-25], также, как и доброволец (волонтер), организация обязана зарегистрироваться в ЕИС и подать заявление о готовности участвовать в профилактической деятельности. Напомним, что общая профилактика – это деятельность субъектов профилактики, направленная непосредственно на всех несовершеннолетних, и в обязательном порядке на тех, кто предрасположен к совершению правонарушений, а также на лиц, которые несут непосредственную ответственность за несовершеннолетнего [10, с. 244]. Групповая профилактика – это продолжительная (в большинстве случаев длительная) деятельность субъектов профилактики направлена непосредственно на группу несовершеннолетних, которые предрасположены к совершению правонарушений, или были вовлечены в правонарушение [10, с. 245].

Второе направление – это их участие в индивидуальной профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в форме наставничества. Добровольческой (волонтерской) организации и(или) добровольцу (волонтеру) необходимо зарегистрироваться в ЕИС и получить статус наставника (добровольца-наставника). Индивидуальная профилактическая работа – это систематическая деятельность субъектов профилактики по оказанию корректирующего воздействия, направленного непосредственно на несовершеннолетнего, который предрасположен к совершению правонарушений, а также лиц (опекунов, попечителей или должностных лиц «детских домов»), которые несут непосредственную ответственность за несовершеннолетнего [10, с. 246].

Несмотря на то, что институт наставничества имеет глубокие корни, законодательное закрепление он получил только в 2024 г. 2023 г. был объявлен Президентом России «Годом педагога и наставника». В 2024 г. Президент РФ дает поручение [11] по внедрению института наставничества в нашем обществе, в том числе с целью

профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Во исполнение поручения Президента России, в законодательство вносится ряд изменений, среди которых, одним из ключевых, является предоставление права волонтерам-наставникам принимать участие в профилактической работе с несовершеннолетними. Суть данного наставничества в том, чтобы дать «второй шанс» несовершеннолетним, которые уже совершили проступок или находятся на грани, в том числе пребывают на профилактических учетах.

Как отмечалось инициаторами законопроекта: в соответствии с ФЗ № 120 [12], в отношении «трудных подростков» органами профилактики постоянно проводится индивидуальная профилактическая работа. На начало 2024 г., индивидуальная профилактическая работа проводилась в отношении 15 категорий несовершеннолетних (421 тыс. человек) [13]. По мнению автора, приведенные статистические данные вызывают недоверие, так как, 1) единой статистической информации по всей России нет, статистика ведётся по регионам, и в каждом субъекте свой перечень профилактических учётов; 2) по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2023 г. в России было осуждено 12 769 несовершеннолетних. Следует помнить, что по уголовному законодательству «общий» возраст ответственности начинается с 16 лет, а за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления с четырнадцати лет. В-третьих, по официальным статистическим данным в 2023 г. в России зарегистрировано 17,3 млн. несовершеннолетних в возрасте от 7 до 18 лет [14].

Авторы инициативы отмечали, что действующая система будет способствовать перевоспитанию, погружению подростков в социальную среду с «позитивными установками», позволяя сменить окружение, найти позитивные примеры, вовлечь в досуг, волонтёрство, спорт или творчество и т.д.

Внесенные изменения в Федеральный закон №135 имеют две особенности:

1) Введение непосредственно института наставничества. Цель деятельности наставника четко определена законодателем и состоит из: устранения причин и условий, способствовавших безнадзорности, беспризорности, правонарушениям или антиобщественным действиям несовершеннолетнего; содействия получению им образования, в том числе дополнительного; обеспечению его досуга (п. 12 ст. 8.2 Федерального закона № 120).

2) Создание государственной информационной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (далее – реестр наставников). Цель созданного реестра наставников, с одной стороны – обеспечить надлежащее функционирование взаимодействия между субъектами профилактики, а с другой – обеспечить проведение качественной индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, чтобы помочь подросткам преодолеть трудности, скорректировать поведение и не допустить безнадзорности или правонарушения. По мнению специалистов, реестр наставников – это не просто список добровольцев (волонтеров) и(или) добровольческих (волонтерских) организаций, а важный инструмент для системной работы с несовершеннолетними, которые находятся в сложной жизненной ситуации.

Формирование реестра наставников возложено на Минпросвещение РФ. Реестр наставников имеет 2 уровня [15]. Федеральный уровень: формирование и ведение реестров наставников (отдельно для физических лиц и отдельно для организаций) осуществляет Минпросвещения. При этом сами заявления субъекты правоотношений подают не напрямую в министерство, а через ЕИС в сфере развития добровольчества (волонтёрства) [16]. Уполномоченная организация собирает эти данные и передаёт их в ведомство с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия. Следует отметить, что в эти реестры попадают субъекты из

регионального уровня (реестра). Региональный уровень: учет (реестр) кандидатов ведут комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП).

Когда субъект правоотношений хочет стать наставником, он подаёт заявление с иными документами непосредственно в такую комиссию по месту пребывания или жительства. КДНиЗП проверяет сведения (может запрашивать характеристики с работы или учёбы, данные из органов внутренних дел, органов опеки и попечительства тому подобное), оценивает, соответствует ли кандидат требованиям (например, нет ли ограничений по закону для работы с неовершеннолетними). На основе изучения полученной (собранной) информации КДНиЗП (коллегиально) принимает постановление — включать субъекта в свой локальный список кандидатов или нет.

Законодатель утвердил перечень требований к документам, необходимых для включения добровольца (волонтера) в реестр [17]. Их анализ позволяет нам выделить несколько ключевых аспектов. Во-первых, данный перечень является открытым, следовательно, комиссии могут дополнительно устанавливать свои требования к наставникам. Во-вторых, обязательным для включения добровольца (волонтера) в реестр является прохождение специальной подготовки.

Порядок прохождение специальной подготовки устанавливается Минпросвещением (приказ от 20.12.2024 № 969 [18]), отмечается, что подготовка проводится на бесплатной основе, в период учебного года. Как следует из информации, размещенной на официальных сайтах муниципальных образований и КДНиЗП, подготовка проходит в форме онлайн-курса уполномоченной организации. Полную и достоверную информацию об организациях и учреждениях проводимых специальную подготовку, можно получить в КДНиЗП субъекта РФ. Подготовка наставников осуществляется в соответствии с разработанным и утверждённым «планом реализации программы наставничества», с учётом общих требований Положения о наставничестве [19]. После успешного завершения выдаётся документ (сертификат), который нужно приложить к заявлению для включения в реестр наставников.

На официальных сайтах муниципальных образований встречается информация, что не требуется прохождения специальной подготовки для педагогических и социальных работников. Необходимо лишь документально подтвердить квалификацию и подать заявление о готовности участвовать в профилактике. Однако из анализа действующего законодательства, следует, что в законодательстве нет такого исключения для педагогических и социальных работников. Указанное исключение действует в связи с тем, что в России существует официальная квалификационная категория «педагог-наставник». Порядок её установления закреплён в Приказ Минпросвещения РФ от 24.03.2023 № 196 [20], в котором отмечается, что к аттестации на эту категорию допускают педагогов, у которых уже есть высшая квалификационная категория по основной должности.

Одним из критериев для включения в реестр наставников является реальный, подтверждённый практикой опыт наставничества (сопровождение молодых специалистов, руководство практикой студентов и тому подобно), который педагог демонстрирует в портфолио. Иными словами, законодатель делает акцент на опыте, а не на дипломе о специальной подготовке. Но окончательное решение принимается КДНиЗП после изучения предоставленных документов.

Следует отметить, что, несмотря на соблюдения указанных условий включения субъектов в реестр наставников, необходимо учитывать иные нормы нормативных правовых актов, в которых законодатель четко определяет перечень граждан, которые не имеют права работать с несовершеннолетними, к ним относят: 1) лиц, имеющих или имевших судимость, а равно и подвергавшихся уголовному преследованию за преступления (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) (ст. 351.1 Трудового ко-

декса РФ) [21]. 2) Лиц, которые не могут быть учредителями и(или) участниками и(или) членами некоммерческих организаций, а, следовательно, и добровольческой (волонтёрской) организации [12]. 3) Лиц, признанных иностранными агентами [12].

Таким образом, законодатель не устанавливает жёсткий единый порядок для всех комиссий, а определяет «общие рамки», в которых комиссии получают полномочие самостоятельно определять существенные условия, к примеру, как именно отбирать кандидатов, как закреплять наставника за конкретным несовершеннолетним, в какие сроки рассматривать заявления, как отменять или заменять наставника.

В-третьих, законодатель предоставляет право добровольцу обратиться с заявлением об исключении его из реестра, без каких-либо объяснений. При этом право на повторное включение в реестр, возникает только через два года.

В-четвертых, в законодательстве отсутствует единое федеральное требование к возрасту наставника, нет указания даже на термин «полная дееспособность». Отсутствует указание на возраст и в нормах трудового законодательства, регулирующего наставничество. Как показывает анализ регионального законодательства, некоторые субъекты устанавливают возраст самостоятельно, к примеру, двадцать три года [22]. По мнению автора, данный пробел является одним из существенных в правовом регулировании наставничества. Для включения в реестр добровольческий (волонтёрской) организаций руководителем (уполномоченным представителем) организаций подается заявление с использованием ЕИС с пакетом документов, подтверждающих регистрацию субъекта как юридического лица [1, с. 21-25].

Несмотря на то, что законодатель закрепляет 2 вида наставников в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: граждане-добровольцы (граждане-волонтеры) и добровольческие (волонтерские) организации, последние не являются наставниками. Так как наставник – это физическое лицо (доброволец (волонтер)), сопровождающий несовершеннолетнего, нуждающегося в помощи и поддержки, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Цель его работы оказание социально-психолого-педагогической помощи и поддержки сопровождающему лицу. Как отмечает законодатель, наставник в профилактической деятельности может проводить только индивидуальную профилактическую работу. Добровольческая (волонтёрская) организация, как наставник, по мнению автора, может только оказать содействие в проведении группой профилактики. К примеру, оказать содействие в проведении с несовершеннолетними спортивных мероприятий или культурно-массовых мероприятий.

Деятельность добровольцев (волонтеров) и добровольческих (волонтерских) организаций по наставничеству выполняется безвозмездно. Назначение наставника и(или) организации, осуществляется решением КДНиЗП, но при условии наличия согласия самого несовершеннолетнего (лица в отношении которого проводится профилактика) и его законных представителей. В законодательстве отсутствует указание на то, обязательно должно ли быть согласие обоих родителей, или достаточно письменного согласия только одного. Анализ семейной судебной практики показывает, что этот вопрос остается спорным и актуальным во многих аспектах касающихся воспитания ребенка родителями. Потому окончательное решение остается за КДНиЗП ил за судебными органами.

В законодательстве отсутствует норма, регламентирующая возраст несовершеннолетнего, в отношении которого проводится индивидуальная профилактика. Большинство специалистов отмечают, что это лица, достигшие четырнадцати лет, наделенные законодателем частичной дееспособности, и прежде всего, правом выражать свое мнение. С этим сложно согласится, так как, во-первых, буквальное толкование норм законодательства позволяет отметить, что ключевым условием проведения индивидуальной профилактической работы в отношении несовершеннолетне-

го является наличие конкретных обстоятельств, которые дают основание для вмешательства. Во-вторых, в Федеральном законе № 120, указан союз «или», что предполагает право выбора между законными представителями и несовершеннолетним, но при условии достижения последним четырнадцати лет. По мнению автора, возраст профилактируемого должен быть определен в федеральном законодательстве.

Законодатель определил четкий, исчерпывающий перечень прав и обязанностей наставника (ч. 13 и ч. 14 ст. 8.2. ФЗ № 120). Так наставник имеет право только посещать несовершеннолетнего (дома или в образовательной организации) и(или) проводить с ним беседы и(или) привлекать его к волонтерству, в том числе к участию в спортивных, образовательных, культурных мероприятиях и(или) осуществлять иную деятельность, в целях содействия его физического, интеллектуального, психического, духовного и нравственного развития, но при наличии согласия законного представителя или с согласия самого несовершеннолетнего (подопечного), достигшего возраста 14 лет. Резюмируя можно отметить, что права наставника сводятся к беседе и вовлечению несовершеннолетнего активно-полезную деятельность.

Законодатель определил только 3 обязанности наставника: 1) самостоятельно определять форму и периодичность осуществления наставничества, которое должно быть согласовано с законными представителями или самым несовершеннолетним (достигшим 14 лет); 2) содействовать обеспечению досуга несовершеннолетнего, что тождественно закрепленным законодателем правам наставника; 3) отчитываться перед КДНиЗП о проведенных мероприятиях с несовершеннолетними. Порядок и форму отчетных документов, принимает и утверждает федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации госполитики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования.

На основании предоставленных отчетов с обязательным учетом мнения законных представителей, КДНиЗП имеет право принять решение: 1) о достижении или не достижении целей наставничества; 2) об отмене назначения добровольца (волонтера) наставником или о его замене; 3) об исключении из регионального реестра наставников, и ходатайстве об исключении его из федерального реестра. Право на замену наставника-волонтера или об отмене наставничества, имеют также; законные представители несовершеннолетнего, в отношении которого проводится профилактика; непосредственно сам несовершеннолетний; наставник-волонтер.

Как отмечалось суть наставничества в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в индивидуальной поддержке несовершеннолетнего, в погружении его в социальную среду с «позитивными установками», оказание помочи по его социализации, формировании законопослушного поведения и снижения риска асоциальных поступков. Деятельность волонтеров-наставников в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основывается на принципах: Добровольности: участие наставника и несовершеннолетнего должно быть осознанным, добровольным, без принуждения. Индивидуальный подход: учитываются особенностей несовершеннолетнего и его жизненные обстоятельства. Конфиденциальность: защита личной информации о подопечном. Гуманность и уважение: профилактическая работа строится на доверительном диалоге, с признанием достоинства личности. Профилактическая направленность: акцент на предупреждении правонарушений и антисоциального поведения, а не только на реагировании на уже случившееся. Системность: наставничество эффективнее, когда оно проводится во взаимодействии с образовательной организации, правоохранительными органами, органами опеки и попечительства и так далее. Безвозмездность.

Наставник должен понимать, что для несовершеннолетнего он будет выступать примером, демонстрируя модель собственного ответственного поведения, следовательно, указанные цели достигаются путем: изучения жизни несовершеннолетнего:

его семьи, образовательной организации, круга общения, интересов и тому подобное; формирования нравственных ориентиров и уважения к закону; обучению конструктивного общения, разрешения конфликтов без агрессии, брать на себя ответственность за поступки; обсуждения реальных ситуаций и их правовых последствий, чтобы подросток осознавал риски; поиска занятия по душе: спортивные секции, кружки, волонтёрские проекты и т.п.; постоянного взаимодействия с законными представителями несовершеннолетнего, которое включает: обсуждение проблемы, совместный поиск меры профилактики, помогает наладить внутрисемейные отношения и т.д. Специалисты отмечают, что на практике волонтер-наставник использует следующие формы и методы работы: регулярные личные встречи и неформальное общение; совместное планирование и подведение итогов (например, «что получилось, что нет, что попробуем дальше»); вовлечение в социально одобряемую деятельность (волонтёрство, кружки, спорт, проекты); моделирование ситуаций и ролевые упражнения для отработки навыков; техники активного слушания, эмпатического отклика, ненасильственного общения; при необходимости — взаимодействие с психологом, социальным педагогом, классным руководителем, органами опеки.

Указанная деятельность направлена на создание условий, чтобы несовершеннолетний развивался гармонично, научился делать осознанный выбор в пользу закона и смог успешно интегрироваться в общество. По мнению автора, условия включения в реестр наставников следует существенно доработать, и включать граждан, которые имели опыт работы с несовершеннолетним. Следует помнить, что индивидуальная профилактика очень сложная и ответственная деятельность, любые сказанные слова, фразы наставника могут, как положительно сказаться на действия несовершеннолетнего, так и привести к необратимым негативным последствием.

Подводя итог, отметим, что участие волонтера (добровольца) и(или) волонтерской организаций в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних имеет два направления. Первое направлено на участие в общей и групповой профилактике, для этого волонтерская организация должна иметь соответствующую цель, а волонтёр – зарегистрирован в ЕИС в данном направлении деятельности. Второе характеризуется участием в индивидуальной профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних добровольческой (волонтерской) организации и(или) добровольца (волонтера) в качестве наставника.

Отмечено, что добровольческая (волонтерская) организация, не может быть наставником, их деятельность направлена только на оказание организационной помощи в проведении наставничества. Наставником может быть только субъект, который включен в реестр наставников — это инструмент, помогающий системно находить подходящих специалистов для работы с несовершеннолетними, контролировать их квалификацию и безопасность, а также давать возможность актуализировать информацию. Волонтером-наставником может быть совершеннолетний дееспособный гражданин, не имеющий судимости, прошедший отбор и обучение по специальной программе, и включен в реестр наставников. Правовое регулирование осуществления добровольцами (волонтерами) и(или) добровольческими (волонтерскими) организациями индивидуальной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в форме наставничества, имеет пробелы и коллизии и требует реформирования законодательства в данной сфере.

Список литературы:

1.Рыбалка, Е. А. Особенности правового регулирования добровольческой (волонтерской) деятельности в России / Е. А. Рыбалка, Е. В. Казанцева // Юристъ-Правоведъ. – 2024. – № 1(108). – С. 20-26.
2.Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»

3.Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4.Постановление Правительства РФ от 17.08.2019 № 1067 «О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)» «вместе с "Правилами функционирования единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства)», «Требованиями к технологическим и лингвистическим средствам единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства), в том числе требования к обеспечению автоматизации процессов сбора и обработки информации в указанной информационной системе», «Правилами информационного взаимодействия единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) с иными информационными системами»). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5.Правила пользователя единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства). [Электронный ресурс]. – URL: https://dobro.ru/terms
6.Казанцева, Е. В. Правовое регулирование ограничения свободы передвижения в период распространения COVID-19 / Е. В. Казанцева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 1. – С. 211-217.
7.Рыбалка, Е. А. Особенности участия несовершеннолетнего в общественных объединениях / Е. А. Рыбалка, Е. В. Казанцева // Философия права. – 2023. – № 3(106). – С. 47-54.
8.Постановление Правительства РФ от 28.11.2018 № 1425 (ред. от 24.01.2025) «Об утверждении общих требований к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями и перечня видов деятельности, в отношении которых федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления утверждается порядок взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Правительства РФ от 24.09.2024 № 1297 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 1425». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Казанцева, Е. В. К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел с общеобразовательными организациями в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних / Е. В. Казанцева // Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы : Материалы XXIV Международной научно-практической конференции, Нальчик, 22–23 мая 2020 года / Редколлегия: Д.М. Берова [и др.]. – Нальчик: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. – С. 239-247.
11. Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета (утв. Президентом РФ 12.02.2024 № Пр-251ГС). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73433?ysclid=msapht3ksa304846475
12. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Записка к Законопроекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 78685-8. [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/578685-8
14. В России снизилось количество осужденных несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250730/311057248.html? ysclid=msau96iw1492175820; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284
15. Постановление Правительства РФ от 26.03.2025 № 371 «Об утверждении Правил формирования реестра наставников, привлекаемых для осуществления индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, и реестра организаций, участвующих в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Федеральный закон от 08.08.2024 № 322-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Постановление Правительства РФ от 26.03.2025 № 371 «Об утверждении Правил формирования реестра наставников, привлекаемых для осуществления индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, и реестра организаций, участвующих в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Приказ Минпросвещения России от 20.12.2024 № 969 «Об утверждении Порядка прохождения гражданами Российской Федерации подготовки для включения в реестр наставников, привлекаемых для осуществления индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Постановление Правительства РФ от 07.10.2019 № 1296 «Об утверждении Положения о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Приказ Минпросвещения России от 24.03.2023 № 196 Об утверждении Порядка проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Закон Хабаровского края «О наставничестве над отдельными категориями несовершеннолетних и семьями с несовершеннолетними детьми, находящимися в социально опасном положении» от 20.04.2023.

Kazantseva E. V. The participation of volunteers in the prevention of neglect and juvenile delinquency: a theoretical aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 174–185.

According to Rosstat, in 2025, for the first time in five years, an increase in the number of street children was recorded. At the same time, cases of teenagers being involved in illegal activities, including destructive online communities and terrorist and/or extremist schemes, are being recorded. In order to increase the effectiveness of the prevention of neglect and juvenile delinquency, the legislator has granted the right to volunteers (volunteers) and voluntary (volunteer) organizations to carry out individual prevention of neglect and juvenile delinquency in the form of mentoring. Mentoring helps you to work with those who are already at risk and prevent the situation from getting worse. However, the legal regulation of this institution has some gaps and conflicts. To summarize, we note that the participation of a volunteer (volunteer) and (or) volunteer organizations in the prevention of neglect and juvenile delinquency has two directions: The first direction is aimed at participating in general and group prevention, for this the volunteer organization must have an appropriate goal, and the volunteer is registered in the EIS in this area of activity. The second area is characterized by the participation of a volunteer (volunteer) organization and (or) a volunteer (volunteer) as a mentor in the individual prevention of neglect and juvenile delinquency. It is noted that a volunteer organization cannot be a mentor, their activities are aimed only at providing organizational assistance in mentoring. A mentor can only be a subject who is included in the register of mentors. This is a tool that helps systematically find suitable specialists to work with minors, monitor their qualifications and safety, and provide an opportunity to update information. A mentor in preventive activities can only carry out individual preventive work. According to the author, a volunteer organization, as a mentor, can only assist in the prevention group. The author noted that a volunteer mentor can be an adult capable citizen who has no criminal record, has been selected and trained according to a special program, and is included in the register of mentors.

Keywords: neglect, volunteer, volunteer organization, volunteer, voluntary organization, individual prevention, mentor, minor, registry.

Spisok literatury:

1.Rybalka, E. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya dobrovol'cheskoj (volonterskoj) deyatel'nosti v Rossii / E. A. Rybalka, E. V. Kazanceva // Yurist"-Pravoved". – 2024. – № 1(108). – S. 20-26.
2.Federal'nyj zakon ot 11.08.1995 № 135-FZ «O blagotvoritel'noj deyatel'nosti i dobrovol'chestve (volonterstve)». Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus»
3.Federal'nyj zakon ot 05.02.2018 № 15-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam dobrovol'chestva (volonterstva)».
4.Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2019 № 1067 «O edinoj informacionnoj sisteme v sfere razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva)» «vmeste s \"Pravilami funkcionirovaniya edinoj informacionnoj sistemy v sfere razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva)», «Trebovaniyami k tekhnologicheskim i lingvisticheskim sredstvam edinoj informacionnoj sistemy v sfere razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva), v tom chisle trebovaniya k obespecheniyu avtomatizacii processov sbora i obrabotki informacii v ukazannoj informacionnoj sisteme», «Pravilami informacionnogo vzaimodejstviya edinoj informacionnoj sistemy v sfere razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva) s inymi informacionnymi sistemami»).
5.Pravila pol'zovatelya edinoj informacionnoj sistemy v sfere razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva). [Elektronnyj resurs]. – URL: https://dobro.ru/terms
6.Kazanceva, E. V. Pravovoe regulirovanie ogranicheniya svobody peredvizheniya v period rasprostraneniya COVID-19 / E. V. Kazanceva // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73), № 1. – S. 211-217.
7.Rybalka, E. A. Osobennosti uchastiya nesovershennoletnego v obshchestvennyh ob"edineniyah / E. A. Rybalka, E. V. Kazanceva // Filosofiya prava. – 2023. – № 3(106). – S. 47-54.

8.Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.11.2018 № 1425 (red. ot 24.01.2025) «Ob utverzhdenii obshchih trebovanij k poryadku vzaimodejstviya federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti, ispolnitel'nyh organov sub''ektov Rossijskoj Federacii, organov mestnogo samoupravleniya, podvedomstvennyh im gosudarstvennyh i municipal'nyh uchrezhdenij, inyh organizacij s organizatorami dobrovol'cheskoj (volonterskoj) deyatel'nosti i dobrovol'cheskimi (volonterskimi) organizaciyami i perechnya vidov deyatel'nosti, v otnoshenii kotoryh federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti, ispolnitel'nymi organami sub''ektov Rossijskoj Federacii, organami mestnogo samoupravleniya utverzhdaetsya poryadok vzaimodejstviya gosudarstvennyh i municipal'nyh uchrezhdenij s organizatorami dobrovol'cheskoj (volonterskoj) deyatel'nosti, dobrovol'cheskimi (volonterskimi) organizaciyami». Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
9.Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.09.2024 № 1297 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 noyabrya 2018 g. № 1425». Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
10. Kazanceva, E. V. K voprosu o vzaimodejstvii organov vnutrennih del s obshcheobrazovatel'nymi organizaciyami v sfere profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih / E. V. Kazanceva // Effektivnoe protivodejstvie prestupnosti v usloviyah globalizacii: problemy i perspektivy : Materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Nal'chik, 22–23 maya 2020 goda / Redkollegiya: D.M. Berova [i dr.]. – Nal'chik: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii», 2020. S. 239-247.
11. Perechen' poruchenij po itogam zasedaniya Gosudarstvennogo Soveta (utv. Prezidentom RF 12.02.2024 № Pr-251GS). [Elektronnyj resurs].
12. Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih». Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
13. Zapiska k Zakonoproektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» № 78685-8. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/578685-8
14. V Rossii snizilos' kolichestvo osuzhdennyh nesovershennoletnih. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_department_news/20250730/311057248.html?Ysclid=msau 96iw1492175820; Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu. [Elektronnyj resurs].
15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.03.2025 № 371 «Ob utverzhdenii Pravil formirovaniya reestra nastavnikov, privlekaemyh dlya osushchestvleniya individual'noj profilakticheskoj raboty s nesovershennoletnimi, i reestra organizacij, uchastvuyushchih v deyatel'nosti po profilaktike beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih». Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
16. Federal'nyj zakon ot 08.08.2024 № 322-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.03.2025 № 371 «Ob utverzhdenii Pravil formirovaniya reestra nastavnikov, privlekaemyh dlya osushchestvleniya individual'noj profilakticheskoj raboty s nesovershennoletnimi, i reestra organizacij, uchastvuyushchih v deyatel'nosti po profilaktike beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih». Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
18. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 20.12.2024 № 969 «Ob utverzhdenii Poryadka prohozhdeniya grazhdanami Rossijskoj Federacii podgotovki dlya vklyucheniya v reestr nastavnikov, privlekaemyh dlya osushchestvleniya individual'noj profilakticheskoj raboty s nesovershennoletnimi».
19. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 07.10.2019 № 1296 «Ob utverzhdenii Polozheniya o nastavnichestve na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii».
20. Prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 24.03.2023 № 196 Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya attestacii pedagogicheskih rabotnikov organizacij, osushchestvlyayushchih obrazovatel'nuyu deyatel'nost'».
21. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ.
22. Zakon Habarovskogo kraya «O nastavnichestve nad otdel'nymi kategoriyami nesovershennoletnih i sem'yami s nesovershennoletnimi det'mi, nahodyashchimisya v social'no opasnom polozhenii» ot 20.04.2023. [Elektronnyj resurs]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&backlink=1&nd=180177443&page=1&rdk=1&ysclid=msai0tuk3979692086#I0
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 186-190.

УДК 342.9: 004

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Зайцев И. А.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

Предпринимается попытка на теоретическом уровне осмыслить социальную сущность эффективности применения административных наказаний с позиции доктринальных представлений известных ученых-административистов. Авторский подход понимания социального предназначения эффективности применения административных наказаний предлагается выстраивать ещё на первоначальном этапе с оценкой исходного состояния общественных отношений, то есть до того момента, когда такого административно-деликтного запрета ещё не было и, соответственно, отсутствовали предпосылки для юридической ответственности. Для этого следует качественно готовить пояснительную записку к проекту федерального закона о дополнении административно-деликтного закона новыми нормами с установленным размером наказания, содержащую статистические данные о неэффективности действующего правового регулирования, возможной нагрузки на правоприменителя и обоснование финансовых затрат для осуществления производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, административные наказания, эффективность административных наказаний, административные правонарушения, цели административных наказаний, административно-наказательная политика.

В научных публикациях по исследуемой тематике, как правило, применяется метод статистического анализа, имеющий практико-ориентированную направленность, оценивающий эффективность административно-юрисдикционной деятельности, используя для этого количественные показатели, отвечающие на вопрос об общем числе выявленных административных правонарушениях, возбужденных и рассмотренных дел об административных правонарушениях, о лицах, привлеченных к административной ответственности и т.д. [1, с. 53].

Иной взгляд на эффективность отдельных видов административных наказаний, например, административного штрафа, применяемого для обеспечения безопасности дорожного движения (гл. 12 КоАП РФ), имеют С.М. Зырянов и А.В. Калмыкова, предлагающие рассматривать его эффективность в комплексе объективных (общее количество участников дорожного движения и совершенных административных правонарушений, размер причинённого ущерба, наличие взаимосвязи между административной санкцией и «средним доходом» виновного лица) и субъективных критериев («данные, непосредственно характеризующие субъекта правонарушения») [2, с. 37-43].

Вместе с тем цели административных наказаний универсальны и сочетают в себе установленную государством меру ответственности за совершенное административного правонарушения, направленную не на исправление поведения, а на предупреждение (не допустить) здесь и сейчас, а также в будущем совершение новых правонарушений (ст. 3.1 КоАП РФ). Наряду с этим административное наказание несет в себе и гуманистические начала, ставя приоритет прав и свобод человека над всеми иными интересами, не допуская в какого-либо форме унизить достоинство личности или причинить физические страдания, распространяя свое правовое воздействие и на юридических лиц, не позволяя нанесение вреда деловой репутации (ч. 2 ст. 3.1 КоАП РФ).

Позволим высказать мнение, что достижение поставленных в административно-деликтном законе целей по достижению социального эффекта административных наказаний (ст. 3.1 КоАП РФ) возможно при соблюдении следующих условий.

Во-первых, наличие стабильного и тщательно систематизированного административно-деликтного законодательства, подробно регламентирующего применение административных наказаний и одновременно обеспечивающего своевременное информирование граждан страны о введении новых административных запретов (норм), устанавливающих административную ответственность за их совершение.

Во-вторых, совершенствование процессуально-правовой составляющей административной ответственности – производство по делам об административных правонарушениях. Поэтапно регулируя порядок возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях, внедряя современные цифровые технологии, способствующие в дистанционном режиме вынести любое процессуальное решение, в том числе постановление о привлечении к административной ответственности с назначением административного наказания и его исполнить, обеспечивая реализацию принципа неотвратимости наказания, а также воспользоваться любому лицу, привлекаемому к административной ответственности, правом обжалования вынесенного решения.

В-третьих, применение административной санкции должно восприниматься как законное, соразмерное и справедливое административное наказание. В научной литературе принято ассоциировать с внешним правовым воздействием на внутренние регуляторы поведения, формируя понимание правильности применяемого административного наказания, а также его соответствие индивидуальным и общественным интересам [3, с. 102]. В противном случае административное наказание «не может выполнить своей социальной функции» [4, с. 182-183].

Считаем, что правильность выше предложенных суждений соответствует и развивает взгляды ученых-административистов, изложенные на доктринальном уровне, продолжая процесс преемственности, развивая теоретические представления, определяющие целевой характер назначения административных наказаний, направленных на достижение социального эффекта. Так, А.С. Дугенец считает необходимым внести уточнение и конкретизировать окончательные результаты (цели) социальной эффективности административных наказаний, направляя их на «достижение определённых законодателем целей охраны общественного правопорядка и обеспечение безопасности российского общества» [5, с. 192].

Социальную эффективность административных наказаний, по мнению И.В. Максимова, следует признавать как главный показатель «эффективности административно-наказательной политики государства», сочетающий в себе экономичность, адаптивность и взаимосвязь мер административного воздействия с обеспечением «справедливого и гуманного распределения бремени негативных последствий», а также в виде «адекватной реакции государства (…) на правонарушение, с одной стороны, и позволяющее, – исходя из принципов справедливости, соразмерности и правовой безопасности, – гарантировать защиту конституционных ценностей, прежде всего, прав и свобод человека и гражданина, с другой стороны» [6, с. 12]. В свою очередь О.С. Рогачева, предлагает выделять 4 критерия (целевой, социальный, экономический и психологический), в комплексе влияющие на создание, изменение или отмену административно-деликтных норм, регулирующих общественные отношения по применению административных наказаний, и условия, от которых зависит их эффективность. К ней (эффективности) предлагается относить не только государственную политику по профилактике, предупреждению и пресечению административных правонарушений, но и «правовое качество законов об административных правонарушениях; правоприменительную деятельность судей, уполномоченных органов исполнительной власти и их должностных лиц (….) по возбуждению дела об административных правонарушениях, его рассмотрению и выне-

сению постановления по делу; исполнению постановления по делу; правовую культуру правоприменителя; правосознание правонарушителя» [7, с. 22, 262-263].

При исследовании эффективности административных наказаний, отдельные специалисты предупреждают о возможно обратном (отрицательном) результате, когда «точное, строгое, неукоснительное соблюдение и исполнение (достижение юридической эффективности) нормы права» идет в разрез с уже сложившимися историческими «позитивными отношениями либо объективными потребностями», приводящими к наступлению неблагоприятных социальных последствий, в которых будут отсутствовать ожидаемые социальные результаты [8, с. 12].

Представляется, что во многом такой негативный результат возможен при несовпадении социальных целей, заложенных изначально в административно-деликтную норму, и целей административных наказаний. Их несоответствие общим требованиям, выступающим своеобразным способом измерения эффективности (потенциальной и реальной), включающим в себя признание истинности правовых норм и не придание значению тем основополагающим интересам, направленным на удовлетворение потребностям общества, не позволяющим достичь «социально полезные цели правового регулирования» [8, с. 12].

Приоритетные направления эффективности применения административных наказаний следует закладывать на этапе изучения социальных проблем и предполагает оценку исходного состояния общественных отношений, то есть до того момента, когда такого запрета ещё не было и, соответственно, отсутствовали предпосылки для установления административной ответственности. На этом этапе происходит сбор и анализ статистических данных, информационно-справочных и иных материалов, позволяющих в комплексе установить масштабы социальной проблемы и существующие правовые пробелы в административной и судебной практике, обратиться к мнению экспертов о целесообразности подготовки проекта нормативного правового акта с обоснованной актуальностью введения нового вида административного правонарушения и наказания за его совершение.

В российской правовой системе началом публичного (общественного) обсуждения подготавливаемых проектов нормативных правовых актов (далее – проект НПА) и одновременно создание института оценки их регулирующего воздействия стало возможным в результате проведения административной реформы 2006-2010 гг. Реформирование было направлено на повышение качества и доступности государственных услуг, ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования и улучшения эффективной составляющей деятельности органов исполнительной власти [9].

Развитие института оценки регулирующего воздействия проектов НПА, выступает одним из условий совершенствования системы государственного управления с акцентированием внимания на создание дополнительных преференций для бизнеса (в рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») по недопустимости установления избыточных обязанностей, запретов и ограничений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению [10].

По результатам общественных обсуждений и экспертных оценок устанавливаются положительные и отрицательные последствия от принятия законопроекта, проектируется возможность решения задач, стоящих перед правовым регулированием, исследуются проблемы и предлагаются способы их устранения [11], предполагающие, в том числе задействование института административной ответственности.

Подводя итог теоретическому осмыслению социальной сущности эффективности применения административных наказаний, то она, по нашему мнению, направлена

на проведение государственной политики по предупреждению правонарушений, закладываемой на этапе изучения социальных проблем и предполагает оценку исходного состояния общественных отношений, то есть до того момента, когда такого запрета ещё не было и, соответственно, отсутствовали предпосылки какой-либо юридической ответственности. Для решения социальных проблем (в практической плоскости) при введении новых составов административных правонарушений в пояснительных записках к проектам федеральных законов с установленной государственной мерой административного воздействия (наказания), должна отражаться информация, указывающая не только на объект правовой защиты, но и содержать статистические данные о неэффективности действующего правового регулирования, возможной нагрузки на правоприменителя и обоснование финансовых затрат для осуществления производства по делам об административных правонарушениях [12].

Список литературы:

1. Кузурманова, И.В. Эффективность административно-юрисдикционной деятельности // Административно-юрисдикционная деятельность пограничных органов: Материалы межведомственной научно-практической конференции / Под ред. В.В. Бараненкова. М.: Московский пограничный институт ФСБ России, 2010. С. 89-97.
2. Зырянов С.М., Калмыкова А.В. В поисках критериев обоснованности размеров административных наказаний // Безопасность дорожного движения. 2025. № 2. С. 37-43.
3. Кудрявцев, В.Н. Эффективность правовых норм / [Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В.]. - Москва: Юрид. лит., 1980. – 280 с.
4. Попов, Л.Л Управление. Гражданин. Ответственность [Текст]: (Сущность, применение и эффективность адм. взысканий) / Л.Л. Попов, А.П. Шергин; АН СССР. – Л:Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 251 с.
5. Дугенец, А.С. Административная ответственность в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Дугенец Александр Сергеевич. – Москва, 2005. – 373 с.
6. Максимов, И.В. Административные наказания в системе мер принуждения (концептуальные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.14/Максимов Иван Владимирович. Саратов,2004. 48 с.
7. Рогачева, О.С. Эффективность норм административно–деликтного права: дис. … д-ра юрид. наук. 12.00.14 / Рогачева Ольга Сергеевна. – Воронеж. 2012. – 580 с.
8. Оносов, Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Оносов Юрий Викторович. – Нижний Новгород, 2011. – 31 с.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006 – 2010 годах» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
10. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии») // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313.

Zaitsev I.A., On the Social Essence of the Effectiveness of Administrative Punishments // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 186-190.

This article attempts to theoretically understand the social essence of the effectiveness of administrative penalties from the perspective of renowned scholars specializing in administrative law. The author proposes to develop an understanding of the social purpose of the effectiveness of administrative penalties at the initial stage, assessing the initial state of social relations—that is, before such an administrative-tort prohibition existed and, accordingly, the prerequisites for legal liability were absent. To this end, it is necessary to carefully prepare an explanatory note to the draft federal law supplementing the administrative-tort law with new provisions establishing the amount of punishment. This note should contain statistical data on the ineffectiveness of

the current legal regulation, the potential burden on law enforcement, and a justification for the financial costs of administrative offense proceedings.

Keywords: administrative liability, administrative penalties, effectiveness of administrative penalties, administrative offenses, goals of administrative penalties, administrative-punitive policy.

Spisok literatury:

1. Kuzurmanova, I.V. Effektivnost' administrativno-yurisdikcionnoj deyatel'nosti // Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost' pogranichnyh organov: Materialy mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Pod red. V.V. Baranenkova. M.: Moskovskij pogranichnyj institut FSB Rossii, 2010. S. 89-97.
2. Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. V poiskah kriteriev obosnovannosti razmerov administrativnyh nakazanij // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2025. № 2. S. 37-43.
3. Kudryavcev, V.N. Effektivnost' pravovyh norm / [Kudryavcev V. N., Nikitinskij V. I., Samoshchenko I. S., Glazyrin V. V.]. - Moskva: YUrid. lit., 1980. – 280 s.
4. Popov, L.L Upravlenie. Grazhdanin. Otvetstvennost' [Tekst]: (Sushchnost', primenenie i effektivnost' adm. vzyskanij) / L.L. Popov, A.P. SHergin; AN SSSR. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1975. – 251 s.
5. Dugenec, A.S. Administrativnaya otvetstvennost' v rossijskom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.14 / Dugenec Aleksandr Sergeevich. – Moskva, 2005. – 373 s.
6. Maksimov, I.V. Administrativnye nakazaniya v sisteme mer prinuzhdeniya (konceptual'nye problemy): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.14 / Maksimov Ivan Vladimirovich. – Saratov, 2004. – 48 s.
7. Rogacheva, O.S. Effektivnost' norm administrativno–deliktnogo prava: dis. … d-ra yurid. nauk. 12.00.14 / Rogacheva Ol'ga Sergeevna. – Voronezh. 2012. – 580 s.
8. Onosov, YU.V. Dialektika sootnosheniya social'noj i yuridicheskoj effektivnosti pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Onosov YUrij Viktorovich. – Nizhnij Novgorod, 2011. – 31 s.
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 oktyabrya 2005 g. № 1789-r «O Koncepcii administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii v 2006 – 2010 godah» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 46. St. 4720.
10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2012 g. № 601 «Ob osnovnyh napravleniyah sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 19. St. 2338.
11. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 dekabrya 2012 g. № 1318 «O poryadke provedeniya federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti ocenki reguliruyushchego vozdejstviya proektov normativnyh pravovyh aktov i proektov reshenij Evrazijskoj ekonomicheskoj komissii, a takzhe o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Pravilami provedeniya federal'nymi organami ispolnitel'noj vlasti ocenki reguliruyushchego vozdejstviya proektov normativnyh pravovyh aktov i proektov reshenij Evrazijskoj ekonomicheskoj komissii») // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 52. St. 7491.
12. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 1 iyunya 2004 g. № 260 «O Reglamente Pravitel'stva Rossijskoj Federacii i Polozhenii ob Apparate Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2004. № 23. St. 2313.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 191-198.

УДК 347.82:629.7:338.43

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПО ПРИМЕНЕНИЮ БЕСПИЛОТНЫХ АВИАЦИОННЫХ СИСТЕМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Мереджанова Л. А., Джаппаров Д. А.
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье исследуется экспериментальный правовой режим применения беспилотных авиационных систем (БАС) в агропромышленном комплексе Российской Федерации. Анализируется нормативная эволюция регулирования беспилотных воздушных судов — от норм общего воздушного законодательства до специализированных механизмов «регуляторных песочниц», введённых Федеральным законом от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ. Рассматривается межотраслевой характер правового регулирования, охватывающего воздушное, административное, аграрное, экологическое и информационное право. Указано, что разрыв между технологическим потенциалом беспилотных систем и правовой инфраструктурой формирует состояние нормативной неопределённости, существенно повышающей правовые риски для предпринимательского сообщества. Особое внимание уделяется анализу постановления Правительства России от 28.01.2022 г. № 76 как ключевого инструмента отраслевого регулирования. Делается вывод о том, что экспериментальный режим в аграрной беспилотной авиации представляет собой результат наложения нескольких самостоятельных регуляторных треков и является попыткой государства обеспечить баланс между поддержкой технологического развития и сохранением публичного контроля над деятельностью, затрагивающей безопасность воздушного пространства, продовольственную безопасность и права третьих лиц.

Ключевые слова: беспилотные авиационные системы; экспериментальный правовой режим; регуляторная песочница; агропромышленный комплекс; цифровые инновации; воздушное и аграрное право; нормативная неопределённость; технологическое регулирование; точное земледелие; правовой эксперимент; межотраслевое регулирование; продовольственная безопасность; цифровая трансформация АПК.

Технологическое переоснащение отечественного агропромышленного комплекса посредством беспилотных авиационных систем (далее — БАС) выступает одним из приоритетов государственной аграрной и цифровой политики. Применение дронов в сельском хозяйстве — для авиационного мониторинга посевов, точечного внесения удобрений и средств защиты растений, оценки состояния угодий — создаёт принципиально новую технологическую реальность, которая заметно опережает сложившуюся правовую инфраструктуру. Именно этот разрыв между технологическим потенциалом и регуляторными возможностями предопределил обращение государства к инструментарию экспериментального правового регулирования. Эффект запаздывания права, давно описанный в правовой доктрине, в данном случае приобретает особое измерение: речь идёт не просто о технологической новации, требующей нормативного осмысления, но о пересечении нескольких самостоятельных отраслей регулирования — воздушного, административного, аграрного, экологического, информационного права. Ни одна из этих отраслей сама по себе не располагает достаточным инструментарием для адекватного урегулирования отношений, складывающихся при коммерческом применении беспилотников в полях. Между тем предпринимательское сообщество уже сегодня вынуждено действовать в условиях этой нормативной неопределённости, принимая на себя правовые риски, которые в условиях обычного регулирования были бы недопустимы [1, с. 63]. Введение экспериментального правового режима по применению БАС в сельском хозяйстве обозначает попытку государства найти баланс между двумя императивами: с одной стороны, не сдерживать технологическое развитие избыточными правовыми барьерами, с

другой — обеспечить публичный контроль над деятельностью, затрагивающей безопасность воздушного пространства, продовольственную безопасность и права третьих лиц. Академическое осмысление этого баланса представляется особенно актуальным в условиях, когда практика применения режима уже складывается, однако её системное правовое осмысление ещё только начинается.

Формирование нормативной базы для применения беспилотников в России прошло несколько качественно различных этапов. Первоначально единственным применимым регуляторным массивом оставалось воздушное законодательство общего характера: Воздушный кодекс РФ и подзаконные акты, регулирующие использование воздушного пространства, распространялись на беспилотные воздушные суда постольку, поскольку те признавались воздушными судами в классическом смысле. Это порождало очевидный абсурд: нормы, написанные для пилотируемой авиации, применялись к устройствам весом в несколько килограммов, летящим на высоте 50 м. над сельскохозяйственным угодьем [2, с. 47]. Системный сдвиг произошёл с принятием Федерального закона от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который создал универсальный институциональный механизм «регуляторных песочниц» [3, с. 88]. Закон закрепил возможность введения специального порядка правового регулирования для апробации цифровых инноваций в ограниченном пространстве и на ограниченный срок. Принципиально важно, что данный механизм изначально не ограничивался какой-либо одной сферой, хотя его применение в аграрном секторе потребовало отдельного нормативного оформления. Параллельно развивалось специальное регулирование беспилотников: в 2021–2023 гг. приняты поправки в Воздушный кодекс, уточняющие правовой статус БАС, введена система обязательной регистрации беспилотных воздушных судов массой свыше 150 гр., а постановлениями Правительства РФ установлены процедуры согласования полётов и зоны ограниченного использования воздушного пространства. Однако эти шаги урегулировали преимущественно аминаспекты, не затронув специфику коммерческого применения БАС в агрокомплексе [4, с. 112]. Решающим шагом стало постановление п-ва от 28.01.2022 г. № 76, установившее экспериментальный правовой режим в сфере применения БАС. В его развитие в сельскохозяйственном сегменте сформирован отдельный блок регулирования, учитывающий специфику аграрного применения: характер объектов воздушных работ (посевы, угодья, элеваторы), особенности агрохимических нагрузок на дроны, работающие с пестицидами, и риски для агроэкосистем [5, с. 34]. Таким образом, экспериментальный режим в аграрной беспилотной авиации представляет собой не изолированный правовой феномен, а результат наложения нескольких регуляторных треков, каждый из которых имел собственную логику развития. Публично-правовые условия экспериментального режима применения БАС в сельском хозяйстве определяются взаимодействием нескольких нормативных уровней. На федеральном уровне рамочные условия задаёт ФЗ № 258-ФЗ, устанавливающий общие принципы введения, деятельности и завершения экспериментальных режимов. Особые нормы содержатся в актах Правительства, Минтранспорта, Росавиации, а также Минсельского хозяйства [6, с. 78].

Субъектный состав, задействованный в экспериментальном правовом режиме, представляет собой неоднородную структуру, включающую несколько различных групп. В первую очередь это инициаторы — обычно крупные технологические корпорации или профильные отраслевые союзы, которые в установленном законодательством порядке направляют заявку на запуск такого режима. Следующая категория — непосредственные участники, то есть предприниматели,

которым разрешено заниматься сельскохозяйственным применением беспилотных авиационных систем (БАС) на условиях, отклоняющихся от общепринятого правового поля. Завершают перечень регулирующие институты, среди которых главеную роль играет Министерство экономического развития РФ (как координатор всех регуляторных «песочниц»), а также профильные ведомства [7, с. 156].

Обязательным публично-правовым элементом для вступления в эксперимент служит соглашение, которое участник подписывает с уполномоченным государственным органом. Этот документ совмещает в себе черты административного договора и разрешительного акта: в нём прописываются географические и временные рамки действия особого регулирования, конкретные отступления от общих норм, а также перечень отчётных обязательств участника перед регулятором по итогам испытаний [8, с. 203]. В литературе природа такого соглашения оценивается по-разному: некоторые специалисты склонны видеть в нём вариант публичного договора, другие же квалифицируют его как индивидуальный административный акт, лишь облечённый в договорную форму [9, с. 91].

В территориальном плане действие режима ограничивается отдельными субъектами РФ, которые определены в качестве пилотных зон. Среди первых регионов, где разрешено аграрное использование БАС, оказались Томская область, Республика Татарстан и ещё несколько субъектов с мощным агропромышленным сектором и готовой технологической базой. Подобная географическая россыпь площадок преследует цель накопить правоприменительную практику в разных климатических и хозяйственных условиях — это, в свою очередь, станет важным подспорьем для выработки универсальных норм в будущем [10, с. 45].

Анализ реального хода эксперимента выявил целый ряд системных противоречий в нормативных актах, которые напрямую сказываются на положении бизнеса. Самая заметная и острая группа таких коллизий касается разграничения полномочий между федеральными и региональными уровнями власти в вопросах использования воздушного пространства. Так, Федеральное законодательство о безопасности воздушного движения устанавливает разрешительный порядок использования воздушного пространства, однако экспериментальный режим предполагает упрощённое уведомительное согласование полётов БАС в отведённых зонах. Это создаёт неопределённость относительно того, какой порядок применяется при выходе дрона за пределы согласованной зоны или при возникновении нештатных ситуаций [11, с. 67].

Вторая группа коллизий касается применения санитарно-эпидемиологического и экологического законодательства при использовании БАС для внесения агрохимикатов. Нормы об обращении с пестицидами и агрохимикатами, содержащиеся в Федеральном законе от 19.07.1997 г. № 109-ФЗ, устанавливают требования к технологиям применения, которые разрабатывались без учёта беспилотной авиации. Адаптация этих требований к аэрозольному внесению препаратов с малых высот остаётся предметом дискуссий между Министерством сельского хозяйства и органами Роспотребнадзора, что создаёт для предпринимателей риск привлечения к административной ответственности даже при добросовестном соблюдении условий экспериментального режима [12, с. 189].

Третья группа коллизий относится к сфере страхования и гражданско-правовой ответственности. Обычные страховые продукты, предлагаемые для авиационной техники, не охватывают риски, возникающие именно при сельскохозяйственном использовании дронов: речь идёт о порче посевов в случае вынужденной посадки, о загрязнении соседних полей химикатами, а также о нарушении границ землевладений. В рамках экспериментального режима отдельного страхового механизма не закреплено – действуют общие положения Гражданского кодекса об

обязательном страховании гражданской ответственности собственников воздушных судов [13, с. 112]. В итоге предприниматели фактически остаются без защиты от возможных имущественных претензий со стороны третьих лиц.

Отдельного рассмотрения заслуживает четвёртое системное противоречие, которое связано с требованиями к операторам беспилотников. Федеральные авиационные правила устанавливают единые квалификационные стандарты для пилотов БАС, никак не учитывая аграрную специфику: управляющий дроном для опрыскивания посевов должен по действующим нормам оформлять тот же пакет документов, что и оператор, выполняющий аэрофотосъёмку над городской застройкой. Хотя экспериментальный режим допускает отступление от этих правил, чёткие критерии такого отступления отсутствуют – а это открывает простор для субъективного усмотрения со стороны контролирующих органов при проверке участников [14, с. 33]. Правовой статус предпринимателя, вовлечённого в экспериментальный режим, отличается двойственностью: он получает определённые послабления в виде исключений из обременительных общих норм, но при этом вынужден нести повышенные риски, порождённые неполнотой и неопределённостью регулирования. Эта двойственность во многом и определяет особый подход к защите прав бизнесменов в данной области [15, с. 77].

На первом месте в системе такой защиты стоит принцип правовой определённости, который в условиях эксперимента приобретает особую значимость. Участник должен ясно понимать, какие именно нормы к нему применяются, а какие нет, в каких пределах допустимы отступления от общего порядка и какие последствия влечёт нарушение условий. Однако на практике соглашения, заключаемые с участниками, нередко носят декларативный характер – их формулировки не дают возможности однозначно судить о реальном объёме предоставленных изъятий [16, с. 98].

Принципиальной проблемой остаётся вопрос об ответственности государства перед предпринимателем в случае, если экспериментальный режим досрочно прекращается или его условия существенно изменяются. Федеральный закон № 258-ФЗ допускает прекращение режима по решению Правительства РФ, однако механизм компенсации инвестиций предпринимателя, добросовестно вложенного в приобретение специализированного оборудования и подготовку персонала под условия режима, в законе не урегулирован [17, с. 145]. Применение общих норм об убытках, причинённых неправомерными действиями органов государственной власти (ст. 16 ГК РФ), здесь затруднено, поскольку решение о прекращении режима само по себе может быть правомерным. Судебная защита прав участников экспериментального режима также имеет свою специфику. В доктрине высказывается обоснованное мнение о том, что споры об условиях участия в режиме и о последствиях его нарушения обладают административно-правовой природой и должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства [18, с. 56]. Однако арбитражные суды, к которым предприниматели обращаются в первую очередь, нередко сталкиваются с проблемой квалификации таких споров, поскольку они соединяют элементы гражданско-правовых (договорных) и административных правоотношений. Отсутствие специальной процессуальной нормы создаёт риск неправильного определения подведомственности и, как следствие, затягивания защиты нарушенного права. Уголовно-правовые риски предпринимателей, действующих в условиях экспериментального режима, заслуживают особого внимания. Нарушение правил безопасности при эксплуатации воздушного транспорта образует состав преступления по ст. 263 УК РФ. Вопрос о том, охватывает ли данный состав нарушения режима полётов БАС, используемых в сельском хозяйстве, не получил

однозначного ответа в правоприменительной практике. Предприниматель, действующий в рамках уведомительного порядка, предусмотренного экспериментальным режимом, при аварийной ситуации рискует столкнуться с уголовным преследованием на основании норм, написанных для пилотируемой коммерческой авиации [19, с. 234]. Система государственного контроля над участниками экспериментального режима строится на принципах, отличных от стандартного надзора. ФЗ № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» 2020 г. закрепил риск-ориентированный подход к контрольной деятельности, однако его применение к участникам экспериментальных режимов требует специальной адаптации: стандартные критерии категорирования риска разрабатывались для устоявшихся видов деятельности и не учитывают специфику новых технологий [20, с. 167].

Надзорные функции в отношении участников эксперимента по внедрению беспилотников в сельское хозяйство распределены между несколькими федеральными структурами. Так, Росавиация уполномочена следить за соблюдением воздушного законодательства, Россельхознадзор контролирует корректность применения пестицидов и агрохимикатов, Роспотребнадзор отвечает за выполнение санитарно-эпидемиологических норм, а региональные власти осуществляют мониторинг в части земельного права. Множество инстанций при отсутствии чётко прописанного алгоритма взаимодействия создаёт почву для проведения избыточных проверок и выдачи предписаний, которые могут противоречить друг другу. Несмотря на то, что мораторий на контрольные мероприятия в отношении малого предпринимательства, введённый в 2022 г. и с тех пор неоднократно пролонгируемый, формально распространяется и на резидентов экспериментальных площадок, существующие исключения для высокорисковых сфер деятельности на практике нередко толкуются расширительно по отношению к операторам БАС — главным образом из-за их воздействия на использование воздушного пространства. В итоге бизнес может утратить ту защиту, на которую он опирался при входе в режим.

Отдельного внимания заслуживает порядок информационного взаимодействия между участниками эксперимента и регуляторами. В рамках режима предприниматели обязаны направлять регулярные отчёты о своей деятельности, включая телеметрию полётов, данные агрохимического мониторинга и сведения о любых инцидентах. Собранные материалы важны не только с точки зрения подведения итогов эксперимента — они способны выступать доказательной базой в ходе административных или судебных разбирательств. При этом правовое положение таких данных в части их конфиденциальности и допустимости использования против самого участника на нормативном уровне по-прежнему не закреплено, что порождает существенные правовые риски для ведения предпринимательской деятельности. Использование БАС в аграрном секторе неизбежно сопряжено с формированием и обработкой больших массивов данных: аэрофотоснимки угодий, телеметрические показатели, итоги агрохимических анализов, маршрутные алгоритмы — всё перечисленное представляет значительную коммерческую ценность и требует надлежащей правовой защиты. Законодательство об интеллектуальной собственности формировалось задолго до появления подобных технологий и не располагает действенными инструментами охраны прав на данные, получаемые посредством беспилотных воздушных судов.

Экспериментальный режим не предусматривает специальных механизмов защиты таких информационных массивов, отсылая к общим положениям о базах данных и коммерческой тайне. Между тем аграрные данные обладают выраженной спецификой: они собираются над территориями, принадлежащими третьим лицам,

затрагивают интересы собственников и арендаторов земли, а нередко включают сведения, находящиеся под государственным контролем в сферах семеноводства, агрохимии и землепользования. Вопрос о том, кому принадлежат права на такие данные — оператору дрона, владельцу земельного участка или государству, — до сих пор законодательно не решён.

Алгоритмы управления беспилотниками и системы искусственного интеллекта, обеспечивающие автономные полёты в точном земледелии, охраняются нормами авторского и патентного права. Тем не менее их применение в рамках эксперимента ставит открытый вопрос о принадлежности прав на усовершенствования, возникающие в процессе испытаний: остаются ли они за участником, переходят к его контрагентам или принадлежат государству, прямо либо косвенно финансировавшему создание экспериментальной площадки? Ни Федеральный закон № 258-ФЗ, ни иные профильные нормативные акты не дают ответа на этот вопрос.

Проведённое исследование даёт основания сформулировать конкретные предложения по совершенствованию нормативной базы экспериментального режима для аграрных БАС, ориентированные на повышение правовой определённости и укрепление гарантий предпринимательской деятельности.

1. Подготовка и принятие единого специализированного нормативного акта, посвящённого экспериментальным правовым режимам в беспилотной авиации. Такой документ должен комплексно урегулировать вопросы публично-правового доступа, надзора, гражданско-правовой ответственности и интеллектуальной собственности применительно к агросектору. Нынешнее положение, при котором эти вопросы рассеяны по разрозненным актам различного иерархического уровня, создаёт для субъектов МСП правовую неразбериху, преодолеть которую без дорогостоящей юридической помощи крайне затруднительно.

2. Законодательное закрепление механизма компенсации инвестиционных потерь при досрочном прекращении эксперимента по решению государства. Такой механизм должен распространяться как на прямые расходы, связанные с приобретением специального оборудования, так и на убытки от вынужденного прекращения работы. Его введение укрепит позиции действующих участников и будет стимулировать приход новых игроков в регуляторные «песочницы».

3. Унификация квалификационных требований к операторам аграрных БАС с учётом реальной специфики их деятельности. Представляется обоснованным введение отдельной категории «оператор беспилотного воздушного судна для сельскохозяйственных работ» с упрощённой, но сугубо практической программой подготовки и аттестации, нацеленной на прикладные компетенции в точном земледелии, а не на общетеоретические знания из области коммерческой авиации.

4. Разработка специального страхового продукта для операторов сельскохозяйственных дронов с обязательным участием государственного перестраховщика. Подобная модель, по аналогии с системой страхования рисков в растениеводстве, позволит снизить финансовую нагрузку на предпринимателей и обеспечить реальное возмещение ущерба третьим лицам в случае аварий беспилотников над сельскохозяйственными угодьями.

5. Создание открытого цифрового реестра участников эксперимента с данными о зонах их деятельности, типах применяемых БАС, характере выполняемых работ и сроках действия режима. Такой реестр повысит прозрачность системы и существенно упростит как контрагентам, так и контролирующим органам проверку правового статуса оператора, снизив тем самым транзакционные издержки.

Экспериментальный правовой режим использования БАС в сельском хозяйстве представляет собой одну из наиболее сложных и практически востребованных разновидностей регуляторных «песочниц» в современном российском праве.

Системная кодификация этого регулирования с учётом выявленных коллизий и с чётким закреплением гарантийных механизмов для предпринимателей представляется первоочередной задачей аграрно-правовой и административно-правовой науки на современном этапе.

Список литературы:

1. Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Покида А. Н. Правовые риски предпринимательской деятельности в условиях нормативной неопределённости // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2021. — № 3. — С. 58–79.
2.Гусейнов Р. Э. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов в России: проблемы и перспективы // Транспортное право. — 2020. — № 2. — С. 43–51.
3.Тихомиров Ю. А. Экспериментальное правовое регулирование: теоретические основы и практика применения // Журнал российского права. — 2021. — № 4. — С. 82–96.
4.Балашова М. В. Административно-правовые аспекты регулирования беспилотных авиационных систем в Российской Федерации // Административное право и процесс. — 2022. — № 6. — С. 107–118.
5.Воронин Б. А., Воронина Я. В. Применение беспилотных летательных аппаратов в агропромышленном комплексе: правовое измерение // Аграрный вестник Урала. 2022. № 1. С. 28–40.
6.Савельев А. И. Регуляторные песочницы как инструмент технологической политики: зарубежный опыт и российская практика // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 2. — С. 14–29.
7.Ершов М. В., Танасийчук А. Н. Цифровая трансформация аграрного сектора: правовые условия и ограничения // Российское предпринимательство. — 2022. — Т. 23. — № 4. — С. 211–228.
8.Нарышкина Н. А. Правовой статус беспилотных воздушных судов по российскому законодательству // Юридическая наука. — 2021. — № 5. — С. 44–52.
9.Петров Д. А. Государственный контроль в сфере использования воздушного пространства беспилотными воздушными судами // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8. С. 66–75.
10. Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Сравнительно-правовой анализ регулирования беспилотных авиационных систем в праве Европейского союза и России // Lex Russica. 2022. — № 3. — С. 91–108.
11. Зорин А. С. Продовольственная безопасность и цифровые технологии в аграрном производстве: правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 9. — С. 133–140.
12. Минникес И. В. Экспериментальные правовые режимы: понятие, признаки, классификация // Сибирский юридический вестник. — 2021. — № 2. — С. 17–24.
13. Ларина Т. В. Правовое обеспечение применения агрохимикатов с использованием беспилотных летательных аппаратов // Экологическое право. — 2022. — № 4. — С. 22–30.
14. Федосеева Н. Н. Информационно-правовые аспекты применения беспилотных авиационных систем в сельском хозяйстве // Информационное право. — 2022. — № 1. — С. 8–15.
15. Буркова А. Ю. Регуляторные инновации в сфере цифровой экономики: опыт России и зарубежных стран // Банковское право. — 2020. — № 5. — С. 61–70.
16. Коваленко Е. Г., Полушкина Т. М. Государственная аграрная политика в условиях цифровизации экономики // АПК: экономика, управление. — 2021. — № 7. — С. 25–35.
17. Мороз В. В. Точное земледелие и правовое регулирование: проблемы интеграции новых технологий в нормативную базу // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 3. — С. 56–64.
18. Семилетов И. П. Правовые риски коммерческого использования беспилотников: опыт правоприменения // Предпринимательское право. — 2022. — № 2. — С. 38–47.
19. Гриценко М. В. Регистрация и сертификация беспилотных воздушных судов: административно-правовое регулирование // Административное и муниципальное право. — 2021. — № 4. — С. 29–38.
20. Шпаковский Ю. Г., Климова Е. А. Экологические требования при применении беспилотных авиационных систем в сельскохозяйственном производстве // Право и экология. 2022. № 2. С. 44–53.

Merjanova L. A., Dzhapparov D. A. Experimental legal regime for the use of unmanned aerial systems in agriculture: public-law conditions and protection of entrepreneurs' rights // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 191–198.

This article examines the experimental legal regime for the use of unmanned aircraft systems (UAS) in the Russian Federation's agro-industrial complex. It analyzes the regulatory evolution of unmanned aircraft systems—from general aviation legislation to specialized "regulatory sandbox" mechanisms introduced by Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020. The intersectoral nature of legal regulation, encompassing aviation, administrative, agricultural, environmental, and information law, is examined. It is substantiated that the gap between the technological potential of unmanned systems and the current legal infrastructure creates a state of regulatory uncertainty, significantly increasing the legal risks for the business community. Particular attention is paid to the analysis of Decree of the Government of the Russian Federation of January 28, 2022, No. 76, as a key instrument of industry regulation.

Keywords: unmanned aircraft systems; experimental legal regime; regulatory sandbox; agro-industrial complex; digital innovation; air law; agricultural law; regulatory uncertainty; technological regulation; un-

manned aerial vehicles; precision farming; legal experiment; intersectoral regulation; food security; digital transformation of the agro-industrial complex.

Spisok literatury:

1. YUzhakov V. N., Dobrolyubova E. I., Pokida A. N. Pravovye riski predprinimatel'skoj deyatel'nosti v usloviyah normativnoj neopredelyonnosti // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. — 2021. — № 3. — S. 58–79.
2.Gusejnov R. E. Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnyh vozdushnyh sudov v Rossii: problemy i perspektivy // Transportnoe pravo. — 2020. — № 2. — S. 43–51.
3.Tihomirov YU. A. Eksperimental'noe pravovoe regulirovanie: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya // ZHurnal rossijskogo prava. — 2021. — № 4. — S. 82–96.
4.Balashova M. V. Administrativno-pravovye aspekty regulirovaniya bespilotnyh aviacionnyh sistem v Rossijskoj Federacii // Administrativnoe pravo i process. — 2022. — № 6. — S. 107–118.
5.Voronin B. A., Voronina YA. V. Primenenie bespilotnyh letatel'nyh apparatov v agropromyshlennom komplekse: pravovoe izmerenie // Agrarnyj vestnik Urala. — 2022. — № 1. — S. 28–40.
6.Savel'ev A. I. Regulyatornye pesochnicy kak instrument tekhnologicheskoj politiki: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika // Pravo i cifrovaya ekonomika. — 2021. — № 2. — S. 14–29.
7.Ershov M. V., Tanasijchuk A. N. Cifrovaya transformaciya agrarnogo sektora: pravovye usloviya i ogranicheniya // Rossijskoe predprinimatel'stvo. — 2022. — T. 23. — № 4. — S. 211–228.
8.Naryshkina N. A. Pravovoj status bespilotnyh vozdushnyh sudov po rossijskomu zakonodatel'stvu // YUridicheskaya nauka. — 2021. — № 5. — S. 44–52.
9.Petrov D. A. Gosudarstvennyj kontrol' v sfere ispol'zovaniya vozdushnogo prostranstva bespilotnymi vozdushnymi sudami // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 8. — S. 66–75.
10. Kashkin S. YU., CHetverikov A. O. Sravnitel'no-pravovoj analiz regulirovaniya bespilotnyh aviacionnyh sistem v prave Evropejskogo soyuza i Rossii // Lex Russica. — 2022. — № 3. — S. 91–108.
11. Zorin A. S. Prodovol'stvennaya bezopasnost' i cifrovye tekhnologii v agrarnom proizvodstve: pravovye aspekty // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2021. — № 9. — S. 133–140.
12. Minnikes I. V. Eksperimental'nye pravovye rezhimy: ponyatie, priznaki, klassifikaciya // Sibirskij yuridicheskij vestnik. — 2021. — № 2. — S. 17–24.
13. Larina T. V. Pravovoe obespechenie primeneniya agrohimikatov s ispol'zovaniem bespilotnyh letatel'nyh apparatov // Ekologicheskoe pravo. — 2022. — № 4. — S. 22–30.
14. Fedoseeva N. N. Informacionno-pravovye aspekty primeneniya bespilotnyh aviacionnyh sistem v sel'skom hozyajstve // Informacionnoe pravo. — 2022. — № 1. — S. 8–15.
15. Burkova A. YU. Regulyatornye innovacii v sfere cifrovoj ekonomiki: opyt Rossii i zarubezhnyh stran // Bankovskoe pravo. — 2020. — № 5. — S. 61–70.
16. Kovalenko E. G., Polushkina T. M. Gosudarstvennaya agrarnaya politika v usloviyah cifrovizacii ekonomiki // APK: ekonomika, upravlenie. — 2021. — № 7. — S. 25–35.
17. Moroz V. V. Tochnoe zemledelie i pravovoe regulirovanie: problemy integracii novyh tekhnologij v normativnuyu bazu // Agrarnoe i zemel'noe pravo. — 2022. — № 3. — S. 56–64.
18. Semiletov I. P. Pravovye riski kommercheskogo ispol'zovaniya bespilotnikov: opyt pravoprimeneniya // Predprinimatel'skoe pravo. — 2022. — № 2. — S. 38–47.
19. Gricenko M. V. Registraciya i sertifikaciya bespilotnyh vozdushnyh sudov: administrativno-pravovoe regulirovanie // Administrativnoe i municipal'noe pravo. — 2021. — № 4. — S. 29–38.
20. SHpakovskij YU. G., Klimova E. A. Ekologicheskie trebovaniya pri primenenii bespilotnyh aviacionnyh sistem v sel'skohozyajstvennom proizvodstve // Pravo i ekologiya. — 2022. — № 2. — S. 44–53.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 199-.

УДК 342

МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИИ В КОМПЕТЕНЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сафина С. Б.

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан; Южно-уральский государственный университет

В статье рассматривается новое полномочие конституционного совета республики в составе Российской Федерации по осуществлению мониторинга республиканской Конституции. Анализируется нормативное и доктринальное содержание понятия мониторинга Конституции. В соответствии с Законом Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. №625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» называются основные черты мониторинга – наблюдение, анализ и оценка. Отмечается, что наряду с понятием «мониторинг Конституции» в юридической науке используется и понятие «конституционный мониторинг». Делается вывод о необходимости формирования научного подхода к осуществлению мониторинга Конституции и разработке инструментария диагностики конституционных положений, принципов и норм.

Ключевые слова: конституционный совет, республика в составе Российской Федерации, мониторинг Конституции, конституционный мониторинг, конституционная диагностика.

Уже более 3-х лет в Российской Федерации функционируют новые региональные государственные органы конституционного надзора – конституционные советы республик. В течение всего этого времени республиканское законодательство неоднократно подвергалось изменениям и дополнениям, корректирующим некоторые вопросы организации и деятельности этих органов. Основной причиной вносимых корректировок явилось то, что изначально в вопросах создания конституционных советов республиканский законодатель не имел какого-либо общего ориентира. Федеральное законодательство оставило эту сферу правового регулирования практически свободной, так как, упразднив в соответствии с конституционной реформой 2020 г. конституционные (уставные) суды в субъектах РФ, оно дало возможность последним образовать конституционные (уставные) советы, действующие «при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации» [1]. Никакого другого вектора движения указано не было. В 2021-2023 гг. такие конституционные советы были созданы в республиках Саха (Якутия), Адыгея, Башкортостан и Татарстан.

Сохраняя функциональную преемственность, конституционные советы вслед за конституционными судами по-прежнему осуществляют проверку на соответствие конституциям республик своих нормативных правовых актов, принимаемых в пределах компетенции республики. Анализируя фактическое правовое положение созданных конституционных советов, ранее мы уже определяли их как конституционные государственные органы республик, осуществляющие правовую охрану конституции республики с надзорными, экспертными и консультативными функциями [2, с. 45].

Конституционные советы в республиках, по сути оставаясь инструментом правовой охраны республиканской конституции, тем не менее лишены обязательности своих решений. В таких условиях для придания большей силы своим рекомендательным решениям в случае выявления несоответствия какого-либо положения нормативного правового акта Конституции республики, конституционные советы изыскивают дополнительные формы и способы повышения эффективности своей деятельности. Как следствие, в региональном законодательстве появляются нормы, которые уточняют правовой статус конституционного совета, вводят новые полно-

мочия конституционного совета, устанавливают процедуры исполнения его решений. Так, в законе Республики Башкортостан от 21.11.2022 г. №625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» появилось новое полномочие, согласно которому Конституционный совет Республики Башкортостан вправе осуществлять мониторинг Конституции Республики Башкортостан и готовить по итогу его проведения заключение. Понятие мониторинга Конституции закрепляется в ст. 11.2 названного закона: это «деятельность по систематическому информационному наблюдению, анализу и оценке результатов нормотворческой деятельности по реализации конституционных положений, качества принятых в развитие Конституции Республики Башкортостан правовых актов и эффективности воздействия конституционных норм на регулируемые общественные отношения» [3].

Можно заметить, что понятие мониторинга Конституции определено нормативно впервые. Добавим, что введение в сферу законодательства понятия мониторинга Конституции - не первый случай опережающего правового регулирования на региональном уровне. В свое время многие субъекты РФ разработали и приняли свои законы о нормативных правовых актах, тогда как российский проект соответствующего федерального закона уже более тридцати лет в работе, несмотря на существование множества его вариантов. Реализуя свое полномочие по осуществлению мониторинга Конституции республики, Конституционный совет Республики Башкортостан исходит из следующего.

Принципы федеративного устройства России обеспечивают внутреннее структурное единство федерального и регионального конституционно-правового регулирования. Конституция республики как база текущего республиканского законодательства содержит основополагающие положения и принципы, вытекающие из тех предметов ведения, которыми федеральная Конституция наделила субъекты РФ. Эти конституционные нормы и принципы реализуются через весь массив законодательства республики, в связи с чем существует необходимость обеспечить верховенство Конституции и соответствие ей всех иных актов законодательства, тем самым осуществляя правовую охрану Конституции. Ранее эта задача конституционного контроля решалась судебными органами республик – их конституционными судами, которые посредством конституционного судопроизводства самостоятельно и независимо осуществляли судебную власть. После упразднения конституционных судов схожую функцию – функцию конституционного надзора - выполняют конституционные советы. Выявляя при проверке нормативных правовых актов несоответствующие Конституции республики положения, конституционные советы, тем самым, сохраняют преемственность в деле обеспечения верховенства республиканской конституции в рамках отведенной федеральным законодателем компетенции.

В юридической литературе уже отмечалось, что Конституция республики, являясь основным законом субъекта РФ, обладает рядом неотъемлемых признаков и юридических свойств [4, с.189; 5, с.18; 6, с.100]. Как отмечалось ранее и нами, конституция республики – это «имеющий особый предмет регулирования нормативный правовой акт республики, в соответствии с Конституцией Российской Федерации определяющий статус республики, в рамках компетенции республики являющийся правовой основой ее законодательства и обладающий высшей юридической силой» [7, с. 98]. Высшую юридическую силу региональной конституции (устава) в системе правовых актов субъекта РФ в свое время отмечал и Конституционный Суд РФ [8].

Республиканская конституция, как любая конституция, всегда содержит нормы, которыми предусматривается принятие иных нормативных правовых актов, конкретизирующих и дополняющих ее конституционные положения. Это позволяет должным образом обеспечить ее реализацию и применение. Республиканская конституция, как следствие, играет роль основы и системообразующего элемента республи-

канского законодательства. Для установления реальности конституционных положений, их эффективного применения требуется всесторонняя аналитическая и экспертная работа. И результатом такой работы будет не столько заключение «соответствует или не соответствует Конституции какой-то конкретный нормативный правовой акт», а сколько «получила ли свое развитие в законодательстве конституционная норма», выстроена ли логическая цепочка «от конституционной нормы к правоприменительному акту» и есть ли разрывы в этой цепи. Ответы на эти вопросы, как мы полагаем, возможны при использовании такого инструмента как мониторинг Конституции. Заметим, что понятие мониторинга Конституции в юридической науке четко не сформулировано и его использование в правовой лексике на сегодняшний день нельзя назвать широким. В тех редких работах, посвященных мониторингу Конституции, которые можно встретить, видно, что авторы по-разному трактуют это понятие, выделяя его разные черты.

Например, в работе Н.Н. Черногора мониторинг Конституции определяется как специфический вид государственной деятельности, имеющий существенное значение в осуществлении правовой охраны Конституции государства и обеспечения ее стабильности [9, с. 21]. Относя Конституцию наряду с иными актами законодательства к числу объектов правового мониторинга, автор обосновывает ее мониторинг необходимостью определения эффективности реализации конституционных принципов и норм. Выступая против использования Конституции в качестве статичного (технического) инструмента, с помощью которого измеряют законы или правоприменительные акты, Н.Н. Черногор предлагает «проводить мониторинг не законов, а конкретных конституционных принципов и институтов» [9, с. 23]. В обоснование своей позиции автор полагает, что такой подход позволит безошибочно определить альтернативные законодательные позиции в правовом регулировании, увидеть выбор механизмов и условий в регламентации одних и тех же правоотношений и таким образом, уловить соответствующие системные тенденции.

В работе Н.А. Полящук мониторинг Конституции как понятие не определяется, но признается его роль как инструмента, посредством которого можно оценить не только состояние законодательства, но и его эффективность. Автор отмечает, что «несмотря на то, что нормы Конституции обладают прямым действием, тем не менее, как правило, в полной мере она воплощается в жизнь через отраслевое законодательство, через правоприменительную практику», и в этой системе актов текущего законодательства не должно быть противоречий и пробелов [10, с.138]. Таким образом мониторинг служит обеспечению реальности Конституции, продолжает автор. Заметим, что Н.А. Полящук наряду с понятием «мониторинг Конституции» использует понятие «конституционный мониторинг», придавая обоим понятиям равнозначный смысл. Представляется, если быть более точными, то полностью отождествлять эти понятия нельзя, хотя большая часть их признаков совпадает. Согласимся с Н.А. Полящук в том, что «тема мониторинга Конституции требует специального внимания в свете обсуждения вопросов конституционного развития» [10, с. 138], и эффективности конституционных норм, а в отношении конституционного мониторинга необходима разработка его методологии с определением критериев и показателей оценки эффективности конституционных принципов и норм.

Понятие конституционного мониторинга широко используется Г.Г. Арутюняном, который считает его проявлением высшей конституционной культуры и гарантом обеспечения подлинного конституционализма в обществе [12, с. 39]. Акцентируя внимание на том, что Конституция как Основной закон должна иметь действенные механизмы защиты и претворения в жизнь, автор обосновывает необходимость оценки «соответствия реальных общественных отношений конституционно закрепленным ценностям, принципам и нормам»; говорит о том, что «должно осуществ-

ляться постоянное и систематизированное выявление реального состояния конституционализма в общественной жизни» [11]. При этом, по мнению Г.Г. Арутюняна функции конституционного мониторинга частично выполняет конституционный контроль, по большей части судебный конституционный контроль, но он, по своей функциональной роли, не объединяется с иными конституционными институтами и не гарантирует системной целостности. Также он отмечает, что те модели конституционного контроля и конституционного надзора, которые сегодня действуют в мире, не в полной мере обеспечивают системный характер в выявлении, оценке и восстановлении нарушенного конституционного баланса в общественной жизни [12, с. 40], а, следовательно, не полностью способны адекватно реагировать на современные реалии.

В качестве исходного этапа конституционного мониторинга Г.Г. Арутюнян предлагает использовать конституционную диагностику, которая, по его мнению, может служить инструментом для выявления соответствия реальных общественных отношений тем ценностям, принципам и нормам, которые закреплены конституционно. Определяя объекты и субъекты конституционной диагностики, для ее последовательного осуществления автор предлагает выделить «такую систему индикаторов, которая будет в состоянии всесторонне и полностью охарактеризовать конституционность изучаемых общественных отношений» [11].

Таким образом, на сегодняшний день следует признать, что доктринально понятия мониторинга Конституции и конституционного мониторинга четко не проработаны. Очевидно, что разработка их теоретической основы будет формироваться в процессе практической деятельности по осуществлению мониторинга. В этой связи нельзя не согласиться с мнением ученых о том, что не исключается возникновение нового научного направления – «теории мониторинга Конституции» [9, с.24]. В целях разработки методологической основы такой теории предстоит определить критерии и параметры оценки эффективности конституционных положений. В этой связи деятельность по осуществлению мониторинга Конституции следует признать официально как функцию государства и совершенствовать его научную основу.

Осуществляя мониторинг Конституции, Конституционный совет Республики Башкортостан ставит задачу установить в какой мере положения Конституции Республики Башкортостан воплощаются в законодательстве, определить, есть ли в правовом регулировании пробелы или искажения. В отличие от конституционного контроля или конституционного надзора, где фокусом внимания является анализируемый нормативный правовой акт, мониторинг Конституции предусматривает концентрироваться на самой Конституции, ее положениях, которые в этом случае будут выступать не эталоном для сравнения, а объектом исследования.

Определение необходимости проведения мониторинга Конституции Республики Башкортостан и принятие официального решения о его проведении относится к компетенции Президиума Госсобрания Республики Башкортостан [3]. При этом законодательство наделяет Главу Республики Башкортостан, Правительство Республики Башкортостан, постоянные комитеты Госсобрания и сам Конституционный совет правом вносить в Президиум предложения на проведение мониторинга. Вся информация, которая необходима для анализа при проведении мониторинга может быть запрошена Конституционным советом у органов государственной власти Республики Башкортостан, иных государственных органов Республики Башкортостан, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений. Первые решения Президиума Госсобрания о проведении мониторинга Конституции Республики Башкортостан уже приняты: Конституционный совет приступил к проведению мониторинга ч. 2 ст. 56.1 и частей 6 и 7 ст. 42 Конституции Республики Башкортостан. В процессе мониторинга необходимо будет оценить состояние пра-

вового регулирования определенных общественных отношений, выявить имеющиеся пробелы, утратившие силу и устаревшие акты, а также определить те положения Конституции Республики Башкортостан, которые пока не имеют должного механизма реализации. Исполняя предусмотренное законом полномочие по обеспечению конституционной законности, Конституционный совет Республики Башкортостан также работает и на раскрытие потенциала федеральной Конституции и повышение ее авторитета. Это вытекает из того, что республиканская конституция, находясь в рамках единой конституционной системы и включая идентичные федеральные принципы и нормы (либо соответствующие отсылочные нормы), содействует развитию основополагающих идей российской Конституции, способствует применению ее положений на всей территории Российской Федерации.

Список литературы:

1.Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 года №7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства РФ. 2020. N 50 (часть I), ст. 8029.
2.Сафина С.Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. - 2023. - №5. - С.41-45
3.Закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 года №625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» // Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://npa.bashkortostan.ru (дата обращения 01.09.2026).
4.Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М.: Юристъ, 2002. 348с.
5.Жученко А.А. Соотношение конституций республик в составе Российской Федерации с Конституцией России: проблемы теории и практики. М.:Авиаиздат, 2001. 147 с.
6.Метшин И.Р. Правовая система республики в составе Российской Федерации. М.: Норма, 2002. 150 с.
7.Сафина С.Б. Конституционное законодательство республик в составе Российской Федерации: монография / науч.ред. С.Авакьян. – Москва.: Проспект, 2019. 264 с.
8.Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2003. № 30. ст. 3101.
9.Черногор Н.Н. Мониторинг Конституции РФ и его инструментальная роль // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2008. - №3(6). - С.20-25
10. Полящук Н.А. Мониторинг конституции как инструмент повышения эффективности правового регулирования // Конституционный дискурс в условиях трансформационных процессов : сборник научных статей Международного круглого стола, посвященного 25-летию Конституции Республики Беларусь / [редакционная коллегия: В. В. Лосев (главный редактор), Н. О. Мороз, А. С. Бакун]. — Минск : МИТСО, 2019. — С. 135—143.
11. Арутюнян Г.Г. Конституционный мониторинг как гарантия преодоления дефицита конституционализма (концептуальные подходы): Доклад на Ереванской международной конференции,20-23 октября 2016 г. [Электронный ресурс].
URL: https://www.concourt.am/pdf/uploads/6246abc8c9347_2016-10-21-ru.pdf (дата обращения 01.09.2026)
12. Арутюнян Г.Г. Конституционализм сквозь призму общественных катаклизмов // Спутник высшей школы. – 2025. - №4(23). - С. 34-44.

Safina S.B. Monitoring the constitution within the responsibility of the constitutional council of the republic of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 199-204.

This article examines the new authority of the Constitutional Council of a republic within the Russian Federation to monitor the republic's Constitution. It analyzes the normative and doctrinal content of the concept of constitutional monitoring. In accordance with Law No. 625-z of the Republic of Bashkortostan dated November 21, 2022, «On the Constitutional Council of the Republic of Bashkortostan», the main features of monitoring are outlined: observation, analysis, and evaluation. It is noted that, along with the concept of «monitoring the Constitution», the concept of «constitutional monitoring» is also used in legal scholarship. It concludes that it is necessary to develop a scientific approach to constitutional monitoring and tools for assessing constitutional provisions, principles, and norms.

Keywords: Constitutional Council, republic within the Russian Federation, constitutional monitoring, constitutional monitoring, constitutional assessment.

Spisok literatury:

1.Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 8 dekabrya 2020 goda №7-FKZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye federal'nye konstitucionnye zakony» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2020. N 50 (chast' I), st. 8029.
2.Safina S.B. Konstitucionnye (ustavnye) sovety v sub"ektah Rossijskoj Federacii: podhody k opredeleniyu // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. - 2023. - №5. - S.41-45
3.Zakon Respubliki Bashkortostan ot 21 noyabrya 2022 goda №625-z «O Konstitucionnom sovete Respubliki Bashkortostan» // Oficial'nyj Internet-portal pravovoj informacii Respubliki Bashkortostan [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://npa.bashkortostan.ru (data obrashcheniya 01.09.2026).
4.Kutafin O.E. Istochniki konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii. M.: Yurist", 2002. 348s.
5.Zhuchenko A.A. Sootnoshenie konstitucij respublik v sostave Rossijskoj Federacii s Konstituciej Rossii: problemy teorii i praktiki. M.:Aviaizdat, 2001. 147 s.
6.Metshin I.R. Pravovaya sistema respubliki v sostave Rossijskoj Federacii. M.: Norma, 2002. 150 c.
7.Safina S.B. Konstitucionnoe zakonodatel'stvo respublik v sostave Rossijskoj Federacii: monografiya / nauch.red. S.Avak'yan. – Moskva.: Prospekt, 2019. 264 c.
8.Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18 iyulya 2003 g. № 13-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 115 i 231 GPK RSFSR, statej 26, 251 i 253 GPK Rossijskoj Federacii, statej 1, 21 i 22 Federal'nogo zakona „O prokurature Rossijskoj Federacii“ v svyazi s zaprosami Gosudarstvennogo Sobraniya – Kurultaya Respubliki Bashkortostan, gosudarstvennogo Soveta Respubliki Tatarstan i Verhovnogo Suda Respubliki Tatarstan» // SZ RF. 2003. № 30. st. 3101.
9.Chernogor N.N. Monitoring Konstitucii RF i ego instrumental'naya rol' // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. - 2008. - №3(6). - S.20-25.
10. Polyashchuk N.A. Monitoring konstitucii kak instrument povysheniya ehffektivnosti pravovogo regulirovaniya // Konstitucionnyj diskurs v usloviyah transformacionnyh processov : sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo 25-letiyu Konstitucii Respubliki Belarus' / [redakcionnaya kollegiya: V. V. Losev (glavnyj redaktor), N. O. Moroz, A. S. Bakun]. — Minsk : MITSO, 2019. — S. 135—143.
11. Arutyunyan G.G. Konstitucionnyj monitoring kak garantiya preodoleniya deficita konstitucionalizma (konceptual'nye podhody): Doklad na Erevanskoj mezhdunarodnoj konferencii,20-23 oktyabrya 2016 g. [Ehlektronnyj resurs].
URL: https://www.concourt.am/pdf/uploads/6246abc8c9347_2016-10-21-ru.pdf (data obrashcheniya 01.09.2026).
12. Arutyunyan G.G. Konstitucionalizm skvoz' prizmu obshchestvennyh kataklizmov // Sputnik vysshej shkoly. – 2025. - №4 (23). - S. 34-44.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 205-214.

УДК 004.8

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В США: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ШТАТОВ

Тедеев А. А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов

В статье рассматриваются ключевые реперные точки формирующего в США на уровне законодательства штатов режима регулирования новых цифровых технологий, на примере технологий искусственного интеллекта. Отмечается, в настоящее время такие акты приняты в штатах Арканзас, Делавэр, Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Коннектикут, Миннесота, Монтана, Невада, Нью-Йорк, Теннеси, Юта и др. Дается анализ нововведений, установленных указанными законами штатов в части пределов публично-правовых ограничений на использование искусственного интеллекта**,** порядка **со**здания нормативных «песочниц» для экспериментального внедрения инноваций, использования биометрических идентификаторов для обучения и разработки систем искусственного интеллекта, обеспечения прозрачности и протоколов безопасности, особенно в деликатных случаях, связанных с психическим здоровьем и эмоциональной поддержкой, особенностей использования искусственного интеллекта в сфере образования, культуры, здравоохранения, в правоохранительной и судебной деятельности, а так же в некоторых иных сферах. Особое внимание уделено необходимости правового обеспечения должного уровня безопасности при развитии информационных (цифровых) технологий.

Ключевые слова: информационное (цифровое) право, регулирование искусственного интеллекта, законодательство США, закон штата, искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, цифровые технологии, экспериментальные правовые режимы, информационная безопасность, использование систем искусственного интеллекта.

Формирующаяся в США модель правового режима искусственного интеллекта начиная характеризуется все возрастающим значением законодательства штатов, - соответствующие акты (законы об искусственном интеллекте) на уровне штатов принимаются начиная с 2023 г. В частности, в настоящее время такие акты приняты в штатах Арканзас, Делавэр, Иллинойс, Калифорния, Колорадо, Коннектикут, Миннесота, Монтана, Невада, Нью-Йорк, Теннеси, Юта и др. Например, важнейший вопрос, регламентирующийся в законах штатов Монтана и Техас - пределы устанавливаемых государством ограничений на использование искусственного интеллекта.

В частности в Законе Монтаны (Закон штата Монтана о праве на вычисления и требование отключения инфраструктуры, контролируемой искусственным интеллектом (Закон Монтаны о праве на вычисления) MT SB-212 от 16.04.2025 г. (Creating the Right to Compute Act and Requiring Shutdowns of AI Controlled Infrastructure, Montana Right to Compute Act (MRTCA)), вступившем в силу 16.04.2025 г.) впервые в США на законодательном уровне устанавливается «право на вычислительные мощности», - фундаментальное право каждого жителя штата владеть, получать доступ и использовать вычислительные мощности (включая оборудование, программное обеспечение, алгоритмы) и системы искусственного интеллекта [1]. Конституционной основой закона выступили положения Конституции штата о праве свободно приобретать, владеть и защищать собственность, а также на свободу выражения мнений. Закон штата распространил эти конституционные принципы на владение и эксплуатацию новых цифровых технологий.

При этом допускаются только те государственные ограничения на использование или разработку искусственного интеллект, которые носят узкоспециализированный характер и отвечают насущным интересам правительства штата.

Вводится строгий контроль в области безопасности критически важной инфраструктуры (энергетическая, транспортная и коммунальная инфраструктура, сети водоснабжения и т.д.) - установлено правило, согласно которому, если при управле-

нии этими объектами используется искусственный интеллект, который является существенным фактором при принятии последующих решений, внедрять их можно при условии установления механизмы экстренного отключения (чтобы в любой момент управление системой мог перехватить оператор - человек), осуществления аудита безопасности и развертывания политика управления рисками.

В соответствии с Законом Техаса (Закон штата Техас об ответственном управлении искусственным интеллектом TX HB-149 от 22.06.2025 г. (The Texas Responsible Artificial Intelligence Governance Act (TRAIGA 2025)), вступил в силу 1.01.2026 г.), прямо запрещена разработка и внедрение систем искусственного интеллекта для определенных целей (в частности, - направленная на нарушения конституционных прав, незаконную дискриминацию, создание контента откровенного сексуального содержания и поощрение преступной деятельности, а равно для причинения физического вреда). Регламентируется порядок использования искусственного интеллекта правительственными учреждениями штата, устанавливается 36-месячная нормативную «песочница» для тестирования систем искусственного интеллекта в экспериментальных режимах.

Вопросам создания нормативной «песочницы» для экспериментального внедрения инноваций, посвящены так же положения Закона штата Делавэр о нормативной «песочнице», ориентированной на искусственный интеллект от 23.07.2025 г. DE HJR-7 (AI-Focused Regulatory Sandbox DE HJR-7, Directing The Artificial Intelligence Commission to work in collaboration with the Secretary of State to create a regulatory sandbox framework for the testing of innovative and novel technologies that utilize agentic artificial intelligence («О направлении Комиссии по искусственному интеллекту в сотрудничестве с государственным секретарём для создания рамочной программы регуляторной песочницы для тестирования инновационных и новых технологий, использующих агентный искусственный интеллект»)), вступившего в силу 23.07.2025 г. Делавэр стал третьим штатом США (после Юты и Техаса), принявшим такой закон, направленный на формирование и проверку экспериментальных правовых режимов разработки и использования искусственного интеллекта [2]. Напомним, агентный искусственный интеллект (Agentic AI) представляет собой тип (класс) систем искусственного интеллекта, что способен самостоятельно действовать, принимать решения, выполнять задачи без постоянных указаний человека [3].

Кроме того, внесены были поправки в Закон Техаса о получении или использовании биометрических идентификаторов (CUBI) (The Texas Capture or Use of Biometric Identifier Act (CUBI 2009)), прямо разрешающие более широкое использование биометрических идентификаторов для обучения и разработки систем искусственного интеллекта. Напомним, биометрические идентификаторы, это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека и на основании которых можно установить его личность (распознать его по сканируемым отпечаткам пальцев, лицу, голосу, по сканированному уникальному рисунку вен на ладони или пальце, и т.д.).

В штатах Калифорния, Мэн, Нью-Гэмпшир, Нью-Йорк и Юта приняты законы, регулирующие использование чат-ботов, в которых особое внимание уделяется прозрачности и протоколам безопасности, особенно в деликатных случаях, связанных с психическим здоровьем и эмоциональной поддержкой [4].

В законах ряда штатов регламентируются особенности применения юридической ответственности (в том числе распределение рисков ее наступления) при использовании искусственного интеллекта. Например, согласно положениям Закона Калифорнии (Закон Калифорнии о защите от ответственности за искусственный интеллект CA AB-316 от 13.10.2025 г. (AI Liability Defenses), вступил в силу 1.01.2026 г.), в Гражданский кодекс штата Калифорния (Civil Code of California, Свод законов

штата) был добавлен раздел 1714.46, согласно положениям п. (b) которого, в гражданском иске против ответчика, разработавшего, модифицировавшего или использовавшего искусственный интеллект, который, как утверждается, причинил вред истцу, не может служить основанием для защиты, и ответчик не может утверждать, что искусственный интеллект самостоятельно причинил вред истцу.

Вопросы прозрачности генеративного искусственного интеллекта регламентируются в частности, в законах штатов Юта, Арканзас и Калифорния.

В 2024 г. Юта стала первым штатом США, в котором был принят закон, специально закрепивший правовой режим синтетических данных (synthetic data), определив их как тип анонимизированных данных (Закон штата Юта о политике в области искусственного интеллекта от 13.03ю2024 г. UT SB-149 (Utah's 2024 Artificial Intelligence Policy Act (AIPA)), Закон штата Юта об изменениях в области искусственного интеллекта UT SB-332, вступивший в силу с 7.05.2025 г. [5]. Законом штата Юта о поправках в области защиты потребителей от искусственного интеллекта от 27.03.2025 г. UT SB 226 (Artificial Intelligence Consumer Protection Amendments), вступившим в силу с 7.05.2025 г.) требования о раскрытии информации, в части контента создаваемого с помощью генеративного искусственного интеллекта ограничиваются только взаимодействиями «высокого риска» или случаями, когда система генеративного искусственного интеллекта собирает конфиденциальную личную информацию, либо используется при принятии важных решений, например, в финансовой, юридической, медицинской и психической областях. При этом законом вводится система мер защиты прав потребителей искусственного интеллекта, установлена правовая защита (режим «безопасной гавани») для добросовестных поставщиков искусственного интеллекта, которые предоставляют пользователям ясную и полную информацию. Например, в здравоохранении боты и голосовые ассистенты, используемые пациентами, должны четко и недвусмысленно указывать на использование искусственного интеллекта и не должны вводить потребителей в заблуждение [6].

Следует заметить, что в различных штатах (Калифорния, Иллинойс, Невада, Техас) был принят ряд законов об использовании искусственного интеллекта в здравоохранении. Так, Закон штата Калифорния от 18.11.2025 г. CA AB-489 (Artificial Intelligence and Health Care Professions), вступающий в силу с 1.01.2027 г., предоставляет регулирующим органам полномочия по обеспечению защиты прав собственности от действий со стороны лиц, разрабатывающих или внедряющих системы искусственного интеллекта, выдавая себя за лицензированных или сертифицированных медицинских работников. Закон штата Иллинойс от 1.08.2025 г. IL HB-1806 (Healthcare Professionals' Use of AI), вступивший в силу с момента подписания, запрещает лицензированным поставщикам терапевтических услуг использовать искусственный интеллект для чего-либо, выходящего за рамки определенной «дополнительной поддержки», если клиент не будет проинформирован в письменной форме об использовании в этих целях искусственного интеллекта и не даст на то свое согласия. Закон также запрещает организациям предлагать или рекламировать «населению штата» терапию, проводимую с помощью искусственного интеллекта, если она не проводится лицензированным специалистом, за исключением религиозных консультаций, поддержки сверстников и образовательных ресурсов.

Закон штата Невада от 1.07.2025 г. (Assembly Bill 406 (AB-406), Restrictions on the Use of an Artificial Intelligence System by a Licensed), вступивший в силу момента подписания, запрещает поставщикам услуг искусственного интеллекта заявлять, что их системы могут предлагать, имитировать или служить источником профессиональной психиатрической или поведенческой помощи. Он также запрещает предоставлять системы искусственного интеллекта, специально разработанные для оказа-

ния такой помощи. Лицензированные поставщики услуг не имеют права использовать искусственный интеллект для оказания медицинской помощи непосредственно пациентам, но могут применять его для административная поддержка при условии соблюдения законов о защите частной жизни и охране здоровья. Государственным школам запрещено использовать искусственный интеллект для выполнения обязанностей школьного медицинского консультанта.

Наконец, Закон штата Техас от 1.09.2025 г. TX SB-1188 (Relating to Electronic Health Record Requirements), вступивший в силу с момента принятия, требование о хранении данных - с 1.01.2026 г. ввёл новые требования к электронным медицинским записям (EHR) и использованию искусственного интеллекта в системе здравоохранения штата. Медицинским работникам позволяется использовать искусственный интеллект в диагностических целях при условии, что они действуют в рамках своей лицензии, соблюдают федеральные законы и законы штата, а также просматривают все записи, созданные с помощью искусственного интеллекта, в соответствии со стандартами медицинской документации. При этом, практикующие врачи должны сообщать своим пациентам об использовании искусственного интеллекта в диагностических целях [7].

Возвращаясь к проблеме прозрачности генеративного искусственного интеллекта, отметим, что в Законе Арканзаса (Закон штата Арканзас о праве собственности на модели обучения и контент, созданные с помощью инструмента генеративного искусственного интеллекта AR HB-1876 2025 г., вступил в силу 3.08.2025 г.) провозглашается, что лицо, предоставляющее входные данные для генерирующего инструмента искусственного интеллекта (GenAI), является владельцем сгенерированного контента или результирующей обученной модели при условии, что контент не нарушает авторских прав или прав интеллектуальной собственности.

В Законе Калифорнии (Закон Калифорнии об обеспечении прозрачности в сфере искусственного интеллекта 2024 г. (California AI Transparency Act from 2024, CA SB-942) и Закон CA AB-853 о поправках к нему от 18.11.2025 г.), установлено правило, по которому крупные онлайн-платформы (общедоступные платформы социальных сетей, платформы обмена файлами, платформы массовой рассылки сообщений или автономные поисковые системы, которые распространяют контент среди пользователей, не создававших контент или не участвовавших в его создании, число уникальных пользователей которых превысило 2000000 в месяц за предыдущие 12) обязаны предоставлять данные о происхождении контента, если такие данные соответствуют «широко принятым спецификациям» признанных органов по стандартизации.

Кроме того, крупные онлайн-платформы должны предоставлять пользователям интерфейс, четко и наглядно показывающий пользователям информацию, достаточную для идентификации подлинности, происхождения или истории изменений контента (в частности, достоверно указывать, был ли контент сгенерирован системой генеративного искусственного интеллекта или существенно изменен устройством (программой) сбора данных, включая названия этих систем или устройств, а также раскрывать информацию о скрытом маркировании или цифровых подписях («цифровых водяных знаках»)).

Указанные нормы вступают в силу с 1.01.2027 г. (в части требований к данным о происхождении) и с 1.01.2028 г. (требования к системам генеративного искусственного интеллекта и устройствам для сбора данных). Дополнительно, закон о поправках отложил вступление в действие Закона Калифорнии об обеспечении прозрачности в сфере искусственного интеллекта до 2.08.2026 г. Кроме того, в законах отдельных штатов специально регламентируются такие вопросы как правовой режим систем искусственного интеллекта высокого риска, защиты от цифровой дискрими-

нации, защиты отдельных объектов интеллектуальной собственности, обеспечения безопасности данных, обеспечения трудовых прав, а также использования пограничных моделей (Frontier Models) искусственного интеллекта.

Например, Закон штата Колорадо о защите прав потребителей в области ИИ CO SB-205 от 17.05.2024 г. (Consumer Protections for Artificial Intelligence CO SB-205), вступивший в силу с 1.02.2026 г., установил правило, согласно которому разработчики (лица, создающие, модифицирующие или обучающие системы искусственного интеллекта) и лица, внедряющие высокорисковые системы искусственного интеллекта (развертывающие использование систем, разработанных иными субъектами), в таких важных сферах принятия решений (consequential decisions), как образование, трудоустройство и здравоохранение обязаны проявлять разумную осторожность для защиты потребителей от цифровой (алгоритмической) дискриминации и соблюдать требования к раскрытию информации, а равно к оценке и управлению рисками. Потребители имеют право на разъяснение, исправление, и подачу апелляцию, если система искусственного интеллекта с высокой степенью риска примет решение, повлекшее для них неблагоприятные последствия. Отмечается, что закон не создаёт права на частную судебную жалобу (private right of action), - проверка обеспечения соблюдения установленных в нем норм отнесено к надзорным полномочиям генерального прокурора штата Колорадо [8].

Согласно положениям Закона штата Теннеси, об обеспечении охраны голоса и изображений от 21.03.2024 г. TN HB-2091 (Ensuring Likeness Voice and Image Security Act, ELVIS Act), вступившего в силу с 1.07.2024 г. от неправомерного использования системами искусственного интеллекта защищаются голоса и образы профессиональных музыкальных исполнителей, установлена штрафная ответственность за неправомерное использование. Закон Калифорнии о защите прав потребителей CA AB-1008 (California Consumer Privacy Act of 2018), Законом от 18.11.2024 г. были внесены изменения (в ст. 1798.140 Гражданского кодекса штата, вступившие в силу с 1.01.2025 г.), в части установления защиты персональных данных («персональной информации»), в абстрактных цифровых форматах, включая сжатые или зашифрованные файлы, метаданные или системы искусственного интеллекта.

Согласно положениям Закона штата Миннесота о защите конфиденциальности потребительских данных от 24.05.2024 г. MN HF-4757 (Minnesota Consumer Data Privacy Act, (MNCDPA)), вступившего в силу 31.07.2025 г. (для образовательных организаций, регулируемых Управлением высшего образования штата – с 31.07.2029 г.), физическим лицам предоставляется новые права «подвергать сомнению результат» автоматизированного профилирования, получать информацию о причинах принятых при этом решений, и о действиях, которые они могут предпринять, чтобы добиться принятия в будущем другого решения [9]. Напомним, что автоматизированное профилирование персональных данных - процесс, при котором алгоритмы анализируют большие массивы информации о человеке (его «цифровые следы» из социальных сетей, истории покупок, поисковых запросов, данных с устройств и т.д.) с целью оценки его личностных характеристик, прогнозирования поведения или отнесения к определённым группам [10]. Как отмечает Дж. Френсис, Миннесота стала первым штатом, предложившим такое дополнительное право [11].

Кроме того, согласно положениям Закона штата Коннектикут о поправках к закону о конфиденциальности данных от 24.06.2025 г. CT SB-1295 (Amendments to the Connecticut Data Privacy Act (CDTPA)), вступившим в силу 1.07.2026 г. (отдельные нормы в части оценки воздействия профилирования - с 1.08.2026 г.) расширены правила (в части прав и обязанностей), связанные с автоматизированным принятием решений и профилированием. В частности, расширяется существующее право на отказ от профилирования с «исключительно автоматизированных решений» на

«любое автоматизированное решение», которое имеет юридические или аналогичные существенные последствия, а также добавляет новое право для потребителей оспаривать определенные решения о профилировании. Предусматривается влияние оценки для систем профилирования, которые принимают важные решения, включают новое исключение в отношении сбора и использования персональных данных для проверки на предвзятость. Введено новое правило, в части уведомлений о конфиденциальности. Теперь контролеры обязаны раскрывать информацию о сборе или передаче персональные данные для обучения больших языковых моделей. Уведомления должны быть доступны по заметной гиперссылке на главной странице, содержащей слово «конфиденциальность», на каждом языке, используемом контролером в своей деятельности, и должны быть доступны для лиц с ограниченными возможностями [12].

В 2023 г. Городской совет Нью-Йорка принял первый в мире закон, обязывающий проводить и публиковать результаты алгоритмического аудита коммерческих продуктов на предмет наличия предвзятости, возникающей вследствие использования систем искусственного интеллекта [13]. Соответствующие правилу введены Законом Нью-Йорка № 144 от 5.07.2023 г. об автоматизированных инструментах принятия решений о приеме на работу, вступившим в силу с момента принятия, положения которого предписывают, что любой частный работодатель или городское агентство, использующие определенные автоматизированные инструменты принятия решений о приеме на работу (AEDT) в процессе найма или продвижения по службе, должны уведомлять сотрудников и соискателей перед использованием этих инструментов, а так же провести исследование на предмет предвзятости и опубликовать аудиторский отчет для широкой общественности на своем веб-сайте [14].

Согласно Закону штата Иллинойс № 103-0804 от 9.08.2024 г., вступившему в силу 1.01.2026 г. (в лит. так же - Закон об ограничении использования предиктивной аналитики (Limit Predictive Analytics Use)), были внесены поправки в разделы 2-101 и 2-102 Закона штата Иллинойс о правах человека (Illinois Human Rights Act, IHRA), запрещающие использование искусственного интеллекта, в решениях, связанных с трудоустройством (при принятии решений о приеме на работу), если это приводит к незаконной дискриминации в отношении защищенных групп населения [15].

В соответствии с Законом штата Нью-Йорк от 19.12.2025 г., вступающего в силу с 1.01.2027 г. устанавливаются требования к прозрачности, безопасности и отчетности для разработчиков больших передовых моделей искусственного интеллекта (large frontier artificial intelligence models, которые обучается на больших объемах данных, предназначены для получения универсальных результатов и могут быть адаптирована к широкому спектру различных задач). Напомним, что большие пограничные модели искусственного интеллекта large frontier artificial intelligence models (или frontier AI models) - это класс самых мощных и масштабных систем искусственного интеллекта, которые находятся на переднем крае технологических достижений, и характеризуются крайне высокими способности в решении сложных задач, реализации продвинутого рассуждения, интеграции информации из разных модальностей (текст, изображения, аудио) и т.д. Согласно положениям рассматриваемого закона, в дополнение к подготовке ежегодных фреймворков frontier AI, отчетов о прозрачности и раскрытию информации о критических инцидентах, связанных с безопасностью (в течение 72 ч.), разработчики должны будут участвовать в специальной программе (frontier developer disclosure program). Установлена штрафная ответственность разработчиков больших передовых моделей искусственного интеллекта в размере 1 мил. долларов за первое нарушение и 3 мил. долларов за последующее [16].

Кроме того, 30.09.2026 г. Калифорния приняла системный пакет законов штата, направленных на регулирование различных аспектов использования искусственного интеллекта: Закон AB 1331 (о видеонаблюдении на рабочем месте), Закон AB 1864 (об особенностях статуса производителей и поставщиков оборудования для генного синтеза), Закон AB 1883 (об инструментах наблюдения на рабочем месте), Закон AB 1979 и Закон SB 503 (об использовании искусственного интеллекта в сфере оказания медицинских услуг), Закон AB 2392 (регламентирует генеративные системы искусственного интеллекта в сфере государственного высшего образования, уточняет стандарты закупок для образовательной деятельности), Закон AB 2713 и Закон SB 1000 (поправки в Закон Калифорнии о прозрачности искусственного интеллекта, в том числе в части данных о происхождении системы), Закон SB 947 и Закон SB 951 (использование автоматизированных систем искусственного интеллекта при принятии решений в сфере труда и занятости, для уведомлений о занятость), Закон SB 1111 (о цифровых копиях), Закон SB 1159 (прозрачность и управление искусственным интеллектом), и наконец, Закон CA SB 574 (первый в США закон об особенностях использования ИИ в адвокатской и судебной деятельности).

В частности, новые правила были установлены в следующих областях:

1) применительно к трудовым отношениям (для подготовки работодателей и к потенциальным изменениям, вызванным искусственным интеллектом, был подписан новый, первый в стране закон, который защиты людей при исполнении ими своих трудовых функций от рисков использования искусственного интеллекта, автоматизированных технологий и систем видеонаблюдения): обеспечение проверки автоматизированных действий в отношении трудоустройства реальными людьми путем запрета работодателям полагаться исключительно на искусственный интеллект при принятии решений о дисциплинарных взысканиях или увольнении; повышение прозрачности за счет требования к работодателям указывать, вызваны ли массовые увольнения, переводы на другие должности или прекращение трудовых отношений системой искусственного интеллекта; защита конфиденциальности сотрудников путем запрета использования работодателями средств видеонаблюдения в туалете, расположенном в офисе или на предприятии.

2) В сфере образования: требование к государственным высшим учебным заведениям разработать программы обучения для студентов, преподавателей и сотрудников по вопросам подготовки и внедрения решений в области искусственного интеллекта.

3) В сфере здравоохранения и медицины (для обеспечения безопасного использования искусственного интеллекта в медицине, а равно сохранения в центре принятия решений в сфере здравоохранения знаний людей, а не мнения алгоритмов, - врачи и медицинские работники, оказывающие медицинскую помощь, должны в первую очередь использовать свои знания, опыт и суждения, даже когда применяют системы искусственного интеллекта): обеспечение возможности врачам и лицензированным специалистам использовать собственное профессиональное суждение при применении искусственного интеллекта или других инструментов принятия клинических решений в процессе лечения пациентов; требование к разработчикам инструментов принятия клинических решений принимать разумные меры для уменьшения известной или предсказуемой предвзятости в использовании этих систем искусственного интеллекта; обеспечение биобезопасности жителей, через систему мер, направленных на недопущение попадания в чужие руки мощных биологических инструментов (требование к компаниям, занимающимся синтезом генов, соблюдать правила безопасности, проверять, кто являются их клиентами, и какой генетический материал они отправляют для исследований таких заболеваний, как полиомиелит и Эбола).

4) В правоохранительной сфере (внедряются правовые механизмы защиты, призванные предотвратить неправомерное использование личных данных выраженных в цифровой форме - в противоправных целях): обновление гражданского и уголовного законодательства штата для защиты прав на использование изображений и предотвращения ложного присвоения чужого имени (в соответствии с угрозами и вызовами, которые представляют собой технология дипфейков с использованием искусственного интеллекта); совершенствование уголовно-правовой политики в части противодействия попыткам украсть персональные данные жителей штата, обмануть или выдать себя за жителей Калифорнии, в т.ч. путем создания контента откровенного характера (без согласия лица, образ, изображение или данные которого используется), - с использованием дипфейков на основе искусственного интеллекта.

5) В сфере повышения прозрачности информационных (цифровых) отношений (чтобы пользователи «могли понимать, что реально, а что нет», - вводятся новые правовые меры защиты, направленные на повышение прозрачность взаимодействия): введены запрет на удаление «цифрового водяного знака» и обязательное предоставление доступа к метаданным для упрощения определения того, был ли он создан искусственным интеллектом или пользователем; усиление закона о прозрачности использования искусственного интеллекта для решения проблем, связанных с развитием технологий, и обеспечения возможности жителям идентифицировать материалы, созданные с помощью искусственного интеллекта; прямое закрепление правила, о том, что публичные комментарии на заседаниях органов местного самоуправления должны исходить от реальных людей, а не от ботов с искусственным интеллектом [17]. Отдельно отметим, что в составе указанного выше пакета актов в Калифорнии был принят Закон о внесении изменений в раздел 6173 Кодекса о предпринимательской деятельности и профессиях и о добавлении в него раздела 6068.1, а также о внесении изменений в раздел 128.7 ГПК и добавлении в него разделов 180 и 1282.1, касающихся гражданского судопроизводства (An act to amend Section 6173 of, and to add Section 6068.1 to, the Business and Professions Code, and to amend Section 128.7 of, and to add Sections 180 and 1282.1 to, the Code of Civil Procedure, relating to civil proceedings CA SB-574 от 30.09.2026 г.), в котором впервые в США регламентируется порядок использования генеративного искусственного интеллекта в адвокатской и судебной деятельности. При этом, под генеративным искусственным интеллектом понимается система искусственного интеллекта, которая может генерировать производный синтетический контент, включая текст, изображения, видео и аудио, имитирующий структуру и характеристики обучающих данных системы.

Введены следующие новеллы:

1) Закон запрещает адвокатам делегировать осуществление юридической практики системам генеративного искусственного интеллекта. Он обязывает адвоката, использующего генеративный искусственный интеллект для оказания помощи в процессе своей юридической практике, в частности, не вводить конфиденциальную, личную идентификационную и другую непубличную информацию доверителей и третьих лиц в систему генеративного искусственного интеллекта. Адвокат обязывается предпринимать разумные шаги для проверки точности результатов работы генеративного искусственного интеллекта и должен исправлять любые ошибочные или искаженные данные в любых материалах, которые он использует.

2) По общему правилу каждое процессуальное заявление, ходатайство, письменное уведомление о подаче иска или другой подобный документ подписываются лично адвокатом, представляющим интересы стороны (или, если сторона не представлена адвокатом, - самой стороной), подтверждая тем самым, что документ, насколько ей известно, не подается с ненадлежащей целью и что исковые требова-

ния, возражения, а также юридические и фактические доводы обоснованы в соответствии с установленными требованиями. Теперь закон запрещает включать в краткие изложения дела, ходатайства, заявления или любые другие документы, поданные в суд, любые ссылки (в том числе, любые ссылки, предоставленные с помощью генеративного искусственного интеллекта), которые адвокат, ответственный за подачу ходатайства, не проверил лично.

3) По общему правилу, письменное соглашение о передаче существующего или будущего спора на арбитражное рассмотрение является действительным, подлежащим исполнению и безотзывным, за исключением случаев, оговоренных отдельно. При этом нейтральный арбитр - лицо, выбранное совместно сторонами или арбитрами сторон, или назначенное судом (если стороны или их арбитры не могут совместно выбрать арбитра). Лицо, выбранное для выполнения функций нейтрального арбитра, обязано раскрыть все обстоятельства, которые могут вызвать у лица, осведомленного о фактах, обоснованные сомнения в беспристрастности предлагаемого нейтрального арбитра. Теперь закон запрещает арбитру делегировать какую-либо часть процесса принятия решений любому инструменту генеративного искусственного интеллекта, а также запрещает арбитру полагаться на информацию, сгенерированную генеративным искусственным интеллектом, вне рамок протокола без предварительного уведомления сторон.

4) Как известно, в Калифорнии учрежден и действует Судебный совет – конституционный орган штата, принимающий правила управления судами, определяющий принципы и порядок организации судопроизводства, а также выполняющий ряд обязанностей в отношении судебных учреждений. Теперь Судебный совет должен публично пересмотреть Стандарт 10.80 Калифорнийских стандартов судебного администрирования, чтобы внести необходимые изменения, отражающие дальнейшее развитие генеративного искусственного интеллекта.

5) Теперь адвокат обязан раскрывать суду информацию об использовании генеративного искусственного интеллекта для всех документов, представленных суду, и рассматривать вопрос о раскрытии информации об использовании генеративного искусственного интеллекта, если он используется для создания контента, предоставляемого общественности. Отмечается, что в США, где на федеральном уровне нет закона об искусственном интеллекте, национальная модель регулирования постепенно складывается через систему исполнительных указов (executive orders), отраслевые руководства и инициативы административных ведомств (напр., NIST AI Risk Management Framework), а также через судебную практику [18, с. 32-22]. Однако одной из принципиальных особенностей выступает все нарастающее значение субфедерального регулирования. Напомним, региональное нормотворчество вносит свой определённый вклад в обеспечение темпов развития технологий и в КНР, где для конкретизации формирующейся общегосударственной модели регулирования искусственного интеллекта на уровне провинций, городов центрального подчинения и субпровинциального значения, в особых экономических зонах принимаются акты, направленные на организационно-правовое обеспечение решений общегосударственного значения. Вместе с тем, именно на примере новейшего законодательства, принимаемого в США на уровне штатов, мы наблюдаем стремительное формирование правовых несущих конструкций цифрового мира будущего.

Список литературы:

1.MT SB-212 от 16.04.2025 г. (Creating the Right to Compute Act and Requiring Shutdowns of AI Controlled Infrastructure, Montana Right to Compute Act (MRTCA)). – URL: https://itif.org/publications/2025/09/11/how-some-states-are-resisting-unnecessary-ai-regulations/ (дата обращения 26 сентября 2026 г.).

2. DE HJR7 | 2025-2026 | 153. Generalforsamling. https://legiscan.com/DE/bill/HJR7/2025 (дата обращения 26.09.2026 г.).

3.Боуэн Г. Агентный искусственный интеллект: правовые и этические вызовы автономных систем // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3. С. 431-440.
4. Fra forslag til vedtagelse: Vedtaget amerikanske AI-love, 2023–2025. – URL: Fra forslag til vedtagelse: Vedtaget amerikanske AI-love, 2023–2025
5.Artificial Intelligence Legislation Database. – URL: https://fpf.org/blog/from-proposal-to-passage-enacted-u-s-ai-laws-2023-2025/ (дата обращения 26.09.2026 г.).
6. Artificial intelligence amendments 2024 general session state of Utah. – URL: https://le.utah.gov/~2024/bills/static/SB0149.html (дата обращения 26.09.2026 г.).
7.healthaipolicy.org – HAPI. – URL: https://www.healthaipolicy.org/policies/SB0226Artificial (дата обращения 26.09.2026 г.).
8.Relateret til krav om elektroniske patientjournaler. Samlet afstemningsanbefaling. – URL: https://www.texaspolicyresearch.com/bills/89th-legislature-sb-1188/ (дата обращения 26 сентября 2026 г.).
9. https://leg.colorado.gov/bills/sb24-205 (дата обращения 26.09.2026 г.).
10. Lovforslag i den 93. lovgivende forsamling. – URL: https://www.revisor.mn.gov/bills/93/2024/0/HF/4757/?body=house (дата обращения 26.09.2026 г.).
11. Кузнецова С.С. Правовое регулирование цифрового профилирования человека в практике зарубежных стран // Правоприменение. 2024. № 4. С. 63-72.
12. North Star State slutter sig til konstellationen af statslig privatlivslovgivning. – URL: https://fpf.org/blog/the-north-star-state-joins-the-state-privacy-law-constellation/ (дата обращения 26.09.2026 г.).
13. CT HB05043 | 2026 | Generalforsamlingen. – URL: https://www.cga.ct.gov/asp/cgabillstatus/cgabillstatus.asp?selBillType=Bill&bill_num=SB01295& (дата обращения 26.09.2026 г.).
14. Wright L., Muenster R.M., Vecchione B., Qu T., Cai P.(S.), Smith A., Metcalf J., Nathan Matias J. Null Compliance: NYC Local Law 144 and the Challenges of Algorithm Accountability. In The 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT '24), June 3–6, 2024, Rio de Janeiro, Brazil. 2024, P. 1-22.
15. Automated Employment Decision Tools (AEDT) – DCWP. – URL: https://www.nyc.gov/site/dca/about/automated-employment-decision-tools.page (дата обращения 26.09.2026 г.).
16. Illinois General Assembly - Home Page. – URL: https://ilga.gov/legislation/ BillStatus.asp?GA=103&SessionID=112&DocTypeID=HB&DocNum=3773 (дата обращения 26.09.2026 г.).
17. https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2025/A9449 (дата обращения 26.09.2026 г.).
18. https://www.gov.ca.gov/2026/09/30/californias-nation-leading-ai-framework-just-got-stronger-governor-newsom-signs-more-first-in-the-nation-worker-protections-and-more/ (дата обращения 12.10.2026 г.).
19. Ковалева Н.Н. Комментарий к ст. 3. // В кн.: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» / Ответ. ред. А.А. Тедеев. М.: Сам Полиграфист, 2026. С. 32-33.

Tedeev A. A. Formation of a national model of artificial intelligence regulation in the USA: state legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 205-214.

The article examines the key reference points of the emerging regulatory regime for new digital technologies in the United States at the level of state legislation, using the example of artificial intelligence technologies. Currently, such acts have been adopted in the states of Arkansas, Delaware, Illinois, California, Colorado, Connecticut, Minnesota, Montana, Nevada, New York, Tennessee, Utah, etc. The article analyzes the innovations established by these state laws in terms of the limits of public law restrictions on the use of artificial intelligence, the procedure for creating regulatory "sandboxes" for experimental innovation, the use of biometric identifiers for training and developing artificial intelligence systems, ensuring transparency and security protocols, especially in sensitive cases related to mental health and emotional support., features of the use of artificial intelligence in the field of education, culture, healthcare, in law enforcement and judicial activities, as well as in some other areas. Special attention is paid to the need for legal provision of an adequate level of security in the development of information (digital) technologies.

Keywords: information (digital) law, regulation of artificial intelligence, US legislation, state law, artificial intelligence, generative artificial intelligence, digital technologies, experimental legal regimes, information security, use of artificial intelligence systems.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 215-219.

УДК 342.9

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПОРТИВНОГО ИНВЕНТАРЯ (ПИТБАЙКОВ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматривается проблема правового регулирования использования спортивного инвентаря (питбайков) в Российской Федерации. Отмечено, что несмотря на множество разъяснений и толкований, до настоящего времени отсутствует нормативное определение данного технического средства. Обращено внимание на противоречие, состоящее в том, что, несмотря на общее понимание, что питбайки - это спортивный инвентарь, в случаях их использования на дорогах общего пользования, а тем более допущение дорожно-транспортных происшествий с их участием, данные технические средства признаются транспортными средствами. Отмечено, что правовое регулирование данной техники нуждается в чёткой законодательной фиксации её статуса и границ допустимого использования — с учётом как интересов спорта и досуга, так и задач обеспечения безопасности дорожного движения. Предлагаются ряд мер по совершенствованию правовой регламентации данной техники.

Ключевые слова: спортивный инвентарь, эндуробайк, питбайк, дорожно-транспортные происшествие, транспортное средства

Все чаще на дорогах Российской Федерации появляются новые средства передвижения: от средств индивидуальной мобильности в виде моноколес, гироскутеров, электросамокатов до более массивных трициклов, квадроциклов, квадрициклов. Следует выделить и такую группу технических средств как эндуробайки и питбайки. Последние пользуются особой популярностью у подростков, так как являются компактными и лёгкими (обычно 50–85 кг). В случае оснащения эндуробайков всей необходимой светотехникой (фара, стоп-сигналы), зеркалами, площадкой для номерного знака, они могут быть сертифицированы производителями как транспортные средства и не являться только спортивным инвентарем.

В отличие от эндуробайков, питбайки – чисто спортивный инвентарь. Однако вопросы правового регулирования использования питбайков как спортивного инвентаря в нашей стране до сих пор не решены. Нет ни одного закона, государственного стандарта, технического регламента, правил, которые бы закрепили данное определение или термин. В тоже время, помимо рекомендаций производителей, не имеющих юридической силы, в информационной среде полно разъяснений и толкований о назначении данной спортивной техники.

Например, прокуратура Воронежской области дает такое определение: «Питбайк - это разновидность мини-мотоцикла, относящегося по общему правилу к спортивному инвентарю, предназначенного для передвижения и использования исключительно на закрытых и специально оборудованных для этого площадках, например, на мототреках, мотодромах, кроссовых трассах и эндуро-парках» [1]. Вот пояснение прокуратуры Московской области, в котором указано, что «питбайк — это уменьшенная версия обычного мотоцикла, он имеет компактные размеры и лёгкий вес для передвижения по бездорожью» [2]. Из разъяснений Госавтоинспекции МВД России (через портал Объясняем.рф): «Питбайк — это спортинвентарь, а не полноценное транспортное средство» [3].

Согласно ст. 2 Федерального закона № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», транспортное средство — устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем [4]. Под данное определение питбайк не попадает по причине того, что не предназначен для движения по дорогам общего пользования (рассчитан на закрытые площадки и специали-

зированные трассы); не имеет паспорта транспортного средства и VIN-номера в привычном формате; не оснащён светотехникой (фарами, фонарями, указателями поворотов), зеркалами заднего вида и местом для номерного знака и не подлежит регистрации в Госавтоинспекции. И как спортивный инвентарь питбайк стоит в одном ряду с такими предметами как лыжи или коньки, но все же является техникой.

В тоже время имеется практика признания данного спортивного инвентаря транспортным средством. Согласно постановлению Верховного суда РФ от 19.12.2023, дело по жалобе Алгаера К.В. (Омская область), указано, что водитель «ВАЗ-2114» при повороте налево столкнулся с питбайком марки «KAYO BASIC YX 140» (без государственного номера). Водителю питбайка причинён вред здоровью средней тяжести. В данном случае Верховный суд подтвердил квалификацию: поскольку дорожно-транспортное происшествие случилось на дороге общего пользования (ул. Первомайская, р.п. Красный Яр), питбайк в данном контексте — транспортное средство, а нарушение Правил дорожного движения, повлекшее такой вред, образует состав ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ [5].

Или вот еще его констатация: «Из материалов дела усматривается, что 5.06.2023 г. в 15 ч. 48 мин. на 10 км автодороги Колышлей-Колтовское Колышлейского района Пензенской области Новичков А.П. управлял транспортным средством - мотоциклом кроссовым (спортинвентарь) Kayo CRF 801 Basic без регистрационного знака при наличии достаточного основания полагать, что он находится в состоянии опьянения (признак опьянения - запах алкоголя изо рта)» [6]. За отказ от прохождения медицинского освидетельствования водитель был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. В подобных ситуациях судебная практика однозначно признает данную технику транспортным средством.

Среди научной общественности имеется мнение о необходимости признания питбайков транспортными средствами, но с оговоркой, что они становятся таковыми в использовании только после вступления владельца в спортивный клуб, надлежащего обучения или при наличии специального права на управления мотоциклом или мопедом [7, с. 75].

Действительно, по своим техническим характеристикам питбайк схож с мототранспортом. Например, двигатель Kayo — 124 см³. По пункту 1.2 Правил дорожного движения мотоцикл — двухколесное механическое транспортное средство с боковым прицепом или без него, рабочий объем двигателя которого (в случае двигателя внутреннего сгорания) превышает 50 куб. см или максимальная конструктивная скорость (при любом двигателе) превышает 50 км/ч. [8]. Теоретически при условии дооборудования, прохождения сертификации и соблюдении других требований питбайк по характеристикам может быть мототранспортом.

Однако имеются основания полагать, что в конце концов питбайки так и останутся спортивным инвентарем. Отдельный ГОСТ России для питбайков (рабочее название — ГОСТ Р «Мототранспортные пассажирские средства. Требования безопасности и методы испытаний») уже разрабатывается — Росстандарт включил соответствующую работу в Программу национальной стандартизации на 2026 г., а его утверждение запланировано на май 2027 г. [9]. Кроме того, комитетом Государственной Думы по молодежной политике разработан проект закона, касающийся регулирования питбайков. Инициативой предлагается запрет на продажу питбайков несовершеннолетним (исключение - при наличии справки из спортшколы или прав категории «А», подтверждающих использование транспорта в спортивных целях), а также запрет на продажу дизеля и бензина несовершеннолетним.

В виду того, что в КоАП РФ отсутствует специальная норма, устанавливающая ответственность именно за выезд на питбайке на дороги общего пользования, на практике применяются нормы, которые не рассчитаны на прямо на такой случай: ст.

12.7 КоАП РФ — управление транспортным средством без водительского удостоверения, ст. 5.35 КоАП РФ — неисполнение родительских обязанностей (при условии, что нарушитель не достиг возраста 16 лет), ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ — передача управления транспортным средством лицу, заведомо не имеющему права управления транспортным средством (за исключением учебной езды) или лишенному такого права. В целом, из-за отсутствия прямой нормы, предусматривающей административную ответственность за движения по дорогам общего пользования на питбайках и аналогичной техники, имеются затруднения при квалификации таких нарушений.

По данным Научного центра безопасности дорожного движения МВД России и сводкам Госавтоинспекции за 2025 г. погибло свыше 30 подростков, более 2 тысяч человек ранено; за первое полугодие 2026 г. по всем видам транспорта с участием несовершеннолетних водителей (включая велосипеды, мопеды, скутеры): свыше 1 000 ДТП, 32 подростка погибло, более 1 500 ранены. На мототехнику (питбайки) приходится около 70% всех ДТП с несовершеннолетними водителями [10].

В качестве мер реагирования стало введение в 2023 г. УК РФ новой нормы, ст. 151.2, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. Данная норма применима и к родителям, купившим для своих несовершеннолетних детей питбайк, не обеспечив безопасные условия эксплуатации при их управлении.

Например, приговором Усть-Лабинского района Краснодарского края отец несовершеннолетнего ребенка был признан виновным в совершении противоправных действий, заведомо представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, а именно покупку и передачу несовершеннолетнему спортинвентаря (питбайка) [11]. Или вот случай в Чебулинском районе Кемеровской области, в августе 2026 г. Мать подарила несовершеннолетнему сыну питбайк, зная, что у него нет как прав на управление, так и навыков. Подросток попал в дорожно-транспортное происшествие, получил вред здоровью средней степени тяжести. Мать была признана виновной по ч. 1 ст. 151.2 УК РФ [12]. Данная норма в 2025–2026 гг. стала массово применяться к родителям, покупающим и передающим детям питбайки и иную мототехнику.

Вновь всплывает противоречие. С одной стороны, питбайк — легальный товар, свободно продаётся в магазинах, рекламируется, не требует лицензии или разрешения. Покупка спортивного инвентаря для несовершеннолетнего не является преступлением. Но если он выехал на дорогу, то данная покупка ретроспективно превращается в «вовлечение в действия, представляющие опасность для жизни». Сточки зрения надзирающих органов родитель или иной законный представитель обязан был предвидеть подобную ситуация и ее не допустить. Действительно, следует согласиться с мнением, что родители фактически не задумываются о возможных последствиях [13, с. 316]. Проблема в том, что грань между «приобрел несовершеннолетнему спортинвентарь» и «вовлёк несовершеннолетнего в опасные действия» проводится не по факту покупки, а по факту последующего использования — но товар по своим потребительским свойствам провоцирует именно такое использование.

Исходя из материалов правоприменительной практики, при выезде и движении на питбайке по дороге данная спортивная техника «превращается» в транспортное средство. Питбайк как предмет, который по закону не является транспортным средством, объявляется таковым постфактум — для целей наказания, которое применяется по статьям, рассчитанным на транспортные средства, — то есть по нормам, которые к данному предмету по его основному статусу не применимы. Как было указано ранее, государственный стандарт для подобных технических средств только

разрабатывается, тем временем правовой пробел заполняется судебной практикой, что противоречит принципу правовой определённости.

Таким образом, следует отметить, что несмотря на обнаружение тенденции закрепления питбайков как спортивного инвентаря по системе национальной стандартизации, необходимо установить требования как лицам, приобретающим и пользующимся данной техникой, так и к данному спортивному инвентарю. Во-первых, необходимо обязать производителей и импортеров размещать информацию о запрете эксплуатации на дорогах общего пользования и об ответственности за нарушение — по аналогии с маркировкой табачной и алкогольной продукции. Во-вторых, необходимо введение обязательной регистрации данной техники в государственном реестре с получением учётного знака или QR-кода. Регистрацию подобной техники в качестве транспортных средств для движения по дорогам общего пользования необходимо запретить. Не прошедшие такую сертификацию питбайки будут прямо запрещены к использованию. В-третьих, возможен частичный запрет на продажу данной техники в частные руки, но позволить их приобретение только профессиональным спортсменам. Из юридических лиц разрешить приобретение данной техники только мото- и картинг-клубам как спортивным организациям, а эксплуатацию - по назначению (на треках) после вступления в спортивный клуб.

Данные меры будут способствовать наведению порядка в данной области, коренным образом смогут повлиять на состояние безопасности на дорогах, в том числе снизить количество дорожно-транспортных происшествий и травматизма.

Список литературы:

1.Прокуратура разъясняет: информация об административной ответственности за управление питбайком водителем, не имеющим права управления // Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение гимназия имени А.В. Кольцова: сайт. URL: https://gymkoltsov.obrvrn.ru/prokuratura-razyasnyaet/informaciya-ob-administrativno/ (дата обращения – 11.09.2026).

2.Прокуратура разъясняет: о правилах использования питбайков и ответственности за их нарушение // Прокуратура Московской области: сайт. URL:https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/activity/legal-education/explain/e471330/ (дата обращения – 11.09.2026).

3.Что такое питбайк, и кому на нем можно ездить // Объясняем.рф: сайт. URL: https://объясняем.рф/articles/useful/chto-takoe-pitbayk-i-komu-na-nem-mozhno-ezdit/ https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/useful/chto-takoe-pitbayk-i-komu-na-nem-mozhno-ezdit/ (дата обращения – 11.09.2026).

4.О безопасности дорожного движения: федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения – 11.09.2026)

5.Постановление Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2023 № 50-АД23-9-К8 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL:https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122023-n-50-ad23-9-k8/ (дата обращения – 11.09.2026).

6.Постановление Верховного суда Российской Федерации от 06.06.2024 № 29-АД24-8-К1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06062024-n-29-ad24-8-k1-uid-58ms0046-01-2023-000946-58/ (дата обращения – 11.09.2026).

7.Гайдуков, А. А. О некоторых проблемах правового регулирования эксплуатации питбайков на дорогах общего пользования / А. А. Гайдуков, А. И. Щеглов // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 11(153). – С. 72-75.

8.О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): Постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 // [Электронный ресурс] // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» (дата обращения – 11.09.2026).

9.В России разработают национальный стандарт безопасности для питбайков // РИА-новости: сайт. URL: https://ria.ru/20260320/pitbayk-2082004221.html (дата обращения – 11.09.2026).

10. В России растет число ДТП с питбайками, которыми управляли дети // ТАСС медиа. Сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/25520743 (дата обращения – 11.09.2026).

11. Привлечение родителей к административной и уголовной ответственности в связи с передачей несовершеннолетнему права управления кроссовым мотоциклом (питбайком) // Администрация Увельского муниципального округа Челябинской области. Сайт. URL: https://www.admuvelka.ru/city/socs/prokurotura/2025/upravlenie-pitbaykami.php (дата обращения – 11.09.2026).

12. Мать подростка приговорили к условному наказанию за подаренный ему питбайк // РАПСИ: Российское агентство правовой и судебной информации. Сайт. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260817/312113677.html (дата обращения – 11.09.2026).
13. Мишина, Ю. В. Питбайки на дорогах общего пользования: новая реальность или реальная угроза? / Ю. В. Мишина // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения : материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 октября 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 314-319.

Ravnushkin A.V. On the problems of legal regulation of the use of sports equipment (pit bikes) in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 215-219.

The article examines the issue of legal regulation of the use of sports equipment (pit bikes) in the Russian Federation. It is noted that, despite numerous clarifications and interpretations, there is still no regulatory definition of this technical device. Attention is drawn to the contradiction that, despite the general understanding that pit bikes are sports equipment, when they are used on public roads, and even more so when traffic accidents involving them occur, these technical devices are recognized as vehicles. It has been noted that the legal regulation of this technology requires a clear legislative definition of its status and the boundaries of its permissible use — taking into account both the interests of sports and leisure, and the tasks of ensuring road safety. A number of measures are proposed to improve the legal regulation of this technology.

Keywords: sports equipment, enduro bike, pit bike, traffic accident, vehicles.

Spisok literatury:

1. Prokuratura raz"jasnjaet: informatsija ob administrativnoj otvetstvennosti za upravlenie pitbajkom voditelem, ne imejuschim prava upravlenija // Munitsipal'noe bjudzhetnoe obscheobrazovatel'noe uchrezhdenie gimnazija imeni A.V. Kol'tsova: cajt. URL: https://gymkoltsov.obrvrn.ru/prokuratura-razyasnyaet/informaciya-ob-administrativno/ (data obraschenija – 11.09.2026).
2.Prokuratura raz"jasnjaet: o pravilah ispol'zovanija pitbajkov i otvetstvennosti za ih narushenie // Prokuratura Moskovskoj oblasti: sajt. URL:https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/activity/legal-education/explain/e471330/ (data obraschenija – 11.09.2026).
3.Chto takoe pitbajk, i komu na nem mozhno ezdit' // Ob"jasnjaem.rf: sajt. URL: https://ob"jasnjaem.rf/articles/useful/chto-takoe-pitbayk-i-komu-na-nem-mozhno-ezdit/ https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/useful/chto-takoe-pitbayk-i-komu-na-nem-mozhno-ezdit/.
4.O bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija: federal'nyj zakon ot 10.12.1995 № 196-FZ // [`Elektronnyj resurs] // Dostup iz spravochnoj pravovoj sistemy «Garant» (data obraschenija – 11.09.2026)
5.Postanovlenie Verhovnogo suda Rossijskoj Federatsii ot 19.12.2023 № 50-AD23-9-K8 // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federatsii: sajt. URL:https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122023-n-50-ad23-9-k8/ (data obraschenija – 11.09.2026).
6.Postanovlenie Verhovnogo suda Rossijskoj Federatsii ot 06.06.2024 № 29-AD24-8-K1 // Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty Rossijskoj Federatsii: sajt. URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06062024-n-29-ad24-8-k1-uid-58ms0046-01-2023-000946-58/
7.Gajdukov, A. A. O nekotoryh problemah pravovogo regulirovanija `ekspluatatsii pitbajkov na dorogah obschego pol'zovanija / A. A. Gajdukov, A. I. Scheglov // Teorija i praktika obschestvennogo razvitija. – 2020. – № 11(153). – S. 72-75.
8.O Pravilah dorozhnogo dvizhenija (vmeste s «Osnovnymi polozhenijami po dopusku transportnyh sredstv k `ekspluatatsii i objazannosti dolzhnostnyh lits po obespecheniju bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija»): Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 23.10.1993 № 1090 // [`Elektronnyj resurs] // Dostup iz spravochnoj pravovoj sistemy «Garant» (data obraschenija – 11.09.2026).
9.V Rossii razrabotajut natsional'nyj standart bezopasnosti dlja pitbajkov // RIA-novosti: sajt. URL: https://ria.ru/20260320/pitbayk-2082004221.html (data obraschenija – 11.09.2026).
10. V Rossii rastet chislo DTP s pitbajkami, kotorymi upravljali deti // TASS media. Sajt. URL: https://tass.ru/obschestvo/25520743 (data obraschenija – 11.09.2026).
11. Privlechenie roditelej k administrativnoj i ugolovnoj otvetstvennosti v svjazi s peredachej nesovershennoletnemu prava upravlenija krossovym mototsiklom (pitbajkom) // Administratsija Uvel'skogo munitsipal'nogo okruga Cheljabinskoj oblasti. Sajt. URL: https://www.admuvelka.ru/city/socs/prokurotura/2025/upravlenie-pitbaykami.php (data obraschenija – 11.09.2026).
12. Mat' podrostka prigovorili k uslovnomu nakazaniju za podarennyj emu pitbajk // RAPSI: Rossijskoe agentstvo pravovoj i sudebnoj informatsii. Sajt. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260817/312113677.html (data obraschenija – 11.09.2026).
13. Mishina, Ju. V. Pitbajki na dorogah obschego pol'zovanija: novaja real'nost' ili real'naja ugroza? / Ju. V. Mishina // Administrativno-pravovoe regulirovanie ohrany obschestvennogo porjadka i obespechenija obschestvennoj bezopasnosti: problemy i puti ih reshenija : materialy ezhegodnoj mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, Sankt-Peterburg, 10 oktjabrja 2025 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2025. – S. 314-319.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 220-224.

УДК 342.76

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВВЕДЕНИЯ В СИСТЕМУ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАТЕГОРИИ «КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОПЕРАТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

Шматко Д. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается проблема систематизации конституционно-правовых режимов, вводимых на основании федерального закона, в условиях современных вызовов, характеризующихся стремительным увеличением числа локальных и реактивных угроз, напрямую затрагивающих основы конституционного строя Российской Федерации, безопасность личности, общества и государства. В работе отмечается, что сложившийся на текущий момент времени подход к классификации конституционно-правовых режимов, основывающийся преимущественно на учете федеральных конституционных и федеральных законов как основных источников правового регулирования, не позволяет полноценным образом раскрыть правовую природу и место режимов, не обладающих масштабом условий, необходимых для введения чрезвычайного или военного положения. Авторами обосновывается вывод о том, что наличие федерального закона в качестве источника правового регулирования не может исключать конституционно-правовой природы соответствующих режимов при условии, если они предполагают временное изменение правового статуса личности и перераспределение публичных полномочий с целью защиты и охраны конституционно значимых ценностей. Выдвигается предложение о необходимости выделения самостоятельной научной категории – «конституционно-правовой режим оперативного реагирования». Раскрываются ключевые признаки данной категории, проводится разграничение режимов оперативного реагирования и иных конституционно-правовых режимов, вводимых на основании федеральных конституционных законов.

Ключевые слова: конституционное право, конституционный строй, конституционно-правовой режим, федеральный конституционный закон, федеральный закон, оперативное реагирование, ограничение прав и свобод, реактивные угрозы, локальные правовые режимы, временные правовые режимы, правовой статус личности, система конституционного права.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется стабильным ростом количества угроз, которые напрямую затрагивают основы конституционного строя, безопасность личности, общества и государства, большая часть из которых обладает локальным, внезапным и реактивным характером. В условиях подобных обстоятельств, необходимость использования особых государственно-правовых механизмов, допускающих временное изменение установленного порядка правового регулирования и ограничение конституционных прав и свобод граждан, значительно актуализируется. В то же время не каждая экстраординарная ситуация провоцирует потребность в использовании специальных правовых режимов, которые предусмотрены федеральными конституционными законами, что указывает на существование проблемы теоретического осмысления и систематизации конституционно-правовых режимов, которые вводятся на основании федерального закона, а также обоснования их места в действующей системе конституционного права РФ.

Вопросам, связанным с конституционно-правовыми режимами, вводимыми на основании федеральных законов, посвящены исследования множества отечественных авторов, среди которых особого внимания заслуживают работы В.В. Луценко [1, с. 490], И.И. Авсеева [2, с. 58], И.Ф. Хисамутдинова [3, с. 168], В.А. Тарасенко [4, с. 48], Л.В. Попкова и А.В. Лукьяновой [5, с. 105], А.Г. Упорова [6, с. 122], А.А. Илющенко [7, с. 51], Ю.В. Шурыгиной [8, с. 118], С.В. Куликова [9, с. 36], В.П. Малышева, С.Н. Азанова и О.В. Виноградова [10, с. 33]. Труды каждого из этих авторов вносят значительный вклад в теоретическое осмысление сущности и содержания соответствующих конституционно-правовых режимов. Однако, ни одна из про-

анализированных работ не преследовала цели в виде систематизации таких режимов, определения их места в отечественной системе конституционного права и правовой системе государства в целом, что представляется существенным упущением.

Сложившаяся в науке модель систематизации, по большей части, опирается на основу в виде нормативного источника, что приводит к разграничению правовых режимов на вводимые федеральными конституционными законами и закрепленные в федеральных законах. Так, вводимые на основании Федерального конституционного закона от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [11] и Федерального конституционного закона от 30.11.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [12] конституционно-правовые режимы чрезвычайного и военного положения традиционно рассматриваются как основные и наиболее жесткие формы государственно-правового реагирования на угрозы, характеризующиеся повышенным уровнем общественной опасности и затрагивающие фундаментальные основы функционирования общества и государства.

Подобный подход, несмотря на высокий уровень теоретической значимости, не способствует полноценной характеристике уже существующей совокупности правовых режимов, которые подлежат практической реализации в условиях возникновения различных угроз, которые не достигают масштабов, предусмотренных федеральными конституционными законами, но тем не менее требуют применения специальных ограничительных и иных мер. В результате этого значительная группа правовых режимов необоснованно сводится только к описанию конкретных административно-правовых механизмов, либо рассматривается фрагментарно, без надлежащего учета их реальной конституционно-правовой природы.

В качестве ключевого аргумента, свидетельствующего о необходимости отнесения режимов, вводимых на основании федерального закона, к категории конституционно-правовых, выступает содержание ст. 55 Конституции РФ, которое прямо указывает на допустимость ограничений прав и свобод человека и гражданина федеральным законом при условии, если они преследуют своей целью защиту «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [13]. Данная норма не только легитимизирует возможность введения соответствующих ограничений вне рамок, предусмотренных федеральными конституционными законами, но и свидетельствует о конституционной допустимости дифференциации различных форм государственного реагирования в зависимости от характера и масштаба возникающей угрозы, объекта правовой защиты. Здесь важно оговориться, что на уровне Конституции РФ не приводится исчерпывающего перечня конституционно-правовых режимов, так как документ ограничивается только провозглашением общих принципов допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина. Такой подход обеспечивает возможность формирования гибкой системы правовых режимов, которые адаптируются к динамике возникающих и развивающихся угроз, при условии соблюдения совокупности основополагающих принципов соразмерности, срочности и обоснованности ограничений.

Таким образом, несмотря на то что в качестве непосредственного источника правового регулирования выступает федеральный закон, конституционно-правовая природа соответствующего режима не может быть исключена в ситуации, когда он прямо или косвенно затрагивает базовые элементы правового статуса личности и предполагает наступление последствий в виде временного изменения баланса публичных и частных интересов. Наоборот, подобные режимы должны рассматриваться как особая форма практической реализации конституционных положений, которая направлена на своевременное устранение угроз без необходимости использования наиболее жестких (по характеру и степени вводимых ограничений) механизмов

государственного управления. Для систематизации описанных правовых конструкций представляется возможным выделить самостоятельную категорию «конституционно-правовых режимов оперативного реагирования, подразумевающую не просто возможность введения временных ограничений, а комплексный управленческий механизм, в котором ключевую роль играет динамичность принятия решений и пропорциональность используемых государством мер, направленных на устранение различных угроз» [14, с. 287]. Обозначенные конституционно-правовые режимы можно охарактеризовать через совокупность устойчивых признаков.

Во-первых, для них характерно наличие основания для введения в виде реактивной угрозы. В отличие от угроз, предполагающих необходимость реализации длительных подготовительных мероприятий и комплексного стратегического реагирования, угрозы, которые устраняются посредством конституционно-правовых режимов оперативного реагирования, в большинстве случаев, малопрогнозируемы и возникают внезапно, что обусловливает потребность в принятии немедленных решений. Данное обстоятельство также объективно указывает на существование необходимости в утверждении упрощенной процедуры введения соответствующих режимов, а также делегирования полномочий по принятию подобных решений органам исполнительной власти, в том числе уровня субъекта РФ.

Во-вторых, характер территории действия – локальный. Конституционно-правовые режимы оперативного реагирования, как правило, вводятся в пределах субъекта РФ, конкретного муниципального образования или меньшей по своему размеру территории, что выступает принципиальным отличием от режимов, вводимых на основании федеральных конституционных законов, допускающих возможность распространения ограничений на значительно более обширные территории.

В-третьих, рассматриваемые режимы предполагают применение пропорциональных и целенаправленных ограничений конституционных прав и свобод, которые прямо коррелируют с характером возникшей угрозы и ее масштабами. Применяемые на практике ограничения не обладают тотальным характером и, в первую очередь, направлены на устранение конкретной совокупности опасных факторов, не предполагая при этом всеобъемлющей трансформации действующего в пределах государства правового порядка, установленного нормами Конституции РФ и иными нормативно-правовыми актами.

В-четвертых, конституционно-правовые режимы оперативного реагирования являются временными, что выражается в возможности их поддержания только в течение срока существования конкретной угрозы, послужившей основанием для введения, за исключением случаев, когда возникают новые угрозы, также требующие применения аналогичных ограничительных и иных мер без необходимости введения иных правовых режимов. По достижении поставленных целей соответствующие конституционно-правовые режимы подлежат отмене. При этом потребность в сохранении каких-либо элементов чрезвычайного управления и правового регулирования отсутствует.

Сформулированная совокупность признаков конституционно-правовых режимов оперативного реагирования не только свидетельствует об их самостоятельном характере, но и позволяет определить существенные различия с конституционно-правовыми режимами, вводимыми на основании федеральных конституционных законов. Предложенная конституционно-правовая категория отражает эволюцию отечественной правовой системы, которая адаптируется к высокой динамике угроз и необходимости сохранения баланса между защитой прав личности и обеспечением национальной безопасности. Признание режимов оперативного реагирования самостоятельной разновидностью конституционно-правовых режимов способствует формированию внутренне непротиворечивой и целостной модели системы россий-

ского конституционного права, в рамках которой каждая предусмотренная действующим законодательством форма государственного реагирования получает надлежащее теоретическое обоснование и конкретные, четко определенные границы практической применимости.

Подводя итог, можно сделать вывод, что конституционно-правовые режимы, вводимые на основании федерального закона, не должны рассматриваться исключительно в качестве административно-правовых конструкций. Их содержание и сущностные характеристики, обладающие непосредственной связью с принципом допустимости ограничения конституционных прав и свобод личности, временного изменения ее правового статуса и перераспределения публичных полномочий, свидетельствуют о том, что такие режимы обладают самостоятельной конституционно-правовой природой. Выделенная категория «конституционно-правовой режим оперативного реагирования» представляется обоснованной не только с теоретической, но и с практической точки зрения, так как она отражает специфику государственного реагирования на различные по своему характеру реактивные и локальные угрозы, которые не достигают масштабов, предусмотренных федеральными конституционными законами, но, в то же время, требуют использования допустимых и целенаправленных ограничительных мер.

Список литературы:

1. Луценко, В.В. Правовой режим контртеррористической операции (содержание и сущность) / В.В. Луценко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 490-495.
2. Авсеев, И.И. Режим контртеррористической операции как особый правовой режим обеспечения национальной безопасности / И.И. Авсеев // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12. – С. 58-62.
3. Хисамутдинов, И.Ф. Анализ понятия режима контртеррористической операции / И.Ф. Хисамутдинов // Криминологический журнал. – 2025. – № 1. – С. 168-170.
4. Тарасенко, В.А. Правовой режим контртеррористической операции без объявления чрезвычайного положения и ограничения конституционных прав и свобод / В.А. Тарасенко // Образование и право. – 2021. – № 1. – С. 48-51.
5. Попков, Д.В., Лукьянова, А.В. Организационно-правовой механизм режима контртеррористической операции / Д.В. Попков, А.В. Лукьянова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 105-108.
6. Упоров, А.Г. Административно-правовой режим защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера / А.Г. Упоров // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3. – С. 122-129.
7. Илющенко, А.А. Режимы, обеспечивающие безопасность в приграничных к Украине субъектах Российской Федерации / А.А. Илющенко // Вопросы безопасности. – 2022. – № 3. – С. 51-78.
8. Шурыгина, Ю.В. Чрезвычайное положение как особый правовой режим, ограничивающий отдельные права и свободы / Ю.В. Шурыгина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 2. – С. 118-122.
9. Куликов, С.В. Нормативное регулирование гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций / С.В. Куликов // Символ науки. – 2025. – № 3-1-1. – С. 36-38.
10. Малышев, В.П., Азанов, С.Н., Виноградов, О.В. Возможные направления консолидации нормативной правовой базы в области гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций ///Технологии гражданской безопасности. 2023.№1.С.33-38.
11. О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
12. О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.
13. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2009, 21 января; Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
14. Шматко, Д.А. К концепции конституционно-правового режима, вводимого на основе федерального закона: на примере режима контртеррористической операции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – № 4. – С. 285-290.

Shmatko D.A. On the question of the possibility of introducing the category of "constitutional and legal regime of rapid response" into the system of constitutional law of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 220-224.

This article examines the problem of systematizing constitutional and legal regimes introduced on the basis of federal law, in the context of modern challenges characterized by a rapidly increasing number of local and reactive threats directly affecting the foundations of the constitutional order of the Russian Federation, the security of the individual, society, and the state. The paper notes that the current approach to classifying constitutional and legal regimes, based primarily on federal constitutional and federal laws as the primary sources of legal regulation, does not allow for a full disclosure of the legal nature and place of regimes that do not possess the scale of conditions necessary for the introduction of a state of emergency or martial law. The authors substantiate the conclusion that the presence of federal law as a source of legal regulation cannot exclude the constitutional and legal nature of the corresponding regimes, provided that they involve a temporary change in the legal status of an individual and the redistribution of public powers in order to protect and safeguard constitutionally significant values. Based on the results of the analysis, a proposal is put forward for the need to identify an independent scientific category – "constitutional and legal regime of rapid response." The key characteristics of this category are revealed, and a distinction is made between rapid response regimes and other constitutional and legal regimes introduced on the basis of federal constitutional laws.

Keywords: constitutional law, constitutional system, constitutional and legal regime, federal constitutional law, federal law, rapid response, restriction of rights and freedoms, reactive threats, local legal regimes, temporary legal regimes, legal status of the individual, system of constitutional law.

Spisok literatury:

1. Lutsenko, V.V. Pravovoi rezhim kontrterroristicheskoi operatsii (soderzhanie i sushchnost') / V.V. Lutsenko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – No. 3. – P. 490–495.
2. Avseev, I.I. Rezhim kontrterroristicheskoi operatsii kak osobyi pravovoi rezhim obespecheniya natsional'noi bezopasnosti / I.I. Avseev // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – No. 12. – P. 58–62.
3. Khisamutdinov, I.F. Analiz ponyatiya rezhima kontrterroristicheskoi operatsii / I.F. Khisamutdinov // Kriminologicheskii zhurnal. – 2025. – No. 1. – P. 168–170.
4. Tarasenko, V.A. Pravovoi rezhim kontrterroristicheskoi operatsii bez ob"yavleniya chrezvychainogo polozheniya i ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod / V.A. Tarasenko // Obrazovanie i pravo. – 2021. – No. 1. – P. 48–51.
5. Popkov, D.V., Luk'yanova, A.V. Organizatsionno-pravovoi mekhanizm rezhima kontrterroristicheskoi operatsii / D.V. Popkov, A.V. Luk'yanova // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2025. – No. 4. – P. 105–108.
6. Uporov, A.G. Administrativno-pravovoi rezhim zashchity naseleniya i territorii ot chrezvychainykh situatsii prirodnogo i tekhnogennogo kharaktera / A.G. Uporov // Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk. – 2023. – No. 3. – P. 122–129.
7. Ilyushchenko, A.A. Rezhimy, obespechivayushchie bezopasnost' v prigranichnykh k Ukraine sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii / A.A. Ilyushchenko // Voprosy bezopasnosti. – 2022. – No. 3. – P. 51–78.
8. Shurygina, Yu.V. Chrezvychainoe polozhenie kak osobyi pravovoi rezhim, ogranichivayushchii otdel'nye prava i svobody//Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo.2022.No.2.P. 118.
9. Kulikov, S.V. Normativnoe regulirovanie grazhdanskoi oborony i zashchity ot chrezvychainykh situatsii / S.V. Kulikov // Simvol nauki. – 2025. – No. 3-1-1. – P. 36–38.
10. Malyshev, V.P., Azanov, S.N., Vinogradov, O.V. Vozmozhnye napravleniya konsolidatsii normativnoi pravovoi bazy v oblasti grazhdanskoi oborony i zashchity naseleniya ot chrezvychainykh situatsii / V.P. Malyshev, S.N. Azanov, O.V. Vinogradov // Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti. 2023. No. 1. P. 33–38.
11. On the State of Emergency: Federal Constitutional Law of May 30, 2001 No. 3-FKZ (as amended on November 2, 2023) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. – 2001. – No. 23. – Art. 2277.
12. On Martial Law: Federal Constitutional Law of January 30, 2002 No. 1-FKZ (as amended on December 13, 2024) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. – 2002. – No. 5. – Art. 375.
13. The Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993 (with amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, December 30, 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Rossiiskaya gazeta. – 1993, December 25; 2009, January 21; Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. – 2014. – No. 31. – Art. 4398.
14. Shmatko, D.A. K kontseptsii konstitutsionno-pravovogo rezhima, vvodimogo na osnove federal'nogo zakona: na primere rezhima kontrterroristicheskoi operatsii / D.A. Shmatko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – No. 4. – P. 285–290.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 225-231.

УДК 341.231.14

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ВОЗ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Карнаух Е. А.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Статья посвящена исследованию публично-правовых механизмов взаимодействия Всемирной организации здравоохранения и России, анализу деятельности в условиях пандемии COVID-19. Автор рассматривает правовой статус ВОЗ, COVID-19 как правовой стресс-тест, конфликт суверенитета и глобальных обязательств, право на здоровье (международные стандарты и реальные вызовы), роль региональных правовых механизмов. Особое внимание уделено анализу взаимодействия России и ВОЗ в условиях пандемии COVID-19, которое строилось на комплексе публично-правовых механизмов: от согласования национальных мер с международными рекомендациями до совместной работы над глобальными инициативами. Отмечается, что, формируя собственную политику, Россия активно опиралась на руководство и временные рекомендации ВОЗ. В заключение подчеркивается, что сотрудничество России и ВОЗ в период пандемии стало примером эффективного международного взаимодействия в условиях глобальной угрозы.

Ключевые слова: Всемирная организация здравоохранения, COVID-19, Международные медико-санитарные правила, пандемия, публично-правовые механизмы

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным вызовом не только для медицины и биобезопасности, но и для публично-правовых механизмов взаимодействия между ВОЗ и государствами. Неопределённость и неоднозначность правовых ответов на вспышку инфекции выявили серьёзные пробелы в глобальной архитектуре санитарной безопасности и показали, что для борьбы с глобальными угрозами нужны более совершенные инструменты. Центральным субъектом международного реагирования выступила Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) – специализированное учреждение ООН, обладающее мандатом координации в области охраны здоровья. Однако, несмотря на формальный авторитет и широкую экспертную базу, ВОЗ подверглась критике. Выделим два блока таких претензий. Во-первых, *недостаточная оперативность*. Отмечалось, что реакция ВОЗ на острые вспышки заболеваний или глобальные вызовы часто запаздывает. В качестве примера можно привести эпидемию Эболы в Западной Африке (2014-2016 гг.), когда организация долго игнорировала призывы о помощи, а к системным срочным мерам перешла лишь при угрозе международного масштаба. Следствием стали неспасенные жизни людей. Во-вторых, *ограниченность правового инструментария.* Здесь проблема заключается в отсутствии у ВОЗ реальных механизмов принуждения. Организация разрабатывает рекомендации, стандарты, методики, но не может обязать государства их выполнять. Страны-члены сохраняют полный суверенитет в вопросах здравоохранения: они сами решают, делиться ли данными о заболеваемости, вводить ли ограничения, адаптировать ли международные нормы под свои реалии. В результате эффективность рекомендаций ВОЗ напрямую зависит от готовности государств им следовать, а добиться этого бывает крайне сложно.

Пандемия обнажила слабые места в публично-правовых механизмах, которые регулируют взаимодействие ВОЗ и других стран, и дала импульс для их серьёзной доработки. Нарушения принципов международной солидарности, фактический отказ от универсального правового регулирования и политизация решений в сфере здравоохранения поставили под сомнение жизнеспособность существующей нормативной системы. Настоящая статья направлена на правовой анализ роли ВОЗ в период пандемии COVID-19, оценку применимости и адекватности Международных санитарных правил, а также осмысление взаимодействия ВОЗ и России.

1. Правовой статус ВОЗ: мандат и ограничения. ВОЗ была создана в 1946 г. на основании собственного Устава (Конституции) [1] и наделена функцией координации международных усилий в области здравоохранения. С юридической точки зрения, ВОЗ – это специализированная межправительственная организация, обладающая международной правосубъектностью и правом заключать соглашения. Её деятельность регулируется собственными актами (Устав (Конституция) ВОЗ**)),** решениями Всемирной ассамблеи здравоохранения (ВАЗ) и Международными медико-санитарными правилами (ММСП), обновлёнными в 2005 г. [2].

В соответствии с ММСП, государства-участники обязаны: вести постоянный эпиднадзор (систематически и непрерывно собирать, анализировать данные медико-санитарного характера и своевременно передавать информацию); оперативно информировать ВОЗ о потенциальных угрозах (обязанность государств-участников в течении суток сообщать в ВОЗ о событиях, связанных с чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения); сотрудничать в принятии противоэпидемических мер (координация усилий между разными ведомствами с целью эффективного выявления угроз и принятия соответствующих мер).

Однако действующее международное санитарное право носит в значительной степени рекомендательный характер. ММСП не включают санкционные нормы и зависят от добровольного соблюдения со стороны государств. ВОЗ не имеет возможности принуждения к выполнению обязательств, а её рекомендации не обладают автоматической обязательной силой в национальных юрисдикциях.

2. COVID-19 как правовой стресс-тест. Пандемия COVID-19 выявила значительное несоответствие между глобальным правовым регулированием и реальными вызовами. ВОЗ объявила чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение (ЧСЗМЗ), 30.01.2020 г. Решение было принято по итогам экстренного совещания чрезвычайного комитета ВОЗ в Женеве. Как отмечает О. В. Шамшева, Генеральный директор организации Тедрос Адханом Гебрейесус заявил: «Я объявляю международную чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения из-за глобальной вспышки коронавируса» [3, с. 5]. Это событие требовало координаций действий международного сообщества, однако уже в первые недели стало очевидно, что ключевые государства действуют независимо и неоднородно, игнорируя или интерпретируя рекомендации ВОЗ в политико-национальных интересах.

Кейс Китай: Китайские органы здравоохранения сообщили о вспышке пневмонии неизвестной природы в декабре 2019 г. Международные эксперты утверждают, что уведомление ВОЗ было задержано, а допуск в регион – ограничен [4]. Это нарушает требование о немедленном сообщении об угрозах по ст. 6 ММСП.

Кейс США: В 2020 г. администрация Трампа обвинила ВОЗ в излишней лояльности к Китаю и временно приостановила финансирование организации, впоследствии начав процесс выхода из ВОЗ [5].

Кейс Евросоюз: ЕС, напротив, укрепил сотрудничество с ВОЗ и выступил за создание общих платформ обмена информацией, разработки вакцин и цифровых сертификатов. Это подчёркивает потенциал регионального правового регулирования в условиях глобальной неэффективности.

Кейс Россия: После объявления ВОЗ о пандемии COVID-19 (11.03.2020г.) российские власти незамедлительно начали принимать меры для сдерживания распространения вируса. РФ развивала сотрудничество с ВОЗ, Роспотребнадзор, в частности, поддерживал контакты с организацией, обменивался информацией и опытом.

3. Конфликт суверенитета и глобальных обязательств. Одной из фундаментальных причин юридической слабости ВОЗ является противоречие между принципом государственного суверенитета и необходимостью соблюдения общих санитар-

ных обязательств. Международное право традиционно исходит из приоритета национальной юрисдикции, а участие в международных соглашениях осуществляется на добровольной основе. Во время пандемии государства действовали в соответствии со своими приоритетами: вводили односторонние ограничения, закрывали границы, запрещали экспорт медицинских товаров, несмотря на рекомендации ВОЗ воздерживаться от дискриминационных мер. Такие действия часто нарушали как ММСП, так и положения Всемирной торговой организации (ВТО) и Международного пакта о гражданских и политических правах [6].

4. Право на здоровье: международные стандарты и реальные вызовы. Право на здоровье закреплено в ряде международных документов, в том числе в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966), Всеобщей декларации прав человека (1948), а также Конвенции о правах ребёнка (1989). ВОЗ активно апеллирует к этим нормам, позиционируя право на здоровье как универсальное [7]. Однако механизмов защиты этого права на международном уровне крайне мало. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН не имеет принудительной власти, может лишь издавать заключения и рекомендации. Жалобы рассматриваются только от государств, ратифицировавших Факультативный протокол 2008 года, что ограничивает юрисдикцию. Пандемия обнажила право на здоровье, оно стало особенно уязвимым в бедных странах с низким уровнем дохода, где отсутствовала инфраструктура для вакцинации, лечения и диагностики. Программы ВОЗ, включая COVAX, помогли, но не смогли полностью устранить дисбаланс в доступе к медицинским услугам.

5. Роль региональных правовых механизмов. В условиях, когда глобальное правовое регулирование не всегда успевает за такими стремительными вызовами как пандемия, значительную часть работы по созданию механизмов координации берут на себя региональные объединения [8].

Современная система международного здравоохранения характеризуется сочетанием универсальных и региональных форм взаимодействия государств. При этом деятельность Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) не ограничивается выработкой единых подходов к охране здоровья населения на глобальном уровне. Существенное значение имеют региональные механизмы, посредством которых общие направления деятельности Организации получают практическое содержание с учетом социально-экономических, правовых, демографических и эпидемиологических особенностей отдельных частей мира. Именно региональный уровень позволяет приблизить международные стандарты здравоохранения к конкретным условиям государств и обеспечить их более последовательную реализацию.

Региональный принцип организации деятельности ВОЗ имеет институциональное выражение в существовании региональных организаций и соответствующих органов, осуществляющих деятельность в пределах определенных географических пространств. Такая модель позволяет учитывать различия между государствами, которые объективно невозможно в полной мере охватить едиными универсальными подходами. Например, государства, расположенные в различных регионах мира, могут существенно различаться по уровню развития национальных систем здравоохранения, структуре заболеваемости, доступности медицинской помощи, характеру санитарно-эпидемиологических угроз и возможностям государственного регулирования. Поэтому региональные механизмы выступают не альтернативой универсальному регулированию ВОЗ, а его необходимым дополнением.

- **ЕС** выбрал путь унификации и гармонизации законодательства: единые стандарты (например, цифровые COVID-паспорта); централизация закупок и распределения вакцин; координация мер санитарного контроля, позволяющая синхронизировать действия стран внутри блока.

• **Африканский союз** и CDC Africa (Центр контроля и профилактики заболеваний) обеспечили доступ к вакцинам через механизм COVAX, а также наладили логистические цепочки и разработали общие протоколы диагностики для борьбы с пандемией.

• **АСЕАН** предложила модель правовой гармонизации для своего региона и разработала Региональный фонд COVID-19 как механизм финансовой и экспертной поддержки стран-участниц в борьбе с пандемией [9].

Таким образом, сложилась общая тенденция: в условиях неопределённости государства создали «региональные правовые экосистемы», где нормы и правила разрабатываются совместно, а затем имплементируются в национальное право. Такие механизмы не заменяют глобальное управление полностью, он продемонстрировали решение локальных задач.

6. Взаимодействие России и ВОЗ в условиях пандемии COVID-19 строилось на целом комплексе публично-правовых механизмов – от согласования национальных мер с международными рекомендациями до совместной работы над глобальными инициативами. Выделим основные форматы:

1) Согласование национальных мер с рекомендациями ВОЗ. При формировании своей политики Россия активно опиралась на руководства и временные рекомендации ВОЗ. В частности, при разработке противоэпидемических мероприятий напрямую учитывалось руководство организации по дезинфекции поверхностей. Но это не было простое копирование. Российские ведомства опирались на свои условия при адаптации международных стандартов, поэтому база для решений во многом формировалась за счёт такого взаимодействия.

Г. Г. Руденко, В. Н. Сидорова и Н. В. Сидоров называют меры по ограничению распространения вируса, предложенные международным сообществом: «сокращение контактов между людьми, в том числе уменьшение количества мероприятий с большой концентрацией людей <...> ограничение перемещения граждан: отменялись рейсы авиакомпаний, вводились пропуска для автомобильного транспорта и даже для пешеходов» [10]. Меры, принятые во многих странах, борющихся с пандемией, действовали и в России. Так уже 30.01.2020 российскими властями было принято решение об ограничении движения на государственной границе между Китаем и Россией.

2) Совместные проекты и обмен опытом. Были реализованы следующие инициативы:

• *Инициатива ACT (Access to COVID-19 Tools)* – глобальная программа ВОЗ, в которой Россия принимала активное участие. Её целью было ускорение разработки, производства и обеспечение справедливого глобального доступа к средствам диагностики, лекарствам и вакцинам. В рамках инициативы шёл активный обмен научными данными, технологиями и опытом между странами.

• *Популяционный иммунологический надзор.* Проект стартовал во время пандемии для изучения иммунитета к COVID-19, а позже его расширили на другие инфекции. Исследования проводились совместно с рядом стран (Белоруссия, Киргизия, Армения и др.) и были направлены на отслеживание состояния иммунитета в обществе. Важно было понимание о качестве защиты людей от инфекций, о смене уровня защиты в разных группах населения и на разных территориях.

• *Работа с Сотрудничающими центрами ВОЗ.* В системе Роспотребнадзора действуют центры, аффилированные с ВОЗ (например, референс-лаборатории, центр на базе института «Микроб»). Они участвовали в совместных исследованиях и разработке стандартов, оказывали поддержку ВОЗ по развитию сети мобильных диагностических лабораторий. Сотрудничество предполагало планирование масштабирования этого опыта в странах Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

• *Обмен опытом и консультации.* Представители ВОЗ (в том числе региональный представитель в России Мелита Вуйнович) регулярно взаимодействовали с российскими коллегами – из Минздрава, Роспотребнадзора. Обсуждались эффективность принятых мер, организация тестирования и лечения, вопросы утилизации медицинских отходов, а также уроки, которые можно извлечь из российского опыта для других стран.

• *Международные учения.* Роспотребнадзор регулярно организовывал учения команд быстрого реагирования на санитарно-эпидемиологические чрезвычайные ситуации (например, в Кронштадте), и представители ВОЗ принимали в них участие.

3) Участие в глобальных инициативах. Россия была активным участником обсуждения и формирования международных норм. Например, российская делегация участвовала в переговорах по проекту Соглашения ВОЗ по борьбе с пандемиями. При этом Россия отстаивала ключевые для себя принципы: незыблемость суверенного права государств принимать меры в рамках своей юрисдикции и необходимость обеспечения биобезопасности. Это отражено в итоговом тексте документа.

Примером взаимодействия Росси и ВОЗ стало совместное заседание внутрифракционной группы Первого заместителя руководителя фракции «Единая Россия» Адальби Шхагошева и представителя ВОЗ Мелиты Вуйнович, которое состоялось 30.04.2020 г. Как отмечают Н. И. Платонова и В. М. Варгина, «Круг обсуждаемых вопросов был достаточно широким. В первую очередь было принято решение об участии ВОЗ в информировании граждан о коронавирусной инфекции через официальный портал Государственной Думы РФ. Кроме того, обсуждалась эффективность принятых в России мер и дальнейших перспектив развития ситуации, организации тестирования и лечения пациентов с коронавирусом» [11, с. 103]. Авторы подчеркивают высокую оценку роли международного взаимодействия в сложившейся ситуации и обсуждение участниками встречи вопросов координации, а также выработанные рекомендации с целью стабилизации обстановки.

4) Практическая помощь и гуманитарное измерение. Россия не только обменивалась знаниями, но и оказывала поддержку другим странам. Роспотребнадзор направлял специалистов, тест-системы, мобильные лаборатории для борьбы со вспышками инфекций в разных регионах мира (Африка, страны СНГ). ВОЗ проявляла интерес к российскому опыту, в частности, к системе быстрого реагирования на угрозы эпидемий, которую затем адаптировали в других государствах.

5) Организационные и правовые основы. Базой для всего этого служили уже существовавшие публично-правовые механизмы: двусторонние соглашения (в том числе двухгодичные), распределение обязанностей между ведомствами (координация возложена на Минздрав РФ в соответствии с межведомственным распределением). В условиях кризиса эти каналы работали в усиленном режиме. В целом, суть этих механизмов заключалась в балансе: РФ использовала площадку ВОЗ для получения экспертных оценок и участия в формировании глобальных правил, одновременно делилась собственным опытом и оказывала помощь партнёрам.

Отметим, что пандемия COVID-19 в РФ пришлась на период реализации национальных проектов, запущенных в 2018 г. Эти проекты охватывали широкий спектр сфер жизни граждан: здравоохранение, образование, демографию, экономику, инфраструктуру и др. Однако в 2020 г. в связи с пандемией национальные проекты были существенно скорректированы. Президент В. В. Путин в своем интервью от 28.06.2020 назвал сохранение здоровья граждан страны абсолютным приоритетом для государства и связал этот приоритет с реализацией национального проекта «Здравоохранние» [12]. Он подчеркнул, что, несмотря на разные преобразования, система здравоохранения оказалась гибкой и мобилизационной, и выразил надежду,

что дальнейшая работа в рамках нацпроекта (в том числе в первичном звене) продолжит укреплять здоровье населения.

7. Новый договор о пандемиях: проект и проблемы. 29 апреля – 10 мая 2024 г. в Женеве состоялось возобновленное девятое совещание межправительственного органа для подготовки согласования проекта конвенции, соглашения или иного международного инструмента ВОЗ по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и принятию мер реагирования. Был представлен документ «Предлагаемое Соглашение ВОЗ по борьбе с пандемиями» [13], который был направлен на закрепление обязательства государств-членов осуществлять глобальное сотрудничество в интересах предотвращения пандемий, обеспечения готовности и реагирования на них при соблюдении принципа равенства.

20.05.2025 г. Всемирная ассамблея здравоохранения (ВАЗ) приняла Соглашение ВОЗ по борьбе с пандемиями в соответствии со ст. 19 Устава Всемирной организации здравоохранения в резолюции WHA78.1 [14]. Так же была учреждена Межправительственная рабочая группа для завершения работы над Соглашением.

Это первый в истории глобальный договор, имеющий обязательную юридическую силу, который направлен на укрепление международного сотрудничества в области предотвращения пандемий, обеспечения готовности к ним и реагирования на них. Переговорный процесс начался в 2021 г. на фоне пандемии COVID-19.

Целью нового договора стало укрепление взаимодействия между странами, международными организациями, гражданским обществом и всеми заинтересованными сторонами для более эффективного предотвращения пандемий и реагирования на кризисы. Работа над соглашением ещё не завершена. Ключевым этапом является согласование приложения о Системе доступа к патогенам и справедливого распределения выгод. Для вступления соглашения в силу потребуется ратификация 60 государствами**.** В настоящее время российская делегация воздержалась при голосовании по проекту резолюции**.**

Заключение. Сотрудничество России и ВОЗ в период пандемии стало примером эффективного международного взаимодействия в условиях глобальной угрозы. Несмотря на недостаток финансирования и другие сложности, сотрудничество позволило координировать действия, обмениваться данными, ресурсами и опытом, что способствовало более оперативному реагированию на кризис. Важную роль сыграло согласование национальных мер с рекомендациями ВОЗ, совместные проекты и обмен опытом, что способствовало формированию общих правовых механизмов и стандартов. Сотрудничество России и ВОЗ продемонстрировало важность международного права в обеспечении безопасности и стабильности в условиях глобальных кризисов. Опыт взаимодействия в период COVID-19 может повлиять на будущие стратегии глобального управления в сфере здравоохранения.

Список литературы:

1.Constitution of the World Health Organization. Official Records of the WHO. – No. 2. – 1948.
2.International Health Regulations (2005). Third edition. World Health Organization, 2005. – 74 p.
3.Шамшева, О. В. Новый коронавирус COVID-19 (SARS-CoV-2)//Детские инфекции. 2020. 19(1).С. 5-6.
4.WHO. Timeline of WHO’s response to COVID-19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/news/item/29-06-2020-covidtimeline
5.Gostin L. O., Meier B. M. WHO Reform: Addressing the Challenges of Global Health Governance. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics, 2022.
6.Пандемия как глобальный вызов: социально-экономические и правовые аспекты: монография / Ю.Ю. Чилипенок, О.С. Гапонова, М.А. Шушкин [и др.]; Под науч. ред. М.В. Плотникова. – Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2021. – 205 с.
7.United Nations Human Rights Office. “Right to Health and COVID-19”. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/en
8.Орлова, Е. Е. Роль гармонизации правового регулирования в процессе глобальной и региональной интеграции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т.17. № 6. – С. 147-157.

9.COVID-19 and ASEAN Response. ASEAN Secretariat. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asean.org
10. Руденко Г. Г., Сидорова В. Н., Сидоров Н. В. Реализация национального проекта «Здравоохра нение» в условиях пандемии COVID-19. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021;29(спецвыпуск):703—707.
11. Платонова Н. И., Варгина В. М. Международное сотрудничество Российской Федерации в сфере здравоохранения в условиях пандемии // Legal Concept = Правовая парадигма.2021.Т.20,№3.С.100.
12. Путин назвал сохранение здоровья россиян абсолютным прио ритетом для государства // ТАСС, информационное агентство. URL: https://tass.ru/obschestvo/8834157 (дата обращения: 21.08.2026)
13. Предлагаемое Соглашение ВОЗ по борьбе с пандемиями. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb9/A_inb9_3Rev1-ru.pdf
14. Соглашение о предотвращении пандемий, обеспечении готовности и реагировании на них. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/pandemic-prevention--preparedness-and-response-accord

Karnauh E. A. Public-legal mechanisms of cooperation between Russia and WHO in the context of a pandemic COVID-19 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 225-231.

The article is devoted to the study of the public-law mechanisms of interaction between the World Health Organization and Russia, and to the analysis of their activities during the COVID-19 pandemic. The author examines the legal status of the WHO, COVID-19 as a legal stress test, the conflict between sovereignty and global obligations, the right to health (international standards and real challenges), and the role of regional legal mechanisms. Special attention is paid to the analysis of the interaction between Russia and the WHO during the COVID-19 pandemic, which was based on a set of public-law mechanisms: from coordinating national measures with international recommendations to joint work on global initiatives. It is noted that in shaping its own policy, Russia actively relied on the guidance and interim recommendations of the WHO. In conclusion, it is emphasized that the cooperation between Russia and the WHO during the pandemic has become an example of effective international cooperation in the face of a global threat.

Keywords: World Health Organization, COVID-19, International Health Regulations, pandemic, public-law mechanisms.

Spisok literatury:

1.Constitution of the World Health Organization. Official Records of the WHO. – No. 2. – 1948.
2.International Health Regulations (2005). Third edition. World Health Organization, 2005. – 74 p.
3.SHamsheva, O. V. Novyj koronavirus COVID-19 (SARS-CoV-2) // Detskie infekcii. 2020.19 (1). S. 5-6.
4.WHO. Timeline of WHO’s response to COVID-19. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.who.int/news/item/29-06-2020-covidtimeline
5.Gostin L. O., Meier B. M. WHO Reform: Addressing the Challenges of Global Health Governance. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: Yale Journal of Health Policy, Law, and Ethics, 2022.
6.Pandemiya kak global'nyj vyzov: social'no-ekonomicheskie i pravovye aspekty: monografiya / YU.YU. CHilipenok, O.S. Gaponova, M.A. SHushkin [i dr.]; Pod nauch. red. M.V. Plotnikova. – Nizhnij Novgorod: Izd-vo NISOC, 2021. – 205 s.
7.United Nations Human Rights Office. “Right to Health and COVID-19”. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.ohchr.org/en
8.Orlova, E. E. Rol' garmonizacii pravovogo regulirovaniya v processe global'noj i regional'noj integracii // ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2021. – T. 17. – № 6.S. 147-157.
9.COVID-19 and ASEAN Response. ASEAN Secretariat. – [Elektronnyj resurs].
10. Rudenko G. G., Sidorova V. N., Sidorov N. V. Realizaciya nacional'nogo proekta «Zdravoohra nenie» v usloviyah pandemii COVID-19. Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2021;29(specvypusk):703—707. DOI: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-703-707
11. Platonova N. I., Vargina V. M. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rossijskoj Federacii v sfere zdravoohraneniya v usloviyah pandemii // Legal Concept = Pravovaya paradigma. 2021. T.20, №3.S.100–107.
12. Putin nazval sohranenie zdorov'ya rossiyan absolyutnym prio ritetom dlya gosudarstva // TASS, informacionnoe agentstvo. URL: https://tass.ru/obschestvo/8834157 (data obrashcheniya: 21.08.2026)
13. Predlagaemoe Soglashenie VOZ po bor'be s pandemiyami. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb9/A_inb9_3Rev1-ru.pdf
14. Soglashenie o predotvrashchenii pandemij, obespechenii gotovnosti i reagirovanii na nih. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:
https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/pandemic-prevention--preparedness-and-
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 232-237.

УДК 34.0

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фатова С. Ф., Игнатьева С. В.

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся формирования законодательства о защите информации в деятельности органов публичной власти в Российской Федерации. Исследуются историко-правовые предпосылки становления правового регулирования защиты информации. Проводится периодизация этапов развития законодательства в данной сфере. Анализируются ключевые нормативные правовые акты, определившие эволюцию механизмов защиты информации. Раскрывается соотношение принципов открытости публичной власти и охраны информации ограниченного доступа.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, правовое регулирование, правовая защита информации.

В настоящее время активно развиваются электронные государственные сервисы, значительно возрастает число информационных ресурсов органов публичной власти, что обусловливает повышение требований к совершенствованию правового регулирования механизмов защиты информации [1]. На сегодняшний день мы можем наблюдать ряд нерешенных вопросов, связанных с правовым регулированием защиты информации в деятельности органов публичной власти в РФ. Кроме того, комплексный анализ становления законодательства о защите информации в системе публичной власти остается остается недостаточно разработанным, особенно в контексте историко-правового исследования [2]. Процесс становления законодательства в сфере информационного права в своих научных трудах освещали И.Л. Бачило, В.Н. Лопатина, А.Б. Агапова, А.А. Фатьянова, Л.В. Туманова, внеся значительный вклад в формирование теоретических подходов [3; 4]. Особое внимание в своих исследованиях они уделяли больше общим вопросам информационной безопасности или узким категориям, таким как государственная тайна или персональные данные. Прежде всего, необходимо отметить, что формирование законодательства в сфере защиты информации в России прошло сложный путь. Начиная с первичной, еще до правовой формы, и заканчивая современным этапом.

Во времена древнерусского государства, несмотря на то, что информация была иной, необходимо было вырабатывать механизмы ее защиты. Так возник институт государственной тайны, понимаемой, прежде всего, как секреты, касающиеся безопасности государя и державы. Разглашение каралось вплоть до смертной казни: что отражает изначальный приоритет публично-властных интересов в данной сфере. В нормах Псковской судной грамоты смертная казнь грозила переветнику – государственному изменнику, передающему неприятелю «тайные вести» [5].

Судебник 1497 г. и в Соборное уложение 1649 г. также содержали специальные составы преступлений, касающиеся разглашения данных, относящихся к категории публично значимой информации. В нормативно-правовых актах Российской империи можно отметить первый специализированный акт – Манифест от 17.06.1812 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах», который ввел патентную систему, основанную на раскрытии сути изобретения в обмен на временную монополию. С точки зрения Е.А. Суханова, переход к обязательной выдаче патентов соответствовал интересам государства в стимулировании промышленности и пополнении казны за счет пошлин. Однако патентное право охраняло лишь конкретные технические решения, оставляя вне правового поля массивы коммерчески ценных, но не творческих сведений, защита которых по-прежнему обеспечивалась частными мерами [6, с. 17]. В начале прошлого века активно разра-

батывались концепции «промысловой» и «коммерческой» тайны. Так Г.Ф. Шершеневич рассматривал экономическую ценность конфиденциальной информации, и в своих исследованиях отмечал похищение как форму недобросовестной конкуренции [7, с. 515]. После прихода к власти большевиков произошли кардинальные перемены. Новая власть планомерно ликвидировала частноправовые институты, включая и саму возможность существования любых видов конфиденциальной информации, не относящейся к категории публично-правовой. Декрет ВЦИК «О рабочем контроле» отменял коммерческую тайну на предприятиях, предоставляя органам контроля право доступа ко всей деловой документации.

Как отмечал В.А. Дозорцев, в советский период любое достижение должно было передаваться во всеобщее сведение, а категория «секрет производства» не признавалась законом. На десятилетия единственным легальным режимом защиты информации стала государственная и служебная тайна, подчиненная задачам сохранения партийно-государственного монополизма во всех сферах жизни [8, с. 46].

Начальным этап дальнейшего становления законодательства после долгосрочного перерыва можно ознаменовать серединой 1970-ых, именно тогда был создан Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции СССР, который стал первым учреждением в стране, кто на научно-техническом уровне решал задачи поиска правовой информации, кодификации законов и приведения ведомственных актов в соответствие с союзным законодательством [9].

Так, в 1990-х гг. данное ведомство работало над проблематикой правовой информатизации. Были разработаны Свод законов СССР и Свод законов РСФСР, создавшие правовые рамки обращения информации и ее охраны. Данные нормы отражали переход к новым социально-экономическим условиям, в которых информация приобрела характер самостоятельного стратегического ресурса [10]. Активное возрождение и стремительно развитие правовое регулирование получило в период перехода к рыночной экономике, когда становление демократических институтов сделало необходимым создание новой правовой основы для обращения информации как объекта гражданских прав и как ресурса публичного управления [1]. В этот период происходило концептуальное переосмысление государственного управления, вводились и начали применяться новые информационные технологии, возникла потребность в определении правового статуса данных и механизмов их защиты.

Одним из основополагающих актов в данном направлении стал Закон РСФСР от 24.10.1990 г. № 263-1 «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», который, среди прочего, создал предпосылки для отмены советских норм, отрицавших частноправовые режимы информации [10]. Вскоре был принят Закон РФ от 23.12.1992 г. № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», который, хоть и был посвящен авторскому праву, косвенно обозначил информацию в цифровой форме как значимый объект гражданского оборота, требующий правовых механизмов охраны [11].

Ключевыми нормативными актами начального этапа становления законодательства о правовом регулировании защиты информации в сфере публичной власти следует признать Конституцию РФ 1993 г., Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», а также первые нормативные акты, направленные на обеспечение участия граждан в получении информации о деятельности органов государственной власти [11]. Именно в этих документах были заложены исходные правовые ориентиры, определившие дальнейшее развитие информационного законодательства и формирование механизмов защиты информации.

Конституция РФ выступает высшей нормативной основой и отправной точкой формирования всей системы правового регулирования информационных отношений. Часть 4 ст. 29 Конституции закрепляет фундаментальное право каждого сво-

бодно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Данная норма имеет принципиальное значение для публичной власти, поскольку она закрепляет презумпцию открытости информации и ориентирует государственные органы на обеспечение информационной прозрачности своей деятельности. Одновременно конституционный текст формирует ограничения данного права, устанавливая баланс между публичными интересами и защитой частной сферы личности. Так, ст. 23 и 24 Конституции РФ закрепляют право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также вводят прямой запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Эти положения стали конституционной основой для последующего формирования института защиты персональных данных и режима конфиденциальной информации [12]. Таким образом, уже на конституционном уровне был заложен дуализм правового регулирования информации: с одной стороны – обеспечение свободы информации и открытости публичной власти, с другой – установление обязательств государства по защите информации, затрагивающей частные и охраняемые законом интересы.

Значимым элементом данного этапа несомненно является Закон РФ «О государственной тайне» 1993 г., который впервые в постсоветский период закрепил правовой режим сведений, распространение которых может нанести ущерб безопасности государства. Закон определил перечень сведений, подлежащих засекречиванию, уровни секретности, порядок отнесения информации к государственной тайне, а также обязанности государственных органов по ее защите. В контексте публичной власти данный нормативный акт сыграл ключевую роль, поскольку сформировал первый системный механизм ограничения доступа к информации и установил приоритет охраны публичных интересов в сфере национальной безопасности.

В совокупности с нормами Конституции Закон «О государственной тайне» продемонстрировал, что защита информации в деятельности органов власти изначально рассматривалась не как техническая или вспомогательная задача, а как элемент обеспечения суверенитета, стабильности государственного управления и конституционного строя. При этом законодательство данного периода ещё не носило комплексного характера: нормы о защите информации были фрагментарными, разрозненными и не объединёнными в единую концепцию информационного права.

Важным направлением развития начального этапа стало также формирование правовых предпосылок участия граждан в получении информации о деятельности органов государственной власти. Хотя специальные законы об обеспечении доступа к информации были приняты позднее.

С середины 1990 г., когда законодатель начал видеть стратегическое значение в развитии данной отрасли, появилась потребность в систематизации. Так, ключевым событием, которое ознаменовало начало нового – второго этапа, стало принятие Федерального закона от 20.02.1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Данный акт впервые закрепил базовое понятие информации как объекта правового регулирования, обязанности государственных органов по защите информации и правовой режим доступаи ограничения доступа к информации.

Впервые предприняли попытку комплексного регулирования информационных отношений, что послужило основой для последующего развития информационного права. Одновременно началось развитие ведомственных нормативных актов, которые определили требования к защите информации в государственных структурах. На этом этапе формировалась роль Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (далее – ФСТЭК России) и ФСБ России как ключевых регуляторов в сфере технической и криптографической защиты информации. Так, Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 г. № 21 утвердил состав и содержание организацион-

ных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных, который стал практическим руководством для операторов, обрабатывающих вышеуказанные данные.

Аналогичные акты ФСБ России регулируют использование средств криптографической защиты информации. Этот уровень критически важен для реализации предписаний, так как переводит законодательные принципы в конкретные инженерно-технические решения и организационные процедуры.

Начало 21 в. неразрывно связано со стремительным развитием электронных технологий и необходимостью создания нового, технологически нейтрального рамочного закона, что означало переход к следующему этапу. Основополагающими нормативными актами данного этапа являются: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и обновленная редакция закона «О государственной тайне».

Государство активно создает системы электронного документооборота, расширяет электронные базы данных, интегрирует новые информационные ресурсы. Так, например, портал «Госуслуги» в России появился 15.12.2009 г., но изначально был справочно-информационным, а полноценно интерактивные услуги (оплата штрафов, запись к врачу) стали доступны позже, когда портал начал развиваться как единое окно для взаимодействия с государством. На данном этапе произошло выделение персональных данных как самостоятельного института. Закон 152-ФЗ стал ответом на необходимость защиты частной жизни граждан в условиях цифровизации. Он создал основу для регулирования обработки данных государственными органами. Кроме этого, информация стала рассматриваться уже как объект гражданских прав, но без признания права собственности на нее. Концепция, сформировавшаяся в научной среде. В трудах Т.В. Беловой и В.М. Богданова исследователи подчеркивали нематериальную природу информации и необходимость специальных правовых конструкций для её защиты [13].

Нельзя не отметить, что также появились обязательные требования к защите государственных информационных систем, классификации данных и применению сертифицированных средств защиты. Таким образом, можно отметить, что с начала 2000-х годов и до 2016 г. информационное право окончательно формируется как самостоятельная комплексная отрасль, включающая публично-правовые и гражданско-правовые элементы. В данном периоде появились нормы, направленные на защиту критической информационной инфраструктуры, которые характеризуются как понимание государством стратегической уязвимости цифровых систем, так как повреждение таких систем может привести к серьезным последствиям, включая нарушения работы энергосистем, сбои в транспортной логистике и др.

Начало четвертого этапа с 2016 г. связано с появлением новых вызовов – кибератак, утечек персональных данных, вмешательства в функционирование государственных информационных систем. Государству необходимо было разработать меры по укреплению суверенитета и противодействию киберугрозам.

На данным этапе разработаны такие НПА как: Доктрина информационной безопасности РФ (2016 г.); Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»; а также обширный комплекс норм о локализации данных. Особое внимание уделялось усилению государственного контроля. Была установлена обязанность локализовать данные российских граждан на территории РФ. Кроме этого, появляются требования к защите информации в системах здравоохранения, образования, финансовой сферы. Несмотря на значительный рост количества нормативных актов, правоприменительная практика остаётся неустойчивой и отличается существенной ва-

риативностью. Действующие правовые нормы нередко оказываются не адаптированными к этим технологическим изменениям. Так, законодательство о персональных данных не полностью учитывает особенности алгоритмической обработки, а нормы технической защиты не всегда успевают за развитием методов кибератак.

Одним из ключевых выводов исследования стало выявление несоответствия между нормативной насыщенностью законодательства и реальной эффективностью его исполнения. Несмотря на значительное количество федеральных и ведомственных актов, правоприменительная практика в сфере защиты информации остается непоследовательной. Проблемы связаны с фрагментарностью регулирования, коллизиями между режимами защиты и требованиями открытости власти [8; 10].

Таким образом, становление законодательства о защите информации в сфере публичной власти представляет собой непрерывный процесс, отражающий развитие технологической среды, трансформацию государственного управления и эволюцию правовых институтов. Продолжение исследования в данном направлении позволит создать более согласованную, эффективную и адаптивную систему правового регулирования, отвечающую современным цифровым вызовам.

Список литературы:

1.Амелин, Р. В., Чаннов, С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – М.: НОРМА, 2023. – 280 с.
2.Полякова, Т. А., Минбалеев, А. В., Кроткова, Н. В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 94-104.
3.Бачило, И. Л. Информационное право: учебник. – М.: Юрайт, 2018. – 419 с.
4.Туманова, Л. В. Государственная информационная политика в цифровую эпоху. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 268 с.
5.Авакян, А. В. Уголовно-правовая характеристика Псковской судной грамоты // Вестник науки. – 2025. – Т. 1. – № 8 (89). – С. 30-34.
6.Суханов, Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – 3-е изд. – М.: Статут, 2024. – 626 с.
7.Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. – Т. 2. – СПб.: Питер, 2023. – 515 с.
8.Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации.М.:Статут, 2005. – 416 с.
9.Андреев, П. Г. Институциональное развитие правового обеспечения информационной безопасности в российском информационном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2012. – 22 с.
10. Борисов, М. А., Романов, О. А. Основы организационно-правовой защиты информации. – М.: Ленанд, 2022. – 368 с.
11. Мамедов, Э. Ф. Терминология законодательства об информации как средство обеспечения информационной безопасности // Теория государства и права. – 2023. – № 1 (30). – С. 163-174.
12. Пашнина, Т. В., Минбалеев, А. В. Развитие права на информацию в свете стратегических документов Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 88-93.
13. Богданов, В. М. Информация как объект гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03. – Екатеринбург, 2005. – 189 с.

Fatova S. E., Ignatieva S. V. Formation of legislation on legal regulation of information protection in the activities of public authorities in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 231-237.

The article discusses issues related to the formation of legislation on information protection in the activities of public authorities in the Russian Federation. The historical and legal prerequisites for the development of legal regulation of information protection are examined. The stages of development of legislation in this area are periodized. The article analyzes key regulatory legal acts that have determined the evolution of information protection mechanisms. It reveals the relationship between the principles of public authority openness and the protection of restricted information.

Keywords: information, information technologies, legal regulation, legal protection of information.

Spisok literatury:

1.Amelin, R. V., Channov, S. E. Evolyuciya prava pod vozdejstviem cifrovyh tekhnologij. – M.: NORMA, 2023. – 280 s.
2.Polyakova, T. A., Minbaleev, A. V., Krotkova, N. V. Osnovnye tendencii i problemy razvitiya nauki informacionnogo prava // Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 9. – S. 94-104.
3.Bachilo, I. L. Informacionnoe pravo: uchebnik. – M.: Yurajt, 2018. – 419 s.
4.Tumanova, L. V. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v cifrovuyu epohu. – M.: NIU VShE, 2020. – 268 s.
5.Avakyan, A. V. Ugolovno-pravovaya harakteristika Pskovskoj sudnoj gramoty // Vestnik nauki. – 2025. – T. 1. – № 8 (89). – S. 30-34.

6.Suhanov, E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyj ocherk. – 3-e izd. – M.: Statut, 2024. – 626 s.
7.Shershenevich, G. F. Kurs torgovogo prava. – T. 2. – SPb.: Piter, 2023. – 515 s.
8.Dozorcev, V. A. Intellektual'nye prava: ponyatie, sistema, zadachi kodifikacii. – M.: Statut, 2005. – 416 s.
9.Andreev, P. G. Institucional'noe razvitie pravovogo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v rossijskom informacionnom prave: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2012. – 22 s.
10. Borisov, M. A., Romanov, O. A. Osnovy organizacionno-pravovoj zashchity informacii. – M.: Lenand, 2022. – 368 s.
11. Mamedov, E. F. Terminologiya zakonodatel'stva ob informacii kak sredstvo obespecheniya informacionnoj bezopasnosti // Teoriya gosudarstva i prava. – 2023. – № 1 (30). – S. 163-174.
12. Pashnina, T. V., Minbaleev, A. V. Razvitie prava na informaciyu v svete strategicheskih dokumentov Rossijskoj Federacii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2018. – № 3. – S. 88-93.
13. Bogdanov, V. M. Informaciya kak ob"ekt grazhdanskih prav: dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.03. – Ekaterinburg, 2005. – 189 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 238-242.

УДК 340

ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Игнатьева С. В., Фатова С. Е.

В статье анализируются правовые меры обеспечения информационной безопасности, особенности их реализации в органах публичной власти, а также современные тенденции совершенствования законодательства в условиях роста киберугроз и развития цифровых технологий. Особое внимание уделяется риск-ориентированному подходу, обеспечению единства системы публичной власти и необходимости модернизации правового регулирования в целях защиты публичных и частных интересов

Ключевые слова: защита информации, публичная власть, цифровая трансформация, информационная безопасность, риск-ориентированный подход, государственные информационные системы, конфиденциальная информация.

Основные принципы и подходы к защите информации в публичной сфере образуют взаимосвязанную и иерархически выстроенную систему, направленную на обеспечение как интересов государства, так и прав граждан. Принципы, закрепленные в Законе о защите информации [1], задают общие ориентиры, в то время как подходы определяют конкретные механизмы их реализации.

Защита информации в органах публичной власти реализуется с помощью правового механизма, который формирует многоуровневую систему охраны, соответствующую масштабам угроз и характеру обрабатываемых данных. В отличие от частных организаций и предприятий, где допускается значительная вариативность в выборе подходов, в сфере публичного управления реализация указанного механизма подчиняется единым стандартам и носит обязательный характер.

Защита информации требует одновременного применения правовых и организационных мер, поскольку каждый из этих элементов утрачивает эффективность без остальных. При этом устанавливаемые ограничения должны быть соразмерны реальным угрозам, так как их избыточность снижает качество государственного управления, а недостаточность создаёт риски для безопасности. Поскольку одни и те же сведения нередко функционируют в нескольких правовых режимах одновременно, надлежащий уровень их защиты достижим только при скоординированном взаимодействии всех составляющих системы безопасности.

В литературе обычно выделяют от 2 до 5 видов (групп) защиты информации, в рамках которых реализуются различные меры защиты. К таким мерам, по мнению М.А. Мирошниченко, могут относиться: 1) правовые меры – издание нормативно-правовых актов, регулирующих обращение с конфиденциальной информацией, полномочия лиц, имеющих доступ к коммерческой и служебной тайне; 2) организационные меры – обеспечение функционирования организационной структуры охраны [2]. В свою очередь, Л.А. Забегайло выделяет следующие меры обеспечения режима защиты информации: 1) организационно-правовые меры, к которым автор относит разработку и внедрение локальных нормативно-правовых актов, регулирующих процесс охраны информации ограниченного доступа, а также организацию рабочих мест, исключающих утечку конфиденциальной информации. 2). Меры режимного характера, к которым Л.А. Забегайло предлагает отнести систему охранно-пропускного режима, систему оформления допуска сотрудников к сведениям, составляющим тайну [3, с. 93]. И.Б. Романова в отдельную группу выделяет кадровые меры защиты конфиденциальной информации, говоря о том, что к таким мерам должны относиться строгий отбор претендентов, анализ их личных данных, тестирование уровня профессиональной готовности к работе с конфиденциальными дан-

ными и т.д. Также указанный автор предлагает выделить такую группу мер, как психологические меры защиты, относя к ним меры по созданию благоприятного рабочего климата, регулярное проведение разъяснительных мероприятий, гласных и негласных проверок и т.д. [4, с. 142]. Представляется, что выделение кадровых и психологических мер в самостоятельные группы не имеет достаточных оснований, поскольку указанные меры фактически являются элементами организационного механизма защиты информации.

Риск-ориентированный подход выступает одним из ключевых оснований построения системы защиты информации в публичной сфере [5, с. 64–68; 6, с. 419–428]. Несмотря на то, что ст. 16 ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" прямо не закрепляет обязанность проводить оценку рисков, из смысла данной нормы следует, что принимаемые меры должны соответствовать характеру охраняемых сведений и уровню существующих угроз. Это предполагает систематическое выявление уязвимостей, определение источников угроз и выработку мер по их устранению. В условиях ограниченности ресурсов, характерной для публичной сферы, указанный подход позволяет сосредоточить усилия на защите наиболее значимых информационных активов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос согласованности подходов к защите информации на всех уровнях публичной власти: федеральном, региональном и муниципальном. Принятие ФЗ от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" закрепило концепцию единой системы публичной власти, что логически предполагает и унификацию правил обращения с информацией. В противном случае возникает реальный риск фрагментации правового регулирования, при которой одни и те же категории сведений в разных регионах будут охраняться по-разному, порождая правовую неопределённость и затрудняя межведомственное взаимодействие.

Таким образом, единообразие подходов к защите информации приобретает политико-правовой характер, выступая необходимым условием целостности государственного регулирования. Особую значимость это требование приобретает в ходе реализации национальных проектов, успешное осуществление которых напрямую зависит от слаженной работы органов власти всех уровней. Можно говорить о том, что правовой механизм обеспечения безопасности информации в органах публичной власти представляют собой взаимосвязанную и иерархически выстроенную систему, основанную на обязательных требованиях законодательства и ориентированную на защиту как публичных, так и частных интересов и тем самым создает правовую основу для функционирования системы безопасности [7, с. 262–265]. Эффективность всей системы зависит от грамотной реализации всех необходимых мер защиты информации, а также от готовности органов власти к постоянной адаптации в условиях стремительно меняющегося цифрового пространства.

На первый взгляд принцип прозрачности может показаться несовместимым с режимами конфиденциальности, однако он играет самостоятельную роль в системе защиты информации в публичной сфере [8, с. 93–97]. Его содержание раскрывается через два взаимосвязанных требования: публичное раскрытие общих подходов к защите информации и обеспечение права граждан знать, какие сведения о них обрабатываются, в каких целях и с какими гарантиями. Последнее прямо закреплено ст. 14 ФЗ "О персональных данных", обязывающей оператора по запросу субъекта персональных данных сообщать о факте обработки его данных [9]. В публичной сфере соблюдение данного принципа решает сразу несколько задач: укрепляет доверие граждан к органам власти, снижает вероятность злоупотреблений со стороны должностных лиц и тем повышает легитимность института защиты информации в целом.

В результате стремительного распространения технологий искусственного интеллекта и облачных вычислений возникает несоответствие между динамичной природой цифровых процессов и статичностью традиционных правовых конструкций, ориентированных преимущественно на документооборот [10, с. 36–41]. Данная коллизия обусловливает необходимость не просто частичной корректировки действующих норм, но системного переосмысления правовых подходов к защите информации как стратегического ресурса государственного регулирования.

На основе выявленных тенденций представляется целесообразным выделить два ключевых направления совершенствования правового регулирования, каждое из которых требует конкретных законодательных решений.

Первым таким направлением является имплементация риск-ориентированного подхода в качестве методологической основы всей деятельности по защите информации, что требует пересмотра действующей модели формального соответствия. Так, в качестве недостатка существующей системы служит ориентация операторов, в том числе органов публичной власти, на выполнение предписанных, зачастую устаревающих нормативных требований, в ущерб нейтрализации реальных и актуальных угроз. Подобная практика приводит к неэффективному распределению ресурсов, когда правовые нормы могут не покрывать наиболее уязвимые участки информационной инфраструктуры, формируя при этом иллюзию защищенности.

В качестве одного из возможных решений данной проблемы можно рассмотреть закрепление в базовом законодательстве императива, обязывающего оператора принимать меры защиты, адекватные актуальным информационным рискам, характеру обрабатываемых сведений и идентифицированным угрозам. Важно отметить, что достижение этой цели предусматривает корректировки ст. 16 закона № 149-ФЗ, которая должна возложить на оператора обязанность определять состав и содержание защитных мер на основе регулярно проводимой и документируемой оценки рисков, при этом для отдельных категорий систем сохраняется возможность установления уполномоченными органами обязательных минимальных базовых требований и методик оценки. Можно предположить, что внедрение подобной модели приведет к трансформации деятельности по защите информации из формально-бюрократической процедуры в постоянный процесс регулирования, что позволит оптимизировать расходы и значительно повысить устойчивость государственных информационных систем к целенаправленным кибератакам.

Второе направление заключается в формировании четких правовых основ для безопасного взаимодействия органов публичной власти с внешними исполнителями, в частности с поставщиками облачных сервисов, что необходимо для построения цифровой экосистемы доверия. Стремительное распространение практик аутсорсинга выявило существенный пробел в регулировании распределения обязанностей и ответственности между оператором и обработчиком информации. Действующие нормы ограничиваются общими отсылками к необходимости договорного оформления отношений, не устанавливая императивных требований к содержанию таких соглашений. Подобная правовая неопределенность порождает высокие риски для государственных заказчиков и сдерживает инвестиции поставщиков услуг в инфраструктуру безопасности. В случае реализации инцидента информационной безопасности доказывание вины конкретного звена в цепочке обработки и взыскание ущерба становятся чрезвычайно затруднительными, что умаляет возможности пострадавших лиц на эффективную судебную защиту [11, с. 62–99].

Для устранения указанного недостатка требуется прямое законодательное закрепление единых и прозрачных правил взаимодействия. Можно рассмотреть, в качестве одного из возможных решений данного вопроса, дополнение ФЗ № 149-ФЗ нормой, устанавливающей обязательные требования к договору между оператором

и обработчиком. Это соглашение в обязательном порядке должно детализировать предмет и цели обработки, конкретный перечень принимаемых мер безопасности, порядок и сроки информирования об инцидентах, право оператора на проведение проверок и аудитов, а также четкие положения об ответственности сторон, вплоть до солидарной. Создание подобной правовой основы приведет к формированию предсказуемой среды для кооперации государства и IT-индустрии, что позволит органам публичной власти легитимно использовать технологически эффективные решения, а поставщикам услуг действовать в рамках понятных обязательств, стимулируя развитие отечественного рынка защищенных информационных технологий.

Выделенные направления совершенствования образуют комплексный подход к модернизации правового регулирования. Реализация конкретных законодательных инициатив, позволит преодолеть выявленные системные проблемы. Подобная модернизация будет способствовать построению более адаптивной и технологически нейтральной правовой системы, способной обеспечить надежную защиту интересов личности, общества и государства в условиях цифровой трансформации, а также создать необходимые. Таким образом, современная система защиты информации в сфере публичной власти представляет собой сложный комплекс мер правового регулирования, функционирующих в условиях постоянного усложнения цифровой среды и роста количества информационных угроз. Проведенное исследование позволяет отметить, что действующая модель правового регулирования во многом сохраняет признаки формального подхода, ориентированного преимущественно на соблюдение установленных требований, тогда как современные условия требуют гибкой адаптации механизмов защиты к актуальным рискам и особенностям конкретных информационных систем. Очевидно, что дальнейшее развитие системы защиты информации в сфере публичной власти должно осуществляться посредством внедрения риск-ориентированной модели регулирования, унификации подходов к обеспечению информационной безопасности на всех уровнях публичной власти, а также формирования четких правовых механизмов взаимодействия государственных органов с внешними обработчиками информации и цифровыми платформами. При этом эффективная защита информации в сфере публичной власти в условиях цифровой трансформации возможна исключительно при переходе от формально-нормативной модели обеспечения информационной безопасности к риск-ориентированной системе правового регулирования в рамках единой системы публичной власти.

Список литературы:

1.Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 26.06.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026).

2.Мирошниченко, М. А. Интеллектуальная собственность в инновационной деятельности корпораций / М. А. Мирошниченко, О. В. Максимова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 05 (119). С. 1237–1247.

3.Забегайло Л. А., Авдеев А. А. Дисциплинарная ответственность работника за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну работодателя // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3 (45). Ч. 1. С. 90–93.

4.Романова, И. Б. К вопросу о защите коммерческой тайны экономических субъектов / И. Б. Романова, О. Ф. Ермишина, И. Н. Горничнова // Вестник СамГУПС. 2016. № 1 (31). С. 135–146.

5.Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Бойченко И. С. Концептуальные подходы к правовому регулированию информационной безопасности в условиях цифровизации и трансформации права // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2019. № 3 (33). С. 64–68. DOI: 10.14529/secur190307.

6.Чаннов, С. Е. Использование цифровых технологий в сфере публичного управления: правовые преимущества и риски / С. Е. Чаннов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 419–428.

7.Шайхутдинова, Т. Ф. Защита информации как приоритетная задача обеспечения информационной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 262–265.

8.Рагимханова, К. Т. Принципы информационной прозрачности органов публичной власти в Российской Федерации / К. Т. Рагимханова. Текст : непосредственный // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 93–97.
9.Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 26.07.2026).
10. Карцхия А. А. «Облачные» технологии: российское и зарубежное законодательство и практика правоприменения // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2 (27). С. 36–41.
11. Савельев А. И. Правовая природа «облачных» сервисов: свобода договора, авторское право и высокие технологии // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 62–99.

Ignatyeva S. V., Fatova Sofia E. Principles and approaches to legal regulation of information protection in the sphere of public authority in the context of digital transformation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 238-242.

The article analyzes legal measures to ensure information security, the specifics of their implementation in public authorities, as well as current trends in improving legislation in the context of growing cyber threats and the development of digital technologies. Particular attention is paid to the risk-oriented approach, the unity of the public authority system, and the modernization of legal regulation in response to increasing cyber threats and the rapid development of digital technologies. The author substantiates the necessity of improving legal mechanisms for protecting both public and private interests within the digital environment.

Keywords: information protection, public authority, digital transformation, information security, risk-oriented approach, state information systems, confidential information.

Spisok literatury:

1.Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» (red. ot 26.06.2026, s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2026).
2.Miroshnichenko, M. A. Intellektual'naya sobstvennost' v innovacionnoj deyatel'nosti korporacij / M. A. Miroshnichenko, O. V. Maksimova // Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2016. № 05 (119). S. 1237–1247.
3.Zabegajlo L. A., Avdeev A. A. Disciplinarnaya otvetstvennost' rabotnika za razglashenie svedenij, sostavlyayushchih kommercheskuyu tajnu rabotodatelya // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2016. № 3 (45). Ch. 1. S. 90–93.
4.Romanova, I. B. K voprosu o zashchite kommercheskoj tajny ekonomicheskih sub"ektov / I. B. Romanova, O. F. Ermishina, I. N. Gornichnova // Vestnik SamGUPS. 2016. № 1 (31). S. 135–146.
5.Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Bojchenko I. S. Konceptual'nye podhody k pravovomu regulirovaniyu informacionnoj bezopasnosti v usloviyah cifrovizacii i transformacii prava // Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2019. № 3 (33). S. 64–68. DOI: 10.14529/secur190307.
6.Channov, S. E. Ispol'zovanie cifrovyh tekhnologij v sfere publichnogo upravleniya: pravovye preimushchestva i riski / S. E. Channov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2021. T. 21, vyp. 4. S. 419–428.
7.Shajhutdinova, T. F. Zashchita informacii kak prioritetnaya zadacha obespecheniya informacionnoj bezopasnosti Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 262–265.
8.Ragimhanova, K. T. Principy informacionnoj prozrachnosti organov publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii / K. T. Ragimhanova. Tekst : neposredstvennyj // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2025. № 1. S. 93–97.
9. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» (red. ot 26.07.2026).
10. Karckhiya A. A. «Oblachnye» tekhnologii: rossijskoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo i praktika pravoprimeneniya // Monitoring pravoprimeneniya. 2018. № 2 (27). S. 36–41..
11. Savel'ev A. I. Pravovaya priroda «oblachnyh» servisov: svoboda dogovora, avtorskoe pravo i vysokie tekhnologii // Vestnik grazhdanskogo prava. 2015. № 5. S. 62–99.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 242-249.

УДК: 342.95

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАДИЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цындря В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется целесообразность рассмотрения процессуальной составляющей формирования и реализации государственной политики в области исполнения административных наказаний как части административно-наказательной политики в Российской Федерации. Описание процесса регламентации данного вида государственной политики осуществлено с использованием политологического, социологического, психологического, управленческого и правового подходов, раскрывающих сущность циклов принятия и реализации политических, государственно-правовых и управленческих решений. Сформулированного определения понятия «стадии государственной политики в области исполнения административных наказаний» как последовательного комплекса действий органов публичной власти и институтов гражданского общества, направленный на выявление, решение общественно значимых проблем, возникающих в процессе исполнения административных наказаний. Выделены и охарактеризованы следующие стадии её регламентации: инициирование государственной политики в области исполнения административных наказаний; разработка основных положений этой государственной политики; придание государственной политике легитимности; мониторинг хода её реализации; корректировка государственной политики (в случае необходимости); оценка эффективности реализации государственной политики. Сделан вывод о необходимости соответствия содержания этих стадий положениям государственной политики в области реформирования административного законодательства об административной ответственности и других видов политики, реализуемых в России в области обеспечения общественной безопасности и государственного управления.

Ключевые слова: регламентация, стадии государственной политики, государственная политика в Российской Федерации, административная ответственность, исполнение административных наказаний, КоАП РФ.

Достижение национальных целей развития, декларируемых в Российской Федерации на ближайшее десятилетие, предусматривает консолидацию усилий обществ и государства, использование современных социальных, экономических и технологических инструментов для обеспечения устойчивого экономического и социального развития России, укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан. Реализация единого плана по достижению этих целей, а также принимаемых на его основе государственно-правовых решений, касается и оптимизации законодательства об административной ответственности, в том числе и института исполнения административных наказаний, а также соответствующей правоприменительной практики.

В связи с этим, перед административно-правовой наукой стоит задача разработка научно-обоснованных рекомендаций для совершенствования регламентации процесса формирования и реализации государственной политики в области исполнения административных наказаний. Следует отметить, что в современной юридической литературе справедливо обосновывается необходимость характеристики процессуальных аспектов двух фаз (этапов) существования этой составляющей административно-деликтной политики: формирования и реализации, что предусматривает выделение их общих закономерностей и специфических черт [1-3].

В частности, в теоретико-правовой, конституционно-правовой и административно-правовой науках сформулированы базовые положения регламентации процессов формирования правовой политики в РФ, которые конкретизированы в контексте отдельных её разновидностей, например – уголовно-правовой, административно-деликтной и уголовной исполнительной политик.

Представителями административно-правовой науки аргументирована возможность выделения административно-наказательной политики как части государственной политики в области административной ответственности, выявлены закономерности развития данного вида политики и её детерминированность социально-экономическими процессами, свойственными современному состоянию общества и государства, рассмотрены полномочия органов публичной власти, в первую очередь государственных органов, участвующих в разработке и реализации административно-деликтной политики, высказаны предложения по оценке её эффективности и обосновываются предложения для совершенствования законодательства РФ об административной ответственности и практики его реализации и др.

В тоже время специфика регламентации государственной политики в области исполнения административных наказаний рассмотрена фрагментарно или в рамках более широкой проблематики. Среди авторов, в чьих работах отражена заявленная проблематика, необходимо выделить исследования С.Н. Бочарова, А.А. Гришковца, В.В. Денисенка, А.Н. Дерюги, А.С. Дерюги, А.Н. Жеребцова, О.С. Захаровой, Р.В. Зелепукина, А.В. Кирина, А.В. Корепиной, Н.А. Корсиковой, А.В. Куракина, В.К. Ладутько, И.В. Максимова, А.Г. Репьева, Н.П. Парыгина, Л.Л. Попова, Ю.И. Попугаева, О.С. Рогачовой, В.Г. Татаряна, С.Н. Шаклеина, А.П. Шергина и др.

Целями этой публикации являются общая характеристика основных этапов процесса регламентации государственной политики уточнение основных подходов к пониманию процессуальных аспектов формирования и реализации государственной политики в области исполнения административных наказаний; формулирование перечня стадий процесса её регламентации; общая характеристика их содержания.

При рассмотрении процессуальной составляющей государственной политики в области исполнения административных наказаний предлагается исходить из того, что: развитие государственной политики и её разновидностей осуществляется в рамках двух фаз – формирования и реализации; наблюдается схожесть процессов формирования и реализации государственной политики и процедур (циклов) принятия и реализации управленческих решений; формирование и реализация государственной политики обеспечивается с помощью комплекса политических, управленческих и правовых механизмов; фиксация основных параметров государственной политики осуществляется в политико-правовых документах: доктринах, стратегиях, проектах нормативных правовых актов и оперативно-распорядительных документах; стадийность формирования и реализации государственной политики обусловлена объективной возможность обособления в её циклах видов упорядоченных действий, необходимых для достижения легитимности, справедливости и эффективности принимаемых решений; дальнейшее развитие государственной политики в изучаемой сфере предусматривает интеграцию в процессы её формирования и реализации современных информационно-телекоммуникационных технологий.

По нашему мнению, под стадиями государственной политики в области исполнения административных наказаний следует понимать «…последовательный комплекс действий органов публичной власти и институтов гражданского общества, направленный на выявление, решение общественно значимых проблем, возникающих в процессе исполнения административных наказаний» [4].

Для описания процессуальных аспектов государственной политики в юриспруденции используются результаты исследований политологов, социологов, психологов и специалистов в области государственного управления, раскрывающие сущность циклов принятия и реализации политических и управленческих решений.

Так, в политологии процесс регламентации политики предусматривает: формирование общественного запроса и установление социально значимой проблемы, разрешение которой требует консолидации усилий политических актёров; выработ-

ка концепции политики (согласование интересов, определение целей и средств их достижения); принятие политики и её оформление в виде соответствующего формализованного решения (документа), принимаемого уполномоченными лицами; внедрение принятых решений в социальную практику; контроля за ходом реализации принятых решений и оценивание её результатов; корректировка содержания политики (в случае необходимости) и закрепление её положительных результатов [2; 5, с. 28-30; 6, с. 170-171; 7, с. 19, 25; 8, 223-224; 9, с. 49].

Учитывая существующее в теории понимание государственной политики как «…политико-правового документа доктринально-прикладного характера» процессы её формирования и реализации могут быть представлены как разновидность нормотворческой процедуры, характерной для соответствующих видов законодательных или подзаконных актов, а также часть механизма их реализации [10, с. 23]. Например, в традиционном («узком») понимании – это «…процесс деятельности представительных органов государственной власти (как федеральных, так и региональных) по изданию законодательных актов, состоящий из ряда стадий, каждая из которых представляется совокупностью процессуальных действий, способствующих достижению определенного правового результата», а в «широком» - это деятельность по подготовке и предварительному обсуждению законопроектов, в том числе и связанная, с «определением потребностей в правовом регулировании, изучение факторов, определяющих его направление» [11-13]. Считаем возможным согласиться с мнением Кочеткова А.В., Ю. А. Тихомирова, которые предлагают включать в широкое понимание законотворческого процесса и такие элементы как «прогнозирование», «планирование» и «правовой мониторинг» [14; 15].

Нами высказано предположение о том, что если подготовка нормативных правовых актов, регулирующих основы административно-деликтной политики и её составляющих, имеет характер нормотворческой процедуры с чётко определённым для неё процедурами и составом участников, то содержание социальных и политических процессов, определяющих сущность идеологических компонентов этой политики, выходит за рамки правового регулирования, а в её формировании участвуют как уполномоченные субъекты (например, органы публичной власти, политические партии), так и институты гражданского общества (общественные организации, профессиональные сообщества) и отдельные лица (например, участвующие в общественном обсуждении проектов нормативных актов, осуществляющие научные исследования, высказывающие предложения для совершенствования правоприменительной практики и др.).

Считаем целесообразным учитывать и психологическую составляющую формирования соответствующих решений уполномоченными лицами, учитывающий их социальный опыт и его проецирование в сознании человека в ходе мыслительной операция по формированию его субъективной модели. Психологи отмечают, что при принятии решений в сознании человека проходит: фиксация и осознание проблемы, формирование представлений о задаче, требующей решения, конструирование множества альтернатив, конкретизация критериев выбора, сравнение выявленных альтернатив и заданных критериев, оценка приоритетности, полезности и оптимальности альтернативы, осознание принятого решения [16].

В теории публично-государственной политики этапы принятия и осуществление решений формируются в зависимости от вида деятельности, отражающей ход политико-управленческого цикла. Так, А.А. Дегтяревым к ним относятся: определение повестки дня, формулирование альтернатив, выбор и утверждение решения, реализация решения, оценка результатов [17]. В свою очередь, К.В. Симонов, С.И. Черных акцентируют внимание на таких стадиях как «…мониторинг обратной связи со стороны общества, корректировка решения в случае необходимости» и

«…управление реализацией, контроль выполнения решения, оценка результатов реализации» [18, с. 9]. Учитывая цели и задачи стадии управленческого цикла Н.О. Шаброва выделяет: предварительную (сбор информации для выработки альтернатив), основную (непосредственную) (принятие обоснованного (одобренного, согласованного, утверждённого) решения), сопровождающую (корректировка принятых решений) [20]. Обобщая основные подходов к количеству и содержанию этапов формирования и реализации государственной политики, к ним относятся:

1) инициирование государственной политики неразрывно связано с разработкой базовых положений административно-наказательной политики, частью которой является определение параметров правового режима исполнения административных наказаний. На этапе её формирования нормативной объективизации подлежит решение актуальной общественной проблемы (комплекса проблем), которая требует разработки нового нормативного правового акта, регулирующего исполнения административного наказания, или внесения изменений в действующий КоАП РФ, законодательные акты субъектов РФ или подзаконные акты, а также создания необходимых институтов, организационных, финансовых, информационных и других механизмов, обеспечивающих исполнение административных наказаний;

2) разработка государственной политики предусматривает окончательный выбор субъектом политики (как правило органом (должностным лицом) государственной власти) варианта решения о содержании, основных направлениях и способах реализации данной политики, а также оформление соответствующего текста в виде проекта нормативного правового акта (самостоятельной концепции или её части);

3) придание государственной политике легитимности достигается путём закрепления её основных положений в нормативном правовом акте, функционировании публичных и общественных институтов, обеспечивающих её реализацию и осуществляющих контроль за её эффективностью, а также формирования её восприятия обществом как необходимой и справедливой. Следует констатировать, что сегодня в РФ отсутствует нормативный правовой акт, содержащий концептуальные основы государственной политики в области административных наказаний в целом, и их исполнения в частности;

4) мониторинг хода реализации государственной политики представляет собой урегулированную законодательством, осуществляемую на регулярной основе, прикладную, научно-познавательную деятельность, направленную на сбор, обобщение, анализ и оценку правовой и иной информации о состоянии хода её осуществления и соответствии реалиям социальной действительности, а также для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившим силу (отмены) нормативных правовых актов, определяющих её содержание и способы реализации в процессе исполнения административных наказаний.

5) корректировка государственной политики (в случае необходимости) представляет собой процесс адаптации законодательства, регулирующего данную группу административных правоотношений, практики исполнения административных наказаний к изменяющимся социальным, экономическим и правовым условиям. Основная цель данного этапа – обеспечение баланса между интересами личности, общества и государства в поддержании правопорядка и соблюдением прав физических и юридических лиц, а формирование условий для своевременной и полной реализации ими обязанностей, возлагаемых на в связи с исполнением назначенных административных наказаний.

6) Оценка эффективности реализации государственной политики в области исполнения административных наказаний связывается с достижением целей административных наказаний, его разновидностей и санкции, применённой в конкретной ситуации, а также результативностью правотворческой и правоприменительной де-

ятельности субъектов и участников политики по реализации соответствующих государственно-правовых решений. Под эффективностью государственной политики в области исполнения административных наказаний, нами предлагается понимать «…её комплексную количественно-качественную характеристику, отражающую состояние экономичности, своевременности, общественной ценности данного вида государственно-правовой деятельности и динамику социальных и правовых преобразований, как последствий её реализации».

В свою очередь, её оценка представляет собой «…определение соотношения последствий системы юридически значимых действий органов публичной власти, учреждений и организаций, общественных институтов в области обеспечения исполнения административных наказаний с точки зрения их соответствия поставленным целям и приоритетам социального развития, а также нормативно установленным требованиям к результатам деятельности субъектов политики» [21].

Думается, что выделенные нами стадии целесообразно учитывать при разработке доктринально-стратегических документов, содержащих концептуальные основы административно-наказательной политики (например, Концепции Процессуального Кодекса РФ об административных правонарушениях), подготовки субъектами нормотворчества предложений для совершенствования законодательства, регламентирующего исполнение административных наказаний, деятельности субъектов административной юрисдикции и других участников стадии исполнения административных наказаний, оценке административно-деликтной ситуации в России, а также состояния прав и свобод граждан в этой сфере. Подводя итог, отметим, что регламентации государственной политики в области исполнения административных наказаний присущи как общие закономерности, свойственные формированию и реализации административно-наказательной политики как вида правовой политики в целом, так и особенности, обусловленные её целями, субъектным составом и содержанием процессов фактического претворения в жизнь санкций норм права об административной ответственности. С помощью регламентации обеспечивается системность, предсказуемость и легитимность процесса её формирования и реализации, создаются условия для своевременного и адекватного реагирования государства на общественные отношения, защиты интересов личности, общества и государства от противоправных посягательств с использованием административно-деликтных средств.

Список литературы:

1.Жеребцов, А. Н. Концептуальные теоретические аспекты административно-наказательной политики Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4(42). С. 80-84.
2.Цындря, В. Н. К вопросу о стадиях процесса формирования государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 9(148). – С. 126-127.
3.Жеребцов, А. Н. Реализация государственной политики Российской Федерации в области назначения административных наказаний: анализ содержания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 4. – С. 256-265.
4.Цындря, В. Н. К определению понятия реализации государственной политики в области административных наказаний / В. Н. Цындря // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 17 июня 2021 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 469-475
5.Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе: автореф. дисс... д-ра полит. наук: 23.00.02. – Москва, 2007. – 37 с.
6.Сулакшин С. С. Современная государственная политика и управление. Курс лекций. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 387 с.
7.Сулакшин С.С., Погорелко М.Ю., Репин И.В. Источники и основания государственных политик в России. Монография. – М.: Научный эксперт, 2010. – 220 с.
8.Дегтярев А. А. Принятие политических решений: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2004. – 416 с.
9.Шаброва Н. О. Сущность, структура и типология политических решений [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Shabrova_Political-Decisions.pdf (дата обращения: 10.06.2026).
10. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: автореф… дисс. д-ра. юрид. наук: 12.00.14. – Воронеж, 2012. 50 с.
11. Абрамова А.И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С.14–23.
12. Дюрягин И. Я. О понятии механизма реализации нормативных правовых актов // механизм реализации нормативных правовых актов: сб. науч. тр. / Челяб. Гос. Ун-т; редкол.: Дюрягин И. Я. (отв. Ред. – Челябинск, 1995. – С. 3-17.
13. Золотухина Т.А. О структуре законотворческого процесса в России: стадии и этапы // Общество: политика, экономика, право. 2019. №4 (69). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-zakonotvorcheskogo-protsessa-v-rossii-stadii-i-etapy (дата обращения: 11.06.2026).
14. Кочетков А.В. Стадии законодательного процесса как формы проявления правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – №4. – С.153-162.
15. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. – 2026. - №10. – С. 13.
16. Сунцова Я.С., Мешков И.Ю. Феномены выбора и принятия решения в психологической науке // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomeny-vybora-i-prinyatiya-resheniya-v-psihologicheskoy-nauke.
17. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Degtyaryov_2004_4.pdf (дата обращения: 10.06.2026).
18. Симонов К.В. Политический анализ: Учебное пособие. – М.: Логос, 2002. – 151 с.
19. Черных С.И. Процесс принятия и реализации управленческих решений государства: теория и практика // ЭТАП. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-prinyatiya-i-realizatsii-upravlencheskih-resheniy-gosudarstva-teoriya-i-praktika (дата обращения: 11.06.2026).
20. Шаброва Н. О. Сущность, структура и типология политических решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Shabrova_Political-Decisions.pdf.
21. Абрамов П.В. Понятие эффективности социально-правовой политики государства // Правовое государство: теория и практика. 2015. №3 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-effektivnosti-sotsialno-pravovoy-politiki-gosudarstva (дата обращения: 10.06.2026).

Tsyndrya V.N. General characteristics of the stages of regulation of state policy in the field of execution of administrative penalties in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 242-249.

This article highlights the relevance of examining the procedural component of the formation and implementation of state policy in the area of administrative penalty enforcement as part of administrative-penal policy in the Russian Federation. The process of regulating this type of state policy is described using political science, sociology, psychology, management, and legal approaches, revealing the essence of the cycles of making and implementing political, state-legal, and management decisions. A definition of the concept of "stages of state policy in the area of administrative penalty enforcement" is formulated as a consistent set of actions by public authorities and civil society institutions aimed at identifying and resolving socially significant problems arising in the process of executing administrative penalties. The following stages of its regulation are identified and characterized: initiation of state policy in the area of administrative penalty enforcement; development of the main provisions of this state policy; legitimization of state policy; monitoring the progress of its implementation; adjustment of state policy (if necessary); evaluation of the effectiveness of state policy implementation. It is concluded that the content of these stages must be consistent with the provisions of state policy in the area of administrative legislation reform on administrative liability and other policies implemented in Russia in the area of public safety and public administration.

Keywords: regulation, stages of state policy, state policy in the Russian Federation, administrative liability, enforcement of administrative penalties, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1.Zherebczov, A. N. Konceptual`ny`e teoreticheskie aspekty` administrativno-nakazatel`noj politiki Rossijskoj Federacii / A. N. Zherebczov, V. N. Cyndrya // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 4(42). – S. 80-84.
2.Cyndrya, V. N. K voprosu o stadiyax processa formirovaniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti administrativny`x nakazanij / V. N. Cyndrya, S. A. Yuz`vak // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2020. – № 9(148). – S. 126-127.
3.Zherebczov, A. N. Realizaciya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti naznacheniya administrativny`x nakazanij: analiz soderzhaniya // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73), № 4. – S. 256-265.
4.Cyndrya, V. N. K opredeleniyu ponyatiya realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti administrativny`x nakazanij / V. N. Cyndrya // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravooxranitel`noj deyatel`nosti: teoriya i praktika : Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 17 iyunya 2021 goda. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2021. – S. 469-475

5.Yakunin V.I. Processy` i mexanizmy` formirovaniya gosudarstvennoj politiki v sovremennom rossijskom obshhestve: avtoref. diss... d-ra polit. nauk: 23.00.02. – Moskva, 2007. – 37 s.
6.Sulakshin S. S. Sovremennaya gosudarstvennaya politika i upravlenie. Kurs lekcij. – M.: Direkt-Media, 2013. – 387 s.
7.Sulakshin S.S., Pogorelko M.Yu., Repin I.V. Istochniki i osnovaniya gosudarstvenny`x politik v Rossii. Monografiya. – M.: Nauchny`j e`kspert, 2010. – 220 s.
8.Degtyarev A. A. Prinyatie politicheskix reshenij: Uchebnoe posobie. – M.: KDU, 2004. – 416 s.
9.Shabrova N. O. Sushhnost`, struktura i tipologiya politicheskix reshenij [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Shabrova_Political-Decisions.pdf.
10. Rogacheva O. S. E`ffektivnost` norm administrativno-deliktnogo prava: avtoref… diss. d-ra. yurid. nauk: 12.00.14. – Voronezh, 2012. 50 s.
11. Abramova A.I. Sovremenny`j zakonodatel`ny`j process Rossijskoj Federacii: stadii i problemy` ix sovershenstvovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 2. – S.14–23.
12. Dyuryagin I. Ya. O ponyatii mexanizma realizacii normativny`x pravovy`x aktov // mexanizm realizacii normativny`x pravovy`x aktov: sb. nauch. tr. / Chelyab. Gos. Un-t; redkol.: Dyuryagin I. Ya. (otv. Red. – Chelyabinsk, 1995. – S. 3-17.
13. Zolotuxina T.A. O strukture zakonotvorcheskogo processa v Rossii: stadii i e`tapy` // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2019. №4 (69). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-zakonotvorcheskogo-protsessa-v-rossii-stadii-i-etapy (data obrashheniya: 11.06.2026).
14. Kochetkov A.V. Stadii zakonodatel`nogo processa kak formy` proyavleniya pravovoj politiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. – 2003. – №4. – S.153-162.
15. Tixomirov Yu.A. Organizaciya i provedenie pravovogo monitoringa // Pravo i e`konomika. 2026. №10.
16. Sunczova Ya.S., Meshkov I.Yu. Fenomeny` vy`bora i prinyatiya resheniya v psixologicheskoj nauke // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika». 2022. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomeny-vybora-i-prinyatiya-resheniya-v-psihologicheskoy-nauke (data obrashheniya: 11.06.2026).
17. Process prinyatiya i osushhestvleniya reshenij v publichno-gosudarstvennoj politike: dinamicheskij cikl i ego osnovny`e fazy` [E`lektronny`j resurs]. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Degtyaryov_2004_4.pdf (data obrashheniya: 10.06.2026).
18. Simonov K.V. Politicheskij analiz: Uchebnoe posobie. – M.: Logos, 2002. – 151 s.
19. Cherny`x S.I. Process prinyatiya i realizacii upravlencheskix reshenij gosudarstva: teoriya i praktika // E`TAP. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-prinyatiya-i-realizatsii-upravlencheskih-resheniy-gosudarstva-teoriya-i-praktika (data obrashheniya: 11.06.2026).
20. Shabrova N. O. Sushhnost`, struktura i tipologiya politicheskix reshenij [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Shabrova_Political-Decisions.pdf
21. Abramov P.V. Ponyatie e`ffektivnosti social`no-pravovoj politiki gosudarstva // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. №3 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-effektivnosti-sotsialno-pravovoy-politiki-gosudarstva (data obrashheniya: 10.06.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 250-255.

УДК 351.81

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГИБДД МВД РОССИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ВЫЯВЛЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Челпанова М. М., Билоконь В. П.
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются актуальные проблемы взаимодействия Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России с институтами гражданского общества и гражданами при выявлении административных правонарушений в области дорожного движения. На основе анализа нормативной правовой базы, правоприменительной практики и статистических данных определены правовые, организационные и технологические факторы, снижающие эффективность такого сотрудничества. Предложен комплекс мер по совершенствованию нормативно-правового регулирования, развитию цифровых инструментов фиксации нарушений, повышению мотивации населения и укреплению института общественного контроля. Реализация предложенных направлений позволит усилить профилактический эффект и повысить уровень безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: ГИБДД, безопасность дорожного движения, административные правонарушения, взаимодействие с общественностью, народный инспектор, цифровизация, фото- и видеофиксация, общественный контроль.

Обеспечение безопасности дорожного движения остается одной из наиболее острых социально-правовых проблем современной России. Высокий уровень аварийности и значительное количество административных правонарушений в сфере дорожного движения обусловливают необходимость поиска новых, более эффективных механизмов профилактики и контроля [11, с. 5–12]. Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД России является основным субъектом профилактики, выявления и пресечения административных правонарушений в данной сфере. Вместе с тем протяженность дорог, интенсивность движения и кадровые ограничения не позволяют обеспечить непрерывный надзор повсеместно. Поэтому вовлечение граждан и общественных объединений в выявление нарушений из вспомогательного инструмента превращается в необходимый элемент системы обеспечения безопасности. Общественность при этом не сводится к источнику сообщений о нарушениях. Более широкий подход предполагает участие граждан в профилактике, обсуждении проблем безопасности, информировании о недостатках организации движения, распространении правовых знаний и формировании культуры законопослушного поведения [8, с. 8–13].

Эффективность работы ГИБДД определяется не только числом выявленных правонарушений, но и способностью предупреждать опасное поведение. Отсюда обоснован переход от преимущественно реактивной модели к сочетанию государственного контроля, профилактики и общественного мониторинга.

В научной литературе взаимодействие обычно связывают с взаимным влиянием субъектов, согласованием их действий, обменом информацией и ресурсами. В социологии на первый план выходят устойчивые социальные связи, в управлении – координация ради общей цели. Отметим, что институты гражданского общества как субъекты взаимодействия с полицией – это объединения граждан, представляющие собой с точки зрения административного права коллективных субъектов, в статусе которых более четко выражены элементы целевого и компетенционного блоков элементов статуса, в то время как особенности их организационно-правового статуса имеют меньшее значение для взаимодействия с полицией и применительно к безопасности дорожного движения взаимодействие можно определить как закрепленную в законе систему совместных и согласованных действий, направленных на пре-

дупреждение, выявление и пресечение нарушений, снижение аварийности и повышение безопасности участников движения [3].

Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества в настоящее время характеризуется преимущественно формальным отношением сотрудников полиции к данному направлению деятельности, и поэтому принципиально важен системный характер такого сотрудничества. Разовые акции и единичные обращения сами по себе системы не образуют. Нужны устойчивые каналы связи, понятные процедуры направления информации, сроки ее рассмотрения, обратная связь и возможность оценить результат.

Правовая основа многоуровневая. Конституция РФ создает общую основу участия граждан в публичной жизни [1]. Федеральный закон «О полиции» закрепляет принцип взаимодействия полиции с гражданами и институтами гражданского общества, а также принцип открытости деятельности полиции: в пределах закона граждане вправе получать информацию о работе полиции [2]. Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» предусматривает информирование органов внутренних дел о правонарушениях, участие в мероприятиях, внештатное сотрудничество, деятельность народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности [3]. При этом граждане не вправе присваивать себе полномочия сотрудников полиции, а участие в действиях, создающих заведомую угрозу жизни и здоровью, не допускается. Система правового регулирования в сфере безопасности дорожного движения представляет собой многоуровневую структуру, где каждый элемент взаимосвязан и взаимодополняем.

Можно отметить, что общие основы взаимодействия рассматриваемых субъектов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, определяя основные векторы совместной деятельности, также урегулированы нормативными правовыми актами и механизм государственного принуждения выступает эффективным инструментом поддержания дисциплины на дорогах, а институт общественного контроля становится важным элементом профилактики правонарушений

ФЗ «О безопасности дорожного движения» (ст. 8) прямо предусматривает участие общественных объединений в мероприятиях по обеспечению безопасности: внесение предложений, профилактика, исследование причин происшествий и иные формы, предусмотренные законом [4]. КоАП РФ допускает возбуждение дел по заявлениям граждан и использование фото- и видеоматериалов в качестве доказательств ст. 26.7 и ст. 28.1 [5]. Указ Президента РФ от 15.06.1998 г. № 711 подчеркивает необходимость информирования населения и привлечения общественности [7]. ФЗ «Об основах общественного контроля» применим к советам при ГИБДД и оценке профилактических программ [6]. Ведомственные акты МВД России конкретизируют процедуры надзора. Таким образом, законодательство уже содержит необходимые предпосылки, проблема заключается не в отсутствии правовой основы, а в недостаточной ее реализации и в отсутствии унифицированных механизмов на всех территориях страны.

Анализ содержания Стратегии безопасности дорожного движения в РФ позволяет утверждать, что в структуре обеспечения национальной безопасности позволяет утверждать, что в структуре обеспечения национальной безопасности отдельное место принадлежит обеспечению безопасности дорожного движения, как разновидности общественной безопасности и транспортной безопасности и на практике взаимодействие осуществляется через информационно-пропагандистские мероприятия, общественные советы, народные дружины, направление материалов через Единый портал государственных услуг, и в частности, совершенствуется сервис «Госуслу-

ги.авто», внедряется мобильное приложение «Инспектор» [9, с. 38-42] для фиксации результатов проверок и профилактических мероприятий.

За 2025 г. по России проведено более 166 тыс. информационно-пропагандистских мероприятий, по цифровым каналам поступило свыше 180 тыс. материалов от граждан. Активно развиваются цифровые технологии и информационные системы, которые находят применение как в сфере предоставления государственных услуг, так и при надзоре за дорожным движением [9, с. 38-47].

Главная цель мероприятий состоит в привлечении внимания граждан к проблеме дорожно-транспортного травматизма и формирование у юных участников дорожного движения устойчивых навыков безопасного поведения [10, с. 370–372]. Среди устойчивых проблем – недостаточная правовая информированность граждан о порядке фиксации и направления материалов, неравномерная обратная связь, низкая мотивация к систематическому участию, формальный характер работы с дружинами в ряде регионов, а также сложность и неравномерное внедрение цифровых платформ, особенно для старшего поколения. Доказательственное значение материалов от граждан закреплено в ст. 26.7 КоАП РФ [5]. На практике качество съемки часто становится причиной отказа: нечеткое изображение, не виден государственный регистрационный знак, нельзя установить место и время. Требования обоснованны, но о них мало кто знает заранее. Целесообразно встраивать в цифровые сервисы краткие памятки и предварительную автоматическую проверку технических параметров файла (наличие файла, геолокация, длительность записи и т. п.) – без подмены правовой оценки сотрудником ГИБДД [9, с.18–19].

Единообразная обратная связь для заявителя критически важна. Если после направления материала человек долгое время не получает информации, сомнение в целесообразности участия закономерно. Перспективен единый цифровой механизм отслеживания статуса: зарегистрировано, принято в работу, передано в подразделение, на проверке, рассмотрение завершено – с соблюдением требований о персональных данных. В регионах, где действуют системы типа «Народный инспектор» и предусмотрены меры поощрения за качественную фиксацию, активность граждан выше. Этот опыт может быть учтен при формировании федеральных подходов при условии единого правового режима. Совершенствование взаимодействия должно охватывать правовую, организационную, технологическую, кадровую и просветительскую сферы.

В правовой плоскости имеет смысл предусмотреть в КоАП РФ упрощенный порядок рассмотрения материалов, поступивших через официальные цифровые сервисы, закрепить статус общественного инспектора безопасности дорожного движения с определенным кругом возможностей (в том числе фиксация и направление материалов) после специальной подготовки, принять ведомственный акт МВД России с единым порядком взаимодействия подразделений ГИБДД с объединениями и гражданами, включая сроки рассмотрения и обязательный мотивированный ответ заявителю [3]. Основная деятельность организации сосредоточена на развитии народных дружин и государственных органов, создании комитетов в местных управлениях ГИБДД, разработке стандартов и правил для деятельности дружин при охране правопорядка на дорогах, обучении государственных инспекторов и организации совместных патрулей в районах с высокой аварийностью.

В то же время консультативные органы, объединяющие общественные организации, образовательные учреждения и родительские комитеты, помогают выявлять проблемные зоны, обсуждать профилактические меры и формулировать рекомендации, не подменяя полномочия полиции [10, с. 369]. Гражданский контроль не должен ограничиваться сообщением о нарушениях, и граждане добровольно должны

сообщать о недостаточном освещении, плохом состоянии дорог, отсутствии знаков и дорожной разметки, о проблемах, связанных с пешеходными переходами, так как эта информация помогает устранить факторы, способствующие авариям [11, с. 49].

Цифровизация обладает огромным потенциалом и создание единого федерального механизма с понятным интерфейсом, включая мобильные приложения является очень перспективным, где пользователи могли бы выбирать тип правонарушения, делать фотографии или видеозаписи, автоматически записывать координаты и время, а также предоставлять краткое описание инцидента [9, с. 40].

Искусственный интеллект может оказывать помощь с момента получения данных, например, идентифицировать номерные знаки и типы транспортных средств, классифицировать предполагаемые правонарушения и отфильтровывать технически неполные документы, но окончательное решение остается за соответствующими органами [9, с. 42]. Интеграция со схемами «безопасного города» и региональными системами регистрации расширит его функциональность в рамках правовой системы, а публикация статистики и обмен опытом помогут укрепить доверие. Для нормативной поддержки цифровых решений необходимы целенаправленные поправки к Кодексу административных правонарушений Российской Федерации, процедурам использования электронных носителей и техническим требованиям к приложениям.

В то же время увеличение количества заявок привело к росту рабочей нагрузки на экспертов, так если первичная обработка не автоматизирована и недостаточно квалифицированного персонала, время обработки увеличится, а качество ответов снизится и поэтому при разработке цифровых инструментов следует пересмотреть численность персонала и стандарты рабочей нагрузки.

Что касается психологических барьеров, то они могут влиять на готовность граждан к участию, например, страх конфликта с правонарушителями, сомнения в эффективности их действий и недоверие к правоохранительным органам, поэтому прозрачные процедуры, гарантированная обратная связь и четкие объяснения результатов могут смягчить эти барьеры. Граждане должны быть четко проинформированы о том, что им не следует вступать в конфронтацию с правонарушителями, преследовать транспортные средства или выдавать себя за сотрудников полиции и их обязанность – это безопасно задокументировать ситуацию и передать информацию соответствующим органам.

Образовательные и стимулирующие меры включают внедрение модулей по безопасности дорожного движения в школах, развитие гражданской активности, повышение осведомленности через СМИ и социальные сети, предоставление поощрений активным гражданам и сообществам, а также проведение тематических конкурсов, таких как национальная премия «Народный инспектор года» [8, с. 11].

Для координации деятельности на уровне МВД РФ рекомендуется разработать концептуальный план среднесрочного взаимодействия Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД с общественностью и в этот план следует включить представителей соответствующих федеральных ведомств, субъектов РФ, муниципалитетов, органов власти, образовательных учреждений и экспертных групп, а показатели эффективности должны выходить за рамки простого количества полученных сообщений и включать долю квалифицированных сообщений, среднее время обработки, долю запросов на обратную связь, направленных заявителям, количество выявленных системных проблем в организации дорожного движения и эффективность профилактических мер [9].

В заключение отметим, что развитие участия граждан должно руководствоваться верховенством права, принципом соразмерности, защитой персональных данных и уважением прав человека и государственный надзор не должен превратиться в

инструмент всеобщего наблюдения, поэтому для устойчивости этой модели крайне важен баланс между безопасностью и индивидуальными свободами.

Улучшение взаимодействия между Государственной инспекцией безопасности дорожного движения МВД России, гражданами и органами государственной власти задача непростая, хотя действующее законодательство уже предоставляет широкий спектр правовых инструментов. Главный вопрос состоит в переходе от отдельных инициатив к устойчивой системе с понятными правилами, цифровой доступностью, прозрачностью процедур и обратной связью, исключив подмену полномочий полиции и сочетание госнадзора и ответственного общественного участия способно создать дополнительный профилактический ресурс, где конечная цель состоит не максимальном числе привлеченных к ответственности, а снижении аварийности, повышение дисциплины участников движения и безопасная дорожная среда.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: https://base.garant.ru/10103000.
2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900. URL: https://base.garant.ru/7057810.
3. Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.
4. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1. URL: https://base.garant.ru/7058580.
6. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.
7. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» (с последующими изменениями): Указ Президента РФ от 15.06.1998 № 711.
8. Антонов С.Н. К вопросу о значимости профилактики правонарушений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2025. № 1. С. 8–13.
9. Майоров В.И., Полякова С.В. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 4 (70). С. 38–47.
10. Челпанова М.М. Особенности взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, обусловливающие эффективность обучения подростков основам безопасного поведения на дорогах // Сборник материалов по результатам Всероссийских научно-практических конференций, посвященных обеспечению безопасности дорожного движения. 2024. С. 369–373.
11. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году: информационно-аналитический обзор / под общ. ред. О.М. Порташникова, Д. В. Митрошина. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 148 с.

Chelpanova M.M., Bilokon V.P. Key areas for improving cooperation between the russian traffic police and the public in detecting administrative traffic offenses // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 250-255.

The article examines current issues regarding the interaction between the State Traffic Safety Inspectorate of the Russian Interior Ministry and civil society institutions and citizens in the detection of administrative traffic offenses. Based on an analysis of the regulatory framework, law enforcement practice, and statistical data, the authors identify the legal, organizational, and technological factors that reduce the effectiveness of such cooperation. A set of measures has been proposed to improve the regulatory framework, develop digital tools for recording violations, boost public motivation, and strengthen the institution of public oversight. Implementing these measures will enhance the preventive effect and improve road safety.

Keywords: Traffic police, road safety, administrative offenses, public engagement, civic inspector, digitalization, photo and video recording, public oversight.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993). URL: https://base.garant.ru/10103000.
2. O policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ (v dejstvuyushchej redakcii) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 7. St. 900. URL: https://base.garant.ru/7057810.
3. Ob uchastii grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka: Federal'nyj zakon ot 02.04.2014 № 44-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 14. St. 1536.
4. O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 № 196-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 50. St. 4873.

5. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (v dejstvuyushchej redakcii) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1. URL: https://base.garant.ru/7058580.
6. Ob osnovah obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 № 212-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2014. № 30 (ch. I). St. 4213.
7. O dopolnitel'nyh merah po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» (s posleduyushchimi izmeneniyami): Ukaz Prezidenta RF ot 15.06.1998 № 711.
8. Antonov S.N. K voprosu o znachimosti profilaktiki pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2025. № 1. S. 8–13.
9. Majorov V.I., Polyakova S.V. Cifrovizaciya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti Gosavtoinspekcii MVD Rossii: problemy i perspektivy // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2024. № 4 (70). S. 38–47.
10. CHelpanova M.M. Osobennosti vzaimodejstviya policii i institutov grazhdanskogo obshchestva, obuslovlivayushchie effektivnost' obucheniya podrostkov osnovam bezopasnogo povedeniya na dorogah // Sbornik materialov po rezul'tatam Vserossijskih nauchno-prakticheskih konferencij, posvyashchennyh obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. 2024. S. 369–373.
11. Dorozhno-transportnaya avarijnost' v Rossijskoj Federacii v 2024 godu: informacionno-analiticheskij obzor / pod obshch. red. O.M. Portashnikova, D. V. Mitroshina. M.: FKU «NC BDD MVD Rossii», 2025. 148 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 256-262.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.11

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК ДИСКУССИОННЫЙ ВОПРОС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Андриевский К. В. Годованик Е. В.

Севастопольский филиал Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

В статье исследована концепция ограничения правоспособности как дискуссионный подход в современной цивилистической науке, допускающий законодательно сформулированную возможность ограничения не только дееспособности, но и правоспособности физического лица, при ее безусловной неотчуждаемости и невозможности произвольного самоограничения. Рассматриваются доктринальные подходы к соотношению понятий «правоспособность» и «дееспособность». Проводится комплексный анализ взаимодействия гражданско-правовых норм о правоспособности с конституционными нормами и положениями других отраслей права. Проанализировано содержание категории «правоспособность», обусловленное правами и обязанностями участников гражданско-правовых отношений.

Ключевые слова: правоспособность, дееспособность, гражданско-правовые отношения, Гражданский кодекс Российской Федерации, ограничение правоспособности, ограничение дееспособности, субъективные гражданские права, субъекты гражданско-правовых отношений, гражданская правосубъектность, осуществление гражданских прав.

Концепция т.н. «ограниченной правоспособности» представляет собой один из наиболее дискуссионных проблемных вопросов в современной цивилистической науке, что связано с необходимостью установления содержательного объема гражданской правоспособности и ее структурно-функционального соотношения с гражданской правосубъектностью и гражданской дееспособностью индивида (физического лица), выявление общих закономерностей реализации субъективных гражданских прав и установления ограничений гражданско-правового статуса правоспособного лица.

В этом контексте следует отметить, что концепция «ограниченной правоспособности» в гражданском праве фундаментально основывается на понятии правовых ограничений как общей теоретической категории, присущей инструментарию всех отраслей законодательства, как публично-правовых, так и частноправовых. Кроме того, оправданным для формирования доктринального понимания исследуемой концепции видится и применение междисциплинарного похода, к преимуществам которого, по точной оценке, академика РАН Т.Я. Хабриевой, относятся совершенствование механизмов правового регулирования, методик оценки регулятивного воздействия, прогнозирование развития правовых, экономических и социальных циклов [1, с. 101-102].

Особое значение проблема правовых ограничений и ограниченных субъективных статусов имеет в современную эпоху объективного проникновения новейших технологий в частноправовое регулирование, что отмечает коллектив ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, приводит к процессу стирания фундаментальных различий между людьми (субъектами правовых отношений. – Авт.) и предметами (объектами правовых отношений, в некоторых случаях де-факто уже имеющими некоторую степень правосубъектности, например, программы искусственного интеллекта, способные к самостоятельной генерации смыслов. – Авт.) [2, с. 35].

Тем не менее, сама проблематика определения природы и содержания правовых ограничений, рассматриваемых в качестве негативной реакции государства на от-

клонение от социальной нормы, когда субъект права одновременно выступает еще и субъектом социального взаимодействия [3, с. 10; 4, с. 106], является традиционной для отечественной юриспруденции. В советской и российской юридической науке проблеме определения понятия, содержания и значения правовых ограничений, отличающихся, с инструментальной точки зрения воздействия на поведение субъектов правовых отношений, от запретов, уделялось достаточное внимание.

Так, Ф.Н. Фаткуллин определял правовые ограничения как ««понятие, близкое к запрету, однако рассчитанное не на полное вытеснение того или иного общественного отношения, а на удержание его в жестко ограничиваемых рамках» [5, с. 14], т.е., как представляется, регулятивный инструмент, наиболее подходящий именно для воздействия на поведение участников частноправовых отношений как сферы, в наименьшей степени связанной с императивными запретами, характерными преимущественно для публично-правовой материи.

Вместе с тем, методологическим недостатком приведенной дефиниции, на наш взгляд, является отказ от признания правового ограничения самостоятельным инструментом воздействия правовых норм, и взгляд на него как на некую «неоконченную» форму запрета. Более выверенной представляется позиция Н.Н. Рыбушкина, рассматривающего ограничение в качестве одного из доступных законодателю средств правового регулирования, наряду с запретом, дозволением, уполномочиванием, положительным обязыванием [6, с. 28]. Аналогичным образом место правовых ограничений среди средств правового регулирования рассматривает И.Н. Ищук, определяющий ограничения как «самостоятельное правовое средство, выполняющее в механизме правового регулирования превентивно-профилактическую и гарантийно-обеспечительную функции, сущность которого состоит в установлении границ применения субъективного права одного лица в интересах другого лица, группы лиц, общества в целом в определенных правоотношениях, выражающемся в создании временных затруднений его реализации при сохранении объема полномочий, в нем содержащихся, их существа и содержания» [7, с. 7].

В гражданском праве гипотетическим предметом правового ограничения могут выступать традиционно выделяемые элементы гражданско-правового статуса физического лица – гражданская правосубъектность как родовая категория, а также составляющие гражданская правоспособность и гражданская дееспособность.

При этом важнейшей теоретико-методологической задачей является установление соотношения обозначенных категорий, взаимопереходящих и пересекающихся между собой в органичном диалектическом единстве формы и содержания.

Как справедливо отмечает С.А. Васильев, «при рассмотрении любых социальных процессов необходимо учитывать обратное влияние внешней среды на данные взаимоотношения» [8, с. 37]. Данный тезис имеет значение и для определения природы правовых субъективных ограничений, поскольку такие ограничения зачастую обусловлены внешними факторами, проистекающими из фактически складывающихся общественных отношений и состояний окружающей действительности.

В историко-правовом контексте необходимо отметить, что возможность ограничения гражданской правосубъектности личности была предусмотрена еще в римском праве. Так, римское право выработало ряд естественных условий, которые могли ограничивать правосубъектность физических лиц – пол, возраст и здоровье.

Разница по половому признаку была наиболее ощутима в публичном праве, где женщины полностью были лишены политических прав. Что касается частной жизни, то, в соответствии с положениями законодательства Юстиниана, женщина обладала такой же правоспособностью, что и мужчина, но с определенными ограничениями и некоторыми компенсационными привилегиями.

Вторым естественным (субъективным) условием, влияющим на объем правосубъектности, был возраст, в соответствии с которым полностью дееспособным лицо становилось по достижению им 25 лет. А до этого времени жизнь индивида делилась на три возрастных периода – детство, подростковый период и период несовершеннолетия, каждый из которых вносил свои коррективы в объем дееспособности таких субъектов как структурного элемента их гражданской правоспособности.

Наконец, третьим естественным условием ограничения гражданской правосубъектности физических лиц в Древнем Риме было здоровье. Все болезни делились на физические и психические, а те, в свою очередь, на временные и постоянные. Для определения объема правосубъектности значения имели только долгие либо постоянные заболевания. И если длительная физическая болезнь (глухота, немота, глухонемота, слепота и бесплодие) влекла лишь ограничение субъекта в дееспособности, то длительная психическая болезнь (слабоумие, безумие) приводила к полной потере дееспособности, причем особое место среди психически больных занимали расточители [9]. Подобный подход нашел свое отражение в действующем гражданском законодательстве в институтах ограничения дееспособности физического лица и признания лица недееспособным, что необходимо отличать от ограничения гражданской правоспособности в целом, поскольку в последнем случае речь идет именно о естественных условиях, характеризующих индивидуальность личности с определением способности самостоятельно позиционировать себя в гражданско-правовых отношениях.

Как представляется, гражданская правоспособность как целостная категория может быть ограничена либо в порядке самоограничения, либо в результате совершения правонарушения, в результате которого ограничивается способность иметь гражданские права и нести обязанности, а не только фактически их реализовывать в конкретных гражданско-правовых отношениях.

На уровне универсальных международно-правовых стандартов теоретическая возможность ограничения правоспособности физического лица как юридической способности быть носителем гражданских прав и обязанностей устанавливается в ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. по правам человека, согласно которой «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [10].

Следует отметить, что в цивилистической науке существуют разные теоретико-методологические подходы к ограничению гражданских прав физического лица как волевого решения того или иного субъекта правовых отношений. Среди существующих доктринальных позиций наиболее обоснованной представляется точка зрения классика отечественной цивилистики Е.А. Суханова о принципиальной возможности ограничения как дееспособности, так и правоспособности физического лица, поскольку такой вывод следует из формально-юридического анализа ч. 1 ст. 22 ГК РФ («никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, установленных законом») [11, с. 132].

Из приведенной законодательной формулировки можно сделать вывод о том, что «в случаях и в порядке, установленных законом» принципиально возможно, как ограничение дееспособности, что никем в гражданско-правовой науке не оспаривается, так и правоспособности физического лица. При этом ограничения правоспособности физического лица должны опираться на определенные принципы, обусловленные исключительным приоритетом законности в механизме их установления, к которым можно отнести следующие: а) пропорциональность ограничений; б)

всесторонний учет природ и содержания ограничиваемых прав; в) приоритет пользования имущественными правами перед их ограничением. Следовательно, в каждом конкретном случае необходимо правильно определить соотношение ограничений имущественных прав физических лиц с субъективным правом.

В этой связи следует отметить, что ограничения включены в субъективные гражданские права в качестве вынужденного элемента, который позволяет обеспечить законные интересы всех заинтересованных лиц, а также должным образом учесть публично-правовые интересы общества и государства в целом.

При этом ограничения субъективных гражданских прав проявляются в тех конкретных правах, которые входят в содержание гражданской правоспособности физического лица, осуществляемых в существующих пределах, однако с учетом особенностей правоотношений, через действие механизма правового регулирования, их осуществление подвергается дополнительному усложнению.

Границы реализации субъективного права связаны с мерой возможности осуществления полномочий, которые предоставлены лицу законом и существуют всегда по отношению к любому субъективному праву. Содержание субъективного гражданского права, несмотря на установление ограничений, продолжает содержать возможности для лица действовать по своему усмотрению, но в отдельных правоотношениях, по причине усложнения осуществления субъективного права, для лица устанавливается необходимость действовать определенным образом, в соответствии с чем оно должно корректировать свое поведение. Следовательно, ограничения не влияют на содержание субъективного гражданского права, но усложняют возможности его осуществления (исключительно при наличии установленных действующих законодательством оснований и условий). Иными словами, ограничения применяются в механизме правового регулирования как средство сдерживания личности, что усложняет возможности осуществления отдельных субъективных гражданских прав. В зависимости от правового режима, условий или правил осуществления отдельных гражданских прав, установленных законом, ограничения усложняют осуществление гражданских прав в определенных пределах.

В контексте анализа естественных условий ограничения гражданской правоспособности следует отметить, что отдельные права лицо может приобретать только с достижением определенного возраста (становиться донором, приобретать табачные изделия, алкогольные напитки и т.п.), но в данном случае речь идет именно о временном, ограничении правоспособности, т.е. правоспособность у лица с неполной дееспособностью присутствует, но до наступления определенных естественных условий (предусмотренного действующим законодательством возраста) оно не может воспользоваться присущим ему полным объемом субъективных гражданских прав.

От подобного законодательно регламентированного ограничения объема отдельных субъективных гражданских прав и возможности активного, дееспособного пользования ими необходимо отличать ограничение гражданской правоспособности либо через самоограничение, либо через соответствующее решение компетентного государственного органа в качестве функциональной составляющей юридической ответственности, вытекающей из определенного установленного законодательством комплекса негативных последствий административно-правового либо уголовно-правового характера.

Если считать самоограничение одной из возможных моделей реализации концепции «ограниченной правоспособности» в гражданском праве, необходимо констатировать, что ограничение гражданской правоспособности по волевому отношению лица к подобному изменению его правового статуса может быть, как принудительным, так и добровольным. В философском измерении самоограничение чело-

веком принадлежащих ему законных интересов и субъективных прав рассматривается как одно из важнейших проявлений свободы личности. Этот феномен на протяжении всей истории человечества играл роль своеобразной оси, вокруг которой вращались целые этические системы. Например, «золотое правило» морали («не поступай по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе») опирается на самоограничение: «не поступай». Принцип самоограничения составляет внутреннюю основу этических систем Демокрита, Платона, Эпикура, И. Канта и других выдающихся мыслителей [12].

Следует отметить, что значительное внимание моралистов разных эпох к проблеме самоограничения адекватно отражает ее значение в нравственной практике людей, ведь самоограничение как феномен взаимосвязанной и взаимообусловленной общественной жизни выполняет важную регулятивную функцию в современном обществе [13], поскольку, по нашему глубокому убеждению, нормальная жизнедеятельность социума возможна только при условии определенного взаимного ограничения желаний, интересов, устремлений, в том числе – в плоскости реализации гражданско-правовых интересов человека.

Кроме того, ввиду особенностей реализации личных неимущественных субъективных гражданских прав как элемента гражданской правоспособности физического лица, необходимо обратить внимание на то, что самоограничение играет значительную роль в особой коммуникативной сфере жизни – межличностном общении, как основной функционально-пространственной плоскости удовлетворения гражданских интересов неимущественного характера. Социальная среда заставляет человека учитывать законные интересы других членов социума, ограничивая себя в своих желаниях не инстинктивно, подсознательно, а осознавая его необходимость и направляя свои поступки в соответствии с заведомо избранными ориентирами, что делает возможным взаимовыгодное взаимодействие между субъектами гражданско-правовых отношений, основанное на диспозитивном начале [14].

В практическом правоприменении физическое лицо может добровольно ограничить свою правоспособность, например, если сознательно выбирает ту или иную профессию, специфика которой требует отказаться от определенных прав, в том числе находящихся в гражданско-правовой плоскости. Так, сотрудники полиции, суда, прокуратуры, других правоохранительных органов не могут быть членами политических партий, заниматься предпринимательской деятельностью и т.п.

В то же время самоограничение относится, прежде всего, к психической сфере человеческой деятельности, возникает на уровне сознания и подсознания человека, а впоследствии порождает определенные правовые последствия только в том случае, если становится побудительным мотивом к определенному юридически значимому действию. В качестве примера такого юридически значимого самоограничения можно привести предусмотренный вступившим в силу 1.03.2025 г. Федеральным законом от 26.02.2024 № 31-ФЗ о внесении изменений в федеральные законы № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» и № 218-ФЗ «О кредитных историях» полный либо частичный самозапрет гражданина на предоставление ему потребительских кредитов и займов, который, в зависимости от воли физического лица, может носить как временный, так и постоянный характер.

Указанный механизм самоограничения гражданской правоспособности заключается в том, что гражданин может добровольно внести в свою кредитную историю отметку о самозапрете, правовым последствием чего станет освобождение от обязанности исполнять обязанности по кредиту, выданному банком или иной кредитной организацией после внесения такой отметки.

Таким образом, лицо, используя самозапрет на потребительское кредитование, волевым образом ограничивает свою правоспособность, уменьшая сам объем при-

надлежащих ему субъективных гражданских прав, а не просто ограничивая возможность пользования ими. Иными словами, речь идет о своеобразном обременении гражданско-правового статуса физического лица, которое принимается человеком добровольно и составляет элемент его правосубъектности до фактического изменения указанной субъективно-индивидуализированной составляющей.

Другой формой ограничения гражданской правоспособности выступают последствия совершенных правонарушений и/или обретения специальных публично-правовых статусов. В качестве примера такого принудительного ограничения гражданской правоспособности, обусловленной приоритетом значимых публичных интересов общества и государства, можно привести специальный публично-правовой статус иностранного агента, приобретение лицом которого влечет целый комплекс гражданско-правовых ограничений, вводимых бессрочно до изменения указанного публично-правового статуса.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что ограничение гражданской правоспособности, в отличие от ограничения дееспособности, происходит в двух случаях – самоограничения (в случаях, прямо предусмотренных действующим федеральным законодательством), и наступления предусмотренных законодательством обременений гражданско-правового статуса вследствие приобретения специального публично-правового статуса и/или привлечения к юридической ответственности (административно-правовой или уголовно-правовой). В обоих указанных случаях, как правило, одновременно ограничивается определенный объем как имущественных, так и личных неимущественных прав, формирующих, при обычных условиях, полную, не имеющую «дефектов», гражданскую правоспособность.

Список литературы:

1. Хабриева Т.Я. Административные процедуры и административные барьеры: в поисках оптимальной модели соотношения // Административные процедуры и контроль в свете европейского опыта / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ж. Марку. – М., 2011. – С. 101-102.
2. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 8-изд., доп. и перераб. / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М., 2024. – 656 с.
3. Андриевский К.В. Финансово-правовые режимы. – М.: Проспект, 2025. – 312 с.
4. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. – М.: Формула права, 2010. – 398 с.
5. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. – Казань, 1987. – 334 с.
6. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. – Казань, 1990. – 111 с.
7. Ищук И.Н. Ограничения в праве (Общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 169 с.
8. Васильев С.А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. – М.: Центркаталог, 2023. – 268 с.
9. Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: КНОРУС, 2014. – 608 с.
10. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Официальный сайт ООН. – URL: https://un.org/ru (дата обращения: 30.07.2026).
11. Суханов Е.А. Гражданское право: учебное пособие. – М.: ВолтерсКлувер, 2005. – 558 с.
12. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.
13. Философия: Учебник / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический Проект; Трикста, 2004. – 688 с
14. Кравцова А.Н., Манжосова О.И. Влияние социальной среды на правовую культуру личности // Science Time. – 2015. – № 9. – С. 151-156.

Andrievsky K.V., Godovanik E.V. Restriction of the legal capacity of an individuals as a controversial issue in modern civil sciences: theoretical and methodological approaches // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 256-262.

This article explores the concept of limiting legal capacity as a controversial approach in modern civil law scholarship, allowing for the legislatively formulated possibility of limiting not only legal capacity but also the legal capacity of an individual, given its unconditional inalienability and the impossibility of arbitrary self-limitation. A comprehensive analysis of the interaction of civil law norms on legal capacity with constitutional

norms and provisions of other branches of law is provided. The content of the category "legal capacity" is analyzed, conditioned by the rights and obligations of participants in civil law relations.

Keywords: legal capacity, civil law relations, Civil Code of the Russian Federation, limitation of legal capacity, subjective civil rights, subjects of civil law relations, civil legal personality, exercise of civil rights.

Spisok literatury:

1. Habrieva T.Ya. Administrativnye procedury i administrativnye bar'ery: v poiskah optimal'noj modeli sootnosheniya // Administrativnye procedury i kontrol' v svete evropejskogo opyta / pod red. T.Ya. Habrievoj, Zh. Marku. – M., 2011. – S. 101-102.
2. Nauchnye koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva: monografiya. 8-izd., dop. i pererab. / V.R. Avhadeev, E.G. Azarova, L.V. Andrichenko i dr.; otv. red. T.Ya. Habrieva, Yu.A. Tihomirov; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. – M., 2024. – 656 s.
3. Andrievskij K.V. Finansovo-pravovye rezhimy. – M.: Prospekt, 2025. – 312 s.
4. Tihomirov Yu.A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. – M.: Formula prava, 2010. – 398 s.
5. Fatkullin F.N. Problemy teorii gosudarstva i prava. – Kazan', 1987. – 334 s.
6. Rybushkin N.N. Zapreshchayushchie normy v sovetskom prave. – Kazan', 1990. – 111 s.
7. Ishchuk I.N. Ogranicheniya v prave (Obshcheteoreticheskij aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. – SPb., 2006. – 169 s.
8. Vasil'ev S.A. Obshchie nachala sootnosheniya sub"ektov konstitucionnogo prava. – M.: Centrkatalog, 2023. – 268 s.
9. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik / kollektiv avtorov; pod red. I.B. Novickogo, I.S. Pereterskogo. – M.: KNORUS, 2014. – 608 s.
10. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: prinyata rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10.12.1948 // Oficial'nyj sajt OON. – URL: https://un.org/ru (data obrashcheniya: 30.07.2026).
11. Suhanov E.A. Grazhdanskoe pravo: uchebnoe posobie. – M.: VoltersKluver, 2005. – 558 s.
12. Gusejnov A.A., Apresyan R.G. Etika: Uchebnik. – M.: Gardariki, 2000. – 472 s.
13. Filosofiya: Uchebnik / pod red. A.F. Zotova, V.V. Mironova, A.B. Razina. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Akademicheskij Proekt; Triksta, 2004. – 688 s
14. Kravcova A.N., Manzhosova O.I. Vliyanie social'noj sredy na pravovuyu kul'turu lichnosti // Science Time. – 2015. – № 9. – S. 151-156.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 263-268.

УДК 342.565.4:342.951

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ «ИСКУСТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Арямов А. А., Евсикова Е. В.

В статье сделана попытка осмысления и переосмысления двух основных подходов к определению понятия искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации всех сфер жизни и деятельности общества и государства, в результате чего, авторы пришли к выводу о разрозненности, неоднородности существующих подходов к определению дефиниции «искусственный интеллект», их сложности и противоречивости, что предопределило промежуточный, а затем основной вывод проведенного исследования – подход к определению дефиниции «искусственный интеллект» нужно менять. Кроме того, авторы проанализировали законодательное определение понятия «искусственный интеллект», закрепленное на законодательном уровне вступившим в силу с 1.09.2026 г. ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», который дал нормативное определение исследуемому понятию, но вызвал больше вопросов и научных дискуссий, чем дал ответ на главный вопрос: «Что такое искусственный интеллект?» Авторы раскрывают и анализируют дефиницию «искусственный интеллект» сквозь призму закрепленного в ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» понятия и используемых им устоявшихся терминов и обозначений, таких как, «комплекс», «решение», «технология», «позволяющий имитировать», «имитация», «когнитивные функции человека», исследуя и раскрывая понятие и значение каждой, из приведенных категорий, что позволило сделать еще один промежуточный вывод, а именно: закрепленное в законе определение очень сложное, противоречивое, неточное, не соответствующее правилам юридической техники, поверхностно сформулированное, а значит, требует доработки с учетом наработок современной правовой доктрины. Базовая функция любого интеллекта – генерирование новых идей, в данном определении не обозначена никак. Возникает справедливый вопрос: а об интеллекте ли вообще в данном случае ведется речь? Авторы приходит к выводу о том, что современному российскому юридическому в лице правоведов, практиков, политиков, общественных деятелей, законодателей, судей совместно с математиками и психологами еще предстоит ответить на актуальный и проблемный сегодня вопрос: «Что же такое искусственный интеллект с юридической точки зрения?», что при условии серьезной совместной работы с представителями математических наук и психологии, должно быть существенно проработано, изучено и осмыслено, избегая преждевременных и поверхностных выводов, а затем вынесено на обсуждение и закреплено на законодательном уровне, что позволит нам избежать серьезных ошибок, пробелов и коллизийности при правовом регулировании правоотношений с искусственным интеллектом и определении дефиниции «искусственный интеллект».

Ключевые слова: цифровая трансформация; электронное государство; искусственный интеллект.

В условиях цифровой трансформации всех сфер государственной и общественной жизни все больше ученых и практиков обращают свое внимание на обсуждение и исследование вопросов цифровой трансформации и искусственного интеллекта (далее – ИИ) [1]. Однако, несмотря на большое количество исследований, указанные выше темы остаются актуальными и востребованными для дискуссий на научной и практической плоскости. Цифровые сервисы и инструменты активно внедряются в нашу жизнь, сегодня происходит оцифровка всех правоотношений и процессов, происходящих в обществе и государстве. Соответственно, на ближайшую перспективу в условиях заданного вектора цифрового развития [2] и достижения национальных целей стратегического развития РФ на период до 2030 г. [3] мы идем путем стремительной цифровой трансформации, технологического лидерства и цифрового развития, формирования системы электронного государства в целом, в том числе, путем внедрения и нормативно-правового закрепления технологий ИИ.

Трудно представить на сегодняшний день более обсуждаемую в науке тему, чем ИИ, прежде всего, понимание: что же это такое? Сегодня, как никогда, актуализируется решение проблемы под заранее заданный термин – сформулировать определение ИИ, т.е. раскрыть понятие, его содержание, виды и формы проявления. Мы придерживаемся научной аксиомы, что «о терминах не спорят, о терминах договариваются»; в связи с чем, работа преследует цель инициировать научную дискуссию

по обозначенной тематике: научное обсуждение, преследующее цель достижение консенсуса в определении понятия «искусственный интеллект».

Тревожным фактом является то, что при принятии ФЗ закона от 26.07.2026 № 243 – ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее - ФЗ от 26.07.2026 № 243 – ФЗ) [1], в котором в п. 1 ч. 1 ст. 3 дается дефиниция искусственного интеллекта, не была организована широкая научная дискуссия по столь важному вопросу. В контексте его вступления в силу представляется уместным исправить этот недостаток в законотворчестве. Тарасов И.Н. указывает, что внедрение ИИ в правовую онтологию возможно сквозь призму 2-х основных подходов: концептуалистского (через осмысление свойств, знаний и представлений об ИИ как объекте реального мира) и нормативного (через присвоение законодателем ИИ особого правового статуса без привязки к его техническим свойствам и особенностям). Однако, невозможно дать определение ИИ без уяснения технико-культурных характеристик ИИ [4, с. 123]. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. предлагают понимать под ИИ «автономную интеллектуальную систему, обладающую способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю, моделирующую деятельность нейронных сетей и синапсов человеческого мозга посредством аккумулирования, накопления, изучения и использования информации и имеющую материальное выражение в технических устройствах - юнитах ИИ» [5, с. 87].

В статье мы намеренно уходим от обсуждения проблемы, ка воспринимать искусственный интеллект: как единое явление, пронизывающее все цифровое пространство, как систему взаимосвязанных явлений, возникших и действующих в цифровом пространстве; как совокупность автономных цифровых технологий и методов. Мы подходим к исследованию феномена ИИ с позиции факта – он есть, и надо дать ему определение, независимо от его сущностных характеристик (хотя мы понимаем более чем условность такого подхода), но научное сообщество поставлено в такое положение законодателем. Казалось бы, в первом приближении дана законодательная дефиниция в п. 1 ч. 1 ст. 3 ФЗ от 26.07.2026 № 243 – ФЗ и вопрос исчерпан, однако, как представляется, с этого момента проблемы только обостряются.

Аксиоматично, что дефинирование любого термина преследует цель разъяснения (толкования) сложного явления через использование более простых и понятных терминов; определения сложного понятия посредством набора еще более сложных терминов каждый из которых сам по себе так же нуждается в толковании – это юридический нонсенс. Законодатель определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека В связи с чем, сразу возникает ряд проблем, кто субъект принятия этих решений – вопрос не риторический. Из него вытекает ряд проблем: правосубъектности цифровых сущностей, ответственности за принятие и реализация таких решений. Эта проблематика явилась акцентом достаточно широкой научной дискуссии [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Создается впечатление, что автор законодательной инициативы не в полной мере знаком с актуальным состоянием научных юридических разработок по данному вопросу. Кроме того, с точки зрения общего понимания термина «решение».

Отметим, что решение – это итог исследования проблемы поставленной задачи. Можно утверждать, что «решение - это обоснованный выбор одного курса действий, одной альтернативы из ряда имеющихся» [11, с. 81]. В связи с чем актуализируется проблема целеполагания: кто ставит перед ИИ задачу. В том числе, не только итоговые, но и промежуточные задачи; а также, может ли сам ИИ ставит задачи перед собой. Из этого вытекает аксиологическая проблема разрешения конкурирующих и даже коллизирущих задач и целей. Кроме того, законодатель в определении ИИ использует термин «комплекс», он отсылает нас к общей теории систем: а

какой вид систем в данном случае имеет место (открытая или закрытая система)? Также законодатель говорит о технологических решениях. Напомним, что «в настоящее время существует широкий спектр подходов к определению технологии: от сведения её к функционированию технологических систем до всеобъемлющего понимания как любой целенаправленной, организованной и упорядоченной человеческой деятельности» [12]. Как видим, общеупотребительное значение термина «технология» - это набор правил, способов и инструментов, которые помогают решить задачу. В итоге получается юридических оксюморон – решительное решение (получается набор приемов, позволяющих решить решение). Также, законодатель использует словосочетание «позволяющий имитировать». Следует отметить, что имитация или подражание – это «метод перевода, направленный на создания текста, значительно отличающегося от оригинала как по форме, так и по содержанию; своего рода вариация на тему оригинала» [13, с. 99]. Так, imitation с латинского значит подражание, но цифровые сущности не преследуют цели кому-то подражать при помощи заложенных в них методов и инструментариев они не преследуют цели кому-то подражать, он выполняют определенные функции. Законодатель говорит об имитации когнитивных функций человека. В данном случае имеет место бланкетная отсылка к такой отрасли научного знания как когнитивная психология.

К когнитивным функциям относится в том числе и функции соцобщения. Их основа познавательные функции мозга человека, но эти функции основаны на социальной сущности человека и подчиняются закону обратной связи. Человек рождается, развивается и существует в среде себе подобных. Не отрицая значимости генетики, тем не менее, в существенной мере человека определяет социальная среда, а когнитивные функции обеспечивают взаимодействие/контакт индивидуума с внешним миром, выступая особыми функциями человеческого организма (например, наиболее сложно организованные функции головного мозга, обеспечивающие восприятие, память, внимание, двигательные навыки, речь, мышление), которые основаны на условно-рефлекторном механизме и развиваются после рождения человека, как раз таки, под воздействием социума [14, с. 9]. Применять такую когнитивную функцию к технологическим явлениям любого порядка, как минимум, не этично. В исследуемом определении используется словосочетание «получать при выполнении конкретных задач результаты», но задачи не выполняются, задачи – решаются, о чем говорит в данном случае противоречие используемого термина «результат» с ранее используемом в этом же определении термина «решения», что нарушает принцип единообразия терминологического аппарата. Словосочетание «результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие» - термины «сопоставимость» и «превосходство» имеют количественное содержание. Насколько должно быть одно сопоставимо с другим? Насколько одно должно превосходить другое, чтобы иметь юридическое значение для данного случая. Сопоставить, т.е. поставить рядом, можно совершенно различные явления. Главное – каков результат такого сопоставления. Общеупотребительным значением сопоставимый является достаточное количество общих признаков, чтобы сравнивать разные явления. Но каков предполагается итог такого сравнения.

Говорить о превосходстве какой-либо технической сущности над интеллектом человека также представляется некорректным, по крайней мере на данный момент пределы возможностей интеллекта человека еще не исследованы. И по каким критериям следует исследовать такое превосходство: по оперативности мыслительных процессов, по сложности структурно-логических связей. Мгновенная выборка из огромного объема информации не исчерпывает потенциал мыслительной деятельности человека. Еще ни одному искусственному интеллекту не приснилась периодическая таблица химических элементов Д.И. Менделеева (феномен инсайда).

Второе предложение в рассматриваемой дефиниции (само по себе определение, состоящее из двух предложений, это большая юридическая редкость, в котором предпринята попытка раскрытия сущности ряда терминов, которые использованы в предыдущем предложении, акцентирует внимание на обработке данных, поиске оптимальных решений и т.д. При этом, базовая функция любого интеллекта – генерирование новых идей, в данном определении не обозначена никак. Возникает справедливый вопрос: а об интеллекте ли вообще в данном случае ведется речь?

В рамках данного исследования представляется необходимым обратиться к общим правилам юридической техники. Если перед толкователем ставится задача дать определение специального понятия, то в этом случае толкователь неизбежно обращается к определению общего понятия, опираясь на его признаки, не противореча его содержанию, посредством добавления дополнительных признаков конструирует дефиницию специального понятия. Это – аксиома. В исследуемом нами случае, если мы ставим перед собой цель дать определение искусственному интеллекту, мы обязательно должны основываться на общем понятии «интеллект». В связи с чем, неизбежно апеллирование к такой отрасли научного знания, как психология.

В науке психологии отраслей больше, чем в юриспруденции. Предметом изучения многих этих отраслей является интеллект. Каждая из этих отраслей по-своему определяет его. К единому мнению психология так и не пришла на сегодняшний день. К сожалению, следует отметить, что положения многих школ психологии по определению сущности и форм проявления человеческого интеллекта не нашли своего отражения в п. 1 ч. 1 ст. 3 ФЗ от 26.07.2026 № 243 – ФЗ.

Если мы говорим об ИИ, то термин искусственность в обыденном его понимании противопоставляется естественности, природности, врожденности. Т.е. искусственно созданный человеком, а не природой. С точки зрения культурно-исторической школы психологии, интеллект – это результат социализации человека. Человек вне социума демонстрирует феномен «маугли», в котором когнитивные функции не получают должного развития. Абсолютное большинство когнитивных функций формируется и развивается в результате получения и накопления знаний из окружающей среды, прежде всего из общения с другими людьми. Вполне возможно, что присутствует такое явление как врожденный интеллект; не отрицая такой возможности, тем не менее можно полагать, что интеллект любого человека, его личный, не механизированный, не оцифрованый, является тоже искусственным. Изложенное позволяет генерировать следующее предложение научному сообществу: может быть, вместо того, чтобы «ломать копья» над дефиницией ИИ отказаться от самого термина «искусственный интеллект», явно неудачного, и для наименования исследуемых цифровых методов, инструментов, пространств, платформ и т.д. избрать более подходящий термин. Возможен и другой вариант, поскольку, как мы ранее обозначили, что «о терминах не спорят, о терминах договариваются», можно договориться о том, что термин «искусственный интеллект» является условным, который на самом деле не является формой проявления базового понятия «интеллект», но тогда придётся более ответственно отнестись к дефинированию такого понятия.

Сегодня обозначенная нами научная и законодательная проблема остается не решенной, а сложности в определении понятия ИИ сопряжены с неоднозначностью терминов и разными подходами, сравнение или отсылка к человеческому мышлению, отсутствие каких-либо вообще указаний на способность к самообучению, адаптирование к обработке больших данных и изменению заданных алгоритмов, на этой основе самостоятельному принятию решений, а также ответственности за принятые решения. Следует согласиться, что «в конечном счете выбор дефиниции зависит от целей, которые ставятся перед регулированием, что делает задачу выработки единого определения особенно сложной, но принципиально важной» [15, с.

159]. Таким образом, необходимо абстрагироваться от юридического сепаратизма и попытаться все проблемы решить исключительно правовым инструментарием. Необходимо работать в тесной коллаборации с представителями математических наук (прежде всего, программирования) и психологии. Юриспруденция в абсолютном большинстве случаев не создает техно-социально-политико-экономически значимых явлений. Она лишь придает правовую форму феноменам объективной реальности. В связи с чем, ученые-математики должны сформулировать сущностные признаки и формы проявления исследуемого явления – искусственного интеллекта; представители науки психологии должны описать специфику восприятия человеческим мышлением этого явления и использования его в своей деятельности, и лишь после этого юриспруденция получит возможности дать правовое определение искусственного интеллекта. Так, современному российскому юридическому сообществу в лице правоведов, практиков, политиков, общественных деятелей, законодателей, судей совместно с математиками и психологами еще предстоит ответить на актуальный и проблемный сегодня вопрос: «Что же такое искусственный интеллект с юридической точки зрения?». Все вышеобозначенное, при условии серьезной совместной работы с представителями математических наук и психологии, должно быть существенно проработано представителями правовой доктрины, изучено и осмыслено, избегая преждевременных и поверхностных выводов, а затем вынесено на обсуждение и, в конечном итоге, закреплено на законодательном уровне, что позволит нам избежать серьезных ошибок, пробелов и коллизийности при правовом регулировании правоотношений с искусственным интеллектом и определении дефиниции «искусственный интеллект», что позволит достичь целей технологического лидерства и цифрового развития более успешно и эффективно.

Список литературы:

1.Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – С. 122–135.
2.Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года"). [
3.Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" \ КонсультантПлюс
4.Федеральный закон от 26.07.2026 N 243-ФЗ "О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации"". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : Федеральный закон от 26.07.2026 N 243-ФЗ "О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации" \ КонсультантПлюс
5.Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 122-130. — DOI: 10.17803/17295920.2022.182.1.122-130.
6.Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Russian Journal of Economics and Law. 2020.Т.14.№1.
7.Арямов А.А. Грачева Ю.В., Маликов В.А., Чучаев А.И. К вопросу о правовой природе цифровых ресурсов//Вестник ЮУрГУ. Серия Право.Т.19, №1. 2019. С.77-86.
8.Хисамова З. И ., Бегишев И . Р Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2 . С 96-106.
9.Минбалеев А. В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Л Е Серия : Право. 2018. Т. 18. № 4. С. 82—87.
10. Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. - № 12. – С. 89-96.
11. Терентьев Н.Ю. Определение и классификация решений // Проблемы учета и финансов. 2013. № 4.
12. Литова З.А. Сущность понятия "технология" на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. № 2 (50). – Т. 1.
13. Нестерова Н.М. IMITATION (имитация / подражание) /Нестерова Н.М. // Основные понятия англоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. – 2011. – С. 99.

14. Боголепова А.Н. Когнитивные функции и социальная изоляция // Поведенческая неврология. – 2021. - № 2. С. 8–13.
15. Яковлев Д.Е. Понятие искусственного интеллекта в отечественном праве: эволюция нормативного поля // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 6. С. 156-164.

Aryamov A. A., Evsikova E.V. On the issue of the definition of "artificial intelligence" in the context of digital transformation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 263-268.

The article attempts to comprehend and re-evaluate two main approaches to defining the concept of artificial intelligence in the context of the digital transformation of all spheres of life and activity of society and the state. As a result, the authors have concluded that the existing approaches to defining the term "artificial intelligence" are fragmented and heterogeneous, and that they are complex and contradictory. This predetermined the interim and then the main conclusion of the study: the approach to defining the term "artificial intelligence" needs to be changed. Furthermore, the authors analyzed the legislative definition of the concept of "artificial intelligence," which was enshrined at the legislative level by the Federal Law "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation," which came into force on September 1, 2026. This law provided a regulatory definition of the concept under study, but it raised more questions and sparked more scientific debate than it answered the main question: "What is artificial intelligence?" The authors gradually reveal and analyze the definition of "artificial intelligence" through the prism of the concept fixed in the Federal Law "On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" and the well-established terms and designations used by it, such as "complex", "solution", "technology", "allowing imitation", "imitation", "human cognitive functions", exploring and revealing the concept and meaning of each of the above categories, which allowed us to draw another intermediate conclusion, namely: the definition enshrined in the law is very complex, contradictory, inaccurate, does not comply with the rules of legal technique, superficially formulated, and therefore requires refinement taking into account the developments of modern legal doctrine.

Keywords: digital transformation; e-government; artificial intelligence

Spisok literaturi:

1.Evsikova E.V. Proizvodstvo po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v usloviyakh tsifrovizatsii: sovremennye realii i perspektivy razvitiya / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75). № 2. – S. 122–135.
2.Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 N 490 (red. ot 15.02.2024) "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii" (vmeste s "Natsional'noi strategiei razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda"). [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
3.Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 N 309 "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda". [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 N 309 "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda" \ Konsul'tantPlyus
4.Federal'nyi zakon ot 26.07.2026 N 243-FZ "O podderzhke razvitiya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii"". [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : Federal'nyi zakon ot 26.07.2026 N 243-FZ "O podderzhke razvitiya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v Rossiiskoi Federatsii" \ Konsul'tantPlyus
5.Tarasov I. N. Problemy pravovogo regulirovaniya na primere ponyatiya «iskusstvennyi intellekt» // Lex russica. — 2022. — T. 75. — № 1. — S. 122-130. — DOI: 10.17803/17295920.2022.182.1.122-130.
6.Begishev I.R., Latypova E.YU., Kirpichnikov D.V. Iskusstvennyi intellekt kak pravovaya kategoriya: doktrinal'nyi podkhod k razrabotke definitsii // Russian Journal of Economics and Law. 2020. T.14. №1.S. 79-91.
7.Aryamov A.A. Gracheva YU.V., Malikov V.A., Chuchaev A.I. K voprosu o pravovoi prirode tsifrovykh resursov//Vestnik YUUrGU. Seriya Pravo.T.19, №1. 2019. S.77-86.
8.Khisamova Z. I ., Begishev I. R. Sushchnost' iskusstvennogo intellekta i problema opredeleniya pravosub"ektnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2020. № 2 . S 96-106.
9.Minbaleev A. V. Problemy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta // Vestnik YUUrGU. L E Seriya : Pravo. 2018. T. 18. № 4. S. 82—87.
10. Kholodnaya E.V. O perspektivnykh napravleniyakh pravovogo regulirovaniya v sfere tekhnologii iskusstvennogo intellekta // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2019. - № 12. – S. 89-96.
11. Terent'ev N.YU. Opredelenie i klassifikatsiya reshenii / Terent'ev N.YU. // Problemy ucheta i finansov. – 2013. - № 4 (12). – S. 80-83.
12. Litova Z.A. Sushchnost' ponyatiya "tekhnologiya" na sovremennom etape / Litova Z.A. // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. № 2 (50). – T. 1.
13. Nesterova N.M. IMITATION (imitatsiya / podrazhanie) /Nesterova N.M. // Osnovnye ponyatiya angloyazychnogo perevodovedeniya: terminologicheskii slovar'-spravochnik. – 2011. – S. 99.
14. Bogolepova A.N.Kognitivnye funktsii i sotsial'naya izolyatsiya//Povedencheskaya nevrologiya. 2021.№ 2.
15. Yakovlev D.E. Ponyatie iskusstvennogo intellekta v otechestvennom prave: evolyutsiya normativnogo polya // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2025. № 6. S. 156-164.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 269-275.

УДК 347

АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА РФ КАК ОПОРА ЭКОНОМИКИ И ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Баттахов П. П.

Институт государства и права РАН (ИГП РАН)

В статье исследуются преференциальные правовые режимы предпринимательской деятельности в АЗРФ и на Дальнем Востоке. Актуальность темы связана с предоставлением государством особых льгот на отдельных территориях. Ее подкрепляет инициатива Президента РФ о едином преференциальном режиме с 1 сентября 2027 года. Особое внимание уделено связи экономической устойчивости Арктики с обороноспособностью России. Речь идет о развитии военной инфраструктуры АЗРФ и Северного флота. Теоретическую основу составляют положения предпринимательского права о категории «правовой режим». Автор считает, что общего режима не существует, а особый – носит преимущественно ограничительный характер. В работе использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Проанализированы нормы Конституции РФ, ряда федеральных законов, Указа Президента № 296, актов Таможенного союза и стратегических документов. Систематизированы действующие режимы: особые экономические зоны, ТОР, САР на о. Русский, режим АЗРФ. Выявлены недостатки каждого из этих режимов. Подчеркнута стратегическая роль АЗРФ – ее площадь около 4,8 млн км², здесь добывается 80 % газа и четверть нефти. Важное значение имеет и Северный морской путь. Экономическая устойчивость Арктики – материальная база для военной инфраструктуры и Северного флота. АЗРФ рассматривается как прообраз единого преференциального режима, который введут в 2027 году. Обоснована целесообразность перехода к единому специальному режиму либо к новому режиму с собственными целями и механизмом регулирования.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ (АЗРФ), преференциальный режим, оборонно-промышленный комплекс, правовой режим, предпринимательская деятельность, Дальний Восток, обороноспособность, экономическая устойчивость, единое правовое регулирование, стратегическое планирование, Арктика.

Рыночная экономика существует и развивается благодаря многим факторам, ключевым из которых является принцип свободы экономической деятельности (далее – СЭД). Именно СЭД позволяет экономическим акторам непрерывно и свободно участвовать в гражданском обороте – в процессах создания, движения, обмена и потребления товаров, работ и услуг. В законодательстве Российской Федерации (далее – РФ) СЭД состоит в ряду фундаментальных принципов осуществления экономической деятельности. Согласно Конституции РФ, являющейся, по справедливому мнению В.А. Лаптева, основным источником российского предпринимательского права, гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, работ, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8) [1; 2]. При этом принцип СЭД не существует в отрыве от реального сектора экономики: на его основе реализуется хозяйственная деятельность по созданию экономических благ в целях удовлетворения потребностей населения в товарах, работах, услугах и получения хозяйствующими субъектами прибыли.

Несмотря на совершенствование гражданского законодательства о СЭД, государственное регулирование экономики не потеряло актуальности. Государство находится в поиске новых, более эффективных форм и методов взаимодействия с экономическими агентами, в том числе путем их финансовой и инфраструктурной поддержки. Причина – продолжающееся санкционное давление: по данным, озвученным Президентом РФ В.В. Путиным на форуме БРИКС в Нью-Дели, против России введено более 30 000 санкций, что как минимум вдвое превышает их количество, примененное против иных государств вместе взятых.

Основной задачей РФ является поддержание экономики страны: сбалансированное управление ключевой ставкой, монетарной и фискальной политикой. Сильная

экономика страны является фундаментом ее обороноспособности. Это в полной мере касается Арктической зоны: военная инфраструктура, точки базирования и жизнеобеспечения войск зависят от устойчивости арктической экономики, энергетики и транспортной логистики.

Вместе с тем было бы неверным утверждать, что Россия возвращается к прямому государственному управлению экономикой, чему множество работ посвятил академик В.В. Лаптев. В предпринимательской сфере акцент сделан на преференциальные режимы. Правительство РФ следует пути их унификации в Арктике: от множества режимов – к единому преференциальному режиму. Государство устанавливает различные правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности на определенных территориях: особые таможенные и налоговые льготы, упрощенные административные процедуры, специальные условия применения. Как отмечает В.В. Кванина, правовой режим как правовая категория обладает определенными чертами: особым порядком правового регулирования; определенным набором способов и методов воздействия на общественные отношения; установлением в нормативно-правовом порядке с определенной целью; наличием структуры (субъекты, объекты, юридические факты, компетенция государственных органов власти) и устойчивого характера[3]. Категория правового режима не имеет единого понимания и определяется различными авторами по-разному.

В юридической науке принято выделять особые и специальные правовые режимы; некоторые ученые выделяют также общий правовой режим, но согласимся с В.В. Кваниной: общего режима предпринимательской деятельности не существует – следует говорить об общем правовом регулировании общественных отношений, действующем без изъятий, без льгот и ограничений. Особый режим является экстраординарным: при нем действуют особые условия осуществления предпринимательской деятельности, чаще всего связанные с ограничениями. Такой режим вводится на определенных территориях во время наводнений, пожаров, военных действий и иных чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера.

В России принят целый блок нормативных правовых актов, регулирующих специальные правовые режимы осуществления экономической деятельности на отдельных территориях [5; 6]. Один из них действует в рамках особых экономических зон (ОЭЗ). ОЭЗ создаются по инициативе органов власти субъектов РФ и утверждаются Правительством РФ на срок не более 49 лет. Основные цели – привлечение инвестиций, реализация совместных проектов с иностранными инвесторами, внедрение инноваций и создание рабочих мест. Изначально законодатель предусматривал два типа ОЭЗ (промышленно-производственные и технико-внедренческие), затем были добавлены туристско-рекреационные и портовые; всего – четыре типа. В заповедных зонах, порту Владивосток, ТОР и некоторых иных территориях ОЭЗ не создаются.К проблемам ОЭЗ следует отнести: 1) п. 5 ст. 2 ФЗ № 116-ФЗ, где определяется понятие прилегающей к ОЭЗ территории, требует более детальной проработки особенностей правового режима и управления такими территориями; 2) ст. 39 того же закона допускает разрешение споров только по суду, тогда как с учетом специфики деятельности в ОЭЗ востребованы альтернативные механизмы (арбитраж, медиация); 3) в п. 16 ст. 6 предусмотрено досрочное прекращение ОЭЗ в случае неэффективности, однако конкретные измеримые критерии такой неэффективности не всегда очевидны. Требуется общая актуализация положений ФЗ № 116-ФЗ.

Специальный преференциальный режим действует в рамках территорий опережающего развития (далее – ТОР), правовое регулирование которых осуществляется Федеральным законом «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 473-ФЗ)[7]. ТОР создаются для формирования комфортной среды проживания местного населения и привлечения инвести-

ций. По замыслу законодателя они направлены на повышение экономического потенциала Дальнего Востока и решение проблем низкой финансовой обеспеченности субъектов и низкой инвестиционной активности. На данный момент создано около 92 ТОР. Их увеличение связано с комплексом льгот и преференций; преимуществом ТОР по сравнению с ОЭЗ является характер выстраивания отношений между инвесторами и органами государственной власти, а также обязательства по созданию инфраструктуры для местного населения и инвесторов.

Изменениями в Федеральный закон № 473-ФЗ введено понятие «международная территория опережающего развития», на которой отечественные субъекты предпринимательской деятельности кооперируются с иностранными инвесторами (гл. 9.1); это направление развивается благодаря сотрудничеству с КНР. Правительство РФ создает ТОР сроком на 70 лет с возможностью продления. Согласно ст. 3 закона акт об образовании ТОР содержит: 1) перечень видов экономической деятельности (законодатель ограничивает действие режима по отраслевым спискам, органы власти могут расширить перечень); 2) минимальный объем инвестиций – ключевой параметр, в каждом ТОР свой порог (нередко от 1 млн руб.); 3) границы территории с конкретным местоположением участков; 4) применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Отношения регулируются также Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории таможенного союза.

Проблемные вопросы ТОР: 1) согласно ст. 16 Федерального закона № 473-ФЗ при прекращении действия соглашения резидент сохраняет право распоряжаться полученным от управляющей компании имуществом, что может способствовать мошенническим схемам (лицо получает имущество и расторгает договор) – норма подлежит корректировке; 2) ст. 351.5 ТК РФ позволяет резиденту ТОР привлекать и использовать наемную иностранную рабочую силу вне квот, что может способствовать легализации значительного числа мигрантов; 3) отсутствует единая методика оценки эффективности ТОР и целесообразности их открытия. На острове Русский в Приморском крае действует режим свободного административного района (САР), созданный для перехода иностранных компаний и фондов в российскую юрисдикцию. САР предусматривает гибкий режим валютного и налогового регулирования, упрощенную регистрацию и редомициляцию, возможность использования льгот ТОР и СПВ (свободного порта Владивосток), близость к рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона, регистрацию воздушных и морских судов в российской юрисдикции. Значительный минус – большинство привлекаемых преференциями компаний либо и так имеют российские «корни», либо уже ведут бизнес в России.

Таким образом, в РФ в Арктике и на ее Дальнем Востоке действуют несколько специальных (преференциальных) правовых режимов [8]. В 2020 г. принят Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 193-ФЗ), определивший АЗРФ как территорию с особым преференциальным режимом осуществления предпринимательской деятельности и закрепивший возможность осуществления в АЗРФ любой не запрещенной законодательством деятельности. Указом Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» определен правовой статус и границы Арктической зоны России. В АЗРФ входят территории 10 субъектов страны, включая побережье Северного Ледовитого океана, площадью около 4,8 млн км². В Арктической зоне добывается 80 % природного газа от общего объема добычи в стране и четверть нефти. Особое значение приобретает Северный морской путь (СМП), с помощью которого практически в полном объеме реализуется северный завоз в отдаленные арктические регионы в соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 №

411-ФЗ «О северном завозе». СМП – единственная перспективная коммуникация, способная объединить по кратчайшему морскому пути Европу с азиатскими странами через Россию. Прогнозом социально-экономического развития РФ на 2026–2028 годы предусмотрено, что развитие портовой инфраструктуры (Сабетта, Дудинка, Певек) создаст опорные точки для освоения арктических ресурсов.

АЗРФ не относится ни к ТОР, ни к ОЭЗ/СЭЗ, ни к САР – в ее рамках действует собственный специальный (преференциальный) режим. Он создан для решения глобальных экономических задач: ТОР, САР, ОЭЗ/СЭЗ – точечные механизмы, а Арктика – это 10 регионов, около 5 млн кв. км территории России. В АЗРФ заложен низкий порог входа (инвестиции от 1 млн руб.), отдельный налоговый блок для крупных ресурсных проектов, специфические инструменты для территорий с экстремальными издержками (возмещение затрат на инфраструктуру, свободная таможенная зона, предоставление земельных участков без торгов, ограничение контрольно-надзорных проверок). АЗРФ – «базовый слой»: льготы действуют автоматически для каждого нового инвестиционного проекта; поверх него – точечные режимы ТОР «Столица Арктики», ТОР «Чукотка», СПВ в Певеке и др.

Экономическая устойчивость Арктики имеет не только экономическое, но и оборонное измерение. Указом Президента РФ от 05.03.2020 № 645 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» к стратегическим национальным интересам отнесены суверенитет и территориальная целостность, сохранение Арктики как территории мира и стратегической стабильности, создание условий для обеспечения обороны страны и защиты государственных границ. С 1.01.2021 г. Северный флот выделен в самостоятельное межвидовое объединение и является основным силовым компонентом в АЗРФ. В последние годы восстановлены и строятся военные городки закрытого типа (в том числе «Северный клевер» на Земле Франца-Иосифа), современные аэродромы и радиолокационные узлы в Тикси, Диксоне, Нагурской и других пунктах. СМП при этом выступает не только торговой, но и транспортной артерией силового обеспечения: переброска войск и снабжение гарнизонов опираются на арктическую транспортную и портовую инфраструктуру. Преференциальный режим АЗРФ повышает привлекательность макрорегиона для инвестиций в энергетику, порты и строительство, что напрямую работает на задачи обороны: экономические, транспортные и энергетические мощности Арктики – материальная база ее военной инфраструктуры.

Наконец, необходимость усиления обороноспособности России требует соответствующей преференций режима Арктической зоны РФ. Среди прочего: возмещение затрат на создание объектов транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктуры, а также применение свободной таможенной процедуры и упрощенное предоставление земельных участков используются и при строительстве объектов военной инфраструктуры, пунктов базирования и жизнеобеспечения войск. Таким образом, экономические преференции Арктической зоны РФ выступают правовой формой реализации стратегических национальных интересов России в Арктике. Таким образом единый преференциальный режим, который предполагается ввести с 1.09.2027 г., должен сохранить и развить эту органическую связь экономической и оборонной политики РФ. Специфической правовой формой организации оборонного производства в Арктике остаются закрытые административно-территориальные образования. На их территории вводится особый режим безопасного функционирования. Так, ограничиваются въезд и проживание иностранных граждан, устанавливаются особые условия хозяйствования. Кроме того, деятельность организаций, выполняющих оборонный заказ, дополнительно регулируется законодательством о закрытых административно-территориальных образованиях. Сочетание статуса резидента Арктической зоны РФ и особого режима закрытого административно-

территориального образования порождает вопрос о соотношении предоставляемых льгот и устанавливаемых ограничений. Что требует дальнейшей научной проработки. Этот аспект должен быть учтен при формировании единого преференциального режима Арктической зоны.

Особое место в обеспечении обороноспособности Арктической зоны РФ занимает арктический оборонно-промышленный комплекс. На территории Арктической зоны ФР размещены крупные предприятия судостроения и машиностроения. Так, например, в городе Северодвинск действует современный судостроительный комплекс, который обеспечивает строительство и ремонт атомных подводных лодок и надводных кораблей. В Мурманске сосредоточены мощности по обслуживанию атомного ледокольного флота, который обеспечивает круглогодичную навигацию по Северному морскому пути [9]. Следует сказать, что деятельность таких предприятий регулируется не только общими нормами предпринимательского права, но и специальным законодательством РФ о государственном оборонном заказе. Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ устанавливает особые правила ценообразования, банковского сопровождения контрактов и ответственности исполнителей. Резидентам Арктической зоны Российской Федерации, которые выполняют оборонный заказ, приходится одновременно учитывать и преференциальный, и ограничительный элементы правового режима.

Президент РФ В.В. Путин не раз отмечал, что Арктика – стратегический макрорегион РФ; через нее проходит СМП, дающий флоту возможность выхода к северным морям. Поддержание экономической стабильности в русской Арктике – одна из приоритетных задач государства на ближайшие десятилетия [10]. Преференциальный режим АЗРФ позволил подойти к привлечению инвестиций и государственной поддержки более прагматично, покрыв обширную часть русской Арктики, которую иные режимы покрывали точечно или не покрывали вовсе.

О развитии идеи говорит инициатива Президента РФ В.В. Путина, озвученная на Восточном экономическом форуме во Владивостоке, о создании единого преференциального режима на всей территории АЗРФ и Дальнего Востока с 1.09.2027 г. АЗРФ выступает прообразом такого режима: за более чем пять лет работы получены конкретные статистические результаты действия одного режима на обширной территории [11]. Правовые перспективы – переход от множества специальных (преференциальных) режимов к единому либо создание иного специального режима с собственным порядком правового регулирования, набором способов и методов воздействия, целями и структурой (субъекты, объекты, юридические факты, компетенция государственных органов власти).

При разработке единого преференциального режима следует учесть (minimum minimorum): 1) наделение единой управляющей организации (УК) полномочиями по координации не только режимов АЗРФ и ТОР, но и САР и СПВ – такие функции целесообразно сконцентрировать в АО «КРДВ»; 2) функционирование АО «КРДВ» во взаимосвязи с управляющими организациями отдельных субъектов РФ, входящих в АЗРФ и расположенных на Дальнем Востоке, на субъектном уровне; 3) разработка и утверждение единого комплексного федерального закона о едином специальном (преференциальном) режиме АЗРФ и Дальнего Востока; 4) учет социально-экономических особенностей отдельных регионов; 5) детальный анализ результатов действия режимов ТОР, ОЭЗ/СЭЗ, САР и СПВ. Таким образом, установление единого преференциального режима на территории Арктики и Дальнего Востока с 2027 г. является закономерным следствием политики РФ в сложной экономической ситуации и продиктовано необходимостью привлечения большего объема инвестиций,

эффективной поддержки предпринимательства и обеспечения обороноспособности страны.

Список литературы:

1.Лаптев В.А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex russica. 2015. № 6. С. 39–47. EDN: UKBUFD.
2.Лаптев В.А. Предмет современного предпринимательского права // Государство и право. 2015. № 3. С. 17–28. EDN: TNVFCT.
3.Кванина В.В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33. EDN: ZWZNVN.
4.Баттахов П.П., Енькова Е.Е., Шишмарева Т.П. Плюрализм правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности в Арктической зоне России // Государство и право. 2025. № 3. С. 114–123. DOI: 10.31857/S1026945225030101. EDN: DAIDZL.
5.Белоусов А.Л. Направления совершенствования специальных правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2024. № 1. С. 136–151. DOI: 10.21638/spbu14.2024.109. EDN: FRREDK.
6.Мохов А.А. Переходные правовые режимы экономической деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 290–302. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-2-290-302. EDN: PTFDJG.
7.Нилов К.Н. Особые (специальные) правовые режимы как средство дифференциации правового регулирования предпринимательства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 37–42. EDN: ULWONT.
8.Савенко Н.Е. Правовые режимы предпринимательской и иной экономической деятельности: проблемы классификации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 4. С. 71–75. DOI: 10.14529/law230410. EDN: APBYGG.
9.Утешева К.Д. Территория опережающего социально-экономического развития «Столица Арктики» в Мурманске как фактор развития Северного морского пути // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2021. Т. 12, № 1(48). С. 124–134. EDN: SWCCNX.
10. Черешнева И.А. Территории с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности: частно-правовой аспект: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2024. 222 с. EDN: QNGJZK.
11. Пленарное заседание X Восточного экономического форума // Официальный сайт Кремля. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/77927 (дата обращения: 16.04.2026).

Battakhov P.P. The arctic zone of the Russian federation as a basis for the economy and defense capability of Russia: legal regimes of economic activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 269-275.

The article examines preferential legal regimes for business activity in the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF) and the Far East. The relevance of the topic stems from the special benefits the state grants in certain territories. It is further reinforced by the initiative of the President of the Russian Federation to introduce a unified preferential regime starting September 1, 2027. Particular attention is paid to the connection between the economic stability of the Arctic and Russia's defense capability. This concerns the development of military infrastructure in the AZRF and the Northern Fleet. The theoretical basis consists of provisions of business law concerning the category of "legal regime". The author argues that no general regime exists, while a special regime is predominantly restrictive in nature. The study employs formal-legal and comparative-legal methods. The analysis covers the norms of the Constitution of the Russian Federation, a number of federal laws, Presidential Decree No. 296, acts of the Customs Union, and strategic planning documents. The existing regimes are systematized: special economic zones, Advanced Development Territories (ADTs), the Special Administrative Region on Russky Island, and the AZRF regime. The shortcomings of each of these regimes are identified. The strategic role of the AZRF is emphasized: its area is about 4.8 million km², with 80% of the country's gas and a quarter of its oil extracted there. The Northern Sea Route is also of significant importance. The economic stability of the Arctic serves as the material base for military infrastructure and the Northern Fleet. The AZRF is regarded as a prototype of the unified preferential regime that will be introduced in 2027. The article substantiates the feasibility of transitioning to a unified special regime or to a new regime with its own objectives and regulatory mechanism.

Keywords: Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), preferential regime, legal regime, business activity, Far East, defense capability, economic stability, unified legal regulation, strategic planning, Arctic.

Spisok literatury`:

1.Laptev V.A. Konstitutsiya Rossii kak osnovnoy istochnik predprinimatel'skogo prava [The Constitution of Russia as the Fundamental Source of Entrepreneurial Law] // Lex russica. 2015. No. 6. P. 39–47. EDN: UKBUFD.
2.Laptev V.A. Predmet sovremennogo predprinimatel'skogo prava [The Subject of Modern Entrepreneurial Law] // Gosudarstvo i pravo. 2015. No. 3. P. 17–28. EDN: TNVFCT.
3.Kvanina V.V. Ponyatie i vidy pravovykh rezhimov predprinimatel'skoy deyatel'nosti [The Concept and Types of Legal Regimes of Entrepreneurial Activity] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 424. P. 234–240. DOI: 10.17223/15617793/424/33. EDN: ZWZNVN.
4.Battakhov P.P., En'kova E.E., Shishmareva T.P. Plyuralizm pravovykh rezhimov osushchestvleniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti v Arkticheskoy zone Rossii [Pluralism of Legal Regimes of Entrepreneurial Activity in the Russian Arctic Zone] // Gosudarstvo i pravo. 2025. No. 3. P. 114–123. DOI: 10.31857/S1026945225030101. EDN: DAIDZL.

5.Belousov A.L. Napravleniya sovershenstvovaniya spetsial'nykh pravovykh rezhimov osushchestvleniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Directions for Improving Special Legal Regimes of Entrepreneurial Activity] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2024. No. 1. P. 136–151. DOI: 10.21638/spbu14.2024.109. EDN: FRREDK.
6.Mokhov A.A. Perekhodnye pravovye rezhimy ekonomicheskoy deyatel'nosti [Transitional Legal Regimes of Economic Activity] // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2023. No. 2. P. 290–302. DOI: 10.24412/1608-8794-2023-2-290-302. EDN: PTFDJG.
7.Nilov K.N. Osobye (spetsial'nye) pravovye rezhimy kak sredstvo differentsiatsii pravovogo regulirovaniya predprinimatel'stva [Special Legal Regimes as a Means of Differentiating the Legal Regulation of Entrepreneurship] // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2015. Issue 9. P. 37–42. EDN: ULWONT.
8.Savenko N.E. Pravovye rezhimy predprinimatel'skoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti: problemy klassifikatsii [Legal Regimes of Entrepreneurial and Other Economic Activity: Problems of Classification] // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». 2023. Vol. 23. No. 4. P. 71–75. DOI: 10.14529/law230410. EDN: APBYGG.
9.Utesheva K.D. Territoriya operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya «Stolitsa Arktiki» v Murmanske kak faktor razvitiya Severnogo morskogo puti [The Territory of Advanced Socio-Economic Development "Capital of the Arctic" in Murmansk as a Factor in the Development of the Northern Sea Route] // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS. 2021. Vol. 12. No. 1 (48). P. 124–134. EDN: SWCCNX.
10. Chereshneva I.A. Territorii s osobym (spetsial'nym) rezhimom osushchestvleniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti: chastno-pravovoy aspekt [Territories with a Special Regime of Entrepreneurial Activity: Private Law Aspects]: Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow, 2024. 222 p. EDN: QNGJZK.
11. Plenarnoe zasedanie X Vostochnogo ekonomicheskogo foruma [Plenary Session of the 10th Eastern Economic Forum] // Official website of the President of Russia. URL:http://kremlin.ru/events/president/news/77927 (accessed: 16.04.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 276-285.

УДК 347.73

ИНСТИТУТ САМОЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Бирюкова Н. Н., Ковальчук С. С.

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье анализируются понятие и правовой статус самозанятых в Российской Федерации. Несмотря на рост значимости самозанятости на рынке труда и введение в 2018 г. режима «Налог на профессиональный доход», в законодательстве отсутствует единое определение категорий «самозанятость» и «самозанятый гражданин»: действующие нормы раскрывают лишь отдельные элементы статуса, формируя разрозненную и преимущественно налогоцентричную конструкцию. Проведена систематизация доктринальных подходов к самозанятости (широкий и узкий), раскрывается структура правового статуса через права, обязанности, гарантии и ответственность, подчёркивая межотраслевой характер регулирования с доминированием налогово-правовой составляющей и фрагментарностью гражданско-правовых и социальных норм. Особое внимание уделено новым мерам поддержки, в частности, эксперименту 2026 г. по добровольному социальному страхованию самозанятых. В заключении обозначена необходимость устранения межотраслевых противоречий и выработки системного подхода к правовому положению самозанятых как самостоятельных участников экономического оборота.

Ключевые слова: самозанятость, правовой статус, налог на профессиональный доход, нестандартные формы занятости, индивидуальный предприниматель, социальная защита, межотраслевое регулирование, гиг-экономика, налоговое законодательство, налогоплательщик, бюджетные обязательства.

В последние два десятилетия рынок труда претерпевает глобальные изменения, обусловленные эволюцией цифровых технологий, распространением нестандартных форм занятости, в том числе, самозанятости и развития гиг-экономики. Число граждан, которые переходят от традиционных моделей трудовых отношений к альтернативным, более гибким форматам занятости, ежегодно растёт.

На сегодняшний день самозанятость в РФ рассматривается как устойчивый, структурно значимый сегмент национального рынка труда, охватывающий существенную часть экономически активного населения и оказывающий непосредственное влияние на параметры функционирования финансовой системы страны. В то же время, введение в 2018 г. специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» рассматривается как один из ключевых этапов институционализации самозанятости, направленный на «включение» указанной категории физических лиц в существующую налоговую систему России и перевод значительной доли неформальной занятости в легальное правовое пространство. Легализация деятельности самозанятых граждан преследует, прежде всего, фискальные и социально-экономические цели, поскольку неуплата налогов лицами, занятыми в неформальном секторе, объективно ограничивает возможности государства по формированию и исполнению бюджетных обязательств. Между тем, создание отдельного режима не решило всех правовых вопросов и даже породило новые дискуссии.

В действующем законодательстве до настоящего времени отсутствует нормативно закреплённое, единообразное понятие как самой категории «самозанятость», так и понятий «самозанятый» и «самозанятый гражданин» в их экономическом и правовом смысле. Вместе с тем отдельные попытки раскрыть содержание указанных дефиниций в некоторых официальных документах все же предпринимались.

Так, например, в письме Министерства труда и социальной защиты РФ от 3.03.2020 г. № 16-1/В-87 обозначено, что в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 2.06.2016 г. № 1083-р, содержится трактовка сущности понятия «самозанятость». Под ней понимается «…приносящая доход деятельность граждан, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, осуществляемая на основании добровольного уведомления налоговых органов в

целях освобождения от ответственности за ведение незаконной предпринимательской деятельности» [1]. В то же время в самой Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 2.06.2016 г. № 1083-р, закреплена категория «самозанятого гражданина», под которой понимается «…субъект, осуществляющий приносящую доход деятельность и не зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя» [2]. Анализ указанных правовых конструкций позволяет выявить различие в подходах законодателя: в первом случае особое внимание уделяется превентивной функции уведомления налоговых органов, тогда как во втором подходе определяется лишь формальный статус лица.

Налоговый кодекс РФ также опосредованно формирует представление о самозанятых. Из п. 7.3 ст. 83 указанного законодательного акта следует, что «самозанятые граждане – это физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наёмных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд» [3]. Однако такая конструкция существенно сужает сферу самозанятости, ограничивая её «бытовыми» услугами и устанавливая запрет на использование наёмного труда, что подчёркивает специальный, а не общий характер данного определения.

Отдельный подход к определению понятия «самозанятый гражданин» реализован в Методике расчёта показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее − НПД)» федерального проекта «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», входящего в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», утверждённой приказом ФНС России от 2.07.2021 г. № ЕД-7-20/620@. Вместе с тем в указанном документе категория сводится к налоговому статусу физического лица, осуществляющего самостоятельную экономическую деятельность, через применение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [4]. Иные существенные характеристики данного субъекта в рамках рассматриваемого понятия не раскрываются, что свидетельствует о сведении его определения к фискальному аспекту, выражающемуся в принадлежности к особому налоговому режиму. Схожий подход к раскрытию сущности самозанятых предусмотрен положениями Федерального закона от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

Для уточнения понятия «самозанятость» ряд исследователей рассматривают его во взаимосвязи с термином «занятость», нашедшим легальное определение в ст. 2 ФЗ РФ от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» [5]. Под занятостью понимается трудовая деятельность и иная не противоречащая законодательству РФ деятельность граждан, осуществляемая ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленная на получение дохода [5]. Р.М. Бозиев отмечает, что данное определение обладает значительной широтой, поскольку охватывает не только трудовую, но и иные формы активности [6]. В таком случае включение самозанятости в общую конструкцию занятости населения позволяет рассматривать её как одну из форм участия граждан в экономической деятельности, отличающейся главным образом способом организации труда и правовым статусом, а не только налоговыми особенностями.

Из этого следует, что формирование нормативных понятий самозанятости и самозанятых граждан носит разрозненный и выраженный налогоцентричный характер. В различных источниках фиксируются отдельные элементы правового статуса самозанятого, но эти признаки не сведены в единое системное понятие, которое

могло быть использовано для комплексного регулирования рассматриваемого института в контексте не только налогового права, но и в социальной, гражданско-правовой и предпринимательской сферах. Все перечисленные обстоятельства обусловили необходимость доктринального осмысления указанного феномена, в том числе с точки зрения его соотношения с традиционными категориями предпринимателя и наёмного работника. В научной литературе категория самозанятости и сопутствующего ей понятия самозанятого гражданина формируется на междисциплинарном стыке экономической теории, трудового, гражданского и налогового права, что предопределяет многообразие подходов. В этой связи, как справедливо указывает Т.А. Фролова единое научное определение рассматриваемых категорий пока не выработано [7].

Содержательное происхождение термина «самозанятость» связывают с исследованиями британского социолога К. Харта, который в 1970-е годы изучал «неформальный сектор» экономики развивающихся стран. В своих работах он охарактеризовал примитивные, низкопроизводительные формы самостоятельной занятости городских бедняков и мигрантов как нерегулярную трудовую деятельность, лишённую социальных гарантий и контроля, которая выступала в качестве альтернативы полной безработице. В дальнейшем С. Сассен было предложено противоположное толкование понятия самозанятости, в котором основной акцент делался на высокую квалификацию субъектов самостоятельной экономической активности в развитых странах. По мнению исследователя, такая форма занятости была преимущественно характерна для творческих профессий и специалистов в сфере информационных технологий, поскольку для них самостоятельная занятость выступает формой профессиональной самореализации, а не мерой выживания [8].

В современной российской научной литературе самозанятость нередко рассматривается в социально-правовом контексте через категорию прекариата (Н.В. Великая, И.В. Воробьева и др.), выделяющей признаки нестабильной занятости, непостоянного дохода и дефицита социальных гарантий [9]. При этом, как верно отмечает О.Н. Мисько и И.В. Цыганкова, такое отнесение корректно лишь для части самозанятых, действующих в неформальном секторе экономики и фактически лишённых правовой защиты и механизмов социальной поддержки. Легально работающие самозанятые, применяющие специальный налоговый режим, хотя и не обязаны уплачивать страховые взносы, имеют возможность делать это в добровольном порядке, а также получать доступ к социальным контрактам, льготному кредитованию и ипотеке, что объективно повышает уровень их социально-правовой защищенности [10].

Существенную часть дискуссии в доктрине составляет вопрос о природе понятия «самозанятый» и его сопоставлению с категорией «индивидуальный предприниматель» и классическими формами занятости.

Ряд авторов (Е.А. Абрамова, Т.И. Заславская, Н.М. Воловская, А.В. Иноземцева, Л.К. Плюснина, А.В. Русина, Д.О. Стребков, А.В. Шевчук, Е.Г. Крылова, А.В. Бурлак и др.) придерживаются широкого подхода, указывая, что самозанятость представляет собой самостоятельную экономическую активность, основанную на личном труде и предпринимательской инициативе субъекта, вне зависимости от наличия государственной регистрации, масштаба осуществляемой деятельности и ее отраслевой принадлежности. В рамках данной концепции подчёркивается «пограничный» характер положения самозанятых по отношению к индивидуальными предпринимателям и представителям малого бизнеса, поскольку такие лица одновременно выступают собственниками капитала, организаторами трудового процесса и непосредственными исполнителями, самостоятельно несут риск экономических последствий, а размер их дохода напрямую зависит от результатов собственной трудовой активности [11]. Таким образом, в широком значении категория «самозаня-

тых охватывает всех граждан, самостоятельно осуществляющих приносящую доход деятельность, включая индивидуальных предпринимателей, адвокатов, нотариусов и иных лиц, занимающихся частной практикой», что находит отражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ (п. 2.2 определения от 29.05.2014 г. № 1116-О), в положениях стандарта ГОСТ 12.0.004-2015, а также разъяснениях финансовых и налоговых органов (письмо ФНС РФ от 7.02.2013 г. № 218/06-06, письмо Минфина России от 9.02.2011 г. № 03-04-08/8-23) [12].

Противоположную позицию (узкий подход) занимают, в частности, Е.С. Крюкова, В.Д. Рузанова, О.Н. Грабова, А.Е, Суглобов, С.Г. Землухина, Н.С. Землухина, И.В. Костюк и др., которые последовательно разграничивают предпринимательство и самозанятость. В их понимании самозанятый не является предпринимателем в юридическом или социально-экономическом смысле. Авторы полагают, что такие субъекты входят в другую социальную группу, поскольку их деятельность строится на личном труде без привлечения наёмных работников, направлена на предоставление услуг другим физическим лицам для личных, домашних и иных подобных нужд, а получаемый доход (не «прибыль» в предпринимательском понимании) используется исключительно для удовлетворения личных и семейных потребностей [12; 13].

Часть исследователей и вовсе настаивают на квалификации самозанятости как особого вида доходной деятельности, которая находится вне рамок трудовых и классических предпринимательских отношений. В их представлении самозанятые выступают особым видом налогоплательщика, правовой статус которого формируется в основном нормами налогового права при минимальном участии трудового и гражданского законодательства. Такой концепции придерживаются Н.Е. Савенко, О.В. Журкина, Е.О. Филиппова и др. [14; 15]. Другие авторы предлагают рассматривать самозанятых как новую самостоятельную категорию субъектов, которые обладают особой правосубъектностью. Она обусловлена возможностью таких лиц совмещать в себе признаки налогоплательщика, участника гражданского оборота и субъекта, частично включённого в систему социальной защиты, при этом не совпадая ни с одной из классических форм занятости.

Систематизация доктринальных позиций, представленных в современной российской науке, свидетельствует о наличии двух диаметрально противоположных подходов к интерпретации понятий «самозанятость» и «самозанятый», которые преимущественно раскрываются через их соотношение с категорией «предпринимательство». Отсутствие унифицированного межотраслевого подхода, усугубляемое отсутствием нормативно закреплённого легального определения, приводит к тому, что каждая отрасль права формирует статус самозанятого по собственным критериям и целям регулирования. Так, налоговое право фокусируется на формировании налоговой базы и потому фиксирует статус через специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», гражданское право допускает осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности без регистрации, не оперируя при этом термином «самозанятость», тогда как трудовое законодательство полностью остаётся в рамках классической модели наёмного труда, не используя данную категорию ни терминологически, ни концептуально [16].

В совокупности это обусловливает формирование в доктрине представления о самозанятости как о сложном правовом феномене, выполняющем двойную функцию: с одной стороны, она выступает инструментом легализации «теневых» доходов и расширения налоговой базы, с другой – особой формой организации труда для лиц, не желающих и не готовых встраиваться в жёсткую модель трудового договора или классического предпринимательства. В то же время сохранение терминологической неопределённости и отсутствие легального определения самозанятого граж-

данина поддерживают существование многообразия конкурирующих научных концепций, что свидетельствует о продолжающемся процессе становления как теоретической, так и нормативной модели института самозанятости в российской правовой системе.

Под правовым статусом самозанятого гражданина в научной литературе понимается сложная совокупность его субъективных прав и обязанностей, переплетённых с целью создания принципиально нового для российского права экономического субъекта [17]. Помимо указанных аспектов изучение правового положения лиц, осуществляющих самостоятельную приносящую доход деятельность, включает также исследование предусмотренных законодательством гарантий реализации их статуса и мер юридической ответственности за допущенные нарушения.

Особенность российской модели заключается в ярко выраженном межотраслевом характере правового статуса самозанятого, при котором его нормативным ядром выступает специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». Как отмечалось ранее, действующий в РФ институт самозанятости в значительной степени ориентирован на достижение фискальных целей государства, тогда как гражданско-правовые и социальные аспекты его правового положения сформированы фрагментарно, что порождает состояние частичной правовой неопределённости. В это связи представляется необходимым более подробно рассмотреть элементы правового статуса самозанятого гражданина.

Первый элемент правового статуса любого субъекта составляют его права, под которыми принято понимать установленные законом меры возможного поведения участника правоотношения [18]. Применительно к самозанятому анализ действующего законодательства позволяет условно классифицировать данный элемент на три группы: налоговые, гражданские и социальные права.

Налоговые права являются ключевой и наиболее детально регламентированной группой рассматриваемого компонента правового статуса, что обусловлено стремлением государства к расширению налоговой базы и легализации ранее «теневой» экономической активности. К числу таких прав относятся, прежде всего, право на применение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», возможность использования пониженных налоговых ставок, реализация права на налоговый вычет, а также упрощённый порядок взаимодействия с налоговыми органами посредством онлайн-сервисов [19; 20; 21]. Указанные правомочия ориентированы на стимулирование добровольной постановки на учёт и минимизацию административной нагрузки на налогоплательщика.

Гражданские права самозанятых составляют вторую значимую группу рассматриваемого элемента их правового статуса и выражаются в возможности свободного участия в гражданско-правовых отношениях. Так, лица, осуществляющие экономически активную деятельность самостоятельно, вправе заключать договоры подряда и возмездного оказания услуг, определять условия исполнения обязательств, а также распоряжаться полученным доходом по своему усмотрению [22]. При этом в гражданском обороте самозанятый выступает как физическое лицо, реализующее самостоятельную приносящую доход деятельность без образования юридического лица, что объективно сближает его правовой статус с индивидуальным предпринимателем, и обусловливает возникновение правоприменительных сложностей, поскольку в гражданском законодательстве отсутствует специальная правовая конструкция статуса самозанятого лица.

Третью группу прав составляют социальные права, которые носят ограниченный и скорее факультативный характер, нежели налоговые и гражданские. К их числу можно отнести право на добровольное участие в системе обязательного пенсионного страхования, возможность получения отдельных мер государственной поддерж-

ки, например, в рамках социального контракта, а также доступ к финансовым инструментам, включая льготное кредитование, специальные ипотечные программы, в том числе, «Ипотека без подтверждения доходов», и др. [23; 24]. Вместе с тем система социальных прав преимущественно строится на волеизъявлении самозанятых и их экономических возможностях, что объективно снижает уровень их социальной защищенности по сравнению со статусом наёмных работников.

Важнейшим элементом правового статуса субъекта являются и юридические обязанности, под которыми понимают установленные нормами права вид и мера должного поведения обязанной стороны в целях удовлетворения интересов управомоченной стороны правоотношения [18]. Основными обязанностями самозанятых являются обязанность по постановке на учёт в налоговом органе, по своевременному исчислению и уплате налога на профессиональный доход, по соблюдению установленных законом ограничений по видам разрешённой деятельности и предельному размеру дохода, а также обязанность по формированию и передаче информации о доходах с использованием предусмотренных законом цифровых инструментов, включая мобильное приложение «Мой налог» [25; 26]. Они носят императивный характер и направлены на обеспечение прозрачности и контролируемости самостоятельной экономической активности.

Следующим компонентом правового статуса самозанятого гражданина в Российской Федерации являются юридические гарантии, то есть совокупность закреплённых в законодательстве средств, способов и условий, обеспечивающих реальную возможность осуществления, охраны и защиты прав и законных интересов лиц, самостоятельно осуществляющих трудовую деятельность, а также исполнения возложенных на них обязанностей. При этом вопрос об отнесении гарантий к составным элементам правового статуса является дискуссионным. Так, М.С. Строгович полагал, что они выходят за пределы правового статуса [27], тогда как Л.Д. Воеводин и Н.Ю. Цыганова обосновывают неразрывную связь правового статуса с юридическими гарантиями, поскольку в противном случае статус приобретает сугубо декларативный, формальный характер [28; 29].

В отношении самозанятых юридические гарантии выражаются, прежде всего, в обеспечении равного доступа граждан к специальному налоговому режиму «Налог на профессиональный доход», а также относительной стабильности условий его применения [19]. Анализ действующего законодательства позволяет также отнести к числу значимых гарантий защиту от необоснованного вмешательства со стороны государственных органов и предоставление самозанятым эффективных средств обжалования неправомерных решений и (или) действий публичных органов в административном и судебном порядке, важную роль в реализации которых играют цифровые инструменты взаимодействия с государством, включая мобильное приложение «Мой налог».

Заключительным элементом правового статуса самозанятых является юридическая ответственность. Как и большинство конструкций рассматриваемого института, она преимущественно сосредоточена в налогово-правовой плоскости, что предопределяет формы и механизмы её реализации. Основаниями для её применения могут служить разнообразные юридические факты, включая невыдачу чека, неуплату или неполную уплату налога на профессиональный доход, осуществление видов деятельности, запрещённых для применения специального налогового режима, а также иные нарушения порядка его применения [30; 31]. Вместе с тем отсутствие чётко сформированного межотраслевого правового статуса самозанятого гражданина, как в случае с закреплением его прав, обусловливает неоднородность правоприменительной практики, вызванную фрагментарностью регулирования вопросов юридической ответственности.

Из этого следует заключить, что ключевыми особенностями правового статуса лиц, осуществляющих самостоятельную экономически активную деятельность, относятся применение специального налогового режима с пониженными ставками, упрощённая процедура регистрации и ведения деятельности, установленные законом ограничения по видам допустимой деятельности и предельному размеру доходов, а также отсутствие обязанности по уплате страховых взносов. Но обозначенные преимущества сочетаются с существенными проблемами нормативного регулирования, поскольку «законодательная основа правового статуса самозанятых граждан в современной России представляет собой разрозненную совокупность норм различной отраслевой принадлежности, которые не всегда между собой согласованы, нередко дублируют друг друга или вовсе вступают в противоречие» [11]. В научной литературе подчёркивается, что указанная проблема затрагивает не только вопросы объёма предоставляемых им прав и возлагаемых обязанностей, но и определения круга лиц, подлежащих отнесению к самозанятым, а также закрепления их юридически значимых признаков [14].

В настоящее время в РФ активно предпринимаются меры, направленные на улучшение правового статуса лиц, осуществляющих самостоятельную трудовую деятельность, обеспечение их правовой защиты и социальных льгот. Так, в частности была создана специальная Ассоциация самозанятых, ориентированная на повышение правовой грамотности лиц, являющихся плательщиками налога на профессиональный доход, информирование их о своих правах и обязанностях, а также оказание консультативной и юридической поддержки [32]. Кроме того, существенным шагом в направлении усиления социальной защищенности самозанятых стало введение с 1.01.2026 г. эксперимента по добровольному участию таких лиц в системе обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности [33]. В соответствии с положениями ФЗ РФ от 15.12.2025 г. № 456-ФЗ «О проведении эксперимента по добровольному вступлению отдельных категорий граждан в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности» плательщики налога на профессиональный доход получили возможность уплачивать страховые взносы в Социальный фонд России и, по истечении установленного периода уплаты (не менее шести месяцев), претендовать на получение соответствующего пособия. При этом нормативно-правовым актом предусмотрены различные варианты страховой суммы и размера взносов, что позволяет самозанятым по своему усмотрению и финансовым возможностям определить желаемый уровень социальной защиты [34].

Однако указанные меры, будучи важным шагом в институционализации самозанятости, не устраняют в полном объёме имеющиеся проблемы рассматриваемого института. По-прежнему остаётся актуальной задача по достижению баланса между созданием благоприятных условий для развития самозанятости и обеспечением должного уровня социальной и правовой защищенности граждан, избравших такую форму экономической активности [35]. В научной литературе и правоприменительной практике подчёркивается необходимость устранения имеющихся межотраслевых противоречий, уточнения содержания категории «самозанятый гражданин», а также системной проработки его правового положения как самостоятельного участника экономического оборота с чётко очерченным объёмом прав, обязанностей и гарантий.

Список литературы:

1. Об определении понятия «самозанятость», а также об оказании финансовой помощи органами службы занятости : письмо Министерства труда и социальной защиты от 3.03.2020 г. № 16-1/В-87 // Текст : электронный // КонтурНорматив: https://normativ.kontur.ru/ [сайт]. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=362895
2. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 2.06.2016 г. № 1083-р // Текст : электронный // Консультант-

Плюс : справочно-правовая система : http://www.consultant.ru [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccffdd288bd/
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон № 146-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28.11.2025 г.: [принят Государственной думой 16.07.1998 г.: одобрен Советом Федерации 17.07.1998 г.]. − Текст : электронный // КонсультантПлюс:
4. Об утверждении Методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД)» федерального проекта «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», входящего в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» : приказ Федеральной налоговой службы РФ от 2.07.2021 г. № ЕД-7-20/620@ // Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : http://www.consultant.ru [сайт]. – URL:
5. Российская Федерация. Законы. О занятости населения в Российской Федерации : Федеральный закон № 565-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 8.08.2024 г.: [принят Государственной думой 30.11.2023 г. : одобрен Советом Федерации 7.12.2023г.]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система : http://www.consultant.ru [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_464093/
6. Бозиев, Р.М. Правовое регулирование налогообложения самозанятых лиц в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2. / Р.М. Бозиев. – М., 2024. – 184 с.
7. Фролова, Т.А. Правовой статус самозанятых граждан // Аллея Науки.–2022.–№ 2 (65).− С. 586-591.
8. Кутеева, К.А. Статистический анализ развития самозанятости в современной экономике Российской Федерации / К.А. Кутеева // Экономика труда. – 2025. – Т. 12. – № 4. – С. 473-486.
9. Великая, Н.М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» / Н.М. Великая // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28. – № 2. – С. 6–21.
10. Мисько, О.Н. Тенденции развития самозанятости в России / О.Н. Мисько, И.В. Цыганкова // Управленческое консультирование. – 2022. – № 12. – С. 18–31.
11. Бадонов, А.М. К вопросу о понятиях «самозанятость» и «самозанятый» в современной России / // Восточный вектор: история, общество, государство. – 2023. – № 2. – С. 48–53.
12. Макарова, Л.А. Правовой статус самозанятых граждан / Л.А. Макарова, Е.Л. Невзгодина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 39-49.
13. Сергеева, С.С. Самозанятые граждане как субъекты предпринимательской деятельности: понятие и признаки / С.С. Сергеева. – Текст : электронный // Интернет-конференции Сибирского юридического университета: https://conf.siblu.ru/ [сайт]. – URL: https://conf.siblu.ru/samozanyatye-grazhdane-kak-subekty-predprinimatelskoy-deyatelnosti-ponyatie-i-priznaki
14. Журкина, О.В. Правовое регулирование профессиональной деятельности самозанятых / О.В. Журкина, Е.О. Филиппова // Юрист. – 2023. – № 12. – С. 36–40.
15. Савенко, Н. Е. Занятость, самозанятость и платформенная занятость граждан в свете законопроекта о занятости населения в Российской Федерации / // Хозяйство и право. – 2024. – № 2. – С. 26–41.
16. Жукова, Ю.Д. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима / Ю.Д. Жукова, А.С. Подмаркова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 49-79.
17. Малышева Н.А., Правовой статус самозанятых граждан / Н.А. Малышева, Н.Н. Мотова // Инновационные технологии управления и права. – 2021. – № 2(31). – С. 52–56.
18. Кодекс Республики Беларусь от 29 декабря 2009 года №71-З «Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть)» – Текст : электронный // Информационно-правовая система ЭТАЛОН-ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0900071 &q_id=3024137.
19. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости : монография / В.Н.Бобков, С.Ю.Головина, И.В.Войтковская; ред.:Н.Л.Лютов, Н.В.Черных.–М.:Проспект,2022.–255 с.
20. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22 мая 2025 года по делу № А76-20897/2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3fb03367-c4da-45d8-8ea6-71902e4eb2e4/5720a508-4c8a-4725-8e11-e0072a3bc990/A76-20897-2023_20250522_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2024 года № 27-П [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_477515/
22. Центры «Мой бизнес»: сайт. – URL: https://мойбизнес.рф/about/
23. Плюснина, Л.К. Правовое регулирование самостоятельной занятости граждан в Советской России в исторической ретроспективе // Общество: политика, экономика, право. − 2025. − № 3. − С. 146-154.
24. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 22 декабря 2023 года по делу А83-21915/2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/bpE9gMMiUBg1/
25. Шемятихина, Л.Ю. Проблемы правового статуса самозанятых граждан / Л.Ю. Шемятихина, А.А. Сафронова // Фундаментальные исследования. − 2024. − № 1. − С. 87-92.
26. Акавов, У. Т. Правовые проблемы налога на профессиональный доход / У. Т. Акавов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. − 2019. − № 51 (289). − С. 54-56.
27. Бусел, А. С. Правовой статус самозанятых в предпринимательских отношениях / А. С. Бусел. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. − 2024. − № 38 (537). − С. 75-80.
28. Закон Республики Казахстан от 6.04.2016 г. № 482-V «О занятости населения» – Текст : электронный // Информационно-правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan. kz/rus/docs/Z1600000482
29. Российская Федерация. Законы. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации : Федеральный закон № 326-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 28.11.2025 г.: принят Государственной думой 19.11.2010 г.: одобрен Советом Федерации 24 ноября 2010 года // Консуль-

тантПлюс: http://www.consultant.ru [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_107289/.
30. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2025 года № 309-ЭС24-20306 по делу № А76-20897/2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03022025-n-309-es24-20306-po-delu-n-a76-208972023/
31. Минтруд предлагает по-новому определить трудовые отношения: сайт. – URL: https://doxa.team/news/2025-12-26-trud-prava
32. Управление информирует о возможности получать пособие по больничному листу самозанятыми: сайт. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn46/news/activities_fts/16590023/ (дата обращения 21.12.2025).
33. Крюков, И.А. Развитие института самозанятости в России // Экономические науки. − 2022. − № 3 (33). − С. 135-143.
34. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховным Советом СССР девятого созыва 7.10.1977 г. // Текст : электронный // Гарант. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
35. Российская Федерация. Законы. О занятости населения в Российской Федерации : Федеральный закон № 565-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями на 8.08.2024 г. : принят Государственной думой 30.11.2023 г.: одобрен Советом Федерации 7.12.2023 г. // КонсультантПлюс: http://www.consultant.ru [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_464093/

Biryukova N.N., Kovalchuk S.S. The institution of self-employment in Russian law: the concept and elements of legal status // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 276-285.

The article analyzes the concept and legal status of self-employed individuals in the Russian Federation. Despite the growing importance of self-employment in the labour market and the introduction of the “Tax on Professional Income” regime in 2018, the legislation lacks a unified definition of the categories “self-employment” and “self-employed citizen”: the current norms reveal only individual elements of the status, forming a fragmented and predominantly tax-oriented structure. A systematization of doctrinal approaches to self-employment (broad and narrow) has been carried out; the structure of the legal status is revealed through rights, obligations, guarantees, and liability, emphasizing the intersectoral nature of regulation, with the tax and legal component dominating and the fragmentation of civil law and social norms. Special attention is paid to new support measures, in particular, the 2026 experiment on voluntary social insurance for self-employed individuals. The conclusion outlines the need to eliminate intersectoral contradictions and develop a systematic approach to the legal status of self-employed individuals as independent participants in economic turnover.

Keywords: self-employment, legal status, tax on professional income, non-standard forms of employment, individual entrepreneur, social protection, inter-sectoral regulation, gig-economy, tax legislation, taxpayer, budgetary obligations.

Spisok literatury:

1. Ob opredelenii ponyatiya «samozanyatost'», a takzhe ob okazanii finansovoj pomoshchi organami sluzhby zanyatosti : pis'mo Ministerstva truda i social'noj zashchity ot 03 marta 2020 goda № 16-1/V-87 // Tekst : ehlektronnyj // KonturNormativ: https://normativ.kontur.ru/ [sajt]. – URL: https://normativ.kontur.ru/ document?moduleId=8&documentId=362895.
2. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii na period do 2030 g.: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 02 iyunya 2016 goda № 1083-r // Tekst : ehlektronnyj // Konsul'tantPlyus : spravochno-pravovaya sistema : http://www.consultant.ru [sajt]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccffdd288bd/.
3. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) : Federal'nyj zakon № 146-FZ : tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 28.112025 g.: [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 16.06.1998 g.: odobren Sovetom Federacii 17 iyulya 1998 goda]. − Tekst : ehlektronnyj // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema : http://www.consultant.ru [sajt]. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_19671/.
4. Ob utverzhdenii Metodiki rascheta pokazatelya «Kolichestvo samozanyatyh grazhdan, zafiksirovavshih svoj status i primenyayushchih special'nyj nalogovyj rezhim «Nalog na professional'nyj dohod» (NPD)» federal'nogo proekta «Sozdanie blagopriyatnyh uslovij dlya osushchestvleniya deyatel'nosti samozanyatymi grazhdanami», vhodyashchego v nacional'nyj proekt «Maloe i srednee predprinimatel'stvo i podderzhka individual'noj predprinimatel'skoj iniciativy» : prikaz FNS RF ot 2.06.2021 g. № ED-7-20/620@ // Tekst : ehlektronnyj // Konsul'tantPlyus : spravochno-pravovaya sistema : http://www.consultant.ru [sajt]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_390984/33b42fc25b60c7cc76fc 1fe1cdc84731f399fd8b/.
5. Rossijskaya Federaciya. Zakony. O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon № 565-FZ : tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 8.08.2024 g.: [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 30.112023 g.: odobren Sovetom Federacii 7.12.2023 g.]. – Tekst : ehlektronnyj // Konsul'tantPlyus: spravochno-pravovaya sistema : http://www.consultant.ru [sajt]. – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_464093/.
6. Boziev, R.M. Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya samozanyatyh lic v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. yurid. nauk : 5.1.2. / R.M. Boziev. – M., 2024. – 184 s.
7. Frolova, T.A. Pravovoj status samozanyatyh grazhdan // Alleya Nauki. – 2022. – № 2 (65). − S. 586-591.
8. Kuteeva, K.A. Statisticheskij analiz razvitiya samozanyatosti v sovremennoj ehkonomike Rossijskoj Federacii / K.A. Kuteeva // Ehkonomika truda. – 2025. – T. 12. – № 4. – S. 473-486.
9. Velikaya, N.M. Prekarizaciya truda molodezhi kak faktor formirovaniya gruppy «samozanyatye» /

N.M. Velikaya // Hauka. Kul'tura. Obshchestvo. – 2022. – T. 28. – № 2. – C. 6–21.
10. Mis'ko, O.N. Tendencii razvitiya samozanyatosti v Rossii / O.N. Mis'ko, I.V. Cygankova // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2022. – № 12. – S. 18–31.
11. Badonov, A.M. K voprosu o ponyatiyah «samozanyatost'» i «samozanyatyj» v sovremennoj Rossii / // Vostochnyj vektor: istoriya, obshchestvo, gosudarstvo. – 2023. – № 2. – S. 48–53.
12. Makarova, L.A. Pravovoj status samozanyatyh grazhdan / L.A. Makarova, E.L. Nevzgodina // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2021. – T. 18. – № 4. – S. 39-49.
13. Sergeeva, S.S. Samozanyatye grazhdane kak sub"ekty predprinimatel'skoj deyatel'nosti: ponyatie i priznaki / S.S. Sergeeva. – Tekst : ehlektronnyj // Internet-konferencii Sibirskogo yuridicheskogo universiteta: https://conf.siblu.ru/ [sajt]. – URL: https://conf.siblu.ru/samozanyatye-grazhdane-kak-subekty-predprinimatelskoy-deyatelnosti-ponyatie-i-priznaki.
14. Zhurkina, O.V. Pravovoe regulirovanie professional'noj deyatel'nosti samozanyatyh / O.V. Zhurkina, E.O. Filippova // Yurist. – 2023. – № 12. – S. 36–40.
15. Savenko, N. E. Zanyatost', samozanyatost' i platformennaya zanyatost' grazhdan v svete zakonoproekta o zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii / N.E. Savenko // Hozyajstvo i pravo. – 2024. – № 2. – S. 26–41.
16. Zhukova, Yu.D. Samozanyatye grazhdane: pravovaya kvalifikaciya deyatel'nosti i perspektivy formirovaniya special'nogo rezhima // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki. – 2021. – T. 12. – № 4. – S. 49-79.
17. Malysheva N.A., Pravovoj status samozanyatyh grazhdan / N.A. Malysheva, N.N. Motova // Innovacionnye tehnologii upravleniya i prava. – 2021. – № 2(31). – S. 52–56.
18. Kodeks Respubliki Belarus' ot 29 dekabrya 2009 goda №71-Z «Nalogovyj kodeks Respubliki Belarus' (Osobennaya chast')» – Tekst : ehlektronnyj // Informacionno-pravovaya sistema EHTALON-ONLINE. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0900071 &q_id=3024137.
19. Trudovye otnosheniya v usloviyah razvitiya nestandartnyh form zanyatosti : monografiya / V.N.Bobkov, S.Yu.Golovina, I.V.Vojtkovskaya; red.: N.L.Lyutov, N.V.Chernyh.−Moskva: Prospekt, 2022.
20. Reshenie Arbitrazhnogo suda Chelyabinskoj oblasti ot 22 maya 2025 goda po delu № A76-20897/2023 [Ehlektronnyj resurs]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3fb03367-c4da-45d8-8ea6-71902e4eb2e4/5720a508-4c8a-4725-8e11-e0072a3bc990/A76-20897-2023_20250522_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.
21. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30 maya 2024 goda № 27-P [Ehlektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_477515/.
22. Centry «Moj biznes»: sajt. – URL: https://mojbiznes.rf/about/.
23. Plyusnina, L.K. Pravovoe regulirovanie samostoyatel'noj zanyatosti grazhdan v Sovetskoj Rossii v istoricheskoj retrospektive // Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo. 2025.№ 3. S. 146-154.
24. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Krym ot 22 dekabrya 2023 goda po delu A83-21915/2023 [Ehlektronnyj resurs]. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/bpE9gMMiUBg1/.
25. Shemyatihina, L.Yu. Problemy pravovogo statusa samozanyatyh grazhdan / L.Yu. Shemyatihina, A.A. Safronova // Fundamental'nye issledovaniya. − 2024. − № 1. − S. 87-92.
26. Akavov, U. T. Pravovye problemy naloga na professional'nyj dohod / U. T. Akavov. – Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. − 2019. − № 51 (289). − S. 54-56.
27. Busel, A. S. Pravovoj status samozanyatyh v predprinimatel'skih otnosheniyah / A. S. Busel. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. − 2024. − № 38 (537). − S. 75-80.
28. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 aprelya 2016 goda № 482-V «O zanyatosti naseleniya» – Tekst : ehlektronnyj // Informacionno-pravovaya sistema «Ədilet». – URL: https://adilet.zan. kz/rus/docs/Z1600000482.
29. Rossijskaya Federaciya. Zakony. Ob obyazatel'nom medicinskom strahovanii v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon № 326-FZ : tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 28 noyabrya 2025 goda : prinyat Gosudarstvennoj dumoj 19.11.2010 g.: odobren Sovetom Federacii 24.11.2010 g. // Konsul'tantPlyus: http://www.consultant.ru [sajt]. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_107289/.
30. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 29.01.2025 g. № 309-EHS24-20306 po delu № A76-20897/2023 [Ehlektronnyj resurs]. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03022025-n-309-es24-20306-po-delu-n-a76-208972023/.
31. Mintrud predlagaet po-novomu opredelit' trudovye otnosheniya: sajt. – URL: https://doxa.team /news/2025-12-26-trud-prava.
32. Upravlenie informiruet o vozmozhnosti poluchat' posobie po bol'nichnomu listu samozanyatymi: sajt. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn46/news/activities_fts/16590023/ (data obrashcheniya 21.12.2025). – Tekst: ehlektronnyj.
33. Kryukov,I.A. Razvitie instituta samozanyatosti v Rossii//Ehkonomicheskie nauki.2022.№3(33).−S.135-.
34. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik : prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnym Sovetom SSSR devyatogo sozyva 7.10.1977 g. // Tekst : ehlektronnyj // Garant. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/.
35. RF. Zakony. O zanyatosti naseleniya v RF: Federal'nyj zakon № 565-FZ : tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 8.08.2024 g.: prinyat Gosudarstvennoj dumoj 30.11.2023 g.: odobren Sovetom Federacii 7.12.2023 // Konsul'tantPlyus: http://www.consultant.ru [sajt]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 286-291.

УДК 347.771

ПАТЕНТНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ТЕХНИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ, РЕАЛИЗУЕМЫХ ПРОГРАММНЫМ СПОСОБОМ, И КРИТЕРИИ ИХ ПАТЕНТОСПОСОБНОСТИ

Волков Д. В., Кеклис А. Ю.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

В статье исследуется проблема разграничения программы для ЭВМ «как таковой», исключенной из числа изобретений подп. 5 п. 5 ст. 1350 ГК РФ, и технического решения, реализуемого программным способом и подлежащего патентной охране. Показано, что критерием такого разграничения в российской практике служит технический результат, который фактически выполняет функцию самостоятельного условия патентоспособности, однако закреплен лишь на уровне ведомственного акта. На основе анализа отечественной доктрины и практики Суда по интеллектуальным правам авторами обоснована трехступенчатая модель оценки патентоспособности программно реализуемых решений, включающая объектный тест, тест технического вклада отличительных признаков и тест достаточности раскрытия. Отдельно рассмотрено содержание понятия технического результата применительно к обработке данных и к решениям на основе машинного обучения. Сформулированы предложения о закреплении понятия технического результата в ст. 1350 ГК РФ в связи с принятием Федерального закона от 04.08.2026 № 296-ФЗ и об отражении предложенной методики в руководящих документах Роспатента.

Ключевые слова: изобретение, программа для ЭВМ, компьютерно-реализуемое изобретение, технический результат, условия патентоспособности, формула изобретения, Суд по интеллектуальным правам, машинное обучение.

Программа для ЭВМ занимает в системе объектов интеллектуальных прав положение, которое трудно назвать удобным для разработчика. Ст. 1261 ГК РФ охраняет ее как литературное произведение, то есть охраняет форму – исходный текст и объектный код. П. 5 ст. 1259 ГК РФ прямо выводит из-под авторско-правовой охраны идеи, методы, процессы, способы и решения технических задач, а заодно и языки программирования. Одновременно подп. 5 п. 5 ст. 1350 ГК РФ исключает программы для ЭВМ из числа изобретений, но делает это с оговоркой: исключение действует лишь тогда, когда заявка касается программы «как таковой». Получается, что наиболее ценная часть программного продукта – заложенный в него алгоритм, способ обработки данных, логика взаимодействия с оборудованием – авторским правом не охраняется в принципе, а патентным правом охраняется только при условии, что заявителю удастся показать: перед экспертизой не программа, а техрешение, реализованное программным способом. Именно здесь располагается научная проблема, которой посвящена статья. Законодатель ни в ГК РФ, ни в подзаконных актах не раскрывает, чем программа «как таковая» отличается от программно реализованного технического решения. Разграничение проводится через категорию техрезультата, но сама эта категория закреплена не в законе, а в приказе Минэкономразвития (в настоящее время это Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденные приказом от 21.02.2023 г. № 107, далее – Требования). Критерий, который решает судьбу заявки, размещен на уровне ведомственного нормотворчества, а его содержание формируется экспертизой Роспатента и практикой Суда по интеллектуальным правам. Авторы считают такое положение неудовлетворительным не потому, что практика ошибочна, а потому, что она лишена устойчивой доктринальной опоры и оттого плохо предсказуема для заявителя.

Актуальности вопросу добавляет Федеральный закон от 04.08.2026 № 296-ФЗ, которым в п. 1 ст. 1350 ГК РФ внесены изменения, вступающие в силу с 1 января 2027 г. Наряду с этим скорректирован ряд смежных норм части 4 ГК РФ, касающихся программ для ЭВМ, полезных моделей и промышленных образцов. Исключение программ «как таковых» из числа изобретений сохранено. Закон, следовательно, не снимает описанную проблему, а переводит ее в новую плоскость: признав компьютерную реализацию техрешения допустимой на уровне кодекса, законодатель оставил открытым вопрос о том, по каким признакам такая реализация от-

личается от непатентоспособного объекта. На момент подготовки статьи практики применения новой редакции не существует, поэтому дальнейшие рассуждения строятся на действующем регулировании с учетом того, что закон уже принят.

Проблема не нова. А.А. Пиленко в начале XX в. настаивал на том, что изобретение есть решение задачи, а не сама задача и не отвлеченная идея; охраняться может лишь то, что сделано, а не то, что задумано [1]. Это разграничение, по мнению авторов, сохраняет методологическое значение и для программных решений: алгоритм в его математической форме есть идея, а тот же алгоритм, описанный через действия конкретного устройства над конкретными данными с конкретным эффектом, – уже решение. В.А. Дозорцев, обосновывая систему интеллектуальных прав, показал, что авторское право строится на дихотомии формы и содержания и охраняет лишь первую; программа для ЭВМ, по его оценке, оказалась в авторском праве в значительной мере по соображениям удобства международной охраны, а не в силу природы объекта [2]. Отсюда закономерно следует, что содержательная часть программы должна искать охрану в другом институте.

Наиболее последовательно патентно-правовой подход к программам разрабатывал О.В. Ревинский. Еще в 1999 г. он поставил вопрос о патентоспособности компьютерных алгоритмов [3], а затем в монографии обосновал тезис, который авторы разделяют: программу следует описывать не как текст, а через действия, выполняемые компьютером под ее управлением, и тогда предметом охраны становится не программа, а техническая реализация идеи, тесно связанная с аппаратными средствами [4]. В.О. Калятин обращал внимание на условность границы между программой и способом, поскольку любая программа в конечном счете управляет физическими процессами в вычислительной машине [5]. В.Ю. Джермакян в постатейном комментарии к патентному законодательству подробно разбирает оговорку «как таковые» и приходит к выводу, что ее смысл состоит не в запрете патентовать программные решения, а в требовании, чтобы формула изобретения характеризовала техническое решение, а не программный продукт [6].

Для понимания того, почему авторское право не способно заменить патентную охрану, важна работа А.В. Кашанина о творческом характере произведения. Автор показал, что порог творчества в авторском праве низок и носит во многом формальный характер: охраняется индивидуальная форма выражения, но не содержание [7]. Применительно к программам это означает, что любой самостоятельно написанный код охраняется автоматически, а воспроизведение той же функциональности иным кодом нарушением не является. А.И. Савельев, анализируя практику лицензирования программного обеспечения, констатирует, что экономическая ценность программы заключена в ее функциональности, а не в тексте, и именно функциональность остается наименее защищенной [8]. Е.А. Войниканис рассматривает эту ситуацию как проявление общего кризиса парадигмы интеллектуальной собственности в цифровую эпоху и предлагает искать баланс через гибкие критерии охраноспособности [9]. Наконец, А.С. Ворожевич предупреждает об обратной опасности: расширение патентной монополии на функциональные решения способно блокировать развитие целых сегментов рынка, поэтому границы патентной охраны должны определяться с учетом интересов последующих разработчиков [10].

Обзор позволяет сделать промежуточный вывод. В отечественной доктрине сложилось согласие по 2-м пунктам: авторское право охраняет программу недостаточно, а патентное способно охранять программно реализованные решения при условии их технического характера. Согласия нет в главном – в том, что именно делает решение техническим. Одни авторы связывают техничность с воздействием на аппаратуру, другие – с характером решаемой задачи, третьи – с природой достигаемого результата. Авторы полагают, что ни один из этих признаков в отдельности не работает, и предлагают рассматривать патентоспособность программно реализуемо-

го решения как результат последовательного применения 3-х самостоятельных тестов.

Первый тест – объектный. Он вытекает непосредственно из п. 1 ст. 1350 ГК РФ, где способ определен как процесс осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств. Формула изобретения должна характеризовать либо устройство (в том числе программируемое), либо процесс, в котором фигурируют материальные объекты: сигналы, данные на физическом носителе, элементы оборудования. Данные при этом рассматриваются как материальный объект лишь постольку, поскольку они существуют в виде физических состояний памяти или сигналов; абстрактная информация таковым не является. На этом этапе отсеиваются заявки, формула которых описывает последовательность вычислений безотносительно к их носителю, – т.е. математический метод (подп. 2 п. 5 ст. 1350 ГК РФ) либо программа «как таковая». Тест прост, и его прохождение не представляет сложности: достаточно включить в формулу процессор, память и шаг ввода-вывода. Поэтому самостоятельного значения он почти не имеет, и было бы ошибкой останавливаться на нем, как это делает европейская практика в рамках подхода «любое аппаратное средство» (решение Апелляционной палаты ЕПВ T 258/03 по делу Hitachi), переносящая всю нагрузку на оценку изобретательского уровня.

Второй тест – тест вклада, и именно он, по мнению авторов, является центральным. Он требует установить, что признаки, отличающие заявленное решение от ближайшего аналога, сами находятся в причинно-следственной связи с техническим результатом. Т.е., недостаточно, чтобы решение в целом было техническим благодаря наличию компьютера; техническим должен быть вклад изобретателя. Если отличительные признаки сводятся к новым правилам хозяйственной деятельности, иному способу представления информации или иному порядку вычислений, а компьютер лишь исполняет их обычным образом, тест не пройден. Нормативной основой здесь служат п. 42 Требований, который определяет технический результат как «явление, свойство, а также технический эффект … объективно проявляющиеся при осуществлении способа либо при изготовлении или использовании продукта», и прямо указывает, что «не считаются техническими результаты, достигаемые лишь благодаря соблюдению определенного порядка при осуществлении видов деятельности на основе договоренности или установленных правил, заключающиеся только в получении информации и достигаемые только благодаря применению программы для ЭВМ или используемого в ней алгоритма, либо обусловленные особенностями смыслового содержания информации …». Внешне этот тест похож на подход, выработанный ЕПВ в решении T 641/00 (Comvik), однако авторы подчеркивают принципиальное отличие: в российской модели он применяется не на стадии оценки изобретательского уровня, а раньше – при решении вопроса о том, относится ли объект к изобретениям вообще. Различие имеет практические последствия. Отказ по подп. 5 п. 5 ст. 1350 ГК РФ не требует противопоставления источников и не может быть преодолен за счет сужения формулы несущественными для техники деталями.

Третий тест – тест раскрытия. Он проверяет, содержит ли описание изобретения сведения, достаточные для того, чтобы специалист мог установить, за счет каких именно операций и каким образом достигается заявленный результат. Для программно реализуемых решений этот тест приобретает особое значение, поскольку соблазн описать решение как «черный ящик» здесь особенно велик: заявитель указывает входные данные, желаемый выход и промежуточный «интеллектуальный» модуль, содержание которого не раскрыто. Практика Суда по интеллектуальным правам последних лет демонстрирует отказ в охране таким решениям. Так, по заявке № 2019130927 на систему библиографического поиска с лингвистическим анализом отказ Роспатента был поддержан Президиумом Суда по интеллектуальным правам (постановление от 31.07.2023 № С01-1184/2023) в связи с отсутствием в первоначальных материалах описания механизма анализа; ссылки на литературу, представ-

ленные позднее, не восполнили раскрытие на дату подачи. Авторы полагают, что для решений на основе машинного обучения тест раскрытия должен включать как минимум описание структуры входных данных, этапов их предобработки, архитектуры модели в объеме, достаточном для воспроизведения, и критериев принятия решения. Указание на использование нейронной сети без этих сведений техническим признаком не является – это обозначение класса средств, а не само средство.

Самый трудный вопрос в предложенной модели – содержание понятия технического результата применительно к обработке данных. Авторы предлагают следующее разграничение. Результат является техническим, если он выражается в изменении характеристик работы технической системы: сокращении объема используемой памяти, снижении вычислительной нагрузки, повышении помехоустойчивости, точности измерения физической величины, скорости передачи данных, надежности хранения. Результат не является техническим, если он состоит в получении нового знания о предмете, более удобном его отображении, экономии средств пользователя или в автоматизации того, что ранее делалось вручную. Последнее уточнение авторы считают важным: сам по себе перенос известной деятельности на компьютер не создает технического результата, даже если он объективно ускоряет работу. Ускорение в таком случае достигается не изобретением, а свойствами компьютера как такового. Иллюстрацией служит дело по заявке № 2020139057 на информационное пространство для предпринимателей, где снижение расходов на трафик и обслуживание и удобство одновременного доступа к базе данных не были признаны техническим результатом ни Роспатентом, ни судами; определением судьи ВС РФ от 08.07.2024 № 300-ЭС24-12232 в передаче жалобы для рассмотрения отказано.

Обратный пример – патент RU 2553452 на способ управления соединениями в сети мобильной связи, оспаривавшийся в деле № СИП-789/2016. Решение описывало последовательность действий узлов сети при недостатке средств на счете абонента: фиксацию вызова, уведомление вызывающего абонента, формирование и последующий разрыв транзитного соединения. Суд, повторно рассмотрев дело после отмены первоначального решения Президиумом, в 2018 г. оставил патент в силе. Авторы обращают внимание на то, что здесь присутствовали все три элемента предлагаемой модели: материальные объекты (узлы связи и сигналы), технический вклад отличительных признаков (новый порядок установления и разрыва соединения, изменяющий работу сети) и достаточное раскрытие последовательности операций. То, что решение одновременно обслуживало коммерческий интерес оператора, значения не имело. Экономическая цель не лишает решение технического характера, если результат достигается техническими средствами.

Из изложенного следует вывод, который авторы считают главным для настоящей статьи. В российском патентном праве требование технического результата дефакто выполняет роль четвертого условия патентоспособности наряду с новизной, изобретательским уровнем и промышленной применимостью. Это требование не названо в ст. 1350 ГК РФ, но без его проверки невозможно применить ни п. 1 (является ли решение техническим), ни п. 5 (касается ли заявка программы как таковой) данной статьи. Пленум ВС РФ в п. 118 постановления от 23.04.2019 № 10 связал перечень п. 5 ст. 1350 ГК РФ с понятием технического решения, подтвердив тем самым, что оговорка «как таковые» толкуется через признак техничности. Содержание же признака по-прежнему определяется подзаконным актом. Авторы расценивают это как дефект юридической техники, снижающий правовую определенность: заявитель, обращаясь к ГК РФ, не находит в нем критерия, по которому его заявка будет оценена в первую очередь. Принятие закона № 296-ФЗ показывает, что законодатель осознает проблему и движется к ее решению через прямое упоминание в ст. 1350 ГК РФ решений, реализуемых программируемыми устройствами. Шаг этот авторы оценивают положительно, но считают неполным. Указание на допустимость

компьютерной реализации само по себе не дает экспертизе инструмента для отграничения патентоспособных решений от непатентоспособных. Таким инструментом может быть только легальное определение технического результата или хотя бы закрепление в ГК РФ принципа, согласно которому техническим признается результат, выражающийся в изменении характеристик функционирования технической системы, а не в содержании обрабатываемой информации или экономическом эффекте. Предлагаем дополнить ст. 1350 ГК РФ соответствующим положением, перенеся его из п. 42 Требований с необходимой переработкой. Это не изменит сложившейся практики по существу, но придаст ей законную основу и позволит Суду по интеллектуальным правам опираться на норму закона, а не на ведомственный акт.

Второе предложение касается методики экспертизы. Предлагаемая трехступенчатая модель – объектный тест, тест вклада и тест раскрытия – может быть закреплена в Руководстве по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения (утв. прик. Роспатента от 27.12.2018 № 236) как обязательная последовательности анализа заявок, формула которых содержит признаки программной реализации. Ценность последовательности в том, что она не позволяет экспертизе ни остановиться на формальном наличии компьютера в формуле, ни, напротив, отказать в охране лишь потому, что решение связано с программой. Авторы сознают риск, на который указывает А.С. Ворожевич: чрезмерно либеральная экспертиза способна породить массив патентов на функциональные решения, блокирующих рынок [10]. Именно поэтому в предлагаемой модели тест вклада поставлен в центр: он отсекает решения, в которых компьютер служит лишь средством исполнения нетехнических правил, и тем самым удерживает патентную охрану в границах, где она обоснована экономически и доктринально.

Отдельного комментария заслуживают решения на основе машинного обучения. По мнению авторов, они не требуют особого правового режима и укладываются в общую модель. Обученная модель как набор параметров есть результат вычислений и сама по себе техническим решением не является – это аналог математического метода. Но способ обработки сигнала датчика с применением такой модели, дающий измеримое повышение точности или снижение задержки, тест вклада проходит, если описание раскрывает, какие именно признаки обработки обеспечивают эффект. Разграничение здесь проходит не по технологии, а по тому же критерию технического результата, что и для любых иных решений. Попытки сконструировать для искусственного интеллекта особый объект патентных прав авторы считают преждевременными: они умножают сущности там, где достаточно последовательного применения уже имеющихся категорий. Подводя итог, авторы формулируют следующие выводы. Патентно-правовая охрана программно реализуемых технических решений в России допускается действующим законодательством и не нуждается в особом объекте патентных прав; препятствием служит не исключение подп. 5 п. 5 ст. 1350 ГК РФ, а неопределенность критерия, отделяющего программу «как таковую» от технического решения. Этим критерием выступает технический результат, который фактически функционирует как самостоятельное условие патентоспособности, однако закреплен лишь на подзаконном уровне, что снижает правовую определенность. Патентоспособность программно реализуемого решения целесообразно устанавливать через последовательное применение 3-х тестов – объектного, вклада и раскрытия, из которых решающим является тест вклада, требующий технического характера именно отличительных признаков. ФЗ от 04.08.2026 № 296-ФЗ, вступающий в силу с 1.01.2027 г., создает предпосылки для легализации такого подхода, но без закрепления в ГК РФ понятия техрезультата останется во многом декларативным. Авторы предлагают восполнить этот пробел законодательно и одновременно отразить трехступенчатую методику в руководящих документах Роспатента. Насколько этот путь будет воспринят, покажет практика 2027 г. Уже сейчас

ясно одно: проблема находится не в плоскости «можно ли патентовать программы», а в плоскости «как отличить патентоспособное программное решение от непатентоспособного», и ответ на этот вопрос должен давать закон, а не ведомственная инструкция.

Список литературы:

1. Пиленко, А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. – Москва : Статут, 2001. – 688 с.
2. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / В. А. Дозорцев. – Москва : Статут, 2003. – 416 с. – Текст : непосредственный.
3. Ревинский, О. В. Патентоспособны ли компьютерные алгоритмы? / О. В. Ревинский // Патенты и лицензии. – 1999. – № 4. – С. 35–41. – Текст : непосредственный.
4. Ревинский, О. В. Компьютерное программное обеспечение и патентная охрана / О. В. Ревинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНИЦ Роспатента, 2005. – 167 с. – Текст : непосредственный.
5. Калятин, В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права). – М.: Норма, 2000. 480 с.
6. Джермакян, В. Ю. Патентное право по Гражданскому кодексу Российской Федерации: постатейный комментарий, практика применения, размышления / В. Ю. Джермакян. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНИЦ «Патент», 2014. – 591 с. – Текст : непосредственный.
7. Кашанин, А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве / А. В. Кашанин // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 75–119.
8. Савельев, А. И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика / А. И. Савельев. – Москва : Инфотропик Медиа, 2012. – 432 с. – Текст : непосредственный.
9. Войниканис, Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е. А. Войниканис. – Москва : Юриспруденция, 2013. – 547 с. – Текст : непосредственный.
10. Ворожевич, А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя / А. С. Ворожевич. – Москва : Статут, 2018. – 320 с. – Текст : непосредственный.

Volkov D. V., Keklis A. Yu. Patent protection for software-implemented technical solutions and criteria for their patentability // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 286-291.

This article examines the distinction between a computer program "as such"—which is excluded from the scope of patentable inventions under Subparagraph 5 of Paragraph 5 of Article 1350 of the Civil Code of the Russian Federation—and a software-implemented technical solution that is eligible for patent protection. It is shown that, in Russian practice, the criterion for this distinction is the "technical result," which effectively functions as an independent condition for patentability, despite being established only at the level of a departmental regulation. Based on an analysis of domestic legal doctrine and the case law of the Intellectual Property Rights Court, the authors propose a three-stage model for assessing the patentability of software-implemented solutions, comprising an object test, a technical contribution test for distinguishing features, and a disclosure sufficiency test. The concept of a "technical result" is examined specifically in the contexts of data processing and machine learning-based solutions. The authors offer recommendations for incorporating the concept of a "technical result" into Article 1350 of the Civil Code of the Russian Federation—in light of the adoption of Federal Law No. 296-FZ of August 4, 2026—and for integrating the proposed methodology into the official guidelines of Rospatent (the Russian Federal Service for Intellectual Property).

Keywords: invention, computer program, computer-implemented invention, technical result, conditions for patentability, patent claims, Intellectual Property Rights Court, machine learning.

Spisok literatury:

1. Pilenko, A. A. Pravo izobretatelya / A. A. Pilenko. – Moskva : Statut, 2001. – 688 s.
2. Dozorcev, V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii : sbornik statej / V. A. Dozorcev. – Moskva : Statut, 2003. – 416 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Revinskij, O. V. Patentosposobny li komp'yuternye algoritmy? // Patenty i licenzii. 1999. № 4. – S. 35–41.
4. Revinskij, O. V. Komp'yuternoe programmnoe obespechenie i patentnaya ohrana / O. V. Revinskij. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : INIC Rospatenta, 2005. – 167 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Kalyatin, V. O. Intellektual'naya sobstvennost' (Isklyuchitel'nye prava). – Moskva : Norma, 2000. – 480 s.
6. Dzhermakyan, V. Yu. Patentnoe pravo po Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii: postatejnyj kommentarij, praktika primeneniya, razmyshleniya / V. Yu. Dzhermakyan. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : INIC «Patent», 2014. – 591 s. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Kashanin, A. V. Tvorcheskij harakter kak uslovie ohranosposobnosti proizvedeniya v rossijskom i inostrannom avtorskom prave / A. V. Kashanin // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2007. – № 2. – S. 75–119.
8. Savel'ev, A. I. Licenzirovanie programmnogo obespecheniya v Rossii: zakonodatel'stvo i praktika.M., 2012.
9. Vojnikanis, E.A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v cifrovuyu epohu: paradigma balansa i gibkosti / E. A. Vojnikanis. – Moskva : Yurisprudenciya, 2013. – 547 s. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Vorozhevich, A. S. Predely osushchestvleniya i zashchity isklyuchitel'nogo prava patentoobladatelya / A. S. Vorozhevich. – Moskva : Statut, 2018. – 320 s. – Tekst : neposredstvennyj.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 292-298.

УДК 342.721

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПЕРЕДАЧА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И КРИТЕРИИ «АДЕКВАТНОЙ ЗАЩИТЫ»

Кеклис А. Ю., Волков Д. В.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Статья посвящена понятию «адекватная защита прав субъектов персональных данных», которое в российском законодательстве определяет правовой режим трансграничной передачи, но до сих пор не имеет нормативно закреплённого содержания. Авторы прослеживают три этапа трансформации статьи 12 Федерального закона «О персональных данных» (до 1.03.2023 г., с 1.03.2023 г. и с 26.07.2026 г.) и показывают, что по мере реформ институт адекватности утратил единственное формализованное основание – участие государства в Конвенции Совета Европы 1981 г. – и приобрёл сугубо перечневый, дискреционный характер. Проведено сопоставление российской модели с критериями ст. 45 Регламента (ЕС) 2016/679 и стандартом «существенной эквивалентности», выработанным Судом ЕС в делах Schrems I и Schrems II. Обоснован авторский подход, в рамках которого адекватность рассматривается как опровержимая презумпция, действующая на двух уровнях – государства и конкретного получателя. Для государственного уровня предложены пять групп критериев (нормативный, институциональный, защитный, публично-правовой и критерий взаимности), а также процедурные требования к формированию и пересмотру перечня; для уровня получателя – методическое обеспечение оценки, проводимой оператором. Сформулирован вывод о целесообразности перевода института адекватности из односторонней в договорную плоскость, начиная с пространства ЕАЭС.

Ключевые слова: персональные данные, трансграничная передача, адекватная защита, Конвенция 108, Роскомнадзор, перечень иностранных государств, уведомление, локализация, правовая определённость.

Трансграничная передача персональных данных давно перестала быть исключительным событием в деятельности оператора. Облачное хранилище, техническая поддержка иностранного вендора, сервис аналитики на сайте, расчёты с зарубежным контрагентом – в каждой из этих ситуаций данные российских граждан пересекают границу, причём нередко без осознанного решения передающего лица. Законодатель отвечает на это усложнением процедур. За 3,5 года, с 1.03.2023 г. по осень 2026 г., ст. 12 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ) менялась дважды, и оба раза менялась не техника, а сама конструкция допуска данных за рубеж. Центральным элементом этой конструкции остаётся понятие «адекватная защита прав субъектов персональных данных». Именно оно разводит иностранные государства на две группы с разным режимом передачи. Содержание понятия законом при этом не раскрыто. В этом и состоит научная проблема, которой посвящена настоящая статья: критерий, от которого зависит правомерность передачи и, как следствие, административная и уголовная ответственность оператора, существует в российском праве как отсылочная формула без собственного нормативного наполнения.

Авторы ставят перед собой три задачи: проследить, как менялось юридическое значение «адекватности» в российском законодательстве; сопоставить российскую модель с моделью, выработанной в праве Европейского союза и в доктрине, поскольку именно оттуда термин был заимствован; предложить систему критериев, пригодную для закрепления в законе или в акте Правительства РФ. Методологически работа строится на формально-юридическом и сравнительно-правовом анализе, дополненном функциональным подходом: адекватность рассматривается не как свойство иностранного правопорядка само по себе, а как юридическая презумпция, распределяющая бремя оценки рисков между государством и оператором. Такой ракурс, насколько известно авторам, в отечественной литературе последовательно не проводился. Проблематика персональных данных в российской науке информационного права разработана основательно. Л. К. Терещенко ещё в начале 2010-х годов показала, что режим персональных данных складывается на стыке частного и публичного интереса и что именно публично-правовые ограничения определяют его

границы [1]. Фундаментальные зарубежные работы о трансграничных потоках данных принадлежат К. Кунеру, который систематизировал национальные подходы и выделил 2 базовых типа регулирования: географический, привязанный к оценке правопорядка страны-получателя, и организационный, основанный на подотчётности самого передающего лица [2]. Л. Байгрейв обосновал тезис о постепенной глобальной конвергенции стандартов защиты данных вокруг европейской модели [3]. В российской литературе европейский контекст отечественного регулирования детально исследован Э.В. Талапиной [4]. Механизм распространения евростандартов на третьи страны – через решения об адекватности и рыночное давление – описан П. Шварцем [5] и А.Брэдфорд, предложившей для этого явления термин «брюссельский эффект» [6]. Последствия решения Суда ЕС по делу Schrems II для института адекватности проанализированы К.Траколем [7]. Работы А.И. Савельева [8] и коллектива авторов под руководством Т.А. Поляковой [9] задают общий вектор: информационное право переходит от охраны отдельных сведений к управлению потоками данных как самостоятельным объектом регулирования. В 2024 г. Д.В. Бахтеев, А.М. Сосновикова и Е.В. Казенас предложили междисциплинарную модель противодействия нелегальной трансграничной передаче, сделав акцент на технологическом контроле исходящих потоков и на обязанности оператора уведомлять субъекта о намерении передать данные за рубеж [10].

При всём богатстве этой литературы собственно критерии адекватности остаются в тени. Зарубежные авторы анализируют их применительно к праву ЕС, где они закреплены нормативно. Отечественные исследователи, как правило, ограничиваются констатацией того, что перечень «адекватных» государств утверждает Роскомнадзор. Что должно лежать в основе такого утверждения, какова его юридическая природа и какие последствия влечёт изменение статуса г-ва для уже начатых передач – после реформ 2023 и 2026 гг. эти вопросы требуют отдельного ответа.

Исходная редакция ст. 12 Закона № 152-ФЗ, действовавшая до 1.03.2023 г., опиралась на двойное основание. Адекватную защиту по умолчанию обеспечивали государства – стороны Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28.01.1981 г. (далее – Конвенция 108), а также иные государства, включённые в перечень уполномоченного органа. Передача в остальные страны допускалась при наличии письменного согласия субъекта, в рамках исполнения договора с ним и в нескольких иных прямо названных случаях. Это была классическая модель «белого списка» с закрытым перечнем изъятий – по существу та же логика, что и в Директиве 95/46/ЕС, с той поправкой, что роль решения об адекватности выполняло само участие в Конвенции.

Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ перестроил ст. с 1.03.2023 г. Исчезли изъятия на основании согласия и договора. Вместо них появился уведомительный порядок: оператор до начала передачи направляет в Роскомнадзор отдельное уведомление о намерении осуществлять трансграничную передачу (ч. 3 ст. 12), предварительно получив от иностранного получателя сведения о принимаемых мерах защиты, об условиях прекращения обработки, а для государств вне «адекватного» круга – ещё и информацию о правовом регулировании персональных данных в соответствующей юрисдикции (ч. 5 ст. 12). Адекватность с этого момента перестала быть условием допустимости передачи и стала условием момента её начала: в «адекватные» государства передавать можно сразу после направления уведомления, в остальные – только по истечении десяти рабочих дней, отведённых регулятору на принятие решения о запрете или ограничении (ч. 9–11 ст. 12). Порядок принятия таких решений установлен постановлением Правительства РФ от 16.01.2023 № 24. Третий шаг сделан Федеральным законом от 26.07.2026 № 265-ФЗ, вступившим в силу в день опубликования. Из ч. 2 ст. 12 исключено указание на то, что стороны Конвенции 108 признаются обеспечивающими адекватную защиту в силу самого

факта участия. Теперь единственным источником статуса является перечень Роскомнадзора, а критерием включения в него – соответствие правового регулирования государства и применяемых им мер «положениям Конвенции». Параллельно скорректированы п. 2 ч. 5 и части 10 и 11 ст. 12: везде, где прежде упоминались стороны Конвенции, осталась только ссылка на перечень. Сам перечень пока прежний – утверждённый приказом Роскомнадзора от 05.08.2022 № 128 и состоящий из двух разделов, стороны Конвенции и иные государства. Проект нового приказа опубликован 31.07.2026 г., но на момент подготовки статьи в силу не вступил, так что переходный период продолжается.

Авторы оценивают это движение неоднозначно. С одной стороны, законодатель отказался от сугубо формального признака – факта участия в международном договоре – в пользу содержательного. Участие в Конвенции в самом деле мало говорит о том, как она исполняется: текст 1981 г. не содержит ни требования о независимом надзорном органе, ни детальных норм о средствах правовой защиты, и государство может оставаться его стороной при весьма скромном уровне реальных гарантий. С другой стороны, содержательный критерий заявлен, но не раскрыт. Формула «соответствие положениям Конвенции» отсылает к документу, который сам построен как набор принципов (добросовестность и законность сбора, целевое ограничение, соразмерность, точность, ограничение сроков хранения, безопасность, права субъекта), а не как проверяемый стандарт. Кто, по какой процедуре и с какой периодичностью устанавливает соответствие, закон умалчивает. В результате институт, определяющий режим передачи, стал более дискреционным, чем до реформы.

Есть и международно-правовая сторона вопроса, которая, по наблюдению авторов, в обсуждении реформы почти не затрагивалась. Ст. 12 самой Конвенции 108 запрещает стороне исключительно в целях защиты частной жизни запрещать трансграничные потоки данных на территорию другой стороны или обусловливать их специальным разрешением, допуская отступления лишь для отдельных категорий данных и для случаев передачи через территорию стороны в государство, не являющееся стороной. Российский уведомительный порядок формально разрешением не является. Но десятидневный мораторий на передачу, в течение которого регулятор вправе её запретить, функционально к разрешительному режиму близок. Пока стороны Конвенции освобождались от моратория в силу закона, напряжения не возникало. После 26.07.2026 г. сторона Конвенции, не включённая в перечень, подпадает под мораторий наравне с любым третьим государством. Это создаёт риск коллизии между национальным законом и международным договором, участницей которого РФ остаётся (Конвенция ратифицирована ФЗ от 19.12.2005 № 160-ФЗ, и её действие не связано с членством в Совете Европы). Снять коллизию можно только обеспечив, чтобы перечень фактически охватывал всех участников Конвенции, кроме тех, в отношении которых имеются подтверждённые основания для отступления.

Понятие адекватности пришло в российское право из европейского, и это обязывает посмотреть, каким содержанием оно наполнено там. Уже на уровне терминологии заметно расхождение: европейские акты говорят об «адекватном уровне защиты» (adequate level of protection), тогда как российский закон – об «адекватной защите прав субъектов». Первая формула ориентирована на правопорядок, вторая – на положение конкретного лица, и в этом смысле российская редакция, как ни парадоксально, ближе к стандарту, который Суд ЕС выработал лишь впоследствии. Директива 95/46/ЕС перечисляла обстоятельства, подлежащие учёту при оценке адекватности: характер данных, цель и продолжительность обработки, страна происхождения и назначения, действующие нормы права и профессиональные правила, меры безопасности. Регламент (ЕС) 2016/679 в ст. 45 развернул этот перечень в систему. Европейская комиссия обязана оценивать верховенство права и соблюдение прав человека; законодательство о защите данных, включая нормы о доступе публичных властей к данным; наличие эффективных и обеспеченных судебной защи-

той прав субъектов; существование независимого надзорного органа с реальными полномочиями; международные обязательства государства. Решение об адекватности подлежит пересмотру не реже одного раза в 4 года и может быть отозвано.

Решающий вклад в понимание адекватности внёс Суд ЕС. В решении по делу Schrems I (C-362/14, 6.10.2015 г.) он указал, что «адекватный» не означает «идентичный», но требует уровня защиты, по существу эквивалентного (essentially equivalent) гарантированному в Союзе. В деле Schrems II (C-311/18, 16.07.2020 г.) Суд применил этот стандарт к доступу спецслужб к данным и к наличию у иностранных субъектов средств судебной защиты, признав недействительным решение о Privacy Shield. К. Траколь справедливо отмечает, что после Schrems II адекватность перестала быть вопросом только о законодательстве о персональных данных; она стала вопросом о пределах полномочий государства в целом [7]. Одновременно бремя оценки частично переместилось на самих экспортёров данных: при использовании стандартных договорных условий они обязаны самостоятельно проверять, не нейтрализует ли право страны-получателя договорные гарантии.

К. Кунер ещё до этих решений предупреждал, что географическая модель страдает врождённым пороком: она оценивает правопорядок в целом, тогда как реальный риск определяется конкретным получателем и конкретной обработкой [2]. Альтернатива – модель подотчётности, реализованная, в частности, в системе трансграничных правил конфиденциальности АТЭС, где допустимость передачи обеспечивается сертификацией организации, а не признанием государства. Л. Байгрейв, напротив, видит в географической модели инструмент экспорта стандартов и объясняет её устойчивость именно этим [3]. Эмпирическую основу под тезис о конвергенции подводит Г. Гринлиф: по его подсчётам, к 2023 г. национальные законы о защите данных действовали в 162 государствах, и большинство новых актов воспроизводят европейские принципы [11]. Для настоящего исследования из этого следует простой вывод: государств, у которых вовсе нет законодательства о персональных данных, становится всё меньше, а значит, вопрос адекватности всё реже сводится к наличию закона и всё чаще – к качеству его применения.

Для российской проблематики отсюда вытекают два положения. Первое: привязка адекватности к Конвенции 108, а не к Регламенту (GDPR) – осознанный выбор более старого и менее требовательного стандарта. Выбор объясним. Россия является стороной Конвенции и, в отличие от Регламента, может ссылаться на неё как на собственное международное обязательство; протокол 2018 г. о модернизации Конвенции (так называемая Конвенция 108+) Россией подписан, но не ратифицирован, поэтому и ориентир на него был бы юридически уязвим. Второе: российская модель с 2023 г. неявно воспроизвела ту самую «приватизацию» оценки, которая описана применительно к последствиям Schrems II. П. 2 ч. 5 ст. 12 возлагает на оператора обязанность собрать информацию о правовом регулировании персональных данных в государстве, не включённом в перечень. По сути, это оценка адекватности на уровне оператора, только без методики, без критериев и без правовых последствий результата: закон не говорит, что должен сделать оператор, если собранная информация свидетельствует о низком уровне защиты. Ни отказаться от передачи, ни получить дополнительное согласие субъекта он не обязан. Обязанность собрать сведения, лишённая обязанности на них отреагировать, выглядит как чисто учётная.

Авторы предлагают рассматривать адекватность как опровержимую юридическую презумпцию, действующую на двух уровнях. На уровне государства включение в перечень означает презумпцию того, что правопорядок получателя обеспечивает соблюдение принципов Конвенции 108; оператор освобождается от сбора сведений о правовом регулировании и вправе начать передачу немедленно. На уровне получателя оператор во всех случаях обязан удостовериться в мерах защиты, принимаемых конкретным лицом (п. 1 ч. 5 ст. 12), и зафиксировать дату такой оценки

(п. 7 ч. 4 ст. 12). Разграничение уровней снимает кажущееся дублирование: государственная адекватность отвечает за правовую среду, адекватность получателя – за фактическую практику. Проблема действующей редакции не в двухуровневости как таковой, а в том, что ни один из уровней не снабжён критериями.

Для государственного уровня авторы предлагают закрепить – в ч. 2 ст. 12 либо в постановлении Правительства РФ, принимаемом на её основании, – 5 групп критериев. Первая, нормативная: наличие закона о персональных данных общего действия, воспроизводящего принципы Конвенции 108 и распространяющегося на частный и публичный сектор. Вторая, институциональная: существование надзорного органа, независимого от поднадзорных лиц, с полномочиями проводить проверки и применять меры воздействия. Третья, защитная: доступность для субъектов, не являющихся гражданами или резидентами соответствующего государства, административных и судебных средств защиты, включая право на доступ к данным, их исправление и уничтожение. Четвёртая, публично-правовая: наличие в законодательстве ограничений доступа органов власти к данным частных лиц, основанных на требованиях необходимости и соразмерности, и независимого контроля за таким доступом. Пятая, взаимности: признание соответствующим государством достаточности уровня защиты в РФ либо отсутствие в его праве запретов на передачу данных в Россию. Последний критерий в европейской модели отсутствует, и это не случайно: Союз выступает экспортёром стандарта и в симметрии не нуждается. Для России, напротив, взаимность – единственный способ избежать положения, при котором государство признаётся «адекватным» для оттока данных, но само считает российский правопорядок недостаточным для их притока.

Критерии бесполезны без процедуры. Авторы считают необходимым установить: мотивированность решения о включении в перечень и об исключении из него с опубликованием мотивов; обязательный периодический пересмотр перечня (разумным ориентиром представляется четырёхлетний цикл, принятый в Регламенте (GDPR), с возможностью внепланового пересмотра при существенном изменении законодательства государства); переходный период при исключении государства из перечня, в течение которого ранее начатые передачи не считаются нарушением при условии получения оператором сведений, предусмотренных пунктом 2 части 5 статьи 12. Сегодня такого механизма нет. Смена статуса государства ставит добросовестного оператора в положение правонарушителя задним числом, причём узнаёт он об этом из нового приказа, а не из закона. Для уровня получателя целесообразна не нормативная детализация, а методическое обеспечение. Роскомнадзор мог бы утвердить рекомендуемую форму запроса сведений иностранному получателю и ориентировочный перечень вопросов для оценки его мер защиты. Новых обязанностей это не создаст, но даст оператору и проверяющему общую точку отсчёта. Опыт показывает, что при отсутствии такой точки регуляторная неопределённость разрешается не в пользу оператора. Значимость вопроса выросла после того, как ФЗ от 30.11.2024 № 421-ФЗ ввёл в УК РФ ст. 272.1, ч. 4 которой выделяет трансграничное перемещение незаконно полученных персональных данных в качестве квалифицирующего признака, а ФЗ от 30.11.2024 № 420-ФЗ существенно ужесточил санкции ст. 13.11 КоАП РФ. Чем тяжелее последствия, тем менее допустима размытость оснований – этот тезис едва ли нуждается в развёрнутом доказывании.

Отдельно следует развести адекватность и локализацию. Ч. 5 ст. 18 Закона № 152-ФЗ в редакции ФЗ от 28.02.2025 № 23-ФЗ с 1.07.2025 г. не допускает запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение и извлечение персональных данных граждан Российской Федерации при их сборе с использованием баз данных, находящихся за пределами территории страны, за прямо названными исключениями. Это требование к первичной обработке, а не запрет последующей передачи; в разъяснениях Минцифры России 2025 г. на это прямо обращено внимание. Следовательно, локализация не делает адекватность излишней: данные, собранные в рос-

сийскую базу, при передаче за рубеж проходят весь порядок ст. 12. Смешение двух режимов в практике операторов нередко приводит к выводу, что «российский сервер» решает проблему. С правовой точки зрения этот вывод ошибочен, а с точки зрения авторов – ещё и показателен: он демонстрирует, что операторы интуитивно ищут один простой критерий там, где закон предлагает два разных.

Есть и региональное измерение. Евразийский экономический союз не имеет наднационального регулирования персональных данных, хотя Договор о ЕАЭС предполагает свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, немыслимое без движения данных. Законодательство государств-членов построено на сходных принципах и во многом ориентировано на российскую модель. Авторы полагают, что взаимное признание адекватности внутри ЕАЭС, оформленное международным договором, – наиболее реалистичный первый шаг к тому, чтобы российский перечень из односторонне утверждаемого списка превратился в инструмент международно-правового взаимодействия. Такой подход согласуется и с ранним наблюдением Н. И. Петрыкиной о том, что оборот персональных данных невозможно удержать в национальных границах одними запретами [12], и с тезисом В. Б. Наумова о том, что юрисдикционные конфликты в сети разрешаются соглашениями, а не односторонними актами [13]. Оба наблюдения сделаны задолго до нынешних реформ, но, как представляется, ничуть не устарели.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, за период 2023–2026 гг. понятие адекватной защиты в российском праве изменило свою функцию: из условия допустимости передачи оно стало условием момента её начала, а затем лишилось единственного формализованного основания – участия государства в Конвенции 108. Институт стал полностью перечневым, а критерий включения в перечень – бланкетным. Во-вторых, российская модель, заимствовав европейский термин, не заимствовала его содержание: ни критерии ст. 45 Регламента (GDPR), ни стандарт существенной эквивалентности в ней не отражены, а ориентация на Конвенцию 108 в ред. 1981 г. означает выбор менее требовательного стандарта. Авторы не считают это ошибкой само по себе – опора на международно-правовую основу, обязательную для самой России, последовательна. Ошибкой является отсутствие у выбранной основы операционального наполнения. В-третьих, адекватность целесообразно понимать, как двухуровневую презумпцию, и для каждого уровня предложен собственный инструментарий: закреплённые критерии и процедура пересмотра – для государства, методические рекомендации – для оператора. В-четвёртых, в число критериев необходимо включить взаимность, которая отсутствует в европейской модели, но для России имеет принципиальное значение. В-пятых, реформа 2026 г. создала риск расхождения между национальным порядком и ст. 12 Конвенции 108 в отношении её сторон, не включённых в перечень; устранить его должен состав нового перечня. В-шестых, наиболее перспективным направлением развития института представляется его перевод из односторонней в договорную плоскость, начиная с пространства ЕАЭС.

Авторы отдают себе отчёт в том, что предложенные критерии могут быть реализованы по-разному и что их применение потребует от уполномоченного органа аналитической работы, результаты которой до сих пор публично не представлялись. Но альтернатива – сохранение формулы, смысл которой определяется исключительно содержанием подзаконного перечня, – едва ли совместима с принципом правовой определённости. В сфере, где за ошибку оператора предусмотрена уголовная ответственность, значение этого принципа трудно переоценить.

Список литературы:

1. Терещенко, Л. К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства : монография / Л. К. Терещенко. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИНФРА-М, 2013. – 227 с. – Текст : непосредственный.

2. Kuner, C. Transborder Data Flows and Data Privacy Law. – Oxford : Oxford University Press, 2013. 285 p.
3. Bygrave, L.A. Data Privacy Law: An International Perspective. – Oxford : Oxford University Press, 2014.
4. Талапина, Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13, № 5. – С. 117-150.
5. Schwartz, P. M. Global Data Privacy: The EU Way / P. M. Schwartz // New York University Law Review. – 2019. – Vol. 94, № 4. – P. 771-818. – Текст : непосредственный.
6. Bradford, A. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World / A. Bradford. – New York : Oxford University Press, 2020. – 404 p. – Текст : непосредственный.
7. Tracol, X. «Schrems II»: The return of the Privacy Shield // Computer Law & Security Review. – 2020.
8. Савельев, А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43-66.
9. Полякова, Т. А. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 75-87.
10. Бахтеев, Д. В. Преодоление нелегальной трансграничной передачи персональных данных // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 4. – С. 943-972. – Текст : непосредственный.
11. Greenleaf, G. Global Data Privacy Laws 2023: 162 National Laws and 20 Bills / G. Greenleaf // Privacy Laws & Business International Report. – 2023. – № 181. – P. 1-4. – Текст : непосредственный.
12. Петрыкина, Н. И. Правовое регулирование оборота персональных данных: теория и практика / Н. И. Петрыкина. – Москва : Статут, 2011. – 134 с. – Текст : непосредственный.
13. Наумов, В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. – М., 2002. – 432 с.

Keklis A. Yu., Volkov D. V. Cross-border transfer of personal data and criteria for "adequate protection" // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 292-298.

This article examines the concept of "adequate protection of the rights of personal data subjects," which, under Russian law, defines the legal regime for cross-border data transfers but currently lacks a formally established, statutory definition. The authors trace three stages in the evolution of Article 12 of the Federal Law "On Personal Data" (covering the periods prior to March 1, 2023; from March 1, 2023; and from July 26, 2026). They demonstrate that, through these reforms, the mechanism of "adequacy" has lost its sole formalized basis—a state's participation in the 1981 Council of Europe Convention—and has instead shifted toward a discretionary, list-based approach. The Russian model is compared against the criteria set forth in Article 45 of Regulation (EU) 2016/679 (GDPR) and the "essentially equivalent" standard established by the Court of Justice of the European Union in the *Schrems I* and *Schrems II* cases. The authors propose an approach that views adequacy as a rebuttable presumption operating at two levels: that of the state and that of the specific recipient. For the state level, the authors suggest five categories of criteria—normative, institutional, protective, public-law, and reciprocity-based—along with procedural requirements for establishing and reviewing the list of recognized jurisdictions.

Keywords: personal data, cross-border transfer, adequate protection, Convention 108, Roskomnadzor, list of foreign states, notification, localization, legal certainty.

Spisok literatury:

1. Tereshchenko, L.K. Modernizaciya informacionnyh otnoshenij i informacionnogo zakonodatel'stva : monografiya. – M.:Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; INFRA-M, 2013.
2. Kuner, C. Transborder Data Flows and Data Privacy Law. – Oxford, 2013. – 285 p.
3. Bygrave, L. A. Data Privacy Law: An International Perspective. – Oxford, 2014. – 233 p.
4. Talapina, E. V. Zashchita personal'nyh dannyh v cifrovuyu epohu: rossijskoe pravo v evropejskom kontekste / E. V. Talapina // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2018. – T. 13, № 5. – S. 117-150.
5. Schwartz, P. M. Global Data Privacy: The EU Way / P. M. Schwartz // New York University Law Review. – 2019. – Vol. 94, № 4. – P. 771-818. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Bradford, A. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World / A. Bradford. – New York : Oxford University Press, 2020. – 404 p. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Tracol, X. «Schrems II»: The return of the Privacy Shield // Computer Law & Security Review. – 2020.
8. Savel'ev, A. I. Problemy primeneniya zakonodatel'stva o personal'nyh dannyh v epohu «Bol'shih dannyh» (Big Data) / A. I. Savel'ev // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2015. – № 1. – S. 43-66.
9. Polyakova, T. A. Novye vektory razvitiya informacionnogo prava v usloviyah civilizacionnogo krizisa i cifrovoj transformacii // Gosudarstvo i pravo. – 2020. – № 5. – S. 75-87. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Bahteev, D. V. Preodolenie nelegal'noj transgranichnoj peredachi personal'nyh dannyh / D. V. Bahteev, A. M. Sosnovikova, E. V. Kazenas // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. T. 2, № 4. S. 943-972.
11. Greenleaf, G. Global Data Privacy Laws 2023: 162 National Laws and 20 Bills / G. Greenleaf // Privacy Laws & Business International Report. – 2023. – № 181. – P. 1-4. – Tekst : neposredstvennyj.
12. Petrykina, N.I. Pravovoe regulirovanie oborota personal'nyh dannyh: teoriya i praktika. - M.: Statut, 2011.
13. Naumov, V. B. Pravo i Internet: ocherki teorii i praktiki / V. B. Naumov. – M., 2002.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 299-304.

УДК 349.6

НЕТИПИЧНЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА: О НЮАНСАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ И ПОЛНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОСИСТЕМЫ

Евтушенко В. И.

Белгородский национальный исследовательский университет, Россия, Белгород)

Повышение уровня загрязнения и рост деградации окружающей природной среды не всегда являются результатом какой-либо умышленных действий, а зачастую являются лишь непредвиденным, непредсказуемым негативным последствием деятельности по преобразованию окружающей природной среды, изначально предусматривающие только её позитивные трансформации для блага как для отдельного человека, так и всего человечества. Происходящие подобного рода процессы в сфере экологии и защиты окружающей природной среды создают необходимость совершенствования действующего законодательства и, в первую очередь, расширение понятия «экологический вред». Кроме того, нуждается в более проработке механизм приведения пострадавшей экологической системы в первоначальное состояние. С учётом больших материальных затрат на восстановительные процедуры, необходимо рассмотреть возможность применение таких механизмов, как, например, обязательное страхование природохозяйственной деятельности физических и юридических лиц, субсидиарная ответственность организаций, давших положительное экологическое заключение по результатам экологической экспертизы проекта, который привел к негативным экологическим последствиям и так далее.

Ключевые слова: деградация природной среды, экологический вред, зона экологического бедствия, глобальное потепление, климатическая миграция, право личности на благоприятную окружающую среду, экологическая экспертиза, заключение государственной экологической экспертизы, возмещение экологического вреда, восстановление нарушенной экосистемы.

Одним из ключевых факторов существующей на настоящее время действительности является высокий уровень индустриальной и природоустроительной деятельности всего человечества, прежде всего, в двух основных секторах промышленного кластера практически любой страны мира – обрабатывающей и добывающей. Данная деятельность имеет непреходящую ценность для всего человечества, участвуя, по сути, во всех областях деятельности человека, создавая все материальные блага: средства производства и товары массового потребления, производство и переработку сельскохозяйственной продукции, добычу сырья и выработку электрической энергии и так далее [1, с. 60]. Промышленное и перерабатывающее производство – основа экономической системы любой страны, фундамент формирования доходной части его государственного бюджета и доходов самих граждан.

В тоже время в последние годы человечество и всё мировое сообщество всё больше сталкивается и с негативными последствиями промышленного и научно-технического прогресса, прежде всего, связанные с значительным повышением уровня загрязнения и, соответственно, ростом деградации окружающей природной среды в силу таких факторов, как неконтролируемая добыча полезных ископаемых, бесконтрольная вырубка лесов, хищническая эксплуатация сельскохозяйственных земельных ресурсов, неузаконенный сброс промышленных и бытовых отходов, загрязнение морских и речных ресурсов, ненадлежащая утилизация опасных отходов и так далее, что также несёт угрозу национальному благосостоянию, жизни и здоровью местного населения, а также попирает естественное конституционное право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду [2, с. 55].

Такого порядка деяния, наносящие непоправимый экологический ущерб, имеют место быть как на региональном, так и на общемировом уровне. В тоже время данная природоустроительная деятельность может иметь четко предсказуемое неблагоприятное воздействие на окружающую среду и тогда при её планировании в обяза-

тельном порядке необходимо включать мероприятия по мимизации своих предусмотренных негативных последствий. Так, в частности, планирование промышленного процесса добычи полезных ископаемых должно в обязательном порядке содержать одновременные действия по последующей рекультивации земель и восстановлению экологического равновесия в местах их добычи. Или, например, плановая вырубка леса должна сопровождаться высадкой сопоставимого количества новых деревьев в целях возобновления существующего лесного массива.

Но нередко такого рода действия в случае отсутствия адекватной, детально проработанной экологической экспертизы, приводят не просто к нанесению природной среде крупного экологического ущерба, но и к образованию зон экологического бедствия. Наиболее показательным примером является образование зоны экологического бедствия в районе бывшего Аральского моря (нынешней пустыни Аралкум), где в результате непродуманного строительства в 60-е и 70-е годы XX в. сети гидромелиорационных каналов для экстенсивного развития производства хлопка в тогда ещё Узбекской ССР, подобная деятельность привела к одной из крупнейших экологических катастроф в истории человечества [3, с. 300]. В рамках общечеловеческого промышленного и технологического развития такого рода экологическим бедствием постепенно становится как в отдельных регионах нашей планеты, так и в планетарном объёме фактор так называемого «глобального потепления». Данный процесс уже привёл к росту средней глобальной общепланетарной температуры, что, в свою очередь, привело к ряду негативных последствий. Среди них, например, всё более часто повторяющиеся, более затяжные и приводящие к более негативным для проживающих там людей последствиям засухам [4, с. 133].

Ещё одним глобальным последствием глобального потепления является постепенное таяние вековых ледников и, как следствие, повышение уровня мирового океана. Это уже приводит к затоплению прибрежных территорий и далее грозит полному затоплению целого ряда обитаемых островов [5, с. 19]. Такого рода набирающие силу процессы породили официально признанную на международном уровне так называемую «климатическую миграцию» – новый вид вынужденной миграции [6, с. 5]. Основной причиной данного вида миграционных процессов как раз и являются негативные для окружающей природной среды, приводящие в итоге к нарушению естественного права личности на благоприятную окружающую среду и угрозе жизни и здоровью человека, последствия широкомасштабной производственной и природоустроительной деятельности человечества.

Происходящие подобного рода процессы в сфере экологии и защиты окружающей природной среды создают необходимость более подробного анализа действующего законодательства. Например, совершенствование понятийного аппарата действующих нормативных актов в данной области и, в первую очередь, расширение понятий уже существующих дефиниций. Например, понятия «экологический вред», определяемое в российском законодательстве как «негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов» [7], как представляется, не в полной мере отражает существующую действительность.

Достаточно узкая трактовка данной дефиниции оставляет за пределами рассмотрения огромный пласт причин нанесения в результате как общечеловеческих деяний в планетарном объёме, так и отдельных действий физических и юридических лиц, социальных общностей и так далее зачастую непоправимого ущерба окружающей природной среде и, в конечном итоге, появлению угрозы жизни и здоровью человека и нарушению права личности на благоприятную окружающую среду. Такого рода последствия не всегда являются результатом какой-либо умышленных действий, а зачастую являются лишь непредвиденным, непредсказуемым негатив-

ным последствием деятельности по преобразованию окружающей природной среды, изначально предусматривающие только её позитивные трансформации для блага как для отдельного человека, так и всего человечества. Это может быть результатом как некачественно проведённой экологической экспертизы проекта будущей природоустраительной деятельности, законодательно определённая процедура проведения которой [8] и так «значительно ревизована в сторону ослабления» [9, с. 511], так и фактической невозможностью предвидеть её возможные негативные последствия для природной среды как отдельно взятого региона, так и в целом для всего мира. В тоже время экологический вред не всегда причиняется нарушением установленных экологических правил, правовых норм и стандартов.

Иногда представляется достаточно сложным провести грань между деятельностью человека по преобразованию и благоустройству природной окружающей среды с техногенным природноустроительным процессом, изначально планировавшимся как совокупность действий по созданию благоприятной для жизни человека природной среды, но который в конечном итоге неблагоприятно сказывается на естественной экологической системе, что приводит к нанесению ущерба окружающей природной среде и негативным последствиям для жизни и здоровья человека [10, с. 29].

Собственно говоря, определение дефиниции «вред окружающей среде» в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» не совсем соответствует даже последующему содержанию данного правового документа. Это, по всей видимости, связано с неоднократно вносимыми в него изменениями, что в данном конкретном случае привело к нарушению внутренней логики нормативного акта. Анализ ст. 77 «Обязанность полного возмещения вреда окружающей среде» и ст. 78 «Порядок компенсации вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды» законодательного акта, в которых наиболее полно раскрываются вопросы возмещения причиненного окружающей природной среде экологического вреда, показывает, что при рассмотрении вопросов определения вида и размера компенсации нанесённого ущерба законодатель дефиницию «экологический вред» рассматривает гораздо более широко.

Так, ст. 77 рассматривает в качестве требующей обязательного возмещения в полном объёме нанесенного экологического вреда практически любую деятельность физических или юридических лиц, которая привела к негативному воздействию на окружающую природную среду, к которому законодатель относит не только загрязнение природной среды, но и такие факторы, как истощение и нерациональное использование природный ресурсов, нарушение устоявшегося порядка функционирования естественных природных систем и комплексов, деградацию и уничтожение сложившихся природных ландшафтов и так далее. Причём последствия в виде необходимости полного возмещения нанесённого экологического ущерба наступают для физических и юридических лиц даже в случае, если хозяйственная деятельность, её причинившая, осуществлялась в полном соответствии с бизнес-планом или проектом, получившим позитивный вердикт государственной экологической экспертизы.

Понятие «вред окружающей среде» в контексте ст. 78 ФЗ «Об охране окружающей среды», рассматривающей обязанность физических и юридических лиц по решению судебных органов компенсировать в случае нарушения ими законодательства в области охраны окружающей среды нанесённый природной среде ущерб, не конкретизирует. В тоже время, из содержания данной статьи понятно, что дефиниция «экологический вред» в данном контексте трактуется очень широко, как любой ущерб, нанесённый противоправными действиями окружающей природной среде.

Такого рода трактовка говорит о необходимости более широкой трактовки дефиниции «экологический вред».

Вторым аспектом данной проблемы видится необходимость пересмотра сложившейся в российском законодательстве практики возмещения нанесенного экологического вреда. Рассматривая стороны данного вопроса, необходимо выделить два аспекта, во многом определяющий данный процесс. Это связано с двумя основными сложившимися механизмами возмещения нанесенного ущерба: экологическая система, предусматривающую непосредственное проведение комплекса мероприятий по восстановлению нарушенной экосистемы территории и имеющего конечной целью приведению её в первоначальное состояние; финансово-экономическая система, то есть выплата денежного платежа, при определении размера которого должны учитываться все возможные затраты на оплату полного комплекса восстановительных мероприятий по реновации нарушенного в процессе события или действия, нарушившего экологическое равновесие на определённой территории, и возрождение окружающей природной среды. Сюда же относятся и расходы по материально-денежной компенсации нанесённого материального и морального вреда, угрозы жизни и здоровью людей, проживающих на территории произошедшего экологического катаклизма и так далее. Существование такой двойной системы возмещения нанесённого экологического вреда связано с тем, что не всегда возможно привести пострадавший во время чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера район и его природно-территориальный комплекс в исходное состояние [11, с. 180]. Ещё сложнее бывает привести в первоначальное состояние зоны экологического бедствия, где негативные для человека и окружающей его природной среды изменения накапливались в течении продолжительного периода.

В тоже время, необходимо отметить, что финансовая компенсация за нанесённый экологический вред – система, получившая гораздо большее распространение в рамках правоприменительной деятельности в данной сфере. Определение размера компенсации при рассмотрении нанесённого экологического вреда опирается на целый ряд такс и методик исчисления нанесённого экологического вреда, утвержденных соответствующими подзаконными актами, такими, как, например, ведомственные приказы Минприроды России [12; 13; 14], его предшественника – Государственного комитета РФ по охране окружающей среды РФ [15] и т.д.

Приведение пострадавшей экологической системы в первоначальное состояние – механизм, который недостаточно проработан нормативно и применяется, как правило, гораздо реже. Нормативно такая система предусмотрена только ст. 78 ФЗ «Об охране окружающей среды», устанавливающей возможность возложения по решению судебных органов на виновную сторону обязанности привести в первоначальное состояние пострадавший по её вине эколого-природный комплекс. Представляется, что такого рода система должна иметь более широкое применение и иметь в большей степени прописанный механизм правового регулирования. С учётом больших материальных затрат на восстановительные процедуры, необходимо рассмотреть возможность применение таких механизмов, как, например, обязательное страхование природохозяйственной деятельности физических и юридических лиц, субсидиарная ответственность организаций и учреждений, а также должностных лиц, давших положительное экологическое заключение по результатам экологической экспертизы проекта, который привел к негативным экологическим последствиям и так далее.

Список литературы:

1.Федина А.П. Развитие промышленности как фактор развития экономики государства. В сборнике: Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы. Сборник статей II международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 12 марта 2020 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука». 2020. С. 60-65.

2.Сорокина Н.Н. Методологические основы и геоэкологические аспекты деградации компонентов окружающей природной среды. В сборнике: Современные проблемы землеустройства, кадастров, природообустройства и повышения безопасности труда в АПК. Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции. Красноярск, 22–23 мая 2025 г. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2025. С. 54-56.
3.Абдрахманов Т., Джалилова Г.Т., Жаббаров З.А. Последствия экологического кризиса Аральского моря. В сборнике: Инновационные пути развития адаптивно-ландшафтных систем земледелия. Сборник докладов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения чл.-корр. РАСХН В.М. Володина. Курск, 25–27.09.2024 г. Курск: Курский федеральный аграрный научный центр. 2024. С. 299-302.
4.Коробова В.М. Глобальное потепление: роль парникового эффекта в изменении климата. В сборнике: Актуальные проблемы использования почвенных ресурсов и пути оптимизации антропогенного воздействия на агроценозы: цифровизация, экологизация, основы органического земледелия. Материалы Международной научно-практической конференции. Персиановский, 23.10.2024 г. Персиановский: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный аграрный университет». 2024. С. 132-134.
5.Ивашко И.И., Скрипник О.Б. Климатическая миграция населения: преимущества и недостатки новой парадигмы мироустройства. // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2022. № 2. С. 15-23.
6.Евтушенко В.И., Дизер О.А. Основополагающие принципы правового регулирования климатической миграции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2026. № 1. С. 4-8.
7.Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в редакции ФЗ от 29.12.2025 г. № 578-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
8.Федеральный закон Российской Федерации от 23.11.1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (в редакции Федерального закона от 15 декабря 2025 года № 482-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4556.
9.Злотникова Т.В. К вопросу об экологической безопасности объектов по утилизации и обезвреживанию наиболее опасных промышленных отходов: мнение судебного эксперта и автора закона об экологической экспертизе. // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. № 3. С. 511-520.
10.Арутюнов Л. С. Касьяненко М. А. Особенности детерминации и причинности экологических правонарушений // Экологическое право. 2008. №2. С. 26-30.
11.Гейвандова Э.В. Возмещение экологического вреда как вид ответственности за экологические правонарушения. В сборнике: Фестиваль права. Сборник трудов 4-го Всероссийского образовательного форума. Ставрополь, 06–07.12.2018 г. Северо-Кавказский федеральный университет. 2018. С. 179-181.
12.Приказ Минприроды России от 1.08.2011 г. № 658 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного объектам растительного мира, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, и среде их обитания вследствие нарушения законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования» Зарегистрирован в Минюсте РФ 20.09.2011 г. Регистрационный № 21841 // Российская газета. 2011. 28.09. №216.
13.Приказ Минприроды России от 8.12.2011 г. № 948 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам» (в редакции Приказа Минприроды России от 17.11.2017 г. № 612). Зарегистрирован в Минюсте РФ 26.01.2012 г. Регистрационный № 23030. // Российская газета. 2012. 1 февраля. №20.
14.Приказ Минприроды России от 8.07.2010 г. N 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» (в редакции Приказа Минприроды России от 18.11.2021 г. № 867). Зарегистрирован в Минюсте РФ 07.09.2010 г. Регистрационный № 18364 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 40.
15.Приказ Госкомэкологии Российской Федерации от 11.02.1998 г. № 81 «Об утверждении Методики исчисления размера ущерба от загрязнения подземных вод». Официально не опубликован. // URL: https://base.garant.ru/2157201/?ysclid=mte47hxiej736804699 (дата обращения: 25.08.2026 г.).

Evtushenko V.I. Unusual Factors of Environmental Damage: On the Nuances of Compensation and Complete Ecosystem Restoration // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 299-304.

Increasing pollution levels and increasing environmental degradation are not always the result of deliberate actions, but are often merely an unforeseen, unpredictable negative consequence of environmental transformation activities, initially intended to be positive for the benefit of both individuals and humanity as a whole. These ongoing processes in ecology and environmental protection necessitate the improvement of current legislation, particularly by expanding the definition of "environmental harm." Furthermore, the mechanism for restoring damaged ecosystems to their original state requires further development. Given the significant financial costs of restoration procedures, it is necessary to consider the use of mechanisms such as mandatory insurance for the environmental activities of individuals and legal entities, subsidiary liability for or-

ganizations that have issued a positive environmental assessment based on the results of an environmental review of a project that has resulted in negative environmental consequences, and so on.

Key words: environmental degradation, environmental damage, environmental disaster zone, global warming, climate migration, individual right to a favorable environment, environmental assessment, state environmental assessment conclusion, compensation for environmental damage, restoration of damaged ecosystem.

Spisok literatury:

1.Fedina A.P. Razvitie promyshlennosti kak faktor razvitiya ekonomiki gosudarstva. V sbornike: Sovremennye social'no-ekonomicheskie processy: problemy, zakonomernosti, perspektivy. Sbornik statej II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Petrozavodsk, 12.03.2020 g. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka». 2020. S. 60-65.
2.Sorokina N.N. Metodologicheskie osnovy i geoekologicheskie aspekty degradacii komponentov okruzhayushchej prirodnoj sredy. V sbornike: Sovremennye problemy zemleustrojstva, kadastrov, prirodoobustrojstva i povysheniya bezopasnosti truda v APK. Materialy VII Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnoyarsk, 22–23.05.2025. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet. 2025. S. 54-56.
3.Abdrahmanov T., Dzhalilova G.T., Zhabbarov Z.A. Posledstviya ekologicheskogo krizisa Aral'skogo morya. V sbornike: Innovacionnye puti razvitiya adaptivno-landshaftnyh sistem zemledeliya. Sbornik dokladov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 85-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. RASHN V.M. Volodina. Kursk, 25–27 sentyabrya 2024 goda. Kursk: Kurskij federal'nyj agrarnyj nauchnyj centr. 2024. S. 299-302.
4.Korobova V.M. Global'noe poteplenie: rol' parnikovogo effekta v izmenenii klimata. V sbornike: Aktual'nye problemy ispol'zovaniya pochvennyh resursov i puti optimizacii antropogennogo vozdejstviya na agrocenozy: cifrovizaciya, ekologizaciya, osnovy organicheskogo zemledeliya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Persianovskij, 23.10.2024 g. Persianovskij: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Donskoj gosudarstvennyj agrarnyj universitet». 2024. S. 132-134.
5.Ivashko I.I., Skripnik O.B. Klimaticheskaya migraciya naseleniya: preimushchestva i nedostatki novoj paradigmy miroustrojstva // Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYuA. 2022. № 2. S. 15-23.
6.Evtushenko V.I., Dizer O.A. Osnovopolagayushchie principy pravovogo regulirovaniya klimaticheskoj migracii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2026. № 1. S. 4-8.
7.Federal'nyj zakon RF ot 10.01.2002 g. № 7-FZ «Ob ohrane okruzhayushchej sredy» (v redakcii Federal'nogo zakona ot 29.12.2025 g. № 578-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 2. St. 133.
8.Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 23 noyabrya 1995 goda № 174-FZ «Ob ekologicheskoj ekspertize» (v redakcii Federal'nogo zakona ot 15.12.2025 g. № 482-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 48. St. 4556.
9.Zlotnikova T.V. K voprosu ob ekologicheskoj bezopasnosti ob"ektov po utilizacii i obezvrezhivaniyu naibolee opasnyh promyshlennyh othodov: mnenie sudebnogo eksperta i avtora zakona ob ekologicheskoj ekspertize. // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2022. T. 32. № 3. S. 511-520.
10. Arutyunov L. S. Kas'yanenko M. A. Osobennosti determinacii i prichinnosti ekologicheskih pravonarushenij // Ekologicheskoe pravo. 2008. №2. S. 26-30.
11. Gejvandova E.V. Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda kak vid otvetstvennosti za ekologicheskie pravonarusheniya. V sbornike: Festival' prava. Sbornik trudov 4-go Vserossijskogo obrazovatel'nogo foruma. Stavropol', 06–07.12.2018 g. Severo-Kavkazskij federal'nyj universitet. 2018. S. 179-181.
12. Prikaz Minprirody Rossii ot 1.08.2011 g. № 658 «Ob utverzhdenii taks dlya ischisleniya razmera vreda, prichinennogo ob"ektam rastitel'nogo mira, zanesennym v Krasnuyu knigu RF, i srede ih obitaniya vsledstvie narusheniya zakonodatel'stva v oblasti ohrany okruzhayushchej sredy i prirodopol'zovaniya» Zaregistrirovan v Minyuste RF 20.09.2011 g. Registracionnyj № 21841 // Rossijskaya gazeta. 28.09.2011. №216.
13. Prikaz Minprirody Rossii ot 8.12.2011 g. № 948 «Ob utverzhdenii Metodiki ischisleniya razmera vreda, prichinennogo ohotnich'im resursam» (v redakcii Prikaza Minprirody RF ot 17.11.2017 g. № 612). Zaregistrirovan v Minyuste RF 26.01.2012 g. Registracionnyj № 23030 // Rossijskaya gazeta. 2012. 1 fevralya. №20.
14. Prikaz Minprirody Rossii ot 8.07.2010 g. N 238 «Ob utverzhdenii Metodiki ischisleniya razmera vreda, prichinennogo pochvam kak ob"ektu ohrany okruzhayushchej sredy» (v redakcii Prikaza Minprirody Rossii ot 18 noyabrya 2021 goda № 867). Zaregistrirovan v Minyuste Rossijskoj Federacii 07 sentyabrya 2010 g. Registracionnyj № 18364. // Byulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. 2010. № 40.
15. Prikaz Goskomekologii RF ot 11.02.1998 g. № 81 «Ob utverzhdenii Metodiki ischisleniya razmera ushcherba ot zagryazneniya podzemnyh vod». Oficial'no ne opublikovan. // URL: https://base.garant.ru/2157201/?ysclid=mte47hxiej736804699 (data obrashcheniya: 25.08.026 g.).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 305-311.

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ДЕЙСТВУЮЩИХ ВЕЩЕСТВ ПЕСТИЦИДОВ В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Кадыков А. В.
Институт государства и права РАН

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами в Российской Федерации в контексте обеспечения продовольственной безопасности. Автор обосновывает значимость пестицидов и агрохимикатов для устойчивого развития сельского хозяйства и указывает на критическую зависимость российского рынка от импорта действующих веществ. Рассматриваются документы стратегического планирования на предмет постановки проблемы производства действующих веществ пестицидов в Российской Федерации. Рассмотрены подходы к правовому регулированию в США, Австралии и Европейском союзе. Автор приходит к выводу о необходимости отражения в основных стратегических документах проблемы создания производства химических средств защиты растений в Российской Федерации. На основе проведённого исследования предлагается закрепить в законодательстве правовую категорию «системно значимые действующие вещества» и утвердить перечень таких веществ с учётом долгосрочных потребностей сельского хозяйства.

Ключевые слова: пестициды и агрохимикаты, продовольственная безопасность, действующие вещества, химические вещества, национальная безопасность, аграрное право, экологическое право, химические средства защиты растений, импорт, экспорт, стратегическое планирование.

Безопасное обращение с пестицидами и агрохимикатами — необходимая и важная часть в производственном цикле сельскохозяйственной продукции. Термины «пестицид» и «агрохимикат» раскрываются в ст. 1 Федерального закона от 19.07.1997 г. «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» [1] (далее – Закон № 109-ФЗ). Важность применения этих веществ обусловлена тем, что в отдельных случаях урожай сельскохозяйственных культур может быть полностью уничтожен вредными организмами. В денежном выражении ущерб мировой экономике только от болезней растений и вредителей оценивается примерно в $300 млрд [2]. Важно учитывать, что применение средств защиты растений ежегодно сохраняет около 17–18 млн т зерна, 10–11 млн т картофеля, 13–14 млн т сахарной свёклы и другой продукции растениеводства.

Невозможность производства сельскохозяйственной продукции без применения пестицидов и агрохимикатов отмечается и в методических рекомендациях «Экологическая оценка пестицидов», утверждённых Министерством сельского хозяйства РФ и подготовленных на базе факультета почвоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В них, в частности, говорится: «Высокопродуктивному сельскому хозяйству не обойтись без применения химических средств защиты растений…» [3]. В связи с этим возможно констатировать, что вопросы безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами занимают одно из важных мест в решении задач обеспечения продовольственного суверенитета и национальной безопасности РФ. Признавая невозможность производства сельскохозяйственной продукции без применения пестицидов и агрохимикатов, констатируем, что химические средства защиты растений имеют стратегическое значение для национальной безопасности РФ, которая определяется как «состояние защищённости её национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные каче-

[1] Статья подготовлена в рамках Государственного задания FMUZ-2024-0041 «Правовое обеспечение рационального природопользования, экологической и продовольственной безопасности, в том числе в Арктической зоне Российской Федерации».

ство и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета, независимости и государственной целостности, а также социально-экономическое развитие страны» [4].

В основе пестицидов лежат действующие вещества, производство действующих веществ — это сложный, высокотехнологичный, дорогостоящий процесс. Несмотря на то, что производство пестицидов в основном осуществляется российскими производителями химических средств защиты растений, и основные производственные мощности представлены Акционерным обществом «Август» (современная высокотехнологичная компания, имеющая собственный научно-исследовательский центр и производственные площадки в России и за рубежом) и Акционерным обществом «Щелково Агрохим» (производственная площадка в России), производство действующих веществ пестицидов в РФ отсутствует. В случае возможного отсутствия импорта действующих веществ обеспечение отечественного сельхозпроизводителя пестицидами станет невозможным. Безусловно, ситуация может не измениться таким коренным образом, но зависимость российских производителей от импортируемых действующих веществ может напрямую повлиять на стоимость пестицидов, и, как следствие, повлечь удорожание сельскохозяйственной продукции. Например: «В 2022 г. компания Syngenta искусственно завышала цены в 2 раза на «Глифосат» и «Пропиконазол», компания UPL в 2 раза поднимала стоимость на «Клетодим», а компания BASF более чем в три раза завышала цены на «Имазамокс» [5].

Основными поставщиками действующих веществ в РФ являются: КНР, Индия. Поставки из этих стран составляют более 60% от импорта действующих веществ [6]. Возникла ситуация, при которой зависимость производства действующих веществ от импорта достигает 100%. Китай является основной мировой площадкой производства действующих веществ пестицидов как по объёмам выпуска, так и по их номенклатуре. В этой стране имеется 1796 производителей пестицидов и 200 производителей действующих веществ. Для сравнения в России всего 12 производителей. По мнению участников Совещания Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, связано это прежде всего с тем, что в КНР государственная поддержка выстроена через субсидии: государство компенсирует 20% всех затрат на развитие сырьевых компонентов [7]. Также химическая промышленность КНР организована таким образом, что ряд компонентов могут продаваться на рынке с ценой отрицательного значения. Связано это с требованиями национального законодательства, которое обязывает производителей утилизировать химические вещества, а так как утилизация материально затратна, производители готовы доплатить за вывоз такой продукции с территории КНР.

Именно поэтому российский производитель, осознавая масштаб конкуренции, не может организовать производство таких веществ. Рыночная логика здесь очевидна. В случае производства действующих веществ на текущих условиях стоимость действующих веществ, произведённых в РФ, будет примерно в два раза выше стоимости действующих веществ из КНР. Это связано прежде всего с отсутствием цепочек малотоннажной химии, способной принять побочные продукты.

Зависимость российской экономики от импорта средств защиты растений отмечается и в ряде документов стратегического планирования РФ. Так, Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г. [8] к основным факторам, влияющим на развитие агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, относит высокую степень зависимости объемов производства продукции от импорта средств защиты растений, машин и оборудования, а также семян по отдельным сельскохозяйственным культурам.

В распоряжении Правительства РФ от 15.12.2017 г. № 2834-р «Об утверждении плана мероприятий („дорожной карты“) по развитию производства малотоннажной химии в Российской Федерации на период до 2030 г.» говорится: «Воссоздание сы-

рьевых цепочек, трансфер либо разработка собственных технологий и стимулирование потребления отечественной малотоннажной и среднетоннажной химической продукции являются ключевыми точками приложения усилий в рамках мер государственного регулирования и поддержки развития производств малотоннажной химической продукции в Российской Федерации». В документе отмечается, что высокий потенциал импортозамещения имеют средства защиты растений [9]. Данное Распоряжение ставило вопрос о химической независимости именно в пестицидах.

Преодоление критической зависимости российской экономики от импорта технологий, оборудования и комплектующих за счет ускоренного внедрения передовых российских технологических разработок, локализации производства на территории России – задача, которая стоит перед РФ для обеспечения экономической безопасности (пп. 7 п. 67 Стратегии национальной безопасности РФ) [10]. При этом в подпункте 14 п. 67, где говорится о необходимости преодоления критической зависимости от импорта, производство пестицидов и агрохимикатов не упоминается, в частности, среди таких связанных с сельхозпроизводством сфер, как племенное дело, селекция, семеноводство и аквакультура (рыбоводство).

Таким образом, производство пестицидов фактически не получает должного внимания в рамках такого стратегического направления, как обеспечение продовольственной безопасности, являющейся одной из важных составляющих национальной безопасности РФ.

При этом в последнее время были приняты важные акты в рассматриваемой сфере: «Об утверждении Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года» [11], «Дорожная карта по развитию действующих веществ для химических средств защиты растений на территории Российской Федерации на период 2025 - 2030 годов» (утв. Правительством РФ 25.06.2025 № МД-П9-23304). В соответствии с «дорожной картой», зависимость от импортируемых действующих веществ к 2030 г. должна сократиться на 20% относительно 2024 г. Однако, по мнению академика РАН, доктора сельскохозяйственных наук П.А. Чекмарева, «Дорожная карта по развитию действующих веществ для химических средств защиты растений на территории Российской Федерации на период 2025 - 2030 годов» является невыполнимой [7]. Представляется, что, не наладив независимый цикл производства действующих веществ для пестицидов внутри страны, государство не сможет выполнить цели, поставленные в рамках Доктрины продовольственной безопасности РФ [12]. Понимание важности этой проблемы, даже в условиях бесконфликтности между странами и отсутствия высокой степени зависимости от импорта, сформировано и в экономической науке [13, с. 33-46].

Законодательство РФ не рассматривает действующие вещества как самостоятельный объект правового регулирования. Вместе с тем в рамках проведения государственной регистрации пестицидов и агрохимикатов происходит исследование их свойств и оценка воздействия на окружающую среду. Такая конструкция закреплена в ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами», где предметом являются обращение пестицидов «в том числе с их действующими веществами». Согласно ст. 11.3 Федерального закона № 109-ФЗ на изготовителя или разработчика пестицидов возлагается обязанность передать органам государственного контроля (надзора) в области безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами аналитические стандарты действующих веществ пестицидов. Непредставление таких аналитических стандартов может послужить основанием для исключения пестицида из Реестра пестицидов и агрохимикатов Российской Федерации (ст. 11.2 Закона № 109-ФЗ). Однако, на наш взгляд, этого недостаточно.

В целях дальнейшего развития законодательства в рассматриваемой сфере, а также создания полного цикла производства пестицидов, который включает производство действующих веществ, необходимо закрепить термин «системно значимые

действующие вещества». Нам представляется, что под «системно значимыми действующими веществами», как правовой категорией, следует понимать «действующие вещества пестицидов, совокупный объем и номенклатура которых не имеет замены из числа производимых в РФ, а значит является критическим для осуществления продовольственной безопасности Российской Федерации». Критерии отнесения действующего вещества пестицида к «системно значимым» может быть построено на логике: основными препаратами по использованию в России являются гербициды, то есть представляется, что решение вопросов действующих веществ для этих препаратов является первостепенным. Исходя из потребности рынка в пестицидах, можно сформировать круг системно значимых действующих веществ.

В подпункте «а» п. 24 Доктрины продовольственной безопасности РФ поставлена задача «обеспечить создание новых производственных мощностей, реконструкцию и развитие действующих производств» по выпуску «средств защиты растений, в том числе синтетических биологических агентов и агентов биологической борьбы». Целесообразно дополнить данный абзац указанием на действующие вещества химических средств защиты растений.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, «для преодоления рисков и угроз продовольственной безопасности необходима системная работа по подготовке новых или совершенствованию действующих нормативных правовых актов по очень многим отраслям законодательства...» [14]. Безусловно, вопрос производства действующих веществ — лишь один из аспектов продовольственной безопасности, но не последний по значимости. Создание собственного производства действующих веществ позволит не только решать вопросы продовольственной безопасности внутри страны, но и даст возможность экспортных поставок в СНГ [15]. Вопрос обеспечения потребности внутреннего рынка в пестицидах и агрохимикатах является актуальным для большинства стран с большими объемами сельхозпроизводства.

В США на федеральном уровне вопросам применения химических средств защиты растений и их безопасному обращению уделяется большое внимание, и необходимость их наличия в достаточном количестве для нужд государства и коммерческих структур считается элементом национальной безопасности. Так, в Указе Президента США «Поддержание национальной обороны посредством обеспечения достаточных поставок фосфора и гербицидов на основе глифосата» речь идет именно о национальной безопасности, где глифосат рассматривается как стратегически важный материал. В двух направлениях: 1) как продукт для применения вооруженными силами; 2) как продукт, необходимый для сельского хозяйства. Более того, глифосат представлен как ключевой продукт в средствах защиты растений и «позволяет американским фермерам и владельцам ранчо поддерживать высокие урожаи и низкие производственные затраты, обеспечивая при этом доступность здоровой и недорогой пищи для всех американских семей».

В документе прямо отмечается, что сегодня гербициды на основе глифосата не имеют химической альтернативы. Констатируется, что их отсутствие ставит под угрозу продуктивность сельского хозяйства, а значит, и удовлетворение потребностей в продуктах питания и кормах. Документ констатирует: «Таким образом, обеспечение достаточных запасов элементарного фосфора и гербицидов на основе глифосата имеет решающее значение для национальной безопасности и обороны, в том числе для продовольственной безопасности, которая необходима для защиты здоровья и безопасности американцев», «обеспечение надёжной добычи элементарного фосфора внутри страны и производства гербицидов на основе глифосата в США имеет ключевое значение для экономической и национальной безопасности Америки» [16].

В Австралии установлен механизм по отнесению тех или иных материалов к strategic reserve. Данная категория позволяет правительству страны закупать, накапли-

вать, продавать запасы критически важных материалов, например, редкоземельных элементов. При этом Export Finance and Insurance Corporation Act 1991 не содержит конкретного перечня материалов или товаров, которые попадают под категорию strategic material. Акт содержит лишь критерии таких материалов. Например, удобрения можно отнести к критерию «любой материал, товар или иная вещь, которая может импортироваться в Австралию, либо производиться в Австралии и уже испытывает или уязвима к перебоям в цепочке поставок». После отнесения материала к strategic material Правительство может выдавать займы, заключать договоры, предоставлять гарантии в целях обеспечения покупки, продажи, транспортировки, хранения таких материалов [17]. Такие открытые рамки позволяют Правительству Австралии оперативно решать возникающие проблемы с перебоями или недостаточностью тех или иных товаров, материалов.

Regulation (EU) 2024/1252 — Critical Raw Materials Act (CRMA) распространяет свое действие на территории стран Европейского союза, и в отличие от рассмотренного акта Австралии с отсутствием перечня веществ, устанавливает две категории strategic raw materials и critical raw materials. Конкретные материалы, относящиеся к той или иной категории, закреплены в приложении. Сюда же относятся и компоненты, которые участвуют в производстве удобрений. В приложении, например, содержатся марганец, фосфатное сырье, фосфор, вольфрам, ванадий и т.д. Акт включает формализованный механизм для отнесения материала к определенной категории. Для отнесения существует два показателя: риск поставок и экономическая значимость, методика содержится в Annex 2, Section 2. Здесь же содержатся формулы для расчета экономической значимости и риска поставок материала, а также оценка критериев признания стратегических проектов [18].

Предложенные зарубежные акты продемонстрировали различные организационно-правовые механизмы обеспечения доступности материалов, товаров, имеющих стратегическое значение для государственной безопасности. Несмотря на существенные различия в подходах США, Австралии и стран ЕС, общим для них является понимание необходимости выделения отдельных видов материалов, имеющих важное значение для экономики и функционирования отдельных отраслей.

Рассмотренные подходы могут быть использованы при совершенствовании российского законодательства в части организации производства действующих веществ и формирования самостоятельного правового механизма, который позволит определить перечень действующих веществ пестицидов, первостепенно необходимых для обеспечения продовольственной безопасности РФ.

Проведенный анализ российского и зарубежных подходов к регулированию отношений в рассматриваемой области показал, что с одной стороны, такому важному вопросу, как создание производства действующих веществ пестицидов в целях обеспечения продовольственной безопасности в РФ не уделяется необходимого внимания, что подтверждается отставанием от мировой тенденции правового регулирования действующих веществ и категорий стратегических товаров или материалов. С другой стороны, экономическая целесообразность должна непрерывно учитываться государством, поскольку РФ является страной-участницей мирового рынка (то есть имеет доступ к мировому экспорту и импорту тех или иных веществ). Производство продукции с государственной поддержкой, которая станет невостребованной на рынке, нанесет существенный вред экономике РФ.

В РФ правовое регулирование действующих веществ сводится к оценке действующих веществ пестицидов на наличие негативного воздействия окружающей среде и обязанности изготовителя по передаче аналитических стандартов действующих веществ контролирующим органам. Механизм правового регулирования создания, промышленного производства, оборота самих действующих веществ в РФ отсутствует. Нам представляется, что в целях реализации Доктрины продоволь-

ственной безопасности РФ необходимо обратить внимание на создание производства действующих веществ, конкурентных на мировом рынке. Это должно выражаться в разработке и утверждении программы производства системно значимых действующих веществ пестицидов, объемы которых должны быть основаны на анализе долгосрочных потребностей сельского хозяйства в пестицидах. Необходимо закрепить в законодательстве правовую категорию «системно значимые действующие вещества» и перечень основных действующих веществ, отнесенных к «системно значимым». Это будет способствовать обеспечению устойчивого развития сельского хозяйства и реализации Доктрины продовольственной безопасности РФ.

Список литературы:

1. О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами: Федеральный закон от 19.07.1997 № 109-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 29. – Ст. 3510.
2. Российский Союз производителей химических средств защиты растений. Москва, 2012.
3. Экологическая оценка пестицидов: методические рекомендации / Р.С. Аптикаев, А.А. Астайкина, В.С. Горбатов [и др.]. М.: МАКС Пресс, 2023. С. 6
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
5. Диесперова Н.А., Диесперов К.В. Проблема импортозависимости в агрохимической отрасли России и пути её решения // Вестник Челябинского государственного университета.2023.№11(481).С.155–166.
6. Анализ производственных цепочек на рынках высокотехнологичной химии. Средства защиты растений // Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева.
7. Совещание Комитета СФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию // Rutube. 2026. 30 марта.
8. Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р (ред. от 19.12.2025) // СЗ РФ. 2022. № 38. Ст. 6481.
9. Распоряжение Правительства РФ от 15.12.2017 № 2834-р // СЗ РФ. 2017. № 52. Ст. 8190. Документ утратил силу.
10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (Ч. II). Ст. 5351.
11. Приказ Минпромторга РФ от 08.04.2014 № 651/172 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
13. Сухарев О.С. Государственное управление импортозамещением: преодоление ограничений // Управленец. 2023. № 1. С. 33–46.
14. Устюкова В.В., Биткова Л.А. Риски и угрозы продовольственной безопасности и правовые средства их преодоления // Аграрное и земельное право. 2018. № 54 (161). С. 94–102.
15. О возможностях создания производств действующих веществ для препаративных форм пестицидов в Российской Федерации // Федеральная регистрационная палата химических и биологических средств.
16. Promoting the National Defense by Ensuring an Adequate Supply of Elemental Phosphorus and Glyphosate-Based Herbicides // White House. 2026. 18 фев.
17. Export Finance and Insurance Corporation Act 1991 : No. 148, 1991 : [принят Парламентом Австралии; Royal Assent 21 October 1991; в ред., действующей с 2 April 2026] // Federal Register of Legislation
18. Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 [Регламент (ЕС) 2024/1252 Европейского парламента и Совета от 11 апреля 2024 г., устанавливающий рамочные меры по обеспечению безопасных и устойчивых поставок критического сырья и вносящий изменения в регламенты (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1724 и (ЕС) 2019/1020] // Official Journal of the European Union. — 2024. — 3 May. — L 2024/1252.

Kadykov A.V. Legal regulation of the production of active substances of pesticides in order to implement the Doctrine of food security of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 305-311.

The article examines issues related to the legal regulation of the safe handling of pesticides and agrochemicals in the Russian Federation in the context of ensuring food security. The author substantiates the importance of pesticides and agrochemicals for the sustainable development of agriculture and points out the critical dependence of the Russian market on the import of active substances. Strategic planning documents are examined to identify the problem of producing active substances for pesticides in the Russian Federation. Approaches to legal regulation in the USA, Australia, and the European Union are considered. The author concludes that the problem of establishing the production of chemical plant protection products in the Russian Federation should be reflected in the main strategic documents. Based on the conducted research, it is proposed to enshrine the legal category of “systemically significant active substances” in legislation and to ap-

prove a list of such substances, taking into account long-term needs.

Keywords: pesticides and agrochemicals, food security, active substances, chemicals, national security, agrarian law, environmental law, chemical plant protection products, import, export, strategic planning.

Spisok literatury:

1. O bezopasnom obrashchenii s pesticidami i agrohimikatami: Federal'nyj zakon ot 19.07.1997 № 109-FZ (red. ot 15.12.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1997. – № 29. – St. 3510.
2. Rossijskij Soyuz proizvoditelej himicheskih sredstv zashchity rastenij. Moskva, 2012.
3. Ekologicheskaya ocenka pesticidov: metodicheskie rekomendacii / R.S. Aptikaev, A.A. Astajkina, V.S. Gorbatov [i dr.]. M.: MAKS Press, 2023. S. 6
4. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // SZ RF. 2021. № 27. St. 5351.
5. Diesperova N.A., Diesperov K.V. Problema importozavisimosti v agrohimicheskoj otrasli Rossii i puti eyo resheniya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 11 (481). S. 155–166.
6. Analiz proizvodstvennyh cepochek na rynkah vysokotekhnologichnoj himii. Sredstva zashchity rastenij // Rossijskij himiko-tekhnologicheskij universitet imeni D.I. Mendeleeva.
7. Soveshchanie Komiteta SF po agrarno-prodovol'stvennoj politike i prirodopol'zovaniyu // Rutube. 2026. 30 marta. URL: https://rutube.ru/video/1db0fd74733e796dd148a33507f7c486/ (data obrashcheniya: 16.05.2026).
8. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya agropromyshlennogo i rybohozyajstvennogo kompleksov Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.09.2022 № 2567-r (red. ot 19.12.2025) // SZ RF. 2022. № 38. St. 6481.
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15.12.2017 № 2834-r // SZ RF. 2017. № 52. St. 8190. Dokument utratil silu.
10. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // SZ RF. 2021. № 27 (CH. II). St. 5351.
11. Prikaz Minpromtorga RF ot 08.04.2014 № 651/172 // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
12. Ukaz Prezidenta RF ot 21.01.2020 № 20 // SZ RF. 2020. № 4. St. 345.
13. Suharev O.S. Gosudarstvennoe upravlenie importozameshcheniem: preodolenie ogranichenij // Upravlenec. 2023. № 1. S. 33–46.
14. Ustyukova V.V., Bitkova L.A. Riski i ugrozy prodovol'stvennoj bezopasnosti i pravovye sredstva ih preodoleniya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2018. № 54 (161). S. 94–102.
15. O vozmozhnostyah sozdaniya proizvodstv dejstvuyushchih veshchestv dlya preparativnyh form pesticidov v Rossijskoj Federacii // Federal'naya registracionnaya palata himicheskih i biologicheskih sredstv.
16. Promoting the National Defense by Ensuring an Adequate Supply of Elemental Phosphorus and Glyphosate-Based Herbicides // White House. 2026. 18 fev.
17. Export Finance and Insurance Corporation Act 1991 : No. 148, 1991 : [prinyat Parlamentom Avstralii; Royal Assent 21 October 1991; v red., dejstvuyushchej s 2 April 2026] // Federal Register of Legislation
18. Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020 [Reglament (ES) 2024/1252 Evropejskogo parlamenta i Soveta ot 11 aprelya 2024 g., ustanavlivayushchij ramochnye mery po obespecheniyu bezopasnyh i ustojchivyh postavok kriticheskogo syr'ya i vnosyashchij izmeneniya v reglamenty (ES) № 168/2013, (ES) 2018/858, (ES) 2018/1724 i (ES) 2019/1020] // Official Journal of the European Union. — 2024. — 3 May. — L 2024/1252.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 312-316.

УДК 347.1

ИСКИ ОБ ИЗЪЯТИИ ПРИВАТИЗИРОВАННОГО ИМУЩЕСТВА В ФЕДЕРАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Камышанский В. П.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

В статья исследуются вопросы законности и обоснованности изъятия в федеральную собственность ранее приватизированного имущества. Изъятие имущества по искам прокуратуры в интересах неопределенного круга лиц должно быть основано на законе и отвечать интересам не только государства, но и общества. Следует учитывать отдаленные последствия прекращения права частной собственности на приватизированные ранее государственные предприятия. Изъятие имущественных комплексов в федеральную собственность не должно приводить к снижению его экономической эффективности и порождать не основанный на законе передел частной собственности.

Ключевые слова: приватизация, деприватизация, национализация частная собственность, федеральная собственность, прекращение права собственности, иск об изъятии бизнеса в федеральную собственность.

В последние несколько лет в Российской Федерации наблюдается инициированные, как правило, по искам Генеральной прокуратуры РФ в интересах неопределенного круга лиц судебные процессы об изъятии объектов частной собственности в федеральную собственность. По некоторым сведениям в федеральную собственность было инициировано с 2022 г. таких разбирательств всего 71, по которым в 28 регионах были изъяты активы минимум на 4,3 трлн руб. Рекордсменом по стоимости национализированных активов стала Московская область, а по числу разбирательств Приморский край. По подсчетам адвокатского бюро NSP («Некторов, Савельев и партнеры»), за 2025 г. было изъято у бывших собственников активов более чем на 3,1 трлн руб. — в 4,5 раза больше, чем за 2024-й (около 690 млрд руб.) [1].

Условно такого рода иски можно разделить на три группы. Первую группу составляют «деприватизационные» иски, когда прокуратура ссылается на нарушения закона о приватизации государственного или муниципального имущества). Вторую группу составляют «антикоррупционные» иски, когда речь идет о нарушении антикоррупционного законодательства государственными чиновниками. У ответчика изымается все имущество, даже если его часть была приобретена до занятия публичной должности. Третью группу исков условно можно назвать «антиэкстремистские», когда в доход государства обращается имущество лица, осуществляющего экстремистскую деятельность.

Рассмотрим первую группу исков, связанных с деприватизацией объектов права частной собственности. Поскольку речь идет о прекращении права собственности помимо воли собственников возникает естественный вопрос, а насколько изъятие активов носит законный и обоснованный характер и каковы последствия такого рода деятельности для российской экономики и российского бизнеса?

Изъятие незаконно приватизированного имущества в федеральную собственность, на первый взгляд, представляет собой благородное дело и восстановление справедливости. Незаконно приватизированные государственные предприятия спустя тридцать лет вновь возвращаются государству в федеральную собственность. Поскольку согласно Конституции РФ, РФ является правовым государством (ст. 1), где «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ), соблюдение законности при осуществлении этого процесса должно быть очевидным, в том числе и Генеральной прокуратуре РФ.

Одним из условий наступления гражданско-правовой ответственности является наличие вины и причинно-следственной связи между противоправными действиями

и наступлением соответствующих последствий. В связи с этим возникает вполне естественный вопрос, а насколько законно и справедливо по отношению к ныне действующим частным собственникам приватизированных десятки лет назад имущественных комплексов их изъятие в федеральную собственность в судебном порядке? Ведь изымаются не превратившиеся в руины гиганты первых пятилеток[1], а объекты частного бизнеса, которые за истекшие десятилетия существенно вложились в эти приватизированные предприятия и сделали их конкурентоспособными на внутреннем и внешних рынках товаров и оказываемых услуг? Почему фактические добросовестные выгодоприобретатели и собственники, которые быть может и не были участниками приватизации, безвозмездно лишаются своего бизнеса?

Здесь вполне уместно обратить внимание на аргументацию инициаторов исков в лице представителей прокуратуры в интересах неопределенного круга лиц об изъятии объектов частного бизнеса в федеральную собственность [2]. Оценка законности подобного рода деятельности имеет принципиально важное значение, чтобы исключить в будущем отмену принимаемых сегодня судебным решений и новый передел собственности, направленный за возвращение частным собственникам незаконно изъятого бизнеса в судебном порядке по инициативе прокуратуры, призванной в силу закона надзирать за соблюдением законности и правопорядка в РФ.

25.03.2026 г. в Кремле на вручение премий Президента РФ молодым деятелям культуры и за произведения для детей и юношества за 2025 г. Президент РФ В.В. Путин в своем выступлении выделил среди важнейших качеств нашей великой отечественной культуры – утверждение лучшего, что есть в нашей великой отечественной культуре. И на первое место он поставил такие качества как «неравнодушие» и «стремление к справедливости»! Попытаемся через эти два высоконравственных качества личности подойти к оценке состояния права собственности в его развитии за последние 35 лет после прекращения существования СССР 26.12.1991 г.

Вместе с тем законность совершения приватизационных сделок и передачи государственных и муниципальных предприятий в частную собственность граждан и юридических лиц ставилась под сомнение уже 30 лет назад в самый разгар обвальной приватизации [3]. И на то были весьма веские причины, поскольку принимаемые указы Президента РФ и постановления Правительства РФ не всегда соответствовали федеральному закону № 1531-1 от 3 июля 1991 г. «О приватизации государственных и муниципальных предприятий».

Здесь вполне уместно процитировать некоторые научные результаты тридцатилетней давности автора этих строк. «Приватизация на практике сопровождалась многочисленными отступлениями от Конституции Российской Федерации, Федеративного договора, законов РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации», «О местном самоуправлении», «О собственности в РСФСР» и «О местном самоуправлении» [3, с. 4]. В одном из положений, выносимом на публичную защиту 23.12.1994 г. в Санкт-Петербурге нами было доказано, что «Продажа акций приватизируемого предприятия на чековых аукционах исключительно за приватизационные чеки противоречит закону Российской Федерации «О денежной системе в Российской Федерации» [3, с. 10].

К этому следует добавить, что в силу ст. 11 Закона «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» для приобретения государственных и муниципальных предприятий могут быть использованы только личные сбережения граждан, именные приватизационные ***вклады*** (выделено мною – В.К.), собственные средства юридических лиц, а также заемные средства.

[1] Взять, к примеру, прекратившие свое существование в результате приватизации Волгоградский тракторный завод, Краснодарский завод измерительных приборов, Саратовский авиационный завод, и сотни, сотни других промышленных предприятий.

Как следует из указанной нормы законы среди источников средств для приобретения государственных и муниципальных предприятий приватизационные чеки не значатся. Это означает, что вся чековая приватизация 90-х годов прошлого столетия прошла незаконно. Это было известно всем и каждому, в том числе Генеральной Прокуратуре РФ, осуществляющей надзор за соблюдением законности, еще тридцать лет назад [4, с. 16-23; 5, с. 116-120].

В связи с этим вполне закономерно возникает вопрос относительно целесообразности, законности и обоснованности попыток пересмотра итогов приватизации спустя десятилетия. Здесь вполне уместно обозначить по этому вопросу позицию нашего Президента РФ В.В. Путина. Она заключается в следующем. Так 4.11.2003 г. Президент РФ В.В. Путин заявил: «Я категорический противник пересмотра результатов приватизации, даже если исходить из того, что эти результаты не являются идеальными, потому что, по моему глубокому убеждению, это приведет к серьезным негативным последствиям для экономики и, соответственно, как последствие, и для социальной сферы» [6].

Весьма показательным в этой связи является решение Арбитражного суда Краснодарского края от 28.06.23 г. (дело № А32-28986/2023) по иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации в защиту интересов Российской Федерации к Международному открытому акционерному обществу «Седин» г. Краснодар, Акционерному обществу «Краснодарский станкостроительный завод Седин», г. Краснодар, Обществу с ограниченной ответственностью «Седин-Шисс», г. Краснодар, Промышленной ассоциации «Завод имени Седина», г. Краснодар. Этим решением были истребованы в пользу Российской Федерации целый ряд объектов недвижимости, принадлежащих ответчикам на праве частной собственности, которое возникло по итогам приватизации Краснодарского станкостроительного производственного объединения имени Г.М. Седина более 30 лет назад 25.12.1990 г. путем выкупа арендованного имущества.

Интересна и сама мотивация принятого решения. «… суд признает неправомерным выкуп имущества КСПО им. Г.М. Седина, произведенный на основании государственного акта от 25.12.1990 до введения в действие законов РСФСР о собственности и приватизации и без соблюдения предусмотренных ими положений». Это означает, что, во-первых, тем самым суд признает, что в основе приватизации государственного предприятия лежит государственный акт, подписанный и исполненный сторонами. Во-вторых, еще больший интерес представляет вторая часть указанной выше мотивации суда. В этой части суд вменяет в вину ответчику, что он в момент заключения сделки не обеспечил соблюдение положений законов РСФСР о собственности и приватизации до введения их в действие. То есть законы еще не были приняты и не вступили в законную силу, но ответчик при этом виноват в том, что их не соблюдал.

В своей мотивировочной части решения суда отмечается, что в соответствии с п. 1 Положения о Министерстве промышленности и торговли РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 05.06.2008 № 438, на данное министерство возложены функции по управлению государственным имуществом в сфере машиностроения. При этом на полном серьезе суд утверждает, что «Поскольку Минпромторгу России стало известно о незаконном выбытии из государственной собственности спорного имущества, необходимого для машиностроения в оборонно-промышленном комплексе, только в 2022 г., срок исковой давности по предъявленным требованиям не пропущен. Т.е. 30 лет Минпромторг РФ управлял госимуществом своего Министерства и не замечал, что 30 лет назад он его продал и получил за него даже сумму выкупа. И такие примеры так называемой деприватизации (а по сути – безвозмездной национализации) можно продолжить [7].

Прокуратура инициативно выступает на защиту права собственности, сроки защиты которого давно истекли. Речь идет об оспаривании сделок приватизации и

иных последующих сделок, принятых более десяти лет назад, то есть далеко за пределами общего срока исковой давности в три года, предусмотренного п. 1 ст. 196 ГК РФ. Более того, согласно п. 2 ст. 196 ГК РФ, срок исковой давности *не может превышать десять лет* со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. Единственным *исключением* из такого общего правила являются случаи, установленные Федеральным законом от 6.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которому на требование о возмещении вреда, причиненного в результате террористического акта жизни или здоровью граждан, исковая давность не распространяется.

Кроме того, нельзя забывать, что согласно п. 5 ст. 166 ГК РФ «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки». В данном случае отсутствие каких-либо претензий со стороны собственника в лице Минпромторга РФ и Генеральной прокуратуры РФ относительно законности приватизационной сделки в течение более 30 лет дает основание полагать любым третьим лицам, что сделка была действительной.

По мнению В.В. Путина возврат активов государству не является пересмотром приватизации. Изъятие бизнеса в пользу государства оправдано в случае прямого ущерба безопасности и национальным интересам, считает Президент России. Он назвал недопустимыми «формальные поводы и зацепки» в виде «незаконной приватизации в 90-е». «Для объяснения претензий собственникам недопустимы никакие формальные поводы и зацепки», — считает Путин. Он привел в пример приватизацию активов в 1990-е годы по согласованию только с регионом. «Факт остается фактом — правительство не проконтролировало, не сделало то, что должно было сделать в соответствии с тогдашней нормативной базой, а значит, претензии к нынешним собственникам активов неуместны. Особенно к тем, кто нормально, успешно работает, решает социальные вопросы, помогает обеспечивать национальную безопасность», — отметил Президент РФ [8].

Казалось бы, все более, чем очевидно. Должна соблюдаться общее правило, закрепленное в законе, в силу которого гражданско-правовая ответственность может наступать при наличии вины ответчика (ст. 401 ГК РФ). Здесь вполне уместно обратить внимание на ответственность Правительства РФ, а не добросовестного приобретателя, чьи права также защищены законом. В силу п. 1 ст. 302 ГК РФ Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли.

Список литературы:

1.Левинский А. Карта изъятий: в каких регионах Генпрокуратура забрала у собственников больше активов // https://www.forbes.ru/biznes/552596-karta-iz-atij-v-kakih-regionah-geprokuratura-zabrala-u-sobstvennikov-bol-se-aktivov?ysclid=moo3oqp8rm859294764 (дата обращения 2.05.2026 г.)

2.Камышанский В.П. Защита субъективных гражданских прав по иску прокурора в интересах неопределенного круга лиц // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 27 октября 2023 г. / редколлегия : Н. В. Котельников, П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, В. А. Садков. – Выпуск 16. – Электрон. дан. (1,3 Мб). – Волгоград: ВА МВД России, 2024. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R). – С. 58-64.

3.Камышанский В.П. Правовое регулирования приватизации государственных и муниципальных предприятий и его эффективность. Диссер. … канд. юрид. наук. СПб. 1994. 185 с.

4.Камышанский В.П. От незаконной приватизации к незаконной национализации: этапы большого пути // Власть Закона. 2023 № 4. С. 16-23.

5.Камышанский В.П., Подерега В.С. Некоторые особенности изъятия у собственников ранее привати-

зированных объектов недвижимости // X Национальная научно-практическая конференция (симпозиум) «Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития» (г. Краснодар, 16 апреля 2025 г.). – Краснодар: АНО «НИИ АПСП», ФГБОУ ВО КубГАУ, 2025. С. 116-120.
6.Путин В.В. обещает не пересматривать итоги приватизации // https://lenta.ru/news/2003/11/04/putin/ (дата обращения 20.09.2023 г.).
7.В Перми суд отменил приватизацию «Метафракса», которая прошла в 1990-е // https://59.ru/text/business/2023/09/08/72683108/; Государство забрало из частной собственности завод в Ярославской области. Обосновали ошибкой приватизации // https://76.ru/text/economics/2023/09/28/72751250/; в декабре 2020 года арбитражный суд Башкирии отменил приватизацию АО «Башкирская содовая компания» и истребовал в пользу государства 95,72% акций компании из владения АО «Региональный фонд», АО «Башкирская химия» и ООО Торговый дом «Башкирская химия» // https://newizv.ru/news/2023-09-13/deprivatizatsiya-kakie-kompanii-mogut-izyat-u-sobstvennikov-v-polzu-gosudarstva-419085 и др.
8.Путин назвал условие, когда оправдано изъятие бизнеса государством // https://www.rbc.ru/business/25/04/2024/662a4d6d9a79479f46458315?ysclid=mn5n2sd8fu737167781

Kamyshanskij V. P. Claims for the reposition of privatized property to federal ownership // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 312–316.

This article examines the legality and validity of the seizure of previously privatized property to federal ownership. The seizure of property following prosecutorial claims in the interests of an unspecified group of individuals must be based on the law and serve the interests of not only the state but also society. The long-term consequences of terminating private ownership of previously privatized state-owned enterprises must be taken into account. The seizure of property complexes to federal ownership should not lead to a reduction in their economic efficiency or lead to an illegal redistribution of private property.

Keywords: privatization, deprivatization, nationalization, private property, federal property, termination of ownership, lawsuit for the seizure of a business to federal ownership.

Spisok literatury:

1.Levinskij A. Karta iz"yatij: v kakih regionah Genprokuratura zabrala u sobstvennikov bol'she aktivov // https://www.forbes.ru/biznes/552596-karta-iz-atij-v-kakih-regionah-geprokuratura-zabrala-u-sobstvennikov-bol-se-aktivov?ysclid=moo3oqp8rm859294764 (data obrashcheniya 2.05.2026 g.)
2.Kamyshanskij V.P. Zashchita sub"ektivnyh grazhdanskih prav po isku prokurora v interesah neopredelennogo kruga lic // Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava: sbornik nauchnyh trudov Vserossiĭskoĭ nauchno-prakticheskoĭ konferencii, g. Volgograd, 27 oktyabrya 2023 g. / redkollegiya : N. V. Kotel'nikov, P. M. Filippov, N. I. Baturina, V. A. Sadkov. – Vypusk 16. – Elektron. dan. (1,3 Mb). – Volgograd: VA MVD Rossii, 2024. – 1 elektron. opt. disk (DVD-R). – S. 58-64.
3.Kamyshanskij V.P. Pravovoe regulirovaniya privatizacii gosudarstvennyh i municipal'nyh predpriyatij i ego effektivnost'. Disser. … kand. yurid. nauk. SPb. 1994. 185 s.
4.Kamyshanskij V.P. Ot nezakonnoj privatizacii k nezakonnoj nacionalizacii: etapy bol'shogo puti // Vlast' Zakona. 2023 № 4. S. 16-23.
5.Kamyshanskij V.P., Poderega V.S. Nekotorye osobennosti iz"yatiya u sobstvennikov ranee privatizirovannyh ob"ektov nedvizhimosti // H Nacional'naya nauchno-prakticheskaya konferenciya (simpozium) «Chastnoe pravo Rossijskoj Federacii: istoriya, sovremennoe sostoyanie, tendencii i perspektivy razvitiya» (g.Krasnodar, 16.04.2025). Krasnodar: ANO «NII APSP», FGBOU VO KubGAU, 2025.
6.Putin V.V. obeshchaet ne peresmatrivat' itogi privatizacii // https://lenta.ru/news/2003/11/04/putin/ (data obrashcheniya 20.09.2023 g.).
7.V Permi sud otmenil privatizaciyu «Metafraksa», kotoraya proshla v 1990-e // https://59.ru/text/business/2023/09/08/72683108/; Gosudarstvo zabralo iz chastnoj sobstvennosti zavod v Yaroslavskoj oblasti. Obosnovali oshibkoj privatizacii // https://76.ru/text/economics/2023/09/28/72751250/; v dekabre 2020 goda arbitrazhnyj sud Bashkirii otmenil privatizaciyu AO «Bashkirskaya sodovaya kompaniya» i istreboval v pol'zu gosudarstva 95,72% akcij kompanii iz vladeniya AO «Regional'nyj fond», AO «Bashkirskaya himiya» i OOO Torgovyj dom «Bashkirskaya himiya» // https://newizv.ru/news/2023-09-13/deprivatizatsiya-kakie-kompanii-mogut-iz-yat-u-sobstvennikov-v-polzu-gosudarstva-419085 i dr.
8.Putin nazval uslovie, kogda opravdano iz"yatie biznesa gosudarstvom // https://www.rbc.ru/business/25/04/2024/662a4d6d9a79479f46458315?ysclid=mn5n2sd8fu737167781
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 317-324.

УДК 347.243

ИНСТИТУТЫ ПРИЗНАНИЯ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ В ИНОСТРАННЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ: ДОКТРИНА, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Канабита Х. М., Некрасова Е. В.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию правовой базы и практических проблем признания права на земельный участок в зарубежных странах. Рассматриваются две основные модели регистрации прав — система Торренса (Австралия, Великобритания, Канада) и континентальная система (Германия, Франция), основанная на принципе внесения и публичной достоверности реестра. Автором предлагается классификация практических проблем признания права: связанные с формальным закреплением права (приобретательная давность, «плохой» титул); обусловленные особенностями земельного участка как объекта (кадастровая неопределенность, природные изменения русел рек и береговой линии); а также в зависимости от социокультурных и исторических коллизий (права коренных народов, постсоциалистическая реституция). На основе сравнительного анализа формулируются выводы об общих тенденциях развития регистрационных систем (сближение англосаксонской и континентальной моделей).

Ключевые слова: признание права собственности; земельный участок; зарубежное право; система Торренса; принцип зеркала; публичная достоверность реестра; приобретательная давность; «плохой» титул; кадастровая неопределенность; права коренных народов; реституция; иск о признании права; сравнительное правоведение.

В современном компаративном правоведении категория «признание права» на земельный участок занимает особое место, поскольку находится на стыке материального и процессуального права, частноправовых и публично-правовых начал. Прежде чем перейти к анализу генезиса данного института, представляется необходимым разграничить его от ряда смежных, но не тождественных понятий, таких как «регистрация», «легализация» и «подтверждение» права. Смешение этих дефиниций на доктринальном уровне, как справедливо отмечает Л.Ю. Василевская, зачастую порождает коллизии в правоприменительной практике зарубежных государств [1, с. 45]. В зарубежном праве «регистрация» прав на землю (land registration, Grundbucheintragung, inscription foncière) выполняет преимущественно учетную (учредительную или правоподтверждающую) функцию. Как указывает П. В. Крашенинников, в зависимости от типа регистрационной системы (французская контрактная, германская правоустанавливающая или австралийская система Торренса), регистрация может либо легитимировать субъект права (система титулов), либо придавать сделке свойство публичной достоверности [2, с. 112]. В отличие от регистрации, которая фиксирует уже состоявшийся юридический факт или право, признание права (recognition of title, action en reconnaissance de droit) представляет собой более широкую правовую категорию. Оно направлено на официальное удостоверение (подтверждение) наличия у лица вещного права на объект в случаях, когда это право оспаривается, неочевидно либо не нашло надлежащего отражения в официальных реестрах [3, с. 234].

Термин «легализация» (regularization, régularisation) применительно к земельным участкам чаще всего используется в контексте «амнистии» самовольных построек или легализации неформального землепользования, например, в странах Южной Европы или Латинской Америки. Это, по сути, частный случай признания права, применяемый к изначально дефектным или неоформленным правовым состояниям. Легализация, таким образом, носит исключительный характер и зачастую связана с

политико-правовыми решениями государства, тогда как признание права - это ординарный механизм юрисдикционной или административной защиты [4, с. 15].

Категория «подтверждение» (confirmation, Bestätigung) может рассматриваться как результат признания. Подтверждение права (например, через выдачу дубликата титула или исправление реестровой ошибки) является конечной целью процедуры признания, однако сам процесс подтверждения может быть, как элементом регистрационных действий, так и самостоятельной правовой процедурой [5, с. 88]. Т.е., соотношение указанных понятий можно представить следующим образом: легализация и подтверждение являются формами или результатами признания права, в то время как регистрация выступает публичным способом фиксации этого признанного (или уже существующего) права. С точки зрения процедурного оформления, признание права на земельный участок в зарубежных правопорядках может реализовываться в двух основных формах: юрисдикционной (судебной) и неюрисдикционной (административной).

Юрисдикционная процедура представляет собой классический исковой порядок защиты гражданских прав. Исторически сложилось так, что иск о признании права собственности (property rights recognition claim) не так широко распространен в законодательстве иностранных государств, как виндикационный или негаторный иски, однако он играет ключевую роль в обеспечении достоверности публичных реестров [2, с. 157]. В странах романо-германской правовой семьи (Франция, Германия, Испания) такой иск может быть прямо предусмотрен законом или быть сформулированным устоявшейся судебной практикой. Цель – устранение неопределенности в правовом статусе земельного участка и титуле владельца, когда запись в реестре не соответствует действительности или оспаривается заинтересованными лицами [7, с. 89]. В англосаксонской системе функция признания права реализуется через особые иски, такие как conversion (присвоение) и slander of title (порочащее титул заявление), а также через специальные процедуры, например, иски по правилам Quiet Title Act в США [8, с. 220]. Таким образом, судебное признание, выступает инструментом «очищения» титула и придания ему свойств, неоспоримых для третьих лиц.

Неюрисдикционная (административная) процедура признания права не связана с судебным спором о праве. Она осуществляется органами регистрации (кадастра) или иными уполномоченными административными органами. Такая процедура применяется, например, при уточнении границ земельного участка в порядке межевания, при исправлении технических (кадастровых) ошибок, при рассмотрении возражений заинтересованных лиц в ходе подготовки проекта межевания территории. В некоторых правопорядках административное признание границ участка может носить заявительный характер с публичным уведомлением всех потенциально заинтересованных лиц (процедура, схожая с «объявлением» прав при первичной регистрации по системе Торренса) [4, с. 102]. Важно подчеркнуть, что административное признание, в отличие от судебного, возможно при отсутствии спора о праве. Если же при его проведении выявляется спор, то дело должно быть передано в суд, трансформируясь в юрисдикционную процедуру.

Таким образом, дихотомия судебного и административного порядка признания прав на землю отражает глубинные различия в правовых традициях и моделях управления земельными ресурсами, обеспечивая, при этом, единую цель - формальную определенность правового положения земельного участка.

Поскольку институт признания вещных прав на земельные участки неразрывно связан с типом регистрационной системы, функционирующей в том или ином государстве, то именно регистрационная модель предопределяет, будет ли признание права носить правоподтверждающий либо правопорождающий характер, а также какова степень публичной достоверности сведений о зарегистрированных правах. В

компаративистике традиционно выделяют две основные модели регистрации недвижимости: «актовую» (регистрация документов) и «титульную» (регистрация прав) [8, с. 16]. Однако, в рамках титульной системы, сложилось два принципиально различных подхода, воплощенных в системе Торренса (страны общего права) и континентальной (германской) системе поземельных книг [9, с. 278-279].

Исторически система Торренса (Torrens title system) была разработана сэром Робертом Торренсом и впервые внедрена в провинции Южная Австралия в 1858 году. Ее появление стало реакцией на чрезмерную сложность и дороговизну англосаксонской системы «титульных документов» (deeds system), требовавшей от приобретателя проверки всей цепочки предшествующих сделок с недвижимостью [10, с. 5]. Философия системы Торренса базируется на трех основополагающих принципах, которые в совокупности обеспечивают нерушимость (indefeasibility) зарегистрированного титула. Во-первых, это «принцип зеркала» (mirror principle), согласно которому государственный реестр (регистр) должен полностью и исчерпывающе отражать все юридически значимые характеристики объекта недвижимости и права на него [10, с. 7]. Иными словами, реестр выступает «зеркалом» правоотношений: любое лицо, обращающееся к реестру, может с достоверностью установить текущего правообладателя и существующие обременения. Во-вторых, «принцип занавеса» (curtain principle) означает, что приобретатель недвижимости не обязан и не должен исследовать обстоятельства возникновения прав за пределами реестра. Это означает, что все предшествующие сделки и документы остаются за «занавесом», не влияя на действительность титула текущего собственника. Принцип страхования (insurance principle) или гарантий предполагает, что государство принимает на себя ответственность за достоверность реестра и создает специальный компенсационный (страховой) фонд для возмещения убытков лицам, пострадавшим от ошибок регистрации или мошеннических действий, несмотря на незыблемость зарегистрированного титула [4, с. 98-99]. Система Торренса получила широкое распространение не только в Австралии, но и в Новой Зеландии, большинстве провинций Канады (особенно в западных провинциях - Альберта, Британская Колумбия, Саскачеван), а также в Сингапуре, Малайзии и Ирландии. Определенное влияние эта система оказала и на развитие регистрационного законодательства в Англии, где, однако, сформировалась модифицированная версия, сочетающая элементы системы Торренса с традиционными английскими подходами. Характерно, что даже в странах, воспринявших систему Торренса, она сосуществует с традиционной «актовой» системой (например, в некоторых провинциях Канады или применительно к отдельным категориям земель) [8, с. 17].

Континентальная система регистрации, представленная, прежде всего, германской моделью поземельной книги (Grundbuch) и французской системой ипотечной регистрации, исходит из иных доктринальных оснований, хотя и демонстрирует тенденцию к сближению с титульной системой по своим практическим результатам. В Германии, как и в системе Торренса, действует принцип внесения (Eintragungsgrundsatz), закрепленный в § 873 Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB): переход права собственности на земельный участок, его обременение или изменение требуют внесения записи в поземельную книгу и, как правило, действительны только при такой регистрации [12]. Однако, в отличие от австралийской модели, германская система не предусматривает автоматического «отсечения» предшествующих прав, но обеспечивает публичную достоверность реестра (§ 892 BGB): «Лицо, которое приобрело право на основании записи в поземельной книге, признается добросовестным, если только оно не знало о недостоверности записи». Принципиально отличается и порядок верификации сделок: в Германии обязательное нотариальное удостоверение договоров об отчуждении зем-

ли служит важнейшей предпосылкой внесения записи в реестр, что снижает риск последующих судебных споров [12].

Французская система, напротив, исторически тяготеет к «актовой» модели (система регистрации документов) и долгое время основывалась на принципе противопоставимости (opposabilité), а не публичной достоверности. Согласно французскому законодательству, право собственности на недвижимость переходит к приобретателю уже в момент заключения договора, а регистрация (публикация) в ипотечном реестре имеет значение лишь для информирования третьих лиц и определения приоритета при коллизии прав [6, с. 234-235]. Однако, под влиянием как европейских интеграционных процессов, так и практических потребностей оборота, французское право постепенно усиливает значение регистрационных записей, приближаясь к моделям с более высокой степенью публичной достоверности. При этом, важную роль в обеспечении достоверности прав играет институт нотариата. Нотариус не только удостоверяет сделку, но и проверяет правомочия отчуждателя, фактически выполняя функцию предварительной экспертизы титула [5, с. 157].

Сравнительный анализ рассмотренных систем позволяет сделать вывод, что система Торренса представляет собой наиболее радикальный вариант «титульной» регистрации, обеспечивающий максимальную защиту добросовестного приобретателя ценой полного «разрыва» с предшествующей историей прав. Континентальная модель, сохраняя преемственность правопреемства, достигает сходного эффекта через механизмы публичной достоверности и экстенсивной предрегистрационной проверки. Для целей признания права на земельный участок это означает следующее: в системе Торренса признание практически полностью поглощается регистрацией, тогда как в континентальной системе признание может выступать самостоятельной процедурой, предшествующей регистрации, либо восполняющей ее недостатки. Российская система государственной регистрации прав, закрепленная в ФЗ от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», сочетает элементы обеих моделей, тяготея к германскому типу, но с существенными ограничениями публичной достоверности и механизма государственного гарантирования.

Проведя подробный сравнительный анализ систем, следует перейти к классификации практических проблем признания права на земельный участок.

Признание вещных прав на земельные участки в зарубежных правопорядках сопряжено с комплексом проблем, которые могут быть систематизированы по нескольким основаниям. Представляется целесообразным выделить три основные группы: во-первых, трудности, обусловленные формальной стороной закрепления права (дефекты титула и коллизии, связанные с давностным владением); во-вторых, проблемы, детерминированные особенностями земельного участка как объекта правоотношений (кадастровая неопределенность и природные трансформации); в-третьих, социокультурные и исторические коллизии, порождающие конкуренцию различных правопритязаний.

В первую очередь, следует рассмотреть проблемы, связанные с формальным закреплением права. В рамках данной группы, ключевое место занимает институт давности владения, известный в странах общего права как acquisitive prescription или adverse possession, а в романо-германской традиции — usucapio (Германия, Франция). Указанные институты, несмотря на различное доктринальное обоснование, выполняют сходную функцию. Они легитимируют фактическое владение, существующее в течение длительного срока, и трансформируют его в право собственности [13, с. 3-4]. Однако, практическая реализация этих механизмов сталкивается с серьезными проблемами доказывания. В английском праве приобретательная давность (adverse possession) исторически рассматривалась, как способ «исцеления» дефектов титула и устранения неопределенности в правовом положении недвижимости [14]. Во французском и германском праве приобретательная давность

(usucapio) требует установления добросовестности владения и его осуществления «как собственником» (animus domini). Согласно § 937 Германского гражданского уложения (BGB), добросовестный владелец движимой вещи приобретает право собственности по истечении десяти лет, однако для недвижимости установлены более сложные правила, предполагающие, как правило, предварительную запись в поземельной книге [12]. Французский Гражданский кодекс (Code civil) различает давность по срокам: обычную (10-20 лет) при наличии добросовестности и титула, а также тридцатилетнюю, для которой добросовестность не требуется [6, с. 245-247].

Ключевая практическая проблема для всех юрисдикций заключается в доказывании совокупности условий: непрерывности, открытости, бесспорности и добросовестности владения. Бремя доказывания этих обстоятельств лежит на лице, ссылающемся на давность, что зачастую требует наличия свидетельских показаний, квитанций об оплате налогов, доказательств осуществления улучшений и иных фактических данных [2, с. 174].

Другая значимая проблема формального закрепления права связана с категорией, так называемого, «плохого» титула (bad title). Речь идет о ситуациях, когда запись в публичном реестре существует, однако лежащее в ее основе право оказывается оспоримым либо порочным. Причинами могут выступать кадастровые (реестровые) ошибки, допущенные при первичном учете, подлог документов, на основании которых была произведена регистрация, либо нарушение процедуры при совершении предшествующих сделок. В странах, воспринявших систему Торренса, проблема «плохого» титула в значительной степени нивелируется принципом нерушимости (indefeasibility) зарегистрированного права. Это означает, что добросовестный приобретатель, полагавшийся на реестр, защищается даже в случае наличия пороков в предшествующих звеньях цепочки правопреемств [8, с. 18-19]. Однако континентальные правопорядки, включая германский и французский, подходят к этому вопросу более осторожно, допуская виндикацию имущества у добросовестного приобретателя при определенных условиях (например, безвозмездность приобретения или выбытие имущества из владения собственника помимо его воли) [5, с. 203].

Следующим в очереди после проблем, связанных с формальным закреплением прав выделяют проблемы, связанные с объектом права (земельным участком).

В данном случае, специфика земельного участка как объекта недвижимости порождает самостоятельную группу проблем признания права, центральное место среди которых занимает кадастровая неопределенность. На практике она выражается в спорах о границах (boundary disputes), широко распространенных как в странах общего права, так и в континентальной Европе. В англосаксонской системе такие споры разрешаются преимущественно в судебном порядке с опорой на свидетельские показания, исторические картографические материалы и заключения экспертов-землемеров [15]. В европейских странах процедуры межевания и кадастрового учета носят более формализованный характер. Германское законодательство предусматривает обязательное участие дипломированного инженера-геодезиста (Öffentlich bestellter Vermessungsingenieur) при установлении и изменении границ, результаты его работы обладают высокой доказательной силой [9, с. 291]. Тем не менее, в Германии сохраняется риск «кадастровых накладок», когда данные реестра не совпадают с фактическим землепользованием, что требует либо согласительных процедур между соседями, либо судебного иска об исправлении записи.

Особую сложность представляют случаи природных изменений земельных участков. В прибрежных зонах и на берегах рек актуальна проблема аккреции (намыва) и эрозии - естественного увеличения или уменьшения площади участка вследствие действия водной стихии. Американское право, опирающееся на доктрину riparian rights, исходит из того, что при постепенном (незаметном) намыве

(accretion) право собственности распространяется на вновь образовавшуюся сушу, тогда как при внезапном изменении русла (avulsion) границы остаются неизменными [9, с. 295-296]. В Нидерландах, значительная часть территории которых лежит ниже уровня моря, проблема признания прав на намытые земли приобретает особую остроту в связи с масштабными проектами польдерного строительства и регулирования водных путей. Голландское законодательство и судебная практика выработали сложные критерии разграничения естественного намыва и искусственного создания земель, влияющие на принадлежность титула и объем правомочий прибрежных собственников.

Не ограничиваясь рассмотренными проблемными вопросами, следует перейти к социокультурным и историческим коллизиям. Права коренных народов (native title, Aboriginal title) представляют собой уникальный феномен, сочетающий элементы обычного и общего права. В Австралии, после решения по делу Mabo vs. Queensland [No 2] (1992) было признано, что титул коренных народов (native title) существует независимо от государственного акта и подлежит защите, если не был прекращен (extinguished) действиями короны [16]. Однако практическая реализация этого принципа сопряжена с колоссальными трудностями доказывания: истцы должны подтвердить непрерывную связь с землей в соответствии с традиционными законами и обычаями, что требует представления сложных антропологических и исторических свидетельств. В Канаде Титул аборигена (Aboriginal title) получил конституционное закрепление и защиту в соответствии с разделом 35 Конституционного акта 1982 г. [17, с. 5-6]. Как отмечается в сравнительных исследованиях, канадский подход предусматривает более широкие процессуальные гарантии, включая обязанность правительства проводить консультации и согласовывать действия, затрагивающие права коренных народов, еще до судебного подтверждения титула. Принципиальное различие между common law и обычным правом проявляется в понимании природы прав: если common law рассматривает титул через призму собственности, то традиционные представления акцентируют неотчуждаемость земли и ее сакральную связь с идентичностью народа. Постсоциалистическая реституция представляет собой иную грань исторических коллизий. После падения коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, а также в объединенной Германии (на территории бывшей ГДР) встал вопрос о возврате имущества, национализированного в 1940–1980-х гг., прежним владельцам или их наследникам [18, с. 2-3]. Законодательство о реституции, принятое в Чехии, Венгрии, Польше, странах Балтии и других государствах, столкнулось с неизбежным конфликтом в области защиты прав добросовестных приобретателей, которые зачастую владели и пользовались имуществом на протяжении десятилетий. Германский Закон о нерешенных имущественных вопросах (Vermögensgesetz) предусматривал приоритет возврата в натуре перед компенсацией, однако впоследствии практика выявила множество случаев, когда реституция приводила к выселению длительное время проживавших граждан, что порождало социальную напряженность [19, с. 45-47]. Европейский суд по правам человека в ряде постановлений (например, von Maltzan and Others vs. Germany) подчеркнул, что государства обладают широкой свободой усмотрения при определении объема реституционных прав, однако любые ограничения должны быть соразмерны преследуемой публичной цели [20].

Подводя итог, можно констатировать, что признание права на земельный участок в зарубежных правопорядках предстает как сложный юридический состав, в котором переплетаются частный интерес лица, длительное время владеющего участком и вложившего в него средства (интерес давностного владельца), публичный интерес достоверности и стабильности системы государственной регистрации прав (интерес оборота) и, в определенных исторических контекстах, требование восстановления исторической справедливости в отношении лиц, неправомерно лишенных собствен-

ности, либо коренных народов, чьи традиционные связи с землей не получили адекватного отражения в позитивном праве. Поиск баланса между этими тремя интересами - ключевая задача законодателя и правоприменителя в любой юрисдикции.

Следует заметить, что понимание признания права варьируется в зависимости от типа регистрационной системы: в системах титульной регистрации (Торренса) признание практически поглощается регистрацией, приобретая правопорождающий характер. В континентальных правопорядках признание может выступать как самостоятельная процедура, предшествующая регистрации либо восполняющая ее недостатки. При этом, несмотря на сохраняющиеся различия, отчетливо прослеживается тенденция к конвергенции систем: усиление роли реестра в Англии, развитие принципа публичной достоверности в континентальной Европе свидетельствуют о движении к единой модели, обеспечивающей достоверность и полноту реестровых записей.

Список литературы:

1. Василевская Л. Ю. Учение о вещных сделках по германскому праву / Л.Ю. Василевская. - М. : Статут, 2004. - 536 с.
2. Крашенинников П.В. Зарождение права / П.В. Крашенинников. - М.: Статут, 2016. - 288 с.
3. Sparkes, P. European Land Law / P. Sparkes. - Oxford : Hart Publishing, 2007. - 848 p.
4. Payne G. Land, Rights and Innovation: Improving Tenure Security for the Urban Poor / ed. by G. Payne. - London : ITDG Publishing, 2002. - 336 p.
5.Алексеев В. А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования / В. А. Алексеев. - Москва : Волтерс Клувер, 2007. - 491 с.
6. Carbonnier J. Droit civil. Tome 3. Les biens. - Paris: PUF. - 2000. - 416 p.
7. Белов, В. А. Гражданское право в 4 т. Том II. Общая часть в 2 кн. Книга 1. Лица, блага : учебник для вузов / В. А. Белов. - Москва : Издательство Юрайт, 2023. - 453 с.
8. Волков Г.А. Гарантии достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости о земельных участках // Экологическое право. - 2025. - № 3. - С. 15-21.
9. Крассов О.И. Земельное и имущественное право в странах общего права / О. И. Крассов. - Москва: Норма : ИНФРА-М, 2015. - 415 с.
10. Head I. L. The Torrens System in Alberta: A Dream in Operation // The Canadian Bar Review. - 1957. - Vol. 35, No. 1. - P. 1–24.
11. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) mit Einführungsgesetz (EGBGB). — 84. Auflage. — München : dtv, 2020. - § 873. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__873.html (дата обращения: 03.09.2026).
12. Hoops B, Marais EJ, eds. The Acquisition of Immovables through Long-Term Use. The Common Core of European Private Law // Comparative, Historical and Theoretical Introduction to the Law on Acquisitions of Immovables through Long-Term Use. - Intersentia; 2022. – P. 3-40.
13. Couper v Albion Properties Ltd [2013] EWHC 2993 (Ch) : judgment of the High Court of Justice (Chancery Division), 8 October 2013, Arnold J. - URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2013/2993.html (дата обращения: 03.09.2026).
14. Rice v. Cook, 2015 ME 49, 115 A.3d 86 : decision of the Supreme Judicial Court of Maine, May 5, 2015.
15. Mabo v Queensland (No 2) [1992] HCA 23; (1992) 175 CLR 1 : decision of the High Court of Australia, 3 June 1992. - URL: https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/1992/23.html (дата обращения: 03.09.2026).
16. Aboriginal Title and Indigenous Peoples: Canada, Australia, and New Zealand / ed. by L. A. Knafla, H. Westra. - Vancouver : UBC Press, 2011. - 280 p.
17. Kuti C. Post-Communist Restitution and the Rule of Law / C. Kuti. - Budapest: Central European University Press, 2009. – 334 p.
18. Rundstedt S. von. Restitution Regimes in Post-Communist Eastern Europe: A Legal Analysis : LL.M. thesis / Sophia von Rundstedt ; University of Georgia School of Law. — Athens, GA, 1997. - (LLM Theses and Essays). - URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/stu_llm/245/ (дата обращения: 03.09.2026)
19. Von Maltzan and Others v. Germany : decision (Grand Chamber) on admissibility, applications nos. 71916/01, 71917/01 and 10260/02 // ECHR 2005-V. - P. 395.

Qanabita K. M., E. V. Nekrasova Institutions for recognizing land rights in foreign legal systems: doctrine, legislation, problematic aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 317-324.

The article is devoted to a comparative legal study of the legal framework and practical problems related to the recognition of rights to land plots in foreign countries. Two main models of property right registration are examined: the Torrens system (Australia, the United Kingdom, Canada) and the continental system (Ger-

many, France), which is based on the principle of entry and public reliability of the register. The author proposes a classification of practical problems related to the recognition of rights: related to the formal consolidation of rights (acquisitive prescription, «bad» title); обусловленные особенностями земельного участка как объекта (кадастровая неопределенность, natural changes in river channels and the shoreline); as well as depending on sociocultural and historical conflicts (rights of indigenous peoples, post-socialist restitution). Based on a comparative analysis, conclusions are drawn regarding the general trends in the development of registration systems (the convergence of the Anglo-Saxon and continental models).

Keywords: recognition of property rights; land plot; foreign law; Torrens system; mirror principle; public reliability of the register; acquisitive prescription; bad title; cadastral uncertainty; indigenous peoples' rights; restitution; action for recognition of right; comparative law.

Spisok literatury:

1.Vasilevskaya L. Yu. Uchenie o veshchnyh sdelkah po germanskomu pravu / L.Yu. Vasilevskaya. - M. : Statut, 2004. - 536 s.
2.Krasheninnikov P.V. Zarozhdenie prava / P.V. Krasheninnikov. - M.: Statut, 2016. - 288 s.
3.Sparkes, P. European Land Law / P. Sparkes. - Oxford : Hart Publishing, 2007. - 848 p.
4.Payne G. Land, Rights and Innovation: Improving Tenure Security for the Urban Poor / ed. by G. Payne. - London : ITDG Publishing, 2002. - 336 p.
5.Alekseev V. A. Nedvizhimoe imushchestvo: gosudarstvennaya registratsiya i problemy pravovogo regulirovaniya / V. A. Alekseev. - Moskva : Volters Kluver, 2007. - 491 s.
6.Carbonnier J. Droit civil. Tome 3. Les biens. - Paris: PUF. - 2000. - 416 p.
7.Belov, V. A. Grazhdanskoe pravo v 4 t. Tom II. Obshchaya chast' v 2 kn. Kniga 1. Litsa, blaga : uchebnik dlya vuzov / V. A. Belov. - Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2023. - 453 s.
8.Volkov G.A. Garantii dostovernosti svedeniy Edinogo gosudarstvennogo reestra nedvizhimosti o zemel'nyh uchastkah // Ekologicheskoe pravo. - 2025. - № 3. - S. 15-21.
9.Krassov O.I. Zemel'noe i imushchestvennoe pravo v stranakh obshchego prava / O. I. Krassov. - Moskva: Norma : INFRA-M, 2015. - 415 s.
10. Head I. L. The Torrens System in Alberta: A Dream in Operation // The Canadian Bar Review. - 1957. - Vol. 35, No. 1. - P. 1–24. - URL: https://cbr.cba.org/index.php/cbr/article/view/2239 (дата обращения: 03.09.2026).
11. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) mit Einführungsgesetz (EGBGB). — 84. Auflage. — München : dtv, 2020. - § 873. - URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__873.html (дата обращения: 03.09.2026).
12. Hoops B, Marais EJ, eds. The Acquisition of Immovables through Long-Term Use. The Common Core of European Private Law // Comparative, Historical and Theoretical Introduction to the Law on Acquisitions of Immovables through Long-Term Use. - Intersentia; 2022. – P. 3-40.
13. Couper v Albion Properties Ltd [2013] EWHC 2993 (Ch) : judgment of the High Court of Justice (Chancery Division), 8 October 2013, Arnold J. - URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2013/2993.html (дата обращения: 03.09.2026).
14. Rice v. Cook, 2015 ME 49, 115 A.3d 86 : decision of the Supreme Judicial Court of Maine, May 5, 2015. - URL: https://caselaw.findlaw.com/court/me-supreme-judicial-court/1699973.html (дата обращения: 03.09.2026).
15. Mabo v Queensland (No 2) [1992] HCA 23; (1992) 175 CLR 1 : decision of the High Court of Australia, 3 June 1992. - URL: https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/1992/23.html (дата обращения: 03.09.2026).
16. Aboriginal Title and Indigenous Peoples: Canada, Australia, and New Zealand / ed. by L. A. Knafla, H. Westra. - Vancouver : UBC Press, 2011. - 280 p.
17. Kuti C. Post-Communist Restitution and the Rule of Law / C. Kuti. - Budapest: Central European University Press, 2009. – 334 p.
18. Rundstedt S. von. Restitution Regimes in Post-Communist Eastern Europe: A Legal Analysis : L.L.M. thesis / Sophia von Rundstedt ; University of Georgia School of Law. - Athens, GA, 1997. - (LLM Theses and Essays). - URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/stu_llm/245/ (дата обращения: 03.09.2026)
19. Von Maltzan and Others v. Germany : decision (Grand Chamber) on admissibility, applications nos. 71916/01, 71917/01 and 10260/02 // ECHR 2005-V. - P. 395. - URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%2271916/01%22]} (дата обращения: 03.09.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 325-331.

***УДК* 343**

ЛАТЕНТНЫЙ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ, ОБУСЛОВЛЕННЫЙ АФФИЛИРОВАННОСТЬЮ ЧЛЕНОВ ЗАКУПОЧНЫХ КОМИССИЙ С СУБЪЕКТАМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Костюк М. Ф.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Противодействовать конфликту интересов в сфере закупок призваны международно-правовые нормы, получившие развитие в отечественном законодательстве. Данная деятельность базируется на прозрачности, конкуренции и объективных критериях принятия решений, сочетая организационно-управленческие и правовые меры регулирования и ответственности. Развитие культуры в правовой, политической, социальной и иных сферах является базовой основой разрешения конфликтных ситуаций, предупреждения коррупции. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при конфликте интересов членов закупочных комиссий с взаимозависимыми субъектами предпринимательской деятельности.

Ключевые слова. аффилированность, взаимозависимость, конфликт интересов, конкуренция, коррупция, закупочная комиссия, предпринимательская деятельность, противодействие, латентность.

Конфликт интересов в публичной сфере – это глубинный дефект общественных отношений, затрагивающий вопросы правового регулирования в различных направлениях государственной деятельности. Этимологически конфликт означает «столкновение, серьезное разногласие, спор» [1, с. 292]. Бесконфликтного общества не существует, это его нормальное развитие. Однако происхождение и содержание конфликта могут быть разными. Ситуация обостряется, если конфликт отражает противоречия между публичными и частными интересами различных субъектов предпринимательской деятельности с присущей им личной заинтересованностью при принятии управленческих решений.

Концептуальные и правовые основы выявления конфликтов интересов и противодействия им в сфере закупок имеют фундаментальную международно-правовую базу, получившую развитие в отечественном законодательстве [2]. Специфика конфликтов интересов определяется главным образом латентностью возникновения и развития, а также субъектами – членами закупочных комиссий и представителями предпринимательской деятельности. В настоящее время в законодательстве о закупках нет универсального определения конфликта интересов [3, с. 85]. Дискуссионным этот вопрос является и в науке. В основном подобный конфликт базируется на личной заинтересованности участвующих в закупках лиц, взаимосвязанных между собой, но представляющих одновременно публичные интересы. Этим объясняется его скрытость, стремление физических и юридических лиц решить вопрос в сфере закупок вне рамок правового поля, и в том числе прибегая к коррупции.

Правовые нормы также не высказывают единства в понимании аффилированности. В гражданском законодательстве аффилированность имеет место, когда «закон ставит наступление правовых последствий в зависимость от наличия между лицами отношений связанности (аффилированности)» (ст. 53 ГК РФ). Тем не менее, в чем состоит эта связанность, законодатель не уточнил. Очевидно, что аффилированностью следует признать общие интересы, основанные на личной заинтересованности, реализация которых способствует возникновению конфликта интересов.

Аффилированными являются «физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность» [4]. Вместе с тем

законодатель выделяет аффилированных лиц юридического лица[1], называя их состав, и аффилированных лиц физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность[2].

Специфика этой деятельности учитывается при выявлении взаимозависимости в процессе осуществления закупочной деятельности и наличия личной заинтересованности, провоцирующей конфликт интересов. Согласно п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 23.12.2025 г. № 41, «под аффилированными воспринимаются лица, имеющие с должником общие экономические интересы и находящиеся под контролем одного контролирующего лица или одной группы контролирующих лиц» [5]. Аффилированность представляет собой взаимосвязь участвующих в экономической деятельности лиц, при которой один из участников в силу различных причин оказывает воздействие на других участников в принятии решений, отражающие его интересы. Такая связанность (аффилированность) присуща любому субъекту предпринимательской деятельности, действующему добросовестно.

Действующее законодательство не предусматривает необходимой базы выявления способов латентной (скрытой) аффилированности конфликта интересов при осуществлении закупок с субъектами предпринимательской деятельности. Скрытая аффилированность проявляется, по мнению исследователей, в тех ситуациях, когда ответственное за осуществление закупочной деятельности должностное лицо способствует заключению контракта с лицом, являющимся для него свояком [6, с. 169]. Родственные связи, безусловно, оказывают влияние на принятие управленческих решений в сфере закупок товаров, однако они не определяющие. Личная заинтересованность является субъективным основанием конфликта интересов и в этом случае способствует коррупции. Конституционный Суд в Постановлении от 31.10.2024 г. № 49-П подчеркнул, что коррупция «способна подорвать веру граждан в законность, добро и справедливость» [7]. Ее разрушительное воздействие расшатывает легитимность публичной власти, подрывает веру в способность и эффективность противодействовать преступности. Нормы международного права, например, Конвенция ООН (далее – Конвенция 2023 г.) [8, с. 7-54] рассматривают коррупцию в качестве транснационального явления, что обуславливает международное сотрудничество в борьбе с данным явлением.

Такое сотрудничество базируется на принципах справедливости, равенства перед законом, а также содействия формированию культуры, отвергающей коррупцию. Это этические нормы, корпоративные правила, иные регуляторы общественных отношений, которые отдают предпочтение профессионализму и развитию компетенций над частными интересами и меркантильными выгодами. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в своем докладе на международной конференции «Конституционный контроль и глобальные вызовы» указывает на то,

---

[1] Аффилированными лицами юридического лица являются: член его совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член его коллегиального исполнительного органа, а также лицо, осуществляющее полномочия его единоличного исполнительного органа; лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное юридическое лицо; лица, которые имеют право распоряжаться более чем 20% общего к-ва голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица; юридическое лицо, в котором данное юридическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица.

[2] Аффилированными лицами физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, являются: лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное физическое лицо; юридическое лицо, в котором данное физическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица.

что «нужно идти по пути развития правовой, социальной и политической культуры человечества» [9].

Формирование и развитие культуры поведения является одним из направлений противодействия конфликту интересов, противоправной деятельности в целом, роль и значение которой в урегулировании конфликтов только возрастает. Поощряется надлежащее управление публичными делами и имуществом, определяющие их эффективность. Это повышает доверие граждан к органам государственной власти и управления, реализации их программ.

Государственные закупки носят публичный характер и отличаются открытостью, доступностью, гласностью. Они отражают интересы государства, общества, отдельных лиц. Отмечается государственное стремление создавать, поддерживать и укреплять такие системы, которые способствуют прозрачности и предупреждают возникновение коллизии интересов (ст. 7 Конвенции 2003 г.). Сочетание публичного и частного интереса является основой эффективного развития экономических отношений. Личные качества членов закупочных комиссий представляются определяющими при осуществлении закупок. Поощряется неподкупность, честность и ответственность публичных должностных лиц. Объективными критериями являются безупречность работы, справедливость и способности членов закупочной комиссии в том числе избегать конфликтных ситуаций. С учетом индивидуальных особенностей личности участников предпринимательской деятельности в ст. 9 Конвенции 2023 г. предусмотрены меры для создания надлежащих систем закупок, которые основываются на прозрачности, конкуренции и объективных критериях принятия решений. Следование этим принципам снижает возможность возникновения конфликта интересов, способствует его предупреждению.

Обеспечительными инструментами этого процесса являются в том числе арест и конфискация имущества. К организационно-управленческим мерам следует отнести публичное распространение информации, касающейся закупочных процедур и контрактов на закупки. Управление закупочным процессом ориентировано на использование ресурсов для развития экономики, социально-ориентированных целей, а не в угоду аффилированным лицам, являющимся выгодоприобретателями.

Пороговым показателем выявления и профилактики конфликта интересов значится организация внутреннего контроля, предусматривающая возможность обжаловать, оспорить или получить иную правовую защиту при несоблюдении предусмотренных правил или процедур. Применимы меры регулирования деятельности лиц, ответственных за покупку. В их числе предусмотренные процедуры проверки и требования к профессиональной подготовке участников торгов. Результаты работы Счетной палаты РФ. в 2025 г. свидетельствуют о низкой эффективности расходования бюджетных средств. В частности, установлено 947 фактов нарушений и недостатков, допущенных в ходе выполнения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд на общую сумму 162,9 млрд руб. [10].

Государство предпринимает действия по предупреждению коррупции в частном секторе (ст. 12 Конвенции 2023 г.), предусматривая гражданско-правовые, административные или уголовные санкции за их несоблюдение. Наряду с запретительными мерами, нарушение которых влечет юридическую ответственность, разрабатываются стандарты и процедуры, включая кодексы поведения, содержательной частью которых является организация закупок, препятствующих возникновению конфликтов в сфере закупок и противоправным действиям.

Возникающие при государственных закупках общественные отношения отличаются сложностью правового регулирования [11, с. 54]. Отечественное законодательство базируется на Конституции РФ, нормы которой выполняют важнейшую роль в урегулировании экономических отношений. Положения ч. 1 ст. 8 Конституции РФ гарантируют участникам экономических отношений «поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности». Действенными являются меры правового регулирования в сфере государственных закупок, выявления и предупреждения правонарушений, включая установление присутствия конфликта интересов членов закупочных комиссий с субъектами предпринимательской деятельности. Содержание латентного конфликта, скрытого или скрываемого, протекающего не публично, определяется в процессе осуществления закупок. Конфликт может быть длительным по времени или внезапно возникшим, иметь свои причины, формы проявления, затрагивая экономическую деятельность участвующих в сфере закупок субъектов. Одна из причин конфликта – нарушение условий конкуренции в предпринимательской среде, что дает аффилированному лицу преимущество перед другими участниками.

Законодатель определяет конкуренцию как «соперничество хозяйствующих субъектов» [12]. В то же время исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров. Член комиссии не может участвовать в производстве по делу, если у него имеется личная заинтересованность при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов (ст. 42.2 ФЗ-135).

Такая заинтересованность оценивается нами как вероятность, а не неизбежность возникновения конфликта. Своевременное ее выявление и нейтрализация в сфере публичных интересов при осуществлении закупок является основой соблюдения законодательства субъектами предпринимательской деятельности. Если траектории поведения заинтересованных лиц, претендующих на одно и то же социальное благо, сталкиваются, возникает коллизия [13, с. 47-60].

Конфликт интересов рассматривается как ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, наделенного определенными полномочиями, «влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей» [14]. Использование в законе оценочных понятий: «надлежащее», «объективное», «беспристрастное» – затрудняет правильную оценку совершенного деяния. Личная заинтересованность – это «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ)» (ч. 2 ст. 10 ФЗ-273). Она может быть реализована при наличии определенной обстановки, в конкретных времени и месте проведения закупок. Наряду с этим имеет место и иная личная заинтересованность – «стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера» [15]. Подобная мотивация применима и к процедуре закупок с участием аффилированных членов закупочных комиссий.

В Постановлении КС РФ от 26.12.2025 г. № 51-П на лиц, «замещающих публично значимые должности, возлагаются обязанности уведомлять о возникшем конфликте интересов и принимать меры по его предотвращению или урегулированию» [16], которые включают изменение должностного положения причастного к этому лица, его отказ от выгоды, породивший такой конфликт. Возможен и отвод или самоотвод вовлеченных в этот процесс лиц или увольнение при наличии правонарушения в действиях лиц, выступающих стороной конфликта.

Ключевыми моментами при осуществлении членами закупочных комиссий деятельности по предотвращению возникающих конфликтов является ее

объективность и беспристрастность. Об этом говорится в ч. 1 ст. 35 и других нормах УПК РФ. Применительно к судебной деятельности эти принципы являются для судьи обязательными условиями надлежащего осуществления правосудия [17]. При возникновении и протекании конфликтов в сфере закупок с участием членов закупочных комиссий субъекты предпринимательской деятельности не заинтересованы в их публичности. Их выявление возможно с использованием государственных информационных систем [18]. Субъектом такой деятельности является федеральный антимонопольный орган, который анализирует информацию о рисках заключения и реализации ограничивающих конкуренцию соглашений. Его выводы базируются на основе анализа сведений о торгах, о хозсубъектах, об осуществляемой предпринимательской деятельности на товарных рынках.

При этом используется и иная информация, в т.ч. содержащаяся в информационных системах. Результаты деятельности ФАС РФ свидетельствуют о существенных нарушениях антимонопольного законодательства. Так, в сфере контроля госзакупок в 2025 г. ФАС рассмотрела 42 тыс. жалоб, из которых 32 % признаны обоснованными. В этой работе применяется ГИС «Антикартель» – 21 % антиконкурентных соглашений на торгах раскрыто с помощью этой системы [19].

Предотвращение конфликта интересов у гражданских служащих, при проявлении личной заинтересованности, ориентировано на «недопущения причинения вреда законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации» [20]. Конфликт может быть урегулирован путем изменения должностного или служебного положения гражданского служащего, являющегося стороной конфликта интересов. Такое лицо может быть отстранено от исполнения своих обязанностей или уволено с гражданской службы. Близкие по содержанию меры предусмотрены и по отношению к муниципальным служащим [21].

Разрешение конфликта интересов членов закупочных комиссий в судебном порядке возможно только с соблюдением принципов осуществления правосудия. Так, судья не может участвовать в рассмотрении дела и подлежит отводу, если он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела [22]. Не должно быть сомнений в беспристрастности судьи. Основанием для отвода судьи является личная заинтересованность судьи в завершении дела «либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности» [23].

Таким образом, зависимость между членами закупочной комиссии с субъектами предпринимательской деятельности, способной повлиять на принятие решения, является основой аффилированности с присущей им корыстной мотивацией.

Список литературы:

1.Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Русская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – С. 292.
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 28 декабря 2025 г.).
3. Костина К. А. Конфликт интересов в публичных закупках: выявление и урегулирование // Известия Юго-Западного государственного университета. – Серия: История и право. 2025. – Т. 15, № 3. – С. 85.
4. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (ст. 4) (ред. от 31 июля 2025 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 18.04.1991. – № 16. – Ст. 499.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2026. – № 2.
6. Цирин А. М., Матулис С. Н. Понятие скрытой аффилированности и способы ее выявления // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 169.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с

запросом Краснодарского краевого суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 11.11.2024. – № 46. – Ст. 7029.
8. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (преамбула) // Бюллетень международных договоров. – 2006. – № 10. – С. 7–54.
9. Конституционный контроль в условиях глобальных вызовов. Доктрина и методология. Доклад на Международной конференции «Конституционный контроль и глобальные вызовы современности» (СПб, 20.05.2026 г.). – URL: https://www.ksrf.ru/information/speech/38192/ (дата обращения: 24.06.2026).
10. Постановление СФ ФС РФ от 1 апреля 2026 г. № 130-СФ «Об отчете о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2025 году» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 06.04.2026. – № 14. – Ст. 1727.
11. Костюк М. Ф., Линкевич А. Е. Государственные закупки как объект правового регулирования // Вестник Московского университета. – 2016. – № 2. – С. 54.
12. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 29 апреля 2026 г.) «О защите конкуренции2 (ст. 4) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.07.2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.
13. Бурмистрова С. А. Оценка разрешения коллизий интересов в нормативных правовых актах и их проектах // Российский юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 47–60.
14. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "О противодействии коррупции" (ч.1 ст. 10) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29.12.2008 г. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
15. Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020).
16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2025 № 51-П «По делу о проверке конституционности статьи 10, частей 1, 2, 4-6 статьи 11, части 4.1 статьи 12.1 и пункта 1 части 1 статьи 13.1 Федерального закона “О противодействии коррупции”, части 10 статьи 29 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти”, а также части 1 статьи 34, статьи 35 и части 7.1 статьи 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 12.01.2026. – № 2. – Ст. 161.
17. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (ред. от 1 декабря 2022 г.). – URL: https://online11.consultant.ru/cgi/online (дата обращения: 16.06.2026).
18. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” дополнил главу 1 статьей 9.3 “Государственная информационная система по предупреждению, выявлению и пресечению ограничивающих конкуренцию соглашений”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 30.06.2025. – № 26 (ч. I). – Ст. 3512.
19. Глава ФАС представил Правительству Российской Федерации доклад о состоянии конкуренции в России за 2025 г. – URL: https://fas.gov.ru/news/34702 (дата обращения: 14.06.2026).
20. Статья 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2 августа 2004 г. – № 31. – Ст. 3215.
21. Федеральный закон от 2.02.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025 г.)//Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.03.2007. №10. Ст. 1152.
22. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ст. 21).
23. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ст. 16).

Kostyuk M.F. A latent conflict of interest arising from the affiliation of procurement commission members with business entities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 325-331.

International legal norms, which have been developed in domestic legislation, are intended to counteract conflicts of interest in the procurement sphere. This activity is based on transparency, competition, and objective decision-making criteria, combining organizational and management measures with legal regulation and accountability. The development of culture in the legal, political, social, and other spheres is the basic foundation for resolving conflict situations and preventing corruption. The article examines the problems that arise when there is a conflict of interest among members of procurement commissions and interdependent business entities.

Keywords. Affiliation, interdependence, conflict of interest, competition, corruption, procurement committee, entrepreneurial activity, counteraction, latency.

Spisok literatury**:**

1. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition" (as amended on July 31, 2025, as amended. dated April 29, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 31.07.2006. – No. 31 (Part 1). – Art. 3434.
2. Federal Law No. 79-FZ dated July 27, 2004, “On the State Civil Service of the Russian Federation” (as amended on 8.03.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. August 2, 2004 No.31 Art. 3215.

3. Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 “On Combating Corruption” (as amended on December 28, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 12/29/2008. – No. 52 (Part 1). – art. 6228.
4. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 "On Protection of Competition" (as amended on July 31, 2025, as amended. dated April 29, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 07/31/2006. – No. 31 (Part 1). – Art. 3434.
5. Federal Law No. 79-FZ dated July 27, 2004, “On the State Civil Service of the Russian Federation” (as amended on March 8, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 02.08.2004. No.31.
6. Federal Law No. 22-FZ dated March 8, 2015, “On the Entry into Force of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation” (as amended on December 30, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 09.03.2015. – No. 10. – Art. 1392.
7. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) (with amendments and additions, in force from January 1, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – July 29, 2002 – No. 30 – Art. 3012.
8. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, No. 138-FZ.
9. The Code of Judicial Ethics (approved by the 8th All-Russian Congress of Judges on December 19, 2012) (as amended on December 1, 2022) // Bulletin of Acts on the Judicial System. – 2013. – No. 2.
10. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015, No. 21-FZ (as amended on April 9, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 09.03.2015. No.10.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 23, 2025, No. 41 “On the Establishment of Claims by Persons Controlling the Debtor and the Debtor’s Affiliated Persons in Bankruptcy Proceedings” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2026. – No. 2.
12. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation dated April 1, 2026, No. 130-SF “On the Report on the Work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2025” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 06.04.2026. – No. 14. – Art. 1727.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009, No. 19 “On Judicial Practice in Cases of Abuse of Official Powers and Exceeding Official Powers” (as amended on June 11, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 12.
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 26, 2025 No. 51-P "On the case of checking the Constitutionality of Article 10, Parts 1, 2, 4-6 of Article 11, Part 4.1 of Article 12.1 and paragraph 1 of Part 1 of Article 13.1 of the Federal Law "On Combating Corruption", Part 10 of Article 29 of the Federal Law "On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority", as well as parts 1 of Article 34, Article 35 and part 7.1 of Article 40 of the Federal Law "On the general principles of the organization of local Self-government in the Russian Federation" in connection with the request of the Legislative Assembly of the Chelyabinsk region" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 12.01.2026. – No. 2. – Art. 161.15. The
Law of the RSFSR dated March 22, 1991, No. 948-1 "On Competition and restriction of monopolistic activity in commodity markets" (as amended on July 31, 2025) // Vedomosti of the Council of People's Commissars and the Supreme Soviet of the RSFSR. – 04/18/1991. – No. 16. – Art. 499.
16. United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on October 31, 2003 Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // Bulletin of International Treaties. – 2006. – № 10.
17. Burmistrova S. A. Assessment of the resolution of conflicts of interest in regulatory legal acts and their projects // Russian Law Journal. – 2021. – No. 5. – p. Russian Russian Language Dictionary: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. 47-60.
18. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Russian Language Institute. – 4th ed., rev. – Moscow: Azbukovnik, 1997.
19. Constitutional review in the context of global challenges. Doctrine and methodology. Report at the International Conference “Constitutional Review and Global Challenges of the Modern Era” (Saint Petersburg, May 20, 2026). – URL: https://www.ksrf.ru/information/speech/38192/ (accessed: 24.06.2026).
20. Kostyuk M. F., Linkevich A. E. Public procurement as an object of legal regulation //Bulletin of Moscow University. – 2016. – No. 2. – Pp. 52–61.
21. Kostina K. A. Conflict of interest in public procurement: identification and resolution // Proceedings of the Southwest State University. – Series: History and Law. – 2025. – Vol. 15, No. 3. – Pp. 82–91.
22. Tsirin A. M., Matulis S. N. The Concept of Hidden Affiliation and Methods of Its Detection // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 2.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 332-339.

УДК 347.65

ВРЕД КАК КАТЕГОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Краснокутская И. В.

Севастопольский государственный университет

Статья посвящена исследованию теоретико-методологических аспектов определения понятия «вред» как категории международного частного права. Рассмотрены различные подходы к терминологическому инструментарию определения вреда частноправовом регулировании и правоприменительной практике, сформулированы концептуальные основы возмещения трансграничного вреда. Отмечена роль коллизионного реглирования института возмещения вреда в трансграничных частноправовых отношениях. Обращается внимание на отличие вреда от убытков в теории и практике гражданского и международного частного права. Показано, что в современном международном частном праве в разных государствах применяются различные коллизионные подходы к определению применимого правопорядка, но, в то же время, во всех современных правовых системах вред в частноправовых отношениях неизменно рассматривается на концептуально-методологическом уровне как некое умаление субъективных прав и юридических возможностей частных лиц, препятствующих реализации ими своих законных интересов в различных сферах, предполагающих наличие материальных и / или нематериальных (личных) негативных последствий внедоговорного происхождения.

Ключевые слова: вред, возмещение вреда, международное деликтное право, убытки, трансграничные частноправовые отношения, деликтные обязательства.

Определение специфических коллизионных, материально-правовых и процессуальных особенностей возмещения вреда, возникающего из внедоговорных обязательств, в частноправовых отношениях с участием иностранного элемента, требует доктринальной формулировки общей цивилистической концепции вреда в российском законодательстве, раскрытия содержания исследуемого понятия, его форм, видов, а также соотношения со смежными понятиями «ущерб» и «убытки».

Целесообразность рассмотрения цивилистического института вреда в трансграничных частноправовых отношениях через призму российского частноправового регулирования объясняется обоснованной трактовкой международного частного права как отрасли внутригосударственного права, имеющей принадлежность к определенной правовой системе суверенного государства.

Следует отметить, что в предмет настоящего исследования входят теоретико-методологические и практические аспекты возмещения вреда в трансграничных частноправовых отношениях, возникшего в результате внедоговорных обязательств (деликтов), поскольку категория «возмещение» охватывает еще и убытки (в более широкой интерпретации – ущерб), происходящие из договорных обязательств. Более того, Д.Е. Богданов выделяет еще и понятие «потери», выступающие результатом легальных действий (бездействия), и имеющих имущественный характер в коммерческой сфере [1]. Указанные понятия не входят в деликтную плоскость внедоговорных обязательств, имея совершенно иные основания, основанные, в большинстве случаев, на автономии воли сторон, тогда как причинение вреда, безусловно, не может быть согласованным сторонами (кроме отдельных случаев преднамеренного обхода закона, но такое причинение вреда не может быть условием деликтной ответственности).

Автономный подход к определению места международного частного права в системе национального права отражен в классической точке зрения Л.А. Лунца, по мнению которого «государство, решая вопросы, касающиеся гражданско-правовых отношений, с иностранным элементом, в своих внутренних законах или заключенных им международных соглашениях, во всех случаях так или иначе определяет свое отношение к вопросам международного сотрудничества. В связи с той ролью,

которое международное частное право играет в организации этого сотрудничества, акты государства в области международного частного права являются выражением его внешней политики» [2, с. 36]. Иными словами, частноправовое регулирование отношений с иностранным элементом, являясь неотъемлемой частью внутригосударственного законодательства, вместе с тем, занимает особое автономное место в системе права, в значительной степени пересекаясь еще и с предметной сферой международного публичного права, в плоскости которой находятся такие основные источники унифицированного регулирования трансграничных частноправовых отношений, как международный договор и международно-правовой обычай.

В доктрине международного частного права и коллизионном регулировании внедоговорных обязательств в большинстве случаев для обозначения основания их возникновения применяется понятие «деликт» как синоним термина «правонарушение», нарушившее субъективное право лица (причинившее вред таким субъективным правам), и, зачастую, как идентичный самой категории «внедоговорное обязательство» [3, с. 86], что не представляется правильным, учитывая более широкий диапазон внедоговорных обязательств, включающих в себя не только обязательства из причинения вреда.

Следовательно, необходимой предпосылкой исследования возмещения вреда как института международного частного права является теоретико-методологический анализ частноправового регулирования общих положений о категории «вред» в российском гражданском праве, включая и специальные положения отечественного гражданского законодательства о частноправовых отношениях, осложненных иностранным элементом. Исходя из обозначенного понимания архитектоники международного частного права в системе национального частноправового регулирования, отражающего цивилистическую и автономную отраслевые концепции правопонимания, следует отметить, что вред в частноправовых отношениях определяется как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным), что в действующем российском законодательстве непосредственно обусловлено смыслом и содержанием ст. 12, 151, 152, 1064, 1065 и других нормативных положений ГК РФ [4].

По данному ключевому положению отечественного гражданского законодательства, распространяющегося на все частноправовое регулирование в целом, обязательства вследствие причинения вреда (деликтные обязательства) заключаются в обязанности лица, причинившего вред личности или имуществу гражданина, или имуществу юридического лица, возместить причиненный вред в полном объеме.

Из приведенной нормативной правовой формулировки можно выделить основные признаки вреда как частноправового института: а) понятие «деликт» этимологически означает причинение вреда, а деликтные обязательства представляют собой частноправовые обязательства, возникающие из внедоговорного причинения вреда (внедоговорные обязательства) (терминологический аспект частноправового содержания вреда. – Авт.); б) деликтные обязательства в частноправовых внедоговорных отношениях заключаются в обязанности реализации института возмещения вреда в полном объеме (принцип генерального деликта. – Авт.); в) объектом причинения вреда может выступать личность или имущество физического лица, а также имущество юридического лица» (телеологический аспект. – Авт.); г) вред возможен в трех онтологических формах в зависимости от объекта причинения – имущественный (для физических и юридических лиц), моральный, физический (только для физических лиц), причем моральный вред вынесен в отдельные положения ГК РФ (Гл. 8 «Нематериальные блага и их защита») за пределами специальной деликтной Главы 59 «Обязательства вследствие причинения вреда», определяющей общие положения

гражданского законодательства о деликтных обязательствах (формально-догматический аспект. – Авт.); д) внедоговорное (деликтное) обязательство всегда предполагает противоправное фактическое взаимодействие двух сторон обязательства – причинителя вреда (должника) и потерпевшей стороны (кредитора) (субъективный аспект. – Авт.); е) частноправовыми формами восстановления нарушенных гражданских прав являются возмещение имущественного или физического вреда, а также компенсация морального вреда (компенсационный аспект. – Авт.); ж) вред как факт реальной действительности является исключительным основанием возникновения внедоговорного обязательства и последующего ретроспективного наступления негативной деликтной ответственности в качестве его правового последствия, предусмотренного действующим цивилистическим законодательством (детерминирующий аспект. – Авт.); з) основной правоприменительной инстанцией объективации деликтной ответственности является система государственных судов общей юрисдикции и арбитражных судов (институциональный аспект. – Авт.); и) основанием возникновения деликтного обязательства может быть не только реальный, уже наступивший вред, но и потенциальный, который может наступить в результате определенной деятельности, что, по условной аналогии с уголовно-правовой характеристикой составов преступлений, можно сравнить с материальными и формальными составами, что вполне применимо и для классификации различных фабул частноправового вреда в зависимости от реальности и времени его наступления (темпоральный аспект. – Авт.).

Если рассматривать доктринальные подходы к определению цивилистического содержания категории «вред», теоретический и практический интерес вызывает материальная трактовка вреда, предложенная В.Т. Смирновым и А.А. Собчаком, которые рассматривают в указанном качестве не само нарушение субъективного права участника частноправовых отношений, а наступившие последствия такого нарушения, имеющие имущественный либо личный (неимущественный) характер [5, с. 58].

Впрочем, далее авторы уточняют, что имеются ввиду неблагоприятные для потерпевшего (кредитора) имущественные последствия, т.е. основание возникновения деликтных обязательств фактически сводится к «экономическому» (имущественному) критерию, что представляется весьма ограничительным толкованием на фоне полиобъектности понятия «вред», изначально признаваемой и самими исследователями в приведенной дефиниции.

На уровне судебной практики в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 27.01.2015 г. № 81-КГ14-19 приводится следующее определение вреда: «Вред – всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, которое может быть, как имущественным, так и неимущественным (нематериальным)» [6]. В соответствии с позицией судебной практики, решая вопрос о возложении деликтной ответственности, суд оценивает вред наряду с другими условиями (Определение Конституционного Суда РФ от 5.04.2016 г. № 701-О [7]; Определение Верховного Суда РФ от 24.10.2017 г. № 49-КГ17-21 [8].

Таким образом, российская судебная практика исходит из того, что вред – это принижение или уничтожение некоего блага, принадлежащего лицу, а также и то, что вред – это условие, а не основание гражданско-правовой ответственности, основанием же ее выступает деликт (правонарушение), из чего и проистекает этимология понятий «деликтное обязательство» и «деликтная ответственность».

В свою очередь, унифицированное коллизионное, материально-правовое, процессуальное регулирование трансграничных внедоговорных обязательств формирует специальную подотрасль международного частного права – международное деликтное право [9]. К предметам частноправовых отношений, регулируемых сово-

купным массивом норм международного деликтного права, относятся: причинение вреда (из деликтов и вследствие недостатков товаров, работ либо услуг); необоснованное обогащение; нечестная конкуренция; ведение чужих дел без поручительства.

Следовательно, трансграничное причинение вреда имущественным и личным неимущественным субъективным правам физических, и имущественным интересам юридических лиц, представляет собой одну из форм деликта. Вместе с тем, институт возмещения либо компенсации предусмотрен для всех видов деликтов, при любых условиях их возникновения, включая вред как основное и наиболее распространенное из таких фактических условий, неотъемлемо входящих в состав деликта (в иной терминологии – внедоговорного обязательства).

Негативные последствия за совершение правонарушения, повлекшего наступление вреда в одной из возможных его содержательных форм, как справедливо указывается в цивилистической литературе, аналогично последствиям для потерпевшего от деликта, наступают для правонарушителя (должника) в форме определенного претерпевания сложностей, дополнительного бремени, тягот, из чего делается обоснованный вывод о наличии у частноправового института деликтных обязательств двух имманентно ему присущих функций – компенсационной (восстановительной) и охранительной [10].

Компенсационная (восстановительная) функция цивилистического института возмещения вреда заключается в восстановлении имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, умаленных в результате противоправного действия (бездействия). Охранительная функция реализуется с целью недопущения дальнейшего осуществления деятельности, объективно установленным потенциальным последствием которой является причинение вреда (ст. 1065 ГК РФ).

Вместе с тем, можно согласиться и с высказанной отдельными цивилистами позицией о том, что возмещение вреда не отменяет и не «компенсирует» непосредственно сам вред, который уже был причинен, и состоявшийся факт его причинения. Так, по мнению А.С. Кривцова, сущность и значение института возмещения вреда заключаются в том, чтобы переложить бремя претерпевания тяжестей с одного лица (потерпевшего, кредитора) на другое лицо (причинителя вреда, должника) [11, с. 62-63], т.е., иными словами, перенести вред на делинквента, допустившего противоправное поведение. Аналогичную мысль высказывает и А.А. Симолин, который полагает, что «возмещение убытка не уничтожает вреда, но лишь переносит его с одного лица на другое» [12, с. 551].

Еще одним важным аспектом, безусловно, справедливым и для трансграничной цивилистики, является применение юридической фикции «возмещение» в отношении физического и морального вреда, поскольку, в любом случае, форма возмещения переносится из сферы личных неимущественных отношений в сферу имущественных, в которой сумма возмещения способна получить экономическую (материальную) оценку размера. Как справедливо указывает О.В. Колесниченко, представляющая научную школу выдающегося современного российского цивилиста С.К. Соломина, вред здоровью человеку, по общему правилу, устоявшемуся в отечественной гражданско-правовой науке, не предполагает возместимости (автор, кстати, критикует описываемый распространенный подход и предлагает заслуживающую внимания альтернативную цивилистическую концепцию возместимости физического вреда) следовательно, «причиненный … вред искусственно отождествляется с комплексом опосредованных убытков» (лечение, прямые транспортные расходы, судебные издержки и т.п.).

О.В. Колесниченко, признавая распространенность данной т.н. «убыточной» (т.е., предполагающей подсчет сопутствующих убытков в качестве универсального средства, а не размера реально причиненного вреда личности) концепции в отече-

ственной цивилистике, в то же время, выступает с ее конструктивной критикой, обоснованно указывая, что вместе с убытками необходимо учитывать еще и недополученную выгоду в виде ожиданий от приращения имущества (при нормальном ходе обязательственных отношений) либо ожиданий от сохранности принадлежащих субъекту нематериальных благ (исходя из доминирующей в гражданско-правовой доктрине положения о невозможности непосредственной денежной оценки вреда, причиненного здоровью и жизни человека) [13, с. 4].

Понятие «ущерб» является более многоотраслевым и широким по сравнению с понятием «убытки» (под последними во внедоговорной парадигме имеются ввиду непосредственные последствия деликта, которые возможно оценить материально либо допускается соответствующая фикция при условном переносе возмещения из личной неимущественной сферы в имущественную).

Необходимо отметить, что под убытками на основании ст. 15 ГК РФ, а также разъяснительных пп. 13, 14 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [14], понимается несколько форм неблагоприятных последствий, наступающих вследствие совершения деликта и возникновения внедоговорных обязательств кредитора и должника:

1. Реальный ущерб – утрата или повреждение имущества, а также расходы, которые произведены (или будут произведены в будущем) лицом, право которого нарушено, для его восстановления.

2. Упущенная выгода – неполученные доходы, которые лицо, которому причинен вред, могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (в данном случае, как представляется, находится практическая плоскость для применения приведенной выше авторской концепции О.В. Колесниченко о включении в возмещение физического и морального вреда не только прямых убытков, но и упущенной выгоды вследствие утраты нормального состояния, каким бы оно было без причинения вреда вследствие деликта – Авт.).

Таким образом, понятие «ущерб» в преломлении к имущественному вреду (иными словами, реальному ущербу, имеющему непосредственное экономическое содержание, а не условный характер юридической фикции) является его составной частью и предполагает некие имущественные потери.

В целом, можно сделать обобщенный вывод о том, что в современном международном частном праве в разных государствах применяются различные коллизионные подходы к определению применимого правопорядка, но, в то же время, во всех современных правовых системах вред в частноправовых отношениях неизменно рассматривается на концептуально-методологическом уровне как некое умаление субъективных прав и юридических возможностей частных лиц, препятствующих реализации ими своих законных интересов в различных сферах, предполагающих наличие материальных и / или нематериальных (личных) негативных последствий внедоговорного происхождения. Внедоговорное происхождение отличает вред от убытков как категории, применяемой в обязательственной сфере трансграничных частноправовых отношений [15].

В процессуальном аспекте, разграничение между указанными категориями дел можно провести относительно возможности их рассмотрения в международных коммерческих арбитражах по соглашению сторон. В отношении обязательственных отношений такая практика, в отличие от внедоговорных обязательств, является весьма распространенной, поскольку международный коммерческий арбитраж рассматривает коммерческие споры, предполагающие, в том числе, и применение института возмещения убытков [16, с. 38-39].

В то же время, большинство государств при подписании Женевской конвенции 1927 г. (Конвенции об исполнении иностранных арбитражных решений) сделали оговорку о том, что при ее применении они исходят из понятия «коммерческие / торговые споры», сформулированного в национальном законодательстве. Более того, Типовой закон ЮНСИТРАЛ [17] относит к коммерческим и некоторые внедоговорные (деликтные) отношения (например, неосновательное обогащение), что дает формально-юридическое основание включать подобные дела в юрисдикцию международных коммерческих арбитражей. Тем не менее, безусловно, основным предназначением указанных институций является рассмотрение трансграничных коммерческих споров, в то время как дела по внедоговорным обязательствам, как правило, рассматривают государственные суды общей юрисдикции и арбитражные суды, руководствуясь подсудностью, определенной специальной коллизионной нормой.

Обобщая результаты проведенного исследования содержания и правовой природы вреда как условия деликтной ответственности в частноправовых отношениях с иностранным элементом, можно сделать следующие выводы: а) вред представляет собой условие деликтной ответственности по внедоговорным обязательствам, концептуально основанной на принципе генерального деликта – обязанности лица, причинившего вред личности или имуществу гражданина, или имуществу юридического лица, возместить причиненный вред в полном объеме; б) компенсационная (восстановительная) функция цивилистического института возмещения вреда заключается в восстановлении имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, умаленных в результате противоправного действия (бездействия); в) охранительная функция института возмещения вреда реализуется с целью недопущения дальнейшего осуществления деятельности, объективно установленным потенциальным последствием которой является причинение вреда; г) российскому цивилистическому законодательству и судебной практике присущ подход, при котором понятие «убытки» применяется в договорной (обязательственной) сфере, а «вред» – в отношении внедоговорных обязательств, о чем свидетельствует терминологический инструментарий названия и нормативных положений специально обособленной Гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда»; д) наиболее объективный, а не оценочный, характер, имеет определение имущественного вреда как такового, который изначально, без использования правовых фиктивных конструкций, может быть экономически измерен и определен в денежном эквиваленте; е) имущественный вред физическому лицу может быть сопряжен с психическими переживаниями (моральный вред), которые в отдельных случаях имеют причинно-следственную связь и с физическими расстройствами здоровья (физический вред), в результате происходит распространение деликта, изначально охватывавшего только имущественную сферу субъективных прав индивида, еще и на сферу его личных неимущественных субъективных прав, создавая кумулятивный эффект и совокупное применение судом частноправового регулирования различных видов вреда, что имеет особое практическое значение при рассмотрении трансграничных внедоговорных обязательств, требующих выбора компетентного правопорядка.

Список литературы:

1. Богданов Д.Е. Возмещение потерь в российском и зарубежном праве // Lex Russica. – 2017. – № 5. – С. 174-193.
2. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3-х т. – М., 2002. – 1007 с.
3. Сокрутова Т.Ю. Сравнение деликтных обязательств в римском, гражданском и международном частном праве // Вестник СГАП. – 2009. – № 1. – С. 84-88.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 21.10.1994 № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2026);

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2026); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2026); Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2026).
5. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. – Л., 1983. – 152 с.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2026).
7. Определение Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 701-О // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2026).
8. Определение Верховного Суда РФ от 24 октября 2017 г. № 49-КГ17-21 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.07.2026).
9. Стригунова Д.П. Современное состояние и тенденции развития международного деликтного права // Гражданское право. – 2024. – № 5. – С. 27-30.
10. Матанцев Д.А. Функции деликтной ответственности в гражданском праве // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 3. – С. 18-22.
11. Кривцов А.С. Общее учение об убытках. – Юрьев, 1902. – 219 с.
12. Симолин А.А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. – М., 2005. – 636 с.
13. Колесниченко О.В. Цивилистическая концепция возместимости физического вреда: автореф. дисс. докт. наук. – Тюмень, 2024. – 49 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru
15. Романова И.Н. Гражданско-правовая природа понятия «убытки» // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2019. – № 2. – С. 61-63.
16. Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Науч. ред.: О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 3-е изд., перераб. и доп. – СПб; М.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2025. – 1005 с.
17. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (принят ЮНСИТРАЛ 21 июня 1985 г.) (с изменениями и дополнениями) // Гарант. – URL: https://base.garant.ru (дата обращения: 03.07.2026).

Krasnokutskaya I.V. Harm as a category of private international law: theoretical and methodological aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 332-339.

This article explores the theoretical and methodological aspects of defining the concept of "harm" as a category of private international law. Various approaches to the terminological tools for defining harm in private law regulation and law enforcement practice are considered, and conceptual foundations for compensating for transboundary harm are formulated. The role of conflict-of-law regulation of the institution of compensation for harm in transboundary private law relations is noted. Attention is drawn to the distinction between harm and losses in the theory and practice of civil and international private law. It is shown that in modern private international law, different states apply various conflict-of-law approaches to determining the applicable legal order. However, in all modern legal systems, harm in private law relations is invariably viewed at the conceptual and methodological level as a certain diminution of the subjective rights and legal opportunities of individuals, preventing them from realizing their legitimate interests in various areas, implying the presence of material and/or intangible (personal) negative consequences of non-contractual origin.

Keywords: harm, compensation for harm, international tort law, losses, cross-border private law relations, tort obligations.

Spisok literatury:

1. Bogdanov D.E. Compensation for Losses in Russian and Foreign Law // Lex Russica. - 2017. - No. 5. - Pp. 174-193.
2. Lunts L.A. Course in International Private Law: in 3 volumes. - Moscow, 2002. - 1007 p.
3. Sokrutova T.Yu. Comparison of Tort Obligations in Roman, Civil and International Private Law // Bulletin of the SGAP. - 2009. - No. 1. - Pp. 84-88.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 21.10.1994 No. 51-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: https://pravo.gov.ru (date of access: 03.07.2026); Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://pravo.gov.ru (accessed: July 3, 2026); Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://pravo.gov.ru (accessed: July 3, 2026); Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006, No. 230-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://pravo.gov.ru (accessed: July 3, 2026).

5. Smirnov V.T., Sobchak A.A. General Doctrine of Tort Obligations in Soviet Civil Law. Leningrad, 1983. – 152 p.
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 2015 No. 81-KG14-19 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://pravo.gov.ru (date of access: 03.07.2026).
7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 5, 2016 No. 701-O // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://pravo.gov.ru (date of access: 03.07.2026).
8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of October 24, 2017 No. 49-KG17-21 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://pravo.gov.ru (date accessed: 03.07.2026).
9. Strigunova D.P. Current state and development trends of international tort law // Civil law. 2024. No. 5. – pp. 27-30.
10. Matantsev D.A. Functions of tort liability in civil law // Agrarian and land law. – 2019. No. 3. Pp. 18-22.
11. Krivtsov A.S. General doctrine of damages. – Yuryev, 1902. – 219 p.
12. Simolin A.A. Compensation, gratuitousness, mixed contracts and other theoretical problems of civil law. – Moscow, 2005. – 636 p.
13. Kolesnichenko, O.V. Civilistic Concept of Compensability for Physical Damage: Abstract of Doctor of Sciences (PhD) Dissertation. – Tyumen, 2024. – 49 p.
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://pravo.gov.ru (accessed: 03.07.2026).
15. Romanova, I.N. Civil Law Nature of the Concept of "Losses" // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2. Legal Sciences. – 2019. – No. 2. – pp. 61-63.
16. International Commercial Arbitration: Textbook / Scientific. Ed.: O. Yu. Skvortsov, M. Yu. Savransky, G. V. Sevastyanov. 3rd ed., revised and enlarged. – St. Petersburg; Moscow: ANO “Editorial Office of the Journal “Arbitration Court”, 2025. – 1005 p.
17. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration (adopted by UNCITRAL on June 21, 1985) (with amendments and additions) // Garant. – URL: https://base.garant.ru (date of access: 03.07.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 340-349.

УДК 347

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ИММУНОПРОФИЛАКТИКИ

Мотина Е. А.

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье исследуется субъектный состав правоотношений в сфере иммунопрофилактики. Автор отмечает, что данная категория выходит за рамки обязательства по оказанию услуг, поскольку вакцинальный статус, выступая юридически значимым фактом, предопределяющим содержание и границы правового статуса гражданина, охватывает не только пациентов, но и участников более широкого круга правоотношений. Анализируются содержание и взаимосвязь понятий «права граждан в сфере иммунопрофилактики» и «права пациентов», «пациент» и «потребитель медицинской услуги». Выделяются две основные категории физических лиц (пациентов) в сфере иммунопрофилактики по объему и характеру их правомочий: субъекты, наделенных общим правовым статусом, и субъекты, обладающие специальным правовым статусом. Особое внимание уделено анализу гражданско-правового статуса медицинской организации в сфере иммунопрофилактики, дифференциации условий ее ответственности.

Ключевые слова: субъекты правоотношений, иммунопрофилактика, пациент, потребитель медицинской услуги, гражданско-правовой статус, вакцинальный статус, превентивная медицина, гражданско-правовая ответственность.

Юридическая наука и правоприменительная практика традиционно связывают защиту прав в медицинской сфере с законодательной и доктринальной категорией «пациент». Однако в контексте иммунопрофилактики такой подход имеет определенные теоретико-методологические ограничения. Субъект может сталкиваться с ограничениями субъективных прав (например, в виде отстранения от выполнения трудовых обязанностей при отсутствии профилактических прививок) до момента вступления в конкретные обязательства по оказанию медицинской помощи. Поэтому категория «субъекты правоотношений в сфере иммунопрофилактики» шире понятия «пациент» и не ограничивается рамками обязательств по оказанию медицинских услуг. Она охватывает как непосредственно вакцинируемых лиц, так и иных участников широкого круга правоотношений, в которых факт вакцинации выступает юридически значимым фактом, предопределяющим содержание и границы правового статуса гражданина как наименее защищенной стороны.

Обозначенное расширение субъективных границ отношений в сфере иммунопрофилактики актуализирует проблему дифференциации смежных правовых категорий. Гражданин выступает центральным субъектом правоотношений в сфере иммунопрофилактики, однако статус пациента не охватывает весь круг лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты в связи с осуществлением вакцинации и юридическими последствиями отказа от нее. В связи с этим необходимо разграничивать понятия «права граждан в сфере иммунопрофилактики» и «права пациентов» как самостоятельные цивилистические категории.

Соотношение указанных дефиниций носит характер связи общего и частного. Категория «права пациентов» выступает видовой по отношению к родовому понятию правового статуса гражданина в анализируемой сфере. Данные понятия сопоставимы в части общих гражданско-правовых аспектов осуществления медицинской деятельности, однако они не являются тождественными. Права граждан в сфере иммунопрофилактики представляют собой обособленную группу субъективных прав, производных от личных неимущественных прав на охрану здоровья и физическую неприкосновенность, но реализуемых в специфических условиях превентивной медицины. В свою очередь, права пациента обусловлены его вступлением в конкретные гражданские правоотношения по поводу оказания медицинской помощи или

связанных с ней услуг. Следовательно, пациент как субъект прав в сфере иммунопрофилактики наделен специфическим правовым статусом, системное содержание которого дифференцируется на общие и специальные правомочия.

В правоотношениях в сфере иммунопрофилактики граждане наделяются комплексом прав, обусловленных: а) конституционным правом на охрану здоровья и медпомощь (ст. 41 Конституции РФ) [1]; б) гражданско-правовым режимом защиты нематериальных благ, принадлежащих гражданину от рождения, включая жизнь, здоровье и личную неприкосновенность (ст. 150, 151 ГК РФ) [2]; в) межотраслевым статусом пациента, включающим гражданско-правовые элементы, закрепленные в Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон № 323-ФЗ) [3]; в) специальными правами в сфере иммунопрофилактики, предусмотренными ФЗ от 17.09.1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (далее - Федеральный закон № 157-ФЗ) [4].

Правовое обеспечение отношений, возникающих между медицинской организацией и гражданами, реализуется посредством гражданско-правовых регулятивных и охранительных механизмов. Последние опосредуются институтами договорной (в рамках обязательств по оказанию медицинских услуг) и деликтной ответственности медицинской организации, наступающей в процессе или в результате оказания таких услуг. Специфика субъектного состава анализируемых связей предопределяет необходимость анализа применимости дефиниции «пациент» к характеристике участников отношений в сфере превентивной медицины. В цивилистической доктрине отсутствует единство взглядов на содержание указанной категории [5, с. 7; 6, с. 56; 7, с. 22]. Наиболее точным и соотносимым с легальным определением представляется подход М.Ю. Старчикова, который рассматривает пациента как физическое лицо, наделенное субъективными правами и обязанностями, которому оказывается медицинская помощь, либо обратившееся за ее получением в медицинскую организацию [8, с. 21]. Ценность данного подхода для исследуемой сферы заключается в том, что статус пациента признается как за лицами, имеющими патологии, так и за лицами, не страдающими какими-либо заболеваниями, что находит свое подтверждение и в международно-правовых актах [9].

Отраслевое законодательство (п. 9 ст. 2 ФЗ № 323-ФЗ) закрепляет широкую дефиницию категории «пациент». Буквальное толкование предложенной законодателем формулировки позволяет констатировать, что понятие «пациент» не тождественно понятию лица, имеющего заболевания, а соотносится с ним как общее и частное. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для исследуемой проблематики, поскольку при осуществлении иммунопрофилактики в качестве пациентов выступают, как правило, лица, не имеющие сопутствующей патологии. Превалирование таких лиц среди вакцинируемых обусловлено спецификой субъектного состава, в котором значительную долю составляют несовершеннолетние. В связи со спецификой статуса вакцинируемого лица первостепенное значение приобретает превентивная функция гражданско-правовых способов защиты субъективных прав, направленная на предотвращение вреда нематериальным благам личности.

Также представляет интерес исследование соотношения категорий «пациент» и «потребитель медицинской услуги». Проблема соотношения данных статусов имеет определяющее значение для конструирования механизма гражданско-правовой защиты. В цивилистической доктрине сформировано положение, согласно которому статус потребителя в полной мере присущ гражданину при оказании медицинских услуг на основании договора возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ), особенности которого на подзаконном уровне регламентированы Постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 [10].

Вместе с тем, распространение норм Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон № 2300-1) [11] на отношения по предоставлению гражданам превентивной медицинской помощи в рамках государственных гарантий (в системе обязательного медицинского страхования – далее ОМС) остается предметом научных дискуссий [12, с. 18]. Несмотря на то, что в доктрине высказываются мнения об отсутствии признака возмездности со стороны самого гражданина при получении медицинской помощи по ОМС, правоприменительная практика, опираясь на правовые позиции ВС РФ [13], признает правомерность распространения норм Закона № 23001 на сферу ОМС в части неимущественных прав пациента (право на качество, информацию, компенсацию морального вреда). Однако в части применения мер имущественной ответственности в виде специфических потребительских санкций (штрафа и неустойки) суды занимают ограничительную позицию, что подтверждается, в частности, Определением Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 1-О [14]. В связи с этим гражданско-правовая защита имущественного интереса вакцинируемого лица (например, при причинении вреда здоровью некачественной услугой) смещается в сферу деликтных обязательств (гл. 59 ГК РФ).

Системный анализ законодательства позволяет дифференцировать физических лиц (пациентов) в сфере иммунопрофилактики по объему и характеру их правомочий на две основные категории: субъектов, наделенных общим правовым статусом, и субъектов, обладающих специальным правовым статусом, предопределяющим возникновение дополнительных прав и (или) ограничений. Критерием указанного разграничения выступает наличие дополнительных правовых гарантий и обязанностей, обусловленных возрастными характеристиками лица, его профессиональной деятельностью, состоянием здоровья (наличием медицинских противопоказаний) или участием в клинических исследованиях лекарственных препаратов (вакцин).

Круг субъектов, наделенных общим правовым статусом в сфере иммунопрофилактики, составляют граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно или временно проживающие на территории РФ, а в установленных законом (п.1 и п.2 ст. 3 Федерального закона № 157-ФЗ) случаях их законные представители, восполняющие дееспособность несовершеннолетних и недееспособных лиц. Содержание общего статуса указанных лиц дифференцируется на две группы правомочий: регулятивные правомочия, обеспечивающие свободное волеизъявление субъекта при осуществлении личных неимущественных прав (право на получение профилактических прививок, право на предварительный медицинский осмотр и обследование, а также право на полную и достоверную информацию о необходимости иммунизации и ее медицинских последствиях); охранительные правомочия, направленные на защиту нарушенных нематериальных благ, включая жизнь и здоровье (право на пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, право на полное возмещение вреда и компенсацию морального вреда).

К специальным субъектам, чей гражданско-правовой статус характеризуется наличием дополнительных гарантий или ограничений, относятся: беременные женщины и кормящие матери; несовершеннолетние; лица, страдающие социально значимыми заболеваниями или болезнями, представляющими опасность для окружающих; участники клинических исследований лекарственных препаратов (вакцин); лица, находящиеся в местах принудительного содержания и уголовно-исполнительной системы; работники, занятые на отдельных видах работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями.

Особое место в структуре специальных субъектов занимают беременные женщины, специфика гражданско-правового статуса которых в сфере иммунопрофилактики актуализирует доктринальную дискуссию о правовом положении нерожденного ребенка при оценке деликтных рисков [15, с.82]. Данные исследований свидетель-

ствуют о превалировании положительного отношения к превентивным медицинским вмешательствам среди беременных женщин [16, с. 47; 17, с. 14]. Вместе с тем, беременная женщина, выражая согласие на превентивное медицинское вмешательство или реализуя право на отказ от него, действует исключительно в рамках собственной гражданской правосубъектности. При развитии внутриутробных осложнений у плода, вызванных дефектами оказания медицинских услуг по иммунопрофилактике, возникает сложная коллизия. С одной стороны, международно-правовые акты признают необходимость превентивной защиты плода как неотъемлемой части охраны материнства и детства. С другой стороны, российское законодательство императивно связывает возникновение гражданской правоспособности исключительно с моментом рождения (п. 2 ст. 17 ГК РФ), что исключает признание нерожденного человека самостоятельным субъектом права и участником правоотношения.

Отмечаемая в отечественном законотворческом процессе тенденция к выдвижению инициатив о наделении плода правом на охрану здоровья до рождения не находит нормативного подтверждения [18]. Действующий гражданско-правовой механизм обеспечивает необходимый уровень защиты интересов матери и родившегося живым ребенка на основе положений о правосубъектности физических лиц.

Гражданско-правовая защита при причинении пренатального вреда здоровью вследствие дефектов иммунопрофилактики зависит от факта живорождения. В случае гибели плода охранительное обязательство с его участием не возникает, а единственным управомоченным субъектом права на защиту выступает женщина, чьему здоровью или охраняемым законом интересам был причинен вред. Если пренатальный вред повлек возникновение патологий у ребенка, родившегося живым, данный субъект с момента рождения приобретает правоспособность и становится носителем нематериального блага (здоровья). Факт совершения противоправных действий до рождения не препятствует предъявлению иска о полном возмещении вреда (ст. 1064, 1085 ГК РФ) законными представителями в интересах родившегося ребенка.

Характеристика несовершеннолетних как специальных субъектов правоотношений в сфере иммунопрофилактики предопределена тем, что данная категория лиц более подвержена превентивным медицинским вмешательствам в рамках Национального календаря профилактических прививок и несет на себе основное бремя рисков, связанных с вакцинацией. Несовершеннолетний является самостоятельным субъектом правоотношений в сфере иммунопрофилактики, однако его правовой статус характеризуется частичной или неполной дееспособностью (ст. 26, 28 ГК РФ), обуславливающей необходимость участия его законных представителей для восполнения волевого элемента на стадии формирования информированного добровольного согласия [19, с. 181].

Волеизъявление на проведение вакцинации (информированное добровольное согласие) представляет собой волевой акт, действительность которого доктрина связывает с качеством предварительного информирования субъекта о целях, рисках и альтернативах вмешательства [20, с. 117; 21, с. 23; 22, с. 65], что коррелирует с международными принципам «подтвержденного согласия» и «соизволения» [23].

Серьезную теоретическую проблему представляет межотраслевое рассогласование норм гражданского законодательства и специальных медицинских предписаний. Если в гражданском законодательстве дифференцируется правовой статус малолетних лиц (до 14 лет) (ст. 28 ГК РФ) и несовершеннолетних лиц (от 14 до 18 лет) (ст. 26 ГК РФ), расширяя объем самостоятельной дееспособности последних, то базовое законодательство об охране здоровья граждан (ч. 2 ст. 54 ФЗ № 323-ФЗ) устанавливает возрастной порог для принятия самостоятельного решения о медицинском вмешательстве в 15 лет (для больных наркоманией – 16 лет). Подобный дисбаланс приводит к дефектам правоприменения, выражающимся в

замещении воли несовершеннолетних в возрасте 14 лет действиями родителей (законных представителей). Для обеспечения системного единства правового регулирования и устранения межотраслевого дисбаланса представляется необходимым изменить возрастную границу самостоятельного волеизъявления в сфере здравоохранения до 14 лет. Целесообразно синхронизировать момент возникновения права на самостоятельное принятие решений в отношении личных нематериальных благ с моментом наделения лица дееспособностью несовершеннолетних от 14 до 18 лет и деликтоспособностью по правилам ГК.

На основании указанного, автором предлагается изложить ч. 2 ст. 54 ФЗ № 323-ФЗ в следующей редакции: «Несовершеннолетние, достигшие возраста четырнадцати лет, или несовершеннолетние, больные наркоманией и достигшие возраста шестнадцати лет, имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него…». Реализация данного предложения позволит гармонизировать охранительные механизмы гражданского права с нормами законодательства в сфере охраны здоровья, обеспечив надлежащую защиту несовершеннолетних граждан в сфере иммунопрофилактики.

Самостоятельную группу специальных субъектов образуют лица, состояние здоровья которых характеризуется наличием патологических процессов и заболеваний. С позиции цивилистической доктрины указанная группа лиц дифференцируется на две категории, обладающие противоположной спецификой правового регулирования. К 1-й категории относятся граждане, страдающие заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. В отношении их действует ограничение принципа автономии воли, поскольку отраслевое законодательство (ст. 20 ФЗ № 323-ФЗ) допускает проведение санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий без их согласия. В сфере частноправового регулирования данное требование представляет собой ограничение гражданских прав (п. 2 ст. 1 ГК РФ), обусловленное приоритетом защиты личных неимущественных благ третьих лиц и публичного интереса.

Ко второй категории относятся пациенты, имеющие тяжелые хронические заболевания, для которых вакцинация сопряжена с повышенным риском ввиду наличия потенциальных медицинских противопоказаний. Данное обстоятельство трансформирует содержание обязательств медицинской организации: на исполнителя медицинских услуг возлагается повышенный стандарт проявления должной осмотрительности при проведении превентивного осмотра и сбора анамнеза. Нарушение этого стандарта (например, игнорирование противопоказаний) квалифицируется как противоправное поведение и влечет за собой гражданско-правовую ответственность за причинение вреда жизни или здоровью пациента (ст. 1064 ГК РФ). Логическим продолжением классификации специальных субъектов выступает выделение в их структуре лиц, принимающих участие в клинических исследованиях вакцин. Их специфика обусловлена тем, что одной стороны, такие лица выступают субъектами медицинского вмешательства и наделяются статусом пациентов (Федеральный закон № 323-ФЗ). С другой стороны, выступая «испытуемыми» или «участниками клинического исследования» [24], они приобретают особый правовой статус.

Специфика гражданско-правовой защиты указанных лиц выражается в расширении границ свободы волеизъявления (через безусловное право на отказ от продолжения исследования на любом этапе) и в повышенных требованиях к действительности волеизъявления субъекта и качеству его информационного обеспечения. Кроме того, центральным элементов выступает институт обязательного страхования жизни и здоровья добровольцев (ст. 44 Федерального закона от 12.04.2010 г. №61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»), выступающий специальной граждан-

ско-правовой гарантией защиты имущественных и неимущественных интересов при наступлении страхового случая, вызванного причинением вреда их жизни или здоровью в ходе исследования.

Особый статус при осуществлении превентивных мероприятий имеют сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД). В соответствии с ч.1 ст. 11 ФЗ от 19.07.2011 N 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [25] данные лица наделены правом на получение бесплатной медицинской помощи в ведомственных медицинских организациях. Указанное право реализуется в рамках специфических обязательств, где финансирование превентивных мер осуществляется напрямую за счет федерального бюджета, минуя систему ОМС. Это предопределяет особенности субъектного состава охранительных обязательств: в случае причинения вреда здоровью при вакцинации в ведомственном учреждении, субъектом гражданско-правовой ответственности будет являться конкретная медицинская организация, функционирующая в структуре соответствующего федерального органа исполнительной власти.

Серьезную практическую проблему представляет межотраслевая коллизия, возникающая при реализации сотрудниками ОВД права на отказ от профилактических прививок. Согласно п. 2 ст. 5 ФЗ № 157-ФЗ, отсутствие вакцинального статуса влечет за собой правомерное отстранение граждан от выполнения работ, связанных с высоким риском распространения инфекционных заболеваний. Однако специальное законодательство, регламентирующее прохождение службы в органах внутренних дел [26], содержит исчерпывающий перечень оснований для временного отстранения сотрудника от выполнения служебных обязанностей, в котором отказ от превентивного медицинского вмешательства отсутствует. Обозначенный пробел затрудняет реализацию субъективного гражданского права на отказ от медицинского вмешательства и применение соответствующих охранительных механизмов, поскольку ставит законность приостановления служебных обязанностей в зависимость от усмотрения правоприменителя, что существенно ограничивает возможности сотрудника ОВД на превентивную защиту своих неимущественных прав.

Спецификой гражданско-правового статуса характеризуются также субъекты, вовлеченные в сферу иммунопрофилактики в рамках уголовно-исполнительной системы (далее - УИС). С позиции частноправового анализа указанный субъектный состав дифференцируется на следующие группы: сотрудники УИС, проходящие службу в указанных органах; лица, находящиеся в местах принудительного содержания (подозреваемые, обвиняемые, осужденные); несовершеннолетние граждане, содержащиеся в воспитательных колониях; дети в возрасте до трех лет, находящиеся в домах ребенка при исправительных колониях (включая детей, рожденных от ВИЧ-инфицированных матерей).

Нахождение подследственных и осужденных лиц в условиях пенитенциарной изоляции ограничивает проявление принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ) в части выбора исполнителя медицинских услуг, однако не прекращает принадлежащие им от рождения нематериальные блага и не ограничивает их гражданскую правоспособность (ст. 17, 150 ГК РФ). Осуществление данными лицами прав в сфере иммунопрофилактики имеет свою специфику, обусловленную специальным правовым режимом мест лишения свободы и возложением на ведомственные учреждения обязанности по охране здоровья специального контингента.

Особый доктринальный интерес представляет гражданско-правовой механизм восполнения дееспособности детей, находящихся в домах ребенка при исправительных колониях. Реализация их права на превентивную защиту (дачу информированного добровольного согласия или отказа от вакцинации) по правилам статей 28 и

64 ГК РФ возлагается на осужденных матерей как законных представителей. В случае лишения их родительских прав (либо в случае их ограничения) защита прав и законных интересов несовершеннолетних обеспечивается органами опеки и попечительства в соответствии с семейным и гражданским законодательством. Дефекты оказания услуг по иммунопрофилактике в отношении любой из указанных групп участников влекут возникновение обязательств вследствие причинения вреда (ст. 1064, 1084 ГК РФ), где субъектом гражданско-правовой ответственности за причиненный вред выступает соответствующее учреждение в статусе юридического лица.

Вторым обязательным элементом субъектного состава исследуемых правоотношений выступают юридические лица, на которых гражданским законодательством возложены обязанности по защите и сохранению здоровья граждан. Данную группу субъектов образуют медицинские организации различных организационно-правовых форм (коммерческие и некоммерческие).

В цивилистическом дискурсе статус медицинской организации детерминирован ее признанием в качестве профессионального исполнителя медицинских услуг и самостоятельного субъекта гражданско-правовой ответственности, отвечающего в том числе за действия своих работников (ст. 402, 1068 ГК РФ). Осуществляя правомерную, но потенциально опасную деятельность по введению иммунобиологических лекарственных препаратов физическим лицам, медицинская организация обязана соблюдать повышенный стандарт проявления должной осмотрительности.

Содержание гражданско-правового статуса медицинской организации в сфере иммунопрофилактики структурировано тремя основными обязанностями: 1) обязанность по обеспечению безопасности вмешательства, что включает соблюдение санитарно-эпидемиологических требований, правил «холодовой цепи» при хранении вакцин и исключение использования несертифицированных препаратов. Нарушение этих правил квалифицируется как оказание услуги ненадлежащего качества и служит основанием для наступления ответственности по правилам гл. 39 или гл. 59 ГК РФ, также нормам Закона РФ «О защите прав потребителей» (для применимых случаев); 2) обязанность по надлежащему информационному обеспечению (получению информированного добровольного согласия). Невыполнение этой обязанности признается в цивилистической доктрине самостоятельным гражданским правонарушением, влекущим применение охранительных мер в связи с посягательством на личную неприкосновенность граждан и их право на информацию как значимые нематериальные блага; 3) обязанность по превентивному контролю, выражающаяся в проведении обязательного предвакцинального осмотра для выявления противопоказаний. Игнорирование состояния здоровья и медицинских противопоказаний пациента трансформирует правомерную деятельность в противоправное причинение вреда, порождая деликтное обязательство (ст. 1064 ГК РФ).

В контексте субъекта гражданско-правовой ответственности в сфере иммунопрофилактики ответственность медицинских организаций обусловлена их организационно-правовой формой. При оказании платных превентивных услуг коммерческими организациями их ответственность за качество вакцинации наступает на общих основаниях за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности, то есть независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Напротив, если услуги оказываются государственными или муниципальными учреждениями здравоохранения (в том числе в системе ОМС), привлечение их к ответственности за причинение вреда здоровью вследствие дефектов оказания услуг также подчинено принципу строгой (безвиновной) ответственности исполнителя перед потребителем (ст. 1095 ГК РФ), при котором бремя доказывания отсутствия дефектов возлагается на саму медицинскую организацию. При недостаточности имущества у медучреждения, созданного в форме казенного или бюджетного типа (в части обязательств из причи-

нения вреда), к ответственности по его обязательствам может быть привлечен его учредитель в порядке субсидиарной ответственности (ст. 120, 399 ГК РФ), что выступает дополнительной цивилистической гарантией защиты прав граждан.

Таким образом, субъектный состав правоотношений в сфере иммунопрофилактики характеризуется сочетанием общего частноправового статуса физического лица и специальных статусов граждан, обусловленных их возрастом, специфическим физиологическим состоянием, профпринадлежностью, состоянием здоровья (наличием медицинских противопоказаний) или участием в клинических исследованиях. Обязанным субъектом данных отношений выступает медицинская организация, на которую возложен повышенный стандарт проявления должной осмотрительности в процессе информационного обеспечения волеизъявления пациента, а также при осуществлении предвакцинального контроля.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 01 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.07.2026).
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 232-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения: 26.07.2026).
4.Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. N 157-ФЗ "Об иммунопрофилактике инфекционных болезней". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20315/ (дата обращения: 26.07.2026).
5. Елина Н.К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Волгогр. акад. МВД России. - Волгоград, 2006. 22 с.
6. Печникова О. Г., Печников А. П. К вопросу об условиях договора оказания платных медицинских услуг // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2012. — № 2 (20). — С. 54–58.
7. Блинов А. Г. Юридический статус пациента как субъекта здравоохранительных отношений // Журнал российского права. — 2011. — № 4. — С. 18–26.
8. Старчиков М. Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причинённый жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика / М. Ю. Старчиков. — М.: Инфотропик Медиа, 2016. — 185 с.
9. Декларация о политике в области обеспечения прав пациентов в Европе: утв. Европейским бюро ВОЗ, Амстердам, 1994 . – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: ttps://prg.kz/document/?doc_id=1037781 (дата обращения: 26.07.2026).
10. Постановление Правительства РФ от 11 мая 2023 г. N 736 "Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006" . – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (дата обращения: 26.07.2026).
11. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 26.07.2026).
12. Соколова Н. А. Проблемы применения механизма защиты прав потребителей при оказании медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования // Сибирское юридическое обозрение. — 2013. № 1 (20). С. 15–18.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения: 26.07.2026).
14. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 № 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Юдина Александра Анатольевича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына абзацем пятым преамбулы Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» и частью 2 статьи 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126311/ (дата обращения: 26.07.2026).
15. Попович М. М. К вопросу о жизни и смерти: гражданско-правовой аспект // Образование и право. — 2020. — № 9. — С. 81–86.
16. Аглиуллина С. Т., Еремеева Ж. Г., Королева Т. Н., Гайнетдинова А. Р., Гусева К. Г. Отношение беременных женщин к иммунопрофилактике инфекционных заболеваний // Вятский медицинский вестник. — 2021. — № 4 (72). — С. 47–51.

17. Шипицына Е. В., Ширшова Н. Ю., Коган И. Ю. Вакцинация во время беременности: настоящее и будущее // Акушерство и гинекология. — 2021. — № 11. — С. 9–16.
18. Законопроект № 291854-3 В архиве внесении изменений и дополнений в Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" по вопросу обеспечения прав детей до их рождения". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/291854-3?ysclid=mlj9gz59c9513567607 (19. Мотина Е.А. Права детей в сфере иммунопрофилактики и их гражданско-правовая защита // Актуальные вопросы гражданского права и процесса: Международная научно-практическая конференция, 5 декабря 2024 г. : сборник научных трудов / [сост. А. В. Тумаков, Н. А. Малышева]. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – С. 177-183.
20.Бояринова В. И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2019. — Т. 16, № 4. С. 115–124.
21. Поваров Ю.С. Требования к согласию на проведение исследования, лечения или диагностики, связанных с геномом человека // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т.5, №2. С.23-28.
22. Сергеев В. В., Горлова Е. В. Информирование о риске, связанном с методами оказания медицинской помощи // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5, № 1. — С. 65–70.
23. Considerations regarding consent in vaccinating children and adolescents between 6 and 17 years old. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https:https://www.who.int/publications/i/item/considerations-regarding-consent-in-vaccinating-children-and-adolescents-between-6-and-17-years-old (дата обращения: 26.07.2026).
24. Федеральный закон от 12.04.2010 №61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/ (дата обращения: 26.07.2026).
25. Федеральный закон от 19.07.2011 N 247-ФЗ "О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/ (дата обращения: 26.07.2026).
26. Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 26.07.2026).

Motina E.A. Civil legal status of participants in relations in the field of immunization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 340-349.

The article examines the subject matter composition of legal relations in the field of immunization. The author notes that this category extends beyond the scope of a classical obligation to provide medical services, since the vaccination status, acting as a legally significant fact that determines the content and boundaries of a citizen's legal status, covers not only patients, but also participants in a wider range of legal relationships. The content and interrelation of the concepts of "citizens' rights in the field of immunoprophylaxis" and "patients' rights", "patient" and "consumer of medical services" are analyzed. There are two main categories of individuals (patients) in the field of immunization in terms of the scope and nature of their powers: subjects with general legal status and subjects with special legal status. Special attention is paid to the analysis of the civil law status of a medical organization in the field of immunization, the differentiation of the conditions of its civil liability depending on the source of funding for services? As well as the justification of an increased standard of due diligence at the stage of information support of volition and pre-vaccination control

Keywords: subjects of legal relations, immunization, patient, consumer of medical services, civil legal status, vaccination status, preventive medicine, civil liability.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 g. № 7-FKZ, 05 fevralya 2014 g. № 2- FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ, 01 iyulya 2020 g. № 11-FKZ) // SZ RF. – 2014. – № 31. – St. 4398.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashcheniya: 26.07.2026).
3. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 232-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (data obrashcheniya: 26.07.2026).
4. Federal'nyj zakon ot 17 sentyabrya 1998 g. N 157-FZ "Ob immunoprofilaktike infekcionnyh boleznej". – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20315/
5.Elina N.K. Pravovye problemy okazaniya medicinskih uslug : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk : 12.00.03 / Volgogr. akad. MVD Rossii. - Volgograd, 2006. 22 s.
6. Pechnikova O. G., Pechnikov A. P. K voprosu ob usloviyah dogovora okazaniya platnyh medicinskih uslug // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. — 2012. — № 2 (20). — S. 54–58.
7. Blinov A. G. YUridicheskij status pacienta kak sub"ekta zdravoohranitel'nyh otnoshenij // ZHurnal rossijskogo prava. — 2011. — № 4. — S. 18–26.

8. Starchikov M. YU. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' medicinskih organizacij za vred, prichinyonnyj zhizni (zdorov'yu) pacientov pri okazanii medicinskih uslug: teoreticheskie polozheniya i sudebnaya praktika / M. YU. Starchikov. — Moskva : Infotropik Media, 2016. — 185 s.
9. Deklaraciya o politike v oblasti obespecheniya prav pacientov v Evrope: utv. Evropejskim byuro VOZ, Amsterdam, 1994 . – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: ttps://prg.kz/document/?doc_id=1037781
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 maya 2023 g. N 736 "Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya medicinskimi organizaciyami platnyh medicinskih uslug, vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshim silu postanovleniya Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 4 oktyabrya 2012 g. N 1006" . – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447009/ (data obrashcheniya: 26.07.2026).
11. Zakon RF ot 07.02.1992 N 2300-1 "O zashchite prav potrebitelej". – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (data obrashcheniya: 26.07.2026).
12. Sokolova N. A. Problemy primeneniya mekhanizma zashchity prav potrebitelej pri okazanii medicinskih uslug v sisteme obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. — 2013. — № 1 (20). — S. 15–18.
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2012 N 17 "O rassmotrenii sudami grazhdanskih del po sporam o zashchite prav potrebitelej". – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (data obrashcheniya: 26.07.2026).
14. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.01.2020 № 1-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhalob grazhdanina YUdina Aleksandra Anatol'evicha na narushenie konstitucionnyh prav ego nesovershennoletnego syna abzacem pyatym preambuly Zakona Rossijskoj Federacii «O zashchite prav potrebitelej» i chast'yu 2 stat'i 19 Federal'nogo zakona «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126311/
15. Popovich M.M. K voprosu o zhizni i smerti: grazhdansko-pravovoj aspekt // Obrazovanie i pravo. — 2020. — № 9. — S. 81–86.
16. Agliullina S. T., Eremeeva ZH. G., Koroleva T. N., Gajnetdinova A. R., Guseva K. G. Otnoshenie beremennyh zhenshchin k immunoprofilaktike infekcionnyh zabolevanij // Vyatskij medicinskij vestnik. — 2021. — № 4 (72). — S. 47–51.
17. SHipicyna E. V., SHirshova N. YU., Kogan I. YU. Vakcinaciya vo vremya beremennosti: nastoyashchee i budushchee // Akusherstvo i ginekologiya. — 2021. — № 11. — S. 9–16.
18. Zakonoproekt № 291854-3 V arhive vnesenii izmenenij i dopolnenij v Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Federal'nyj zakon "Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii" po voprosu obespecheniya prav detej do ih rozhdeniya". – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/291854-3?ysclid=mlj9gz59c9513567607 (data obrashcheniya: 26.07.2026).
19. Motina E.A. Prava detej v sfere immunoprofilaktiki i ih grazhdansko-pravovaya zashchita // Aktual'nye voprosy grazhdanskogo prava i processa : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, 5 dekabrya 2024 g. : sbornik nauchnyh trudov / [sost. A. V. Tumakov, N. A. Malysheva]. – M. : Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya, 2025. – S. 177-183.
20. Boyarinova V. I. Pravovaya priroda informirovannogo dobrovol'nogo soglasiya na medicinskoe vmeshatel'stvo // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2019. — T. 16, № 4. — S. 115–124.
21. Povarov YU. S. Trebovaniya k soglasiyu na provedenie issledovaniya, lecheniya ili diagnostiki, svyazannyh s genomom cheloveka // YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. — 2019. — T. 5, № 2. S. 23–28.
22. Sergeev V. V., Gorlova E. V. Informirovanie o riske, svyazannom s metodami okazaniya medicinskoj pomoshchi // YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. — 2019. — T. 5, № 1. — S. 65–70.
23. Considerations regarding consent in vaccinating children and adolescents between 6 and 17 years old. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https:https://www.who.int/publications/i/item/considerations-regarding-consent-in-vaccinating-children-and-adolescents-between-6-and-17-years-old.
24. Federal'nyj zakon ot 12.04.2010 №61-FZ «Ob obrashchenii lekarstvennyh sredstv» . – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99350/
25. Federal'nyj zakon ot 19.07.2011 N 247-FZ "O social'nyh garantiyah sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii". – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/
26. Federal'nyj zakon ot 30.11.2011 N 342-FZ "O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii". – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 350-355.

УДК 347.9

МЕДИАЦИЯ В РОССИИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И БАРЬЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Лукашева Н. Н., Катренко А. И.

Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье рассматривается институт медиации как элемент системы альтернативного разрешения споров в Российской Федерации. На основе анализа нормативно-правового регулирования и материалов судебной практики раскрывается дуалистическая правовая природа медиации, выявляются системные барьеры востребованности процедуры — дефекты юридической квалификации медиативного соглашения, риски реализации принципов добровольности, конфиденциальности и нейтральности медиатора, процессуальные и экономические препятствия. Обосновывается комплекс предложений по совершенствованию законодательства, включая унификацию правовой природы медиативного соглашения, закрепление механизма приостановления производства по делу и институциональные меры по обеспечению «видимой беспристрастности» посредника.

Ключевые слова: медиация; примирительные процедуры; медиативное соглашение; альтернативное разрешение споров; медиатор; судебное примирение.

Современное гражданское судопроизводство, основанное на принципах диспозитивности и состязательности, объективно нуждается в эффективных механизмах, позволяющих сторонам разрешать конфликты не только посредством государственного принуждения, но и на основе добровольного волеизъявления и взаимоприемлемых компромиссов. Центральным элементом российской системы альтернативного разрешения споров выступает медиация, понимаемая в литературе как структурированный, добровольный и конфиденциальный процесс урегулирования спора с помощью нейтрального и беспристрастного посредника, помогающего сторонам выработать взаимоприемлемое решение [15], и легализованная Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [3]. Однако, несмотря на более чем пятнадцатилетний период существования института, он так и не стал универсальным и востребованным инструментом правовой защиты: по состоянию на 2024 г. судами общей юрисдикции утверждено лишь 463 медиативных соглашения на фоне многомиллионного объема рассмотренных дел, что свидетельствует о глубоком разрыве между декларируемым потенциалом примирительных процедур и реальной правоприменительной практикой [14]. Кризис перегруженности судебной системы, последовательное повышение судебных издержек и рост конфликтности в экономической и социальной сферах актуализируют научный поиск причин подобного системного сбоя и путей его преодоления [10; 11]. В доктрине при этом справедливо подчеркивается, что медиация и иные альтернативные методы урегулирования споров не противостоят гражданскому судопроизводству, а взаимодействуют с ним, образуя единую систему правовой защиты [14].

Правовая природа медиации носит дуалистический, комплексный характер: по основаниям возникновения данный институт является частноправовым, поскольку его инициация базируется на принципе автономии воли сторон, а соглашение о проведении процедуры представляет собой гражданско-правовой договор, порождающий обязательства добросовестного участия в переговорах [9]. Вместе с тем специальный закон придает медиации формализованную процессуальную форму, устанавливая рамки процедуры, статус участников, режим конфиденциальности и механизм взаимосвязи с судебным разбирательством, вследствие чего медиация, оставаясь вне государственной юрисдикции, получает легальное признание со стороны публично-правовой системы [3; 19]. Ключевую проблему юридической квалифика-

ции результатов процедуры создает действующая редакция ч. 4 ст. 12 Закона о медиации, которая признает медиативное соглашение гражданско-правовой сделкой лишь при урегулировании гражданско-правового спора, не переданного в суд. Тем самым соглашения, достигнутые в трудовых, семейных или иных спорах, оказываются в правовой неопределенности, что ставит под сомнение универсальность института и порождает риски при их последующем утверждении и исполнении [12]. Схожая коллизия отраслевых режимов наблюдается и в сфере коллективных трудовых споров, где императивная поэтапная примирительная процедура, закрепленная в гл. 61 Трудового кодекса РФ [2], существует в параллельной, практически не пересекающейся правовой плоскости с диспозитивной частноправовой моделью Закона о медиации, вследствие чего юридическая судьба медиативного соглашения, разрешающего такой спор, остается неопределенной [18].

Представляется, что подобное решение основано на методологической ошибке переноса характеристик материального правоотношения на процедурную природу медиативного соглашения: медиация создает особое, «выровненное» правовое поле, в котором фактическое неравенство сторон нейтрализуется принципами нейтральности посредника, равноправия и добровольности [9]. В связи с этим обоснованным является предложение об изложении ч. 4 ст. 12 Закона о медиации в новой редакции, в соответствии с которой медиативное соглашение независимо от отраслевой принадлежности урегулированного спора признается гражданско-правовой сделкой (договором), направленной на урегулирование разногласий, к которой применяются общие положения об обязательствах и договорах, если иное не вытекает из ее существа или специального федерального закона [9; 19].

Реализация базовых принципов медиации, закрепленных в ст. 3 Закона о медиации, также сталкивается с рядом системных рисков. Принцип добровольности размывается феноменом «скрытого принуждения», когда экономически более слабая сторона формально соглашается на процедуру под давлением обстоятельств, а предусмотренная договором досудебная медиация фактически превращает обращение к посреднику в обязательный этап [19]. Принцип конфиденциальности, призванный обеспечивать безопасную среду для открытого диалога, защищен недостаточно: перечень исключений из режима неразглашения носит бланкетный характер, не решен вопрос о процессуальной судьбе доказательств, представленных специально для медиации, а эффективный механизм имущественной ответственности за разглашение информации отсутствует [19]. Целесообразно закрепление исчерпывающего перечня оснований раскрытия сведений и установление ответственности за нарушение конфиденциальности независимо от доказывания убытков.

Наиболее уязвимым является принцип нейтральности медиатора: формальное равенство сторон в распределении расходов на услуги посредника нивелируется феноменом институциональной аффилированности, когда медиатор на постоянной основе привлекается одной организацией или профессиональным сообществом и оказывается в репутационно-экономической зависимости от постоянного заказчика [13]. Диспозитивная конструкция ст. 9 Закона о медиации, обязывающая медиатора лишь пассивно раскрывать обстоятельства, способные повлиять на его беспристрастность, не предусматривает механизма верификации таких обстоятельств и презумпции осведомленности сторон о связях посредника с контрагентом, вследствие чего норма превращается в декларацию [9]. Преодоление этих рисков требует перехода к активной обязанности медиатора документально подтверждать отсутствие конфликта интересов, учреждения открытого электронного реестра медиаторов с указанием их профсвязей, а также закрепления в этических кодексах принципа

«видимой беспристрастности», обязывающего посредника не только сохранять объективность, но и активно демонстрировать ее участникам процесса.

Серьезные барьеры востребованности медиации заложены в процессуальном законодательстве. ГПК РФ предоставляет суду право отложить разбирательство на срок до двух месяцев для проведения примирительной процедуры (ст. 169 ГПК РФ) [1], однако не предусматривает возможности приостановления производства по делу, что создает для суда риск срыва процессуальных сроков при безрезультатной медиации и делает судей крайне осторожными в продвижении примирения. Не решен и вопрос о доступе медиатора к материалам возбужденного гражданского дела: посредник, действующий вне судебного процесса, вынужден работать без полной картины конфликта, а сторонам приходится заново воспроизводить позиции и представлять документы, что увеличивает временные и организационные издержки [17]. Легализация ознакомления медиатора с материалами дела при наличии добровольного согласия сторон позволила бы повысить качество процедуры и сократить ее сроки при сохранении гарантий конфиденциальности. Существенную роль играют и экономические факторы, такие как высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов, при этом взыскиваемые суммы судебных издержек не создают для сторон и их представителей достаточного финансового стимула к поиску компромисса [10; 11]. В этом контексте последовательное повышение размеров государственной пошлины, предпринятое законодателем в 2024 г., способно сыграть роль «окна возможностей», изменив экономическую рациональность выбора между судебным процессом и примирительной процедурой [10].

Отдельного осмысления требует формирующаяся судебная практика. Показательно решение Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, указавшего, что осуществление медиатором личного приема граждан в здании суда само по себе не создает аффилированности с судебной системой и не является процессуальным нарушением [6]. Юридически безупречный, данный вывод высвечивает глубинную проблему доверия к процедуре: пространственная и институциональная близость медиатора к суду способна порождать у одной из сторон субъективное ощущение пристрастности, дискредитирующее идею добровольного примирения. Это обусловливает целесообразность разработки Минюстом РФ типового регламента организации деятельности медиаторов при судах, предусматривающего их логистическую автономию, ведение единого электронного журнала приема, а также обязательное письменное информирование сторон об отсутствии служебных и личных связей посредника с судьями, в производстве которых находится дело. Позитивная практика утверждения медиативных соглашений, в т.ч. по спорам о взыскании неосновательного обогащения и даже в делах о банкротстве, подтверждает работоспособность механизма судебного утверждения [7], но постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, отказавшего в распространении налоговых льгот на требования, основанные на нотариально удостоверенном медиативном соглашении [8], обнажает парадокс современной российской медиации: законодатель придал такому соглашению статус исполнительного документа (подпункт 3.1 п. 1 ст. 12 ФЗ «Об исполнительном производстве») [4], уравняв его в принудительной силе с судебным решением, однако налоговое и процессуальное законодательство продолжают рассматривать медиацию как «внесудебный», вторичный способ урегулирования, создавая скрытый финансовый стимул отказываться от нее в пользу суда.

Определенное влияние на правовое положение классической медиации оказало введение института судебного примирения, регламентированного постановлением Пленума ВС РФ от 31.10.2019 № 41 [5] и ст. 153.6–153.9 ГПК РФ [1]. В отличие от частноправовой медиации, судебное примирение носит публично-правовой характер, осуществляется судьей в отставке, наделенным правом давать сторонам реко-

мендации, разъяснять законодательство и предлагать варианты урегулирования спора, что тяготеет к модели оценочной медиации. Медиатор же, в соответствии со ст. 11 Закона о медиации, не вправе предлагать варианты решения, консультировать стороны или давать правовые оценки, что отражает фасилитативную природу процедуры [3; 16]. Конкуренция двух институтов при правильном векторе правового регулирования способна привести к повышению качества обеих примирительных процедур и формированию целостной многоуровневой системы альтернативного разрешения споров, в которой судебное примирение не подменяет, а дополняет профессиональную медиацию [14; 16].

Таким образом, востребованность медиации в РФ определяется не столько дефектами законодательной техники, сколько комплексом взаимосвязанных барьеров: неопределенностью правовой природы медиативного соглашения, уязвимостью принципов процедуры, процессуальными пробелами и экономической невыгодностью примирения для сторон. Их преодоление требует комплекса мер: унификации статуса медиативного соглашения как гражданско-правовой сделки независимо от отраслевой принадлежности спора, перехода от пассивной к активной модели обеспечения беспристрастности медиатора, легализации доступа посредника к материалам дела при согласии сторон, а также формирования инфраструктуры доверия к процедуре — единого реестра медиаторов, этических стандартов и организационной автономии посредников при судах. Лишь при таком системном подходе медиация способна трансформироваться из декоративного элемента судебной системы в действенный механизм разгрузки судов и восстановления социальных и деловых связей между участниками конфликта.

Список литературы:

1.Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
2.Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3.Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.
4.Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.
5.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/28380/ (дата обращения: 17.03.2026).
6.Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2026 № 17АП-10175/2025-ГК по делу № А50-2398/2024 // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=344796 (дата обращения: 02.09.2026).
7.Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 21.05.2025 по делу № А32-15162/2025 // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/ea11f4a2-2b04-4bd4-aad7-3022eb564220 (дата обращения: 02.09.2026).
8.Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.04.2025 № Ф08-2033/2025 по делу № А77-3460/2024 // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=211849 (дата обращения: 02.09.2026).
9.Владимирова, М.О. Медиативное соглашение в системе гражданско-правового регулирования: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Владимирова Маргарита Олеговна. — 2014. — 199 с.
10. Дюжиков, С.А. Медиация: тенденции развития / С.А. Дюжиков // Гуманитарий Юга России. — 2024. — № 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-tendentsii-razvitiya (дата обращения: 12.09.2026).
11. Елисеева, Т.С. Проблемы исполнения медиативного соглашения и правовые механизмы их решения / Т.С. Елисеева // Человек: преступление и наказание. — 2015. — № 3 (90). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-mediativnogo-soglasheniya-i-pravovye-mehanizmy-ih-resheniya (дата обращения: 21.09.2026).

12. Кельманзон, И.М. Институт медиации: современное состояние и перспективы развития / И.М. Кельманзон // Право и политика. — 2024. — № 8. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mediatsii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 17.09.2026).
13. Киселев, О.А. Исполнимость медиативного соглашения / О.А. Киселев, Ю.А. Головачева // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 4 (196). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnimost-mediativnogo-soglasheniya (дата обращения: 02.09.2026).
14. Кудрявцева, Е.В. Медиация: вопросы теории и практики (с учетом опыта Коллегии посредников по проведению примирительных процедур при ТПП РФ) / Е.В. Кудрявцева, Д.Н. Подшибякин, В.В. Чубаров // Третейский суд. — 2025. — № 1/2. — С. 252–266.
15. Медиация: Учебник / под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осиновского. — СПб.: АНО «Редакция журнала "Третейский суд"»; Москва: Статут, 2016. — 480 с.
16. Минкина, Н.И. Сравнительно-правовой анализ медиации и судебного примирения в России / Н.И. Минкина // АЮВ. — 2022. — № 3 (39). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-mediatsii-i-sudebnogo-primireniya-v-rossii (дата обращения: 10.09.2026).
17. Потапова, Л.В. Тенденции развития медиации с применением искусственного интеллекта в Российской Федерации / Л.В. Потапова, Д.М. Зуенко // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-mediatsii-s-primeneniem-iskusstvennogo-intellekta-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 12.09.2026).
18. Солохин, А.Е. Мировое соглашение и нотариально удостоверенное медиативное соглашение как результаты примирения по экономическим спорам / А.Е. Солохин // Нотариальный вестник. — 2024. — № 4. — С. 31–38.
19. Шумова, К.А. Принципы медиации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.15 / Шумова Кристина Александровна. — 2015. — 199 с.

Lukasheva N.N., Katrenko A.I. Mediation in Russia: Legal Nature and Barriers to Implementation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 350-355.

The article examines the institution of mediation as an element of the alternative dispute resolution system in the Russian Federation. Based on an analysis of statutory regulation and judicial practice, the dualistic legal nature of mediation is revealed, and systemic barriers to the demand for the procedure are identified, including defects in the legal qualification of the mediation agreement, risks in the implementation of the principles of voluntariness, confidentiality and mediator neutrality, as well as procedural and economic obstacles. The article substantiates a set of proposals for improving legislation, including the unification of the legal nature of the mediation agreement, the consolidation of a mechanism for suspending court proceedings, and institutional measures to ensure the "visible impartiality" of the mediator.

Keywords: mediation; conciliation procedures; mediation agreement; alternative dispute resolution; mediator; judicial mediation.

Spisok literatury:

1.Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002. № 46. St. 4532.
2.Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002. № 1 (ch. 1). St. 3.
3.Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2010. № 31. St. 4162.
4.Federal'nyj zakon ot 02.10.2007 № 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2007. № 41. St. 4849.
5.Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 31.10.2019 № 41 «Ob utverzhdenii Reglamenta provedeniya sudebnogo primireniya» // URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/28380/ (data obrashcheniya: 17.03.2026).
6.Postanovlenie Semnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 05.02.2026 № 17AP-10175/2025-GK po delu № A50-2398/2024 // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=344796 (data obrashcheniya: 02.09.2026).
7.Opredelenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 21.05.2025 po delu № A32-15162/2025 // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/ea11f4a2-2b04-4bd4-aad7-3022eb564220 (data obrashcheniya: 02.09.2026).
8.Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 04.04.2025 № F08-2033/2025 po delu № A77-3460/2024 // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=211849 (data obrashcheniya: 02.09.2026).
9.Vladimirova, M.O. Mediativnoe soglashenie v sisteme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.03 / Vladimirova Margarita Olegovna. — 2014. — 199 s.

10. Dyuzhikov, S.A. Mediaciya: tendencii razvitiya / S.A. Dyuzhikov // Gumanitarij Yuga Rossii. — 2024. — № 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-tendentsii-razvitiya (data obrashcheniya: 12.09.2026).
11. Eliseeva, T.S. Problemy ispolneniya mediativnogo soglasheniya i pravovye mekhanizmy ih resheniya / T.S. Eliseeva // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. — 2015. — № 3 (90). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-mediativnogo-soglasheniya-i-pravovye-mehanizmy-ih-resheniya (data obrashcheniya: 21.09.2026).
12. Kel'manzon, I.M. Institut mediacii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya / I.M. Kel'manzon // Pravo i politika. — 2024. — № 8. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mediatsii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya (data obrashcheniya: 17.09.2026).
13. Kiselev, O.A. Ispolnimost' mediativnogo soglasheniya / O.A. Kiselev, Yu.A. Golovacheva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2021. — № 4 (196). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnimost-mediativnogo-soglasheniya (data obrashcheniya: 02.09.2026).
14. Kudryavceva, E.V. Mediaciya: voprosy teorii i praktiki (s uchetom opyta Kollegii posrednikov po provedeniyu primiritel'nyh procedur pri TPP RF) / E.V. Kudryavceva, D.N. Podshibyakin, V.V. Chubarov // Tretejskij sud. — 2025. — № 1/2. — S. 252–266.
15. Mediaciya: Uchebnik / pod red. A.D. Karpenko, A.D. Osinovskogo. — SPb.: ANO «Redakciya zhurnala \"Tretejskij sud\"»; Moskva: Statut, 2016. — 480 s.
16. Minkina, N.I. Sravnitel'no-pravovoj analiz mediacii i sudebnogo primireniya v Rossii / N.I. Minkina // AYuV. — 2022. — № 3 (39). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-mediatsii-i-sudebnogo-primireniya-v-rossii (data obrashcheniya: 10.09.2026).
17. Potapova, L.V. Tendencii razvitiya mediacii s primeneniem iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii / L.V. Potapova, D.M. Zuenko // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2025. — № 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-mediatsii-s-primeneniem-iskusstvennogo-intellekta-v-rossiyskoy-federatsii (data obrashcheniya: 12.09.2026).
18. Solohin, A.E. Mirovoe soglashenie i notarial'no udostoverennoe mediativnoe soglashenie kak rezul'taty primireniya po ekonomicheskim sporam / A.E. Solohin // Notarial'nyj vestnik. — 2024. — № 4. — S. 31–38.
19. Shumova, K.A. Principy mediacii: dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.15 / Shumova Kristina Aleksandrovna. — 2015. — 199 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 356-364.

УДК 343

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРАВОВЫХ КОЛЛИЗИЙ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пономарев А. В., Торопов С. А.

Крымский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

В статье рассмотрена проблема правовых коллизий, возникающих при регулировании цифровых финансовых активов и цифровой валюты и обусловленных их информационной природой. Проведён анализ нормативной базы, выявивший доминирование финансово-правового императива при игнорировании технологической специфики объекта. Показано, что архитектура распределённых реестров и криптографические механизмы вступают в фундаментальное противоречие с традиционными конструкциями юрисдикции, владения и принудительного исполнения. Предложены концептуальные основы гармонизации регулирования: легальная фиксация технологически ориентированных понятий, переосмысление экспериментальных правовых режимов как постоянного метода апробации регуляторных моделей и включение криптографической верификации в механизм финансового контроля. Сформулированы рекомендации законодателю и правоприменителю, а также определены перспективные направления междисциплинарных исследований на стыке финансового и информационного права.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, информационная природа, правовые коллизии, финансовое право, информационное право, распределённый реестр, правовое регулирование.

Появление в отечественном правопорядке цифровых финансовых активов и цифровой валюты поставило перед наукой задачу, которая давно вышла за рамки простого описания нового законодательного массива. При всём различии правовых режимов оба феномена роднит одно сущностное свойство - у них нет физического воплощения, они существуют исключительно как записи в информационных системах. Их бытие неотделимо от цифрового кода.

Долгое время это качество считали чисто технической деталью, не более. Но чем больше накапливается правоприменительной практики, тем отчётливее проступает иная картина. Информационная природа названных объектов - не фон и не сопутствующее обстоятельство. Это самостоятельный фактор, во многом задающий системные сбои в самом механизме регулирования. Привычный финансово-правовой инструментарий строился на трёх опорах - императиве, привязке к государственной территории и возможности физически контролировать актив. Действительность оказалась куда менее удобной. Объект способен находиться сразу в нескольких юрисдикциях, менять форму без очевидных правовых причин, оставаться за пределами досягаемости национального регулятора [1, с. 53-54].

Законодатель отвечает на это привычным арсеналом - прямыми запретами, предписаниями, ограничениями, но они наталкиваются на архитектуру распределённых реестров, где владение удостоверяется не формальным титулом, а фактом обладания криптографическим ключом. И здесь важно не ошибиться с диагнозом. Возникающие правовые коллизии - уже не временные трудности адаптации законодательства к новому объекту. Это фундаментальный конфликт, где сам метод финансового права расходится с сущностными характеристиками того, что он пытается регулировать.

Информационная сущность цифровых финансовых активов и цифровой валюты не является второстепенным или сопутствующим обстоятельством. Она выступает детерминантой указанных коллизий, в связи с чем, исследовательский акцент смещается с критики отдельных законодательных формулировок на анализ причин, которые содержатся непосредственно в самой технико-юридической конструкции

актива. Такое смещение фокуса решает задачи, связанные с систематизацией выявленных дефектов правового регулирования и выработкой юридически обоснованных моделей их преодоления. Это позволит решить существующие проблемы в нормативно-правовом регулировании правоотношений с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой.

Методологическую основу работы составляет совмещение подходов информационного и финансового права. Такое совмещение позволяет анализировать цифровую запись не в качестве предмета внешнего правового воздействия, а в качестве базового элемента системы - элемента, диктующего собственную правовую логику регулированию, которое на него распространяется.

Анализ нормативного фундамента, формирующего правовой режим цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты, целесообразно начать с констатации его архитектурной раздробленности. Отечественный законодатель не пошёл по пути принятия единого кодифицированного акта, а избрал модель, при которой центральное место занимает Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ, чьи положения инкорпорированы в смежные отрасли через серию корреспондирующих поправок. Так, ГК РФ пополнился ст. 141.1, легализовавшей категорию цифровых прав и обозначившей их оборотоспособность. Налоговый кодекс закрепил обязанность декларирования операций с цифровой валютой и налогообложение доходов от её реализации. Кодекс об административных правонарушениях в РФ установил санкции за выпуск и обращение цифровых активов с нарушением установленных требований. Параллельно складывался массив подзаконного регулирования, исходящего от Банка России, от части это положения о деятельности операторов информационных систем, требования к правилам выпуска ЦФА, порядок ведения реестров.

Из анализа нормативно-правового регулирования следует, что в каждом акте фигурирует собственный понятийный ряд. Предусмотренная терминология имеет непосредственное влияние на исследуемые правоотношения, существенно разнится, что проявляется как несогласованность. В итоге это может создать почву для развития коллизий, которые неблагоприятно скажутся на правоприменительной практике при неверном толковании понятийного ряда. Из массива нормативных правовых актов ФЗ № 259-ФЗ имеет важное значение для исследования. В нем законодатель сформировал понятийный аппарат, который заимствовал из технической документации без юридической переработки. Так, фигурируют понятия из сферы информационных технологий, но эти термины не имеют юропределения и используются без собственной правовой квалификации.

В качестве яркого примера можно привести термин цифровые финансовые активы, который формировался законодателем через отсылку к нормам Гражданского кодекса, содержащим термин «цифровые права». У этого понятия есть ограничения, которые заключаются в том, что цифровыми правами признаётся не любой объект, а только то, что прямо названо таковым в законе, и они могут существовать только внутри информационной системы. Таким образом, термин ЦФА оказывается зависимым от довольно новой смежной правовой категории, которая еще не устоялась в правоприменительной практике.

Цифровая валюта, в свою очередь, характеризуется как совокупность электронных данных, способных выступать средством платежа или объектом инвестирования. В обеих определениях законодатель оперирует технической терминологией - «информационная система», «распределённый реестр», «электронные данные». Однако, не раскрывается их правовое значение, тем самым вынуждает правоприменителя самостоятельно восполнять этот недостаток, путем

обращения в существующую техническую документацию либо отраслевым стандартам. ФЗ № 259-ФЗ по своему характеру остаётся прежде всего финансово-правовым, а его технологические аспекты имеют скорее второстепенное, фоновое значение.

Анализ нормативной базы позволяет заключить, что её основная характеристика - сохранение информационной природы цифровых активов на положении фонового элемента при доминировании классического финансово-правового императива. Требования к операторам информационных систем, порядок выпуска и обращения, запрет на приём цифровой валюты как встречного предоставления - все эти предписания рассчитаны на централизованную модель контроля, подразумевающую наличие поднадзорного лица и физически обособленного реестра. Между тем объект регулирования существует по иной логике, децентрализованный характер распределённого реестра, невозможность отозвать транзакцию или принудительно изменить запись без обладания криптографическим ключом, трансграничная архитектура - все эти свойства, будучи проигнорированными законодателем, не исчезают, а превращаются в латентные генераторы коллизий.

Рассмотрение нормативной базы обнаружило, что источником противоречий выступают не столько частные дефекты законодательной техники, сколько фундаментальное несовпадение архитектуры цифровых активов и заложенных в основу их регулирования правовых конструкций. Уже на уровне юрисдикционной привязки актива обнаруживается первое и, пожалуй, наиболее трудноразрешимое противоречие. Финансовое право традиционно оперирует категорией территории, регуляторные предписания имеют чёткие пространственные пределы действия, а поднадзорное лицо всегда обладает физической локализацией либо местом инкорпорации. Между тем распределённый реестр, выступающий технической средой существования цифровой валюты и отдельных видов цифровых финансовых активов, не привязан к какой-либо одной юрисдикции - узлы, поддерживающие его функционирование, могут быть рассредоточены по десяткам государств, а запись о транзакции не имеет физического места совершения в том смысле, какой вкладывает в это понятие классическая правовая доктрина. Следствием становится ситуация, при которой российский законодатель распространяет действие Федерального закона № 259-ФЗ на отношения, возникающие в информационных системах, однако технически идентичная операция может одновременно подпадать под юрисдикцию нескольких государств, каждое из которых предлагает собственный, подчас взаимоисключающий режим регулирования.

Не менее острая коллизия вызревает в плоскости исполнительного производства и принудительного взыскания. Традиционный механизм обращения взыскания на имущество должника предполагает его обнаружение, физическую изоляцию и последующую реализацию под контролем судебного пристава-исполнителя.

Невозможно физически изъять цифровую валюту, так как это не вещь. Это данные, существующие как запись в децентрализованном реестре. Обладание криптографическим ключом обеспечивает доступ к этой записи и возможность распоряжаться. Существуют техническая и юридическая причины, порождающие трудности при осуществлении изъятия ключа. Техническая характеризуется тем, что в случае отрицания должником наличия ключа возникает сложность в доказывании обратного. Зачастую это невозможно. Юридическая кроется в гарантии конституционного права не свидетельствовать против себя. Это способ защиты, использующийся против принуждения раскрыть ключ. Даже в рамках исполнительного производства, когда пристав изъял ключ, нет гарантии успешного исполнения им своих полномочий из-за наличия у должника резервного криптографического ключа. Поэтому существует риск не обнаружить приставом

активов из-за своевременного перевода цифровых средств с использованием резервного ключа должником или его представителем, родственником. В итоге традиционный механизм принудительного взыскания в данной ситуации становится неэффективным, а причиной этого является отсутствием физического контроля за цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой вообще. Ситуацию изменит лишь добровольное содействие должника в предоставлении беспрепятственного доступа к его ЦФА путем предоставления криптографического ключа в рамках исполнительного производства. Обозначенная особенность отражена в работе Л.А. Новоселовой, А. В. Габова и А. И. Савельева, в которой авторы выделяют такое свойство обладания ключом как практически абсолютную власть над активом. Утрата ключа автоматически лишает доступа к ЦФА, и формальные документы о праве собственности восстановить контроль не смогут. Механизм восстановления доступа при такой утрате законодательно не закреплен, поэтому риск такой утраты целиком лежит на участниках таких правоотношений. Также авторы, рассуждая о статусе валюты в законодательстве, констатируют, что российское право признает цифровую валюту имуществом фрагментарно в сферах налогообложения и противодействия отмыванию доходов [2, с. 31–54].

На этот пробел откликнулась судебная практика. Конституционный Суд РФ в постановлении от 20.01.2026 г. № 2-П признал, что действующее регулирование не препятствует судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного владения цифровой валютой, - при условии, что заявитель подтвердит законность её получения и использования. В обосновании данного акта содержатся особые свойства, заключающиеся в том, что цифровая валюта существует исключительно в виртуальном пространстве, а это затрудняет реализацию государственного контроля и надзора за ней. Это обстоятельство вынуждает законодателя обусловливать судебную защиту предварительным раскрытием информации о факте владения данным активом. Иными словами, даже там, где Конституционный Суд расширяет доступ к судебной защите, он делает это не вопреки информационной природе актива, а с прямой оглядкой на нее, что лишний раз подтверждает центральный тезис настоящей статьи. Технических проблем с принудительным изъятием ключа это постановление не снимает. Оно решает вопрос процессуального доступа к защите, но не вопрос практической исполнимости судебного решения [3].

Следующая нерешенная проблема это определение статуса операторов информационных систем. В их функции входит управление реестрами, но на законодательном уровне нет четкого определения их ответственности за сохранность ключевой информации. Эти нормы требуют уточнения и конкретизации. Законодательство разных стран по-разному регулирует сделки, осуществляемые с помощью цифровой валюты. Поэтому существует проблема в трансграничном обороте. В одних актах существуют запреты и сложные проверки, а в других будет считаться законной сделкой, осуществляемой в расчетах цифровой валютой. В России резидентам за принятие валюты в качестве оплаты товаров, работ и услуг грозит ответственность по КоАП РФ и НК РФ, но протокол распределенного реестра устроен так, что он технически не различает участников сделки по признаку резидентства и государственной принадлежности. В результате запрет формальный, зависит от добросовестности участников сделки, т.к. система физически не может создать технический барьер для реализации такой нормы.

Обозначенная несогласованность между правовой нормой и технологической средой негативно влияет на эффективность регулирования. Это отображается в том, что цифровая среда не просто пространство, в которое можно перенести обычные юридические конструкции. Все иначе - сама архитектура протокола диктует свою

логику. Владение определяется криптографическим ключом, юрисдикция - топологией сети, а реализация норм техническими возможностями протокола.

На данном этапе современная наука все больше обращает внимание на исследование цифровой сферы. Число ученых занимающиеся исследованием проблемных вопросов правового регулирования цифровых финансовых активов увеличивается. Поэтому следует обратить внимание на некоторые доктринальные направления, имеющие совершенно разный ракурс относительно правоотношений с цифровой валютой. Первым, на что следует обратить внимание, это гражданско-правовое регулирование цифровых прав и финансовых активов. Исследователи интегрируют в существующую систему гражданского законодательства новые объекты это интересующие нас цифровые финансовые активы [4, с. 158-163]. Они прослеживают изменения правовых определений объектов цифровых прав и финансовых активов, отмечая наличие недостатков в юридической технике.

Значительный вклад в развитие теории внесла работа В.В. Акинфиевой, которая показала, что регулирование ЦФА фактически базируется на модели бездокументарных ценных бумаг [5, с. 50]. Отдельное направление исследований посвящено частноправовому режиму криптовалют. Исследователи активно обсуждают природу цифровых активов, их место в системе объектов гражданских прав и особенности правового регулирования. Большинство учёных рассматривают информационную составляющую как форму, в то время как содержательная часть по-прежнему анализируется через призму традиционных имущественных и обязательственных прав. Такой подход удобен для практического применения, однако он оставляет без внимания коллизии, возникающие при взаимодействии цифровой формы с публично-правовым регулированием. Более развёрнутый анализ представлен у Ю.А. Кузьменко и А.В. Ворониной. Авторы прослеживают спектр проблем - от отсутствия специализированного законодательства до неразвитости механизмов страхования инвестиций в цифровые активы [6, с. 64-67]. Ими же предложен ряд решений - пересмотр действующих лимитов, внедрение процедур идентификации участников, повышение уровня их цифровой грамотности.

Рассмотренные подходы указанных авторов объединяет цель в усовершенствовании инструментов регулирования, тем самым упуская исследование самого объекта регулирования. Однако изучение природы самого объекта регулирования благоприятно скажется на качестве и эффективности исследований указанных направлений. В работах авторов цифровая среда рассматривается как внешнее препятствие для применения существующих правовых механизмов – а не как то, что само задает логику, по которой должно строиться регулирование. Полагаем, что правовая природа объекта — это фундамент, а инструменты регулирования надстройка.

Следующая группа авторов является представителями уголовно-правового и криминалистического направлений в исследовании правоотношений, в которых фигурируют цифровые финансовые активы. М. Ю. Андрианова Н.В. Задохина и Я.В. Цыганкова отмечают, нормами права закреплено внутреннее противоречие, что характеризуется тем, что сделки с цифровой валютой разрешены, но резидентам использовать ее как средства платежа запрещено – при этом судебная защита обусловлена обязанностью декларировать владение [7, с. 70-71]. Свои доводы подкрепляют судебной практикой, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы от 04. 02.2020 г. по делу № А40-164942/19 [8], в которой отражено несрабатывание механизма защиты по причине отсутствия у истца доказательств принадлежности криптовалюты.

Согласимся с тем, что авторы связывают решение этих проблем с гармонизацией законодательства и развитием международного сотрудничества. Однако подчеркнем

то, что цифровая природа активов не затронута в их работах или фигурирует как фон в разборах факторов криминогенного характера. Вновь затронута надстройка без должного уделения внимания фундаменту.

Общая черта рассмотренных направлений это недостаточное внимание к природе объекта. Ведь именно недооценка технологической и информационной сущности цифровых активов как первопричины правовых коллизий и есть тот пробел в обозначенных выше исследованиях, который определил значимость нашей работы.

Подытоживая сказанное считаем, что не объект должен подстраиваться под метод, который выбрал законодатель, а сам метод регулирования обязан учитывать сущностные характеристики объекта. Т.е. понимая особенности цифровой сферы, можно усовершенствовать финансово-правовые инструменты для эффективного применения их в будущем. Поэтому этот методологический пробел определил направление нашей работы и далее будут представлены предложения и пути решения обозначенных проблем. Первое— это закрепление терминов в законодательстве. В данном случае они должны детально и грамотно раскрыть всю технологическую специфику цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

Для начала обратим внимание на термины, предусмотренные ст. 1 Закона № 259-ФЗ, «цифровая валюта», «распределённый реестр» и «узел информационной системы» [9]. Они формально определены в законе, имеют определенную формулировку. Термин «цифровая валюта» перечисляет технические признаки, но не отвечает на вопрос, каким объектом гражданских прав является. Следующий, «распределённый реестр» не раскрывает правового значения самого факта записи в реестре, что создает сложности при оценке ее доказательственного значения в суде. Термин «узлы информационной системы» содержит техническое описание участников процесса, но их правовой статус не определен. Т.о., наблюдается отсутствие юридической квалификации в проанализированных терминах, а это влечет за собой самостоятельное восполнение этого пробела правоприменителем.

Решение обозначенных проблем видится следующим образом. Дефиницию в термине «цифровая валюта» следует расширить за счет таких элементов, как криптографический механизм возникновения и передачи данных, а также наличие зависимости контроля над активом от обладания криптографическим ключом. На практике это позволит упростить доказывание права собственности на актив в суде, а для процедур ареста, обращения взыскания или включения актива в наследственную массу появляется нормативная опора, учитывающая технологическую специфику цифровой валюты.

Далее, относительно термина «распределенный реестр», необходимо законодательно закрепить, что запись в данном реестре имеет силу презумпции принадлежности актива обладателю соответствующего криптографического ключа – опровержимую презумпцию, которую можно оспорить в судебном порядке, но которая снимает с истца обязанность доказывать с самого начала. В дополнение, данные распределенного реестра как вид доказательства, что в арбитражном или гражданском процессе оперируют общими нормами об электронных доказательствах. А они не адаптированы под специфику блокчейна. Предлагается закрепить особый процессуальный статус выписки из распределенного реестра как допустимого и достаточного доказательства. Но в данном случае должны быть соблюдены технические условия – верификация через несколько узлов.

И наконец третий термин «узлы информационной системы» нуждается на законодательном уровне развести статус оператора и узла. Требуется закрепить, что узел, не обладающий возможностью контролировать или изменять содержание записей, не несет ответственности за их содержание, но несет ответственность за

корректность выполнения самой технической функции валидации, то есть за то, что он подтверждает недостоверные записи как достоверные, если это доказано.

Реализация обозначенных предложений лишит правовые нормы формальных предписаний и придаст юридическое значение тем свойствам информационных объектов, которые действительно влекут правовые последствия.

Следующее предложение коснется системы финансового контроля. В положениях ст. 7 ФЗ от 7.08.2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» установлена обязанность организаций, осуществляющих операции с денежными средствами, осуществлять идентификацию клиентов, устанавливать бенефициарных владельцев и фиксировать сведения об операциях [10]. Это традиционная модель финмониторинга, осуществляемая в основном кредитными организациями, но в сфере оборота цифровой валюты через децентрализованные реестры эта модель не без изъянов. Посредник, ответственный за идентификацию, отсутствует, а транзакции проводятся напрямую между адресами, что в конечном итоге приводит к сложности в установлении личности конечных бенефициаров.

На фоне сказанного мы предлагаем интеграцию механизмов криптографической верификации в систему финансового контроля, в которой будет использован метод нулевого разглашения и протоколы конфиденциальных вычислений. Благодаря такому методу кредитной организацией не нужно видеть личность и историю операций клиента, а достаточно математического подтверждения соответствия требованию. Предлагаем дополнить ст. 7 ФЗ N 115-ФЗ отдельной частью, допускающей исполнение обязанности по идентификации клиента через предоставление криптографического доказательства соответствия критериям, выдаваемого сертифицированным поставщиком такой технологии. Это своего рода допустимая альтернатива существующей традиционной идентификации. В защиту нашего предложения отметим, что на международном уровне действует требование FATF (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) к правилу, обязывающему передавать информацию об отправителе и получателе при переводах цифровых активов. Сейчас криптографическая верификация является одним из предлагаемых в мировой практике способов исполнить это правило без полного раскрытия личных данных посредника.

Идея смещения акцента с тотального контроля личности на автоматизированную проверку соблюдения правовых норм обладает значительным потенциалом и заслуживает пристального внимания законодателя. Однако реализация такого механизма совсем не проста потому, что необходимо будет осуществлять исследования в технической и правовой сферах одновременно.

Считаем необходимым подчеркнуть, все наши предложения объединены единой логикой, проистекающей из проведённого в настоящей работе анализа. Если признать, что информационная природа цифровых финансовых активов и цифровой валюты не является досадной помехой, а составляет их сущностную характеристику, то и правовое регулирование должно не игнорировать эту природу, а опираться на неё, встраивая её свойства в собственный инструментарий. Законодательное закрепление технологически ориентированных понятий делает цифровую реальность доступной для правового восприятия. Криптографическая верификация, в свою очередь, приходит на смену малоэффективным запретам, предлагая инструменты, соразмерные природе контролируемых отношений. Взятые вместе, эти шаги, возможно, не снимут все накопившиеся коллизии разом, но по меньшей мере позволят перевести их из стадии непримиримого противостояния в стадию рабочего взаимодействия между правовой формой и информационной сущностью регулируемых явлений.

Обобщая предложения, обращённые к законодателю, необходимо подчеркнуть следующее. Требуется юридизация важнейших технических терминов через указание на их правовые последствия: определение цифровой валюты следует дополнить отсылкой к криптографической природе и невозможности отчуждения контроля без криптографического ключа. Кроме того, необходимо создать правовую основу для применения технологий нулевого разглашения в сфере финансового мониторинга. Правоприменителю адресуется рекомендация учитывать при рассмотрении споров и осуществлении исполнительных действий невозможность физической изоляции децентрализованного актива без добровольного содействия обязанного лица, а также необходимость оценки доказательств, основанных на криптографической верификации транзакций.

Дальнейшие междисциплинарные исследования на стыке финансового и информационного права видятся перспективными в следующих направлениях: сравнительный анализ регуляторных моделей, учитывающих архитектуру конкретных распределённых реестров; разработка процессуальных механизмов обращения взыскания на цифровую валюту; изучение потенциала децентрализованных идентификаторов для публично-правовых целей.

Список литературы:

1.Актуальные проблемы административного и финансового права / Э.Э. Аблякимова, Э.В. Акулова, А.А. Арямов [и др.]. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. 286 с.

2.Новоселова, Л. А. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. А. Новоселова, А. В. Габов, А. И. Савельев [и др.] // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31–54.

3.Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Тимченко Д.И.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения 27.07.2026)

4.Торопов, С. А. Перспективы использования искусственного интеллекта и робототехники в деятельности правоохранительных органов / С. А. Торопов, А. В. Пономарев // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 13 декабря 2024 года. - Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. - С. 158-163.

5.Акинфиева, В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex Jure. - 2021. - № 1. - С. 46-55.

6.Кузьменко Ю.А., Воронина А.В. Перспективы развития правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Вестник Московского университета МВД России. - 2025. - № 3. - С. 62-68.

7.Цыганкова Я.В., Задохина Н.В., Андрианова М.Ю. Анализ правовых проблем в сфере цифровых финансовых активов и цифровой валюты как объектов права // Актуальные научные исследования в современном мире. - 2020. - Вып. 8(64), ч. 5. - С. 70-72.

8.Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы от 04. 02.2020 г. по делу № А40-164942/19 - Режим доступа: https://sudact.ru/ (дата обращения 27.07.2026)

9.Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 2020 г. N 31 (часть I) ст. 5018

10. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 августа 2001 г. N 33 (Часть I) ст. 3418.

Ponomarev A.V., Toropov S.A. The Informational Nature of Digital Financial Assets and Digital Currency as a Determinant of Legal Collisions in Their Regulation in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 356-364.

The article considers the problem of legal collisions arising in the regulation of digital financial assets and digital currency and caused by their informational nature. An analysis of the regulatory framework has been carried out, revealing the dominance of the financial-legal imperative while ignoring the technological specifics of the object. It is shown that the architecture of distributed ledgers and cryptographic mechanisms come

into fundamental contradiction with traditional constructions of jurisdiction, possession and enforcement. Conceptual foundations for the harmonization of regulation are proposed: legal fixation of technologically oriented concepts, rethinking of experimental legal regimes as a permanent method of approbating regulatory models, and inclusion of cryptographic verification in the mechanism of financial control. Recommendations to the legislator and the law enforcer are formulated, and promising directions for interdisciplinary research at the intersection of financial and information law are identified.

Keywords: digital financial assets, digital currency, informational nature, legal collisions, financial law, information law, distributed ledger, legal regulation.

Spisok literatury:

1.Aktual'nye problemy administrativnogo i finansovogo prava / E.E. Ablyakimova, E.V. Akulova, A.A. Aryamov [i dr.]. Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2024. 286 s.

2.Novoselova, L. A. Cifrovye prava kak novyj ob"ekt grazhdanskogo prava / L. A. Novoselova, A. V. Gabov, A. I. Savel'ev [i dr.] // Zakon. — 2019. — № 5. — S. 31–54.

3.Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20.01.2026 № 2-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 6 stat'i 14 Federal'nogo zakona "O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" v svyazi s zhaloboj grazhdanina Timchenko D.I.» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://publication.pravo.gov.ru (data obrashcheniya 27.07.2026)

4.Toropov, S. A. Perspektivy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta i robototekhniki v deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov / S. A. Toropov, A. V. Ponomarev // Ohrana i zashchita prav i zakonnyh interesov v sovremennom prave: Sbornik statej po rezul'tatam IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Simferopol', 13 dekabrya 2024 goda. - Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2025. - S. 158-163.

5.Akinfieva, V. V. Cifrovye finansovye aktivy kak novyj vid cifrovyh prav / V. V. Akinfieva // Ex Jure. - 2021. - № 1. - S. 46-55.

6.Kuz'menko YU.A., Voronina A.V. Perspektivy razvitiya pravovogo regulirovaniya cifrovyh finansovyh aktivov i cifrovoj valyuty // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. - 2025. - № 3. - S. 62-68.

7.Cygankova YA.V., Zadohina N.V., Andrianova M.YU. Analiz pravovyh problem v sfere cifrovyh finansovyh aktivov i cifrovoj valyuty kak ob"ektov prava // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. - 2020. - Vyp. 8(64), ch. 5. - S. 70-72.

8.Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda g. Moskvy ot 04. 02.2020 g. po delu № A40-164942/19 - Rezhim dostupa: https://sudact.ru/ (data obrashcheniya 27.07.2026)

9.Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 259-FZ «O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 avgusta 2020 g. N 31 (chast' I) st. 5018

10. Federal'nyj zakon ot 7 avgusta 2001 g. N 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 avgusta 2001 g. N 33 (CHast' I) st. 3418.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 365-369.

УДК 341

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА

Процевский В. А. Моисеенко М. А.
Севастопольский государственный университет

В представленной научной статье рассматривается многовековая эволюция правового регулирования трудовых отношений, начиная с древнейших цивилизаций и заканчивая современным российским законодательством. Авторы подчеркивают, что усложнение результатов совместной деятельности требовало новых правил: уже в своде законов Хаммурапи (XVIII век до н. э.) фиксировались нормы для наёмных работников полей и садовников. В Древнем Риме труд рабов регулировался частным правом через концепцию «говорящего орудия», а в Средние века патриархальные цеховые отношения закреплялись обрядом «комендации», лишавшим работника независимости. Подчеркивается, что ни рабовладельческое, ни феодальное право не содержало полноценных норм организации труда. Качественный скачок произошел лишь с развитием капитализма, превратившего рабочую силу в товар, что привело к выделению трудового права из гражданского, хотя изначально это ухудшило положение трудящихся. Исследование детально прослеживает формирование отрасли во Франции, Великобритании и Российской империи.

Ключевые слова: правовая регламентация труда, отрасль права, договор найма рабочей силы, Кодекс Наполеона, Российская империя, Основы законодательства о труде, Кодекс Законов о труде, Трудовой кодекс.

Регулирование в сфере труда, всегда считалось одним из важнейших начал для дальнейшего развития человеческой цивилизации. Существование общества в результате совместной трудовой деятельности с каждым поколением усложнялось, от примитивных орудий труда к сложнейшим технологическим комплексам. Только благодаря труду люди смогли удовлетворять свои растущие материальные и духовные потребности, создавая прибавочный продукт. Уже Свод законов царя Хаммурапи включает правила поведения, которые регламентируют отношения наёмного труда в одном из первых классовых государств. Так, ст. 49–52 регулируют отношения найма работников для полевых работ, устанавливая фиксированную плату зерном или серебром за вспашку, жатву или молотьбу [1]. Ст. 60–66 закрепляют условия труда садовников, определяя ответственность за гибель посадок и порядок раздела урожая между хозяином сада и наемным специалистом [1]. Эти нормы демонстрируют зарождение понимания того, что человеческий труд имеет свою объективную стоимость.

Римское частное право уже включало в себя развитую правовую систему, направленную на регламентацию трудовых отношений. Хотя социальное разделение в Древнем Риме на свободных граждан, обладающих всей полнотой политических и имущественных прав, и рабов, лишенных статуса субъекта права, регулировалось нормами частного гражданского права, государство не могло функционировать без института свободного найма. Классические отношения «хозяин — раб» отождествлялись с отношениями «хозяин — орудие труда». Римские юристы использовали термин instrumentum vocale — «говорящее орудие», подчеркивая вещную природу раба. Существовал также институт свободных людей, продающих свой труд за вознаграждение (locatio-conductio operarum). Он заложил принцип эквивалентности обмена: навыки работника обменивались на плату за труд.

Труд в Средние века отличался цеховой организацией экономики. Феодальный строй сохранял отношения между мастерами, которые являлись собственниками средств производства, и учениками, как работниками, и носил патриархальный характер. Русский учёный цивилист начала XX в. Л.С. Таль указывал, что для заключения договора найма с работником в это время был присущ так называемый «акт

коммендации» [2, с. 243, 282]. Лицо, которое нанималось на работу, теряло свою независимость и личную свободу. Оно вкладывало свои руки в руки хозяина, который в виде оплаты передавал ему какую-нибудь вещь — монету, перчатку или ветку дерева. Такой обряд означал не просто начало работы, но переход к хозяину священной обязанности по защите и покровительству наёмного работника. При этом власть хозяина над работником практически не ограничивалась никакими внешними законами, т.к. централизованное г-во почти не вмешивалось в частные отношения, которые возникали между этими субъектами труда после допуска к работе [3, с. 4]. Поэтому хозяин распоряжался не только физической рабочей силой человека, но зачастую и им самим как личностью, контролируя его быт, семью и досуг.

Ни обычное неписаное право древних племен, ни античное рабовладельческое законодательство, ни феодальное право вассалитета вплоть до Нового времени не содержало системных норм по масштабному регулированию и организации массового индустриального труда.

Буржуазное общество, сформировавшееся в результате длительного эволюционного способа производства, совершило качественный скачок. Капитализм создал объективную возможность применения правовой регламентации, существенно отличающейся от регулирования гражданско-правовых соглашений. Выделение человеческого труда в самостоятельный объект оборота потребовало создания отдельной группы правовых норм по регламентации наёмного труда [4, с. 88]. Капиталистический способ производства, превратил в действительность обособление от гражданского права группы норм, определяющих трудовой договор в качестве соглашения «sui generis». Труд окончательно выделился из сферы гражданско-правового регулирования, что обусловило появление предмета правового регулирования и формирование самостоятельной отрасли в системе права, но формальная свобода договора личного найма при отсутствии необходимых правовых государственных регуляторов, привела к ухудшению фактического положения трудящихся, что характеризовалось рабочим днем до 16 ч. в день, использованием женского и детского труда, отсутствием техники безопасности и производственной санитарии.

Французская революция (конец XVIII в.) провозгласила свободу труда и обеспечила свободу спроса и продажи рабочей силы на открытом рынке. Тем не менее, договор найме услуг в ст. 1779 ГК Наполеона 1804 г. рассматривался как обычная гражданско-правовая услуга [5]. Работник был равен работодателю формально, но экономически находился в положении просителя, вынужденного соглашаться на любые условия. Великобритания, как первая в мире промышленная мастерская («мировая фабрика»), стала первой страной, которая под давлением рабочего движения создала относительно целостную и прагматичную систему фабричного трудового законодательства [6]. Начиная с 30-х годов XIX в. парламент принимает серию Фабричных актов, постепенно ограничивающих эксплуатацию женщин и детей. Активно развивается мощное профсоюзное (тред-юнионистское) движение, объединяющее квалифицированных рабочих [7]. Постепенно легализуются коллективные договоры, примирительные комиссии для разрешения споров и органы трудового арбитража, что позволяет перевести классовую борьбу из плоскости уличных бунтов в плоскость юридических переговоров.

Уникальность истории национального трудового права России состоит в том, что на протяжении XIX–XXI вв. оно несколько раз кардинально меняло свою философскую основу и содержание правового регулирования. Первым известным нормативным актом в сфере наемного труда в Российской империи, является Положение от 24 мая 1835 г. «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, которые вступают в них по найму» [8]. Этот документ впервые попытался упорядочить выдачу расчетных книжек и процедуру увольнения. Благодаря систе-

матизации законодательства, проведенной в период правления императора Николая I было подготовлено Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, содержащее массив нормативных актов, принятых с 1649 по 1826 г. [9]. Позже был издан Свод законов Российской Империи. В 1913 г. его редакция и многочисленные положения, которые касались регулирования труда работников в промышленности, были объединены в отдельный нормативный акт — Устав о промышленном труде. Он стал прямым юридическим прообразом будущих советских Кодексов о труде, закрепив первые элементы государственного влияния на фабрикантов.

С приходом Советской власти в октябре 1917 г. начинается принципиально новый этап в регулировании отношений в сфере труда, чем блестяще подтверждается древнеримское высказывание «Novus rex — novus lex» (Новый царь — новые законы). На смену хаотичному договорному установлению условий труда, выгодному сильнейшей стороне, приходит тотальное централизованное государственное урегулирование трудовых отношений путём издания экстренных декретов и законов. Одним из самых известных и гуманных нормативных актов мирового масштаба в сфере труда стал Декрет о 8-часовом рабочем дне, утвержденный в октябре 1917 г. В декабре 1918 г., принят КЗОТ [10]. Этот исторический документ впервые в мировой практике законодательно провозглашал всеобщую повинность трудиться и одновременно декларировал право на труд как обязанность государства предоставить занятость, закреплял месячный отпуск, вводил ограничение сверхурочных работ и запрещал ночной труд подростков.

Однако этот первый Кодекс имел во многом декларативный и формальный характер, так как реальные условия труда диктовались Гражданской войной и политикой военного коммунизма. Они в большей степени регламентировались оперативными Декретами, Постановлениями СНК и Положениями отдельных ведомств, часто носившими чрезвычайный характер. КЗОТ 1922 г. РСФСР, принятый в условиях НЭП, был намного более либеральным и рыночным по сравнению с военно-коммунистическим предшественником [11]. Приём на работу осуществлялся теперь преимущественно в добровольном порядке через биржи труда. Принудительная трудовая повинность допускалась только в исключительных случаях государственной необходимости, например, при борьбе со стихийными бедствиями. Важнейшим достижением стало законодательное закрепление положения о том, что договор найма является полноценной двусторонней трудовой сделкой, где у сторон появляются взаимные права и обязанности.

Начало ВОВ вынудило власть применить беспрецедентно жесткие мобилизационные меры для нужд обороны. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» укрепил трудовую дисциплину работников [12]. Опоздание на работу более чем на 20 мин. приравнивалось к прогулу и влекло уголовное наказание. Одновременно были утверждены Типовые правила внутреннего трудового распорядка для всех работников и служащих страны. Эти административные меры сыграли роль в укреплении трудовой дисциплины, позволив бесперебойно снабжать фронт боеприпасами и техникой, что стало решающим фактором для Победы в войне.

После окончания войны договорный метод правового регулирования стал соответствовать сложившейся социально-экономической ситуации в стране. Трудящиеся получили возможность проявлять инициативу, появилось соцсоревнование. В соответствии с Основами Законодательства СССР и союзных республик о труде от 15.07.1970 г. был принят 9.12.1971 г. Кодекс Законов о Труде (КЗоТ) РСФСР [12]. Он действовал до распада СССР и регулировал механизмы социального обеспечения, оплачиваемые отпуска, охрану материнства и детства.

Перестройка, начатая в 1985 г., способствовала постепенному введению в действие развернутого, многоуровневого законодательства. Появились первые законы о государственном предприятии, расширяющие права трудовых коллективов в управлении производством, и закон о кооперации, легализующий индивидуальную трудовую деятельность. После официального распада СССР и появления нового суверенного государства (РФ) страна пошла по пути дальнейшей демократизации и гуманизации трудового законодательства. Это выразилось в сложной работе законодателей над созданием совершенно нового документа, учитывающего реалии рыночной экономики. Итогом этой работы стало принятие ныне действующего Трудового Кодекса РФ Государственной Думой, одобрен Советом Федерации и подписан Президентом России 30.12.2001 г., заменивший советский КЗоТ 1971 г. [13].

Современный Трудовой кодекс основан на конституционном принципе свободы труда. Кодекс предусматривает юридическую ответственность работодателя за задержку выплаты зарплаты и содержит правовую норму, в соответствии с которой работник имеет право на самозащиту (ст. 379 ТК РФ). Трудовой кодекс РФ в ст. 3 определяет предмет правового регулирования в трудовом праве [14]. Последний составляют около десяти общественных отношений. Метод трудового права основан на уникальном сочетании единства и дифференциации его норм [15]. Он сочетает централизованное государственное регулирование федеральных стандартов с локальным уровнем конкретной организации и договорным регулированием через индивидуальные контракты. Метод характеризуется взаимосвязью юридического равенства сторон при заключении договора и элемента организационной подчиненности работника внутреннему распорядку в процессе исполнения обязанностей. Система отрасли структурно делится на Общую часть, содержащую базовые принципы, и Особенную часть. Общепризнанные принципы международного права и международные договоры РФ могут являться составной частью правовой системы и обладают приоритетом, только в том случае если они устанавливают более благоприятные условия для работников, чем национальное законодательство.

Таким образом, пройдя тысячелетний путь от глиняных табличек Хаммурапи до сложных цифровых платформ управления персоналом, трудовое право утвердилось как главный социальный регулятор, обеспечивающий баланс интересов личности, бизнеса и государства.

Список литературы:

1.Законы вавилонского царя Хаммурапи [Электронный ресурс] URL https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm - Режим доступа- открытый. (дата обращения: 31.08.2026).

2.Таль Л.С.Трудовой договор: Цивилистическое исследование/ Л.С. Таль- М.: Статут, 2006- 539 с.

3. Миронов В. И. Трудовое право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2020. 992 с.

4.Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. — М.: Статут, 2009- 879 с.

5. Гражданский кодекс Французской республики 1804 г. [Электронный ресурс]. - URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041401 (дата обращения: 31.08.2026).

6.Simon Deakin and Gillian Morris Labour law. Six Edition- Oxford and Portland, Oregon- 2012.- 1264 p.

7.Процевский, В. А. Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций / В. А. Процевский, М. А. Моисеенко // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 131-139. – DOI 10.24866/1813-3274/2024-3/131-139. – EDN MPDAAZ.

8.Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. №10 (38).

9. Полное собрание законов Российской империи [Электронный ресурс]. - URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html(дата обращения: 31.08.2026)

10. Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 [Электронный ресурс] URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm -Режим доступа-открытый

11. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года - [Электронный ресурс]- URL - https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm - Режим доступа- открытый

12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. "О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений" (с изменениями и дополнениями) - [Электронный ресурс]- URL - https://base.garant.ru/70819138/ - Режим доступа- открытый (дата обращения: 31.08.2026).
13. Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года-[Электронный ресурс]- URL - https://base.garant.ru/3961942/ -Режим доступа: открытый (дата обращения: 31.08.2026).
14. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026) [Электронный ресурс] URLhttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ – Режим доступа-открытый. (дата обращения: 31.08.2026).
15. Рим Р.К., Гузель Ю.К., Залия А.Ш. К вопросу становления международного трудового права: историко-правовой аспект // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. №2 (22).

Protsevsky V. A. Moiseenko M.A. The genesis of the formation and development of international legal regulation of relations in the sphere of labour // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 365-369.

This academic article examines the centuries-long evolution of the legal regulation of labour relations, from the earliest civilisations to modern Russian legislation. The authors emphasises that the increasing complexity of the outcomes of joint activities necessitated new rules: as early as the Code of Hammurabi (18th century BC), provisions were laid down for hired farm labourers and gardeners. In Ancient Rome, the labour of slaves was regulated by private law through the concept of the ‘speaking tool’, whilst in the Middle Ages, patriarchal guild relations were formalised by the rite of ‘commendation’, which deprived the worker of their independence. It is emphasised that neither slave-owning nor feudal law contained fully-fledged provisions governing the organisation of labour. A qualitative leap only occurred with the development of capitalism, which transformed the labour force into a commodity; this led to the separation of labour law from civil law, although initially this worsened the position of workers. The study traces in detail the formation of this branch of law in France, Great Britain and the Russian Empire.

Keywords: legal regulation of labour, branch of law, employment contract, the Napoleonic Code, the Russian Empire, Fundamentals of Labour Legislation, Code of Labour Laws, Labour Code.

Spisok literatury:

1.Zakony vavilonskogo carya Hammurapi [Elektronnyj resurs] URL https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm - Rezhim dostupa- otkrytyj. (data obrashcheniya: 31.08.2026).
2.Tal' L.C.Trudovoj dogovor: Civilisticheskoe issledovanie/ L.C. Tal'- M.: Ctatut, 2006- 539 c.
3. Mironov V. I. Trudovoe pravo : uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Prospekt, 2020. – 992 s.
4.Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Kurs trudovogo prava: Uchebnik: V 2 t. T. 1. Sushchnost' trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka. Obshchaya chast'. M.: Statut, 2009.
5. Grazhdanskij kodeks Francuzskoj respubliki 1804 g.
6.Simon Deakin and Gillian Morris Labour law. Six Edition- Oxford and Portland, Oregon- 2012.- 1264 p.
7.Procevskij, V. A. Problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti profsoyuznyh organizacij / V. A. Procevskij, M.A. Moiseenko // Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2024. T.26, №3.
8.Polozhenie ob otnosheniyah mezhdu hozyaevami fabrichnyh zavedenij i rabochimi lyud'mi, postupayushchimi na onye po najmu // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2017. №10 (38).
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii .
10. Kodeks zakonov o trude RSFSR ot 10 dekabrya 1918 [Elektronnyj resurs] URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm -Rezhim dostupa-otkrytyj
11. Kodeks zakonov o trude RSFSR 1922 goda - [Elektronnyj resurs]- URL - https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm - Rezhim dostupa- otkrytyj
12. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunya 1940 g. \"O perekhode na vos'michasovoj rabochij den', na semidnevnuyu rabochuyu nedelyu i o zapreshchenii samovol'nogo uhoda rabochih i sluzhashchih s predpriyatij i uchrezhdenij\" (s izmeneniyami i dopolneniyami) - [Elektronnyj resurs]- URL - https://base.garant.ru/70819138/ - Rezhim dostupa- otkrytyj (data obrashcheniya: 31.08.2026).
13. Kodeks zakonov o trude RSFSR 1971 goda-[Elektronnyj resurs]- URL -https://base.garant.ru/3961942/.
14. \"Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii\" ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 29.12.2025, s izm. ot 15.05.2026) [Elektronnyj resurs] URLhttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
15. Rim R.K., Guzel' Yu.K., Zaliya A.Sh. K voprosu stanovleniya mezhdunarodnogo trudovogo prava: istoriko-pravovoj aspekt // Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. 2025. №2 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-stanovleniya-mezhdunarodnogo-trudovogo-prava-istoriko-pravovoy-aspekt (data obrashcheniya: 31.08.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 370-376.

УДК 347.412.8

ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 333 ГК РФ О СНИЖЕНИИ НЕУСТОЙКИ В ДОГОВОРАХ АРЕНДЫ И ПОДРЯДА: КРИТЕРИИ «ЯВНОЙ НЕСОРАЗМЕРНОСТИ» И ПЕРЕСМОТР ПОЗИЦИИ ВС РФ В 2025-2026 ГГ.

Радайде Д. С.
Крымский филиал Университета правосудия им. В.М. Лебедева

В статье исследуется проблема применения ст. 333 ГК РФ о снижении неустойки в договорах аренды и подряда. Анализируется судебная практика 2025–2026 гг., выявляются критерии «явной несоразмерности», применяемые кассационными судами и Верховным Судом РФ. Особое внимание уделяется вопросу о минимальном пределе снижения неустойки (п. 6 ст. 395 ГК РФ) и допустимости пересмотра условий мирового соглашения. Делается вывод о формировании в практике устойчивых количественных ориентиров соразмерности и смещении акцента с формального соблюдения договорной ставки на доказанность ее несоразмерности.

Ключевые слова: неустойка, статья 333 ГК РФ, явная несоразмерность, ключевая ставка, аренда, подряд, судебная практика, Верховный Суд РФ.

Ст. 309 ГК РФ устанавливает общее правило, согласно которому обязательства подлежат надлежащему исполнению. Стремясь минимизировать или хотя бы смягчить отрицательные последствия, возникающие при нарушении обязательства либо его ненадлежащем исполнении, законодатель включил в ст. 329 ГК РФ систему обеспечительных механизмов. Среди них особое место занимают нормы ст. 330–333 ГК РФ, регулирующие неустойку как один из способов обеспечения исполнения обязательств [1]. Неустойка как обеспечительная мера получила широкое применение не только в российской, но и в зарубежной практике. Это обусловлено тем, что стороны договора заинтересованы в своевременном исполнении обязательств и располагают действенным инструментом побуждения должника к погашению задолженности в установленный срок. В условиях рыночной экономики значение неустойки возрастает, поскольку именно ее обеспечительная функция во многом поддерживает баланс интересов участников оборота. Возможность взыскания независимо от факта причинения убытков делает неустойку особенно востребованной: кредитор избавляется от необходимости принимать в отношении должника предупредительные меры, а при нарушении обязательства — доказывать наличие и объем убытков.

Актуальность темы обусловлена тем, что в 2025–2026 гг. судебная практика по ст. 333 ГК РФ претерпела заметные изменения. Если ранее основным ориентиром для судов выступала двукратная ключевая ставка Банка России, то теперь все большее значение приобретает проверка обоснованности самого размера неустойки, установленного договором. Это особенно важно для договоров аренды и подряда, где неустойка традиционно устанавливается на уровне 0,5–1% в день и становится предметом спора практически в каждом деле о взыскании задолженности. Кроме того, расширение практики закупок у единственного поставщика и рост числа банкротных споров с высокой неустойкой делают тему практически значимой для широкого круга участников оборота.

В научной среде проблемы применения ст. 330–333 ГК РФ связывают с рядом законодательных пробелов. М.В. Вронская и В.Ю. Ехлакова относят к ним отсутствие легального определения упущенной выгоды, а также недостаточную определенность критериев, позволяющих установить явную несоразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства. Дополнительную сложность создает оценочный характер категории «явная несоразмерность», закрепленной в статье 330 ГК РФ: суды интерпретируют ее неодинаково, а порой и вопреки соответствующим разъяснениям высших судебных инстанций [2, с. 15].

Снижению подлежит не только неустойка, согласованная сторонами в договоре, но и та, что установлена законом. В.В. Куликов обращает внимание на то, что положения ГК РФ о законной неустойке не отличаются однозначностью: они не регулируют исчерпывающим и императивным образом вопросы, касающиеся возможности ее судебного уменьшения. При этом, как подчеркивает автор, такая неопределенность характерна как для предпринимательских правоотношений, так и для правоотношений с участием потребителей — физических лиц. Указанное обстоятельство порождает дополнительную правовую неопределенность в рассматриваемой сфере [3, с. 112].

Показательным является вывод, вытекающий из анализа судебной практики 2024–2025 гг.: ст. 333 ГК РФ утратила статус исключительного средства и перешла в разряд ординарного инструмента, с помощью которого суды корректируют согласованные сторонами договорные условия [4, с. 578]. На практике суды нередко уменьшают неустойку не только тогда, когда несоразмерность выражена очевидно, но и в случаях, когда установленный размер санкций не выходит за рамки обычаев делового оборота. Подобный подход по существу нивелирует договоренности, достигнутые сторонами, и расшатывает стабильность гражданского оборота. Р.Х. Агаханов справедливо указывает на то, что нормы ст. 333 ГК РФ сформулированы в законе излишне расплывчато, вследствие чего решение вопроса фактически отдано на усмотрение судьи [5, с. 89]. Целью настоящей работы является выявление критериев «явной несоразмерности» неустойки, применяемых судами в 2025–2026 гг., и оценка пересмотра позиции ВС РФ по данному вопросу.

Методологическую базу исследования образуют как общенаучные подходы к познанию — анализ, синтез и обобщение, — так и специальные юридические методы, среди которых формально-юридический, сравнительно-правовой, а также метод изучения судебной практики. Эмпирическую основу работы составили положения ГК РФ, разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума ВС РФ № 7 [6], судебные акты арбитражных судов кассационных округов, вынесенные в 2025 г. и первом квартале 2026 г., а также определения Судебной коллегии по гражданским делам и Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.

Количественные ориентиры соразмерности неустойки. Анализ практики позволяет выделить несколько устойчивых «зон» соразмерности неустойки.

Ставка, равная 1/300 ключевой ставки ЦБ РФ, как правило, рассматривается судами в качестве соразмерной, так как зачастую не достигает уровня двукратной ключевой ставки за аналогичный период. Иллюстрацией служит дело, приведенное в обзоре судебной практики, где суд отказал в уменьшении неустойки именно по этому основанию: договорный расчет давал сумму 12,9 млн руб., в то время как расчет исходя из двукратной ключевой ставки составлял 13,4 млн руб. Доводы ответчика о финансовых трудностях и отсутствии бюджетного финансирования были признаны несостоятельными со ссылкой на пп. 73–74 Постановления Пленума ВС РФ № 7 от 24.03.2016 [7]. П. 77 эьтого Постановления содержит разъяснение, согласно которому уменьшение договорной неустойки, причитающейся с коммерческой организации или индивидуального предпринимателя, допустимо лишь в исключительных ситуациях. Необходимыми условиями для этого выступают явная несоразмерность санкции последствиям нарушения обязательства, а также вероятность извлечения кредитором необоснованной выгоды [6].

Ставка неустойки до 0,1% в день также находится в рабочем диапазоне. В другом деле, приведенном в указанном обзоре, суд отказал в снижении неустойки по ставке 0,05% в день (18,25% годовых), прямо указав, что она ниже двукратной ключевой ставки за спорный период. Должник при этом просил снизить неустойку до 1 000 000 руб., что в годовом выражении составило бы около 0,77% и оказалось бы почти в 20 раз ниже однократной ключевой ставки. Суд этот довод отклонил: стороны согласовали условие добровольно, доказательств навязывания не было, а

снижение до символической суммы при длительной просрочке нарушило бы баланс интересов сторон [7].

Напротив, ставки 0,5% в день и выше снижаются почти всегда. В одном из дел, описанных в том же обзоре, ставка 0,5% в день была снижена до 0,1%. При этом суды первой и апелляционной инстанций поначалу снизили ее только за прошлый период, сохранив договорную ставку на будущее, однако суд кассационной инстанции этот подход исправил и указал, что единый сниженный размер должен применяться ко всему периоду, включая неустойку по день фактической оплаты [7].

Отдельно стоит остановиться на соотношении договорной ставки и ключевой ставки Банка России. Именно это соотношение суды чаще всего используют как базовый критерий для вывода о соразмерности или несоразмерности. Если договорная ставка в годовом выражении не превышает двукратную ключевую ставку за период просрочки, суды, как правило, отказывают в снижении. Если превышает - снижение становится вероятным. Однако это не означает, что превышение автоматически влечет снижение: суд обязан оценить и иные обстоятельства, включая длительность просрочки, поведение сторон и наличие либо отсутствие признаков злоупотребления правом. Однако наличие в договоре асимметричных (диспаритетных) условий о неустойке само по себе еще не свидетельствует о несправедливости условия о повышенной ответственности для одной из сторон. Логика здесь такова: принимая на себя более строгую ответственность, сторона — при равенстве переговорных возможностей — вправе получить взамен иные, более выгодные для себя условия договора [8, с. 280].

Самая распространенная ошибка нижестоящих судов в анализируемый период - снижение ниже минимального предела, установленного п. 6 ст. 395 ГК РФ. Сниженная неустойка не может быть меньше суммы, исчисленной исходя из однократной ключевой ставки ЦБ РФ. Кассационные суды применяют это правило жестко. В одном из дел, описанных в обзоре, первая инстанция снизила законную неустойку на 50% - с 364 тыс. до 182 тыс. руб. Кассация изменила судебные акты и самостоятельно пересчитала сумму до 295 574 руб., т.е. до размера, рассчитанного по однократной ключевой ставке за тот же период. Суд отдельно отметил: снижение ниже этого уровня допустимо только при наличии экстраординарных обстоятельств, которые в деле установлены не были [7]. Еще показательнее другое дело из того же обзора. Нижестоящие суды снизили лизинговую неустойку с 1,8 млн руб. до 41 тыс. руб., то есть в 44 раза. Кассация отменила акты по двум основаниям: снижение ниже минимального предела и полное отсутствие расчета в судебном акте. Произвольное уменьшение неустойки без мотивированного расчета кассация расценила как самостоятельное нарушение, влекущее отмену судебного акта [7].

Следует учитывать, что правило о минимальном пределе применяется и к законной неустойке. Это означает, что даже если неустойка установлена не договором, а законом, суд не вправе снизить ее ниже однократной ключевой ставки. Такой подход обеспечивает единообразие практики и исключает ситуацию, при которой должник получает необоснованное преимущество за счет кредитора.

Особого внимания заслуживает вопрос о снижении неустойки, установленной в мировом соглашении. В одном из дел, описанных в обзоре, стороны включили в мировое соглашение, утвержденное судом, неустойку в размере 2% в день (730% годовых). После нарушения условий соглашения должник обратился с заявлением о снижении начисленной неустойки. Суд первой инстанции заявление удовлетворил в части. Апелляция сочла снижение невозможным, указав, что вмешательство в условия утвержденного судом мирового соглашения означало бы изменение его условий вопреки ст. 421 ГК РФ. Кассация с этим не согласилась: мировое соглашение остается сделкой, неустойка в нем установлена волей сторон, а не судом, поэтому вопрос о ее соразмерности может быть поставлен и после нарушения, в том числе на стадии исполнительного производства [7]. В литературе

обращается внимание на спорность ситуации, при которой статья 333 ГК РФ о снижении неустойки применяется к уже заключенному мировому соглашению, предусматривающему освобождение должника от ответственности за нарушение сроков оплаты. Подобное применение дает основания говорить о «двойном» освобождении от ответственности [9, с. 121].

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28.04.2026 № 5-КГ26-28-К2 сформулирована правовая позиция, согласно которой законодательство не содержит запрета на применение ст. 333 ГК РФ к неустойке, предусмотренной мировым соглашением. Основанием для этого выступает нарушение сроков исполнения мирового соглашения, повлекшее начисление неустойки, которая оказалась явно несоразмерной последствиям допущенного нарушения [10]. Суд также признал ошибочным вывод нижестоящей судебной коллегии о том, что применение ст. 333 ГК РФ означает преодоление условий утвержденного судом мирового соглашения. Обоснование сводится к тому, что условия мирового соглашения фиксируются на момент его утверждения судом, тогда как соразмерность неустойки последствиям нарушения мирового соглашения оценивается в процессе его исполнения либо после такового [10].

Существенное значение для правоприменительной практики имеет Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.06.2026 № 308-ЭС25-14836 по делу № А53-10244/2025. В нем разъяснено: если величина неустойки объективно значительна и должник на это ссылается, то именно заявитель, возражая, обязан обосновать ее размер. Судебная коллегия признала неправомерным вывод нижестоящих судов о том, что размер неустойки продиктован длительностью просрочки, поскольку такой вывод не был подкреплен ни проверкой обоснованности размера неустойки, ни исследованием довода должника о злоупотреблении правом свободного определения ее размера [11].

ВС РФ сформулировал следующую правовую позицию: наделение суда полномочием уменьшать неустойку при ее чрезмерности относительно последствий нарушения обязательства представляет собой законный правовой механизм противодействия злоупотреблению правом свободно определять размер неустойки одним лицом в ущерб правам других лиц. Применение данного механизма требует обеспечения баланса между мерой ответственности, возлагаемой на нарушителя, и оценкой фактического размера ущерба. В рассматриваемом деле суды не возложили на заявителя обязанность обосновать размер неустойки, ограничившись выводом о том, что он продиктован длительностью просрочки, допущенной должником. ВС РФ признал такой вывод неправомерным [11].

Одним из дискуссионных вопросов остается соотношение суммы неустойки и возможных убытков кредитора. Как показывает практика, суды не требуют точного расчета убытков, поскольку неустойка взыскивается независимо от их причинения. Однако при снижении суд может сопоставить сумму неустойки с возможными потерями кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства. Если сумма неустойки многократно превышает такие потери, это служит основанием для снижения. При этом бремя доказывания несоразмерности лежит на должнике, который должен представить не только ссылку на чрезмерно высокую ставку, но и собственный контррасчет, показывающий, до какой суммы неустойка подлежит уменьшению. Помимо этого, принимая во внимание фактическое неравенство переговорных возможностей, судам надлежит смягчать бремя доказывания в отношении продавца. Соответствующее указание дал ВС РФ, отметивший, что стандарт доказывания не может быть чрезмерно обременительным для стороны, которая оспаривает условия, сформулированные ее контрагентом [12, с. 74]. Еще одним фактором, который все чаще учитывается судами, является поведение сторон. Если кредитор своими действиями способствовал увеличению периода просрочки - например, затягивал приемку, не предоставлял необходимые документы или уклонялся от согласования условий, - это может быть учтено при

снижении неустойки. В таких случаях применяется не только ст. 333 ГК РФ, но и ст. 404 ГК РФ о смешанной вине сторон. Напротив, если должник располагал возможностью исполнить обязательство, но не сделал этого, суды квалифицируют его поведение как недобросовестное и отказывают в снижении.

Самостоятельного осмысления заслуживает и вопрос о пределах снижения неустойки. Уменьшенная судом сумма не может оказаться ниже величины, рассчитанной по однократной ключевой ставке за период просрочки. Кассационные суды придерживаются этого правила последовательно и строго. Отступление от него в сторону дальнейшего уменьшения возможно лишь при экстраординарных обстоятельствах, причем они должны быть прямо поименованы в судебном акте. Отсутствие в решении мотивированного расчета само по себе выступает основанием для отмены судебного акта. В.И. Еремина обращает внимание на то, что в настоящее время суды общей юрисдикции не выработали единого подхода к применению ст. 333 ГК РФ. Кроме того, по мнению автора, до сих пор не решены проблемы, связанные с определением критериев несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства и с установлением пределов ее уменьшения [13, с. 140].

Сделанные выводы перекликаются с подходами, ранее сложившимися в доктрине. А.А. Байкалов и О.А. Подшивалова указывают, что судебное снижение неустойки допустимо лишь при одном условии — явной несоразмерности санкции последствиям нарушения права. Эти же авторы подчеркивают, что обязанность доказывать несоразмерность неустойки и необоснованность выгоды кредитора возлагается на ответчика [14, с. 135]. Практика 2025–2026 гг. подтверждает данный тезис, но вместе с тем вносит в него уточнение. В Определении № 308-ЭС25-14836 ВС РФ указал: если величина неустойки объективно значительна, обязанность обосновать ее размер возлагается на кредитора. Тем самым традиционное распределение бремени доказывания претерпевает определенное смещение [11].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Судебная практика 2025–2026 гг. выработала устойчивые количественные ориентиры соразмерности неустойки в договорах аренды и подряда: ставки до 0,1% в день и 1/300 ключевой ставки признаются соразмерными; ставки 0,5% в день и выше, как правило, снижаются. Ключевым ориентиром выступает двукратная ключевая ставка ЦБ РФ.

2. Минимальный предел снижения неустойки ограничен однократной ключевой ставкой (п. 6 ст. 395 ГК РФ). Снижение ниже этого уровня допускается только при экстраординарных обстоятельствах и требует мотивированного расчета в судебном акте.

3. Верховный Суд РФ в 2025–2026 гг. последовательно усиливает требования к мотивированности судебных актов о снижении неустойки. В Определении от 11.06.2026 № 308-ЭС25-14836 Суд прямо указал на необходимость проверки обоснованности размера неустойки и исследования доводов о злоупотреблении правом [11]. Это свидетельствует о смещении акцента с формального подхода на содержательную оценку соразмерности.

4. Допустимость снижения неустойки, установленной мировым соглашением, подтверждена на уровне ВС РФ (Определение от 28.04.2026 № 5-КГ26-28-К2), что расширяет возможности должника по защите своих интересов на стадии исполнительного производства [10].

5. По-прежнему не устранена неопределенность, касающаяся снижения законной неустойки. В.В. Куликов справедливо указывает на необходимость императивного закрепления в законодательстве возможности уменьшения не только договорной, но и законной неустойки [3, с. 113]. Это предложение заслуживает поддержки и может быть учтено в дальнейших законодательных инициативах.

В научной литературе высказывается мнение, что решение указанной проблемы возможно путем законодательного закрепления четких критериев несоразмерности

и снижения размера выплаты применительно к конкретным обстоятельствам. В качестве примеров таких обстоятельств приводятся незначительный период просрочки исполнения обязательств, малозначительность нарушения и подобные им. Подобный шаг избавил бы суд от необходимости всякий раз устанавливать эти обстоятельства, руководствуясь исключительно внутренним убеждением [15, с. 57].

Практические рекомендации, вытекающие из проведенного анализа, могут быть сформулированы следующим образом. Для кредитора: при заключении договора целесообразно устанавливать неустойку в размере не выше двукратной ключевой ставки либо фиксированные 0,1% в день; при взыскании - приводить расчет, показывающий, что договорная ставка не превышает двукратную ключевую, и фиксировать длительность просрочки. Для должника: ходатайство о снижении должно содержать конкретную сумму и контррасчет, а также проверку мораторного периода и порядка зачисления частичных платежей; ссылки на тяжелое финансовое положение без количественного обоснования не работают.

Перспективы дальнейших исследований связаны с мониторингом практики применения критериев соразмерности после разъяснений ВС РФ 2025–2026 гг. и оценкой эффективности предложений по законодательному закреплению более четких критериев явной несоразмерности неустойки.

Список литературы:

1.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2.Вронская М.В., Ехлакова В.Ю. Проблемные аспекты практики снижения неустойки в российском гражданском праве // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 14–25.
3.Куликов В.В. Перспективы совершенствования ст. 333 Гражданского кодекса РФ применительно к императивно установленной (законной) неустойке // Евразийская адвокатура. 2024. №1(66).С. 108–113.
4.Чердакова Л.А., Торгаева Д.С. Проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях неустойки в свете реформы гражданского законодательства // Право и управление. 2026. № 4. С. 577–580.
5.Агаханов Р.Х. Некоторые проблемы теории и практики снижения размера неустойки по статье 333 ГК РФ // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 88–89.
6.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. 4 апреля. № 70.
7.Снижение неустойки по ст. 333 ГК РФ: что изменилось и как это использовать // Закон.ру. 2026. 30 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2026/6/30/snizhenie _neustojki_po_st_ 333_gk_rf_chto_izmenilos_i_kak_eto_ispolzovat (дата обращения: 18.09.2026). – Текст: электронный.
8.Орлова А.И. Диспаритетный характер условия договора о неустойке как основание для её снижения судом // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5 (233). С. 279–281.
9.Зимнева С.В., Лукьяненко М.Ф. О возможности применения статьи 333 Гражданского кодекса РФ к мировому соглашению: «двойное» освобождение от ответственности или обеспечение баланса интересов сторон // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3 (172). С. 114–123.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.04.2026 № 5-КГ26-28-К2 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 18.09.2026); КонсультантПлюс. URL:
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2026 № 308-ЭС25-14836 по делу № А53-10244/2025 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 18.09.2026); Гарант.ру.
12. Иванников И.А. Применение статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к договорным штрафам в электронной коммерции // Закон и власть. 2025. № 6. С. 72–76.
13. Еремина В.И. Основания снижения неустойки судом (ст. 333 ГК РФ) // Вестник науки. 2019. № 12 (21). С. 135–141.
14. Байкалов А.А., Подшивалова О.А. Судебная практика по вопросу уменьшения неустойки по статье 333 ГК РФ // Экономика и социум. 2023. № 7-2 (110). С. 134–136.
15. Симирняк К.Е. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства // Вестник магистратуры. 2023. № 9-1 (144). С. 55–57.

Radaide D.S. Application of article 333 of the Civil code of the Russian Federation on reduction of penalty in lease and construction contracts: criteria of "obvious disproportionality" and revision of the supreme court's position in 2025–2026 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 370-376.

Penalty occupies a central place in Russian civil law as both a measure of liability and a means of securing obligations. Article 309 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter - the Civil Code) proclaims that obligations must be performed properly, while Article 329 establishes a list of instruments designed to secure performance, including penalty regulated by Articles 330–333. The prevalence of penalty is explained by the parties' interest in timely performance and by the possibility of inducing the debtor to repay the debt promptly. Being recoverable irrespective of the causation of losses, penalty relieves the creditor of the need to prove the existence and amount of damages.

Keywords: penalty, Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, obvious disproportion, key rate, lease, construction contract, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1.Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 No. 14-FZ]. Sobranie zakonodatel'stva RF, 1996, no. 5, art. 410.
2.Vronskaya M.V., Ekhlakova V.Yu. Problemnye aspekty praktiki snizheniya neustoiki v rossiiskom grazhdanskom prave [Problematic Aspects of the Practice of Reducing Penalties in Russian Civil Law]. Yuridicheskie issledovaniya, 2023, no. 11, pp. 14–25.
3.Kulikov V.V. Perspektivy sovershenstvovaniya st. 333 Grazhdanskogo kodeksa RF primenitel'no k imperativno ustanovlennoi (zakonnoi) neustoike [Prospects for Improving Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation in Relation to Imperatively Established (Legal) Penalties]. Evraziiskaya advokatura, 2024, no. 1 (66), pp. 108–113.
4.Cherdakova L.A., Torgaeva D.S. Problemy pravovoi prirody i ispol'zovaniya v dogovornykh otnosheniyakh neustoiki v svete reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva [Problems of the Legal Nature and Use of Penalty in Contractual Relations in Light of the Reform of Civil Legislation]. Pravo i upravlenie, 2026, no. 4, pp. 577–580.
5.Agakhanov R.Kh. Nekotorye problemy teorii i praktiki snizheniya razmera neustoiki po stat'e 333 GK RF [Some Problems of Theory and Practice of Reducing the Amount of Penalty under Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation]. Gosudarstvennaya sluzhba i kadry, 2022, no. 2, pp. 88–89.
6.Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 № 7 (red. ot 22.06.2021) «O primenenii sudami nekotorykh polozhenii Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv» [Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (as amended on 22.06.2021) "On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations"]. Rossiiskaya gazeta, 2016, 4 April, no. 70.
7.Snizhenie neustoiki po st. 333 GK RF: chto izmenilos' i kak eto ispol'zovat' [Reduction of Penalty under Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation:
8.Orlova A.I. Disparitetnyi kharakter usloviya dogovora o neustoike kak osnovanie dlya ee snizheniya sudom [Disparity Nature of the Contractual Penalty Clause as a Basis for Its Reduction by the Court]. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, 2024, no. 5 (233), pp. 279–281.
9.Zimneva S.V., Luk'yanenko M.F. O vozmozhnosti primeneniya stat'i 333 Grazhdanskogo kodeksa RF k mirovomu soglasheniyu: «dvoinoe» osvobozhdenie ot otvetstvennosti ili obespechenie balansa interesov storon [On the Possibility of Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to a Settlement Agreement: "Double" Exemption from Liability or Ensuring a Balance of Interests of the Parties]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2025, no. 3 (172), pp. 114–123.
10. Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 28.04.2026 № 5-KG26-28-K2 [Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.04.2026 No. 5-KG26-28-K2]. Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii.
11. Opredelenie Sudebnoi kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 11.06.2026 № 308-ES25-14836 po delu № A53-10244/2025 [Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.06.2026 No. 308-ES25-14836 in Case No. A53-10244/2025]. Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. Available
12. Ivannikov I.A. Primenenie stat'i 333 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii k dogovornym shtrafam v elektronnoi kommertsii [Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation to Contractual Penalties in Electronic Commerce]. Zakon i vlast', 2025, no. 6, pp. 72–76.
13. Eremina V.I. Osnovaniya snizheniya neustoiki sudom (st. 333 GK RF) [Grounds for Reduction of Penalty by the Court (Article 333 of the Civil Code of the RF]. Vestnik nauki, 2019, no. 12 (21), pp. 135–141.
14. Baikalov A.A., Podshivalova O.A. Sudebnaya praktika po voprosu umen'sheniya neustoiki po stat'e 333 GK RF [Judicial Practice on the Reduction of Penalty under Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation]. Ekonomika i sotsium, 2023, no. 7-2 (110), pp. 134–136.
15. Simirnyak K.E. Neustoika: problemy pravovoi prirody i ispol'zovaniya v dogovornykh otnosheniyakh v svete reformy grazhdanskogo zakonodatel'stva [Penalty: Problems of Legal Nature and Use in Contractual Relations in Light of the Reform of Civil Legislation]. Vestnik magistratury, 2023, no. 9-1 (144), pp. 55–57

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 377 - 383.

УДК 342.81

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сильванович Ю. Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье проведено исследование фундаментальной коллизии, сформировавшейся в связи с функционированием института гражданско-правовой защиты права интеллектуальной собственности и конституционного права избирать и быть избранным, а также соотношения между ними. Автором рассмотрена проблематика использования механизма охраны авторских и смежных с ними прав в качестве инструмента политического противодействия с целью последующего возможного ограничения пассивного избирательного права, выражающегося в отмене регистрации кандидата либо целого списка кандидатов. Отдельное внимание уделено анализу норм действующего законодательства и судебной практики, включая позиции Конституционного и Верховного судов РФ. На основании последних автором обоснована необходимость в трансформации действующих механизмов правового реагирования. В работе предлагается ввести четко регламентированные критерии (показатели) пропорциональности ограничений, такие как: существенность нарушения, реальность ущерба, цель использования объекта интеллектуальной собственности и субъект обращения. На основании выделенных критериев предложено внести изменения в п. 1.1. ст. 56 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в части формирования допустимого баланса между интересами правообладателей и участниками избирательного процесса. Проведен анализ внесенного в августе 2026 г. в Государственную Думу РФ Законопроекта № 1319189-8 «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и сформулированы выводы касательно преимуществ и недостатков данной законодательной инициативы.

Ключевые слова: избирательный процесс, право интеллектуальной собственности, информационное обеспечение, конституционно-правовая ответственность, гражданско-правовая ответственность, предвыборная агитация, избирательное объединение, кандидат, злоупотребление правом.

Информационная обеспеченность является одной из фундаментальных составляющих избирательного процесса: именно благодаря ей напрямую определяется качество реализации активного и пассивного избирательного права, легитимность итогов голосования и уровень доверия общества к институту выборов в целом. В этой связи институт предвыборной агитации, как центральный элемент механизма приобретения поддержки и, как результат, голосов со стороны избирателей, наиболее полно обеспечивает реализацию конституционного права граждан на участие в управлении делами государства. Несмотря на это агитационная деятельность, как показывает современная практика, одновременно является и, в значительной мере, конфликтообразующей стадией, поскольку, исходя из своего целевого назначения и содержания неизбежно сопряжена с использованием результатов интеллектуальной деятельности, как, например, фотографий, товарных знаков, шрифтов и иных охраняемых законом объектов. Наиболее полно данную проблематику возможным отразить в противостоянии принципов свободной политической коммуникации и исключительности прав авторов и правообладателей. Первый из них, призванный обеспечить функционирование демократического политического процесса в целом посредством коммуникации и последующим формированием общественного мнения, напрямую затрагивает институциональную инфраструктуру, в рамках которой используются объекты интеллектуального права. Второй – устанавливает исключительные права и барьеры, ограничивающие возможности использования авторского контента. В результате, на наш взгляд, возникает несколько парадоксальная ситуация: гражданско-правовой инструмент защиты интеллектуального труда может быть истолкован как противопоставляемый механизму реализации конституционных прав граждан, что естественно требует своевременного реагирования и обуславливает актуальность настоящего исследования.

В подтверждение выдвинутой позиции обратим внимание на сравнительно ранние и, при этом, действующие на сегодняшний день изменения, коснувшиеся некоторых положений Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67), в частности – в отношении ограничений при проведении предвыборной агитации. Речь идет о п. 1.1. ст. 56 ФЗ № 67, в соответствии с которым: «При проведении предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума не допускается злоупотребление свободой массовой информации в иных, чем указанные в п. 1 настоящей статьи, формах. Запрещается агитация, нарушающая законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности» [1]. Несоблюдение указанного запрета влечет за собой ряд негативных последствий: помимо возможной гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности в анализируемом случае зачастую и преимущественно применима такая мера конституционной ответственности, как отмена судом регистрации кандидата или списка кандидатов по заявлению зарегистрировавшей кандидата избирательной комиссии (предусмотрена п. д) ч. 7 и п. д) ч. 8 ст. 76 ст. ФЗ № 67 соответственно), что обуславливает статус указанной нормы в качестве одной из наиболее строгих механизмов избирательно-правовой ответственности.

Проблематика соотношения исключительных прав и свобод с институтом предвыборной агитации имеет ярко выраженное конституционно-правовое измерение: с одной стороны, ст. 44 Конституции РФ гарантирует каждому свободу литературного, художественного, и иных видов творчества, а также охрану интеллектуальной собственности законом. С другой стороны – ст. 32 Конституции РФ, закрепляющая право граждан избирать и быть избранными [2], что предполагает создание эффективных гарантий для свободного формирования политической воли избирателей. Поскольку КС РФ в рамках своих правовых позиций (в частности, в положениях Постановления КС РФ от 16.06.2006 № 7-П [3]) подчеркивает, что процедурные ограничения в аспекте предвыборной агитации должны быть соразмерны конституционно значимым целям и не могут приводить к необоснованному ограничению пассивного избирательного права, в контексте анализируемой проблематики наблюдается необходимость в анализе и оценке применимости принципа пропорциональности в случаях вменения такой санкции, как отмена регистрации кандидата, за нарушение интеллектуальных прав, не причинившее существенного ущерба правообладателю. Показательным является формулировка в ранее приведенном положений ФЗ № 67 в части отсутствия конкретизации в том, какие именно последствия должны наступать для правообладателя. Последнее оставляет пространство для законодательного усмотрения при определении оптимальной модели правового реагирования.

Исходя из изложенного и основываясь на Постановлении № 7-П, считаем возможным предложить выделить несколько критериев пропорциональности, которые позволяли бы отграничивать нарушения, влекущие отмену регистрации кандидатов, от нарушений, подлежащих иным мерам правового реагирования: 1) критерий существенности (использование охраняемого объекта должно составлять сущностную характеристику агитационного материала, а не носить вспомогательный, т.н. «фоновый» характер. Подобная информационная ценность объекта различима в двух ее ролевых аспектах: либо при использовании для передачи политически значимого сообщения замена такого объекта на аналогичный не изменила бы содержания материала (вспомогательное использование), либо объект сам по себе является носителем агитационного смысла и его несанкционированное использование может рассматриваться как существенное нарушение); 2) критерий реальности ущерба (нарушение должно причинять правообладателю действительный вред либо соответствовать принципу достаточности к тому, что данный вред в скором времени наступит); 3) критерий цели использования (наличие взаимосвязи и заинтересованности в итогах выборов, на которые способен оказать положительное влияние используемый

«спорный» агитационный материал); 4) критерий субъекта обращения (заявление правообладателя должно обладать приоритетом по отношению к заявлениям политических оппонентов, поскольку именно правообладатель способен наиболее адекватно оценить характер и степень нарушения).

Повышенный интерес данная область исследований вызывает сопоставимо с имеющейся судебной практикой, которая проявляет некоторые признаки постепенного перехода от формального подхода к общей оценке роли объекта интеллектуальной собственности в агитационном процессе к манипулятивному инструменту влияния, зачастую безотносимо к критериям существенности нарушения и соразмерности применяемых за него санкций. В целях подтверждения озвученной позиции и наглядного иллюстрирования происходящих процессов приведем примеры из судебной практики. Так, в 2014 г. решением Коношского райсуда прекращен спор в отношении нашумевшего вопроса о необходимости защиты интеллектуальной собственности. Суд рассмотрел, являются ли баннеры кандидата на должность главы муниципального образования с надписью «За Кринина!» нарушением законодательства об интеллектуальной собственности, в частности, прав на товарный знак компании «Nike» в связи с тем, что стилизованное подчеркивание в данном слогане предположительно могло быть признано сходным до степени смешения с известным логотипом «Nike». Однако, поскольку суду удалось установить, что данные элементы все же отличимы между собой, в том числе, по форме и изгибу, то надпись не может быть признана как вызывающая ассоциации с «Nike», в связи с чем нарушение исключительных прав на товарный знак усмотрено не было. Отметим, что инициатором обращения являлся иной кандидат на должность главы муниципального образования «Коношское» – Мальцев Н.И. [4].

В 2024 г. кандидат в депутаты Городской Думы г. Таганрога потребовал отменить регистрацию своего соперника по одномандатному округу в связи с тем, что последний на своей странице во «ВКонтакте» разместил агитационный материал в виде отчета перед избирателями, в котором был использован логотип ростовской губернаторской программы «Сделаем вместе!» без согласия автора. По мнению истца, это прямо нарушает п. 1.1 ст. 56 ФЗ №67-ФЗ, который запрещает агитацию, нарушающую законодательство РФ об интеллектуальной собственности. Суд, признав публикацию агитационным материалом, усмотрел нарушение законодательства об интеллектуальной собственности и отменил регистрацию данного кандидата [5].

И, наконец, один из последних и актуальных примеров судебных споров в анализируемой части – август 2026 г.: ВС РФ, в том числе на основании п. 1.1 ст. 56 Федерального закона № 67 отменил регистрацию федерального списка партии «Яблоко», признав допущенные ею нарушения законодательства об интеллектуальной собственности в ходе осуществления ими предвыборной агитации. Инициатором обращения в суд выступила партия «Родина». В ходе разбирательства суд установил, что в агитационных материалах «Яблока» без согласия правообладателей были использованы такие охраняемые объекты, как строка из песни «Пусть всегда будет солнце», изображения публичных лиц и др. Суд, квалифицировав данные материалы как агитационные, указал, что отсутствие разрешения правообладателя само по себе образует нарушение, независимо от того, причинен ли правообладателю реальный ущерб [6]. Отметим, однако, что в вышеприведенном примере спор касательно права интеллектуальной собственности не является единственно определяющим фактором принятого решения, а лишь иллюстрирует одно из допущенных нарушений, которые, не представляют интереса в контексте настоящей темы исследования.

В целях всестороннего анализа имеющегося и приведенного опыта и видения законодателя обратимся к вопросу правовой природы и сущности запрета агитации, нарушающей законодательство об интеллектуальной собственности. Так, исходя из официальной позиции Пленума ВС РФ, норму п. 1.1 ст. 56 Федерального закона № 67 следует считать одной из наглядных примеров конституционно-правового деликта, в котором нарушение частноправовых по своей природе исключительных прав

влечет применение публично-правовых санкций. В соответствии с положениями п. 35 Постановления Пленума ВС РФ от 31.03.2011 г. № 5, при применении данной нормы судам следует учитывать, что «с 1 января 2008 года отношения в сфере интеллектуальной собственности регулируются частью четвертой Гражданского кодекса РФ. Несоблюдение требований, установленных частью четвертой ГК РФ, … должно квалифицироваться судами как нарушение законодательства об интеллектуальной собственности» [7]. При этом также ВС РФ установил важное процессуальное ограничение: сам факт нарушения законодательства об интеллектуальной собственности при изготовлении агитационного материала, который в последующем не был использован при проведении агитации, не является поводом для отказа в регистрации кандидата/списка кандидатов или отмены регистрации. Таким образом Суд установил, что имеет непосредственное юридическое значение при квалификации содеянного, т.е. – фактическое использование такого спорного материала в агитационной кампании.

Дальнейшее развитие положения Постановления от 31.03.2011 г. № 5 получили в практической плоскости, в особенности – в отношении вопроса категорийности агитационных материалов на предмет их разрешенного использования. Отчасти повышенное внимание на сегодняшний день также объясняется возникшей смежной с ранее исследуемой проблематикой: использованием возможностей искусственного интеллекта при создании данных материалов.

Тот же ВС РФ в тематическом обзоре от 25.03.2026 № 3А/2026 в отношении вопросов, связанных с предвыборной агитацией, заключил две фундаментальные позиции: во-первых, возможность использования изображений людей в агитационных материалах допускается только в отношении самого кандидата (включая кандидатов среди неопределенного круга лиц). Любые другие изображения физических лиц, включая несовершеннолетних, а также иные изображения, созданные с помощью компьютерных технологий, запрещены. Уже упомянутый ранее пример из судебной практики, касающийся отстранения партии «Яблоко» от участия в выборах, также подтверждает озвученную позицию: ВС РФ при принятии решения обратил внимание на такое нарушение со стороны кандидатов, как использование в качестве агитационного материала сгенерированного искусственным интеллектом (ChatGPT) изображения двух поездов в условиях отсутствия согласия на его размещение правообладателя (которым является компания OpenAI), поскольку ГК РФ относит программы для ЭВМ к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности.

Во-вторых, использование в агитационных материалах охраняемых объектов (в качестве примера были приведены изображение контура карты республики и национальный орнамент) без согласия правообладателя является основанием для отмены регистрации кандидата [8]. При этом ссылка на то, что такие элементы занимают незначительную часть материала, отклоняется, если они образуют его центральный самостоятельный объект, а бремя доказывания правомерности такого использования возлагается на кандидата.

Подводя промежуточный итог полученным результатам анализа правоприменительной практики на предмет урегулированности места института интеллектуальной собственности в избирательном процессе, напрашиваются следующие выводы. Во-первых, представляется, что обозначенные коллизии не могут быть объяснимы сугубо их отраслевым противоречием ввиду тесного взаимодействия конституционного (в частности, избирательного) и гражданского права. Институт отмены регистрации за нарушение интеллектуальных прав в данном случае выступает, скорее, точкой пересечения таких автономных правовых режимов, как режим политических прав, исключительных прав и режим конституционно-правовой ответственности. А, поскольку в отношении каждого из них применим уже упоминаемый нами ранее механизм пропорционального ограничения, спорная норма п. 1.1 ст. 56 ФЗа № 67 формирует эту непосредственную взаимосвязь.

Во-вторых, в нашем понимании, наблюдается некоторая структурная особенность самой анализируемой нормы (п. 1.1 ст. 56 ФЗ № 67), а именно – ее бланкетный характер. Последняя в наиболее общем виде отсылает к положениям законодательства об интеллектуальной собственности. Видится, что бланкетность в данном случае является скорее недостатком, поскольку она не позволяет предметно определить ни критериев существенности нарушения, ни характера охраняемого объекта, ни объема и сущности последствий для правообладателя. Отчасти именно поэтому и формируется подобная неоднородность в имеющейся судебной практике.

Основываясь на двух вышеприведенных особенностях, обратим внимание на наиболее неоднозначный «индикатор» практической применимости п. 1.1 ст. 56 ФЗ № 67. Стоит отметить, что, как уже стало очевидным ранее, по указанному основанию наиболее часто инициатором обращения в судебные органы власти с вопросом касательно возможности отмены регистрации соответствующего кандидата выступает не сам правообладатель, а конкурирующий с таким «нарушителем» кандидат или избирательное объединение. Поскольку, как видится, законодателем при разработке и принятии ФЗ № 67 в анализируемой части в качестве объекта правовой защиты закладывался, в первую очередь, частноправовой интерес правообладателя, на практике, к сожалению, данный ценностный ориентир подменяется политическим интересом. Как результат, санкция правовой нормы утрачивает столь значимую восстановительную функцию, приобретая характер инструмента манипулятивного реагирования для оппонентов.

Обозначенная проблематика обуславливает возможность формулирования нескольких предложений, направленных на совершенствование текущих вопросов правового регулирования. Среди наиболее очевидных и, что немаловажно, поддерживаемых представителями законодательного органа власти РФ – полное исключение нарушения авторских прав из числа оснований для отмены регистрации кандидата с сохранением за правообладателями возможности защиты своих прав в гражданско-правовом порядке. Так, речь идет о внесенном в августе 2026 г. в Государственную Думу РФ Законопроекте № 1319189-8 «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Законопроект № 1319189-8). Инициаторами Законопроекта № 1319189-8 являются депутаты – представители Коммунистической партии РФ В.П. Исаков, А.В. Куринный, Д.А. Парфенов, С.П. Обухов, которые в пояснительной записке указали, что «целью введения в действие данной нормы была защита прав и законных интересов правообладателей интеллектуальной собственности … Однако большинство случаев отмены регистрации кандидатов или списков кандидатов … были совершены по заявлению не правообладателей объектов интеллектуальной собственности, а их оппонентов, что свидетельствует о злоупотреблении данной нормой» [9]. Помимо исключения п. 1.1 ст. 56 ФЗ № 67 эту же статью было предложено дополнить п. 10, по которому в случае нарушения законодательства об интеллектуальной собственности кандидатом или избирательным объединением правообладатель имеет право на защиту в порядке, предусмотренном действующим законодательством.

В целом следует отметить, что законодательная инициатива направлена на разграничение двух принципиально различных правовых режимов: с одной стороны, предлагается исключить интеллектуальные права из числа оснований для применения публично-правовой санкции в виде отмены регистрации кандидата, а с другой стороны – сохранить полноценный частноправовой механизм защиты интересов правообладателя. Выражая согласие с приведенной аргументацией позиции субъектов права законодательной инициативы, тем не менее, считаем, что сформулированное ими предложение представляется несколько чрезмерным, поскольку фактически полностью нивелирует достаточно эффективное средство правовой защиты в отношении случаев, когда использование охраняемых объектов носит явно недобросовестный характер и не только причиняет существенный ущерб правообладате-

лю, но и вводит избирателей в заблуждение. Исходя из чего, на наш взгляд, все же следует внести изменения в ст. 56 ФЗ № 67, однако в более сбалансированном аспекте, а именно: определить, что отмена регистрации как санкция правовой нормы сохраняется лишь в случае существенного нарушения, определяемого по совокупности критериев, предложенных нами ранее. При этом, было бы целесообразным закрепить процессуальное требование, согласно которому заявление об отмене регистрации по основанию, предусмотренному п. 1.1 ст. 56 ФЗ № 67, может быть подано установленным кругом лиц (в том числе и иными кандидатами и их доверенными лицами) при условии подтверждения правообладателем факта нарушения. Считаем, что подобная мера позволила бы, с одной стороны, сохранить публично-правовой механизм реагирования на наиболее опасные нарушения в сфере интеллектуальной собственности, а с другой – значительно минимизировать случаи использования спорной нормы как инструмента политического противостояния.

Таким образом, считаем, что проблема соотношения права интеллектуальной собственности и принципа свободы предвыборной агитации представляет собой фундаментальный вопрос о пределах конституционно-правовой ответственности и критериях соразмерности ограничения политических прав. В связи с чем и ее разрешение, в нашем видении, требует не полного исключения спорной нормы, а концептуального переосмысления оснований и форм ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в избирательном процессе.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 26.07.2026) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2006 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60952/
4. Решение № 2-461/14 от 04.09.2014 Коношского районного суда (Архангельская область). – URL: https://stgkrf.ru/reshenie-2-46114-ot-04-09-2014-konoshskogo-rajonnogo-suda-arxangelskaya-
5. Решение № 2А-5339/2024 2А-5339/2024~М-4699/2024 М-4699/2024 от 28 августа 2024 г. по делу № 2А-5339/2024. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/hSIQhAAnhKgj/?ysclid=muv3jm57ij964382884
6. Верховный суд снял партию «Яблоко» с выборов в Госдуму. – URL: https://www.kp.ru/daily/277805/5288120/?ysclid=muv6jcbhhm504471042
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 марта 2011 г. № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100692/?ysclid=muv73i2v9867827256
8. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 2/2026. О рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2026 N 3А/2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530087/22d234112b94c2b0153b7bba5eeaf4f802c60da
9. Законопроект № 1319189-8 «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1319189-8?ysclid=mv6ri1m9no255281040

Silvanovich Yu.N. Intellectual property in the electoral process: directions of transformation of legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 376-383.

This article examines the fundamental conflict that has arisen in connection with the functioning of the institution of civil protection of intellectual property rights and the constitutional right to vote and be elected, as well as the relationship between them. The author examines the problematic use of the mechanism for protecting copyright and related rights as a tool of political counteraction aimed at the subsequent possible restriction of passive electoral rights, expressed in the deregistration of a candidate or an entire list of candidates. Special attention is given to the analysis of current legislation and judicial practice, including the positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. Based on the latter, the author substantiates the need to transform existing legal response mechanisms. The paper proposes the introduction of clearly defined criteria (indicators) for the proportionality of restrictions, such as: the materiality of the infringement, the actual damage, the purpose of using the intellectual property, and the subject of the appeal. Based on the identified

criteria, amendments to paragraph 1.1 are proposed. Article 56 of Federal Law No. 67-FZ "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation" in terms of creating an acceptable balance between the interests of rights holders and participants in the electoral process. In this regard, an analysis was also conducted of Bill No. 1319189-8 "On Amendments to Article 56 of the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation," submitted to the State Duma of the Russian Federation in August 2026, and conclusions were drawn regarding the advantages and disadvantages of this legislative initiative.

Keywords: electoral process, intellectual property law, information support, constitutional liability, civil liability, election campaigning, electoral association, candidate, abuse of rights.

Spisok literatury:

1. Federal`ny`j zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ (red. ot 26.07.2026) «Ob osnovny`x garantiyax izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020).
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.06.2006 № 7-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij statej 48, 51, 52, 54, 58 i 59 Federal`nogo zakona Ob osnovny`x garantiyax izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Gosudarstvennoj Dumy` Astraxanskoj oblasti». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60952/
4. Reshenie № 2-461/14 ot 04.09.2014 Konoshskogo rajonnogo suda (Arxangel`skaya oblast`). – URL: https://stgkrf.ru/reshenie-2-46114-ot-04-09-2014-konoshskogo-rajonnogo-suda-arxangelskaya-
5. Reshenie № 2A-5339/2024 2A-5339/2024~M-4699/2024 M-4699/2024 ot 28 avgusta 2024 g. po delu № 2A-5339/2024. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/hSIQhAAnhKgj/?ysclid=muv3jm57ij964382884
6. Verxovny`j sud snyal partiyu «Yabloko» s vy`borov v Gosdumu. – URL: https://www.kp.ru/daily/277805/5288120/?ysclid=muv6jcbhhm504471042
7. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 31 marta 2011 g. № 5 «O praktike rassmotreniya sudami del o zashhite izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100692/?ysclid=muv73i2v9867827256
8. Tematicheskij obzor Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 2/2026. O rassmotrenii sudami administrativny`x del o zashhite izbiratel`ny`x prav (utv. Postanovleniem Prezidiuma Verxovnogo Suda RF ot 25.03.2026 N 3A/2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530087/22d234112b94c2b0153b7bba5eeaf4f802c60da
9. Zakonoproekt № 1319189-8 «O vnesenii izmenenij v stat`yu 56 Federal`nogo zakona «Ob osnovny`x garantiyax izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1319189-8?ysclid=mv6ri1m9no255281040

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 384-398.

УДК 340

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Суязов А. Е.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В статье исследуются исключительные правовые режимы в частном праве Российской империи во второй половине XIX в. Раскрывается содержание категории исключительного правового режима, под которым понимается специальный порядок правового регулирования, представляющий собой отклонение от общего правового порядка и формируемый сочетанием ограничительных, стимулирующих, охранительных и компенсаторных юридических средств. Цель исследования состоит в выявлении особенностей формирования и функционирования таких режимов в условиях пореформенной трансформации российского общества и законодательства. На основе анализа нормативных правовых актов Российской империи рассмотрены исключительные режимы в фабрично-трудовом, вещном, земельном и обязательственном праве. Особое внимание уделено правовой охране труда малолетних, несовершеннолетних и женщин, режимам крестьянского землепользования и выкупной операции, заповедным и временно-заповедным имениям, защитным лесам, ограничениям оборотоспособности земельных имуществ, противодействию ростовщичеству и валютному режиму внутренних денежных обязательств. Сделан вывод, что исключительные правовые режимы выступали гибким инструментом правовой политики, обеспечивавшим дифференцированное регулирование частноправовых отношений и согласование частных, публичных, сословных, экономических и социальных интересов.

Ключевые слова: правовой режим; исключительный правовой режим; частное право; правовое регулирование; фабричное законодательство; земельное право; вещное право; обязательственное право; крестьянская реформа; ростовщичество.

Для понимания особенностей исключительных правовых режимов (далее - ИПР) в частном праве необходимо первоначально обратиться к более общей категории правового режима. В отечественной юриспруденции сформировались разные подходы к содержанию этого понятия. Так, в соответствии с одним из подходов, правовой режим рассматривается как результат регулирующего воздействия на общественные отношения посредством использования юридических средств, присущих определенной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование соответствующего комплекса общественных отношений [1, с. 123]. В рамках иного подхода правовой режим понимается как особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании специфических юридических средств и создающий конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [2, с. 16]. Представляется, что при исследовании правовых режимов в частном праве более обоснованно исходить из второго подхода, поскольку он позволяет учитывать не только результат юридического воздействия, но и внутреннюю организацию самого правового регулирования.

Под ИПР следует понимать специальный порядок правового регулирования, отклоняющийся от общего нормативного состояния соответствующей сферы общественных отношений и формируемый посредством совокупности юридических средств стимулирующей, ограничивающей, охранительной или компенсаторной направленности [3, с. 24]. В современной правовой доктрине закрепилась точка зрения, в соответствии с которой ИПР не существует изолированно от общего правового режима, он всегда возникает как его модификация, конкретизация или правовое изъятие, исключение из общего правила [4, с. 19].

Необходимость такого исключения детерминирована многообразием общественных отношений и конкретных жизненных ситуаций и нацелена на достижение социально значимых целей. Необходимо оговориться, что в рамках историко-правового исследования необходимо учитывать не только исторические условия формирования правовых режимов, но и правила юридической техники, используемые законодателем. В этой связи следует учитывать, что в исследуемый период

правила формирования правовых исключений отличались от правил современной юридической техники. Особенность заключается в том, что нет четко обозначенного содержания общего правила и само исключение не обозначается законодателем как таковое. Таким образом, правовая норма или их совокупность имплицитно содержат и общий и исключительный порядок регулирования общественных отношений. ИПР используется тогда, когда общий режим оказывается недостаточным для эффективного регулирования общественных отношений и требуется более точная настройка правового воздействия. Это воздействие может заключаться как в создании для субъекта более благоприятных условий, так и в установлении ограничений. В этом состоит двойственная природа ИПР - он может выполнять одновременно стимулирующую и ограничительную функции. Таким образом, к числу основных признаков исключительного правового режима, следует отнести следующие.

Во-первых, ИПР всегда представляет собой отклонение от общего порядка правового регулирования. Во-вторых, ИПР формируется с помощью сочетания правовых средств как ограничительного, так и стимулирующего характера. К ним относятся правовые ограничения, запреты, позитивные обязанности, привилегии, льготы, иммунитеты, юридические гарантии [5, с. 113]. В-третьих, ИПР всегда имеет определенную направленность на удовлетворение социально значимых целей, носящих охранительный, стимулирующий, стабилизирующий или иной характер**.** Кроме того, можно выделить еще ряд отличительных признаков ИПР, которые меняют правовое положение субъекта. Так, ИПР направлен на дифференциацию правового статуса путем установления мер как более благоприятного характера, таких как привилегий, льгот, иммунитетов, так и мер ограничивающего характера, таких как установление специальной ответственности, повышенного контроля, правовых ограничений [6, с. 1799]. Т.е., ИПР следует рассматривать как специальную правовую конструкцию, в которой посредством особого сочетания юридических средств обеспечивается дифференцированное регулирование тех общественных отношений, которые по своим характеристикам не могут быть адекватно урегулированы в рамках общего правового порядка. Для целей настоящего исследования необходимо определить специфические свойства ИПР в частном праве.

Различия ИПР в частном и публичном праве связаны с методом правового регулирования. В частном праве ИПР формируются на основе диспозитивного метода, хотя и ограничивают его в определенных границах. Они возникают внутри сферы частной автономии и потому обычно направлены на коррекцию, ограничение либо специальную модификацию этой автономии. В публичном праве ИПР строятся на императивном методе. Они изначально предполагают властное предписание, субординацию и более выраженный элемент публичного интереса [2, с. 16].

В отличие от публичного права, в котором исключительные правовые режимы формируются преимущественно с помощью правовых средств ограничивающей направленности, в частноправовой сфере используются как ограничения, так и средства стимулирующей направленности. К ним относятся льготы, привилегии, специальные правила заключения, исполнения или прекращения обязательств, особые режимы правоспособности и правового статуса. Так, привилегия, имущественный иммунитет, особый режим правовой охраны объекта интеллектуальной или промышленной собственности, льготный порядок приобретения имущества создают для субъекта более благоприятное положение по сравнению с общим режимом.

Еще одним отличием специальных правовых режимов в частном праве является их целевая направленность. Если ИПР в публичном праве направлены на защиту публичного интереса, то в частном праве они ориентированы на обеспечение баланса частных интересов, стабилизацию гражданского оборота, стимулирование определенных форм экономической деятельности, сохранение специальных имущественных состояний. При этом следует учитывать, что отличия ИПР в частном и публичном праве нельзя абсолютизировать, поскольку они находятся во взаимодействии вследствие пересечения публичных и частных интересов.

Особенно это заметно в исторической ретроспективе правовых отношений в Российской империи, где частноправовые институты собственности, брака, наследования и труда постоянно испытывали влияние публичных интересов, а законодатель через специальные правовые режимы обеспечивал баланс частных и государственных задач. При этом частноправовой исключительный режим сохраняет свои отличительные черты, действуя внутри сферы частного права, поскольку направлен на регулирование правового положения частных лиц и трансформацию частноправового порядка. Как, для понимания сущности правовых режимов следует исходить из их целевой направленности, которая определяется целями и задачами, которые ставит перед собой законодатель. Частноправовые режимы в Российской империи во второй половине XIX в. формировались в условиях глубоких социально-экономических и государственно-правовых преобразований. Крестьянская реформа, развитие фабрично-заводской промышленности, усиление товарно-денежных отношений, усложнение кредитного оборота и постепенное оформление прав на результаты промышленной деятельности обусловили существенное изменение структуры частноправового регулирования. Законодательство второй половины XIX в. содержит многообразие специальных правовых порядков, которые можно рассматривать как ИПР, хотя законодателем они не обозначались как таковые. При этом, такие режимы обладают рядом специфических признаков, которые позволяют нам отнести их к ИПР: эти режимы основаны на отклонении от общего правила, адресованы определенной группе субъектов частного права, либо касаются объектов частноправовых отношений, строятся на сочетании ограничений и стимулирующих средств, создают для участников правоотношений определенную степень благоприятности или неблагоприятности, направлены на достижение значимой цели. ИПР во второй половине XIX в. применялись законодателем в вещном, обязательственном, семейном, наследственном, земельном, трудовом праве. В каждой из отраслей права ИПР режимы имели свои особенности, обусловленные переходным характером правоотношений в период реформ, трансформацией сословного строя, появлением новых правоотношений в частноправовой сфере.

Наиболее ярко правовые свойства ИПР в исследуемый период проявляются в фабрично-трудовом законодательстве как более новой сфере правового регулирования. В дореформенный период правовые отношения между работодателем и работником определялись условиями договора личного найма, устанавливаемыми владельцем предприятия, а также крепостным и принудительным характером крестьянского труда. Несмотря на первые попытки законодателя урегулировать отношения между субъектами трудовых правоотношений, предпринятые в 1830-1840 гг., трудовое законодательство этого периода не носило общего характера. Рост фабрично-заводского производства, распространение длительного рабочего дня, массовое использование женского и детского труда, а также усиление социальных конфликтов обусловили необходимость специального государственного вмешательства в частноправовую сферу найма во второй половине XIX в. С принятия в 1882 г. Положения «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» законодатель начинает активно формировать ИПР в отношении определенных категорий работников, ограничивая автономию работодателя [7]. Т.е., законодатель в конструкцию частноправовых отношений включил специальные пределы и запреты, создавая охранительный ИПР для малолетних работников.

В соответствии с данным актом не допускались к работам дети до 12 лет. Также законодатель ограничивал возможности работодателя в привлечении к труду малолетних старше 12 лет. Закон предусматривал, что «малолетние в возрасте от 12 до 15 лет не могут быть занимаемы работой более 8 ч. в сутки, не включая времени, потребного на завтрак, обед, ужин, посещение школы и на отдых. При этом работа не должна продолжаться долее 4 ч. подряд [7]. Кроме того, лица, не достигшие 15 лет, не могли быть занимаемы работой «между 9 часами вечера и 5 часами утра, а

также в воскресные и высокоторжественные дни» [7]. Таким образом, в отношении детей общий порядок использования рабочей силы заменялся специальным, более благоприятным режимом, заключающемся в установлении возрастного ценза для допуска к труду, установлении сокращенной продолжительности рабочего времени, обязательных перерывов, запрета ночного труда, труда в воскресные и праздничные дни. При этом фактически рабочий день для взрослых мужчин составлял 12 ч., однако законодательно пределы рабочего времени не были определены [8, с. 99].

Несмотря на существующие пробелы в реализации данного правового акта, детерминированные тем, что не были четко определены функции фабричной инспекции [9, с. 130], основания и виды юридической ответственности, правовая конструкция ИПР выражена достаточно явно.

Следующим правовым актом в сфере трудового законодательства стал закон от 3 июня 1885 г. «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» [10]. По этому закону запрещалась ночная работа подростков, не достигших 17 лет, и женщин на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Режимная природа данного ИПР проявляется в том, что он является отступлением от общего порядка трудовых отношений, который не устанавливал пределы рабочего времени, учреждается в отношении определенных субъектов, носит благоприятный характер для данных субъектов – подростков и женщин, поскольку запрещает таким субъектам ночной труд, распространяется на конкретные сферы общественных отношений – определенные виды фабричного производства.

Данный режим позднее был подвергнут пересмотру, его охранительная природа претерпела изменения в сторону установления менее благоприятных условий для женщин и подростков. Закон от 24.04.1890 г. «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» сохранил ограничения для работодателей, но при этом вводились отраслевые исключения и административные разрешения, что также можно считать исключительным правовым режимом. Поэтому закон 1890 г. представлял собой не отказ от охраны труда, а переход к более дифференцированному режиму**.** В результате охранительная функция фабричного законодательства была ослаблена, а потребности производства получили больший вес при определении условий труда женщин и несовершеннолетних.

Закон сохранил общее правило о недопустимости фабричного труда детей, не достигших 12 лет. Для малолетних от 12 до 15 лет продолжало действовать ограничение рабочего времени, однако порядок его распределения стал более гибким. Так, допускалась непрерывная работа продолжительностью до 6 ч., если этим ограничивался весь день, в производствах, где это признавалось необходимым, допускалась работа общей продолжительностью до 9 ч., разделённая на 2 смены по 4,5 ч., в отдельных случаях ночное время определялось не как период с 9 вечера до 5 утра, а с 10 вечера до 4 ч. утра. В отношении женщин и подростков от 15 до 17 лет ночной труд допускался при усиленном поступлении заказов перед ярмарками, после продолжительной остановки предприятия, при авариях и иных чрезвычайных производственных обстоятельства [11]. Таким образом, данный нормативный правовой акт существенно смягчил ограничения для промышленников и ухудшил благоприятный режим в отношении льготных категорий работников, что является следствием поиска законодателем баланса между охранительными, социально значимыми публичными интересами и частными интересами предпринимателей.

Законом от 2.06.1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» впервые был установлен верхний предел рабочего дня для взрослых рабочих - 11,5 ч.**,** а в случае ночной работы, а также в предпраздничные дни - 10 ч. [12]. Интересно, что это общее правило ограничения рабочего времени в трудовом праве юридически

сформировалось позднее, чем исключительные правовые режимы для отдельных категорий работников. Такая ситуация носит объективный характер, поскольку установление правового исключения для отдельных категорий лиц политически было возможно осуществить ранее, чем создать универсальное правило.

Государство первоначально создавало охранительные ИПР в отношении наиболее уязвимых категорий, эксплуатация которых была наиболее очевидна и только со временем, когда рабочий вопрос становится не частной сферой, а публичной проблемой, законодатель идет на создание более благоприятного режима для огромной массы рабочих. Таким образом, трудовое законодательство во второй половине XIX в. развивалось от создания локальных исключительных режимов к созданию универсальной системы трудовых гарантий.

Помимо трудового права законодатель во второй половине XIX в. использовал исключительные правовые режимы для конституирования специальных правовых порядков в пореформенный период в вещном и земельном праве. Крестьянская реформа 1861 г. стала основанием для глобальной трансформации правоотношений в этой сфере. Однако эта трансформация не привела к формированию единого режима полной частной собственности на землю и недвижимость. Напротив, законодательство второй половины XIX в. демонстрирует сосуществование нескольких специальных правовых порядков, отличавшихся по субъектному составу, по происхождению имущества и по пределам распоряжения этим имуществом.

В дореформенный период основной особенностью вещного права была сословная дифференциация земельных прав. Дворяне обладали наиболее полным объемом прав на землю, включая возможность владеть населенными имениями. ИПР в отношении этой собственности заключался в распространении правомочий собственника не только на землю, но и на проживающих в имении крестьян. Таким образом, вещное право помещика в отношении имения создавало для помещика административные, полицейские, хозяйственные правомочия в отношении крестьян. ИПР режим в отношении земли с крестьянами, заключался в ограничении круга лиц, способных ее приобретать.

В Своде законов гражданских закреплялось дворянское имущество родовое и благоприобретенное [13]. В соответствии со ст. 397 благоприобретенным признавалось имущество выслуженное или пожалованное, приобретенное по сделкам «из чужого рода», проданное из рода постороннему лицу и впоследствии выкупленное обратно, приобретённое у родственника, для которого оно было благоприобретённым, полученное пережившим супругом в качестве установленной законом части, нажитое собственным трудом и промыслом. Все движимое имущество и денежный капитал считались благоприобретенным имуществом (ст. 398). К родовому имуществу относилось наследственное недвижимое имущество, имущество, поступившее от первого приобретателя по завещанию к родственнику, который и без завещания имел бы право наследовать их по закону, имущество, приобретённое у родственников, к которым оно ранее перешло по наследству из того же рода, здания и сооружения, возведённые владельцем на земле, полученной по наследству (ст. 399). Режим родового имущества имеет признаки ИПР, поскольку содержит ряд изъятий из общего порядка свободного распоряжения собственником своим имуществом.

В отношении дворянского родового имущества также мог устанавливаться режим заповедного наследственного имущества [14]. Режимность этого порядка заключалась в наличии специального объекта вещных прав – родовое или благоприобретенное имущество как имущественный комплекс, обладавший высоким имущественным цензом, а также в ограничении распоряжения таким имуществом как по субъектам, так и по пределам. Основанием для учреждения такого режима являлась воля Императора, напр., при пожаловании имения, либо инициатива частного владельца, но при обязательном Высочайшем утверждении. Целевое назначение данного режима в соответствии с Положением 1845 г. о заповедных наследственных зем-

лях состояло в сохранении хозяйственной целостности помещичьих имений и поддержании имущественного положения дворянского рода.

Важно отметить, что в отличие от общего порядка свободного распоряжения собственностью, для режима родового и заповедного имущества характерно ограничение автономии воли собственника для достижения конкретных целей, которые были нацелены не только на защиту частных интересов, но и имели публичный характер, поскольку государство было заинтересовано в сохранении экономической устойчивости знатных дворянских родов, являвшихся опорой власти.

Исключительный режим крестьянского землепользования заключался в том, что земля юридически принадлежала помещику, а крестьяне осуществляли пользование землей и несли за это повинности. При этом правомочием пользования землей наделся не отдельный крестьянин, а община, которая распределяла землю с учетом состава семей, обычаев, хозяйственной целесообразности. Таким образом, основными элементами конструкции ИПР крестьянского землепользования является ограниченный субъектный состав, поскольку пользователями земли выступали только крепостные крестьяне и их общины, к объектам такого землепользования относилась земля помещичьего землевладения, правомочия пользования определялись принадлежностью к крестьянскому сословию, личной и экономической зависимостью от помещика, а также принадлежностью к крестьянской общине. Рассмотренные правовые режимы в первой половине XIX в. выступали не только инструментом регулирования имущественных отношений, но и обеспечивали консервацию сословной структуры российского общества.

Во второй половине XIX в. вещное и земельное право Росси частично сохранили конструкции, сложившиеся в дореформенный период, но одновременно претерпели глубокую трансформацию под воздействием крестьянской реформы 1861 г., в связи с развитием товарно-денежных отношений и постепенного втягивания земли в общегражданский оборот. К указанным конструкциям в пореформенный период добавляются новые специальные земельные режимы, возникшие в результате реформы 1861 г. и последующего развития общинного землепользования, выкупной собственности и крестьянского земельного кредита.

При этом реформа не привела к немедленному включению бывших помещичьих крестьян в общий режим свободной частной собственности на землю. Напротив, законодатель создал многоступенчатую систему исключительных состояний и правовых форм, которая по своему существу и являлась системой исключительных режимов, составлявших переходный исключительный порядок землевладения и землепользования. Временнобязанное состояние крестьян, по реформе 1861 г., трансформировало режимную конструкцию крестьянского землепользования. Крестьяне получили личную свободу, но до выкупа продолжали состоять в земельной зависимости от помещика и продолжали платить повинности. Таким образом, новая конструкция исключала личную зависимость от помещика, лишала помещика административно-полицейских полномочий, повинности стали связывать не с личной зависимостью, а с предоставлением земли, собственником которой до выкупа оставался помещик, выкуп должен был преобразовать пользование в собственность. Этот переходный режим был установлен законодателем для осуществления постепенной трансформации помещичьей собственности и крестьянского землепользования.

Важным звеном трансформации режима крестьянского землепользования выступала выкупная сделка. Приобретение крестьянских наделов осуществлялось не по общим правилам, характерным для сделки купли-продажи недвижимости, а посредством специальной выкупной операции. Государство выплачивало помещику основную часть выкупной суммы, после чего крестьяне становились должниками казны и вносили выкупные платежи в течение длительного срока.

Выкупную сделку можно рассматривать как юридический факт в составе выкупного правого режима. Исключительные режимные свойства крестьянского выкупа проявляются в отхождении от общих частноправовых начал сделки купли-продажи,

поскольку данная сделка является элементом специально созданной законодателем частнопубличной процедуры и в ее основе лежит взаимосвязь нескольких изъятий: 1) в субъектный состав выкупной сделки помимо собственника земли – помещика и приобретателя надела – крестьянина, приписанного к сельскому обществу, входило государство, которое выплачивало помещику основную часть выкупной суммы, после чего взыскивало платежи с крестьян; 2) объектом выкупа являлась надельная земля, которая фиксировалась уставной грамотой в соответствии с Положением 1861 г.; 3) налицо ограничение автономии собственника, договорной свободы, поскольку существенные условии сделки (состав, размер надела, выкупная сумма) устанавливались императивно. Кроме того, добровольность вступления в сделку также была ограничена. Так, до выкупа крестьяне находились во временнообязанном состоянии, также законодательство допускало перевод на выкуп не только по соглашению, но и по требованию помещика, а с введением обязательного выкупа добровольность фактически устранялась. Еще одним ограничением индивидуальной воли крестьянина при заключении сделки являлось участие в ней сельского общества, которое принимало решение о выкупе. Важно отметить, что и после завершения сделки, земля сохраняла ограниченную оборотоспособность и крестьянин не мог отчуждать ее любому лицу, изменять общинную форму владения, свободно дробить участок и т.д. [15]. Законодатель также установил исключительный правовой режим пользования землей крестьянами в рамках осуществления крестьянской реформы при общинном землевладении. Земля принадлежала сельскому обществу, отдельный домохозяин имел производное право пользования предоставленным его участком. Пользование продолжалось от одного передела до другого и определялось решениями общины. Она же производила внутреннюю раскладку выкупных платежей, которые зависели от размера пользования.

Целью такого ИПР являлось сохранение крестьянской общины и сдерживание формирования индивидуальной земельной собственности, поскольку законодатель полагал, что распространение на надельную землю общего режима частной собственности является преждевременным и способно нарушить экономическую, социальную, фискальную устойчивость деревни. Общинный земельный режим должен был одновременно обеспечить экономическую устойчивость крестьянских хозяйств, предупредить быстрое обезземеливание населения и гарантировать поступление выкупных платежей и иных сборов.

Во второй половине XIX в. сохранялось разграничение дворянского родового и благоприобретённого имущества. Правовой режим родовых земель и заповедных наследственных имений практически сохранился в неизменном виде. В конце XIX в. возник новый режим временно-заповедных имений, учреждённый законом от 25 мая 1899 г. Он был рассчитан не только на крупнейшие аристократические владения, но и на среднее потомственное дворянство [16]. Временно-заповедное имение сохранялось в хозяйственной целостности, переходило преимущественно к одному наследнику, ограничивалось в отчуждении и разделе, в определённых случаях могло быть заложено в государственном кредитном учреждении. Режим обязательно устанавливался на заранее определённый срок.

Исключительный режим временно-заповедных земель являлся отражением политики стабилизации социальных отношений, поиска баланса между частным и публичным интересами. Правительство, ограничивая оборотоспособность имений, пыталось поддержать экономическую состоятельность среднего дворянства, предотвратить его разорение, однако в ряде случаев предусматривало отдельные исключения для решения финансовых проблем, разрешая закладывать такое имение в Государственном дворянском земельном банке. Гибкость режима подтверждается также его временным характером, т.к. абсолютное изъятие из гражданского оборота тормозило развитие экономических отношений. Новым объектом режимного регулирования в соответствии с Положением о сбережении лесов от 4.04.1888 г. стали леса, в том числе частновладельческие. Согласно ст. 1 действие Положения

распространялось на леса, принадлежавшие казне, удельному ведомству, различным учреждениям, обществам и частным лицам. Леса, безусловное сохранение которых признавалось необходимым для государственной или общественной пользы, подчинялись особым мерам сбережения и именовались защитными (ст. 3) [17].

К защитным лесам ст. 4 относила леса и кустарники, сдерживавшие распространение сыпучих песков, защищавшие города, селения, дороги, обрабатываемые земли и иные угодья от песчаных заносов, предохранявшие берега судоходных рек, каналов и водных источников от обрывов, размывов и повреждений ледоходом, а также произраставшие на горах, крутизнах и склонах, если они удерживали обвалы земли и скал либо препятствовали размыву почвы, образованию снежных обвалов и быстрых потоков [18]. После признания лесной дачи или её части защитной запрещалось обращать её почву в другой вид угодий. До утверждения плана лесохозяйства не разрешалась рубка растущего леса, хотя заготовка валежника и подсохших деревьев допускалась (ст. 6). Планами хозяйства в защитных лесах могли запрещаться сплошные рубки, корчевание пней и корней, пастьба скота, сбор лесной подстилки и другие побочные пользования, если они могли привести к истреблению или расстройству лесонасаждений (ст. 7). Непосредственное заведование охраной лесов возлагалось в каждой губернии и области на лесоохранительный комитет (ст. 24). К его полномочиям относились признание лесов защитными, утверждение планов хозяйства, разрешение перевода лесных площадей в другой вид угодий и пресечение опустошительных рубок (ст. 29). Процедура признания леса защитным предполагала заявление уполномоченных органов и исследование леса на месте чинами казённого лесного управления (ст. 30–31). Если лесовладелец или управляющие его лесом нарушали требования о режиме защитных, запреты на расчистку и опустошительные рубки либо утверждённый план хозяйства, на собственника возлагалась обязанность искусственно облесить неправильно вырубленные или расчищенные площади в срок, установленный лесоохранительным комитетом. При неисполнении этой обязанности облесение производилось за счёт лесовладельца (ст. 15). Таким образом, собственник сохранял титул на лес, но его правомочия пользования и распоряжения ограничивались в публичных интересах. На примере данного исключительного правового режима можно проследить как обеспечивается эффективность режима путем сочетания юридических средств ограничивающего и стимулирующего характера. Наряду с указанными выше ограничениями законодатель установил ряд правовых и экономических стимулов. Главным экономическим стимулом являлось освобождение от государственных и земских поземельных сборов всех лесов, признанных защитными (ст. 18). Существовала и натуральная помощь государственного стимулирования в виде отпуска древесных саженцев и семян из казенных лесничеств (ст. 22). Законодатель стимулировал не только собственника, но и лиц, непосредственно отвечавших за охрану и правильную эксплуатацию лесов - сторожа в частных лесах и крестьянских лесных наделах могли получать за усердную и продолжительную службу похвальные листы, медали, денежные награды (ст. 20).

Во второй половине XIX в. в западных губерниях действовали специальные ограничения на приобретение, аренду и управление земельными имениями, основанные на происхождении и вероисповедании субъектов. После восстания 1863–1864 гг. повелением «О воспрещении лицам польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти Западных губерниях и о предоставлении владельцам секвестрованных там имений права продать их в определённый для сего срок и на указанных основаниях» от 10.12.1865 г. лицам польского происхождения было запрещено вновь приобретать помещичьи имения в 9 западных губерниях, за исключением перехода имущества по наследству. Владельцам секвестрованных имений, высланным из края, предписывалось в установленный срок произвести их отчуждение лицам, обладавшим правоспособностью к приобретению соответствующей недвижимости [10]. Особо строгий режим распространялся на казённые и конфискованные земли, проданные на основании Высочайше

утверждённой Инструкции о порядке продажи казённых земель в Западных губерниях лицам русского происхождения, служащим в том крае или желающим там водвориться на постоянное жительство от 23.07.1865 г. По п. 26 Инструкции такие имущества не могли передаваться лицам польского происхождения и евреям посредством продажи, дарения, наследования или иным способом; запрещалась также передача имений этим лицам в залог, аренду или управление [19].

Ограничения что до евреев были дополнительно закреплены утверждённым 3 мая 1882 г. Положением Комитета министров «О порядке приведения в действие правил о евреях» [20]. П. 1 запрещал новое поселение евреев вне городов и местечек губерний постоянной оседлости, сохраняя исключение для существовавших земледельческих колоний. П. 2 приостанавливал совершение на имя евреев купчих крепостей и закладных, удостоверение арендных договоров на недвижимость вне городов и местечек, а также доверенностей на управление и распоряжение этой недвижимостью. П. 4 указанные ограничения применялись только в губерниях постоянной оседлости. Исключительность режимов, ограничивавших земельные права лиц польского происхождения и евреев во второй половине XIX в., проявлялась в следующих признаках: 1) сформирован на основе отступления от общих правил приобретения недвижимости, вместо общей гражданской правоспособности устанавливались запреты на приобретение земельных имений для специально выделенных категорий населения; 2) основан на изъятиях и ограничениях из субъектного состава, объекта регулирования, ограниченности территории его действия. Ограничение прав одних категорий населения сопровождалось стимулированием других. Так, казённые и конфискованные земли предоставлялись на льготных условиях лицам русского происхождения, служившим или желавшим поселиться в западных губерниях.

В отличие от предыдущих исключительных правовых режимов, сформировавшихся в вещном и земельном праве во второй половине XIX в., введение данного режима было обусловлено не социально – экономическими, а политическими причинами. Этот правовой режим устанавливался для изменения национального состава землевладельцев в западных губерниях. Во второй половине XIX в. также сохранялись особые исключительные режимы казенных земель, удельных имуществ, земель Кабинета Его ИВ, церковных и монастырских владений, казённых лесов, земель, предоставленных государственным учреждениям и обществам [21; 22; 23; 24; 25]. Исключительность этих режимов проявлялась, 1) в ограниченной оборотоспособности объектов. Отдельные и-ва не могли свободно продаваться, закладываться, завещаться или разделяться; 2) распоряжение ими осуществлялось в административно-разрешительном порядке; 3) управление землей было связано специальной компетенцией: орган мог совершать не любые действия, свойственные собственнику, а только действия, предусмотренные законом или ведомственным уставом; 4) соблюдение целевого назначения обеспечивалось государственным либо церковно-административным надзором. Таким образом, законодатель, устанавливая ИПР в вещном и земельном праве во второй половине XIX в., преследовал разные цели. С их помощью определены пределы частной собственности, регулировало включение земли в гражданский оборот, согласовывало частные, сословные и публичные интересы, решало социально-экономические, политические, природоохранные задачи. Государство не устраняло исключения, сложившиеся в первой половине XIX в., а модернизировало их и учреждало новые, связанные с изменениями общественных отношений. В пореформенный период учреждение исключительных правовых режимов направлено не на сохранение сословной дифференциации, а на осуществление реформ и частичную деконструкцию сословного строя.

Во второй половине XIX в. обязательственное право России основывалось на признании имущественной самостоятельности участников гражданского оборота и возможности сторон определять содержание возникавшего между ними

правоотношения посредством договора, но свобода договора не имела абсолютного характера: предмет и цель соглашения не должны были противоречить закону, благочинию и общественному порядку [13, ст. 1528-1530]. В дореволюционной цивилистике договор определялся как соглашение воли двух или нескольких лиц, направленное на установление, изменение или прекращение юридического отношения. При этом уже в самой конструкции договора предполагалось, что юридическое значение получает не всякое соглашение, а только соглашение, признаваемое и охраняемое правопорядком [26, с. 6].

Т.е., обязательственное право второй половины XIX в. нельзя рассматривать как сферу исключительно диспозитивного регулирования. В отношениях, имевших повышенное социальное и экономическое значение, законодатель ограничивал частное усмотрение сторон либо устанавливал специальные условия реализации договорной свободы. Наиболее отчётливо это проявлялось в регулировании займа, процентов, ростовщических сделок и валюты внутренних денежных обязательств. В отличие от исключительных режимов вещного и земельного права, в которых решающее значение нередко имели субъектный состав, происхождение имущества или его целевое назначение, исключительность в обязательственном праве преимущественно определялась содержанием обязательства, порядком его исполнения и пределами имущественного притязания кредитора.

Рассмотрим несколько ИПР в обязательственном праве в исследуемый период. Регулирование процентов в рамках договора займа претерпело смену моделей регулирования. Ст. 2020 Свода законов гражданских в ред. 1857 г. устанавливала 6% предел, предусматривая, что «заимодавцам дозволяется брать рост с капитала, отданного в долг, но не свыше шести процентов на сто в год, и запрещается постановлять, что на сей капитал проценты будут сложные, т.е. включать в заемное обязательство условие о платеже процентов на проценты» [13]. Ст. 2021 Свода в редакции 1857 г. устанавливала, что взимание роста в количестве свыше узаконенного 6% предела именуется лихвой. Ограничение лихвы имело общее значение для устойчивости имущественного оборота. Бесконтрольное увеличение задолженности могло приводить к разорению заёмщиков, утрате имущества и распространению неформального ростовщического кредита. К. П. Победоносцев, анализируя проблему законодательного ограничения процентов, связывал допустимость вмешательства государства в эту сферу с общественным и нравственным неприятием эксплуатации нужды заёмщика. Он указывал, что крайняя нужда заемщика дает капиталисту такое преимущество воли, которым он непременно пользуется к своей выгоде, предлагая заемщику наивыгоднейшие для себя и крайне отяготительные для него условия [27, с. 98]. Поэтому, с точки зрения законодателя, понятие лихвы обладало не только формально-юридическим, но и нравственно-правовым содержанием. Правовое регулирование лихвы отражало представление о том, что договорная свобода не должна обеспечивать правовую защиту явно несправедливого имущественного интереса.

Важным элементом конструкции данного исключительного режима является не столько общее ограничение размера %, сколько запрет на установление сложного процента, т.е. установление процента на процент. Ограничивая возможность начисления процентов на проценты, законодатель стремился не допустить превращения займа в механизм бесконтрольного роста задолженности. Т.е., право кредитора на получение дохода от предоставленного капитала признавалось, но его осуществление подчинялось императивным пределам. Стороны могли согласовать ставку лишь в рамках установленного максимума. Если проценты, причитавшиеся не менее чем за год, не были уплачены в установленный срок, стороны после наступления просрочки могли преобразовать их в самостоятельный долг посредством выдачи отдельного обязательства. На новый долг могли начисляться условные, а в случае просрочки — законные %. Последнее установление представляет собой не запрет, а специальное дозволение, улучшающее положение

кредитора. В 1879 г. максимальный размер договорных % был отменён, а определение ставки осуществлялось по соглашению сторон [28, ст. 2020].

Отмена правовой модели законного роста была связана с развитием капиталистических отношений и отражала позицию многих экономистов и правоведов. Как указывает К.П. Победоносцев, в 1879 г. в русском законодательстве восторжествовала господствующая доктрина о свободе роста: «главными к сему основаниями приняты известные начала экономической доктрины и неудобства от противоречия, в коем находятся у нас постановления о законном росте с частными уставами разных кредитных учреждений, а также с практикой» [27, с. 96]. Но уже в 1893 г. законодатель вновь усилил охранительное регулирование, установив ответственность за ростовщические действия [29]. Отмена максимального размера процентов способствовала распространению займов на крайне тяжёлых для должников условиях. Особенно остро проблема проявлялась в сельской местности и в периоды народной нужды. В материалах Госсовета ростовщичество характеризовалось как одно из наиболее серьёзных социальных зол, для борьбы с которым требовались действенные законодательные меры.

Закон от 24.05.1893 г. «О преследовании ростовщических действий» сформировал новый режим, принципиально отличавшийся от дореформенной модели лихвы. Законодатель более не возвращался к простому запрету всякого процента, превышавшего определённую ставку. Ростовщической признавалась ссуда капитала под чрезмерный процент или под обеспечение чрезмерной неустойки, если заёмщик вследствие стеснённых обстоятельств, известных заимодавцу, был вынужден принять условия ссуды, крайне обременительные или тягостные по своим последствиям, если лицо, занимавшееся предоставлением ссуд, скрывало чрезмерность роста посредством включения процентов в капитальную сумму, оформления их в качестве платы за хранение, неустойки или иным способом. Получаемая кредитором выгода не должна была выходить за пределы нормального вознаграждения за предоставленный капитал. Закон устанавливал, что рост, не превышавший 12 % годовых, не признавался чрезмерным. Однако 12% ставка не являлась абсолютным максимальным пределом, аналогичным прежним 6 %. Процент свыше 12 % создавал возможность признания роста чрезмерным, но сам по себе ещё не образовывал полного состава ростовщичества. Требовалось наличие тех обстоятельств, на которые мы указывали выше [30]. Особенностью данного правового режима являлось установление не только гражданско-правовой ответственности в виде применения последствий недействительности сделки, но и уголовно-правовой ответственности. За совершение ростовщических действий ст. 1707 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривала заключение в тюрьму на срок от 2-х месяцев до года и 4-х месяцев и, по усмотрению суда, денежное взыскание в размере до 300 руб. Если ростовщичество осуществлялось в виде промысла, виновный подвергался лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на жительство в одну из отдалённых губерний, кроме сибирских, либо тюремному заключению соответствующей степени. Для содержателей и служащих ссудных касс дополнительно устанавливалось пожизненное лишение права открывать такие кассы или служить в них [31].

Таким образом, мы видим, что введение, отмена, модернизация ИПР отражают правовую политику государства в частноправовой сфере, взаимосвязь частных и публичных интересов. Регулирование процентов в обязательственном праве Российской империи может быть охарактеризовано как исключительный правовой режим, то есть нормативно установленный особый порядок регулирования, основанный на специальном сочетании дозволений, запретов, позитивных обязанностей и иных юридических исключений и направленный на достижение социально значимого результата. Необходимость его учреждения определялась экономическим неравенством кредитора и должника, распространением

ростовщичества, угрозой долговой зависимости и публичным интересом в обеспечении устойчивости имущественного оборота. В результате исключительный правовой режим не устранял договорную свободу, а устанавливал её специальные пределы, согласуя частный интерес кредитора с защитой должника и публичными целями справедливости и стабильности гражданского оборота.

Еще одним примером исключительного правового режима в частном праве, который отражает влияние публичных интересов на частноправовые институты, является валютный режим внутренних денежных обязательств. По ст. 1540 Свода законов гражданских в ред. 1857 г. «все счеты, условия и вообще всякого рода сделки, как в делах казны с частными лицами и обратно частных лиц с казною, так и во всех вообще делах частных людей между собою производятся и совершаются единственно на серебряную монету. Ст. 2013 устанавливала, что «занимаемая сумма непременно должна быть определена Российскою монетою на серебро; счет же на иностранную монету во всех внутренних делах воспрещается» [13]. Эти нормы формировали специальный валютный режим внутренних денежных обязательств. Его исключительность заключалась в императивном ограничении автономии воли сторон, т.к. участники внутреннего оборота не могли по своему усмотрению определять сумму займа или иного обязательства в иностранной валюте, т.к. денежное выражение сделки подчинялось установленной государством расчётной единице. Денежное обязательство, таким образом, рассматривалось не только как частноправовая связь кредитора и должника, но и как элемент публичного денежного порядка. Т.о., валютный режим внутренних сделок представлял собой публично обусловленный исключительный правовой режим, при котором частный интерес сторон в выборе валюты обязательства уступал госинтересу в сохранении единства национальной денежной системы.

ИПР в обязательственном праве России не отменяли общих начал имущественной самостоятельности и договорной свободы, а осуществляли их дифференцированную настройку. Их введение, отмена и последующая модернизация отражали изменение государственной правовой политики и позволяли законодателю реагировать на социально-экономические последствия свободного гражданского оборота. Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что ИПР во второй половине XIX в. являлись одним из значимых инструментов регулирования частноправовых отношений в Российской империи. Под ИПР режимом следует понимать особый порядок правового регулирования, формируемый посредством совокупности правовых средств как стимулирующей, так и ограничивающей направленности посредством которых законодатель устанавливает специальный порядок регулирования отдельных общественных отношений. Установлено, что специфика ИПР в частном праве заключалась в их формировании внутри сферы имущественной самостоятельности и автономии воли участников правоотношений. Законодатель не устранял общие начала частного права, связанные со свободой договора, осуществлением права собственности, наследованием и распоряжением имуществом, но определял пределы их реализации либо устанавливал особые правовые возможности для отдельных субъектов, объектов и видов отношений. Поэтому ИПР в частноправовой сфере основывались не только на запретах и обязанностях, но и на льготах, привилегиях, имущественных иммунитетах, специальных дозволениях, правовых гарантиях и мерах госстимулирования.

ИПР во второй половине XIX в. представляли собой взаимосвязанную систему правовых средств, посредством которой законодатель осуществлял дифференцированную настройку правового положения субъектов, режима имущества и порядка реализации субъективных прав. Их установление обусловливалось реформированием общественных отношений, необходимостью согласования частных и публичных интересов, потребностью в охране экономически слабых субъектов, сохранении социальной устойчивости, обеспечении фискальных интересов и решении политиче-

ских задач. ИПР выступал гибким инструментом правовой политики Российской империи, позволявшим адаптировать частноправовое регулирование к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Список литературы:

1. Афзалетдинова, Г. Х. Исключительные режимы в российском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г. Х. Афзалетдинова. – Москва, 2016. – 202 с. – Текст : непосредственный.
2. Матузов, Н. И. Правовые режимы: вопросы теории и практики / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1996. – № 1 (212). – С. 16–29.
3.Афзалетдинова, Г. Х. Проблемы использования исключительных режимов в российском праве / Г. Х. Афзалетдинова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3 (52). – С. 24–30.
4. Морозова, Л. А. Конституционное регулирование в СССР / Л. А. Морозова. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 143 с. – Текст : непосредственный.
5. Малько, А. В. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения : монография / А. В. Малько, С. Ю. Суменков. – Пенза : Информационно-издательский центр ПГУ, 2005. – 179 с.
6. Петров, Д. Е. К вопросу о соотношении понятий «дифференциация права» и «специализация законодательства» // Право и политика. – 2014. – № 11 (179). – С. 1799–1803.
7. О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах : закон от 1 июня 1882 г. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1886. – Т. II. – № 931; О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах : закон от 3 июня 1885 г. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1887. – Т. V. – № 3013.
8. Бондарюк, Д. В. Фабричное законодательство о рабочем времени // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 8 (149). – С. 99–101.
9. Старостин, В.А. Детский труд в России в XIX в. // Учёные записки КФУ им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т.6(72),№1.С. 130.
10. О воспрещении лицам польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти Западных губерниях и о предоставлении владельцам секвестрованных там имений права продать оные в определённый для сего срок и на указанных основаниях : Высочайшее повеление от 10 декабря 1865 г. // Сборник узаконений и распоряжений по землевладению в западных губерниях. – Киев : Типография К. Н. Милевского, 1885. – С. 108–111.
11. Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения : закон от 24 апреля 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. X, ч. 1. – № 6742.
12. О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности : закон от 2 июня 1897 г. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1900. – Т. XVII. – № 14231.
13. Свод законов Российской империи. Т. X, ч. 1 : Законы гражданские. – Изд. 1857 г. – Санкт-Петербург : Типография Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. – Ст. 396-399.
14. Положение о заповедных наследственных имениях от 16 июля 1845 г. Санкт-Петербург, 1845. 18 с.
15. Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского состояния. Вып. 3 : Закон 14 декабря 1893 г. о некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель. – Санкт-Петербург : Земский отдел Министерства внутренних дел, 1900. [2], IV, 425 с.
16. Положение о временно-заповедных имениях от 25 мая 1899 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1902. Т. XIX. № 16949.
17. Положение о сбережении лесов от 4 апреля 1888 г. – Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1890. Т. VIII. № 5120. С. 148–155.
18. Пуряева, А. Ю. Защитные леса в лесном законодательстве России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3 (9), ч. 2. – С. 166–169.
19. Инструкция о порядке продажи казённых земель в Западных губерниях лицам русского происхождения, служащим в том крае или желающим там водвориться на постоянное жительство : Высочайше утверждённая инструкция от 23 июля 1865 г. // Рафальский, Т. Л. Сборник узаконений и распоряжений по землевладению в западных губерниях с решениями Правительствующего сената : по Общему собранию и Кассационному департаменту / Т. Л. Рафальский. – Киев : Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1895. – XII, 250 с.
20. О порядке приведения в действие правил о евреях : Высочайше утверждённое положение Комитета министров от 3 мая 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1886. – Т. II. – № 834.
21. Свод законов Российской империи. – Изд. 1893 г. – Санкт-Петербург : Кодификационный отдел при Государственном совете, 1893. – Т. VIII, ч. 1 : Устав лесной ; Устав о казённых оброчных статьях ; Устав об управлении казёнными имениями в Западных и Прибалтийских губерниях. – [6], 225, 42, 82 с.

22. Свод законов Российской империи. Т. X, ч. 1 : Законы гражданские. – Изд. 1887 г. – Санкт-Петербург : Кодификационный отдел при Государственном совете, 1887. – Ст. 411–413.
23. Учреждение Министерства Императорского Двора от 16 апреля 1893 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1893. Т. XIII. – № 9490.
24. Учреждение об Императорской фамилии. – Москва : Печ. при Сенате, 1797. – 111, [3], X с.
25. Устав духовных консисторий, изъяснённый Полным собранием законов Российской империи, статьями Духовного регламента и указами Святейшего Синода : с приложением подлинного текста инструкций благочинным. – Санкт-Петербург : Типография М. Хана, 1871. – XXVI, 192, [40], 31, [7] с.
26. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права : по изданию 1907 г. / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Спарк, 1995. - 556 с. – Текст : непосредственный.
27. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Ч. 3 : Договоры и обязательства / К. П. Победоносцев. – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1896. – 644 с.
28. Гражданские законы : Свод законов, т. X, ч. 1, с разъяснениями по решениям Правительствующего сената. – 13-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Типография Реттера и Шнейдера, 1879. XVI, 127 с.
29. О преследовании ростовщических действий : Высочайше утверждённое мнение Государственного совета от 24 мая 1893 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание третье. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1897. Т. XIII. № 9654. С. 337–338.
30. Закон о преследовании ростовщических действий 24 мая 1893 года, с изложением рассуждений, на коих он основан. – Санкт-Петербург : Государственная канцелярия, 1893. – [2], 15, [1] с.
31. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. – 6-е изд., пересмотр. и доп. – Санкт-Петербург : Издание Н. С. Таганцева, 1889. – [1], 774, [2] с.

Suyazov A. E. Exceptional Legal Regimes in Private Law in the Second Half of the 19th Century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 384-398.

This article examines exceptional legal regimes within the private law of the Russian Empire during the second half of the 19th century. It explores the concept of an "exceptional legal regime"—defined as a special mode of legal regulation that deviates from the general legal order and is shaped by a combination of restrictive, incentive-based, protective, and compensatory legal mechanisms. The study aims to identify the specific characteristics of how such regimes formed and functioned amidst the post-reform transformation of Russian society and legislation. Based on an analysis of the Russian Empire's legal acts, the article examines exceptional regimes in the areas of factory labor law, property law, land law, and the law of obligations. Particular attention is paid to the legal protection of labor for young children, minors, and women; regimes governing peasant land use and redemption operations; entailed and temporarily entailed estates; protected forests; restrictions on the alienability of land assets; measures against usury; and the currency regime governing domestic monetary obligations. The study concludes that exceptional legal regimes served as a flexible instrument of legal policy, enabling differentiated regulation of private law relations and the balancing of private, public, estate-based, economic, and social interests.

Keywords: legal regime; special legal regime; private law; legal regulation; factory legislation; land law; property law; law of obligations; peasant reform; usury.

Spisok literatury:

1. Afzaletdinova, G. H. Isklyuchitel'nye rezhimy v rossijskom prave : dis. … kand. yurid. nauk : 12.00.01 / G. H. Afzaletdinova. – Moskva, 2016. – 202 s. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Matuzov, N. I. Pravovye rezhimy: voprosy teorii i praktiki // Pravovedenie. 1996. № 1 (212). – S. 16–29.
3.Afzaletdinova, G. H. Problemy ispol'zovaniya isklyuchitel'nyh rezhimov v rossijskom prave / G. H. Afzaletdinova // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 3 (52). S. 24–30.
4. Morozova, L.A. Konstitucionnoe regulirovanie v SSSR. – Moskva : YUridicheskaya literatura, 1985. 143 s.
5. Mal'ko, A. V. Privilegii i immunitety kak osobye pravovye isklyucheniya : monografiya / A. V. Mal'ko, S. YU. Sumenkov. – Penza : Informacionno-izdatel'skij centr PGU, 2005. – 179 s. Tekst : neposredstvennyj.
6. Petrov, D. E. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «differenciaciya prava» i «specializaciya zakonodatel'stva» / D. E. Petrov. – Tekst : neposredstvennyj // Pravo i politika. – 2014. – № 11 (179). – S. 1799–1803.
7. O maloletnih, rabotayushchih na zavodah, fabrikah i manufakturah : zakon ot 1 iyunya 1882 g. – Tekst : neposredstvennyj // PSZ RI. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg, 1886. – T. II. – № 931; O vospreshchenii nochnoj raboty nesovershennoletnim i zhenshchinam na fabrikah, zavodah i manufakturah : zakon ot 3 iyunya 1885 g. // PSZ RI. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg, 1887. – T. V. – № 3013.
8. Bondaryuk, D. V. Fabrichnoe zakonodatel'stvo o rabochem vremeni / D. V. Bondaryuk // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 8 (149). – S. 99–101.
9. Starostin, V. A. Detskij trud v Rossii v XIX veke // Uchyonye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. – 2020. – T. 6 (72), № 1. – S. 130.
10. O vospreshchenii licam pol'skogo proiskhozhdeniya vnov' priobretat' pomeshchich'i imeniya v devyati Zapadnyh guberniyah i o predostavlenii vladel'cam sekvestrovannyh tam imenij prava prodat' onye v

opredelyonnyj dlya sego srok i na ukazannyh osnovaniyah : Vysochajshee povelenie ot 10 dekabrya 1865 g. // Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij po zemlevladeniyu v zapadnyh guberniyah. – Kiev, 1885. – S. 108–111.
11. Ob izmenenii postanovlenij o rabote maloletnih, podrostkov i lic zhenskogo pola na fabrikah, zavodah i manufakturah i o rasprostranenii pravil o rabote i obuchenii maloletnih na remeslennye zavedeniya : zakon ot 24 aprelya 1890 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. – SPB, 1893. – T. X, ch. 1.
12. O prodolzhitel'nosti i raspredelenii rabochego vremeni v zavedeniyah fabrichno-zavodskoj promyshlennosti : zakon ot 2 iyunya 1897 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj im PSZ RI perii. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg, 1900. – T. XVII. – № 14231.
13. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. X, ch. 1 : Zakony grazhdanskie. – Izd. 1857 g. – Sankt-Peterburg : Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancelyarii, 1857. – St. 396-399.
14. Polozhenie o zapovednyh nasledstvennyh imeniyah ot 16 iyulya 1845 g. – Sankt-Peterburg, 1845. – 18 s.
15. Zakonodatel'nye materialy po voprosam, otnosyashchimsya k ustrojstvu sel'skogo sostoyaniya. Vyp. 3 : Zakon 14 dekabrya 1893 goda o nekotoryh merah k preduprezhdeniyu otchuzhdeniya krest'yanskih nadel'nyh zemel'. – Sankt-Peterburg : Zemskij otdel Ministerstva vnutrennih del, 1900. – [2], IV, 425 s.
16. Polozhenie o vremenno-zapovednyh imeniyah ot 25 maya 1899 g. – Tekst : neposredstvennyj // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg, 1902. – T. XIX. – № 16949.
17. Polozhenie o sberezhenii lesov ot 4 aprelya 1888 g. – Tekst : neposredstvennyj // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg, 1890. – T. VIII. – № 5120. – S. 148–155.
18. Puryaeva, A. YU. Zashchitnye lesa v lesnom zakonodatel'stve Rossii / A. YU. Puryaeva. – Tekst : neposredstvennyj // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2011. – № 3 (9), ch. 2. – S. 166–169.
19. Instrukciya o poryadke prodazhi kazyonnyh zemel' v Zapadnyh guberniyah licam russkogo proiskhozhdeniya, sluzhashchim v tom krae ili zhelayushchim tam vodvorit'sya na postoyannoe zhitel'stvo : Vysochajshe utverzhdyonnaya instrukciya ot 23 iyulya 1865 g. // Rafal'skij, T. L. Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij po zemlevladeniyu v zapadnyh guberniyah s resheniyami Pravitel'stvuyushchego senata : po Obshchemu sobraniyu i Kassacionnomu departamentu / T. L. Rafal'skij. – Kiev : Tipo-litografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i K°, 1895. – XII, 250 s.
20. O poryadke privedeniya v dejstvie pravil o evreyah : Vysochajshe utverzhdyonnoe polozhenie Komiteta ministrov ot 3 maya 1882 g. // PSZ RI. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg, 1886. – T. II. – № 834.
21. Svod zakonov Rossijskoj imperii. – Izd. 1893 g. – Sankt-Peterburg : Kodifikacionnyj otdel pri Gosudarstvennom sovete, 1893. – T. VIII, ch. 1 : Ustav lesnoj ; Ustav o kazyonnyh obrochnyh stat'yah ; Ustav ob upravlenii kazyonnymi imeniyami v Zapadnyh i Pribaltijskih guberniyah. – [6], 225, 42, 82 s.
22. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. X, ch. 1 : Zakony grazhdanskie. – Izd. 1887 g. – Sankt-Peterburg : Kodifikacionnyj otdel pri Gosudarstvennom sovete, 1887. – St. 411–413. Tekst : neposredstvennyj.
23. Uchrezhdenie Ministerstva Imperatorskogo Dvora ot 16 aprelya 1893 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg, 1893. – T. XIII. – № 9490.
24. Uchrezhdenie ob Imperatorskoj familii. – M.: Pech. pri Senate, 1797. – 111, [3], X s.
25. Ustav duhovnyh konsistorij, iz"yasnyonnyj Polnym sobraniem zakonov Rossijskoj imperii, stat'yami Duhovnogo reglamenta i ukazami Svyatejshego Sinoda : s prilozheniem podlinnogo teksta instrukcij blagochinnym. – Sankt-Peterburg : Tipografiya M. Hana, 1871. XXVI, 192, [40], 31, [7] s. St. 106, 126, 137.
26. SHershenevich, G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava : po izdaniyu 1907 g. / G. F. SHershenevich. – Moskva : Spark, 1995. - 556 s. – Tekst : neposredstvennyj.
27. Pobedonoscev, K. P. Kurs grazhdanskogo prava. CH. 3 : Dogovory i obyazatel'stva / K. P. Pobedonoscev. – Sankt-Peterburg : Sinodal'naya tipografiya, 1896. – 644 s. – Tekst : neposredstvennyj.
28. Grazhdanskie zakony : Svod zakonov, t. X, ch. 1, s raz"yasneniyami po resheniyam Pravitel'stvuyushchego senata. – 13-e izd., ispr. i dop. – Sankt-Peterburg, 127 s.
29. O presledovanii rostovshchicheskih dejstvij : Vysochajshe utverzhdyonnoe mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 24 maya 1893 g. – Tekst : neposredstvennyj // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. – Sankt-Peterburg : Gosudarstvennaya tipografiya, 1897. – T. XIII. – № 9654. – S. 337–338.
30. Zakon o presledovanii rostovshchicheskih dejstvij 24 maya 1893 goda, s izlozheniem rassuzhdenij, na koih on osnovan. – Sankt-Peterburg : Gosudarstvennaya kancelyariya, 1893. – [2], 15, [1] s.
31. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1885 goda. – 6-e izd., peresmotr. i dop. – Sankt-Peterburg : Izdanie N. S. Taganceva, 1889. – [1], 774, [2] s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 399-404.

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «ИНТЕРЕС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО»

Трифонов С. Г., Ванжула А. А.

Категория «интерес» в праве является одной из самых значимых, поскольку в рамках правового статуса конкретного субъекта сердцевиной его выступают субъективные юридические права и субъективные юридические обязанности. На данный момент единства в доктрине права относительно термина «интерес» нет. Это не говорит о недостаточном количестве исследований по данной тематике, а всего лишь отражает сложность и многогранность правовой действительности применительно к наличию в ней множества частных и публичных интересов. Интерес в праве — это стремление субъекта правоотношений удовлетворить определенные потребности путём совершения действий итогом которых является достижение юридически значимых последствий или совершенствование правоотношений. Несовершеннолетние выступают в качестве субъектов правоотношений достаточно часто и в силу их специфичного положения часто выступают ка «слабая», менее защищенная сторона правоотношений. Поэтому законодатель предпринимает дополнительные меры по защите их прав и законных интересов. Правовой статус несовершеннолетних и меры по охране их интересов стали рассматриваться как приоритетные достаточно недавно с исторической точки зрения. Именно это вызывает интерес исследователей к данной проблематике. Путем анализа международно-правовых норм и отечественного законодательства установлено, что защита законных прав и интересов несовершеннолетних органически связана с гарантиями прав на отцовство и материнство и является одной из приоритетных задач современного демократического социального правового государства.

Ключевые слова: несовершеннолетний**,** интерес в праве, законодательство, статус ребенка, международные акты, интересы несовершеннолетних.

Говоря о категории «интерес в праве» хотелось бы указать, что сама категория формировалась с древнейших времен и по сути является результатом всего развития человечества в процессе эволюции. Интерес субъекта – важнейший и необходимый феномен для развития потенциала субъекта. Еще в древневосточных государствах исследовалась схожая категория, правда на тот момент еще не имевшая четкого маркера в названии «интерес». Ранние античные философы, утверждая, что движущей силой развития выступает нужда в чем-либо непосредственно подошли к исследованию категории «интерес», отдавая, впрочем, приоритет публичному интересу перед частным. Позднее в философских трудах стала превалировать иная точка зрения: главное – это защищенность граждан полиса, вполне естественно, что такую задачу мог выполнить сильный полис, граждане которого выполняют свои обязательства по отношению к нему, то есть не забывают и о публичном интересе. В Древнем Риме, философская мысль которого родилась из античной греческой указывали, что раздоры являются следствием различия интересов и задача государства создать такую систему правовых предписаний, которые регламентируют соблюдение всех интересов и систематизируют их.

Политико-правовая мысль Средневековой Европы будучи тесно связанной с теологией увязывала частные и публичные интересы в рамках теории о том, что они продиктованы свыше. Причем частный интерес рассматривался в основном как эгоистичный и деструктивный. А в целом категория «интерес» слабо дифференцировалась в силу уверенности в божественной предопределенности всего на свете. И такой «интерес», расходящийся с Божьей предопределенностью – это прямой путь к ереси. Возрождение – эпоха, вернувшая категорию «интерес» в научный и общественный оборот. Труды Н. Макиавелли содержат дефиницию интереса в качестве «наиболее часто встречающихся первопричин поступков людей, которые способствуют возникновению социальных взаимоотношений и формированию истории» [1, с. 27]. Томас Гоббс и ряд иных исследователей отрицали концепцию «частного интереса», а государство, представлявшееся ему как продукт общественного договора призвано отстаивать интересы всего народа.

Великие французские философы просветители также внесли весомый вклад в теоретическое обоснование исследуемой категории: «Личный интерес формируется из общественного, а частный приобретает опасный характер лишь в том случае, если наносит вред общему интересу, следовательно, они не могут быть противопоставлены друг другу. В то же время их следует связывать с интересами субъекта, сословий, наций, общественной и государственной пользой» [2, с. 154].

В трудах И. Канта также уделено внимание исследованию категории «интерес» [3, с. 21]. Интерес определен им как что-то, что формируется под воздействием под влиянием определенных причин, которые определяют волю отдельно взятого индивида. Важнейшим достижением И. Канта стала дифференциация интереса от процесса познания, и именно он подчеркнул, что «только человек, как существо, которому присущи мыслительные процессы может иметь интерес, и именно интерес, отделенный от чувственности, лежит в основе мышления» [3, с. 21].

Г.Ф.В. Гегель назвал интерес важнейшей побудительной, движущей силой истории [4, с. 61]. Поскольку действия разумного человека продиктованы его интересами и потребностями. Дифференцируя личный и общественный интерес Г.Ф. В. Гегель утверждал, что «общественный интерес выражает государство, но общественный интерес складывается из совокупности личных интересов членов общества» [5, с. 272]. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса затрагивают проблематику категории «интерес», но сугубо с точки зрения не индивидуального, а классового интереса. Ф. Энгельс писал: «Экономические отношения … общества проявляются … как интересы» [6, с. 271]. Таким образом, будучи стимулом общественного развития интерес, определенный, по мнению марксистов, производственными отношениями выступает в качестве стимула общественного развития. Категория интерес изучалась столетиями, и различные исследователи внесли вклад в ее исследование, особо следует выделить французских материалистов, исследовавших категорию «разумного эгоизм» и представителей немецкой классической философии которые как указывает Е.А. Морозова: «впервые определили интерес как проявление деятельности разума, отделив его от потребности, выделили в структуре интереса цель, глубоко проанализировали субъективную сторону интереса, дали характеристику нравственным и политическим интересам, выявили характерные черты общественного интереса и предложили видение механизмов его формирования, а также впервые выделили классовые и экономические интересы в качестве движущей силы развития производственных отношений и всего общества» [7, с. 53].

Правовой анализ категории «интерес несовершеннолетнего» подразумевает необходимость углубленного исследования правового статуса несовершеннолетнего как субъекта права, поскольку несовершеннолетние граждане не всегда, как известно, выступали в качестве самостоятельной единицы в правовых отношениях. «Интересы» несовершеннолетних – феномен, сформировавшийся под воздействием множества историко-правовых событий и действий, которые обусловили существование современного подхода к пониманию интересов несовершеннолетних (наряду с их правами и свободами) как неотъемлемого элемента их правового статуса.

Правовое регулирование положения несовершеннолетних в рамках российского законодательства осуществляется совокупностью нормативных правовых актов, так или иначе регулирующих правоотношения, в которых одной из сторон выступают несовершеннолетние граждане. Привязать правовое регулирование статуса несовершеннолетних к какой-либо отдельной отрасли российского права не представляется возможным, поскольку соответствующие правоотношения с участием несовершеннолетних субъектов наличествуют практически во всех отраслях права.

Прежде всего представляется целесообразным обратиться к обзорному ретроспективному анализу развития правового статуса несовершеннолетнего в рамках

российского законодательства. В научной литературе ученые не сходятся в единой позиции относительно установления периодизации развития прав несовершеннолетних. Так, большинство высказывают мнение о необходимости разделения истории развития законодательства о правах несовершеннолетних на два крупных периода: дореволюционный и послереволюционный. Период с VI в. по XVII в. связан с зарождением и становлением прав несовершеннолетних в обществе, поскольку в связи с отсутствием законодательства, категории прав детей фактически не существовало, а на практике они были крайне размыты. Так, для периода до X в. характерно полное отсутствие закрепленных прав ребенка, в том числе и важнейшего права на жизнь, в рамках каких-либо источников, кроме того, стоит отметить, что в целом права и свободы человека в то время регулировались скудно.

Относительно однозначное закрепление правого статуса ребенка было осуществлено в период правления Петра I, когда государственная политика впервые обозначила в качестве самостоятельного направления развития закрепление и обеспечение прав и интересов несовершеннолетних [8, с.12]. В период правления Екатерины II и Александра I формируются и создаются приказы, основу деятельности которых составляли ранее разработанные направления государственной политики; данная деятельность заключалась в обеспечении и соблюдении охраны и защиты прав и интересов несовершеннолетних, оставшихся без родительского попечения [8, с.12].

Свод законов Российской империи устанавливал власть родителей над детьми. Кроме того, закон устанавливал возрастные категории несовершеннолетний наряду с присущими ими особенностями, так, в рамках Свода законов Российской империи устанавливалось: «дети в возрасте до 14 лет признавались малолетними, а также были лишены гражданской дееспособности; дети в возрасте от 14 до 17 лет все также были лишены дееспособности, однако, были вправе просить об установлении над ними попечительства; дети в возрасте от 17 до 21 года признавались несовершеннолетними, вступая в управление имуществом, могли совершать сделки с согласия попечителей» [8, с.12].

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. стал первый послереволюционным законом, осуществляющим правовое регулирование прав и обязанностей родителей и детей. В рамках указанного нормативного акта устанавливалось, что родители не имели права на имущество родителей, а родители, в свою очередь, не имели прав на имущество детей. Стоит отметить наличие субсидиарной обязанности по выплате алиментов родственников ребенка. Анализ Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1927 г. позволяет отметить значительный прогресс в расширении прав несовершеннолетних. Прежде всего, это выражается в установлении факта, что родительские права осуществляются исключительно в интересах детей. В качестве очередного нормативного правового акта, регулирующего содержание прав и обязанностей несовершеннолетних, выступал Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. Впервые закреплялось в рамках положений данного акта право родителей требовать возврата ребенка от любого лица, незаконного его удерживающего.

Сегодня правовое регулирование правового положения несовершеннолетних детей регулируется Семейным кодексом РФ (далее – СК РФ) 1995 г. [9]. Несовершеннолетний, наряду с иными лицами, выступает в качестве самостоятельного признаваемого государством и обществом, субъектом права. Говоря о категории «несовершеннолетний», стоит отметить, что ситуация осложняется содержанием рассматриваемой категории. Она обуславливает принадлежность лица к группе лиц, для которых характерной особенностью является пребывание на одном из жизненных возрастных этапов. Некоторыми учеными отмечается, что: «именно возрастная

составляющая определяет объективный процесс развития лица в рамках всей его жизни» [10, с.11].

Как известно, XX в. ознаменован веком существенных перемен не только в рамках правовой действительности, но и в части общественного правосознания. Так, мировое сообщество в середине XX в. поспособствовало формированию и закреплению принципиально нового направления в части признания за несовершеннолетними особого статуса, подразумевающего обеспечение им лучших условий существования и развития, а также государственной защиты.

Нормы и принципы международного права, а также международные договоры РФ являют собой составную часть системы источников российского семейного права. На сегодняшний день в качестве основных нормативных правовых актов международного уровня выделяют следующие: "Всеобщая декларация прав человека" (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [11]; Декларация прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1959) [12]; "Конвенция о правах ребенка" (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) [13]; ряд других международных актов.

В отличии от российского семейного права, в рамках Конвенции о правах ребенка установлено легальное определение термина «ребенок» через его биологическую природу; речь идет о том, что ребенком, согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка (далее – Конвенция), признается «человеческое существо» до достижения им возраста совершеннолетия. Тем не менее, как следует из смысла указанной статьи, по общему правилу, совершеннолетие достигается с наступлением возраста 18 лет.

Путем перечисления признания государствами-участниками соответствующих прав, Конвенция о правах ребенка предусматривает достаточно широкий перечень прав ребенка. Государства, подписавшие соответствующую Конвенцию обязаны обеспечить осуществление всех необходимых законодательных, административных, общественных и иных мер для целей защиты ребенка от любых форм физического или умственного насилия.

Декларация прав ребенка от 20.11.1959 г. отмечает, что ребенок, поскольку является физически и умственно незрелым, нуждается в особой охране и заботе. В рамках рассматриваемой декларации установлены 10 принципов отношения к ребенку [14, с. 101]. Следует также отметить тот факт, что в рамках международного сообщества была выработана система норм и правил в области социальной защиты детей. В рамках положений Декларации «О социальных и правовых принципах…» [15] провозглашаются безусловные постулаты, закрепляющие идею о том, что благополучие и необходимое воспитание для ребенка могут быть реализованы только в том случае, если со стороны его семьи обеспечивается надлежащий уход и забота. Иными словами, благополучие ребенка находится в прямой зависимости от благополучия его собственной семьи.

Говоря о соотношении российского и международного регулирования прав и интересов несовершеннолетних, следует отметить, что для целей реализации положений Конвенции, в рамках отечественного законодательства содержатся специальные нормы, обеспечивающие защиту прав детей в различных сферах общественной жизни. В качестве примера представляется возможным привести гарантии защиты прав детей от экономической эксплуатации, содержащиеся в рамках Трудового кодекса РФ [16] (далее – ТК РФ). Вместе с тем, следует отметить, что нормы Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" [17; 18, с. 350-356] в значительной степени дублируют положения анализируемой Конвенции. РФ, признавая положения Конвенции, реализует один из основных ее принципов – законодательное обеспечение прав ребенка; таковое осуществляется, в частности, посредством норм СК РФ. Нормы, касающие-

ся провозглашения прав и обеспечения защиты прав ребенка и нашедшие свое отражение в рамках семейного законодательства, также по большей степени дублируют нормы Конвенции.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что правовой статус ребенка на российском и международном уровнях несущественно различен по содержанию. Международное право рассматривает интересы несовершеннолетних как приоритетную категорию, что отражено в соответствующих международных правовых актах. Российское законодательство, в свою очередь, сформировано на нормах международного характера, признает права и интересы ребенка как приоритетное направление реализации государственной политики наряду с семьей и материнством. Несовершеннолетние обладают особым правовым статусом и представляют собой наименее защищенную категорию субъектов в российской правовой действительности.

Список литературы:

1.Макиавелли, Н. Государь. О военном искусстве. – М.: Изд-во АСТ, 2022. – 65с.
2.Дидро, Д. Избранные произведения. – Л.: Гослитиздат, 1951. – 399с.
3.Кант, И. Основы метафизики нравственности. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965-544с.
4.Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логика. М., 1974.-424с.
5.Гегель, Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. Москва; Ленинград, 1929–1958. Т. 7. 355с.
6.Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. Т. 18. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 668с.
7.Морозова, Е.А. Генезис категории интереса в российской политико-правовой доктрине XIX века. автореферат дис. ... кандидата юридических наук. -Москва, 2024. – 21с.
8.Шведчикова, Е.В. Об особенностях развития правового статуса несовершеннолетнего в России: историко-правовой аспект. // Право и государство: теория и практика. - 2022. - №8 (212). – С.39-41.
9.Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 15.05.2026) // Российская газета. N 17. 27.01.1996.
10. Месинян, А Ш., Чижикова, А В. Особенности правового статуса несовершеннолетнего в России.// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - №11-4. – С.56-60.
11. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) //Российская газет. 10.12.1998.
12. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. - С. 385 - 388.
13. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) //Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI, 1993.
14. Ульбашев, А. Х. Семейное право: учебник для вузов / А. Х. Ульбашев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 208 с.
15. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (Принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 г.).
16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 15.05.2026) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
17. Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" //Российская газета. № 147. 05.08.1998.
18. Пивень А.Н. ОБ Отдельных практических вопросах защиты прав несовершеннолетних, состоящих в религиозных сектах // Ученые записки крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. №1 (Т.12). – 2026 - С. 350-356.

Trifonov S. G., Vanzhula A. A. On the issue of the category “interest of a minor” // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 399-404.

The category of "interest" in law is one of the most significant, since within the framework of the legal status of a particular subject, its core is subjective legal rights and subjective legal obligations. At the moment, there is no unity in the doctrine of law regarding the term "interest". This does not mean that there is not enough research on this topic, but only reflects the complexity and versatility of legal reality in relation to the presence of many private and public interests in it. Interest in law is the desire of a subject of legal relations to satisfy certain needs by performing actions that result in achieving legally significant consequences or improving legal relations. Minors act as subjects of legal relations quite often and, due to their specific position, often act as the "weak", less protected side of legal relations. Therefore, the legislator takes additional measures to

protect their rights and legitimate interests. The legal status of minors and measures to protect their interests have been considered a priority quite recently from a historical point of view. This is what arouses the interest of researchers in this issue. Through the analysis of international legal norms and domestic legislation, it has been established that the protection of the legitimate rights and interests of minors is organically linked to the guarantees of the rights to fatherhood and motherhood and is one of the priorities of a modern democratic social rule of law state.

Keywords: minor, interest in law, legislation, child status, international acts, interests of minors.

Spisok literatury:

1.Makiavelli, N. Gosudar'. O voyennom iskusstve. – M.: Izd-vo AST, 2022. – 65s.
2.Didro, D. Izbrannyye proizvedeniya. – L.: Goslitizdat, 1951. – 399s.
3.Kant, I. Osnovy metafiziki nravstvennosti. Soch. v 6 t. T. 4. CH. 1. M.: Mysl', 1965-544s.
4.Gegel', G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. T. 1. Nauka logika. M., 1974.-424s.
5.Gegel', G.V.F. Sochineniya: v 14 t. Moskva; Leningrad, 1929–1958. T. 7. 355s.
6.Marks, K., Engel's, F. Soch. – 2-ye izd. T. 18. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. – 668s.
7.Morozova, Ye.A. Genezis kategorii interesa v rossiyskoy politiko-pravovoy doktrine XIX veka. avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. -Moskva, 2024. – 21s.
8.Shvedchikova, Ye.V. Ob osobennostyakh razvitiya pravovogo statusa nesovershennoletnego v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt. // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. - 2022. - №8 (212). – S.39-41.
9.Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 N 223-FZ (red. ot 15.05.2026) // Rossiyskaya gazeta. N 17. 27.01.1996.
10. Mesinyan, A SH., Chizhikova, A V. Osobennosti pravovogo statusa nesovershennoletnego v Rossii.// Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. - 2021. - №11-4. – S.56-60.
11. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noy Assambleyey OON 10.12.1948) //Rossiyskaya gazet. 10.12.1998.
12. Deklaratsiya prav rebenka (Prinyata 20.11.1959 Rezolyutsiyey 1386 (XIV) na 841-om plenarnom zasedanii General'noy Assamblei OON) // Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka. Sbornik dokumentov. - M.: Yuridicheskaya literatura, 1990. - S. 385 - 388.
13. Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noy Assambleyey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) //Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR. Vypusk XLVI, 1993.
14. Ul'bashev, A. KH. Semeynoye pravo: uchebnik dlya vuzov / A. KH. Ul'bashev. — 2-ye izd., pererab. i dop. — Moskva: Izdatel'stvo Yurayt, 2024. — 208 s.
15. Deklaratsiya o sotsial'nykh i pravovykh printsipakh, kasayushchikhsya zashchity i blagopoluchiya detey, osobenno pri peredache detey na vospitaniye i ikh usynovlenii na natsional'nom i mezhdunarodnom urovnyakh (Prinyata rezolyutsiyey 41/85 General'noy Assamblei ot 3 dekabrya 1986 g.). – Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml
16. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 15.05.2026) // Rossiyskaya gazeta. № 256. 31.12.2001.
17. Federal'nyy zakon ot 24.07.1998 N 124-FZ (red. ot 20.02.2026) "Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii" //Rossiyskaya gazeta. № 147. 05.08.1998.
18. Piven' A.N. OB Otdel'nykh prakticheskikh voprosakh zashchity prav nesovershennoletnikh, sostoyashchikh v religioznykh sektakh.// Uchenyye zapiski krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. №1 (T.12). – 2026 - S. 350-356.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 405-413.

УДК 347.121.2

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПО КИТАЙСКОМУ И РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Туршук Л. Д.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ)

В настоящей статье проведен сравнительно-правовой анализ осуществления и защиты личных неимущественных прав по китайскому и российскому гражданскому законодательству. Актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования российского гражданского законодательства, регулирующего личные неимущественные отношения, путем изучения зарубежного опыта, а также важностью развития синергии и интеграции России и Китая, в том числе и в правовой сфере. В результате исследования выявлено, что в ГК РФ отсутствует систематизация норм о личных неимущественных правах, в отличие от Гражданского кодекса КНР. Китайский законодатель устанавливает более расширенный круг обладателей личных прав, относя к ним еще не рожденного ребенка, если он родится живым. Выявлено, что многие виды личных прав, регламентированных гражданским законодательством России и Китая, похожи по содержанию и правовому регулированию, но имеют свои особенности. В китайском гражданском законодательстве есть личные права и способы их защиты, которых нет в российском праве. Сделан вывод, что отдельные положения ГК КНР могут быть восприняты отечественным законодателем.

Ключевые слова: личные неимущественные права, защита нематериальных благ, Гражданский кодекс КНР, гражданское право Китая, сравнительный анализ законодательства, личная информация, способы защиты личных прав, обладатели личных неимущественных прав, защита личных прав пациента, защита персональных данных.

Россия и Китай являются соседними государствами и стратегическими партнерами. Взаимодействие между нашими странами в последнее время все более расширяется и интенсифицируется как на частном, так и публичном уровне. Поэтому проведение сравнительно-правового анализа норм китайского и российского законодательства весьма актуально. Данное исследование посвящено сравнению гражданско-правового регулирования личных неимущественных отношений в Российской Федерации и КНР. Человек его права и свободы являются высшей ценностью [1], поэтому весьма важно совершенствование законодательства и расширение возможностей осуществления и защиты личных прав граждан обоих государств, чему должны способствовать научные изыскания в данной сфере. 28 мая 2020 г. Всекитайским собранием народных представителей был принят первый ГК КНР, вступивший в силу 1.01.2021 г. [2]. До его принятия гражданские правоотношения регулировались отдельными законами, многие из которых в последующем вошли в ГК КНР и утратили силу [3]. С 50-х годов XX в. предпринимались многочисленные попытки кодификации гражданского законодательства (1954, 1962, 1979, 1998, 2002 гг.), все они по различным причинам потерпели неудачу [4]. Работа над законопроектом принятого ГК КНР началась в 2014 г. и закончилась в мае 2020 г. [5, с. 38-39]. В целом ГК КНР имеет черты континентального права с учетом национальных особенностей. Как справедливо замечает П. В. Трощинский китайский законодатель «остался верен традициям древнего китайского и социалистического права, перенял прогрессивные достижения зарубежной юридической науки, включил в содержание документа ряд норм международно-правового характера» [5, с. 41].

Цель настоящей статьи – провести сравнительный анализ осуществления и защиты личных неимущественных прав по китайскому и российскому гражданскому законодательству для разработки предложений по совершенствованию отечественного правового регулирования этой сферы. При проведении данного исследования применялись как общие (анализа, синтеза, индукции, дедукции и др.), так и специ-

альные (сравнительно-правовой, историко-правовой и др.) методы научного познания. Основными из них являются сравнительно-правовой метод и метод анализа законодательства и правоприменительной практики России и Китая. Использование различных методов исследования, позволило выделить общие и отличительные черты ГК РФ и ГК КНР, сформулировать основные теоретические выводы и предложения по совершенствованию норм российского гражданского права.

Личные неимущественные права в китайском законодательстве называются «личными правами» и регламентируются в специально им посвященном разделе четвертом «Личные права» ГК КНР, а также некоторые общие положения содержатся в главе пятой первого раздела «Общие положения» ГК КНР, что можно рассматривать как общие и специальные нормы института личных прав. Такая систематизация является весьма прогрессивной, ее нет во многих европейских гражданских кодексах, в том числе и российском.

В ГК РФ нормы о личных неимущественных правах разбросаны по различным частям, разделам и главам. Так, право на имя регламентируется ст. 19, находящейся в первом разделе «Общие положения», подразделе втором «Лица» гл. 3 «Граждане (физические лица) ГК РФ. Подобное право юридического лица – право на наименование – определяется ст. 54 гл. 4 «Юридические лица» подраздела 2 разд. 1 ГК РФ [6]. Личные неимущественные права в отношении объектов интеллектуальной собственности (как и имущественные (исключительные) права) регламентируются в части 4 ГК РФ [7], но в данном случае это нельзя назвать систематизацией норм о личных правах, поскольку нормы систематизированы по специальному объекту – результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации (интеллектуальной собственности). Гл. 8 «Нематериальные блага и их защита» п. 3 «Объекты гражданских прав» разд. 1 ГК РФ посвящена, как это видно из ее названия, нематериальным благам и их защите. Она содержит 5 ст. Личные неимущественные права на данные нематериальные блага законодателем не называются (как, например, право на имя (ст. 19 ГК РФ) и др.), а определяются доктринально и правоприменительной практикой. Поэтому это также нельзя рассматривать как систематизацию норм о личных неимущественных правах. Можно констатировать отсутствие в российском ГК систематизации норм о личных неимущественных правах. Это серьезный недостаток нашего законодательства, при том, что в гражданском праве РФ (далее - ГП РФ) как отрасли права выделяется подотрасль «Личные неимущественные права». Для сравнения – подотрасли ГП РФ «Обязательственное право» посвящены нормы, систематизированные в части второй ГК РФ [8], нормы подотрасли «Наследственное право» систематизированы в разделе 5 ч. 3 ГК РФ [9]. Исследование опыта систематизации норм о личных правах китайского законодателя, поможет в проведении такой систематизации в российском законодательстве.

Как и в российском законодательстве нормы ГК КНР регулируют не только имущественные, но и личные неимущественные отношения, субъектами которых выступают физические и юридические лица. При этом, также, как и ГК РФ китайский законодатель устанавливает правоспособность граждан с момента рождения и до момента смерти. Однако ГК КНР делает исключение из общего правила, определяя, что «плод считается способным пользоваться правами, предусмотренными гражданским законодательством, в вопросах наследования, принятия дара и в других ситуациях, когда требуется защита интересов плода» (ст. 16 ГК КНР). В случае же мертворождения считается, что он не обладал такой способностью изначально. В ГК РФ подобное исключение относится к наследственному правопреемству, в отношении же других интересов ребенка об этом прямо не говорится, но на практике фактически нематериальные блага охраняются еще до рождения. Это применимо, в частности, к защите жизни и здоровья. Например, если беременной женщине в ре-

зультате противоправного деяния будет причинен вред здоровью, вследствие чего ребенок родится больным, возмещению подлежит не только вред здоровью матери, но и ребенка. Однако, представляется, что в ГК РФ стоит предусмотреть положения подобные ст. 16 ГК КНР. В ст. 110 и ст. 990 ГК КНР дается незакрытый перечень личных неимущественных прав. Сравнивая эти положения с российским законодательством, можно отметить, что в ст. 150 ГК РФ указываются нематериальные блага, а не права. Кроме того, ст. 110 ГК КНР определяет и личные права юридических лиц, к которым относит право на фирменное наименование, право на репутацию и право на честь. Право организации на честь российское гражданское законодательство не устанавливает, поскольку общественная оценка юридического лица, по мнению российского законодателя, ограничивается его деловыми качествами, т. е. деловой репутацией. Но, помимо своей непосредственной деятельности, оно может заниматься и благотворительной или другой социально значимой деятельностью, общественная оценка которой уже будет выходить за рамки деловой репутации и относиться уже к более широкой категории – чести. Поэтому в п. 11 ст. 152 ГК РФ можно было бы указать, что положения ст. 152 ГК РФ применяются и к защите чести юридического лица, а не только к защите его деловой репутации.

Сравнивая виды личных прав (личных неимущественных прав), регламентированных гражданским законодательством России и Китая, можно сказать, что многие из них похожи по содержанию и правовому регулированию. К таковым можно отнести право на имя, право на честь, достоинство и деловую репутацию, право на внешность (изображение), право на неприкосновенность частной жизни и др. Однако даже схожие правомочия личности имеют свои особенности в ГК РФ и ГК КНР. Так, указанные личные неимущественные права в китайском законодательстве более подробно определяются им посвящено больше статей. Так, ГК РФ не дает определения чести, достоинства, деловой репутации, изображения человека они разработаны цивилистической доктриной, а в ГК КНР приводятся дефиниции этих терминов. Отдельные личные неимущественные права находят свою регламентацию не в ГК, где они только называются, а в специальных законах. Так, ГК РФ в ст. 150 перечисляя нематериальные блага, упоминает жизнь и здоровье гражданина, при этом регламентации прав на жизнь и на здоровье в нем не содержится, хотя и предусматривается их защита в форме компенсации морального вреда (ст. 151, 1099 – 1101 ГК РФ) и возмещение имущественного вреда, причиненного повреждением здоровья и смертью гражданина (ст. 1084 – 1094 ГК РФ). Данные права регламентируются в специальном ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10]. ГК КНР регламентирует право на свободу передвижения (ст. 1003, 1011). В ГК РФ (п. 1 ст.150) называется нематериальное благо «свобода передвижения», но не регламентируется. Данное право определяется в законе «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [11]. ГК КНР регламентирует такое личное право, как право на донорство (ст. 1006). В ГК РФ такое право не упоминается, а определяется в специальном законе «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [12].

ГК КНР регламентирует право на телесную неприкосновенность (ст. 1003, 1010). В ГК РФ называется, но не определяется нематериальное благо «личная неприкосновенность», которое по содержанию шире, чем «телесная неприкосновенность», однако правовая защита данного блага предусматривается нормами публичного права (УК РФ). Хотя для гражданско-правовой охраны указанного права возможно применение общих способов защиты личных неимущественных прав (компенсация

морального вреда, пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права и др.).

ГК КНР наряду с правом на неприкосновенность частной жизни устанавливает право на личную информацию (гл. 6 раз. 4). В российском законодательстве данное право регламентируется публично-правовым законом «О персональных данных» [13]. Содержание и объем личной информации и персональных данных в законодательствах Китая и России в основном одинаковы, с некоторыми различиями в конкретных классификациях, но оба основаны на идентифицируемости личной информации или персональных данных [14]. В отличие от России ГК КНР регламентирует личные права в сфере семьи. В российском законодательстве семейные правоотношения регулируются не гражданским, а семейным кодексом, и выделяется самостоятельная отрасль права – семейное право. В Китае брачные отношения относятся к гражданско-правовым. Такая ситуация не является особенностью только КНР, в ряде других государств, например, в Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Нидерландах, семейное право как самостоятельная отрасль права отсутствует, а семейные отношения регулируются гражданским законодательством [15, с.108].

В ГК КНР не нашли правовой регламентации личные неимущественные права на интеллектуальную собственность. Данные права определяются в специальных законах: Законе о торговой марке, Законе о патентах и Законе об авторском праве. Вполне возможно, что такой раздел в ГК КНР появится позже, как это было сделано в ГК РФ (ч. 4 ГК РФ, посвященная защите интеллектуальной собственности, появилась намного позже других частей, до этого интеллектуальные права регламентировались специальными законами). В китайском гражданском законодательстве есть личные права, которых нет в российском праве. Так, ГК КНР предусматривает право на голос (ст. 1023), право на почёт (почётное звание) (ст. 1031), право на уважительное отношение к останкам (ст. 994), последнее в случае нарушения может быть защищено супругом, детьми и родителями умершего, они имеют право потребовать от виновного лица возмещения ущерба. Если у умершего не было супруга или детей, а родители умершего уже умерли, другие близкие родственники умершего имеют право потребовать от виновного лица возмещения ущерба в соответствии с законом. В России было внесено предложение дополнить ГК РФ ст. 152.3 «Охрана голоса гражданина», но законопроект не нашёл поддержки у парламентариев [16].

Сравнивая способы защиты личных неимущественных прав Китая и России, можно отметить во многом их сходство. В том и другом законодательствах предусмотрена компенсация морального вреда независимо от возмещения имущественного вреда, хотя ГК КНР это называется по-другому – «компенсация за боль и страдания», но суть та же. Так же как и российское гражданское законодательство, китайское предусматривает такие специальные способы защиты, как «прекратить нарушение, устранить неудобства, ликвидировать опасность, устранить негативные последствия, восстановить репутацию». Однако в ГК КНР есть и незнакомый ГК РФ способ защиты – принесение извинения, который можно было бы позаимствовать. Также ГК Китая, предусматривает возможность предупреждения возможного нарушения личных неимущественных прав, путем обращения в суд о запрещении такой деятельности (ст. 997 ГК КНР). Таких положений прямо не определено в ГК РФ, но есть возможность предупреждения причинения вреда (ст. 1065 ГК РФ), что относится и к причинению вреда личности. По российскому и китайскому гражданскому законодательству при защите личных неимущественных прав исковая давность не применяется (ст. 995 ГК КНР и ст. 208 ГК РФ). Согласно ст. 1000 ГК КНР, в тех случаях, когда лицо, совершившее правонарушение, должно нести гражданскую ответственность, например, за устранение негативных последствий, восстановление репутации или принесение извинений за нарушение прав личности, гражданская

ответственность должна быть соразмерна способу совершения правонарушения и масштабу его последствий. Если правонарушитель отказывается принести извинения, опровергнуть порочащие сведения, суд может принять такие меры, как объявление, публикация окончательного решения или что-то подобное в СМИ, таких как газеты, журналы или интернет-сайты, и все понесённые при этом расходы возлагаются на ответчика.

В российском ГК предусмотрено опубликование решения суда, признающее порочащие честь, достоинство, деловую репутацию сведения не соответствующими действительности, лишь в случае невозможности установить лицо, распространившее такие сведения (п. 8 ст. 152 ГК РФ). При неисполнении судебного решения к нарушителю применяются меры ответственности за неисполнение судебного решения, что не освобождает его от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие (п. 7 ст. 152 ГК РФ). ГК КНР в ст. 994 предусматривает, что «если имя, внешность, репутация, честь, неприкосновенность частной жизни, останки или что-то подобное умершего было осквернено, супруг, дети и родители умершего имеют право потребовать от виновного лица возмещения ущерба в соответствии с законом. Если у умершего не было супруга или детей, а родители умершего уже умерли, другие близкие родственники умершего имеют право потребовать от виновного лица возмещения ущерба в соответствии с законом». В ГК РФ также установлена возможность защиты указанных нематериальных благ после смерти гражданина. При этом относительно имени, такая возможность предусмотрена только в отношении имени автора результата интеллектуальной деятельности (п. 2 ст. 1228 ГК РФ), хотя было правильным распространить эти нормы в целом на защиту имени гражданина. Российское законодательство не ограничивает круг лиц, которые могут защищать имя, честь, достоинство, деловую репутацию умершего, только близкими родственниками, но предоставляет такую возможность и любому заинтересованному лицу (абз. 3 п. 2 ст. 1228, абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ), что дает больше гарантий восстановления нарушенного блага. Представляется, что данные нормы следовало бы распространить и на защиту других неотъемлемых благ личности.

Обращают на себя внимание нормы ГК КНР об ответственности медицинских учреждений за причинение вреда пациенту (гл. 6 разд. 7 ГК КНР). В российском законодательстве данные положения содержатся в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». И в том и в другом нормативных актах предусматривается обязательное получение медицинским персоналом информированного добровольного согласия пациента или его законного представителя на осуществление медицинского вмешательства (ст. 1219 ГК КНР, ст. 20 Закона РФ об охране здоровья). Исключением из этого правила является спасение жизни больного или другая чрезвычайная ситуация, когда невозможно получить согласие пациента или его близких родственников, по решению руководителя медицинского учреждения или уполномоченного лица могут быть немедленно приняты соответствующие медицинские меры (ст. 1220 ГК КНР, пдп. 1 п. 9 ст. 20 Закона РФ об охране здоровья). Российский закон также еще предусматривает, что медицинское вмешательство без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя допускается: в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих; в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами; в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления); при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы; при оказании паллиативной медицинской помощи, если состояние гражданина не позволяет выразить ему свою волю и отсутствует законный представитель (пп. 2, 3, 4, 5, 6 п. 9 ст. 20 Закона РФ об охране здоровья).

ГК КНР (ст. 1222) устанавливает, что «медицинское учреждение считается виновным, если в ходе диагностики и лечения пациенту был причинён вред при любом из следующих обстоятельств: 1) имеет место нарушение положений законов, административных постановлений, правил или других соответствующих рекомендаций по диагностике и лечению; 2) медицинские записи скрыты или в предоставлении их отказано; или 3) медицинские записи утеряны, подделаны, изменены или незаконно уничтожены». Также «медицинское учреждение несет гражданско-правовую ответственность, если медицинский персонал не выполняет свои обязанности по диагностике и лечению пациента в соответствии с текущим уровнем медицины и тем самым причиняет вред пациенту» (ст. 1221 ГК КНР).

Закон РФ об охране здоровья не определяет ответственность медицинских учреждений и его персонала, а лишь делает отсылку к нормам российского законодательства. Таким законодательством является ГК, УК, КоАП. ГК РФ не выделяет отдельно ответственность медицинских учреждений и медицинских работников, а лишь ответственность за вред причиненный жизни или здоровью гражданина, которая предусматривается в форме возмещения имущественного вреда (§ 2 гл. 59).

Китайский законодатель учитывает возможность нарушения личных прав в цифровом пространстве. Как замечает Ли Яо «информационные технологии некоторые незаконно используют для подделки изображения человека, превращают изображения в смайлики, картинки, видео и т.д. для рекламы с целью получения прибыли, используют подделку для оскорблений, клеветы, интернет-мошенничества, порнографической пропаганды и другой незаконной и преступной деятельности» [17, с. 133]. Для защиты от этого ст. 1019 ГК КНР предусматривает, что «любая организация или частное лицо не должны очернять, обезображивать с помощью использования информационных технологий и другими способами подделывать и нарушать право на изображение». Положения Гражданского кодекса Китая дополняются специальными законами: Законом о кибербезопасности, Законом о защите личной информации, Законом о безопасности данных и др. Законом КНР о кибербезопасности устанавливается ограничение анонимности в сети «Интернет». Для доступа к сети вводится требование обязательной верификации, чаще всего в качестве таковых выступают биометрические персональные данные (голос, изображение, отпечаток пальца и др.). Это позволяет решить основную проблему при нарушении прав личности в сети «Интернет» - установление правонарушителя и привлечение его к ответственности. Также в Китае действует Положение о защите персональной информации пользователей телекоммуникаций и интернета, принятое Мин. промышленности и информационных технологий, которое регулирует сбор и использование информации о гражданах операторами телекоммуникационного бизнеса и поставщиками информационных интернет-услуг и требует принятия мер предосторожности в случае утечки личной информации [18, с. 820].

Ст. 58 Закона КНР о защите личной информации предусматривает, что «обработка личной информации с помощью платформенных интернет-сервисов считается законной, если операторами создана система контроля, сформирован независимый орган надзора, сформулированы четкие правила, стандарты и обязательства платформы, регулярно публикуются отчеты и допускается общественный контроль» [19, с. 71]. Также законодательством Китая устанавливается объем необходимой личной информации для распространенных типов мобильных интернет-приложений, при ее незаконном использовании любая организация или физическое лицо, обнаружившие нарушения этих правил, могут сообщить об этом властям [20, с. 72-73].

В Законе КНР о защите личной информации предусмотрено, что «не только лицо, чьи права нарушены, может обратиться в суд, в целях защиты персональных данных право на подачу иска имеют также Народная прокуратура, организации по

защите прав и интересов потребителей и организации, созданные по разрешению органа власти по контролю за информацией в интернете» [21]. В КНР действует специальное законодательство, регулирующее использование нейросетей, которое предусматривает защиту личных прав от дипфейков. Так, ст. 23 Положения об администрировании глубокого синтеза информационных сервисов Интернета определяет, что «технология глубокого синтеза относится к технологии использования глубокого обучения, виртуальной реальности и других синтетических алгоритмов для создания текста, изображений, аудио, видео, виртуальных сцен и другой сетевой информации, использование данных технологий не должно нарушать личные права граждан, в частности не может применяться для создания дипфейков» [22].

ГК РФ в п. 5 ст. 152 предусматривает, что если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет». Подобная норма установлена для охраны права на изображение (п. 3 ст. 152.1 ГК РФ).

Что касается охраны персональных данных в РФ, то, как было сказано ранее, это регламентируется специальным ФЗ «О персональных данных» (далее – Зак. РФ о персональных данных). Многие положения этого закона совпадают с нормами китайского законодательства. Предусмотрено обязательное получение согласия на обработку личной информации, которая тоже подразделяется на категории. Содержание и объем обрабатываемых данных должны соответствовать заявленным целям обработки, обрабатываемые перс. данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки (п. 5 ст. 5). Согласие, данное гражданином на обработку его данных, может быть отозвано им. Операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено ФЗ (ст. 7). При сборе персональных данных, в т.ч. через инфоросети, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан РФ с использованием баз данных, находящихся за пределами территории РФ, не допускаются, за исключением случаев, указанных в ФЗ (п. 5 ст. 18).

Как видно из сравнительного анализа, российское законодательство также предусматривает охрану личных неимущественных прав и персональных данных в условиях цифровизации общества. Однако, на наш взгляд, существующие меры представляются недостаточными. Особенностью нарушения неотъемлемых благ в сети «Интернет», является необозримо широкий круг лиц, имеющих возможность ознакомиться с неправомерно распространенной личной информацией. При этом не всегда возможно восстановить нарушенное нематериальное благо личности, а причиненный вред может быть колоссальным. Поэтому законодателю следует сосредоточить свои усилия на разработке превентивных мер по недопущению совершения правонарушения. Так же, представляется необходимым, по аналогии с китайским законодательством, установить авторизированный вход в систему «Интернет». Это позволит идентифицировать лицо, нарушившее в цифровом пространстве личные неимущественные права граждан, и привлечь его к ответственности. Возможность оставаться правонарушителю анонимным и, соответственно, безнаказанным, только провоцирует правонарушения в сети «Интернет». Идентификация пользователей информационно-телекоммуникационной сети создаст гарантии защиты прав граждан и, в то же время, будет выполнять и превентивную функцию.

Подводя итог сравнительному анализу осуществления и защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ по китайскому и российскому законодательству, следует отметить, что они имеют много общего, но также и свои особенности и отличия. ГК КНР является наиболее современным кодифицированным нормативно-правовым актом, воспринявшим прогрессивные достижения зарубежной юридической науки, учитывающий также и реалии цифровизации общества. Отдельные положения ГК КНР и других нормативно-правовых актов могут быть восприняты отечественным законодателем. Так, в ГК РФ можно предусмотреть охрану нематериальных благ ребенка еще до его рождения, установить возможность защиты чести юридического лица, а не только его деловой репутации. Также можно дополнить гражданское законодательство такими новыми личными неимущественными правами граждан, как право на голос, право на внешний облик, право на личную информацию. Необходимо законодательно регламентировать существующие личные неимущественные права, не нашедшие отражения в ГК РФ. Кроме того, следует дополнить гражданско-правовые способы защиты личных неимущественных прав новыми, такими как принесение извинений, пресечение действий, представляющих угрозу нарушения личных прав и нематериальных благ и других способов предупреждения нарушения прав личности. Необходимо провести систематизацию норм российского гражданского законодательства о личных неимущественных правах.

Список литературы:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс», Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://www.pravo.gov.ru
2. Civil Code of the People's Republic of China. National People's Congress. 2020. Retrieved from https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People%27s_Republic_of_China
3. Алексеенко, А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР / А. П. Алексеенко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - Т. 16. - № 12. - С. 199–211.
4. Хабиров, А. И. Современное правовое регулирование гражданских отношений по законодательству Китайской Народной Республики / А. И. Хабиров. – Текст : непосредственный // Правовое регулирование экономической деятельности. - 2023. - Т. 8. - № 2. - С. 88 – 96.
5. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П. В. Трощинский. - М.: Синосфера, 2020. – 448 с. – Текст : непосредственный.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. - № 32. - Ст. 3301.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 52 (1 ч.). - Ст. 5496.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 5. - Ст. 410.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 49. - Ст. 4552.
10. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 48. - Ст. 6724.
11. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 30.01.2026, с изм. от 03.02.2026) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - № 32. - Ст. 1227.
12. Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 01.05.2022) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - № 2. - Ст. 62.
13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3451.
14. Чжан, Л. Концепции «личной информации» и «персональных данных» в праве Китая и России / Л. Чжан. - Текст : непосредственный // Юридические исследования. - 2025. - № 6. - С. 53 – 70.
15. Трощинский, П. В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики / П. В. Трощинский. - Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. - 2021. - № 3. - С. 101–113.
16. Проект Федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Ли, Яо Правовое обеспечение прав человека в гражданском кодексе КНР в условиях развития новых технологий / Яо Ли. - Текст : непосредственный // Lex russica. - 2021. - Т. 74. - № 4. - С. 130 - 141.
18. Ван, Г. Административно-правовые меры по обеспечению безопасности персональных данных при раскрытии информации правительством Китая // Вестник университета СПб. Право. 2024. Т.15.№ 3.
19. Попова, Е. К. Правовая защита личной информации: опыт Китайской Народной Республики. - Текст : непосредственный // Наука. Общество. Государство. - 2024. - Т. 12. - № 2 (46). - С. 66–75.
20. Чернусь Н. Ю., Сунь Юйпэн. Проблемы защиты персональных данных в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и практика. - 2023. - Т. 19. - № 3. - С. 69–77.

21. Гун, Н. Защита персональных данных в Китае: законодательство в цифровую эпоху. - Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2023. - № 1. - С. 159–172.
22. Положение об администрировании глубокого синтеза информационных сервисов Интернета от 25 ноября 2022 г. // База данных национальных законов и нормативных актов КНР. URL: https://fl k.npc.gov.cn (дата обращения: 12.08.2026).

Lyudmila D. Turshuk Regulation of personal non-property rights under Chinese and Russian civil legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 405-413.

This article provides a comparative legal analysis of the exercise and protection of personal non-property rights under Chinese and Russian civil law. The relevance of the article is due to the need to improve Russian civil legislation regulating personal non-property relations by studying foreign experience, as well as the importance of developing synergy and integration between Russia and China, including in the legal sphere. The study revealed that the Civil Code of the Russian Federation lacks a systematization of norms on personal non-property rights, unlike the Civil Code of the People's Republic of China. The Chinese legislator establishes a broader range of holders of personal rights, including an unborn child if it is born alive. It has been revealed that many types of personal rights regulated by the civil legislation of Russia and China are similar in content and legal regulation, but they have their own specific features. Chinese civil legislation includes personal rights and a method.

Keywords: personal non-property rights, protection of intangible assets, Civil Code of the People's Republic of China, civil law of China, comparative analysis of legislation, personal information, methods of protecting personal rights, holders of personal non-property rights, protection of a patient's personal rights, protection of personal data.

Spisok literatury:

1. Konstituciya RF (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus»
2. Civil Code of the People's Republic of China. National People's Congress. 2020. Retrieved from https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People%27s_Republic_of_China
3. Alekseenko, A. P. Harakternye cherty Grazhdanskogo kodeksa KNR / A. P. Alekseenko. – Tekst : neposredstvennyj // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2021. - T. 16. - № 12. - S. 199–211.
4. Habirov, A. I. Sovremennoe pravovoe regulirovanie grazhdanskih otnoshenij po zakonodatel'stvu Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoj deyatel'nosti. 2023. T. 8. № 2. - S. 88 – 96.
5. Grazhdanskij kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki/otv.red. P.V.Troshchinskij. M.: Sinosfera, 2020. 448 s
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 10.06.2026) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994. - № 32. - St. 3301.
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 23.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. - № 52 (1 ch.). - St. 5496.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 24.06.2025, s izm. ot 09.06.2026) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. - № 5. - St. 410.
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. - № 49. - St. 4552.
10. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» (red. ot 25.04.2026) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 2011. - № 48. - St. 6724.
11. Zakon RF ot 25.06.1993 № 5242-1 «O prave grazhdan Rossijskoj Federacii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta prebyvaniya i zhitel'stva v predelah Rossijskoj Federacii»//Vedomosti SND i VSRF. 1993.№ 32.
12. Zakon RF ot 22.12.1992 g. № 4180-1 «O transplantacii organov i (ili) tkanej cheloveka» (red. ot 01.05.2022) // Vedomosti SND i VS RF. - 1993. - № 2. - St. 62.
13. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» (red. ot 24.06.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 2006. - № 31 (1 ch.). - St. 3451.
14. CHzhan, L. Koncepcii «lichnoj informacii» i «personal'nyh dannyh» v prave Kitaya i Rossii / L. CHzhan. - Tekst : neposredstvennyj // YUridicheskie issledovaniya. - 2025. - № 6. - S. 53 – 70.
15. Troshchinskij, P. V. Pervyj Grazhdanskij kodeks novogo Kitaya: voprosy teorii i praktiki / P. V. Troshchinskij. - Tekst : neposredstvennyj // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2021. - № 3. - C. 101–113.
16. Proekt Federal'nogo zakona № 718834-8 «O vnesenii izmenenij v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
17. Li, YA. Pravovoe obespechenie prav cheloveka v grazhdanskom kodekse KNR v usloviyah razvitiya novyh tekhnologij / YA. Li. - Tekst : neposredstvennyj // Lex russica. - 2021. - T. 74. - № 4. - S. 130 - 141.
18. Van, G. Administrativno-pravovye mery po obespecheniyu bezopasnosti personal'nyh dannyh pri raskrytii informacii pravitel'stvom Kitaya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. T.15.№3.S.815
19. Popova, E. K. Pravovaya zashchita lichnoj informacii: opyt Kitajskoj Narodnoj Respubliki / E. K. Popova. - Tekst : neposredstvennyj // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. - 2024. - T. 12. - № 2 (46). - S. 66–75.
20. CHernus', N. YU. Problemy zashchity personal'nyh dannyh v Rossii i Kitae: sravnitel'no-pravovoj analiz / N. YU. CHernus', YU. Sun'. // YUridicheskaya nauka i praktika. - 2023. - T. 19. - № 3. - S. 69–77.
21. Gun, N. Zashchita personal'nyh dannyh v Kitae: zakonodatel'stvo v cifrovuyu epohu / N. Gun. - Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. - 2023. - № 1. - S. 159–172.
22. Polozhenie ob administrirovanii glubokogo sinteza informacionnyh servisov Interneta ot 25 noyabrya 2022 g. // Baza dannyh nacional'nyh zakonov i normativnyh aktov KNR. URL: https://fl k.npc.gov.cn
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 414-419.

УДК 349.2

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ТРУДА

Чаштанова Д. П.

Новосибирский государственный университет

В статье исследуются правовые вопросы соотношения принципа свободы объединения и принципов социального партнерства в сфере труда. На основе анализа международных трудовых стандартов, российского трудового законодательства и отечественной доктрины выделяются три основных подхода к соотношению принципа свободы объединения и принципов социального партнерства: 1) принцип свободы объединения и принципы социального партнерства как самостоятельные, независимые друг от друга принципы; 2) принцип свободы объединения как часть системы принципов социального партнерства; 3) принципы социального партнерства как элемент принципа свободы объединения. Сделан вывод, что оптимальным представляется подход, в соответствии с которым принципы социального партнерства рассматриваются в качества элемента принципа свободы объединения. Отмечается, что условиях цифровой экономики принцип свободы объединения имеет более широкую сферу действия, поэтому должен распространяться не только на работников, но и на платформенных занятых.

Ключевые слова: социальное партнерство в сфере труда, основополагающие принципы и права в сфере труда, принцип свободы объединения, принципы социального партнерства, право на объединение, право на ведение коллективных переговоров, право на забастовку, платформенная занятость, платформенные занятые, Конвенция МОТ № 193.

Свобода объединения признается фундаментальным принципом и правом, провозглашенным в универсальных актах о правах человека [1], актах Международной организации труда (далее – МОТ) [2], актах Совета Европы [3]. Определение свободы объединения в качестве принципа и права нашло отражение в Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда 1998 г. [4]. Содержание свободы объединения раскрывается в конвенциях МОТ, в соответствии с которыми свобода объединения носит широкий характер и охватывает «не только собственно право на создание профсоюзов и объединений работодателей, но и право на ведение коллективных переговоров, заключение коллективных договоров; защиту от дискриминации в связи с реализацией свободы объединения; информирование и проведение консультаций; разрешение трудовых споров экономического характера (споров об интересах)» [5, с. 16].

Прежде всего в науке трудового права исследуется вопрос соотношения свободы объединения и права на объединение. Анализируя обозначенный вопрос, И. О. Снигирева пришла к выводу, что свобода объединения первичнее права на объединение, поскольку представляет собой неотъемлемую часть широкого спектра свобод человека и гражданина, закрепленных на международном уровне. В свою очередь, право на объединение является инструментом реализации свободы объединения [6, с. 99]. В содержание указанного права включаются «право на создание объединений, право на вхождение в них (на членство), право участия в деятельности объединения, право выхода из него, а также «негативное» право – не создавать объединений, не входить в них» [7, с. 25]. В РФ право на объединение гарантируется ст. 30 Конституции\ а приоритетным представителем работников признается профсоюз.

Говоря о соотношении принципа свободы объединения и принципов социального партнерства, следует отметить, что в результате конституционных поправок 2020 г. [8] произошло расширение юридического содержания понятия «социальное партнерство», которое стало распространяться на более широкий круг общественных отношений, выходящий за рамки сферы труда. По этой причине С. Ю. Чуча обращает внимание на то, что принципы социального партнерства не ограничиваются трудовыми отношениями и могут быть перенесены в иные сферы общественного

бытия [9, с. 252]. Социальное партнерство выступает одновременно институтом трудового права и принципом правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. В этой связи А. Я. Петров справедливо отмечает «смешение основополагающих в праве категорий: института отрасли права и ее принципа» [10, с. 169]. Исследователь приводит в пример институт трудового договора, который, будучи центральным институтом трудового права, не признается его принципом [10, с. 169]. Наряду с этим социальное партнерство является единственным институтом трудового права, получившим текстуальный способ закрепления принципов в ст. 24 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ). Они определяют «границы, желательные формы и способы взаимодействия сторон социального партнерства» [11, с. 73].

Подход российского законодателя, касающийся соотношения принципа свободы объединения и принципов социального партнерства, отражен в ст. 2 ТК РФ, согласно которой принцип свободы объединения выражается в обеспечении права работников и работодателей на объединение для защиты своих прав и интересов, включая право работников создавать профессиональные союзы и вступать в них, право работодателей создавать объединения работодателей и вступать в них. В свою очередь, социальное партнерство, выступая принципом трудового права, включает право на участие работников, работодателей, их объединений в договорном регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Также законодатель выделяет в качестве самостоятельного принципа обеспечение права работников на участие в управлении организацией в предусмотренных законом формах, который дублирует принцип социального партнерства. Приведенное положение можно объяснить несовершенством юридической техники. Таким образом, в трудовом законодательстве свобода объединения и социальное партнерство признаются самостоятельными принципами правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. Независимость анализируемых принципов ставится под сомнение альтернативными подходами к их соотношению, о которых пойдет речь дальше.

В юридической литературе сформировалась позиция, в соответствии с которой принцип свободы объединения является неотъемлемой частью системы принципов социального партнерства. Так, В. А. Сафонов относит свободу объединения к принципам социального партнерства, отмечая, что данный принцип имеет системообразующий характер для всего института социального партнерства [12, с. 195]. А. М. Лушников и М. В. Лушникова на основе анализа международно-правовых актов выделяют принцип свободы ассоциации и защиты прав профсоюзов и иных представителей трудящихся в качестве одного из международно-правовых принципов социального партнерства [13, с. 94]. Более того, на уровне государств-членов ЕАЭС предлагается предусмотреть в национальном трудовом законодательстве унифицированную систему принципов социального партнерства, среди которых на первом месте находится принцип свободы ассоциаций (объединений) [14, с. 224]. Обозначенная позиция соответствует теории единого трудового правоотношения, сформулированной Н. Г. Александровым в 1948 г. [15]. Вместе с тем отнесение принципа свободы объединения к принципам социального партнерства ограничивает сферу его действия исключительно традиционным наемным трудом, не учитывая современные тенденции в области цифровизации трудовых отношений.

В рамках следующего подхода принципы социального партнерства рассматриваются как элемент принципа свободы объединения. Представляется, что принцип свободы объединения первичнее принципов социального партнерства. Это фундамент, лежащий в основе принципов социального партнерства. Реализация принципа свободы объединения позволяет создавать субъектов социально-партнерских отно-

шений, которые не могут существовать в отрыве от данного принципа. При этом по своей природе принцип свободы объединения, в отличие от трудоправовых принципов социального партнерства, является межотраслевым, поэтому не ограничивается сферой труда и осуществляется помимо этого через создание гражданами политических партий, общественных объединений, религиозных организаций [16, с. 139].

Применительно к трудовому праву широкое толкование принципа свободы объединения также имеет место. Комитет по свободе объединения Административного совета МОТ называет право на ведение коллективных переговоров одним из основных элементов свободы объединения [17, с. 197]. Действительно, в актах МОТ свобода объединения и действенное признание права на ведение коллективных переговоров неразрывно связаны [18, с. 192]. Кроме того, стоит согласиться с зарубежными учеными, по мнению которых право на забастовку также тесно связано с принципом свободы объединения и является его неизбежным следствием, несмотря на то что в актах МОТ оно прямо не установлено [19, p. 30]. Можно сделать вывод, что содержательную часть принципа свободы объединения составляет комплекс коллективных трудовых прав, ключевыми из которых являются право на объединение, право на ведение коллективных переговоров и право на забастовку.

На основании вышеизложенного следует выделить три основных подхода к соотношению принципа свободы объединения и принципов социального партнерства: 1) принцип свободы объединения и принципы социального партнерства как самостоятельные, независимые друг от друга принципы; 2) принцип свободы объединения как часть системы принципов социального партнерства; 3) принципы социального партнерства как элемент принципа свободы объединения.

Оптимальным видится третий подход, который в большей степени отвечает современным правовым вызовам в сфере труда, среди которых особое место занимает развитие платформенной занятости. Принятие Федерального закона от 31.07.2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступает в силу с 1 октября 2026 г.) (далее – Закон № 289-ФЗ) должно было поставить точку в определении правовой природы платформенной занятости. Но избранная отечественным законодателем цивилистическая модель не соответствует интересам платформенных занятых, которые могут находиться в личной и экономической зависимости в отношениях с платформой, а также сталкиваться с негативными последствиями алгоритмического управления. Нередко правовое положение платформенных занятых сопоставимо с правовым положением работников, поэтому вопрос предоставления платформенным трудящимся социально-трудовых гарантий в том или ином объеме по-прежнему остается актуальным.

Одним из ключевых направлений обеспечения защиты платформенных занятых трудоправовыми инструментами является использование механизмов социального партнерства. С. Ю. Чуча подчеркивает, что в результате распространения института социального партнерства на новые формы организации труда к ним постепенно будут применяться отдельные положения иных институтов трудового права, а впоследствии может произойти полное поглощение этих форм нормами ТК РФ [20, с. 26].

Обращение к институту социального партнерства требует анализа реализации платформенными занятыми коллективных трудовых прав. В доктрине обосновывается признание за платформенными занятыми права на объединение (С. Ю., Чуча [21, с. 20], К. Л. Томашевский [22, с. 59], Т. А. Избиенова [23, с. 47] и др.). Как отмечалось ранее, право на объединение в широком смысле гарантируется платформенным занятым Конституцией РФ. Более того, подп. 7 п. 2 ст. 16 Закона № 289-ФЗ позволяет им «на добровольной основе принимать участие в общественных объеди-

нениях партнеров-исполнителей» [24]. По мнению МОТ, все основополагающие принципы и права в сфере труда должны распространяться на платформенных занятых независимо от наличия трудовых отношений [25, p. 142].

1-12 июня 2026 г. в Женеве состоялась 114-я сессия Международной конференции труда, итогом которой стало принятие Конвенции МОТ № 193 «О достойном труде в платформенной экономике» (далее – Конвенция МОТ № 193) [26]. Конвенция МОТ № 193 является первым в мире международным стандартом, регулирующим труд лиц, занятых на цифровых трудовых платформах. В ст. 3 Конвенции МОТ № 193 подтверждается точка зрения МОТ о необходимости распространения на работников цифровых платформ всех основополагающих принципов и прав в сфере труда, включая свободу объединения и действенное признание права на ведение коллективных переговоров [27]. Более того, в соответствии со ст. 2 Конвенции МОТ № 193 сфера действия данной Конвенции охватывает работников цифровых платформ как формальной, так и неформальной экономики [27]. Позиция МОТ объясняется тем, что в условиях цифровой экономики модернизация теории единого трудового правоотношения становится неизбежной. Традиционный подход к структуре трудовых отношений требует новых решений, учитывающих потребности меняющегося мира. И если с распространением на платформенных трудящихся принципа и права на свободу объединения следует согласиться, то реализация ими права на ведение коллективных переговоров вызывает сомнения, поскольку указанным правом наделены исключительно стороны социального партнерства. Следуя этой логике, можно сделать вывод, что должно произойти расширение субъектного состава института социального партнерства. Такое решение видится поспешным и малоэффективным на современном этапе развития платформенной занятости. В той же степени дискуссионно осуществление платформенными занятыми права на забастовку.

В условиях цифровизации принцип свободы объединения приобретает более широкую сферу действия, выступая предпосылкой возникновения принципов социального партнерства. Принцип свободы объединения заключается в возможности создавать соответствующих субъектов – сторон социального партнерства, способы взаимодействия которых выражаются в принципах исследуемого института. При этом принцип свободы объединения не должен ограничиваться сторонами социального партнерства, позволяя иным категориям занятых, труд которых сопоставим с классическими работниками, реализовать основополагающий принцип и право на свободу объединения. Таким образом, определение подходов к соотношению принципа свободы объединения и принципов социального партнерства научно значимо и необходимо как в традиционных трудовых отношениях, так и в новых формах организации труда. Наиболее эффективным представляется подход, согласно которому принципы социального партнерства рассматриваются в качестве элемента принципа свободы объединения. Он выражается в более широком содержании фундаментального принципа свободы объединения, который должен распространяться не только на работников с формальным статусом, но и на других уязвимых лиц, в том числе платформенных занятых.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (принята в г. Женева 18.06.1998) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Герасимова Е. С., Островская Ю. Е., Бизюков П. В. Свобода объединения в современной России: практика, проблемы, опыт защиты. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2018. 148 с.
6. Снигирева И. О. Право на объединение и свобода объединения: соотношение понятий и содержания // Ежегодник трудового права. 2014. № 10. С. 97–111.
7. Снигирева И. О. Свобода объединения и право на объединение работников и работодателей // Трудовое и социальное право. 2014. № 3(11). С. 20–27.
8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Чуча С. Ю. Конституционализация и расширение юридического содержания понятия социального партнерства в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 249–261.
10. Петров А. Я. Социальное партнерство в сфере труда: современная правовая концепция // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4(55). С. 165–172.
11. Воронкова Е. Р. Понятие и принципы социального партнерства в сфере труда // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12. № 2. С. 71–79.
12. Социальное партнерство: учеб. для вузов / под ред. В. А. Сафонова. М.: Издательство Юрайт, 2026. 395 с.
13. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М.: Проспект, 2022. 272 с.
14. Евразийское трудовое право: учеб. / под ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского. М.: Проспект, 2019. 494 с.
15. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 336 с.
16. Томашевский К. Л. Либертарные принципы трудового права в государствах - членах Евразийского экономического союза // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 1. С. 134–147.
17. Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения Административного совета МОТ, и выработанных им принципов. Женева: МБТ, 2016. 300 с.
18. Снигирева И. О. Конституционное право на объединение в профсоюзы как одно из основных прав граждан в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6(107). С. 189–197.
19. Bellace Janice R. The ILO and the right to strike // International Labour Review. 2014. Vol. 153. No. 1. P. 29–70.
20. Чуча С. Ю. Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости. М.: Проспект, 2024. 448 с.
21. Чуча С. Ю. Проблемы реализации защитной функции профсоюзов в новых формах занятости // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 18–21.
22. Томашевский К. Л. Право платформенных занятых на коллективные переговоры: от зарубежного опыта к международным трудовым стандартам // Право и экономика. 2025. № 11(453). С. 54–61.
23. Избиенова Т. А. Вопросы реализации права на забастовку гиг-работников на примерах отдельных стран БРИКС // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 3. С. 46–48.
24. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
25. Promoting Employment and Decent Work in a Changing Landscape, ILC.109/III(B). Geneva: ILO, 2020. 385 p.
26. Международная конференция труда завершилась принятием первой Конвенции о достойном труде в платформенной экономике. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/новости/ilc/ilc114/международная-конференция-труда-завершилась-принятием-первой-конвенции-о (дата обращения: 25.07.2026).
27. Конвенция о достойном труде в платформенной экономике. ILC.114/Конвенция 193. Международная конференция труда — 114-я сессия, Женева, 2026 г. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2026-06/ILC114-Instrument%20C.193-%5BRELMEETINGS-260522-003%5D-RU.pdf (дата обращения: 25.07.2026).

Chashtanova D. P. Legal issues of the relationship between the principle of freedom of association and the principles of social partnership in industrial relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 414-419.

The article examines the legal issues of the relationship between the principle of freedom of association and the principles of social partnership in industrial relations. Based on an analysis of international labor standards, Russian labor legislation and domestic doctrine, three main approaches to the relationship between the principle of freedom of association and the principles of social partnership are identified: 1) the principle of freedom of association and the principles of social partnership as independent principles; 2) the principle of freedom of association as part of the system of principles of social partnership; 3) the principles of social partnership as an element of the principle of freedom of association. It is concluded that the optimal approach seems to be one in which the principles of social partnership are considered as an element of the principle of freedom of association. It is noted that in the context of the digital economy, the principle of freedom of association has a broader scope of application and should therefore apply not only to workers but also to platform workers.

Keywords: social partnership in industrial relations, fundamental principles and rights at work, the principle of freedom of association, principles of social partnership, the right to association, the right to collective bargaining, the right to strike, platform employment, platform workers, ILO Convention No. 193.

Spisok literatury:

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskih, social'nyh i kul'turnyh pravah" (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Deklaraciya Mezhdunarodnoj organizacii truda «Ob osnovopolagayushchih principah i pravah v sfere truda» (prinyata v g. ZHeneva 18.06.1998) // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Gerasimova E. S., Ostrovskaya YU. E., Bizyukov P. V. Svoboda ob"edineniya v sovremennoj Rossii: praktika, problemy, opyt zashchity. M.: ANO «Centr social'no-trudovyh prav», 2018. 148 s.
6. Snigireva I. O. Pravo na ob"edinenie i svoboda ob"edineniya: sootnoshenie ponyatij i soderzhaniya // Ezhegodnik trudovogo prava. 2014. № 10. S. 97–111.
7. Snigireva I. O. Svoboda ob"edineniya i pravo na ob"edinenie rabotnikov i rabotodatelej // Trudovoe i social'noe pravo. 2014. № 3(11). S. 20–27.
8. Zakon RF o popravke k Konstitucii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti» // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. CHucha S. YU. Konstitucionalizaciya i rasshirenie yuridicheskogo soderzhaniya ponyatiya social'nogo partnerstva v Rossijskoj Federacii // Pravoprimenenie. 2021. T. 5. № 3. S. 249–261.
10. Petrov A. YA. Social'noe partnerstvo v sfere truda: sovremennaya pravovaya koncepciya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. № 4(55). S. 165–172.
11. Voronkova E. R. Ponyatie i principy social'nogo partnerstva v sfere truda // YUridicheskaya nauka i praktika. 2016. T. 12. № 2. S. 71–79.
12. Social'noe partnerstvo: ucheb. dlya vuzov / pod red. V. A. Safonova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2026. 395 s.
13. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Trudovye prava v XXI veke: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya. M.: Prospekt, 2022. 272 s.
14. Evrazijskoe trudovoe pravo: ucheb. / pod red. M. V. Lushnikovoj, K. S. Ramankulova, K. L. Tomashevskogo. M.: Prospekt, 2019. 494 s.
15. Aleksandrov N. G. Trudovoe pravootnoshenie. M.: YUrid. izd-vo MYU SSSR, 1948. 336 s.
16. Tomashevskij K. L. Libertarnye principy trudovogo prava v gosudarstvah - chlenah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza // Russian Journal of Economics and Law. 2024. T. 18. № 1. S. 134–147.
17. Svoboda ob"edineniya: sbornik reshenij, prinyatyh Komitetom po svobode ob"edineniya Administrativnogo soveta MOT, i vyrabotannyh im principov. ZHeneva: MBT, 2016. 300 s.
18. Snigireva I. O. Konstitucionnoe pravo na ob"edinenie v profsoyuzy kak odno iz osnovnyh prav grazhdan v Rossii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2015. № 6(107). S. 189–197.
19. Bellace Janice R. The ILO and the right to strike // International Labour Review. 2014. Vol. 153. No. 1. P. 29–70.
20. CHucha S. YU. Obespechenie i zashchita social'no-trudovyh prav v usloviyah transformacii sfery truda i zanyatosti. M.: Prospekt, 2024. 448 s.
21. CHucha S. YU. Problemy realizacii zashchitnoj funkcii profsoyuzov v novyh formah zanyatosti // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2023. № 3. S. 18–21.
22. Tomashevskij K. L. Pravo platformennyh zanyatyh na kollektivnye peregovory: ot zarubezhnogo opyta k mezhdunarodnym trudovym standartam // Pravo i ekonomika. 2025. № 11(453). S. 54–61.
23. Izbienova T. A. Voprosy realizacii prava na zabastovku gig-rabotnikov na primerah otdel'nyh stran BRIKS // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2025. № 3. S. 46–48.
24. Federal'nyj zakon ot 31.07.2025 № 289-FZ «Ob otdel'nyh voprosah regulirovaniya platformennoj ekonomiki v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
25. Promoting Employment and Decent Work in a Changing Landscape, ILC.109/III(B). Geneva: ILO, 2020. 385 p.
26. Mezhdunarodnaya konferenciya truda zavershilas' prinyatiem pervoj Konvencii o dostojnom trude v platformennoj ekonomike. URL: https://www.ilo.org/ru/resource/новости/ilc/ilc114/международная-конференция-труда-завершилась-принятием-первой-конвенции-о (data obrashcheniya: 25.07.2026).
27. Konvenciya o dostojnom trude v platformennoj ekonomike. ILC.114/Konvenciya 193. Mezhdunarodnaya konferenciya truda — 114-ya sessiya, ZHeneva, 2026 g. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2026-06/ILC114-Instrument%20C.193-%5BRELMEETINGS-260522-003%5D-RU.pdf

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 420-426.

УДК 349.412.3

ИНСТИТУТ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ярошевская А. М., Калантай Р. Ю.
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье исследуется законодательный институт принудительного отчуждения земельных участков для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации. Анализируется нормативное регулирование, включая конституционные основания и систему ключевых принципов. Особое внимание уделено новеллам Федерального закона № 538-ФЗ от 28 декабря 2024 г., вступившим в силу с 1 марта 2025 г., которые инициировали цифровую трансформацию процедуры изъятия (интеграцию ЕГРН с ГИС Торги, сокращение административных сроков, введение независимой верификации оценки через саморегулируемые организации оценщиков). Автор выявляет сохраняющиеся системные проблемы, а на основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ обосновывается тенденция перехода судебной практики от формальной проверки процедур к углубленной оценке реальных последствий изъятия для имущественного положения правообладателя. Делается вывод о необходимости не только процессуальной, но и материально-правовой реформы.

Ключевые слова: изъятие земельных участков, государственные и муниципальные нужды, судебная практика, баланс публичных и частных интересов, принудительное отчуждение, компенсационных механизм.

Институт принудительного отчуждения земельных участков для государственных и муниципальных нужд занимает особое место в системе российского земельного и административного права. Будучи одной из форм государственного воздействия на частную собственность, данный механизм требует соблюдения баланса между публичными интересами общества и конституционно гарантированной защитой прав граждан и юридических лиц. Актуальность темы обусловлена не только фундаментальной значимостью земли как природного ресурса и объекта недвижимости, но и постоянной динамикой законодательства, судебной практики, а также сохраняющимися доктринальными дискуссиями о пределах допустимого вмешательства государства в сферу частного права собственности. Административно-правовое регулирование данного процесса образует сложный многокомпонентный институт, целью которого является достижение разумного баланса в рассматриваемом вопросе. Нормативная основа закреплена прежде всего в Земельном кодексе РФ [1], ГК РФ [2], а также в ряде иных нормативных правовых актах [3].

Юридическую базу любого изъятия составляет ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, допускающая «принудительное отчуждение имущества для государственных нужд исключительно при условии предварительного и равноценного возмещения» [4]. Данное конституционное положение получает дальнейшую детализацию в нормах ГК РФ и в гл. VII.1. Земельного кодекса РФ. В доктрине система ключевых принципов отображается через призму того, что изъятие признается допустимым лишь тогда, когда оно направлено на достижение социально значимых целей, которые «строго определены федеральным законодательством (к ним относятся выполнение международных обязательств, размещение объектов федерального или местного значения при отсутствии альтернативных вариантов, а также иные случаи, прямо установленные федеральными законами)» [5], при этом «ни одно изъятие не может быть произведено без предоставления собственнику компенсации, покрывающей все убытки, включаю упущенную выгоду» [6], а в случае недостижения соглашения между органом власти и собственником решение об отчуждении принимается только судом [7]. Таким образом, административно-правовая конструкция изъятия зе-

мельных участков в РФ базируется на конституционных началах соразмерности, законности и судебной защиты прав собственников, что в своей совокупности призвано обеспечивать сбалансированность публичных и частных интересов.

В науке земельного права обоснованно акцентируется, что данный институт основывается на презумпции исключительности (субсидиарности) принудительного отчуждения, то есть изъятие земельного участка допускается лишь в ситуациях, когда достижение публично значимой цели невозможно с помощью иных, менее обременительных для собственника средств. Как отмечают Л.А. Голубева и В.А. Кургина, прекращение права собственности на землю правомерно только при условии доказанности отсутствия альтернативных способов реализации публичного интереса [8]. Вместе с тем анализ правоприменительной практики свидетельствует об обратной тенденции, поскольку предусмотренный ст. 49 Зем. кодекса РФ перечень оснований для изъятия нередко подвергается расширительному толкованию судами первых инстанций, что фактически смещает сложившийся баланс между частными и публичными интересами в пользу государства.

Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 538-ФЗ, вступивший в силу с 1.03.2025 г., ознаменовал качественно новый этап реформирования гл. VII.1. Зем. кодекса РФ [9]. Внешне данная правовая новелла может быть охарактеризована как преимущественно процедурная и техническая, однако ее подлинное содержание выходит за рамки простой процессуальной оптимизации. С принятием этого акта в российском земельном законодательстве получила импульс цифровая трансформация процедуры принудительного отчуждения участков для публичных нужд, которая не ограничивается простым ускорением формальных процедур, а выступает одной из ведущих тенденций современного правового развития. Главный стратегический ориентир законодателя при этом заключается в повышении уровня транспарентности изъятия и усилении доказательной обоснованности решений, принимаемых в отношении каждого конкретного земельного надела.

Принципиально иным становится качество взаимодействия между правообладателями и публичными органами, что достигается благодаря внедрению полностью электронного межведомственного обмена информацией посредством интеграции Единого госреестра недвижимости (ЕГРН) с государственной информационной системой проведения торгов (ГИС Торги). Такая интеграция не только ликвидирует избыточные бюрократические звенья, но и кардинально меняет саму логику коммуникации сторон. В результате существенно снижаются риски манипулятивных практик и коррупциогенных факторов, а к государственным органам предъявляются более высокие требования в виде того, что они обязаны предоставлять развернутую систему аргументов, подтверждающих реальность и приоритетность публичных целей изъятия [10]. Параллельно с указанными изменениями были скорректированы и временные параметры ключевых административных действий. Так сравнение ранее действовавших и текущих нормативных предписаний позволяет выявить разнонаправленные тенденции в регулировании сроков от их существенного сокращения в одних случаях до введения новых временных ограничений в других. Если первоначально уполномоченному органу отводилось два месяца на проверку наличия либо отсутствия оснований для отказа в утверждении схемы расположения земельного участка, то в обновленной редакции этот период сокращен до тридцати дней. Аналогичное уменьшение с 2-х месяцев до 30 дней затронуло и проверку обстоятельств, исключающих возможность выставления земельного участка на аукцион.

В сфере аукционных процедур также произошли значимые корректировки. Минимальный временной разрыв между публикацией извещения о торгах и их проведением уменьшен с т30 дней до 10 рабочих дней. При этом ранее отсутствовал какой-либо предельный срок для опубликования извещения с момента принятия ре-

шения о проведении аукциона, теперь же законодатель установил трехмесячный лимит. Еще одно сокращение коснулось интервала между днем завершения приема заявок и днем аукциона вместо пяти дней отведено три дня. Изменения затронули и документальное оформление итогов торгов. Если прежде срок составления протокола никак не регламентировался, то в действующей версии он не может превышать одного рабочего дня, следующего за датой аукциона. Срок направления победителю (или единственному участнику) проекта договора сокращен с десяти до пяти дней. Период, отводимый на подписание договора указанными лицами и его возврат в уполномоченный орган, уменьшен с 13 дней до 10 рабочих дней [9].

Важно отметить появление ранее отсутствовавшего временного ограничения, на уполномоченный орган теперь возложена обязанность обеспечить формирование испрашиваемого участка (либо уточнение его границ) и принять решение о проведении аукциона в срок, не превышающий 4-х месяцев. Т.е, совокупность приведенных изменений свидетельствует о стремлении законодателя к оптимизации административных процедур, сокращению излишних задержек и приданию определенности там, где прежде имели место правовые пробелы. Т.е., формальная оптимизация сроков выступает лишь одним из элементов более масштабной реформы, направленной на повышение прозрачности и обоснованности всей процедуры изъятия.

Значимым нововведением в процедуру изъятия земельных участков для публичных нужд стало требование об обязательной независимой верификации их рыночной стоимости. В соответствии со ст. 56.8 Земю кодекса РФ в действующей редакции, «отчуждение земельного надела допускается только после опубликования заключения саморегулируемой организации оценщиков в реестре, который ведет Росреестр» [1]. Данная мера направлена на пресечение ситуаций, при которых органы публичной власти могли бы использовать заведомо некорректные либо ангажированные отчеты об оценке, причиняя тем самым существенный имущественный вред правообладателям. Т.е., реформирование приобретает значение институциональной гарантии конституционного права граждан на справедливое возмещение.

Одной из наиболее острых проблем правового регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд выступает отсутствие в действующем законодательстве легального определения самого понятия «государственные и муниципальные нужды». Эта дефиниция, несмотря на ее широкое использование в нормах Зем. кодекса РФ (ст. 49, 56.2-56.11) [1], ГК РФ (ст.279-282) [2], а также в иных нормативных актах, например, в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ [11] и в Жилищном кодексе РФ (ст. 32) [12], остается законодательно неопределенной, что порождает существенные пробелы в правовом регулировании рассматриваемой сферы.

Отсутствие легального определения понятия «государственные и муниципальные нужды» влечет за собой многочисленные правоприменительные трудности при реализации норм об изъятии земельных участков. «Главная проблема заключается в невозможности четкого разграничения публичного интереса и частных прав собственников, что нередко становится причиной судебных споров между органами публичной власти и гражданами. А.Д. Мартынова обосновано указывает на негативные последствия отсутствия в текущем законодательстве четкой дефиниции. Неопределенность критериев для идентификации соответствующих нужд, по ее мнению, способна провоцировать произвольные действия компетентных органов, а также ставит под угрозу реализацию конституционных гарантий» [13]. Иллюстрацией данной проблемы может служить ситуация, когда под видом реализации «общественно полезных целей» изымаются участки для проектов, имеющих преимущественно коммерческую направленность, например, строительство торгово-

развлекательного комплекса. Подобная практика вступает в противоречие с правовой природой изъятия, закрепленной в ст. 49 Земельного кодекса РФ [1]. Одной из попыток нормативного восполнения законодательного пробела выступает позиция Верховного Суда РФ, изложенная в определении от 27.10.2015 г. № 309-КГ15-5924, согласно которой под «государственными и муниципальными нуждами могут пониматься потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), но является невозможным без изъятия имущества, принадлежащего частному субъекту» [14]. Однако, как обоснованно отмечает А.Д. Мартынова, «приведенное разъяснение носит неполный характер, поскольку не конкретизирует содержание «интересов общества» и критериев определения «общественно полезных целей»» [13].

Следствием подобной неопределенности становится фактическая подмена публичных интересов частными, что находит выражение в расширительном толковании понятия «нужд» правоприменительными органами. Такая ситуация может порождать коррупционные моменты, когда излишне широкое усмотрение уполномоченных субъектов позволяет принимать решения об изъятии земельных участков у добросовестных владельцев без надлежащего обоснования публичной необходимости. Также на правовую коллизию ссылается Т.С. Тиньгаева, говоря о том, что «с отсутствием в российском законодательстве легального термина «государственные либо муниципальные нужды», приводит к неоднозначности правового регулирования, в результате чего страдают как процедура изъятия земли, так и права собственников, так как их защита становится крайне затруднительной» [15, с. 259].

Одним из наиболее существенных правовых вызовов, влияющих на гарантии права собственности и поддержание баланса между публичными и частными интересами при изъятии земельных участков, выступает открытый характер перечня оснований для такого изъятия. Данный перечень не является исчерпывающим, что представляет законодателю возможность закреплять в федеральных законах все новые основания для принудительного отчуждения «частных земель» [16, с. 25]).

При этом сохранение за законодателем права определять новые основания изъятия, с одной стороны, позволяет оперативно реагировать на «динамично меняющиеся общественные потребности. Однако с другой стороны, такая правовая конструкция создает условия для злоупотребления со стороны специально уполномоченных органов, ведет к принятию необоснованных решений и способна провоцировать коррупционные проявления в процессе изъятия. Критерии оценки общественной необходимости при этом размываются, а риск принудительного отчуждения земельного участка для добросовестного владельца необоснованно возрастает, что в конечном счете подрывает доверие граждан к государственным институтам» [17].

Проблема приобретает еще более острый характер в силу того, что новые основания изъятия, вместо их всестороннего и детального анализа в рамках единого кодифицированного акта, нередко фрагментарно включаются в различные ФЗ. Подобный подход нарушает целостность и системность правового регулирования земельных отношений, поскольку разрозненные нормы затрудняют правоприменение и снижают предсказуемость правового режима земельной собственности.

При этом отметим, что даже в условиях инкорпорирования в правовой механизм процедурных новелл, призванных оптимизировать процесс изъятия земель для государственных и муниципальных нужд, одной из фундаментальных проблем остается дискретность (неполнота) компенсационного инструментария. Обращение к эмпирическому материалу в данной области, позволяет констатировать, что подлинно эквивалентное и справедливое возмещение должно детерминироваться с включением в его состав так называемого «маржинального ущерба». Как обоснованно констатирует А.П. Скуркайте, справедливое возмещение должно учитывать потери,

обусловленные нарушением сложившейся экономической деятельности правообладателя, затраты на переезд, а также сопутствующие издержки [10]. Исходя из вышесказанного значит, что пока расширенный (комплексный) подход к исчислению компенсации не будет имплементирован в позитивное правовое поле, любые меры, ориентированные на повышение транспарентности процедурных аспектов изъятия, объективно оказываются недостаточными для обеспечения полноценной и эффективной судебно-правовой защиты интересов собственника. В этой связи с позиций юридической доктрины очевидно, что одни лишь технические и процедурные инновации (включая цифровизацию и сокращение сроков) не способны в полной мере предотвратить злоупотребление и обеспечить прозрачность изъятия. Как справедливо отмечает К.А. Суханова, главной гарантией защиты прав собственников должна выступать не процедурная, а материально-правовая определенность [18, с. 201]. Таким образом, совершенствование рассматриваемого института требует не только процессуальных, но и фундаментальных институциональных реформ.

Отдельно следует отметить проблему правоприменения в сфере изъятия земельных участков в виде разрыва между формальной обязанностью судебных актов и их фактической исполнимостью. Указанная дивергенция проявляется в ситуациях, когда экспроприированный объект уже вовлечен в использование для публичных нужд, тогда как причитающиеся правообладателю компенсационные выплаты пролонгировано задерживаются на неопределенный срок. Однако Верховный Суд РФ в ответ на данный системный дисбаланс формирует правовую позицию, в соответствии с которой императивный приоритет отдается именно реальному (эффективному) возмещению, достижение которого обеспечивается путем легитимации четких и гарантированных компенсационных процедур. К числу таковых относятся авансовые платежи (в том числе с использованием эскроу-счетов), обязательное бюджетное резервирование средств до начала любых мероприятий по изъятию, а также действенный юрисдикционный контроль, осуществляемый судом за соблюдением временных параметров исполнения принятых решений.

А также особый правовой режим установлен для земель с/хназначения. «При рассмотрении споров, связанных с изъятием таких участков исходят из приоритета их охраняемых функций. Наличие лицензии на осуществление деятельности или утвержденной стратегии развития того или иного проекта само по себе не может подменять собой надлежащие доказательства наличия общественного интереса, оправдывающего изъятие. Для данной категории дел применяется усиленный стандарт доказывания, который включает в себя экологическое и агроэкономическое обоснование последствий вмешательства в режим землепользования, анализ кумулятивного эффекта такого вмешательства на продовольственную безопасность, а также мотивированное опровержение возможности использования рабочих альтернатив как планировочного, так и технологического характера. Презумпция необходимости сохранения сельскохозяйственных угодий может быть опровергнута исключительно на основе надлежащей и всесторонней доказательной базы, что прямо вытекает из правовой позиции, изложенной в работе Р.В. Секретарёва» [19].

Исследование подтверждает, что институт изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в РФ базируется на конституционных принципах исключительности, предварительного равноценного возмещения и судебного контроля. Вступление в силу ФЗ № 538 ФЗ от 28.12.2024 г. инициировало цифровую трансформацию процедуры, что повышает прозрачность и снижает коррупционные риски, а судебная практика демонстрирует переход от формальной проверки процедур к оценке реальных последствий для собственника, но сохраняются системные проблемы, которые указывают на то, что для достижения подлинного баланса между публичными и частными интересами требуется системное материаль-

но-правовое реформирование, направленное на устранение нормативной неопределенности и усиление гарантий права частной собственности.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ: в ред. от 20 марта 2025 г. [Электрон. ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2026. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200001.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) [Электрон. ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации.
3. Чикова, В. О. Административно-правовая основа изъятия земельных участков / В. О. Чикова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 11 (614). — С. 201-203. — URL: https://moluch.ru/archive/614/134354.
4.Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 04.10.2022) [Электрон. ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2026. — URL:http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013.
5. Боголюбов, С. А. Земельное право: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.
6. Липски, С. А. Правовые аспекты изъятия земельных участков для публичных нужд: монография / С. А. Липски. — Москва : Гос. ун-т по землеустройству, 2021. — 168 с.
7.Жариков, Ю. Г. Изъятие земельных участков: правовые основы и судебная практика / Ю. Г. Жариков. — Москва : Норма, 2022. — 184 с.
8. Голубева Л. А., Кургина В. А. Проблема баланса публичных и частных интересов при изъятии земель для государственных и муниципальных нужд // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 4. – С. 97-102.
9. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и признании утратившей силу части 7 статьи 34 Федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»»: Федеральный закон от 28 дек. 2024 г. № 538-ФЗ [Электрон. ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. - 2026.
10. Скуркайте, А. П. Изъятие земельных участков для государственных нужд в Российской Федерации в 2025 году: современные тенденции судебной практики и механизмы усиления гарантий прав собственников // Молодой ученый. — 2025. — № 27 (578). — С. 215-218.
11. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (в последней редакции): Федеральный закон от 05 апр. 2013 г. № 44-ФЗ.
12. Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025). [Электрон. ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2026.
13. Мартынова, А. Д. Проблемы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд / А. Д. Мартынова. — Текст: электронный // Интернет-конференции Сибирского юридического университета: [сайт]. — URL: https://conf.siblu.ru/problemy-pravovogo.
14. Решение Верховного суда: Определение N 309-КГ15 5924 от 27.10.2015 Судебная коллегия по экономическим спорам, кассация. — Текст: электронный // Закон РФ правовая навигационная система.
15. Тиньгаева, Т. С. Проблемы изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 5. — С. 257–265.
16.Балтуева, О. Р. О некоторых проблемах изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Современная цивилистика: научно-практический журнал. 2021. № 2. — С. 21–28.
17. Булыкова, Э. Б. Проблемы изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Молодой ученый. — 2026. — № 2 (605). — С. 296-300.
18. Суханова, К. А. О гарантиях прав при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Молодой ученый. — 2023. — № 1 (448). — С. 199–201.
19. Секретарёв Р.В. Баланс публичных и частных интересов при изъятии земельных участков: проблемы правоприменения // Право и политика. 2025. № 10. С. 192-200.

Yaroshevskaya A.M., Kalantay R. Yu. The institute of land acquisition for state and municipal needs in the Russian Federation: legal framework, digital transformation and logistical problems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 420–426.

The article examines the legislative institution of compulsory alienation of land plots for state and municipal needs in the Russian Federation. Regulatory regulation is analyzed, including constitutional grounds and a system of key principles. Special attention is paid to the amendments to Federal Law No. 538-FZ of December 28, 2024, which entered into force on March 1, 2025, which initiated the digital transformation of the withdrawal procedure (integrating the Unified State Register of Legal Entities with GIS Bidding, reducing administrative deadlines, and introducing independent verification of assessments through self-regulatory organizations of appraisers). The author identifies persistent systemic problems, and based on an analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, the tendency of judicial practice to shift from formal verification of procedures to an in-depth assessment of the real consequences of seizure for the property status of the copyright holder is substantiated. The conclusion is drawn about the need for not only procedural, but also substantive and legal reform.

Keywords: seizure of land plots, state and municipal needs, judicial practice, balance of public and private interests, forced alienation, compensation mechanism.

Spisok literatury:

1. Zemel`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: federal`ny`j zakon ot 25 okt. 2001 g. № 136-FZ: v red. ot 20 marta 2025 g. [E`lektron. resurs] // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. — 2026. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503200001.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya): feder. zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 24.07.2023) [E`lektron. resurs] // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. — 2026. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102033239.
3. Chikova, V. O. Administrativno-pravovaya osnova iz``yatiya zemel`ny`x uchastkov / V. O. Chikova. — Tekst : neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. — 2026. — № 11 (614). — S. 201-203.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 (s izm. i dop. ot 04.10.2022) [E`lektron. resurs] // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. — 2026. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013.
5. Bogolyubov, S. A. Zemel`noe pravo: uchebnik dlya vuzov / S. A. Bogolyubov. — 6-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Prospekt, 2023. — 456 s.
6. Lipski, S. A. Pravovy`e aspekty` iz``yatiya zemel`ny`x uchastkov dlya publichny`x nuzhd: monografiya / S. A. Lipski. — Moskva : Gos. un-t po zemleustrojstvu, 2021. — 168 s.
7. Zharikov, Yu. G. Iz``yatie zemel`ny`x uchastkov: pravovy`e osnovy` i sudebnaya praktika / Yu. G. Zharikov. — Moskva : Norma, 2022. — 184 s.
8. Golubeva L. A., Kurgina V. A. Problema balansa publichny`x i chastny`x interesov pri iz``yatii zemel` dlya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. – 2022. – № 4. – S. 97-102.
9. O vnesenii izmenenij v Zemel`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii i stat`yu 3 Federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Zemel`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshej silu chasti 7 stat`i 34 Federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Zemel`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii i otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii»»: Federal`ny`j zakon ot 28 dek. 2024 g. № 538-FZ [E`lektron. resurs] // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. — 2026. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280043.
10. Skurkajte, A. P. Iz``yatie zemel`ny`x uchastkov dlya gosudarstvenny`x nuzhd v Rossijskoj Federacii v 2025 godu: sovremenny`e tendencii sudebnoj praktiki i mexanizmy` usileniya garantij prav sobstvennikov / A. P. Skurkajte. — Tekst : neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. — 2025. — № 27 (578). — S. 215-218.
11. O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd (v poslednej redakcii): Federal`ny`j zakon ot 05 apr. 2013 g. № 44 FZ [E`lektron. resurs] // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. — 2026. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/37056.
12. Zhilishhny`j kodeks Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2004 N 188-FZ (red. ot 04.11.2025). [E`lektron. resurs] // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. — 2026. — URL: http://pravo.gov. ru/proxy /ips /? docbody=&nd=102090645.
13. Marty`nova, A. D. Problemy` pravovogo regulirovaniya iz``yatiya zemel`ny`x uchastkov dlya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd / A. D. Marty`nova. — Tekst: e`lektronny`j // Internet-konferencii Sibirskogo yuridicheskogo universiteta: [sajt]. — URL: https://conf.siblu.ru/problemy-pravovogo-regulirovaniya-izyatiya-zemelnyh-uchastkov-dlya-gosudarstvennyh-i-municipalnyh.
14. Reshenie Verxovnogo suda: Opredelenie N 309-KG15 5924 ot 27.10.2015 Sudebnaya kollegiya po e`konomicheskim sporam, kassaciya. — Tekst: e`lektronny`j // Zakon RF pravovaya navigacionnaya sistema: [sajt]. — URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/29609985f23752717d11893e8120acc5/.
15. Tin`gaeva, T. S. Problemy` iz``yatiya zemel`nogo uchastka dlya gosudarstvenny`x ili municipal`ny`x nuzhd / T. S. Tin`gaeva. — Tekst: neposredstvenny`j // Voprosy` rossijskoj yusticii. — 2025. № 5. S. 257–265.
16. Baltueva, O. R. O nekotory`x problemax iz``yatiya zemel`ny`x uchastkov dlya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd / O. R. Baltueva, R. A. Baldaeva. — Tekst: neposredstvenny`j // Sovremennaya civilistika: nauchno-prakticheskij zhurnal. — 2021. — № 2. — S. 21–28.
17. Buly`kova, E`. B. Problemy` iz``yatiya zemel`ny`x uchastkov dlya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd / E`. B. Buly`kova, M. A. Shkut. — Tekst : neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. — 2026. — № 2 (605). — S. 296-300. — URL: https://moluch.ru/archive/605/132345.
18. Suxanova, K. A. O garantiyax prav pri iz``yatii zemel`ny`x uchastkov dlya gosudarstvenny`x i municipal`ny`x nuzhd / K. A. Suxanova. — Tekst: neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. — 2023. — № 1 (448). — S. 199–201.
19. Sekretaryov R.V. Balans publichny`x i chastny`x interesov pri iz``yatii zemel`ny`x uchastkov: problemy` pravoprimeneniya // Pravo i politika. 2025. № 10. S. 192-200.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 427-431.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.57

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Алейникова В. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Незаконный оборот наркотических средств – проблема, не теряющая своей актуальности уже длительное время. В рамках научного исследования автор акцентирует внимание на проблемах и особенностях уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств. Пропаганда наркотических средств является существенной угрозой антинаркотической безопасности Российской Федерации. Пропаганда наркотических средств, в частности, осуществляемая публично, ведет порой к неизмеримым пагубным последствиям. Такие последствия имеют обширный круг своего воздействия, что делает их практически неконтролируемым. Пропаганда наркотических средств в особенности негативно сказывается на формировании сознания молодого поколения, закрепляя в его мировоззрении неправильные ценностные установки и жизненные принципы. Все это в конечном итоге может привести к деградации общества. Ввиду этого законодательно с марта 2026 г. в Российской Федерации была введена уголовная ответственность за пропаганду наркотических средств. Изменения, касающиеся уголовной ответственности за пропаганду наркотиков, назрели уже достаточно давно, что было вызвано объективными запросами общества. Вместе с тем такие нормативные изменения вступили в силу лишь в марте 2026 г. – до марта 2026 г. предпринималось несколько попыток криминализации пропаганды наркотиков, однако данные попытки не были успешными. Уголовная ответственность за пропаганду наркотиков в Российской Федерации – явление относительно новое, однако объективно необходимое. Вместе с тем ввиду молодости данного социально-правового института вопросы уголовной ответственности за пропаганду наркотиков не лишены своих проблем, на что обращает внимание автор в рамках данного научного исследования.

Ключевые слова: наркотики, незаконный оборот наркотических средств, наркотизация, пропаганда наркотических средств, уголовно-правовая политика, профилактика, противодействие, уголовная ответственность, криминализация, антинаркотическая политика.

Антинаркотическая политика РФ остается одной из наиболее актуальных тем для научного исследования уже длительное время. Распространение и потребление наркотиков – глобальная проблема, оказывающая негативное влияние на развитие социума в целом. Антинаркотическое законодательство РФ в последнее десятилетие характеризуется динамичным ужесточением норм уголовного закона в указанной области. Федеральным законом от 08.08.2024 № 226-ФЗ в УК РФ была введена норма, предусматривающая уголовную ответственность за пропаганду наркотиков, что стало еще одним шагом на пути ужесточения антинаркотической политики. Новая норма стала действовать с 1.03.2026 г. Ввиду новизны, появившейся ст. 230.3 УК РФ практика ее применения представлена малым количеством судебной практики. Указанная норма в данный момент проходит своеобразную апробацию. Все это порождает научный интерес для детального исследования вопроса уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств как нового правового явления.

Введение уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств было вызвано объективными причинами и всецело отвечает требованиям и запросам общества. Пропаганда наркотических средств стала обыденностью, с которой сталкивались многие граждане, зачастую подвергаясь такой пропаганде против своей воли. Особо активно пропагандистскую деятельность осуществляли представители современного медиапространства. Некоторые музыканты, видеоблогеры и иные субъекты медиаполя транслировали позицию о возможности потребления наркотических средств в широкие массы. При этом зачастую такие субъекты оставались безнаказанными должным образом из-за отсутствия соответствующего нормативного предписания в уголовном законе. Фактически осуществлялась асоциальная деятельность, которая представляла угрозу для общества в целом, а в особенности для

представителей молодежи, но вместе с тем уголовная ответственность за такую деятельность не была предусмотрена. Отсутствие такой ответственности, очевидно, только лишь порождает дальнейшее развитие пропаганды наркотических средств.

Введение нормы, устанавливающей уголовную ответственность за пропаганду наркотических средств, позволит не оставить безнаказанным лицо, чья деятельность явно противоречит теперь не только нормам морали и нравственности, но и уголовному закону. Публичные лица (впрочем, как и иные лица, занимающиеся подобной деятельностью) должны осознавать роль и значение своих асоциальных действий. Однако пагубность таких действий осознавалась далеко не всеми. Некоторые публичные личности занимались пропагандой наркотических средств. Подобные случаи не исключены на практике. В СМИ периодически освещалась информация о том, что тот или иной представитель медиапростанства фактически занимается пропагандой наркотических средств. И такие прецеденты не отличались своей разовостью. Так, в январе 2025 г. к ответственности за пропаганду наркотиков в сети Интернет посредством размещения видеоролика на видеоплатформе был привлечен блогер Сергей Косенко [1]. В ноябре 2025 г. к ответственности был привлечен и другой блогер Арсен Маркарян, который также транслировал информацию в сети Интернет о положительном влиянии наркотического средства как стимулятора физической и умственной активности и источника постоянной энергии [2]. Кажется справедливым высказывание А.М. Бычковой о том, что «немаловажную роль в распространении наркомании, принявшей во всем мире характер эпидемии, приобрела пропаганда употребления наркотиков, первоначально проникшая в традиционные СМИ, а затем полыхнувшая в Интернете» [3, с. 325]. Пропаганда в Интернете имеет неограниченный масштаб действия, как и, соответственно, неограниченные последствия. Субъекты, транслирующие информацию в массы, должны осознавать характер своих действий и возможную неконтролируемость пагубных последствий таких действий. Ввиду этого введение уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств видится правильным решением российского законодателя.

Отметим, что в юридической литературе мнение о необходимости введения уголовной ответственности за пропаганду наркотиков высказывалось давно. С предложением о введении уголовной ответственности выступали, к примеру, А.А. Лачин и Е.А. Лачина, которые писали, что «в качестве одной из мер должен выступать запретительный метод уголовного законодательства», и предлагали «внести изменения в уголовное законодательство, установив уголовную ответственность за склонение к потреблению и пропаганду наркотиков в сети «Интернет» [4, с. 86]. В.Н. Бурлаков и Л.Н. Плоткина в своем исследовании отмечали, что административная ответственность за пропаганду наркотических средств представляется малоэффективной [5, с. 30]. Все это свидетельствует о давности назревшей проблемы, которую законодатель попытался разрешить в связи с объективно назревшей социальной потребностью в криминализации пропаганды наркотиков в РФ. В РФ было предпринято несколько попыток криминализировать пропаганду наркотических средств, но в конечном итоге данная норма появилась в тексте УК относительно недавно.

Введение в текст уголовного закона новой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за пропаганду наркотиков, оказало положительное воздействие на социум. С марта 2026 г. со многих российских Интернет-сервисов, в частности, таких крупных сайтов как «Яндекс Музыка» и «VK Музыка» стали пропадать некоторые композиции и слова из таких композиций. Удалению или изменению подлежали многие песни, где в тексте могла фигурировать информация о положительном образе потребления наркотических средств. Тексты песен были отредактированы. Упоминание о положительном образе потребления наркотических

средств было изменено. Такую тенденцию следует связать именно с введением уголовной ответственности за пропаганду наркотических средств.

Удаление или изменение песен на крупных Интернет-площадках свидетельствует о положительном воздействии принятых изменений. Представители современного медиапространства серьезно отнеслись к законодательному запрету. И это является важнейшим шагом в профилактике наркотизации в целом. Как уже обозначалось, влияние музыки, видео и позиции представителей медиапространства на сознание социума огромное, так, если речь идет о молодежи, чье сознание характеризуется своей подвижностью и чрезмерной уязвимостью. Трансляция положительного образа потребления наркотических средств в СМИ, видео и музыке может сформировать неправильные жизненные установки у молодого поколения, оказывая пагубное воздействие на развитие российского социума в целом. Таким образом, несмотря на то, что изменения в законодательство были приняты относительно недавно, их положительный эффект уже наглядно продемонстрирован. Такой шаг законодателя – важнейший этап профилактики наркотизации населения в РФ в целом.

Вместе с тем уже внесенные законодателем изменения в уголовный закон были неоднозначно восприняты в юридическом сообществе. Если, например, адвокат Адвокатской палаты Москвы М. Радзиевская оценивает такое решение законодателя с положительной стороны, считая внесенные поправки своевременными и долгожданными, то А. Ненайденко – адвокат МКА «Юридическая фирма «Левант и партнеры» г. Москвы выражает критику в отношении таких изменений. Так, адвокат обращает внимание на то, что в тексте принятого закона «хромает» юридическая техника, а также остается неясной цель данного закона [6].

Несмотря на очевидное наличие сложностей в новой норме, ее важность введения в текст закона представляется неоспоримой. Однако это не умаляет тезиса о необходимости преодоления имеющихся пробелов, которые не позволяют правоприменителю наиболее эффективно использовать введенную норму. Так, в юридической литературе поднимается вопрос о разграничении понятий пропаганды наркотических средств и ее рекламы. Сегодня данный аспект недостаточно подробно раскрыт в законодательстве. Понятие пропаганды наркотиков нормативно раскрывается в ст. 46 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Общее понятие рекламы, нашел свое отражение в ст. 3 ФЗ «О рекламе». Отдельного определения о рекламе наркотических средств, в данный момент не предусмотрено.

Согласимся с Д.И. Маллекер в том, что «несмотря на то что пропаганда и реклама зачастую рассматриваются как синонимы, между этими способами маркетингового продвижения существуют различия» [7, с. 61]. Нами поддерживается данная позиция. Считаем, что понятия пропаганды и рекламы хотя и связаны между собой, все же имеют некоторые различия, которые, по нашему мнению, не позволяют их обозначать как тождественные и идентичные. Пропаганда, в первую очередь, направлена на формирование ценностных мировоззренческих установок в сознании населения, а реклама имеет несколько иную цель – продвижение информации об определенных товарах и услугах (в данном случае о наркотических средствах) для последующей возможной их реализации. Направленность пропаганды и рекламы несколько разнится. Хотя, безусловно, оба понятия имеют и множество схожих черт. Так, и пропаганда и реклама наркотиков предполагает доведение до третьих лиц информации о наркотическом средстве в ее положительном контексте.

Однако направленность пропаганды и рекламы разная. Ввиду этого представляется необходимым и на уровне уголовного закона разделять понятия пропаганды наркотических средств и рекламы наркотических средств. По нашему мнению, разделение уголовной ответственности отдельно за пропаганду наркотических средств и отдельно за рекламу наркотических средств сможет принести определенные по-

ложительные результаты. Если пропаганда наркотиков направлена на формирование общего лояльного отношения к незаконному обороту наркотических средств у населения, то их реклама уже имеет более конкретную направленность в виде реализации наркотических средств на криминальном рынке. Такая реализация наркотиков как некого товара зачастую предполагает получение прибыли, т.е. имеет корыстную направленность. Ввиду этого представляется, что в УК, по нашему мнению, следует ввести отдельную норму, предусматривающую ответственность за незаконную рекламу наркотических средств. Такое возможное нововведение позволит выстроить действенный механизм противодействия незаконному обороту наркотических средств, что позволит снизить риски наркотизации населения.

В юридическом сообществе критике подвергается диспозиция ст. 230.3 УК РФ. В частности, обращается внимание на наличие в нормах указанной статьи административной преюдиции. На этом делает акцент, например, А. Ненайденко – адвокат МКА «Юридическая фирма «Левант и партнеры» г. Москвы. Он указывает на наличие тенденции к попыткам «законодателя представить административные правонарушения даже не как приготовление к преступлению, а едва ли не как самостоятельную стадию преступления, с которой необходимо бороться» [8]. Вопрос об административной преюдиции в тексте уголовного закона в целом является одним из наиболее дискуссионных вопросов в доктрине. Так или иначе в настоящее время в РФ предусмотрена именно такая конструкция нормы, устанавливающей уголовную ответственность за пропаганду наркотиков. Данная норма является новой в тексте уголовного закона. Фактически ст. 230.3 УК РФ проходит свою некую апробацию на практике. Отметим, что судебная практика по делам данной категории пока малочисленна в силу объективных причин. Поэтому представляется, что пропаганда наркотиков и предусмотренная за это уголовная ответственность еще будут выступать темами для научных исследований и оживленных дискуссий. В последствии не исключены корректировки введенной нормы со стороны российского законодателя. Вместе с тем сам факт введения данной нормы в текст УК уже выступает в качестве эффективного средства профилактики незаконного оборота наркотиков в России.

Список литературы:

1.Полиция обратилась в суд с новым протоколом на блогера Косенко // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20250118/kosenko-1994335661.html (дата обращения 25.06.2026)
2.Блогера Маркаряна оштрафовали за пропаганду наркотиков // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20251124/sud-2057132775.html (дата обращения 27.06.2026)
3.Бычкова А.М. Проблемы использования антинаркотического потенциала СМИ в современных условиях // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – №2. – С. 324-339.
4.Лачин А. А., Лачина Е.А. Уголовная ответственность за незаконную рекламу наркотических средств: российский и международный опыт // Ученые записки. – 2020. – № 1(33). – С. 84-86.
5. Бурлаков В.Н., Плоткина Л.Н. Интернет на «службе» преступлений против здоровья населения и общественной нравственности // КриминалистЪ. – 2024. – №2 (47). – С. 26-33.
6.Приняты законы об ответственности за пропаганду незаконного оборота наркотиков // Адвокатская газета. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyaty-zakony-ob-otvetstvennosti-za-propagandu-nezakonnogo-oborota-narkotikov-/ (дата обращения 30.06.2026).
7.Маллекер Д.И. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – №1 (73). – С. 54-66.
8.Неоднозначное предложение. Какие риски несет включение в УК новой статьи с административной преюдицией // Адвокатская газета. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/neodnoznachnoe-predlozhenie/ (дата обращения 02.07.2026).

Alejnikova V.A. Criminal liability for the promotion of narcotic drugs as a means of preventing illicit drug trafficking // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 427–431.

Illicit drug trafficking is a problem that has not lost its relevance for a long time. In this research, the author focuses on the issues and peculiarities of criminal liability for the promotion of drugs. The promotion of drugs poses a significant threat to the anti-drug security of the Russian Federation. In particular, the public promotion of drugs can have devastating consequences. These consequences have a wide-ranging impact, making them virtually uncontrollable. The promotion of narcotic drugs has a particularly negative impact on the formation of the younger generation's consciousness, reinforcing incorrect values and principles in their

worldview. This can ultimately lead to the degradation of society. As a result, since March 2026, the Russian Federation has introduced criminal liability for the promotion of narcotic drugs.

Keywords: drugs, illicit drug trafficking, drug addiction, drug promotion, criminal law policy, prevention, counteraction, criminal liability, criminalization, and anti-drug policy.

Spisok literatury:

1.Policiya obratilas` v sud s novy`m protokolom na blogera Kosenko // RIA Novosti. – URL: https://ria.ru/20250118/kosenko-1994335661.html (data obrashheniya 25.06.2026).
2.Blogera Markaryana oshtrafovali za propagandu narkotikov // RIA Novosti. – URL: https://ria.ru/20251124/sud-2057132775.html (data obrashheniya 27.06.2026).
3.By`chkova A.M. Problemy` ispol`zovaniya antinarkoticheskogo potenciala SMI v sovremenny`x usloviyax // Voprosy` teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2016. – №2. – S. 324-339.
4.Lachin A. A., Lachina E.A. Ugolovnaya otvetstvennost` za nezakonnuyu reklamu narkoticheskix sredstv: rossijskij i mezhdunarodny`j opy`t // Ucheny`e zapiski. – 2020. – № 1(33). – S. 84-86.
5. Burlakov V.N., Plotkina L.N. Internet na «sluzhbe» prestuplenij protiv zdorov`ya naseleniya i obshhestvennoj nravstvennosti // KriminalistЪ. – 2024. – №2 (47). – S. 26-33.
6.Prinyaty` zakony` ob otvetstvennosti za propagandu nezakonnogo oborota narkotikov // Advokatskaya gazeta. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyaty-zakony-ob-otvetstvennosti-za-propagandu-nezakonnogo-oborota-narkotikov-/ (data obrashheniya 30.06.2026).
7.Malleker D.I. Propaganda narkotikov: prognosticheskaya ocenka rezul`tatov kriminalizacii i perspektivy` sovershenstvovaniya ugolovnogo zakona // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2025. – №1 (73). – S. 54-66.
8.Neodnoznachnoe predlozhenie. Kakie riski neset vklyuchenie v UK novoj stat`i s administrativnoj preyudiciej // Advokatskaya gazeta. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/neodnoznachnoe-predlozhenie/ (data obrashheniya 02.07.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 432-440.

УДК 343.9

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ПРЕСТУПНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Апкаев Д. М.

Владимирский юридический институт ВЮИ ФСИН России

В исследовании предпринимается попытка комплексного криминологического анализа природы и механизмов воздействия социальных медиа на преступность, рассматривается эволюция данного взаимодействия от эпохи традиционных средств массовой информации к эре цифровых платформ, а также предлагаются концептуальные основы для выработки стратегий минимизации негативных последствий. Актуальность темы обусловлена не только растущим объемом криминогенного контента в сети, но и глубокими трансформациями общественного сознания, происходящими под давлением управляемых информационных потоков, где границы между правдой и дезинформацией становятся все более размытыми.

Ключевые слова: средства массовой информации, правосознание, преступления, интернет, медиа, противоправность, общественная опасность, социальные сети, фейк, правосознание.

Современная эпоха характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни, в ходе которой социальные медиа утвердились в качестве центрального инструмента коммуникации, самовыражения и получения информации. Их проникновение в повседневность носит тотальный характер, формируя новую медийную экосистему, которая, наряду с несомненными благами, породила комплекс серьезных вызовов для общественной безопасности и правопорядка. В этом ряду особую актуальность приобретает проблема влияния социальных сетей и интернет-платформ на уровень и характер преступности.

Согласно с российским законодательством, под СМИ понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации. С одной стороны, журналисты распространяют правовые знания, снижая уровень юридической безграмотности и нигилизма. С другой - в том же информационном потоке часто присутствуют материалы, которые действуют противоположным образом. Люди узнают не только о фактах преступлений, но и о конкретных способах их совершения, о криминальной субкультуре. Это порождает подражание, усиливает тревожность, формирует негативное отношение к правоохранительным органам и, что особенно опасно, увеличивает число латентных преступлений.

С появлением и распространением интернета, и в особенности соцсетей, качество и масштабы медиавоздействия претерпели революционные изменения. Социальные медиа, в широком смысле также являющиеся средством массовой информации, представляют собой принципиально иную, децентрализованную и хаотичную систему. Привычная вертикаль редакционного управления, где информация проходила многоступенчатый отбор, сегодня уступила место горизонтальным потокам: пользовательский контент льется без остановки, и его автором может стать кто угодно, независимо от образования, опыта или намерений. Это привело к тому, что институты цензуры практически перестали справляться, а задачи регулирования интернет-среды превратились в настоящий вызов для законодателей и модераторов. Социальные сети в этом новом раскладе выступают уже не просто ретранслятором новостей о криминале, а полноценной средой обитания - здесь, внутри цифровых экосистем, вполне может сформироваться и созреть криминогенная атмосфера.

Для того чтобы понять, каким образом социальные медиа трансформируют не только информационное поле, но и глубинные структуры общественного сознания, необходимо обратиться к социально процессам, которые разворачиваются в цифровой среде и создают предпосылки для криминализации массовых настроений.

Современная криминогенная обстановка складывается под влиянием сразу нескольких социально-психологических процессов, и здесь важно подчеркнуть: эти

процессы не только провоцируют преступность, но и сами активно ею питаются, образуя замкнутый круг. Один из самых заметных феноменов - криминализация массового сознания. Привычные моральные ориентиры, социально одобряемые нормы и повседневные модели поведения постепенно утрачивают былую силу. На их место агрессивно внедряются ложные стереотипы и ценности, которые часто имеют прямое происхождение из криминальной субкультуры.

Платформы устроены так, что их алгоритмы любой ценой стараются удержать внимание человека, предоставляя контент, способный вызывать яркие эмоции - от шока и негодования до восхищения. В этой бесконечной конкурентной борьбе закономерно выигрывают материалы, демонстрирующие насилие, пренебрежение законом, гедонистическое отношение к деньгам и силе. Неудивительно, что в цифровом пространстве героями нередко становятся личности, чей успех и положение если не доказано, то с высокой вероятностью связаны с незаконными методами. Их образы сознательно конструируются через визуально привлекательный контент, истории «взлета» и показную роскошь, и этот конструкт особенно легко проникает в молодежную среду. Там сила, циничный расчет и моральный релятивизм преподносятся не как недостатки, а как эффективный социальный лифт в мире, который воспринимается как изначально несправедливый. Так соцсети становятся действенным орудием нормативной эрозии, стирая границу между дозволенным и недозволенным, легальным и криминальным. Впрочем, алгоритмическое влияние на сознание - это лишь верхушка айсберга. За ним стоят более сложные психологические механизмы, которые превращают отдельных пользователей в заложников цифровых экосистем и создают благоприятную среду для радикализации взглядов.

Именно поэтому в центре современных криминологических исследований оказывается вопрос о том, как в цифре рождаются и тиражируются определенные социальные типажи. В отличие от традиционных медиа, альтернативные каналы предоставляют возможность прямого диалога с аудиторией и самостоятельного выбора просветительского контента, что кардинально меняет саму структуру влияния.

Однако психологические механизмы - это лишь один слой проблемы. Второй, не менее значимый слой - это целенаправленное создание и распространение ложной информации, которая в социальных медиа превратилась в настоящее информационное оружие, способное подрывать доверие к государственным институтам и формировать искаженную картину реальности. Этот процесс усугубляется феноменом дезинформации и так называемых «фейковых новостей». В отличие от ошибки или непрофессионализма традиционной журналистики, фейки в соцмедиа представляют собой целенаправленное информационное оружие [14, с. 132]. Они используются для дискредитации правоохранительных институтов, манипуляции общественным мнением по резонансным уголовным делам, разжигания социальной ненависти и розни. Создавая параллельную, искаженную реальность, где сотрудники полиции изображаются исключительно как коррумпированные бездельники, а преступники - как «жертвы системы» или «борцы за справедливость», такие кампании напрямую подрывают авторитет закона и правосудия. У граждан формируется устойчивое убеждение в неэффективности и порочности государственных институтов, что, в свою очередь, оправдывает в их глазах самостоятельные, в том числе противоправные, действия для достижения целей или «восстановления справедливости». В источниках масс-медиа нередко противопоставлены 2 образа: образ «врага» (сотрудника полиции) и образ «справедливого» преступника, что формирует мнение о бездействии и коррумпированности полиции и одновременно снижает негативное восприятие самой преступности [8, с. 52]. Таким образом, социальные медиа становятся полем для ведения информационных войн, где правопорядок является одной из главных мишеней.

Наиболее отчетливо деструктивный потенциал фейков проявился в период специальной военной операции, когда информационное противостояние достигло беспрецедентного накала, а законодателю пришлось в срочном порядке искать право-

вые инструменты для защиты национальных интересов в цифровой среде. Особую остроту проблема правового регулирования информационного пространства приобрела с началом СВО, когда социальные сети и интернет-платформы превратились в арену масштабной информационной войны. Как справедливо отмечается в научной литературе, фейкинг стал одним из инструментов посягательства на государственную, общественную и военную безопасность, при помощи которого организуется дезинформация общества, обеспечивается деструктивное воздействие на общественное сознание и формируется негативное общественное мнение [6, с. 76]. В данном контексте, как констатируют авторы, уже можно вести речь о новой форме преступности и необходимости противодействия ей.

Стоит отметить, что законодательный ответ на эти вызовы уже был предпринят. 4.03.2022 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Им УК РФ был дополнен 2 ключевыми статьями: ст. 207.3 (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, исполнении госорганами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска нацгвардии РФ) и ст. 280.3 (Публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения госорганами РФ своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска нацгвардии РФ). Как подчеркивает С.Д. Захарчук, российская уголовная политика является неотъемлемым компонентом госполитики, которая модернизируется под воздействием негативных последствий новых рисков и угроз национальной безопасности, а также традиционных криминальных вызовов [7, с. 50]. Оперативность внесения указанных изменений в УК РФ, по мнению исследователей, была обусловлена необходимостью пресечения деятельности лиц по распространению в СМИ, а также в сети «Интернет» заведомо ложной информации об использовании ВС РФ и их дискредитации [15, с. 208].

Общественная опасность этих деяний не вызывает сомнений у представителей юридической науки. Как справедливо отмечает А.В. Бриллиантов, «заведомо ложная или, как теперь принято говорить, фейковая информация имеет перед собой цель исказить образ государства, его вооруженных сил, их целей и задач, средств и достижений, что в результате беспрепятственно позволяет создать в глазах и сознании людей образ врага, демонизировать страну и ее население» [3, с. 22]. Распространение указанной информации «недоброжелателями», имеет своей целью обоснование санкционной политики в отношении РФ, что в итоге должно привести к международной изоляции страны, истощению экономики, дестабилизации общества и, как следствие, к смене власти. А.Г. Кибальник указывает, что «введение в уголовный закон рассматриваемой статьи объясняется тем, что публичное распространение ложной информации (например, о проводимых военных операциях, боевых действиях, количестве боевых потерь) может привести к развитию неверных представлений среди населения о ходе специальной военной операции, "созданию пессимистического настроения в... обществе"» [10, с. 64]. Кроме того, дискредитация использования ВС РФ подрывает авторитет органов государственной власти, прежде всего связанных с военным управлением. Н.Б. Зазаева и С.М. Федюнина в своем исследовании, посвященном фейковым новостям как инструменту пропаганды в цифровом пространстве российского общества, приходят к выводу, что традиционных информационных мер борьбы с фейками недостаточно и необходимо активнее применять правовые механизмы, ограничивающие распространение фейковой информации во «всемирной паутине» [5, с. 118]. Изучение тематики фейковых новостей с начала СВО и появление все новых ресурсов, распространяющих их, свиде-

тельствует об информационной войне, активно ведущейся в российском цифровом пространстве.

Таким образом, период специальной военной операции стал своего рода «стресс-тестом» для российской правовой системы в сфере регулирования информационного пространства. Введение уголовной ответственности за фейки и дискредитацию ВС стало вынужденной, но, как представляется большинству исследователей, необходимой мерой, направленной на защиту национальных интересов в условиях гибридной войны. Вместе с тем, как подчеркивают авторы научных публикаций, важно обеспечить баланс между защитой государственных интересов и соблюдением конституционных прав граждан, а также продолжать совершенствовать правоприменительную практику с учетом накопленного опыта и возникающих проблемных вопросов. Это требует дальнейших комплексных научных исследований и выработки четких, однозначных критериев отграничения законной критики от противоправных деяний. Обращаясь от правовых аспектов к содержательной стороне вопроса, стоит отметить, что влияние социальных медиа на преступность не исчерпывается изменением ценностных ориентиров и распространением ложной информации. Оно проявляется и в конкретных криминогенных факторах, которые можно выявить при контент-анализе современных медиапотоков.

Контент-анализ современных медиапотоков позволяет идентифицировать три ключевых криминогенных фактора, влияющих на формирование массовых настроений. Первый - гипертрофированно натуралистическое изображение жестоких способов совершения преступлений, мучений потерпевших и т.п. Если в прошлом подобная манера подачи выполняла функцию устрашения, то ныне она превратилась в квазинорму, активно эксплуатируемую в коммерческих целях. Демонстрация откровенных сцен насилия - даже под предлогом «благородных намерений» - способна оказать выраженное криминогенное действие, особенно на несовершеннолетних: специалисты констатируют рост жестокости в подростковой преступности, а сюжеты деяний нередко дословно воспроизводят сцены из кинофильмов или компьютерных игр. Второй - доминирование криминальной и насильственной тематики в медийных произведениях приводит у части аудитории к формированию привычки к безнаказанности, восприятию преступности как неизбежного атрибута повседневности, что искажает представления о реальной степени опасности разных видов правонарушений: менее тяжкие проступки воспринимаются равнодушно, растет толерантность к правонарушителям. Третий - глубокая коммерциализация медиапространства, ориентированная на спрос, который в условиях почти неограниченной свободы информации тяготеет к запретному, скандальному, аморальному.

Влияние соцмедиа не ограничивается сферой сознания и ценностей, они оказывают прямое, инструментальное воздействие на совершение конкретных преступлений. Соцмедиа предоставляют доступ к огромному количеству информации, поощряющей насилие, азартные игры, употребление алкоголя и наркотиков, а также преступные действия [12, с. 312]. Платформы стали универсальной базой знаний и инструментарием для потенциальных правонарушителей. В открытом доступе или в закрытых тематических сообществах распространяются инструкции по изготовлению взрывчатых веществ, взлому электронных систем, организации кибератак, уклонению от уплаты налогов, сбыту наркотиков и т.п. Данные обстоятельства значительно снижает порог входа в преступную деятельность, делая ее доступной для широкого круга лиц, не обладающих специальными связями в криминальном мире. Несовершеннолетние, находясь в поиске своего места в социуме и имея не до конца сформированное понимание «хорошего» и «плохого», могут подвергаться воздействию негативных образцов поведения и перенимать их.

Впрочем, пожалуй, самым тревожным трендом последних лет стало стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта в криминальную практику, что кардинально расширило технические возможности злоумышленников и сделало их действия более изощренными и труднораскрываемыми.

Особую тревогу в последние годы вызывает стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта в криминальную практику. Генеративные нейросети, дипфейки и алгоритмы клонирования голоса превратились из инструментов развлечения и творчества в мощное оружие в руках злоумышленников, кардинально расширив их возможности по обману, шантажу и манипуляции. Масштаб угрозы наглядно демонстрируют данные российской банковской системы. Как сообщили в пресс-службе Сбера, за 1,5 г. число преступлений с применением дипфейков выросло в 26 раз, а суммарный ущерб от таких схем с начала 2026 г. превысил 2 млрд руб. [13]. В банке отметили, что доля дипфейков в общем объеме кибермошенничеств пока остается небольшой, однако такие атаки носят адресный характер и нацелены на хищение крупных средств. Технология дипфейка, основанная на нейросетях, позволяет создавать реалистичные поддельные видео- и аудиозаписи, которые мошенники используют для обмана жертв, подделывая голоса и облик руководителей, чиновников или известных персон.

Председатель совета по противодействию технологическим правонарушениям Координационный совет Негосударственной сферы безопасности РФ И. Бедеров уточнил, что доля дипфейков в 2025 г. составила порядка 12% от всех успешных атак. При этом именно эти схемы, являются самыми прибыльными и самыми разрушительными по сумме ущерба на одну жертву. «В России точная статистика по ИИ-мошенничеству не выделяется в отдельный массив, но по нашим оценкам, до 90% кибергруппировок, работающих по модели социальной инженерии, так или иначе используют нейросети - для генерации текстов, аудиовизуального контента, создания фишинговых сайтов или автоматизации скриптов звонков», - рассказал Бедеров [11]. Он выделил 5 основных направлений, в которых активно применяется ИИ: вишинг нового поколения с использованием клонирования голоса, видеодипфейки в реальном времени, гибридные схемы «руководитель - силовик», первичная отработка жертв, а также генерация фишингового контента и сайтов. Тревогу вызывает тот факт, что люди распознают качественные видеодипфейки лишь в 24,5% случаев, а голосовое клонирование уже перешло «порог неразличимости» - человек на слух не может надежно отличить клонированный голос от настоящего. Как отмечает Бедеров, определенные маркеры все же существуют: неестественная смена интонации или манеры речи, особенно на стыках фраз; неестественные движения лица и тела, особенно рта и глаз; избыточная правильность в стиле и речи.

Распространение дипфейков одновременно усиливает опасения вокруг биометрических сервисов. У россиян возникает вопрос, могут ли размещенные в Сети фото, видео или записи голоса использоваться для подтверждения личности. Однако, как поясняют эксперты, здесь важно разделять два разных риска: воздействие на человека с помощью убедительной подделки и попытку пройти техническую проверку от его имени. Таким образом, искусственный интеллект не просто расширяет арсенал криминальных средств - он принципиально меняет саму природу преступности, делая ее более технологичной, масштабируемой и труднее обнаруживаемой. Социальные сети, предоставляя неограниченный доступ к личным данным пользователей, становятся той питательной средой, в которой эти новые угрозы процветают и эволюционируют. Новые технологии, безусловно, расширяют арсенал криминальных средств, однако они не отменяют и традиционных способов использования социальных сетей в преступных целях - подготовку, координацию и рекламу противоправной деятельности, которые с развитием цифровых платформ приобрели невиданный ранее размах. Кроме того, социальные сети активно используются для подготовки, координации и рекламы преступной деятельности. Организованные преступные группы, как отмечается в исследованиях на примере Бразилии [2], используют публичные платформы и мессенджеры для запугивания населения, вербовки новых членов, контроля над территориями и даже для рекламы своих незаконных товаров и услуг. Террористические и экстремистские организации ведут через социальные медиа массированную пропаганду, вербовку и обучение сторон-

ников по всему миру. Киберпреступность, такая как фишинг, вымогательство с использованием вредоносного ПО, кража персональных данных, изначально зародилась и развивается в цифровой среде, где социальные сети являются ключевым каналом для сбора информации о жертвах и социальной инженерии. Еще одним тревожным феноменом, тесно связанным с психологическим воздействием и виктимизацией, является провокация подражательных преступлений, когда виральное распространение видео с актами жестокости или детальными репортажами о громких преступлениях выступает в роли триггера для психически нестабильных лиц.

Отдельным тревожным феноменом является провокация подражательных преступлений. Алгоритмы, построенные на вовлечении, зачастую создают для пользователя, проявляющего интерес к насилию или деструктивным идеологиям, своеобразную «эхо-камеру», постоянно подпитывая его соответствующим контентом. Виральное распространение видео с актами жестокости или детальными репортажами о громких преступлениях может выступать в роли триггера для психически нестабильных лиц, предлагая им сценарий действий и гарантируя, благодаря механизмам медиатизации, мгновенную «славу» и внимание. С развитием цифровых технологий общество получило беспрецедентный доступ к информации и возможности для взаимодействия, расширило возможности обучения и самовыражения, но увеличило риски подверженности негативному влиянию, включая распространение экстремистских идеологий, онлайн-травлю и зависимость от интернета [10, с. 231]. Таким образом, социальные медиа не только отражают существующие криминальные тенденции, но и активно формируют новую преступную реальность, предоставляя для нее идеологическое обоснование, техсредства и каналы коммуникации. Масштабное и многообразное влияние социальных медиа на преступность неизбежно ставит вопрос о правовых и этических границах регулирования цифровой среды, где сталкиваются интересы безопасности, свободы слова и частной жизни, а традиционные правовые механизмы оказываются неприменимы.

Противодействие криминогенному влиянию социальных медиа упирается в комплекс сложнейших правовых и этических проблем. Традиционные правовые механизмы, разработанные для эпохи аналоговых СМИ, зачастую неприменимы или малоэффективны в условиях глобального, трансграничного и сверхскоростного характера интернет-коммуникации. Самой главное проблемой для законодательства стран становится экстерриториальность социальных платформ, так как администраторы, серверы, пользователи могут находиться в любой точке мира. Стоит указать, что существует этическая проблема соблюдения баланса между свободой слова и защитой общественной безопасности. Жесткие цензурные блокировки опасного контента сталкиваются с двумя препятствиями: техническая сложность исполнения и высокий риск того, что тот же механизм будет использован для подавления неугодных мнений. Но и полное игнорирование контроля за контентом ведет к деградации интернет среды. Информация давно стала стратегическим ресурсом: она может и укреплять общество, и подрывать его устои. Особенно ответственный момент - освещение преступлений. Здесь СМИ обязаны учитывать не только общественный интерес, но и права конкретных людей,ставшими участниками уголовного дела. Балансирование между правом на информацию и правами на частную жизнь составляет одну из главных задач в эту эпоху информационных технологий [5, с. 157].

Серьезной проблемой является также профессиональная этика в новых условиях. В традиционной журналистике существуют устоявшиеся стандарты проверки фактов, разделения мнений и новостей, этики освещения преступлений (например, неразглашение личности несовершеннолетних преступников и жертв). В мире социальных медиа эти стандарты размыты или отсутствуют вовсе. Блогеры и инфлюэнсеры, обладающие многомиллионной аудиторией, зачастую не несут никакой ответственности за достоверность распространяемой информации и последствия ее воздействия. Погоня за кликами и монетизацией контента приводит к сознательному

сенсационализму, нарушению презумпции невиновности и вторжению в частную жизнь, что может нанести непоправимый ущерб репутациям людей.

Такое положение дел не могло остаться без внимания со стороны государств и международных институтов. Когда инструменты профсаморегуляции дают сбой, а последствия информационной безответственности становятся системными, вмешательство законодателя становится вопросом времени. Предметом обсуждения заключается лишь в том, насколько это вмешательство будет эффективным и соразмерным угрозам. Сегодня разные страны предпринимают шаги по наведению порядка в цифровом пространстве. Однако эти шаги далеко не всегда оказываются безупречными, и порой они порождают новые проблемы, не решая старых. Именно поэтому накопленный опыт противодействия криминогенному влиянию социальных медиа требует внимательного, системного и критического осмысления. Осознавая все эти противоречия, государства и международные объединения вырабатывают собственные стратегии противодействия, опыт которых представляет как практическую ценность, так и повод для критического осмысления. Показательным здесь выглядит опыт государств БРИКС. Так, в Индии региональные индийские правоохранительные ведомства активно ведут собственные блоги и страницы в соцсетях, через которые сотрудники напрямую информируют граждан о ситуации и собирают отклики через мессенджеры. Так, официальный аккаунт полиции в X (ранее Twitter) насчитывает миллионы подписчиков. Задействуются WhatsApp, Instagram и Facebook (деятельность компании Meta признана экстремистской и запрещена на территории РФ) - на этих площадках разъясняются схемы кибермошенничества, финансовые риски и базовые правила безопасности [1]. По нашему мнению, крайне интересной представляется опыт индийских правоохранительных органов, который целесообразно перенять так как официальные аккаунты полиции в соцсетях, если они грамотные, живые и ориентированы на массовую аудиторию, дают возможность прямого контакта с людьми, быстрого информирования, разоблачения фейков и создания доверия к ведомству.

В Бразилии идим иную картину: интернет-пространство стало ареной противостояния разных сил. Одни группировки используют соцсети для запугивания, планирования противоправных акций и продвижения нелегальных бизнесов. Другие, среди которых нередко оказываются официальные органы или гражданские активисты, применяют те же самые инструменты, но уже с противоположной целью - повышать общественный рейтинг и оперативно получать важную информацию через те же цифровые каналы [2].

Данный пример не единичный казус, а яркая иллюстрация глобальной тенденции. Цифровая среда все чаще выступает не просто площадкой для обмена мнениями, а ареной, где сталкиваются принципиально разные, зачастую антагонистические социальные проекты. Примечательно, что и те, кто стремится к сохранению правопорядка, и те, кто его подрывает, используют один и тот же инструментарий. Это обстоятельство позволяет выйти за рамки частных наблюдений и поставить вопрос о более глубоких, системных изменениях в социальной среде, которые инициируются самим фактом повсеместного проникновения социальных медиа. Речь идет уже не просто о конкуренции информационных потоков, а о трансформации тех основ, на которых держится общественное согласие и представления о допустимом.

Если попытаться выделить главный механизм воздействия социальных медиа на преступность, то он заключается в их способности к масштабной и глубокой криминализации сознания - как индивидуального, так и общественного. Это не просто повышенный интерес к криминальным сюжетам; это фундаментальный сдвиг в ценностно-нормативной системе, когда привычные институты социализации оказываются бессильны, а соцсети с готовностью заполняют образовавшийся вакуум, предлагая свои, альтернативные системы координат. И, надо признать, делают они это намного быстрее и убедительнее, чем традиционные институты.

Учитывая системный и многофакторный характер проблемы, эффективная стратегия противодействия криминогенному влиянию социальных медиа должна носить комплексный, междисциплинарный и многоуровневый характер. Ее основу не могут составлять исключительно запретительно-репрессивные меры; необходим акцент на созидательных, превентивных и воспитательных механизмах.

На государственно-правовом уровне требуется адаптация и гармонизация национальных законодательств с учетом цифровых реалий. Это включает в себя четкое определение правового статуса и ответственности владельцев крупных цифровых платформ за контент, распространяемый на их ресурсах. Необходимо развивать механизмы прозрачного и основанного на верховенстве закона взаимодействия правоохранительных органов с этими компаниями для оперативного удаления явно противоправного контента. Одновременно требуется разработка и внедрение правовых норм, направленных на защиту пользователей от манипулятивных алгоритмов, слежки и недобросовестной обработки персональных данных.

Важно инвестировать в масштабные долгосрочные программы развития медиа- и информационной грамотности населения, начиная со школьного возраста. Цель таких программ - воспитание критического, рефлексивного отношения к любой информации, получаемой из цифровых источников. Граждане должны уметь идентифицировать фейковые новости, манипулятивные техники, распознавать признаки вербовки в деструктивные сообщества и понимать базовые принципы работы в медиа-пространстве. Одновременно с этим необходимо осуществлять перезагрузку системы правового воспитания. Важно формирование форсированности в сознании ценности права, справедливости, уважения к человеческому достоинству.

Таким образом, влияние социальных медиа на преступность сегодня - это не частный сбой, а системный вызов. Оно пронизывает общественное сознание насквозь, меняет нормативные рамки, дает преступникам новые технические возможности. Соцсети уже не просто отражают криминальную картину - они активно ее конструируют, стирая разницу между виртуальным и реальным, между словом и поступком. И противостоять этому нельзя одними техническими блокировками или локальными запретами. Необходимо формировать новое общественное сознание, которое сумеет совместить несовместимое: сохранить свободу слова и приватность, но одновременно защитить социум от хаоса и криминальной деградации. Успех здесь зависит от того, смогут ли государство, гражданское общество и технологические гиганты сесть за один стол и выработать общие решения - такие, чтобы цифровая трансформация работала не на разрушение, а на укрепление правопорядка.

Список литературы:

1.NewsBand. Navi Mumbai police launches WhatsApp Channel to raise public awareness on safety and crime prevention [Электронный ресурс]. 2024. URL: https://www.newsband.in/article_detail/navi-mumbai-police-launches-whatsapp-channel-to-raise-public-awareness-on-safety-and-crime-prevention

2.O Globo. Marketing do crime: quadrilhas usam redes sociais para se promover e recrutar jovens [Электронный ресурс]. – 2025. 17 ноября. URL: https://oglobo.globo.com/rio/noticia/2025/11/17/marketing-do-crime-quadrilhas-usam-redes-sociais-para-se-promover-e-recrutar-jovens.ghtml (дата обращения: 04.09.2026).

3.Бриллиантов, А. В. Ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации // Российское правосудие. – 2023. – № 1. – С. 21-28.

4.Дорохов, Н. И. Роль средств массовой информации в системе обеспечения правопорядка в России // Актуальные проблемы укрепления законности и правопорядка в современной России : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2025 года. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2025. – С. 152-168.

5.Зазаева Н.Б. Фейковые новости как инструмент пропаганды в цифровом пространстве российского общества // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 118–126.

6.Закомолдин, Р. В. Фейкинг как инструмент дискредитации армии и деструктивного воздействия на общество: уголовно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2(105). – С. 75-82.

7.Захарчук, С. Д. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за совершение деяний, предусмотренных статьями 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации / С. Д. Захарчук // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2026. – № 1(75). – С. 50-57.

8.Ивлиев, П. В. Влияние СМИ на распространение преступности и криминальной субкультуры в Рос-

сии / П. В. Ивлиев, А. А. Глухова // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11(203). С. 50-54.
9.Казарова, Д. С. Вовлечение индивида в террористическую деятельность: социально-психологический анализ / Д.С.Казарова, И.Н.Лебедева, Н.А.Шатурина//Minbar. Islamic Studies. 2020. Т.13, №1.С.217-248.
10. Кибальник, А. Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных сил РФ. Как применять новую норму УК // Уголовный процесс. – 2022. – № 5(209). – С. 62-69.
11. Киберэксперт Бедеров: большинство мошенников используют ИИ в своих схемах [Электронный ресурс] // RT на русском. 2026. 5 сентября. URL: https://russiatoday.ru/science/news/1678496-kiberekspert
12. Лебедева, В. С. Влияние социальных медиа на формирование преступного поведения несовершеннолетних / В. С. Лебедева // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 310-319.
13. Мойка78. Сбер зафиксировал 26-кратный рост дипфейк-атак [Электронный ресурс] // Газета СПБ. 2026. 4.09. URL: https://gazeta.spb.ru/2666067-mojka78-sber-zafiksiroval-26-kratnyj-rost-dipfejk-atak/
14. Нурбагомедова, З. Р. Медиаобраз России в зарубежных СМИ в контексте специальной военной операции // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 2, № 2(44). – С. 128-136.
15. Шеншин, В. М. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации как преступление, посягающее на общественную безопасность / В. М. Шеншин, В. В. Семенова // Военное право. – 2022. – № 3(73). – С. 206-211.

Apkaev D.M. The impact of social media on crime in the context of the digital transformation of public consciousness // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 432-440.

This study attempts a comprehensive criminological analysis of the nature and mechanisms of social media's impact on crime, examines the evolution of this interaction from the era of traditional media to the era of digital platforms, and proposes a conceptual framework for developing strategies to minimize negative consequences. The relevance of this topic stems not only from the growing volume of criminal content online but also from the profound transformations in public consciousness occurring under the pressure of manipulated information flows, where the boundaries between truth and disinformation are becoming increasingly blurred.

Key words: mass media, legal awareness, crime, Internet, media, illegality, public danger, social networks, fake, legal awareness.

Spisok literatury:

1.NewsBand. Navi Mumbai police launches WhatsApp Channel to raise public awareness on safety and crime prevention [Electronic resource]. 2024. URL: https://www.newsband.in/article_detail/navi-mumbai-police.
2.O Globo. Marketing do crime: quadrilhas usam redes sociais para se promover e recrutar jovens [Electronic resource]. – 2025. November 17.
3.Brilliantov, A. V. Liability for the dissemination of knowingly false information regarding the use of the Armed Forces of the Russian Federation / A. V. Brilliantov // Russian Justice. – 2023. – No. 1. – P. 21-28.
4.Dorokhov, N. I. The role of mass media in the system of ensuring law and order in Russia // Current problems of strengthening legality and law and order in modern Russia : proceedings of the International Scientific and Practical Conference, M., March 27, 2025. – KurskP. 152-168.
5.Zazaeva, N. B. Fake news as a propaganda tool in the digital space of Russian society / N. B. Zazaeva, S. M. Fedyunina // Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. – 2025. – Vol. 25, No. 4. – P. 118–126.
6.Zakomoldin, R. V. "Faking" as a tool for discrediting the army and exerting a destructive influence on society: the criminal law aspect // Siberian Legal Bulletin. – 2024. – No. 2(105). – P. 75–82.
7.Zakharchuk, S. D. Social grounds for establishing criminal liability for acts provided for by Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation / S. D. Zakharchuk // Legal Science and Law Enforcement Practice. – 2026. – No. 1(75). – P. 50–57.
8.Ivliev, P. V. The influence of mass media on the spread of crime and criminal subculture in Russia / P. V. Ivliev, A. A. Glukhova // Law and State: Theory and Practice. – 2021. – No. 11(203). – P. 50–54.
9.Kazarova, D. S. Involvement of an individual in terrorist activity: a socio-psychological analysis /// Minbar. Islamic Studies. – 2020. – Vol. 13, No. 1. – P. 217–248.
10. Kibalnik, A. G. Criminal liability for disseminating fake information regarding the use of the Armed Forces of the Russian Federation: how to apply the new Criminal Code provision//Criminal Procedure. 2022. N 5.
11. Cyber-expert Bederov: most fraudsters use AI in their schemes [Electronic resource] // RT in Russian. 2026. September 5. URL: https://russiatoday.ru/science/news/1678496-kiberekspert-moshenniki-ii.
12. Lebedeva, V. S. The influence of social media on the formation of criminal behavior among minors / V. S. Lebedeva // Issues of Russian Justice. – 2024. – No. 31. – P. 310–319.
13. Moika78. Sber records a 26-fold increase in deepfake attacks [Electronic resource] // Gazeta SPB. 2026. September 4. URL: https://gazeta.spb.ru/2666067-mojka78-sber-zafiksiroval-26-kratnyj-rost-dipfejk-atak/
14. Nurbagomedova, Z. R. The media image of Russia in foreign media in the context of the special military operation // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. – 2024. – Vol. 2, No. 2(44). – P. 128–136.
15. Shenshin, V. M. Public dissemination of knowingly false information regarding the use of the Armed Forces of the Russian Federation as a crime infringing upon public safety // Military Law. 2022.No.3(73).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 441-448.

УДК 343.2

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МНИМОЙ ОБОРОНЫ

Боев Д. В., Шумилина О. С.

Юридический институт НИУ «БелГУ»

В статье 45 Конституции Российской Федерации прямо сказано: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [1]. Для того чтобы действия лица, отражающего нападение, не утратили своей правомерной природы и не трансформировались в уголовно наказуемое деяние, они должны в своей совокупности соответствовать установленным уголовно-правовой доктриной критериям, получившим наименование условий правомерности необходимой обороны. Данные условия традиционно подразделяются на две группы: условия, характеризующие само посягательство (его общественная опасность, действительность и наличность), и условия, характеризующие защиту (соразмерность, своевременность и направленность на защиту охраняемых законом интересов) К числу основополагающих условий правомерности необходимой обороны относится требование действительности посягательства, то есть его объективного существования в реальной действительности, а не в сознании обороняющегося. Отсутствие данного признака переводит ситуацию из плоскости необходимой обороны в плоскость мнимой обороны, когда лицо, ошибочно полагая, что отражает реальное нападение, причиняет вред при фактическом отсутствии общественно опасного посягательства. Действующее уголовное законодательство России не содержит специальной нормы, регламентирующей вопросы уголовной ответственности лица за причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям при мнимой обороне. Вместе с тем внесение указанной новеллы в УК РФ, как представляется, разрешило бы многие проблемы не только теоретического, но и сугубо практического характера.

Ключевые слова: необходимая оборона, мнимая оборона, субъективное восприятие, фактическая ошибка, извинительная ошибка, действительность посягательства, реальное посягательство, обстановка посягательства, субъективный критерий, объективный критерий, невиновное причинение вреда, добросовестное заблуждение, причинение вреда.

С древнейших времен и по сегодняшний день человечество испытывает потребность в защите своих прав и интересов, относя жизнь и собственность к наивысшим ценностям. «Изучение права на необходимую оборону – это изучение такого права, которое напоминает долговечную руду, обеспечивающую каждого искателя новой добычей» – отмечал Анатолий Федорович Кони, судья, государственный и общественный деятель Российской Империи [2]. Рост незаконного оборота оружия в стране, увеличение числа нападений преступных групп, рост насильственной миграционной преступности оказывают свое влияние на действие институтов, защищающих граждан от преступных посягательств. Вместе с тем, избыточное количество оценочных признаков в уголовно-правовых нормах о необходимой обороне, отсутствие единообразия в их толковании и опасения граждан привлечения к уголовной ответственности при отражении опасных социальных посягательств существенно затрудняют использование права на самозащиту.

В Российской Федерации право на необходимую оборону является неотъемлемым атрибутом правого статуса личности. В связи с этим, в чю 2 ст. Конституции РФ провозглашается право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. «Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ), развивая конституционное законоположение, в ст. 37 закрепляет понятие и условия правомерности необходимой обороны как одного из обстоятельств исключающего преступность деяния» [3]. В, силу ч.1 ст.37 УК РФ, «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [3].

По российскому уголовному законодательству оборона возможна только при наличии нападения с опасным для жизни насилием, а при отсутствии такового оборона допустима только если она отвечает опасности нападения. Но в уголовном законодательстве нет детального указания на последовательность действий защищающегося. При защите жизни человека разрешены все оборонительные действия, и эти действия не будут представлять собой преступное посягательство (ч. 1 ст. 37 УК РФ). Сложнее защищаться при покушении на жизнь, свободу, жилище, если покушение исполнено без насилия и угрозы для жизни или без насилия. Правомерность поведения, защищающегося при данных обстоятельствах, доказывается отсутствием оснований превышения необходимых пределов защиты.

Законодатель отметил в ч. 2 ст. 37 УК РФ, что превышение необходимых пределов защиты является осознанным действием, противоречащим свойствам и угрозе нападения. Следовательно, «свойства и угроза нападения» представляют собой примерные условия, которые определяются реальной ситуацией нападения.

Вначале устанавливается, насколько стоимость объекта, которому причиняется вред, больше или меньше стоимости защищаемого объекта. Трудно определить пределы обороны лицу, оказавшемуся в стрессовой ситуации и не обладающему юридическими познаниями. Как действовать в сложившейся ситуации, законны ли его оборонительные действия или нет? Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что с юридической точки зрения защитить жизнь легче, чем другие объекты уголовно-правовой охраны.

За исключением наличия неуказанных оснований обороны, определяемых видом незаконного нападения (с абьюзом, с угрозой для жизни, без абьюза, опасного для жизни), законодатель в ст. 37 УК РФ утверждает время появления права на защиту – с момента исполнения нападения или создания реальной угрозы, исполнения нападения, без указания на период окончания права на защиту.

Реальность посягательства как фактор правомерности использования необходимых мер обороны надлежит отличать от требования его реальности в течение определенного промежутка времени. В Постановлении № 19 от 27.09.2012 прямо указано, что реальным будет уже произошедшее, но еще не оконченное посягательство. Мы согласны с мнением о недопустимости рассмотрения по ст. 37 УК РФ так называемой «преждевременной» или «запоздалой» обороны [4].

Право на применение необходимых оборонительных мер возникает в момент начала посягательства (или при прямой угрозе его начала), а завершается в момент окончания уголовного посягательства, об этом можно судить по окончанию общественной опасности, бегству атакующего с места конфликта и тому подобное.

В то же время в Постановлении № 19 от 27.09.2012 правильно определено, что если момент окончания уголовного нападения неясен для обороняющегося (с учетом текущей обстановки конфликта), то он продолжает существовать в состоянии необходимой обороны [4]. Следует сказать, что в положениях ст. 37 УК РФ словосочетание «мнимая оборона» не упоминается. Говоря об этом, И.Д. Трофимова подчеркивает, что: «Мнимая оборона — это не уголовно-правовая категория, она не предусмотрена УК РФ. Это научное понятие, призванное разобраться в случаях, когда «оборона» не укладывается в рамки ст. 37 УК РФ» [5]. Более того, в теории уголовного права данный термин подвергался критике. Так, Р.М. Юсупов утверждал, что «сам термин «мнимая оборона» является неточным, поскольку в подобных ситуациях действия лица, на правленные на пресечение посягательства и заключающиеся в причинении вреда, вполне реальны, а воображаемым, кажущимся является как раз посягательство» [6]. Аналогичного мнения придерживался В.И. Ткаченко, предлагая говорить не о «мнимой обороне», а об «обороне от мнимого посягательства» [7]. Под мнимой обороной Н.Н. Паше-Озерский понимал «оборону против

воображаемого, кажущегося, но в действительности (объективно) несуществующего посягательства, то есть результат ошибки» [8]. Сходного мнения придерживался Э.В. Кабурнеев: «Под мнимой обороной понимается причинение вреда лицу, ошибочно принятому за преступника» [9].

В данном контексте особенно интересны положения о мнимой обороне, сформулированные в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ № 19 от 27.09.2012 1, в котором проведен сравнительный анализ мнимой и необходимой обороны, и указана их отличительная черта, а именно истинное наличие посягательства. На наш взгляд, данное положение нуждается в дополнительной конкретизации. Так, абз. 1, 2 и 3 этого пункта практически полностью идентичны положениям п. 13 Постановления от 16.08.1984 г., [10] отличие состоит только в возможности применения наказания за выход за границы допустимых пределов обороны, если защита видимо превосходит соответствующие реальные обстоятельства нападения. В свою очередь, по мнению Р.М. Юсупова «если в зависимости от ситуации, человек понимает и может знать, что истинного нападения не было, но не воспринимает этого, его действия будут рассматриваться как преступление по неосторожности» [11]. (абз. 3 п. 16 Постановления № 19 от 27.09.2012 г.) Также Р.М. Юсупов указывает, что «если в действительности никакого общественно опасного посягательства не происходит, и окружающая ситуация не дает человеку повода думать, что это происходит на самом деле, то квалификация» преступления производится на общих основаниях». (абз. 4 п. 16 Постановления № 19 от 27.09.2012 г.). В увязке с положениями абз. 3 п. 16 Постановления № 19 от 27.09.2012 г. это означает, что для того, чтобы квалифицировать действия как преступление по неосторожности, необходимо учитывать воздействие окружающей среды [12]. Таким образом, в абз. 4 п. 16 Постановления № 19 от 27.09.2012 г. речь идет об ответственности за осознаваемое нанесение вреда.

С точки зрения субъективного аспекта, мнимая оборона может быть точно такой же, как и необходимая оборона, но разница с последней заключается в том, что нет реального предотвращения нарушений прав и свобод. Истинность нападения сама по себе не важна, но когда предпринятое действие причиняет вред атакующему, следовательно, вред предотвращается. Все разнообразие форм мнимой обороны объединяет не только отсутствие реального посягательства в момент совершения акта защитных действий, а тем, что даже неосознанного посягательства реально не существует, и значит, действия обороняющегося не могли его предотвратить. Объединенные вместе, эти условия следует рассматривать как стандарт для проведения различия между необходимыми и мнимыми мерами обороны. Мнимая оборона возникает из-за любого неосторожного поступка защищающегося, если в результате причиняется вред в тот момент, когда никакого нападения со стороны пострадавшего человека не было» [13]. Заблуждение в реальности существования посягательства влечет несвоевременность защиты надлежащее посягательство начинает совершаться или продолжается только в сознании защищающегося. Ошибка допускается и в объекте защиты: если защита данного объекта запрещена «актом необходимой обороны, то это также исключает надлежащие черты нападения» [14].

Оценка правомерности причинения вреда при мнимой обороне должна строиться на совокупности всех объективных и всесторонних доказательствах, но не как не может быть основана исключительно на субъективных показаниях причинившего вред, поскольку это нивелирует принцип объективного вменения и создает риск подмены фактических обстоятельств дела оценочными суждениями заинтересованной стороны». Как считает Меркурьев В.В. и Тараканов И.А.: «На наш взгляд, необоснованно вкладывать в уголовно-правовое понимание мнимой обороны исключительно субъективный критерий, как это предлагают некоторые представители

науки уголовного права: с целью ухода от уголовной ответственности причинители вреда будут ссылаться на мнимую оборону при ее фактическом отсутствии» [15].

В этой связи следует подчеркнуть, что оценка добросовестности заблуждения, обороняющегося не может быть произведена в отрыве от ситуационного контекста: внезапность, ночное время, неадекватное поведение потерпевшего или использование имитаторов оружия формируют ту призму восприятия, через которую лицо оценивает степень общественной опасности посягательства, и игнорирование этих объективных маркеров делает квалификацию поверхностной и формальной. По этому поводу Е.В. Лукки справедливо замечает: «Для того, чтобы оценить оборону как мнимую, необходимо, чтобы реально существовали обстоятельства, внешне сходные с обществен, но опасным посягательством, и имелась ошибка самого лица в оценке общественной опасности деяния» [16].

Первый тип мнимой обороны характеризуется добросовестным заблуждением лица, которое формируется под воздействием объективных внешних факторов, в своей совокупности создающих для обороняющегося достаточные и разумные основания полагать, что имеет место реальное общественно опасное посягательство. При данной модели фактической ошибки внешняя обстановка носит объективно-двусмысленный характер, что исключает возможность предъявления к лицу требования о более точной оценке происходящего, а допущенная ошибка признается извинительной и влечет за собой освобождение от уголовной ответственности в силу отсутствия вины. О такой ситуации весьма подробно говорил М.А. Фомин: «Хотелось бы заметить, что подобного рода мнимая оборона имеется лишь тогда, когда «обороняющийся» добросовестно заблуждается не по своей вине. Если в силу сложившейся обстановки он имел достаточные основания полагать, что подвергается реальному нападению, и поэтому ре шил защищаться, то вины нет, а, следовательно, отпадает и вопрос об уголовной ответственности. Действия, которые были правомерными в условиях реального общественно опасного посягательства, не могут быть поставлены в вину, если «обороняющийся» не только не сознавал, но и не мог сознавать ошибочности своего предположения о наличии нападения. Его не за что наказывать, так, как и при должной внимательности он не мог не принять кажущееся нападение за действительно происходящее» [17].

Поэтому следует признать справедливым мнение, высказанное Э.В. Кабурнеевым: «При мнимой обороне решающее значение, принадлежит анализу субъективного восприятия обстановки обороняющимся» [18]. В следственной и судебной практике периодически возникают затруднения при верификации обстоятельств мнимой обороны, причем данные сложности носят бинарный характер: они касаются юридической оценки самого факта защиты (квалификации) и установления объективных признаков, свидетельствующих об отсутствии реального нападения.

Так, приговором Малоярославецкого районного суда Калужской области от 6.11.2014 г. В.А. Усанов был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима (судебный номер дела № 1-143/2014). В ходе судебного разбирательства установлена предшествующая событию конфликтная ситуация между В.А. Усановым и погибшим А.Е. Календиным. В момент развития конфликта А.Е.Календин, извлек из салона автомобиля предмет, по внешним признакам сходный с пистолетом, разместил его под одеждой и удерживал в правой руке, придав своим действиям характер скрытой, но зримой угрозы. Вслед за этим, согласно показаниям В.А.Усанова, А.Е. Календин, выкрикнув фразу «Давай на опережение!», совершил резкое телодвижение, которое в условиях сложившейся обстановки (наличие предмета, имитирующего оружие, под одеждой, агрессивное поведение, состояние опьянения) было воспринято В.А.Усановым как непосредственная подготовка к вооруженному нападению. Про-

изведенный В.А.Усановым выстрел в область бедра А.Е. Календина, будучи направленным на нейтрализацию предполагаемой угрозы, причинил огнестрельное дробовое ранение, летальность которого была обусловлена массивной кровопотерей. С постановленным приговором сторона защиты не согласилась, полагая его незаконным и необоснованным, поскольку суд первой инстанции не дал надлежащей оценки обстоятельствам, свидетельствующим о нахождении В.А.Усанова в состоянии мнимой обороны, и не применил положения ст. 37 УК РФ.

Доводы адвоката М.С.Крутер сводятся к тому, что выводы суда не учитывают экстремальный характер обстановки, в которой действовал В.А.Усанов [19]. Сторона защиты акцентирует внимание на том, что даже при гипотетическом допущении об отсутствии у А.Е. Календина реального огнестрельного оружия, наличие под его одеждой предмета, визуально имитирующего пистолет, в совокупности с его физическими данными (крупное телосложение), состоянием опьянения и агрессивным поведением, а также с учетом внезапности и непосредственной близости контакта, объективно лишало В.А.Усанова возможности достоверно определить характер угрозы и прогнозировать дальнейшие действия потерпевшего. В связи с чем защита полагает, что у В.А.Усанова не имелось временного промежутка для рациональной оценки природы предмета под футболкой».

Квалифицировать действия Усанова как совершенные в состоянии мнимой обороны предлагал Э.Ф. Побегайло: «Поскольку по делу существуют пока еще не устранимые противоречия в оценке поведения А.М. Календина непосредственно перед причинением ему вреда (шел ли он к В.А. Усанову с агрессивными намерениями, угрожал ли он ему причинением физического вреда, был ли при нем пистолет), необходимо остановиться на варианте, при котором угроза посягательства существовала лишь в воображении В.А. Усанова (по правилам о так называемой мнимой обороне, т.е. обороне против воображаемого, кажущегося, но в действительности не существующего посягательства). В теории уголовного права и правоприменительной практике юридические последствия мнимой обороны определяются по общим правилам о фактической ошибке». При этом Э.Ф. Побегайло обращает внимание на заключение специалиста-психолога И.А. Кудрявцева, сделанного по рассматриваемому уголовному делу [20]. Согласно данному заключению «смысловое содержание сознания обвиняемого В.А. Усанова определялось переживаниями смертельной угрозы, исходящей от А.М. Календина. Это, как видно из особенностей восприятия актуальной ситуации и переживаний В.А. Усанова в этот период, до предела обострило страх, обусловило преувеличение степени угрозы поведения А.М. Календина, определило интерпретацию (толкование) исходящей от него опасности как смертельной и неотвратимой, расширило ее смысловое поле. Это детерминировало актуальное восприятие и смысловую оценку В.А. Усановым угрожающего поведения А.М, Календина как реальную опасность не только для своей жизни, но и для жизни приехавших с ним лиц». Изложенные обстоятельства свидетельствуют о наличии в действиях В.А. Усманова признаков мнимой обороны.

Таким образом, генезис мнимой обороны представляет собой следствие научных изысканий об институте необходимой обороны и практике его применения. Мнимая оборона в ее современном доктринальном и судебно-практическом понимании представляет собой результат репродуктивной деятельности правоприменителя, в ходе которой общие положения о необходимой обороне воспроизводятся (репродуцируются) применительно к ситуациям фактической ошибки обороняющегося относительно реальности посягательства.

Специфика правовой оценки мнимой обороны заключается в необходимости учета психофизиологического состояния оборонявшегося в момент причинения вреда. В отличие от необходимой обороны, где состояние страха или замешатель-

ства может влиять лишь на оценку соразмерности защиты, при мнимой обороне данное состояние является системообразующим признаком, поскольку именно оно предопределяет фактическую ошибку лица. Суд обязан установить, мог ли оборонявшийся в условиях внезапности, стресса и ограниченного времени адекватно оценить ситуацию и распознать её мнимый характер, либо внешние факторы объективно исключали такую возможность. По своей правовой природе мнимая оборона, исключающая уголовную ответственность, представляет собой разновидность уголовно-юридически значимого поведения, объективная сторона которого выражается в причинении вреда охраняемым законом интересам при отсутствии реального посягательства, а субъективная характеристика определяется дефектом восприятия фактических обстоятельств, в силу которого сознание и воля лица не осуществляют должного контролирующего и прогностического воздействия на совершаемые действия, что обусловливает либо неосторожную форму вины, либо полное её отсутствие при извинительной ошибке.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
2. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866. С. 8; Баишева З.В. А.Ф. Кони. О необходимой обороне // Юридические науки. 2015. № 16. С.87-90.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63 ФЗ (с изм. от 27 мая 1998 г.... 18 июля 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 1998. № 22. Ст. 2332; № 26. Ст. 3012; 1999. № 7. Ст. 873; 2001. № 26. Ст. 2587; 2002. № 19. Ст. 1793; № 30. Ст. 3020; 2003. № 50. Ст. 4848; 2004. № 30. Ст. 3091, 3092; 2006. № 31. Ст. 3452; 2007. № 1. Ст. 46; № 21. Ст. 2456; № 31. Ст. 4008; 2009. № 1. Ст. 29; № 45. Ст. 5263; 5265; № 52. Ст. 6453; 2010. № 19. Ст. 2289; № 31. Ст. 4166; № 50. Ст. 6610; 2011. № 1. Ст. 10; № 11. Ст. 1495; № 30. Ст. 4605; № 50. Ст. 7362; 2012. № 53. Ст. 7631; Официальный интернет-портал правовой информации. Номер опубликования: 0001201307030035 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 23.11.2022 г.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». - URL: https:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/
5. Трофимова И.Д. Мнимая оборона как разновидность фактической ошибки // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2016. № 5. С. 79.
6. Юсупов Р.М. Оборона от мнимого посягательства // Вестник Московского университета МВД России. 2003. № 1. С. 47.
7.Ткаченко В.И. Теоретические основы необходимой обороны и квалификации преступлений, совершенных при превышении ее пределов: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1982. С. 290.
8.Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 100.
9.Кабурнеев Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 44.
10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 N 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» - URL: https:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107354/
11. Юсупов Р. М. Необходимая оборона в законодательной и судебной практике: дис. … канд. юрид. наук. – Москва. 1999. С. 172.; Русскевич Е. А. Мнимая оборона в уголовном праве: дис. …канд. юрид. наук. – Москва, 2010. С. 197.
12. Боев Д.В. Институт необходимой обороны в российском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. - Белгород, 2024. С. 203.
13. Кумышева М. К., Османов М. М. К понятию «мнимая оборона» // Право и управление. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-mnimaya-oborona (дата обращения: 09.09.2026).
14.Кумышева М. К., Османов М. М. К вопросу разграничения между мнимой обороной и необходимой обороной // Право и управление. 2023. №4.
15.Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Особенности правовой оценки мнимой обороны // Мониторинг правоприменения. 2018. №2 (27).
16. Лукки Е.В. Понятие мнимой обороны в российском уголовном праве // Вестник Адыгейского государственного университета.2015. № 4(167). С. 166.
17. Фомин М.А. Проблемы совершенствования института необходимой обороны в уголовном праве России. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 69-70.
18. Кабурнеев Э.В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 44-45.
19. Крутер М.С. Проблема судопроизводства о необходимой обороне по уголовному делу В.А. Усанова // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016. С. 123.

20. Побегайло Э.Ф. Заключение специалиста-правоведа по уголовному делу В.А. Усанова // Публичное и частное право. Выпуск I (XXIX) январь-март. М., 2016. С. 146.

Boev D.V., Shumilina O.S. The legal nature of immediate defence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 441-448.

Article 45 of the Constitution of the Russian Federation explicitly states: “Everyone has the right to protect their rights and freedoms by all means not prohibited by law” [1]. In order for the actions of a person repelling an attack not to lose their lawful nature and not to transform into a criminally punishable act, they must, in their entirety, meet the criteria established by the criminal law doctrine, which are known as the conditions for the lawfulness of necessary defense. These conditions are traditionally divided into two groups: conditions characterizing the attack itself (its social danger, reality, and immediacy), and conditions characterizing the defense (proportionality, timeliness, and the aim of protecting interests protected by law) Among the fundamental conditions for the lawfulness of necessary defense is the requirement that the attack be real — that is, that it objectively exists in reality, and not merely in the mind of the defender. The absence of this feature shifts the situation from the realm of necessary defense to that of apparent defense, when a person, mistakenly believing that they are repelling a real attack, causes harm in the absence of any actually dangerous threat. The current criminal legislation of Russia does not contain a special provision regulating the issues of a person’s criminal liability for causing harm to public relations protected by criminal law in the case of apparent defense. At the same time, introducing this novelty into the Criminal Code of the Russian Federation would, it seems, resolve many problems not only of a theoretical but also of a purely practical nature.

Keywords: necessary defense, putative defense, subjective perception, factual error, excusable error, reality of the encroachment, actual encroachment, circumstances of the encroachment, subjective criterion, objective criterion, non-culpable infliction of harm, good-faith mistake, infliction of harm.

Spisok literatury`:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.07.2020. No. 31. 2. Koni A.F. On the Right of Necessary Defense. Moscow, 1866. P. 8; Baisheva Z.V. A.F. Koni. On Necessary Defense // Legal Sciences. 2015. No. 16. Pp. 87–90.
3. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended. dated May 27, 1998.... July 18, 2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954; 1998. № 22. Art. 2332; № 26. Art. 3012; 1999. № 7. Art. 873 ; 2001. № 26. Art. 2587; 2002. No. 19. Art. 1793 ; No. 30. Art. 3020; 2003. No. 50. Art. 4848 ; 2004. No. 30. Art. 3091,3092; 2006. No. 31. Art. 3452; 2007. No. 1. Art. 46; No. 21. Art. 2456 ; No. 31. Art. 4008 ; 2009. No. 1. Art. 29; No. 45. Art. 5263 ; 5265 ; No. 52. Art. 6453 ; 2010. No. 19. Art. 2289; No. 31. Art. 4166; No. 50. Art. 6610 ; 2011. 1. Art. 10; No. 11. Art. 1495 ; No. 30. Art. 4605 ; No. 50. Art. 7362 ; 2012. No. 53. Art. 7631 ; Official Internet portal of legal information. Publication number: 0001201307030035 [Electronic resource]. Update date: 23.11.2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 09.09.2026).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated 27.09.2012 (as amended on 31.05.2022) “On the Application by Courts of Legislation on Necessary Defense and Causing Harm When Detaining a Person Who Has Committed a Crime.” - URL: https:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (accessed on 09.09.2026).
5. Trofimova I.D. Apparent self-defence as a type of factual mistake // Current problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of liability and legislative technique). 2016. No. 5. P. 79.
6. Yusupov R.M. Self-defence against an apparent encroachment // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 1. P. 47.
7. Tkachenko V.I. Theoretical Foundations of Necessary Defense and the Qualification of Crimes Committed When Exceeding Its Limits: Dis. ... doct. jurid. sciences. Moscow, 1982. P. 290.
8. Pasha-Ozersky N.N. Necessary Defense and Extreme Necessity under Soviet Criminal Law.M.,1962.P. 100.
9. Kaburneev E.V. Liability for Murder in Excess of the Limits of Necessary Defense. Dis. cand. jurid. M., 2002. p. 44.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated 08/16/1984 N 14 «On the application by courts of legislation ensuring the right to necessary defense against socially dangerous encroachments» - URL: https:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107354 / (accessed 09.09.2026).
11.Yusupov R. M. Necessary defense in the legislative and judicial practice: dis. … candidate of law, candidate of legal sciences sciences'. – Moscow. 1999. P. 172.; Russkevich E. A. Apparent defense in criminal law: dis. …cand. jurid. sciences'. – Moscow, 2010. P. 197.
12. Boev D.V. The Institute of Necessary Defense in Russian Criminal Law: dis. … cand. jurid. sciences'. - Belgorod, 2024. P. 203.
13. Kumysheva M. K., Osmanov M. M. On the concept of “pretended defense” // Law and Management. 2023. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-mnimaya-oborona (accessed: 09.09.2026).
14. Kumysheva M. K., Osmanov M. M. On the issue of distinguishing between apparent defense and necessary defense // Law and Management. 2023. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-razgranicheniya-mezhdu-mnimoy-oboronoy-i-neobhodimoy-oboronoy (accessed: 09.09.2026).
15. Merkuriev V. V., Tarakanov I. A. Features of the legal assessment of imaginary defence // Monitoring of Law Enforcement. 2018. No. 2 (27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-otsenki-mnimoy-oborony (accessed: 09.09.2026).

16. Lukki E. V. The concept of apparent defense in Russian criminal law // Bulletin of the Adyghe State University.2015. No. 4(167). P. 166.
17. Fomin M.A. Problems of Improving the Institution of Necessary Defense in Russian Criminal Law. Dis. … Cand. Jurid. Sci. Moscow, 2000. Pp. 69–70.
18. Kaburneev E.V. Liability for Murder in Excess of the Limits of Necessary Defense. Dis. … Cand. Jurid. sciences. Moscow, 2002. Pp. 44–45.
19. Kruter M.S. The Problem of Legal Proceedings on Necessary Defense in the Criminal Case of V.A. Usanov // Public and Private Law. Issue I (XXIX), January–March. Moscow, 2016. P. 123.
20. Pobegailo E.F. Expert Opinion of a Legal Scholar on the Criminal Case of V.A. Usanov // Public and Private Law. Issue I (XXIX), January–March. Moscow, 2016. P. 146.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 449-456.

УДК 343.341:343.85

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН В ПРОТИВОПРАВНУЮ АКТИВНОСТЬ: НОВЫЕ КАНАЛЫ ВЕРБОВКИ И КООРДИНАЦИИ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматривается новая форма дистанционного вовлечения граждан в совершение особо тяжких преступлений – от поджогов и диверсий до терактов и убийств – путем манипулятивного воздействия через телефонную связь, социальные сети и мессенджеры. Анализируются инновационные каналы вербовки и координации преступных действий, включая закрытые каналы, децентрализованные мессенджеры, финансовые инструменты на основе криптовалют, а также деятельность колл-центров, действующих под контролем иностранных специальных служб. Особое внимание уделяется проблеме склонения российских граждан к совершению преступлений, включая их материальную и морально-статусную мотивацию, а также инициативному содействию украинским вооруженным формированиям. Выявляются проблемы квалификации данных деяний, установления субъективной стороны, доказывания наличия умысла и осознания лицом своих действий. Предлагаются меры оперативно-розыскного, уголовно-правового и профилактического характера, направленные на противодействие данному виду преступности. Обосновывается стратегический переход от преимущественно запретительных мер к модели, основанной на формировании у граждан «цифрового иммунитета» и правовой осознанности.

Ключевые слова: диверсия, дистанционное мошенничество, колл-центры, манипулятивное воздействие, оперативно-розыскная деятельность, профилактические меры, террористический акт, уголовно-правовая квалификация.

Начиная с 2022 г. в Российской Федерации фиксируется устойчивая тенденция увеличения количества особо тяжких преступлений, совершаемых гражданами, не имеющими устойчивой антигосударственной позиции, под влиянием дистанционного психологического воздействия со стороны лиц, действующих из колл-центров, контролируемых иностранными специальными службами [1, с. 110–111]. Жертвами манипуляций становятся граждане, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности, не состоящие в деструктивных организациях и радикальных сообществах, зачастую находящиеся в трудной жизненной ситуации, испытывающие финансовые затруднения или подверженные иным формам социальной уязвимости.

Актуальность исследования обусловлена стремительным распространением данного вида преступной активности, высокой латентностью подготовительных стадий и значительными сложностями, возникающими при квалификации деяний, совершенных под влиянием обмана, кардинально отличающихся от устоявшихся алгоритмов, методик и представлений [2]. Соответственно цель статьи – проведение комплексного анализа деятельности украинских колл-центров как инструмента вовлечения в особо тяжкие преступления, выявление проблем их квалификации и документирования, а также разработка систем мер оперативно-розыскного и профилактического характера. Научно-теоретическая ценность работы заключается в систематизации механизмов манипулятивного воздействия и классификации типов мотивации исполнителей, включая ранее не описанный феномен инициативного идейного содействия. Анализируемое явление выходит за рамки традиционных криминологических представлений о преступности [3, с. 212–213; 4]. По существу, речь идет о принципиально новой форме ведения гибридной войны в ходе украинско-российского конфликта, при которой гражданское население противоборствующей стороны превращается в расходный ресурс для совершения диверсионно-террористических акций, сбора разведывательной информации и финансирования противоправной деятельности. Дистанционное манипулятивное воздействие позволяет противнику достигать стратегических целей без непосредственного присутствия на территории России, минимизируя собственные риски и издержки.

Переходя к характеристике лиц, попадающих в орбиту преступного воздействия, необходимо отметить, что наряду с социально уязвимыми гражданами [5] жертвами

манипуляций все чаще становятся представители совершенно иной категории: подростки из благополучных семей, отличники, волонтеры, участники детско-юношеских движений, для которых мотивация строится не на материальной выгоде, а на желании самореализоваться, получить признание, «проявить себя» в глазах авторитетных лиц и значимых взрослых. Под предлогом «заработка», «выполнения несложного задания», «помощи следствию», «проверки бдительности» либо участия в «секретной специальной операции» они склоняются к совершению поджогов военкоматов, административных зданий, автотранспортных средств, военной техники, объектов железнодорожной инфраструктуры, банкоматов, а также к убийствам сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, представителей власти и иных лиц. Среди заданий, поступающих от кураторов, фиксируются поручения по переводу денежных средств на «безопасный счет», сбору и передаче сведений о геолокации военных и стратегических объектов, о последствиях ударов противника, о перемещениях конкретных лиц – военнослужащих, государственных служащих, работников оборонно-промышленного комплекса.

Особую общественную опасность представляет то обстоятельство, что исполнители, как правило, не осознают истинной направленности своих действий, не понимают, что участвуют в диверсионно-террористической деятельности или совершают убийство общеопасным способом, а воспринимают происходящее как «розыгрыш», «проверку», «способ заработка» или «выполнение важного государственного задания». Многие их них рассчитывают избежать уголовной ответственности в силу возраста (в особенности несовершеннолетние), используемых методов конспирации либо добросовестного заблуждения относительно правомерности совершаемых действий, полагая, что действуют с санкции правоохранительных органов. В ряде случаев, напротив, лица осознают противоправный характер своих действий, но не осознают их квалифицирующих признаков (например, не знают об отнесении объекта к объектам транспортной или энергетической инфраструктуры, либо о статусе потерпевшего как представителя власти). Указанные обстоятельства порождают сложности при квалификации содеянного, установлении субъективной стороны преступления, а также при решении вопроса о вменяемости и виновности лица. Наряду с лицами, вовлеченными в преступную деятельность путем обмана или манипуляций, правоохранительная практика все чаще сталкивается с гражданами, которые самостоятельно и осознанно инициируют контакты с украинскими специальными службами и предлагают свои услуги. Мотивация таких лиц носит преимущественно идейный характер: от радикального неприятия существующего конституционного строя в новых субъектах РФ и реализуемой государственной политики до ложного, искаженного понимания патриотизма, при котором сотрудничество с противником воспринимается как «борьба за справедливость (демократию)».

Значительная часть таких лиц действует интуитивно, не имея сформулированной идеологической платформы и не будучи членами каких-либо экстремистских ячеек или террористических сообществ. Их поведенческим драйвером выступает глубинная неудовлетворенность собственной жизнью, помноженная на некритическое потребление информационного контента из неверифицированных источников. Ощущение собственной нереализованности и потребность в признании находят выход в совершении значимых, с их точки зрения, поступков. Именно эта категория граждан, не состоящая на профилактических учетах и не попадающая в поле зрения традиционных систем мониторинга, представляет особую сложность для оперативных подразделений. Выявить таких лиц проблематично именно потому, что они не проходят по учетам и не оставляют явных цифровых следов. Здесь приходится опираться на косвенные маркеры: круг общения резко обновляется, в разговорах появляется нехарактерная ранее политическая риторика, возникает целенаправленный интерес к маршрутам выезда за границу, фиксируются попытки установления контактов с иностранными журналистами или сотрудниками дипломатических представительств.

Отдельную оперативную проблему создают колл-центры, работающие непосредственно на территории РФ. Внешне они выглядят как обычный бизнес – офисная аренда, нанятый персонал, использование российской сотовой связи и интернет-инфраструктуры. В качестве технической основы для организации массовых звонков нередко задействуются сим-боксы – устройства, позволяющие одновременно обслуживать десятки и сотни сим-карт российских операторов связи. Доступ к такому оборудованию часто обеспечивают граждане, действующие из корыстных побуждений. Подобная схема существенно расширяет возможности колл-центров по подмене номеров и обходу блокировок, одновременно затрудняя идентификацию организаторов. Финансирование осуществляется через многоступенчатые цепочки посредников и криптовалютные расчеты. Рядовые сотрудники таких «офисов» далеко не всегда понимают, в чем именно они участвуют, что дополнительно усложняет документирование преступной деятельности на ранней стадии.

Задачами таких колл-центров является не только склонение граждан к совершению конкретных преступлений, но и сбор разведывательной информации о состоянии социальной напряженности в регионе, мониторинг уязвимых групп населения, а также распространение панических и провокационных слухов. Их локализация и ликвидация требует налаженного взаимодействия соответствующих подразделений МВД и ФСБ. Документирование деятельности таких центров осложняется тем, что формально они могут не нарушать российское законодательство до момента совершения конкретного преступления их жертвой, а техническая инфраструктура арендуется через подставные юрлица. Типовой сценарий вовлечения, используемый украинскими колл-центрами, включает несколько этапов. 1-й этап – установление контакта. Первоначальный звонок осуществляется якобы от имени оператора сотовой связи, банка, правоохранительных органов, госучреждения. Используются технологии подмены номеров, а также персональные данные потенциальной жертвы, полученные из открытых источников или в результате утечек.

2-й этап – психологическое давление и введение в заблуждение. Лицу сообщается о «несанкционированном списании средств», «попытке взлома аккаунта», «совершении мошеннических действий с его банковской картой». Для усиления эффекта используются методы запугивания уголовной ответственностью, арестом счетов, привлечением к ответственности родственников. В ряде случаев жертве сообщают, что ее близкий человек стал жертвой преступления, и для его спасения необходимо выполнить указания звонивших. 3-й этап – предложение «решить проблему» или «заработать». На фоне эмоционального напряжения жертве предлагается «помочь следствию», «принять участие в проверке» или «выполнить несложное задание за вознаграждение» (от нескольких тысяч до сотен тыс. руб.). Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, обещанное вознаграждение в большинстве случаев не выплачивается – после выполнения задания кураторы прекращают связь с исполнителем. Более того, зафиксированы случаи, когда исполнители, выполнившие поручение, впоследствии ликвидировались организаторами с целью сокрытия следов преступной деятельности. Использование игровых механик, получение адреналина в процессе совершения противоправных действий также могут быть мотивирующими факторами, закрепляющими асоциальное поведение. В случаях, связанных с убийствами, мотивация может быть иной: жертве внушают, что она якобы уже совершила преступление (напр., перевела деньги террористам) и теперь обязана «отработать» свой долг, иначе ее ждет уголовная ответственность или смерть.

Иначе выстраивается коммуникация с подростками из благополучных семей. Им не предлагают «заработать» – звонок или сообщение подается как приглашение к делу госважности от «сотрудника ФСБ», «генерала полиции» или «руководителя волонтерского центра». Подростку сообщают, что он отобран для участия в секретной операции или проверке готовности правоохранительных органов. Задание преподносится как возможность проявить патриотизм, смелость и гражданскую зре-

лость, а в награду обещают благодарность от высокого начальства, почетную грамоту, в перспективе – рекомендации для поступления в ведомственный вуз. Расчет строится на особенностях возраста: стремлении самоутвердиться, доверии к статусным фигурам и желании быть полезным и замеченным.

4-й этап – инструктаж по совершению противоправного деяния. Жертве передаются подробные инструкции по приобретению орудий преступления, уточняется адрес объекта или маршрут передвижения, способы маскировки и ухода с места преступления. Контроль осуществляется через социальные сети или мессенджеры, часто с требованием видеофиксации результата. В случае убийств под видом «задержания» или «обезвреживания преступника» жертве могут предоставить фото и биографические данные будущей жертвы, убеждая, что это – опасный преступник (террорист, иностранный агент, диверсант и др.). 5-й – создание иллюзии «безопасности». Лицу внушается, что его действия «не будут иметь последствий», «являются частью официальной проверки», «не будут квалифицированы как преступление». Используются ссылки на «оперативный эксперимент», «содействие правоохранительным органам» или «выполнение важного государственного задания».

Помимо склонения к совершению физических действий (поджогов, повреждений, убийств) колл-центры активно используют граждан для финансовой подпитки украинских террористических организаций и вооруженных формирований. Механизм реализуется в двух основных формах. Первая – мошенническое изъятие активов под предлогом «защиты сбережений» с последующим переводом на счета, контролируемые организаторами. Вторая – прямое предложение осуществить «добровольное пожертвование» на нужды, которые подаются как гуманитарные или патриотические. Схожие проблемы квалификации возникают при переводе денежных средств, осуществляемом по указанию операторов колл-центров. Граждане, полагающие, что они оказывают помощь нуждающимся либо выполняют распоряжения сотрудников банка или правоохранительных органов, далеко не всегда осознают, что их действия фактически образуют состав финансирования терроризма или государственной измены. Установление умысла в таких случаях сопряжено с теми же трудностями, что и при квалификации физических акций.

Существенным препятствием для документирования выступает многоуровневая система конспирации, применяемая кураторами колл-центров. Наряду со стандартными приемами анонимизации – подменой телефонных номеров, регистрацией учетных записей на подставных лиц, использованием зарубежных серверов и VPN – операторы активно задействуют мессенджеры с функцией самоудаляющихся сообщений. Автоматическое уничтожение переписки через короткий промежуток времени после прочтения делает сводит к минимуму эффективность традиционных методов осмотре мобильного устройства после задержания. К моменту проведения следственного действия компрометирующая информация, как правило, уже уничтожена. Исполнителей заранее инструктируют о необходимости удаления всех учетных записей, сброса устройства до заводских настроек и физического уничтожения сим-карт непосредственно после выполнения задания. В обиход входят и более сложные методы «цифровой гигиены»: регулярная смена устройств, отказ от биометрической идентификации, применение одноразовых паролей и временных виртуальных номеров. Как итог, оперативные и следственные подразделения регулярно оказываются в ситуации, когда личность исполнителя установлена, факт противоправного деяния зафиксирован, однако канал связи с кураторами и содержание полученных инструкций остаются недоказанными. Решение обозначенной проблемы связано с внедрением особого программного обеспечения, позволяющего перехватывать и сохранять коммуникацию в режиме реального времени до ее удаления. Применение подобных средств, вместе с тем, жестко регламентировано законодательством об оперативно-розыскной деятельности и требует судебной санкции. Возникает правовая коллизия: оперативная необходимость быстрого вмешательства входит в противоречие с процессуальной формой. Выходом может служить более

активное использование тактического приема, при котором комплекс оперативно-технических мероприятий инициируется на основании судебного решения незамедлительно после получения первичных ведений о подозрительном контакте, не дожидаясь совершения преступления. Кроме того, требуется разработка ведомственных методических рекомендаций, детально описывающих алгоритм действий сотрудника при обнаружении переписки, защищенной функцией самоудаления.

Совершенные под влиянием указанных манипуляций действия подлежат квалификации по различным статьям УК РФ в зависимости от объекта посягательства и наступивших последствий: 1) поджог зданий военных комиссариатов, органов власти, объектов транспортной инфраструктуры – по ст. 205 (террористический акт), ст. 281 (диверсия), ст. 167 (умышленное уничтожение или повреждение имущества), ст. 281.1 (содействие диверсионной деятельности); 2) повреждение железнодорожных путей, стрелочных переводов, линий электропередачи – по статьям 281, 267 (приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения); 3) поджог банкоматов – по статьям 167, 159.3 (мошенничество с использованием электронных средств платежа), 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации) при наличии признаков хищения; 4) убийство сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и представителей власти – по ст. 105 (убийство), а при наличии квалифицирующих признаков – по ст. 295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), ст. 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля). Основные сложности квалификации связаны с установлением субъективной стороны. Для признания действий терактом (ст. 205 УК РФ) или диверсией (ст. 281 УК РФ) необходимо доказать наличие у лица цели подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны (для диверсии) либо цели нарушения общественной безопасности, устрашения населения, воздействия на принятие решений органами власти (для теракта). Для квалификации убийства по ст. 317 или 295 УК РФ необходимо установить осознание виновным того, что потерпевший является сотрудником правоохранительного органа или лицом, осуществляющим правосудие. В ситуации, когда исполнитель действовал под влиянием обмана, полагая, что выполняет «проверку» или «зарабатывает деньги», установление указанных целей затруднено.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснил, что для квалификации действий как террористического акта необходимо установление умысла на устранение населения или воздействие на принятие решений органами власти. Вместе с тем, данное постановление не содержит разъяснений применительно к ситуациям, когда виновный действует под влиянием обмана и не осознает истинных целей организаторов.

Сегодня в судебной практике наметились два подхода. 1-й – квалификация действий исполнителя по ст. 167 либо 105 УК РФ (без квалифицирующих признаков) при отсутствии доказательств осознания им истинной направленности своих действий. 2-й – квалификация по ст. 205, 281, 317 УК РФ, если установлено, что лицо осознавало объект посягательства (военкомат, железная дорога, человек в форме) и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, даже если не понимало всех деталей замысла организаторов. 2-й подход представляется более обоснованным, т.е. незнание конкретных планов организаторов не исключает умысла на совершение действий, объективно образующих состав преступления, при условии, что лицо осознавало общественную опасность содеянного. Эффективное противодействие деятельности украинских колл-центров и ликвидация их последствий требуют распределения функций между подразделениями органов МВД. Так, на центры по противодействию экстремизму (ЦПЭ) могут возлагаться такие задачи: выявление и документирование фактов вовлечения граждан в противоправную ак-

тивность через телефонные контакты и мессенджеры; анализ поступающей информации о подозрительных звонках; ведение оперативных учетов лиц, подозреваемых в инициативном содействии иностранным специальным службам; оперативное сопровождение уголовных дел, возбужденных по преступлениям экстремистского характера и террористической направленности (в пределах компетенции), совершенных по указаниями колл-центров; разработка методических рекомендаций для других подразделений по распознаванию признаков манипулятивного воздействия.

Подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) обязаны: проводить систематическую разъяснительную работу в образовательных учреждениях о схемах вовлечения подростков в противоправную деятельность под видом «проверок» и «специальных операций»; осуществлять мониторинг цифровой активности подучетных несовершеннолетних; инициировать профилактические беседы с родителями и педагогами при выявлении признаков подозрительных контактов; взаимодействовать с ЦПЭ при получении информации о возможном вовлечении подростка в противоправную деятельность. Подразделения уголовного розыска обеспечивают: установление цепочек контактов между исполнителями и кураторами; проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и задержанию организаторов и координаторов. Подразделения по борьбе с киберпреступностью выполняют задачи: технического выявления колл-центров, действующих на территории РФ; мониторинга криптовалютных транзакций, используемых для финансирования преступной деятельности; восстановления удаленной переписки в рамках оперативно-технических мероприятий; взаимодействия с операторами связи по вопросам блокирования подменных номеров.

Вопрос о задействовании механизмов международного сотрудничества в целях противодействия исследуемой преступности заслуживает отдельного рассмотрения. Если в предыдущие годы взаимодействие с Интерполом и профильными структурами иностранных государств рассматривалось как действенный инструмент борьбы с трансграничной преступностью, то в текущих геополитических реалиях его ценность представляется существенно ограниченной. Недружественные государства, под чьим контролем находятся основные международные площадки для обмена правоохранительной информацией, последовательно используют их для достижения собственных политических целей. Направляемые по официальным каналам запросы нередко игнорируются, исполняются формально либо используются для получения допинформации о формах и методах деятельности, сферах оперативных интересов правоохранителей РФ. В этой связи ставка на международное сотрудничество как на основной инструмент противодействия в настоящий момент неоправданна. Приоритет должен быть отдан развитию национальных оперативно-технических возможностей, а также взаимодействию с правоохранительными структурами дружественных государств, заинтересованных в реальном противодействии терроризму и трансграничной оргпреступности. Основной упор следует делать на двусторонние соглашения и рабочие контакты по линии оперативных подразделений.

Противодействие данной форме преступности требует комплексного подхода, включающего уголовно-правовые, оперативно-розыскные и профилактические меры [6; 7]. Так, в сфере оперативно-розыскной деятельности необходимы: создание специализированных аналитических групп для выявления и блокирования телефонных номеров, используемых украинскими колл-центрами, с возложением этой задачи на подразделения по борьбе с киберпреступностью во взаимодействии с операторами сотовой связи; мониторинг мессенджеров и закрытых каналов, используемых для координации действий исполнителей, силами ЦПЭ и уголовного розыска; анализ криптовалютных транзакций с целью установления каналов финансирования; проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на деанонимизацию организаторов и координаторов, включая внедрение в каналы связи.

В сфере профилактики ключевыми направлениями видятся: активное информирование населения о схемах мошенничества, используемых для вовлечения в со-

вершение особо тяжких преступлений, с акцентом на два типа мотивации – корыстную и морально-статусную, а также на феномен инициативного идейного содействия; размещение предупреждений в общественных местах, на сайтах госорганов и в социальных сетях; организация взаимодействия ПДН с образовательными учреждениями для проведения профилактических занятий с учащимися для формирования компетенций в сфере культуры информационной безопасности и соблюдения медиа-гигиены. В этих целях целесообразно уделять внимание, в том числе, изучению положительного зарубежного опыта [8].

Кроме того, необходимы: взаимодействие с банковскими учреждениями для выявления подозрительных операций, предшествующих совершению преступлений; повышение уровня правовой грамотности граждан, в том числе разъяснение ответственности за совершение действий, объективно образующих состав террористических и иных преступлений, независимо от мотивов и веры в «легенду»; использование популярных отечественных социальных сетей и видеоплатформ для размещения коротких профилактических роликов с участием реальных пострадавших и сотрудников правоохранительных органов; проведение профилактических бесед с сотрудниками, задействованными в охране объектов критической инфраструктуры.

Совершение особо тяжких преступлений, включая убийства, террористические акты и диверсии, по указаниям украинских колл-центров и специальных служб является новой и крайне опасной формой противоправной деятельности, требующей от правоохранительной системы выработки принципиально новых подходов. В то же время рассматриваемый феномен не может быть сведен исключительно к уголовно-правовой проблематике. Деятельность украинских колл-центров, действующих под контролем иностранных специальных служб, представляет собой один из ключевых элементов гибридной войны, развернутой против РФ. Противник целенаправленно использует инструментарий социальной инженерии и манипулятивных технологий для дестабилизации внутриполитической обстановки, создания атмосферы страха и недоверия к государственным институтам, нанесения инфраструктурного и экономического ущерба. Гражданское население рассматривается при этом не как объект защиты, а как расходный материал, что требует от государства не только реактивного, но и превентивного реагирования.

Технические запреты и блокировки, оставаясь необходимым элементом, не могут быть единственным инструментом противодействия. Успех возможен только при системном сочетании оперативно-розыскных, уголовно-правовых, профилактических мер, распределении задач между задействованными правоохранительными органами, а также при активной разъяснительной работе с населением. Ключевым элементом должна стать не только неотвратимость уголовной ответственности исполнителей, но и активная работа по выявлению и нейтрализации организаторов, финансистов и координаторов, включая колл-центры, действующие в РФ, по формированию у граждан, особенно подростков и молодежи, устойчивости к манипуляциям и понимания ответственности за противоправные деяния, независимо от внушенных мотивов. Отдельного внимания заслуживает проблема инициативного идейного содействия, требующая аналитической работы, внутри- и межведомственного взаимодействия, а также внедрения инновационных технологических решений.

Список литературы:

1. Глухова А.А., Шапошников Е.Л. Прогноз последствия вовлечения несовершеннолетних и молодежи как активных пользователей сети «Интернет» в деятельность деструктивных движений и организаций, содержащих признаки экстремизма и терроризма // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 108–112.
2. Гайворонская И.Б., Фомина Т.Ф., Аманжолова Б.А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // Психология и право. 2020. № 4. С. 152–165.
3. Чередниченко Е.Е. Дистанционное мошенничество: проблемы профилактики, расследования и правоприменения // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 211–214.

4. Степаненко Д.А., Паплаускас А.Р. Особенности совершения преступлений в сфере дистанционного обслуживания и актуальные проблемы расследования дистанционного мошенничества // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 2. С. 51–57.
5. Сычева А.В. Специфика расследования дистанционных мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных лиц в современных условиях//Юристъ-Правоведъ.2025.№3(114).С. 202–207.
6. Веселкина С.А. Совершенствование методов и средств противодействия дистанционным мошенничествам как фактор обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8. № 8. С. 2171–2194.
7. Богданов А.В., Кудин О.В. Противодействие вербовке граждан Российской Федерации в сети Интернет спецслужбами Украины для совершения противоправных деяний // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 4. С. 16–21.
8. Дамирчиев Э.И.О., Васюков В.Ф. Некоторые вопросы противодействия дистанционным мошенничествам в Китае // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 161–166.

Butkevich S.A. Transformation of citizen involvement in illegal activity: new channels of recruitment and coordination // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 449–456.

The article examines a new form of remote involvement of citizens in the commission of especially serious crimes – from arson and sabotage to terrorist attacks and murders – through manipulative influence via telephone communication, social networks and messengers. Innovative channels of recruitment and coordination of criminal actions are analyzed, including closed channels, decentralized messengers, cryptocurrency-based financial instruments, as well as the activities of call centers operating under the control of foreign special services. Particular attention is paid to the problem of inducing Russian citizens to commit crimes, including their material and moral-status motivation, as well as initiative assistance to Ukrainian armed formations. The problems of qualifying these acts, establishing the subjective side, proving the presence of intent and awareness of the person of their actions are identified. Measures of operational-search, criminal-legal and preventive nature aimed at countering this type of crime are proposed. The strategic transition from predominantly prohibitive measures to a model based on the formation of citizens' «digital immunity» and legal awareness is substantiated.

Key words: sabotage, remote fraud, call centers, manipulative influence, operational-search activity, preventive measures, terrorist act, criminal-legal qualification.

Spisok literatury:

1. Gluhova A.A., SHaposhnikov E.L. Prognoz posledstviya vovlecheniya nesovershennoletnih i molodezhi kak aktivnyh pol'zovatelej seti «Internet» v deyatel'nost' destruktivnyh dvizhenij i organizacij, soderzhashchih priznaki ekstremizma i terrorizma // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2024. № 4 (68). S. 108–112.
2. Gajvoronskaya I.B., Fomina T.F., Amanzholova B.A. Verbovka v ekstremistskie i terroristicheskie organizacii posredstvom seti Internet // Psihologiya i pravo. 2020. № 4. S. 152–165.
3. CHerednichenko E.E. Distancionnoe moshennichestvo: problemy profilaktiki, rassledovaniya i pravoprimeneniya // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2023. T. 19. № 1. S. 211–214.
4. Stepanenko D.A., Paplauskas A.R. Osobennosti sovershеniya prestuplenij v sfere distancionnogo obsluzhivaniya i aktual'nye problemy rassledovaniya distancionnogo moshennichestva // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2025. № 2. S. 51–57.
5. Sycheva A.V. Specifika rassledovaniya distancionnyh moshennichestv, sovershennyh v otnoshenii social'no nezashchishchennyh lic v sovremennyh usloviyah // YUrist"-Pravoved". 2025. № 3 (114). S. 202–207.
6. Veselkina S.A. Sovershenstvovanie metodov i sredstv protivodejstviya distancionnym moshennichestvam kak faktor obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Ekonomicheskaya bezopasnost'. 2025. T. 8. № 8. S. 2171–2194.
7. Bogdanov A.V., Kudin O.V. Protivodejstvie verbovke grazhdan Rossijskoj Federacii v seti Internet specsluzhbami Ukrainy dlya sovershеniya protivopravnyh deyanij // Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya. 2025. № 4. S. 16–21.
8. Damirchiev E.I.O., Vasyukov V.F. Nekotorye voprosy protivodejstviya distancionnym moshennichestvam v Kitae // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2024. № 2 (99). S. 161–166.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 457-465.

УДК 343.56

ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННЫХ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР

Гончаров Д. К.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Рассмотрены проблемные, вопросы, связанные с получением и изъятием следов преступной деятельности организаторов и иных лиц, причастных к незаконным организации и проведению азартных игр на современном этапе. Анализируются формы незаконных организации и проведения азартных игр, а также виды следов. Описывается роль цифровых следов при доказывании преступной деятельности организаторов незаконных азартных игр и лиц, участвующих в их проведении. Обосновывается необходимость привлечения специалиста в области компьютерных технологий при проведении осмотра места незаконных организации и проведения азартных игр. Рассмотрены тактические приемы, направленные на эффективное получение и закрепление следов и порядок действия следователя на различных этапах проведения осмотра места происшествия. Обосновывается роль применения «системно-сетевого» метода осмотра.

Ключевые слова: азартные игры, цифровые следы, осмотр места происшествия, игорное оборудование, тактические приемы, алгоритм, системно-сетевой метод осмотра.

В настоящее время незаконные организация и проведение азартных игр получили широкое распространение в большинстве субъектов РФ. Несмотря на законодательные запреты в сфере игорной деятельности, установленные Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ, ограничивающим возможность легальной организации и проведения азартных игр с использованием игорного оборудования 6 игорными зонами, расположенными на территории Республики Алтай, Республики Крым, Алтайского края, Краснодарского края, Приморского края и Калининградской области [2], и предусмотренную ст. 171^2 УК РФ уголовную ответственность за нарушение положений указанного закона [1], организаторы, с целью незаконного обогащения, продолжают открывать незаконные игорные заведения, маскируя их под различные виды легальной деятельности. Практика расследования фактов незаконных организации и проведения азартных игр свидетельствует о том, что в последнее время организаторы для проведения азартных игр чаще всего используют персональные компьютеры, подключенные к сети Интернет, а не специализированное игорное оборудование [5, с. 279], что значительно усложняет поиск следов, необходимых для доказывания фактов преступной деятельности. Основой доказательной базы являются вовремя полученные и зафиксированные надлежащим образом следы совершенных преступлений, получаемых, в преимущественном большинстве, в ходе проведения осмотра места происшествия [6, с. 46].

Современная незаконная игорная деятельность представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую: материально-техническую подсистему (игровое оборудование, серверное и сетевое оснащение); организационно-управленческую подсистему (иерархия участников, распределение ролей, система охраны и противодействия); финансовую подсистему (каналы поступления и вывода средств, в том числе с использованием криптовалют); цифровую (виртуальную) подсистему (сайты, платежные агрегаторы, удаленные серверы).

В этих условиях осмотр места происшествия при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр приобретает особое значение как неотложное и зачастую невосполнимое следственное действие, позволяющее зафиксировать обстановку преступления и изъять ключевые доказательства. Однако, как показывает анализ следственной практики, эффективность данного следственного действия по рассматриваемой категории дел остается недостаточно высокой. Причинами этого

выступают: отсутствие у следователей четкого алгоритма действий применительно к специфике современных способов совершения преступления; недостаточная квалификация в работе с цифровыми следами; а также активное противодействие со стороны организаторов незаконного игорного бизнеса.

Современная практика расследования преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр, сталкивается с качественно новыми вызовами, обусловленными цифровой трансформацией преступной деятельности. Традиционные методы осмотра места происшествия, ориентированные на фиксацию статичных материальных объектов, оказываются недостаточно эффективными в условиях, когда игорный бизнес все чаще функционирует в смешанных схемах, сочетая стационарное оборудование с онлайн-ресурсами, облачными сервисами и скрытыми сетевыми технологиями. Криминалистический анализ показывает, что незаконная игорная деятельность оставляет два основных спектра следов: материальные (для традиционных форм) и цифровые (для онлайн-форм), а также их смешанные варианты. Традиционная (офлайн) форма: характеризуется наличием материально обособленного помещения (подвал, цокольный этаж, отдельно стоящее здание, арендованный офис), оборудованного игровыми автоматами, карточными столами, кассовыми аппаратами, а также системой охраны и видеонаблюдения. Типовая следовая картина такого места происшествия включает: игровое оборудование: игровые автоматы, процессинговые центры, системы контроля за игровыми столами. При этом ключевое значение имеет способ использования устройства – любое устройство или приспособление может быть признано игровым оборудованием, если будет установлено, что оно использовалось для проведения азартной игры; денежные средства: наличные в кассе и в купюроприемниках игровых автоматов; документация: черновые записи с фиксацией ставок, выплат, долговых обязательств; распечатки с игровых автоматов; чеки контрольно-кассовой техники; средства конспирации: системы видеонаблюдения (как внутреннего, так и внешнего периметра), охрана, тревожные кнопки, средства маскировки входа.

Онлайн-форма представляет собой качественно иной объект криминалистического исследования. В данном случае так называемое «место происшествия» имеет дуалистичную природу: материальное (помещение, где располагается колл-центр или серверная) и виртуальное (цифровое пространство, в котором непосредственно осуществляется игорная деятельность). Типовая следовая картина включает: серверное оборудование: системные блоки, серверы (часто на базе Linux-архитектуры), сетевое оборудование (маршрутизаторы, коммутаторы); пользовательские устройства: компьютеры операторов, ноутбуки, мобильные телефоны, планшеты; цифровые следы: данные в оперативной памяти, логи серверов, файлы подкачки, история браузера, логины и пароли, криптокошельки, настройки удаленного доступа; платежная инфраструктура: пластиковые карты (в том числе дропов), терминалы оплаты, реквизиты электронных кошельков. Подготовка к проведению обыска должна включать: формирование следственно-оперативной группы с обязательным включением специалиста в области компьютерной техники; предварительное получение информации об используемом программном обеспечении, типе серверов и примерных схемах финансовых потоков через оперативно-розыскную деятельность; обеспечение изъятия предметов, обладающих электромагнитным излучением (ноутбуки, системные блоки), так как принудительное отключение питания может привести к потере данных, хранящихся в оперативной памяти.

На этапе подготовки следователь должен получить максимально полную информацию об объекте предстоящего осмотра. В этих целях рекомендуется: истребовать из Бюро технической инвентаризации (БТИ) план помещения; провести мероприятия, направленные на получение сведений о способе проведения азартных игр, типе используемого игрового оборудования, количестве лиц, их организующих; установить наличие систем охраны и видеонаблюдения; изучить личность предполагаемых организаторов и операторов, их функциональные роли, период работы в игор-

ном заведении, наличие преступного опыта. Состав группы, направляемой на осмотр места происшествия, должен включать следующих лиц: специалист в области компьютерной техники – для работы с серверным оборудованием, компьютерами, системами видеонаблюдения и иными цифровыми носителями информации [3, с. 62]; специалист-бухгалтер – для работы с документацией, определения круга документов, которые были или могли быть использованы для подготовки, совершения и сокрытия преступления; сотрудники спецподразделений (при необходимости) – для силового обеспечения, вскрытия замков и сейфов.

Для установления и фиксации следов преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр, рекомендуется проводить осмотр и изъятие игорного оборудования, подключенного к сети, во время непосредственного проведения азартных игр [4, с. 27]. Осмотр места происшествия необходимо проводить по методу «от общего к частному» – от входа в помещение к отдельным предметам и документам. При входе следует зафиксировать особенности доступа: наличие металлодетекторов, тревожных кнопок, системы контроля доступа, видеокамер. Все эти элементы указывают на конспиративный характер объекта и подлежат детальному описанию в протоколе. Крайне важно обеспечить изоляцию всех лиц, находящихся в помещении, для предотвращения уничтожения доказательств. Категорически запрещается кому-либо из присутствующих (включая сотрудников игорного заведения, игроков) прикасаться к компьютерам, серверам, системным блокам, а также к выключателям электропитания. Осмотр игрового оборудования представляет собой наиболее сложный и ответственный этап. В криминалистической литературе обоснованно отмечается, что вопрос об отнесении того или иного устройства к игровому оборудованию находится в правовой плоскости и решается следователем и судом, а не экспертом. Способ использования игорного оборудования устанавливается в процессе выявления и расследования преступления [9, с. 41]. При вскрытии корпусов важно изымать платы (материнские платы, контроллеры), которые позже могут быть исследованы на предмет наличия несертифицированного программного обеспечения, изменяющего вероятность выигрыша.

Алгоритм осмотра игрового автомата включает: внешний осмотр: фиксация модели, серийного номера, внешних повреждений, следов взлома или вскрытия; осмотр содержимого: вскрытие корпуса (с участием специалиста), изъятие игровых плат, контроллеров, купюроприемников; осмотр настроек и статистики (при технической возможности): фиксация установленного процента выигрыша, максимального размера кредита, максимальной ставки, даты и времени инициализации (обнуления) платы, количества сыгранных игр, сумм всех сделанных ставок и выплаченных выигрышей [10, с. 25]. Денежные средства детально просматриваются на предмет пометок, а также упаковываются для исследования на наличие следов меток.

Работа с цифровыми следами – это наиболее сложный тактический элемент. Цифровые доказательства чрезвычайно уязвимы: при отключении электропитания компьютера данные, находящиеся в оперативной памяти (активные сессии, временные ключи, открытые соединения с серверами), безвозвратно теряются.

Основные правила работы с цифровыми носителями: запрещено выключать компьютер нажатием кнопки питания или отключением от сети, если на экране отображается работающее приложение, что может привести к потере данных активной сессии; незамедлительно осуществляется фото- и видеосъемка содержимого экранов мониторов с фиксацией открытых окон, IP-адресов серверов, балансов счетов, временных меток; при обнаружении Linux-серверов требуется участие специалиста, владеющего методиками идентификации серверов и сбора данных в условиях ограниченного времени (on-siteforensicacquisition); изъятие носителей производится после «клонирования» (создания битовой копии) жестких дисков [8]. Оригинальные носители упаковываются в антистатические пакеты, обеспечивающие защиту от магнитных полей и электростатических разрядов; сетевые логи (логи маршрутиза-

торов, коммутаторов, межсетевых экранов) подлежат обязательному изъятию, так как они могут содержать информацию об удаленных подключениях, IP-адресах клиентов и организаторов. Особого внимания заслуживают документы с кодами и шифрами. Преступники часто используют криптографические или профессиональные сленговые системы для обозначения сумм, исходов событий или клиентов. Реквизиты таких записей должны быть детально расшифрованы и включены в протокол.

Современный этап развития преступности в сфере азартных игр характеризуется вытеснением физических серверов в юрисдикции других стран. Физический осмотр места происшествия в таком случае проводится только в офисе, где работают менеджеры и колл-центр, в то время как реальный сервер находится за рубежом. В такой ситуации основной упор в осмотре делается на поиск «бумажных» учетных данных, а также на анализ настроек на рабочей станции. Для фиксации виртуального места преступления используются методы сетевой криминалистики – сбор логов маршрутизаторов и коммутаторов на месте осмотра. Документы, изъятые в ходе осмотра места происшествия, подлежат детальному изучению. Целью осмотра - получение сведений, имеющих значение для дела, установление признаков и свойств, указывающих на связь документа с обстоятельствами, подлежащими доказыванию [7].

При обращении с документами, признанными вещественными доказательствами, необходимо соблюдать правила: на документе нельзя делать пометок, новых перегибов, подвергать его химическим или механическим воздействиям. Документы хранятся в опечатанных конвертах при уголовном деле [9, с. 40]. Результаты осмотра места происшествия фиксируются в протоколе, который должен отвечать требованиям полноты, объективности и наглядности. В протоколе отражаются: обстановка места происшествия: характеристика помещения (назначение, планировка, площадь, освещение), расположение предметов (игровых автоматов, столов, компьютеров) относительно друг друга и неподвижных ориентиров; состояние игрового оборудования: включено/выключено, наличие подключения к сети, наличие денежных средств в купюроприемнике, показания на дисплее; сведения об изъятых предметах: точное наименование, индивидуальные признаки (серийные номера, маркировка), состояние, способ упаковки и опечатывания. Рекомендуется активное использование видеозаписи как дополнительного средства фиксации. Видеозапись позволяет зафиксировать динамику следственного действия, расположение предметов, показания на дисплеях, а также процесс изъятия и упаковки доказательств.

Современный этап развития незаконного игорного бизнеса характеризуется вытеснением физической серверной инфраструктуры в юрисдикции других стран. Физический осмотр места происшествия в таких случаях проводится в помещении, где располагается колл-центр, в то время как реальный сервер находится за рубежом.

В этой ситуации основные усилия следователя и специалиста должны быть направлены на: поиск «бумажных» учетных данных: распечатки паролей, ключей, адресов серверов, инструкций по удаленному подключению; анализ настроек и сетевых конфигураций на рабочих станциях и маршрутизаторах; сбор логов маршрутизаторов, коммутаторов и межсетевых экранов; фиксацию активных соединений с удаленными серверами.

Инновационным подходом к осмотру места происшествия при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр является «системно-сетевой» метод, интегрирующий принципы классической криминалистики с современными концепциями сетевого анализа и цифровой форензики. Обосновывается необходимость перехода от традиционного объектно-ориентированного осмотра к исследованию преступной деятельности как целостной технологической системы, функционирующей в материально-цифровой среде. Раскрываются теоретические основы метода, его структура, тактические приемы работы с материальными и цифровыми следами в их системной взаимосвязи, а также особенности документирования результатов. «Системно-сетевой» метод осмотра места происшествия формируется на

стыке нескольких научных направлений: классической криминалистической тактики, теории систем, сетевого анализа и цифровой форензики. Его возникновение обусловлено объективными закономерностями эволюции преступной деятельности в сфере азартных игр. Исследователями выделяются несколько этапов развития игорного бизнеса как средства совершения преступления. На первом этапе доминировали классические игровые автоматы с жесткой логикой работы и физическими механизмами учета. Второй этап характеризовался появлением программируемых устройств с возможностью модификации программного обеспечения. Современный, третий этап связан с интеграцией игрового оборудования в глобальные сети, использованием облачных технологий, криптовалют и распределенных реестров.

Именно на современном этапе возникает принципиальная невозможность изолированного анализа отдельных элементов преступной деятельности. Игровой автомат, не подключенный к сети, может представлять собой лишь «пустой» корпус, в то время как реальное управление и учет ставок осуществляются удаленно. Аналогичным образом, серверное оборудование, расположенное на территории одного государства, может обслуживать игроков по всему миру, а финансовые потоки – проходить через множество юрисдикций.

В этих условиях традиционный осмотр, ориентированный на «привязку» каждого предмета к месту его обнаружения, уступает место системному анализу, в котором место происшествия рассматривается как узел в более широкой сети криминальных коммуникаций. Под системно-сетевым методом осмотра места происшествия при расследовании незаконных азартных игр предлагается понимать совокупность тактических приемов и организационных мер, направленных на: 1) выявление и фиксацию всех элементов преступной системы (материальных, цифровых, коммуникативных); 2) установление и документирование связей между этими элементами (внутренних и внешних); 3) картирование сетевой инфраструктуры, обеспечивающей функционирование незаконного игорного бизнеса; 4) определение узловых точек системы, имеющих наибольшее доказательственное значение.

Сущность метода заключается в переходе от статичного описания обстановки к динамическому моделированию функционирования преступной системы. Следователь и специалист в ходе осмотра не просто фиксируют наличие тех или иных объектов, но и анализируют их роль в общей архитектуре преступного бизнеса, выявляют каналы связи, источники управления и пути движения финансовых средств.

Методологически важным является различение понятий «система» и «сеть». Система (в узком смысле) представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, функционирующих для достижения общей цели (организация и проведение азартных игр). Сеть же отражает внешние коммуникации данной системы с другими субъектами и инфраструктурными элементами (платежными системами, хостинг-провайдерами, реферальными партнерами и т.д.).

Первый уровень осмотра ориентирован на фиксацию материальных объектов, образующих физическую инфраструктуру незаконного игорного заведения. К ним относятся: помещение и его планировка; игровые автоматы, столы и иное оборудование; компьютерная и серверная техника; кассовое оборудование и денежные средства; документация (как легальная, так и «черновая»); средства связи и видеонаблюдения. Важной особенностью системно-сетевого метода является то, что материальные объекты осматриваются не изолированно, а в контексте их функционального назначения в составе системы. Например, осматривая игровой автомат, специалист должен зафиксировать не только его внешние характеристики и содержимое купюроприемника, но и наличие сетевых интерфейсов, настроек удаленного доступа, сведений о подключенных серверах. Особого внимания заслуживает игровое оборудование как ключевое средство совершения преступления. Как отмечается в специальной литературе, вопрос об отнесении того или иного устройства к игровому оборудованию лежит в правовой плоскости и решается следствием и судом,

однако именно в ходе осмотра должны быть получены данные, позволяющие сделать такой вывод. В соответствии с методическими подходами к экспертизе игровых программ, особое значение имеет выявление недекларированных возможностей, позволяющих изменять процент выигрыша или скрыто управлять игровым процессом.

Второй уровень осмотра охватывает цифровые следы, хранящиеся в памяти компьютерных устройств, на серверах и в облачных сервисах. К ним относятся: программное обеспечение игровых автоматов и серверов; логи транзакций и операционных событий; базы данных игроков и ставок; настройки сетевых подключений; файлы конфигурации; история браузера и файлы; логины, пароли и ключи доступа.

Работа с цифровыми следами требует соблюдения принципов живой криминалистики, поскольку принудительное отключение питания может привести к безвозвратной потере данных, хранящихся в оперативной памяти (активные сессии, временные ключи шифрования, открытые сетевые соединения).

В системно-сетевом контексте цифровые следы приобретают особое значение как «нити», связывающие материальный объект с внешней сетевой инфраструктурой. Так, анализ сетевых настроек рабочей станции может выявить IP-адреса управляющих серверов, данные о VPN-подключениях, настройки удаленного рабочего стола. Логи маршрутизаторов и коммутаторов позволяют восстановить картину сетевого взаимодействия между различными элементами преступной системы.

Третий уровень осмотра направлен на выявление и фиксацию внешних связей преступной системы с контрагентами: хостинг-провайдерами, платежными системами (включая криптовалютные), реферальными партнерами, службами технической поддержки, а также с игроками и их сообществами. Этот уровень является наиболее сложным для реализации в рамках классического осмотра места происшествия, поскольку многие связи существуют исключительно в виртуальной среде и не имеют материального воплощения. Тем не менее, именно установление этих связей позволяет перейти от расследования локального факта организации азартных игр к раскрытию полной картины преступной деятельности, включая выявление организаторов, каналов финансирования и масштабов незаконного бизнеса.

Подготовка к осмотру места происшествия с применением системно-сетевого метода включает не только традиционные организационные мероприятия, но и предварительное информационное моделирование предполагаемой преступной системы. На данном этапе на основе имеющихся оперативных данных (результатов проверочной закупки, наблюдения, негласной информации) следователь совместно со специалистами разрабатывает гипотетическую модель преступной системы, которая включает: 1) предполагаемый перечень материальных объектов, подлежащих обнаружению; 2) вероятную архитектуру цифровой инфраструктуры (использование облачных серверов, протоколов связи, платежных шлюзов); 3) возможные внешние связи системы (хостинг-провайдеры, регистраторы доменов, платежные агрегаторы); 4) роли и функции лиц, которые могут находиться на месте осмотра (администраторы, операторы, охрана, игроки). Данная модель служит основой для планирования осмотра, определения приоритетных объектов и необходимого состава следственно-оперативной группы. Как справедливо отмечается в научной литературе, особое внимание следует уделить включению в группу специалистов в области информационных технологий и кибербезопасности, что обусловлено сложностью технических процессов и риском потери или искажения информации.

Современные незаконные игорные платформы все чаще используют облачные сервисы и распределенную инфраструктуру, что создает дополнительные сложности для осмотра. В таких случаях на месте происшествия могут отсутствовать серверы как таковые – вместо них обнаруживаются лишь терминалы удаленного доступа, через которые операторы подключаются к облачным ресурсам. В этой ситуации системно-сетевой метод предполагает: 1) фиксацию всех данных, позволяющих идентифицировать облачные ресурсы: адреса панелей управления, IP-адреса серве-

ров, учетные данные (логины, пароли, ключи), настройки сетевых ресурсов; 2) изъятие файлов конфигурации удаленного; 3) При наличии законных оснований – получение доступа к облачным ресурсам (путем направления запросов провайдерам или использования изъятых учетных данных в рамках следственного действия).

Как показывает правоприменительная практика, эффективное расследование онлайн-гемблинга требует тесного сотрудничества правоохранительных органов с технологическими компаниями и платежными системами, в том числе в рамках трансграничных запросов. Результатом системно-сетевого осмотра должно стать не просто описание отдельных объектов, а целостная доказательственная база, отражающая структуру и функционирование преступной системы.

В протоколе осмотра и приложениях к нему фиксируются: 1) топологическая схема расположения объектов с указанием связей; 2) сетевая архитектура выявленной инфраструктуры (включая схему внешних соединений); 3) перечень узловых элементов системы с указанием их функций; 4) результаты предварительного анализа цифровых носителей (в той мере, в какой это возможно без проведения экспертизы); 4) данные о внешних соединениях (логи, IP-адреса, временные метки). При этом важно, чтобы протокол осмотра позволял в последующем реконструировать процессы, протекавшие в системе на момент осмотра (активные сессии, соединения, транзакции). Применение системно-сетевого метода сопряжено с рядом проблем. Во-первых, это вопрос о процессуальной природе получаемых данных: в какой момент предварительный анализ цифровых носителей, проводимый на месте осмотра, переходит в экспертное исследование, требующее назначения экспертизы. Практика показывает, что разграничение компетенции специалиста и эксперта в данной области остается дискуссионным. Во-вторых, существует проблема анализа информации, получаемой при широком захвате цифровых данных, может затруднить выделение релевантных доказательств. Требуется разработка методик фильтрации и приоритизации данных уже на этапе осмотра. В-третьих, сохраняются сложности, связанные с трансграничным характером сетевой инфраструктуры. Как отмечают авторы исследований, зарубежные серверы, иностранные регистраторы доменов и офшорные платежные системы создают значительные препятствия для получения доказательств.

Дальнейшее развитие системно-сетевого метода связывается с рядом тенденций. Во-первых, это активное внедрение систем централизованного мониторинга игорной деятельности. В ряде стран уже функционируют государственные системы онлайн-мониторинга, подключающиеся напрямую к системам операторов и автоматически получающие данные обо всех транзакциях. Такие системы могут служить как источником первичной информации о нарушениях, так и инструментом верификации данных, полученных в ходе осмотра. Во-вторых, это использование методов искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматического выявления сетевых взаимосвязей и аномальных паттернов в больших массивах цифровых данных. В-третьих, это развитие протоколов международного сотрудничества и стандартизации форматов электронных доказательств, что особенно актуально в свете инициатив по созданию открытых платформ для правоохранительных органов в сфере противодействия транснациональным финансовым потокам. Осмотр места происшествия при расследовании незаконной организации и проведения азартных игр представляет собой сложное, многоплановое следственное действие, синтезирующее методы традиционной криминалистики и современной цифровой форензики. Эффективность данного следственного действия напрямую зависит от ряда факторов: своевременности и адекватности реагирования на поступившую информацию, правильного выбора процессуальной формы (осмотр или обыск), квалификации специалистов, включенных в следственную группу, а также от знания следователем современных способов совершения и сокрытия преступления.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и рекомендации. Приоритетной формой реагирования при наличии достоверной информации об игорном заведении является обыск, обеспечивающий фактор внезапности и возможность изъятия всей совокупности доказательств. Следственно-оперативная группа в обязательном порядке должна включать специалистов в области компьютерной техники и бухгалтерского учета, оснащенных специальными техническими средствами и аппаратно-программными комплексами. Работа с игровым оборудованием требует соблюдения методики внешнего осмотра, осмотра содержимого и, при технической возможности, осмотра настроек и статистики. Тактическая комбинация «эмуляция» позволяет наглядно зафиксировать факт азартной игры. Работа с цифровыми доказательствами должна строиться на принципах запрета на отключение питания, приоритетной фиксации содержимого экранов и активных сетевых соединений, профессионального изъятия носителей. При трансграничном характере преступной деятельности акцент смещается на сбор косвенных цифровых доказательств (логи, конфигурации, учетные данные), что требует от следователя знаний в области сетевых технологий. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: разработка унифицированного алгоритма взаимодействия следователя и специалиста в условиях ограниченного времени; создание методических рекомендаций по осмотру объектов, замаскированных под легальную предпринимательскую деятельность; исследование возможностей использования искусственного интеллекта при анализе больших массивов цифровых данных. Разработка и внедрение «системно-сетевого» метода осмотра места происшествия, который позволяет перейти от фрагментарной фиксации отдельных предметов к целостному анализу преступной деятельности как функционирующей системы.

Список литературы:

1.Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/

2.Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (в редакции от 02.05.2026) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (дата обращения 05.06.2026).

3.Антонов О.Ю. Основная задача расследования незаконных организации и проведения азартных игр и пути ее решения / О.Ю. Антонов // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Москва, 20 мая 2022 года / Редколлегия: Ю.В. Гаврилин, Б.Я. Гаврилов, С.Б. Россинский, Ю.В. Шпагина. Том Часть 2. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 59-67.

4.Гончаров Д.К. Криминалистические особенности выявления, раскрытия и расследования незаконной организации и проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / Д.К. Гончаров // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий : Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 02–03 декабря 2021 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 24-29.

5.Гончаров Д.К. Криминалистическое обеспечение расследования незаконных организации и проведения азартных игр // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью : Сборник научных трудов по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 09 декабря 2022 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т.Трубилина, 2023.С. 277-286.

6.Гончаров Д.К. Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании незаконных организации и проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / Д.К. Гончаров // Проблемы противодействия киберпреступности : Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. – С. 44-50.

7.Запивалов Д.А. Методика расследования незаконного предпринимательства. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2010. – 176 с.

8.Пешков С.С. Особенности досудебного производства по уголовным делам о налоговых преступлениях. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. - 27 с.

9.Щукин В.И. Организационные и тактические аспекты осмотра мест происшествий при расследовании преступлений, связанных с незаконными организацией и (или) проведением азартных игр с использованием игрового оборудования / В. И. Щукин, О. Н. Скоморохов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2017. – № 1(29). – С. 39-42.
10. Щукин В.И., Чиненов Е.В., Чернышев С.А. [и др.] Методика расследования преступлений, связанных с незаконной организацией и (или) проведением азартных игр с использованием игрового оборудования: учебно-методическое пособие. Белгород, 2018. – 32 с.

Goncharov D.K. Tactical aspects of crime scene inspection during the investigation of illegal gambling organization and conduct // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 457-465.

This article examines the current challenges associated with obtaining and seizing traces of criminal activity by organizers and other individuals involved in the illegal organization and conduct of gambling. It analyzes the forms of illegal organization and conduct of gambling, as well as the types of traces. The role of digital traces in proving the criminal activity of organizers of illegal gambling and individuals involved in its conduct is described. The necessity of involving a computer technology specialist when conducting an inspection of the site of illegal gambling operations is substantiated. Tactics aimed at effectively obtaining and securing evidence and the investigator's procedures at various stages of the crime scene inspection are discussed. The role of using a "system-network" inspection method is substantiated

Keywords: Gambling, digital traces, crime scene inspection, gambling equipment, tactical techniques, algorithm, system-network inspection method.

Spisok literatury:

1.Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (red. ot 09.04.2026). [Elektronnyj resurs] // Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b20820739fab5a2c2645f2c2dba2d73e9025f6e4/ (data obrashcheniya 05.06.2026).
2.Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 № 244-FZ (v redakcii ot 02.05.2026) «O gosudarstvennom regulirovanii deyatel'nosti po organizacii i provedeniyu azartnyh igr i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». [Elektronnyj resurs] // Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/
3.Antonov O.YU. Osnovnaya zadacha rassledovaniya nezakonnyh organizacii i provedeniya azartnyh igr i puti ee resheniya / O.YU. Antonov // Razvitie nauchnyh idej professora R.S. Belkina v usloviyah sovremennyh vyzovov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) : Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-h chastyah, Moskva, 20 maya 2022 goda / Redkollegiya: YU.V. Gavrilin, B.YA. Gavrilov, S.B. Rossinskij, YU.V. SHpagina. Tom CHast' 2. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2022. – S. 59-67.
4.Goncharov D.K. Kriminalisticheskie osobennosti vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya nezakonnoj organizacii i provedeniya azartnyh igr s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej / D.K. Goncharov // Protivodejstvie kiberprestupleniyam i prestupleniyam v sfere vysokih tekhnologij : Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 02–03 dekabrya 2021 goda. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2022. – S. 24-29.
5.Goncharov D.K. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya nezakonnyh organizacii i provedeniya azartnyh igr / D.K. Goncharov // Ugolovno-pravovye, ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie voprosy bor'by s prestupnost'yu : Sbornik nauchnyh trudov po materialam VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Krasnodar, 09 dekabrya 2022 goda. – Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet imeni I.T. Trubilina, 2023. – S. 277-286.
6.Goncharov D.K. Osobennosti taktiki osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii nezakonnyh organizacii i provedeniya azartnyh igr s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnoj seti «Internet» / D.K. Goncharov // Problemy protivodejstviya kiberprestupnosti : Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 28 aprelya 2023 goda. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2023. – S. 44-50.
7.Zapivalov D.A. Metodika rassledovaniya nezakonnogo predprinimatel'stva. Dis. …kand. yurid. nauk. Moskva, 2010. – 176 s.
8.Peshkov S.S. Osobennosti dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam o nalogovyh prestupleniyah. Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Moskva, 2009. - 27 s.
9.SHCHukin V.I. Organizacionnye i takticheskie aspekty osmotra mest proisshestvij pri rassledovanii prestuplenij, svyazannyh s nezakonnymi organizaciej i (ili) provedeniem azartnyh igr s ispol'zovaniem igrovogo oborudovaniya // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2017. – № 1(29). – S. 39-42.
10.SHCHukin V.I., CHinenov E.V., CHernyshev S.A. [i dr.] Metodika rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnoj organizaciej i (ili) provedeniem azartnyh igr s ispol'zovaniem igrovogo oborudovaniya: uchebno-metodicheskoe posobie. Belgorod, 2018. – 32 c.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 466-472.

УДК 343.341:343.9.024.3

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Грибанов С. А.

ООО «КСК»

В статье исследована система нормативных правовых актов, определяющих содержание и пределы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию финансирования экстремистской деятельности. Особое внимание уделено изменениям, внесенным Федеральным законом от 28.12.2024 г. № 522-ФЗ, которыми финансовый мониторинг был непосредственно распространен на данную сферу. Раскрыто соотношение антиэкстремистского, уголовного, оперативно-розыскного и финансового законодательства, показана функциональная роль органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, прокуратуры и Росфинмониторинга. Выявлены три нормативные проблемы: несогласованность объема легальных дефиниций финансирования и материального содействия экстремистской деятельности; недостаточная определенность правовых оснований раннего превентивного реагирования на операции вне формализованных перечней; фрагментарность правил межведомственного обмена финансовой и оперативно значимой информацией. Предложены три взаимосвязанных направления решения указанных проблем, ориентированные на соблюдение принципов законности, соразмерности вмешательства и судебного контроля.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, финансирование экстремизма, правоохранительные органы, Росфинмониторинг, финансовый мониторинг, оперативно-розыскная деятельность, межведомственное взаимодействие, цифровые активы.

Финансирование экстремистской деятельности представляет собой инфраструктурную форму содействия преступному поведению: оно обеспечивает устойчивость экстремистских сообществ и организаций, оплату средств связи и конспирации, приобретение имущества, производство и распространение материалов, перемещение участников, а также иные организационные условия противоправной активности. Поэтому пресечение финансовых потоков имеет двойное значение. С одной стороны, оно направлено на недопущение конкретных преступлений экстремистской направленности, с другой – позволяет выявлять связи между участниками, устанавливать организаторов и документировать устойчивость соответствующих структур. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что финансовый механизм включает привлечение, перемещение, получение и последующее использование ресурсов, а его каналы все чаще сочетают традиционные расчеты с электронными платежными средствами, социальными сетями, мессенджерами и цифровыми активами [17, с. 112–118; 18].

Конституционная основа рассматриваемой деятельности определяется обязанностью государства обеспечивать безопасность личности, общества и государства при одновременном соблюдении прав на достоинство, неприкосновенность частной жизни, тайну сообщений, свободу мысли и слова, свободу объединений и судебную защиту [1]. Следовательно, эффективность противодействия финансированию экстремизма не может оцениваться только количеством заблокированных операций или возбужденных уголовных дел. Правомерность вмешательства предполагает наличие ясного основания, установленной процедуры, разграничение компетенции государственных органов и возможность обжалования принятых решений.

Цель исследования состоит в системном анализе правовой основы противодействия правоохранительными органами финансированию экстремистской деятельности, выявлении сохраняющихся нормативных проблем и формулировании ограниченного числа практически реализуемых предложений. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, а также анализ взаимосвязи регулятивных и охранительных норм.

Базовым отраслевым актом является ФЗот 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Его ст. 1 относит к экстремистской деятельности не только перечисленные противоправные деяния, но также их финансирование и иное содействие в организации, подготовке и осуществлении, включая предоставление учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи либо инфоуслуг [2]. Тем самым закон закрепляет широкое функциональное понимание ресурсного обеспечения экстремизма и позволяет рассматривать финансовое пресечение как часть общей системы профилактических, административных, оперативно-розыскных и уголовно-правовых мер.

Стратегический уровень регулирования образует Стратегия противодействия экстремизму в РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 28.12.2024 г. № 1124 [10]. В ней противодействие экстремизму связывается с согласованной деятельностью федеральных органов государственной власти, органов субъектов РФ и иных участников, а перекрытие источников финансирования рассматривается в контексте защиты основ конституционного строя и общественной безопасности. Стратегический документ имеет программно-целевое значение: он задает направления государственной политики, однако непосредственные основания ограничения операций, проведения оперативно-розыскных мероприятий и привлечения к ответственности должны устанавливаться федеральным законом. Уголовно-правовое ядро механизма составляет ст. 282.3 УК РФ. Ответственность наступает за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного преступления экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации [5]. Преступление имеет формальный состав и признается оконченным с момента совершения любого из предусмотренных диспозицией действий при доказанности специальной направленности умысла. Пленум ВС РФ ориентирует суды на необходимость установления не только факта передачи ресурса, но и осознания виновным его экстремистского назначения [11]. Именно признак заведомости отграничивает преступное финансирование от обычного пожертвования, гражданско-правового платежа либо иной экономически нейтральной операции.

Особое значение имеет Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 522-ФЗ, основные положения которого вступили в силу 1.06.2025 г. [4]. Им в Федеральный закон № 115-ФЗ включено легальное определение финансирования экстремистской деятельности, а действующий режим внутреннего контроля, идентификации клиентов, выявления подозрительных операций, замораживания денежных средств или иного имущества и информационного взаимодействия с уполномоченным органом распространен на экстремистское финансирование [3]. Эта реформа устранила принципиальную асимметрию прежней модели, при которой уголовная ответственность по ст. 282.3 УК РФ существовала, но превентивная инфраструктура финансового мониторинга была нормативно ориентирована прежде всего на легализацию преступных доходов и финансирование терроризма. Новеллы 2026 г. дополнительно развили контроль операций с цифровыми валютами и цифровыми правами, расширив круг регулируемых участников [3].

Субъектный состав государственного противодействия имеет распределенный характер. ОВД выявляют и пресекают преступления, осуществляют оперативно-розыскную деятельность, проводят дознание и предварительное следствие в пределах подследственности, используют банковскую и иную финансовую информацию в установленном законом порядке [7]. Органы ФСБ решают задачи защиты конституционного строя и безопасности государства, осуществляют оперативно-розыскную деятельность и участвуют в пресечении организованных форм экстремизма [8]. Прокуратура координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, надзирает за исполнением законов, поддерживает госу-

дарственное обвинение и инициирует предусмотренные законом меры в отношении экстремистских организаций и материалов [9]. Росфинмониторинг, хотя по своему организационно-правовому статусу не относится к правоохранительным органам в узком смысле, выполняет функцию финансовой разведки и является необходимым элементом рассматриваемого механизма. Он получает сведения от организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, проверяет и анализирует их, а при наличии достаточных оснований передает материалы в компетентные правоохранительные органы [3; 12]. В результате образуется последовательность «финансовый индикатор - аналитическая проверка – оперативно-розыскная проверка – процессуальное доказывание». Эффективность всей системы зависит не только от объема доступных данных, но и от юридического качества перехода между указанными стадиями.

Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предоставляет уполномоченным подразделениям правовые средства для установления источников, маршрутов и конечных получателей финансирования, документирования контактов и проверки сведений о готовящихся или совершаемых преступлениях [6]. Вместе с тем результаты оперативно-розыскной деятельности не заменяют уголовно-процессуальные доказательства. Их представление органу дознания, следователю или в суд требует соблюдения установленного порядка, а вмешательство в тайну сообщений и частную жизнь допускается лишь при наличии законных оснований и, в предусмотренных случаях, судебного решения. Для финансовых расследований это особенно существенно, поскольку аналитическая связь транзакций сама по себе не подтверждает заведомость их экстремистского назначения. Таким образом, действующая правовая основа имеет многоуровневый характер. Закон № 114-ФЗ определяет предмет противодействия; УК РФ устанавливает запрет и ответственность; Закон № 115-ФЗ формирует превентивный финансовый контур; законы о полиции, федеральной службе безопасности, прокуратуре и оперативно-розыскной деятельности закрепляют компетенцию и средства реагирования. Доктринально такой подход оценивается как необходимое сочетание уголовно-правовых, криминологических, информационно-аналитических и организационных мер [13, с. 4–9; 16, с. 169–178]. При этом наличие разветвленной нормативной базы не исключает внутренних несогласованностей, проявляющихся на стыке отраслей законодательства.

Первая проблема - несогласованность объема легальных понятий финансирования и материального содействия экстремистской деятельности. Закон № 114-ФЗ использует широкую конструкцию, охватывающую финансирование и иное содействие, включая предоставление материально-технической базы, связи и информационных услуг [2]. Напротив, статья 282.3 УК РФ и введенное в Закон № 115-ФЗ определение ограничены предоставлением или сбором средств и оказанием финансовых услуг [3; 5]. При этом содержание слова «средства» непосредственно в уголовном законе не раскрыто. На практике ресурсная поддержка может осуществляться путем безвозмездной передачи оборудования, оплаты аренды третьим лицом, предоставления транспорта, доступа к информационной инфраструктуре, цифровых прав или имущественной выгоды без движения денежных средств. Научные исследования обоснованно указывают на необходимость учета материальных и цифровых форм поддержки, не сводимых к классическому банковскому переводу [15, с. 267–272; 18]. Однако расширительное толкование уголовного запрета недопустимо, а квалификация одного и того же действия как «финансирования» либо «иного содействия» не должна зависеть от ведомственной практики.

Вторая проблема – недостаточная нормативная определенность раннего превентивного реагирования на финансовые операции, совершаемые вне формализованных перечней. Перечневый механизм необходим для незамедлительного замораживания активов лиц и организаций, в отношении которых уже имеются предусмотренные законом юрооснования. Вместе с тем финансирование нередко предшествует

признанию организации экстремистской, возбуждению уголовного дела или приобретению лицом соответствующего процессуального статуса. На этой стадии финансовая организация и уполномоченный орган оперируют совокупностью косвенных признаков: дроблением платежей, транзитным характером операций, массовым сбором через сетевые ресурсы, переводом активов между различными платежными инструментами. После расширения в 2026 г. контроля цифровых валют регулируемый сегмент стал прозрачнее, однако сохраняются трансграничные, одноранговые и некастодиальные модели оборота, в которых отсутствует российский посредник, способный исполнить предписание [3]. Недостаток состоит не в отсутствии полномочий вообще, а в разрыве между жесткими последствиями ограничения операции и недостаточно конкретизированными на уровне закона критериями, сроками и процедурой межведомственной верификации риска. Это создает одновременно риск запоздалого пресечения и риск избыточного ограничения прав добросовестных лиц.

Третья проблема – фрагментарность нормативного регулирования межведомственного обмена финансовой и оперативно значимой информацией. Статья 9 Закона № 115-ФЗ, законы о полиции, федеральной службе безопасности, прокуратуре и оперативно-розыскной деятельности создают общую правовую возможность обмена сведениями [3; 6–9]. Однако нормы различаются по предмету, режиму доступа и основаниям предоставления информации; значительная часть алгоритмов конкретизируется ведомственными и межведомственными актами. На уровне федерального регулирования отсутствует единая модель, которая одновременно определяла бы минимальный состав передаваемых данных, сроки первичной оценки, обязанность обратного информирования Росфинмониторинга о результатах использования материала, правила сохранения цифровой цепочки происхождения данных и основания прекращения ограничений. Исследователи оперативно-розыскного сопровождения связывают результативность противодействия с устойчивой обратной связью между финансовой разведкой и оперативными подразделениями [14, с. 82–89]. Фрагментарность снижает сопоставимость ведомственных решений и затрудняет оценку законности всего цикла обработки информации. Выявленным проблемам должны соответствовать три направления совершенствования правового регулирования; увеличение их числа без определения взаимосвязи между нормой, процедурой и субъектом исполнения привело бы лишь к дальнейшему усложнению системы.

Первое направление – унификация предмета правового регулирования. Целесообразно закрепить в примечании к ст. 282.3 УК РФ межотраслевое определение средств финансирования, включив в него денежные средства, иное имущество, имущественные права, цифровые права и цифровую валюту, а также работы и услуги имущественного характера, предоставляемые безвозмездно либо на льготных условиях. Одновременно соответствующая дефиниция должна быть синхронизирована со статьей 1 Закона № 114-ФЗ и ст. 3 Закона № 115-ФЗ. При этом обязательным элементом состава необходимо сохранить заведомость предназначения ресурса. Такое решение не криминализирует обычную благотворительность или хозяйственную деятельность, поскольку ответственность связывается не с формой актива, а с доказанной целевой направленностью предоставления. Конструкция должна сопровождаться разъяснением Пленума ВС РФ о разграничении финансирования, пособничества и нейтральной гражданско-правовой операции.

Второе направление – нормативное оформление риск-ориентированной процедуры раннего реагирования. В Законе № 115-ФЗ следует установить специальную процедуру проверки операции, содержащей совокупность признаков возможного финансирования экстремистской деятельности до включения лица в перечень. Закон должен определять исчерпывающие юридически значимые группы оснований, предельный срок временного ограничения, порядок незамедлительной передачи материалов в Росфинмониторинг и компетентный правоохранительный орган, а также ускоренный пересмотр решения. Конкретные индикаторы риска могут утверждаться

уполномоченным органом и Банком России с учетом необходимости нераскрытия методов финансовой разведки, но последствия их применения и гарантии клиента должны быть установлены федеральным законом. Продление существенного ограничения сверх краткого проверочного срока должно осуществляться только при санкционировании прокурором либо судом. Для трансграничных цифровых операций требуется нормативно закрепить механизм направления стандартизированных запросов участникам регулируемой инфраструктуры и иностранным подразделениям финансовой разведки в пределах международных обязательств РФ.

Третье направление – создание единого межведомственного регламента финансового расследования. На основании Закона № 115-ФЗ Правительству РФ целесообразно утвердить обязательные правила взаимодействия Росфинмониторинга, МВД России, ФСБ России, Следственного комитета РФ и органов прокуратуры по материалам о возможном финансировании экстремистской деятельности. Регламент должен закрепить: формат и минимальный состав аналитического сообщения; категории срочности; сроки определения компетентного подразделения; требования к сохранению метаданных и документированию преобразования цифровой информации; обязанность мотивированной обратной связи; порядок устранения дублирования проверок; правила отмены ограничений и уведомления заинтересованного лица в допустимом законом объеме. Доступ к сведениям следует предоставлять по ролевой модели с журналированием каждого обращения, а законность ограничительных мер должна быть предметом прокурорского надзора и судебного контроля. Это позволит соединить оперативность межведомственного обмена с проверяемостью принятых решений и защитой конституционных прав. Предлагаемые меры образуют последовательную модель. Унифицированная дефиниция отвечает на вопрос, какие ресурсы охватываются противодействием; риск-ориентированная процедура определяет, когда допускается раннее вмешательство; межведомственный регламент устанавливает, кто, в какие сроки и в какой форме обязан проверить поступившие сведения. Такой подход позволяет избежать как неоправданного расширения уголовной репрессии, так и ситуации, при которой формально широкие полномочия не обеспечиваются юридически определенным порядком их реализации.

Правовая основа противодействия финансированию экстремистской деятельности в РФ сформирована как межотраслевая система. Ее конституционные пределы определяют допустимую меру вмешательства в имущественную сферу и частную жизнь; Закон № 114-ФЗ раскрывает содержание экстремистской деятельности; статья 282.3 УК РФ устанавливает уголовно-правовой запрет; Закон № 115-ФЗ обеспечивает превентивный финансовый мониторинг; законодательство о полиции, федеральной службе безопасности, прокуратуре и оперативно-розыскной деятельности распределяет компетенцию органов, выявляющих и пресекающих преступления. Федеральный закон № 522-ФЗ существенно усилил указанную систему, распространив инструменты финансового мониторинга на финансирование экстремистской деятельности. Поэтому современная научная оценка должна исходить из уже состоявшегося сближения антиотмывочного и антиэкстремистского регулирования.

Вместе с тем дальнейшее развитие законодательства должно быть точечным. Установлены три взаимосвязанные нормативные проблемы: различие объема понятий финансирования и иного материального содействия; недостаточная определенность оснований ранней проверки операций вне перечневого механизма; отсутствие единой нормативной архитектуры межведомственного сопровождения финансовой информации. Их решение предлагается осуществить посредством унификации дефиниций с сохранением требования заведомости, введения законодательно ограниченной риск-ориентированной процедуры и утверждения обязательного межведомственного регламента финансового расследования. Реализация этих предложений может повысить результативность правоохранительной деятельности без снижения стандарта законности, т.к. эффективность противодействия экстремизму должна

обеспечиваться не неопределенностью полномочий, а точностью нормы, своевременностью обмена данными и контролируемостью каждого ограничения прав.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
7. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
8. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269.
9. О прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
10. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. 28 декабря. № 0001202412280115.
11. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8.
12. Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу: Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808 (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 25. Ст. 3314.
13. Агапов П.В., Грудачев И.В. Уголовно-правовое противодействие финансированию экстремистской деятельности и терроризма // Уголовное право. 2020. № 6 (124). С. 4–9.
14. Иванов П.И. Оперативно-розыскное сопровождение противодействия финансированию экстремистской деятельности: основные проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 82–89.
15. Криштопов С.В. Противодействие финансированию экстремизма посредством передачи цифровой валюты, цифровых финансовых активов и цифровых прав // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 267–272.
16. Сагайдак А.Ю., Рубан А.Д. Противодействие финансированию экстремистской деятельности: криминологический аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 169–178.
17. Глущенко П.А. Механизм финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 5 (61). С. 112–118.
18. Глущенко П.А. Финансирование экстремистской и террористической деятельности: теоретическая характеристика и меры противодействия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 12.
19. Грудачев И.В. Обеспечение противодействия финансированию экстремистской деятельности уголовно-правовыми мерами // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5 (103). С. 97–102.
20. Каменева А.Н. Новеллы уголовного закона в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 3. С. 205–211.
21. Кондратюк С.В., Шумаев Д.Г., Побережная И.А., Бокова Е.Д. Информационно-правовое обеспечение противодействия финансированию экстремистской деятельности: анализ российского законодательства // Виктимология. 2026. Т. 13. № 1. С. 76–91.
22. Хлебушкин А.Г. Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 3. С. 80–85.

Gribanov, S.A. Legal framework for law enforcement agencies' counteraction to the financing of extremist activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – S. 466-472.

The article examines the Russian legal framework governing the detection, prevention, suppression and investigation of the financing of extremist activities. It assesses the 2024 reform that expressly extended the

national financial-monitoring regime to extremist financing and analyzes the interaction of anti-extremism, criminal, operational-search and financial legislation. Three remaining regulatory problems are identified: inconsistent statutory coverage of financial and other material support; insufficiently specific grounds for early preventive intervention outside formal designation lists; and fragmented interagency information-exchange rules. Three corresponding legislative and organizational-legal solutions are proposed, with emphasis on legality, proportionality and effective review.

Keywords: extremist activities, financing of extremism, law enforcement agencies, financial intelligence, operational-search activity, interagency cooperation, digital assets.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, odobrennyh v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 14.09.2026).
2. O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002. № 30. St. 3031.
3. O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma: Federal'nyj zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ (red. ot 4 avgusta 2026 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 33 (ch. I). St. 3418.
4. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2024 g. № 522-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2024. № 53 (ch. I).
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954.
6. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 33. St. 3349.
7. O policii: Federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 7. St. 900.
8. O federal'noj sluzhbe bezopasnosti: Federal'nyj zakon ot 3 aprelya 1995 g. № 40-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 15. St. 1269.
9. O prokurature Rossijskoj Federacii: Zakon Rossijskoj Federacii ot 17 yanvarya 1992 g. № 2202-1 (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 47. St. 4472.
10. Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28 dekabrya 2024 g. № 1124 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. 2024.
11. O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlennosti: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 iyunya 2011 g. № 11 (s izm. i dop.) // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2011. № 8.
12. Voprosy Federal'noj sluzhby po finansovomu monitoringu: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 2012 g. № 808 (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2012. № 25. St. 3314.
13. Agapov P.V., Grudachev I.V. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti i terrorizma // Ugolovnoe pravo. 2020. № 6 (124). S. 4–9.
14. Ivanov P.I. Operativno-rozysknoe soprovozhdenie protivodejstviya finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti: osnovnye problemy i puti resheniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 4.
15. Krishtopov S.V. Protivodejstvie finansirovaniyu ekstremizma posredstvom peredachi cifrovoj valyuty, cifrovyh finansovyh aktivov i cifrovyh prav // Voennoe pravo. 2021. № 2 (66). S. 267–272.
16. Sagajdak A.YU., Ruban A.D. Protivodejstvie finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti: kriminologicheskij aspekt // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2023. № 4 (39). S. 169–178.
17. Glushchenko P.A. Mekhanizm finansirovaniya ekstremistskoj i terroristicheskoj deyatel'nosti // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2024. № 5 (61). S. 112–118.
18. Glushchenko P.A. Finansirovanie ekstremistskoj i terroristicheskoj deyatel'nosti: teoreticheskaya harakteristika i mery protivodejstviya // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2024. № 12.
19. Grudachev I.V. Obespechenie protivodejstviya finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti ugolovno-pravovymi merami // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2024. № 5 (103). S. 97–102.
20. Kameneva A.N. Novelly ugolovnogo zakona v sfere protivodejstviya finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2025. T. 18. № 3. S. 205–211.
21. Kondratyuk S.V., SHumaev D.G., Poberezhnaya I.A., Bokova E.D. Informacionno-pravovoe obespechenie protivodejstviya finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti: analiz rossijskogo zakonodatel'stva // Viktimologiya. 2026. T. 13. № 1. S. 76–91.
22. Hlebushkin A.G. Ugolovnaya otvetstvennost' za finansirovanie ekstremistskoj deyatel'nosti (st. 282.3 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2015. № 3. S. 80–85.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 473-479.

УДК 343.85:343.341:336.74

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Зоз В. А., Куксов В. А.

В статье рассматриваются особенности противодействия оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации финансированию экстремистской деятельности, совершаемому с использованием цифровых финансовых активов. Обосновывается, что развитие цифровых форм имущественных прав меняет способы материальной поддержки экстремистских структур, усложняет выявление источников, посредников и конечных получателей средств, а также требует более тесного взаимодействия органов внутренних дел, Росфинмониторинга, Банка России, операторов информационных систем и следственных органов. Особое внимание уделено уголовно-правовой оценке финансирования экстремистской деятельности, оперативно-розыскному выявлению признаков таких деяний, использованию сведений финансового мониторинга и специфике документирования операций с цифровыми финансовыми активами.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, экстремистская деятельность, финансирование экстремизма, оперативные подразделения, органы внутренних дел, финансовый мониторинг, оперативно-розыскная деятельность, цифровые права.

В современных условиях финансирование экстремистской деятельности все чаще приобретает смешанный характер: традиционные способы передачи денежных средств сочетаются с использованием электронных платежей, цифровых сервисов, инвестиционных платформ и иных инструментов, позволяющих придать противоправной материальной поддержке внешне легальный вид. Для оперативных подразделений ОВД РФ особую сложность представляет не сам факт появления цифровых финансовых активов, а возможность их включения в многоступенчатые схемы перемещения имущественной ценности, при которых источник средств, лицо, распоряжающееся активом, и конечный выгодоприобретатель могут быть разведены между собой. Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности предусмотрена ст. 282.3 УК РФ. Объективная сторона данного преступления выражается в предоставлении или сборе средств либо оказании финансовых услуг, если они заведомо предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации [1]. Такая формулировка позволяет рассматривать цифровые финансовые активы не как самостоятельный экзотический предмет преступления, а один из возможных способов передачи имущественной ценности, если установлена связь между операцией и экстремистской деятельностью.

Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ закрепляет цифровые финансовые активы как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Их выпуск, учет и обращение осуществляются в информационных системах, деятельность которых связана с участием операторов, включаемых Банком России в соответствующий реестр [7]. Данная особенность отличает ЦФА от нерегулируемого оборота отдельных цифровых валют: в сфере ЦФА существует формализованная инфраструктура, что создает предпосылки для идентификации участников, получения документов и последующего использования сведений в оперативно-служебной и уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем наличие регулируемых операторов не исключает криминального использования ЦФА. Практическая опасность заключается в том, что экстремист-

ская деятельность может финансироваться не только прямым переводом денежных средств, но и через приобретение, отчуждение, дробление или последующую реализацию цифровых прав. Так, внешне обычная операция с ЦФА может быть использована для маскировки передачи имущественной выгоды лицу, связанному с экстремистской организацией, либо для накопления средств в пользу запрещенной структуры через группу формально не связанных участников. В такой ситуации для оперативных подразделений значимым становится не только установление факта конкретной операции, но и выявление ее назначения, участников, информационных следов, источника первоначальных средств и дальнейшего движения полученной имущественной выгоды. Нормативной основой противодействия таким деяниям выступает совокупность уголовно-правовых, оперативно-розыскных, полицейских и финансово-мониторинговых предписаний. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет задачи ОРД, включая выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [3]. ФЗ «О полиции» закрепляет ее обязанности по предупреждению и пресечению преступлений, выявлению причин и условий, способствующих их совершению, участию в противодействии экстремизму [4]. ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» формирует общие основы такой деятельности, а ФЗ № 115-ФЗ устанавливает требования в сфере финансового мониторинга, включая идентификацию клиентов, выявление подозрительных операций и применение специальных мер к лицам, включенным в соответствующие перечни [5; 6].

Для оперативных подразделений ОВД принципиальное значение имеет то, что финансирование экстремистской деятельности относится к числу деяний с высокой латентностью. На это обращается внимание и в научной литературе: исследователи отмечают сложность установления объективных и субъективных признаков состава, а также необходимость выявления не только непосредственного исполнителя финансовой операции, но и источников, посредников, организаторов и конечных получателей средств [14; 16]. При использовании ЦФА данная проблема усиливается, поскольку материальная поддержка может быть распределена по нескольким операциям, оформлена как инвестиционная сделка, заем, уступка цифрового права или иная гражданско-правовая конструкция.

Оперативно-розыскное противодействие финансированию экстремистской деятельности, совершаемому с использованием ЦФА, целесообразно рассматривать через несколько взаимосвязанных направлений. 1-е направление связано с выявлением первичных признаков противоправной финансовой активности. К таким признакам могут относиться несоответствие операций с ЦФА экономическому положению участника; повторяющееся дробление сумм; использование нескольких участников для однотипных операций; связь участника с лицами, включенными в перечень Росфинмониторинга; совпадение времени операций с активизацией экстремистских материалов, сборов или закрытых сетевых сообществ; использование формальных посредников, не имеющих разумного экономического интереса в операции. Эти признаки сами по себе не доказывают преступление, но могут служить основанием для углубленной проверки в пределах полномочий оперативных подразделений и взаимодействия с субъектами финмониторинга [6; 10]. Второе состоит в установлении связи операции с экстремистской деятельностью. Для квалификации по ст. 282.3 УК РФ недостаточно показать факт передачи имущественной ценности. Необходимо подтвердить заведомость назначения средств или финуслуг. В цифровой среде такая заведомость может подтверждаться совокупностью данных: перепиской участников, материалами закрытых сетевых ресурсов, сведениями о принадлежности получателя к экстремистскому сообществу или организации, повторяемостью операций, совпадением финансовых действий с подготовкой конкретного деяния, а также результатами оперативно-розыскных мероприятий, полученными в установленном законом порядке [1; 3].

Третье направление предполагает использование возможностей финансового мониторинга. В сфере ЦФА важную роль играют операторы информационных систем, операторы обмена ЦФА, кредитные организации и иные субъекты, которые могут обладать сведениями о клиентах, их идентификационных данных, истории операций, технических параметрах доступа, источниках пополнения и направлениях вывода средств. При этом оперативное подразделение не подменяет деятельность Росфинмониторинга или Банка России, а использует предусмотренные законом формы обмена информацией, запросов и межведомственного взаимодействия. Особое значение имеет сопоставление сведений о движении активов с перечнем организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму [6; 9; 10].

Четвертое направление связано с документированием цифровых следов. Операции с ЦФА оставляют информационные следы в системах операторов, учетных записях пользователей, документах об идентификации, распоряжениях, уведомлениях, электронных сообщениях, IP-адресах, данных об устройствах и платежных каналах, с помощью которых приобретались или реализовывались активы. Для последующего использования таких сведений в уголовном процессе важно соблюдать требования относимости, допустимости и достоверности доказательств [2]. Поэтому материалы, полученные оперативным путем, должны быть своевременно закреплены, проверены и переданы следователю в порядке, позволяющем использовать их при доказывании.

Пятое направление состоит в предупреждении использования легальной инфраструктуры ЦФА для материальной поддержки экстремистских организаций и сообществ. Речь идет не только о пресечении уже совершенных операций, но и о выявлении уязвимых участков: недостаточной проверки клиентов, формального анализа целей сделки, слабого контроля за выгодоприобретателями, отсутствия должного внимания к повторяющимся операциям малой суммы. Научные публикации о рисках цифровых активов справедливо указывают на значение идентификации пользователя, оценки источника средств, анализа необычных операций и обмена информацией между публичными органами и участниками финансовой инфраструктуры [11; 12; 13]. Отдельного внимания заслуживает разграничение ЦФА и цифровой валюты. В научных и практических материалах эти явления иногда смешиваются, хотя правовой режим у них различен. ЦФА связаны с цифровыми правами, выпускаются и учитываются в информационной системе, деятельность которой осуществляется в установленном порядке. Цифровая валюта имеет иной режим обращения и не тождественна ЦФА [7]. Для оперативных подразделений это разграничение важно по двум причинам: 1) оно влияет на круг лиц и организаций, у которых могут быть получены сведения; 2) оно определяет характер следовой картины: в сфере ЦФА большее значение имеют данные оператора информационной системы, документы идентификации и правила платформы, а при использовании цифровой валюты возрастает роль анализа адресов, обменных сервисов и трансграничных перемещений цифровой стоимости.

При этом нельзя ограничивать противодействие только техническим анализом операций. Финансирование экстремистской деятельности всегда имеет социальную и организационную сторону. Финансовая операция является лишь внешним проявлением более широких процессов: вовлечения лица в экстремистскую среду, распространения материалов, сбора пожертвований, поддержки осужденных участников запрещенных структур, оплаты связи, транспорта, аренды помещений, изготовления агитационных материалов или обеспечения иной деятельности. Поэтому работа оперативных подразделений должна соединять финансово-аналитический подход с изучением связей лица, его информационной активности, контактов, мотивов и фактического участия в экстремистской деятельности.

Важным условием результативного противодействия выступает межведомственное взаимодействие. Оперативные подразделения ОВД располагают возможностями

выявления лиц, связей и каналов финансирования; Росфинмониторинг обладает специализированными инструментами анализа подозрительных операций; Банк России осуществляет регулирование и надзор в отношении участников финансового рынка; операторы информационных систем располагают первичными данными об операциях с ЦФА; следственные органы обеспечивают уголовно-процессуальное закрепление доказательств. Разобщенность этих возможностей снижает результативность работы, особенно когда операции совершаются быстро, дробятся между участниками и сопровождаются удалением переписки либо изменением цифровых следов. Существенной проблемой остается доказывание субъективной стороны. Лицо, участвующее в операции с ЦФА, может ссылаться на инвестиционный характер сделки, отсутствие сведений о конечном получателе или на выполнение поручения другого участника. В связи с этим оперативным подразделениям необходимо устанавливать не только формальный путь актива, но и обстоятельства, указывающие на осведомленность лица: участие в закрытых сообществах, обсуждение целей сбора, использование условных обозначений, связь с организаторами экстремистской деятельности, повторность финансовых действий, попытки скрыть назначение операции. В совокупности эти данные позволяют отделить обычную гражданско-правовую операцию от осознанной материальной поддержки экстремистской деятельности.

На практике перспективным является формирование типовых перечней признаков риска для операций с ЦФА, связанных с возможным финансированием экстремистской деятельности. Такие перечни не должны заменять индивидуальную оценку обстоятельств, но могут использоваться как ориентир при обработке информации. В них могут включаться: участие лиц из перечня Росфинмониторинга или связанных с ними лиц; необычная активность новых учетных записей; приобретение ЦФА без очевидной инвестиционной цели; быстрая передача актива третьим лицам; повторение операций перед публичными экстремистскими акциями или после распространения призывов к сбору средств; совпадение реквизитов, устройств или сетевых адресов у группы участников. Международные рекомендации по виртуальным активам также подчеркивают значение поведенческих и транзакционных индикаторов при выявлении финансирования терроризма и иной преступной активности [10]. Наряду с этим требуется развитие профподготовки сотрудников оперативных подразделений. Противодействие финансированию экстремистской деятельности в цифровой среде предполагает знание уголовного закона и основ ОРД, особенностей цифровых прав, работы операторов инфосистем, финмониторинга, хранения электронных данных, а также правил взаимодействия со следственными органами и специалистами. Без такой подготовки существует риск либо недооценить цифровую операцию, либо, напротив, придать ей противоправное значение без достаточной совокупности подтверждающих обстоятельств.

Следует учитывать и процессуальные ограничения. Получение сведений о пользователях, операциях, технических параметрах и документах должно осуществляться с соблюдением компетенции уполномоченных органов и установленного порядка. Нарушение порядка получения информации может повлечь утрату доказательственного значения материалов. Поэтому оперативное сопровождение должно быть заранее согласовано с задачами последующего расследования: какие обстоятельства подлежат установлению, какие сведения нужно закрепить, какие документы запросить, какие специалисты могут потребоваться, каким образом обеспечить сохранность электронных данных.

Предупредительное значение имеет и работа с участниками финансовой инфраструктуры. Операторы инфосистем и иные субъекты финоториторинга должны понимать, что экстремистское финансирование не всегда выражается крупной и явно подозрительной операцией. Напротив, оно может строиться на небольших суммах, регулярности, маскировке под бытовые переводы, займы, инвестиционные сделки или оплату услуг. Поэтому профилактическая работа должна включать разъяснение

признаков риска, обмен обобщенной практикой, повышение качества внутреннего контроля и своевременное направление сведений о подозрительных операциях в установленном порядке [6; 13]. В литературе отмечается, что противодействие финансированию экстремистской деятельности не может быть сведено только к выявлению конкретного платежа. Необходимо устанавливать источники и каналы финансирования, лиц, обеспечивающих перевод или аккумулирование средств, а также условия, которые позволяют экстремистским структурам использовать финансовую инфраструктуру [15; 16]. В сфере ЦФА данный вывод приобретает дополнительное значение, поскольку цифровая форма права позволяет быстрее менять способ распоряжения активом, вовлекать несколько платформ и создавать видимость добросовестной сделки.

С учетом изложенного можно выделить основные меры повышения результативности деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел РФ в данной сфере. 1). Развивать специализированный анализ операций с ЦФА, ориентированный на выявление не только отдельной сделки, но и всей цепочки движения имущественной ценности. 2) Совершенствовать взаимодействие с Росфинмониторингом, Банком России, операторами инфосистем и следственными органами. 3) Формировать практические рекомендации по выявлению признаков финансирования экстремистской деятельности с использованием ЦФА, не раскрывающие служебные методы, но позволяющие сотрудникам правильно ориентироваться в цифровой финансовой среде. 4). Необходимо обеспечить обучение сотрудников по вопросам цифровых прав, финмониторинга, электронных доказательств и квалификации преступлений экстремистской направленности). 5. Уделять внимание законности получения и закрепления цифровых следов, т.к. именно процессуальная пригодность материалов определяет возможность привлечения виновных к ответственности. В заключение отметим, что использование цифровых финансовых активов в целях финансирования экстремистской деятельности представляет собой не изолированную техническую проблему, а новое проявление материального обеспечения экстремистских структур. Для оперативных подразделений ОВД РФ ключевое значение имеет своевременное выявление связи между цифровой операцией, источником средств, участниками сделки и конечной экстремистской целью. Эффективное противодействие возможно при сочетании оперативно-розыскных возможностей, финансового мониторинга, правового анализа, межведомственного обмена информацией и аккуратного документирования цифровых следов. Такой подход позволяет не только пресекать отдельные операции, но и выявлять устойчивые каналы материальной поддержки экстремистской деятельности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
6. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
8. Положение Банка России от 16 декабря 2020 г. № 746-П «О ведении Банком России реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра операторов обмена цифровых финансовых активов...» // Вестник Банка России. 2021.

9. Банк России. Операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов: официальный информационный материал Банка России.
10. Росфинмониторинг. Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму: официальный информационный ресурс.
11. FATF. Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing. Paris: FATF/OECD, 2020.
12. Бабанская А.С. Угрозы и уязвимости легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования терроризма в инфраструктурном секторе выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s2.
13. Николаев Д.А. Цифровые финансовые активы и противодействие отмыванию доходов: инфраструктурные решения и регуляторные вызовы // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8. № 6. С. 1619-1636.
14. Лагуточкин А.В. О целесообразности введения нового оперативно-розыскного мероприятия, связанного с контролем цифровых финансовых активов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025.
15. Иванов П.И. Финансирование экстремистской деятельности (оперативно-розыскное реагирование) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 101-108.
16. Сагайдак А.Ю., Рубан А.Д. Противодействие финансированию экстремистской деятельности: криминологический аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 169-178.
17. Сергеева Ю.В. Некоторые аспекты организации оперативно-розыскного противодействия финансированию терроризма // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 9 (99).

Zoz V.A., Kuksov V.A. Countering the financing of extremist activities carried out using digital financial assets by operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 473-479.

The article examines the specifics of countering the financing of extremist activities committed using digital financial assets by the operational units of the internal affairs bodies of the Russian Federation. It is proved that the development of digital forms of property rights is changing the ways of material support for extremist structures, complicating the identification of sources, intermediaries and final recipients of funds, and also requires closer cooperation between law enforcement agencies, Rosfinmonitoring, the Bank of Russia, information system operators and investigative authorities. Special attention is paid to the criminal law assessment of financing extremist activities, the operational search for signs of such acts, the use of financial monitoring information and the specifics of documenting transactions with digital financial assets.

Keywords: digital financial assets, extremist activity, financing of extremism, operational units, internal affairs bodies, financial monitoring, operational investigative activities, digital rights.

Spisok literatury:

1.Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954.
2.Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
3.Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 33. St. 3349.
4.Federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O policii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 7. St. 900.
5.Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002. № 30. St. 3031.
6.Federal'nyj zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 33 (ch. I). St. 3418.
7.Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 259-FZ «O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. № 31 (ch. I). St. 5018.
8. Polozhenie Banka Rossii ot 16 dekabrya 2020 g. № 746-P «O vedenii Bankom Rossii reestra operatorov informacionnyh sistem, v kotoryh osushchestvlyaetsya vypusk cifrovyh finansovyh aktivov, reestra operatorov obmena cifrovyh finansovyh aktivov...» // Vestnik Banka Rossii. 2021.
9. Bank Rossii. Operatory informacionnyh sistem, v kotoryh osushchestvlyaetsya vypusk cifrovyh finansovyh aktivov: oficial'nyj informacionnyj material Banka Rossii.
10. Rosfinmonitoring. Perechen' organizacij i fizicheskih lic, v otnoshenii kotoryh imeyutsya svedeniya ob ih prichastnosti k ekstremistskoj deyatel'nosti ili terrorizmu: oficial'nyj informacionnyj resurs.
11. FATF. Virtual Assets Red Flag Indicators of Money Laundering and Terrorist Financing. Paris: FATF/OECD, 2020.
12.Babanskaya A.S. Ugrozy i uyazvimosti legalizacii (otmyvaniya) prestupnyh dohodov i finansirovaniya terrorizma v infrastrukturnom sektore vypuska, ucheta i obrashcheniya cifrovyh finansovyh aktivov // Vestnik evrazijskoj nauki. 2025. T. 17. № s2.

13.Nikolaev D.A. Cifrovye finansovye aktivy i protivodejstvie otmyvaniyu dohodov: infrastrukturnye resheniya i regulyatornye vyzovy // Ekonomicheskaya bezopasnost'. 2025. T. 8. № 6. S. 1619-1636.
14.Lagutochkin A.V. O celesoobraznosti vvedeniya novogo operativno-rozysknogo meropriyatiya, svyazannogo s kontrolem cifrovyh finansovyh aktivov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2025.
15.Ivanov P.I. Finansirovanie ekstremistskoj deyatel'nosti (operativno-rozysknoe reagirovanie) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 2 (58). S. 101-108.
16.Sagajdak A.YU., Ruban A.D. Protivodejstvie finansirovaniyu ekstremistskoj deyatel'nosti: kriminologicheskij aspekt // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2023. № 4 (39). S. 169-178.
17.Sergeeva YU.V. Nekotorye aspekty organizacii operativno-rozysknogo protivodejstviya finansirovaniyu terrorizma // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2020. № 9 (99).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 480-485.

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Иващенко Е. С., Черная А. Д.
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье исследуется проблема уголовно-правовой оценки преступности военнослужащих в условиях вооружённого конфликта, где психогенные факторы боевой среды выступают криминогенным детерминантом, требующим пересмотра доктринальных подходов к институтам вменяемости, вины и субъективной стороны деяния. Раскрывается специфика применения норм о невменяемости (ст. 21 УК РФ) и ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) применительно к комбатантам с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). На основе анализа судебной практики и статистических данных о распространённости ПТСР среди участников боевых действий обосновывается тезис о недостаточности существующих нормативных конструкций для адекватной квалификации деяний, совершённых лицами с боевой психологической травмой. Анализируются процессуальные гарантии участников судопроизводства с признаками ПТСР и проблемы назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Обосновывается предложение о дополнении ст. 196 УПК РФ положением об обязательности судебно-психиатрической экспертизы в отношении военнослужащих, имеющих опыт участия в боевых действиях

Ключевые слова: преступность военнослужащих, вооружённый конфликт, посттравматическое стрессовое расстройство, вменяемость, ограниченная вменяемость, судебно-психиатрическая экспертиза, принудительные меры медицинского характера, уголовная ответственность.

Вопрос уголовно-правовых аспектов преступности военнослужащих является актуальным по состоянию на сегодняшний день, прежде всего в связи с острой потребностью в переосмыслении классических категорий в уголовном праве и процессе под влиянием экстремальных условий вооруженного конфликта. В этих условиях психогенные факторы приобретают значение провоцирующих уголовно-наказуемое поведение, а их учет выходит далеко за рамки традиционной судебно-психиатрической экспертизы. Экстремальные и стрессовые условия способны существенно трансформировать поведенческие реакции человека, что ставит перед уголовным правом задачу по корректной оценке субъективной стороны деяния. В ситуации повышенной психоэмоциональной нагрузки категории вины и вменяемости требуют достаточно тонкой интерпретации, поскольку поведение лица может быть предопределено не так антисоциальной обстановкой, сколько реакцией психики на травмирующие факторы. В этих условиях переосмысление существующих уголовно-правовых конструкций становится необходимым для обеспечения справедливой ответственности. В связи с вышеуказанным, экстремальные обстоятельства нередко выступают в роли криминогенных предпосылок, не оправдывающих противоправное поведение, но позволяющих глубже понять его мотивацию и механизм формирования умысла или неосторожности. В случае совершения преступления военнослужащим, необходимо исследовать его психофизиологические особенности, проявившиеся в конкретной ситуации.

Уголовный закон (ст. 21 УК РФ) связывает освобождение от ответственности с невменяемостью - особым психическим состоянием, при котором лицо лишается способности осознавать фактическую природу и общественную опасность совершаемого деяния либо руководить своими действиями. Законодатель конструирует это понятие через два неразрывных критерия. Медицинский охватывает весь спектр патологий психики - от хронических расстройств и слабоумия до временных болезненных состояний. Юридический (психологический) отражает утрату интеллектуальной или волевой функции. Принципиально, что констатация психиатрического диагноза не порождает автоматически правового вывода о невменяемости. Суду необходимо установить, что именно это расстройство в момент совершения деяния лишило лицо способности к осознанно-волевому поведению. Динамика болезнен-

ного процесса, глубина поражения, влияние патологии на процессы принятия решений - всё это подлежит исследованию применительно к конкретной ситуации.

Институт ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ) охватывает промежуточное состояние: лицо признаётся вменяемым, однако психическое расстройство существенно сужает рамки его осознанно-волевого контроля. Ответственность сохраняется, но законодатель предписывает учитывать патологический фактор при определении наказания и допускает применение принудительных мер медицинского характера - от амбулаторного наблюдения у психиатра до стационарного лечения. Конкретный выбор обусловлен экспертной оценкой общественной опасности субъекта, прогнозом течения расстройства и объёмом необходимой медицинской помощи. Эта конструкция воплощает идею соразмерности: тяжесть ответственности коррелирует с реальной глубиной психического поражения. Выбор конкретной меры опирается на экспертные выводы о степени общественной опасности лица, прогнозе динамики состояния и необходимости медицинского вмешательства. Таким образом, ст. 22 УК РФ реализует принцип соразмерности ответственности. Действующая редакция УК РФ имеет механизм юридической оценки влияния психических расстройств на поведение субъекта. Признание невменяемости либо ограниченной вменяемости представляет собой не медицинский, а правовой вывод, который формируется всем комплексом доказательств. Заключение судебно-психиатрической экспертизы оценивается в сопоставлении с обстоятельствами деяния, сведениями о поведении лица до и после посягательства, иными материалами.

Анализ правоприменения демонстрирует, что суды назначают комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, выявляющую у подсудимых-комбатантов посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) - патологию, не исключающую вменяемость, но препятствующую самостоятельному осуществлению процессуальных прав. Опираясь на ст. 22 и 97 УК РФ, суд назначает амбулаторное принудительное лечение, признавая расстройство и применяя медицинские меры смягчающего характера без освобождения от уголовной ответственности.

То есть, суды признают наличие расстройства и применяют смягчающие медицинские меры, при этом не освобождают от ответственности. Стоит отметить, что в научной литературе поднимаются вопросы о том, что боевая психологическая травма, повлекшая ПТСР не находит адекватного отражения в действующих нормативных конструкциях, ввиду того, что ПТСР редко достигает степени тяжести, необходимой для признания лица в силу ст. 21 УК РФ невменяемым. Но интеллектуальная и волевая сфера комбатанта при этом страдает. Вправе ли мы в такой ситуации говорить о достаточности существующей регламентации в рамках УК РФ и УПК РФ?

Статистический контекст придаёт проблеме особую остроту. В Методических рекомендациях ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева» Минздрава Росси приводятся следующие данные. ПТСР встречается у 3% - 11% участников боевых действий (по данным ряда исследователей верхняя граница достигает 33%). При наличии ранений этот показатель смещается к 14% - 17%, пограничные расстройства фиксируются у 30% комбатантов (в отдельных публикациях этот процент еще выше).[1] Данные тенденции подтверждают и более свежие данные. По результатам обследования военнослужащих, имеющих боевой опыт, которое было проведено М.Л. Барановым, Ю.А. Чайкой, клинический диагноз ПТСР установлен у 22,2 % обследованных лиц. В это же время скрининговый опросник показал ПТСР у 42, 6 %. [2] Проведенное авторами исследование подчеркивает сложность определения ПТСР в экспертной практике. Следует обратиться не только к отечественным, но и зарубежным исследованиям, согласно которым почти 46 % ветеранов с ПТСР совершали акты насилия в течение года, а 37 % повторяли поведение дальнейшем. [3]

В этой связи обратимся к научным исследованиям Г.А. Фастовцова, в соответствии с которыми большая часть обследуемых ветеранов 65,5 %, совершили инкриминируемые деяния в первые 3 года после возвращения из зоны конфликта. Причем

максимальное число преступлений, преимущественно, против личности, регистрируется в течение первого года после формирования расстройства. [4]

Исходя из вышеизложенного, имеется устойчивая связь между боевой психической травмой, которая повлекла ПТСР и дальнейшим противоправным поведением. Эта связь ставит перед уголовным правом задачу выработки мер реагирования, которые бы учитывали психопатическую природу поведения субъекта.

Г.А. Фастовцов при анализе структуры стрессоров показывает, криминогенное влияние боевой травмы не сводится к психогенному воздействию самих боевых действий. Оно складывается из ряда факторов, таких как личные проблемы военнослужаших, неуставные отношения в период службы, трудности социально-психологической реадаптации, эмоционального отвержения, переживания вины выжившего [5]. Приведенное заключение имеет важное значение для расширения представления о механизме совершения преступления военнослужащими. Оно показывает, что зачастую срыв происходит не в боевой обстановке, а в мирной. Так, боевые навыки с искаженным восприятием внешних обстоятельств военнослужащим провоцируют реакцию на стимулы, которые не несут реальной угрозы. В результате лицо допускает ошибки при оценке обстановки и ошибочно трактует ситуацию как требующую боевого реагирования.

Следовательно, возникает задача оценки не только самого деяния, но и психологических особенностей, выходящих за рамки традиционных представлений о мотиве и цели преступления. Это требует обязательного назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы с участием специалистов, обладающих компетенции в области боевой психиатрии. Необходимо перейти с абстрактного уровня объяснения поведения на конкретный объяснительный уровень, который позволит анализировать каждый отдельный случай криминальной агрессии. Процессуальная основа назначения экспертизы заложена в п. 3 ст. 196 УПК РФ: освидетельствование психического состояния обвиняемого обязательно при возникновении сомнений в его вменяемости или способности самостоятельно участвовать в производстве. Пленум ВС РФ в Постановлении № 6 от 07.04.2011 перечисляет типичные обстоятельства, порождающие такие сомнения, - сведения о ранее оказывавшейся психиатрической помощи, о перенесённых черепно-мозговых травмах, о неадекватности поступков и высказываний, о болезненных переживаниях, выражаемых самим лицом, и иные данные, указывающие на возможную психическую патологию.

Г. А. Фастовцов фиксирует серьёзные затруднения при экспертной оценке ПТСР у комбатантов. Помимо сложности верификации транзиторных психотических эпизодов, эксперт сталкивается с необходимостью специальной квалификации.[6] ПТСР как самостоятельная нозология закреплено в МКБ-10 лишь с 1994 г., отчего экспертные комиссии подменяют его коморбидными диагнозами. В России действует рубрика F43.1 («реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации»), тогда как МКБ-11 уже выделила ПТСР в отдельную категорию, а острую реакцию на стресс отнесла к нормальным формам реагирования. Отсюда следует признание ПТСР самостоятельным расстройством, что отмечено в диагностической литературе, однако в отечественной практике применяется рубрика «реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации». Несоответствие классификационных подходов порождает риск двоякого рода: с одной стороны, тяжёлые посттравматические реакции могут быть ошибочно «нормализованы», с другой - экспертские выводы приобретают избыточный медицинский уклон в ущерб юридической оценке. Как справедливо отмечает А. Ю. Березанцев, квалификация эксперта должна сочетать психиатрическую компетенцию с пониманием правовых критериев вменяемости и невменяемости [7].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что судебно-психиатрическая экспертиза лица с ПТСР не может сводиться к формальной фиксации диагноза. Сложность верификации транзиторных психотических состояний, вариативность клинической картины ПТСР, а также разница в существующих классификационных под-

ходах обуславливают высокий риск как ошибочной «нормализации» тяжелых посттравматических реакций, так и излишнего медицинского уклона в юридически значимых выводах. Квалификация эксперта должна включать не только психиатрические знание, но также и понимание юридических критериев вменяемости и невменяемости в рамках требований УК РФ. Для детального рассмотрения поведения военнослужащего с ПТСР следует обратиться к разработкам В.В. Горинова, Д.Н. Корзуна, С.А. Васюкова и Е.А. Илюшиной, которые в рамках судебно-психиатрической науки предложили различать реально-бытовые, психопатические и психопатологические механизмы правонарушений. В первом случае деликты определяются не столько типом расстройства личности, сколько индивидуальной значимостью средовых факторов. при психопатическом - находятся в тесной зависимости от структуры личностного расстройства и продиктованы глубинными мотивами (месть, обида, самоутверждение); психопатологические механизмы возникают при декомпенсациях и обусловлены тяжелыми дисфориями, импульсивностью, сверхценными состояниями, что скорее свидетельствует о невменяемости [8]. Применительно к военнослужащим с боевой травмой это позволяет дифференцировать случаи, когда агрессия является следствием ошибочной интерпретации бытового стимула как угрозы (реально-бытовой механизм), когда она обусловлена личностными предиспозициями, обострившимися под влиянием боевого опыта (психопатический), и когда поведение определяется непосредственно болезненными состояниями, приближающимися к невменяемости (психопатологический). Данная типология механизмов правонарушений, приведенная вышеуказанными авторами, имеет принципиальное значение для судебно-психиатрической оценки поведения комбатантов с ПТСР, поскольку она позволяет выйти за рамки формальной констатации наличия либо отсутствия психического расстройства. С точки зрения доказывания, применение указанной типологии позволяет корректно формулировать вопросы эксперту и оценивать его выводы. Так, при реально-бытовом механизме центральный вопрос - адекватность восприятия ситуации, а не наличие расстройства. При психопатическом - степень влияния личностных особенностей на волевой контроль. При психопатологическом - тяжесть болезненных проявлений и их способность исключать либо существенно ограничивать осознанно-волевое поведение.

Судебно-следственные органы, сталкиваясь с делами с таким субъектным составом, должны исходить из того, что далеко не всякое агрессивное действие комбатанта является прямым следствием его психического состояния, а потому требуется тщательная дифференциация случаев, когда агрессия порождена ошибочной интерпретацией бытового стимула как боевой угрозы, сохраняющейся в силу сформированных в зоне конфликта автоматизированных навыков реагирования, и ситуаций, когда агрессивный акт детерминирован глубинными личностными структурами, обострившимися под влиянием травматического опыта, либо непосредственно психопатологическими процессами, приближающимися к состоянию невменяемости.

С. М. Курбатова предлагает концепцию ограниченных когнитивных способностей участников уголовного судопроизводства, разграничивая физические, когнитивные и смешанные ограничения по степени проявления — от низкой до высокой. Эти ограничения, по её мнению, напрямую влияют на способность лица реализовывать процессуальные права и обязанности [9]. Вахтель В. Г. в своем исследовании подчеркивает необходимость предоставления специальных мер поддержки участникам боевых действий в целях надлежащего участия в производстве по уголовному делу [10]. Согласно ч. 2 ст. 22 УК РФ, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания. При этом ч. 2 ст. 61 УК предусматривает, что при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные ч. 1. В связи с чем судебное усмотрение может быть достаточно широким. Однако, длительное нахождение в экстремальной ситуации, сопряженное с угрозой для жизни, гибелью боевых то-

варищей, нервно-психическим напряжением напрямую связано со способностью военнослужащего к полноценной оценке своих действий и их последствий. В данный период времени целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в ст. 196 УПК РФ, предусмотрев п.3.3, в котором будет прописана обязательность проведения судебно-психиатрической экспертизы в случае совершения преступлений военнослужащим, если имеются сведения о его непосредственном участии в боевых действиях. Это позволило бы преодолеть существующий разрыв между криминологической реальностью в условиях вооруженного конфликта и конструкциями уголовного закона, ориентированными на мирное время.

Список литературы:

1.Организация оказания медицинской помощи лицам с посттравматическим стрессовым расстройством: методические рекомендации / Н.В. Семенова, А.Ю. Гончаренко, С.В. Ляшковская, М.Ю. Попов, В.К. Шамрей, Е.С. Курасов, А.А. Марченко, Н.Г. Незнанов. – СПб., НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева 2022. – 36 с.
2.Баранов М. Л., Чайка Ю. А. Клиническая диагностика ПТСР и выраженность коморбидных симптомов у военнослужащих с боевым опытом // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. — 2026. — Т. 60, № 4. — С. 45–57. — DOI: 10.31363/2313-7053-2026-4-1284
3.Hassani M., Shahmalekpour H., Salmanpour A., Naseri E. Assessing the Role of Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD) in Criminal Responsibility: A Comparative Study of Iranian and U.S. Judicial Systems // Journal of Criminal Law Research. — 2025. — Vol. 13, no. 49. — P. 205–244.
4.Фастовцов Г. А., Резник А. М., Савина О. Ф., Василевский В. Г. Клинико-психопатологические предпосылки криминальной агрессии у ветеранов локальных войн // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kliniko-psihopatologicheskie-predposylki-kriminalnoy-agressii-u-veteranov-lokalnyh-voyn
5.Фастовцов Григорий Александрович Структура боевых и небоевых стрессоров, влияющих на криминальное агрессивное поведение комбатантов // Российский психиатрический журнал. 2011. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-boevyh-i-neboevyh-stressorov-vliyayuschih-na-kriminalnoe-agressivnoe-povedenie-kombatantov (дата обращения: 21.09.2026).
6.Фастовцов Г. А., Данилова С. В., Соколова Е. А. Диагностическая концепция посттравматического стрессового расстройства в судебно-психиатрической практике // Вестник Уральской медицинской академической науки. — 2012. — № 5 (42). — С. 67–70.
7.Березанцев А. Ю. Судебная психиатрия: актуальные проблемы экспертной оценки посттравматических расстройств // Медицинское право. 2022. № 4. С. 12–19.
8.Горинов В. В., Корзун Д. Н., Васюков С. А., Илюшина Е. А. Современные подходы к экспертной оценке ограниченной вменяемости лиц с расстройствами личности // Российский психиатрический журнал. — 2017. — № 3. — С. 10–18. — URL: (дата обращения: 21.09.2026).
9.Курбатова С.М. Участие в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями: диссертация ... доктора юридических наук. – 2024. – 548 с.
10. Вахтель В.Г. Применение синергетического подхода к рассмотрению вопроса о проблематике надлежащего участия в уголовном судопроизводстве лиц из числа участников боевых действий с синдромом ПТСР // Право и государство: теория и практика. 2024. № 12(240). С. 669–673.

Ivaschenko E.S. Criminal-Legal Aspects of Criminality Among Military Personnel in Conditions of Armed Conflict // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 480-485.

The article examines the problem of criminal-law assessment of military personnel's criminality in the context of armed conflict, where psychogenic factors of the combat environment serve as a criminogenic determinant requiring a revision of doctrinal approaches to the institutions of sanity, culpability, and the subjective side of the offense. The specifics of applying the norms on insanity (Art. 21 of the Criminal Code of the Russian Federation) and diminished responsibility (Art. 22 of the Criminal Code of the Russian Federation) in relation to combatants with post-traumatic stress disorder (PTSD) are revealed. Based on an analysis of judicial practice and statistical data on the prevalence of PTSD among combat participants, the thesis is substantiated that existing normative constructs are insufficient for the adequate qualification of offenses committed by individuals with combat psychological trauma. Procedural guarantees for participants in legal proceedings with signs of PTSD and the problems of ordering a comprehensive psychological-psychiatric expert evaluation are analyzed. A proposal is substantiated to supplement Art. 196 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a provision on the mandatory nature of forensic psychiatric expert evaluation for military personnel with combat experience.

Keywords: military personnel criminality, armed conflict, post-traumatic stress disorder, sanity, diminished responsibility, forensic psychiatric expert evaluation, compulsory medical measures, criminal liability.

Spisok literatury:

1.Organization of medical care for individuals with post-traumatic stress disorder: methodological recommendations / N.V. Semenova, A.Yu. Goncharenko, S.V. Lyashkovskaya, M.Yu. Popov, V.K. Shamrey,

E.S. Kurasov, A.A. Marchenko, N.G. Neznanov. — St. Petersburg, National Medical Research Center for Psychiatry and Neurology named after V.M. Bekhterev, 2022. — 36 p.
2.Baranov M. L., Chaika Yu. A. Clinical diagnosis of PTSD and severity of comorbid symptoms in military personnel with combat experience // Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology. — 2026. — Vol. 60, No. 4. — P. 45–57. — DOI: 10.31363/2313-7053-2026-4-1284.
3.Hassani M., Shahmalekpour H., Salmanpour A., Naseri E. Assessing the Role of Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD) in Criminal Responsibility: A Comparative Study of Iranian and U.S. Judicial Systems // Journal of Criminal Law Research. — 2025. — Vol. 13, No. 49. — P. 205–244.
4.Fastovtsov G. A., Reznik A. M., Savina O. F., Vasilevsky V. G. Clinical and psychopathological prerequisites of criminal aggression in veterans of local wars // Social and Clinical Psychiatry. 2007. — No. 3.
5. Fastovtsov G. A. Structure of combat and non-combat stressors influencing criminal aggressive behavior of combatants // Russian Psychiatric Journal. — 2011. — No. 6.
6. Fastovtsov G. A., Danilova S. V., Sokolova E. A. Diagnostic concept of post-traumatic stress disorder in forensic psychiatric practice // Bulletin of the Ural Medical Academy of Sciences. 2012. No. 5 (42). P. 67–70.
7. Berezantsev A. Yu. Forensic psychiatry: current problems of expert assessment of post-traumatic disorders // Medical Law. — 2022. — No. 4. — P. 12–19.
8. Gorinov V. V., Korzun D. N., Vasyukov S. A., Ilyushina E. A. Modern approaches to expert assessment of diminished responsibility in individuals with personality disorders // Russian Psychiatric Journal. — 2017. — No. 3. — P. 10–18. — URL: https://rpj.serbsky.ru/index.php/rpj/article/view/419 (date of access: 21.09.2026).
9. Kurbatova S. M. Participation of persons with disabilities in criminal proceedings: dissertation ... Doctor of Legal Sciences. — 2024. — 548 p.
10. Vakhtel V. G. Application of a synergetic approach to the issue of proper participation in criminal proceedings of persons among combat participants with PTSD syndrome // Law and State: Theory and Practice. — 2024. — No. 12 (240). — P. 669–673.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 486-496.

УДК 343.98

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ НАНОМАТЕРИАЛОВ И СЕНСОРНЫХ СИСТЕМ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кислицина И. Н., Лукьянчикова Е. Ф.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет «НИУ «БелГУ»

Статья посвящена исследованию правового регулирования применения наноматериалов и сенсорных систем в процессе расследования преступлений. Рассмотрены история развития наноматериалов и сенсорных технологий и этапы их интеграции в уголовное судопроизводство, раскрыто содержание понятий «наноматериал» и «сенсорная система» применительно к криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности. Проанализировано законодательное регулирование использования и применения нанотехнологичных средств в жизни общества и государства, а также нормы, регламентирующие использование технических средств при расследовании преступлений, в том числе основанных на нанотехнологиях и сенсорике. Выявлены основные проблемы правового регулирования применения нанотехнологий и сенсорных систем при расследовании преступлений, предложены пути их преодоления, включая внесение дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, формирование реестра аттестованных нанодиагностических методик и разработку разъяснений высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: наноматериалы, нанотехнологии, сенсорные системы, наносенсоры, биосенсоры, доказательства, уголовный процесс, следственные действия, судебная экспертиза, правовое регулирование.

На стыке XX и XXI вв. мировая наука пережила качественный скачок, следствием которого стало формирование нового технологического уклада: его ядро образуют нанотехнологии, то есть совокупность методов и приёмов контролируемого создания и модифицирования объектов с размерами структурных элементов от 1 до 100 нанометров. Первоначально возникнув как узкоспециализированное направление физики твёрдого тела, нанотехнологии за последние три десятилетия проникли практически во все сферы человеческой деятельности: медицину, энергетику, электронику, машиностроение, экологию. Не осталась в стороне от этого процесса и правоохранительная сфера, в которой нанотехнологические и сенсорные средства всё активнее используются для обнаружения, фиксации и исследования следов преступлений. Актуальность обращения к вопросам законодательного регулирования применения наноматериалов и сенсорных систем при расследовании преступлений обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, наноматериалы и сенсорные технологии обладают уникальными возможностями обнаружения криминалистически значимой информации на микро- и наноуровне – там, где традиционные методы криминалистики оказываются бессильны. Так, дисперсные составы на основе оксида цинка и диоксида кремния помогают проявлять слабовидимые папиллярные узоры даже на тех предметах, которые ранее исключались из дактилоскопического исследования из-за сложной фактуры поверхности; применение квантовых точек делает различимыми следы биологического происхождения при столь малых концентрациях вещества, при которых обычные реагенты уже не срабатывают; наносенсоры и биосенсоры обеспечивают экспресс-обнаружение наркотических, взрывчатых и иных веществ непосредственно на месте происшествия. Указанные возможности объективно расширяют арсенал средств собирания и исследования доказательств.

Во-вторых, использование подобных средств порождает целый комплекс проблем процессуально-правового характера, требующих научного осмысления и законодательного разрешения. Ни УПК РФ, ни иные федеральные законы пока не закрепляют специального порядка применения нанотехнологических и сенсорных средств ни при производстве следственных действий, ни при назначении судебных экспертиз. Правоприменитель вынужден опираться на общие положения о технических средствах (ч. 6 ст. 164, ч. 2 ст. 166 УПК РФ [1], которые изначально формировались применительно к традиционным криминалистическим приёмам и не учиты-

вают специфику нанотехнологий: высокую чувствительность методов, вероятностный характер получаемых результатов, риск так называемого «нанозагрязнения», функционирование ряда устройств по принципу «чёрного ящика», отсутствие единых аттестованных методик и стандартов.

В-третьих, стремительность технологического прогресса объективно опережает темпы законотворческой деятельности, вследствие чего практика применения нанотехнологий и сенсорных систем в расследовании преступлений фактически складывается раньше, чем формируется соответствующая нормативная база. Это создаёт риски нарушения принципов законности и обеспечения прав личности при собирании доказательств, ставит под сомнение допустимость получаемых сведений и снижает эффективность уголовного судопроизводства в целом. Совокупность указанных факторов позволяет говорить о том, что вопросы законодательного регулирования применения наноматериалов и сенсорных систем при расследовании преступлений заслуживают отдельного научного анализа и практически значимы для дальнейшего развития как уголовно-процессуального законодательства, так и криминалистической методики.

Общетеоретические основы использования специальных научно-технических знаний в уголовном судопроизводстве заложены в трудах Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной, С. А. Шейфера, В. А. Лазаревой, Р. С. Белкина и Е. А. Зайцевой. Отдельно криминалистический потенциал наноматериалов раскрывается в публикациях Е. В. Прокофьевой, В. Н. Постнова, А. Г. Соломатиной, П. В. Мочагина, а также А. Е. Ларионовой и Е. В. Медведевой. Вместе с тем комплексного исследования проблем законодательного регулирования применения нанотехнологий и сенсорных систем именно в процессе расследования преступлений до настоящего времени не проводилось, что и предопределило цель настоящей статьи – проанализировать становление и современное состояние правового регулирования применения наноматериалов и сенсорных систем в уголовном судопроизводстве и предложить пути преодоления выявленных проблем.

История развития наноматериалов и сенсорных систем, их интеграция в уголовный процесс. Понятие наноматериалов и сенсорных систем. Идейные истоки нанотехнологий принято связывать с программной лекцией американского физика Р. Фейнмана «Внизу полным-полно места: приглашение в новый мир физики», прочитанной в конце 1959 г. на съезде Американского физического общества. Фейнман впервые высказал мысль о принципиальной возможности манипулирования отдельными атомами и синтеза вещества «атом за атомом», подчеркнув, что известные законы физики этому не препятствуют [2, с. 6]. Однако практическая реализация подобных идей долгое время оставалась невозможной из-за отсутствия соответствующего инструментария. Прорыв в развитии инструментальной базы нанотехнологий произошёл в 1980-е годы. В 1981 г. сотрудники швейцарского филиала IBM Г. Бинниг и Г. Рорер создали сканирующий туннельный микроскоп, впервые позволивший «увидеть» отдельные атомы на поверхности проводящих материалов, а в 1986 г. та же группа исследователей разработала атомно-силовой микроскоп, пригодный для изучения любых, в том числе непроводящих, образцов [2, с. 51–67]. Термин «нанотехнология» был предложен ещё в 1974 г. японским учёным Н. Танигучи для обозначения технологий создания объектов размером менее одного микрометра. Следующим значимым этапом стало открытие принципиально новых углеродных наноматериалов: в 1985 г. Р. Керл, Г. Крото и Р. Смолли синтезировали фуллерен C60, в 1991 г. С. Иидзима открыл углеродные нанотрубки, а в 2004 г. А. Гейм и К. Новосёлов получили графен – двумерный монослой углерода, ставший символом «постграфеновой эры» в материаловедении [2, с. 92–150]. Каждое из этих открытий отмечено Нобелевской премией и ознаменовало качественный скачок в понимании свойств вещества на наноуровне. Государственная поддержка нанотехнологий приобрела системный характер на рубеже тысячелетий: в 2000 г. в США принята «Национальная нанотехнологическая инициатива», аналогичные программы появились в Японии, ЕС и Китае, а с 2007 г. – и в РФ [2, с. 6–7]. Мировой рынок нанотехнологической продукции, составлявший в 2009 г. порядка 254 млрд дол., к

сегодня превысил триллион дол., что свидетельствует о превращении нанотехнологий в один из ключевых факторов технологического и экономического развития.

Интеграция наноматериалов и сенсорных систем в криминалистику и уголовный процесс проходила поэтапно и носила преимущественно опережающий, практико-ориентированный характер по отношению к их правовому осмыслению. Первоначально в криминалистической практике использовались традиционные дактилоскопические порошки и химические реагенты. Однако, свойства традиционных дактилоскопических порошков не позволяли изымать следы с некоторых «сложных» поверхностей (бумага, кожевенные материалы). В этих случаях после обработки таким материалов, следы очень часть признавались не пригодными для исследования. Дальнейшее совершенствование дактилоскопических порошков было связано с переходом к дисперсным системам микронного, а затем и нанометрового размера. Это позволяет теперь выявлять следы пальцев и ладоней рук на объектах со сложной текстурой и загрязненных поверхностях. Параллельно развивалось направление люминесцентной маркировки биологических следов с использованием квантовых точек, обладающих регулируемыми спектральными характеристиками и высокой фотостабильностью. Другим направлением интеграции стало использование сенсорных систем и биосенсоров для экспресс-диагностики следов непосредственно на месте происшествия. Развитие биосенсорики, основанной на сочетании биологического элемента распознавания (антитела, фермента, фрагмента ДНК) с физическим преобразователем сигнала, открыло возможность оперативного обнаружения следов крови, определения предметов и веществ по запаху [3, с. 106].

Следующим направлением, как полагает Е.В. Прокофьева, стало применение углеродного наноматериала в целях «улучшения свойств криминалистической техники (создание дактилоскопической пленки, дактилоскопического порошка, баллистического желатина, слепочного материала)» [4, с. 45]. Еще одним направлением выступает применение ДНК-нанотехнологий (нанопоровое секвенирование) в молекулярно-генетических экспертизах, а также использование нанотехнологических решений при производстве документоведческих и технико-криминалистических экспертиз, где они служат для разработки и проверки подлинности защитных элементов документов. Т.е., внедрение наноматериалов и сенсорных систем в процесс расследования преступлений происходило не через создание новых процессуальных институтов, а через поэтапную адаптацию новых технических средств в уже существующие процессуальные формы – следственные и экспертные процедуры. Это обстоятельство во многом предопределило и характер современных проблем правового регулирования, о которых пойдёт речь далее.

Переходя к понятийному аппарату, необходимо отметить, что законодательного определения понятия «наноматериал» в российском праве не существует, а имеющиеся дефиниции носят преимущественно технический характер и содержатся в национальных и межгосударственных стандартах. Согласно ГОСТ Р 56085-2014 «Нанотехнологии. Часть 4. Материалы наноструктурированные. Термины и определения», наноматериал – это твёрдый или жидкий материал, полностью или частично состоящий из структурных элементов, размер которых хотя бы по одному измерению находится в нанодиапазоне (приблизительно от 1 до 100 нм) [5, с. 3]. Аналогичное по существу определение содержит ГОСТ ISO/TS 80004-1–2017, согласно которому нанотехнология – это применение научных знаний для изучения, проектирования, производства и управления строением материальных объектов преимущественно в нанодиапазоне с использованием зависящих от размера и структуры свойств этих объектов [6, с. 5].

В научной литературе наноматериалы определяются несколько шире. Так, Е. В. Прокофьева указывает, что наноматериалы – это «вещества и их соединения, которые содержат ряд структурных элементов (зёрен, кристаллитов, волокон, слоёв, пор), размерные параметры которых хотя бы в одном из направлений не могут превышать нанотехнологический порог 1…100 нм, что обеспечивает проявление у них принципиально новых функциональных свойств механического, химического, электро-теплофизического, магнитного, оптического, биологического генеза, каче-

ственно отличающихся от аналогичных характеристик традиционных макроструктурных материалов» [4, с. 125]. С точки зрения криминалистического значения важно подчеркнуть, что принципиально новые свойства наноматериалов (повышенная реакционная и каталитическая активность, специфические оптические и магнитные свойства) обусловлены резким увеличением доли поверхностных атомов и проявлением квантово-размерных эффектов, что и делает их востребованными для обнаружения микроследов, недоступных традиционным методам [7, с. 92–96].

Понятие «сенсор» также не имеет легальной дефиниции. В. Н. Постнов, Д. В. Королев и другие определяют сенсоры как «совокупность высокочувствительных технических устройств, способных фиксировать микроскопические или скрытые сведения об обстоятельствах преступления» [3, с. 20]. В более общем, техническом смысле сенсор представляет собой устройство, преобразующее физический, химический или биологический сигнал в измеримую, как правило электрическую, величину. По характеру регистрируемого сигнала принято выделять химические сенсоры (обнаружение состава и концентрации веществ), физические сенсоры (регистрация изменений среды – давления, температуры, движения), оптические и спектральные сенсоры, а также биосенсоры и наносенсоры, использующие в своей конструкции наноматериалы для достижения предельной чувствительности. Именно сочетание сенсорики с наноматериалами – так называемая нанобиосенсорика – рассматривается сегодня как одно из наиболее перспективных направлений криминалистического обеспечения расследования преступлений, поскольку обеспечивает многократное повышение чувствительности при сохранении портативности и оперативности применения устройств непосредственно на месте происшествия.

С точки зрения уголовно-процессуального регулирования важно учитывать, что законодатель не наделил ни наноматериалы, ни сенсорные устройства самостоятельным процессуальным статусом: в перечне источников доказательств, закреплённом ч. 2 ст. 74 УПК РФ, они не упомянуты. Их роль в доказывании является вспомогательной: с их помощью получают и исследуют фактические данные, которые становятся доказательствами только после того, как будут облечены в предусмотренную законом процессуальную форму – прежде всего в форме заключения эксперта либо протокола следственного действия. Данное сущностное свойство наноматериалов и сенсорных систем как криминалистических средств предопределяет и логику дальнейшего изложения – от общего законодательного регулирования нанотехнологий в жизни общества и государства к специальному регулированию их использования при расследовании преступлений.

Законодательное регулирование использования и применения нанотехнологичных средств в жизни общества и государства. Правовое регулирование нанотехнологий в РФ складывалось постепенно и носит комплексный, межотраслевой характер, объединяя нормы конституционного, гражданского, административного и технического права. Конституционную основу регулирования составляют положения ст. 44 Конституции ФР [8] о свободе научного творчества, а также ст. 71 и 72, которые распределяют полномочия в сфере научно-технологического развития между уровнями публичной власти: определение общих направлений государственной политики и профильных федеральных программ отнесено к ведению РФ, тогда как ряд смежных вопросов решается совместно федеральным центром и субъектами РФ.

Отправной точкой формирования специального государственного регулирования нанотехнологий в России принято считать 2007 г., когда была принята Федеральная целевая программа развития инфраструктуры наноиндустрии, а ФЗ от 19.06.2007 г. № 139-ФЗ учреждена Российская корпорация нанотехнологий (впоследствии – ОАО «РОСНАНО»), на которую возлагались функции содействия реализации госполитики в сфере нанотехнологий, инвестирования в перспективные проекты и развития инновационной инфраструктуры отрасли. Постановлением Правительства РФ от 23.04.2010 г. № 282 утверждено Положение о национальной нанотехнологической сети, определившее нанотехнологии как «технологии, направленные на создание и практическое использование нанообъектов и наносистем с заданными свойствами и характеристиками» [9]. Национальная нанотехнологическая сеть была задумана как

организационная форма координации научных, образовательных и производственных организаций, работающих в сфере нанотехнологий, на всей территории страны.

Стратегическое измерение государственной политики в данной сфере задают документы программного характера. Указом Президента РФ от 7.05.2018 г. № 204, а впоследствии – Указом Президента РФ от 21.06.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» научно-технологическое развитие, включающее развитие передовых производственных технологий, обозначено в качестве одного из национальных приоритетов. Ранее аналогичные задачи ставились Стратегией развития наноиндустрии, утверждённой Президентом РФ 24.03.2008 г., и Стратегией инновационного развития РФ на период до 2020 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 8.12.2011 г. № 2227-р, в которых нанотехнологии прямо названы одним из приоритетных направлений технологической модернизации экономики.

Немаловажную роль в регулировании оборота нанотехнологичной продукции играет техническое законодательство. ФЗ от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» устанавливает общие требования к разработке, принятию, применению и исполнению обязательных требований к продукции, в том числе к продукции наноиндустрии, а Федеральный закон от 26.06.2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» регламентирует метрологическое обеспечение измерений, без которого невозможна объективная оценка результатов, получаемых с помощью нанодиагностического оборудования [10]. На уровне подзаконного и стандартизационного регулирования базовыми являются серии национальных и межгосударственных стандартов ГОСТ Р 56085 «Нанотехнологии. Материалы наноструктурированные» и ГОСТ ISO/TS 80004 «Нанотехнологии. Основные термины и определения», которые, не обладая силой закона в строгом смысле, тем не менее образуют понятийно-терминологическую основу, на которую вынуждены опираться правоприменители при работе с нанообъектами, включая органы, осуществляющие производство по уголовным делам [5; 6].

Значительный пласт регулирования составляют нормы, направленные на обеспечение безопасности при обращении с наноматериалами. Ряд наночастиц обладает выраженной каталитической активностью и способен оказывать токсическое воздействие на организм человека при проникновении в дыхательные пути, что предопределило принятие специальных санитарно-гигиенических требований. Методические рекомендации МР 1.2.0032-11 «Оценка безопасности наноматериалов» и МР 1.2.0054-11 «Порядок и методы оценки воздействия искусственных наночастиц и наноматериалов на токсическое действие химических веществ», утверждённые Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, устанавливают критерии и порядок оценки потенциальной опасности наноматериалов для здоровья населения [11]. Данные нормы имеют прямое значение и для криминалистической деятельности: если специалист или эксперт применяет нанопорошки либо иные наноматериалы при осмотре места происшествия, он должен работать в средствах индивидуальной защиты, а по окончании следственного действия — нейтрализовать оставшиеся наноматериалы согласно действующим техническим регламентам.

Отдельного анализа заслуживает регулирование оборота информации и персональных данных, получаемых с использованием сенсорных технологий, поскольку значительная часть современных сенсоров (устройства «умного дома», носимые гаджеты, системы биометрической идентификации) собирает и обрабатывает сведения, относящиеся к частной жизни граждан. ФЗ от 27.06.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает общие принципы работы с информацией и требования к её защите [12], а ФЗ от 27.06.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» закрепляет специальный режим обработки биометрических и иных персональных данных, требующий, по общему правилу, письменного согласия субъекта [13]. Применительно к сенсорным системам данное регулирование приобретает особое значение, поскольку данные датчиков движения, открытия дверей, видеонаблюдения зачастую собираются негосудар-

ственными операторами (производителями «умных» устройств) в порядке, не связанном с уголовным судопроизводством, а затем истребуются или изымаются в рамках расследования, что порождает необходимость согласования норм информационного законодательства и уголовно-процессуального закона. Таким образом, законодательное регулирование использования нанотехнологичных средств в жизни общества и государства в РФ носит рамочный, преимущественно организационно-стимулирующий и технико-стандартизационный характер. Оно ориентировано на создание благоприятных условий для развития наноиндустрии, обеспечение безопасности продукции и защиту прав граждан при обработке персональных данных, однако не содержит специальных норм, учитывающих специфику использования нанотехнологий и сенсорных систем в правоохранительной деятельности. Этот пробел частично восполняется общими нормами уголовно-процессуального законодательства о технических средствах, к анализу которых мы переходим далее.

Правовые основы использования нанотехнологий и сенсорных систем в расследовании преступлений. Проблемы правового регулирования и пути их преодоления. Общей правовой основой применения любых техсредств, включая нанотехнологические и сенсорные, при производстве следственных действий выступает ч. 6 ст. 164 УПК РФ, по которой «при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств». Развивает и конкретизирует эту норму ч. 2 ст. 166 УПК РФ: в ней закреплён закрытый перечень способов фиксации хода и результатов следственного действия — фотографирование, киносъёмка, аудио- и видеозапись, а также стенографирование [1]. Данный перечень, как справедливо отмечается в литературе, сформирован применительно к традиционным техническим средствам и не упоминает нанодиагностические приборы, биосенсоры или иные высокотехнологичные устройства, что, однако, не препятствует их применению, т.к. норма ч. 6 ст. 164 УПК РФ носит открытый, общий характер [14, с. 44].

Второй составляющей нормативной основы выступают положения главы 27 УПК РФ о судебной экспертизе, а также ФЗ от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», который раскрывает судебную экспертизу через процессуальное действие эксперта — проведение исследования и подготовку заключения по вопросам, для разрешения которых нужны специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле [15]. Именно судебная экспертиза служит тем процессуальным «мостом», через который данные, полученные с помощью нанотехнологий и сенсорных систем, включаются в систему доказательств: заключение эксперта, предусмотренное ст. 80 УПК РФ, признаётся самостоятельным видом доказательств согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Третьей составляющей выступают нормы о вещественных доказательствах (ст. 81 УПК РФ) и об иных документах (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), которые применимы в случаях, когда данные сенсорных систем оформляются в виде самостоятельных цифровых носителей – отчётов, логов, распечаток показаний приборов. При изъятии подобных электронных носителей информации подлежит применению ст. 164.1 УПК РФ, устанавливающая обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей информации в ходе следственных действий, что призвано обеспечить сохранность и неизменность цифровых данных [1].

Анализ приведённых норм показывает, что в настоящее время использование наноматериалов и сенсорных систем при расследовании преступлений опосредуется исключительно общими положениями об использовании технических средств и судебной экспертизе, тогда как специальное регулирование, учитывающее технологическую специфику нанодиагностики, в законодательстве отсутствует. Это порождает целый ряд взаимосвязанных правовых проблем.

Первая проблема – отсутствие законодательно закреплённых требований к методической корректности применения нанотехнологических и сенсорных средств. Действующее законодательство не устанавливает, какие именно нанодиагностические методики могут признаваться научно обоснованными и допустимыми для использования при собирании и исследовании доказательств. Перечень родов (видов)

судебных экспертиз, утверждённый приказом Минюстиции РФ от 20.04.2023 г. № 72, равно как и аналогичный перечень, утверждённый приказом МВД России от 29.06.2005 г. № 511 (в ред. от 6.03.2026 г.), не содержит специальных указаний на нанотехнологические методы исследования [16; 17]. Следствием этого является отсутствие единого реестра аттестованных методик нанодиагностики, что вынуждает экспертные учреждения самостоятельно, без единых стандартов, определять допустимость применяемых методов, а суды и следователей – оценивать научную обоснованность заключений при отсутствии формализованных критериев.

Вторая проблема — это явление, которое в литературе именуют «нанозагрязнением» (nanocontamination): речь идёт о случайном попадании посторонних наночастиц в зону исследования, будь то место производства следственного действия или лабораторное помещение экспертного учреждения. В силу предельно высокой чувствительности нанодиагностических методов даже незначительное загрязнение способно привести к ложноположительным результатам, что чревато серьёзными процессуальными последствиями – от необоснованного задержания до незаконного привлечения лица к уголовной ответственности. Действующее законодательство не содержит требований к организации контроля чистоты рабочей зоны (так называемого бланк-теста) при применении нанотехнологических средств, что составляет существенный правовой пробел. Третья проблема состоит в том, что многие современные сенсорные системы и устройства «интернета вещей» работают по принципу «чёрного ящика»: алгоритм формирования итоговых показаний остаётся закрытым не только для следователя и суда, но зачастую и для самого эксперта. Из-за этого затрудняется исполнение требований ст.87 УПК РФ, обязывающей проверять доказательства путём установления источника полученных сведений, — применительно к сенсорным данным такой источник имеет многоуровневую структуру (устройство, программное обеспечение, условия эксплуатации, способ хранения и передачи информации), а его полноценная верификация технически затруднена [18, с. 168]. Четвёртая проблема носит кадровый характер и связана с отсутствием в системе судебно-экспертного образования РФ специализации, предусматривающей подготовку экспертов в области нанотехнологий. Ст. 13 Закона о государственной судебно-экспертной деятельности связывает компетентность эксперта прежде всего с уровнем его профессиональной подготовки и практическим опытом, официально подтверждёнными в ходе аттестации [15]. Применительно же к нанодиагностике действующий порядок аттестации экспертных кадров подобной специализации попросту не предусматривает, что порождает объективные трудности при подборе лиц, обладающих необходимой квалификацией для производства подобных исследований. Пятая проблема связана с воспроизводимостью результатов нанодиагностических исследований. Целый ряд сенсорных измерений привязан к конкретному моменту времени — они фиксируют температуру, состав воздуха или наличие микрочастиц именно в той обстановке, которая существовала на момент замера, и стоит ей измениться, как повторить измерение с тем же результатом уже нельзя. Это осложняет применение предусмотренного ч. 2 ст. 207 УПК РФ института повторной экспертизы и заставляет уделять повышенное внимание своевременной и точной процессуальной фиксации первичных данных [19, с. 78–79]. Шестая проблема касается процессуального статуса результатов предварительного, ориентирующего применения нанобиосенсоров непосредственно на месте происшествия – например, при использовании специалистом нанобиосенсора для экспресс-обнаружения следов крови или наркотических веществ в ходе осмотра места происшествия. По общему правилу подобные результаты следует расценивать лишь как предварительную, ориентирующую информацию: она может быть оформлена пояснениями специалиста (ч. 1 ст. 58 УПК РФ) или его заключением (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), но не подменяет собой полноценной судебной экспертизы, что, однако, прямо в законе не закреплено и порождает разночтения в правоприменительной практике.

Обозначенные проблемы актуальны и применительно к оценке доказательств, полученных с использованием наноматериалов и сенсорных систем. В соответствии со ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относи-

мости, допустимости и достоверности, а собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. Применительно к нанотехнологическим доказательствам содержание данных критериев усложняется: относимость требует установления не только факта обнаружения следа, но и механизма его образования, поскольку высокочувствительные методы способны фиксировать и случайно перенесённые частицы вещества; допустимость предполагает оценку научной обоснованности применённой методики и метрологической исправности оборудования; достоверность – учёт вероятностного характера выводов и возможности альтернативных объяснений полученных результатов [20, с. 217].

Для преодоления выявленных проблем представляется целесообразным реализовать следующий комплекс мер законодательного и организационного характера. Во-первых, ч. 6 ст. 164 УПК РФ целесообразно дополнить оговоркой о том, что технические средства – в том числе построенные на нанотехнологиях и сенсорике – должны применяться в строгом соответствии с официально утверждёнными методиками; такое уточнение создаст правовую базу для единых требований к методической корректности их использования в следственных действиях и позволит унифицировать практику проверки и оценки соответствующих доказательств. Во-вторых, необходимо сформировать на базе Минюстиции РФ либо Российского федерального центра судебной экспертизы единый реестр аттестованных нанодиагностических методик, применяемых в рамках традиционных родов судебных экспертиз (молекулярно-генетической, химической, трасологической и др.), с указанием сферы применения, метрологических характеристик и требований к квалификации эксперта. В-третьих, целесообразно разработать и утвердить постановлением Пленума ВС РФ разъяснения о порядке оценки доказательств, полученных с применением нанотехнологий и сенсорных систем, включающие критерии относимости, допустимости и достоверности такого рода доказательств, требования к процессуальному закреплению фактов и условий их получения, а также порядок реагирования на риски нанозагрязнения и функционирования устройств по принципу «чёрного ящика». В-четвёртых, требуется включить в систему высшего судебно-экспертного образования РФ специализацию, обеспечивающую подготовку экспертов, обладающих компетенциями в области нанотехнологий и сенсорики, а также организовать систему повышения квалификации следователей, дознавателей и судей по вопросам оценки нанотехнологических и сенсорных доказательств. В-пятых, представляется обоснованным дополнить ста. 164.1 УПК РФ, регулирующую изъятие электронных носителей информации, положениями об особенностях изъятия и процессуального закрепления данных, полученных с использованием сенсорных систем и устройств «интернета вещей», предусмотрев обязательное участие специалиста и фиксацию сведений о техническом состоянии и настройках соответствующего оборудования на момент изъятия информации.

Реализация предложенного комплекса мер поможет сократить разрыв между скоростью внедрения нанотехнологий и сенсорных систем в криминалистическую практику и куда более медленным обновлением уголовно-процессуального законодательства, а также сделает правоприменительную практику более единообразной и надёжно защитит права личности там, где по уголовным делам используются высокотехнологичные средства доказывания.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов. 1) Актуальность применения наноматериалов и сенсорных систем в процессе расследования преступлений обусловлена их уникальными возможностями обнаружения и фиксации криминалистически значимой информации на микро- и наноуровне, что объективно расширяет доказательственные возможности уголовного процесса, но одновременно порождает комплекс проблем процессуально-правового характера. 2) История развития наноматериалов и сенсорных систем демонстрирует последовательное движение от фундаментальных научных открытий середины и конца XX в. к их прикладной интеграции в криминалистическую практику через институты судебной экспертизы и следственных действий, при этом само понятие наноматериалов и сенсорных систем не получило легального закрепления и определяется преимуще-

ственно техническими стандартами и научной доктриной. 3) Законодательное регулирование использования нанотехнологичных средств в жизни общества и г-ва носит рамочный, организационно-стимулирующий и технико-стандартизационный характер, обеспечивая развитие наноиндустрии и безопасность оборота нанопродукции, но не учитывая специфику их применения в правоохранительной деятельности. 4) При расследовании преступлений применение технических средств – включая нанотехнологии и сенсорные системы – по-прежнему опирается лишь на общие нормы о техсредствах (ст. 164, 166 УПК РФ) и о судебной экспертизе (ст. 80 УПК РФ, ФЗ № 73-ФЗ), из-за чего сохраняется целый ряд системных проблем: отсутствие единого реестра аттестованных методик, риски нанозагрязнения, непрозрачность работы устройств по принципу «чёрного ящика», дефицит квалифицированных кадров и сложности с воспроизводимостью результатов исследований.

Преодоление выявленных проблем требует комплексного подхода, сочетающего точечные изменения уголовно-процессуального законодательства, формирование реестра аттестованных нанодиагностических методик, разработку разъяснений высшей судебной инстанции и совершенствование системы подготовки экспертных кадров. Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности использования наноматериалов и сенсорных систем при расследовании преступлений при неукоснительном соблюдении принципов законности, допустимости и достоверности доказательств.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Смирнов В. И. Физические основы нанотехнологий и наноматериалы : учебное пособие. – Ульяновск : УлГТУ, 2017. – 240 с.
3. Моисеева Т.Ф. Научно-технический прогресс как определяющая составляющая развития криминалистики // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. №3-2.
4. Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю., Дунаева Е. В. Нанотрубки и материалы на их основе в судебно-экспертной практике // Технические науки – от теории к практике. – 2013. – № 23.
5. ГОСТ Р 56085-2014. Нанотехнологии. Часть 4. Материалы наноструктурированные. Термины и определения. – М. : Стандартинформ, 2014.
6. ГОСТ ISO/TS 80004-1–2017. Нанотехнологии. Часть 1. Основные термины и определения. – М. : Стандартинформ, 2018.
7. Слепцов В. В. Физико-химические основы наноматериалов и нанотехнологий. – М. : Сам полиграфист, 2015. – 367 с.
8. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 2020. – № 144.
9. О национальной нанотехнологической сети : постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2010 г. № 282 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Об обеспечении единства измерений : Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 26. – Ст. 3021.
11. Методические рекомендации МР 1.2.0054-11 «Порядок и методы оценки воздействия искусственных наночастиц и наноматериалов на токсическое действие химических веществ» (утв. Роспотребнадзором 29 декабря 2011 г.) // URL: https://ohranatruda.ru (дата обращения: 20.05.2026).
12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.
13. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.
14. Гаевой А. И., Вдовиченко Д. Д. Современные парадигмы нормативно-правового регулирования использования технических средств в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 12.
15. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001.№ 23.
16. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 (ред. от 31.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (ред. от 06.03.2026) // Российская газета. – 2005. – № 191.
18. Хомяков Э. Г. Устройства умного дома и их значение при расследовании преступлений // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2025. – № 1. – С. 166–174.

19. Мочагин П. В. Некоторые вопросы судебно-экспертной деятельности, связанные с наноматериалами и наноструктурами // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – № 2. – С. 70–83.
20. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : учебник для вузов. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 576 с.
21. Ларионова А. Е., Медведева Е. В. Наноматериалы в криминалистике: перспективы применения // Вестник криминалистики. – 2020. – № 3. – С. 29–42.
22. Соломатина А. Г. Использование специальных знаний в сфере нанотехнологий в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 2. – С. 134–137.
23. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дисс. … д.ю.н. – М., 2008. – 741 с.
24. Лазарева В. А. Теория доказательств в уголовном процессе : учебное пособие. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 304 с.
25. Белкин Р. С. Курс криминалистики. – М. : Юристъ, 1997. – 1201 с.

Kislitsina I. N. Lukyanchikova E.F. Legislative regulation of the use of nanomaterials and sensor systems in crime investigation // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 486-496.

The article is devoted to the study of the legislative regulation of the use of nanomaterials and sensor systems in the process of crime investigation. The history of the development of nanomaterials and sensor technologies and the stages of their integration into criminal proceedings are considered, and the content of the concepts of "nanomaterial" and "sensor system" in relation to forensic and criminal procedural activity is revealed. The legislative regulation of the use of nanotechnological means in the life of society and the state is analyzed, as well as the norms governing the use of technical means in crime investigation, including those based on nanotechnology and sensorics. The main problems of the legal regulation of the use of nanotechnology and sensor systems in crime investigation are identified, and ways to overcome them are proposed, including amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the creation of a register of certified nano-diagnostic methods, and the development of clarifications by the supreme judicial body.

Keywords: nanomaterials, nanotechnology, sensor systems, nanosensors, biosensors, evidence, criminal procedure, investigative actions, forensic examination, legal regulation.

Spisok literatury:

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (red. ot 08.03.2026) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 52. – St. 4921.
2. Smirnov V. I. Fizicheskie osnovy nanotekhnologij i nanomaterialy : uchebnoe posobie. – Ul'yanovsk : UlGTU, 2017. – 240 s.
3. Moiseeva T.F. Nauchno-tekhnicheskij progress kak opredelyayushchaya sostavlyayushchaya razvitiya kriminalistiki // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. №3-2.
4. Prokof'eva E. V., Prokof'eva O. YU., Dunaeva E. V. Nanotrubki i materialy na ih osnove v sudebno-ekspertnoj praktike // Tekhnicheskie nauki – ot teorii k praktike. – 2013. – № 23.
5. GOST R 56085-2014. Nanotekhnologii. CHast' 4. Materialy nanostrukturirovannye. Terminy i opredeleniya. – M. : Standartinform, 2014.
6. GOST ISO/TS 80004-1–2017. Nanotekhnologii. CHast' 1. Osnovnye terminy i opredeleniya. – M. : Standartinform, 2018.
7. Slepcov V.V. Fiziko-himicheskie osnovy nanomaterialov i nanotekhnologij. M.:Sam poligrafist, 2015.
8. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
9. O nacional'noj nanotekhnologicheskoj seti : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2010 g. № 282 // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Ob obespechenii edinstva izmerenij : Federal'nyj zakon ot 26 iyunya 2008 g. № 102-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2008. – № 26. – St. 3021.
11. Metodicheskie rekomendacii MR 1.2.0054-11 «Poryadok i metody ocenki vozdejstviya iskusstvennyh nanochastic i nanomaterialov na toksicheskoe dejstvie himicheskih veshchestv» (utv. Rospotrebnadzorom 29 dekabrya 2011 g.) // URL: https://ohranatruda.ru (data obrashcheniya: 20.05.2026).
12. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii : Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 31. – St. 3448.
13. O personal'nyh dannyh : Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 31. – St. 3451.
14. Gaevoj A. I., Vdovichenko D. D. Sovremennye paradigmy normativno-pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya tekhnicheskih sredstv v ugolovnom sudoproizvodstve // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2016. – № 12.
15. O gosudarstvennoj sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ (red. ot 22.07.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 23. – St. 2291.
16. Ob utverzhdenii Perechnya rodov (vidov) sudebnyh ekspertiz, vypolnyaemyh v federal'nyh byudzhetnyh sudebno-ekspertnyh uchrezhdeniyah Minyusta Rossii : prikaz Minyusta Rossii ot 20 aprelya 2023 g. № 72 (red. ot 31.01.2024) // SPS «Konsul'tantPlyus».

17. Voprosy organizacii proizvodstva sudebnyh ekspertiz v ekspertno-kriminalisticheskih podrazdeleniyah organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii : prikaz MVD Rossii ot 29 iyunya 2005 g. № 511 (red. ot 06.03.2026) // Rossijskaya gazeta. – 2005. – № 191.
18. Homyakov E. G. Ustrojstva umnogo doma i ih znachenie pri rassledovanii prestuplenij // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». – 2025. – № 1. – S. 166–174.
19. Mochagin P. V. Nekotorye voprosy sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti, svyazannye s nanomaterialami i nanostrukturami // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. – 2018. – № 2. – S. 70–83.
20. Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe : uchebnik dlya vuzov. – M. : INFRA-M, 2020. – 576 s.
21. Larionova A. E., Medvedeva E. V. Nanomaterialy v kriminalistike: perspektivy primeneniya // Vestnik kriminalistiki. – 2020. – № 3. – S. 29–42.
22. Solomatina A. G. Ispol'zovanie special'nyh znanij v sfere nanotekhnologij v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. – 2024. – № 2. – S. 134–137.
23. Zajceva E. A. Koncepciya razvitiya instituta sudebnoj ekspertizy v usloviyah sostyazatel'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva : diss. … d.yu.n. – M., 2008. – 741 s.
24. Lazareva V. A. Teoriya dokazatel'stv v ugolovnom processe : uchebnoe posobie. – M. : YUrlitinform, 2019. – 304 s.
25. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki. – M. : YUrist'', 1997. – 1201 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 497-504.

УДК 343.9

СЛЕДСТВЕННО-ЭКСПЕРТНАЯ ПРОФИЛАКТИКА: ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кондратюк С. В., Моисеев А. М., Самброс А. А.

Криминалистическая профилактика рассмотрена с позиций эффективного взаимодействия следователя и эксперта. Процессуальная форма следственно-экспертной профилактики распределена по направлениям: согласование с экспертом вопросов, поставленных следователем на разрешение профилактической экспертизы; применение экспертной инициативы при производстве экспертиз; анализ и обобщение экспертной практики; обоснование профилактического представления, выносимого следователем по результатам расследования. Сформирован алгоритм взаимодействия следователя и эксперта при подготовке профилактического представления. Выявлены проблемы взаимодействия следователя и эксперта в совместной профилактической деятельности и предложены пути их решения. Излишний формализм предложено устранить путем развития института экспертной инициативы. Рассмотрено значение прокурорского надзора в совершенствовании следственно-экспертной профилактики. Обоснована необходимость включения профилактических процедур в разрабатываемые частные криминалистические методики.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, следственно-экспертная профилактика, взаимодействие процессуальное и непроцессуальное, предупреждение преступлений, прокурорский надзор.

Предупреждение преступлений стало приоритетом современной антикриминальной политики РФ (ч. 2 ст. 73 УПК РФ) [1-3]. Представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следователь и руководитель следственного органа вносят в соответствующую организацию или должностному лицу (ч. 2 ст. 158 УПК РФ) [4-6]. Между тем в большинстве криминалистических методик отсутствует элемент криминалистической профилактики. В следственной практике установление профилактических обстоятельств (недостатки технической укрепленности объекта, дефекты производственного процесса, нарушения технологии лечения и т.п.) нередко требует привлечения специальных знаний. Эффективность криминалистической профилактики зависит от характера и качества взаимодействия следователя и эксперта (специалиста). Такое взаимодействие все еще остается недостаточно разработанным направлением в теории и практике предупреждения преступности. Общие вопросы криминалистической профилактики исследованы в трудах Р.С. Белкина, А.И. Винберга, В.П. Колмакова, Н.П. Яблокова, М.Ш. Махтаева, В.Ф. Зудина, Г.Г. Зуйкова, И.Я. Фридмана и других учёных. С использованием метода криминалистического зонирования изучен прогностический аспект профилактики. Однако в работах современных авторов данная проблематика рассмотрена либо в контексте общей теории криминалистической профилактики, либо применительно к расследованию отдельных видов преступлений (против личности и собственности, медицинских, связанных с культурными ценностями, в сфере оборота криптовалюты, должностных и др.) [7-9]. Все еще не сформировано целостного представления о формах, методах и правовых основах взаимодействия следователя и эксперта в решении профилактических задач.

Цель статьи – систематизировать формы и методы взаимодействия следователя и эксперта в профилактике преступлений, определить актуальные проблемы такого взаимодействия и предложить пути их решения. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, системно-структурный подход), а также частнонаучные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой. Осуществлен обзор текущей экспертной практики Донецкой лаборатории судебной экспертизы Минюста России.

Криминалистическую профилактику (предупреждение) преступлений принято трактовать как систему мер, предпринимаемых следователем, оперработником, специалистом (экспертом) по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также по разработке рекомендаций по их предупреждению

[10-12]. Авторы определяют данное направление как учение «о закономерностях возникновения, обнаружения, собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению и сокрытию преступлений, и основанных на познании закономерностей, специальных средствах, приемах и методах криминалистики, направленных на устранение (локализацию) указанных обстоятельств, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений» [13]. Большинство ученых склоняется к тому, что «криминалистическая профилактика представляет собой частную криминалистическую теорию (учение) в рамках общей теории криминалистики» [14]. Данной позиции придерживаются и авторы этой статьи. В структуре криминалистической профилактики выделяют 1) следственную (тактико-криминалистическую) [15-17] и 2) экспертно-криминалистическую профилактику [18-20]. Данный подход позволяет отграничивать профилактическую деятельность эксперта от деятельности следователя, сохраняя их взаимодополняющий характер.

Заслуживает внимания научная позиция, согласно которой «криминалистические рекомендации по профилактике преступлений должны разрабатываться в рамках частных методик расследования отдельных видов преступлений, поскольку такие рекомендации в наибольшей степени обеспечивают полноту следственных действий, в ходе которых могут быть выявлены причины и условия, способствующие совершению преступлений» [21]. Признается необходимым участие экспертов (специалистов) на стадии планирования профилактических мероприятий. К числу основных задач экспертной профилактики относят следующие: «установление в ходе экспертного исследования обстоятельств, способствовавших совершению преступления; выявление дефектов технического, организационного или технологического характера, использованных преступником; прогнозирование возможных способов совершения аналогичных посягательств в будущем; разработку рекомендаций по устранению выявленных обстоятельств; инициативное информирование следователя о выявленных фактах, имеющих профилактическое значение» [21].

Так, в рамках судебно-медицинских экспертиз по делам о ненадлежащем оказании медпомощи эксперт устанавливает дефекты диагностики и лечения, нарушения стандартов и порядка оказания помощи, что позволяет сформулировать конкретные предложения по предотвращению ятрогенных осложнений. Технико-криминалистические экспертизы по делам о посягательствах на культурные ценности позволяют выявить недостаточную защищенность объектов, отсутствие сигнализации или видеонаблюдения, что ложится в основу представления об их устранении. Экспертизы в сфере оборота криптовалюты способствуют выявлению уязвимостей в системах электронных платежей и блокчейн-технологий, используемых для совершения хищений. Нами установлены факты наличия в экстремистских текстах, исследованных в рамках судебной лингвистической экспертизы, признаков посягательств на традиционные российские духовно-нравственные ценности. Однако ввиду отсутствия соответствующих экспертных методик данное обстоятельство не учитывается в следственно-экспертной профилактике.

Потенциал судебной экспертизы как процессуальной формы экспертной профилактики реализуется по следующим направлениям. 1) Постановка перед экспертом вопросов профилактического характера. Авторы замечают, что «вопрос об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, может и должен быть поставлен следователем перед экспертом и в прямой форме» [22], Но не всегда профилактические вопросы эксперту отвечают области специальных знаний эксперта. Так, нам встретились вопросы, поставленные на разрешение судебной автотехнической экспертизы, но сформулированные в терминах возможности: «Возможно ли событие ДТП при данной конструкции ливневой канализации?» (речь идет о решетке люка на проезжей части дороги, ребра которого зажимают при определенных условиях колесо велосипеда). Эксперту пришлось переформулировать вопрос: «Соответствует ли конструкция канализационного люка условиям безопасности дорож-

ного движения?». Приведем профилактические вопросы, которые соответствуют специальным знаниям эксперта: «В чем состоит причина неисправности оборудования?», «Отвечала ли организация производственного процесса требованиям правил безопасности?» (при назначении инженерно-технических экспертиз, экспертиз охраны труда и техники безопасности). При расследовании посягательств на культурные ценности эксперту могут быть поставлены вопросы о достаточности охранных мер, соответствии конструкций зданий требованиям укрепленности и т.д.

2). Текущая следственная практика требует расширения экспертной инициативы. Эксперт вправе указать в заключении на обстоятельства, имеющие значение для дела, но по которым ему не были поставлены вопросы. В инициативном порядке он может выявить обстоятельства, способствовавшие преступлению. Это особенно актуально для технических и технологических экспертиз, где только специалист способен распознать дефекты, создавшие условия для преступного посягательства.

3) Профилактическая информация может быть получена в результате обобщения экспертной практики. На это указано в Методрекомендациях СК России: «выявленные при производстве экспертиз какого-либо рода или вида обстоятельства, способствовавшие совершению однородных преступлений, могут стать объектом обобщений, осуществляемых судебно-экспертным учреждением. Такие обобщения, а также соответствующие рекомендации по устранению или ослаблению действия способствующих совершению преступлений обстоятельств передаются для принятия необходимых мер в компетентные органы и являются одним из направлений экспертной профилактической деятельности» [23]. 4) Процессуальной формой следственно-экспертной профилактики можно также назвать вынесение следователем представления о «принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 158 УПК РФ)» [24]. Данный документ выступает итоговым актом профилактической деятельности следователя, и его качество определено полнотой и достоверностью информации, полученной от эксперта. Указанное представление должно быть составлено «на основе выявленных объективных обстоятельств, способствовавших совершению преступлений; изложено по возможности кратко, с указанием конкретных лиц, виновных в создании соответствующей обстановки, и приведением фактических сведений, подтверждающих, что именно она послужила причиной данного преступления» [25].

Содержание и структура профпредставления регламентированы достаточно подробно. В нем должны быть указаны «конкретные обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, связанные как с обстановкой совершения преступления… так и с личностью обвиняемого (потерпевшего); конкретные лица, допустившие нарушения в своей деятельности, и конкретные нормы закона; конкретные меры, которые предлагается принять с учетом полномочий, обязанностей и возможностей адресата, что необходимо предварительно выяснить в ходе расследования» [23]. Значительная часть этой информации может быть получена по результатам применения специальных знаний. Уточним алгоритм взаимодействия следователя и эксперта при подготовке профилактического представления: 1) следователь в ходе расследования выявляет необходимость в применении специальных знаниях и назначает профилактическую экспертизу; 2) перед экспертом, помимо вопросов о событии преступления, ставятся вопросы профилактического характера; 3) эксперт в своем заключении фиксирует выявленные обстоятельства, способствовавшие преступлению, а также (по собственной инициативе) иные факторы, имеющие профилактическое значение; 4) следователь анализирует заключение эксперта и включает его выводы в описательную часть выносимого представления; 5) представление вносится в соответствующую организацию или должностному лицу.

Рассмотрим возможности непроцессуальных форм взаимодействия следователя и эксперта (специалиста). К их числу относятся следующие. 1) Специалист в силу профессиональной подготовки и опыта способен консультировать следователя по обстоятельствам профилактического значения, а также указать, какие вопросы сле-

дует поставить перед экспертом в дальнейшем. 2) Участие специалиста в рассмотрении внесенного следователем профилактического представления способствует эффективности профилактического воздействия в ходе проводимого расследования. Это позволит следователю в тексте профилактического представления обосновать выявленные нарушения, установить их причинно-следственную связь с совершенным преступлением и выработать адекватные меры реагирования. 3) Совместная разработка профилактических алгоритмов и программ. Данная форма непроцессуального взаимодействия предполагает на основе применения специальных знаний построение типовых моделей профилактического реагирования. Например, разработан типовой регламент действий ведомственных органов и организаций охраны объектов культурного наследия, причем данный алгоритм визуализирован с помощью искусственного интеллекта. Отметим, что подход, основанный на обобщении экспертных данных, позволяет перейти к системной профилактике в соответствующей области специальных знаний. 4) Прогностическая деятельность специалиста. Специалист в области конкретного вида судебной экспертизы способен выявить негативные тенденции в механизме преступной деятельности и своевременно проинформировать о них следственные органы.

Так, рассмотренные формы взаимодействия следователя и эксперта (специалиста) в профилактической деятельности образуют взаимодополняющий комплекс. Процессуальные формы (заключение эксперта, заключение специалиста, представление следователя) обеспечивают доказательственную базу профилактики и придают ей официальный характер; непроцессуальные формы (консультации, участие в рассмотрении представления, разработка алгоритмов и прогнозов) расширяют возможности применения спецзнаний для целей криминалистической профилактики.

По нашим наблюдениям, практика взаимодействия следователя и эксперта в профилактической деятельности сталкивается с рядом проблем. Первая и наиболее острая из них – формальный подход к профилактической деятельности: «сегодняшним правом, в прошлом – обязанностью… практически никто из работников правоохранительных подразделений не пользуется в силу большой загруженности» [26]. Авторы отмечают наличие «отрицательных криминалистических практик, выражающихся в несоответствии деятельности по раскрытию и расследованию преступлений целям правоохранительной деятельности» [12]. При этом нередко игнорируются основополагающие принципы права, применяются методы, не имеющие научной обоснованности, развиваются формализм, поверхностный подход.

Применительно к взаимодействию следователя с экспертом формализм проявляется в следующем. Во-первых, следователи зачастую не обладают достаточной подготовкой, позволяющей грамотно ставить перед экспертом вопросы профилактического характера. Тогда экспертное исследование ограничивается установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному эпизоду (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), но обстоятельства, способствовавшие преступлению (ч. 2 ст. 73 УПК РФ), остаются без должного внимания. В современных методиках расследования большинство авторов… «не включают в структуру криминалистической методики расследования элемент их криминалистической профилактики» [21]. Во-вторых, эксперты нередко не воспринимают экспертную профилактику как служебную задачу. Между тем эксперт вправе и даже обязан по собственной инициативе указывать на выявленные обстоятельства, способствовавшие преступлению. По нашим наблюдениям, этому препятствуют и высокая загруженность экспертных учреждений, и отсутствие в ведомственных инструкциях указания на профилактическую функцию эксперта. В-третьих, проблемой остается недостаточное использование института специалиста (ст. 58, 80 УПК РФ) в профилактических целях. Так, применительно к расследованию преступлений в сфере оборота криптовалюты многие исследователи считают, что «в каждой методике расследования преступлений необходимо формулировать рекомендации по подготовке и проведению криминалисти-

ческой профилактики» [27]. В научно-методической литературе по криминалистике таковые рекомендации носят общий характер.

Второй блок проблем во взаимодействии следователя и эксперта в профилактической деятельности связан с недостатками правового регулирования такого взаимодействия. Обращаем внимание на отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве прямого указания на профилактическую функцию эксперта (ст. 57 УПК РФ). Единственным косвенным основанием активности эксперта в профилактической работе служит его право указывать на обстоятельства, по которым ему не были поставлены вопросы, что свидетельствует о недостаточной правовой регламентации участия эксперта в криминалистической профилактике. Критичным считаем правовой пробел в уголовно-процессуальном регулировании института профилактического представления: «в настоящее время в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ вынесение представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, – это право следователя. …правильным было бы рассматривать вынесение представления как обязанность следователя» [21]. Полагаем необходимым законодательное закрепление обязанности следователя принимать меры по устранению выявленных обстоятельств. Одновременно реализация этого предложения повысит значимость заключения эксперта как базы для профилактических мер.

По результатам анализа законодательства, образующего основу профилактической деятельности, авторы приходят к выводу об отсутствии нормативных и нормативных правовых актов, регулирующих непосредственно криминалистическую профилактику. Действительно, существующая регламентация криминалистической профилактики рассредоточена по различным ведомственным документам (приказы СК России, МВД России, методические рекомендации), не создавая единого механизма взаимодействия следователя и эксперта в профилактической работе.

Обратим внимание на роль прокурора в обеспечении законности и результативности криминалистической профилактики. Его полномочия в этой сфере реализуются по следующим направлениям. 1) Прокурор осуществляет надзор за соблюдением требований ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ следователем. Это означает, что прокурор вправе требовать от следователя мер по выявлению обстоятельств, способствовавших преступлению. Как видно из Методических рекомендаций СК России, «уголовное дело может быть возвращено для производства дополнительного следствия руководителем следственного отдела (п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ) или прокурором (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ)» [23], в т.ч. по причине неустановления обстоятельств, способствовавших преступлению. 2) Прокурор оценивает обоснованность и полноту представлений, вносимых следователем в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ. При этом формальное, не подкрепленное результатами экспертиз профилактическое представление может быть основанием для прокурорского реагирования. 3) Инструментом прокурорского надзора служит производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 17.7 КоАП РФ (невыполнение законных требований следователя). В Методических рекомендациях предписано: «во всех случаях ненадлежащего рассмотрения внесенного представления необходимо… информировать органы прокуратуры в целях принятия мер прокурорского реагирования, в том числе для рассмотрения вопроса о привлечении виновных лиц к административной ответственности» [23]. Таким образом, прокурор выступает гарантом того, что внесенное профилактическое представление не останется без реального исполнения. 4) Перспективным направлением развития рассматриваемого взаимодействия видится привлечение прокурора к оценке доказательственной базы, полученной на основе применения специальных знаний. Считаем целесообразным установить порядок, в соответствии с которым при решении вопроса об утверждении обвинительного заключения прокурор в обязательном порядке проверяет, были ли выявлены следователем обстоятельства, способствовавшие преступлению, и основаны ли меры по их устранению на заключении эксперта либо специалиста. Это

предложение может быть реализовано путем дополнения соответствующих ведомственных актов Генпрокуратуры РФ.

К числу проблем взаимодействия следователя и эксперта в профилактической деятельности отнесены: формальный подход к профилактике со стороны следователя; недостаточная профессиональная подготовка следователей в части постановки перед экспертом вопросов профилактического характера; отсутствие в ведомственных инструкциях закрепления профилактической функции эксперта; рассредоточенность правового регулирования профилактической деятельности по различным ведомственным актам; отсутствие в УПК РФ нормы, обязывающей следователя вносить профилактическое представление по результатам расследования.

Механизмом преодоления указанных проблем выступает прокурорский надзор. Прокурор, реализуя полномочия по надзору за соблюдением требований ч. 2 ст. 73 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ, вправе требовать от следователя полноценного выявления обстоятельств, способствовавших преступлению, оценивать обоснованность и полноту внесенных представлений (в том числе с точки зрения их опоры на результат применения специальных знаний), инициировать привлечение виновных лиц к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за невыполнение законных требований следователя. В целях совершенствования взаимодействия следователя и эксперта в профилактической деятельности представляется целесообразным: закрепить в УПК РФ обязанность следователя вносить представление во всех случаях выявления обстоятельств профилактического характера; дополнить ч. 1 ст. 57 УПК РФ указанием на обязанность эксперта фиксировать в заключении обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, выявленные им в ходе проведенного исследования; на уровне совместных организационно-распорядительных документов Следственного комитета РФ, Генпрокуратуры РФ и Минюста России закрепить единый порядок взаимодействия следователя и эксперта при подготовке, внесении и рассмотрении профилактического представления; в разрабатываемых методиках расследования отдельных видов преступлений предусматривать раздел, посвященный криминалистической профилактике и особенностям использования в ней специальных знаний.

Список литературы:

1.Антикриминальная политика: основы, структура, проблемы реализации: коллективная монография / С.В. Кондратюк, А.М. Моисеев, Ф.А. Аметка [и др.]. Самара: Самарама, 2026. 360 с.

2.Номоконов В.А. Антикриминальная политика: нужна смена парадигмы / В.А. Номоконов // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 2(49). С. 24-29.

3.Дамм И.А. Политика противодействия преступности: вопросы понятийно-категориального аппарата / И.А. Дамм, А.Н. Тарбагаев // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 5.С.397-410.

4.Законность: состояние и тенденции в 2020–2024 годах. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению / А.Л. Аристархов, Н.Д. Бут, А.С. Васнецова [и др.]. Москва: ИД «Городец», 2026. 472 с.

5.Кузнецова С.М. Субъекты контроля (надзора) за исполнением представления следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления / С.М. Кузнецова // Алтайский юридический вестник. 2016. № 1(13). С. 96-99.

6.Угольников А.В. Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления / А.В. Угольников // Вестник Московского университета МВД России.2010.№3. С. 159-160.

7.Зайнуллин Р.И. Криминалистическая профилактика - миф или реальность? / Р.И. Зайнуллин // Криминалистъ. 2023. № 4(45). С. 53-58.

8.Цурлуй О.Ю. История криминалистической профилактики в России / О.Ю. Цурлуй // Lex Russica (Русский закон). 2026. Т. 79, № 6(235). С. 125-136.

9.Синергия цифровых технологий и графического моделирования в криминалистическом противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде / Т.С. Волчецкая, Е.В. Осипова, М.В. Авакьян, А.А. Викторов // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 215-222.

10. Брусенцева В.А. Роль и место криминалистической профилактики в структуре криминалистической науки / В.А. Брусенцева // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2-3. С. 46-52.

11. Комаров И.М. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений / И.М. Комаров, Е.И. Ян // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2(89). С. 182-192.

12. Михайлов А.Е. Правовая основа криминалистической профилактики / А.Е. Михайлов // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2(51). С. 86-91.
13. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Аминев Фарит Гизарович, 2017. 482 с.
14. Кот Е.А. Расследование преступлений, совершенных в сети интернет, связанных с побуждением несовершеннолетних к суициду: специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кот Екатерина Александровна, 2022. 326 с.
15. Игнатьев М.Е. Криминалистическая задача расследования - установление причин и условий, способствующих совершению преступления / М.Е. Игнатьев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 3. С. 467-473.
16. Каменецкий Ю.Ф. Теория и практика следственной профилактики / Ю.Ф. Каменецкий. Минск: СтройМедиаПроект, 2024. 536 с.
17. Кравцов Д.А. Роль следователя в профилактике преступлений / Д.А. Кравцов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 1(15). С. 55-57.
18. Ильин Н.Н. Профилактическая деятельность судебных экспертов в области судебной транспортной экспертизы / Н.Н. Ильин // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 4. С. 33-40.
19. Дронова О.Б. Вклад Е.Р. Россинской в развитие концепции экспертной профилактики / О.Б. Дронова, И.В. Рыжков // Мир криминалистики. 2024. № 2. С. 37-41.
20. Рыжков И.В. Современное состояние профилактического направления деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России / И.В. Рыжков // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2025. № 2(71). С. 65-71.
21. Шепелев С.В. Криминалистическая профилактика преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи / С.В. Шепелев, О.Ю. Антонов // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 637-648.
22. Криминалистика (общие положения, техника, тактика, технология): Учебник / М.М. Горшков, О.П. Грибунов, А.А. Кузнецов [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 400 с.
23. Криминалистическая профилактика преступлений органами предварительного следствия: методические рекомендации / В.А. Передерий; под ред. А.М. Багмета. М: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. 30 с.
24. Абрамова Н.Г. Выявление при расследовании причин и условий, способствовавших совершению побоев // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3-1(45). С. 86-89.
25. Крюкова Н.И. Криминалистическая профилактика: прошлое, настоящее и будущее / Н.И. Крюкова, Г.А. Алиева // Российский следователь. 2014. № 17. С. 37-41.
26. Алиева Г.А. Роль криминалистической профилактики в борьбе с преступностью / Г.А. Алиева // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2014. № 5. С. 126-131.
27. Берестень В.И. Профилактика и предупреждение противоправной деятельности в сфере оборота криптовалюты / В.И. Берестень // Социальное партнерство. Право. Экономика: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию Федерации профсоюзов Беларуси и 95-летию профсоюзного образования, Минск, 02–03 октября 2025 года. Минск: Международный университет «МИТСО», 2026. С. 157-162.

Kondratyuk S.V., Moiseev A.M., Sambros A.A. Investigative and expert prevention: issues of interaction // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 497–504.

Criminalistic prevention is examined from the perspective of effective interaction between the investigator and the expert. The procedural form of investigative and expert prevention is distributed across the following areas: coordination with the expert on issues raised by the investigator for resolution through preventive expertise; application of expert initiative in conducting examinations; analysis and generalization of expert practice; justification of the preventive recommendation issued by the investigator based on the results of the investigation. An algorithm for the interaction between the investigator and the expert in preparing a preventive recommendation has been developed. The problems of interaction between the investigator and the expert in joint preventive activities have been identified, and ways to resolve them have been proposed. It is proposed to eliminate excessive formalism by developing the institution of expert initiative. The role of prosecutorial supervision in improving investigative and expert preventive measures is examined. The necessity of including preventive procedures in the developed private forensic methods is substantiated.

Keywords: criminology, forensic examination, investigative and expert preventive measures, procedural and non-procedural interaction, crime prevention, prosecutorial supervision.

Spisok literatury:

1.Antikriminal'naya politika: osnovy, struktura, problemy realizacii: kollektivnaya monografiya / S.V. Kondratyuk, A.M. Moiseev, F.A. Ametka [i dr.]. Samara: Samarama, 2026. 360 s.
2.Nomokonov V.A. Antikriminal'naya politika: nuzhna smena paradigmy / V.A. Nomokonov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2026. № 2(49). S. 24-29.
3.Damm I.A. Politika protivodejstviya prestupnosti: voprosy ponyatijno-kategorial'nogo apparata / I.A. Damm, A.N. Tarbagaev // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 17, № 5. S. 397-410.
4.Zakonnost': sostoyanie i tendencii v 2020–2024 godah. Deyatel'nost' prokuratury po ee obespecheniyu / A.L. Aristarhov, N.D. But, A.S. Vasnecova [i dr.]. Moskva: ID «Gorodec», 2026. 472 s.
5.Kuznecova S.M. Sub"ekty kontrolya (nadzora) za ispolneniem predstavleniya sledovatelya po ustraneniyu obstoyatel'stv, sposobstvovavshih sovershеniyu prestupleniya//Altajskij yuridicheskij vestnik.2016.№1(13).
6.Ugol'nikov A.V. Ustanovlenie i ustranenie obstoyatel'stv, sposobstvovavshih sovershеniyu prestupleniya / A.V. Ugol'nikov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 3. S. 159-160.
7.Zajnullin R.I. Kriminalisticheskaya profilaktika - mif ili real'nost'? // Kriminalist". 2023. № 4(45). S. 53-58.
8.Curluj O.YU. Istoriya kriminalisticheskoj profilaktiki v Rossii / O.YU. Curluj // Lex Russica (Russkij zakon). 2026. T. 79, № 6(235). S. 125-136.
9.Sinergiya cifrovyh tekhnologij i graficheskogo modelirovaniya v kriminalisticheskom protivodejstvii rasprostraneniyu ideologii ekstremizma i terrorizma v molodezhnoj srede / T.S. Volcheckaya, E.V. Osipova, M.V. Avak'yan, A.A. Viktorov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.2021.№ 471.S. 215-222.
10. Brusenceva V.A. Rol' i mesto kriminalisticheskoj profilaktiki v strukture kriminalisticheskoj nauki / V.A. Brusenceva // Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. 2015. № 2-3. S. 46-52.
11. Komarov I.M. Ponyatie, soderzhanie, metodologiya i zadachi kriminalisticheskogo preduprezhdeniya prestuplenij // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2(89). S. 182-192.
12. Mihajlov A.E. Pravovaya osnova kriminalisticheskoj profilaktiki / A.E. Mihajlov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2019. № 2(51). S. 86-91.
13. Aminev F.G. Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii: sovremennye problemy i puti ih resheniya: special'nost' 12.00.12 «Kriminalistika; sudebno-ekspertnaya deyatel'nost'; operativno-rozysknaya deyatel'nost'»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskih nauk, 2017. 482 s.
14. Kot E.A. Rassledovanie prestuplenij, sovershennyh v seti internet, svyazannyh s pobuzhdeniem nesovershennoletnih k suicidu: special'nost' 12.00.12 «Kriminalistika; sudebno-ekspertnaya deyatel'nost'; operativno-rozysknaya deyatel'nost'»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskih nauk / Kot Ekaterina Aleksandrovna, 2022. 326 s.
15. Ignat'ev M.E. Kriminalisticheskaya zadacha rassledovaniya - ustanovlenie prichin i uslovij, sposobstvuyushchih sovershеniyu prestupleniya / M.E. Ignat'ev // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2019. T. 44, № 3. S. 467-473.
16. Kameneckij YU.F. Teoriya i praktika sledstvennoj profilaktiki. Minsk: StrojMediaProekt, 2024. 536 s.
17. Kravcov D.A. Rol' sledovatelya v profilaktike prestuplenij / D.A. Kravcov // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2018. № 1(15). S. 55-57.
18. Il'in N.N. Profilakticheskaya deyatel'nost' sudebnyh ekspertov v oblasti sudebnoj transportnoj ekspertizy / N.N. Il'in // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. 2022. T. 17, № 4. S. 33-40.
19. Dronova O.B. Vklad E.R. Rossinskoj v razvitie koncepcii ekspertnoj profilaktiki / O.B. Dronova, I.V. Ryzhkov // Mir kriminalistiki. 2024. № 2. S. 37-41.
20. Ryzhkov I.V. Sovremennoe sostoyanie profilakticheskogo napravleniya deyatel'nosti ekspertno-kriminalisticheskih podrazdelenij MVD Rossii / I.V. Ryzhkov // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2(71). S. 65-71.
21. SHepelev S.V. Kriminalisticheskaya profilaktika prestuplenij, svyazannyh s nenadlezhashchim okazaniem medicinskoj pomoshchi // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15, № 5. S. 637-648.
22. Kriminalistika (obshchie polozheniya, tekhnika, taktika, tekhnologiya): Uchebnik / M.M. Gorshkov, O.P. Gribunov, A.A. Kuznecov [i dr.]. 2-e izd., per. i dop. Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2024. 400 s.
23. Kriminalisticheskaya profilaktika prestuplenij organami predvaritel'nogo sledstviya: metodicheskie rekomendacii / V.A. Perederij; pod red. A.M. Bagmeta. M: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2017. 30 s.
24. Abramova N.G. Vyyavlenie pri rassledovanii prichin i uslovij, sposobstvovavshih sovershеniyu poboev // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal.2016.№ -1(45).S.86-89.
25. Kryukova N.I. Kriminalisticheskaya profilaktika: proshloe, nastoyashchee i budushchee / N.I. Kryukova, G.A. Alieva // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 17. S. 37-41.
26. Alieva G.A. Rol' kriminalisticheskoj profilaktiki v bor'be s prestupnost'yu / G.A. Alieva // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2014. № 5. S. 126-131.
27. Beresten' V.I. Profilaktika i preduprezhdenie protivopravnoj deyatel'nosti v sfere oborota kriptovalyuty / V.I. Beresten' // Social'noe partnerstvo. Pravo. Ekonomika: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 35-letiyu Federacii profsoyuzov Belarusi i 95-letiyu profsoyuznogo obrazovaniya, Minsk, 02–03.10.2025 g. Minsk: Mezhdunarodnyj universitet «MITSO»,2026.S.157-162.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 505-511.

УДК 343.163

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ РИСК ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ[1]

Кулаевский А. В., Шаталкина Н. А., Бондаренко Д. С.

ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет

В статье исследуются особенности тактико-криминалистического обеспечения поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей. Проанализированы три ключевых этапа деятельности государственного обвинителя: подготовка к судебному заседанию, участие в судебном следствии и участие в судебных прениях. Обоснована высокая степень тактико-криминалистического риска при выборе операциональных тактико-криминалистических средств на каждом из этапов. Рассмотрены алгоритмы принятия тактических решений в условиях информационной неопределенности, особенности реализации принципа наглядности при представлении доказательств присяжным заседателям, тактика проведения допросов и судебных прений. Особое внимание уделяется специфике воздействия применяемых тактических приемов не только на сторону защиты, но и на присяжных заседателей как непрофессиональных участников разбирательства.

Ключевые слова: тактико-криминалистический риск; государственный обвинитель; суд присяжных; присяжные заседатели; тактические приемы; принцип наглядности; судебные прения; допрос; тактические решения; уголовное судопроизводство.

Криминалистические научные достижения позволяют существенно повысить эффективность деятельности государственного обвинителя в судебном разбирательстве. Практическая потребность в тактико-криминалистическом обеспечении прокурорских работников на судебных стадиях уголовного процесса объясняется, в том числе высокой степенью тактико-криминалистического риска их деятельности при выборе операционных тактико-криминалистических средств [1, с. 32-33]. В этой связи тактика государственного обвинителя неоднократно становилась предметом исследования учёных-криминалистов том числе таких авторов, как Н.Т. Антипова, Л.Т. Волнянская, П.И. Зинченко, С.Л. Кисленко, А.Ю. Корчагин, В.Г. Ульянов [2, с. 10; 3, с. 5; 4, с. 15; 5, с. 20; 6, с. 30; 7, с. 25] и др.

Особую актуальность тактико-криминалистическое обеспечение судебных заседаний приобретает при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей. Это связано, прежде всего, с сохраняющейся тенденцией по увеличению процента отмененных оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных. Так, из общего числа лиц, в отношении которых судами присяжных в первой половине 2025 г. вынесены приговоры (444 подсудимых), 144 оправданы (32%, в первой половине 2024 г. — 25%), 300 осуждены (68%), при этом за первое полугодие 2025 г. были отменены 35 обвинительных приговоров и 74 оправдательных (приблизительно каждый второй) [8, с. 5]. По мнению отдельных авторов, такие негативные показатели напрямую связаны с недостатками в работе государственных обвинителей [6, с. 45]. Особая сложность поддержания государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, следует и из положений приказа Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», определяющих, что оно должно поручаться только прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами (пункт 4.1).

Кроме того, суд с участием присяжных заседателей характеризуется рядом специфичных особенностей: в состав суда входят непрофессиональные судьи – присяжные заседатели; при наличии общественного резонанса присяжные

[1] Данная статья подготовлена в рамках реализации Программы развития университета на 2021– 2030 гг. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект «Разработка тренажёра виртуальной реальности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей».

заседатели могут формировать своё мнение под влиянием информации, распространяемой средствами массовой информации; нестандартность судебного разбирательства предъявляет повышенные требования к уровню подготовки участников процесса, что обусловливает необходимость принятия мер по оптимизации деятельности государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей. Исследованием тактико-криминалистического обеспечения судебного разбирательства с участием присяжных заседателей занимались такие авторы, как К.С. Егоров, А.С. Кудрявицкий, Н.В. Маткова, А.И. Симак, А.Е. Хорошева и др. [9, с. 10; 10, с. 20; 11, с. 15; 12, с. 5; 13, с. 30].

Тактико-криминалистическое обеспечение поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве с участием присяжных заседаний можно разделить на три этапа: подготовку к судебному заседанию, участие в судебном следствии, участие в судебных прениях. Названные этапы имеют свои особенности и характеризуются тактико-криминалистическим риском при выборе и применении операциональных тактико-криминалистических средств, поскольку на каждом из них государственному обвинителю приходится принимать и реализовывать тактические решения в условиях недостатка информации.

Полагаем, что в ситуациях информационной неопределенности государственным обвинителям целесообразно использовать алгоритмы принятия тактических решений, разработанные для следователей и включающие в себя следующие этапы: 1) осознание тактического риска; 2) попытка корректирования тактической задачи; 3) разработка возможных вариантов тактических решений, состоящих из различной совокупности операциональных тактических средств и различной последовательности их использования; 4) подготовка мер по минимизации тактического риска и нейтрализации негативных последствий по каждому из тактических решений; 5) выбор начального варианта тактического решения [14, с. 50-51]. Рассмотрим возможные варианты применения государственным обвинителем тактических приёмов с позиций реализации отдельных действий приведённого алгоритма на разных этапах судебного разбирательства.

1. Тактика подготовки поддержания государственного обвинения.

При подготовке к судебному разбирательству степень тактико-криминалистического риска особенно высока, поскольку на данном этапе государственный обвинитель может лишь предполагать, какую линию поведения выберут участники уголовного судопроизводства: подсудимый, защитник, потерпевший, свидетели. Нередки случаи, когда именно на судебных стадиях допрошенные в ходе предварительного расследования лица меняют ранее данные показания, а сторона защиты начинает оказывать активное противодействие стороне обвинения и суду в установлении истины. Для минимизации тактического риска государственному обвинителю следует уменьшить степень информационной неопределённости посредством детального анализа материалов уголовного дела, уделяя особенное внимание изучению личности подсудимого, потерпевшего и ключевых свидетелей. Значимым этапом подготовки является изучение личности кандидатов в присяжные заседатели, поскольку это напрямую будет определять выбор тактических приёмов и их комбинирование в тактические комплексы.

Ч. 2 ст. 274 УПК РФ определяет, что доказательства суду первой инстанции предъявляет сторона обвинения. Тактико-криминалистический риск будет проявляться в принятии тактических решений не только при выборе тех или иных операциональных тактико-криминалистических средств, но и при определении последовательности судебных действий с учётом их возможного воздействия на присяжных заседателей. Для снижения степени тактического риска государственному обвинителю следует выстроить мысленную модель будущего судебного разбирательства, разработать подробный план судебного следствия с учётом приведённого выше алгоритма, выявить возможные недостатки в доказательственной базе, собранной по делу органом предварительного расследования, и продумать способы их восполнения. Повышенного внимания будет требовать подготовка к производству допросов как к наиболее рискованным

судебным действиям. Необходимо определить последовательность допросов, какие будут применяться при их производстве тактические приёмы и тактические комбинации, заранее сформулировать вопросы для всех допрашиваемых лиц. Заблаговременно должны быть решены организационные вопросы, связанные с технической подготовкой для демонстрации в зале суда фото-, видео- или аудиоматериалов либо производства допроса и иных судебных действий посредством систем видео-конференц-связи в порядке ст. 278.1 УПК РФ.

Особое значение следует уделять подготовке государственного обвинителя к судебным прениям, в основном подготовка проявляется в планировании речи. На этом этапе продумываются структура выступления, логика изложения и ключевые тезисы. Содержание речи должно быть ориентировано на вопросы, разрешаемые судом при вынесении приговора: доказанность события преступления, совершение деяния подсудимым, его виновность и необходимость назначения наказания. Речь должна аргументировано убеждать коллегию присяжных в доказанности виновности лица и в неубедительности доводов стороны защиты, оспаривающих данный факт.

2. Тактика поддержания государственного обвинения на этапе судебного следствия. Большой научный интерес представляет тактико-криминалистическое обеспечение реализации принципа наглядности на этапе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, от которого, как нам представляется, во многом зависит формирование тактики поддержания государственного обвинения.

Реализация указанного принципа позволяет минимизировать тактико-криминалистический риск наступления негативных последствий в виде непонимания присяжными заседателями значимых особенностей доказательств, предъявляемых на судебном следствии. Кроме того, это позволит нейтрализовать возможные негативные последствия в виде формирования у присяжных заседателей убеждённости в недостоверности отдельных доказательств в связи с неполным их предъявлением. Принцип наглядности является ключевой технологией формирования внутреннего убеждения, предоставляющей возможность для полного, всестороннего и объективного познания преступления в судебных разбирательствах с участием присяжных [15, с. 10].

Поскольку присяжные не имеют теоретических знаний и навыков участия в уголовном судопроизводстве, информация должна представляться максимально наглядно. Учитывая такую специфику представления доказательств в зале судебного заседания, важно выстраивать тактические приёмы с целью получения полного понимания присяжными сути рассматриваемого дела.

Полагаем, что принцип наглядности в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей может применяться в двух формах. Во-первых, при исследовании доказательств, собранных в ходе предварительного расследования. Помимо изучения протоколов следственных действий, содержащихся в материалах уголовного дела, присяжным заседателям должны предъявляться все имеющиеся к ним приложения в виде фототаблиц, чертежей, схем, моделей и т.д. При наличии аудио-видеозаписей присяжным заседателям должна быть предоставлена возможность их просмотра и прослушивания, что позволит им оценить данные доказательства с точки зрения достоверности содержащейся в них информации. Во-вторых, при применении различных способов иллюстрации обстоятельств, связанных с преступным событием, создаваемых самим государственным обвинителем в ходе судебного следствия. Так, использованием секундомера для демонстрации продолжительности периода времени, значимого для преступного события, подготовкой диаграмм и схем, отражающих структуру преступных связей или механизм преступных действий, использованием измерительной рулетки или линейки для демонстрации размеров и расстояний и т. д.

Между тем, реализация рассматриваемого принципа несёт в себе и риск наступления негативных последствий. Так, использование средств визуализации может повлечь за собой ложное понимание значимых обстоятельств уголовного дела. Например, при использовании манекена для демонстрации присяжным

заседателям особенностей причинения телесных повреждений потерпевшему их восприятие может искажаться в связи с несоответствием размера манекена росту и телосложению потерпевшего. Даже в случае акцентирования государственным обвинителем внимания на несоответствии размеров особенности функционирования когнитивных и психологических механизмов головного мозга будут приводить к неверному представлению присяжными заседателями о механизме преступления. Для нейтрализации названных последствий государственный обвинитель должен при подготовке средств визуализации обеспечивать их максимальное соответствие фактическим обстоятельствам дела, которые таким образом визуализируются.

Кроме того, следует учесть наступление негативного последствия в виде формирования у присяжных заседателей негативного отношения к подсудимому либо иным участникам уголовного процесса, например, в связи с демонстрацией фототаблиц и видеозаписей, являющихся приложениями к протоколам следственных действий. Так, мощное эмоциональное воздействие могут оказать фотографии трупов, являющихся жертвами преступлений, при показе их на большом экране. Для минимизации тактического риска государственный обвинитель должен тщательно анализировать материалы уголовных дел при решении вопроса о способе их предъявления присяжным заседателям.

Как было отмечено выше, с тактических позиций одним из наиболее рискованных судебных действий является допрос. Это объясняется невозможностью достоверного прогнозирования поведения допрашиваемых лиц. Кроме того, отрицательный результат допроса может быть связан не только с умышленной дачей заведомо ложных показаний, но и с добросовестным заблуждением участников судопроизводства. Особенно эта проблема актуальна для судебного следствия, которое всегда находится во временном разрыве с преступными событиями.

Решение и тактической задачи «разоблачение заведомо ложных показаний», и тактической задачи «преодоление добросовестного заблуждения» возможно посредством применения тактического приема «предъявление доказательств». Однако следует учесть, что его успешное применение требует от государственного обвинителя постоянной оценки судебной ситуации в ходе допроса для определения правильного момента и последовательности предъявления доказательств, выбора наиболее точных комментариев, которые будут психологически воздействовать не только на допрашиваемое лицо, но и на присяжных заседателей.

Кроме того, для разоблачения заведомо ложных показаний в ходе допроса государственный обвинитель может использовать тактический приём ««использование фактора внезапности». Данное тактическое средство предполагает неожиданное озвучивание фактов или постановку вопросов, которые допрашиваемый не ожидал услышать, и при правильном его применении приводит к созданию обстановки сильного психического напряжения [16, с. 127]. Находясь в растерянном состоянии, допрашиваемый может непроизвольно проговориться об обстоятельствах, которые он планировал скрыть. Таким образом, положительным результатом применения рассматриваемого тактического приема будет являться получение достоверных показаний на судебном следствии.

Вместе с тем при принятии тактического решения о его реализации государственному обвинителю следует учесть и возможные негативные последствия. Допрашиваемое лицо может отреагировать агрессивно, заняв оборонительную позицию, что существенно затруднит его последующий допрос. Помимо этого, намеренное создание государственным обвинителем состояния психологического дискомфорта и стресса у допрашиваемого может привести к формированию у присяжных заседателей представления о нарушении этических границ и несоблюдении принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), что в последующем повлияет на содержание вердикта. Также имеется риск того, что при ответе на неожиданный вопрос допрашиваемый затронет обстоятельства, которые не могут обсуждаться в присутствии присяжных

заседателей, а это является одним из оснований для пересмотра вынесенного приговора. Так, в ходе допроса подсудимый заявил, что в ходе предварительного следствия сотрудники правоохранительных органов угрожали ему и применяли пытки, протокол допроса он подписал, так как его заставили, т.е. вопреки положениям, предусмотренным ст.ст. 334, 335 УПК РФ, довел до присяжных заседателей информацию, не подлежащую обсуждению в их присутствии. Это обстоятельство стало одним из оснований для отмены в апелляционном порядке приговора, вынесенного судом с участием присяжных заседателей [17, с. 5].

3. Тактика поддержания государственного обвинения в судебных прениях.

Тактика поддержания государственного обвинения в судебных прениях представляет собой совокупность профессиональных приёмов финального убеждения, базирующуюся на всестороннем анализе материалов судебного следствия. Прения сторон являются для государственного обвинителя последней процессуальной возможностью объединить доказательства в единую картину обвинения и представить суду аргументированные ответы на ключевые вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ).

В своей речи государственный обвинитель высказывает предложение о виде и размере наказания, при этом ссылаясь на принцип законности, справедливости и соразмерности, что сформирует у присяжных дополнительное понимание о предлагаемом наказании. При наличии нескольких подсудимых может применяться приём «дифференциация ответственности», когда наказание предлагается с учётом роли каждого из соучастников. В завершение обвинитель в краткой форме подводит итог выступления и формулирует просьбу к суду: признать подсудимого виновным и назначить справедливое наказание. На этапе судебных прений степень тактико-криминалистического риска будет ниже в сравнении с рассмотренными выше этапами судебного разбирательства, что связано с повышением степени информационной определенности после окончания судебного следствия. Однако вероятность наступления негативных последствий в результате неверного выбора операциональных тактико-криминалистических средств при выступлении с обвинительной речью или репликой, безусловно, будет сохраняться. Несмотря на итоги судебного следствия и наличие весомых улик, подтверждающих виновность подсудимого, менее убедительная речь стороны обвинения в сравнении с речью стороны защиты может повлечь вынесение коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта. Эффективность выступления в прениях обеспечивается преимущественно на стадии подготовки, которая предшествует непосредственному произнесению речи, но она обязательно должна корректироваться с учётом изменения судебной ситуации.

С нашей точки зрения, особенно действенным на этапе судебных прений будет применение государственным обвинителем тактического приема «реконструкция событий», который формирует структуру обвинительной речи и её направленность. На необходимость использования таких тактических приёмов обращал внимание и А.А. Корчагин, утверждая, что «одним из условий успешности поддержания государственного обвинения по делам об убийствах является использование государственным обвинителем при подготовке к судебному разбирательству метода реконструкции события преступления» [18, с. 15]. В своем выступлении обвинитель, основываясь на исследованных в судебном следствии доказательствах, последовательно излагает суду свое видение совершенного преступления. Таким образом, разрозненные фактические данные, следующие из материалов уголовного дела, сплетаются в непротиворечивую картину произошедшего события. Это помогает присяжным заседателям систематизировать большой объем информации, который был представлен им в ходе длительного судебного следствия, акцентировать их внимание на доказанности вины подсудимого и несостоятельности контраргументов стороны защиты. При этом важно избежать в речи обвинительного уклона, что предусматривает объективный и всесторонний подход при анализе имеющихся доказательств и обстоятельств преступления.

Усилить тактический потенциал рассмотренного выше приема позволит использование его в рамках тактической комбинации с тактическим приемом «нейтрализация доводов защиты», который заключается в разборе и опровержении наиболее вероятных возражений стороны защиты. Системные свойства тактико-криминалистических комплексов позволяют минимизировать тактико-криминалистический риск после применения одного тактического приема реализацией последующего, а тактический прием «реконструкция событий» целесообразно применять параллельно с принципом наглядности, напр., представить таблицу с группами доказательств по видам (показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства), после чего демонстрируется их место в общей доказательственной картине. При этом должен учитываться тактический риск наступления негативного результата при использовании средств визуализации и способы их минимизации, рассмотренные выше.

Представляет интерес использование в обвинительной речи тактического приема, именуемого «ложной привязкой», когда государственный обвинитель весомые и вызывающие доверие у присяжных заседателей выводы эксперта выдает за свои. Это усиливает его обвинительную речь в суде [18, с. 16]. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что если присяжные заседатели самостоятельно или с подачи стороны защиты распознают использование государственным обвинителем чужих умозаключений, это может, напротив, повлечь отрицательный результат. Присяжные заседатели воспримут это как манипуляцию и нарушение этических принципов, что приведёт к снижению доверия к государственному обвинителю.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей характеризуется высокой степенью тактико-криминалистического риска при выборе операциональных тактико-криминалистических средств. При этом с тактических позиций деятельность прокурорского работника будет характеризоваться специфическими особенностями, отличающими её от аналогичной деятельности при рассмотрении уголовного дела профессиональными судьями. Это обусловлено тем, что принятие неверного тактического решения будет сопровождаться не только наступлением негативных последствий в связи с неблагоприятным воздействием на сторону защиты, но и в связи с неблагоприятным воздействием на присяжных заседателей.

Список литературы:

1. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 506 с.
2. Антипова Н.Т. Государственное обвинение в суде: проблемы законодательного регулирования и практики: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 225 с.
3. Волнянская Л.Т. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. 266 с.
4. Зинченко П.И. Тактика производства допроса государственным обвинителем: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 224 с.
5. Кисленко С.Л. Концептуальные основы криминалистического обеспечения деятельности государственного обвинителя в суде первой инстанции: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2023. 513 с.
6. Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. 356 с.
7. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в Российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. 390 с.
8. Суд присяжных: итоги 2025 года и прогноз на 2026-й // Адвокатская газета.
9. Егоров К.С. Проблемы криминалистического обеспечения судебного следствия: дис. … канд. юрид. наук. М., 1994. 232 с.
10. Кудрявицкий А.С. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 228 с.
11. Маткова Н.В. Криминалистическая стратегия и тактика поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей: ситуационная обусловленность: дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2023. 252 с.
12. Симак А.И. Криминалистическое обеспечение судебного следствия по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 26 с.

13. Хорошева А.Е. Теоретико-методологические основы и практика криминалистического обеспечения судебного исследования преступлений: на примере деяний, связанных с причинением смерти: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2026. 655 с.
14. Князьков А.С., Шаталкина Н.А. Алгоритм принятия решения в ситуации тактико-криминалистического риска // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 48-55.
15. Холопов А.В. Криминалистическое обеспечение реализации принципа наглядности в судебных разбирательствах с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2018. № 2 (23).
16. Макаренко И.А. Проблемы допустимости психологического воздействия на несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 2. С. 127.
17. Апелляционное определение третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 27 апреля 2021 г. по делу № 55-142/2021. URL: https://3ap.sudrf.ru (дата обращения: 20.05.2026).
18. Корчагин А.А. Особенности тактики подготовки поддержания государственного обвинения в суде по делам об убийствах // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 1.

Kulaevskiy A.V., Shatalkina N.A., Bondarenko D. S. Tactical and forensic risk in supporting state prosecution in jury trial proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 505–511.

The article examines the specifics of tactical and forensic support for maintaining state prosecution in criminal proceedings involving a jury. Three key stages of the state prosecutor's activity are analyzed: preparation for the court session, participation in judicial examination, and participation in judicial debates. The high degree of tactical and forensic risk in selecting operational tactical and forensic means at each stage is substantiated. Algorithms for tactical decision-making under conditions of informational uncertainty are considered, as well as features of implementing the principle of visual presentation in submitting evidence to jurors, tactics of conducting examinations and judicial debates. Special attention is paid to the specifics of the impact of applied tactical techniques not only on the defense but also on jurors as non-professional participants in the trial.

Keywords: tactical and forensic risk; state prosecutor; jury trial; jurors; tactical techniques; principle of visual presentation; judicial debates; interrogation; tactical decisions; criminal proceedings.

Spisok literatur:

1.Knyaz`kov A.S. Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva: dis. … d-ra yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2014. 506 s.
2.Antipova N.T. Gosudarstvennoe obvinenie v sude: problemy zakonodatelnogo regulirovaniya i praktiki: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2004. 225 s.
3.Volnyanskaya L.T. Kriminalisticheskie aspekty` podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po delam o prestupleniyax nesovershennoletnix: dis. … kand. yurid. nauk. SPb., 2007. 266 s.
4.Zinchenko P.I. Taktika proizvodstva doprosa gosudarstvenny`m obvinitelem: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2011. 224 s.
5.Kislenko S.L. Konceptualnye osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya deyatelnosti gosudarstvennogo obvinitelya v sude pervoj instancii: dis. … d-ra yurid. nauk. Saratov, 2023. 513 s.
6.Korchagin A.Yu. Organizacionno-takticheskie i metodicheskie osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratelstva ugolovny`x del: dis. … d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2008. 356 s.
7.Ulyanov V.G. Gosudarstvennoe obvinenie v Rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: processualnye i kriminalisticheskie aspekty: dis. … d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2002. 390 s.
8.Sud prisyazhny`x: itogi 2025 goda i prognoz na 2026-j // Advokatskaya gazeta.
9.Egorov K.S. Problemy` kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo sledstviya: dis. … kand. yurid. nauk. M., 1994. 232 s.
10. Kudryaviczkij A.S. Operativno-rozysknoe i kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo razbiratelstva del o prestupleniyax, sovershaemyx organizovannymi prestupnymi soobshhestvami: dis. … kand. yurid. nauk. Tyumen`, 2011. 228 s.
11. Matkova N.V. Kriminalisticheskaya strategiya i taktika podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya v sude prisyazhnyx zasedatelej: situacionnaya obuslovlennost: dis. …kand. yurid. nauk. Kaliningrad,2023.252 s.
12. Simak A.I. Kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo sledstviya po ugolovny`m delam v sude pervoj instancii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2013. 26 s.
13. Xorosheva A.E. Teoretiko-metodologicheskie osnovy i praktika kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo issledovaniya prestuplenij: na primere deyanij, svyazannyx s prichineniem smerti: dis. … d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2026. 655 s.
14. Knyazkov A.S., Shatalkina N.A. Algoritm prinyatiya resheniya v situacii taktiko-kriminalisticheskogo riska // Yurist-Pravoved`. 2022. № 3 (102). S. 48-55.
15. Xolopov A.V. Kriminalisticheskoe obespechenie realizacii principa naglyadnosti v sudebnyx razbiratelstvax s uchastiem prisyazhny`x zasedatelej // KriminalistЪ. 2018. № 2 (23).
16. Makarenko I.A. Problemy dopustimosti psixologicheskogo vozdejstviya na nesovershennoletnix uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva//Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo».2011.
17. Apellyacionnoe opredelenie tret`ego apellyacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 27 aprelya 2021 g. po delu № 55-142/2021. URL: https://3ap.sudrf.ru (data obrashheniya: 20.05.2026).
18. Korchagin A.A. Osobennosti taktiki podgotovki podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya v sude po delam ob ubijstvax // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2011. № 1.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 512-516.

УДК 343.13

ЗАОЧНОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДЕЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Лукьянчикова Е. Ф., Кислицина И. Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ «БелГУ»

В статье исследуется институт заочного уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Раскрываются понятийные характеристики заочного рассмотрения уголовного дела, его соотношение с иными процессуальными формами, применяемыми при отсутствии подсудимого, а также место данного института в системе уголовно-процессуальных гарантий. Особое внимание уделяется изменениям, внесенным Федеральным законом от 21.04.2025 г. № 101-ФЗ, которым были расширены возможности заочного судебного разбирательства по ряду преступлений небольшой и средней тяжести. Анализируются доктринальные подходы к пониманию заочного производства, статистические данные о его распространенности, а также проблемные вопросы разграничения заочного разбирательства с иными случаями рассмотрения дела в отсутствие лица. В завершение формулируются предложения по совершенствованию законодательной регламентации данного института.

***Ключевые слова*:** уголовный процесс, заочное судопроизводство, судебное разбирательство в отсутствие подсудимого, заочный приговор, процессуальные гарантии, дифференциация уголовно-процессуальной формы, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого.

Конституционные начала равноправия участников процесса и состязательности сторон формируют рамку, внутри которой законодатель вправе устанавливать обоснованные исключения из общего требования о личном участии подсудимого в судебном разбирательстве. На отраслевом уровне это исключение оформлено ст. 247 УПК РФ: закрепляя явку обвиняемого как общее правило, норма одновременно очерчивает закрытый перечень ситуаций, при которых дело может рассматриваться без его присутствия [1].

По юридической природе заочная процедура — вынужденное отступление от обычного порядка судебного следствия, продиктованное поиском баланса между правом лица участвовать в заседании лично и публичным интересом довести дело до итогового решения в разумные сроки. Эту оговорку разделяют и другие авторы: институт нельзя считать рядовым или универсальным способом рассмотрения дел, он допустим только при прямо указанных в законе условиях [2, с. 38; 3, с. 12].

Интерес к заочному производству не ослабевает: сфера его применения расширяется, а споры о его правовой природе, допустимых пределах и системе гарантий продолжаются. Практика показывает, что от того, как урегулирован этот институт, зависят интересы сразу нескольких сторон — государства, потерпевшего и самого подсудимого, а значит, и качество нормативной проработки здесь особенно важно.

Институт заочного производства уже не раз оказывался в центре научных дискуссий. В работах отечественных процессуалистов рассматриваются дефиниция заочного разбирательства, его соотношение с иными формами судопроизводства и проблемы обеспечения прав участников процесса [2, с. 38; 3, с. 12; 4, с. 127–133]. Вместе с тем правовые новеллы, вступившие в силу в 2025 г., заново поставили вопрос о пределах допустимости заочного судебного разбирательства и о необходимости систематизации соответствующих норм [5; 6, с. 210–221]. Целью настоящего исследования является комплексное осмысление понятия, юридической природы и современного состояния российского заочного производства, а также разработка предложений по оптимизации его нормативной регламентации.

Методологический базис исследования составили как общенаучные, так и частнонаучные приёмы познания. Формально-юридический метод позволил проанализировать действующие предписания УПК РФ и Федерального закона, которым была изменена статья 247 УПК РФ. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления различных доктринальных подходов к пониманию заочного разбирательства. Историко-правовой подход дал возможность проследить эволюцию рас-

сматриваемого института с дореволюционного периода до современности. С помощью статистического метода были оценены данные о частоте применения заочного порядка. Системный анализ позволил определить место данного института в структуре уголовно-процессуальных форм.

В доктринальных источниках трактовка заочного производства не единообразна. Часть исследователей придерживается узкого подхода, понимая под ним исключительно судебное разбирательство уголовного дела в отсутствие подсудимого при наличии предусмотренных законом оснований [2, с. 38]. Другие авторы расширяют границы понятия, включая в него также некоторые досудебные процедуры, связанные с невозможностью личного участия лица [3, с. 12], но в системе действующего уголовно-процессуального закона стержневым, нормативно закреплённым воплощением заочности остаётся именно судебное разбирательство по правилам ст. 247 УПК РФ [1]. В узком смысле заочное производство правомерно определять, как особый процессуальный порядок рассмотрения уголовного дела по существу в отсутствие личного участия подсудимого, при котором суд постановляет итоговое решение на основе исследованных материалов и при соблюдении специальных гарантий защиты. Такая форма допустима исключительно в случаях, чётко указанных в уголовно-процессуальном законе, и не может применяться произвольно [1].

Из приведённого определения вытекают характерные признаки заочного судебного разбирательства. 1) Дело слушается без непосредственного участия подсудимого. 2) Отсутствие подсудимого не случайно и не связано с организационными накладками — оно вызвано либо его уклонением от явки, либо иными основаниями, прямо перечисленными в законе. 3) Утрату личного участия компенсирует набор дополнительных гарантий: обязательное участие защитника, предварительное судебное слушание, надлежащее извещение и особый порядок пересмотра решения. В-четвертых, итогом заочного разбирательства становится приговор или иное итоговое решение, которое при этом не теряет способности быть пересмотренным, если для этого соблюдены установленные законом условия.

Следует разграничивать заочное производство и иные ситуации, когда дело рассматривается в отсутствие подсудимого. Так, удаление подсудимого из зала судебного заседания за нарушение порядка представляет собой меру процессуального принуждения и не тождественно заочному рассмотрению дела. Аналогичным образом не следует смешивать заочное производство с особенностями рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних подсудимых: соответствующие правила направлены на обеспечение дополнительных гарантий и не подменяют общее правило личного участия подсудимого. Отдельно следует различать заочное разбирательство и производство по делу умершего лица. В последнем случае речь идет о самостоятельной процессуальной ситуации, возникающей в связи со смертью лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. По своей цели данная процедура может быть связана с вопросом реабилитации, однако не сводится к обычному заочному рассмотрению дела [7, с. 22–26; 8, с. 37–42].

Существенным этапом в развитии института заочного производства стало принятие Федерального закона от 21.04.2025 г. № 101-ФЗ «О внесении изменения в ст. 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5]. Указанным законом сфера применения заочного судебного разбирательства была расширена за счет включения в нее ряда специально поименованных составов преступлений небольшой и средней тяжести. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о полном и универсальном распространении заочного порядка на все преступления указанных категорий, а об избирательном расширении перечня деяний, по которым законодатель признал такую форму рассмотрения дела допустимой [5; 6, с. 210–221]. Т.е., новелла 2025 г. не изменила общий принцип, согласно которому заочное разбирательство является исключением, но существенно увеличила число случаев, когда это исключение может быть применено.

Законодательная мотивация данного решения связана с необходимостью более эффективного реагирования на преступления, имеющие повышенную общественную значимость, а также с задачей предотвращения затягивания судебного разбира-

тельства в случаях, когда подсудимый уклоняется от участия в процессе. Вместе с тем расширение заочного порядка закономерно усилило дискуссию о его допустимых пределах и о достаточности существующих гарантий права на защиту.

В научной литературе справедливо подчеркивается необходимость четкого разграничения заочного производства и иных процессуальных конструкций, при которых подсудимый не присутствует в судебном заседании. Значение этого разграничения не сводится к теории: от него зависят объём прав лица, порядок самого разбирательства и то, можно ли впоследствии пересмотреть решение. Речь идёт о следующих ситуациях: временное отсутствие подсудимого по причинам, никак не связанным с уклонением от явки; удаление подсудимого из зала заседания за нарушение порядка; производство по делу умершего лица; особый порядок рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних. Общий знаменатель у этих случаев один — подсудимого нет в зале суда. А вот причины отсутствия разные: где-то это результат поведения самого лица, где-то — его смерть, где-то — меры по поддержанию порядка в заседании или гарантии, связанные с возрастом обвиняемого.

Разграничивать эти формы удобнее всего по двум критериям: по причине отсутствия лица и по тому, сохраняется ли у него право на очное участие в дальнейшем разбирательстве или на пересмотр решения из-за своего неучастия в процессе.

Место заочного производства в системе уголовно-процессуальных форм оценивается по-разному. Одни относят его к упрощённым процедурам: раз подсудимого нет, объективно сокращается и объём непосредственного исследования доказательств [4, с. 127–133]. Другие видят в нём, напротив, форму с повышенными гарантиями — ведь суд обязан задействовать расширенный набор механизмов защиты прав отсутствующего [2, с. 38; 3, с. 12]. Разбирательство по ст. 247 УПК РФ правильнее квалифицировать как обособленную уголовно-процессуальную форму, в которой отступление от принципа личного участия подсудимого сочетается с комплексом усиленных гарантий. Ни к ординарной процедуре, ни к ускоренным производствам его не отнести: у него свои условия допустимости, собственный алгоритм реализации и особые правовые последствия для пересмотра итогового акта [1; 2, с. 38; 3, с. 12]. В пользу этого вывода можно привести несколько доводов. Заочный порядок запускается только при наступлении строго определённых законом юридических фактов, а участие защитника в нём обязательно. Суд при этом должен не просто известить лицо, а проверить обстоятельства, объективно исключающие его присутствие в заседании. И наконец, законодатель отдельно предусмотрел основания для отмены или пересмотра итогового решения — на случай, если подсудимый всё же явится или докажет уважительность причин своего отсутствия. Поэтому сводить заочное разбирательство к упрощённой модели судопроизводства неверно. Это самостоятельная правовая конструкция: сужение одной гарантии здесь компенсируется усилением других — прежде всего роли защитника и дополнительных контрольных механизмов.

Институт заочного рассмотрения уголовных дел для отечественного правопорядка не нов. Ещё дореволюционное законодательство допускало отдельные формы разбирательства в отсутствие обвиняемого, хотя и ограничивало их делами небольшой тяжести и рядом иных условий [9]. Тем самым законодатель уже тогда исходил из необходимости соразмерного подхода к допустимости заочного разбирательства. Уголовно-процессуальное законодательство советского периода также не знало заочного производства в современном виде. Рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого допускалось в строго ограниченных случаях и, как правило, при нахождении лица за пределами страны либо при его уклонении от явки. При этом современная модель заочного производства существенно отличается от прежних подходов как по основаниям применения, так и по системе процессуальных гарантий [10].

Историческая эволюция института позволяет сделать вывод, что заочное разбирательство традиционно воспринималось как исключение, а не как общее правило. Вместе с тем изменение общественных условий, развитие трансграничной преступности, необходимость обеспечения разумных сроков судопроизводства и защита публичных интересов обусловили постепенное расширение его применения.

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов остается соотношение заочного разбирательства с правом на личное участие в судебном процессе. С одной стороны, право лица присутствовать при рассмотрении собственного дела является важнейшей гарантией справедливого судебного разбирательства. С другой стороны, государство не может быть полностью лишено возможности разрешать уголовно-правовой спор в случаях, когда подсудимый сознательно уклоняется от явки. В этой связи важно учитывать, что расширение заочного порядка не должно приводить к ослаблению гарантий права на защиту. Напротив, чем шире сфера его применения, тем более строгими должны быть требования к извещению, проверке причин неявки, участию защитника и последующему пересмотру судебного решения. Особого внимания заслуживает проблема производства по делу умершего лица. Действующее регулирование не во всех деталях отвечает потребностям практики, особенно в части круга лиц, которые вправе ходатайствовать о продолжении производства в целях реабилитации умершего. Представляется, что законодательное уточнение этого вопроса позволило бы устранить неопределенность и обеспечить более полную защиту чести, достоинства и доброго имени умершего лица [7, с. 22–26; 8, с. 37–42]. Вопросы цифровизации уголовного процесса также косвенно связаны с проблематикой заочного производства. Однако использование видео-конференц-связи не тождественно заочному разбирательству, поскольку в данном случае подсудимый участвует в заседании дистанционно, а не отсутствует в нем полностью. Следовательно, дистанционные формы участия не отменяют различий между очным, дистанционным и заочным разбирательством.

По результатам исследования представляется возможным сформулировать следующие предложения. 1) Целесообразно более последовательно систематизировать нормы о заочном судебном разбирательстве в УПК РФ, чтобы устранить фрагментарность регулирования и упростить применение соответствующих положений на практике [3, с. 12; 4, с. 127–133]. 2) Следует рассмотреть возможность расширения обязательного участия защитника на все случаи рассмотрения дела в отсутствие подсудимого, поскольку именно защитник обеспечивает компенсацию отсутствия личного участия обвиняемого в процессе. 3) Представляется обоснованным закрепить обязанность разъяснять обвиняемому при завершении предварительного расследования его право заявить ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие в тех случаях, когда это допускается законом. 4). Целесообразно обсудить возможность более раннего заявления подсудимым ходатайства о рассмотрении дела в его отсутствие, в том числе на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, если это не противоречит общей логике судебного разбирательства и не снижает уровень гарантий защиты. 5) Необходимо уточнить круг лиц, которые вправе инициировать продолжение производства по делу умершего лица в целях его реабилитации, чтобы исключить неопределенность и обеспечить защиту нематериальных благ умершего лица [7, с. 22–26; 8, с. 37–42]. 6) Требует дальнейшего обсуждения вопрос о границах допустимости заочного рассмотрения по делам небольшой и средней тяжести, а также о том, не нуждается ли действующий перечень таких составов в дополнительной корректировке с учетом практики правоприменения [5].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что заочное судебное разбирательство в российском уголовном процессе представляет собой исключение из общего правила обязательного участия подсудимого, но при этом является самостоятельной уголовно-процессуальной формой, основанной на специальных условиях допуска и усиленных гарантиях прав участников процесса. Расширение сферы его применения, произошедшее после внесения изменений в ст. 247 УПК РФ, актуализировало вопросы о балансе между эффективностью правосудия и правом личности на личное участие в рассмотрении дела.

Действующее регулирование в целом сохраняет системную логику, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании. В особенности это касается вопросов систематизации нормативного материала, уточнения процессуальных механизмов заявления и рассмотрения ходатайств, а также более четкого разграничения заочного разбирательства с иными формами рассмотрения дела в отсутствие лица. Решение

этих задач позволит повысить правовую определенность, обеспечить единообразие правоприменения и укрепить гарантии справедливого судебного разбирательства.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 211 с.
3. Тукиев А.С. Проблемы процессуальной формы заочного уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Караганда, 2005. — 30 с.
4. Трубникова Т.В. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого (заочное производство) в системе упрощенных судебных уголовно-процессуальных производств РФ // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 315. — С. 127–133.
5. О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации.
6. Попова И.П. Итоговые процессуальные решения, принимаемые в отсутствие обвиняемого // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — № 3 (31). — С. 210–221.
7. Попова И.П. Итоговые процессуальные решения по уголовному делу в отношении умершего // Мировой судья. — 2025. — № 1. — С. 22–26.
8. Аширбекова М.Т., Попова Л.В., Шаутаева Г.Х. Некоторые вопросы досудебного производства в отношении умершего лица, подлежавшего уголовному преследованию // Уголовное судопроизводство. — 2023. — № 2. — С. 37–42.
9. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // СПС «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения: 29.06.2026).
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. 27 октября 1960 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Kislitsina I. N., Lukyanchikova E.F Cybersecurity enforcement through biometric authentication // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 512-516.

The article examines the institution of proceedings in absentia in criminal cases within the Russian Federation. It reveals the conceptual characteristics of the trial in absentia, its correlation with other procedural forms applied in the absence of the defendant, and the role of this institution in the system of criminal procedural safeguards. Special attention is paid to the amendments introduced by Federal Law No. 101-FZ of April 21, 2025, which expanded the possibilities of trial in absentia for a number of minor and moderate gravity crimes. The author analyzes doctrinal approaches to understanding proceedings in absentia, statistical data on its prevalence, and problematic issues regarding the distinction between a trial in absentia and other cases of examining a case in a person's absence. In conclusion, proposals are formulated to improve the legislative regulation of this institution.

Keywords: criminal procedure, proceedings in absentia, trial in the absence of the defendant, judgment in absentia, procedural safeguards, differentiation of the criminal procedural form, examination of a criminal case in the absence of the defendant.

Spisok literatury:

1. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 04.08.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. — 2001. — № 52. — St. 4921.
2. Benderskaya E.G. Rassmotrenie ugolovnogo dela v otsutstvie podsudimogo : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 211 s.
3. Tukiev A.S. Problemy protsessual'noy formy zaochnogo ugolovnogo sudoproizvodstva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Karaganda, 2005. — 30 s.
4. Trubnikova T.V. Rassmotrenie dela v otsutstvie podsudimogo (zaochnoe proizvodstvo) v sisteme uproshchennykh sudebnykh ugolovno-protsessual'nykh proizvodstv RF // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2008. — № 315. — S. 127–133.
5. O vnesenii izmeneniya v stat'yu 247 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon ot 21 aprelya 2025 g. № 101-FZ // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504210030
6. Popova I.P. Itogovye protsessual'nye resheniya, prinimaemye v otsutstvie obvinyaemogo // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. — 2024. — № 3 (31). — S. 210–221.
7. Popova I.P. Itogovye protsessual'nye resheniya po ugolovnomu delu v otnoshenii umershego // Mirovoy sud'ya. — 2025. — № 1. — S. 22–26.
8. Ashirbekova M.T., Popova L.V., Shautaeva G.Kh. Nekotorye voprosy dosudebnogo proizvodstva v otnoshenii umershego litsa, podlezhavshego ugolovnomu presledovaniyu // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. — 2023. — № 2. — S. 37–42.
9. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 goda // SPS «Garant». – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (data obrashcheniya: 29.06.2026).
10. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR : utv. 27 oktyabrya 1960 g. // SPS «Konsul'tantPlyus».

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 516-.

УДК 343.2

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОСОБЫЙ ПЕРИОД

Новокшонов Д. В.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Статья посвящена анализу формирующегося направления уголовной политики Российской Федерации, обеспечению безопасности в сфере использования технологий искусственного интеллекта. Автор исследует новые угрозы национальной безопасности, возникающие в связи с развитием и распространением ИИ-технологий, и обосновывает необходимость концептуального осмысления места уголовно-правовых средств в системе противодействия этим угрозам. Анализируются пробелы действующего уголовного законодательства, не адаптированного к реалиям цифровой эпохи. Обосновывается авторская концепция формирования самостоятельного направления уголовной политики, уголовно-правового обеспечения безопасности в сфере ИИ. Особое внимание уделено угрозам, возникающим в особый период, и проблемам уголовно-правовой оценки преступлений против военной службы, совершаемых с использованием ИИ-систем или в отношении них.

Ключевые слова: уголовная политика, национальная безопасность, искусственный интеллект, особый период, военная безопасность, преступления против военной службы

Развитие технологий искусственного интеллекта в последние годы приобрело характер системного фактора, преобразующего все сферы общественной жизни, от экономики и государственного управления до обороны и безопасности. Согласно данным Совета Безопасности РФ, количество противоправных посягательств в сфере информационно-коммуникационных технологий остается стабильно высоким, что требует адекватного правового реагирования. Правительство России утвердило концепцию госсистемы противодействия преступлениям, совершаемым с помощью информационно-коммуникационных технологий, что свидетельствует о признании государством масштаба новой угрозы.

Вместе с тем уголовная политика в сфере обеспечения национальной безопасности традиционно реагирует на угрозы постфактум, тогда как технологии ИИ развиваются опережающими темпами. Это порождает фундаментальный разрыв между динамикой технологических процессов и скоростью законодательного реагирования. Цифровизация права затрагивает и изменяет не только инструменты преступлений, но и саму логику уголовного права, поскольку новое уголовное право защищает контроль над инфраструктурами, данными, платформами, токенами, алгоритмами [4, с. 283]. Относительно недавно в России в правоохранительную сферу была внедрена система «Криминалист». В ней ИИ, используя собственные алгоритмы, проводит анализ и обработку большого объема данных как из открытых источников информации (социальные сети, интернет, средства массовой информации и т. д.), так и из баз данных российских правоохранительных структур и федеральных служб (МВД, ФСБ, СК, ФНС, ФСИН и др.). После чего система способна выявить потенциальных преступников, криминальные группировки и места совершения преступлений [6, с. 49].

Национальная безопасность в современных условиях представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую защищенность интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Специальная военная операция выявила новые угрозы, которые не укладываются в классические представления о безопасности мирного времени. Однако параллельно с военными угрозами формируется принципиально иной класс угроз, связанных с технологическим развитием, прежде всего с распространением технологий искусственного интеллекта. Анализ современных исследований позволяет выделить несколько категорий угроз национальной безопасности, связанных с ИИ. Первая

категория, это угрозы, возникающие в результате криминального использования ИИ. Речь идет о применении технологий машинного обучения для совершения киберпреступлений, распространения дезинформации, создания автономных систем вооружения, способных действовать без контроля человека. Действующие нормы УК РФ, в частности гл. 28, не в полной мере приспособлены для квалификации автономных действий ИИ-систем. В.Д. Пристансков, А.Г. Харатишвили, Ю.А. Евстратова по этому поводу пишут: «назрела необходимость на законодательном уровне закрепить содержание понятия «специальные знания» и подготовить нормативно-правовую базу для новой формы специальных знаний – искусственного интеллекта, используемого в следственной деятельности. Искусственный интеллект имеет огромный потенциал в повышении эффективности деятельности следователя, экспертов и специалистов в рамках расследуемого уголовного дела. Применение искусственного интеллекта позволяет повысить качество и оптимизировать сроки расследования» [3, с. 594].

2-я категория угроз связана с использованием ИИ в интересах иностранных государств и организаций для подрыва основ конституционного строя, обороноспособности и безопасности РФ. Кибератаки на критическую инфраструктуру, системы государственного управления, объекты оборонно-промышленного комплекса с использованием ИИ приобретают качественно новый характер, поскольку позволяют противнику действовать анонимно, масштабно и с минимальными издержками. В Стратегии национальной безопасности в числе задач в целях обеспечения государственной и общественной безопасности прямо называется «снижение уровня криминализации общественных отношений», что предполагает необходимость превентивного уголовно-правового реагирования на технологические угрозы [9, с. 30]. 3-я категория, угрозы, связанные с неконтролируемым распространением технологий ИИ в сферах, критически важных для безопасности г-ва. Речь идет о военных применениях, системах принятия решений в правоохранительной деятельности, критической инфраструктуре. Отсутствие правовых механизмов контроля за разработкой и оборотом таких технологий создает предпосылки для их попадания в распоряжение преступных сообществ, террористических организаций и иностранных спецслужб [10, с. 33].

Самостоятельную категорию образуют угрозы военной безопасности в особый период. Технологии ИИ применяются для управления автономными системами вооружения, обработки разведданных, целеуказания, радиоэлектронной борьбы и информационно-психологических операций. В условиях мобилизации, военного положения и военного времени возрастают риски: несанкционированного применения ИИ-систем военного назначения; нарушения правил эксплуатации таких систем военнослужащими; использования ИИ для склонения военнослужащих к совершению преступлений против военной службы; кибервоздействия на АСУ, системы связи и военную инфраструктуру.

Это создаёт угрозу совершения деяний, предусмотренных гл. 33 УК РФ, в частности нарушения правил несения боевого дежурства, караульной и пограничной службы, самовольного оставления части, дезертирства. Новых деяний, таких как несанкционированного применения автономных систем вооружения и нарушения правил эксплуатации ИИ военного назначения [12, с. 65].

Особого внимания заслуживает проблема использования ИИ для вовлечения граждан, в том числе несовершеннолетних, в противоправную деятельность. Как показывает практика, злоумышленники активно используют цифровые технологии для склонения подростков к совершению диверсий, террористических актов и иных преступлений против безопасности государства. Федеральным законом внесены изменения, направленные на усиление ответственности за вовлечение граждан в противоправную деятельность посредством сети Интернет и телефонного мошенничества. Однако эти меры носят энергичный характер и не формируют системного заслона против технологически изощренных форм криминального

воздействия [11, с. 50]. Действующее уголовное законодательство РФ не содержит системного подхода к противодействию угрозам, связанным с использованием искусственного интеллекта. Его анализ позволяет выделить несколько пробелов.

1) Отсутствие специальных составов преступлений, непосредственно связанных с ИИ. Гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» была сформирована в эпоху, когда технологии ИИ не получили широкого распространения. Ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) и ст. 274 УК РФ (нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации) не учитывают специфику автономных систем, способных к самообучению и принятию решений без непосредственного участия человека. Действующие нормы УК РФ недостаточны для квалификации автономных действий ИИ, что требует введения новых составов.

2) Неадаптированность общих институтов уголовного права к реалиям ИИ-опосредованных деяний. Вопрос о субъекте преступления остается открытым. Может ли автономная ИИ-система рассматриваться как орудие преступления, или же требуется введение спецправил вменения для разработчиков, операторов и владельцев таких систем. Институт соучастия также не учитывает возможности координации преступных действий несколькими ИИ-агентами или использования ИИ для распределения ролей между исполнителями. Противоречивость законодательных решений способна создавать непреодолимые препятствия для квалификации и потому требует устранения самим законодателем [7, с. 214].

3) Отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от характера использования ИИ. Действующее законодательство не разграничивает использование ИИ в качестве средства совершения преступления, в качестве объекта посягательства и в качестве источника повышенной опасности. Между тем такая дифференциация принципиально важна для определения пределов криминализации и назначения соразмерного наказания.

4) Фрагментарность законодательного регулирования. Поправки в УК РФ, связанные с цифровыми технологиями, носят точечный характер и не образуют системы. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ внес изменения в отдельные законодательные акты, однако они не сформировали целостного правового режима противодействия технологическим угрозам. Принятие концепции госсистемы противодействия преступлениям, совершаемым с помощью информационно-коммуникационных технологий, свидетельствует о признании проблемы, но не решает ее уголовно-правовыми средствами.

5) Отсутствие механизмов оценки криминогенного потенциала новых технологий. Уголовная политика должна обладать прогностической функцией, позволяющей выявлять угрозы на ранних стадиях их формирования. Однако действующая система криминологической экспертизы законопроектов не включает оценку технологических рисков, что создает предпосылки для запоздалого реагирования на качественно новые вызовы.

6) Отсутствие военно-уголовного сегмента. Гл 33 УК РФ не учитывает специфику ИИ-систем военного назначения и особенности особого периода. Действующие нормы о преступлениях против военной службы не рассчитаны на автономные и самообучающиеся системы, что создаёт разрыв между военно-технологической реальностью и уголовно-правовым регулированием [5, с. 239].

Формирование уголовной политики в сфере обеспечения безопасности искусственного интеллекта требует концептуального осмысления. Представляется обоснованным выделение самостоятельного направления уголовной политики, уголовно-правового обеспечения безопасности в сфере ИИ, которое не отменяет, но дополняет существующую структуру уголовной политики [13, с. 39].

Под уголовно-правовым обеспечением безопасности в сфере искусственного интеллекта следует понимать систему приоритетов, целей и средств уголовно-правового регулирования, направленных на защиту интересов личности, общества и государства от угроз, связанных с созданием, распространением и использованием технологий ИИ. Данное направление обладает собственной структурой, включающей, криминализацию общественно опасных деяний, связанных с ИИ; дифференциацию ответственности в зависимости от характера использования технологий; формирование специальных оснований освобождения от ответственности для лиц, способствующих выявлению и пресечению ИИ-преступлений; создание механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия трансграничным технологическим угрозам [15, с. 11].

Уголовно-правовая политика в особый период трансформируется из сервисного в мобилизационный регулятор. Аналогичная трансформация происходит и в сфере цифровой безопасности, уголовное право перестает быть исключительно охранительным инструментом и приобретает черты регулятора, определяющего допустимые границы технологического развития. Вместе с тем, как подчеркивает Д.Н. Никеров: «уголовно-правовая реакция на внутренние и внешние угрозы может быть оправданной и необходимой лишь постольку, поскольку она сохраняет связь с общей системой охранительных задач уголовного права» [2, с. 581].

Принципиальное значение имеет вопрос о пределах криминализации. Расширение уголовного закона в сфере ИИ сопряжено с рисками необоснованного ограничения свободы научного и технологического творчества, сдерживания инновационного развития и создания барьеров для международного сотрудничества. В исследованиях, посвященных цифровой безопасности, конфликт между традиционными подходами уголовного права и новыми технологическими реалиями требует поиска баланса между охранительной функцией и обеспечением условий для развития [14, с. 153]. Думается, что криминализация должна быть избирательной и основываться на критерии общественной опасности деяния, а не на самом факте использования технологии. Использование ИИ в преступных целях не создает нового качества общественной опасности, а лишь повышает ее степень, что должно учитываться при дифференциации ответственности и назначении наказания, но не обязательно требовать введения специальных составов. Напротив, создание автономных систем, способных причинять существенный вред без контроля человека, представляет собой качественно новую угрозу, требующую самостоятельной уголовно-правовой оценки.

С учетом изложенного следует возможным сформулировать следующие направления совершенствования уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности ИИ. Введение специальных составов преступлений, связанных с созданием, распространением и использованием ИИ-систем, представляющих повышенную общественную опасность. В частности, целесообразно дополнить гл. 28 УК РФ ст., предусматривающей ответственность за создание вредоносной системы ИИ, заведомо предназначенной для совершения преступлений против основ конституционного строя, обороноспособности или безопасности государства. Квалифицирующим признаком может выступать наступление тяжких последствий в результате автономного функционирования такой системы. Дифференциация ответственности в зависимости от роли субъекта в создании и использовании ИИ-систем. Разработчик, оператор, владелец и пользователь должны нести ответственность в различных объемах и пределах. Ответственность разработчика должна наступать за создание системы, заведомо предназначенной для противоправного использования, либо за необеспечение должного контроля за ее функционированием, повлекшее общественно опасные последствия. Ответственность оператора, за ненадлежащую эксплуатацию системы, повлекшую причинение вреда. Такая дифференциация позволит избежать необоснованного привлечения к ответственности лиц, добросовестно осуществляющих

технологическую деятельность. Формирование специального основания освобождения от уголовной ответственности для лиц, способствовавших выявлению и пресечению преступлений, связанных с ИИ. По аналогии с примечаниями к ст. 205, 206 УК РФ, предусматривающими освобождение от ответственности при добровольном сообщении о преступлении, целесообразно установить специальное основание для лиц, сообщивших о создании или использовании вредоносных ИИ-систем и способствовавших их нейтрализации. Это создаст стимулы для раннего выявления технологических угроз.

Совершенствование института соучастия с учетом специфики ИИ-опосредованных деяний. Необходимо законодательно закрепить правила вменения для случаев, когда преступление совершено с использованием автономной ИИ-системы несколькими лицами, каждый из которых внес свой вклад в создание или функционирование системы. Это потребует уточнения понятий «исполнитель», «организатор» и «пособник» применительно к технологическим преступлениям.

Разработка механизмов криминологической экспертизы технологических проектов в сфере ИИ. Думается целесообразным дополнить систему оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов обязательной криминологической экспертизой технологических рисков. Это позволит выявлять потенциальные угрозы на стадии разработки и внедрения технологий, не дожидаясь их криминализации на практике. Развитие международного сотрудничества в сфере противодействия трансграничным ИИ-угрозам. Сотрудничество государств, участников ОДКБ по гармонизации уголовного законодательства в области противодействия киберпреступности, в том числе с учетом развития ИИ-технологий, является необходимым условием эффективного противодействия. Представляется целесообразным инициировать разработку модельного закона об уголовно-правовом противодействии преступлениям, совершаемым с использованием ИИ, в рамках интеграционных объединений.

Дополнить гл. 33 УК РФ специальной нормой об ответственности за нарушение правил создания, эксплуатации и применения систем искусственного интеллекта военного назначения. Квалифицирующим признаком следует признать совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время, а также наступление тяжких последствий. Специальным субъектом могут выступать военнослужащие-операторы, должностные лица, а также разработчики по государственному оборонному заказу. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения. Развитие технологий ИИ формирует качественно новый класс угроз национальной безопасности, которые не укладываются в традиционные представления о безопасности мирного времени и требуют концептуального осмысления в рамках уголовной политики. Действующее уголовное законодательство РФ не содержит системного подхода к противодействию угрозам, связанным с использованием ИИ. Пробелы носят многоуровневый характер, от отсутствия специальных составов до неадаптированности общих институтов уголовного права.

Предлагается выделить самостоятельное направление уголовной политики, уголовно-правовое обеспечение безопасности в сфере ИИ, которое дополняет существующую структуру и отражает специфику технологических угроз.

Криминализация общественно опасных деяний, связанных с ИИ, должна быть избирательной и основываться на критерии общественной опасности, а не на самом факте использования технологии. Дифференциация ответственности разработчиков, операторов и пользователей ИИ-систем позволит избежать необоснованного ограничения технологической деятельности. Уголовная политика в сфере ИИ в особый период приобретает мобилизационный характер. Она должна обеспечивать приоритетную защиту военной безопасности, не отказываясь при этом от принципов соразмерности и избирательной криминализации.

Прогноз развития уголовной политики в сфере обеспечения безопасности ИИ зависит от сценариев технологического развития и геополитической обстановки. При оптимистическом сценарии возможно формирование сбалансированной системы правового регулирования, сочетающей охранительные и стимулирующие начала. При нарастании технологических угроз вероятно дальнейшее расширение уголовно-правового воздействия и ужесточение ответственности. В любом случае требуется разработка концептуальных основ уголовной политики в сфере цифровой безопасности, определяющих пределы, принципы и приоритеты уголовно-правового воздействия на технологические угрозы.

Список литературы:

1. Козин М.Н. Искусственный интеллект в обеспечении национальной безопасности / М.Н. Козин, А.Б. Федотов // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. – 2023. – № 2. – С. 76-86.
2. Никеров Д.М. Искусственный интеллект, как актуальная угроза национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 578-581.
3. Пристансков В.Д. Искусственный интеллект - новая форма использования специальных знаний в расследовании и раскрытии киберпреступлений / В.Д. Пристансков, А.Г. Харатишвили, Ю.А. Евстратова // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 586-596.
4. Сальников В.П. Уголовная и уголовно-процессуальная политика / В. П. Сальников, С. И. Захарцев, М. В. Сальников // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3(35). – С. 260-283.
5. Семенова И.В. Концептуальные положения противодействия преступлениям в сфере цифровой информации и систем её передачи / И. В. Семенова. – Санкт-Петербург : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – 310 с.
6. Сидоренко Н.В. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности / Н. В. Сидоренко, А. А. Гнездилов //Вестник Барнаульского юридического института МВД России.2025.№2(49).С. 48-51.
7. Степаненко Д.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д.А. Степаненко, Д.В. Бахтеев, Ю.А. Евстратова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 206-214.
8. Соляков В.Е. Использование искусственного интеллекта в ходе раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности / В.Е. Соляков, Ю.А. Евстратова, Д.В. Новокшонов // Перспективы развития войск национальной гвардии на современном этапе: Сборник материалов круглого стола, Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург - Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – С. 106-111.
9. Горохова С.С. Искусственный интеллект в контексте обеспечения национальной безопасности // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2020. – № 3. – С. 15-31.
10. Семенова И.В. Возможности и потенциал использования искусственного интеллекта в различных отраслях / И. В. Семенова // Российский следователь. – 2025. – № 2. – С. 30-34.
11. Сергеев М.М. Проблемы правового регулирования технологий искусственного интеллекта в ходе вооруженных конфликтов // Современное право. – 2025. – № 3. – С. 46-50.
12. Шеншин В.М. Об уголовно-правовой характеристике воинских преступлений / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2026. – № 3. – С. 61-66.
13. Глухов Е.А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. – 2024. – № 9(169). – С. 30-40.
14. Бодаевский В.П. Формирование уголовного права военного времени / В. П. Бодаевский // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т.17,№2. С. 128-154.
15. Петухов Н.А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12.

Novokshonov D.V. Artificial intelligence as an object of criminal policy in the national security system in a special period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 516-

The article is devoted to an analysis of the emerging direction of the criminal policy of the Russian Federation and ensuring security in the field of using artificial intelligence technologies. The author examines new threats to national security arising from the development and spread of AI technologies and substantiates the need for a conceptual understanding of the place of criminal law tools in the system of countering these threats. Gaps in the current criminal legislation, which is not adapted to the realities of the digital age, are analysed. The gaps in the current criminal legislation, which has not been adapted to the realities of the digital age, are analysed. The author’s concept of forming an independent direction in criminal policy and in the criminal‑legal provision of security in the field of AI is substantiated. Special attention is paid to the threats that arise during a special period and to the problems of criminal‑legal assessment of crimes against military service committed using AI systems or against them.

Keywords: criminal policy, national security, artificial intelligence, special period, military security, crimes against military service.

Spisok istochnikov:

1. Kozin M.N. Iskusstvenny`j intellekt v obespechenii nacional`noj bezopasnosti / M.N. Kozin, A.B. Fedotov // Nauchny`j vestnik oboronno-promy`shlennogo kompleksa Rossii. – 2023. – № 2. – S. 76-86.
2. Nikerov D.M. Iskusstvenny`j intellekt, kak aktual`naya ugroza nacional`noj bezopasnosti / D.M. Nikerov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – № 6. – S. 578-581.
3. Pristanskov V.D. Iskusstvenny`j intellekt - novaya forma ispol`zovaniya special`ny`x znanij v rassledovanii i raskry`tii kiberprestuplenij / V.D. Pristanskov, A.G. Xaratishvili, Yu.A. Evstratova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2023. – T. 17, № 6. – S. 586-596.
4. Sal`nikov V.P. Ugolovnaya i ugolovno-processual`naya politika / V. P. Sal`nikov, S. I. Zaxarcev, M. V. Sal`nikov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2016. – № 3(35). – S. 260-283.
5. Semenova I.V. Konceptual`ny`e polozheniya protivodejstviya prestupleniyam v sfere cifrovoj informacii i sistem eyo peredachi / I. V. Semenova. – Sankt-Peterburg : Voennaya ordena Zhukova akademiya vojsk nacional`noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2025. – 310 s.
6. Sidorenko N.V. Iskusstvenny`j intellekt v pravooxranitel`noj deyatel`nosti/N.V.Sidorenko, A.A. Gnezdilov // Vestnik Barnaul`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. №2(49). S. 48-51.
7. Stepanenko D.A. Ispol`zovanie sistem iskusstvennogo intellekta v pravooxranitel`noj deyatel`nosti / D.A. Stepanenko, D.V. Baxteev, Yu.A. Evstratova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – T. 14, № 2. – S. 206-214.
8. Solyakov V.E. Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta v xode raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij e`kstremistskoj napravlennosti / V.E. Solyakov, Yu.A. Evstratova, D.V. Novokshonov // Perspektivy` razvitiya vojsk nacional`noj gvardii na sovremennom e`tape: Sbornik materialov kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 27 aprelya 2022 goda. – Sankt-Peterburg - Belgorod: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu E`picentr, 2022. – S. 106-111.
9. Goroxova S.S. Iskusstvenny`j intellekt v kontekste obespecheniya nacional`noj bezopasnosti / S. S. Goroxova // Nacional`naya bezopasnost` / Nota Bene. – 2020. – № 3. – S. 15-31.
10. Semenova I.V. Vozmozhnosti i potencial ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v razlichny`x otraslyax / I. V. Semenova // Rossijskij sledovatel`. – 2025. – № 2. – S. 30-34.
11. Sergeev M.M. Problemy` pravovogo regulirovaniya texnologij iskusstvennogo intellekta v xode vooruzhenny`x konfliktov / M. M. Sergeev // Sovremennoe pravo. – 2025. – № 3. – S. 46-50.
12. Shenshin V.M. Ob ugolovno-pravovoj xarakteristike voinskix prestuplenij / V. M. Shenshin // Rossijskij sledovatel`. – 2026. – № 3. – S. 61-66.
13. Gluxov E.A. Publichnoe opravdanie terrorizma: napravlennost` umy`sla, celej i samoocenka so storony` prestupnika / E. A. Gluxov // Ugolovnoe pravo. – 2024. – № 9(169). – S. 30-40.
14. Bodaevskij V.P. Formirovanie ugolovnogo prava voennogo vremeni / V. P. Bodaevskij // Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. – 2022. – T. 17, № 2. – S. 128-154.
15. Petuxov N.A. Primenenie ugolovnoj politiki Rossii na voenno-sluzhebny`x otnosheniyax: puti vy`xoda i dal`nejshie napravleniya normativno-pravovogo regulirovaniya//Voenno-yuridicheskij zhurnal.2016.№1.S.7.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 516-530.

УДК 343.2

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОСОБЫЙ ПЕРИОД

Новокшонов Д. В.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Статья посвящена анализу формирующегося направления уголовной политики Российской Федерации, обеспечению безопасности в сфере использования технологий искусственного интеллекта. Автор исследует новые угрозы национальной безопасности, возникающие в связи с развитием и распространением ИИ-технологий, и обосновывает необходимость концептуального осмысления места уголовно-правовых средств в системе противодействия этим угрозам. Анализируются пробелы действующего уголовного законодательства, не адаптированного к реалиям цифровой эпохи. Обосновывается авторская концепция формирования самостоятельного направления уголовной политики, уголовно-правового обеспечения безопасности в сфере ИИ. Особое внимание уделено угрозам, возникающим в особый период, и проблемам уголовно-правовой оценки преступлений против военной службы, совершаемых с использованием ИИ-систем или в отношении них.

Ключевые слова: уголовная политика, национальная безопасность, искусственный интеллект, особый период, военная безопасность, преступления против военной службы

Развитие технологий искусственного интеллекта в последние годы приобрело характер системного фактора, преобразующего все сферы общественной жизни, от экономики и государственного управления до обороны и безопасности. Согласно данным Совета Безопасности РФ, количество противоправных посягательств в сфере информационно-коммуникационных технологий остается стабильно высоким, что требует адекватного правового реагирования. Правительство России утвердило концепцию госсистемы противодействия преступлениям, совершаемым с помощью информационно-коммуникационных технологий, что свидетельствует о признании государством масштаба новой угрозы.

Вместе с тем уголовная политика в сфере обеспечения национальной безопасности традиционно реагирует на угрозы постфактум, тогда как технологии ИИ развиваются опережающими темпами. Это порождает фундаментальный разрыв между динамикой технологических процессов и скоростью законодательного реагирования. Цифровизация права затрагивает и изменяет не только инструменты преступлений, но и саму логику уголовного права, поскольку новое уголовное право защищает контроль над инфраструктурами, данными, платформами, токенами, алгоритмами [4, с. 283]. Относительно недавно в России в правоохранительную сферу была внедрена система «Криминалист». В ней ИИ, используя собственные алгоритмы, проводит анализ и обработку большого объема данных как из открытых источников информации (социальные сети, интернет, средства массовой информации и т. д.), так и из баз данных российских правоохранительных структур и федеральных служб (МВД, ФСБ, СК, ФНС, ФСИН и др.). После чего система способна выявить потенциальных преступников, криминальные группировки и места совершения преступлений [6, с. 49].

Национальная безопасность в современных условиях представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую защищенность интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Специальная военная операция выявила новые угрозы, которые не укладываются в классические представления о безопасности мирного времени. Однако параллельно с военными угрозами формируется принципиально иной класс угроз, связанных с технологическим развитием, прежде всего с распространением технологий искусственного интеллекта. Анализ современных исследований позволяет выделить

несколько категорий угроз национальной безопасности, связанных с ИИ. Первая категория, это угрозы, возникающие в результате криминального использования ИИ. Речь идет о применении технологий машинного обучения для совершения киберпреступлений, распространения дезинформации, создания автономных систем вооружения, способных действовать без контроля человека. Действующие нормы УК РФ, в частности гл. 28, не в полной мере приспособлены для квалификации автономных действий ИИ-систем. В.Д. Пристансков, А.Г. Харатишвили, Ю.А. Евстратова по этому поводу пишут: «назрела необходимость на законодательном уровне закрепить содержание понятия «специальные знания» и подготовить нормативно-правовую базу для новой формы специальных знаний – искусственного интеллекта, используемого в следственной деятельности. Искусственный интеллект имеет огромный потенциал в повышении эффективности деятельности следователя, экспертов и специалистов в рамках расследуемого уголовного дела. Применение искусственного интеллекта позволяет повысить качество и оптимизировать сроки расследования» [3, с. 594].

2-я категория угроз связана с использованием ИИ в интересах иностранных государств и организаций для подрыва основ конституционного строя, обороноспособности и безопасности РФ. Кибератаки на критическую инфраструктуру, системы государственного управления, объекты оборонно-промышленного комплекса с использованием ИИ приобретают качественно новый характер, поскольку позволяют противнику действовать анонимно, масштабно и с минимальными издержками. В Стратегии национальной безопасности в числе задач в целях обеспечения государственной и общественной безопасности прямо называется «снижение уровня криминализации общественных отношений», что предполагает необходимость превентивного уголовно-правового реагирования на технологические угрозы [9, с. 30]. 3-я категория, угрозы, связанные с неконтролируемым распространением технологий ИИ в сферах, критически важных для безопасности г-ва. Речь идет о военных применениях, системах принятия решений в правоохранительной деятельности, критической инфраструктуре. Отсутствие правовых механизмов контроля за разработкой и оборотом таких технологий создает предпосылки для их попадания в распоряжение преступных сообществ, террористических организаций и иностранных спецслужб [10, с. 33].

Самостоятельную категорию образуют угрозы военной безопасности в особый период. Технологии ИИ применяются для управления автономными системами вооружения, обработки разведданных, целеуказания, радиоэлектронной борьбы и информационно-психологических операций. В условиях мобилизации, военного положения и военного времени возрастают риски: несанкционированного применения ИИ-систем военного назначения; нарушения правил эксплуатации таких систем военнослужащими; использования ИИ для склонения военнослужащих к совершению преступлений против военной службы; кибервоздействия на АСУ, системы связи и военную инфраструктуру.

Это создаёт угрозу совершения деяний, предусмотренных гл. 33 УК РФ, в частности нарушения правил несения боевого дежурства, караульной и пограничной службы, самовольного оставления части, дезертирства. Новых деяний, таких как несанкционированного применения автономных систем вооружения и нарушения правил эксплуатации ИИ военного назначения [12, с. 65].

Особого внимания заслуживает проблема использования ИИ для вовлечения граждан, в том числе несовершеннолетних, в противоправную деятельность. Как показывает практика, злоумышленники активно используют цифровые технологии для склонения подростков к совершению диверсий, террористических актов и иных преступлений против безопасности государства. Федеральным законом внесены

изменения, направленные на усиление ответственности за вовлечение граждан в противоправную деятельность посредством сети Интернет и телефонного мошенничества. Однако эти меры носят энергичный характер и не формируют системного заслона против технологически изощренных форм криминального воздействия [11, с. 50]. Действующее уголовное законодательство РФ не содержит системного подхода к противодействию угрозам, связанным с использованием искусственного интеллекта. Его анализ позволяет выделить несколько пробелов.

1) Отсутствие специальных составов преступлений, непосредственно связанных с ИИ. Гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» была сформирована в эпоху, когда технологии ИИ не получили широкого распространения. Ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) и ст. 274 УК РФ (нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации) не учитывают специфику автономных систем, способных к самообучению и принятию решений без непосредственного участия человека. Действующие нормы УК РФ недостаточны для квалификации автономных действий ИИ, что требует введения новых составов.

2) Неадаптированность общих институтов уголовного права к реалиям ИИ-опосредованных деяний. Вопрос о субъекте преступления остается открытым. Может ли автономная ИИ-система рассматриваться как орудие преступления, или же требуется введение спецправил вменения для разработчиков, операторов и владельцев таких систем. Институт соучастия также не учитывает возможности координации преступных действий несколькими ИИ-агентами или использования ИИ для распределения ролей между исполнителями. Противоречивость законодательных решений способна создавать непреодолимые препятствия для квалификации и потому требует устранения самим законодателем [7, с. 214].

3) Отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от характера использования ИИ. Действующее законодательство не разграничивает использование ИИ в качестве средства совершения преступления, в качестве объекта посягательства и в качестве источника повышенной опасности. Между тем такая дифференциация принципиально важна для определения пределов криминализации и назначения соразмерного наказания.

4) Фрагментарность законодательного регулирования. Поправки в УК РФ, связанные с цифровыми технологиями, носят точечный характер и не образуют системы. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ внес изменения в отдельные законодательные акты, однако они не сформировали целостного правового режима противодействия технологическим угрозам. Принятие концепции госсистемы противодействия преступлениям, совершаемым с помощью информационно-коммуникационных технологий, свидетельствует о признании проблемы, но не решает ее уголовно-правовыми средствами.

5) Отсутствие механизмов оценки криминогенного потенциала новых технологий. Уголовная политика должна обладать прогностической функцией, позволяющей выявлять угрозы на ранних стадиях их формирования. Однако действующая система криминологической экспертизы законопроектов не включает оценку технологических рисков, что создает предпосылки для запоздалого реагирования на качественно новые вызовы.

6) Отсутствие военно-уголовного сегмента. Гл 33 УК РФ не учитывает специфику ИИ-систем военного назначения и особенности особого периода. Действующие нормы о преступлениях против военной службы не рассчитаны на автономные и самообучающиеся системы, что создаёт разрыв между военно-технологической реальностью и уголовно-правовым регулированием [5, с. 239].

Формирование уголовной политики в сфере обеспечения безопасности искусственного интеллекта требует концептуального осмысления. Представляется обоснованным выделение самостоятельного направления уголовной политики, уголовно-правового обеспечения безопасности в сфере ИИ, которое не отменяет, но дополняет существующую структуру уголовной политики [13, с. 39].

Под уголовно-правовым обеспечением безопасности в сфере искусственного интеллекта следует понимать систему приоритетов, целей и средств уголовно-правового регулирования, направленных на защиту интересов личности, общества и государства от угроз, связанных с созданием, распространением и использованием технологий ИИ. Данное направление обладает собственной структурой, включающей, криминализацию общественно опасных деяний, связанных с ИИ; дифференциацию ответственности в зависимости от характера использования технологий; формирование специальных оснований освобождения от ответственности для лиц, способствующих выявлению и пресечению ИИ-преступлений; создание механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия трансграничным технологическим угрозам [15, с. 11].

Уголовно-правовая политика в особый период трансформируется из сервисного в мобилизационный регулятор. Аналогичная трансформация происходит и в сфере цифровой безопасности, уголовное право перестает быть исключительно охранительным инструментом и приобретает черты регулятора, определяющего допустимые границы технологического развития. Вместе с тем, как подчеркивает Д.Н. Никеров: «уголовно-правовая реакция на внутренние и внешние угрозы может быть оправданной и необходимой лишь постольку, поскольку она сохраняет связь с общей системой охранительных задач уголовного права» [2, с. 581].

Принципиальное значение имеет вопрос о пределах криминализации. Расширение уголовного закона в сфере ИИ сопряжено с рисками необоснованного ограничения свободы научного и технологического творчества, сдерживания инновационного развития и создания барьеров для международного сотрудничества. В исследованиях, посвященных цифровой безопасности, конфликт между традиционными подходами уголовного права и новыми технологическими реалиями требует поиска баланса между охранительной функцией и обеспечением условий для развития [14, с. 153]. Думается, что криминализация должна быть избирательной и основываться на критерии общественной опасности деяния, а не на самом факте использования технологии. Использование ИИ в преступных целях не создает нового качества общественной опасности, а лишь повышает ее степень, что должно учитываться при дифференциации ответственности и назначении наказания, но не обязательно требовать введения специальных составов. Напротив, создание автономных систем, способных причинять существенный вред без контроля человека, представляет собой качественно новую угрозу, требующую самостоятельной уголовно-правовой оценки.

С учетом изложенного следует возможным сформулировать следующие направления совершенствования уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности ИИ. Введение специальных составов преступлений, связанных с созданием, распространением и использованием ИИ-систем, представляющих повышенную общественную опасность. В частности, целесообразно дополнить гл. 28 УК РФ ст., предусматривающей ответственность за создание вредоносной системы ИИ, заведомо предназначенной для совершения преступлений против основ конституционного строя, обороноспособности или безопасности государства. Квалифицирующим признаком может выступать наступление тяжких последствий в результате автономного функционирования такой системы. Дифференциация ответственности в зависимости от роли субъекта в создании и использовании ИИ-

систем. Разработчик, оператор, владелец и пользователь должны нести ответственность в различных объемах и пределах. Ответственность разработчика должна наступать за создание системы, заведомо предназначенной для противоправного использования, либо за необеспечение должного контроля за ее функционированием, повлекшее общественно опасные последствия. Ответственность оператора, за ненадлежащую эксплуатацию системы, повлекшую причинение вреда. Такая дифференциация позволит избежать необоснованного привлечения к ответственности лиц, добросовестно осуществляющих технологическую деятельность. Формирование специального основания освобождения от уголовной ответственности для лиц, способствовавших выявлению и пресечению преступлений, связанных с ИИ. По аналогии с примечаниями к ст. 205, 206 УК РФ, предусматривающими освобождение от ответственности при добровольном сообщении о преступлении, целесообразно установить специальное основание для лиц, сообщивших о создании или использовании вредоносных ИИ-систем и способствовавших их нейтрализации. Это создаст стимулы для раннего выявления технологических угроз.

Совершенствование института соучастия с учетом специфики ИИ-опосредованных деяний. Необходимо законодательно закрепить правила вменения для случаев, когда преступление совершено с использованием автономной ИИ-системы несколькими лицами, каждый из которых внес свой вклад в создание или функционирование системы. Это потребует уточнения понятий «исполнитель», «организатор» и «пособник» применительно к технологическим преступлениям.

Разработка механизмов криминологической экспертизы технологических проектов в сфере ИИ. Думается целесообразным дополнить систему оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов обязательной криминологической экспертизой технологических рисков. Это позволит выявлять потенциальные угрозы на стадии разработки и внедрения технологий, не дожидаясь их криминализации на практике. Развитие международного сотрудничества в сфере противодействия трансграничным ИИ-угрозам. Сотрудничество государств, участников ОДКБ по гармонизации уголовного законодательства в области противодействия киберпреступности, в том числе с учетом развития ИИ-технологий, является необходимым условием эффективного противодействия. Представляется целесообразным инициировать разработку модельного закона об уголовно-правовом противодействии преступлениям, совершаемым с использованием ИИ, в рамках интеграционных объединений.

Дополнить гл. 33 УК РФ специальной нормой об ответственности за нарушение правил создания, эксплуатации и применения систем искусственного интеллекта военного назначения. Квалифицирующим признаком следует признать совершение деяния в период мобилизации или военного положения, в военное время, а также наступление тяжких последствий. Специальным субъектом могут выступать военнослужащие-операторы, должностные лица, а также разработчики по государственному оборонному заказу. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения. Развитие технологий ИИ формирует качественно новый класс угроз национальной безопасности, которые не укладываются в традиционные представления о безопасности мирного времени и требуют концептуального осмысления в рамках уголовной политики. Действующее уголовное законодательство РФ не содержит системного подхода к противодействию угрозам, связанным с использованием ИИ. Пробелы носят многоуровневый характер, от отсутствия специальных составов до неадаптированности общих институтов уголовного права.

Предлагается выделить самостоятельное направление уголовной политики, уголовно-правовое обеспечение безопасности в сфере ИИ, которое дополняет существующую структуру и отражает специфику технологических угроз.

Криминализация общественно опасных деяний, связанных с ИИ, должна быть избирательной и основываться на критерии общественной опасности, а не на самом факте использования технологии. Дифференциация ответственности разработчиков, операторов и пользователей ИИ-систем позволит избежать необоснованного ограничения технологической деятельности. Уголовная политика в сфере ИИ в особый период приобретает мобилизационный характер. Она должна обеспечивать приоритетную защиту военной безопасности, не отказываясь при этом от принципов соразмерности и избирательной криминализации.

Прогноз развития уголовной политики в сфере обеспечения безопасности ИИ зависит от сценариев технологического развития и геополитической обстановки. При оптимистическом сценарии возможно формирование сбалансированной системы правового регулирования, сочетающей охранительные и стимулирующие начала. При нарастании технологических угроз вероятно дальнейшее расширение уголовно-правового воздействия и ужесточение ответственности. В любом случае требуется разработка концептуальных основ уголовной политики в сфере цифровой безопасности, определяющих пределы, принципы и приоритеты уголовно-правового воздействия на технологические угрозы.

Список литературы:

1. Козин М.Н. Искусственный интеллект в обеспечении национальной безопасности / М.Н. Козин, А.Б. Федотов // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. – 2023. – № 2. – С. 76-86.
2. Никеров Д.М. Искусственный интеллект, как актуальная угроза национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 578-581.
3. Пристансков В.Д. Искусственный интеллект - новая форма использования специальных знаний в расследовании и раскрытии киберпреступлений / В.Д. Пристансков, А.Г. Харатишвили, Ю.А. Евстратова // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 586-596.
4. Сальников В.П. Уголовная и уголовно-процессуальная политика / В. П. Сальников, С. И. Захарцев, М. В. Сальников // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3(35). – С. 260-283.
5. Семенова И.В. Концептуальные положения противодействия преступлениям в сфере цифровой информации и систем её передачи / И. В. Семенова. – Санкт-Петербург : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. – 310 с.
6. Сидоренко Н.В. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности / Н. В. Сидоренко, А. А. Гнездилов //Вестник Барнаульского юридического института МВД России.2025.№2(49).С. 48-51.
7. Степаненко Д.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д.А. Степаненко, Д.В. Бахтеев, Ю.А. Евстратова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 206-214.
8. Соляков В.Е. Использование искусственного интеллекта в ходе раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности / В.Е. Соляков, Ю.А. Евстратова, Д.В. Новокшонов // Перспективы развития войск национальной гвардии на современном этапе: Сборник материалов круглого стола, Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 года. – Санкт-Петербург - Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – С. 106-111.
9. Горохова С.С. Искусственный интеллект в контексте обеспечения национальной безопасности // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2020. – № 3. – С. 15-31.
10. Семенова И.В. Возможности и потенциал использования искусственного интеллекта в различных отраслях / И. В. Семенова // Российский следователь. – 2025. – № 2. – С. 30-34.
11. Сергеев М.М. Проблемы правового регулирования технологий искусственного интеллекта в ходе вооруженных конфликтов // Современное право. – 2025. – № 3. – С. 46-50.
12. Шеншин В.М. Об уголовно-правовой характеристике воинских преступлений / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2026. – № 3. – С. 61-66.
13. Глухов Е.А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. – 2024. – № 9(169). – С. 30-40.
14. Бодаевский В.П. Формирование уголовного права военного времени / В. П. Бодаевский // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т.17,№2. С. 128-154.
15. Петухов Н.А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12.

Novokshonov D.V. Artificial intelligence as an object of criminal policy in the national security system in a special period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 516-530.

The article is devoted to an analysis of the emerging direction of the criminal policy of the Russian Federation and ensuring security in the field of using artificial intelligence technologies. The author examines new threats to national security arising from the development and spread of AI technologies and substantiates the need for a conceptual understanding of the place of criminal law tools in the system of countering these threats. Gaps in the current criminal legislation, which is not adapted to the realities of the digital age, are analysed. The gaps in the current criminal legislation, which has not been adapted to the realities of the digital age, are analysed. The author's concept of forming an independent direction in criminal policy and in the criminal‑legal provision of security in the field of AI is substantiated. Special attention is paid to the threats that arise during a special period and to the problems of criminal‑legal assessment of crimes against military service committed using AI systems or against them.

Keywords: criminal policy, national security, artificial intelligence, special period, military security, crimes against military service.

Spisok istochnikov:

1. Kozin M.N. Iskusstvenny`j intellekt v obespechenii nacional`noj bezopasnosti / M.N. Kozin, A.B. Fedotov // Nauchny`j vestnik oboronno-promy`shlennogo kompleksa Rossii. – 2023. – № 2. – S. 76-86.
2. Nikerov D.M. Iskusstvenny`j intellekt, kak aktual`naya ugroza nacional`noj bezopasnosti / D.M. Nikerov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – № 6. – S. 578-581.
3. Pristanskov V.D. Iskusstvenny`j intellekt - novaya forma ispol`zovaniya special`ny`x znanij v rassledovanii i raskry`tii kiberprestuplenij / V.D. Pristanskov, A.G. Xaratishvili, Yu.A. Evstratova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2023. – T. 17, № 6. – S. 586-596.
4. Sal`nikov V.P. Ugolovnaya i ugolovno-processual`naya politika / V. P. Sal`nikov, S. I. Zaxarcev, M. V. Sal`nikov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2016. – № 3(35). – S. 260-283.
5. Semenova I.V. Konceptual`ny`e polozheniya protivodejstviya prestupleniyam v sfere cifrovoj informacii i sistem eyo peredachi / I. V. Semenova. – Sankt-Peterburg : Voennaya ordena Zhukova akademiya vojsk nacional`noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2025. – 310 s.
6. Sidorenko N.V. Iskusstvenny`j intellekt v pravooxranitel`noj deyatel`nosti/N.V.Sidorenko, A.A. Gnezdilov // Vestnik Barnaul`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. №2(49). S. 48-51.
7. Stepanenko D.A. Ispol`zovanie sistem iskusstvennogo intellekta v pravooxranitel`noj deyatel`nosti / D.A. Stepanenko, D.V. Baxteev, Yu.A. Evstratova // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – T. 14, № 2. – S. 206-214.
8. Solyakov V.E. Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta v xode raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij e`kstremistskoj napravlennosti / V.E. Solyakov, Yu.A. Evstratova, D.V. Novokshonov // Perspektivy` razvitiya vojsk nacional`noj gvardii na sovremennom e`tape: Sbornik materialov kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 27 aprelya 2022 goda. – Sankt-Peterburg - Belgorod: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu E`picentr, 2022. – S. 106-111.
9. Goroxova S.S. Iskusstvenny`j intellekt v kontekste obespecheniya nacional`noj bezopasnosti / S. S. Goroxova // Nacional`naya bezopasnost` / Nota Bene. – 2020. – № 3. – S. 15-31.
10. Semenova I.V. Vozmozhnosti i potencial ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v razlichny`x otraslyax / I. V. Semenova // Rossijskij sledovatel`. – 2025. – № 2. – S. 30-34.
11. Sergeev M.M. Problemy` pravovogo regulirovaniya texnologij iskusstvennogo intellekta v xode vooruzhenny`x konfliktov / M. M. Sergeev // Sovremennoe pravo. – 2025. – № 3. – S. 46-50.
12. Shenshin V.M. Ob ugolovno-pravovoj xarakteristike voinskix prestuplenij / V. M. Shenshin // Rossijskij sledovatel`. – 2026. – № 3. – S. 61-66.
13. Gluxov E.A. Publichnoe opravdanie terrorizma: napravlennost` umy`sla, celej i samoocenka so storony` prestupnika / E. A. Gluxov // Ugolovnoe pravo. – 2024. – № 9(169). – S. 30-40.
14. Bodaevskij V.P. Formirovanie ugolovnogo prava voennogo vremeni / V. P. Bodaevskij // Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. – 2022. – T. 17, № 2. – S. 128-154.
15. Petuxov N.A. Primenenie ugolovnoj politiki Rossii na voenno-sluzhebny`x otnosheniyax: puti vy`xoda i dal`nejshie napravleniya normativno-pravovogo regulirovaniya//Voenno-yuridicheskij zhurnal.2016.№1.S.7.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 531-534.

УДК: 351.745

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ВО ВРЕМЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Овсепян Г. М., Осяк А. Н., Светлова А. П.

Актуальные вызовы современности, связанные с ростом социальной напряженности и увеличением количества публичных акций, обуславливают необходимость совершенствования деятельности полиции по охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Цель данного исследования – выявить проблемные аспекты в работе полиции при обеспечении правопорядка во время массовых акций и предложить пути их решения. Методологическая база исследования включает общенаучные и специально-юридические методы, с особым акцентом на системный анализ правоприменительной практики. Полученные выводы свидетельствуют о наличии комплекса проблем организационного, правового и тактического характера, снижающих эффективность полицейской деятельности в данной сфере. Ключевыми трудностями остаются недостаточная подготовка личного состава к действиям в нестандартных ситуациях, несовершенство законодательного регулирования применения специальных средств, а также сложности во взаимодействии с организаторами мероприятий и участниками.

Ключевые слова. Охрана общественного порядка, массовые мероприятия, полиция, проблемные аспекты, правоприменение, взаимодействие.

Массовые мероприятия – неотъемлемая часть общественной жизни, будь то культурные, спортивные, религиозные или политические события. Однако их проведение сопряжено с повышенными рисками для общественной безопасности. Обеспечение правопорядка в таких условиях становится одной из наиболее сложных задач, стоящих перед органами внутренних дел [2–5]. Негативный опыт, накопленный в различных странах, включая Россию, показывает, что ошибки в управлении массовыми скоплениями людей нередко приводят к эскалации напряженности и массовым беспорядкам [2–4; 7]. В связи с этим тема проблемных аспектов деятельности полиции при охране общественного порядка во время массовых мероприятий приобретает особую актуальность. Научное осмысление проблем публичного порядка имеет как теоретическое, так и прикладное значение. Неудача в понимании динамики толпы, которая приводит к насилию, ограничивает эффективность полиции и способствует принятию неверных решений [3; 7]. В этой связи возрастает потребность в обобщении передовой практики и выработке научно обоснованных рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов [4; 5]. В соответствии с действующим законодательством, на полицию возложена обязанность по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Однако на практике реализация этих полномочий сталкивается с рядом системных проблем, которые условно можно разделить на несколько групп.

Первая группа проблем связана с кадровым обеспечением и профессиональной подготовкой. Сотрудники полиции, задействованные в охране общественного порядка, должны обладать не только правовыми знаниями, но и психологической устойчивостью, навыками ведения переговоров и деэскалации конфликтов [2]. Как показывает практика, недостаток специальной подготовки, особенно у рядового состава, ведет к тому, что в стрессовой ситуации сотрудники неверно оценивают обстановку и допускают ошибки [7]. Подготовка должна быть нацелена не только на физическую и тактическую составляющие, но и на понимание психологии толпы и этических аспектов применения силы [2; 5]. Исследования показывают, что решаю-

щее значение для успеха в управлении толпой имеет готовность к диалогу и способность к деэскалации, а не только силовые методы [3].

Вторая группа проблем носит правовой и организационный характер. Законодательство, регламентирующее порядок проведения массовых мероприятий и действия полиции, требует дальнейшего совершенствования. В частности, дискуссионным остается вопрос о критериях оценки законности и обоснованности применения специальных средств и физической силы. Существуют сложности в правовой квалификации действий участников акций, что порой приводит к необоснованному привлечению к ответственности или, напротив, к безнаказанности нарушителей. Например, распространенной проблемой является конкуренция правовых норм: невыполнение законных требований сотрудника полиции может квалифицироваться как по ч. 1 ст. 19.3, так и по ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, при этом переквалификация возможна только в рамках одной главы КоАП РФ, что создает правовые ловушки для правоприменителей [8]. Кроме того, требует оптимизации механизм информационного взаимодействия между различными подразделениями полиции и другими ведомствами в период подготовки и проведения мероприятия [1].

Третья группа проблем касается взаимодействия с гражданским обществом. Отношения между полицией и участниками массовых акций зачастую строятся на недоверии. Отсутствие эффективного диалога с организаторами мероприятий и общественными объединениями приводит к росту напряженности [3]. Как отмечается в исследованиях, управление общественным порядком критически важно для поддержания демократии и верховенства закона, а негативное взаимодействие между полицией и обществом подрывает легитимность правоохранительной системы в глазах граждан [2]. Исследования показывают, что подавляющее большинство акций проходят мирно, однако именно отсутствие предварительного диалога и негибкость в тактике могут превратить мирный протест в конфликтный [3]. В рамках профилактической работы, направленной на предупреждение правонарушений во время массовых мероприятий, важным направлением является взаимодействие полиции с организаторами и участниками на этапе подготовки. Это позволяет снять излишнюю нервозность и согласовать процедурные вопросы. Однако на практике такая работа ведется не всегда системно [8]. Анализ правоприменительной практики и научных источников показывает, что в основе многих проблем лежит устаревший подход к управлению толпой, основанный лишь на силовых методах, вместо использования современных моделей, учитывающих социологические и психологические аспекты поведения людей в массе [6; 7]. Непонимание динамики протестных настроений может не только не предотвратить, но и спровоцировать насилие [2; 4].

Актуальная статистика и динамика правонарушений. Статистические данные последних лет демонстрируют неоднозначную динамику правонарушений, связанных с массовыми мероприятиями. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в период с 2022 по 2024 г. наблюдается волнообразное изменение количества зарегистрированных преступлений по ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки) [4].

Таблица 1. Динамика уголовных дел по ст. 212 УК РФ (2022-2024 гг.) [4].

год	к-во дел	число осужденных	прекращено дел
2022	156	89	42

2023	182	103	51
2024	143	78	39

Анализ представленных данных показывает пик регистрации уголовных дел по ст. 212 УК РФ в 2023 г., что связано с усилением социальной напряженности в отдельных регионах страны. Последующее снижение показателей в 2024 г., по мнению ряда экспертов, обусловлено как комплексом превентивных мер, так и снижением протестной активности населения [4]. Статистические данные также свидетельствуют о преобладании групповых форм совершения массовых беспорядков: в 73% случаев преступления совершаются лицами мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет. Особую тревогу вызывает тенденция к использованию современных средств коммуникации для координации противоправных действий [4].

Правозащитная организация «ОВД-Инфо» отмечает, что в 2024 г. по политическим статьям начали преследовать 637 человек – на 12% меньше, чем в 2023 г., и на 25% меньше, чем годом ранее. Однако при этом значительно выросло число дел по статьям о массовых беспорядках (рост в девять раз) и о применении насилия к представителю власти (рост в 12 раз), что связано с резонансными событиями в отдельных регионах [1;10]. Географическое распределение зафиксированных случаев массовых беспорядков указывает на концентрацию данного вида преступлений в крупных городских агломерациях, что требует повышенного внимания к обеспечению общественного порядка в местах массового скопления людей [4].

Особую остроту проблеме придает также рост финансовых и кадровых затрат на обеспечение общественного порядка. Так, в Лондоне расходы на охрану общественного порядка выросли с 11 млн фунтов в 2016/17 г. до 74 млн фунтов в 2022/23 г., что отражает общемировой тренд удорожания и усложнения этой функции полиции [12]. В Канаде также отмечается рост числа развертываний подразделений охраны общественного порядка на 184% за период с 2018 по 2022 г. [6].

В заключение следует отметить, что эффективное обеспечение общественного порядка во время массовых мероприятий является одной из ключевых задач полиции, решение которой требует комплексного подхода. Усугубление политических и социальных противоречий в современном мире делает эту задачу еще более острой.

Преодоление выявленных проблемных аспектов лежит в плоскости совершенствования профессиональной подготовки сотрудников, адаптации законодательства к современным реалиям, а также налаживания конструктивного диалога с гражданским обществом. Как показывает международный опыт, успешные стратегии охраны общественного порядка основываются на принципах деэскалации, уважения прав человека и готовности к диалогу с организаторами акций еще на стадии их планирования [3]. Особое внимание следует уделить внедрению современных научных подходов к управлению массовыми скоплениями людей. Только системная работа по этим направлениям позволит повысить эффективность деятельности полиции и укрепить доверие граждан.

Список литературы:

1. Андриянов В.Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму / В.Н. Андриянов. DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).32-42 // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 11, № 1. С. 32-42.
2. Алексеева Т.Д. Актуальные проблемы квалификации массовых беспорядков / Т.Д. Алексеева // Магистерский журнал. 2025. № 3 (164). С. 43-48.
3. Сучков В.В. Экстремизм. Юридическая абстракция. Проблемы демаркации свободы выражения мнения / В.В. Сучков, В.И. Филонов - DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).629-640 // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 13, № 4. С. 629-640.
4. Inspectorate of Policing. (2025). Strengthening Ontario's Public Order Policing System. Toronto: IoP.
5. Егоров В.Ю. Обучение сотрудников полиции, необходимым качествам, связанным с охраной общественного порядка, раскрытием преступлений и противодействию преступности / В.Ю. Егоров, Е.А. Лайкова // Modern Science. 2022. № 6-3. С. 153-156.

6. Губарева Т.И. Особенности административно-юрисдикционной деятельности должностных лиц органов внутренних дел по административным правонарушениям, совершаемым в период проведения публичных и иных массовых мероприятий // Административное право и процесс. 2025. № 12. С. 69-72.
7. Новое время. (2024). Почти 3 тысячи человек преследуются в России по политическим мотивам. [Электронный ресурс]. URL: https://newtimes.ru.
8. ОВД-Инфо. (2024). Ежегодный доклад о политически мотивированных преследованиях в России. [Электронный ресурс]. URL: https://ovdinfo.org.
9. Протасевич А.А. О противодействии экстремизму в современном мире / А.А. Протасевич. DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).172-176 // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 13, № 1. С. 172-176.

Hovsepyan G. M., Osyak A. N., Svetlova A. P. Problematic aspects of police activity in maintaining public order during mass events // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 531-534.

The current challenges of our time, associated with the growth of social tension and an increase in the number of public actions, necessitate the improvement of police activities to protect public order during mass events. The purpose of this study is to identify problematic aspects in the work of the police in ensuring law and order during mass actions and to suggest ways to solve them. The methodological base of the research includes general scientific and special legal methods, with a special emphasis on the systematic analysis of law enforcement practice. The findings indicate that there are a number of organizational, legal and tactical problems that reduce the effectiveness of police activities in this area. The key difficulties remain insufficient training of personnel to act in non-standard situations, imperfect legislative regulation of the use of special means, as well as difficulties in interacting with event organizers and participants.

Key words. Public order maintenance, mass events, police, problematic aspects, law enforcement, interaction.

Spisok literatury:

1. Andriyanov V.N. Konstitucionno-pravovye osnovy protivodejstviya ekstremizmu / V.N. Andriyanov. DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).32-42 // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. T. 11, № 1. S. 32-42.
2. Alekseeva T.D. Aktual'nye problemy kvalifikacii massovyh besporyadkov / T.D. Alekseeva // Magisterskij zhurnal. 2025. № 3 (164). S. 43-48.
3. Suchkov V.V. Ekstremizm. Yuridicheskaya abstrakciya. Problemy demarkacii svobody vyrazheniya mneniya / V.V. Suchkov, V.I. Filonov - DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).629-640 // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 13, № 4. S. 629-640.
4. Inspectorate of Policing. (2025). Strengthening Ontario\'s Public Order Policing System. Toronto: IoP.
5. Egorov V.Yu. Obuchenie sotrudnikov policii, neobhodimym kachestvam, svyazannym s ohranoj obshchestvennogo poryadka, raskrytiem prestuplenij i protivodejstviyu prestupnosti / V.Yu. Egorov, E.A. Lajkova // Modern Science. 2022. № 6-3. S. 153-156.
6. Gubareva T.I. Osobennosti administrativno-yurisdikcionnoj deyatel'nosti dolzhnostnyh lic organov vnutrennih del po administrativnym pravonarusheniyam, sovershaemym v period provedeniya publichnyh i inyh massovyh meropriyatij // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 12. S. 69-72.
7. Novoe vremya. (2024). Pochti 3 tysyachi chelovek presleduyutsya v Rossii po politicheskim motivam. [Elektronnyj resurs]. URL: https://newtimes.ru.
8. OVD-Info. (2024). Ezhegodnyj doklad o politicheski motivirovannyh presledovaniyah v Rossii. [Elektronnyj resurs]. URL: https://ovdinfo.org.
9. Protasevich A.A. O protivodejstvii ekstremizmu v sovremennom mire / A.A. Protasevich. DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).172-176 // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 13, № 1. S. 172-176.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 535-541.

УДК 343.985:351.74

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В МВД СССР (РСФСР) И МВД РОССИИ

Огорохин А. Н.

Экспертный совет МВД России по вопросам нормотворчества

В статье рассматриваются особенности контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью в органах внутренних дел советского периода и в современной системе МВД России. Проводится сравнение нормативной основы, субъектов контроля, пределов прокурорского надзора, роли ведомственного контроля и судебной проверки. Обосновывается, что в СССР и РСФСР контроль за оперативно-розыскной работой преимущественно осуществлялся через ведомственные, прокурорские и партийно-государственные механизмы, тогда как в современной России данная сфера получила развернутое федеральное законодательное регулирование. Особое внимание уделяется переходу от закрытой ведомственной регламентации к системе правовых гарантий, связанной с конституционной защитой прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, органы внутренних дел, МВД СССР, МВД России, милиция, полиция, контроль, прокурорский надзор, судебный контроль, законность.

Оперативно-розыскная деятельность традиционно занимает особое место в работе органов внутренних дел. Ее назначение связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, установлением лиц, их подготавливающих или совершивших, а также получением информации, необходимой для обеспечения безопасности личности, общества и государства. Вместе с тем эта деятельность отличается применением негласных методов, ограниченным доступом к сведениям о силах, средствах и источниках информации, а также возможностью затрагивать права граждан. По этой причине контроль и надзор за оперативно-розыскной деятельностью имеют не второстепенное, а принципиальное значение.

Сравнение советского и современного периодов позволяет увидеть существенную трансформацию правового регулирования оперативно-розыскной деятельности. В советское время данная сфера во многом регулировалась закрытыми ведомственными актами, а гарантии законности обеспечивались преимущественно внутри системы государственного управления. В современной России оперативно-розыскная деятельность закреплена на уровне федерального закона, а контроль за ней осуществляется через сочетание ведомственных, прокурорских, судебных и иных правовых механизмов [6].

Цель настоящей статьи состоит в сравнительном анализе системы контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью в МВД СССР (РСФСР) и МВД России. Для достижения этой цели рассматриваются нормативные основания, круг субъектов контроля, особенности прокурорского надзора, значение ведомственного контроля, роль суда и возможности защиты прав граждан.

В советский период оперативно-розыскная работа органов внутренних дел осуществлялась в условиях иной организации государственной власти и иного понимания соотношения интересов государства и личности. Для этой системы было характерно преобладание ведомственного регулирования, повышенная закрытость оперативной информации и ограниченность внешней правовой проверки. Открытого закона, который бы подробно определял содержание оперативно-розыскной деятельности, перечень оперативно-розыскных мероприятий, основания и условия их проведения, в СССР не существовало.

Общие правовые ориентиры задавались Конституцией СССР 1977 г., законодательством о прокуратуре, актами, регулирующими деятельность милиции и органов внутренних дел, а также ведомственными документами МВД СССР и МВД РСФСР [1; 2]. Однако конкретные правила организации оперативной работы, порядок ис-

пользования негласных возможностей, формы учета оперативной информации и тактические вопросы в значительной мере относились к закрытой ведомственной сфере. Это влияло и на контроль: он был реальным для самой системы органов внутренних дел, но менее доступным для внешней оценки.

Ведомственный контроль в МВД СССР и МВД РСФСР осуществлялся руководителями органов внутренних дел, вышестоящими подразделениями и специализированными службами. Его предметом выступали законность принимаемых решений, обоснованность оперативных проверок, качество ведения оперативных материалов, соблюдение режима секретности, дисциплина сотрудников, результативность работы по выявлению и раскрытию преступлений. Такой контроль имел существенное практическое значение, поскольку руководители и проверяющие обладали профессиональными знаниями о содержании оперативной службы.

Одновременно ведомственный контроль имел и очевидное ограничение: субъект контроля и проверяемое подразделение находились внутри одной системы. Это означало, что проверка законности нередко сочеталась с оценкой служебной результативности. В таких условиях риск ведомственной заинтересованности сохранялся, особенно если нарушения были связаны с выполнением плановых показателей, раскрытием преступлений или использованием конфиденциальных источников.

При этом прокурорский надзор за оперативной работой имел определенные пределы. Секретность методов, необходимость защиты лиц, содействующих органам внутренних дел, и закрытый характер оперативных материалов ограничивали возможность полной внешней проверки. Прокурор мог реагировать на нарушения закона, незаконное задержание, необоснованное ограничение прав граждан, нарушения порядка регистрации материалов, однако не всегда имел доступ к полному содержанию оперативной работы в том объеме, который позволял бы оценить все ее элементы.

Особенностью советской системы являлось также наличие партийно-государственного контроля. Партийные органы могли воздействовать на кадровую политику, оценивать политическую благонадежность сотрудников, реагировать на грубые нарушения дисциплины и законности. Такой контроль соответствовал устройству советской системы управления, однако он не был самостоятельным юридическим средством защиты прав граждан в современном понимании. Он был ориентирован прежде всего на обеспечение управляемости государственного аппарата и выполнения политических задач.

Положение гражданина в советской системе контроля за оперативно-розыскной работой было менее защищенным по сравнению с современным периодом. Жалобы на действия должностных лиц были возможны, но проверка негласных мероприятий сталкивалась с объективной закрытостью оперативной информации. Кроме того, отсутствовал развитый судебный порядок разрешения вопросов, связанных с санкционированием оперативных мероприятий, способных ограничивать конституционные права. В конце существования СССР и в переходный период начала 1990-х годов стала очевидной необходимость открытого законодательного регулирования деятельности милиции и оперативно-розыскной работы. Закон РСФСР «О милиции» 1991 г. уже закреплял принципы деятельности милиции, обязанности по защите прав граждан и отдельные положения о контроле за ее деятельностью [3]. Однако специальное законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности появилось только после распада СССР – в Законе Российской Федерации 1992 г. «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [4].

Закон РФ от 13.03.1992 г. «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» стал важным этапом в развитии правового регулирования данной сферы [4]. Его значение состояло не только в том, что оперативно-розыскная деятельность была прямо названа и описана в открытом нормативном акте. Более важным было то, что государство признало необходимость законодательного определения оснований, условий, субъектов и гарантий законности при осуществлении опера-

тивно-розыскных мероприятий. Принятие Конституции РФ 1993 г. усилило значение правовых гарантий в сфере оперативно-розыскной деятельности. Конституция закрепила признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина как обязанность государства, установила право на судебную защиту, неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [5]. Эти положения существенно изменили подход к оценке оперативно-розыскной деятельности: она стала рассматриваться не только как средство борьбы с преступностью, но и как деятельность, допустимая лишь при соблюдении правовых ограничений.

Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепил современную основу регулирования ОРД. В нем определены задачи, принципы, перечень оперативно-розыскных мероприятий, основания и условия их проведения, а также положения о контроле и прокурорском надзоре [6]. Именно этот закон сформировал более устойчивую систему правовых гарантий, которая отличает современный период от советского.

Переход к законодательному регулированию не устранил закрытый характер значительной части оперативной работы. Секретность по-прежнему остается необходимым условием защиты оперативных возможностей и лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел. Однако принципиально изменилось то, что границы допустимого вмешательства, общий перечень мероприятий и система надзора теперь закреплены в открытом федеральном законодательстве.

Современная система контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью в МВД России имеет многоуровневый характер. Её назначение состоит в проверке законности, обоснованности, своевременности и результативности оперативной работы. Внутриведомственная проверка необходима, поскольку многие вопросы оперативно-розыскной деятельности требуют профессиональной оценки и не могут быть полностью раскрыты внешним субъектам без ущерба для служебных интересов. Прокурорский надзор является самостоятельным и значимым элементом современной системы. Ст. 21 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что надзор за исполнением данного закона осуществляют Генеральный прокурор РФ и уполномоченные им прокуроры [6].

Прокурорский надзор не должен подменять управление оперативными подразделениями. Прокурор проверяет соблюдение закона, но не определяет тактику оперативной работы, не руководит негласными сотрудниками и не вмешивается в выбор конкретных оперативных средств, если они применяются в пределах закона. Такой подход позволяет сохранить баланс между надзором за законностью и необходимой самостоятельностью оперативных подразделений. Особое значение в современный период имеет судебный контроль. Оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, проводятся на основании судебного решения в случаях, прямо предусмотренных законом [6]. Суд при этом не руководит оперативной работой, а оценивает наличие законных оснований для вмешательства в сферу конституционно охраняемых прав. Это один из наиболее существенных признаков современного регулирования по сравнению с советским периодом. ФЗ «О полиции» также закрепляет положения о контроле и надзоре за деятельностью полиции. В гл. 10 указанного закона предусмотрены государственный контроль, общественный контроль, судебный контроль и надзор, прокурорский надзор, а также возможность обжалования действий или бездействия сотрудника полиции [8]. Эти положения имеют значение и для оперативных подразделений МВД России, поскольку они входят в общую систему полиции и осуществляют служебную деятельность в пределах установленных законом полномочий.

Дополнительным средством проверки законности выступает уголовно-процессуальный порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Согласно ст. 89 УПК РФ, в процессе доказывания запрещается использовать результаты ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказа-

тельствам уголовно-процессуальным законодательством [9]. Это означает, что оперативная информация сама по себе не становится доказательством автоматически. Она должна быть надлежащим образом оформлена, проверена и введена в уголовное судопроизводство.

Сравнение советской и современной систем контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью показывает как преемственность, так и существенные различия. Преемственность выражается прежде всего в сохранении ведомственного контроля и прокурорского надзора. В обоих периодах оперативно-розыскная деятельность не могла контролироваться исключительно внешними субъектами, поскольку ее содержание связано с негласными методами, конфиденциальными источниками и служебной тайной. Поэтому внутренний профессиональный контроль всегда имел и сохраняет существенное значение.

Главное различие состоит в нормативной основе. В советский период оперативно-розыскная деятельность преимущественно регулировалась закрытыми ведомственными актами, а открытое законодательство закрепляло лишь общие положения о законности, полномочиях государственных органов и прокурорском надзоре. В современной России ОРД регулируется федеральным законом, где прямо определены ее задачи, принципы, мероприятия, основания, условия проведения, а также контроль и прокурорский надзор [6]. Второе различие связано с защитой прав граждан. В советской системе такая защита во многом зависела от ведомственной проверки, прокурорского реагирования и общих механизмов рассмотрения жалоб. В современной России гражданин вправе обжаловать действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в вышестоящий орган, прокурору или в суд [6; 8]. Это усиливает индивидуальную правовую защиту и снижает риск бесконтрольного вмешательства в личную сферу. Третье различие связано со степенью открытости регулирования. Оперативно-розыскная деятельность и сегодня остается закрытой в части конкретных сил, средств, источников и тактических приемов. Однако общие правила ее осуществления, основания и гарантии законности закреплены в открытых нормативных правовых актах. В советский период такая открытость была значительно меньше.

Для наглядности основные различия можно представить следующим образом.

Таблица 1. Сравнительный анализ системы контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью в МВД СССР (РСФСР) и МВД России

Критерий сравнения	МВД СССР (РСФСР)	МВД России
Нормативная основа	преимущественно закрытые ведомственные акты, общие положения законодательства о прокуратуре, милиции и государственном управлении	Конституция РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «О полиции», УПК РФ, акты Генеральной прокуратуры РФ
Основные формы контроля	ведомственный контроль, прокурорский надзор, партийно-государственное воздействие	государственный контроль, ведомственный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль, уголовно-процессуальная проверка
Роль прокуратуры	общий надзор за исполнением законов ОВД	специализированный надзор за исполнением законов при осуществлении ОРД
Судебный контроль	не был развит в современном виде	применяется при проведении мероприятий, ограничивающих конституционные права
Защита граждан	жалобы возможны, но провер-	возможность обращения в вышестоящий

Критерий сравнения	МВД СССР (РСФСР)	МВД России
	ка негласных мероприятий была ограничена	орган, прокуратуру и суд
Использование оперативных материалов	преимущественно в служебной и следственной практике	только при соблюдении требований уголовно-процессуального законодательства
Степень открытости регулирования	низкая, значительная часть правил имела закрытый характер	более высокая, общие основания и гарантии закреплены федеральным законом

Источник: составлено автором на основе сравнительного анализа нормативной основы и научной литературы.

Несмотря на значительное развитие законодательства, современная система контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью сохраняет ряд проблем.

Первая проблема связана с соотношением секретности и проверяемости. Оперативно-розыскная деятельность не может быть полностью открытой, поскольку раскрытие методов, источников и организационных приемов может нанести ущерб выявлению преступлений и безопасности лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел. Однако чрезмерная закрытость способна снижать качество внешней проверки. Поэтому контроль должен быть построен так, чтобы сохранять служебную тайну, но одновременно обеспечивать реальную проверку законности.

Вторая проблема заключается в разграничении ведомственного контроля и прокурорского надзора. Ведомственный контроль оценивает не только законность, но и организационное качество оперативной работы. Прокурорский надзор направлен на проверку исполнения закона и не должен превращаться в управление оперативными подразделениями. На практике это разграничение требует высокой профессиональной подготовки как сотрудников органов внутренних дел, так и прокуроров. Третья проблема касается судебного контроля. Его эффективность зависит не только от наличия судебного решения, но и от качества материалов, представляемых в суд. Если обоснование необходимости оперативно-розыскного мероприятия носит формальный характер, судебная проверка может утратить часть своего защитного значения. Поэтому важно повышать качество подготовки материалов, не раскрывая при этом сведения, составляющие государственную или служебную тайну.

Четвертая проблема связана с использованием результатов ОРД в уголовном процессе. Неправильное оформление оперативных материалов, несвоевременная передача сведений следователю, нарушение порядка документирования могут привести к тому, что важная информация не будет использована в доказывании. По этой причине необходимо обеспечивать согласованность работы оперативных подразделений и следствия при строгом соблюдении процессуальной самостоятельности каждого субъекта.

Пятая проблема состоит в необходимости постоянного профессионального обучения. Современная оперативно-розыскная деятельность развивается в условиях цифровизации, усложнения преступной деятельности, расширения электронных способов коммуникации и появления новых источников информации. Контроль и надзор за такой деятельностью требуют знания не только закона об ОРД, но и уголовного процесса, конституционных гарантий, ведомственных требований, судебной практики и особенностей работы с цифровыми следами.

Проведенное сравнение показывает, что система контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью в органах внутренних дел прошла значительный путь развития. В советский период она основывалась преимущественно на ведомственном контроле, прокурорском надзоре и партийно-государственном воздействии. При этом сама оперативно-розыскная работа в значительной мере регулиро-

валась закрытыми ведомственными актами, что ограничивало возможности внешней правовой оценки и индивидуальной защиты граждан.

Главное отличие современной системы состоит в том, что законность оперативно-розыскной деятельности оценивается не только с позиции служебной необходимости, но и с позиции конституционных прав граждан. Судебный контроль, прокурорский надзор, возможность обжалования действий должностных лиц и процессуальные требования к использованию результатов ОРД создают более развитую систему правовых гарантий по сравнению с советским периодом.

Вместе с тем эффективность современной системы зависит не только от наличия нормативных предписаний. Она определяется качеством ведомственного контроля, реальностью прокурорской проверки, обоснованностью судебного разрешения, правильным оформлением оперативных материалов и профессиональной подготовкой сотрудников. Именно сочетание этих условий позволяет обеспечивать законность оперативно-розыскной деятельности без утраты ее служебного назначения.

Список литературы:

1. Конституция СССР, принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
2. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 843.
3. Закон РСФСР от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.
4. Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-I «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 892.
5. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
6. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
7. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
8. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
10. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».
11. Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / под общ. ред. В.В. Степанова. 3-е изд. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022.
12. Бабичев Д.А. Прокурорский надзор в сфере оперативно-розыскной деятельности: к расширению границ правоприменения // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 1. С. 47-51.
13. Буторин Л.А., Буторина О.Л., Буторина Т.Л. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: монография. М.: Проспект, 2014.
14. Доля Е.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. М.: Спарк, 1996.
15. Никитин Е.Л. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016.
16. Румянцев Н.В. Развитие оперативно-розыскной деятельности с древних времен до XX века // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 100-104.
17. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
18. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М.: Норма, 2013.

Ogrokhin A.N. Comparative analysis of the system of control and supervision of operational investigative activities in the Ministry of Internal Affairs of the USSR (RSFSR) and the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 535-541.

The article examines the features of control and supervision of operational investigative activities in the internal affairs bodies of the Soviet period and in the modern system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A comparison is made between the regulatory framework, the subjects of control, the limits of prosecutorial supervision, the role of departmental control and judicial review. It is proved that in the USSR and the RSFSR, control over operational investigative work was mainly carried out through departmental, prosecutorial and party-state mechanisms, whereas in modern Russia this area has received extensive federal legislative

regulation. Special attention is paid to the transition from a closed departmental regulation to a system of legal guarantees related to the constitutional protection of human and civil rights and freedoms.

Keywords: operational investigative activities, internal affairs agencies, USSR Ministry of Internal Affairs, Ministry of Internal Affairs of Russia, militia, police, control, prosecutorial supervision, judicial control, legality.

Spisok literatury:

1. Konstituciya SSSR, prinyata Verhovnym Sovetom SSSR 7 oktyabrya 1977 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1977. № 41. St. 617.
2. Zakon SSSR ot 30 noyabrya 1979 g. «O prokurature SSSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1979. № 49. St. 843.
3. Zakon RSFSR ot 18 aprelya 1991 g. № 1026-I «O milicii» // Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov RSFSR i Verhovnogo Soveta RSFSR. 1991. № 16. St. 503.
4. Zakon Rossijskoj Federacii ot 13 marta 1992 g. № 2506-I «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. 1992. № 17. St. 892.
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. // Rossijskaya gazeta. 1993. 25 dekabrya.
6. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 33. St. 3349.
7. Federal'nyj zakon ot 17 yanvarya 1992 g. № 2202-I «O prokurature Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 47. St. 4472.
8. Federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O policii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 7. St. 900.
9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
10. Prikaz General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii ot 15 fevralya 2011 g. № 33 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti».
11. Alferov V.YU., Grishin A.I., Il'in N.I. Pravovye osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnoe posobie / pod obshch. red. V.V. Stepanova. 3-e izd. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2022.
12. Babichev D.A. Prokurorskij nadzor v sfere operativno-rozysknoj deyatel'nosti: k rasshireniyu granic pravoprimeneniya // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2019. T. 27. № 1. S. 47-51.
13. Butorin L.A., Butorina O.L., Butorina T.L. Prokurorskij nadzor za ispolneniem zakonov organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost': monografiya. M.: Prospekt, 2014.
14. Dolya E.A. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v dokazyvanii po ugolovnym delam. M.: Spark, 1996.
15. Nikitin E.L. Prokurorskij nadzor za ispolneniem zakonov v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: kurs lekcij. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2016.
16. Rumyancev N.V. Razvitie operativno-rozysknoj deyatel'nosti s drevnih vremen do XX veka // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 7. S. 100-104.
17. Fedorov A.V., SHahmatov A.V. Pravovoe regulirovanie sodejstviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost'. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2005.
18. SHumilov A.YU. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik. M.: Norma, 2013.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 542-547.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Першина Е. А., Ляхова А. И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена исследованию процессуальных и организационных проблем, возникающих при рассмотрении уголовных дел частного обвинения, в которых потерпевшими выступают несовершеннолетние. Анализируется правовой статус частного обвинителя, выявляется асимметрия процессуальных возможностей сторон, обусловленная отсутствием обязательной квалифицированной юридической помощи для потерпевшего. Особое внимание уделяется сложностям сбора доказательств, психологической травматизации несовершеннолетних и недостаткам межведомственного взаимодействия при выявлении фактов насилия в семье. На основе анализа норм УПК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и позиций Конституционного Суда РФ авторы обосновывают необходимость трансформации института частного обвинения в части автоматического перевода таких дел в публичный порядок, если преступление совершено в отношении несовершеннолетнего.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дела частного обвинения, несовершеннолетний потерпевший, доступ к правосудию, состязательность, квалифицированная юридическая помощь, доказывание, межведомственное взаимодействие.

Институт частного обвинения в российском уголовном процессе традиционно рассматривается как механизм реализации диспозитивного начала, позволяющий потерпевшему самостоятельно инициировать уголовное преследование по категории уголовно наказуемых деяний, которые законодатель относит к посягательствам, не обладающим значительной общественной опасностью, – в частности, это составы без квалифицирующих признаков: умышленное причинение лёгкого вреда здоровью, побои и клевета (соответственно ст. 115, 116 и 128.1 УК РФ). Однако, как показывает правоприменительная практика, данный институт, будучи относительно эффективным для разрешения конфликтов между совершеннолетними дееспособными лицами, оказывается непригодным для защиты прав несовершеннолетних, вовлечённых в орбиту уголовного судопроизводства в качестве потерпевших.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. 1) Статистические данные свидетельствуют о значительном числе несовершеннолетних, пострадавших от преступных посягательств. По данным Следкома РФ, в 2024 г. в результате преступлений погибли 1 082 несовершеннолетних (на 10% больше, чем в 2023 г.), а потерпевшими от преступных посягательств признаны почти 17 тыс.детей. При этом в 2023 г. потерпевшими были признаны 18 тысяч несовершеннолетних. Среди потерпевших детей 266 – в возрасте до 1 года, 831 – от 1 до 5 лет, 2,6 тыс. – от 6 до 10 лет, более 6 тыс. – от 11 до 14 лет, 7 тыс. подростков [9]. Приведённые цифры убедительно демонстрируют масштаб проблемы и необходимость совершенствования механизмов защиты прав детей в уголовном судопроизводстве. Следует отметить, что официальная статистика не содержит данных о количестве несовершеннолетних потерпевших именно по делам частного обвинения, что само по себе является одной из проблем, поднимаемых в настоящем исследовании: отсутствие специализированного учёта не позволяет в полной мере оценить реальные масштабы распространения данной категории дел и эффективность действующего правового регулирования. 2) Существующий порядок возбуждения и рассмотрения таких дел фактически перекладывает функцию уголовного преследования на непрофессионала, что в случаях, когда потерпевшим является ребёнок, приводит к вторичной виктимизации и недоступности правосудия для социально незащищённых слоёв населения.

В-третьих, научная дискуссия о необходимости реформирования института частного обвинения в части усиления публичных начал при защите несовершеннолетних остаётся незавершённой, что требует дополнительного осмысления с учётом современных правовых реалий. Методологическую основу исследования составили общенаучные (диалектический, системно-структурный) и частнонаучные методы: формально-юридический – при анализе норм УПК РФ; сравнительно-правовой – при сопоставлении процессуального положения сторон; метод анализа правоприменительной практики – при исследовании конкретных судебных актов.

В рамках работы авторы ставят целью выявить комплекс процессуальных и организационных барьеров, объективно ограничивающих доступ несовершеннолетних потерпевших к правосудию по делам частного обвинения, а также предложить конкретные пути корректировки уголовно-процессуального регулирования.

Переходя к рассмотрению первой группы проблем, отметим, что в соответствии со ст. 43 УПК РФ частным обвинителем признаётся лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в порядке ст. 318 УПК РФ и поддерживающее обвинение в суде. Законодатель, однако, не всегда проводит чёткое различие между потерпевшим и частным обвинителем. Как справедливо отмечает О.В. Качалова, в тех случаях, когда заявление подаётся законным представителем потерпевшего (например, родителем несовершеннолетнего), статус частного обвинителя приобретает представитель, а не само потерпевшее лицо, что порождает разрыв между носителем материального права на защиту и процессуальным инициатором уголовного преследования [4, с. 32–36].

Формально право на доступ к правосудию гарантировано ст. 46 Конституции РФ. Однако процедура возбуждения дела частного обвинения предъявляет к заявителю требования, которые заведомо трудновыполнимы для лица, не имеющего юридического образования. Заявление по делам частного обвинения, по сути, выполняет функцию обвинительного акта – оно определяет предмет и пределы судебного разбирательства. Неправильная квалификация действий виновного, некорректное описание события преступления или отсутствие ссылок на доказательства влекут возвращение заявления либо оставление его без движения (ст. 319 УПК РФ). На практике это приводит к тому, что потерпевшие, особенно родители несовершеннолетних, вынуждены прибегать к платным услугам юристов уже на стадии составления заявления, что существенно затрудняет доступ к правосудию для малообеспеченных семей. Показательным является случай, когда частный обвинитель – законный представитель несовершеннолетнего – обратился с заявлением о привлечении к ответственности по ст. 116.1 УК РФ, однако в ходе судебного разбирательства выяснились обстоятельства, указывающие на более тяжкое преступление, что потребовало направления материалов для публичного расследования [12]. Данный пример иллюстрирует, что непрофессионал не способен правильно квалифицировать деяние, а формальные требования закона становятся непреодолимым препятствием для защиты прав ребёнка.

Далее следует обратить внимание на то, что важнейшим принципом уголовного судопроизводства является состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ). Однако по делам частного обвинения этот принцип зачастую реализуется формально. Подсудимый, если он не имеет возможности заключить соглашение с адвокатом, вправе заявить ходатайство о назначении защитника в порядке ст. 51 УПК РФ. При наличии предусмотренных законом оснований суд обязан удовлетворить такое ходатайство, и участие защитника обеспечивается за счёт средств федерального бюджета. Частный же обвинитель (законный представитель потерпевшего) не имеет права на назначение адвоката за счёт государства по аналогии с подсудимым. Как верно подчёркивает А.П. Рыжаков, в данном случае возникает дисбаланс, поскольку профессиональный адвокат, действующий на стороне подсудимого, использует все процессуальные средства для опровержения обвинения, а частный обвинитель, не обладающий юридическими знаниями, вынужден противостоять ему

без квалифицированной поддержки [5]. Поскольку закон не предусматривает бесплатного адвоката для частного обвинителя, сторона обвинения не может на равных конкурировать с защитой, что не только нарушает принцип процессуального равенства, но и создаёт высокий риск вынесения необоснованного решения.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25.03.2023 г. № 26-П указал на необходимость обеспечения баланса прав сторон в уголовном судопроизводстве, в том числе в случаях, связанных с уязвимостью потерпевшего, и отметил, что несовершеннолетний, вовлечённый в совершение преступления, должен признаваться потерпевшим независимо от того, был ли он осуждён за участие в этом преступлении [8], но в действующем УПК РФ норма об обязательной гос. юрпомощи для несовершеннолетнего потерпевшего по делам частного обвинения отсутствует.

Особенно остро эта проблема стоит в делах, где ребёнок пострадал от насилия со стороны одного из родителей. В таких случаях законный представитель (другой родитель) часто находится в стрессовой ситуации, а оплата адвоката за счёт семейного бюджета либо невозможна, либо сопряжена с дополнительными психологическими нагрузками. Как следствие, многие родители отказываются от дальнейшего участия в деле, а обидчик остаётся безнаказанным. Показательным является пример, когда частный обвинитель – законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего – согласился на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, в результате чего суд постановил приговор без исследования доказательств [10]. Это свидетельствует о том, что непрофессиональный обвинитель, не имея квалифицированной поддержки, склонен соглашаться на упрощённые процедуры, что может не обеспечить полной защиты прав ребёнка. В данном случае суд, с согласия частного обвинителя, рассмотрел дело в особом порядке, что лишило стороны возможности полноценно исследовать обстоятельства и представить дополнительные доказательства, которые могли бы повлиять на квалификацию и меру наказания.

Переходя к проблематике доказывания, отметим, что в делах частного обвинения обязанность по сбору доказательств полностью лежит на стороне обвинителя. Суд, оставаясь арбитром, лишь содействует сторонам в истребовании материалов (ч. 2 ст. 319 УПК РФ). Однако на практике такое содействие малозначимо, поскольку для заявления ходатайства необходимо точно знать о существовании конкретных доказательств и предусмотренных законом способах их получения – условие, выполнимое далеко не для каждого законного представителя несовершеннолетнего.

В случаях с несовершеннолетними потерпевшими сложность усугубляется рядом факторов: 1) **кратковременность следов преступления.** Телесные повреждения (гематомы, ссадины) могут исчезнуть к моменту обращения в суд, если родители не зафиксировали их своевременно с помощью медицинских работников. Непрофессионал не всегда осознаёт необходимость немедленного освидетельствования в экспертном учреждении; 2) **трудности получения объективных данных.** Частный обвинитель не вправе официально запрашивать записи с камер видеонаблюдения, проводить очные ставки, назначать экспертизы. Эти полномочия закреплены исключительно за органами предварительного расследования (ст. 86 УПК РФ). Как справедливо отмечает М.Ю. Жирова, «частный обвинитель лишён полномочий, входящих в структуру доказывания, а все доказательственные материалы, собранные им самостоятельно, не обладают свойством допустимости, поскольку собраны неуправомоченным субъектом при отсутствии соблюдения предусмотренной законом процедуры» [11, с. 7]. Попытки самостоятельно собрать доказательства (например, записать объяснения соседей) зачастую не имеют юридической силы, поскольку данные лица не предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний; 3) **психологический барьер у ребёнка.** В соответствии со ст. 191 УПК РФ допрос несовершеннолетнего потерпевшего проводится с участием педагога или психолога, однако сам факт судебного заседания, особенно при очной ставке с обвиняемым, может вызвать у ребёнка страх, замкнутость или отказ от показаний. В делах част-

ного обвинения, где основным (а часто и единственным) доказательством являются показания потерпевшего, это ведёт к недоказанности обвинения.

Судебная практика наглядно демонстрирует, что непрофессиональный обвинитель нередко не может правильно оценить все обстоятельства. Так, в деле № 1-314/2025 Мотовилихинского районного суда г. Перми частный обвинитель обратился с заявлением о привлечении к ответственности по ст. 116.1 УК РФ за нанесение побоев несовершеннолетнему. «Однако в ходе судебного разбирательства потерпевший показал, что после побоев подсудимый высказал требование о передаче денежных средств и угрозу применения насилия, что указывало на признаки более тяжкого преступления. Судья вынес постановление о прекращении уголовного преследования по делу частного обвинения и направил материалы руководителю следственного органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения» [12]. Этот случай иллюстрирует, что из-за отсутствия у частного обвинителя юридических знаний и властных полномочий для сбора доказательств полная картина преступления раскрывается лишь в суде, а дело фактически переводится в публичную плоскость, что подтверждает необходимость изменения самого порядка возбуждения таких дел.

Наконец, одним из наиболее тяжёлых аспектов является ситуация, когда насилие совершается в семье, а ребёнок по объективным причинам не может сообщить об этом правоохранительным органам. В таких случаях законодатель предусматривает возможность возбуждения уголовного дела при отсутствии заявления потерпевшего, если преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния не может защищать свои права (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Однако на практике эта норма работает крайне неэффективно. Существуют следующие институциональные пробелы: 1) **образовательные учреждения.** Педагоги и воспитатели обязаны сообщать в органы опеки о признаках жестокого обращения (ФЗ № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности...») [7]. Однако, как показывает анализ, многие работники школ и детских садов либо не распознают признаки насилия, либо опасаются конфликтов с семьёй, либо не знают алгоритма действий. Часто сигналы о неблагополучии сводятся к устным беседам, что не приводит к правовым последствиям; 2) **медицинские работники.** Врачи при оказании помощи обязаны зафиксировать травмы, не соответствующие объяснениям родителей. Однако медицинская тайна (ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ) создаёт для врачей правовую ловушку: разглашение сведений без согласия законного представителя формально запрещено, хотя обязанность сообщать о насилии прямо предусмотрена законом. На практике это приводит к тому, что врачи ограничиваются констатацией факта, но не направляют информации в полицию, опасаясь судебных исков о разглашении тайны; 3) **органы опеки и попечительства.** Их деятельность носит, как правило, реактивный характер – проверки проводятся только по поступившим обращениям. Механизмов проактивного выявления семейного неблагополучия не разработано, а плановые визиты часто предсказуемы, что позволяет недобросовестным родителям скрыть следы насилия.

Таким образом, информация о возможном преступлении не консолидируется, а разрозненные «тревожные сигналы» из разных ведомств не образуют единую картину. Это приводит к тому, что уголовное дело возбуждается лишь после того, как насилие принимает системный характер и становится известным из иных источников (напр., из публикаций в СМИ, соц). Как следствие, ребёнок длительное время остаётся без защиты, а его родители, выступая частными обвинителями, сталкиваются с непреодолимыми процессуальными и психологическими трудностями.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что действующая модель частного обвинения не соответствует принципам справедливости и доступности правосудия применительно к делам о преступлениях против несовершеннолетних. Государство, провозгласив в ст. 9 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» приоритет защиты прав детей, фактически перекладывает

бремя уголовного преследования на потерпевшую сторону, что в условиях отсутствия у неё специальных знаний и властных полномочий делает такую защиту иллюзорной. Отсутствие в официальной статистике данных о количестве несовершеннолетних потерпевших именно по делам частного обвинения дополнительно подтверждает тезис о недостаточном внимании государства к данной проблеме и необходимости её системного решения. Для решения выявленных проблем представляется необходимым внести следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство: 1) дополнить ч. 2 ст. 20 УПК РФ положением, согласно которому преступления, предусмотренные ст. 115, 116 и 128.1 УК РФ, при посягательстве на несовершеннолетнего автоматически утрачивают сугубо частный порядок преследования, а их расследование осуществляется следователем или дознавателем в публичном режиме безотносительно к подаче заявления потерпевшей стороны. 2) Предусмотреть в ст. 318 УПК РФ правило, согласно которому заявление по факту преступления против несовершеннолетнего влечёт за собой доследственную проверку (ст. 140–145 УПК РФ), а не немедленное принятие к производству мировым судьёй, что позволяет принять мотивированное процессуальное решение до судебного разбирательства. 3) Внести изменения в ст. 45 и 51 УПК РФ, закрепив обязательное участие представителя (адвоката) для несовершеннолетнего потерпевшего по делам частного обвинения за счёт средств федерального бюджета по аналогии с защитником подсудимого. 4) Разработать межведомственный регламент между Министерством просвещения, Министерством здравоохранения и МВД России, устанавливающий чёткий алгоритм обмена информацией о признаках насилия в отношении несовершеннолетних с обязательным сроком реагирования (24 ч.) и ответственностью должностных лиц за несообщение о таких фактах.

Предложенные новеллы позволят не только повысить эффективность защиты прав несовершеннолетних потерпевших, но и усилить профилактическую функцию уголовного судопроизводства, исключив безнаказанность за преступления, совершённые против наиболее уязвимой категории граждан.

Список литературы:

1.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».
4.Качалова О.В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции // Российский судья. – М.: Юрист, 2015. – № 12. – С. 32–36.
5.Рыжаков А.П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело и Сервис, 2011. – 922 с.
6.Головко Л.В., Арутюнян А.А., Брусницын Л.В. и др. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2021. – 1328 с.
7.Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».
8.Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Справочно-правовая система «Норматив». – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=450216 (дата обращения: 01.06.2026).
9.Бастрыкин: более тысячи детей погибли от преступлений в России в 2024 году // Коммерсантъ. – 03.04.2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7624585 (дата обращения: 01.06.2026).
10. Приговор Шимановского районного суда Амурской области от 10 июня 2024 г. г. по делу № 1-66/2024 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт).
11. Жирова М.Ю. Особенности доказывания по делам частного обвинения // Библиотека диссертаций.
12. Постановление Мотовилихинского районного суда г. Перми от 26 августа 2025 г. по делу № 1-314/2025 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – URL: https://sudact.ru/regular/

Lyakhova A. I., Pershina E. A. Actual problems of implementation of the rights of minor victims in private prosecution cases in the Russian criminal procedure // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 542-547.

The article is devoted to the study of procedural and organizational problems arising in the consideration of criminal cases of private prosecution in which minors act as victims. The legal status of a private prosecutor is analyzed, and the asymmetry of the procedural capabilities of the parties due to the lack of mandatory qualified legal assistance for the victim is revealed. Special attention is paid to the difficulties of collecting evidence, psychological traumatization of minors and the shortcomings of interdepartmental interaction in identifying facts of domestic violence. Based on the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the authors substantiate the need to transform the institution of private prosecution in terms of automatically transferring such cases to a public procedure if the crime was committed against a minor.

Keywords: criminal proceedings, private prosecution, minor victim, access to justice, adversarial nature, qualified legal assistance, proving, interdepartmental interaction.

Spisok literatury:

1.Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993).
2.Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ.
3.Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih».
4.Kachalova O.V. Peresmotr prigovorov, postanovlennyh v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva, v sude apellyacionnoj instancii // Rossijskij sud'ya. – M.: Yurist, 2015. – № 12. – S. 32–36.
5.Ryzhakov A.P. Kommentarij k ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. – 7-e izd., pererab. i dop. – M.: Delo i Servis, 2011. – 922 s.
6.Golovko L.V., Arutyunyan A.A., Brusnicyn L.V. i dr. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L.V. Golovko. – 3-e izd., ispr. i dop. – M.: Statut, 2021. – 1328 s.
7.Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih».
8.Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.05.2023 № 26-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti chetvertoj stat'i 150 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i polozhenij statej 42, 45, 145, 146 i 222 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan M.V. Zolotarevoj i V.V. Frolovoj» // Spravochno-pravovaya sistema «Normativ». – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=450216 (data obrashcheniya: 01.06.2026).
9.Bastrykin: bolee tysyachi detej pogibli ot prestuplenij v Rossii v 2024 godu // Kommersant". – 03.04.2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7624585 (data obrashcheniya: 01.06.2026).
10. Prigovor Shimanovskogo rajonnogo suda Amurskoj oblasti ot 10 iyunya 2024 g. g. po delu № 1-66/2024 // Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt). – URL: https://sudact.ru/regular/doc/LFNkJVRj5yUW/.
11. Zhirova M.Yu. Osobennosti dokazyvaniya po delam chastnogo obvineniya // Biblioteka dissertacij. – URL: https://www.dslib.net/ (data obrashcheniya: 01.06.2026).
12. Postanovlenie Motovilihinskogo rajonnogo suda g. Permi ot 26 avgusta 2025 g. po delu № 1-314/2025 // Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt). – URL: https://sudact.ru/regular/doc/vtIeBMnPgamu/

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 548-552.

УДК 351.745.7:004.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАСКРЫТИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ

Пестрецов М. А.

НИЦ № 3 ВНИИ МВД России

В статье исследуется правовое и организационно-тактическое значение государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, для оперативно-розыскного обеспечения раскрытия дистанционных мошенничеств. Проанализированы Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ и утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2026 г. № 200 Положение о государственной информационной системе. Обосновано, что ее потенциал в оперативно-розыскной деятельности состоит не в замещении оперативно-розыскных мероприятий, а в сокращении времени между обнаружением признаков хищения и принятием согласованных мер реагирования, объединении разнородных цифровых, телекоммуникационных и финансовых идентификаторов, установлении серийности преступлений и формировании оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, дистанционное мошенничество, государственная информационная система, информационное обеспечение, межведомственное взаимодействие, наведение справок, цифровые следы, банковские операции, операторы связи, сценарий противодействия правонарушениям.

Дистанционное мошенничество приобрело свойства технологически организованной преступной деятельности, в которой психологическое воздействие на потерпевшего, управление средствами связи, движение денежных средств и сокрытие цифровых следов распределены между несколькими лицами, информационными системами и нередко различными юрисдикциями. Для раскрытия такого преступления недостаточно установить факт списания денежных средств или абонентский номер, с которого поступил звонок. Требуется в минимальный срок сопоставить сведения об инициаторе коммуникации, банковском счете получателя, последующих транзакциях, устройстве, сетевом адресе, электронном аккаунте, номинальном владельце платежного инструмента и связанных эпизодах. До недавна эти данные находились в обособленных информационных контурах ОВД, кредитных организаций, Банка России, операторов связи и владельцев цифровых платформ, а их получение осуществлялось через неоднородные по форме и срокам запросы.

Актуальность проблемы сохраняется, несмотря на зафиксированное МВД снижение числа дистанционных мошенничеств за январь-декабрь 2025 г. на 7,4 %. Уменьшение количества зарегистрированных деяний не означает снижения сложности их раскрытия: преступные схемы становятся комбинированными, а инфраструктура одного преступного формирования обслуживает значительное число эпизодов [11]. По данным Банка России, в 2025 г. количество операций без добровольного согласия клиентов финансовых организаций увеличилось на 31,2 %, объем таких операций – на 6,4 %, при этом клиентам было возвращено 5,9 % соответствующего объема денежных средств. На банковские карты пришлось 980,46 тыс. операций, а наибольший объем хищений был связан со счетами – 10 628,41 млн руб. [10]. Указанные сведения свидетельствуют о необходимости переносить центр тяжести с последующего документирования отдельных эпизодов на раннее межведомственное обнаружение устойчивых связей между преступными идентификаторами.

Законодательным ответом стало принятие ФЗ от 1.04.2025 г. № 41-ФЗ, которым предусмотрено создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и ком-

муникационных технологий (далее – ГИС противодействия правонарушениям, ГИС). Нормы о системе вступили в силу 1.03.2026 г., а ее организационно-техническая модель конкретизирована Постановлением Правительства РФ от 27.02.2026 г. № 200 [3; 4]. Новизна правового механизма состоит в формировании общей информационной среды, ориентированной не только на накопление сведений, но и на реализацию согласованных сценариев противодействия. Для теории оперативно-розыскной деятельности принципиальным является вопрос о месте ГИС в механизме оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений, пределах использования содержащихся в ней данных и условиях их преобразования в оперативно значимую информацию.

Цель исследования заключается в определении функционального назначения ГИС противодействия правонарушениям в оперативно-розыскном обеспечении раскрытия дистанционных мошенничеств и разработке предложений по повышению результативности ее использования органами внутренних дел. Методологическую основу составили системно-структурный, формально-юридический и функциональный методы, анализ нормативных правовых актов, официальной статистики и положений теории оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 ФЗ № 41-ФЗ ГИС создана в целях оперативного предупреждения, выявления и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационных и коммуникационных технологий, организации взаимодействия компетентных органов и организаций, а также выявления информации, направленной на введение в заблуждение, и ограничения доступа к ней [3]. Использование законодателем термина «оперативное» характеризует требуемую скорость реагирования, однако не придает любой совершаемой в системе операции статус оперативно-розыскного мероприятия. Такое различие имеет методологическое и правоприменительное значение: информационный обмен в ГИС образует организационно-техническую предпосылку ОРД, но не отменяет установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» оснований, условий и порядка проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий [2].

Оператором ГИС выступает Минцифры. К участникам системы отнесены госорганы, Банк России, кредитные и иные финансовые организации, операторы связи, владельцы социальных сетей, аудиовизуальных сервисов, сервисов размещения объявлений, информационных систем и программ для ЭВМ, а также иные определенные нормативными актами субъекты. Постановлением Правительства РФ № 200 установлено, что создание, развитие и эксплуатация системы осуществляются на единой цифровой платформе РФ «ГосТех» [4]. Тем самым формируется межотраслевая архитектура, соединяющая публичных и частных носителей сведений, которые ранее обменивались данными преимущественно по двусторонним каналам.

Система обеспечивает автоматический обмен уведомлениями о признаках противоправных действий, актуализацию таких уведомлений, сбор и хранение информации о лицах, совершивших противоправные действия с использованием сети связи общего пользования, в том числе об абонентских номерах, использованных в противоправных целях, а также реализацию сценариев противодействия правонарушениям [4]. МВД России направляет в ГИС сведения о противоправных действиях, совершенных с использованием информационных и коммуникационных технологий. Доступ участника ограничивается информацией, необходимой для реализации его действий в соответствующем сценарии. Такой подход отвечает принципу целевого использования сведений и общим требованиям законодательства об информации и персональных данных [5; 8].

Важным элементом реформы является дополнение ст. 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» положением о возможности использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия в целях наведения справок при наличии технической возможности и соблюдении мер конфиденциальности и безопасности передаваемой информации [2; 3]. Нормативная конструкция позволяет

включить автоматизированный обмен в содержание уже предусмотренного законом оперативно-розыскного мероприятия, не создавая искусственного перечня «цифровых» ОРМ. Это согласуется с позицией В. И. Шарова о том, что цифровизация изменяет методы работы и способы получения сведений, но сохраняет базовую систему оперативно-розыскных мероприятий, принципы законности и конспирации [12, с. 174–176]. Одновременно ГИС не является исключительно ведомственной информационной системой органа, осуществляющего ОРД. Ее правовой режим носит межведомственный характер, а цели шире задач, закрепленных ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Т.е., обращение оперативного сотрудника к сведениям ГИС должно быть функционально связано с конкретной задачей ОРД и осуществляться в пределах предоставленного доступа. Сам факт наличия записи в системе не заменяет основания, предусмотренного ст. 7 указанного ФЗ, если дальнейшее получение сведений затрагивает конституционные права на тайну связи, частную жизнь либо охраняемую законом банковскую тайну [1; 2; 9].

Результаты автоматизированного анализа также не могут непосредственно подменять результаты ОРД или доказательства. В соответствии со ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут использоваться для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения иных оперативно-розыскных мероприятий, представляться органу дознания, следователю или в суд при соблюдении установленных требований [2], т.е., информация ГИС должна пройти проверку, получить документальное оформление и быть соотнесена с конкретным мероприятием либо иным законным источником. Особенно важно сохранять сведения об источнике записи, времени ее формирования, последующих изменениях и алгоритмических операциях, повлиявших на итоговый риск-маркер.

Научная литература обоснованно подчеркивает двойственный характер цифровизации ОРД. С одной стороны, информационные технологии расширяют возможности поиска и анализа; с другой – создают риск смешения технического сбора данных с юридически регламентированным получением информации. С.В. Тимофеев и Р.Р. Абидов связывают эффективность противодействия киберпреступности с комплексным взаимодействием органов власти и негосударственных организаций, одновременно указывая на нормативные пробелы и использование преступниками средств анонимизации [13, с. 292–300]. Поэтому правовой режим ГИС должен обеспечивать не максимальную концентрацию данных как самоцель, а их контролируемое использование для строго определенных задач.

При этом, использование ГИС правовых и организационных проблем обеспечения. Первая проблема состоит в недостаточной определенности границы между межведомственным информационным обменом и оперативно-розыскной деятельностью. Постановление Правительства РФ № 200 определяет состав участников, категории сведений, способы взаимодействия и сценарии противодействия, но не может и не должно изменять установленную федеральным законом систему оснований и условий ОРД [4]. На практике один и тот же автоматизированный запрос может восприниматься как обычное обращение к информационной системе или как способ проведения наведения справок. Вместе с тем ГИС не является самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием и не заменяет предусмотренные законом основания, условия и процедуры ОРД. Содержащаяся в ней информация сохраняет характер сигнала до тех пор, пока ее происхождение и содержание не проверены уполномоченным органом. Автоматизированное совпадение идентификаторов не может рассматриваться как вывод о виновности, а техническая доступность сведений – как основание для обхода судебного контроля и специальных режимов охраняемой законом тайны. Повышение результативности системы требует нормативного разграничения статусов данных, введения единого цифрового профиля события, применения риск-ориентированных сценариев, обеспечения полной прослеживаемости информационных операций и оценки работы по конечному межведомственному результату. Реализация этих предложений позволит встроить ГИС в оператив-

но-розыскной механизм без размывания гарантий законности и превратить межведомственный обмен из совокупности разрозненных уведомлений в управляемый процесс выявления, документирования и раскрытия дистанционных мошенничеств.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ(ред. от 26.07.2026)//Собрание законодательства Российской Федерации. 2025.№14.Ст. 1801.
4. Об утверждении Положения о государственной информационной системе противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий: Постановление Правительства РФ от 27.02.2026 г. № 200 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
6. О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.
7. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 31.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.
8. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
9. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.
10. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2025 год // Банк России: официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/
11. Статистические сведения о состоянии преступности в январе–октябре 2025 года // МВД Медиа. 28 ноября 2025 г.
12. Шаров В.И. «Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.2025.№3(107).С. 171–178.
13. Тимофеев С.В., Абидов Р.Р. Проблемы противодействия киберпреступности: вопросы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 292–300.
14. Озеров К.И. Раскрытие мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 167–171.
15. Варданян А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 7–13.
16. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2018. 762 с.
17. Куликова И.Е. Особенности проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и методов социальной инженерии // Российский следователь. 2022. № 7. С. 70–74.
18. Дерюгин Р.А. О современных способах совершения мошенничества, связанного с использованием персональных данных пользователей сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1 (25). С. 65–74.

Pestretsov, M.A. The Use of the State Information System for Combating Offenses in Operational-Search Support for Solving Remote Fraud Offenses // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 548-552.

The article examines the legal, organizational, and tactical significance of the State Information System for Combating Offenses Committed Using Information and Communication Technologies for operational-search support in solving remote fraud offenses. It analyzes Federal Law No. 41-FZ of April 1, 2025, and the Regulations on the State Information System approved by Resolution of the Government of the Russian Federation No. 200 of February 27, 2026. It is substantiated that the system's potential in operational-search activity lies not in replacing operational-search measures, but in reducing the time between detecting indications of theft and adopting coordinated response measures, integrating heterogeneous digital, telecommunications, and financial identifiers, establishing the serial nature of offenses, and forming grounds for conducting operational-search measures.

Keywords: operational-search activity, remote fraud, state information system, information support, interagency cooperation, making inquiries, digital traces, banking transactions, telecommunications operators, offense-prevention scenario.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, odobrennyh v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 14.09.2026).
2. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ (red. ot 26.07.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 33. St. 3349.
3. O sozdanii gosudarstvennoj informacionnoj sistemy protivodejstviya pravonarusheniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij, i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 1 aprelya 2025 g. № 41-FZ (red. ot 26.07.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2025. № 14. St. 1801.
4. Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennoj informacionnoj sisteme protivodejstviya pravonarusheniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij: Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 27 fevralya 2026 g. № 200 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
5. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ (red. ot 26.07.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii.2006.№31(ch.I). St. 3448.
6. O svyazi: Federal'nyj zakon ot 7 iyulya 2003 g. № 126-FZ (red. ot 26.07.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2003. № 28. St. 2895.
7. O nacional'noj platezhnoj sisteme: Federal'nyj zakon ot 27 iyunya 2011 g. № 161-FZ (red. ot 31.07.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 27. St. 3872.
8. O personal'nyh dannyh: Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ (red. ot 26.07.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 31 (ch. I). St. 3451.
9. O bankah i bankovskoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 2 dekabrya 1990 g. № 395-1 (red. ot 26.07.2026) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 6. St. 492.
10. Obzor operacij, sovershennyh bez dobrovol'nogo soglasiya klientov finansovyh organizacij za 2025 god // Bank Rossii: oficial'nyj sajt. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/
11. Statisticheskie svedeniya o sostoyanii prestupnosti v yanvare–oktyabre 2025 goda // MVD Media. 28 noyabrya 2025 g.
12. SHarov V.I. «Cifrovaya operativno-rozysknaya deyatel'nost'» i cifrovizaciya protivodejstviya prestupleniyam // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 3 (107). S. 171–178.
13. Timofeev S.V., Abidov R.R. Problemy protivodejstviya kiberprestupnosti: voprosy teorii i praktiki // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 1 (108). S. 292–300.
14. Ozerov K.I. Raskrytie moshennichestv s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1 (89). S. 167–171.
15. Vardanyan A.V. Problema sistematizacii cifrovyh metodov operativno-rozysknoj deyatel'nosti, ispol'zuemyh v bor'be s distancionnymi hishcheniyami, i ih kriminalisticheskoe znachenie // YUrist"-Pravoved". 2022. № 2 (101). S. 7–13.
16. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo. 4-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2018. 762 s.
17. Kulikova I.E. Osobennosti provedeniya nekotoryh operativno-rozysknyh meropriyatij pri raskrytii moshennichestv, sovershaemyh s ispol'zovaniem sredstv mobil'noj svyazi i metodov social'noj inzhenerii // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 7. S. 70–74.
18. Deryugin R.A. O sovremennyh sposobah sovershen'iya moshennichestva, svyazannogo s ispol'zovaniem personal'nyh dannyh pol'zovatelej seti Internet // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2023. № 1 (25). S. 65–74.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 553-558.

УДК 343.9:314.7

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Потапов И. Н.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Различия в понимании миграционной преступности затрудняют определение предмета оперативного поиска: в одну группу включаются преступления иностранцев, уголовно наказуемые нарушения миграционного законодательства и деяния, обеспечивающие функционирование незаконных миграционных каналов. Цель исследования – сформулировать понятие миграционной преступности, пригодное для решения задач оперативно-розыскной деятельности, и установить критерии отнесения к ней конкретных преступлений. Материалами исследования послужили уголовное и оперативно-розыскное законодательство, акты в сфере миграции, разъяснения Верховного Суда РФ и научные публикации. Использованы формально-юридический метод, сопоставление доктринальных позиций и моделирование пограничных ситуаций. Обосновано, что гражданство лица и факт его территориального перемещения недостаточны для выделения рассматриваемой группы. Предложено сочетать предметный критерий, характеризующий нарушение охраняемого уголовным законом порядка миграционных отношений, с функциональным критерием, отражающим использование миграционных процедур и обусловленной миграцией зависимости человека в механизме преступления. В структуре миграционной преступности выделены непосредственные посягательства на указанный порядок и функционально связанные с ними либо с миграционными отношениями преступления. Уточнено соотношение миграционной преступности, преступности мигрантов, незаконной и криминальной миграции. Показано, что категория миграционной безопасности определяет охраняемые интересы, но сама по себе не устанавливает ни уголовную противоправность, ни основания проведения оперативно-розыскных мероприятий. Практическое значение предложенного определения состоит в формировании проверяемых версий о преступных связях, разграничении ролей участников и установлении пределов тематического обобщения оперативной информации. Полученные выводы имеют теоретический характер и могут служить основой последующего эмпирического исследования.

Ключевые слова: миграционная преступность, преступность мигрантов, незаконная миграция, криминальная миграция, миграционная безопасность, оперативно-розыскная деятельность, механизм преступления, оперативный поиск.

Понятие миграционной преступности приобретает практическую определенность лишь тогда, когда позволяет объяснить, почему конкретное преступление относится к данному виду преступности. Однако, перед начал нашего научного изыскания, необходимо уточнить, что исследование основано на анализе нормативных положений и научных подходов; приводимые далее ситуации используются как логические модели, а не как результаты обобщения уголовных дел. Предмет рассмотрения ограничен связью преступления с миграционными отношениями. Разработка тактики отдельных оперативно-розыскных мероприятий требует самостоятельного исследования.

В.В. Собольников при разработке понятия миграционной преступности придает определяющее значение характеристике субъекта, связанного с миграционными процессами. Достоинство такого подхода состоит в обращении к миграции как к обстоятельству, которое влияет на социальное положение человека и заслуживает самостоятельного криминологического изучения [9]. Однако перенесение субъектного критерия в оперативно-розыскную классификацию требует уточнений. Мигрант как участник социального процесса и специальный субъект преступления – понятия разного порядка. Юридическое значение конкретного признака субъекта устанавливается уголовным законом, а не принадлежностью человека к исследуемой социальной группе.

М.Ф. Костюк и Е.В. Кунц рассматривают миграционную преступность через преступное поведение мигрантов, его последствия для криминологической безопасности и латентность соответствующих деяний [7]. Такой предмет исследования позволяет изучать криминологические проблемы участия мигрантов в преступности.

Вместе с тем показатель преступности иностранных граждан нельзя автоматически распространять на всю миграционную преступность: это означало бы признать совпадающими две группы, выделенные по разным основаниям. Данное возражение касается пределов использования категории, а не необходимости изучения преступности иностранцев.

Иностранное гражданство не удостоверяет актуального участия лица в миграционном процессе. Иностранный гражданин может длительно проживать в России; гражданин России – перемещаться внутри страны и за ее пределами. Закон о правовом положении иностранных граждан различает, в частности, временное пребывание, временное и постоянное проживание, то есть сам правовой статус иностранца неоднороден [3, ст. 2]. Для исследования преступности мигрантов необходимо дополнительно определить вид перемещения, период после него и связь с новым местом проживания. Без этих условий состав изучаемой совокупности будет зависеть от произвольно выбранного значения слова «мигрант». Более определенный предмет задает обращение к отношениям, охраняемым уголовным законом. Ст. 322, 322.1–322.3 УК РФ предусматривают ответственность за незаконное пересечение госграницы, организацию незаконной миграции, фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет. При этом ст. 322.2 УК РФ охватывает также фиктивную регистрацию граждан РФ [1]. Следовательно, даже на уровне непосредственно связанных с миграцией уголовно-правовых запретов рассматриваемая группа не исчерпывается поведением иностранцев. Такой подход позволяет выделить относительно определенное ядро миграционной преступности, но не раскрывает всей системы связей, значимых для оперативного поиска. Изготовление подложных документов, коррупционное содействие или использование зависимого труда могут обеспечивать существование незаконного миграционного канала, хотя уголовно-правовая оценка соответствующих действий производится по иным нормам. В этих случаях предметная связь нуждается в дополнении функциональной: необходимо установить, какую роль конкретное деяние выполняет в отношении миграционных процедур, перемещения или пребывания людей.

Выражение «преступления в сфере миграции» удобно для обозначения области общественных отношений, однако само по себе не задает критерия включения. Сфера деятельности органа также не тождественна объекту преступного посягательства. Не всякое преступление, информация о котором поступила миграционному подразделению, становится миграционным; принадлежность материала определенному ведомственному направлению не изменяет свойства самого деяния. Поэтому соответствующий термин требует раскрытия через содержание преступления, а не через организационную принадлежность выявившего его подразделения.

Категория миграционной безопасности позволяет поставить иной вопрос: какие интересы должны защищаться от преступного использования миграционных процессов? В подп. «м» п. 29 Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 гг. обеспечение миграционной безопасности предусмотрено в рамках государственного контроля (надзора) в сфере миграции [4]. Это положение задает направление государственной политики. Оно не вводит в уголовный закон самостоятельную группу составов «против миграционной безопасности» и не содержит готовой дефиниции миграционной преступности.

Е.И. Фойгель раскрывает миграционную безопасность через защищенность интересов личности, общества и государства, а объединение преступлений для криминалистического исследования связывает с характеристикой иностранного участника уголовного судопроизводства [10]. Для нашего исследования существенна включенность интересов личности в содержание безопасности. Охрана миграционных отношений не должна сводиться к контролю за иностранцами: она охватывает также защиту людей от преступного использования процедур въезда, пребывания и трудового устройства. Вместе с тем критерий, полезный для криминалистической

методики с участием иностранцев, не обязательно определяет границы миграционной преступности в теории оперативно-розыскной деятельности.

Термин «преступления миграционной направленности» также требует осторожности. Направленность может обозначать объект посягательства, мотив или назначение действий в более широкой преступной деятельности. Организация незаконного пребывания за вознаграждение одновременно связана с миграционными отношениями и корыстной мотивацией. Использование такого канала для обеспечения иного преступления добавляет еще одну характеристику, но не устраняет первую. Поэтому миграционный, экономический и иной признаки не следует во всех случаях считать взаимоисключающими. Их необходимо учитывать как разные основания анализа одного события.

Применительно к задачам оперативно-розыскной деятельности предлагается понимать миграционную преступность как совокупность преступлений, совершаемых в определенных пространственных и временных пределах, в которых нарушение охраняемого уголовным законом порядка миграционных отношений составляет содержание посягательства либо миграционные процедуры, организация перемещения и пребывания людей или обусловленная миграцией зависимость человека используются в механизме подготовки, совершения или сокрытия преступления.

В этой дефиниции родовым признаком выступает совокупность преступлений. Незаконная миграция, нарушения правил учета и иные неправомерные действия включаются в нее лишь при наличии уголовно-правовых признаков. Пространственные и временные пределы необходимы для исследования самой преступности: они не позволяют представить неопределенный набор разновременных фактов как характеристику состояния конкретного региона. Для первоначальной оперативной проверки допустимо предположение о преступной природе события, но в научном обобщении следует различать проверяемые сведения и установленную характеристику деяния.

Видовой признак имеет два основания. Предметное основание выражает непосредственное нарушение порядка миграционных отношений, защищаемого уголовным законом. Функциональное основание раскрывает использование миграционного процесса в преступном механизме. Их сочетание позволяет сохранить определенность основного массива и исследовать преступления, которые обеспечивают его существование либо используют миграционные отношения для иных преступных целей. Предлагаемая конструкция не требует, чтобы каждый включаемый эпизод был связан с организацией незаконной миграции: эксплуатация миграционной зависимости возможна и после законного въезда человека.

Под функциональной связью в данном случае понимается конкретная роль миграционного обстоятельства в осуществлении преступного замысла. Для ее установления недостаточно указать, что преступник приехал из другого государства или что преступление совершено в месте проживания приезжих. Необходимо объяснить, каким образом процедура, услуга по перемещению или зависимость участника позволяла совершить, обеспечить либо скрыть именно исследуемое деяние. Причинная связь миграции с социальными трудностями и функциональная связь миграционного обстоятельства со способом преступления не тождественны. Первая может быть предметом криминологического исследования; вторая определяет границы предлагаемой оперативно-розыскной группировки.

Из этого следует двухуровневая структура. Первый уровень образуют непосредственные уголовно наказуемые нарушения порядка миграционных отношений. Второй – иные преступления с установленной функциональной связью. Их не следует объединять в нерасчлененный перечень статей УК РФ. Одна и та же уголовно-правовая норма может охватывать как миграционный, так и иной механизм; следовательно, включение во второй уровень производится применительно к событию, а не ко всем преступлениям данного вида. Предлагаемый подход можно проверить на условных ситуациях. Кража, совершенная иностранным гражданином при обычных обстоятельствах, относится к преступности иностранцев, однако сведений о мигра-

ционном механизме в таком описании нет. Напротив, изготовление подложных документов специально для функционирования незаконного миграционного канала имеет соответствующую функциональную связь, хотя изготовитель может быть гражданином РФ. В ситуации вымогательства у прибывшего работника необходимо установить, используется ли зависимость от оформления его пребывания как средство принуждения либо миграционный статус лишь характеризует потерпевшего. В последнем случае оснований для тематического включения недостаточно.

Особое значение имеет разграничение аналитической связи и уголовно-правовой совокупности. Согласно п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 9.07.2020 г. № 18, только фиктивная регистрация или постановка на учет не требует дополнительной квалификации по ст. 322.1 УК РФ; сочетание ее с другими действиями по организации незаконной миграции оценивается иначе [5, п. 8]. Следовательно, даже подтвержденная принадлежность нескольких действий к одному миграционному механизму не освобождает от установления признаков каждого состава. Предлагаемая дефиниция служит поиску связей, но не разрешает конкуренцию уголовно-правовых норм. Не совпадают также число мигрантов, число информационных эпизодов и число преступлений. П. 9 названного постановления допускает оценку создания условий для незаконных действий нескольких иностранцев как одного преступления при едином умысле [5, п. 9]. В аналитическом исследовании поэтому целесообразно отдельно учитывать преступные события, участников и обслуживающие их связи. Иначе увеличение числа установленных лиц будет ошибочно интерпретироваться как равное ему увеличение числа преступлений, а действия одного организатора окажутся раздроблены на несвязанные сведения.

Для прикладного использования определения предлагается последовательно отвечать на три вопроса. Какое миграционное отношение затронуто исследуемым событием? В чем состоит предполагаемое уголовно наказуемое деяние? Какими сведениями подтверждается роль миграционного обстоятельства в его механизме? В первом уровне классификации основное значение имеет содержание нарушенного порядка; во втором необходимо дополнительно раскрыть функциональную связь. Такая последовательность делает решение о включении события в исследуемый массив проверяемым другим исследователем или сотрудником.

Дефиниция позволяет точнее определить и содержание взаимодействия. Для проверки преступной связи может потребоваться сопоставление сведений о правовом положении человека, фактическом выполнении миграционных процедур и действиях посредников. Само наличие таких сведений в разных подразделениях не свидетельствует о преступлении. Познавательная задача заключается в объяснении расхождений и установлении их происхождения. Миграционная преступность в контексте оперативно-розыскной деятельности нуждается в определении через содержание преступного посягательства и роль миграционных отношений в его механизме. Гражданство и факт перемещения характеризуют участников, но сами по себе не образуют достаточного основания группировки. Предложенное сочетание предметного и функционального критериев позволяет учитывать непосредственные нарушения охраняемого уголовным законом порядка миграции и иные преступления, конкретно связанные с миграционными процедурами, организацией перемещения и пребывания людей либо использованием возникшей зависимости.

Преступность мигрантов, незаконная миграция и криминальная миграция описывают соответственно характеристику субъектов, противоправность миграционного поведения и цель перемещения. Их объемы пересекаются, однако не совпадают. Миграционная безопасность определяет направленность защиты общественных отношений; она не заменяет состав преступления и правовые основания оперативно-розыскного вмешательства. Практическая ценность определения заключается в возможности обосновать включение каждого события в исследуемую группу и установить связи, которые остаются невыявленными при учете только гражданства участников. Для дальнейшей проверки предложенной конструкции необходим анализ

уголовных дел с раздельной фиксацией основания включения, роли миграционного обстоятельства и источников подтверждения этой роли. Это позволит проверить воспроизводимость классификации и определить, какие связи действительно имеют значение для выявления преступлений, а какие отражают лишь внешнее сходство событий.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.09.2026).
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 14.09.2026).
3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 14.09.2026).
4. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055
5. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 (ред. от 23.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357060/ (дата обращения: 14.09.2026).
6. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: к описанию понятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19), ч. 1. С. 88–90.
7. Костюк М.Ф., Кунц Е.В. Миграционная преступность как криминологическая проблема // Миграционное право. 2024. № 4. С. 25–28.
8. Омелин В.Н., Пьянков М.Н. Оперативно-розыскная характеристика организации незаконной миграции: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 622–624.
9. Собольников В.В. Понятие миграционной преступности и проблемы ее определения // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3 (25). С. 119–133.
10. Фойгель Е.И. Некоторые аспекты криминалистического обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 200–209.

Potapov I.N. On the concept of migration-related crime in the context of operational-search activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 553-558.

Differences in the understanding of migration-related crime complicate the identification of the subject of operational inquiry. The same category may encompass offences committed by foreign nationals, criminal violations of migration legislation, and offences sustaining illegal migration channels. This study aims to formulate a definition suitable for operational-search activities and establish criteria for classifying individual offences. The materials comprise criminal and operational-search legislation, migration policy instruments, interpretations issued by the Supreme Court of the Russian Federation, and scholarly publications. The methods include doctrinal analysis, comparison of scholarly approaches, and the modelling of borderline cases. Neither a person’s nationality nor territorial movement alone provides a sufficient classification criterion. The proposed approach combines an object-based criterion, addressing criminal violations of the legally protected order of migration relations, with a functional criterion, addressing the use of migration procedures or migration-related dependency within a criminal mechanism. A distinction is drawn between direct encroachments upon that order and offences functionally connected with those encroachments or with migration relations. Migration-related crime is differentiated from offending by migrants, irregular migration, and movement undertaken for criminal purposes. Migration security identifies protected interests but does not independently establish criminal liability or authorize operational-search measures. The proposed definition supports the development of verifiable hypotheses concerning criminal connections, the differentiation of participants’ roles, and the delineation of information relevant to operational analysis. The conclusions are theoretical and provide a basis for subsequent empirical research.

Keywords: migration-related crime, offending by migrants, irregular migration, criminal migration, migration security, operational-search activities, criminal mechanism, operational inquiry

Spisok literatury:

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 14.09.2026).
2. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 33. St. 3349.

3. O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 115-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2002. № 30. St. 3032.
4. O Koncepcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2026–2030 gody: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 oktyabrya 2025 g. № 738 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
5. O sudebnoj praktike po delam o nezakonnom peresechenii Gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii i prestupleniyah, svyazannyh s nezakonnoj migraciej: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 iyulya 2020 g. № 18 (red. ot 23.12.2025).
6. Kondrat'ev M. V. Operativno-rozysknaya harakteristika prestuplenij: k opisaniyu ponyatiya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 5 (19), ch. 1. S. 88–90. URL: https://www.gramota.net/article/hss20120819/pdf.
7. Kostyuk M.F., Kunc E.V. Migracionnaya prestupnost' kak kriminologicheskaya problema // Migracionnoe pravo. 2024. № 4. S. 25–28.
8. Omelin V.N., P'yankov M.N. Operativno-rozysknaya harakteristika organizacii nezakonnoj migracii: ponyatie i soderzhanie // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 11 (239). S. 622–624.
9. Sobol'nikov V.V. Ponyatie migracionnoj prestupnosti i problemy ee opredeleniya // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2011. № 3 (25). S. 119–133.
10. Fojgel' E.I. Nekotorye aspekty kriminalisticheskogo obespecheniya migracionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. T. 18, № 2. S. 200–209.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 559-563.

УДК 341

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРУДА

Процевский В. А. Моисеенко М. А.
Севастопольский государственный университет

В представленной научной статье рассматривается многовековая эволюция правового регулирования трудовых отношений, начиная с древнейших цивилизаций и заканчивая современным российским законодательством. Авторы подчеркивают, что усложнение результатов совместной деятельности требовало новых правил: уже в своде законов Хаммурапи (XVIII век до н. э.) фиксировались нормы для наёмных работников полей и садовников. В Древнем Риме труд рабов регулировался частным правом через концепцию «говорящего орудия», а в Средние века патриархальные цеховые отношения закреплялись обрядом «комендации», лишавшим работника независимости. Подчеркивается, что ни рабовладельческое, ни феодальное право не содержало полноценных норм организации труда. Качественный скачок произошел лишь с развитием капитализма, превратившего рабочую силу в товар, что привело к выделению трудового права из гражданского, хотя изначально это ухудшило положение трудящихся. Исследование детально прослеживает формирование отрасли во Франции, Великобритании и Российской империи.

Ключевые слова: правовая регламентация труда, отрасль права, договор найма рабочей силы, Кодекс Наполеона, Российская империя, Основы законодательства о труде, Кодекс Законов о труде, Трудовой кодекс.

Регулирование в сфере труда, всегда считалось одним из важнейших начал для дальнейшего развития человеческой цивилизации. Существование общества в результате совместной трудовой деятельности с каждым поколением усложнялось, от примитивных орудий труда к сложнейшим технологическим комплексам. Только благодаря труду люди смогли удовлетворять свои растущие материальные и духовные потребности, создавая прибавочный продукт. Уже Свод законов царя Вавилона Хаммурапи включает правила поведения, которые регламентируют отношения наёмного труда в одном из первых классовых государств. Так, ст. 49–52 регулируют отношения найма работников для полевых работ, устанавливая фиксированную плату зерном или серебром за вспашку, жатву или молотьбу [1]. Ст. 60–66 закрепляют условия труда садовников, определяя ответственность за гибель посадок и порядок раздела урожая между хозяином сада и наемным специалистом [1]. Эти нормы демонстрируют зарождение понимания того, что человеческий труд имеет свою объективную стоимость.

Римское частное право уже включало в себя развитую правовую систему, направленную на регламентацию трудовых отношений. Хотя социальное разделение в Древнем Риме на свободных граждан, обладающих всей полнотой политических и имущественных прав, и рабов, лишенных статуса субъекта права, регулировалось нормами частного гражданского права, государство не могло функционировать без института свободного найма. Классические отношения «хозяин — раб» отождествлялись с отношениями «хозяин — орудие труда». Римские юристы использовали термин instrumentum vocale — «говорящее орудие», подчеркивая вещную природу раба. Существовал также институт свободных людей, продающих свой труд за вознаграждение (locatio-conductio operarum). Он заложил принцип эквивалентности обмена: навыки работника обменивались на плату за труд.

Труд в Средние века отличался цеховой организацией экономики. Феодальный строй сохранял отношения между мастерами, которые являлись собственниками средств производства, и учениками, как работниками, и носил патриархальный характер. Русский учёный цивилист начала XX в. Л.С. Таль указывал, что для заключения договора найма с работником в это время был присущ так называемый «акт коммендации» [2, с. 243, 282]. Лицо, которое нанималось на работу, теряло свою независимость и личную свободу. Оно вкладывало свои руки в руки хозяина, кото-

рый в виде оплаты передавал ему какую-нибудь вещь — монету, перчатку или ветку дерева. Такой обряд означал не просто начало работы, но переход к хозяину священной обязанности по защите и покровительству наёмного работника. При этом власть хозяина над работником практически не ограничивалась никакими внешними законами, поскольку централизованное государство почти не вмешивалось в частные отношения, которые возникали между этими субъектами труда после допуска к работе [3, с. 4]. Поэтому хозяин распоряжался не только физической рабочей силой человека, но зачастую и им самим как личностью, контролируя его быт, семью и досуг. Ни обычное неписаное право древних племен, ни античное рабовладельческое законодательство, ни феодальное право вассалитета вплоть до Нового времени не содержало системных норм по масштабному регулированию и организации массового индустриального труда.

Буржуазное общество, сформировавшееся в результате длительного эволюционного способа производства, совершило качественный скачок. Капитализм создал объективную возможность применения правовой регламентации, существенно отличающейся от регулирования гражданско-правовых соглашений. Выделение человеческого труда в самостоятельный объект оборота потребовало создания отдельной группы правовых норм по регламентации наёмного труда [4, с. 88]. Капиталистический способ производства, превратил в действительность обособление от гражданского права группы норм, определяющих трудовой договор в качестве соглашения «sui generis». Труд окончательно выделился из сферы гражданско-правового регулирования, что обусловило появление предмета правового регулирования и формирование самостоятельной отрасли в системе права. Однако формальная свобода договора личного найма при отсутствии необходимых правовых государственных регуляторов, привела к ухудшению фактического положения трудящихся, что характеризовалось рабочим днем до 16 ч. в день, использованием женского и детского труда, отсутствием техники безопасности и производственной санитарии.

Французская революция (конец XVIII века) провозгласила свободу труда и обеспечила свободу спроса и продажи рабочей силы на открытом рынке. Тем не менее, договор найме услуг в ст. 1779 ГК Наполеона 1804 г. рассматривался как обычная гражданско-правовая услуга [5]. Работник был равен работодателю формально, но экономически находился в положении просителя, вынужденного соглашаться на любые условия. Великобритания, как первая в мире промышленная мастерская («мировая фабрика»), стала первой страной, которая под давлением рабочего движения создала относительно целостную и прагматичную систему фабричного трудового законодательства [6]. Начиная с 30-х годов XIX века парламент принимает серию Фабричных актов, постепенно ограничивающих эксплуатацию женщин и детей. Активно развивается мощное профсоюзное (тред-юнионистское) движение, объединяющее квалифицированных рабочих [7]. Постепенно легализуются коллективные договоры, примирительные комиссии для разрешения споров и органы трудового арбитража, что позволяет перевести классовую борьбу из плоскости уличных бунтов в плоскость юридических переговоров.

Уникальность истории национального трудового права России состоит в том, что на протяжении XIX–XXI вв. оно несколько раз кардинально меняло свою философскую основу и содержание правового регулирования. Первым известным нормативным актом в сфере наемного труда в Российской империи, является Положение от 24 мая 1835 г. «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, которые вступают в них по найму» [8]. Этот документ впервые попытался упорядочить выдачу расчетных книжек и процедуру увольнения. Благодаря систематизации законодательства, проведенной в период правления императора Николая I было подготовлено Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, содержащее массив нормативных актов, принятых с 1649 по 1826 г. [9]. Позже был издан Свод законов Российской Империи. В 1913 г. его редакция и многочисленные

положения, которые касались регулирования труда работников в промышленности, были объединены в отдельный нормативный акт — Устав о промышленном труде. Он стал прямым юридическим прообразом будущих советских Кодексов о труде, закрепив первые элементы государственного влияния на фабрикантов.

С приходом Советской власти в октябре 1917 г. начинается принципиально новый, революционный этап в регулировании отношений в сфере труда, чем блестяще подтверждается древнеримское высказывание «Novus rex — novus lex» (Новый царь — новые законы). На смену хаотичному договорному установлению условий труда, выгодному сильнейшей стороне, приходит тотальное централизованное государственное урегулирование трудовых отношений путём издания экстренных декретов и законов советской власти. Одним из самых известных и гуманных нормативных актов мирового масштаба в сфере труда стал Декрет о 8-часовом рабочем дне, утвержденный в октябре 1917 г. Немного позднее, в декабре 1918 г., был принят Кодекс законов о труде [10]. Этот исторический документ впервые в мировой практике законодательно провозглашал всеобщую повинность трудиться и одновременно декларировал право на труд как обязанность государства предоставить занятость, закреплял месячный отпуск, вводил ограничение сверхурочных работ и запрещал ночной труд подростков.

Однако этот первый Кодекс имел во многом декларативный и формальный характер, так как реальные условия труда диктовались Гражданской войной и политикой военного коммунизма. Они в большей степени регламентировались оперативными Декретами, Постановлениями СНК и Положениями отдельных ведомств, часто носившими чрезвычайный характер. Кодекс Законов о труде 1922 г. РСФСР, принятый в условиях Новой экономической политики (НЭП), был намного более либеральным и рыночным по сравнению с военно-коммунистическим предшественником [11]. Приём на работу осуществлялся теперь преимущественно в добровольном порядке через биржи труда. Принудительная трудовая повинность допускалась только в исключительных случаях государственной необходимости, например, при борьбе со стихийными бедствиями. Важнейшим достижением стало законодательное закрепление положения о том, что договор найма является полноценной двусторонней трудовой сделкой, где у сторон появляются взаимные права и обязанности.

Начало ВОВ вынудило Советскую власть применить беспрецедентно жесткие мобилизационные меры для нужд обороны. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» укрепил трудовую дисциплину работников [12]. Опоздание на работу более чем на 20 мин. приравнивалось к прогулу и влекло уголовное наказание. Одновременно были утверждены Типовые правила внутреннего трудового распорядка для всех работников и служащих страны. Эти административные меры сыграли роль в укреплении трудовой дисциплины, позволив бесперебойно снабжать фронт боеприпасами и техникой, что стало решающим фактором для Победы.

После окончания ВОВ договорный метод правового регулирования стал соответствовать сложившейся социально-экономической ситуации в стране. Трудящиеся получили возможность проявлять инициативу, появилось социалистическое соревнование. В соответствии с Основами Законодательства СССР и союзных республик о труде от 15.07.1970 г. был принят 9.12.1971 г. Кодекс Законов о Труде (КЗоТ) РСФСР [12]. Он действовал до распада СССР и регулировал механизмы социального обеспечения, оплачиваемые отпуска, охрану материнства и детства.

Перестройка, начатая в 1985 г., способствовала постепенному введению в действие развернутого, многоуровневого законодательства. Появились первые законы о государственном предприятии, расширяющие права трудовых коллективов в управлении производством, и закон о кооперации, легализующий индивидуальную трудовую деятельность. После распада СССР и появления нового суверенного государ-

ства — Российской Федерации — страна пошла по пути дальнейшей демократизации и гуманизации трудового законодательства. Это выразилось в долгой и сложной работе законодателей над созданием совершенно нового документа, учитывающего реалии рыночной экономики. Итогом этой работы стало принятие ныне действующего Трудового Кодекса РФ Государственной Думой, одобрен Советом Федерации и подписан Президентом России 30.12.2001 г. Вступил в силу с 1.02.2002 г., заменив советский КЗоТ 1971 г. [13].

Современный Трудовой кодекс основан на конституционном принципе свободы труда. Кодекс предусматривает юридическую ответственность работодателя за задержку выплаты зарплаты и содержит правовую норму, в соответствии с которой работник имеет право на самозащиту (ст. 379 ТК РФ).

Трудовой кодекс РФ в ст. 3 определяет предмет правового регулирования в трудовом праве [14]. Последний составляют около десяти общественных отношений.

Метод трудового права основан на уникальном сочетании единства и дифференциации его норм [15]. Он сочетает централизованное государственное регулирование федеральных стандартов с локальным уровнем конкретной организации и договорным регулированием через индивидуальные контракты. Метод характеризуется взаимосвязью юридического равенства сторон при заключении договора и элемента организационной подчиненности работника внутреннему распорядку в процессе исполнения обязанностей. Система отрасли структурно делится на Общую часть, содержащую базовые принципы, и Особенную часть. Общепризнанные принципы международного права и международные договоры РФ могут являться составной частью правовой системы и обладают приоритетом, только в том случае если они устанавливают более благоприятные условия для работников, чем национальное законодательство.

Таким образом, пройдя тысячелетний путь от глиняных табличек Хаммурапи до сложных цифровых платформ управления персоналом, трудовое право утвердилось как главный социальный регулятор, обеспечивающий баланс интересов личности, бизнеса и государства.

Список литературы:

1.Законы вавилонского царя Хаммурапи [Электронный ресурс] URL https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm - Режим доступа- открытый.
2.Таль Л.С.Трудовой договор: Цивилистическое исследование/ Л.С. Таль- М.: Статут, 2006- 539 с.
3.Миронов В. И. Трудовое право : учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2020.992 с.
4.Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. М.: Статут, 2009.
5.Гражданский кодекс Французской республики 1804 г. [Электронный ресурс]. - URL: https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041401 (дата обращения: 31.08.2026).
6.Simon Deakin and Gillian Morris Labour law. Six Edition- Oxford and Portland, Oregon- 2012.- 1264 p.
7.Процевский, В. А. Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций / В. А. Процевский, М. А. Моисеенко // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26, № 3. – С. 131-139. – DOI 10.24866/1813-3274/2024-3/131-139. – EDN MPDAAZ.
8.Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. №10 (38).
9. Полное собрание законов Российской империи [Электронный ресурс].
10. Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 [Электронный ресурс]
11. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года - [Электронный ресурс]
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. "О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений" (с изменениями и дополнениями) - [Электронный ресурс]-
13. Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года-[Электронный ресурс]
14. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026) [Электронный ресурс] URLhttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ –
15. Рим Р.К., Гузель Ю.К., Залия А.Ш. К вопросу становления международного трудового права: историко-правовой аспект // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. №2.

Protsevsky V. A. Moiseenko M.A. The genesis of the formation and development of international legal regulation of relations in the sphere of labour // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 559-563.

This academic article examines the centuries-long evolution of the legal regulation of labour relations, from the earliest civilisations to modern Russian legislation. The authors emphasises that the increasing complexity of the outcomes of joint activities necessitated new rules: as early as the Code of Hammurabi (18th century BC), provisions were laid down for hired farm labourers and gardeners. In Ancient Rome, the labour of slaves was regulated by private law through the concept of the ‘speaking tool’, whilst in the Middle Ages, patriarchal guild relations were formalised by the rite of ‘commendation’, which deprived the worker of their independence. It is emphasised that neither slave-owning nor feudal law contained fully-fledged provisions governing the organisation of labour. A qualitative leap only occurred with the development of capitalism, which transformed the labour force into a commodity; this led to the separation of labour law from civil law, although initially this worsened the position of workers. The study traces in detail the formation of this branch of law in France, Great Britain and the Russian Empire.

Keywords: legal regulation of labour, branch of law, employment contract, the Napoleonic Code, the Russian Empire, Fundamentals of Labour Legislation, Code of Labour Laws, Labour Code.

Spisok literatury:

1.Zakony vavilonskogo carya Hammurapi [Elektronnyj resurs]
2.Tal' L.C.Trudovoj dogovor: Civilisticheskoe issledovanie/ L.C. Tal'- M.: Ctatut, 2006- 539 c.
3. Mironov V. I. Trudovoe pravo : uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Prospekt, 2020. – 992 s.
4.Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Kurs trudovogo prava: Uchebnik: V 2t. T.1. Sushchnost' trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka. Obshchaya chast'. M.: Statut, 2009.
5. Grazhdanskij kodeks Francuzskoj respubliki 1804 g. [Elektronnyj resurs].
6.Simon Deakin and Gillian Morris Labour law. Six Edition- Oxford and Portland, Oregon- 2012.- 1264 p.
7.Procevskij, V. A. Problemy pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti profsoyuznyh organizacij/V.A. Procevskij, M. A. Moiseenko // Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2024. T. 26, № 3.
8.Polozhenie ob otnosheniyah mezhdu hozyaevami fabrichnyh zavedenij i rabochimi lyud'mi, postupayushchimi na onye po najmu // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2017. №10 (38).
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Elektronnyj resurs].
10. Kodeks zakonov o trude RSFSR ot 10 dekabrya 1918 [Elektronnyj resurs]
11. Kodeks zakonov o trude RSFSR 1922 goda - [Elektronnyj resurs]
12. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunya 1940 g. \"O perekhode na vos'michasovoj rabochij den', na semidnevnuyu rabochuyu nedelyu i o zapreshchenii samovol'nogo uhoda rabochih i sluzhashchih s predpriyatij i uchrezhdenij\" (s izmeneniyami i dopolneniyami) - [Elektronnyj resurs]
13. Kodeks zakonov o trude RSFSR 1971 goda-[Elektronnyj resurs]- URL -https://base.garant.ru/3961942/ - Rezhim dostupa: otkrytyj (data obrashcheniya: 31.08.2026).
14. "Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii\" ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 29.12.2025, s izm. ot 15.05.2026) [Elektronnyj resurs]
15. Rim R.K., Guzel' Yu.K., Zaliya A.Sh. K voprosu stanovleniya mezhdunarodnogo trudovogo prava: istoriko-pravovoj aspekt // Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. 2025. №2 (22).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 564-572.

УДК 343.9

КРИМИНОГЕННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ[1]

Позднякова Е. В.

Юго-Западный государственный университет

Национальная безопасность не является замкнутым внутригосударственным состоянием, она обусловлена состоянием международного правопорядка, эффективностью коллективной безопасности и устойчивостью режимов международного сотрудничества. Фундаментальные изменения архитектуры международной безопасности требуют анализа криминогенного потенциала таких трансформаций и их влияния на обеспечение национальной безопасности. Целью данного анализа является выявление связей между изменениями состояния международной среды и функционирования системы международной безопасности и детерминируемыми данными изменениями актуальными криминальными угрозами национальной безопасности. С учетом современной геополитической обстановки в работе рассмотрены следующие ключевые трансформации системы международной безопасности, обладающие наибольшим криминогенным потенциалом: кризис универсальных механизмов и разрушение коллективных форм обеспечения международной безопасности, включая разрушение или ослабление режимов контроля над вооружениями; технологизация международной безопасности; изменение характера международных конфликтов и ведение гибридных войн; возрастание роли негосударственных акторов в системе международной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, государственное управление, международная безопасность, геополитика, смена миропорядка, международные конфликты, преступность, криминальные угрозы, криминогенные риски.

Система международной безопасности в настоящее время характеризуется смещением центров влияния, перераспределением политических сил и структурной перестройкой всей ее архитектуры. Фрагментация международных отношений, экономическая и военно-политическая конфронтация, попытки одностороннего навязывания «порядка, основанного на правилах», а также кризис доверия к традиционным международным институтам выступают существенными вызовами международному правопорядку, основанному на принципах суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы ее применения, невмешательства во внутренние дела и коллективного реагирования на угрозы миру. В этих условиях возрастают угрозы международного терроризма и экстремизма, коррупции, транснациональной организованной преступности, расширения глобальных и региональных криминальных рынков, а также киберпреступности. Перечисленные виды преступности представляют угрозу как для национальной безопасности отдельных государств, так и для стабильности мирового сообщества в целом. Это определяет необходимость исследования трансформаций системы международной безопасности с точки зрения их криминогенного потенциала и характера влияния на обеспечение национальной безопасности.

Как подчеркивает А.Н. Игнатов, «в сложившихся сегодня условиях миропорядка развитие отечественной системы противодействия преступности как составляющей более глобальных систем – глобальной, региональной и национальной безопасности – обязательно должно учитывать криминологически значимые внешнеполитические конфигурации развития преступности» [1, с. 59]. Однако, в юридической литературе изменения системы международной безопасности и сопутствующие им риски исследуются преимущественно в международно-правовом [2], политологическом [3] и военном контекстах [4], тогда как анализ их криминогенного потенциала, особенно с точки зрения обеспечения национальной безопасности, остается недостаточным.

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год №075-03-2026-489

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ, национальная безопасность определяется как «состояние защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [5]. С трансформациями системы международной безопасности связаны многие условия и факторы, создающие прямую или косвенную возможность причинения ущерба нацинтересам РФ и выступающие угрозами национальной безопасности. Т.е., криминогенность изменений системы международной безопасности должна учитываться реализации комплекса мер (политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных), направленных обеспечении национальной безопасности и противодействие сопутствующим угрозам.

Как отмечает А.А. Лапин, «угрозы национальной и международной безопасности приобретают криминологический смысл, поскольку только криминология, единственная из всех наук так называемого криминального цикла обладающая арсеналом теоретически обоснованных и практически проверенных средств познания и оценки преступлений, способна в полном объеме оценить состояние, тенденции и последствия как любого отдельного уголовно наказуемого деяния, так и всей их совокупности. В этом смысле всякая национальная безопасность, с правовой научной точки зрения, суть криминологическая» [6, с. 30]. Следовательно, исследование криминогенности трансформаций системы международной безопасности предполагает не просто перечисление или классификацию связанных с ними криминальных угроз, а выявление взаимосвязей между изменениями состояния международной среды, функционированием системы международной безопасности и детерминируемыми ими актуальными криминальными угрозами национальной безопасности.

Таким образом, цель исследования криминогенного потенциала трансформаций системы международной безопасности заключается в выявлении связей процессов институциональных и неинституциональных трансформаций данной системы с возникновением или видоизменением криминальных угроз (внешних и внутренних) национальной безопасности, а также в оценке влияния данных угроз на способность системы государственного управления противостоять им на национальном уровне. Установление таких связей способствует эффективной реализации превентивных и комплексных по своему характеру мер обеспечения национальной безопасности.

В соответствии с Уставом ООН, определяющим в качестве цели Организации поддержание международного мира и безопасности, для достижения этой цели необходимо «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира», а также «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» [7]. Международная безопасность как юридическая категория конструируется как баланс трех начал: суверенитета государства, запрета силового принуждения и коллективного реагирования на угрозы миру. Как правовой режим она предполагает предупреждение, мирное разрешение конфликтов и коллективное реагирование на угрозы миру. Из этого следует, что международная безопасность является категорией, внешней по отношению к государству. Она одновременно выступает условием нормального функционирования государства, т.к.нарушение международного мира, вооруженная или экономическая агрессия, вмешательство во внутренние дела, дестабилизация региональных систем, разрушение договорных режимов и ослабление механизмов сотрудничества неизбежно отражаются на состоянии национальной безопасности.

Нарушение международной безопасности затрагивает именно те элементы государственности, которые образуют ядро национальной безопасности. Разрушение суверенитета, территориальной, политической и экономической устойчивости госу-

дарства создает среду, в которой возрастает вероятность насильственной, организованной, коррупционной, террористической и иной преступности, опирающейся на ослабление публичной власти и правовых институтов. Связь международной и национальной безопасности наглядно отражена в Стратегии нацбезопасности РФ, исходящей из того, что внешняя трансформация международной среды приобретает значение для нацбезопасности тогда, когда она создает условия и факторы, способные причинить ущерб национальным интересам государства [5]. Криминологическое измерение международной безопасности возникает в тех случаях, когда трансформация международной среды начинает выполнять функцию детерминации преступности. В связи с этим международная безопасность как криминологическая категория может быть определена через способность международного правопорядка сдерживать транснациональные формы преступной деятельности, препятствовать криминализации конфликтов и не допускать превращения международной нестабильности в источник внешних и внутренних криминальных угроз для государства.

Исследуя преступность на глобальном, региональном и национальном уровнях, В.В. Лунеев обращал особое внимание на криминологически значимые аспекты глобализации и глобальной дезинтеграции [8]. В современный период влияние международных процессов на динамику преступности приобретает иные масштабы и формы, что обусловлено как технологическим развитием [9; 10], так и характером открытого геополитического противостояния. Система международной безопасности разрушается тз-за отсутствия консолидированных усилий государств, а также целенаправленных действия отдельных акторов, направленных на дестабилизацию в институциональной среде в ущерб стратегической стабильности, в том числе за счет формирования зон нестабильности и неконтролируемого развития транснациональных криминогенных процессов. Указанное позволяет рассматривать международную безопасность не только как сферу межгосударственных отношений, но и как среду, в которой формируются либо сдерживаются криминальные риски.

Именно поэтому международная безопасность должна рассматриваться как категория, имеющая двойственную природу. С одной стороны, она выражает юридически закрепленное состояние защищенности международного правопорядка от агрессии, угрозы силой или ее применения, вмешательства во внутренние дела государства и иных нарушений его основных принципов. С другой стороны, она характеризует способность международной системы препятствовать использованию криминогенного потенциала международной нестабильности, локальных конфликтов, снижения устойчивости государств и проблем в сфере межгосударственного сотрудничества. Эта двойственность особ отчетливо проявляется что до терроризма и экстремизма, транснациональной организованной преступности, незаконного оборота оружия, киберпреступности, коррупции, легализации (отмывания) доходов, полученных преступных путем, торговли людьми и других трансграничных криминальных вызовов. Перечисленные явления не являются простым следствием международной дестабилизации, но именно она формирует для них благоприятную инфраструктуру: снижает эффективность пограничного и иммиграционного контроля, разрушает механизмы идентификации, преследования и экстрадиции преступников, осложняет международный обмен информацией, детерминирует развитие теневых рынков, легитимирует насилие в идеологии радикальных сообществ, а также переводит значительную часть экономических отношений в нелегальный сектор.

В данном контексте криминогенность международной безопасности означает не преступность самой системы международных отношений, а способность ее трансформаций порождать или усиливать криминогенные процессы, имеющие трансграничный характер либо внутренний дестабилизирующий эффект. Криминогенными могут становиться не только вооруженные конфликты, но и санкционные разрывы хозяйственных связей, асимметрия технологического развития государств, ослабление режимов контроля над вооружениями, миграционные кризисы, конкуренция юрисдикций, разрушение правовых институтов взаимной помощи, информационная

поляризация и снижение доверия к международным институтам. Поэтому анализ трансформации современной системы международной безопасности должен быть ориентирован не только на изменение баланса сил и институциональной структуры, но и на выявление тех криминологических последствий, которые превращают внешнюю нестабильность во внутреннюю угрозу правопорядку, государственной безопасности и устойчивому развитию страны. С учетом актуальной геополитической обстановки в мире можно выделить следующие трансформации системы международной безопасности, обладающие наибольшим криминогенным потенциалом.

1. Кризис универсальных механизмов и разрушение коллективных форм обеспечения международной безопасности. Коллективная безопасность предполагает согласованную волю государств. Современная международная среда характеризуется конкуренцией и открытым противостоянием политических, стратегических, экономических, юрисдикционных и иных интересов. В условиях перехода к полицентричной модели мироустройства наблюдается перераспределение потенциалов между ключевыми глобальными и региональными акторами. Как отмечает В.Г. Барановский, «новые акценты возникают на пересечении императивов международно-системного и национально-государственного уровня (вмешательство во внутренние дела, глобальные проблемы, приоритет суверенного партикуляризма) и в трактовке ряда важнейших традиционных для международного взаимодействия тем (безопасность, применение силы, статус территорий)» [11]. Данные процессы обуславливают фрагментированность структуры мировой политики, расширение пространства самостоятельности государств и усиление неопределенности, поскольку прежние механизмы управления мировыми процессами утрачивают универсальность, а новые правила взаимодействия еще не получили достаточной институциональной прочности.

Криминогенность данной трансформации определяется тем, что в системе международной безопасности перераспределяются не только политические и военные ресурсы, но и культурно-цивилизационные, экономические, технологические, информационные возможности, то есть те сферы, через которые в дальнейшем может проявляться криминогенный потенциал международной нестабильности.

При кризисе универсальных механизмов коллективной безопасности наблюдается усиление региональных, блоковых и ситуативных форм реагирования на угрозы миру. Формальное сохранение универсального правового режима сопровождается политической блокировкой согласованных решений, расширением односторонних мер, конкуренцией интерпретаций международного права, переносом конфликтов из универсальных институтов в региональные коалиции, военно-политические союзы, санкционные режимы и неформальные группы влияния.

Ослабление согласованности коллективного реагирования расширяет пространство для деятельности транснациональных криминальных структур, использующих межгосударственные противоречия, санкционные режимы, конфликты юрисдикций, а также дефекты правовой помощи и межведомственного сотрудничества в правоохранительной сфере. Кроме того, данные геопроцессы детерминируют риски вовлечения транснациональной преступности (включая террористические, экстремистские и киберпреступные сообщества) в политическое противостояние.

Противодействие транснациональной преступности требует высокого уровня доверия и взаимодействия между государствами: оперативного обмена информацией, исполнения запросов о правовой помощи и экстрадиции, взаимного признания доказательств, проведения совместных расследований, а также согласования финансовых и иных мер. Однако в условиях международной конфронтации данные механизмы начинают зависеть не от права, а от политической воли государств- партнеров. Отказ от международного сотрудничества, избирательность исполнения обязательств, искусственное замедление правовых процедур, конкуренция юрисдикций, ограничение доступа к информации повышают уровень фактической безнаказанности преступников. В связи с этим трансформация системы международной безопас-

ности приобретает выраженный криминогенный характер. Криминальные структуры не просто используют межгосударственные противоречия, но и адаптируют их как защитный ресурс. Более того, противоборствующие стороны могут целенаправленно создавать условия, затрудняющие правоохранительную деятельность (ограничивать обмен информацией, блокировать экстрадицию, отказывать в предоставлении доказательств) в целях обеспечения латентности и безнаказанности отдельных лиц или целых преступных сообществ.

Криминогенный потенциал кризиса универсальных механизмов и разрушения коллективных форм обеспечения международной безопасности связан с таким последствием данных процессов, как разрушение или ослабление режимов контроля над вооружениями. Это существенно повышает риски незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых устройств, технологий двойного назначения, компонентов беспилотных систем, средств связи и иных ресурсов, которые могут использоваться террористическими, экстремистскими и организованными преступными структурами. Международная безопасность в этом отношении выступает не только фактором стратегического баланса между государствами, но и условием, препятствующим диффузии вооруженного насилия в негосударственную сферу. Повышение интенсивности вооруженных конфликтов на фоне ослабления режимов контроля увеличивает вероятность попадания вооружений и военных технологий в транснациональное криминальные сети, что детерминирует рост их контрабанды, незаконного снабжения криминалитета и активизацию диверсионной деятельности.

2. Технологизация международной безопасности. Технологии искусственного интеллекта, информационно-коммуникационные, энергетические, биологические технологии и нанотехнологии интенсивно развиваются, оказывая существенное влияние на все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства. В контексте международной безопасности это означает, что предметом стратегического соперничества становятся не только территории, ресурсы и военно-политические союзы, но и контроль над технологиями и технологическими цепочками, цифровой инфраструктурой, данными и программными экосистемами, каналами связи и критическими информационными объектами. Неспособность или нежелание мирового сообщества обеспечить технологическую безопасность (в частности, в сфере технологий искусственного интеллекта) ведет к освоению современных технологических достижений криминальными структурами. Отсутствие эффективного контроля над деятельностью транснациональных технологических корпораций расширяет возможности для их использования в противоправных целях. Кроме того, неправомерное технологическое развитие обостряет угрозы промышленного шпионажа, диверсий и иных криминальных вызовов.

Необходимо учитывать, что технологизация международной безопасности превращает киберпространство в специфическую среду криминального воздействия и концентрации криминальных рисков. Информационная среда является основной сферой, в которой динамика развития преступности опережает эволюцию национальных и международных систем противодействия ей. Все более активно используются сетевые коммуникационные возможности для повышения организованности и улучшения обеспечения преступной деятельности, решения широкомасштабных криминальных задач [12]. Компьютерные атаки, неправомерный доступ к компьютерной информации, несанкционированное вмешательство в финансовые операции, создание фальсифицированного контента и организация транснациональных мошеннических схем могут осуществляться из иных юрисдикций с использованием средств анонимизации через серверы третьих государств. Цифровые технологии и информационная среда являются источником возникновения и каналом реализации криминальных угроз как для физических и юридических лиц, так и для основ национальной безопасности. Доктрина информационной безопасности РФ определяет информационную безопасность как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обес-

печиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие, оборона и безопасность государства» [13]. Т.о., безопасность информационной сферы является самостоятельным измерением и неотъемлемой составляющей национальной безопасности.

Рассматривая криминогенность технологизации международной безопасности в контексте развития информационного пространства, следует учитывать, что современная международная нестабильность сопровождается не только борьбой за влияние, территории и ресурсы, но и противоборством за интерпретацию событий, идентичность, историческую память, а также попытками моральной легитимации насилия и снижения доверия к международным и национальным институтам. Деструктивное информационное воздействие может выражаться в различных формах: от информационных провокаций и системных фальсификаций событий до оправдания преступной деятельности, а также публичных призывов к осуществлению террористической или экстремистской деятельности.

3. Изменение природы международных конфликтов и гибридные войны. В современных условиях классическое разграничение состояния войны и мира все менее соответствует реальной практике международного противостояния. Гибридная война представляет собой явление, в рамках которого коалиция государств использует комбинацию военных и невоенных мер, характеризующуюся полисубъектностью, многосферностью и вовлечением правового пространства [14]. Сегодня практически во всех международных конфликтах военные действия сочетаются с информационно-психологическими операциями, экономическим давлением, санкционными ограничениями, кибератаками, использованием частных военных компаний, воздействием на критическую инфраструктуру и целенаправленным обострением внутренних социальных противоречий. Разрешение международных конфликтов средствами гибридных войн осуществляется путем деструктивного воздействия на различные сферы жизни общества - политическую, экономическую, духовную, информационную и прочие [15; 16]. Противоборствующие стороны в рамках данного воздействия использует террористические акты, разжигание экстремизма и протестных движений, инструменты экономического давления, искусственное провоцирование миграционных кризисов, биологические и экологические угрозы, а также компьютерные атаки с целью дестабилизации государственного управления. В результате гибридные войны размывают границы криминального, придавая преступным методам воздействия легальную политическую форму, а также детерминируют различные проявления вооруженной, экономической и иных видов преступности.

Отдельного внимания при исследовании трансформаций системы международной безопасности заслуживает криминогенность использования экономических методов ведения гибридных войн, в частности санкционных режимов. Концепция внешней политики РФ прямо указывает на необходимость снижения рисков, связанных с глубокими изменениями в мировой экономике и международных отношениях, а также с недружественными действиями иностранных государств и их объединений [17]. Криминогенный потенциал экономического противоборства заключается не столько в самих макроэкономических ограничениях, сколько в сопутствующих деструктивных эффектах. К ним относятся расширение нелегальных финансовых инструментов, усложнение контроля за трансграничными платежами, рост числа посреднических фиктивных структур, формирование теневых логистических каналов международных поставок. Перечисленные факторы могут целенаправленно использоваться организованной преступностью для создания криминальных рынков, контрабанды, легализации (отмывания) доходов, полученных преступных путем, финансирования преступной деятельности.

Опасность гибридных войн в контексте обеспечения национальной безопасности определяется также тем, что внешне противостояние может не иметь признаков межгосударственного конфликта в его традиционном понимании. При этом по сво-

им последствиям гибридные формы воздействия, в том числе криминально опосредованные, способны негативно повлиять на основы конституционного строя, территориальную целостность и управляемость государства.

4. Возрастание роли негосударственных акторов в системе международной безопасности. В классической модели международной безопасности главным субъектом оставалось государство. В современной системе все большее значение приобретают транснациональные корпорации, неправительственные организации, частные военные и охранные структуры, сетевые экстремистские сообщества, террористические организации, криминальные синдикаты, цифровые платформы, хакерские группировки и различные финансово-технологические посредники. Неопределенность правового статуса некоторых из указанных субъектов, а также прямая криминальная направленность отдельных деятелей обусловливают существенные криминальные риски их функционирования на международной арене.

Системные признаки безопасности определяются ее целостностью, относительной самостоятельностью и устойчивостью [6]. Целостность безопасности предполагает единство ее внешней и внутренней составляющей. Неделимость международной безопасности означает, что криминогенные процессы, обусловленные трансформацией международной среды, оказывают прямое или косвенное влияние на состояние внутренней безопасности государства. В современных условиях наблюдается усиление взаимной проницаемости внешней и внутренней безопасности. Криминальные угрозы, формируемые на международном уровне (трансграничные финансовые операции, неконтролируемые миграционные потоки, дестабилизация критической инфраструктуры, коррупционные практики, радикализация населения) проникают внутрь государства, способствуя формированию и расширению криминальных рынков. Данные криминогенные последствия международной нестабильности деструктивно воздействуют не только на государство как аппарат публичной власти, но и на повседневную безопасность общества, устойчивость социальных связей, межнациональное и межконфессиональное согласие, а также на сохранность духовных и материальных ценностей.

Таким образом, трансформация современной системы международной безопасности развивается одновременно по нескольким взаимосвязанным траекториям: кризис универсальных механизмов коллективной безопасности, разрушение коллективных форм ее обеспечения, технологизация международной безопасности, гибридизация конфликтов, возрастание роли негосударственных акторов и размывание прежних границ между внешней и внутренней безопасностью. Криминогенный потенциал трансформаций системы международной безопасности проявляется в том, что изменения международного правопорядка не только порождают новые политические и военно-стратегические риски, но и формируют условия для расширенного воспроизводства преступности. Речь идет не о прямом отождествлении международной нестабильности с преступностью, а о формировании комплекса детерминант, которые облегчают совершение преступлений, повышают латентность криминальных процессов, затрудняют межгосударственное сотрудничество и ослабляют правовой контроль, расширяя тем самым пространство для деятельности организованных, террористических, экстремистских, коррупционных и иных криминальных структур.

Следует учитывать, что указанные геополитические процессы не только формируют новые детерминанты преступности, ее субъектов, а также формы и способы преступной деятельности, но и могут целенаправленно использоваться для управления этими криминогенными последствиями. Т.е., криминогенность трансформаций системы международной безопасности и их влияние на обеспечение национальной безопасности должны оцениваться не как совокупность отдельных угроз, а как связанная система криминальных рисков, воздействующих на безопасность государства. С точки зрения обеспечения национальной безопасности выявленные взаимосвязи предопределяют необходимость построения эффективной системы государ-

ственного управления с учетом не только внутренних, но и внешних криминальных угроз, а также их трансграничной трансформации в условиях смены миропорядка.

Список литературы:

1.Игнатов А.Н. Влияние геополитических факторов на преступность // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 6. – С. 59-63.
2.Захаров Т.В. К вопросу о трансформации современного международного правового порядка (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 194-205.
3.Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 47-66.
4.Кузина С.И., Сагирян И.Г. Политико-правовое обеспечение военной безопасности// Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – Т.1, № 1. – С. 43-56.
5.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021г.№400 // Собрание законодательства РФ.2021.№27(часть II). Ст.5351.
6.Лапин А.А. Криминологическая безопасность в стратегии национальной безопасности России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015.№ 1.С. 29-36.
7.Устав Организации Объединенных Наций (принят в Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право: в 3т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Изд-во МНИМП, 1996.Т.1.
8.Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.
9.Игнатов А.Н. Криминогенность техногенности // Общество и право. – 2019. – № 2(68). – С. 34-40.
10. Игнатов А.Н. Трансформации преступности в эпоху цифровизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2026. – № 6. – С. 142-148.
11. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 5. – С. 7-23.
12. Осипенко А.Л. Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 181-188.
13. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5.12.2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7076.
14. Боброва О.Г. Особенности гибридных угроз безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 117-128.
15. Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 4. – С. 93–99.
16. Романовский Г.Б. Право, гибридные угрозы и борьба с терроризмом // Академический юрид. журнал. – 2022. – Т. 23. № 1 (87). – С. 21–29.
17. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 14. – Ст. 2406.

Pozdnyakova E.V Criminogenicity of transformations of the international security system and their impact on ensuring national security // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 564-572.

National security is not a closed intra-state condition; it is conditioned by the state of the international legal order, the effectiveness of collective security and the sustainability of international cooperation regimes. Fundamental changes in the architecture of international security require an analysis of the criminogenic potential of such transformations and their impact on national security. The purpose of this analysis is to identify the links between changes in the state of the international environment and the functioning of the international security system and the current criminal threats to national security determined by these changes. Taking into account the current geopolitical situation, the work considers the following key transformations of the international security system that have the greatest criminogenic potential: the crisis of universal mechanisms and the destruction of collective forms of ensuring international security, including the destruction or weakening of arms control regimes; technologization of international security; changing nature of international conflicts and the conduct of hybrid wars; increasing role of non-state actors in the international security system.

Keywords: national security, public administration, international security, geopolitics, change of world order, international conflicts, crime, criminal threats, criminogenic risks.

Spisok literatury:

1.Ignatov A.N. Vliyanie geopoliticheskih faktorov na prestupnost' // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. – 2023. – № 6. – S. 59-63.
2.Zaharov T.V. K voprosu o transformacii sovremennogo mezhdunarodnogo pravovogo poryadka (Obzornaya stat'ya) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 3. – S. 194-205.
3.Pantin V.I., Lapkin V.V. Transformacii politicheskih prostranstv v usloviyah perekhoda k policentrichnomu miroporyadku // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2018. – № 6. – S. 47-66.
4.Kuzina S.I., Sagiryan I.G. Politiko-pravovoe obespechenie voennoj bezopasnosti// Pravovoj poryadok i pravovye cennosti. – 2023. – T.1, № 1. – S. 43-56.

5.Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2021. – № 27 (chast' II). – St. 5351.
6.Lapin A.A. Kriminologicheskaya bezopasnost' v strategii nacional'noj bezopasnosti Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: YUridicheskie nauki. – 2015. – № 1. – S. 29-36.
7.Ustav Organizacii Ob"edinennyh Nacij (prinyat v g. San-Francisko 26.06.1945) // Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: v 3t. / sost.YU.M.Kolosov, E.S.Krivchikova. M.: Izd-vo MNIMP, 1996. T.1. S. 7-33.
8.Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: Volters Kluver, 2005. – 912 s.
9.Ignatov A.N. Kriminogennost' tekhnogennosti // Obshchestvo i pravo. – 2019. – № 2(68). – S. 34-40.
10. Ignatov A.N. Transformacii prestupnosti v epohu cifrovizacii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2026. – № 6. – S. 142-148.
11. Baranovskij V.G. Novyj miroporyadok: preodolenie starogo ili ego transformaciya? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2019. – T. 63, № 5. – S. 7-23.
12. Osipenko A.L. Organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' v kiberprostranstve: tendencii i protivodejstvie // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2017. – № 4 (40). – S. 181-188.
13. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2016. – № 50. – St. 7076.
14. Bobrova O.G. Osobennosti gibridnyh ugroz bezopasnosti Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovoj analiz // Gosudarstvo i pravo. – 2024. – № 3. – S. 117-128.
15. Rodachin V.M. Gibridnye vojny i obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. – 2019. – № 4. – S. 93–99.
16. Romanovskij G.B. Pravo, gibridnye ugrozy i bor'ba s terrorizmom // Akademicheskij yurid. zhurnal. – 2022. – T. 23. № 1 (87). – S. 21–29.
17. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 marta 2023 g. № 229 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2023. – № 14. – St. 2406.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 573-581.

УДК 343.2/.7:004.738.5

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Скворцова О. В., Бокова В. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье в целом обозначается наличие фундаментальной коллизии между установленным законодательством правовым режимом конфиденциальности персональных данных и объективной потребностью государства в выявлении и предупреждении преступлений, совершаемых в сети Интернет, а в частности, акцентируется внимание на уголовно-правовой оценке использования VPN-сервисов и иных средств обхода блокировок в контексте введённого с 1.09.2025 г. пункта «ф» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В рамках разрешения поставленного вопроса рассматриваются категории персональных данных, регламентируемые Федеральным законом «О персональных данных», осуществляется анализ проблемных аспектов возникающей правовой неопределённости между правом гражданина на защиту конфиденциальности трафика и признанием использования анонимизирующих технологий обстоятельством, отягчающим наказание. В результате осуществлённого исследования выделяются ключевые критерии отграничения правомерного использования средств шифрования и анонимизации от преступного их применения: субъективный элемент (цель и направленность умысла), корреляция между использованием технологии и совершённым деянием, а также масштаб и характер противоправной деятельности. На основании заключения, что VPN-сервисы сами по себе не являются противоправным инструментом, однако в условиях роста киберпреступности их применение объективно требует дифференцированной правовой оценки, делается вывод о необходимости выработки чётких доктринальных подходов и соответствующих разъяснений высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: конфиденциальность персональных данных, цифровая приватность, противодействие киберпреступности, преступления в сети интернет, VPN-сервисы, отягчающие обстоятельства.

В последние десятилетия мы стали свидетелями стремительного развития технологий, которые кардинально изменили не только повседневную жизнь, но и юридическую реальность. Цифровая среда представляет собой уже не просто технологическое дополнение к жизни, а полноценную сферу экономической и социальной активности человека. Каждый день совершается большое количество действий, сопряженных с обменом личной информацией в электронном виде: от паспортных данных и банковских реквизитов до биометрических параметров и геолокационных меток. Подобная практика не только привносит удобство и скорость взаимодействия, но и закономерно влечет за собой риски несанкционированного доступа к конфиденциальным сведениям, хищение личной информации, а также иные противоправные посягательства, реализуемые посредством использования сети Интернет.

Вполне оправданно, что столь высокая концентрация конфиденциальной информации в цифровом пространстве породила проблему – с одной стороны, государство, следуя конституционным предписаниям, гарантирует неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, создавая соответствующий правовой режим, ограничивающий произвольное вмешательство в данную сферу, – с другой стороны, оно объективно нуждается в действенных инструментах выявления, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий, что, в свою очередь, требует определённого уровня доступа к информации, передаваемой по каналам связи. Таким образом, эта двойственность сталкивает фундаментальные частные и публичные интересы, порождая сложный правовой конфликт, не получивший на сегодняшний день однозначного доктринального разрешения, что и обуславливает актуальность настоящего исследования. Важно понять, как правовая система может эффективно уравновесить эти два аспекта, чтобы минимизировать риски для граждан и общества в целом. В этом контексте необходимо рассмотреть правовую природу и режим конфиденциальности персональных данных в цифровом пространстве. Прежде всего, требуется определить значение таких понятий, как «персональные данные», «правовой режим конфиденциальности персональных данных».

Под персональными данными следует понимать «любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» (ст. 3 ФЗ от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», далее – ФЗ «О персональных данных») [1]. По сути, к ним относятся всевозможные сведения, с помощью которых можно определить (идентифицировать) субъекта персональных данных, что в полной мере согласуется с положениями ст. 2 Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятой Советом Европы 28.01.1981 г. [2]. Правовой защите подлежат исключительно те сведения о лице, которые позволяют его идентифицировать, то есть осуществить персонификацию субъекта. Аналогичный подход к определению персональных данных закреплён и в Регламенте (ЕС) Европейского Парламента и Совета ЕС 2016/679 от 27.04.2016 г. [3]. Как ФЗ «О персональных данных», так и указанный Регламент трактуют данное понятие предельно широко, таким образом, исчерпывающий перечень сведений, относимых к персональным данным, в законодательстве отсутствует.

Под правовым режимом конфиденциальности персональных данных следует понимать совокупность установленных нормативными актами правил, направленных на охрану сведений, относящихся к определённому физическому лицу, от несанкционированного доступа и распространения. При этом необходимость баланса подкрепляется положением из «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» следующего содержания: деятельность государственных органов по обеспечению информационной безопасности основывается на принципе «соблюдение баланса между потребностью граждан в свободном обмене информацией и ограничениями, связанными с необходимостью обеспечения национальной безопасности, в том числе в информационной сфере» (подп. «в» п. 34) [4]. Кроме того, законодатель, закрепляет в ФЗ «О персональных данных» принципы конфиденциальности и целевого использования информации о частной жизни, тем самым разграничивая категории персональных данных и устанавливая обязанности операторов. Помимо этого акта важное значение имеют ФЗ «О связи» от 7.07.2003 г. № 126-ФЗ [5] и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ [6]. Следует подчеркнуть, что правовой режим персональных данных традиционно ориентирован на охрану сведений о личности в их статическом понимании, тогда как раскрытие интернет-преступлений неизбежно сопряжено с анализом динамических, фрагментарных и разнородных цифровых следов – логов, метаданных, информации о трафике, – которые зачастую не подпадают под классические категории конфиденциальной информации. Вместе с тем, К.С. Сидорова подчеркивает: «Как видимые, так и невидимые идентификаторы личности в сети Интернет необходимо исследовать в целях получения значимой для расследования информации» [7], т.к. «каждый из перечисленных идентификаторов указывает не только на техническое устройство, используя которое осуществляли доступ в сеть, но и на физическое лицо, которое его использовало» [7]. Так, цифровые технологии, включая шифрование трафика и анонимизирующие сервисы (VPN, прокси-серверы и т.п.), активно используются для сокрытия следов киберпреступлений, сбыта наркотиков, распространения экстремистских материалов и масштабных мошеннических действий.

Как отмечает О.В. Гречкина: «в настоящее время сложившаяся геополитическая обстановка в Европейском регионе и мире формирует новые информационные угрозы, которые в основе своей направлены на дестабилизацию внутренней обстановки в России, подрывную деятельность по отношению к власти и обществу. Упомянутый информационный прогресс приводит также и к тому, что для распространения пропаганды, дестабилизирующей дезинформации и воздействия на политическую и социальную волю субъектов, а таким образом и на основы государственности, источник этой пропаганды больше не нуждается в прямом физическом доступе к объекту информационного воздействия» [8]. Именно это ускорило принятие законодательной новеллы, а именно введение с 1.09.2025 г. п. «ф» ч. 1 ст. 63 УК РФ, согласно которому использование средств обхода блокировок при совершении любого преступления признаётся обстоятельством, отягчающим наказание [9].

Таким образом, возникла проблема, которая и составляет предмет нашего исследования: как соотнести абсолютную ценность приватности, гарантированную ФЗ «О персональных данных», и необходимость раскрытия преступлений, требующую активного противодействия применению анонимизирующих технологий? Проанализировав вышесказанное, необходимо обозначить цель исследования: выработать критерии разграничения правомерного использования средств шифрования и анонимизации и преступного их применения, а также предложить механизмы разрешения данной актуальной проблемы, где, с одной стороны, – принцип конфиденциальности, с другой, – публичная функция уголовного преследования. Достижение цели требует обращения к вопросу о разграничении самих персональных данных, циркулирующих в цифровой среде. По мнению Я.В. Кудашкина классификация персональных данных может выглядеть так: общедоступные, особые, специальные персональные данные, биометрические параметры [10]. Подобная дифференциация не является сугубо теоретической – она влечёт за собой принципиально различные правовые последствия для субъектов и операторов обработки данных, а также для правоприменителя. Автор предлагает следующую классификацию: общие (обычные), персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения, специальные, биометрические и иные. К категории обычных (общих) персональных данных следует относить так называемые «анкетные» данные гражданина: ФИОо, дата и место рождения, пол, возраст, образование, профессия, место жительства и место регистрации, семейное положение, наличие детей и родственные связи, сведения о трудовой деятельности и стаже, занимаемой должности, доходах и имущественном положении. Кроме того, к этой категории примыкают контактные данные – номер телефона, адрес электронной почты, и иные сведения, сообщаемые самим субъектом персональных данных, в том числе деловые и личные качества, которые носят оценочный характер, факты биографии и предыдущая трудовая деятельность. Именно эта категория чаще всего фигурирует в пользовательских соглашениях, регистрационных формах и базах данных операторов связи.

При этом согласно ч. 2 ст. 8 ФЗ «О персональных данных» «сведения о субъекте персональных данных должны быть в любое время исключены из общедоступных источников персональных данных по требованию субъекта персональных данных либо по решению суда или иных уполномоченных государственных органов» [1]. Данное положение в доктрине получило своё дальнейшее развитие в так называемом «праве на забвение», которое применительно к цифровой среде означает право требовать от операторов поисковых сетей прекращения распространения информации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. Так, заявитель может направить непосредственное требование оператору с указанием страницы сайта в сети Интернет и основания для прекращения выдачи ссылок поисковой системы. В течение 10 дней с момента получения требования заявителя оператор обязан прекратить выдачу ссылок на информацию, указанную в требовании заявителя, а также уведомить об этом заявителя или направить заявителю мотивированный отказ. Заявитель, не согласный с отказом оператора вправе обратиться в суд.

Особого внимания заслуживает такая категория, как персональные данные, разрешенные субъектом для распространения, и здесь следует сказать, что ранее законодатель оперировал понятием «общедоступные персональные данные», подразумевая под ними сведения, доступ к которым неограниченному кругу лиц предоставлен с письменного согласия субъекта персональных данных или на которые в силу закона не распространяется режим конфиденциальности. Однако по смыслу ФЗ «О персональных данных», размещение персональных данных гражданами в открытых источниках не делает их автоматически общедоступными и не снимает с операторов обязанности по соблюдению установленных законом требований.

Данный вывод получил подтверждение и на уровне высшей судебной инстанции: ВС РФ в определении от 29.01.2018 г. № 305-КГ17-21291 прямо указал на недопустимость обработки таких данных без согласия субъекта [11]. Именно это концептуальное смещение акцентов – от формальной доступности к разрешительному характеру распространения – предопределило исключение с 1.03.2021 г. категории

общедоступных персональных данных из Закона № 152-ФЗ. На смену ей пришла категория «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения», принципиально иначе выстроенная вокруг волеизъявления самого гражданина [12]. Т.о., согласие субъекта персональных данных выступает в качестве исключительного правового основания на обработку разрешенных персональных данных, содержание которого в обязательном порядке должно включать в себя перечень ресурсов оператора, на которых планируется размещать эти сведения. Оператор обязан обеспечить субъекту персональных данных возможность определить перечень разрешенных персональных данных по каждой категории, указанной в согласии. По этой причине считаем необходимым использовать формулировку «персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения» для классификации. Особого правового статуса заслуживают спецкатегории персональных данных, к которым ч. 1 ст. 10 ФЗ «О персональных данных» относит сведения о расовой и национальной принадлежности, политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, состоянии здоровья, интимной жизни [1], а также данные о судимости. Выделение данной категории обусловлено характером тех негативных последствий, которые способно повлечь противоправное распространение или иное несанкционированное использование подобной информации: дискриминация субъекта по различным признакам, ограничение возможности реализации им конституционно значимых прав – на образование, свободу вероисповедания, проведение собраний и иных. Отдельную категорию образуют биометрические персональные данные – сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых может быть установлена его личность и которые используются оператором именно в целях идентификации субъекта (ч. 1 ст. 11 ФЗ «О персональных данных» [1]).

Принципиально важным является то, что отнесение сведений к биометрическим персональным данным обусловлено не их природой как таковой, а целью их использования оператором – установлением личности конкретного лица. Данный подход нашёл отражение и в правоприменительной практике. Так, Минцифразвития, связи и массовых коммуникаций РФ в письме от 28.08.2020 г. № ЛБ-С-074-24059 разъяснило, что к биометрическим персональным данным не относятся данные, полученные при сканировании паспорта оператором персональных данных для подтверждения осуществления определенных действий конкретным лицом (напр., заключение договора на оказание медицинских услуг), т. е. без проведения процедур идентификации (установления личности); данные, полученные при осуществлении ксерокопирования документа, удостоверяющего личность; фотизображение, содержащееся в личном деле работника; и т.д. [13]. Применительно к предмету исследования подчеркнем, что вопрос о возможности отнесения цифровых следов, оставляемых любым пользователем сети (IP-адрес, логи подключений, метаданные сессий), к персональным данным на уровне ФЗ все еще остается неопределенным.

Вместе с тем их систематическое накопление и сопоставление способно формировать значительный массив информации о лице, затрагивающий сведения о состоянии здоровья, религиозных убеждениях, личной жизни и иные аспекты, которые закон относит к специальным категориям персональных данных и для которых законом устанавливается особый правовой режим, требующий, как правило, получения отдельного, явно выраженного согласия субъекта. Так, одна и та же запись, один и тот же файл или цифровой след способны одновременно содержать как информацию общего характера, так и элементы сведений, для распространения которых необходимо разрешение самого субъекта или относимых к специальным. Так, геолокационная метка сама по себе может рассматриваться как общая информация, но в совокупности с данными о регулярном посещении медицинского учреждения или культового сооружения она косвенно раскрывает сведения, относящиеся к специальной категории. Подобная интероперабельность цифровых следов вызывает тревогу, поскольку здесь проявляется более глубокая проблема, присущая цифровой среде в целом. С.Б. Куликов указывает: «Социально-правовая природа киберпространства как гибридной среды, порождающей отношения, существующие на стыке виртуальной и физической реальностей, является источником фундаментальной

правовой неопределенности статуса ключевых феноменов цифровой эпохи, таких как цифровая идентичность» [14], а «преодоление этой неопределенности требует не фрагментарной адаптации норм, а разработки новой доктринальной основы» [14]. Механическое уравнивание всех категорий персональных данных при решении вопроса о допустимости вмешательства в частную сферу гражданина недопустимо, т.к. право лица на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и по общему правилу имеет абсолютный характер и действует erga omnes (против всех), что ещё раз подчёркивает значимость поиска баланса, заявленного в качестве цели работы. В этом ключе согласимся с позицией А.К. Жаровой, которая отмечает: «верным решением было бы внесение предложения о включении в понятие «персональные данные», определенное ФЗ «О персональных данных», идентификационной информации – IP-адрес и другой технологической информации, на основании которой возможно определить физическое лицо в сети Интернет» [15].

Рассмотрим правовую природу конфиденциальности трафика. Как мы выяснили, данные о сетевой активности пользователя (IP-адрес, история посещений, факты использования VPN) и вопрос их соотношения с категорией специальных персональных данных дискуссионен, но в той или иной мере позволяют идентифицировать личность. Это создаёт предпосылки для расширительного толкования границ вмешательства в частную жизнь. М.А. Полутова и соавторы, исследуя защиту персональных данных сотрудников, заключают: «Защита персональных данных представляет собой сложный технологический процесс, предупреждающий нарушение конфиденциальности персональных данных и обеспечивающий безопасность информации» [16]; отмечают, что баланс интересов работника и работодателя крайне хрупок и требует нормативной определённости [16]. По аналогии, в масштабах государства этот баланс между гражданином и правоохранительной системой становится критически важным.

Рассмотрим данный вопрос на примере судебной практики, которая только начинает формироваться в связи с недавним введением п. «ф» ч. 1 ст. 63 УК РФ «совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен» [9] – введен ФЗ от 31.07.2025 № 282-ФЗ [17]. Теперь VPN может рассматриваться как инструмент сокрытия преступления. Показательным примером выступает одно из первых решений, вынесенных после вступления в силу рассматриваемой новеллы, – приговор Новомосковского райсуда Тульской обл. от 19.12.2025 г. Подсудимый был признан виновным в незаконном приобретении наркосредства в крупном размере. Суд установил, что для доступа к интернет-ресурсу, заблокированному на территории Российской Федерации, и последующего заказа запрещённого вещества он использовал VPN-приложение на своём мобильном телефоне [18]. Второй аналогичный случай был зафиксирован в феврале 2026 г., когда Ухтинский горсуд Республики Коми при схожих обстоятельствах приобретения наркотического средства через Интернет с использованием VPN-сервиса признал данный факт отягчающим обстоятельством. В обоснование указанного вывода судом были положены: признательные показания подсудимого о заказе наркосредства на заблокированном сайте посредством специальной программы; справка о блокировке интернет-ресурса на основании решения уполномоченного органа; скриншот реестра запрещённых сайтов Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, подтверждающий ограничение доступа к ресурсу в соответствии с законодательством РФ [19].

Примечательно, что в обоих рассмотренных случаях суды не ограничились формальной констатацией факта применения средств обхода блокировок, а установили прямую причинно-следственную связь между использованием VPN-сервиса и достижением преступного результата: доступ к заблокированному ресурсу открывался именно для приобретения наркотического средства, т.е. для реализации умышленного общественно опасного деяния. Тем самым правоприменитель исходил из субъективной составляющей содеянного, оценивая не инструмент как таковой, а осознанный выбор лица, использовавшего его в противоправных целях. Такой подход согласуется с доктринальными воззрениями и принципом субъективного вменения.

Как полагает Б.В. Волженкин, значение имеет не факт применения того или иного инструмента как такового, а именно направленность умысла, обусловившая его использование [20]. Т.е., при чётком установлении цели совершить преступление, квалификация действий виновного с учётом п. «ф» ч. 1 ст. 63 УК РФ представляется законной и криминологически оправданной мерой. Обращаясь к ФЗ «О связи» и ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», отметим, что организация распространения информации в сети обязывает провайдеров хранить данные о трафике. Но может ли оператор выявив использование VPN, инициировать проверку законности действий пользователя?

Право на проведение таких проверок регламентировано законодательством и принадлежит правоохранительным органам и Роскомнадзору, уполномоченных также на выдачу предписаний, наложение административных штрафов и инициирование блокировки сервисов в установленном законом порядке. Соответственно, оператор связи или иной субъект не может самостоятельно инициировать проверку только лишь на основании факта использования VPN. Вместе с тем законодатель, ужесточая ответственность, оставил без внимания вопрос о легальных основаниях мониторинга шифрованного трафика. И.В. Кобрикова, изучая защиту данных в современных условиях, также обращает внимание на то, что действующее правовое регулирование в рассматриваемой сфере «является недостаточно совершенным и требует научного осмысления» [21], что в полной мере относится и к ситуации с VPN-сервисами. Подчеркнем, что если оператор при этом оказывал содействие неправомерному разглашению персональных данных, то он может быть привлечен к уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ. Для этого является необходимым одновременное наличие 2-х составляющих в действиях виновного лица: незаконный способ завладения персональными данными в электронном виде; незаконные действия, связанные с их распространением.

Однако применение мер ответственности к оператору в отношении информации, проходящей через его сеть, допустимо лишь, если он сознательно организует услугу с целью реализации преступных схем. В остальных же случаях пассивное предоставление канала связи, даже если он используется преступниками, не всегда образует состав преступления – для этого требуется доказать умысел, элементы соучастия. В этом плане доказательная сторона расследований, где задействованы средства обхода блокировок, сопряжена с особыми сложностями. Использование VPN-сервисов существенно затрудняет привязку конкретной интернет-сессии к определённому лицу, т.к. провайдер может не хранить соответствующие логи, сами записи нередко оказываются искажены либо распределены по облачным серверам, а IP-адреса зачастую носят динамический характер, меняясь при каждом новом подключении. Представляется, что развитие института обязательной отчетности операторов, внедрение сертификации средств защиты, усиление независимого надзора будет способствовать повышению эффективности и легитимности правового режима.

Вопросы правовой определённости немаловажны. Что именно законодательно понимается под «средствами шифрования», «средствами анонимизации» и «обхода блокировок»? Техтермины быстро эволюционируют: то, что вчера считалось специальным софтом, сегодня – встроенная функция операционной системы; широко используемые в легитимной деятельности VPN и TLS-шифрование являются стандартом для защиты коммерческой и личной информации. Широкая трактовка нового отягчающего обстоятельства может привести к назначению несправедливого наказания, не соответствующего характеру и реальной степени общественной опасности деяния. Острота проблемы подчеркивается тем, что продажа конфиденциальных сведений о гражданах и юрлицах стала отдельным видом бизнеса, а постоянные предложения приобрести различные (в большинстве своем ведомственные или корпоративные) базы данных лишь подтверждают масштаб угрозы. Если для гражданина утечка его данных – «просто еще один малоприятный факт обнародования сведений об их частной жизни, то для некоторых предприятий это может оказать отрицательное влияние на бизнес-процессы» [22]. В связи с этим обоснованным видится не только дальнейшее исследование и определение сущности указанных выше понятий в учебной и монографической литературе, но и подготовка ВС РФ офи-

циальных разъяснений в формате постановления Пленума. Согласимся с комментарием А.И. Савельева: «государство заинтересовано в сборе и обработке персональных данных с целью обеспечения реализации своих публичных функций, в том числе обеспечения безопасности своих граждан и национального суверенитета» [23].

Именно этими приоритетами продиктован ряд исключений, закреплённых в ФЗ «О персональных данных». В частности, допускается обработка специальных категорий данных без согласия субъекта, если она осуществляется в рамках законодательства об обороне, безопасности, противодействии терроризму и коррупции либо в ходе оперативно-розыскной деятельности. Во многом именно соображениями нацбезопасности можно объяснить введение обязанности операторов по локализации отдельных процессов обработки персональных данных российских граждан (ч. 5 ст. 18 ФЗ «О персональных данных» [1]). В подобных обстоятельствах законодатель исходит из того, что защита жизни и безопасности третьих лиц обладает безусловным приоритетом перед риском возможной утечки информации.

В результате исследования можно выделить ключевые критерии отграничения правомерного использования средств шифрования и анонимизации от преступного их применения. Первичным критерием здесь выступает субъективная составляющая – наличие цели и мотивации: доказательство того, что лицо сознательно стремилось скрыть следы преступления, а не защищало приватность, коммерческую тайну или безопасность передачи данных в законной деятельности. Умысел может быть установлен через совокупность фактов: предшествующие сообщения о способах сокрытия, инструкции, переписка, цель использования сервиса в тот или иной момент времени, а также сопутствующие действия (удаление следов, попытки уничтожения данных, использование анонимных платёжных методов и т.п.).

Вторым важным критерием является корреляция между использованием технологии и непосредственно совершённым деянием. Суд и следствие должны оценивать временную и содержательную связь: совпадает ли временная активность лица с моментами совершения преступления, содержат ли передаваемые данные и метаданные признаки связи с противоправной схемой, есть ли повторяемость таких корреляций. Одиночный эпизод применения шифрования без установленной связи с преступной деятельностью недостаточен; напротив, систематическое, многократное использование, согласованное с другими элементами преступления, усиливает основание считать применение технологий вспомогательным элементом сокрытия.

Третий критерий связан с масштабом и характером противоправной деятельности. Если технология служит каналом для массовых или организованных преступлений (мошенничество в крупном объёме, распространение вредоносного ПО, организационные коммуникации преступной группы), это служит объективным основанием для квалификации использования как преступного. Масштаб и системность проявляются через объёмы передаваемой информации, число вовлечённых лиц, регулярность операций и наличие коммерческой мотивации. В совокупности такие критерии – субъективный элемент умысла, корреляция по времени и содержанию, масштаб преступления – позволят выработать сбалансированную практику. Анализируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что дилемма между защитой персональных данных и предупреждением преступлений решаема, но необходима тонкая настройка правовых механизмов, учитывающих и право граждан на приватность, и потребности общества в безопасности. Только сбалансированный подход способен сохранить доверие граждан к цифровым сервисам и одновременно лишить злоумышленников ложного чувства безнаказанности в виртуальном пространстве.

Список литературы:

1.«О персональных данных» : Федеральный закон № 152 от 27.07.2006 г. (ред. от 07.07.2025 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц. сайт].

2.«Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ N 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999) // Консультант плюс : справочная правовая система [Офиц. сайт].

3.Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных,

а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR) // ГАРАНТ: справочная правовая система [Офиц. сайт].
4.«Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» : Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц.сайт].
5.«О связи» : Федеральный закон N 126 от 07.07.2003 (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц. сайт].
6.«Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон N 149 от 27.07.2006 (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система
7.Сидорова, К.С. Использование следователем (дознавателем) идентификаторов личности в сети интернет // Преемственность и новации в юридической науке : мат-лы всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей (Омск, 20 марта 2018 г.) / отв. за вып. канд. юрид. наук И. В. Сидорова. – Омск : Омская академия МВД России, 2018. – Вып. 14. – С. 102-104.
8.Гречкина, О.В. Правовые формы и методы достижения защищенности личности от информационных угроз в цифровой среде // Вестник ННГУ. – 2024. – №1.
9.Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц. сайт].
10. Кудашкин, Я.В. Особенности правовой природы и классификации персональных данных в России // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №1 (157).
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2018 г. № 305-КГ17-21291 // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц. сайт]. –
12. "О внесении изменений в Федеральный закон "О персональных данных" : Федеральный закон N519 от 30.12.2020 // КонсультантПлюс : справочная правовая система справочная правовая система [Офиц. сайт]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372682/
13. <Письмо> Минкомсвязи России от 28.08.2020 N ЛБ-С-074-24059 "О методических рекомендациях" (вместе с "Методическими рекомендациями для общеобразовательных организаций по вопросам обработки персональных данных") // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц. сайт].
14. Куликов, С.Б. Полинормативное (правовое и неправовое) регулирование отношений в киберпространстве: теоретико-правовой аспект // С.Б. Куликов : дисс. … кан. юрид. наук : 5.1.1. Москва, 2025.
15. Жарова, А.К. О соотношении персональных данных с ip адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО № 1(19). – 2016. – С. 61–67.
16. Полутова, М. А. Информационная безопасность и защита персональных данных сотрудников : монография / Стельмашенко О. В.,Александрова Н. А.,Антонова В. С. Чита : ЗабГУ, 2022. – 250 с.
17. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон N282 от 31.07.2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система[Офиц. сайт].
18. Приговор по уголовному делу № 1-266/2025 от 19.12.2025 Новомосковского районного суда Тульской области // https://novomoskovsky--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud _
19. Приговор по уголовному делу № 1-84/2026 от 24.02.2026 Ухтинского городского суда Республики Коми
20. Волженкин, Б.В. Экономические преступления //СПб.:изд.«Юридический центр Пресс».1999.312 с.
21. Кобрикова, И.В. Защита и сохранение персональных данных в современных условиях // Современная наука. 2025. – № 1. – С. 33-35.
22. Бегишев, И. Р. Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с.
23. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» / А. И. Савельев – «Статут», 2017.

Skvortsova O.V., Bokova V.A. On the issue of the legal regime of personal data confidentiality and countering crimes on the Internet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 573-581.

The article generally indicates the existence of a fundamental conflict between the legal regime of personal data confidentiality established by law and the objective need of the state to identify and prevent crimes committed on the Internet, and in particular, focuses on the criminal legal assessment of the use of VPN services and other means of circumventing locks in the context of the paragraph introduced on September 1, 2025 "f" of part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. As part of the resolution of this issue, the categories of personal data regulated by the Federal Law "On Personal Data" are considered, and the problematic aspects of the emerging legal uncertainty between a citizen's right to protect traffic confidentiality and the recognition of the use of anonymizing technologies as an aggravating circumstance are analyzed. As a result of the conducted research, the key criteria for distinguishing the legitimate use of encryption and anonymization tools from their criminal use are highlighted: the subjective element (purpose and intent), the correlation between the use of technology and the committed act, as well as the scale and nature of illegal activity. Based on the conclusion that VPN services themselves are not an illegal tool, however, in the context of the growth of cybercrime, their use objectively requires a differentiated legal assessment, it is concluded that it is necessary to develop clear doctrinal approaches and appropriate explanations from the highest court.

Keywords: confidentiality of personal data, digital privacy, countering cybercrime, crimes on the Internet, VPN services, aggravating circumstances.

Spisok literatury:

1. «O personalnykh dannykh» : Federalnyy zakon № 152 ot 27.07.2006 g. (red. ot 07.07.2025 g.) // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt].

2. «Konventsiya o zashchite fizicheskikh lits pri avtomatizirovannoy obrabotke personalnykh dannykh» (Zaklyuchena v g. Strasburge 28.01.1981) (vmeste s Popravkami k Konventsii o zashchite fizicheskikh lits pri avtomatizirovannoy obrabotke personalnykh dannykh (SDSE N 108). pozvolyayushchimi prisoyedineniye evropeyskikh soobshchestv. prinyatymi Komitetom Ministrov v Strasburge 15.06.1999) // Konsultant plyus
3. Reglament Evropeyskogo Parlamenta i Soveta Evropeyskogo Soyuza 2016/679 ot 27 aprelya 2016 g. O zashchite fizicheskikh lits pri obrabotke personalnykh dannykh i o svobodnom obrashchenii takikh dannykh. a takzhe ob otmene Direktivy 95/46/ES // GARANT: spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt].
4. «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» : Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 N 646 // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt].
5. «O svyazi» : Federalnyy zakon N 126 ot 07.07.2003 (red. ot 20.02.2026) // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt].
6. «Ob informatsii. informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» : Federalnyy zakon N 149 ot 27.07.2006 (red. ot 29.12.2025) // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema[Ofits. sayt].
7. Sidorova. K.S. Ispolzovaniye sledovatelem (doznavatelem) identifikatorov lichnosti v seti internet // Preyemstvennost i novatsii v yuridicheskoy nauke : mat-ly vseros. nauch. konf. adyunktov. aspirantov i soiskateley (Omsk. 20 marta 2018 g.) / otv. za vyp. kand. yurid. nauk I. V. Sidorova. – Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii. 2018. – Vyp. 14. – C. 102-104.
8. Grechkina. O.V. Pravovyye formy i metody dostizheniya zashchishchennosti lichnosti ot informatsionnykh ugroz v tsifrovoy srede // Vestnik NNGU. – 2024. – №1.
9. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : Federalnyy zakon № 63-FZ ot 13.06.1996 (red. ot 26.07.2026) // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt].
10. Kudashkin. Ya.V. Osobennosti pravovoy prirody i klassifikatsii personalnykh dannykh v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2018. – №1 (157).
11. Opredeleniye Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29 yanvarya 2018 g. № 305-KG17-21291 // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt].
12. "O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon "O personalnykh dannykh" : Federalnyy zakon N519 ot 30.12.2020 // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372682/ – Rezhim dostupa : svobodnyy.
13. Minkomsvyazi Rossii ot 28.08.2020 N LB-S-074-24059 // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt]. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ Rezhim dostupa : svobodnyy.
14. Kulikov. S.B. Polinormativnoye (pravovoye i nepravovoye) regulirovaniye otnosheniy v kiberprostranstve: teoretiko-pravovoy aspekt // S.B. Kulikov : diss. … kan. yurid. nauk : 5.1.1. – Moskva. 2025.
15. Zharova. A.K. O sootnoshenii personalnykh dannykh s ip adresom. Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt // Vestnik UrFO № 1(19). – 2016. – S. 61–67.
16. Polutova. M. A. Informatsionnaya bezopasnost i zashchita personalnykh dannykh sotrudnikov : monografiya / Polutova M. A..Stelmashenko O. V..Aleksandrova N. A..Antonova V. S. Chita : ZabGU. 2022. 250 s.
17. «O vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii»: Federalnyy zakon N282 ot 31.07.2025 // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema– Rezhim dostupa : svobodnyy.
18. Prigovor po ugolovnomu delu № 1-266/2025 ot 19.12.2025 Novomoskovskogo rayonnogo suda Tulskoy oblasti
19. Prigovor po ugolovnomu delu № 1-84/2026 ot 24.02.2026 Ukhtinskogo gorodskogo suda Respubliki Komi // – URL: https://ukhtasud--komi.sudrf.ru/modules.php?name=sud_ Rezhim dostupa : svobodnyy.
20. Volzhenkin. B.V. Ekonomicheskiye prestupleniya // SPb.: izd. «Yuridicheskiy tsentr Press». 1999. 312 s.
21. Kobrikova. I.V. Zashchita i sokhraneniye personalnykh dannykh v sovremennykh usloviyakh // Sovremennaya nauka. 2025. – № 1. – S. 33-35.
22. Begishev. I. R. Prestupleniya v sfere obrashcheniya tsifrovoy informatsii / I. R. Begishev. I. I. Bikeyev – Kazan: Izd-vo «Poznaniye» Kazanskogo innovatsionnogo universiteta. 2020. – 300 s.
23. Savelyev A. I. Nauchno-prakticheskiy postateynyy kommentariy k Federalnomu zakonu «O personalnykh dannykh» / A. I. Savelyev – «Statut». 2017.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 582-590.

УДК 368:004.056

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВУ В СТРАХОВОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Смирнова Е. А.

Институт экономики и управления ФГАОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского»

В статье обосновываются перспективные направления противодействия кибермошенничеству в страховом предпринимательстве. Актуальность исследования обусловлена нарастающим разрывом между технологической эволюцией инструментария злоумышленников и адаптационными возможностями действующей системы защиты. На основе критического анализа научного дискурса, включающего работы зарубежных и отечественных исследователей, выявлено общее методологическое ограничение существующих подходов: кибермошенничество рассматривается как внешний по отношению к страховой системе фактор, подлежащий нейтрализации посредством совершенствования защитных механизмов. Предлагается иной ракурс, рассматривая кибермошенничество как имманентное следствие самой архитектуры цифровых страховых отношений. Эмпирическую базу исследования формируют данные Банка России за первое полугодие 2026 г., материалы МВД России, аналитические обзоры страховых брокеров и ассоциаций. Обоснована система из пяти взаимосвязанных направлений: совершенствование нормативно-правового регулирования, устраняющее асимметрию между банковским и страховым секторами; развитие технологической инфраструктуры и внедрение искусственного интеллекта для прогнозирования угроз в реальном времени; усиление профилактической работы и повышение цифровой грамотности населения; перезапуск страхования от кибермошенничества с формированием резервного фонда для социально уязвимых категорий; активизация международного сотрудничества. Реализация указанных мер способна обеспечить переход от фрагментированной реактивной модели к комплексной проактивной системе безопасности страхового предпринимательства.

Ключевые слова: кибермошенничество, страховое предпринимательство, системные дисфункции, фишинг, социальная инженерия, искусственный интеллект, цифровая грамотность, страхование от кибермошенничества, дропперство, Банк России, проактивная система безопасности, международное сотрудничество.

Трансформация страхового предпринимательства в условиях цифровой экономики давно вышла за рамки простой автоматизации бизнес-процессов, породив качественно новый класс системных рисков. Инструменты, изначально призванные повысить эффективность страховых отношений – дистанционные каналы продаж, автоматизированное урегулирование убытков, телематические устройства, электронный документооборот, одновременно сформировали пространство криминальной активности, не сводимое ни к традиционному страховому мошенничеству, ни к банковскому киберфроду. Кибермошенничество в страховании приобрело черты системного феномена, требующего переосмысления самих методологических оснований противодействия. Актуальность настоящего исследования определяется нарастающим разрывом между технологической эволюцией инструментария злоумышленников и адаптационными возможностями действующей системы защиты. Именно страховой сектор оказывается в зоне повышенного риска в силу самой архитектуры страховых отношений: страховщик аккумулирует значительные массивы чувствительных персональных данных: сведений о состоянии здоровья, имущественном положении, транспортных средствах, составе семьи, а дистанционные каналы продаж и урегулирования убытков объективно затрудняют верификацию личности контрагента, создавая пространство для подмены субъекта, искажения сведений и манипуляции волей страхователя. Научный дискурс, сложившийся вокруг проблематики кибермошенничества в страховании, может быть структурирован по нескольким ключевым направлениям, каждое из которых обладает собственными методологическими особенностями и ограничениями.

Исследования потребительского восприятия киберстрахования. Т. Хрле, Я. Пяо и Д. Вудс исследуют разрыв между публичным пониманием киберрисков и определениями, закрепленными в страховых полисах, на основе опроса 3 234 респондентов в США и Великобритании [1]. Авторы приходят к важному выводу: уровень образования и доходов слабо влияют на корректность понимания киберугроз потребителями, что порождает системный риск возникновения споров при урегулировании убытков. Данное исследование фиксирует фундаментальную

проблему как страховые продукты в сфере киберзащиты разрабатываются без учета реальных представлений потребителей о покрываемых рисках.

В развитие этого направления Р. Джайн, Т. Хрле, М. Маринетти, А. Дженкинс, Р. Беме и Д. Вудс провели первое комплексное исследование персонального киберстрахования в США и Великобритании, сочетающее анализ 24 страховых полисов с опросом 584 респондентов [2]. Авторы вводят концепции «рисковой неопределенности» и «неопределенности покрытия», обнаруживая, что лишь 1,6% респондентов имеют киберстраховку и только 8,5% осведомлены о существовании такого продукта. Наиболее значительный разрыв между ожиданиями потребителей и условиями полисов зафиксирован в отношении онлайн-мошенничества, что имеет прямое отношение к проблематике настоящего исследования.

Ф. Шютц, А. О. де Гвинеа, Т. Вольф, К. Мазух и С. Транг, опираясь на теорию защитной мотивации и теорию планируемого поведения, проанализировали данные опроса 301 респондента в США с использованием нечеткого качественного сравнительного анализа [3]. Авторы выявляют асимметричные объяснительные паттерны, демонстрирующие, что решение о приобретении персонального киберстрахования определяется не линейной комбинацией факторов, а их специфическими конфигурациями, что требует сегментированного подхода к продвижению таких продуктов. Исследование учеными А.Халисович, М.Хасич и К.Вестерфилд кибербезопасности в страховой отрасли, посвященное применению искусственного интеллекта и машинного обучения для укрепления кибербезопасности страховых компаний, подчеркивает важность анализа логов, обнаружения угроз в реальном времени и выявления аномалий [4]. Авторы отмечают, что индустрия страхования управляет значительными объемами конфиденциальных данных ежедневно, что в сочетании со сложными регуляторными рамками делает ее привлекательной мишенью для кибератак. При этом атаки программ-вымогателей продемонстрировали значительный рост примерно на 25% в 2024 г.

Исследование CyberSure, представленное на конференции IEEE в 2026 г., предлагает интегрированную платформу, использующую блокчейн и машинное обучение для автоматизации оценки киберрисков и управления страховыми случаями [5]. Система демонстрирует точность оценки рисков на уровне 92,8%, сокращение времени обработки заявок с нескольких дней до нескольких минут и снижение мошенничества за счет устранения слабых мест ручных процессов. Такой подход имеет прямое отношение к перспективным направлениям, обосновываемым в настоящей работе, поскольку демонстрирует потенциал технологической интеграции для проактивного противодействия кибермошенничеству

Исследования относительно оценки киберрисков и актуарного моделирования представленное на конференции IEEE в 2026 г., анализирует десять основных академических и отраслевых моделей оценки эффективности киберстрахования [6]. Исследователи выявляют ключевые ограничения существующих подходов: отсутствие стандартизированных данных об инцидентах, ограниченность традиционных актуарных методов и недостаточную интеграцию технических, человеческих и организационных факторов. Предлагаемые решения включают адаптивное андеррайтингование, байесовское моделирование рисков и прогнозы на основе машинного обучения. Развитие актуарного моделирования киберрисков представлено в работе, использующей процессы Хоукса с ковариатой потерь для построения агрегированной модели убытков [7]. Авторы интегрируют влияние величины убытка на частоту возникновения рисковых событий, что позволяет более точно оценивать совокупные потери и учитывать эффекты кластеризации кибератак. Данный подход особенно актуален для страхования, где взаимозависимость рисков между несколькими застрахованными лицами может приводить к каскадным убыткам.

Исследование, опубликованное в The Geneva Risk and Insurance Review, рассматривает проблему предотвращения рисков в условиях их взаимозависимости и затратного мониторинга заявок на примере киберстрахования [8]. Ученые демонстрируют, что при наличии перетоков убытков между фирмами инвестиции в

предотвращение не изменяются по сравнению с независимыми рисками, если вероятность перетоков низка; однако при высокой вероятности перетоков наблюдаемость процесса перетоков и правила строгой ответственности становятся критически важными для предотвращения недоинвестирования в защиту.

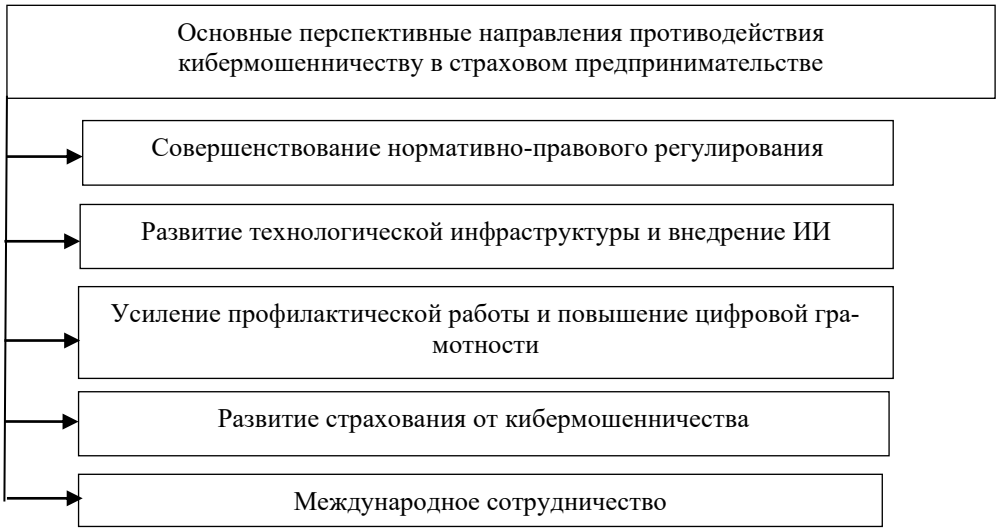
В отечественной науке проблематика кибермошенничества в страховании разрабатывается преимущественно в рамках криминологического и уголовно-правового направлений. Ю. Ю. Комлев фиксирует принципиальную смену вектора киберпреступной активности: злоумышленники «стали атаковать не столько вычислительные машины и базы данных, сколько обычных людей массовых пользователей цифровых услуг и сетевых ресурсов» [9]. Исследование Е. М. Суховеева акцентирует внимание на сложности систематизации цифровых следов мошеннических действий в страховании ввиду их многообразия и вариативности [10]. Т. В. Дрюк и А. М. Люкшин обосновывают амбивалентный характер влияния цифровых технологий на развитие страхового мошенничества: те же инструменты, которые используются злоумышленниками, могут применяться и для противодействия им [11]. Отдельное направление российских исследований связано с анализом цифровой грамотности как инструмента противодействия кибермошенничеству. К. А. Мицкевич и К. И. Краенкова рассматривают взаимосвязь цифровой и финансовой грамотности, анализируют статистику киберпреступности в Российской Федерации и выявляют зависимость числа киберпреступлений от уровня цифровой грамотности населения [12]. Авторы определяют направления борьбы с киберпреступностью через развитие образовательных программ, что согласуется с третьим перспективным направлением, обосновываемым в настоящей работе. В. А. Номоконов и Т. Л. Тропина формулируют одно из первых в российской криминологии определений киберпреступности как «совокупности преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей» [13]. В трудах А. А. Осиповой, посвященных мошенничеству в сфере страхования в условиях цифровизации экономики, систематизирует современные схемы страхового мошенничества и обосновывает необходимость адаптации методов противодействия к цифровой среде [14]. Работа акцентирует внимание на трансформации традиционных форм страхового мошенничества под влиянием цифровых технологий, что непосредственно связано с предметом настоящего исследования. роведенный анализ научного дискурса позволяет констатировать, что существующие исследования, при всей их глубине и разнообразии, не дают комплексного ответа на вопрос о направлениях противодействия кибермошенничеству в страховом предпринимательстве. Общим ограничением остается рассмотрение кибермошенничества как внешнего по отношению к страховой системе фактора, подлежащего нейтрализации посредством совершенствования защитных механизмов. При таком подходе ускользает понимание того, что кибермошенничество является имманентным следствием самой архитектуры цифровых страховых отношений, но прежде чем перейти к обоснованию направлений, необходимо оценить актуальные масштабы угрозы, т.к. именно эмпирические данные определяют приоритетность тех или иных мер. По данным Банка России, в первом полугодии 2026 г. злоумышленники совершили 954 416 операций без добровольного согласия клиентов, похитив около 14,8 млрд. руб. [15], а доля возмещенных средств остается критически низкой: 5,7% в первом квартале и 7,0% во втором. Банкам удалось предотвратить 34,3 млн. мошеннических операций на сумму 3,7 трлн. руб., что свидетельствует о сохраняющемся разрыве между масштабами предотвращенного и фактически понесенного ущерба [15; 16]. Структура атак демонстрирует устойчивое доминирование методов социальной инженерии: во втором квартале 2026 г. их к-о возросло на 49,75% по сравнению с первым кварталом, достигнув 28 678 случаев [17]. В условиях страхового предпринимательства этот сдвиг приобретает особую остроту, т.к. страхователь одновременно выступает и носителем чувствительных персональных данных, и субъектом, чья воля может быть манипулирована дистанционно.

Особую тревогу вызывает вовлечение в преступные схемы несовершеннолетних:

по данным эксперта НИФИ Минфина России Д. Моделя, каждый четвертый дроппер является несовершеннолетним [18]. На фоне этих вызовов парадоксальным образом растет рынок страхования киберрисков: к середине 2026 г. средний лимит покрытия достиг 350 млн. руб., а совокупный объем запрашиваемой защиты превысил 12 млрд. руб. [19]. По оценке Всероссийского союза страховщиков, реализация концепции страхования ответственности операторов персональных данных затруднена в текущем законодательном поле [20].

Совокупность приведенных данных позволяет констатировать, что кибермошенничество в страховом предпринимательстве сформировалось в самостоятельный системный феномен, требующий выработки интегрированных правовых, технологических и организационных решений. Выявленные институционально-правовые, организационно-технологические и социально-экономические дисфункции действуют не изолированно, а во взаимном усилении, создавая «порочный круг», в котором пробелы одного уровня усугубляют уязвимости другого. Разрыв этого круга возможен только через комплексную реализацию перспективных направлений. Автором разработана концептуальная модель противодействия кибермошенничеству в страховом предпринимательстве, включающая пять взаимосвязанных блоков (рис.1). В отличие от существующих подходов, предложенная модель основана на системной интеграции правовых, технологических, организационных и социальных инструментов, обеспечивающей их взаимное усиление и переход от реактивного противодействия к проактивному управлению киберугрозами в страховом предпринимательстве.

Рис. 1 – Концептуальная модель противодействия кибермошенничеству в страховом предпринимательстве.



Представленные на рис. 1 перспективные направления противодействия кибермошенничеству в страховом предпринимательстве не являются механической суммой разрозненных мер. Они образуют систему, в которой каждый элемент усиливает остальные: правовые механизмы создают условия для технологических решений, технологические повышают результативность профилактики, профилактика снижает нагрузку на страховые продукты, а международное сотрудничество придает всей конструкции трансграничную устойчивость. Именно системный характер предлагаемых мер позволяет говорить о переходе от реактивной модели, ориентированной на фиксацию уже совершенных посягательств, к проактивной системе, встроенной в саму ткань страховых отношений. Рассмотрим каждое из направлений подробнее.

1. Совершенствование нормативно-правового регулирования. Ключевая идея данного направления состоит в преодолении институциональной асимметрии между банковским и страховым секторами, которая сегодня формирует «правовые лазей-

ки» для злоумышленников. Банковская сфера подчинена жесткому регуляторному режиму: Положение Банка РФ от 30.01.2025 № 851-П устанавливает обязательные требования к защите информации при осуществлении переводов денежных средств, включая сертификацию программного обеспечения и переход на отечественные средства криптографической защиты информации [21]. Страховые организации, не обладающие статусом системно значимых кредитных организаций, зачастую остаются за рамками наиболее строгих регуляторных требований при том, что именно они аккумулируют не менее чувствительные массивы персональных данных, включая сведения о состоянии здоровья, имущественном положении и составе семьи. Преодоление этой асимметрии предполагает несколько взаимосвязанных шагов. Необходима разработка отдельного положения Банка РФ для страховщиков, учитывающего отраслевую специфику: дистанционное оформление полисов, автоматизированное урегулирование убытков, использование телематических устройств и обмен данными с медицинскими организациями. Такое положение должно устанавливать дифференцированные требования в зависимости от объема обрабатываемых персональных данных, характера страховых продуктов, чтобы не создавать избыточного регуляторного давления на малые и средние страховые компании.

Второй элемент связан с совершенствованием уголовного законодательства. Действующая ст. 159.5 УК РФ охватывает мошенничество в сфере страхования, однако не учитывает специфику кибермошеннических посягательств, опосредованных цифровыми технологиями [22]. Целесообразно дополнить ст. 159.5 УК РФ квалифицирующим признаком использования информационно-телекоммуникационных технологий, что позволит учесть специфику цифрового страхового мошенничества.

3-й элемент законодательное закрепление обязанности операторов связи и интернет-платформ блокировать фишинговый контент в течение одного часа с момента уведомления. Существующий временной лаг между выявлением фишингового ресурса и его блокировкой позволяет злоумышленникам собрать значительный объем данных; сокращение этого срока потребует создания спецканала оперативного взаимодействия между Банком России, операторами связи и платформами, однако эффект от такой меры существенно превышает издержки на ее администрирование. 4-й элемент распространение механизма самозапрета на кредиты, введенного с 1.03.2025 г., на дистанционное оформление страховых продуктов с использованием заемных средств. Мошенники активно используют страховые продукты как инструмент вывода средств, оформляя полисы страхования жизни или имущества в кредит под влиянием обмана. Распространение самозапрета на этот сегмент представляется логичным и своевременным шагом, закрывающим еще одну лазейку.

2. Развитие технологической инфраструктуры и внедрение искусственного интеллекта. Это направление предполагает качественный сдвиг в логике защиты: от реактивного реагирования, фиксирующего уже совершенное мошенничество, к проактивному прогнозированию и предотвращению угроз в режиме реального времени. Центральный элемент здесь внедрение нейросетевых алгоритмов глубокого обучения для анализа поведенческих паттернов клиентов при оформлении полисов и урегулировании убытков. Потенциал таких систем подтверждается эмпирическими исследованиями: в работе И. А. Воробьева продемонстрирован прирост полноты выявления страхового мошенничества в сравнении с классическим моделированием [23]. Алгоритмы способны выявлять аномалии, неочевидные для человеческого глаза: многократные обращения с разных IP-адресов в сжатые сроки, использование изображений, сгенерированных нейросетями, выявляемых по артефактам сжатия и несоответствию метаданных, а также совпадения контактных данных с базами ранее зафиксированных мошенников. Далее элемент как создание единой информационной платформы обмена данными между страховщиками, Банком РФ и правоохранительными органами. Такая платформа должна обеспечивать автоматизированную проверку клиентов и оперативное оповещение о новых схемах. Принципиально важен вопрос правового режима обмена: какие категории данных подлежат передаче, на каких условиях, с какими гарантиями защиты персональных данных. Без четкой регламентации этого режима предложение рискует остаться декларативным.

Третий элемент - это усиление биометрической идентификации. Речь идет о

внедрении методов определения живости, позволяющих отличать реальное лицо от дипфейк-видео, а также о многофакторной аутентификации, сочетающей биометрию, поведенческие характеристики и проверку устройства. Для малых и средних страховщиков, не располагающих ресурсами для создания собственных центров обеспечения безопасности (Security Operations Center, SOC), может быть предложена модель «кибербезопасность как услуга» с централизованным мониторингом на базе Всероссийского союза страховщиков. Такая модель позволит выровнять уровень защищенности между крупными и небольшими участниками рынка, не создавая для последних непосильного финансового бремени.

3. Третье направление усиление профилактической работы и повышение цифровой грамотности ориентировано на минимизацию человеческого фактора, который остается основным каналом реализации кибератак. По данным Банка России, в третьем квартале 2025 г. более 75% успешных мошеннических операций были инициированы методами социальной инженерии [15]. Именно поэтому профилактическая работа не может ограничиваться формальными кампаниями она требует адресного воздействия на наиболее уязвимые категории: 1)пожилые граждане старше 60 лет для которых необходимо организовать бесплатные курсы в библиотеках, центрах социального обслуживания и «серебряных университетах», обучив распознаванию звонков «лжесотрудников банка» и фишинговых писем. Эффективность таких программ подтверждается зарубежными исследованиями: повышение цифровой грамотности напрямую снижает вероятность виктимизации; 2) несовершеннолетние, учитывая двукратный рост числа подростков, вовлеченных в дропперские и курьерские схемы, требуется внедрение модуля по кибербезопасности в школьную программу ОБЖ/ОБЗР, создание анонимной горячей линии для сообщений о попытках вербовки через игровые платформы и мессенджеры, а также разъяснительная работа об уголовной ответственности вплоть до реальных сроков лишения свободы. Как отмечает эксперт НИФИ Минфина России Д. Модель, каждый четвертый дроппер является несовершеннолетним [18], что делает работу с этой группой приоритетной; 3) сотрудники страховых компаний, работающие в дистанционных каналах продаж и урегулирования убытков. Они должны проходить обязательное обучение методам распознавания социальной инженерии и признаков поддельных документов, а также следовать стандартам усиленной верификации. Простейшая мера обязательный обратный звонок клиенту по официальному номеру при изменении реквизитов для выплаты способна предотвратить значительную часть мошеннических операций.

4. Развитие страхования от кибермошенничества на первый взгляд может показаться парадоксальным: угроза порождает новый страховой продукт. Однако в этом парадоксе заключен высокий коммерческий и социальный потенциал. Рынок киберстрахования демонстрирует устойчивый рост: по оценке страхового брокера Mains, объем премий в этом сегменте составляет уже 1,5–3 млрд. руб., а на фоне возросшего спроса бизнеса может вырасти почти в два раза к концу года до 3–6 млрд. руб. [19]. К середине 2026 г. средний лимит покрытия в сегменте киберстрахования удвоился по сравнению с прошлым годом, достигнув 350 млн. руб. [19].

Однако здесь необходимо четко разграничить два разных показателя, которые в публицистике часто смешиваются. Объем рынка киберстрахования это премии, собираемые страховщиками по соответствующим продуктам. Доля возмещений по несанкционированным банковским операциям это принципиально иной показатель, характеризующий эффективность банковских механизмов защиты, а не страховых продуктов. В III квартале 2025 г. доля возмещенных банками средств составила 5,1% [15], и этот показатель не имеет прямого отношения к рынку киберстрахования. Смешение этих величин создает ложное впечатление неэффективности страховых продуктов, тогда как реальная проблема заключается в структурном дефекте: наиболее массовый сегмент потерь мошеннические операции в отношении физических лиц не находит адекватного страхового покрытия.

Предлагается перезагрузка линейки страховых продуктов. Первый элемент разработка типового стандартизированного продукта «Защита от кибермошенников» для физических лиц с прозрачным перечнем страховых случаев: фишинг, социальная инженерия, взлом аккаунта, вынужденное оформление кредита. Разумные

франшизы в размере 10–20% от ущерба позволят исключить моральный риск, а упрощенная процедура урегулирования со сроком рассмотрения не более 10 рабочих дней сделает продукт привлекательным для массового потребителя.

Далее необходимо создание резервного фонда страхования от кибермошенничества с участием Банка России, крупнейших страховщиков и системообразующих банков. Фонд должен обеспечивать гарантированное частичное возмещение ущерба социально уязвимым категориям пенсионерам, инвалидам, многодетным семьям, которые не могут приобрести коммерческую страховку. Размер возмещения может составлять, например, 50% ущерба, но не более 50 тыс. руб. Правовой статус фонда и источники его формирования требуют дополнительной проработки, однако сама идея солидарного участия государства и бизнеса в защите наиболее уязвимых граждан представляется обоснованной. Третий элемент это механизмы борьбы с моральным риском. Дифференцированные тарифы в зависимости от цифровой грамотности клиента, а также возможность отказа в выплате при грубой неосторожности, например, добровольном сообщении всех паролей мошеннику вопреки предупреждениям позволят сбалансировать интересы страховщика и страхователя.

5. Активизация международного сотрудничества. Транснациональный характер кибермошенничества делает национальную изоляцию заведомо неэффективной. Значительная часть фишинговых серверов и колл-центров, атакующих российских граждан, расположена за пределами РФ на территории Украины, в странах Прибалтики, государствах Юго-Восточной Азии, в зонах с низким уровнем правопорядка (Африке, Латинской Америке). Это означает, что национальные меры, сколь бы эффективными они ни были, не способны устранить источник угрозы. Такое направление как международное взаимодействие, это оперативный обмен данными между подразделениями финансовой разведки разных стран в режиме реального времени. Речь идет об IP-адресах, доменных именах, банковских счетах, криптокошельках, телефонных номерах и идентификаторах мессенджеров. Наиболее логичной площадкой для создания специализированной рабочей группы представляется Интерпол, чей мандат напрямую охватывает трансграничную преступность. ФАТФ, будучи организацией по борьбе с отмыванием денег, обладает более узким мандатом, хотя ее экспертиза в части финансовых потоков также может быть востребована.

Второе направление гармонизация законодательств в рамках СНГ и БРИКС. Принятие модельного закона «О противодействии кибермошенничеству в финансовой сфере», унифицирующего понятийный аппарат (фишинг, социальная инженерия, дропперство) и упрощающего процедуры экстрадиции и взаимной правовой помощи, позволит устранить правовые разрывы, которыми пользуются злоумышленники. И последнее направление совместная работа с глобальными платежными системами (Visa, Mastercard, SWIFT, UnionPay, НСПК «Мир»), операторами денежных переводов и криптовалютными биржами. Оперативная блокировка подозрительных транзакций и создание международной базы данных о мошеннических счетах и кошельках по аналогии с базой данных Интерпола о похищенных документах способны существенно повысить эффективность противодействия.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что кибермошенничество в страховом предпринимательстве приобрело черты системного феномена, воспроизводящегося в силу самой архитектуры цифровых страховых отношений. Существующая система противодействия, ориентированная преимущественно на реактивную фиксацию уже совершенных посягательств, не обладает адекватными механизмами упреждающего реагирования. Преодоление этого разрыва требует перехода к комплексной проактивной модели, интегрирующей правовые, технологические, организационные и социальные инструменты. В работе обоснованы 5 взаимосвязанных направлений: совершенствование нормативно-правового регулирования, устраняющее асимметрию между банковским и страховым секторами; развитие технологической инфраструктуры и внедрение искусственного интеллекта для прогнозирования угроз в реальном времени; усиление профилактической работы и повышение цифровой грамотности населения; перезапуск страхования от кибермошенничества с формированием резервного фонда для социально уязвимых категорий; активизация международного сотрудничества в борьбе с транснацио-

нальными преступными сетями. Реализация данных мер способна снизить уязвимость страхового рынка, заложить основы новой философии безопасности, основанной на проактивности, межведомственной интеграции и непрерывном обучении.

Список литературы:

1.Hrle T., Piao Y., Woods D. Anticipating personal cyber insurance disputes: evidence from an online survey in the US and UK // The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice. 2026.
2.Jain R., Hrle T., Marinetti M., Jenkins A., Böhme R., Woods D. W. "Why would money protect me from cyber bullying?": A mixed-methods study of personal cyber insurance // 2025 IEEE Symposium on Security and Privacy. IEEE, 2025. DOI: 10.1109/SP61157.2025.00027.
3.Schütz F., de Guinea A. O., Wolf T., Masuch K., Trang S. Better (Cyber) Insured than Sorry? Unraveling Cognitive Factors in the (Non-)Adoption of Personal Cyber Insurance using fsQCA // Communications of the Association for Information Systems. 2026. Vol. 58, No. 1. P. 1.
4.Hasibovic A. C., Hasic M., Westerfield K. Emphasizing Cybersecurity in Insurance: Case Study Bosnia and Herzegovina // IEEE. 2026.
5.CyberSure: AI-Powered Cyber Risk Prediction and Blockchain-Based Insurance Platform // IEEE. 2026.
6.Hemant Nagesh Dusane, Mandar KaryakarteEvaluating Cyber Risk Insurance Frameworks: Bridging Cybersecurity Threats with Financial Risk Strategies Through Actuarial Modeling and Adaptive Resilience // IEEE. 2025. P.1-7.
7.The Modeling of Cyber Risk Insurance by Hawkes Processes With Loss Covariate // Wiley. 2025.
8.M. M. Boyer, E. Vigneron Prevention when losses are interdependent and claims are costly monitored: an application to cyber risks // The Geneva Risk and Insurance Review. 2026. DOI: 10.1057/s10713-026-001159.
9.Комлев Ю. Ю. Цифровизация и киберпреступность в мире постмодерна // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 2. С. 175–179.
10. Суховеев Е. М. Применение цифровых технологий в рамках расследований мошенничеств в сфере страхования / Е. М. Суховеев // Российский следователь. – 2025. – № 8. – С. 9–14.
11. Дрюк Т. В., Люкшин А. М. «Двуликий Янус» цифровизации страхования: амбивалентное влияние на развитие страхового мошенничества // Аудиторские ведомости. 2026. – № 1. – С. 58–64. Мицкевич К. А., Краенкова К. И. Развитие цифровой и финансовой грамотности населения Российской Федерации как средство борьбы с кибермошенничеством // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 6.0 (ИНПРОМ-2025): сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбПУ Петра Великого, 2025. Т. 2. С. 55–58.
12. Номоконов В. А. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В. А. Номоконов, Т. Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1(24). – С. 45-55. – EDN OYYFEN.
13. Осипова, А. А. Мошенничество в сфере страхования в условиях цифровизации экономики : выпускная квалификационная работа / А. А. Осипова ; Санкт-Петербургский государственный унив.
14. Банк России. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств (I квартал 2026 года). URL: https://cbr.ru/statistics/ib/review_1q_2026/
15. Банк России. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств (II квартал 2026 года). URL: https://cbr.ru/statistics/ib/review_2q_2026/
16. Банк России зафиксировал резкий рост мошенничества методом социальной инженерии и DDoS-атак // RUБЕЖ. 2026. 4 августа.
17. Финэксперт Модель: каждый четвертый дроппер в России оказался несовершеннолетним // Газета.ру. 2026. 26 мая. URL: https://mt.gazeta.ru/blog/43899408651/
18. Спрос на киберстрахование в России за год вырос вдвое // Коммерсантъ. 2026. 5 августа.
19. ВСС подготовил предложение о внесении изменений в законодательство страхования киберрисков // АСН. 2025. 29 сентября. URL: https://www.insur-info.ru/pressr/90596/
20. Положение Банка России от 30.01.2025 № 851-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций, иностранных банков, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации через свои филиалы, требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501055/
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).
22. Воробьев И. А. Методы машинного обучения в задаче оценки риска мошенничества в автостраховании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2024. Т. 24. № 4. С. 619–628.

Smirnova E.A. Promising directions of countering cyber fraud in insurance entrepreneurship // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 582-590.

The article substantiates promising directions for countering cyber fraud in insurance entrepreneurship. The relevance of the study is determined by the growing gap between the technological evolution of fraudsters' tools and the adaptive capabilities of the existing protection system. Based on a critical analysis of scientific discourse, including the works of foreign and domestic researchers, a common methodological limitation of existing approaches is identified: cyber fraud is considered as an external factor in relation to the insurance system, subject to neutralization through the improvement of protective mechanisms. A different perspective is proposed, viewing cyber fraud as an immanent consequence of the very architecture of digital insurance relations. The empirical base of the study is formed by data from the Bank of Russia for the first half of 2026, materials from the Ministry of Internal Affairs of Russia, and analytical reviews by insurance brokers and

associations. A system of five interconnected directions is substantiated: improvement of normative-legal regulation, eliminating the asymmetry between the banking and insurance sectors; development of technological infrastructure and introduction of artificial intelligence for real-time threat prediction; strengthening of preventive work and improvement of digital literacy of the population; restart of cyber fraud insurance with the formation of a reserve fund for socially vulnerable categories; and activation of international cooperation.

Keywords: cyber fraud, insurance entrepreneurship, systemic dysfunctions, phishing, social engineering, artificial intelligence, digital literacy, cyber fraud insurance, money muling, Bank of Russia, proactive security system, international cooperation.

Spisok literatury:

1.Hrle T., Piao Y., Woods D. Anticipating personal cyber insurance disputes: evidence from an online survey in the US and UK // The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice. 2026.
2.Jain R., Hrle T., Marinetti M., Jenkins A., Böhme R., Woods D. W. “Why would money protect me from cyber bullying?”: A mixed-methods study of personal cyber insurance // 2025 IEEE Symposium on Security Schütz F., de Guinea A. O., Wolf T., Masuch K., Trang S. Better (Cyber) Insured than Sorry? Unraveling Cognitive Factors in the (Non-)Adoption of Personal Cyber Insurance using fsQCA // Communications of the Association for Information Systems. 2026. Vol. 58, No. 1. P. 1.
3.Hasibovic A. C., Hasic M., Westerfield K. Emphasizing Cybersecurity in Insurance: Case Study Bosnia and Herzegovina // IEEE. 2026.
4.CyberSure: AI-Powered Cyber Risk Prediction and Blockchain-Based Insurance Platform // IEEE. 2026.
5.Dusane H. N., Karyakarte M. Evaluating Cyber Risk Insurance Frameworks: Bridging Cybersecurity Threats with Financial Risk Strategies Through Actuarial Modeling and Adaptive Resilience // IEEE. 2025.
6.The Modeling of Cyber Risk Insurance by Hawkes Processes With Loss Covariate // Wiley. 2025.
7.Boyer M. M., Vigneron E. Prevention when losses are interdependent and claims are costly monitored: an application to cyber risks // The Geneva Risk and Insurance Review. 2026. DOI: 10.1057/s10713-026-00115
8.Komlev Yu. Yu. Tsifrovizatsiya i kiberprestupnost' v mire postmoderna [Digitalization and cybercrime in the postmodern world] // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2020. Ch. 2. S. 175–179.
9. Sukhoveev E. M. Primenenie tsifrovykh tekhnologii v ramkakh rassledovanii moshennichestv v sfere strakhovaniya [Application of digital technologies in investigations of insurance fraud] / E. M. Sukhoveev // Rossiiskii sledovatel'. – 2025. – № 8. – S. 9–14. – DOI 10.18572/1812-3783-2025-8-9-14. (in Russian)
10. Dryuk T. V., Lyukshin A. M. «Dvulikii Yanus» tsifrovizatsii strakhovaniya: ambivalentnoe vliyanie na razvitie strakhovogo moshennichestva [“Two-faced Janus” of insurance digitalization: ambivalent impact on the development of insurance fraud] // Auditorskie vedomosti. 2026. – № 1. – S. 58–64.
11. Mitskevich K. A., Kraenkova K. I. Razvitie tsifrovoi i finansovoi gramotnosti naseleniya Rossiiskoi Federatsii kak sredstvo bor'by s kibermoshennichestvom [Development of digital and financial literacy of the population of the Russian Federation as a means of combating cyber fraud] // Intellektual'naya inzhenernaya ekonomika i Industriya 6.0 (INPROM-2025): sb. trudov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. SPb.: SPbPU Petra Velikogo, 2025. T. 2. S. 55–58. (in Russian)
12. Nomokonov V. A., Tropina T. L. Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza [Cybercrime as a new criminal threat] // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2012. – № 1(24). – S. 45–55.
13. Osipova A. A. Moshennichestvo v sfere strakhovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki : vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota [Fraud in the insurance sector in the context of economic digitalization : graduation thesis] / A. A. Osipova ; Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. (in Russian)
14. Bank Rossii. Obzor otchetnosti ob intsidentakh informatsionnoi bezopasnosti pri perevode denezhnykh sredstv (I kvartal 2026g.) [Bank of Russia. Review of reporting on information security incidents in money transfers (Q1 2026)].
15. Bank Rossii. Obzor otchetnosti ob intsidentakh informatsionnoi bezopasnosti pri perevode denezhnykh sredstv (II kvartal 2026 goda) [Bank of Russia. Review of reporting on information security incidents in money transfers (Q2 2026)].
16. Bank Rossii zafiksiroval rezkii rost moshennichestva metodom sotsial'noi inzhenerii i DDoS-atak [Bank of Russia recorded a sharp increase in fraud using social engineering and DDoS attacks] // RUBEZh.2026.4.8.
17. Finekspert Model': kazhdyi chetvertyi dropper v Rossii okazalsya nesovershennoletnim [Financial expert Model: every fourth dropper in Russia turned out to be a minor] // Gazeta.ru. 2026. 26 maya.
18. Spros na kiberstrakhovanie v Rossii za god vyros vdvoe [Demand for cyber insurance in Russia doubled in a year] // Kommersant. 2026. 5 avgusta.
19. VSS podgotovil predlozhenie o vnesenii izmenenii v zakonodatel'stvo strakhovaniya kiberriskov [ARIA prepared a proposal on amendments to the legislation on cyber risk insurance] // ASN. 2025. 29 sentyabrya.
20. Polozhenie Banka Rossii ot 30.01.2025 № 851-P «Ob ustanovlenii obyazatel'nykh dlya kreditnykh organizatsii, inostrannykh bankov, osushchestvlyayushchikh deyatel'nost' na territorii Rossiiskoi Federatsii cherez svoi filialy, trebovanii k obespecheniyu zashchity informatsii pri osushchestvlenii bankovskoi deyatel'nosti v tselyakh protivodeistviya osushchestvleniyu perevodov denezhnykh sredstv bez soglasiya klienta» [Regulation Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 20.02.2026) [Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 20.02.2026)].
21. Vorob'ev I. A. Metody mashinnogo obucheniya v zadache otsenki riska moshennichestva v avtostrakhovanii [Machine learning methods in the problem of assessing insurance fraud risk in auto insurance] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Matematika. Mekhanika. Informatika. 2024. T. 24. № 4. S. 619–628. (in Russian)

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 591-599.

УДК 343.2/.7

ЭМОЦИИ (ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ) КАК ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Улитин И. Н.

Кубанский государственный университет

В работе рассматриваются эмоции (эмоциональное состояние) как факультативный признак состава преступления. Анализируются основные доктринальные подходы к определению места эмоций в структуре состава преступления. Представлены следующие позиции такого местонахождения: самостоятельный признак субъективной стороны; характеристика субъекта преступления; элемент вины. Помимо этого, проанализирована позиция, отрицающая автономное уголовно-правовое значение эмоций в составе преступного посягательства. Обосновывается вывод, что эмоциональное состояние является самостоятельным факультативным признаком субъективной стороны, что подтверждается законодательным закреплением состояния аффекта, а также потребностями реализации принципа субъективного вменения. Проводится разграничение понятий «эмоция» и «эмоциональное состояние» применительно к уголовному праву. Определено рассматривать эмоцию как общетеоретическую категорию, а эмоциональное состояние – как конкретный, оцениваемый правоприменителем феномен, неразрывно связанный с личностью виновного. Предлагается авторская формула психического процесса, сопровождающего совершение умышленного преступления, отражающая место эмоций на этапах от осознания потребности до достижения преступного результата. Отмечается, что эмоции могут выступать в двух ипостасях: как привилегирующий признак состава преступления и как признак, учитываемый при назначении наказания.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональное состояние, субъективная сторона преступления, состав преступления, факультативные признаки, аффект, вина, мотив, цель, уголовно-правовая оценка.

Человек, будучи биосоциальным существом, наделён даром мышления, речи, самосознанием, а также способностью создавать орудия труда [6, с. 165]. Неотъемлемым свойством любой личности выступают эмоции, которые относятся к фундаментальным психическим процессам. Данная категория выступает предметом рассмотрения множества наук (философии, психологии, психиатрии, социологии и т.д.). Не является исключением и юриспруденция. В пределах юридических наук эмоции изучаются преимущественно в междисциплинарном ключе, а именно на стыке права и психологии. Однако есть и сугубо правовые направления, в рамках которых эмоциональному состоянию придается нормативное значение. К таковым отнесено, в том числе, и уголовное право. В нем субъективные составляющие личности преступника имеют особый «вес», поскольку именно они участвуют в формировании механизма преступного поведения, учитываются в законотворческой и правоприменительной деятельности. Относительно последней стоит особо подчеркнуть, что при квалификации преступного посягательства и назначении наказания оценка эмоционального состояния виновного (а в некоторых случаях – и потерпевшего) является юридически значимой и нередко решающей.

В науке уголовного права эмоциональное состояние как категория привлекала внимание многих ученых. В частности, рассматривались вопросы эмоций как категории уголовного права [16], изучался конкретный вид эмоции – аффект [23], подвергалось анализу конструирование признака «эмоциональное состояние» [17], а также особенности учета такового в конкретных преступных деяниях. Например, автор настоящей работы исследовал место и значение признака «эмоциональное состояние» в составах преступлений против жизни и здоровья [34]. Встречается рассмотрение эмоций с позиции уголовно-правовой науки и в других ракурсах. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся научные изыскания, целый ряд теоретических и прикладных аспектов остается дискуссионным.

Сегодня в науке продолжается достаточно оживленная дискуссия относительно правовой природы и места эмоций в структуре состава преступления.

Относительно практических проблем заметим, что наибольшие трудности в правоприменительной деятельности связаны с оценкой эмоциональных состояний, которые не входят в число конструктивных признаков составов преступлений (в отли-

чие от физиологического аффекта, указанного в ст. 107 и 113 УК РФ). К таким состояниям относятся тревожность, страх, стресс, фрустрация, эмоциональная напряженность, растерянность и др. Подобные разновидности эмоций, хотя и способны существенно влиять на осознанно-волевое поведение лица – ограничивать прогнозирование последствий, ослаблять контроль над действиями, искажать восприятие ситуации, в большинстве случаев остаются без уголовно-правовой оценки. Это создает риск объективного вменения, когда лицо привлекается к ответственности за деяние, совершенное в состоянии, снижающем его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность содеянного или руководить своими поступками. В рамках настоящей работы заметим, что эмоции в уголовном праве рассматриваются в нескольких ипостасях: как факультативный признак модели общественно опасного посягательства и категория института вменяемости (невменяемости). В данной статье анализу подвергается только первая из них.

В последние годы в зарубежной науке, в частности в области юридической психологии и уголовно-правовой доктрины, произошли кардинальные изменения в подходах к исследованию эмоций, их воздействия на поведенческие реакции человека и осмысления им целей противоправного деяния. В итоге укрепилось мнение, что эмоции порождают особые физиологические, неврологические и поведенческие эффекты. Данное положение подтверждается многочисленными трудами зарубежных авторов [1, p. 63-97]. Вместе с тем, принимая во внимание формализированный характер отечественного правового регулирования, необходимо констатировать, что российский уголовный закон не уделяет факультативным признакам субъективной стороны достаточного внимания. В частности, эмоциональные проявления лица, сопутствующие совершению правонарушения, учитываются правотворческим органом далеко не в полной мере.

С целью определения значений эмоций и эмоционального состояния в качестве признака состава преступления обратимся к рассмотрению определений таковых.

Понятие «эмоция» берет начало от латинского слова «emovere», которое переводится как «приводить в движение» и «волновать». С течением времени данное определение претерпело изменения. Сегодня под эмоциями в общем представлении понимается непродолжительная реакция организма, возникающая в ответ на внешние (экзогенные) или внутренние (эндогенные) сигналы, и оставляющая после себя изменения в физиологическом статусе человека [28, с. 79]. Категория «эмоции» тесно взаимосвязана с такими явлениями, как чувства, настроение, стресс, страсть, фрустрация и т.д. Однако все указанные феномены отличаются друг от друга, а некоторые являются частью других.

Стоит заметить, что ряд специалистов употребляет термин «эмоция» и «чувство» как эквивалентные обозначения существующих в действительности психических переживаний, состояний, ощущений человека [3, с. 5; 12, с. 95]. Думается, что данные термины различаются. Не вдаваясь в их подробное изучение, заметим, что эмоции всегда выступают кратковременной физиологической реакцией, отражающей отношение к конкретной ситуации, а чувства являются более сложным, устойчивым, осознанным переживанием, которое возникает на основе эмоций и формирует определенное отношение к чему-либо (кому-либо). Безусловно, интересующая нас категория в большей степени изучается психологическими науками. В связи с этим обратимся к ряду позиций ученых, формулирующих ее определение.

Таблица №1. Некоторые доктринальные определения термина «эмоция»

ФИО	Определение
Зарудная А.А. [10, с. 285]	кратковременное переживание человека
Ступницкий В.П., Щербакова О.И., Степанов В.Е. [21, с. 510]	особый класс психических явлений, протекающих в форме переживаний, отражающих отношение человека к удовлетворению или неудовлетворению актуальных его потребностей
Дружинин В.Н. [22, с. 129]	переживание человеком в данный момент своего отношения к чему-либо
Ельникова О.Е.	особая форма психического отражения, но не самих феноме-

[9, с. 36]	нов, а их объективных отношений к нуждам организма
Лебединский М.С, Мясищев В.Я. [13, с. 222]	интегральное выражение измененного тонуса нервно-психической деятельности, отражающееся на всех сторонах психики и организма человека
Анохин П.К. [2, с. 339]	физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека – от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения
Шингаров Г.Х. [38, с. 20]	форма отражения действительности, сущность которой заключается в саморегуляции функций организма, согласно требованиям условий внешнего мира
Леонтьев Л.Я. [14, с. 553]	особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами
Додонов Б.И. [8]	деятельность оценивания поступающей в мозг информации о внешнем и внутреннем мире, которую ощущения и восприятия кодируют в форме его субъективных образов
Немов Р.С. [20, с. 440]	особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности

Необходимо обратить внимание, что существует множество других мнений относительно понимания термина «эмоция». Обобщая представленные позиции, можно выделить как общее в их содержании, так и отличительные особенности. В частности, все авторы едины во мнении, что эмоции имеют субъективную окраску, выражаются в переживаниях, ощущениях приятного (неприятного). Большинство определений указывают на зависимость эмоций от актуальных потребностей и мотивов. Помимо этого, анализируемая категория рассматривается как особая форма психического отражения действительности. Отличия позиций сводятся к длительности переживаний, форме проявлений и т.д.

С учетом представленных подходов можно сделать вывод, что эмоция есть субъективное психическое явление (процесс, состояние или переживание), отражающее отношение человека к удовлетворению или неудовлетворению его потребностей либо мотивации, влияющее на его поведение и организм. Обратим внимание, что при рассмотрении эмоций в уголовном праве зачастую используется термин «эмоциональное состояние» [17; 18; 34]. Н. А. Выскочил отмечает, что в современной психологии отсутствует единое и четкое определение понятия «эмоциональное состояние» [5, с. 123-129]. Как следствие, нет и ясных критериев разграничения эмоциональных состояний и самих эмоций. Поэтому каждый исследователь по-своему трактует то или иное психологическое явление, относящееся к данной категории.

Е.П. Ильин в своей работе обращает внимание на то, что В.М. Смирнов и А.И. Трохачев (1974) определяют эмоциональные состояния как эмоциональную составляющую психического состояния. Л.В. Куликов (1997, 1999, 2000) также ведет речь об эмоциональных характеристиках психических состояний, из чего логически вытекает, что эмоции входят в структуру психических состояний. Большинство состояний «маркируются» знаком и модальностью эмоциональных переживаний. Это служит дополнительным подтверждением неразрывной связи эмоций и состояний [11, с. 59]. С учетом представленных суждений можно констатировать, что в психологической науке эмоция и эмоциональное состояние часто рассматриваются как взаимосвязанные и не строго разделенные феномены. Эмоциональное состояние – это более интегральная характеристика психики в некоторый период времени, включающая эмоцию как свой основной «маркер» (модальность и знак). В прикладных областях различие между терминами не всегда принципиально, а главное внимание уделяется конкретным проявлениям (напр., длительности, интенсивности, влиянию на сознание и поведение и т.д.). Не углубляясь в полемику относительно различия указанных понятий, заметим, что для уголовного права эмоция является категорией, рассматриваемой в отрыве от конкретного субъекта преступления (как

общая категория, которая может использоваться в нормотворческой деятельности), тогда как эмоциональное состояние, напротив, учитывается в процессе квалификации преступного посягательства. Именно состояние оценивается правоприменителем, т.к. данный феномен неразрывен со своим носителем – личностью субъекта преступления.

Переходя непосредственно к определению места эмоций в конструкции состава преступления, заметим, что в этой части в науке уголовного права выработались различные позиции. В доктрине сформировалось несколько ключевых подходов к вопросу о том, следует ли включать эмоции в конструкцию состава преступления и каким образом. Представители первого подхода полагают, что эмоции наравне с иными факультативными элементами субъективной стороны (такими как мотив и цель) образуют независимую правовую категорию [4, с. 22; 15, с. 25; 35, с. 130-152]. Аргументом в пользу этого вывода служит то, что эмоции лежат в основе большинства человеческих побуждений, и их учет необходим для точного и правильного определения психического отношения лица к совершенному деянию [16, с. 17].

Вторая точка зрения отражена преимущественно в работах А.И. Рарога, посвященных субъективной стороне преступления. Автор выступает против включения в структуру субъективной стороны каких бы то ни было компонентов помимо вины [26, с. 112]. Обоснованием данного утверждения выступает тезис о том, что эмоции – это признак субъекта преступления, поскольку эмоциональное состояние нельзя отнести к элементам психического отношения лица к содеянному им [25, с. 59]. Помимо этого, А.И. Рарог обращает внимание, что изучаемая категория является исключительно социальной характеристикой личности виновного и не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. В то же время он указывает, что в тех случаях, когда эмоции имеют значение для оценки психологического содержания преступления, они выступают самостоятельным признаком субъективной стороны. Таким образом, А.И. Рарог придерживается мнения о двойственном значении эмоций в оценке преступления в зависимости от обстоятельств его совершения.

Высказывается и позиция, в соответствии с которой эмоции вообще лишены уголовно-правовой значимости и не оказывают влияния на квалификацию преступного деяния. Из этого следует, что их нельзя причислять ни к субъективной стороне, ни к характеристикам субъекта преступления [29, с. 161].

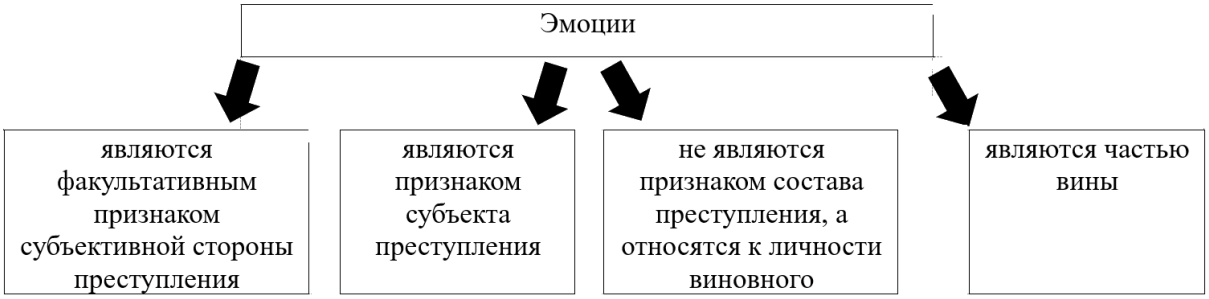
В уголовно-правовой доктрине встречается суждение, согласно которому эмоции входят в содержание вины как ее неотъемлемый элемент. В частности, П.С. Дагель отстаивал тождество субъективной стороны преступления и вины, исходя из того, что интеллектуально-волевые процессы у преступника непосредственно обусловлены его мотивационной сферой и эмоциональным состоянием [7, с. 40]. Мы не поддерживаем данную позицию, но она значима в том ракурсе, что автор разделяет мотивацию и эмоциональное состояние, не отождествляет их. Бесспорно, мотивация выводится из доминирующего эмоционального состояния, свойственного конкретному человеку. В свою очередь, эмоциональное состояние имеет нейрофизиологические, физиологические и психологические истоки, что делает данное явление универсальной мотивационной доминантой в психологии человека [24, с. 199-203].

Действующее уголовное законодательство связывает содержание вины исключительно с психическим отношением, которое отражает сознание и волевые процессы лица. Вместе с тем не подлежит сомнению тот факт, что интеллектуально-волевая активность человека находится в определенной зависимости от его эмоциональных переживаний.

Разумеется, вина и эмоции взаимосвязаны. Однако включение эмоций в структуру вины представляется недопустимым. При всей тесноте подобной связи эмоциональные переживания обладают собственным значением для психической характеристики поведения лица. В связи с этим требуется четкое разграничение указанных понятий, их смешение недопустимо. Общепризнано, субъективная сторона преступного посягательства представляет собой психическую активность лица, непосредственно сопряженную с совершением преступления [27, с. 54]. Она включает в себя вину (обязательный признак), мотив, цель и эмоции (факультативные признаки). Данное утверждение не означает, что в характеристике конкретного деяния ли-

ца будет присутствовать только вина. Каждый поступок является результатом взаимодействия совокупности элементов психической деятельности лица. Выявление интеллектуальных, волевых, мотивационных и эмоциональных моментов помогает правоприменителю принять верное решение при рассмотрении дела. Несомненно, эмоции должны влиять на дифференциацию уголовной ответственности, а также выступать обстоятельствами, смягчающими или отягчающими наказание.

Следовательно, эмоции (эмоциональное состояние) следует рассматривать в качестве самостоятельного элемента субъективной стороны состава преступления [36, с. 75]. Для удобства восприятия рассмотренных суждений ниже представлена обобщенная их схема.



Согласимся с теми учеными, которые придерживаются первой позиции, так как законодатель в настоящее время сам придаёт уголовно-правовое значение эмоциям (ст. 107, 113 УК РФ). Помимо этого, признание эмоций лишь характеристикой субъекта (или их полное игнорирование) противоречит принципу субъективного вменения, поскольку эмоциональное состояние напрямую влияет на интеллектуальные и волевые процессы, свойственные лицу в момент совершения преступления.

Рассматриваемый признак состава преступления взаимосвязан с другими признаками субъективной стороны общественно опасного посягательства.

Мы исходим из того, что эмоции служат базисом для возникновения целей и мотивов, сохраняя при этом в ряде случаев собственное значение для квалификации преступного деяния. Законодатель, регламентируя отдельные составы, прямо указывает на наличие эмоций, не сводя их к компоненту тех или иных целей или мотивов [30, с. 257]. Эмоции оказывают разнообразное влияние на поведение и сознание личности преступника. В большинстве случаев они затрудняют оценку действительности, создают элемент неадекватности восприятия и волепроявления [33, с. 110], что в итоге приводит к негативным последствиям в виде совершения противоправного деяния. Отдельные авторы придерживаются мнения, согласно которому эмоции, сопутствующие подготовке к преступлению, способны играть роль фактора, порождающего мотив [19, с. 10]. Если связывать эмоции с мотивационной деятельностью субъекта, то этот аргумент становится предпосылкой для отнесения их к признакам субъективной стороны. Вместе с тем трудно согласиться с тезисом об исключительно мотивообразующем значении эмоций, ибо эмоции и мотивы по своему содержанию могут различаться, выступая, таким образом, самостоятельными проявлениями психической активности лица и, соответственно, относительно автономными признаками субъективной стороны преступления.

Рассматривая взаимосвязь цели преступления с эмоциями, требуется обратить внимание на следующее. В психологии и социологии принято определять цель как осознанный, заранее намеченный итог человеческой активности. Как отмечает С.Л. Рубинштейн, человек, будучи существом сознательным, формулирует для себя определённые цели, в силу чего знак (положительный или отрицательный) эмоции зависит от соответствия между поставленной целью и фактически достигнутым результатом [31, с. 520].

Отечественная психологическая наука трактует целеобразование как процесс выработки новых целей в ходе деятельности человека. По сложившейся терминоло-

гии, данный процесс детерминирован мотивацией и эмоциями. Именно эмоции предваряют и подготавливают оформление конечной цели и ее итоговую вербализацию [32]. Существует и обратная связь. Целеобразование также является существенным условием возникновения и развития эмоциональных оценок, возникающих в мыслительной деятельности личности [37, с. 60-62]. Т.о., поставленная цель, в свою очередь, формирует систему положительных и отрицательных эмоций. Итак, эмоции лежат в основе формирования мотивации и конечной цели. Кроме того, эмоции могут видоизменяться в процессе реализации сформированных мотивации и цели. Можно представить следующую формулу психического процесса: осознание потребности → эмоции → мотив + эмоции → цель + эмоции → процесс реализации цели (т.е. процесс совершения общественно опасного деяния) + эмоции → достижение цели (как правило, наступление преступных последствий) + эмоции.

Необходимо обратить внимание, что представленная схема свойственна только для преступных посягательств с умышленной формой вины.

Для уголовного права интерес представляют именно те эмоции, которые сопровождают процесс совершения общественно опасного посягательства. Данные эмоции могут совпадать с теми, что лежали в основе формирования мотива и цели, а могут и не совпадать. Например, эмоция негодования породила мотив мести, что привело к формированию цели – лишить другого человека жизни. Во время совершения убийства субъект преступления испытал жалость к жертве, что в результате образовало иное эмоциональное состояние. Оно не имеет уголовно-правового значения, если преступление будет оконченным, но может изменить вектор поведения виновного, который под воздействием такой эмоции прерывает процесс лишения жизни потерпевшего. Эмоции, цели и мотивы являются самостоятельными компонентами человеческой деятельности, выступая разными формами психической активности, но при этом они взаимосвязаны и неотделимы друг от друга. Указанные обстоятельства значимы для квалификации преступных деяний и выбора соответствующей меры наказания. Стоит заметить, что формирование эмоций, целей и мотивов происходит исходя из потребности человека.

В литературе отмечается, что действующему российскому уголовному законодательству известны такие состояния лица во время совершения им общественно опасного деяния: состояние невменяемости; состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости; состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения – состояние аффекта; состояние необходимой обороны; состояние крайней необходимости [17, с. 187]. Названные состояния включают в себя эмоциональные характеристики, но эмоции именно как признак преступления связываются законом только с состоянием внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Подводя итог анализу эмоционального состояния (эмоций) как факультативного (особенного) признака состава преступления, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время в уголовно-правовой доктрине существует несколько позиций относительно определения места и роли эмоций в уголовном праве: являются факультативным признаком субъективной стороны преступления; образуют характеристику субъекта преступления; не являются признаком состава преступления, а относятся к личности виновного и учитываются при назначении наказания; являются сопутствующим элементом умышленной формы вины.

В работе обоснован вывод, что эмоции являются самостоятельным факультативным признаком субъективной стороны преступления. Данный вывод опирается, в частности, на законодательное закрепление аффекта в качестве признака состава преступления, а также на потребности реализации принципа субъективного вменения, требующего учета эмоционального состояния лица, влияющего на его интеллектуально-волевые процессы.

2. В уголовном праве, как и в других соответствующих науках, встречаются две категории: «эмоции» и «эмоциональное состояние». Для уголовного права эмоция является категорией, рассматриваемой в общетеоретическом плане, в отрыве от конкретного субъекта преступления, тогда как эмоциональное состояние, напротив, учитывается именно в процессе квалификации преступного посягательства. Подоб-

ное состояние оценивается правоприменителем, поскольку оно неразрывно связано со своим носителем.

3. Эмоции лежат в основе формирования мотивации и конечной цели. Вместе с тем они могут видоизменяться в процессе реализации последних. Формула психического процесса, сопровождающего преступную деятельность, может быть представлена следующим образом: осознание потребности → эмоции → мотив + эмоции → цель + эмоции → процесс реализации цели (т.е. процесс совершения общественно опасного деяния) + эмоции → достижение цели (как правило, наступление преступных последствий) + эмоции. Для уголовного права интерес представляют именно те эмоции, которые сопровождают процесс совершения преступления, они могут и не совпадать с теми, что лежали в основе формирования мотива и цели. Следует обратить внимание, что представленная схема свойственна исключительно преступным посягательствам с умышленной формой вины.

4. Эмоциональное состояние, как конкретное проявление эмоций, неразрывно связанное с личностью виновного, в уголовном праве может выступать в двух ипостасях: как привилегирующий признак состава преступления; как признак, который может учитываться судом при назначении наказания либо освобождении от него, и служить обстоятельством, смягчающим наказание.

Список литературы:

1.Erin Cassese. Emotion, attribution, and attitudes toward crime // Journal of Integrated Social Sciences www.jiss.org, 2011. 2 (1). P. 63-97.
2.Анохин П.К. Эмоции. БМЭ. 2-е изд., Т. 35. М., 1964. С. 339–367.
3.Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 182 с.
4.Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления. М., 1987. 326 с.
5.Выскочил Н.А. Детерминанты уровня эмоционального интеллекта // Казанский педагогический журнал. 2009. № 11-12 (77-78). С. 123-129.
6.Гиренок Ф.И. Что такое человек? // Философия хозяйства. 2016. № 5 (107). С. 165-174.
7.Дагель П.С.,Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж,1974.243 с.
8.Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., 1978. 272 с.
9.Ельникова О.Е. Общая психология в схемах и таблицах: учеб. пос. Елец, 2017. 59 с..
10. Зарудная А.А. Эмоции и чувства: учебник. Минск, 1970.
11. Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. СПб., 2005. 411 с.
12. Куттер Петер. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей» / перевод с нем. С.С. Панкова. СПб., 2004. 115 с.
13. Лебединский М.С, Мясищев В.Я. Введение в медицинскую психологию. Л., 1966. 430 с.
14. Леонтьев Л.Я. Эмоции // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 553-556.
15. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М., 2000. 71 с.
16. Манойлова С.А. Эмоции в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005. 214 с.
17. Маслова Е.В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 313 с.
18. Мачульская Е.А. Смягчающие обстоятельства-критерий индивидуализации наказания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 170 с.
19. Наумов А.В. Мотивы убийств: учеб. пос. Волгоград, 1969. 135 с.
20. Немов Р.С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии. М., 2003. 692 с.
21. Психология: учебник для бакалавров / В.П. Ступницкий, О.И. Щербакова, В.Е. Степанов. М., 2013.
22. Психология: учебник для гуманитарных вузов. 2-е изд. / под общ. ред. В.Н. Дружинина. СПб., 2009. 656 с.
23. Пуляева Е.В. Аффект: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007. 235 с.
24. Пырьев Е.А. Эмоциональная мотивация: психофизиологический аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 2 (163). С. 199-203.
25. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. 304 с.
26. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. 232 с.
27. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. 134 с.
28. Родькова Ю.А., Кобозева И.С. Понятие эмоции человека и их функции как составляющие современного образования // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 79-81.
29. Российское уголовное право / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 800 с.
30. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и докт. юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М., 2014. 560 с.
31. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. 720 с.
32. Тихомиров О.К. Психология мышления: учеб. пос. М., 1984. URL: http://www.persev.ru/book/psihologiya–myshleniya.

33. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург, 2016. 558 с.
34. Улитин И.Н. Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.
35. Улитин И.Н. Факультативные признаки субъективной стороны в составах преступлений против жизни и здоровья. М, 2022. 176 с.
36. Улитин И.Н. Эмоции и их уголовно-правовое значение: дискуссионные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2019. № 5 (135). С. 74-77.
37. Черлюнчакевич А.И. Влияние эмоций на структуру личности педагога в процессе служебной деятельности // Человеческий капитал. 2016. № 4 (88). С. 60-62.
38. Шингаров Г.Х. Интересное исследование по проблеме эмоций // Журнал высшей нервной деятельности. 1970. Т. 20. Вып. 6. С. 13-20.

Ulitin I. N. Emotions (Emotional State) as an Optional Element of the Corpus Delicti: Some Debatable Aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 591-599.

This paper examines emotions (emotional state) as an optional element of criminal offenses. It analyzes the main doctrinal approaches to defining the place of emotions in the structure of criminal offenses. The following positions on this placement are presented: an independent element of the subjective element; a characteristic of the subject of the crime; and an element of guilt. Furthermore, the paper analyzes the position denying the autonomous criminal-legal significance of emotions in criminal offenses. It substantiates the conclusion that an emotional state is an independent optional element of the subjective element, which is confirmed by the legislative recognition of the state of affect, as well as the requirements for implementing the principle of subjective imputation. A distinction is made between the concepts of "emotion" and "emotional state" in relation to criminal law. It is determined that emotion is viewed as a general theoretical category, while an emotional state is viewed as a specific phenomenon, assessed by law enforcement, inextricably linked to the personality of the perpetrator. The author proposes a formula for the mental process accompanying the commission of a deliberate crime, reflecting the role of emotions in the stages from the recognition of a need to the achievement of a criminal result. It is noted that emotions can act in two ways: as a privileged element of the crime and as a factor considered when determining punishment.

Keywords: emotions, emotional state, subjective aspect of a crime, elements of a crime, optional elements, affect, guilt, motive, purpose, criminal-legal assessment.

Spisok literatury:

1 Erin Cassese. Emotion, attribution, and attitudes toward crime // Journal of Integrated Social Sciences www.jiss.org, 2011. 2 (1). P. 63-97.
2 Anokhin, P.K. "Emotions." BME. 2nd ed., Vol. 35. Moscow, 1964. pp. 339-367.
3 Babenko, L.G. "Lexical Means of Denoting Emotions in Russian." Sverdlovsk, 1989. 182 pp.
4 Voroshilin, E.V., Kriger, G.A. "The Subjective Side of Crime." Moscow, 1987. 326 pp.
5 Vyskochil, N.A. "Determinants of Emotional Intelligence." Kazan Pedagogical Journal. 2009. No. 11-12 (77-78). pp. 123-129.
6 Girenok, F.I. "What is a Human Being?" // Philosophy of Economy. 2016. No. 5 (107). pp. 165-174.
7 Dagel, P.S., Kotov, D.P. "The Subjective Side of Crime and Its Establishment." Voronezh, 1974. 243 p.
8 Dodonov, B.I. "Emotion as a Value." Moscow, 1978. 272 p.
9 Elnikova, O.E. "General Psychology in Diagrams and Tables": a textbook. Yelets, 2017. 59 p.
10 Zarudnaya, A.A. "Emotions and Feelings": a textbook. Minsk, 1970.
11 Ilyin, E.P. "Psychophysiology of Human States." St. Petersburg, 2005. 411 p.
12 Kutter, Peter. "Love, Hate, Envy, Jealousy." Psychoanalysis of Passions / translated from German by S.S. Pankov. St. Petersburg, 2004. 115 p.
13 Lebedinsky, M.S., Myasishchev, V.Ya. Introduction to Medical Psychology. Leningrad, 1966. 430 p.
14 Leontiev, L.Ya. Emotions // Philosophical Encyclopedia. Vol. 5. Moscow, 1970. pp. 553-556.
15 Luneev, V.V. Subjective Imputation. Moscow, 2000. 71 p.
16 Manoylova, S.A. Emotions in Criminal Law: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yaroslavl, 2005. 214 p.
17 Maslova, E.V. Optional Features of the Subjective Aspect of a Crime: Theoretical and Applied Research: Cand. Sci. (Law) Dissertation. M., 2018. 313 p.
18 Machulskaya E.A. Mitigating Circumstances - a Criterion for Individualizing Punishment: Cand. Sci. (Law) Dissertation. M., 2010. 170 p.
19 Naumov A.V. Motives for Murder: Textbook. Volgograd, 1969. 135 p.
20 Nemov R.S. Psychology: Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions: in 3 Books. Book 1: General Foundations of Psychology. M., 2003. 692 p.
21 Psychology: Textbook for Bachelors / V.P.Stupnitsky, O.I.Shcherbakova, V.E. Stepanov. M., 2013. 521 p.
22 Psychology: Textbook for Humanities Universities. 2nd ed. / edited by V.N. Druzhinin. St. Petersburg, 2009. 656 p.
23 Pulyaeva E.V. Affect: Criminal-Law and Criminological Characteristics: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tambov, 2007. 235 p.
24 Pyryev E.A. Emotional Motivation: Psychophysiological Aspect // Bulletin of Orenburg State University. 2014. No. 2 (163). pp. 199-203.
25 Rarog A.I. Classification of Crimes Based on Subjective Features. St. Petersburg, 2002. 304 p.
26 Rarog A.I. Problems of Classification of Crimes Based on Subjective Features. Moscow, 2015. 232 p.
27 Rarog A.I. Subjective Side and Classification of Crimes. Moscow, 2001. 134 pages.

28 Rodkova Yu. A., Kobozeva I. S. The Concept of Human Emotions and Their Functions as Components of Modern Education // World of Science, Culture, Education. 2020. No. 5 (84). pp. 79-81.
29 Russian Criminal Law / edited by L. V. Inogamova-Khegay, V. S. Komissarov, A. I. Raroga. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2009. 800 pages.
30 Russian Criminal Law. General Part: Textbook for Universities / edited by Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation V. P. Konyakhin and Doctor of Law, Professor M. L. Prokhorova. Moscow, 2014. 560 pages.
31 Rubinstein, S.L. Fundamentals of General Psychology. Moscow, 1946. 720 p.
32 Tikhomirov, O.K. Psychology of Thinking: Textbook. Moscow, 1984. URL: http://www.persev.ru/book/psihologiya–myshleniya.
33 Criminal Law of Russia. General Part: Textbook for Bachelors / Ed. A.I. Plotnikov. Orenburg,2016.558 p.
34 Ulitin, I.N. Optional Features of the Subjective Side in Crimes against Life and Health: A Theoretical and Applied Study: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar, 2021. 219 p.
35 Ulitin, I.N. Optional Features of the Subjective Side in Crimes against Life and Health. M., 2022. 176 p.
36 Ulitin, I.N. Emotions and their criminal-legal significance: controversial aspects // Theory and practice of social development. 2019. No. 5 (135). pp. 74-77.
37 Cherlyunchakevich A.I. The influence of emotions on the structure of a teacher's personality during their professional activities // Human capital. 2016. No. 4 (88). pp. 60-62.
38 Shingarov G.Kh. An interesting study on the problem of emotions // Journal of higher nervous activity. 1970. Vol. 20. Issue. 6. pp. 13-20.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 600-605.

УДК 341.48

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГЕНОЦИД

Ходжалиев С. А., Хаджиев У. К.

В статье рассматривается ответственность за геноцид как комплексный институт, формирующийся на стыке международного и национального уголовного права. Исследуются международно-правовая природа запрета геноцида, особенности его имплементации во внутреннее законодательство, содержание уголовно-правовой конструкции состава и проблемы квалификации данного преступления. Особое внимание уделяется соотношению международных обязательств государств и требований национальной уголовно-правовой определенности, вопросам ретроактивности, разграничению геноцида со смежными международными преступлениями, а также значению специального умысла в механизме доказывания. На основе анализа научных подходов обосновывается, что эффективность ответственности за геноцид зависит не только от формального закрепления запрета, но и от качества законодательной техники, единообразия правоприменения и точности уголовно-правовой квалификации.

Ключевые слова: геноцид, международное преступление, уголовная ответственность, международно-правовая ответственность, квалификация преступления, имплементация международных норм, специальный умысел, ретроактивность, международное уголовное право, уголовное право.

Проблема ответственности за геноцид давно вышла за пределы узкого вопроса о квалификации одного особо тяжкого преступления. В действительности речь идет о пределе допустимого для права. Когда правовая система сталкивается с насилием, направленным на уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, обычные инструменты уголовной репрессии оказываются недостаточными в чистом виде. Возникает более сложная задача. Нужно не только описать состав преступления и назначить наказание, но и встроить национальную уголовно-правовую модель в международный режим ответственности, где важны универсальность запрета, историческая память, презумпция недопустимости безнаказанности и высокий стандарт юридической определенности.

Методологическую основу исследования составили диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и системный методы. Формально-юридический метод использован при анализе международных договоров, норм уголовного законодательства и научных подходов к определению состава геноцида и оснований ответственности за него. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить международно-правовую модель запрета геноцида с ее отражением в национальном уголовном праве, а также выявить различия в подходах авторов к вопросам квалификации, ретроактивности и имплементации международных норм. Историко-правовой метод применен при рассмотрении становления международно-правовой и уголовно-правовой ответственности за геноцид. Системный метод использован для объединения международно-правового и уголовно-правового аспектов темы в единую исследовательскую конструкцию и для выработки авторской позиции по проблеме эффективности действующей модели ответственности.

Именно по этой причине тема ответственности за геноцид не может быть раскрыта через один источник или через пересказ одной нормы. Проанализированные публикации показывают, что научная дискуссия идет сразу по нескольким направлениям. Одни авторы рассматривают геноцид прежде всего, как международное преступление и отталкиваются от Конвенции 1948 г., решений международных трибуналов и природы универсального запрета [1; 8; 10]. Другие сосредоточены на уголовно-правовой стороне вопроса и анализируют особенности состава, внутреннюю логику уголовной ответственности и недостатки национальной регламентации [2; 3; 9]. Третьи изучают историческое становление ответственности, имплементацию международных норм во внутреннее законодательство и сложные вопросы ретроактивности [4; 5; 6; 7]. На наш взгляд,

именно совмещение этих направлений позволяет увидеть реальное содержание проблемы. Ответственность за геноцид существует не в одной плоскости, а в постоянном напряжении между международным обязательством и национальной уголовной техникой.

«Работа С. А. Согомонян задает отправную рамку для всей темы. Автор рассматривает геноцид как международное преступление и тем самым выводит обсуждение за пределы внутреннего уголовного закона» [1]. Это важно, поскольку в научных текстах до сих пор встречается слишком упрощенная логика. Сначала называется статья уголовного кодекса, затем перечисляются признаки состава, после чего делается вывод о наличии международной значимости деяния. На наш взгляд, такая схема работает в обратном порядке. Международная природа запрета первична. Именно она объясняет, почему государства не могут сводить вопрос к собственному усмотрению, почему недопустимо политически гибкое толкование деяния и почему уголовная ответственность за геноцид не является сугубо внутренним делом правопорядка. Сильная сторона статьи Согомонян состоит в том, что она показывает универсальный характер охраняемого блага. Слабее в ней, по всей видимости, раскрыт вопрос о конкретной конструкции уголовной ответственности. Для общего введения - это полезно, но для серьезного правового анализа этого недостаточно.

Гораздо ближе к материальному уголовному праву находится статья Е. С. Лобунец, посвященная особенностям уголовной ответственности за геноцид [2]. Здесь научный фокус уже другой. Автора интересует не только международный запрет, но и особенности уголовно-правовой модели, в рамках которой этот запрет реализуется. Для нашей темы - это принципиально. Международное право может установить обязанность криминализировать геноцид, но сама уголовная ответственность возникает только там, где состав сформулирован достаточно точно, санкция соответствует тяжести деяния, а правоприменитель способен различить геноцид и смежные формы массового насилия. Мы полагаем, что именно в этом месте появляется центральная проблема. Чем универсальнее международная формула, тем сложнее ее перенести в национальный кодекс без потери конкретности. Поэтому особенности уголовной ответственности за геноцид нельзя понимать только как особенности наказания. Это еще и особенности законодательной техники, проблемы доказывания специального умысла, вопросы субъекта и пределы толкования объективной стороны.

Наиболее ценной для комплексного анализа представляется работа Е. Т. Катроши, «где геноцид рассматривается одновременно в отечественном и международном уголовном праве, а также через практику применения и правовую регламентацию» [3]. На наш взгляд, именно такой подход наиболее продуктивен. Он не разрывает международный и национальный уровни. В реальной правовой жизни они не существуют изолированно. Международное право формирует стандарт запрета, национальное право обеспечивает уголовную форму его реализации, а практика применения показывает, насколько эти уровни совпадают либо расходятся. В этом смысле статья Катроши особенно полезна тем, что позволяет увидеть не только формальное существование ответственности, но и вопросы ее жизнеспособности. Если международный стандарт существует сам по себе, а национальная норма не обеспечивает ясной квалификации и убедительного доказывания, то запрет остается скорее символическим, чем рабочим.

Историко-правовую линию убедительно развивает А. С. Бедрык, «исследующий становление международно-правовой ответственности за геноцид» [4]. Такие публикации иногда недооценивают, считая их фоновыми. Мы с этим не согласны. Без исторического контекста трудно понять, почему институт ответственности за геноцид имеет именно такую форму. Он возник не как результат спокойной эволюции доктрины, а как правовая реакция на катастрофический опыт массового уничтожения людей. Отсюда и повышенная жесткость международного запрета, и особая символическая нагрузка самого термина, и стремление международного сообщества не допустить растворения этого преступления в общих категориях военных преступлений или преступлений против человечности. Исторический

анализ нужен не ради ретроспективы самой по себе. Он показывает, что ответственность за геноцид изначально создавалась как барьер против нормализации коллективного уничтожения. Это, на наш взгляд, придает всей конструкции не только юридическое, но и ценностное измерение.

Особое место в подборке занимает статья Л. З. Багандовой о применении обратной силы уголовного закона в отношении геноцида в международном и национальном аспектах [5]. Это один из самых сложных сюжетов темы. Здесь сталкиваются два фундаментальных начала. С одной стороны, принцип законности, запрещающий обратную силу уголовного закона. С другой стороны, исключительная природа геноцида как международного преступления, преследование которого не может быть сведено к обычным временным рамкам внутреннего уголовного закона. Мы считаем эту коллизию центральной для современной дискуссии. Если слишком жестко держаться только внутреннего понимания законности, можно получить ситуацию, при которой тяжчайшие международные преступления оказываются практически неохваченными уголовным преследованием. Если же слишком свободно обращаться с ретроактивностью, возникает риск размывания одной из базовых гарантий уголовного права. Сильная сторона статьи Багандовой в том, что она поднимает именно этот конфликт, а не ограничивается декларацией о международной опасности геноцида. Для серьезной ВАК-статьи это крайне важный материал.

Работа Ю. Ю. Вержбицкого, посвященная имплементации норм международного уголовного права об ответственности за геноцид во внутреннее законодательство СССР, РСФСР и РФ, дает необходимую юридическую конкретику [6]. Здесь можно наблюдать не теоретическое, а институциональное движение нормы. Международный стандарт не действует автоматически. Он должен быть воспринят внутренним правом, пройти через законодательную формализацию, быть встроен в систему УК, а затем применяться судами и следственными органами. Публикация Вержбицкого особенно ценна тем, что показывает сложность этого пути. Имплементация не сводится к механическому переписыванию международной формулы. Каждая национальная система стремится встроить международный запрет в собственную систему уголовно-правовых категорий. Именно здесь часто появляются расхождения между универсальной моделью и конкретной юридической техникой.

Близкую, но не тождественную задачу решает К. В. Шевелева, предлагающая ретроспективный анализ становления уголовной ответственности за геноцид [7]. Если Бедрык сильнее сосредоточен на международно-правовом становлении, то Шевелева, по всей видимости, выстраивает более широкий сравнительно-правовой взгляд. Это важно, поскольку ответственность за геноцид развивалась не одномоментно и не одинаково во всех правопорядках. Мы полагаем, что здесь скрыт важный вывод. Универсальность международного запрета не исключает различий в национальном правовом восприятии. Одни государства более точно и рано имплементируют международные нормы, другие делают это позднее или формулируют состав менее удачно. Для практики это имеет большое значение. Международное право может требовать преследования геноцида, но эффективность такого преследования зависит от того, насколько конкретно и последовательно обязанность реализована в национальной системе.

Ключевой уголовно-правовой опорой всей темы, на наш взгляд, является статья Г. А. Русанова о преступлении геноцида как международном преступлении с анализом corpus delicti [8]. Без разбора состава обсуждение ответственности остается поверхностным. Именно здесь возникает главный вопрос. Что отличает геноцид от иных массовых преступлений. Не масштаб насилия сам по себе. Не только количество жертв. И даже не исключительно особая жестокость. Решающее значение имеет специальная направленность на уничтожение определенной охраняемой группы как таковой. Этот признак делает состав одновременно уникальным и крайне трудным для доказывания. На наш взгляд, работа Русанова особенно важна потому, что возвращает дискуссию к строгому юридическому основанию ответственности. Термин геноцид активно используется в публичном и

политическом обороте. Но уголовное право требует большего. Оно требует точного установления признаков состава, включая специальный умысел, без которого квалификация начинает расплываться.

Критическую линию продолжает статья М. Г. Решняка о некоторых недостатках в регламентации уголовной ответственности за геноцид [9]. Такие публикации особенно ценны для выработки собственной позиции. Научный текст становится убедительным не тогда, когда в нем собраны только подтверждающие мнения, а тогда, когда он показывает слабые места действующей конструкции. Мы считаем, что уголовно-правовая регламентация геноцида действительно подвержена ряду рисков. Первый связан с опасностью чрезмерно узкого толкования признаков состава. Второй касается возможной неопределенности отдельных форм объективной стороны. Третий касается соотношения национальной нормы с международным стандартом. Если законодательно закрепленный состав не позволяет адекватно охватывать реальные формы организованного уничтожения группы, уголовная ответственность утрачивает часть своего смысла. В этом отношении Решняк полезен не только критикой, но и самой постановкой вопроса о качестве регламентации.

Наконец, статья К. В. Питулько о геноциде как международном преступлении и вопросах квалификации закрывает еще один принципиальный сюжет [10]. В правоприменении проблема не исчерпывается тем, чтобы признать деяние исключительно опасным. Нужно еще правильно его отграничить. На наш взгляд, именно здесь проходит граница между научной точностью и публицистикой. Не каждое массовое убийство является геноцидом. Не каждое преследование группы образует именно этот состав. Не каждое систематическое насилие автоматически подпадает под международно-правовую дефиницию. Статья Питулько, судя по ее исследовательской задаче, ценно работает именно с отграничением и критикой расширительных толкований. Для темы ответственности – это особенно важно, потому что чрезмерно широкое понимание геноцида может парадоксально ослабить сам институт. Если термин применяется без строгих критериев, он теряет юридическую определенность и превращается в морально-политическую метку.

Если сопоставить позиции всех десяти авторов, можно увидеть несколько устойчивых линий. Согомонян, Бедрык и частично Шевелева подчеркивают международно-правовую природу запрета и историческое становление ответственности [1; 4; 7]. Лобунец, Русанов и Решняк сильнее концентрируются на уголовно-правовой конструкции и качестве ее национальной регламентации [2; 8; 9]. Катроша и Вержбицкий связывают оба уровня и показывают, как международные нормы живут внутри внутреннего права [3; 6]. Багандова и Питулько выводят анализ на более тонкий уровень, где в центре оказываются ретроактивность, квалификация и пределы толкования [5; 10]. Мы полагаем, что именно в сочетании этих линий и проявляется специфика ответственности за геноцид. Она не может быть понята ни как чисто международно-правовая, ни как сугубо уголовно-правовая категория.

Наша позиция состоит в следующем. Современная модель ответственности за геноцид должна оцениваться по трем критериям. 1-й связан с международной определенностью. Норма должна сохранять связь с тем смыслом запрета, который выработан в международном праве и подтвержден практикой международных судов и трибуналов. 2-й касается внутренней уголовно-правовой пригодности. Национальный закон должен быть достаточно точным, чтобы обеспечивать справедливую квалификацию, законное доказывание и реальное наказание виновных. 3-й связан с устойчивостью к политизации. На наш взгляд, это особенно важно. Геноцид является юридическим понятием высокой моральной плотности. Именно поэтому его легче всего использовать риторически. Но уголовное и международное право не могут опираться на эмоциональную силу термина. Им требуется доказуемость, определенность и процедурная строгость.

Мы также считаем, что в отечественной доктрине до сих пор существует перекос в сторону общего признания исключительной опасности геноцида при недостаточном внимании к техническим вопросам квалификации и имплементации.

Между тем именно технические вопросы решают судьбу ответственности на практике. Можно сколько угодно подчеркивать особое место геноцида в системе международных преступлений, но, если правоприменитель не способен установить специальный умысел, корректно разграничить составы и соотнести национальную норму с международным стандартом, институт ответственности останется преимущественно декларативным. С нашей точки зрения, научная ценность рассмотренных публикаций как раз и состоит в том, что в совокупности они позволяют уйти от такой декларативности.

Заключение. Ответственность за геноцид следует рассматривать как сложный стык памяти, запрета и юридической формы. Международное право формулирует предел недопустимого. Уголовное право превращает этот предел в состав преступления и санкцию. Судебная и следственная практика проверяют жизнеспособность всей конструкции. Поэтому вопрос об ответственности за геноцид нельзя решать одной формулой. Здесь требуется целостный подход. Нужна историческая перспектива, нужна международно-правовая опора, нужна строгая уголовно-правовая техника, нужна внимательная работа с квалификацией. На наш взгляд, только при таком подходе возможно сохранить и универсальный смысл запрета, и его реальную правовую эффективность.

Список литературы:

1. Согомонян, С. А. Геноцид как международное преступление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6-2. С. 194–197.
2. Лобунец, Е. С., Усова, Е. И. Особенности уголовной ответственности за геноцид // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 386–388.
3. Катроша, Е. Т., Горбанева, Д. А., Васильев, А. М. Геноцид в отечественном и международном уголовном праве, практика применения и правовая регламентация // Вестник науки. 2023. № 12(69), т. 4. С. 436–443.
4. Бедрык, А. С., Чернядьева, Н. А. Становление международно-правовой ответственности за геноцид // [выходные данные журнала на странице КиберЛенинки сейчас закрыты капчей, удалось надёжно подтвердить авторов, название и 2025 год]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-mezhdunarodno-pravovoy-otvetstvennosti-za-genotsid (дата обращения: 30.03.2026).
5. Багандова, Л. З. Применение обратной силы уголовного закона в отношении преступления геноцида, международный и национальный аспекты // Международное право и международные организации. 2024. № 1. С. 56–69.
6. Вержбицкий, Ю. Ю. Имплементация норм международного уголовного права об ответственности за геноцид во внутреннее законодательство СССР, РСФСР и Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2024. Т. 12, № 4(41). С. 39–39.
7. Шевелева, К. В. Ретроспективный анализ становления уголовной ответственности за геноцид // Правовое государство: теория и практика. 2025. Т. 21, № 3(81). С. 108–118.
8. Русанов, Г. А. Преступление геноцида как международное преступление, анализ corpus delicti // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 141–148.
9. Решняк, М. Г. Геноцид, о некоторых недостатках в регламентации уголовной ответственности // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4(192). С. 179–184.
10. Питулько, К. В., Горбатова, М. А., Ксендзов, Ю. Ю., Мартыненко, С. Б. Геноцид как международное преступление, вопросы квалификации // Право и управление. 2024. № 11. С. 37–42.

Khojaliev S. A. Khadzhiev U. K. Criminal Law and International Law Issues of Liability for Genocide // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 600–605.

The article examines liability for genocide as a complex legal institution formed at the intersection of international law and domestic criminal law. It analyzes the international legal nature of the prohibition of genocide, the peculiarities of its implementation into national legislation, the criminal law structure of the offence, and the qualification issues arising in the application of this norm. Particular attention is paid to the correlation between states' international obligations and the requirements of national criminal law certainty, to the issues of retroactivity, to the delimitation of genocide from related international crimes, and to the role of special intent in the process of proof. Based on the analysis of scholarly approaches, it is substantiated that the effectiveness of liability for genocide depends not only on the formal existence of the prohibition, but also on the quality of legislative drafting, the uniformity of law enforcement, and the precision of criminal law qualification.

Keywords: genocide, international crime, criminal liability, international legal responsibility, qualification of crime, implementation of international norms, special intent, retroactivity, international criminal law, criminal law.

Spisok literatury:

1. Sogomonyan, S. A. Genocid kak mezhdunarodnoe prestuplenie // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2022. № 6-2. S. 194–197.

2. Lobunec, E. S., Usova, E. I. Osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti za genocid // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 5(233). S. 386–388.
3. Katrosha, E. T., Gorbaneva, D. A., Vasil'ev, A. M. Genocid v otechestvennom i mezhdunarodnom ugolovnom prave, praktika primeneniya i pravovaya reglamentaciya // Vestnik nauki. 2023. № 12(69), t. 4. S. 436–443.
4. Bedryk, A. S., Chernyad'eva, N. A. Stanovlenie mezhdunarodno-pravovoj otvetstvennosti za genocid // [vyhodnye dannye zhurnala na stranice KiberLeninki sejchas zakryty kapchej, udalos' nadyozhno podtverdit' avtorov, nazvanie i 2025 god]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-mezhdunarodno-pravovoy-otvetstvennosti-za-genotsid (data obrashcheniya: 30.03.2026).
5. Bagandova, L. Z. Primenenie obratnoj sily ugolovnogo zakona v otnoshenii prestupleniya genocida, mezhdunarodnyj i nacional'nyj aspekty // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii. 2024. № 1. S. 56–69.
6. Verzhbickij, Yu. Yu. Implementaciya norm mezhdunarodnogo ugolovnogo prava ob otvetstvennosti za genocid vo vnutrennee zakonodatel'stvo SSSR, RSFSR i Rossijskoj Federacii // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2024. T. 12, № 4(41). S. 39–39.
7. Sheveleva, K. V. Retrospektivnyj analiz stanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za genocid // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. T. 21, № 3(81). S. 108–118.
8. Rusanov, G. A. Prestuplenie genocida kak mezhdunarodnoe prestuplenie, analiz corpus delicti // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 7. S. 141–148.
9. Reshnyak, M. G. Genocid, o nekotoryh nedostatkah v reglamentacii ugolovnoj otvetstvennosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2024. № 4(192). S. 179–184.
10. Pitul'ko, K. V., Gorbatova, M. A., Ksendzov, Yu. Yu., Martynenko, S. B. Genocid kak mezhdunarodnoe prestuplenie, voprosy kvalifikacii // Pravo i upravlenie. 2024. № 11. S. 37–42.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 606-610.

УДК 343.163; 343.352

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТКУ И КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОВОКАЦИИ ИЛИ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Шадрин И. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (КЮИ (филиал) УПРФ)

В статье автор, в призме проблематики прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства органами, осуществляющими следствие, дознание и оперативно-розыскную деятельность, предпринимает исследование актуальных правовых позиций, касающихся вопроса потенциального снижении или исключения мер уголовной ответственности для лиц, получивших незаконное вознаграждение в виде взятки либо коммерческого подкупа, но при условии, что данные деяния стали результатом провокационных действий или целенаправленного подстрекательства со стороны уполномоченных сотрудников правоохранительных структур. В рамках исследования рассматриваются конкретные законодательные нормы, закрепленные в уголовном законодательстве Российской Федерации, которые прямо предусматривают возможность полного исключения применения санкций либо существенного смягчения наказания при установлении соответствующих обстоятельств. Автором анализируются официальные разъяснения и мнения высших судебных инстанций, определяющие критерии отграничения законной оперативно-розыскной деятельности от незаконной провокации и подстрекательства. Выделяются наиболее значимые аспекты, которые требуют повышенного внимания со стороны прокурорских работников при реализации данного направления надзорной деятельности в целях обеспечения законности и защиты прав граждан при осуществлении уголовного преследования.

Ключевые слова: взятка, коммерческий подкуп, состав преступления, провокация, подстрекательство, прекращение уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности, злоупотребление, прокурорский надзор.

Коррупция и взяточничество термины глубоко и прочно вошедшие в лексикон не только правоохранительных органов, но и рядовых граждан. Трудно переоценить негативные последствия для государства, порождаемые коррупционными преступлениями. Однако, как и в любом явлении в данном случае есть и обратная сторона деятельности правоохранительных органов по выявлению и пресечению таких преступных проявлений. В целом коррупционные проявления характеризуются высокой латентностью и максимальными усилиями, направленными на ее шифровку и скрытность со стороны всех участников. Указанное формирует необходимость для активного использования уполномоченными органами комплекса различных оперативно-розыскных мероприятий. Однако в правоохранительной практике наблюдается прецеденты, сопряженных с превышением должностных полномочий, выражающихся в искусственном создании условий для совершения противоправного деяния (провокация) либо в склонении к его реализации (подстрекательство) со стороны уполномоченных субъектов. Примечательно, что в качестве инициаторов подобных противоправных действий зачастую фигурируют должностные лица подразделений, наделенных правом осуществления оперативно-розыскных мероприятий. В правоприменительной практике одной из наиболее сложных является проблема дифференциации оперативных действий (в частности оперативного эксперимента), проводимых в рамках ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Критерии разграничения указанных явлений лежат в плоскости установления момента формирования преступного умысла у оперативных работников, что предопределяет существенное значение прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» для сотрудников органов, проводящих оперативно-розыскные мероприятия, устанавливается абсолютный запрет на любые формы коммуникативного, организационного или психологического воздействия, имеющих своей целью формирование у адресата устойчивой мотивации к совершению действий, квалифицируемых законодательством в качестве противоправных. Детально этот аспект рас-

крывается в п. 34 Постановления Пленума ВС РФ от 9.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Данный документ определяет порядок правовой оценки случаев, когда сотрудники полиции своими действиями провоцируют чиновников или руководителей коммерческих организаций на получение взяток или предметов коммерческого подкупа.

Позиция высшей судебной инстанции сводится к разъяснению того, что указанные действия, выражающиеся в предоставлении взятки либо предмета коммерческого подкупа должностному лицу органа власти или руководителю коммерческой организации, признаются нарушающими предписания ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ввиду того, что их совершение детерминировано исключительно активным воздействием, оказываемым представителями правоохранительных органов. В данном контексте речь ведется о тех обстоятельствах (ситуациях), когда инициатива принятия вознаграждения исходила именно от правоохранителей путем убеждения соответствующего лица принять ценности при условиях, подтверждающих отсутствие изначального намерения совершить данное правонарушение. Если же сотрудник учреждения или коммерческий руководитель принимает деньги, ценные бумаги, имущество или услуги имущественного х-ра в подобной ситуации, его поведение не должно квалифицироваться как уголовное преступление и как следствие, в таком случае состава преступления не усматривается.

Вместе с тем в теории уголовного права под составом преступления традиционно понимается совокупность объективных и субъективных признаков, закрепленных в уголовно-правовых нормах и характеризующих общественно опасное деяние в качестве преступного. По своей сути, состав преступления представляет собой законодательно сконструированную модель, включающую систему обязательных и достаточных элементов, наличие которых позволяет квалифицировать конкретное деяние как преступление. Важно отметить, что согласно постановлениям Конституционного суда РФ (№ 13-П от 13.04.2021 и № 28-П от 15.06.2021), признать наличие состава преступления возможно только тогда, когда посредством процессуальных методов будут установлены конкретные обстоятельства дела, подтверждающие наличие реального общественно опасного деяния с соответствующими признаками преступления. Только после этого можно приступать к дальнейшей юридической оценке действий субъекта относительно состава преступления, являющегося основанием для привлечения к уголовной ответственности [1, с. 54].

По данному вопросу высказались В.С. Комисаров и П.С. Яни, которые четко определяют, что обстоятельства, созданные благодаря активности сотрудников правоохранительных органов, выражающейся в подстрекательстве и провокациях, следует воспринимать как новое обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности лицо, подвергшееся такому воздействию. При этом, такая ситуация заслуживает отражения в гл. 8 УК РФ как дополнительное условие [2, с. 8].

Мнение о необходимости признания провокации преступлений обстоятельством, устраняющим преступность деяния, разделяет О.С. Капинус, которая заключает, что любое из такой категории обстоятельств, фактически представляет собой внешний фактор, оправдательно влияющий на характер общественно опасных действий или юридически разрешающий нанесение ущерба. Применительно к рассматриваемой ситуации таким внешним фактором становится провокационное воздействие со стороны сотрудников правоохранительных органов, вмешательство которых привело к возникновению самого факта совершения правонарушения. Т.е., ущерб, нанесенный вследствие провокационной активности, воспринимается как вынужденный акт, аналогичный другим ситуациям, предусмотренным гл. 8 УК, где подобное действие признается ненаказуемым [3, с. 67]. В доктрине уголовного права акцентируется внимание на том, что отсутствие состава преступления является безусловным основанием для прекращения уголовного преследования при условии невозможности констатации всей совокупности объективных и субъективных признаков, образующих конкретный состав, предусмотренный уголовно-правовой нормой [4, с. 587].

При отстаивании высказанной позиции о фактическом отсутствии состава преступления при получении взятки в условиях провокацией подстрекательства, используя положения п. 34 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24, пред-

ставляется необходимым установить, какой именно элемент или обязательный признак состава преступления отсутствует. Что именно в обстоятельствах искусственного создания, представителями правоохранительных структур условий для осуществления акта принятия материальных ценностей или выгод, препятствуют квалификации действий как получения взятки. Несмотря на актуальность вопроса, однозначного и чётко сформулированного решения в специальной литературе и правоприменительной практике на этот счёт пока не представлено.

Изложенное позволяет заключить, что в существующих нормативных реалиях считать провокацию преступления новым фактором, устраняющим противоправность поступков преждевременно. На это прямо указывают положения УК РФ, где в восьмой главе перечислены действия, освобождаемые от наказания ввиду общественной пользы или социальной приемлемости. При этом очевидно, что провокация любого преступления не может выступать обстоятельством, превращающим действия провоцируемого в общественно полезные или социально приемлемые. Кроме того, необходимо констатировать и невозможность отнесения описываемых действий правоохранителей к особым условиям, при наличии которых уголовное законодательство допускает нанесение ущерба защищаемым правам.

Наряду с озвученной позицией, в научных кругах обосновывается предложение о признании провокации преступления в качестве самостоятельного и безусловного основания для освобождения лица от уголовной ответственности [5, с. 314].

Так, Д.А. Дорогин признает бесспорным, что уголовное преследование за поступки, вызванные провокацией, недопустимо. Считает важным подчеркнуть, что наличие всех признаков состава преступления само по себе не означает автоматическое наступление уголовной ответственности, поскольку конкретные условия могут исключить наличие самого преступления. И также нельзя утверждать, что спровоцированное поведение относится к числу правомерных или общественно полезных действий (либо хотя бы общественно нейтральных). Потому ставится вопрос именно о необходимости констатации признака наказуемости [6, с. 41].

В правоприменительной практике обстоятельства, исключающие преступность деяния, квалифицируются в качестве одной из разновидностей отсутствия состава преступления. Так, в содержании п. 30 Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», разъясняется, что причинение вреда в состоянии необходимой обороны либо при задержании лица, совершившего преступление, при соблюдении установленных законом условий влечет вынесение оправдательного приговора либо прекращение уголовного дела ввиду отсутствия в деянии состава преступления. В данном контексте заслуживает внимания позиция Д.А. Дорогина: «Несмотря на то, что при провокации совершения преступления умысел лица не возник бы без вмешательства со стороны тайных агентов публичной власти, было бы неверным утверждать, что в содеянном отсутствует вина или иные признаки субъективной стороны».

В качестве дополнительной аргументации данной позиции видится мнение В.Н. Боркова, который подчёркивает, что получение взятки считается завершённым сразу после получения должностным лицом даже части переданных материальных благ. Тогда как преступления, совершаемые взяточником, выходят за рамки ста. 290 и 291.2 УКРФ и подлежат отдельной квалификации. Спровоцированная коррупционная деятельность пресекается, чаще всего, сразу после вручения денег, когда чиновник ещё не успел нанести ущерб нормальной работе государственных институтов. Оперативная провокация также не предусматривает действительного использования должностных возможностей выявляемым взяточником. Когда провокация направлена против должностного лица, дающий взятку лишь создаёт иллюзию заинтересованности в выполнении должностным лицом своих обязанностей, основная цель заключается в том, чтобы подтолкнуть последнего к нарушению закона для дальнейшего разоблачения. Ещё менее вероятно, что служащий, вовлечённый в провокационную операцию, действует в интересах спровоцированного лица. Следовательно, спровоцировать серьёзный ущерб государственному аппарату посредством провокаций относительно затруднительно [7, с. 115–116].

В теории уголовного права представлена и альтернативная позиция, по которой провокация преступления должна рассматриваться в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Так, А.В. Тищенко обосновывает, что снижение степени общественной опасности деяния, совершенного под влиянием провокационных действия, должно непременно влечь соразмерное уменьшение меры наказания, назначаемой лицу, совершившему такое преступление [8, с. 166]. Е.В. Говорухина также соглашаясь с данным суждением считает, что провокация можно рассматривать как смягчающее обстоятельство для лица, вынужденного совершить преступление, и рекомендует дополнить УК РФ соответствующей нормой [9, с. 9]. Несмотря на то, что перечень смягчающих обстоятельств, предусмотренных уголовным законом, не является исчерпывающим, нормативное закрепление совершения преступления под воздействием провокации в числе обстоятельств, подлежащих обязательному учету судом при назначении наказания, могло бы способствовать формированию единообразной и справедливой судебной практики в сфере индивидуализации санкций.

Аналогичную позицию разделяет С.В. Кугушева, которая обосновывает, что пониженная степень общественной опасности преступлений, совершенных под воздействием провокационных действий, должна выступать основанием, для смягчения наказания виновному лицу [10, с. 26]. В противовес высказанному, стоит отметить, что введение положений о значительном снижении общественной опасности преступления, совершённого в результате провокации, выглядит достаточно проблематичным. Хотя злоумышленник действительно мог быть втянут в преступление путём подстрекательства, сам он совершает самостоятельные действия, осознанно преследуя цель осуществления деяния, запрещённого уголовным правом, проявляя прямой умысел. Кроме того, здесь важно учесть, что, исходя из норм законодательства, высшая судебная инстанция, обобщая практику рассмотрения дел о взяточничестве, чётко различает понятия провокации и подстрекательства. Провокация взятки или коммерческого подкупа характеризуется отсутствием активных действий со стороны провоцируемого субъекта, что автоматически снимает с него вину в совершении преступления. Однако ситуация меняется коренным образом, как только этот субъект предпринимает шаги, направленные на реализацию криминального замысла: тогда инициатор провокации фактически становится подстрекателем.

Изложенное позволяет заключить, что при полном отсутствии инициативных действий со стороны лица, подвергшегося провокации, само действие, формально квалифицируемое как «получение взятки», утрачивает свою общественную опасность как существенный признак преступления вообще, а не отдельного компонента состава уголовно наказуемого деяния. Исходя из этого, видится обоснованной позиция И.Э. Звечаровского касательно оснований для прекращения уголовных дел по причине обстоятельств, исключающих преступность деяния: «Следует признать, что материальное содержание в подобных ситуациях облекается в ненадлежащую процессуальную форму: вместо того, чтобы говорить об отсутствии одного из признаков преступления - общественной опасности, мы говорим об отсутствии признаков состава преступления…» [11, с. 99– 100]. При этом стоит подчеркнуть важный аспект предлагаемой концепции освобождения от уголовной ответственности за провокационные случаи коррупции. Видится, что обязательным условием реализации такой позиции должна стать уголовно-правовая оценка поведения самих представителей правоохранительной системы, инициирующих подобные провокации.

Принимая во внимание изложенное, а также учитывая потребности правоприменительной практики по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе, представляется наиболее целесообразным инициировать разработку и внесение дополнений в УК РФ, касающихся новых оснований и условий освобождения от уголовной ответственности, и обстоятельств, смягчающих наказание. Прокурорский надзор в исследуемой сфере выполняет не столько формальную надзорную функцию, сколько правозащитную, обеспечивая недопустимость злоупотребления властными полномочиями. Основной целью такого надзора является гарантирование того, что уголовное преследование базируется лишь на фактически существующих, а не на сфабрикованных доказательствах, исключая возможность привлечение лица к ответственности в условиях искусственно смоделированной криминальной ситуации.

Список литературы:
1.Радченко А.А. Уголовно-правовая оценка «получения взятки» при провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие. Искусство правоведения. The art of law. 2024.№ 1 (9) С. 5-57.
2.Комиссаров В.С., Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 8.
3.Капинус О.С. Практика Европейского суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 62 - 70.
4.Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. Москва, 2012.
5.Жарких И.А. Перспективы регламентации и развития института провокации преступления в системе норм уголовного права // Вопросы российской юстиции. 2020. № 12 С. 311-319.
6.Дорогин Д. А. Провокация совершения преступления» как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права: Научные труды кафедры уголовного права. Выпуск 7.М.: РГУП. 2017. С.39-52.
7.Борков В. Н. Жертва оперативной провокации или преступник? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86).
8.Тищенко А.В. Провокация и необходимость ее закрепления в уголовном законодательстве России как обстоятельства, смягчающего наказание // Теория и практика общественного развития. 2014. №8.
9.Говорухина Е. В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2002.
10. Кугушева С.В. Провокация преступления: проблемы уголовно- правовой квалификации // Уголовное право. 2005. № 10. С. 25–26.
11. Звечаровский И. Э. Отграничение преступного от непреступного в уголовном законе: материальные последствия процессуальная форма // Уголовное право. 2013. № 3.

Shadrin I. A. On the issue of responsibility for bribery and commercial bribery as a result of provocation or incitement in the context of prosecutorial supervision // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S.606-610.

In the article, the author, in the light of the issues of prosecutorial supervision of the implementation of federal legislation by bodies conducting investigations, inquiries and operational investigative activities, undertakes a study of current legal positions regarding the potential reduction or exclusion of criminal liability measures for persons who have received illegal remuneration in the form of bribes or commercial bribery, but on condition, that these acts were the result of provocative actions or deliberate incitement on the part of authorized law enforcement officers. The study examines specific legislative norms enshrined in the criminal legislation of the Russian Federation, which explicitly provide for the possibility of completely excluding the application of sanctions or substantial mitigation of punishment if appropriate circumstances are established. The author analyzes the official explanations and opinions of the highest judicial authorities, which define the criteria for distinguishing legitimate operational investigative activities from illegal provocation and incitement. The most significant aspects that require increased attention from prosecutors in the implementation of this area of oversight activities in order to ensure the rule of law and protect the rights of citizens in the conduct of criminal prosecution are highlighted.

Keywords: bribe, commercial bribery, corpus delicti, provocation, incitement, termination of a criminal case, exemption from criminal liability, prosecutorial supervision.

Spisok literatury:
1.Radchenko A.A. Ugolovno-pravovaya ocenka «polucheniya vzyatki» pri provokacii so storony sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: uchebnoe posobie. Iskusstvo pravovedeniya. The art of law. 2024.№1(9) S. 5-57.
2.Komissarov V.S., YAni P.S. Provokacionno-podstrekatel'skaya deyatel'nost' v otnoshenii dolzhnostnogo lica kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee otvetstvennost' za poluchenie vzyatki // Zakonnost'. 2010. № 9. S. 8.
3.Kapinus O.S. Praktika Evropejskogo suda po pravam cheloveka po voprosu provokacii prestupleniya i ee ugolovno-pravovoe znachenie // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2014. № 12. S. 62 - 70.
4.Ugolovno-processual'noe pravo: uchebnik / pod obshch. red. V. M. Lebedeva. Moskva, 2012.
5.ZHarkih I.A. Perspektivy reglamentacii i razvitiya instituta provokacii prestupleniya v sisteme norm ugolovnogo prava // Voprosy rossijskoj yusticii. 2020. № 12 S. 311-319.
6.Dorogin D. A. Provokaciya sovershen'iya prestupleniya» kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee ugolovnuyu otvetstvennost' // Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii i ugolovno-ispolnitel'nogo prava: Nauchnye trudy kafedry ugolovnogo prava. Vypusk 7. M. : RGUP. 2017. S. 39-52.
7.Borkov V. N. ZHertva operativnoj provokacii ili prestupnik?// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 2 (86).
8.Tishchenko A.V. Provokaciya i neobhodimost' ee zakrepleniya v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii kak obstoyatel'stva, smyagchayushchego nakazanie // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 8.
Govoruhina E. V. Ponyatie i pravovye posledstviya provokacii v ugolovnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.08. Rostov-na-Donu, 2002. S. 9.
9. Kugusheva S.V. Provokaciya prestupleniya: problemy ugolovno- pravovoj kvalifikacii // Ugolovnoe pravo. 2005. № 10. S. 25–26.
10. Zvecharovskij I. E. Otgranichenie prestupnogo ot neprestupnogo v ugolovnom zakone: material'nye posledstviya processual'naya forma // Ugolovnoe pravo. 2013. № 3.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 611-617.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 347.965

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ В XIX ВЕКЕ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Ахъядов Э. Саид-Мохмадович, Дадашов М. М.

Грозненский государственный нефтяной технический университет имени М.Д. Миллионщикова

В статье рассматривается развитие института адвокатуры в России XIX в. как одного из ключевых элементов модернизации отечественной правовой системы. Анализируется процесс перехода от разрозненных форм судебного представительства дореформенного периода к более упорядоченной модели профессиональной юридической помощи, оформившейся в условиях судебной реформы второй половины XIX в. Особое внимание уделяется предпосылкам формирования адвокатуры, содержанию судебных преобразований, институциональным особенностям присяжной и частной адвокатуры, а также месту адвоката в механизме отправления правосудия. Показано, что развитие адвокатуры было связано не только с изменением процессуального законодательства, но и с общими тенденциями правовой рационализации, усилением публичного начала в судопроизводстве и ростом значения профессионального юридического знания. Сделан вывод о том, что именно в XIX в. в России были заложены основные принципы адвокатской деятельности: профессионализм, относительная корпоративная автономия, этическая ответственность, состязательный характер участия в процессе и ориентация на правовую защиту личности.

Ключевые слова: адвокатура, история адвокатуры, Россия XIX века, судебная реформа, присяжные поверенные, частные поверенные, судебное представительство, правовая помощь, правосудие, юридическая профессия.

«История российской адвокатуры занимает особое место в истории отечественного права, поскольку позволяет увидеть, каким образом менялось представление государства и общества о правовой защите личности, профессиональном представительстве и роли юриста в судебном процессе» [1]. В XIX в. Россия переживала глубокие институциональные преобразования, затронувшие не только государственное управление, но и саму структуру правосудия. В этих условиях адвокатура начала постепенно приобретать черты самостоятельного правового института, без которого невозможно представить ни состязательное судопроизводство, ни полноценную реализацию права на защиту.

«Актуальность обращения к данной теме определяется тем, что современное понимание адвокатуры как независимого профессионального сообщества во многом восходит именно к преобразованиям XIX века» [2]. Без анализа исторических оснований ее становления трудно в полной мере оценить специфику российской модели юридической помощи, причины ее институциональных особенностей и устойчивость отдельных принципов адвокатской деятельности. Исследование развития адвокатуры в XIX в. важно не только для истории государства и права, но и для теории правового статуса профессиональных участников судопроизводства.

Институт адвокатуры не возник в России одномоментно. «Его формирование стало результатом длительного и противоречивого процесса, включавшего поиск оптимального соотношения между государственным контролем, корпоративной организацией и потребностью общества в профессиональной юридической защите» [3]. Поэтому развитие адвокатуры следует рассматривать не как изолированное явление, а как часть общей эволюции правовой системы Российской империи.

Методология исследования. Методологическую основу настоящей статьи составляют общенаучные и специальные юридические методы исследования. Для раскрытия логики исторического развития института адвокатуры использован историко-правовой метод, позволивший проследить последовательность изменений в судебном представительстве и адвокатской организации в России XIX в. Формально-юридический метод применен при анализе правовых положений, определявших статус лиц, осуществлявших защиту и представительство в суде. Системный метод использован для выявления места адвокатуры в структуре судебной системы и механизме отправления правосудия. Кроме того, в работе

применялись методы анализа, синтеза и обобщения, позволившие выявить основные закономерности эволюции адвокатуры как правового и социального института.

Для понимания особенностей развития адвокатуры в XIX в. необходимо учитывать, что в начале столетия в России отсутствовала адвокатура в современном смысле слова. Судебное представительство существовало, однако не было организовано как единая профессиональная корпорация с четко определенными правами, обязанностями, правилами допуска и внутренней дисциплиной. Участие лиц в защите чужих интересов в суде носило во многом фрагментарный и неоднородный характер. Дореформенная судебная система Российской империи отличалась сословностью, множественностью судебных инстанций, сложностью процедур и значительной зависимостью судебной практики от административного влияния. В таких условиях потребность в лицах, умеющих ориентироваться в формальной стороне дела, составлять бумаги, вести переписку и представлять интересы стороны, объективно возрастала. Однако эта потребность еще не означала существования развитой адвокатуры. Речь шла скорее о судебном ходатайстве, посредничестве и представительстве, не всегда основанных на юридической квалификации и не всегда встроенных в четкую институциональную систему.

Одной из причин медленного формирования адвокатуры являлось само устройство дореформенного суда. При неразвитости принципов гласности, состязательности и устности процесса фигура защитника не могла играть той роли, которую она приобретает в условиях открытого судебного разбирательства. Если процесс преимущественно строится на письменном производстве, а личное участие сторон и публичное судебное обсуждение ограничены, то профессиональный оратор, представитель и защитник не занимает центрального места в механизме судопроизводства. Следовательно, развитие адвокатуры было тесно связано не просто с ростом числа правовых споров, а с качественным преобразованием самой судебной процедуры. Существенным препятствием также выступало настороженное отношение государства к самостоятельным профессиональным объединениям. Российская правовая традиция длительное время исходила из необходимости значительного административного контроля над юридической деятельностью. По этой причине возможность существования независимой корпорации лиц, участвующих в суде и отстаивающих интересы частных лиц, воспринималась неоднозначно. Государственная власть стремилась не допустить превращения юридического представительства в автономную силу, способную влиять на общественное мнение и судебную практику вне рамок официального контроля. Вместе с тем уже в первой половине XIX в. стали накапливаться объективные предпосылки для институционального оформления адвокатуры. К числу таких предпосылок относились усложнение имущественного оборота, рост числа судебных споров, постепенное развитие юридического образования, расширение делопроизводственной практики и увеличение потребности в профессиональных знаниях при ведении гражданских и уголовных дел. По мере усложнения общественных отношений становилось очевидным, что случайное или полулюбительское представительство уже не соответствует требованиям правовой жизни.

Таким образом, дореформенный этап не создал полноценной адвокатуры, но подготовил почву для ее возникновения. Именно на этом этапе стала очевидной потребность в профессиональном посреднике между законом, судом и частным лицом. В дальнейшем эта потребность получила институциональное выражение в рамках крупных судебных преобразований второй половины XIX в.

Решающим моментом в истории российской адвокатуры стало проведение судебной реформы 1860-х годов. Эта реформа имела системный характер и затронула основы судоустройства и судопроизводства. «Ее значение для адвокатуры было особенно велико, поскольку именно в результате реформы возникли правовые условия для реального функционирования профессиональной защиты и представительства в суде» [4]. Судебная реформа изменила саму логику отправления правосудия. На смену прежней модели, ориентированной на

письменное и в значительной степени закрытое производство, пришла система, основанная на принципах гласности, состязательности, устности и относительной независимости суда. В этих условиях участие профессионального защитника стало не случайным дополнением к процессу, а необходимым элементом судебного разбирательства. Если ранее представитель мог быть лишь помощником в подаче бумаг, то теперь он становился активным участником процесса, способным формировать правовую позицию стороны, участвовать в исследовании доказательств, выступать в судебных прениях и влиять на убеждение суда.

Развитие адвокатуры в связи с судебной реформой было закономерным. Состязательный процесс предполагает наличие сторон, обладающих возможностью профессионально обосновывать свои требования и возражения. Без этого состязательность превращается в формальность. Поэтому формирование адвокатуры стало не внешним следствием реформы, а внутренне необходимым элементом новой судебной модели. Введенные преобразования требовали появления лиц, способных действовать в интересах доверителя на основе специальных юридических знаний и профессиональных навыков.

Судебная реформа создала организационные формы, в рамках которых адвокатская деятельность стала более упорядоченной. Было установлено различие между присяжными поверенными и частными поверенными. Это разграничение отражало попытку совместить идею профессионализации юридической помощи с сохранением определенной гибкости допуска к представительству. «Вместе с тем именно институт присяжных поверенных в наибольшей степени воплотил представление о профессиональной адвокатуре как особом корпусе лиц, связанных едиными требованиями к квалификации, репутации и этике» [5].

Важно подчеркнуть, что развитие адвокатуры в результате реформы нельзя понимать исключительно как техническое изменение в процессуальных правилах. По существу, речь шла о признании того, что защита интересов частного лица в суде требует не только формального допуска к участию в деле, но и профессиональной компетентности, публичной ответственности и определенной степени независимости от административного усмотрения. Тем самым адвокатура начала превращаться в самостоятельный институт правовой системы.

Центральное место в структуре адвокатуры второй половины XIX в. заняли присяжные поверенные. Именно через этот институт в российское право вошло представление об адвокате как о лице, не просто допущенном к судебному представительству, а обладающем особым профессиональным статусом. Возникновение присяжной адвокатуры означало переход от случайного представительства к модели, основанной на квалификационном отборе, корпоративной организации и внутренней дисциплине.

Присяжные поверенные должны были соответствовать установленным требованиям, что способствовало повышению качества юридической помощи. Сам факт допуска к профессии перестал быть исключительно следствием личных связей, практической изворотливости или случайного опыта. На первый план выходили образование, знание законодательства, способность к ведению процесса и соответствие определенным нравственным критериям. Тем самым адвокатская деятельность приобретала признаки самостоятельной юридической профессии.

Важной особенностью присяжной адвокатуры являлась ее корпоративная организация. Присяжные поверенные объединялись в советы, которые решали вопросы приема, дисциплинарной ответственности, внутреннего порядка и профессионального поведения. Такая организация имела принципиальное значение. С одной стороны, она создавала механизмы саморегулирования, без которых невозможно поддерживать уровень профессии. С другой стороны, она формировала особую профессиональную идентичность, при которой адвокат осознавал себя не просто индивидуальным практиком, а членом сообщества, несущего ответственность за качество и репутацию юридической помощи.

Корпоративность адвокатуры в XIX в. не означала ее полной автономии. Государство сохраняло значительное влияние на порядок функционирования юридической профессии. Однако даже ограниченная самостоятельность имела

важные последствия. «Она позволяла адвокатуре вырабатывать профессиональные стандарты, поддерживать дисциплину внутри сословия и формировать этические ориентиры, основанные не только на внешнем принуждении, но и на внутреннем понимании долга профессии» [6]. Присяжная адвокатура также способствовала росту общественного значения юриста. Адвокат все в большей степени становился фигурой публичной. Его деятельность не исчерпывалась составлением бумаг и техническим сопровождением дела. Он выступал в суде, аргументировал, убеждал, интерпретировал закон и факты, а в ряде случаев оказывал заметное влияние на общественное восприятие правосудия. Через судебные речи, процессуальные стратегии и правовые позиции адвокатура начала участвовать в формировании правовой культуры.

В этом смысле развитие института присяжных поверенных имело не только профессиональное, но и общественное значение. Оно способствовало укреплению представления о том, что защита в суде — это не случайная услуга, а важная юридическая функция, обеспечивающая равновесие между государственным обвинением, судебной властью и интересами личности. В условиях XIX в. это было серьезным шагом к более рациональной и правовой модели судопроизводства.

Наряду с присяжными поверенными в России XIX в. существовал институт частных поверенных. Его наличие свидетельствовало о том, что формирование адвокатуры происходило не по абсолютно однородной модели. «Российская правовая система стремилась сочетать идеал профессиональной адвокатуры с практической необходимостью обеспечить доступность представительства в разных категориях дел и на разных уровнях судебной системы» [7]. Частные поверенные не обладали тем же уровнем корпоративной интеграции, который был характерен для присяжных поверенных. Их положение было менее престижным, а профессиональный статус — менее институционально защищенным. Однако их роль не следует недооценивать. Они обеспечивали участие представителей в судебных делах там, где система присяжной адвокатуры еще не могла охватить все потребности правовой жизни. В этом смысле частная адвокатская практика заполняла существующие организационные и территориальные пробелы.

Наличие двух категорий представителей отражало особенность российской модернизации: новые институты вводились не всегда путем полного отказа от прежних форм, а чаще через сосуществование более совершенных и переходных моделей. Присяжная адвокатура воплощала нормативный идеал профессии, тогда как частные поверенные представляли собой более гибкую, но и менее стандартизированную форму юридической помощи. Такое сосуществование порождало и определенные противоречия. С одной стороны, оно расширяло возможности судебного представительства. С другой стороны, различие в уровне подготовки, репутации и профессиональной ответственности влияло на неоднородность качества юридической помощи.

Эта неоднородность имела и более глубокий смысл. Она показывала, что адвокатура XIX в. еще находилась в стадии институционального становления. Профессия уже обрела основные правовые формы, но еще не достигла полной унификации, устойчивости и социальной завершенности. Именно поэтому в истории российской адвокатуры XIX в. можно видеть не только поступательное развитие, но и постоянный поиск баланса между открытостью профессии и необходимостью ее внутренней стандартизации.

Развитие адвокатуры в XIX в. невозможно понять вне связи с принципами нового судопроизводства. Гласность, состязательность, устность и непосредственность судебного разбирательства радикально изменили положение защитника и представителя в процессе. Адвокат стал не вспомогательной фигурой при суде, а полноценным участником судебного спора. В условиях состязательного процесса значение приобрела не только юридическая осведомленность, но и способность логически строить аргументацию, анализировать доказательства, выявлять процессуальные слабости позиции противоположной стороны и убеждать суд в правильности собственной правовой конструкции. Следовательно, развитие адвокатуры сопровождалось ростом профессиональных требований к речевой

культуре, аналитическим навыкам и правовой технике. В XIX в. именно судебная практика во многом сформировала образ адвоката как специалиста, сочетающего знание закона с умением применять его в живом процессе [8].

Гласность суда также усилила общественную значимость адвокатуры. Судебное заседание перестало быть исключительно бюрократической процедурой и стало пространством публичного обсуждения фактов, права и справедливости. В таких условиях адвокат выступал не только перед судом, но и перед обществом. Его речь, поведение и правовая позиция начинали влиять на общественное мнение о правосудии. Это повышало требования к профессиональной этике, поскольку адвокатская деятельность приобретала характер публичного служения праву.

Состязательность процесса поставила перед адвокатурой и новую задачу: не просто помогать доверителю, но обеспечивать реальное равновесие сторон. В уголовном процессе это имело особое значение. Там, где государственное обвинение представлено профессионально, отсутствие квалифицированной защиты подрывает саму идею справедливого судебного разбирательства. Следовательно, развитие адвокатуры в XIX в. способствовало институциональному укреплению принципа равноправия участников процесса. Наряду с этим усиление роли адвоката выявило и сложности. Чем значительнее становилось влияние защитника на исход дела, тем острее вставал вопрос о пределах допустимого поведения, соотношении интересов доверителя и требований закона, допустимых средствах защиты и нравственных границах профессиональной активности. Поэтому вместе с развитием адвокатуры развивалась и идея профессиональной ответственности адвоката.

Становление адвокатуры как профессии было бы невозможным без формирования особых правил профессионального поведения. В XIX в. адвокатская деятельность постепенно переставала восприниматься как простая форма частного заработка в судебной сфере. Все более очевидным становилось, что участие в отправлении правосудия требует не только знания закона, но и соблюдения особых нравственных и профессиональных стандартов.

Этическое измерение адвокатской профессии проявлялось в нескольких аспектах. Во-первых, адвокат был обязан строить свою деятельность на доверии. Представительство в суде предполагает доступ к сведениям о частной жизни, имущественном положении, фактических обстоятельствах дела и процессуальной стратегии. Без доверительного характера отношений между адвокатом и доверителем сама возможность эффективной защиты существенно снижается. Во-вторых, адвокат должен был сохранять баланс между интересами клиента и уважением к закону и суду. Защита не может превращаться в произвольное искажение фактов или использование незаконных средств воздействия на процесс. В-третьих, от адвоката требовались корректность поведения, добросовестность и уважение к профессиональному сообществу. Профессиональная ответственность в адвокатуре XIX в. имела двойственную природу. С одной стороны, она выражалась в юридически оформленных дисциплинарных механизмах. С другой стороны, значительную роль играла ответственность корпоративная и репутационная. Для профессионального сообщества имели значение не только формальные нарушения, но и общее соответствие поведения адвоката представлениям о достоинстве профессии. Это было особенно важно в условиях, когда адвокатура еще утверждала свое общественное положение и нуждалась в укреплении доверия со стороны суда и общества.

Именно этические и дисциплинарные механизмы способствовали превращению адвокатуры в устойчивый институт. Там, где отсутствуют профессиональные стандарты, невозможна и полноценная профессиональная идентичность. Поэтому развитие адвокатуры в XIX в. следует рассматривать не только как расширение судебных полномочий адвокатов, но и как процесс внутренней организации профессии вокруг принципов честности, компетентности и ответственности.

Адвокатура XIX в. имела значение, выходящее далеко за пределы собственно судебного представительства. Она стала одним из признаков более общего движения российской правовой системы к институциональной дифференциации и профессионализации. Появление устойчивого корпуса лиц, специально

занимающихся правовой защитой, означало, что правосудие перестает быть исключительно сферой власти и начинает включать элемент профессионального гражданского участия [9].

Значение адвокатуры проявлялось прежде всего в усилении правовой защищенности личности. Возможность получить квалифицированную помощь в суде объективно повышала шансы стороны на эффективное представление своей позиции. Даже если социальные и политические ограничения эпохи сохранялись, сама институционализация профессиональной защиты уже была шагом к более правовой модели взаимодействия личности и государства.

Кроме того, адвокатура способствовала развитию юридической культуры. Через судебные выступления, правовую аргументацию и процессуальную практику адвокаты участвовали в формировании представлений о законности, доказанности, справедливости и допустимых пределах государственного воздействия. Они становились посредниками между сложным языком закона и конкретной жизненной ситуацией человека, нуждающегося в защите.

Следует учитывать и более широкий общественный контекст. XIX в. был временем, когда в России постепенно возрастало значение общественного мнения, печати, образования и профессиональных сообществ. В этом ряду адвокатура занимала особое место, поскольку соединяла юридическую технику, публичную речь и защиту частного интереса. Тем самым она участвовала в формировании новых форм общественной активности, опосредованных правом. Вместе с тем нельзя идеализировать российскую адвокатуру XIX в. Ее развитие проходило в условиях ограниченной политической свободы, значительного административного влияния и неполной автономии правовых институтов. Однако даже в этих условиях адвокатура сыграла важную роль в утверждении представления о праве как о сфере профессиональной аргументации, а не только властного веления. В этом заключается одно из ее ключевых исторических достижений.

Развитие института адвокатуры в России XIX в. представляет собой сложный и многослойный процесс, связанный с общим преобразованием отечественной правовой системы. На раннем этапе судебное представительство существовало в разрозненных формах и не обладало качествами самостоятельной юридической профессии. Однако по мере усложнения общественных отношений и особенно в результате судебной реформы второй половины XIX в. в России сложились правовые и организационные предпосылки для формирования профессиональной адвокатуры. Ключевую роль в этом процессе сыграл институт присяжных поверенных, через который были закреплены принципы профессионализма, квалификационного отбора, корпоративной организации и дисциплинарной ответственности. Одновременно существование частных поверенных показало, что становление адвокатуры проходило в условиях институциональной неоднородности и поиска оптимальной модели юридического представительства. Тем не менее именно XIX в. стал периодом, когда адвокатура превратилась в заметный элемент судебной системы и общественной жизни. Историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что значение адвокатуры в России XIX в. заключалось не только в обеспечении представительства сторон в суде. Адвокатура стала выражением более глубокой тенденции — перехода от административно-процедурного понимания суда к правовой модели, основанной на состязательности, профессиональной защите и публичной аргументации [10]. В этом смысле развитие адвокатуры следует рассматривать как важную часть истории российского правосудия, юридической профессии и правовой культуры в целом.

Список литературы:

1.Ляпина Д. Р. Особенности становления и развития адвокатуры и адвокатской деятельности в России в период XV–XX вв.

2.Белов К. А. Институт адвокатуры в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 70–75.

3.Головин А. Ю., Соломатин Е. Н. Отечественная адвокатура в пореформенный период.

4.Большакова В. М. Хронодискретные российские институты (на примере судебных преобразований в России во второй половине XIX века и в конце XX – начале XXI века) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 51–56. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10305.

5.Луковкин К. Е. Профессиональная деятельность адвокатов Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 63–67.
6.Соломатин Е. Н. Доктрина, рассматривающая адвокатуру как институт защиты гражданского общества.
7.Белов К. А. Институт адвокатуры в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 70–75.
8.Черепанов С. И. Роль адвоката в суде присяжных в Российской империи.
9.Поляков А. И. Формирование неправительственных общественных организаций, осуществлявших деятельность по охране интересов граждан в России во второй половине XIX века.
10. Вдовина И. А. Адвокатология — новое научное направление в современной юриспруденции // Контентус. 2020. № 6. С. 41–47.

Akhyadov E. Said-Mokhmadovich. Dadashov M. M. Formation and Evolution of the Russian Bar in the Nineteenth Century: Legal Foundations, Organizational Forms, and Social Significance // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 611–617.

This article examines the development of the institution of the bar in nineteenth-century Russia as one of the key elements in the modernization of the domestic legal system. It analyzes the transition from fragmented forms of judicial representation in the pre-reform period to a more structured model of professional legal assistance that took shape during the judicial reform of the second half of the nineteenth century. Special attention is paid to the prerequisites for the formation of the bar, the substance of judicial transformations, the institutional features of sworn and private advocacy, as well as the place of the advocate in the administration of justice. It is shown that the development of the bar was connected not only with changes in procedural legislation, but also with broader trends of legal rationalization, the strengthening of the public element in judicial proceedings, and the growing significance of professional legal knowledge. The article concludes that it was in the nineteenth century that the basic principles of legal practice in Russia were established: professionalism, relative corporate autonomy, ethical responsibility, the adversarial nature of participation in proceedings, and an orientation toward the legal protection of the individual.

Keywords: bar, history of the bar, nineteenth-century Russia, judicial reform, sworn attorneys, private attorneys, judicial representation, legal assistance, justice, legal profession.

Spisok literatury:

1.Lyapina D. R. Osobennosti stanovleniya i razvitiya advokatury i advokatskoj deyatel'nosti v Rossii v period XV–XX vv.
2.Belov K. A. Institut advokatury v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2020. T. 20. № 2. S. 70–75.
3.Golovin A. Yu., Solomatin E. N. Otechestvennaya advokatura v poreformennyj period.
4.Bol'shakova V. M. Hronodiskretnye rossijskie instituty (na primere sudebnyh preobrazovanij v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka i v konce HH – nachale XXI veka) // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 3 (43). S. 51–56. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10305.
5.Lukovkin K. E. Professional'naya deyatel'nost' advokatov Samarskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2010.T.12. №2. S.63–67.
6.Solomatin E. N. Doktrina, rassmatrivayushchaya advokaturu kak institut zashchity grazhdanskogo obshchestva.
7.Belov K. A. Institut advokatury v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2020. T. 20. № 2. S. 70–75.
8.Cherepanov S. I. Rol' advokata v sude prisyazhnyh v Rossijskoj imperii.
9.Polyakov A. I. Formirovanie nepravitel'stvennyh obshchestvennyh organizacij, osushchestvlyavshih deyatel'nost' po ohrane interesov grazhdan v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka.
10. Vdovina I. A. Advokatologiya — novoe nauchnoe napravlenie v sovremennoj yurisprudencii // Kontentus. 2020. № 6. S. 41–47.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 618-626.

УДК 343.3/.7:342.9(470.75)

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫМ КОНФЛИКТАМ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Губанова Е. В.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

В статье исследуется правовой механизм противодействия межнациональным и межконфессиональным конфликтам, образованный нормами ст. 148, 205.5, 239, 282, 282.2, 282.3 УК РФ, ст. 5.26, 20.3.1, 20.29 КоАП РФ, на примере Республики Крым. На основе статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, отчетности прокуратуры Республики Крым и судебных актов 2024–2026 гг. показано, что уголовная репрессия сместилась от «речевых» составов к организационным, а в регионе основную нагрузку несут ст. 205.5 и 282.2 УК РФ, тогда как административная преюдиция к ст. 282 УК РФ почти не срабатывает. Выявлены проблемы разграничения ст. 148 УК РФ, ч. 2 ст. 5.26 и ст. 20.3.1 КоАП РФ, неприменения поощрительного примечания к ст. 282.2 УК РФ, использования ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ во внутриконфессиональных спорах, признания материалов экстремистскими без экспертизы. Оценены новеллы Федерального закона от 04.08.2026 № 294-ФЗ об обязательном выдворении. Предложены изменения УК РФ, КоАП РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и региональной программы профилактики.

Ключевые слова: межнациональный конфликт; межконфессиональный конфликт; возбуждение ненависти или вражды; административная преюдиция; экстремистская организация; оскорбление религиозных чувств верующих; миссионерская деятельность; экстремистские материалы; административное выдворение; профилактика правонарушений; судебная практика; Республика Крым.

Межнациональный и межконфессиональный конфликт не является в российском праве самостоятельной юридической категорией. Закон реагирует не на конфликт как таковой, а на его юридически значимые формы, которые в зависимости от характера причиненного вреда оцениваются как административное правонарушение либо как преступление [1, с. 520]. Это публичное возбуждение ненависти или вражды, оскорбление религиозных чувств, продолжение деятельности запрещенного объединения и его финансирование, миссионерская деятельность с нарушением закона, распространение экстремистских материалов. Каждой форме соответствует своя норма, и эффективность механизма зависит от четкости границ между ними. Эти границы размыты, поскольку понятия «оскорбление», «религиозные чувства», действия по возбуждению ненависти законом не раскрыты, что порождает субъективизм и терминологическую путаницу [2, с. 470].

В Крыму проживают представители более 165 народностей и национальностей [3, с. 25], этническая и конфессиональная принадлежность здесь во многом совпадают, поэтому межгрупповое противоречие почти всегда получает религиозное измерение. В конце 1990-х – начале 2000-х гг., когда полуостров находился в составе Украины, противодействие экстремизму, как отмечает С. А. Буткевич, не было урегулировано, и не было оснований ни для прекращения деятельности радикальных структур, ни для изъятия их литературы [4, с. 104]. Российский правовой механизм пришел в регион готовым и был применен к уже укоренившимся явлениям. Цель статьи – на материале практики и статистики последних лет выяснить, какие элементы механизма реально работают в Крыму, где проходят проблемные границы и какие изменения назрели. По данным Судебного департамента при ВС РФ (форма № 10-а), по ст. 282 УК РФ в качестве основной ст. осуждено 42 чел. в 2022 г., 48 в 2023 г. и 42 в 2024 г., а по ст. 282.2 УК РФ соответственно 212, 265 и 274 человека, причем только за I полугодие 2025 г. уже 204. Число осужденных по ст. 282.3 УК РФ выросло с 8 в 2023 г. до 38 в 2024 г., по ст. 148 УК РФ с 11 до 33. Доля реального лишения свободы по ст. 282 УК РФ возросла с 16,7 % в 2022 г. до 42,9 % в 2024 г., по ст. 282.2 УК РФ с 43,4 % до 59,5 %, а все 94 осужденных по ст. 205.5 УК РФ в 2024 г. приговорены к реальному лишению свободы. По ст. 148 УК РФ, напротив, с 2023 г. не назначено ни одного лишения свободы. Уголовная репрессия, таким образом, сместилась от «речевых» составов к организационным. Эта тенденция закономерна для законодательства, прошедшего путь от закрытого перечня из вось-

ми «экстремистских» составов 2002 г. к системе, построенной на мотиве и административной преюдиции [5, с. 382–383]. При этом само понятие преступления экстремистской направленности толкуется неоднозначно [6, с. 367]. Административно-правовой сегмент на порядок массовее уголовного, и по форме № 1-АП в 2024 г. по ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ (в отчете это одна строка) наказано 5 824 лица, по ст. 5.26 КоАП РФ 294 лица, из них 90 юридических, по ст. 20.29 КоАП РФ 314 лиц. По последней статье число наказанных, напротив, сократилось с 869 в 2022 г. Дело, вероятно, не в сокращении числа таких материалов. Многие нарушители не знают о федеральном списке и не понимают экстремистского характера своих действий [7, с. 88], а часть подобных деяний охватывается уголовно-правовыми составами.

Дела по ст. 20.3.1 КоАП РФ возбуждает только прокурор (ч. 1 ст. 28.4), поэтому отчетность прокуратуры Республики Крым по форме АДМ охватывает их полностью, а по ст. 20.29 КоАП РФ протоколы составляет и полиция (п. 1 ч. 2 ст. 28.3). Прокурорами республики возбуждено дел по ст. 20.3.1 КоАП РФ 5 в 2022 г., 5 в 2023 г., 7 в 2024 г., 5 в 2025 г. и 4 за I полугодие 2026 г., по ст. 20.29 КоАП РФ в 2023–2025 гг. ни одного. Всего в сфере межнациональных отношений, противодействия экстремизму и терроризму прокуроры возбуждают от 38 до 51 административного дела в год. По сведениям МВД по РК, из отчета министра перед Государственным Советом республики (по сообщению РИА Новости Крым от 26.03.2025), в 2024 г. выявлено 10 преступлений экстремистской направленности (на 71 % меньше, чем годом ранее) и 15 преступлений террористического характера. Открытое межнациональное противостояние в регионе редкость, а основную нагрузку несут дела по ст. 205.5 и 282.2 УК РФ, региональная статистика по которым не публикуется, поэтому их вес приходится оценивать по судебным актам.

Первая проблемная граница проходит между ст. 20.3.1 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ. С 2019 г. ч. 1 ст. 282 УК РФ применяется только к лицу, ранее подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющему судимость по ст. 280, 282 или 282.4 УК РФ. ФЗ от 24.06.2025 № 173-ФЗ часть первая разделена на два пункта, и по п. «б», охватывающему действия, сопряженные с оправданием или пропагандой насилия, ответственность наступает без преюдиции. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, в 2023 г. 42,6 % дел по ст. 20.3.1 КоАП РФ возбуждались именно за такие действия, преимущественно по мотивам национальной принадлежности [8, с. 176]. Отношение к преюдиции в доктрине расходится. А. В. Петрянин, оговаривая дискуссионность этого приема, считает его в сфере экстремизма «не только приемлемым, но и перспективным» [5, с. 383]. Д. М. Латыпова предлагает исключить признак специального субъекта, поскольку он необоснованно переводит первичное деяние в разряд менее опасных [9, с. 553]. М. П. Ситникова указывала, что частичная декриминализация одной лишь ст. 282 УК РФ нарушила принцип справедливости, так как аналогичные деяния, в том числе предусмотренные ст. 148 и 280 УК РФ, остались преступными [10, с. 96]. Сторонники реформы видят в административном наказании прежде всего средство профилактики таких преступлений [11, с. 269]. Еще в 2019 г. С. В. Борисов и Н. Г. Андрюхин прогнозировали, что применение ч. 1 ст. 282 УК РФ почти прекратится, поскольку такие деяния выявляются оперативно-розыскным путем, невозможным по делам об административных правонарушениях [12, с. 24]. Прогноз оправдался, и, по данным А. В. Верещагиной, доля лиц, дела которых разрешались по ст. 280 УК РФ, выросла с прежних не более 25 % до 62,17 % в 2020–2022 гг. [13, с. 20].

Крымская практика по ст. 20.3.1 КоАП РФ сводится к оценке комментариев в социальных сетях. Постановлением Киевского райсуда г. Симферополя от 17.07.2025 по делу № 5-450/2025 гражданин, неоднократно оставлявший в открытой группе «ВКонтакте» комментарии с негативной оценкой русских по признакам национальности, языка и происхождения, подвергнут административному аресту на 14 суток. Постановлением Ленинского райсуда г. Севастополя от 26.06.2025 по делу № 5-95/2025 за комментарий, унижающий якутов по признаку происхождения, назначен штраф 12 000 руб., постановлением Балаклавского райсуда г. Севастополя от 25.09.2025 по делу № 5-65/2025 за оскорбительный комментарий о выходцах с Кавказа и из Средней Азии назначен минимальный штраф 10 000 руб. Во всех трех де-

лах ключевым доказательством служит заключение лингвиста, а почему деяние не образует состава по п. «б» ч. 1 или ч. 2 ст. 282 УК РФ, суд не обсуждает. При четырех–семи делах в год повторное деяние того же лица в течение года почти невероятно, и уголовно-правовая часть конструкции в регионе фактически не срабатывает. На наш взгляд, это довод в пользу преюдиции, поскольку для единичных бытовых проявлений межнациональной вражды административное наказание соразмерно. Недостаток кроется в мотивировке. Раз от квалификации по ст. 20.3.1 КоАП РФ зависит последующая уголовная ответственность, постановление должно содержать обоснованный вывод о публичности, то есть о доступности материала неопределенному кругу лиц [14, с. 461–462], и о мотиве, поскольку одна лишь межгрупповая разница между виновным и адресатом высказывания не доказывает ни ненависти, ни вражды [15, с. 445]. Правовые вопросы суд решает сам, не копируя выводы заключения, возможности которого субъекты доказывания нередко переоценивают [16, с. 71].

Вторая граница, наиболее значимая для межконфессиональных конфликтов, проходит между ст. 148 УК РФ, ч. 2 ст. 5.26 и ст. 20.3.1 КоАП РФ. Приговором Ялтинского горсуда РК от 17.06.2025 по делу № 1-433/2025 по ч. 1 ст. 148 УК РФ осуждена жительница пгт Гаспра, разместившая в 2021–2024 гг. на своей странице во «ВКонтакте» изображения православных икон «в демоническом образе», патриарха с черепом на головном уборе и видеозапись, высмеивающую таинство брака. Суд назначил 120 часов обязательных работ, а апелляционным постановлением ВС РК от 30.07.2025 № 22-1971/2025 приговор изменен лишь в части конфискации системного блока. ВС РФ в кассационном определении от 15.01.2026 № 14-УД25-15-А1 признал правильной квалификацию по ч. 1 ст. 148 УК РФ видеозаписей с презрительными высказываниями о Коране и исламе (от наказания по этим эпизодам осужденный освобожден за истечением сроков давности) и согласился с судом первой инстанции, что лицо привлечено к ответственности «не за свободу слова, а за совершение противоправных деяний». Близкие по содержанию действия (размещение в сети осквернённого изображения креста) мировые судьи, в т.ч. в Крыму, квалифицируют по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ [17, с. 55]. Грань между этими нормами, по оценке исследователей, очень тонка и не всегда понятна [18, с. 107]. А. В. Равнюшкин предлагает изложить ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ по модели ч. 1 ст. 148 УК РФ («публичные действия, выраженные в умышленном осквернении…»), при экстремистских мотивах считать ее специальной нормой по отношению к ст. 20.3.1 КоАП РФ и поддерживает предложенную Г.В. Пережогиной и В.В. Петровым конструкцию ст. 148 УК РФ с административной преюдицией [17, с. 56]. А. А. Боженова и В.В. Ерахмилевич полагают, что термин «оскорбление» законодатель выбрал, чтобы не связывать ч. 1 ст. 148 УК РФ преюдицией с ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, хотя «осквернение», по их мнению, точнее отражает существо деяния [19, с. 100]. Мы поддерживаем идею преюдиции, воспроизводящую действующую связку ст. 20.3.1 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ, но только для ч. 1 ст. 148 УК РФ, а не для ч. 2, так как действия в местах богослужения создают непосредственную угрозу открытого столкновения верующих и должны оставаться преступлением с первого раза. Кроме того, постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 до сих пор не разъясняет соотношение цели оскорбления религиозных чувств по ст. 148 УК РФ с целью возбуждения вражды по признаку отношения к религии.

Третья, основная для Крыма граница проходит внутри организационных составов, и первый из них, ст. 205.5 УК РФ, применяется к ячейкам организаций, признанных террористическими, прежде всего «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Кассационным определением ВС РФ от 13.06.2024 № 224-УД24-12-А6 оставлен без изменения приговор Южного окружного военного суда, которым житель Симферополя, участвовавший с 2015 по 2020 г. в тайных собраниях и пропагандистских беседах, осужден по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ к 11 годам лишения свободы с отбыванием первых 3-х лет в тюрьме. Суд указал, что ст. 205.5 УК РФ не связывает ответственность с действиями, непосредственно сопряженными с насилием. Кассационным определением от 28.08.2024 № 224-УД24-37-А6 по делу алуштинской ячейки, ставившей цель «поэтапного установления» всемирного халифата, подтверждены наказания от

12 до 18 лет лишения свободы, а апелляционное постановление ВС РК от 22.08.2025 № 22к-2342/2025 касается уже новой ячейки в Джанкойском р-не, в которую обвиняемые, по версии следствия, вступили в 2023–2024 гг. ФЗ от 23.07.2025 № 216-ФЗ из диспозиций ч. 1 и 2 ст. 282.2 УК РФ прямо исключены организации, признанные террористическими, и конкуренция статей разрешена в пользу ст. 205.5 УК РФ.

Деятельность «Свидетелей Иеговы» и иных религиозных объединений, ликвидированных в связи с экстремистской деятельностью, квалифицируется по ст. 282.2 УК РФ. Ликвидация по решению суда не прекращает такую деятельность, она продолжается конспиративно, нередко под другим названием [20, с. 256–257]. По данным Госкомнаца РК, приговором Красногвардейского райсуда от 01.07.2024 двое участников собраний в г. Джанкое и Красногвардейском районе осуждены к 6 годам лишения свободы, еще 4 обвиняются по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ. В апелляционном постановлении ВС РК от 16.10.2025 № 22-2621/2025 о законности обыска довод о «подмене понятия исповедования религии понятием преступления» оставлен без оценки как не являющийся предметом проверки на данной стадии. Эту границу Пленум ВС РФ провел в 2021 г. Согласно п. 20 постановления № 11, действия, не связанные с продолжением или возобновлением деятельности запрещенной организации и состоящие исключительно в индивидуальном или совместном исповедании религии, совершении богослужений, обрядов и церемоний, если они не содержат признаков экстремизма, состава преступления по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ сами по себе не образуют. КС РФ в определении от 29.10.2024 № 2955-О также указал, что признание организации экстремистской не предопределяет виновность конкретного лица, а ответственность наступает лишь за действия, совершаемые в составе объединения, в соответствии с его целями и под единым руководством. В литературе отмечается, что грань между охраняемой свободой совести и противоправной деятельностью часто размыта [21, с. 121], и тем важнее, чтобы суды проводили ее в каждом приговоре. Наказания по ст. 282.2 УК РФ в разных регионах заметно расходятся. Приговором Урайского горсуда Ханты-Мансийского АО – Югры от 17.10.2025 по делу № 1-7/2025 «старейшина», руководивший группой и организовавший сбор средств, осужден по ч. 1 ст. 282.2 и ч. 1 ст. 282.3 УК РФ к штрафу 450 000 руб., смягченному с учетом содержания под стражей и под домашним арестом. В Крыму за участие в собраниях назначается реальное лишение свободы, а приговором Ялтинского горсуда РК от 27.02.2023 по делу № 1-17/2023 по ч. 1 ст. 282.2 и ч. 1 ст. 282.3 УК РФ отягчающим обстоятельством признано совершение преступления в составе организованной группы [22, с. 98]. Разброс объясняется не только ролью виновного, но и отсутствием единых критериев. Прим. к ст. 282.2 УК РФ об освобождении от ответственности лица, впервые совершившего преступление и добровольно прекратившего участие в организации, в изученных крымских актах, вынесенных на досудебной стадии, не обсуждается, а случаев его применения в приговорах найти не удалось. По ст. 205.5 УК РФ ВС РФ в определении № 224-УД24-12-А6 оценил добровольность прекращения участия и отверг ее, поскольку лицо, имея реальную возможность выйти из организации и явиться в органы власти, этого не сделало. Пленум в п. 22 постановления № 11 разъяснил, что добровольным признается прекращение преступной деятельности при осознании возможности ее продолжения, однако примечание к ст. 282.2 УК РФ, в отличие от примечания к ст. 205.5 УК РФ, не определяет, до какого момента такое прекращение возможно. Поощрительная норма, способная стать главным инструментом вывода рядовых участников из запрещенных организаций, не работает.

Рядом с этими составами находится ч. 1 ст. 239 УК РФ о создании религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководстве таким объединением. В Москве в отношении руководителей «аят-центров» учения «Алля-Аят», деятельность которого запрещена судебным решением, уголовное дело возбуждалось по ч. 1 ст. 239 УК РФ, затем было переквалифицировано на ч. 3 и прекращено за истечением сроков давности [23, с. 166–168]. Большинство преступлений по ст. 239 УК РФ остаются латентными, а виновных чаще привлекают по экстремистским статьям или за мошенничество [24, с. 102]. Значит, ст. 282.2 УК РФ на

практике защищает и участников деструктивных объединений от самой организации, и поощрительное примечание к ней тем более нужно.

В сфере свободы совести в Крыму наряду с Духовным управлением мусульман РК и г. Севастополь действуют общины, ориентированные на иные центры, и спор между ними о влиянии на приходы нередко переходит в плоскость ответственности по ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ. Решением Кировского райсуда РК от 19.02.2024 по делу № 12-32/2024 отменено постановление мирового судьи о штрафе 8 000 руб., назначенном имаму за проведение пятничной молитвы в мечети без документа о полномочиях, т.к. распространение вероучения среди лиц, не являющихся участниками объединения, не доказано. Решением Центрального райсуда г. Симферополя от 18.03.2025 по делу № 12-76/2025 отклонен протест прокурора на прекращение дела в отношении священнослужителя местной мусульманской организации, которому вменялось отсутствие полномочий от незарегистрированного альтернативного муфтията. Первый суд опирается на позицию КС РФ о системообразующем признаке миссионерской деятельности – вовлечении новых последователей (определения от 13.03.2018 № 579-О и от 15.10.2018 № 2514-О), второй – на Обзор практики ВС РФ по ст. 5.26 КоАП РФ от 26.06.2019. Правовое регулирование миссионерства, в котором законодатель увидел канал проникновения идей, способных навредить целостности госстроя [25, с. 472], рискует превратиться в инструмент внутриконфессиональной конкуренции, что конфликтогенно. Поэтому дела против священнослужителей зарегистрированных организаций требуют особенно тщательной проверки.

По данным Судебного департамента, число иностранцев и лиц без гражданства среди наказанных по ст. 5.26 КоАП РФ выросло с 7 в 2022 г. до 31 в 2024 г., а выдворение назначено соответственно в 4 и 15 случаях. ВС РФ в постановлении от 15.12.2025 № 18-АД25-46-К4 признал миссионерской деятельностью проповеди, размещенные в интернете, и указал, что полномочия религиозной группы действуют только в том субъекте, где подано уведомление о начале ее деятельности. Решением Краснодарского краевого суда от 18.02.2026 по делу № 12-112/2026 оставлено без изменения постановление судьи районного суда, которым гражданину США, проводившему богослужение для более чем ста человек за пределами территориальной сферы деятельности организации, назначены штраф 30 000 руб. и выдворение. Федеральный закон от 04.08.2026 № 294-ФЗ, вступающий в силу 03.11.2026, распространил ч. 5 ст. 5.26 КоАП РФ на нарушения, предусмотренные ч. 1, 2 и 4, и сделал выдворение обязательным, а ст. 20.3.1 и 20.29 КоАП РФ дополнил частями вторыми, также с обязательным выдворением. Для Крыма, куда прибывают мигранты и жители новых субъектов, где часть запрещенных в России организаций действовала легально, новелла усиливает превентивный потенциал административного права. При этом закон дифференцирует последствия. Для ч. 5 ст. 5.26 КоАП РФ сохраняется возможность заменить выдворение штрафом или обязательными работами по ч. 3.8 ст. 4.1 КоАП РФ с учетом продолжительности проживания, семейного положения и иных обстоятельств, которые учитывал и ВС РФ в Обзоре 2019 г. Части 2 ст. 20.3.1 и 20.29 КоАП РФ, напротив, включены в перечень исключений из этого правила. Представляется, что такая дифференциация оправданна, поскольку нарушение порядка миссионерской деятельности нередко формально, а возбуждение ненависти и распространение экстремистских материалов направлены против межнационального и межконфессионального согласия.

Решением ВС РК от 16.09.2025 по делу № 12-267/2025 оставлен в силе штраф 400 000 руб., наложенный на местную мусульманскую общину за хранение в открытом молитвенном зале двух книг и журнала из федерального списка экстремистских материалов. Решением того же суда от 19.01.2026 по делу № 12-7/2026 оставлен в силе штраф 3 000 руб., назначенный соавтору научной книги о крымских татарах, поступившей в библиотеку как обязательный экземпляр. Книга в федеральный список не включена, однако суд отнес ее к экстремистским материалам по п. 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», поскольку в высказываниях респондентов специалист усмотрел признаки оправдания деятельности «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Меджлиса крымскотатарского народа». Довод о непроведении экспертизы отклонен со ссылкой на заключение специалиста, и та-

кой подход вызывает возражения. Если экстремистский характер материала впервые устанавливается в административном деле без судебного решения и без экспертизы, утрачивает смысл привязка ст. 20.29 КоАП РФ к опубликованному федеральному списку, позволяющая лицу осознавать экстремистский характер материала. Еще применительно к запрещенной символике А. В. Равнюшкин отмечал, что без официальных критериев предмета правонарушения правоприменитель руководствуется оценочными понятиями и собственными представлениями [26, с. 116]. В Крыму проблему обостряет нехватка религиоведов и средств, поскольку в ряде субъектов РФ религиоведческая экспертиза стоит от 40 до 200 тыс. руб., а в РК на нее выделяется 12 тыс. руб. [2, с. 474]. Новый состав ст. 13.53 КоАП РФ о поиске заведомо экстремистских материалов и получении доступа к ним эту проблему только усиливает, поскольку определение таких материалов в профильном законе по-прежнему связано с распространением, а не с поиском [27, с. 54].

Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» относит противодействие терроризму и экстремистской деятельности к основным направлениям профилактики, а выявление и устранение причин правонарушений на почве национальной или религиозной розни к способам ее реализации (ст. 6). Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений как самостоятельное направление профилактики в ст. 6 не названа, хотя именно она не дает бытовому спору перерасти в конфликт. Государственная программа «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым», утвержденная постановлением Совмина РК от 08.11.2016 № 533, в редакции от 27.03.2025 формулирует задачи обтекаемо, без способов их решения и целевых индикаторов [28, с. 311]. Между тем в республике есть чем наполнить программу, в том числе государственная информационная система мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, в рамках которой, по данным органов республики, еженедельно проверяется от 250 до 320 источников, и национально-культурные автономии (95 на конец 2018 г.), участвующие в урегулировании и профилактике межэтнических конфликтов [3, с. 25].

Одни авторы полагают, что в условиях экстерриториальных информационных угроз санкции уголовного закона стали малоэффективными [29, с. 223], другие предлагают ввести государственную цензуру литературы, СМИ и блогосферы [30, с. 402], третьи убеждены, что противостоять экстремизму эффективнее идеологической профилактикой, чем силой, которая без обоснования может стать катализатором радикализации [31, с. 195]. Крымский материал не подтверждает ни первой, ни второй позиции. Уголовно-правовые средства работают против организованных структур и требуют не расширения, а уточнения границ. Цензура же вступила бы в противоречие с конституционным запретом и не затронула бы главный канал эскалации, которым служит не вероучение, а информационная обработка бытового повода. Ближе к истине третья позиция, при условии что профилактика будет измеряться результатом, а не числом проведенных мероприятий.

Реально работающими в Крыму, таким образом, являются ст. 205.5 и 282.2 УК РФ, применяемые к ячейкам запрещенных организаций, и административная ответственность по ст. 5.26 КоАП РФ, тогда как связка ст. 20.3.1 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ, рассчитанная на открытое межнациональное противостояние, востребована мало, что отражает редкость такого противостояния, а не слабость нормы. Проблемными являются границы между ст. 148 УК РФ, ч. 2 ст. 5.26 и ст. 20.3.1 КоАП РФ, между исповеданием религии и участием в деятельности запрещенной организации, между признанием материала экстремистским и ответственностью за его распространение. Для их уточнения предлагается, 1) дополнить ч. 1 ст. 148 УК РФ административной преюдицией, сохранив ч. 2 без нее, и изложить ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ по модели ч. 1 ст. 148 УК РФ; 2) дополнить постановление Пленума № 11 разъяснениями по ст. 148 УК РФ и указанием на обязанность суда обсуждать применение примечания к ст. 282.2 УК РФ, а само примечание дополнить, по образцу примечания к ст. 205.5 УК РФ, указанием на момент, до которого прекращение участия признается добровольным; 3) установить в ст. 20.29 КоАП РФ, что материал, не включенный в федеральный список, может быть признан экстремистским только на ос-

новании заключения эксперта; 4) дополнить ст. 6 Федерального закона № 182-ФЗ направлением «гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений», а в региональную программу профилактики включить показатели, привязанные к данным системы мониторинга.

Список литературы:

1. Лагуточкин, А. В. Предпосылки возникновения национальной или религиозной вражды как мотива совершения преступлений экстремистского или террористического характера / А. В. Лагуточкин, В. Н. Чаплыгина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 3. – С. 519–525.
2. Коноплева, А. А. Религиозный экстремизм в современном российском обществе: новые грани старой проблемы / А. А. Коноплева, И. И. Еремеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78), № 2. – С. 469–476.
3. Климова, Д. В. Развитие национально-культурных автономий – необходимое условие формирования межнационального согласия (на примере Республики Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 2. – С. 22–27.
4. Буткевич, С. А. Портрет крымского экстремиста и террориста (криминологические аспекты) / С. А. Буткевич // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 3. – С. 102–109.
5. Петрянин, А. В. Двадцать лет уголовно-правового противодействия экстремизму (экстремистской деятельности): уроки истории, современное состояние и возможные перспективы / А. В. Петрянин // Уголовно-исполнительное право. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 379–385.
6. Зварыгин, В. Е. Уголовно-правовые проблемы классификации преступлений экстремистской направленности / В. Е. Зварыгин, А. С. Кондаков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 363–369.
7. Ахтанина, Н. А. Актуальные направления совершенствования административно-правовых методов противодействия экстремизму в современных условиях / Н. А. Ахтанина // NB: Административное право и практика администрирования. – 2023. – № 4. – С. 84–92.
8. Хлебушкин, А. Г. Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24.06.2025 г. № 173-ФЗ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 173–183.
9. Латыпова, Д. М. Вопросы законодательной регламентации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ / Д. М. Латыпова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 551–554.
10. Ситникова, М. П. Статьи 280 и 282 УК РФ: инструмент защиты государства или вызов современному обществу // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6 (198). – С. 94–97.
11. Равнюшкин, А. В. Проблемы квалификации и практики применения совершаемых в общественных местах административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.1 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т.9(75), № 3.
12. Борисов С.В. Административная преюдиция как условие для уголовной ответственности за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные с использованием сети «Интернет» // Криминологический журнал. 2019. №2.
13. Верещагина, А. В. Противодействие экстремизму через призму статистики и судебной практики: некоторые моменты / А. В. Верещагина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – № 50. – С. 15–32.
14. Зоз, В. А. Критерии публичности в цифровой среде как объект оперативно-розыскной проверки по статье 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78), № 2. – С. 460–463.
15. Деревянская, Т. П. О содержании мотивов политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы как признака составов преступлений против личности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78), № 2. – С. 440–448.
16. Мезинов, Д. А. К вопросу о доказывании элементов субъективной стороны преступлений экстремистской направленности / Д. А. Мезинов // Уголовная юстиция. – 2025. – № 25. – С. 70–74.
17. Равнюшкин, А. В. Ответственность за правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, совершенные по экстремистским мотивам // Алтайский юридический вестник. 2024. №1 (45). С. 52–57.
18. Боженова, А. А. Проблемы квалификации деяний, связанных с оскорблением чувств верующих / А. А. Боженова, В. В. Ерахмилевич // Юрислингвистика. – 2023. – № 28. – С. 105–110.
19. Боженова, А. А. Оценочные категории диспозиции ч. 1 ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» УК РФ // Юрислингвистика. – 2025. – № 37. – С. 98–102.
20. Шишина, Е. А. К вопросу противодействия деятельности экстремистской организации «Свидетели Иеговы» / Е. А. Шишина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72), № 3. – С. 252–260.
21. Шалина, А. С. К вопросу о разграничении свободы совести и экстремистской деятельности: сложности квалификации деятельности организаций, имитирующих религиозную деятельность / А. С. Шалина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2026. – Вып. 2. – С. 117–124.
22. Грудачев, И. В. Обеспечение противодействия финансированию экстремистской деятельности уголовно-правовыми мерами / И. В. Грудачев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 5 (103). – С. 97–102.

23. Карпачева, Т. С. Участие в некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ч. 3 ст. 239 УК РФ): уголовно-правовая характеристика // Правосудие / Justice. 2024. Т.6, №3. С. 155.
24. Шалагин, А. Е. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации (создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т.13, №3(49).С.98.
25. Губанова, Е. В. Государственный контроль и миссионерство нелегальных нетрадиционных религиозных движений / Е. В. Губанова, В. Ю. Ефанов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 4. – С. 469–477.
26. Равнюшкин, А. В. Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т.8(74), № 2. – С. 111–118.
27. Пошелов, П. В. Проблемы установления административной ответственности за поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним / П. В. Пошелов, Ю. С. Пестерева, А. Н. Шагланова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2026. – № 1 (48). – С. 51–55.
28. Вичева, А. А. Современные тенденции правового регулирования профилактики правонарушений в Республике Крым / А. А. Вичева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78), № 2. – С. 310–315.
29. Буткевич, С. А. Экстремизм как угроза туристической и информационной безопасности Крымского полуострова (криминологические аспекты) / С. А. Буткевич // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 4. – С. 221–231.
30. Кондратюк, С. В. Профилактика экстремизма в структуре антикриминальной политики государства: в условиях новых субъектов Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 4. – С. 397–404.
31. Попов, А. Н. Борьба с преступлениями экстремистской направленности в России / А. Н. Попов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 4. – С. 186–199.

Gubanova E. V. Legal mechanism of counteracting interethnic and interfaith conflicts (the case of the Republic of Crimea) // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 618-626.

The article examines the legal mechanism of counteracting interethnic and interfaith conflicts formed by Articles 148, 205.5, 239, 282, 282.2, 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, Articles 5.26, 20.3.1, 20.29 of the Code of Administrative Offences, using the example of the Republic of Crimea. Based on the statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, reports of the Prosecutor's Office of the Republic of Crimea and court decisions of 2024–2026, it is shown that criminal repression has shifted from "speech" offences to organizational ones, that in the region the main burden is borne by Articles 205.5 and 282.2 of the Criminal Code, while the administrative prejudice to Article 282 is hardly ever triggered. The problems of distinguishing Article 148 of the Criminal Code, Part 2 of Article 5.26 and Article 20.3.1 of the Code of Administrative Offences, the non-application of the incentive note to Article 282.2, the use of Part 4 of Article 5.26 in intra-confessional disputes and the recognition of materials as extremist without expert examination are identified. The novelties of Federal Law No. 294-FZ of 04.08.2026 on mandatory expulsion are assessed. Amendments to the Criminal Code, the Code of Administrative Offences, the explanations of the Plenum of the Supreme Court and the regional crime prevention programme are proposed.

Keywords: interethnic conflict; interfaith conflict; incitement of hatred or enmity; administrative prejudice; extremist organization; insult of religious feelings of believers; missionary activity; extremist materials; administrative expulsion; crime prevention; judicial practice; Republic of Crimea.

Spisok literatury:

1. Lagutochkin, A. V. Predposy`lki vozniknoveniya nacional`noj ili religioznoj vrazhdy` kak motiva soversheniya prestuplenij e`kstremistskogo ili terroristicheskogo xaraktera / A. V. Lagutochkin, V. N. Chaply`gina // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76), № 3. – S. 519–525.
2. Konopleva, A. A. Religiozny`j e`kstremizm v sovremennom rossijskom obshhestve: novy`e grani staroj problemy` / A. A. Konopleva, I. I. Eremeev // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2026. – T. 12 (78), № 2. – S. 469–476.
3. Klimova, D. V. Razvitie nacional`no-kul`turny`x avtonomij – neobxodimoe uslovie formirovaniya mezhnacional`nogo soglasiya (na primere Respubliki Kry`m) / D. V. Klimova, E. K. Obrinskaya // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2019. – T. 5 (71), № 2. – S. 22–27.
4. Butkevich, S.A. Portret kry`mskogo e`kstremista i terrorista (kriminologicheskie aspekty`) // Ucheny`e zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. T.5(71), № 3.
5. Petryanin, A. V. Dvadczat` let ugolovno-pravovogo protivodejstviya e`kstremizmu (e`kstremistskoj deyatel`nosti): uroki istorii, sovremennoe sostoyanie i vozmozhny`e perspektivy` / A. V. Petryanin // Ugolovno-ispolnitel`noe pravo. – 2022. – T. 17, № 3. – S. 379–385.
6. Zvary`gin, V. E. Ugolovno-pravovy`e problemy` klassifikacii prestuplenij e`kstremistskoj napravlennosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. – 2022. – T. 32, № 2. – S. 363–369.
7. Axtanina, N. A. Aktual`ny`e napravleniya sovershenstvovaniya administrativno-pravovy`x metodov protivodejstviya e`kstremizmu v sovremenny`x usloviyax / N. A. Axtanina // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. – 2023. – № 4. – S. 84–92.

8. Xlebushkin, A. G. Kvalifikaciya vozbuzhdeniya nenavisti libo vrazhdy` s uchetom izmenenij, vnesenny`x v stat`yu 282 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii Federal`ny`m zakonom ot 24 iyunya 2025 g. № 173-FZ / A. G. Xlebushkin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2025. № 4 (108). S. 173–183.
9. Laty`pova, D. M. Voprosy` zakonodatel`noj reglamentacii prestupleniya, predusmotrennogo st. 282 UK RF / D. M. Laty`pova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – № 5. – S. 551–554.
10. Sitnikova, M. P. Stat`i 280 i 282 UK RF: instrument zashhity` gosudarstva ili vy`zov sovremennomu obshhestvu / M. P. Sitnikova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2021. – № 6 (198). – S. 94–97.
11. Ravnyushkin, A. V. Problemy` kvalifikacii i praktiki primeneniya sovershaemy`x v obshhestvenny`x mestax administrativny`x pravonarushenij, predusmotrenny`x st. 20.3.1 KoAP RF // Ucheny`e zapiski Krymskogo federal`nogo universiteta imeni V.I.Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75), № 3. S. 268.
12. Borisov, S. V. Administrativnaya preyudiciya kak uslovie dlya ugolovnoj otvetstvennosti za dejstviya, napravlenny`e na vozbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy`, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva, sovershenny`e s ispol`zovaniem seti «Internet» // Kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – № 2. – S. 23–25.
13. Vereshhagina, A. V. Protivodejstvie e`kstremizmu cherez prizmu statistiki i sudebnoj praktiki: nekotory`e momenty` // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2023. – № 50. – S. 15–32.
14. Zoz, V. A. Kriterii publichnosti v cifrovoj srede kak ob``ekt operativno-rozy`sknoj proverki po stat`e 282 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2026. T. 12 (78), № 2. S. 460–463.
15. Derevyanskaya, T. P. O soderzhanii motivov politicheskoj, ideologicheskoj, nacional`noj ili religioznoj nenavisti ili vrazhdy` v otnoshenii kakoj-libo social`noj gruppy` kak priznaka sostavov prestuplenij protiv lichnosti // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2026. – T. 12 (78), № 2. – S. 440–448.
16. Mezinov, D. A. K voprosu o dokazy`vanii e`lementov sub``ektivnoj storony` prestuplenij e`kstremistskoj napravlennosti / D. A. Mezinov // Ugolovnaya yusticiya. – 2025. – № 25. – S. 70–74.
17. Ravnyushkin, A. V. Otvetstvennost` za pravonarusheniya, predusmotrenny`e ch. 2 st. 5.26 KoAP RF, sovershenny`e po e`kstremistskim motivam // Altajskij yuridicheskij vestnik. – 2024. – № 1 (45). – S. 52–57.
18. Bozhenova, A. A. Problemy` kvalifikacii deyanij, svyazanny`x s oskorbleniem chuvstv veruyushhix / A. A. Bozhenova, V. V. Eraxmilevich // Yurislingvistika. – 2023. – № 28. – S. 105–110.
19. Bozhenova, A. A. Ocenochny`e kategorii dispozicii ch. 1 st. 148 «Narushenie prava na svobodu sovesti i veroispovedanij» UK RF // Yurislingvistika. – 2025. – № 37. – S. 98–102.
20. Shishina, E. A. K voprosu protivodejstviya deyatel`nosti e`kstremistskoj organizacii «Svideteli Iegovy`» / E. A. Shishina // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72), № 3. – S. 252–260.
21. Shalina, A. S. K voprosu o razgranichenii svobody` sovesti i e`kstremistskoj deyatel`nosti: slozhnosti kvalifikacii deyatel`nosti organizacij, imitiruyushhix religioznuyu deyatel`nost` // Izvestiya Tul`skogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2026. – Vy`p. 2. – S. 117–124.
22. Grudachev, I. V. Obespechenie protivodejstviya finansirovaniyu e`kstremistskoj deyatel`nosti ugolovno-pravovy`mi merami // Vestnik Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2024. № 5 (103). – S. 97–102.
23. Karpacheva, T. S. Uchastie v nekommercheskoj organizacii, posyagayushhej na lichnost` i prava grazhdan (ch. 3 st. 239 UK RF): ugolovno-pravovaya xarakteristika // Pravosudie / Justice. 2024. T. 6, № 3. S. 155–177.
24. Shalagin, A. E. Osobennosti kvalifikacii prestuplenij, predusmotrenny`x stat`ej 239 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (sozdanie nekommercheskoj organizacii, posyagayushhej na lichnost` i prava grazhdan) // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – T. 13, № 3 (49). – S. 98–104.
25. Gubanova, E. V. Gosudarstvenny`j kontrol` i missionerstvo nelegal`ny`x netradicionny`x religiozny`x dvizhenij / E. V. Gubanova, V. Yu. Efanov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76), № 4. – S. 469–477.
26. Ravnyushkin, A. V. Problemy` kvalifikacii sovershheniya v obshhestvenny`x mestax administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 20.3 KoAP RF // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 2. – S. 111–118.
27. Poshelov, P. V. Problemy` ustanovleniya administrativnoj otvetstvennosti za poisk zavedomo e`kstremistskix materialov i poluchenie dostupa k nim / P. V. Poshelov, Yu. S. Pestereva, A. N. Shaglanova // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2026. – № 1 (48). – S. 51–55.
28. Vicheva, A. A. Sovremenny`e tendencii pravovogo regulirovaniya profilaktiki pravonarushenij v Respublike Kry`m / A. A. Vicheva // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2026. – T. 12 (78), № 2. – S. 310–315.
29. Butkevich, S. A. E`kstremizm kak ugroza turisticheskoj i informacionnoj bezopasnosti Kry`mskogo poluostrova (kriminologicheskie aspekty`) / S. A. Butkevich // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75), № 4. – S. 221–231.
30. Kondratyuk, S. V. Profilaktika e`kstremizma v strukture antikriminal`noj politiki gosudarstva: v usloviyax novy`x sub``ektov Rossijskoj Federacii / S. V. Kondratyuk // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10 (76), № 4. – S. 397–404.
31. Popov A.N. Borba s prestupleniyami e`kstremistskoj napravlennosti v Rossii//Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T.7(73), №4. S. 186.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 627-632.

УДК 340.114.5

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Петрова Т. В., Корнев А. В.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Статья посвящена рассмотрению пересечения двух проблемных областей: с одной стороны, правосознания и правовой культуры, с другой стороны, инновационному развитию юридического образования. В статье исследуется и обосновывается инновационный потенциал правового сознания и правовой культуры, который незаслуженно недооценен и что между возникновением правовой идеи и ее практическим воплощением находятся процессы научного обоснования, общественного обсуждения, правовой оценки, правотворчества и правоприменения. В исследовании обращается внимание на формирование опережающего (проактивного) правового сознания, способного формировать запрос на регулирование новых возникающих феноменов. Правовая культура при этом выступает регулятором, создающим этический фундамент будущего правового регулирования, что и составляет инновационный потенциал правовой культуры. С учетом теории юридического прогнозирования инновационность правосознания проявляется в способности к аксиологическому прогнозированию. Инновационный потенциал правового сознания и правовой культуры формируется в сознании юриста как сложная динамическая система, которая закладывается именно инновационной методологией преподавания правовых дисциплин. Профессиональное правосознание юриста должно содержать не только базовые знания и навыки, но и динамичные компоненты, которые связаны с изменениями, которые происходят в государстве в условиях необходимости обеспечения инновационного развития.

Ключевые слова: инновационный потенциал, инновационные технологии, право, правовая культура, правовое сознание, правовые ценности, инновационное мышление.

В современных условиях одним из наиболее актуальных вопросов, стоящих на повестке у государства, является необходимость обеспечения инновационного развития, поскольку сам факт существования страны поставлен в зависимость от тех инновационных решений, которые будут разработаны и внедрены. Инновационный потенциал правовой идеологии как части правового сознания обладает значительным теоретико-правовым потенциалом, позволяющим рассматривать правовую идеологию не только как систему правовых идей, принципов, ценностей и представлений о праве, но и как фактор обновления правовой системы в целом, развития правовой культуры и формирования ценностных ориентиров в обществе. Правовая идеология, с нашей точки зрения, способна вырабатывать новые правовые идеи, переосмысливать существующие правовые ценности и формировать мировоззренческие основания совершенствования законодательства, юридической практики и правового поведения. А в структуре правосознания в науке принято выделять правовую психологию и правовую идеологию. В связи с этим инновационный потенциал правовой идеологии связан прежде всего с ее концептуальным и ценностно-ориентирующим характером и позволяет теоретически осмысливать проблемы правового развития, формировать модели желаемого правового порядка и обосновывать направления правовых преобразований.

Для современной российской теории государства и права особое значение имеет вопрос о том, каким образом правовая идеология способна обеспечивать правопреемственность правовых ценностей и одновременно отвечать на новые общественные вызовы. При этом важно учитывать, что инновационность правовой идеологии не обозначает произвольного пересмотра фундаментальных ценностей или отказа от них вовсе, задача инновационной правовой идеологии состоит в поиске правомерных и эффективных способов согласования ценностной преемственности с изменениями общественных отношений. Для решения обозначенной проблемы о необходимости обеспечения инновационного развития со стороны государства принимается значительное количество мер от подготовки необходимых специалистов до предоставления в различной форме поддержки хозяйствующим субъектам, чья деятельность непосредственно связана с созданием инновационных продуктов и внедрением передовых технологий в свои производственные процессы. Значительное количество работ в правовой науке посвящено именно анализу данной проблемати-

ки. При этом хотелось бы обратить внимание на такие категории как «правовое сознание» и «правовая культура», которые незаслуженно остаются в стороне, поскольку представляется, что именно они имеют значительный инновационный потенциал, который не принимается во внимание.

Понятие правовое сознание и правовая культура находятся в тесной взаимосвязи. По мнению А.А. Малиновского «правосознание является важным элементом правовой культуры общества» [5, с. 290].

Л.А. Морозова определяет правовое сознание как «совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности органов и учреждений, а также к действиям и поступкам, совершаемым в правовой сфере» [3, с. 430]. Проф. А.А. Малиновский, определяя понятие правосознания, обращает внимание на то, что оно является одной из форм более широкой категории «общественное сознание», что обуславливает выделение трех групп (индивиды, социальные группы и все общество)», чьи правовые взгляды, теории, представления, убеждения, оценки и установки выражают отношение к идеальному и реальному праву [5, с. 286].

В правовой науке устоявшейся является позиция о выделении следующих функций правового сознания: познавательная, оценочная и регулятивная. Традиционно, исходя из содержания названных функций, правовое сознание по сути реагирует на уже сложившиеся отношения в большинстве групп общества. В условиях инновационных приоритетов государства следует говорить о необходимости формирования опережающего (проактивного) правового сознания. Потребность в его формировании обусловлена не только стремительным развитием новых технологий, появлением новых «сущностей», формированием иных общественных отношений, но и необходимостью сформировать такое правовое сознание, которое не будет ждать появления конкретной нормы для выбора направления своего поведения, а, по сути, будет формировать непосредственно запрос до появления самого социального феномена. Именно правовая культура в современных условиях способна стать тем регулятором, который создает этический фундамент для будущего правового регулирования, что и является проявлением инновационного потенциала. В связи с этим возникает вопрос о реализации формирования такого правосознания у всех групп общества, и в первую очередь у молодого поколения, что становится новым вызовом для высших учебных заведений при подготовке квалифицированных кадров. На передний план выходит внедрение методологии преподавания базовых дисциплин, позволяющих не только получить знания о государственно-правовых явлениях и реалиях, правовых принципах, знании законодательства, инструментов правового регулирования, уметь их оценивать, стимулировать к определенному правомерному поведению, но и умение более широко и гибко прогнозировать изменения, формировать запрос на регуляторику с учетом междисциплинарного, прикладного характера. Инновационный потенциал реализуется посредством умения не только видеть наличие пробелов в правовом регулировании в условиях развития, но и проектировать средства его преодоления. Следует не забывать и о происходящих интеграционных процессах, поскольку «мир права всегда развивается и стремится соответствовать духу своего времени» [2, с. 192].

В основе правового сознания всегда находятся правовые ценности. Следует согласиться с мнением Л.А. Морозовой в части выделения в качестве одной из характеристик правового сознания «способности к опережающему отражению правовой действительности, т.е. в нем могут отражаться не только данное состояние общественных отношений, но и тенденции их развития» [3, с. 430], что имеет особое значение в условиях инновационного развития государства. Ценностные ориентиры, которые находят свое отражение в проводимой государством политике, закладывают фундамент для обеспечения регуляторного воздействия в развитие инноваций. Соответственно, поиск средств, способных обеспечить регулирование новых явлений должен базироваться на правовых ценностях, в том числе закрепленных в Конституции РФ, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью. По-

добная проблематика особенно актуальная в последнее время в сфере развития технологии искусственного интеллекта, биоэтики и биотехнологий.

Не следует забывать, что на правовое сознание населения исторически влияют меры государственного принуждения, привычки, сложившиеся обычаи. При этом в современных условиях, особенно для молодого поколения, наблюдается смещение акцента с эмоционально-оценочного восприятия на информационно-аналитическое. Вопрос формирования навыков анализа всего потока информации, выделения из него ценностно-ориентированного является ключевым именно для молодежи в силу их неспособности самостоятельно ориентироваться и разграничивать его. Аналитическая составляющая играет важную роль в формировании правового сознания, она направлена на то, чтобы не допустить формирования ложных представлений. В рамках правового сознания у молодежи требуется развивать цифровые правовые компетенции, чтобы каждый индивидуум мог безопасно применять новые технологий до появления норм и правил, определяющих взаимодействие с информационной системой, применения новых технологий, быть способным оценивать их влияние и выделять те инновационные ресурсы, продукты, явления, которые направлены именно на развитие государства, обеспечение его безопасности, основаны на ценностных ориентирах.

«Правовое сознание больше относится к идеальному, а правовая культура – к материальному» [4, с. 215], именно «правовая культура материализуется в законах, практике их применения» [4, с. 215]. Правовое сознание описывает отношение к действующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поступкам в правовой сфере. Правовая культура определяет качественное состояние правовой системы, дает возможность определить уровень правового развития личности, оценку уровня развития правовой реальности. В условиях развития цифровых технологий и попыткой переложить правовые нормы в цифровой формат создаются существенные риски для фрагментации права, возникновения, возможно, дегуманизации права. Решение обозначенной проблемы требует наличие высокого уровня правовой культуры в обществе.

Л. А. Петручак и А. В. Корнев под правовой культурой понимают «исторически сложившуюся, обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность общечеловеческой культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное состояние правовой системы, степень правового развития личности в обществе» [4, с. 207]. При определении понятия «правовая культура» на ее ценностную составляющую обращает внимание и А. А. Малиновский, при этом, по его мнению, правовая культура «охватывает своим содержанием все юридические ценности, накопленные обществом на конкретно-историческом этапе развития» [5, с. 290]. И для правового сознания, и для правовой культуры ценностные ориентиры становятся тем фундаментом, который содержит тот скрытый инновационный потенциал, способный стать инструментом экспертизы технологических решений. Правовая культура не должна сводиться исключительно к совокупности этических норм и правил, она способна стать набором инструментов и методов по управлению рисками в связи с внедрением новых технологий, в частности, искусственного интеллекта, в более прикладном плане использования нейросетей в своей повседневной, профессиональной жизни.

Если обратиться к теории юридического прогнозирования, то ее аксиологическое направление предполагает исследование того, «что должно быть – желательное право, или аксиология права с ценностно-положительным началом, чего не должно быть – нежелательное право, или аксиология права с ценностно-отрицательным началом, перемены не нужны – нейтральное право, или аксиология права с промежуточным началом» [1, с. 23]. Инновационность правосознания проявляется именно в его способности к аксиологическому прогнозированию, а правовая культура способна использовать не только систему запретов, но и коммуникацию в обществе. Правовое сознание способно на базе существующих ценностей обеспечить их реа-

лизацию в цифровой среде, встроить традиционные правовые ценности во вновь возникающие общественные отношения.

При этом в условиях развития новых общественных отношений, в том числе и в правовой среде возникает высокий риск формирования правового нигилизма, поскольку коды и технологии человек использует, слепо доверяя им, ставя вопрос об отсутствии ответственности у человека в случаях возникновения сбоя или причинения ущерба. Именно правовая культура обладает тем инновационным потенциалом, способным не допустить доминирования подобных позиций. Для высших учебных заведений возникает необходимость в развитии высокого уровня правового сознания и правовой культуры, которые способны сформировать у молодого поколения устойчивость к манипуляциям, выработать понимание пределов эффективности технологий, что именно человек влияет на технологии, а не технологии на человека.

В связи с изложенным представляется, что задача современного юридического профессионального образования заключается в подготовке инновационного юриста, который должен владеть навыками правовой аналитики и прогнозирования, включая способность выявлять новые направления правового регулирования, оценивать регуляторные риски, моделировать последствия регулирующего воздействия. Для воспитания юристов в условиях инновационного развития государства необходимо заложить фундамент и обеспечить понимание закономерностей профессионального правосознания, наличие умения развивать свое правовое сознание с учетом новых реалий, что будет способствовать развитию правовой культуры. В современном мире сформирована потребность на междисциплинарную компетентность, способность работать в командах и участвовать в трансформации процессов на уровне организаций и государства. Логика преподавания должна строиться на анализе общественных отношений, проблемы, которые соответственно требуют регулирования и решения в сторону определения и выработки необходимых инструментов, то есть с точки зрения правосознания – это формирование опыта отношения к желаемому праву с одновременным соотнесением его с действующими нормами. В то же время юрист будущего – это не только носитель знания норм права, но субъект, который обладает профессиональной этикой и высоким уровнем правовой культуры в цифровой среде, что неразрывно связано с реализацией воспитательной функции, заложением ценностной основы как базы формирования инновационного права будущего. Инновационный потенциал правовой культуры создается в том числе посредством применения образовательных технологий, в основе которых заложено проектирование, умение выявлять проблемы, искать решения, не становясь заложником существующих правовых конструкций. Правовая культура как механизм формирования, передачи и сохранения правовых ценностей позволяет формировать перспективные модели регулирования и поведения, основанные на таких ценностях. Правовое сознание становится инструментом, позволяющим формировать идеи и взгляды в отношении желаемого права. Юрист будущего, имеющий высокий уровень сформированного правового сознания и правовой культуры – это та цель, которую необходимо достичь, т.е. достичь инновационного мышления, как процесса обеспечивающего переход от усвоения готовых правовых знаний к самостоятельному выявлению юридических проблем, разработке новых способов их решения и критической оценке предлагаемых преобразований, готовности к обновлению юридического знания, поиску нестандартных решений в пределах правового поля и осмыслению ценностных оснований правового развития. Инновационное мышление позволяет поставить вопрос не только о том, как совершенствовать правовое регулирование, но и о том, в каком направлении следует совершенствовать и какими ценностями должны определяться предлагаемые изменения, поскольку задача инновационного мышления состоит в том, чтобы установить, какие изменения действительно затрагивают сущность, содержание и социальное назначение права и государства в его непрерывном развитии.

В настоящее время современные изменения затрагивают не только содержание правового регулирования, но и сами способы постановки и решения конкретных юридических проблем. Цифровизация, развитие искусственного интеллекта, изменение общественных ценностных ориентиров и усложнение взаимодействия лично-

сти, общества и государства требуют от юридической науки способности выходить за пределы привычных объяснительных моделей, сохраняя при этом фундаментальные достижения теории государства и права. В современной теории государства и права следует рассматривать инновационное мышление как перспективное направление научного исследования, связанное с переосмыслением методологии юридической науки, способов познания государственно-правовых явлений и механизмов формирования инновационного потенциала правового сознания в условиях трансформации общества.

Рассматривая инновационный потенциал правового сознания и правовой культуры, следует сказать, что его сложно недооценить. При этом не следует рассматривать их как исключительно теоретические категории теории права. Они представляют собой именно тот ресурс, который способен обеспечивать развитие права в современном государстве, сопровождать его на всем пути инновационного развития. Именно правосознание и правовая культура способны обеспечивать ценностно-ориентированный фундамент в условиях новых технологических вызовов. Правовое сознание способно вырабатывать отношение к желаемому праву, а правовая культура обеспечит передачу и сохранение правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения. В то же время цель, определенная государством, - достижение высокого уровня инновационного развития, требует подготовки качественно иных юристов. С одной стороны, они должны иметь заложенное ядро профессионально правовой культуры, с другой стороны, они не должны исключительно воспроизводить нормы, а уметь материализовать правовые ценности в юридически значимом поведении. Инновационный потенциал правовой идеологии следует рассматривать как значимый ресурс развития правовой системы, обеспечивающий концептуальное обоснование правовых преобразований, согласованность новых регулятивных решений на основе фундаментальных правовых ценностях. Реализация инновационного потенциала требует преодоления разрыва между правовыми идеями и юридической практики, усиления научной обоснованности правотворчества и развития ценностно ориентированного юридического образования. В связи с этим перспективная модель предполагает сочетание ценностной преемственности, научной критичности, конституционной обоснованности и открытости к новым правовым решениям и выступает связующим звеном между правовыми ценностями, теоретическим моделированием правового развития и институциональными преобразованиями правовой системы.

Список литературы:

1.Агамиров К.В. Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал российского права. - 2021. - Т.25 - №8. - С 20-35.
2.Козырева А.Б. Источники права и инновационное развитие // Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ. Вернадского. Юридические науки. – 2026. - Т. 12 (78) №2. - С. 189-195.
3.Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Норма: Инфра-М, 2026. 464 с.
4.Петручак Л.А., Корнев А.В. Современный российский социум и формирование правовой культуры молодежи // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. - 2018. - Вып. 5 (813). - С.203-217.
5.Теория права и государства: учебное пособие / А.А. Малиновский, В.М. Малиновская, Е.А. Рыжкова [и др.]; под ред. А..А. Малиновского. - М.: МГИМО-Университет, 2019. - 369 с.

Petrova T.V., Kornev A.V. Innovation potential of legal consciousness and legal culture // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 627-632.

This article examines the intersection of two problem areas: legal consciousness and legal culture, on the one hand, and the innovative development of legal education, on the other. It explores and substantiates the innovative potential of legal consciousness and legal culture—a potential that has been undeservedly underestimated. The transition from the emergence of a legal idea to its practical implementation involves a series of processes, including scientific substantiation, public discussion, legal assessment, law-making, and law enforcement. The study highlights the development of a proactive legal consciousness capable of generating a demand for the regulation of newly emerging phenomena. In this context, legal culture acts as a regulator, establishing the ethical foundation for future legal frameworks—which constitutes its innovative potential. Drawing on the theory of legal forecasting, the innovative nature of legal consciousness manifests as a capacity for axiological forecasting. The innovative potential of legal consciousness and legal culture takes shape within the mind of a legal professional as a complex, dynamic system—one fostered specifically by innovative methodologies in the teaching of legal disciplines. A legal professional's professional consciousness should

encompass not only fundamental knowledge and skills but also dynamic components that respond to the changes occurring within the state as it pursues innovative development.

Keywords: innovation potential, innovation technology, law, legal culture, legal consciousness, legal values, innovative thinking.

Spisok literatury:

1.Agamirov K.V. Ontologicheskie, gnoseologicheskie i aksiologicheskie osnovaniya yuridicheskogo prognozirovaniya: filosofsko-pravovaya paradigma // Zhurnal rossijskogo prava. - 2021. - T.25 - №8. - S 20-35.
2.Kozyreva A.B. Istochniki prava i innovacionnoe razvitie // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni VI. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2026. - T. 12 (78) №2. - S. 189-195.
3.Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava. M.: Norma: Infra-M, 2026. 464 c.
4.Petruchak L.A., Kornev A.V. Sovremennyj rossijskij socium i formirovanie pravovoj kul'tury molodezhi // Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. - 2018. - Vyp. 5 (813). - S.203-217.
5.Teoriya prava i gosudarstva: uchebnoe posobie / A.A. Malinovskij, V.M. Malinovskaya, E.A. Ryzhkova [i dr.]; pod red. A..A. Malinovskogo. - M.: MGIMO-Universitet, 2019. - 369 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 633-637.

УДК 349

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БИОЛОГИЧЕСКИМ УГРОЗАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ[1]

Воронцов А. Л., Воронцова Е. В.

Юго-Западный государственный университет

В статье анализируются проблемы обеспечения биологической безопасности. Отмечается, что с учетом всеобъемлющего характера биологических угроз, обеспечение биологической безопасности становится важной задачей не только отдельных государств, но и мирового сообщества в целом. Обращается внимание на расширение круга биологических рисков для человечества за счет угроз антропогенного происхождения. Отдельное внимание уделено проблеме биологического терроризма как одной из главных потенциальных угроз международной безопасности. Анализируются факторы, способствующие возрастанию данной угрозы, в том числе недостатки действующей Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 г. Делается вывод о несовершенстве организационно-правовых механизмов обеспечения биологической безопасности, что не позволяет говорить о полной гарантированности прав человека в данной области.

Ключевые слова: биологические угрозы, биологическая безопасность, эпидемии, биотерроризм, биологическое оружие, биологические агенты, биоматериал, инфекционные заболевания, угрозы, биотехнологии.

Живя в природе и являясь ее органическим элементом, человечество на протяжении всей своей эволюции вступало в многообразные связи с окружающей средой, подвергая ее разнообразному воздействию и, в свою очередь, подвергаясь воздействию разнообразных природных факторов. Многие из них представляли для человеческой популяции серьезную угрозу и, проявляясь с различной степенью интенсивности, не раз ставили ее на грань выживания. Одной из таких угроз являлись эпидемии, которые в той или иной форме были постоянными спутниками человечества. Данная угроза остается с нами и сейчас, несмотря на колоссальный прогресс нашей цивилизации в различных областях жизнедеятельности, в том числе в области медицины. Более того, в настоящее время угроза инфекционных заболеваний становится еще более острой, поскольку для их распространения в современном мире имеются все необходимые условия: огромный товарооборот (в том числе пищевой продукции), развитая транспортная инфраструктура, массовая миграция населения. В результате только за последние 20 лет человечество пережило несколько массовых вспышек вирусных инфекционных заболеваний, таких как атипичная пневмония (SARS-CoV), птичий грипп (H5N1), свиной грипп (H1N1), верблюжий грипп (MERS), лихорадка Эбола, лихорадка Зика, COVID-19 (SARS-CoV-2). Эпидемии перечисленных заболеваний привели к тяжелейшим социальным, экономическим и политическим последствиям, причем не только на национальном или региональном уровнях, но и на глобальном уроне, как, например, COVID-19, пандемия которого, помимо значительных человеческих жертв, в один миг нарушила привычные международные связи и привела к обострению политических противоречий.

Следует отметить, что несмотря на наличие специализированных лабораторий, средств мониторинга, систем анализа информации, вспышки заболеваний вирусной природы, как и прежде, трудно контролировать, локализовать и предсказывать. В этом смысле можно согласиться с мнением профессора С.К. Завриева о том, что «простые и невидимые» вирусы, которых в природе достаточно, представляют собой реальную и каждодневную опасность для человечества, в отличие от гипотетической угрозы войны с применением химического или ядерного оружия [1, с. 94].

С учетом того, что угрозы, исходящие от инфекционных болезней и их возбудителей, приобретают в современном мире всеобъемлющий характер, обеспечение биологической безопасности становится одной из важных задач не только отдель-

[1] *Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489*

ных государств, но и мирового сообщества в целом. При этом биологические риски не ограничиваются только инфекциями, возникающими и распространяющимися в силу естественных природных процессов. В настоящее время круг данных рисков расширился за счет угроз антропогенного происхождения.

Современные классификации биологических рисков (угроз) включают в себя перечень самых разнообразных биологических факторов [2, с. 191-192]. Все их условно можно разделить на угрозы, имеющие природный характер, и угрозы, обусловленные профессиональной деятельностью человека, т.е. искусственные угрозы. К первым следует относить природные патогенные микроорганизмы и возбудителей паразитарных заболеваний, в том числе опасные и особо опасные инфекции: природно-очаговые, спонтанные, возвращающиеся, «новые», т.е. возникающие из непатогенных и патогенных штаммов микроорганизмов в результате природного мутагенеза. Кроме того, к этой группе угроз относят экопатогены (микроорганизмы и низшие грибы), вызывающие повреждения (порчу) объектов окружающей среды. В свою очередь, к искусственным угрозам, как правило, принято относить, угрозы, спровоцированные усложнением и интенсификацией работ в области генной инженерии, а также вызванные биокатастрофами, связанными с авариями на объектах, на которых проводились работы с патогенными микроорганизмами [3, с. 88]. При этом, большинство специалистов в области биологической безопасности отдельное место среди биологических угроз отводят биологическому терроризму, считая его наименее контролируемым, а потому представляющим наибольшую опасность для человечества [4, с. 22].

В связи с имеющимися сейчас возможностями доступа, в том числе и незаконного, к информации, содержащей данные о различного рода исследованиях в области биологии, генетики, токсикологии и др., в руках террористов могут оказаться эффективные инструменты фатального воздействия на жизнь и здоровье людей, а также на иные объекты окружающей среды. Не исключено, что в ближайшем будущем террористические организации смогут воспользоваться и биологическим оружием, в том числе нового поколения – так называемым «молекулярным» биологическим оружием, возможность создания которого прогнозируется ведущими специалистами в области биобезопасности [4, с. 22; 5, с. 77]. В этой связи напомним, что в определенных условиях эффект воздействия биологического оружия сравним с воздействием ядерного [6], поэтому не является случайным, что биотерроризм официально признан одной из главных потенциальных угроз международной безопасности [7, с. 25]. Так, еще в 2005 г. в Заключительном коммюнике 1-й Всемирной конференции Интерпола по борьбе с биотерроризмом было отмечено, что биологический терроризм из сугубо гипотетической опасности стал реальностью и представляет серьезную угрозу безопасности гражданского населения во всем мире [8, с. 692].

На наш взгляд, для подобного вывода у участников Конференции были достаточные основания, среди которых мы бы хотели выделить следующие: **нестабильность мирового порядка**, которая способствует бесконтрольному распространению потенциально опасных биотехнологий, в том числе в странах, прямо или косвенно поддерживающих терроризм; **возможность спонтанных открытий**, способных нанести вред, в так называемых «домашних лабораториях»; **доступность информации** в области бактериологии, генетики и других областей научного знания, а также коммерческая доступность технологического оборудования, особенно ранее использовавшегося, списанного и т.д.; **увеличение количества биологически опасных объектов** с предельно допустимыми или полностью исчерпанными техническими ресурсами, что создает возможность для утечек биоматериала и аварий, влекущих за собой возникновение биологических катастроф (отметим, что число научно-исследовательских центров, обладающих четвертым, наивысшим уровнем биологической защиты (BSL IV) во всем мире, по самым оптимистическим оценкам, не превышает двух десятков [1, с.96]); **нарастание террористической активности**. В последние десятилетия террористические акты все чаще используются в качестве средства достижения политических, экономических, идеологических целей. При этом, отмечаются случаи использования террористами оружия массового поражения: рассылка по почте спор сибирской язвы в США в 2001 г., газовая атака

зарином в Токийском метро в 1995 г, громкий инцидент с использование рицина в США в 2013 г.; возможное **наличие неуничтоженных запасов биологического оружия** у ряда стран.

Среди указанных выше факторов, способствующих возрастанию угрозы биотерроризма, фактор наличия запасов биологического оружия является, пожалуй, основным. Биологическое оружие является оружием массового поражения, и его разработка, производство и хранение запрещены Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (далее - КБТО), принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1971 г. Согласно данному международному документу на государства-участников Конвенции возлагаются обязанности не совершать определенный перечень действий с биоагентами и токсинами, виды и количество которых не предназначены для их использования в мирных целях. Уточнено, что такие агенты запрещается разрабатывать, производить, накапливать, приобретать и сохранять. Такие же действия запрещены в отношении соответствующего оружия, оборудования и средств доставки данных агентов, предназначенных для их использования во враждебных целях или в вооруженных конфликтах (ст.1 КБТО) [9].

Исполнением указанных выше запретов обязанности государств в отношении биологического оружия не исчерпываются: биологические агенты и токсины, а также содержащее их вооружение и средства их транспортировки не должны передаваться другим государствам, а также каким-либо международным организациям и иным лицам. Кроме того, государства-участники Конвенции не должны поощрять или содействовать производству и приобретению кем-либо указанных объектов (ст.3 КБТО) [9]. Помимо этого, присоединившиеся к Конвенции государства в пределах своих национальных границ и на подконтрольных территориях обязаны реализовать не только запретительные, но и предупредительные меры в отношении разработки, производства, накопления, приобретения или сохранения вышеперечисленных объектов (т.е. биологических агентов, не предназначенных для профилактических, защитных и других мирных целей – прим. авт) (ст.4 КБТО) [9].

Казалось бы, в международно-правовом поле существует надежный инструмент предотвращения производства и распространения биологического оружия, а соответственно и его использования при террористических атаках. Однако, КБТО при детальном рассмотрении оказывается актом ограниченного действия, поскольку, во-первых, ее подписали не все государства мира (в том числе государства, располагающие технологическими возможностями для производства биологического оружия, к примеру - Израиль); во-вторых – данная Конвенция обязательна только для тех стран, которые ее ратифицировали. Последнее обстоятельство создает гипотетическую возможность производства биологического оружия даже для стран, которые являются формальными участниками КБТО, т.е. подписали ее, но не ратифицировали (к примеру, Египет, Гаити, Сомали, Сирия) [10].

Еще одним недостатком КБТО является отсутствие четкого и ясного списка биологических агентов, подпадающих под ее действие. Положения Конвенции в этом плане весьма расплывчаты и не позволяют определить, какие виды работ и с каким биоматериалом следует считать разработкой биологического оружия, а какие – мирными научными исследованиями. Не установлены также какие-либо критерии, позволяющие отграничить «допустимые» и «недопустимые» объемы накопленного биологического материала (к примеру, в научно-исследовательских лабораториях РФ и США хранятся образцы вируса натуральной оспы, принято считать, что их количество мизерно, однако, что мешает его увеличить).

Кроме того, и это главное, - можно говорить об отсутствии должных верификационных механизмов соблюдения государствами-участниками КБТО взятых на себя обязательств. До сих пор не принят никакой юридически обязывающий документ, который бы содержал конкретные способы получения доказательств нарушения тем или иным государством положений Конвенции. Справедливости ради отметим, что наша страна уже долги годы настаивает на принятии Протокола, дополняющего КБТО положениями, позволяющими повысить транспарентность всех проводимых в данной области исследований. Однако, на сегодняшний день усилия российского

государства остаются тщетными из-за позиции США, которые блокируют принятие Протокола, ссылаясь на то, что это, якобы, нарушает права американских фармацевтических компаний на конфиденциальность деловой информации. В контексте обсуждения текущего состояния КБТО некоторые авторы обращают внимание на неравенство стран-участниц Конвенции в мониторинге, контроле, обеспечении безопасности и управлении потенциальными рисками биологической направленности [11, с.112]. Данное обстоятельство также существенно повышает угрозу использования биооружия всех видов. Следует отметить, что в современных условиях данная проблема обостряется еще больше в связи с ускоренным развитием генной инженерии и синтетической биологии. Представляется очевидным, что используемые в них технологии подпадают под действие Конвенции, но никаких правовых процедур на этот счет пока не предусмотрено. В целом оценивая ситуацию с реализацией КБТО можно согласиться с мнением А.А. Данельяна и Е.Е. Гуляевой о том, что «действующего механизма, который мог бы осуществлять контроль за деятельностью государств в сфере биологической безопасности нет, из-за чего достигнутые международные договоренности по большей части остаются бесполезными» [4, с.24].

Таким образом, формирование организационно-правового механизма проверки запретов на разработку, производство и накопление биологического оружия остается нерешенной задачей мирового сообщества, что актуализирует биологические угрозы, в том числе угрозу совершения актов биологического терроризма в любой точке земного шара. При этом на национальном уровне законодательная работа по созданию правовой базы противодействия биологическим угрозам ведется достаточно интенсивно. Так, 30.12.2020 г. вступил в силу ФЗ от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [12], определивший основные принципы и задачи деятельности по обеспечению биологической безопасности, а также терминологический аппарат, используемый в данной сфере. Указанный Закон подкрепляется комплексом иных правовых актов: указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, нормативных приказов федеральных министерств и ведомств. Помимо этого, формируется институциональная основа реализации намеченных мероприятий. Так, Указом Президента РФ от 5.10.2023 г. № 743 вместо функционировавшей ранее Межведомственной комиссии Совбеза РФ по вопросам создания национальной системы защиты от новых инфекций была образована Межведомственная комиссия Совбеза по противодействию современным угрозам биологической безопасности [13]. Существенно растет и государственное финансирование научно-исследовательских работ в данной области.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что проблемы, порождаемые развитием биотехнологий, прекрасно осознаются руководством российского государства, что побуждает его к активным действиям по формированию организационно-правовых механизмов противодействия биологическим угрозам. В то же время существующая сейчас система обеспечения биологической безопасности далека еще от совершенства, что не позволяет говорить о полной гарантированности прав и свобод человека в данной области.

Список литературы:

1.Завриев С.К. Современные проблемы биобезопасности и перспективы международного сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 4. С. 94-100.
2.Суранова Т.Г., Никифоров В.В. Состояние нормативной правовой базы по классификации биологических угроз // Эпидемиология и инфекционные болезни. 2016. Т 21. № 4. С. 188-195.
3.Меринова О.А., Топорков А.В., Меринова Л.К., Антонова Е.В., Викторов Д.В. Биологическая безопасность: анализ современного состояния системы подготовки специалистов в Российской Федерации // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 2018. № 3. С. 87-96.
4.Данельян А. А., Гуляева Е. Е. Проблемы обеспечения биобезопасности в современном международном праве // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 3. С. 20-28.
5.Завриев С.К., Шемякин И.Г. Синтетическая биология – современные вызовы и проблемы биобезопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 77-83.
6.Глава Курчатовского института объяснил, почему биологическое оружие страшнее ядерного // https://m.5-tv.ru/news/411685/glava-kurcatovskogo-instituta-obasnil-pocemu-biologiceskoe-oruzie-strasnee
7.Кудрич Л.А. Угрозы и риски биологической безопасности в современном мире // Тверской медицинский журнал. 2024. Выпуск № 4. С. 24-30.

8.Интерпол против терроризма: сборник международных документов / М-во внутренних дел Российской Федерации, Нац. центральное бюро Интерпола в Российской Федерации; сост. В. С. Овчинский. М.: Инфра-М, 2008. 808 с.
9.Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 года
10. Biological Weapons Convention (BWC). Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons (BTWC)
11. Завриев С.К., Малыгина А.А. Анализ текущего состояния КБТО: проблемы и возможные пути их решения // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 112-121.
12. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) "О биологической безопасности в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2021 г. № 1 (часть I) ст. 31
13. Указ Президента РФ от 5 октября 2023 г. № 743 (в ред. от 30.09.2024) "О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по противодействию современным угрозам биологической безопасности" // Собрание законодательства Российской Федерации. 9 октября 2023 г. № 41 ст. 7310.

Vorontsov A.L., Vorontsova E.V. Challenges in countering biological threats in the modern world // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 633-637.

The article analyzes the challenges of ensuring biosafety. It notes that, given the comprehensive nature of biological threats, ensuring biosafety has become a critical task not only for individual states but for the global community as a whole. Attention is drawn to the expanding scope of biological risks facing humanity due to threats of anthropogenic origin. Particular focus is placed on the issue of bioterrorism as a major potential threat to international security. The article examines factors contributing to the escalation of this threat, including shortcomings in the 1971 Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction. It concludes that the organizational and legal mechanisms for ensuring biosafety are inadequate, making it impossible to fully guarantee human rights in this sphere.

Keywords: biological threats, biosafety, epidemics, bioterrorism, biological weapons, biological agents, biological material, infectious diseases, threats, biotechnology.

Spisok literatury:

1.Zavriev S.K. Modern biosafety challenges and prospects for international cooperation // World Economy and International Relations. 2022. Vol. 66. No. 4. P. 94–100.
2.Suranova T.G., Nikiforov V.V. Status of the regulatory framework for the classification of biological threats // Epidemiology and Infectious Diseases. 2016. Vol. 21. No. 4. P. 188–195.
3.Merinova O.A., Toporkov A.V., Merinova L.K., Antonova E.V., Viktorov D.V. Biosafety: analysis of the current state of the specialist training system in the Russian Federation // Journal of Microbiology, Epidemiology and Immunobiology. 2018. No. 3. P. 87–96.
4.Danelyan A.A., Gulyaeva E.E. Issues of ensuring biosafety in modern international law // Electronic publication "International Legal Courier". 2022. No. 3. P. 20–28.
5.Zavriev S.K., Shemyakin I.G. Synthetic biology: modern challenges and biosafety issues // World Economy and International Relations. 2019. Vol. 63. No. 12. P. 77–83.
6.Head of the Kurchatov Institute explains why biological weapons are more terrifying than nuclear ones // https://m.5-tv.ru/news/411685/glava-kurcatovskogo-instituta-obasnil-pocemu-biologiceskoe-oruzie-strasnee-adernogo/?ysclid=mur6r1xp87217951259
7.Kudrich L.A. Threats and risks to biosafety in the modern world // Tver Medical Journal.2024.Issue No. 4.
8.Interpol Against Terrorism: A Collection of International Documents / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, National Central Bureau of Interpol in the Russian Federation; compiled by V. S. Ovchinsky. Moscow: Infra-M, 2008. 808 p.
9.Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction. Approved by General Assembly resolution 2826 (XXVI) of 16 December 1971 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml
10.Biological Weapons Convention (BWC). Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons (BTWC) // https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/convention-prohibition-development-production-and-stockpiling-bacteriological
11. Zavriev S.K., Malygina A.A. Analysis of the current state of the BTWC: problems and possible solutions // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. No. 10. Pp. 112–121.
12. Federal Law No. 492-FZ of December 30, 2020 (as amended on July 23, 2025) "On Biological Safety in the Russian Federation"//Collected Legislation of the Russian Federation, January 4,2021,No.1(Part I),Art. 31
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 743 of October 5, 2023 (as amended on September 30, 2024) "On the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on Countering Modern Biological Safety Threats" // Collected Legislation of the Russian Federation, October 9, 2023, No. 41, Art. 7310.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 638-645.

УДК 340.1

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНЫМ ДЕЛОМ (1920-1932 ГГ.)

Филонова А. А.
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В рамках статьи осуществляется анализ формирования системы государственного управления санаторно-курортным делом на раннем этапе существования Советского государства (1920-1932 гг.). Внимание преимущественно акцентируется на правовом оформлении компетенции органов государственной власти, участвовавших в организации курортного лечения и развитии сети санаторно-курортных учреждений. С историко-правовой точки зрения анализируется эволюция нормативного регулирования, определявшего статус курортов, порядок их использования, управление природными лечебными ресурсами, а также распределение полномочий между центральными и республиканскими органами здравоохранения, социального страхования и иными структурами. С учетом особенностей рассматриваемого временного периода (новая экономическая политика и, позже, централизации управления) удается проследить, что обозначенные хронологические рамки характеризуются переходом от фрагментарного и несовершенного регулирования к более устойчивой системе правовых и организационных механизмов, обеспечивавших государственное управление санаторно-курортной сферой. В заключение сделан вывод о том, что к началу 1930-х гг. были сформированы основные элементы советской модели управления санаторно-курортным делом.

Ключевые слова: советское право, санаторно-курортное дело, правовое регулирование, советское государство, здравоохранение.

Формирование организационно-правовых основ санаторно-курортного дела как самостоятельного направления государственной политики в советский период было детерминировано необходимостью создать устойчивую систему управления курортами и санаториями, определить компетенцию соответствующих органов, установить порядок использования лечебных местностей, организовать финансирование здравниц и включить санаторно-курортное лечение в общую систему медицинского и социального обеспечения населения. В 1917-1919 гг. основное внимание государственных органов было сосредоточено на передаче лечебных учреждений в ведение советских органов и определении общих принципов использования природных лечебных ресурсов, в последующий же период задачи правового регулирования значительно трансформировались. Основополагающее значение в данной связи приобретают партийные решения и правовые нормы, реализованные и принятые в период с 1920 г. по 1932 г., поскольку именно в эти временные рамки происходило последовательное организационное и нормативное оформление санаторно-курортной сферы. После образования СССР дополнительное значение приобрел также и вопрос разграничения полномочий между союзными, республиканскими и местными органами власти – при этом сохранялась существенная роль органов здравоохранения союзных республик, что придавало складывавшейся системе многоуровневый характер. На наш взгляд, период 1920-1932 гг. следует рассматривать как самостоятельный этап развития советского санаторно-курортного дела, в рамках которого произошел переход от первоначальных организационных решений к формированию устойчивого механизма государственного управления.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных направлений формирования системы государственного управления санаторно-курортным делом в 1920-1932 гг. посредством анализа нормативных правовых актов и сложившихся организационных механизмов. Особое внимание уделяется изменению компетенции органов управления, правовому статусу курортов и лечебных местностей, развитию системы социального страхования и соотношению союзного, республиканского и местного уровней регулирования. Придерживаясь общепринятой в юридической науке логики рассмотрения правовых явлений, отметим, что выявление особенностей формирования системы государственного управления санаторно-курортным делом в 1920-932 гг. предполагает обращение к сложившейся историографии проблемы. Так, отдельные стороны развития советских курортов действительно получили достаточно подробное освещение, однако исследовательский интерес все же

распределен между несколькими направлениями – эволюция законодательства о курортах, деятельность Наркомздрава и отдельных его структур, развитие конкретных курортных районов и проч. В результате организационно-правовое формирование санаторно-курортного дела как единой системы государственного управления в заявленных хронологических рамках раскрывается фрагментарно, через отдельные элементы. Рассмотрим несколько основополагающих исследований.

Одной из работ, непосредственно посвященных юридической стороне проблемы, является исследование М.В. Ильина, А.Л. Хлапова и Н. К. Першиной – авторы рассматривают развитие курортной сферы в продолжительной исторической ретроспективе и предлагают периодизацию формирования ее организационных и правовых основ. Для настоящего исследования особенно значим их вывод об изменении самого характера регулирования после 1917 г. По замечанию исследователей, «…в Советском государстве утверждается централизованная система регламентации курортного дела…» [1, с. 6]. Данный тезис принципиален для определения общей направленности преобразований, однако предложенная авторами периодизация нуждается, на наш взгляд, в дополнительной детализации применительно к 1920-м и началу 1930-х гг. В названной работе весь отрезок с 1917 до середины 1950-х гг. фактически рассматривается в пределах одного крупного этапа. Между тем, внутри него неоднократно менялись структура управления, ведомственная принадлежность курортов, порядок финансирования и формы участия органов социального страхования. Уже к середине 1920-х гг. нормативное регулирование затрагивало не только эксплуатацию лечебных ресурсов, но и статус конкретных курортов, структуру управляющих органов и их хозяйственные полномочия. Поэтому для целей историко-правового исследования 1920-1932 гг. требуют самостоятельного рассмотрения.

Организационная сторона становления системы получила более предметное освещение в работах А.В. Морозова. Исследователь связывает развитие курортной сферы с деятельностью Народного комиссариата здравоохранения и созданием специализированного управленческого звена. Особое внимание обращается на образование 13 марта 1923 г. Главного курортного управления – характеризуя его место в системе здравоохранения, А.В. Морозов отмечает, что «…главное курортное управление выполняло функции высшего государственного органа, руководившего санаторно-курортным строительством в стране…» [2, с. 284]. Отметим, что исследователь преимущественно сосредоточен на Наркомздраве РСФСР и деятельности Н. А. Семашко, тогда как для важно проследить более сложную конфигурацию органов, сложившуюся после образования СССР. В нее постепенно включались республиканские органы здравоохранения, местные курортные управления, органы социального страхования, профессиональные союзы и отдельные ведомства. Само наличие нескольких субъектов управления позволяет поставить вопрос о степени централизации санаторно-курортного дела и пределах их компетенции.

Отдельное направление исследований связано с формированием научно-организационной базы курортного дела. М.Ю. Герасименко и И.А. Качуровский подробно рассматривают создание специализированных учреждений, занимавшихся исследованием природных лечебных факторов и развитием курортологии. Авторы указывают, что официальной датой образования научно-исследовательского учреждения по изучению курортного дела считается 7.07.1921 г, а в дальнейшем Центральная курортная клиника была преобразована сначала в Государственный институт курортологии, затем в Государственный центральный институт курортологии [3, с. 51]. Этот аспект имеет более широкое значение, чем история отдельного научного учреждения. Создание специализированного института свидетельствовало о постепенном усложнении государственного воздействия на санаторно-курортную сферу. К административному управлению и хозяйственному обеспечению добавлялись научное сопровождение, разработка методов лечения, подготовка кадров и формирование единых подходов к использованию лечебных ресурсов. Тем самым в 1920-е гг. складывались элементы полноценной отраслевой инфраструктуры.

При рассмотрении санаторно-курортного лечения нельзя оставить без внимания исследования истории социального страхования. Данной проблеме посвящена работа Е.И. Антиповой, которая рассматривает санаторно-курортное лечение как одно

из направлений медицинского обслуживания застрахованных работников и показывает участие страховых органов в организации такой помощи на региональном уровне [4]. Более широкий контекст взаимодействия государственного управления и страховых институтов представлен С. Ю. Заводюк и О. Д. Столяровым – авторы характеризуют сложившуюся систему как особую модель, в которой одновременно действовали бюджетные и страховые механизмы, «…модель здравоохранения, господствовавшая на протяжении всего данного периода, определяется в статье как государственно-страховая…» [5, с. 45]. Исследователи также обращают внимание на изменение порядка финансирования в годы НЭПа и на неравномерность доступа различных групп населения к медицинской помощи. Подчеркнем, что система предоставления путевок, финансирования лечения и отбора лиц, направляемых в санатории, действительно формировалась внутри общей модели советского здравоохранения и социального страхования. Следовательно, юридическая характеристика управления курортами не может быть ограничена нормативными актами, устанавливавшими статус лечебных местностей либо структуру курортных управлений, поскольку необходимо учитывать и нормы социального страхования, поскольку через них определялся реальный механизм доступа значительной части работающего населения к санаторно-курортному лечению. Материалы, приведенные исследователями, также позволяют увидеть изменение этой модели на рубеже 1920-х и 1930-х гг., когда заметно усиливается индустриально-производственный принцип распределения ресурсов здравоохранения. Социальная направленность курортной политики специально исследована С.Д. Багдасарян, которая обращает внимание на расхождение между нормативно и идеологически декларируемой доступностью курортов и реальными возможностями воспользоваться санаторным лечением. Исследователь показывает, что ограниченность санаторного фонда первоначально способствовала преимущественному направлению в здравницы рабочих и служащих, тогда как представительство крестьян оставалось значительно более ограниченным – «…предоставленное народу революцией право отдыхать и лечиться на курортах и в санаториях не сразу стало возможностью…» [6, с. 153]. Согласимся, что санаторно-курортная политика в том числе должна рассматриваться и инструмент реализации социальных приоритетов государства, это обстоятельство следует учитывать при анализе нормативных актов 1920-х гг., поскольку закреплявшийся ими механизм управления напрямую был связан с распределением ограниченного санаторного ресурса между различными группами населения.

Значительный пласт историографии составляют исследования отдельных курортных территорий – в качестве примеров отметим работы Ю.Ф. Зольникова [7] и А.С. Скрипник [8]. Исследование А.С. Скрипник особенно показательно для понимания многоуровневого характера складывавшейся системы, на примере Крыма видно одновременное действие центральных органов, Наркомздрава, специализированных курортных управлений и иных ведомств – развитие советских курортов уже в начале 1920-х гг. требовало разграничения имущественных, хозяйственных и административных полномочий, а управление лечебными территориями постепенно приобретало самостоятельное нормативное содержание. Обобщая вышеприведенные работы, отметить следующее. Санаторно-курортное дело 1920-х гг. изучается преимущественно в рамках истории медицины, социальной политики, отдельных курортных территорий либо деятельности конкретных органов и учреждений. Историко-правовые исследования встречаются значительно реже. Даже в работах, непосредственно посвященных нормативному регулированию, основное внимание обычно сосредоточено на отдельных республиках или регионах. Сравнительно слабо раскрытым остается процесс последовательного формирования системы госуправления, включавшей центральный, республиканский и местный уровни. Именно данное обстоятельство определяет дальнейшую логику исследования.

На наш взгляд, специфика периода 1920-1932 гг. заключалась в последовательном усложнении предмета государственного регулирования, при этом необходимо учитывать федеративное устройство советского государства после образования СССР. Значительная часть специальных нормативных актов 1920-х гг., подробно регулировавших курортное дело, принималась органами власти РСФСР. Механиче-

ски распространять их действие на всю территорию СССР было бы юридически неверно – Конституция СССР 1924 г. относила к ведению Союза установление общих мер в области охраны народного здравия, одновременно сохраняя республиканские народные комиссариаты здравоохранения в системе органов союзных республик.

Для начала исследуемого периода принципиальное значение имело принятие Декрета СНК РСФСР от 21.12.1920 г. «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» – крымские санатории, дачи, особняки и другие объекты предполагалось использовать для восстановления здоровья и трудоспособности рабочих, крестьян и иных трудящихся. Причем в самом декрете круг потенциальных получателей курортного лечения не ограничивался населением РСФСР – «…Благодаря освобождению Крыма Красной Армией от господства Врангеля и белогвардейцев открылась возможность использовать целебные свойства Крымского побережья для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся всех Советских республик, а также для рабочих других стран, направляемых Международным советом профсоюзов. Санатории и курорты Крыма, бывшие раньше привилегией крупной буржуазии, прекрасные дачи и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян…» [9]. Организация лечения возлагалась прежде всего на Наркомздрав, однако решение задачи требовало участия органов продовольственного снабжения, транспорта, хозяйственного управления и профессиональных союзов.

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 23.06.1921 г. «Об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения» определил, что курорты общегосударственного значения, находившиеся на территории РСФСР, передавались в управление Наркомздрава через местные курортные управления [10]. В сферу их ведения включались лечебные учреждения, минеральные источники, грязевые и соляные озера, лиманы, пляжи, парки, здания и другое имущество, обслуживавшее курортную деятельность. С этого периода целесообразно говорить о том, что объектом госуправления становилось уже не отдельное санаторное учреждение, а комплекс территориально, имущественно и функционально связанных объектов.

Особого внимания заслуживает положение Декрета о курортах, расположенных на территориях договорных советских республик. Управление ими должно было осуществляться по соглашению с правительствами соответствующих республик, а назначение управленческих лиц и определение перечня курортов также предполагали согласительные процедуры – т.е. еще до образования СССР предпринималась попытка сформировать механизмы межреспубликанской координации курортного дела, при этом сохранялась самостоятельность соответствующих правительств. Подчеркнем, что процессы централизации в сфере курортного управления первоначально развивались через согласование компетенции, а не посредством прямого административного подчинения.

Имущественная составляющая этой системы получила дальнейшее развитие в 1921-1922 гг. Декрет от 11.07.1921 г. предусматривал освобождение и передачу курортным управлениям помещений и зданий, пригодных для устройства санаториев [11]. В июле 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили специальный список национализированных курортов Крыма и обслуживавших их хозяйств [12]. Декрет СНК РСФСР от 24.01.1922 г. «О курортном лечении трудящихся и об эксплоатации курортов» закрепил сочетание социальной направленности курортного лечения с хозяйственными механизмами, характерными для периода НЭПа. Бесплатное лечение сохранялось для рабочих, служащих госпредприятий, военнослужащих, детей, инвалидов труда и войны, однако допускались платное использование части курортного фонда, договоры с государственными, профессиональными и кооперативными организациями, а также аренда отдельных объектов под контролем Наркомздрава. Особое значение имело целевое использование доходов от эксплуатации курортов на развитие курортного дела и расширение бесплатного лечения [13].

В этот же период предпринимаются и первые попытки территориальной организации курортов. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 12.10.1922 г. «Об установлении границ выделяемых в районе курортов Кавказских Минеральных Вод замкнутых

курортных городков» для Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска и Железноводска устанавливались специальные курортные территории [14]. Ключевым рубежным документов институционализации санаторно-курортного дела следует признать Декрет СНК РСФСР от 13.03.1923 г. «Об организации курортного дела» [15]. Документ прямо связывал дальнейшее развитие курортов общегосударственного значения с переходом на хозяйственный расчет. Количество мест, предназначенных для бесплатного лечения рабочих, служащих госпредприятий и иных групп трудящихся, должно было определяться Наркомздравом совместно с ВЦСПС и заинтересованными ведомствами с последующим утверждением СНК. Стоимость содержания таких мест рассчитывалась Наркомздравом совместно с Наркомфином, а необходимые средства предусматривались в госфинансировании.

Однако важнейшее значение Декрета связано с созданием в системе Наркомздрава Главного курортного управления – именно с этого момента специализированный орган был формализован в структуре государственного управления здравоохранением. На наш взгляд, создание Главного курортного управления позволяет говорить о завершении первоначальной стадии организационного становления и переходе к институциональному развитию отраслевого управления.

Позднее более развернутое регулирование организационная структура курортного дела получила после принятия Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 16.02.1925 г., которым утверждалось Положение об управлении курортами РСФСР общегосударственного значения. Курорты объединялись под общим руководством Наркомздрава, на который возлагались регулирование курортного дела и общий контроль. Медицинское и хозяйственно-административное руководство осуществляло Главное курортное управление, работавшее на началах хозяйственного расчета. Оно вместе с местными учреждениями признавалось единым хозяйственным органом и пользовалось правами юридического лица, в распоряжение управления передавался значительный имущественный комплекс, включавший здания, сооружения, предприятия, жилищный фонд, земли, леса, парки, водные пространства и иные объекты, связанные с функционированием курортов. Главное управление получило возможность заключать договоры, осуществлять хозяйственные операции, составлять планы, сметы и балансы, представлять интересы курортов в государственных учреждениях и суде. На наш взгляд, особый интерес также представляет закрепленная Положением возможность передачи в ведение Главного управления курортов других союзных республик. Такая передача допускалась только на основании соглашений между их наркоматами здравоохранения и Наркомздравом РСФСР, причем договором должны были определяться пределы управленческих и контрольных полномочий [16]. Эта норма дополнительно подтверждает отсутствие в середине 1920-х гг. единой административно подчиненной общесоюзной курортной системы.

Следующим шагом стало принятие 26.05.1925 г. Декрета СНК «Об утверждении списков курортов, имеющих общегосударственное значение» – разделение курортов по уровню значения влияло на подведомственность, порядок управления и степень участия центральных органов [17]. Само закрепление такого перечня в нормативном акте свидетельствует о том, что к середине 1920-х гг. категория курорта общегосударственного значения превратилась уже в юридически значимый элемент системы государственного управления. Также было реализовано уточнение компетенции центрального органа здравоохранения – Декрет СНК РСФСР от 13 сентября 1926 г. «О предметах ведения Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в области курортного дела» принимался с целью установления единства руководства и контроля в данной сфере. К ведению Наркомздрава относились подготовка решений о признании местностей курортами, организация горно-санитарной охраны, установление медицинских показаний и противопоказаний, определение продолжительности лечения, разработка требований к режиму курортов, научное исследование лечебных факторов, регулирование порядка отбора больных, выдача разрешений на открытие санаториев и домов отдыха, надзор за учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и возможность прекращения деятельности учреждений, не соответствовавших установленным требованиям [18].

Конец 1920-х гг. и начало 1930-х гг. характеризуются новым витком организационной перестройки в хозяйственном управлении курортами – Постановление СНК РСФСР от 25.06.1929 г. утвердило Положение о курортных трестах общегосударственного значения [19]. Сам факт перехода к трестовой форме показывает изменение подхода к хозяйственному управлению крупными курортами, теперь при сохранении общего государственного регулирования их эксплуатация оформлялась через специализированные хозяйственные образования. Постановлением СНК РСФСР от 3.01.1930 г. «Об утверждении положения о курортных трестах местного значения» трестовая модель была распространена и на курорты соответствующего уровня, тресты осуществляли оперативную хозяйственную деятельность под наблюдением органов здравоохранения, в ведении которых они находились [20]. Также Постановлением Экономического совета РСФСР от 18.07.1931 г. «Об организации Всероссийского объединения курортов и курортных предприятий» в системе Наркомздрава создавалось Всероссийское объединение курортов и курортных предприятий (ВОК), действовавшее на началах хозяйственного расчета. В его состав включались Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск, Сочи-Мацеста, курорты Южного берега Крыма, Евпатория, Саки, Старая Русса, Сергиевские Минеральные Воды, Шафраново, Оренбург, Боровое и ряд иных объектов [21]. Главное курортное управление, существовавшее с 1923 г., было ликвидировано в связи с созданием ВОК. Здесь все же важно подчеркнуть, что приведенные изменения организационной формы, безусловно, не означали отказа от государственного контроля. Они свидетельствуют лишь о поиске более эффективного способа управления разросшейся сетью учреждений и курортных предприятий.

Завершающим нормативным рубежом исследуемого периода стало Постановление ЦИК и СНК СССР от 7.07.1932 г. № 42/1012 «О реорганизации курортного дела в Союзе ССР» – этот документ имел уже непосредственно общесоюзный характер. Санатории и другие лечебные учреждения, находившиеся на курортах Закавказья, Крыма, Северного Кавказа, Одессы, Борового и кумысолечебных районов и состоявшие в ведении республиканских наркоматов здравоохранения, Цусстраха и Российского общества Красного Креста, объединялись в тресты общесоюзного значения. Для руководства ими создавалось Всесоюзное объединение курортов Союзкурорт, остальные курорты получали статус местных и сохранялись в ведении наркоматов здравоохранения союзных республик [22].

Постановление 7.07.1932 г., полагаем, позволяет провести верхнюю границу рассматриваемого этапа. Впервые на уровне Союза была нормативно закреплена развернутая организационная конструкция, основанная на разделении курортов по уровню значения и создании общесоюзного органа хозяйственного руководства наиболее крупными курортными комплексами. Принципиально важно и то, что реорганизация затронула учреждения, ранее принадлежавшие различным системам управления. В одну структуру включались объекты республиканских органов здравоохранения, социального страхования и Красного Креста, что означало дальнейшее преодоление ведомственной раздробленности в отношении крупнейших курортов и перемещение центра принятия хозяйственно-управленческих решений на союзный уровень. Таким образом, сформулируем следующий вывод. Период с 1920 г. по 1932 г. может и должен рассматриваться как самостоятельный этап формирования советской системы государственного управления санаторно-курортным делом. В первые послереволюционные годы основное внимание уделялось национализации курортов, передаче лечебных учреждений в ведение органов здравоохранения и закреплению их социального назначения, в 1920-е гг. регулирование приобрело системный характер. На наш взгляд, главным результатом системной работы советской власти стало превращение санаторно-курортного дела из совокупности отдельных лечебных учреждений и национализированных курортов в самостоятельный объект государственного управления. К 1932 г. были сформированы основные элементы соответствующей организационно-правовой модели, включавшие специализированные органы, нормативное разграничение компетенции, государственный контроль и т.д. Создание общесоюзной системы управления крупнейшими курортами в 1932 г. стало закономерным итогом предшествующего этапа и одновременно

открыло новый период развития санаторно-курортного дела, связанный с дальнейшей централизацией и унификацией его правового регулирования.

Список литературы:

1. Ильин М. В., Хлапов А. Л., Першина Н. К. Правовое регулирование курортного дела (историко-правовой анализ) // Вестник Ивановской медицинской академии. 2012. Т. 17. № 1. С. 5-9.
2. Морозов А. В. Роль Наркомздрава в организации санаторно-курортного дела в РСФСР // Бюллетень Национального НИИ общественного здоровья им. Н. А. Семашко. 2016. С. 283-285.
3. Герасименко М.Ю., Качуровский И.А. Историография Российского научного центра медицинской реабилитации и курортологии // Физиотерапия, бальнеология и реабилитация. 2015. Т.14.№ 6. С.51-53.
4. Антипова Е. И. Организация санаторно-курортного дела органами социального страхования в период НЭПа (на материалах Уральской губернии) // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 113-116.
5. Заводюк С. Ю., Столяров О. Д. Эволюция государственно-страховой модели здравоохранения (1920-1930-е гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2024. Т.6. №2. С. 45-53.
6. Багдасарян С. Д. Властное регулирование развития крестьянских курортов в Советской России в 1920-х гг. // Власть. 2012. № 2. С. 153-155.
7. Зольникова Ю. Ф. Формирование санаторно-курортного комплекса региона Кавказские Минеральные Воды в 20-е годы XX века // Наука. Инновации. Технологии. 2016. № 1. С. 121–132.
8. Скрипник А. С. Нормативно-правовое регулирование развития санаторно-курортного дела Крыма в 1920-1941 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия Исторические науки. 2025. Т. 11 (77). № 3. С. 133-143.
9. Декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1920 года «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» // Декреты Советской власти. Т. XII. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. – М.: Политиздат, 1986.
10. 23 июня. Декрет ВЦИК и СНК об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения // Проект, 1 л., с подписью В.И.Ленина после утверждения в СНК; пометка: Подлежит опубликованию // Декреты Советской власти. Т. XVI. Июнь 1921 г. – М.: РОССПЭН, 2004.
11. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об освобождении и передаче в ведение Курортных Управлений помещений и зданий, пригодных для устройства санаторий в курортных местностях. 11 июля 1921 года // Распубликован в № 164 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 28 июля 1921 года.
12. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об утверждении списка национализированных курортов Крыма и обслуживающих их хозяйств. 13 июля 1922 г. // Изв. ВЦИК. – 1922. – № 174. – 5 августа; Собр. Узак. – 1922. – № 48. – Ст. 601.
13. Декрет Совета Народных Комиссаров. О курортном лечении трудящихся и об эксплоатации курортов. 24 января 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. – М., 1950.
14. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об установлении границ выделяемых в районе курортов кавказских минеральных вод замкнутых курортных городков. 12 октября 1922 г. // Распубликован в № 234 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 17 октября 1922 г.
15. Об организации курортного дела. Декрет СНК РСФСР 13 марта 1923 г. // СУ № 21, ст. 255 // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 1. 1917-1928 гг. – М.: Госюриздат, 1959.
16. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об утверждении Положения об управлении курортами Р.С.Ф.С.Р. общегосударственного значения. 16 февраля 1925 г. // Распубликован в № 50 Известий ЦИК и ВЦИК от 1 марта 1925 г.
17. Декрет СНК. Об утверждении списков курортов, имеющих общегосударственное значение. 26 мая 1925 г. // Распубликован в № 128 Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 7 июня 1925 г.
18. Декрет СНК. О предметах ведения Народного Комиссариата Здравоохранения Р.С.Ф.С.Р. в области курортного дела. 13.09.1926 г. // Распубликован в № 232 Известий ЦИК СССР и ВЦИК от 8.10.1926 г.
19.Постановление Совета народных комиссаров. Об утверждении положения о курортных трестах общегосударственного значения. 25 июня 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 43-90. Отдел первый.
20. Об утверждении положения о курортных трестах местного значения. Пост. СНК от 3 января 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1930 г. № 1-26. Отдел первый. – М.: Гос. юридич. изд-во РСФСР.
21. Об организации Всероссийского объединения курортов и курортных предприятий. Пост. ЭКОСО от 18 июля 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1931 г. № 40-54. Отдел первый. – М.: Сов. Законодательство.
22. Постановление ЦИК и СНК. О реорганизации курортного дела в Союзе ССР. 7 июля 1932 г. № 421012 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1932 г. № 50-84. Отдел 1. – М.: Сов. законодательство, 1932.

Filonova A.A. The formation of the soviet system of state management of sanitary and resort activities (1920–1932) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 638-645.

The article analyses the formation of the system of state management of sanatorium and resort activities in the early stage of the Soviet state's existence (1920–1932). The focus is primarily on the legal framework defining the competence of state authorities that participated in organising resort treatment and developing the network of sanatorium and resort institutions. From a historical and legal perspective, the evolution of regula-

tory measures that determined the status of resorts, the procedure for their use, the management of natural therapeutic resources, as well as the distribution of powers between central and republican healthcare bodies, social insurance agencies, and other structures, is analysed. Taking into account the specifics of the time period under consideration (the new economic policy and, later, the centralization of management), it is possible to trace that the indicated chronological framework is characterized by a transition from fragmented and imperfect regulation to a more stable system of legal and organizational mechanisms that ensured the state management of the sanatorium-resort sector. In conclusion, it is concluded that by the early 1930s, the main elements of the Soviet management model of the sanatorium business had been formed.

Keywords: Soviet law, sanatorium business, legal regulation, the Soviet state, healthcare.

Spisok literatury:

1.Il'in M. V., Khlapov A. L., Pershina N. K. Pravovoe regulirovanie kurortnogo dela (istoriko-pravovoi analiz) // Vestnik Ivanovskoi meditsinskoi akademii. 2012. T. 17. № 1. S. 5-9.
2.Morozov A.V. Rol' Narkomzdrava v organizatsii sanatorno-kurortnogo dela v RSFSR // Byulleten' Natsional'nogo NII obshchestvennogo zdorov'ya im. N. A. Semashko. 2016. S. 283-285.
3.Gerasimenko M. Yu., Kachurovskii I. A. Istoriografiya Rossiiskogo nauchnogo tsentra meditsinskoi reabilitatsii i kurortologii // Fizioterapiya, bal'neologiya i reabilitatsiya. 2015. T. 14. № 6. S. 51-53.
4.Antipova E. I. Organizatsiya sanatorno-kurortnogo dela organami sotsial'nogo strakhovaniya v period NEHPa (na materialakh Ural'skoi gubernii) // Sotsium i vlast'. 2012. № 3 (35). S. 113-116.
5. Zavodyuk S. Yu., Stolyarov O. D. Ehvolyutsiya gosudarstvenno-strakhovoi modeli zdravookhraneniya (1920-1930-e gg.) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki. 2024.T.6.№2.S.45.
6.Bagdasaryan S. D. Vlastnoe regulirovanie razvitiya krest'yanskikh kurortov v Sovetskoi Rossii v 1920-kh gg. // Vlast'. 2012. № 2. S. 153-155.
7.Zol'nikova Yu. F. Formirovanie sanatorno-kurortnogo kompleksa regiona Kavkazskie Mineral'nye Vody v 20-e gody KHKh veka // Nauka. Innovatsii. Tekhnologii. 2016. № 1. S. 121–132.
8. Skripnik A. S. Normativno-pravovoe regulirovanie razvitiya sanatorno-kurortnogo dela Kryma v 1920-1941 gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya Istoricheskie nauki. 2025. T. 11 (77). № 3. S. 133-143.
9. Dekret SNK RSFSR ot 21 dekabrya 1920 goda «Ob ispol'zovanii Kryma dlya lecheniya trudyashchikhsya» // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. XII. Dekabr' 1920 g. – yanvar' 1921 g. – M.: Politizdat, 1986.
10.23 iyunya. Dekret VTSIK i SNK ob upravlenii lechebnymi mestnostyami (kurortami) obshchegosudarstvennogo znacheniya // Proekt, 1 l., s podpis'yu V.I.Lenina posle utverzhdeniya v SNK; pometka: Podlezhit opublikovaniyu // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. XVI. Iyun' 1921 g. – M.: ROSSPEHN, 2004.
11.Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. Ob osvobozhdenii i peredache v vedenie Kurortnykh Upravlenii pomeshchenii i zdanii, prigodnykh dlya ustroistva sanatorii v kurortnykh mestnostyakh. 11.07.1921 g. // Raspublikovan v №164 Izvestii Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 28 iyulya 1921 g.
12.Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnykh Komissarov ob utverzhdenii spiska natsionalizirovannykh kurortov Kryma i obsluzhivayushchikh ikh khozyaistv. 13 iyulya 1922 g. // Izv. VTSIK. – 1922. – № 174. – 5 avgusta; Sobr. Uzak. – 1922. – № 48. – St. 601.
13.Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. O kurortnom lechenii trudyashchikhsya i ob ehksploatatsii kurortov. 24 yanvarya 1922 g. // Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyi. – M., 1950.
14.Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnykh Komissarov. Ob ustanovlenii granits vydelyaemykh v raione kurortov kavkazskikh mineral'nykh vod zamknutykh kurortnykh gorodkov. 12 oktyabrya 1922 g. // Raspublikovan v № 234 Izvestii Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 17 oktyabrya 1922 g.
15. Ob organizatsii kurortnogo dela. Dekret SNK RSFSR 13 marta 1923 g. // SU № 21, st. 255 // Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel'stva RSFSR. T. 1. 1917-1928 gg. – M.: Gosyurizdat, 1959.
16.Dekret Vserossiiskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnykh Komissarov. Ob utverzhdenii Polozheniya ob upravlenii kurortami R.S.F.S.R. obshchegosudarstvennogo znacheniya. 16 fevralya 1925 g. // Raspublikovan v № 50 Izvestii TSIK i VTSIK ot 1 marta 1925 g.
17.Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. Ob utverzhdenii spiskov kurortov, imeyushchikh obshchegosudarstvennoe znachenie. 26 maya 1925 g. // Raspublikovan v № 128 Izvestii TSIK Soyuza SSR.
18.Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. O predmetakh vedeniya Narodnogo Komissariata Zdravookhraneniya R.S.F.S.R. v oblasti kurortnogo dela. 13.09.1926 // Raspublikovan v № 232 Izvestii TSIK
19.Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov. Ob utverzhdenii polozheniya o kurortnykh trestakh obshchegosudarstvennogo znacheniya. 25 iyunya 1929 g. // Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1929 g. № 43-90. Otdel pervyi.
20.Ob utverzhdenii polozheniya o kurortnykh trestakh mestnogo znacheniya. Post. SNK ot 3 yanvarya 1930 g. // Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1930 g. № 1-26. Otdel pervyi. – M.: Gos. yuridich. izd-vo RSFSR.
21.Ob organizatsii Vserossiiskogo ob''edineniya kurortov i kurortnykh predpriyatii. Post. EHKOSO ot 18 iyulya 1931 g. // Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1931 g. № 40-54. Otdel pervyi. – M.: Sov. Zakonodatel'stvo.
22.Postanovlenie Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnykh Komissarov. O reorganizatsii kurortnogo dela v Soyuze SSR. 7 iyulya 1932 g. № 421012 // Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1932 g. № 50-84. Otdel pervyi. – M.: Sov. zakonodatel'stvo, 1932.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 646-650.

УДК 34

МОРСКОЕ ПРАВО. ПУТЬ ОТ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА И УПОРЯДОЧЕНИЯ ДО АНГЛОСАКСОНСКОГО ГЛОБАЛИЗМА

Осоченко А. А., Туранин В. Ю.
ФГАОУ ВО «Белгородской государственный национальный исследовательский университет»

Статья посвящена изучению процессу возникновения и становления института морского права в период до начала XIX в., т.е. до превалирующей роли англосаксонской концепции морского права и последующего формирования, нормативно закрепленной, системы международного морского права. В работе проанализированы отдельные, но важнейшие источники морского права изучаемого периода – Родосский закон, Дигесты, закон Олерона, законы Висби и Ганзейского союза. Выявлены взаимосвязи эволюции морского права из указанных источников, определена их специфика, достоинства и недостатки, среди которых региональная приспособленность. Именно последний фактор был одним из ключевых для замещения сложившейся до начала XIX в. системы морского права англосаксонским ее вариантом.

Ключевые слова: морское право, закон Родосский, закон Олерона, законы Висби и Ганзы.

Морское право достаточно древняя и весьма важная отрасль права, которая прошла долгий путь эволюции и революционных скачков с момента своего появления. В последние века, с возникновением и развитием новых государств, большинству из них пришлось создавать национальные системы морского права, делая это, безусловно, с оглядкой на многовековой, а иногда и тысячелетний мировой опыт.

В отдельных случаях одним из методов разработки наиболее подходящих форм национального морского права стала аккультурация уже имеющегося нормотворческого и правоприменительного опыта, перенесение его на конкретные, местные государственно-правовые, общественно-политические и иные отношения.

В данном контексте, очевидно, необходимо найти основную, хотя и весьма условную границу, а главное – нормативный базис, который выступил основой всех последующих интерпретаций и приспособлений. Однако, для этого, следует вспомнить с чего собственно начиналось морское право, в его современном понимании, как упорядоченного комплекса норм и правил, призванных урегулировать отношения всех заинтересованных сторон, занятых или затронутых проблемами торгового судоходства. Большинство исследователей определяют такой исходной точкой Родосский морской закон.

Позволим себе напомнить, что Родос, это не только остров, но и город-государство в Эгейском море, пик развития которого в эллинистический период пришелся на 4 в. до н.э. – начало н.э. Системные, базирующиеся на дальновидной политике политические и торговые успехи требовали выработки важнейших правил, которые регулировали договора, имущественные права и ответственность в сфере судоходства. Выработку качественных и оперативных способов разрешения споров и конфликтов, связанных с грузами, кораблекрушениями и иными экстраординарными происшествиями. Создание особой правой системы, которая, в том числе, базировалась и на многовековом опыте иных греческих торговых городов [1].

Основные принципы и базовые положения, которые разработали родосцы, следующие: «общая авария», «ответственность за ущерб, причиненный экипажем судна», «правила, связанные со спасением судна», «мореходное состояние судна», «страхование» [2]. Безусловно, не стоит отрицать и заслуги собственно древних греков, в частности М. А. Горбунов отмечает, что «…греческое право знало такие институты, как целевой займ, залог, институт расторжения договора и признания сделок недействительными…» [3, с. 19]. Также ученый в свой монографии достаточно детально и аргументированно обосновывает тезис о рецепции родосского морского права (обычая) частным римским, справедливо указывая на «lex Rhodia Jactu» [3, с. 28].

К этому, очевидно, также следует добавить портовое право, т.е. порядок управления торговых портов и необходимые для этого правила, которые существовали в большинстве торговых городов.

В качестве важного источника права «закон Родосский» или, точнее, его отдельные нормы, вошли в Дигесты Юстиниана (см., к примеру, книгу 14, титул 1 и 2) [4].

Безусловно, что родосцы были далеко не первыми, кто сделал попытку урегулирования вопросов, связанных с морской перевозкой, торговлей. Так, к примеру, Кодекс Хаммурапи, датируемый примерно 1750 г. до н. э., является не только древнейшим из известных сводов законов, он также содержит значительный объем норм морского права. Так, в частности, Кодекс регулирует вопросы столкновений судов в море, ответственности и размеров вознаграждения [5]. Также вопросам, связанным с морской торговлей посвящены новеллы Кодекса, указы иных римских императоров.

Утрата возможности контроля за движением по Средиземному морю, его торговли, ослаблением военного флота Рима, а затем и Византии, привели к упадку системного морского права, т.е. такового, которое используется постоянно относительным большинством торговцев и мореплавателей. Начало восстановления роли морского права, а вместе с тем и наполнения его новым содержанием и прочтением, связано с постепенным восстановлением морской торговли на западном побережье Европы, становлением новых государств и их права.

Важным этапом в данном процессе стали так называемые Законы Олерона (1160 г. н. э.) [6], предположительно составленные Алионорой Аквитанской во второй половине XIII в. Данный акт составил базис для новой системы морского права в Атлантике, а в последующем существенным образом повлиял на развитие морского права в балтийском регионе. Одной из его характерных особенностей было то, что весьма часто представители команды судна также являлись и собственниками перевозимых грузов (или их части). Наличие же на судне еще и купцов, в сложных ситуация позволяло принимать коллективные решения (выход в море в сложную погоды, сброс якоря, перерезка канатов, рубка мачт, выброс за борт части груза) и нести за них совместную ответственность (ст. 2) [6]. В иных случаях, вся ответственность возлагалась на капитана.

Еще одно стандартное правило – активное участие команды в спасении судна и груза при крушении, с предоставлением ее членам «разумного вознаграждения». В случае отказа команды от участия в спасении, вопрос о вознаграждении или обеспечении моряков средствами для возвращения на родину возлагался на судовладельца.

Ст. 4 гарантировала морякам, спасшим основную часть груза законное вознаграждение, а капитану, спасшему судно, позволялось завершить рейс даже при требовании купцов передачи им груза.

Ст. 5. Предоставляла морякам самовольный уход с судна на берег лишь тогда, когда судно надежно охраняется, а производящие операции полностью обеспечены оставшейся частью команды. Это правило не просто подтверждает особый статус моряка, но относится к периоду, когда большинство из них имели «свой интерес» при перевозке, т.е. также выступали фрахтователями, а вместе с тем и мелкими купцами. В целом, данный закон построен именно в ключе максимального соблюдения интересов всех заинтересованных сторон. Что, очевидно обусловлено в том числе и каботажным, прибрежным характером судоходства, т.е. на относительно небольшие расстояния, сложносоставным характером экипажа.

Также в данном акте, при отсутствии привычных нам формулировок, происходит формирование, в понятной для данного периода форме термина «общая авария» и «частная авария», с разделением, в необходимом случае ответственности между всеми заинтересованными сторонами, в том числе и членами команды (см. ст. VIII-IX); определен процесс освидетельствования годности судна (ст. X); порядок уважительного отношения к членам команды (ст. XI), хотя Закон определял и право защищаться морякам при нанесении им капитаном более 1 удара. Однако нападение

на капитана моряком каралось много строже (Статья XII). Вместе с тем, закон устанавливал сложный порядок увольнения моряка, защищавший его от своеволия капитана (ст. XIII).

Безусловно, что данный закон регулировал и множество иных ситуаций, чем, 1) создавал базис для защиты интересов заинтересованных сторон, 2) ускорял производство по подобным делам, 3) создавались благоприятные условия для торгового судоходства, 4) формировался класс профессиональных моряков. А вот ст. XXIII позволяла лоцману, по чьей вине погибло судно с товаром, при отсутствии у виновного средств на компенсацию, отрубить голову без всяческих на то последствий.

Было отмечено в данном законе и так называемое береговое право, т.е. случаи, когда попавшие в аварию суда, при их выбросе на берег разграблялись местным населением или местным же дворянством. Статьи 25 и 26 однозначно требовали наиболее жестокой казни для таких лиц независимо от их происхождения и звания.

Не имея возможности и необходимости детально рассматривать содержание закона Олерона, укажем, что кроме очевидных достоинств защиты интересов капитана, команды судна, фрахтователей, судовладельцев и иных причастных и заинтересованных лиц, он имел и иные, весьма важные достоинств. К ним следует отнести равенство перед законом, в случае совершения противоправных действий, лиц любого звания – от обычного моряка, до местных лордов.

С другой стороны, он создавал стимулы к сохранению экипажа и его интересов, определял статус капитана, судовладельцев, лоцманов, прибрежной и, отчасти, портовой власти. Таким образом, это был универсальный документ, нормы которого легко могли быть использованы в любом ином регионе, особенно, в близком по условиям судоходства рассматриваемого периода, т.е. в основном прибрежного, с множеством мелких портов и гаваней, полупрофессиональным экипажем, широкое знание данных норм заинтересованным кругом лиц и т.п.

Именно данные факторы позволили Законам Олерона стать прародителем нового комплексного акта – морских законов Висбю (1532 г.), а также таких документах как, Судовые правила (1482 г., 1530 г., 1572 г., 1591 г., (Регламент капитанов 1572 г., Ганзейское морское право 1614 г.) [7].

В 1532 г. появился сборник норм, в котором были объединены правовые нормы городов Ганзейского союза (Балтийское море) [8].

Данный процесс, т.е. разработки и постепенного расширения норм ганзейского морского права занял относительно большое количество времени. Он начался в последней четверти 14 в. и лишь в 1418 г. комплекс таких норм был признан, частично, общеобязательным в кодексе, ганзейских городов (г. Любек). Формальное завершение создания единого акта, который условно, можно назвать кодексом произошло в 1614 г. [10]. При этом, следует отметить, что данный союз был условным, и при общей оценке количества входивших в него городов в 200, важнейшими являлись Любек, Гамбург, Бремен, Брауншвейг, Данциг, Гильдесгайм, Кельн, Осанбрюк и Росток.

В конце XVI в. волна городских и сельских реформ, распространившаяся по всей Германии, дошла до Гамбурга. В 1603 г. городской устав 1497 был полностью пересмотрен. После дальнейшего пересмотра, особенно в отношении судоходного законодательства, он был опубликован в 1605 г., но название «Гамбургский городской закон 1603» (также «Устав 1603») сохранилось.

Морское право было переведено с нижнегерманского на верхненемецкий и содержалось во второй части из четырех частей с семью названиями и всего 81 ст., более половины из которых происходило из городского права 1497 г. Четверть норм имели ганзейское происхождение, некоторые базировались на любекском праве (на основе водного права Висби), некоторые - на датском морском праве 1561 г. (на основе ганзейского, висбисского и нидерландского морского права). Остальные правила были приняты без прецедентов (классификация по О'Салливану). В четвертой

части (уголовное право) также есть три дополнительных нормы, посвященные морякам и пиратам.

Можно также подчеркнуть, что в Гамбурге городское право 1603 г. (включая нормы морского и судоходного права) оставалось действующим до внедрения Общегерманского торгового кодекса (ADHGB) после 1861 г. [10, p.15].

В заключение же краткого обзора формирования морского права в исследуемый период, подчеркнем, что, свою очередь, не менее известное Морское право балтийского региона, а именно г. Висби, состоит из казуистических правил правовых отношений между экипажем корабля, между экипажами разных судов, а также отношений между владельцами судов и фрахтователями с экипажем, и содержит каталог положений о наказании в случае нарушений. Так же ответственность и финансовая компенсация за ущерб, особенно из-за форс-мажора, регулируются между сторонами [11].

Свое последующее развитие они получили уже в новом формате – Гаага Висби. это международные регуляции по морской перевозке грузов. Они регулируют права и обязанности судовладельцев (перевозчиков) и участвующих в грузе (грузоотправителей и отправителей), а также ответственность в случае потери или повреждения грузов во время морских перевозок. Они были впервые приняты в 1924 г. как Гаагские правила [12; 13] и пересмотрены в 1968 г. Висбийским протоколом.

Таким образом, из произведенного обзора можно заключить, что основная часть истории становления морского права заключается в фрагментированном региональном развитии, построенном в основном на национальном опыте с применением норм и принципов торгового права, основу которого составили нормы древнегреческого, римского, средневекового (законы Олерона, правила Висби и Ганзейского союза городов) права. Причина как разработки, так и последующей унификации – создание наиболее благоприятных условий развития морской торговли посредством распространения единых, взаимно признаваемых, рациональных правил, регулирующих основные аспекты деятельности торгового судоходства в условиях зачастую слабости национального и/или межгосударственного и/или регионального морского права, вплоть до периода фрагментации торговых флотов по превалирующему числу судов того или иного флага, возможности установления / навязывания / распространения наиболее приемлемых и привычных для лидирующих стран флага норм и правил; формирование субподотраслей – портовое право, лоцманское право, карантинное право, правила перевозки огнеопасных и взрывчатых грузов и т.п.

В данном контексте аккультурация, в понимании ее как «формально незакрепленный процесс использования части особенностей государственно правовых традиций, правовых норм, правотворческой и правоприменительной деятельности, открытых результатов научной доктрины, форм организации и функционирования органов исполнительной власти государств, с наиболее удачными, действенными организационного-правовыми механизмами, методами и подходами, стандартами и практикой», является единственно возможным путем развития национального морского права каждой морской державы в условиях глобализации, цифровизации, стандартизации и т.п.

Список литературы:

1.Ashburner, Walter [Nomos Rhodion Nautikos]: The Rhodian Sea-Law. 1909. – URL: [Nomos Rhodin nautikos] : den rhodiske sølov : Rhodos: Gratis download, lån og streaming : Internet Archive (дата обращения: 01.11.2026).

2.Rhodian Maritime Law: A Deep Dive into Ancient Maritime Jurisprudence. – Rhodiansk havret: Et dybt dyk ned i gammel maritim retspraksis | Flyriver.com (дата обращения: 01.11.2026).

3.М. А. Горбунов. Рецепция Родосского морского права системой римского частного права периода I-III в. н.э.: монография. – М.: Издательство РГСУ, 2013. – С. 28.

4.Дигесты Юстиниана. – URL: Дигесты Юстиниана - Благоверный император Юстиниан I Великий - читать, скачать (дата обращения: 01.11.2026).

5.e H a m m u r a b i . – URL: eHammurabi (дата обращения: 01.11.2026).

6.THE LA\IVS OF OLERON. [Reprinted from 1 Pet. Adm. Append. iii.]. – URL: oleron.pdf (дата обращения: 01.11.2026).
7.Klaus Wolter. Die Schifffahrtsrechte der Hansestädte Lübeck und Hamburg sowie die Entwicklung des hansischen Seerechts, unter besonderer Berücksichtigung rechtlicher Bestimmungen für Notlagen während der Schifffahrt und bei Schiffskollisionen. - Hamborg, Univ., Diss., 1975. – 205 p.
8.Regelungen für Schiffe der Hansestädte und Seerecht. – Bremen, 1641. – URL: Sachsen.digital Sammlungen: Der erbaren Hanse Städte Schiffs-Ordnung und Seerecht (дата обращения: 01.11.2026).
9.Das Seerecht der Hanse (1365 - 1614): vom Schiffordnungsrecht zum Seehandelsrecht; Erweiterte Fassung eines Vortrages, gehalten ... Jeg er 28. Juni 2002, dem Ehrenmitglied ... Helmut Greve zum 80. Geburtstag Gewidmet / Götz Landwehr. – URL: Detaljer for: Das Seerecht der Hanse (1365 - 1614): vom Schiffordnungsrecht zum Seehandelsrecht ; Erweiterte Fassung eines Vortrages, gehalten ... Jeg er 28. Juni 2002, dem Ehrenmitglied ... Helmut Greve zum 80. Geburtstag gewidmet / › Koha online katalog (дата обращения: 01.11.2026).
10. Der erbaren Hanse Städte Schiffs-Ordnung und Seerecht. – URL: Sachsen.digital Sammlungen: Der erbaren Hanse Städte Schiffs-Ordnung und Seerecht; Sachsen.digital Sammlungen: Der Erbaren HanseStätte Schiffs-Ordnung und Seerecht (дата обращения: 01.11.2026).
11. CJSueoGot. VIII S. 349 – DRW-Online-Faksimiles. – URL: CJSueoGot. VIII S. 349 – DRW-Online-Faksimiles (дата обращения: 01.11.2026).
12. Internationales Übereinkommen zur einheitlichen Feststellung einzelner Regeln über die Konnossemente (Haager-Visby Regeln). – URL: Microsoft Word - Haager_Visby_Regeln_deutsch.docx (дата обращения: 01.11.2026).
13. The Hague-Visby Rules regarding the international maritime transport bill of lading (COGSA); Special Drawing Rights (SDR) — Horak Lawyers. – URL: Гаага-Висбийское правило в отношении международного морского транспортного законопроекта о погрузке COGSA Специальные права на оформлення SDR Horak Lawyers (дата обращения: 01.11.2026).

Osochenko A. A., Turnanin V. Yu. Maritime law: from regional legal development and codification to anglo-saxon globalism // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 646-650.

This article examines the emergence and development of maritime law prior to the 19th century—that is, before the Anglo-Saxon concept of maritime law became dominant and the current, formally codified system of international maritime law took shape. The study analyzes several pivotal sources of maritime law from this period, including the Rhodian Sea Law, the Digest of Justinian, the Laws of Oléron, and the maritime laws of Wisby and the Hanseatic League. The authors explore the evolutionary links between these sources, identifying their specific characteristics, strengths, and limitations—notably their regional orientation. It was precisely this regional focus that served as a key factor in the eventual displacement of the pre-19th-century maritime legal system by its Anglo-Saxon counterpart.

Keywords: maritime law, Rhodian Sea Law, Laws of Oléron, laws of Wisby and the Hanseatic League.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 646-654.

УДК 343.2

О ПРОБЛЕМЕ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ШТРАФА ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Латынин Ю. А.
ФГБОУ ВО ««Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

В статье проанализированы мнения различных авторов, а также позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно назначения судебного штрафа лицам, совершившим преступления с общественно опасными последствиями нематериального характера, определения понятия заглаживания вреда, как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Рассмотрены правоприменительные вопросы данного понятия при назначении судебного штрафа. На основании анализа проведенных исследований, предписаний уголовного закона и судебной практики, изучена возможность назначения судебного штрафа при условии заглаживания вреда по преступным посягательствам, где наступили нематериальные общественно опасные последствия. Обоснован вывод о том, что факт совершения лицом преступления и осуществление им действий, направленных на восстановление нарушенных законных интересов личности, общества и государства, не исключает возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Сформулирована авторская позиция, относительно указанного понятия и его применения при назначении судебного штрафа.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, совершение преступления, возмещение ущерба, иное заглаживание причиненного преступлением вреда, преступления небольшой и средней тяжести, уголовное преследование.

Предусмотренные законодателем виды освобождения от уголовной ответственности выполняют превентивную функцию относительно совершения позитивных постпреступных действий, вследствие которых лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от указанного вида ответственности. Кроме того, данный институт направлен на восстановление, в определенной мере, социальной справедливости, что выражается, в частности, в обязанности виновного лица возместить причиненный им ущерб. Также, наличие указанного института является следствием реализации одного из основных принципов уголовного права – гуманизма.

В результате изменений в 2016 г. Гл. 11 УК РФ была дополнена видом освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), механизм которого предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, при условии возмещении ущерба или иным образом заглаживании причиненного преступлением вреда.

Одним из условий применения указанного вида освобождения от уголовной ответственности является возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда, что закреплено как, непосредственно, в УК РФ, так и в постановлении Пленума ВС РФ от 27.05.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [1].

Согласно разъяснениям п. 2.1 указанного постановления Пленума ВС РФ, под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д.

Под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановле-

ние нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Возмещения ущерба, как условие освобождения от уголовной ответственности, в виду причинения ущерба материальным благам конкретному потерпевшему сложностей в понимании не вызывает. В тоже время существуют разные подходы к конкретизации способов реализации заглаживания причиненного преступлением вреда, поскольку их сущность нормами действующего законодательства не урегулированы.

В настоящее время в научных кругах имеют место дискуссии об условиях назначения судебного штрафа, их содержании и реализации. Проблематику вызывают разные подходы к определению понятия заглаживания вреда иным образом. Обращено внимание на преступления, где невозможно установить размер ущерба, т. к. наступившие общественно опасные последствия содержат нематериальный характер (например, ст. ст. 107, 108, ч. 1 ст. 222, ч.1 ст. 228 УК РФ).

В своих исследованиях Я.Н. Ермолович обращает внимание на возможность применения судебного штрафа только при совершении преступлений с материальным составом. Автор считает, поскольку с возмещением материального, физического и морального вреда в судебной практике проблем не возникает, то вопрос о возмещении организационного вреда (нарушение нормального функционирования государственных и общественных институтов в сфере экономической деятельности; причинение вреда национальной безопасности РФ; нарушение нормального функционирования органов государственной власти и местного самоуправления и др.) носит проблемный характер [2, с. 93].

Необходимо отметить, что в случае законодательного закрепления такой позиции, за пределами действия анализируемой нормы остаются многие преступления небольшой или средней тяжести.

Некоторые авторы отмечают возможность заглаживания вреда при назначении судебного штрафа, путем принесения извинений потерпевшему. Так, М.А. Малетина выделяет, что в качестве «заглаживания вреда иным образом», судами признается «раскаяние в содеянном, принесение публичных извинений в ходе судебного разбирательства, оказание материальной помощи дошкольным образовательным учреждениям, внесение пожертвований в благотворительные фонды, добровольное выполнение различного рода работ в медицинских и социальных учреждениях» [3, с. 102].

По мнению Ф.Н. Багаутдинова целесообразным является дополнение постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 г. №19 соответствующими разъяснениями о порядке принесения извинений в уголовном судопроизводстве [4, с. 10].

В судебной практике присутствуют примеры, когда извинения приносятся в рамках реализации анализируемого признака в адрес государственных органов. Согласно кассационному определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.11.2021 № 1-УПД21-15-КЗ [5] В. подозревался в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, уголовное дело в отношении последнего было прекращено с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 30 000 руб. В качестве обстоятельства, в соответствии с которым был заглажен вред, указывалось наличие двух писем с принесенными извинениями. Судебной инстанцией было отмечено о недопустимости возможности заглаживания вреда указанными действиями.

В определении Верховного суда РФ от 23.12.2025 № 16-УД25-21-К4 [6] в отношении ФИО1 совершившей преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 291 УК РФ указано, поскольку ФИО1 предприняла меры к заглаживанию причиненного вреда, оказала благотворительное пожертвование государственному казенному специализированному учреждению социального обслуживания <...> в виде мебели на общую сумму 19 200 руб., что с учетом фактических обстоятельства дела в совокупности с

данными о ее личности, позволило суду принять решение об освобождении от уголовной ответственности и назначить судебный штраф.

Несмотря на то, что указанная позиция поддерживается, как отдельными авторами, так и нашла свое отражение в судебной практике, однако данная позиция может повергаться критик в случаях, если потерпевший против такого вида заглаживания вреда либо конкретный потерпевший отсутствует.

В свою очередь, отдельные авторы, в частности, К.И. Дюк, Т.В. Мычак и А.Р. Тахаутдинова полагают, что в ситуации, когда лицо, совершившее преступление, подпадающее под требования Гл. 11 УК РФ, изъявляет готовность к возмещению или заглаживанию иным способом вреда, причиненного преступлением, т.е. данное лицо безоговорочно воспринимает это требование, готово его добросовестно исполнить, совершает для этого определенные действия, но не может их довести до логического конца по обстоятельствам, от него не зависящим, а именно в случае отказа потерпевшего от таких действий, то данное лицо может претендовать на право применения данного института [7, с. 21].

Данная позиция заслуживает внимания, однако, по нашему мнению, возникает вопрос, в случае отсутствия совершения каких-либо действий, относительно возмещения ущерба или заглаживания вреда, возможно ли судить о восстановлении социальной справедливости?

Обоснованной считаем позицию Д.О. Михайлова, который отмечает, что «Пленум Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 не содержит каких-либо запретов относительно исключения возможности прекращения уголовных дел о преступлениях небольшой или средней тяжести формальным, многообъектным составам, составам с умершими пострадавшими и с потерпевшими – юридическими лицами, в том числе и относительно применения судебного штрафа» [8, с. 100].

На основании изложенного в виду отсутствия нормативного и иного толкования приведенного обстоятельства можно сделать следующие авторские выводы.

Полагаем, принесение извинений, совершение иных нематериальных действий могут являться выполнением требований ст. 76.2 УК РФ только в случае согласия потерпевшего на совершение таких действий.

Если при совершении преступления отсутствует потерпевший, а вред причинен общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона, возмещение ущерба возможно исключительно по решению суда и является обязательным условием. Принесение извинений в этом случае считаем недопустимым.

При совершении многообъектного преступления суду необходимо принимать во внимание все объекты, которые подверглись посягательству вследствие совершения преступления. Для реализации принципа справедливости, а также всестороннего и полного рассмотрения дела, по нашему мнению, обязательным является принятие решений по возмещению ущерба или заглаживания вреда иным образом, в отношении всех общественных отношений, которым был причинен ущерб совершенным преступлением, в том числе путем осуществления выплат способом, указанным выше.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Рос.газ. – 2013. – 5 июля.

2. Ермолович Я.Н. О практике применения органами военной прокуратурой, военными следственными органами и военными судами положений о мере уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Я, Н. Ермолович// Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2017. – № 7 (240). – С. 93.

3. Малетина М.А. Проблемы толкования понятия «заглаживание причиненного преступлением вреда» при применении судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера / М.А. Малетина // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк 19-20.10.2022 г. Новокузнецк. С. 102.

4. Багаутдинов Ф.Н. Принесение извинений как форма заглаживания причиненного преступлением вреда при назначении судебного штрафа / Ф.Н. Багаутдинов // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3 (34). С. 10.
5. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 18.11.2021 № 1-УПД21-15-К3. [Электронный ресурс]. – URL: https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18112021-n-1-udp21-15-k3/?ysclid=li4d6jsju3159382050 (дата обращения: 15.10.2026).
6. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 16-УД25-21-К4. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ztIFfT9J4hlR/?ysclid=mu3z3yv2p0214111268 (дата обращения: 15.10.2026).
7.Дюк К.И. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / К.И. Дюк, Т.В. Мычак, А.Р. Тахаутдинова// Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2020. – № 3 (42). – С. 21.
8.Михайлов Д.О. Некоторые проблемы применения судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности / Д.О. Михайлов // В сборнике: Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Материалов международной научно-практической конференции. 2018. – С. 100.

Latynin YU. A. On the issue of imposing a court fine on individuals who have committed crimes with socially dangerous consequences of a non-material nature // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 651-654.

The article analyzes the views of various authors, as well as the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the imposition of a court fine on persons who have committed crimes involving socially dangerous consequences of an intangible nature, and the definition of the concept of compensating for harm as a condition for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine. The lawenforcement issues related to this concept when imposing a court fine are examined. Based on the analysis of the conducted research, the provisions of the criminal law, and judicial practice, the possibility of imposing a court fine is studied, provided that harm is compensated in relation to criminal offences involving intangible socially dangerous consequences. The conclusion is substantiated that the fact of a person committing a crime and carrying out actions aimed at restoring the violated legitimate interests of the individual, society, and the state does not preclude the possibility of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine. The author’s position regarding this concept and its application in the context of imposing a court fine is formulated.

Keywords: exemption from criminal liability, court fine, commission of a crime, compensation for damage, other compensation for the harm caused by the crime, crimes of minor and moderate gravity, criminal prosecution.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.05.2013 g. № 19 «O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» // Ros.gaz. – 2013. – 5 iyulya.
2. Ermolovich YA.N. O praktike primeneniya organami voennoj prokuraturoj, voennymi sledstvennymi organami i voennymi sudami polozhenij o mere ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa / YA, N. Ermolovich// Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2017. – № 7 (240). – S. 93.
3. Maletina M.A. Problemy tolkovaniya ponyatiya «zaglazhivanie prichinennogo prestupleniem vreda» pri primenenii sudebnogo shtrafa kak inoj mery ugolovno-pravovogo haraktera / M.A. Maletina // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki. Materialy XXII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Novokuzneck 19-20 oktyabrya 2022 g. Novokuzneck. – S. 102.
4. Bagautdinov F.N. Prinesenie izvinenij kak forma zaglazhivaniya prichinennogo prestupleniem vreda pri naznachenii sudebnogo shtrafa / F.N. Bagautdinov // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2019. № 3 (34). S. 10.
5. Kassacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 18.11.2021 № 1-UPD21-15-KZ. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18112021-n-1-udp21-15-k3/?ysclid=li4d6jsju3159382050 (data obrashcheniya: 15.10.2026).
6. Kassacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 23.12.2025 № 16-UD25-21-K4. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/ztIFfT9J4hlR/?ysclid=mu3z3yv2p0214111268 (data obrashcheniya: 15.10.2026).
7.Dyuk K.I. Nekotorye voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa / K.I. Dyuk, T.V. Mychak, A.R. Tahautdinova// Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: YUridicheskie nauki. 2020. – № 3 (42). – S. 21.
8.Mihajlov D.O. Nekotorye problemy primeneniya sudebnogo shtrafa pri osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti / D.O. Mihajlov // V sbornike: Problemy primeneniya ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva. Materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. – S. 100.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 655-664.
УДК 342

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГАРАНТИЙ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН: ОТ МЕДИЦИНСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Мархгейм М. В., Гафуров Д. В., Барсова Е. Р.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В рамках общего исследования конституционных гарантий права граждан на охрану здоровья в России рассмотрен процесс их институционализации от медицинской полиции Российской империи до современной системы органов публичной власти Российского государства. Осуществлена периодизация такого рода институционализации. Выделены и охарактеризованы четыре не равных по своей продолжительности этапа: зарождение и становление (XVI–XVIII вв.); период регламентации и формирования первых научных школ (нач. XIX– нач. XX вв.); переход к государственному контролю (нач. XX вв.– кон. XX вв.); формирование органов власти в области охраны здоровья в Российской Федерации (нач. XXI вв.–н/в). В процессе институционализации гарантий на охрану здоровья выявлены логические отклики на эпидемиологические вызовы соответствующего времени, выражавшиеся в правовом оформлении органов власти и наделении их полномочиями в сфере охраны здоровья населения. Отмечено, что рассмотренный процесс институционализации гарантий права на охрану здоровья положительно сказался на продолжительности жизни населения России и что последовательная государственная политика в данном отношении позволят к 2030 году достичь прогнозной продолжительности жизни в 78 лет, как это и отражено в Национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь».

Ключевые слова: медицинская полиция, охрана здоровья, санитарно-эпидемиологический надзор, здравоохранение, гигиена, право на охрану здоровья, институциональные гарантии

Конституирование в России права на охрану здоровья (ст. 41) обусловило формирование его институциональных гарантий. При этом идеи и организационно-правовые предпосылки таковых складывались без преувеличения веками. Одной из таких гарантий являлась медицинская полиция. Она представляла собой не просто частью полицейского аппарата, а выступила историческим предшественником современной системы общественной гигиены и профилактической медицины. В качестве основной идеи сформировалось именно предупреждение болезней через контроль условий труда и быта населения.

Понимание медицинской полиции представлено Иоганном Петером Франком (1745 – 1821 гг.) – австрийским ученым в области гигиены и врачебного дела в работе «System einer vollständigen medicinischen Polizey» («Система всеобщей медицинской полиции») (т. 1. Мангейм, 1779). Медицинскую полицию автор сопоставлял с наукой о профилактике заболеваний, направленной на охрану здоровья от вредных возбудителей, влияющих на естественный конец жизни. При этом здоровье населения, по его убеждению, являлось объектом публичного управления [1], что актуально и сегодня. В работе И.П. Франка впервые была артикулирована идея обеспечения внутренней безопасности государства через охрану здоровья населения, а инструментами обеспечения этого выступали полиция, жандармерия или другие правоохранительные органы XVIII вв.

Российской империи медицинская полиция не была чужда. Под ней понимался комплекс государственных мер, направленных на охрану здоровья населения и предотвращение эпидемий. Ядро медицинской полиции составляли именно гигиенические меры: устранение антисанитарных условий, надзор за чистотой городов, безопасностью воды и продуктов, устройством кладбищ и больниц. Важно подчеркнуть, что медицинская полиция изначально ориентировалась на профилактику, то есть на борьбу с причинами болезни, а не только с её последствиями. Таким образом, это был ранний механизм внедрения гигиены как обязательной нормы общественной жизни. Преобразование отечественной медицинской полиции полагаем целесообразным представить в четырех исторических не равных по своей продол-

жительности этапах: зарождение и становление (XVI–XVIII вв.); период регламентации и формирования первых научных школ (нач. XIX– нач. XX вв.); переход к государственному контролю (нач. XX вв.– кон. XX вв.); формирование органов власти в области охраны здоровья в Российской Федерации (нач. XXI вв.–н/в). Последовательно охарактеризуем их принципиальные черты.

Зарождение и становление (XVI–XVIII вв.) медицинской полиции. В этот период происходило возникновение санитарно-гигиенической функции государства и соответствующей ей органов, занимавшихся охраной здоровья. Это связывается с появлением Аптекарского приказа [2], который был учрежден царем Иваном Грозным (1530–1584 гг.) в XVI вв. В дальнейшем данная функция получила развитие при царе Михаиле Федоровиче Романове (1596–1645 гг.) за счет приращения задач указанного органа руководства медицинским делом.

Основными задачами Аптекарского приказа стали обеспечение должного лечение горожан, бояр, стрельцов и других сословий, обратившихся за помощью, а также принятие мер противодействия развитию эпидемий и пандемий. При этом в его полномочия входило развитие лекарственного обеспечения аптек и госпиталей, а также деятельность по экспорту отечественных и импорту зарубежных лечебных зелий [2].

Реформы Государя вся Руси и в последующем Императора и Самодержеца Всероссийского Петра I (1672–1725 гг.), направленные на улучшение медицинского обслуживания населения, заложили основные элементы государственного надзора за здоровьем жителей империи. Вдохновленный открытиями нидерландского врача-анатома Фредерика Рюйша (1638-1731 гг.), с которым неоднократно встречался за время своей учебы в Амстердаме [3], Петр I издавал указы, направленные на санитарное благополучие городов, вводил в обиход нормы гигиены для всех сословий, а органы государственной власти наделил полномочием осуществлять надзор за эпидемиологическим статусом жителей городов.

При этом Петр I издал ряд именных указов, направленных на достижение гигиенического благополучия в России, усиливая роль государственных чиновников и полиции в надзоре за их исполнением. Так, в 1699 г. Петр I издал Именной указ «О наблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякого помету на улицы и переулки» [4], где за выброс мусора и отходов животного происхождения следовали телесные или денежное наказания.

Вместе с тем в 1701 г. по Именному указу Петра I «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о ведении оных посольскому приказу и об уничтожении зелейных лавок» [5] де-юре закреплялся государственный контроль над аптеками. Был введен государственный надзор в сфере продажи лекарственных средств и запрет на продажу спиртосодержащих продуктов и вин в аптеках. Также запрещалась лавочная торговля «зельями» под видом лекарственных снадобий. В 1705 г. был принят еще один Именной указ Петра I «О бритии бород и усов всякаго чина людям» [6], которым был введен налоговый сбор с разных сословий за ношение бороды. При этом для жителей, которые посещали города, необходимо было заплатить входную пошлину. Исключение делалось исключительно для священников и дьяконов. Такая норма ориентировалась на профилактику и лечение педикулеза в густонаселенных районах, а также различных других видов грибковых и бактериальных заболеваний. На фоне отсутствия правил и стандартов посещения трактиров кратно возрастал риск развития инфекционных заболеваний у густобородых мужчин после бытового использования посуды.

Отдельный виток формирования медицинской полиции связан с принятием Петром I нормативного акта от 25 мая 1718 г. «Пункты генералу полицимейстеру» [7], где были закреплены фундаментальные основы гигиенического статуса города: во-первых, жителям были регламентированы места для сбора мусора; во-вторых, каждый гражданин должен был убирать свою придомовую территорию и постоянно

следить за чистотой на ней; в-третьих, полиция осуществляла надзор за исполнением требований чистоты городских улиц и запретом на загрязнение проточных труб.

Идеи Петра I направлены на стремительный подъем российской медицины и фармацевтики в городах империи и в армии, а также на достижения зарубежной медицины [8]. Его реформы положили начало формированию профилактической медицины с ролью полиции в обеспечении контроля за соблюдением эпидемиологических норм.

В дальнейшем идеи эпидемиологического и санитарного контроля, заложенные Петром I, нашли отражение в законотворческой деятельности его дочери – Императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761(1762) гг.), при которой был издан Именной указ Императрицы от 18.07.1754 г., объявленный Сенату дежурным Генерал-адъютантом Бутурлиным «О наблюдении чистоты в Санкт-Петербурге и окрестностях…» [9], где были отражены правила профилактики болезней через установление требований для жителей города. В числе таких правил содержались: надзор за чистотой городского пространства (улиц, рынков, мест забоя скота и торговли продуктами); контроль за устройством и содержанием кладбищ, которые рассматривались как потенциальные очаги «заражения воздуха»; требования к больницам, богадельням, трактирам и постоялым дворам (их вентиляция, плотность размещения людей, удаление нечистот). Особое значение имели меры во время эпидемий: введение карантинов, ограничение передвижения и торговли, дезинфекция и санитарное «очищение» очагов заболевания. Несмотря на то, что объяснение предпринимаемых мер связывалось с теорией миазмов, речь, по сути, шла именно об улучшении гигиенических условий городской среды.

Оформление аппарата медицинской полиции сопрягается с Указом Императрицы Екатерины II от 12 августа 1775 г., предписывавшим московскому обер-полицмейстеру «учредить под ведомством здешней полиции особую больницу и богадельню» [9], что упрочило институционализацию медицинской полиции как части полицейского аппарата. Помимо этого, Указом Императрицы Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Об Учреждениях для управления губерниями Всероссийской Империи» [9] была учреждена уездная полиция с возложением функций санитарно-эпидемиологического характера. Названными указами была юридически оформлена роль медицинской полиции в качестве органа власти, осуществляющего санитарно-эпидемиологический надзор. По словам С.А. Лукьянова, «реорганизацию городской полиции Екатерина II проводила в соответствии со своими представлениями о полиции, которая, по ее мнению, не только борется с преступностью и охраняет общественный порядок, но и активно действует в социальной сфере» [10].

Таким образом, на протяжении XVI–XVIII вв. наблюдалось становление нового органа управления, действовавшего сначала под патронажем полиции, затем как самостоятельное структурное подразделение. Для данного периода необходимость в надзоре за санитарным делом продиктована временем постоянных «сложных» эпидемий и пандемией с высокой летальностью: эпидемия чумы в Москве при Алексее Михайловиче (1654 г.) [11], мировая пандемия чумы во времена Северной войны (1700–1721 гг.) [12], эпидемия чумы в Москве (Чумный бунт) при Екатерине II (1770–1772 гг.) [13]. Способствовали институциональному оформлению санитарного дела в Российской империи также локальные очаги заболеваний в ее разных частях. В это время были приняты востребованные тогда законы, направленные на охрану здоровья и социальное благополучие населения. Представляется справедливым считать, что на данном трехвековом историческом отрезке у населения Российской империи было сформировано понимание и значимость социальной гигиены, сбережения здоровья и ответственного обращения с отходами.

Период регламентации и первых научных школ» (нач. XIX–нач. XX вв.). При правлении Александра I (1777–1825 гг.) после административной реформы 1811 г. был издан Манифест «Общее учреждение министерств» [9], в числе которых было создано Министерство внутренних дел. В его структуре были выделены Медицин-

ский департамент и Медицинский совет, ставшие центральными органами врачебно-полицейского и санитарного контроля. На местах данные функции выполняли врачебные управы в составе полицейских учреждений.

Медицинский департамент и Медицинский совет разрабатывали обязательные санитарные нормы и правила для: городского планирования (ширина улиц, расположение построек, освещение и проветривание); водоснабжения и канализации (качество питьевой воды, устройство колодцев, бань); учреждений с высокой концентрацией людей – казарм, фабрик, тюрем, школ.

Таким образом, санитарно-гигиеническая функция государства в Российской империи была сосредоточена в Министерстве внутренних дел и стала системной частью полицейского управления. Городовые врачи и санитарные врачи фактически выступали инспекторами гигиены: обследовали кварталы, фиксировали нарушения, выдавали предписания об устранении антисанитарии. Нормативное закрепление роли медицинской полиции было сформулировано в Уставе медицинской полиции, принятом Николаем I (1796–1855 гг.) и вошедшем в редакцию Свода законов Российской Империи [14]. Данным Уставом регулировались два фундаментальных направления, а именно: общие меры к соблюдению охраны здоровья и особенные меры против распространения заболеваний.

Отличительной чертой данного периода развития медицинской полиции явилось формирование первых научных школ, рассматривавших ее инструментом достижения главной цели – повышение уровня продолжительности жизни и профилактики особо опасных заболеваний. Так, в Российской империи в медицинском научном и практическом сообществе активно обсуждались идеи продвижения медицинской полиции. Особую роль в организации медицинской полиции сыграл русский государственный деятель, врач Я. В. Ханыков (1818–1862 гг.). В своей работе «Очерк истории медицинской полиции в России» он впервые систематизировал нормы по охране здоровья и обосновал, что осмысление роли государства в охране здоровья населения должно базироваться на понимании административных, законодательных и организационных мер, направленных на развитие системы здравоохранения [15].

Центральной идеей концепции медицинской полиции, продвигавшейся Я. В. Ханыковым, был приоритет профилактики над лечением. Предназначение медицинской полиции связывалось не столько с лечением больных горожан, сколько с предупреждением болезней через создание здоровых условий для жизни, санитарный контроль, профилактические прививки, санитарное просвещение населения.

Вопросами развития медицинской полиции в России занимался и ученый-врач Я. А. Чистович (1820–1885 гг.), который определил целостную систему понимания охраны здоровья, которая интегрирует судебную медицину, гигиену, медицинскую полицию, историю медицины и организацию медицинского образования. Под понятием охраны здоровья Я. А. Чистович понимал комплекс социальных, политических, юридических мер, направленных на сохранение общественного здоровья и гигиену граждан. Охрану здоровья он обосновывал в качестве важной социальной задачи, выполнение которой требует не только компетенции в медицинской отрасли, но и соответствующих знаний по истории, праву и административному управлению [16].

Одним из основоположников отечественной научной школы гигиены и ключевой фигурой в деле перехода от «медицинской полиции» к научно обоснованному санитарному надзору считается А. П. Доброславин (1842–1889 гг.). Именно он в 1870-е гг. возглавил первую в России самостоятельную кафедру гигиены, открывшуюся в Петербургской медико-хирургической академии. Им была создана экспериментальная лаборатория и разработан курс, ориентированный на практические санитарные исследования: анализ воздуха, воды, почвы, изучение условий труда и быта разных социальных групп. В 1888 г. начала работу первая городская пищевая аналитическая станция, где систематически исследовалось качество продуктов питания, выявлялись фальсификации и антисанитарные условия их производства и продажи. Эти

исследования легли в основу практических решений по закрытию неблагополучных предприятий, запрещению продаж опасных продуктов и ужесточению санитарного контроля на рынках [17].

Совокупность правовых норм, касающихся охраны народного здравия, связывалась с полицейским правом. Последнее, как отмечал В. Ф. Дерюжинский, призвано, опираясь на достижения общественной гигиены и медицины, определять наиболее эффективные пути создания благоприятных условий жизни населения и построения системы медицинской помощи [18].

Вторую половину XIX–начало XX вв. можно с полным основанием характеризовать как период становления санитарной и гигиенической службы. Проявившееся в этот период постепенное терминологическое смещение с «медицинской полиции» к «санитарной» и «гигиенической» службе не сказалось на содержании – по-прежнему это означало государственный контроль за условиями жизни и труда.

Медицинская полиция, хоть и была довольно развитой структурой в области охраны здоровья, но основной цели – достижение высокого уровня продолжительности жизни – достичь не смогла. По информации отечественной переписи населения в 1897 г., в Российской Империи ожидаемая продолжительность жизни для мужчин составила – 29,4 года, для женщин – 31,7 года [19], а младенческая смертность была на уровне около 35 % [20] от абсолютного числа родившихся детей. Такие прогнозы были значительно ниже, чем в западноевропейских странах, где ожидаемая продолжительность жизни была на уровне 40-45 лет.

Следующий этап – переход к государственному контролю (нач. XX вв.–кон. XX вв.). После 1917 г. термин «медицинская полиция» исчез, а его гигиеническое содержание переместилось в систему государственного санитарно-эпидемиологического надзора.

Нарком здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко предложил идею социальной гигиены как области науки, которая заключалась во взаимодействии социальных и биологических факторов в развитии болезней и способов поддержания здоровья через изменение социальных условий жизни. Взамен устаревшей для своего времени земской медицины Н. А. Семашко создал модель поликлинической помощи. Эта модель включала себя основные нормы оказания медицинской помощи, которые строились на доступности и качестве профилактической медицины [21].

Декретом СНК РСФСР от 15.09.1922 г. «О санитарных органах республики» сформированы органы по надзору за санитарно-эпидемиологическими нормами. В круг полномочий данных органов: санитарная охрана жилищ, организация противоэпидемических мероприятий, охрана здоровья детей, санитарная статистика и санитарное просвещение. Перечисленные полномочия должны были организовать устойчивую систему охраны здоровья.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23.12.1933 г. «Об организации Государственной санитарной инспекции» был учрежден специализированный орган власти по надзору за санитарно-эпидемиологическим статусом граждан страны. По постановлению в составе наркоматов здравоохранения союзных республик образованы государственные санитарные инспекции (ГСИ), призванные улучшить санитарное обслуживание населения и обеспечить полный охват санитарным надзором предприятий пищевой промышленности и общественного питания. Указанное постановление ознаменовало переход от разрозненных санитарных органов к единой централизованной системе государственной санитарной инспекции, что усилило предупредительный контроль за условиями труда, быта и питания населения страны.

В дальнейшем после принятия постановления Совета Министров СССР от 29.10.1963 г. № 1107 «О государственном санитарном надзоре в СССР» Главное санитарно-эпидемиологическое управление вошло в состав Министерства здравоохранения СССР как ее структурное подразделение. Основной его задачей являлось: оздоровление условий труда, быта, обучения; предупреждение загрязнения внешней среды; профилактика инфекционных, профессиональных и иных заболеваний. Во

исполнение указанного правового акта начали формироваться санитарно-эпидемиологические станции, для которых гигиена окружающей среды, коммунальная и производственная гигиена стали приоритетом деятельности. Появились санитарные правила и нормы (СанПиН) – по сути, модернизированная форма обязательных гигиенических регламентов, ранее обеспечиваемых полицейской структурой Российской империи. Одновременно с органами санитарного надзора в структуре советской милиции действовал санитарный отдел, на который были возложены задачи по обеспечению санитарного порядка в городах и селениях. В этот период проведение санэпиднадзора входило в прямые задачи санитарного отдела советской милиции, что отражало сохранение элемента «врачебно-полицейского надзора» не только в новом формате, но при сохранении функции медицинской полиции [22].

Таким образом, данный период характеризуется переходом от полномочий медицинской полиции к институциональному формированию органов по эпидемиологическому надзору. Идея жёсткого государственного надзора за «народным здравием», сформированная ранее, была реализована в СССР через мощную централизованную систему Госсанэпиднадзора, которая во многом определила современную российскую практику через федеральные и региональные органы государственной власти. При этом советская система здравоохранения и органов власти по эпидемиологическому благополучию смогла достичь высоких результатов для достижения уровня ожидаемой продолжительности смерти и снижению младенческой смертности. Ожидаемая продолжительность жизни в 1920-х гг. для мужчин составила – 40,2 года, для женщин – 45,6 года, в 1960 –х гг. данный показатель вырос почти в 1,5 раза и для мужчин составил 63,8 года, для женщин – 72,4 года, к концу 80-х гг. XX в. этот показатель для мужчин составил 64,8 года, для женщин – 74,6 года. При этом уровень младенческой смертности также кратно снизился и составил в 1960-е гг. – 366,1 на 10 тыс. родившихся живыми, в 1970-х гг. – 230,4 на 10 тыс. родившихся живыми, в начале 1980-х гг. – 220,7 на 10 тыс. родившихся живыми, к концу 1980-х гг. – 178,0 [19].

Формирование органов власти в области охраны здоровья в РФ (нач. XXI вв.– н/в). В текущем веке РФ, опираясь на опыт СССР, сформировала систему санитарного надзора по советскому подобию, но с развитой системой органов власти. Так, в современной России функции, схожие с медицинской полицией имперского периода по охране здоровья и санитарному благополучию, выполняют: Минздрав России (Постановление Правительства ФР от 19.06.2012 г. № 608 (ред. от 19.02.2026 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации»), которым определяется государственная политик и обеспечивается нормативное правовое регулирование в области здравоохранения; Росздравнадзор (Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 323 (ред. от 11.02.2026 г.) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения»), которой обеспечивается контроль и надзор в системе здравоохранения в том числе с помощью своих территориальных органов в субъектах РФ; ФМБА России (Указ Президента РФ от 2.07.2024 № 568 (ред. от 4 марта 2026 г.) «Вопросы Федерального медико-биологического агентства» (вместе с «Положением о Федеральном медико-биологическом агентстве»), которым осуществляется нормативное правовое регулирования в области медико-санитарного обеспечения отдельных категорий граждан (например, работников промышленности с особо опасными условиями труда, спортсменов), а также оказывает медицинскую помощь всех уровней на территориях закрытых административно-территориальных образований, а также городов-«атомщиков»; Роспотребназор (Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 322 (ред. от 2 апреля 2025 г.) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека», которой утверждаются государственные санитарно-эпидемиологические правила и гигиенические нормативы, а также осуществляется санитарно-эпидемиологический контроль.

При этом важно отметить, что наряду со специально предназначенными для этого органами функции санитарно-эпидемиологического характера могут выполнять и другие федеральные органы исполнительно власти, такие как: МЧС РФ, МВД РФ, Минобороны РФ и др. В настоящее время на территории России организована Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (ст. 4 ФЗ от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 8.08.2024 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), которая консолидирует все заинтересованные федеральные и региональные органы государственной власти для решения обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью населения, а также для ликвидации санитарно-эпидемиологических последствий. При этом Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций обеспечивает ad hoc гарантии населению, которые оказались в условиях экстраординарных ситуаций (режим ЧС, эпидемии и пандемии, вооруженные конфликты) [23].

Необходимость принятия единой системы продиктована событиями начала 2000-х гг. и стала незаменимой в период пандемия COVID-19. При этом нормативным правовым регулированием вводимых карантинных мер и надзорными полномочиями наделены как органы санитарно-эпидемиологического надзора и охраны здоровья (Минздрав России, ФМБА России, Роспотребнадзор, Росздравнадзор), так и правоохранительные органы (МВД России, Росгвардия), осуществляющие охрану правопорядка и содействующие соблюдению гарантийных мер для предотвращая распространения заболеваний.

По нашему мнению, именно в этот период проявилась характерная схожесть функций Медицинской полиции РИ и правоохранительных органов РФ в части противодействия распространению инфекционных и вирусных заболеваний.

Как отмечает А.Н. Кокорева, для осуществления общественного порядка «сотрудники МВД России достаточно свободны в выборе средств административного воздействия, руководствуясь, как федеральным, так административно-деликатным законодательством субъектов Российской Федерации», а само «нормативно-правовое регулирование сферы противодействия COVID-19 не должно ограничиваться исключительно мерами запретительного характера и должно сочетаться с мерами санитарно-эпидемиологического и экономического характера, сопровождающихся поддержкой наиболее уязвимых сфер жизнедеятельности общества» [24].

По справедливому мнению О.В. Шоронова и К.С. Матвеевой, «особенностью деятельности полиции по поддержанию общественного порядка во время COVID-19» выступило «наделение сотрудников ОВД определенными полномочиями». Так, правоохранители в период карантина были уполномочены останавливать граждан на улице и интересоваться целью их передвижения» [25].

При этом в данный пандемийный период для сотрудников правоохранительных органов не было разработано отдельной системы нормативного правового регулирования при возникновении ситуаций санитарно-эпидемиологического характера. Отсутствовали также инструкции по соблюдению правил режима самоизоляции и методов профилактики правонарушений в области санитарно-эпидемиологической обстановки.

Наряду с прикладными проблемами А.Ф. Майдыков акцентировал и иные. Так, по его мнению, «одним из недостатков правового режима в условиях эпидемии является недостаточно высокий уровень его научно-обоснованного концептуального обеспечения, поэтому не всегда возможно своевременно решать стоящие перед обществом проблемы и эффективно противодействовать возникающим перед государством вызовам» [26]. Обобщая изложенное, есть основания утверждать, что во время пандемии COVID-19 исполнение охранных требований по соблюдению карантинных мер легло на сотрудников правоохранительных органов, что схоже с периодами эпидемий в Российской империи (1654 г., к. 1690-х, 1770-х гг.), когда появи-

лась необходимость и реализовывалось наделение полицейских особенными полномочиями по охране санитарно-эпидемиологического статуса населения страны.

Таким образом, развитие медицинской полиции России и ее последующая трансформация продиктована цикличными вызовами эпидемиологического характера. Можно заметить, что изначально необходимость создания органа по надзору за эпидемиологическим режимом, возникла при распространении опасных для человека заболеваний ввиду низкого уровня сознательности самих граждан касаемо соблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм, а также в связи с формированием соответствующей функции государства, а именно выработка политики по соблюдению чистоты на улицах городов и элементарных норм обращении с отходами.

В дальнейшем в условиях глобализации и урбанизации появлялась необходимость в принятии санитарных-эпидемиологических норм и разветвленной системы органов власти для организации «быстрого» реагирования на ухудшение эпидемиологической обстановки по причинам и природного, и техногенного характера. Переход от медицинской полиции к разветвленной структуре санитарно-эпидемиологического надзора продиктован временем. Если раньше хватало соблюдать личную и общественную гигиену, то сейчас необходим надзор за предприятиями, экологией, вирусным и бактериальным статусом населения и окружающей среды. По данным статистики за 130 лет продолжительность жизни в России выросла с 30 лет (данные Всероссийской переписи за 1897 г.) [19] до 73,5 года (по данным Росстата за 2025 г.) [27]. Представляется, что последовательная государственная политика в данном отношении и институциональное гарантирование конституционного права на охрану здоровья позволят к 2030 г. достичь прогнозной продолжительности жизни в 78 лет, как это и отражено в Национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь».

Список литературы:

1. Frank J. P. System einer vollständigen medicinischen Poliezy. – Solwan, 1812. – T. 9.
2. Терешонков А. А., Парфёнов В. О., Ермолаева Е. В. Аптекарский приказ: история создания и развития // БМИК. 2016. №1.
3. Горелова Л.Е. Страницы жизни Петра I. Мифы и реальность. РМЖ. 2003;7:424.
4. О наблюдении чистоты в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякого помету на улицы и переулки. Именной указ. 9 апреля 1699 г. // ПСЗРИ. Т. 3. № 1684. С. 613.
5. О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о ведении оных Посольскому приказу и об уничтожении зелейных лавок. Именной указ. 22 ноября 1701 г. // ПСЗРИ. Т. 4. № 1879. С. 177.
6. О бритии бород и усов всякого чина людям. Именной указ. 16 января 1705 г. // ПСЗРИ. Т. 4. № 2015. С. 282-283.
7. Пункты генералу полицимейстеру. 25 Мая 1718 г. // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 631-632.
8. Зотова Е. В. Реформы Петра i в области медицины и фармации // БМИК. 2014. №11.
9. Свод законов Российской Империи. Издание в 16-ти томах // Официальный интернет-портал Законодательство России http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire .
10. Лукьянов С.А., Удодов А.Г. О роли полиции в обеспечении санитарно-эпидемиологического надзора в российской империи в XVIII веке // Закон и право. 2020. №12.
11. Борисов С.Н., Липич Т.И., Пенской В.В. «Не положил ли Господь Москву и окрестные города пусты?»: Московская чума 1654 г. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. №1.
12. Соколов, Н. А. Сравнительный анализ эпидемий чумы в Европе и России в XVIII веке / Н. А. Соколов, Е. А. Гилетина, А. Л. Устинов // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 19–20 апреля 2023 года. – Екатеринбург: «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2023. С. 1160-1165. EDN HEAZVE.
13. Симоненко В.Б., Абашин В.Г., Дулин П.А. Эпидемия чумы в Москве (1770-1772 гг.) // Клиническая медицина. 2018. №1.
14. Устав врачебный. Книга вторая: Устав медицинской полиции // Свод законов Российской империи. Т. XIII. Тетр. 3. — СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. С. 1–387.
15. Ханыков Я. В. Очерк истории медицинской полиции в России. СПб : Тип. М-ва внутренних дел, 1851. 114 с.

16. Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб. : Тип. Якова Трея, 1883. [2]. VI. 662. С. 820.
17. Терентьева Л. М., Звонова И. А. Основатель научной гигиены-Алексей Петрович Доброславин // Радиационная гигиена. 2013. Т. 6. №. 4. С. 39-41.
18. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. – Directmedia, 2013.
19. Население России за 100 лет (1897-1997): Стат.сб. / Госкомстат России. – М., 1998. 222 с. ISBN 5-89476-014-3
20. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР //Историческая демография: сборник статей.–М.: МАКС Пресс. 2010. С. 13-72.
21. Трегубов В. Н., Жулина Ю. С. Николай Александрович Семашко – выдающийся деятель отечественного здравоохранения // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2024. № 2 (36). С. 94.
22. Исаков В.М., Мельник Е.В., Осуществление санитарного надзора как функция Советской милиции // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6.
23. Мархгейм М.В., Гафуров Д.В. Ad hoc фактор в типологии конституционно-правовых гарантий права на охрану здоровья // Аграрное и земельное право. 2024. № 12(240). С. 92-95.
24. Кокорев А.Н. Деятельность российских органов внутренних дел в период распространения коронавируса (COVID-19) и проблемы, возникающие при ее реализации // Вестник экономической безопасности. 2021. №1.
25. Шоронов О.В., Матвеева К.С. Особенности Деятельности полиции по поддержанию общественного порядка во время COVID-19 // Вестник ПензГУ. 2021. №2 (34).
26. Майдыков А.Ф., Мелёхин А.В., Синодов И.А. Об актуальных правовых вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60).
27. Средняя продолжительность жизни в России // https://statbase.ru/data/rus-life-expectancy/?ysclid=mupj48x74y813545511

Markhgeym M. V., Gafurov D. V., Barsova E.R. Institutionalization of Guarantees for The Health Protection of Citizens: From the Medical Police of The Russian Empire to The System of Public Authorities of The Russian State // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 655-664.

As part of a general study of the constitutional guarantees of citizens' right to health protection in Russia, the process of their institutionalization has been examined – from the medical police of the Russian Empire to the modern system of public authorities of the Russian state. A periodization of this kind of institutionalization has been carried out. Four stages, which differ in duration, have been identified and characterized: the emergence and development (16th–18th centuries); the period of regulation and the formation of the first scientific schools (early 19th – early 20th centuries); the transition to state control (early 20th century – late… 20th centuries); the formation of government bodies in the field of health protection in the Russian Federation (early 21st century–present). In the process of institutionalizing guarantees for health protection, logical responses to the epidemiological challenges of the corresponding period were identified, manifested in the legal formalization of government bodies and the granting of their powers in the sphere of population health protection. It has been noted that the considered process of institutionalizing guarantees of the right to health protection has had a positive impact on the life expectancy of the Russian population, and that consistent state policy in this area will make it possible to achieve a projected life expectancy of 78 years by 2030, as reflected in the National Project "Long and Active Life".

Keywords: medical police, health protection, sanitary and epidemiological supervision, healthcare, hygiene, right to health protection, institutional guarantees.

Spisok literatury:

1. Frank J. P. System einer vollständigen medicinischen Poliezy. – Solwan, 1812. – T. 9.
2. Tereshonkov A. A., Parfyonov V. O., Ermolaeva E. V. Aptekarskij prikaz: istoriya sozdaniya i razvitiya // BMIK. 2016. №1.
3. Gorelova L.E. Stranicy zhizni Petra I. Mify i real'nost'. RMZH. 2003;7:424.
4. O nablyudenii chistoty v Moskve i o nakazanii za vybrasyvanie soru i vsyakogo pometu na ulicy i pereulki. Imennoj ukaz. 9 aprelya 1699 g. // PSZRI. T. 3. № 1684. S. 613.
5. O zavedenii v Moskve vnov' os'mi aptek s tem, chtob v nih nikakih vin ne bylo prodavaemo; o vedenii onyh Posol'skomu prikazu i ob unichtozhenii zelejnyh lavok. Imennoj ukaz. 22 noyabrya 1701 g. // PSZRI. T. 4. № 1879. S. 177.
6. O britii borod i usov vsyakogo china lyudyam. Imennoj ukaz. 16 yanvarya 1705 g. // PSZRI. T. 4. № 2015. S. 282-283.
7. Punkty generalu policimejsteru. 25 Maya 1718 g. // Zakonodatel'stvo Petra I. M., 1997. S. 631-632.
8. Zotova E. V. Reformy Petra i v oblasti mediciny i farmacii // BMIK. 2014. №11.
9. Svod zakonov Rossijskoj Imperii. Izdanie v 16-ti tomah // Oficial'nyj internet-portal Zakonodatel'stvo Rossii http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire .
10. Luk'yanov S.A., Udodov A.G. O roli policii v obespechenii sanitarno-epidemiologicheskogo nadzora v rossijskoj imperii v XVIII veke // Zakon i pravo. 2020. №12.

11. Borisov S.N., Lipich T.I., Penskoj V.V. «Ne polozhil li Gospod' Moskvu i okrestnye goroda pusty?»: Moskovskaya chuma 1654 g. // Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny. 2023. №1.
12. Sokolov, N. A. Sravnitel'nyj analiz epidemij chumy v Evrope i Rossii v XVIII veke / N. A. Sokolov, E. A. Giletina, A. L. Ustinov // Aktual'nye voprosy sovremennoj medicinskoj nauki i zdravoohraneniya: Sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh i studentov, Ekaterinburg, 19–20 aprelya 2023 goda. – Ekaterinburg: «Ural'skij gosudarstvennyj medicinskij universitet» Ministerstva zdravoohraneniya Rossijskoj Federacii, 2023. S. 1160-1165. EDN HEAZVE.
13. Simonenko V.B., Abashin V.G., Dulin P.A. Epidemiya chumy v Moskve (1770-1772 gg.) // Klinicheskaya medicina. 2018. №1.
14. Ustav vrachebnyj. Kniga vtoraya: Ustav medicinskoj policii // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. XIII. Tetr. 3. SPb.: Tip. Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancelyarii, 1857. S. 1–387.
15. Hanykov YA. V. Ocherk istorii medicinskoj policii v Rossii. SPb : Tip. M-va vnutrennih del, 1851. 114 s.
16. CCistovich YA. A. Istoriya pervyh medicinskih shkol v Rossii. SPb. : Tip. YAkova Treya, 1883. [2]. VI. 662. S. 820.
17. Terent'eva L. M., Zvonova I. A. Osnovatel' nauchnoj gigieny-Aleksej Petrovich Dobroslavin // Radiacionnaya gigiena. 2013. T. 6. №. 4. S. 39-41.
18. Deryuzhinskij V. F. Policejskoe pravo. – Directmedia, 2013.
19. Naselenie Rossii za 100 let (1897-1997): Stat.sb. / Goskomstat Rossii. - M., 1998. 222 s.
20. Avdeev A. Mladencheskaya smertnost' i istoriya ohrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR // Istoricheskaya demografiya: sbornik statej.– M.: MAKS Press. 2010. S. 13-72.
21. Tregubov V. N., ZHulina YU. S. Nikolaj Aleksandrovich Semashko – vydayushchijsya deyatel' otechestvennogo zdravoohraneniya // ORGZDRAV: Novosti. Mneniya. Obuchenie. Vestnik VSHOUZ. 2024. №2 (36). S. 94.
22. Isakov V.M., Mel'nik E.V., Osushchestvlenie sanitarnogo nadzora kak funkciya Sovetskoj milicii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. №6.
23. Marhgejm M.V., Gafurov D.V. Ad hoc faktor v tipologii konstitucionno-pravovyh garantij prava na ohranu zdorov'ya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. № 12(240). S. 92-95.
24. Kokorev A.N. Deyatel'nost' rossijskih organov vnutrennih del v period rasprostraneniya koronavirusa (COVID-19) i problemy, voznikayushchie pri ee realizacii//Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2021. №1.
25. Shoronov O.V., Matveeva K.S. OSOBENNOSTI Deyatel'nosti policii po podderzhaniyu obshchestvennogo poryadka vo vremya SOVID-19 // Vestnik PenzGU. 2021. №2 (34).
26. Majdykov A.F., Melyohin A.V., Sinodov I.A. Ob aktual'nyh pravovyh voprosah deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii v usloviyah rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. №4 (60).
27. Srednyaya prodolzhitel`nost` zhizni v Rossii//https://statbase.ru/data/rus-life-expectancy/?ysclid=mupj48x74y813545511
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 665-671.
УДК 340.114

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА В НАУЧНЫХ ТРУДАХ С. С. АЛЕКСЕЕВА И В. Д. ПЕРЕВАЛОВА (В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ)

Грибанов Д. В., Соловьева А. А.
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

В научной статье на основе анализа исследований выдающихся правоведов уральской школы теории государства и права С. С. Алексеева и В. Д. Перевалова, стоявших у её истоков и внесших неоценимый вклад в её развитие, раскрыты основные причины и возможные последствия кризиса права и правосознания, переживаемого в настоящее время европейской цивилизацией, впервые в истории создающего угрозу для самого её существования и прогрессивного развития. Авторы статьи приходят к выводу, что в своих научных трудах С. С. Алексеев и В. Д. Перевалов во многом опередили своё время, их творческое наследие, разработки и достижения нуждаются в дальнейшем осмыслении и внимательном изучении, обращение к ним позволяет выявить пути преодоления кризисных явлений, а также показать перспективы благотворного влияния правовой доктрины на правосознание. Особое внимание в статье уделено проблемам баланса интересов общества, государства, страны, семьи и человека, обеспечения их эффективного, справедливого и согласованную взаимодействия на основе права с целью расширения его роли, укрепления законности и развития правосознания.

Ключевые слова: правовая доктрина, правосознание, принципы права, теория права, теория государства.

«Правосознание, – писал С. С. Алексеев, – и предшествует изданию юридических норм, и сопровождает нормы на всём протяжении их действия. Оно как бы окружает право со всех сторон, создаёт своего рода среду, общую атмосферу, в которой формируются и функционируют нормы права». Именно с правосознанием, уровнем «его зрелости» связывал указанный автор «”силу” самого права, его эффективность и роль в жизни общества» [1, с. 173].

Значение правосознания, необходимость влияния на его формирование подчёркивал В. Д. Перевалов [6, с. 154]. Ещё в 2014 г. он писал: «Налицо очередной в историческом измерении глобальный кризис, который, как и любой кризис возникает прежде всего в умах людей и затем проецируется на реальные явления. Разумное человечество должно приложить все усилия, чтобы преодолеть его…» [6, с. 14].

Обращаясь к исследованиям выдающихся правоведов, внесших значительный вклад в развитие уральской научной школы теории государства и права, стоявших у её истоков, к их трудам, опубликованным десять, пятнадцать, двадцать лет назад, мы находим в них даже не прогноз, а блестящий научный анализ, подробное и точное описание кризиса права и правосознания, переживаемого сегодня западноевропейской цивилизацией, причём не только его причин и последствий, но и возможных путей преодоления.

Говоря о причинах тогда ещё только зарождающихся негативных явлений, С. С. Алексеев отмечал, что «кризис в решающей степени вызван *стихией и импульсами потребительского общества»*: «Вот именно в связи с соблазнами и манией потребительского общества, опирающимися на современную денежно-банковскую систему, возник, надо полагать, поистине виртуальный мир – *простор для перепотребления (внимание! – перепотребления)»* [3, с. 510]. Сходную мысль мы находим у В. Д. Перевалова, который подчёркивал актуальность и серьёзность вопроса «о смене господствующей ныне в мире парадигмы коммерческой мотивации» человеческой деятельности и развития, необходимость преодоления «кризиса общества потребления», указывая на проблемы, которые ждут общество, если оно «останется с коммерческим восприятием жизни». «На Западе, – писал он, – всё чаще появляются публикации, в которых критикуются идеалы общества потребления, фиксируются изменения потребительских ориентаций, высказываются опасения за свободу средних слоёв населения» [7, с. 17].

Закономерность, выявленная указанными авторами на теоретическом уровне, сегодня в полной мере находит подтверждение на практике. Речь идёт об обратно пропорциональной зависимости: чем активнее развивается «общество потребления», чем сильнее его позиции, тем слабее становится государство, и тем меньшую роль начинает играть право. Именно этот негативный сценарий разворачивается сегодня в западноевропейских странах, США и как следствие – на международной арене. Рассмотрим, как этот механизм последовательно раскрывал С. С. Алексеев. Поскольку общество потребления требует оперативного и эффективного принятия решений, которые «при необходимости должны иметь незамедлительный и действенный характер», а верховная государственная власть – единственная «реально существующая в данный момент доминирующая сила (власть), способная принимать решения, необходимые для общества потребления, запрещать, приказывать и дозволять», она начинает использоваться плоско, напрямую, с помощью схем «ручного управления» (Алексеев, 2010:508), то есть в обход права. Об опасности такого отношения к государственной власти предупреждал и В. Д. Перевалов, когда подчёркивал необходимость того, чтобы «государственно-политическая деятельность, в том числе административно-управленческая, не размывалась, имела строго государственную «прописку», что в свою очередь реально подчинит эту деятельность закону и тем самым изначально исключит «ниши», «мертвые зоны», «пустоты» в государственно-политической жизни, не подвластные закону» [3, с. 512].

Государство в Западной Европе и США ставится в подчинённое положение по отношению к крупным корпорациям – ведущей и наиболее организованной части общества потребления – низводится до функции, инструмента, а право вообще теряется, оказывается полностью утраченным. С. С. Алексеев писал: «А в итоге это означает то, что человечество в нынешнюю эпоху, казалось бы на весьма высокой ступени развития человеческой цивилизации теряет одну из главных своих ценностей – ТЕРЯЕТ ПРАВО. То есть теряет одну из важнейших и глобальных своих ценностей» [3, с. 509]. Происходит, по его словам, «отторжение категории ”право”», когда «официальная лексика начинает избегать самого термина ”право”» [3, с. 509]. Именно это происходит сейчас, включая отказ западных политиков и юристов использовать сам термин «право», который заменяется «правилами» (вместо «law» – «rules», вместо правовых принципов –некие неопределённые «начала», очевидно относящиеся к прошлому и потому утратившие свою актуальность).

Последствия очевидны: «правила» («rules»), в отличие от «права» («law»), подчинены контексту, действию «социального поля», а значит могут легко и произвольно меняться в зависимости от текущей ситуации и интересов сторон. Действительно, согласно актуальной для современной западноевропейской социологической и психологической науки теории поля, «любой тип поведения зависит от всего поля, включая временную перспективу в это время, но не зависит кроме того от любого прошлого или будущего поля и его временных перспектив» [5, с. 62]. Это и приводит к размыванию и потере права, в том числе международного, которое всегда понималось как определённая достигнутая ранее договорённость, обеспечивающая стабильность и предсказуемость системы правоотношений и общественного развития в целом. Другим негативным последствием является полная утрата связи с прошлым, представлений об истории в целом и истории государства и права в частности.

Негативные последствия, которые сегодня нарастают, как снежный ком, С. С. Алексеев представлял с кристальной ясностью, и описывал категорично, но беспристрастно, без тени сомнений и иллюзий: «Разгул страстей, и в этой связи – открытый отказ от сложившихся веками критериев жизни общества и повседневного поведения, твёрдых оценок нормальной правовой жизни, разрушение, казалось, непоколебимых цивилизованных стереотипов поведения каждого человека, – всё это открыло простор проявлениям своеволия и крайнего эгоизма, пороков и всеохватной преступности. А это, как предрекает ряд крупных мыслителей современности, ведёт

не только к «концу истории», но и к катастрофическим процессам грядущей анархии, совпадающими по странной вселенской логике с катаклизмами в природной среде, со многих сторон подступающими к человеческому сообществу» [3, с. 509]. В своей оценке надвигающегося кризиса В. Д. Перевалов в целом солидарен с прогнозом С. С. Алексеева: «Вместе с тем процессы интеграции, конфронтации и глобализации, интенсивность расходования природных ресурсов, изменения самого человека обуславливают трансформацию государственных систем, их союзов и меняют конфигурацию планетарного межгосударственного сообщества» [5], – хотя и слегка полемизирует с ним: «Вряд ли следует драматизировать современную ситуацию и утверждать, что рушится цивилизация права на нашей планете. Однако не замечать негативных тенденций в международном праве и праве европейского сообщества, служившего ранее эталоном в области прав человека и толерантных межнациональных отношений нельзя. Нужно признать, что последние десятилетия мы живём во всё усложняющемся мире с такими понятиями, как искусственная турбулентность и повышенная неопределённость, постепенно вытесняющими понятия естественной толерантности и жизнеутверждающей перспективности» [5, с. 14].

Прежде, чем перейти к более подробному анализу кризисных явлений, которые особенно остро проявляются сегодня в странах западной Европы и США, следует сразу сказать о тех возможных путях выхода из кризиса, которые С. С. Алексеев и В. Д. Перевалов связывали с развитием права и правосознания. «*Иного средства добиться формирования гражданского общества и справиться с кризисными и надвигающимися катастрофическими явлениями, кроме развитого права, на свете не существует,* – писал С. С. Алексеев [2, с. 512]. И В. Д. Перевалов: «Право – это «лакмусовая бумага», которая отчётливо показывает изломы, язвы цивилизации, и в то же время это уникальное средство, с помощью которого можно лечить социальные болезни, минимизировать кризисные проявления при взаимодействии национальных правовых и государственных систем» [5, с. 14].

Итак, о чём же говорят нам научные труды выдающихся теоретиков права сегодня, спустя десятилетия после их создания, на что они стремятся обратить наше внимание, что мы упускаем? Что значит «общество перепотребления», как на Западе оно использует государство, ослабляя его позиции, и почему это приводит к утрате не только авторитета государства и права, но и более глобальному разрушению права как социального института?

В либеральной перспективе противопоставление государства и общества имеет длительную историю. По словам П. Козловски, ещё Платон видел причину кризиса полиса в проблеме «обособления и разделения гражданско-всеобщего и частно-индивидуального существования, разделения индивида как гражданина и как частного лица». По его словам, именно отчуждение «политического от индивидуального существования, классически описанное Руссо как противоречие citoyen и bourgeois, воплощается в отделённости государства от общества или господства от сотрудничества» [4, с. 29–30]. Даже этот небольшой фрагмент раскрывает классический либеральный подход к проблеме соотношению общества и государства: идеализированное свободное общество противопоставлено могущественному государству – Левиафану.

Именно такой подход сохраняется и в современных западных представлениях, в том числе научных. К примеру, новейшие разработки по обоснованию уже упоминавшийся выше социологической теории поля, опираются на пренебрежительное, даже какое-то брезгливое отношение к государству и праву: «Однако есть важный аспект, в котором государственные поля качественно отличаются от своих негосударственных аналогов. Современные государственные поля наделены законными полномочиями устанавливать, отслеживать и навязывать соблюдение правовых норм, регулирующих создание и повседневное функционирование большинства негосударственных полей. Это представляет государственным акторам / полям непро-

порционально большие возможности влиять на перспективы стабильности и перемен в негосударственных полях» [10, с. 419].

Вот только «общество», которое на современном этапе противостоит государству в Европе и США, так называемые «негосударственные акторы», которые образуют свои «социальные поля», – это «общество потребления» или, меткому выражению С. С. Алексеева, «перепотребления», движущей организованной силой которого выступают крупные корпорации. Достигшие почти неограниченной власти и влияния, опирающиеся на принадлежащие им средства массовой информации, включая соцсети, и пользующиеся абсолютной поддержкой со стороны населения, они вполне способны подчинять и использовать слабое западное государство, вытесняя право, как из общественно-политической жизни, так и из международной политики.

У Руссо и Монтескьё были некоторые основания для идеализации общества, которое в то время ещё могло ассоциироваться с сотрудничеством, координацией на пути к достижению некоего «общего блага». Но уже в XIX в. стало понятно, что идея «общего блага» – не более, чем очередная иллюзия. Для её реализации необходим консенсус по поводу того, в чём это благо заключается, единая консолидирующая цель, способная объединить всё общество. Но со времен классического античного полиса европейское общество не знало подобного единства. Ни религия, ни идеология не способны были объединить общество, расколотое на слои, страты, классы, социальные группы, преследующие различные часто противоположные цели и интересы. Именно по этой причине так и не была реализована на практике идея социальной справедливости. Сегодня социальные интересы отдельных групп и слоёв населения либо сливаются с интересами крупных корпораций, либо вытесняются, а «общее благо» начинает восприниматься как «благо корпораций», удовлетворение их потребности во всё большем обогащении и влиянии в ущерб другим социальным группам и институтам.

Государство как социальный институт действительно переживает сейчас в Западной Европе и США далеко не лучшие времена. Господство европейского государства, длившееся почти со времён его образования и достигшее апогея в первой половине XX в., на новом витке истории, когда маятник отклонился в противоположную сторону, сменилось в начале XXI в. его слабостью и беспомощностью перед обществом в лице крупных корпораций, власти которых государству сегодня совершенно нечего противопоставить. Парадоксальной представляется следующая закономерность: в XX в. нацистская Германия объединилось с обществом, то есть его организованной частью – партией, и, опираясь на поддержку граждан, подчинило себе и общество, и человека, полностью лишив их прав и свобод, в сущности отказавшись от права. И вот сегодня в начале XXI в. в Европе и США всё повторяется с точностью до наоборот: только теперь общество потребления в лице уже не партии, а другой организованной своей части – крупных корпораций, объединившись с гражданами, то есть получая безоговорочную поддержку от их большинства, так же полностью, тотально подчиняет себе и государство, и оставшуюся часть общества, и отдельных граждан с теми же негативными последствиями – отказом от прав и свобод человека и права в целом. При этом, как и в XX в., совершенно не учитываются катастрофические последствия невосполнимой утраты права – единственной гарантии прав человека, необходимого средства её защиты.

Подводя итог, можно сформулировать следующие основные выводы, связанные с потенциальной возможностью влияния правовой доктрины на правосознание. Первый вывод: сегодня как никогда необходимы усилия, направленные на выстраивание рациональных, справедливых, учитывающих взаимные интересы связей между элементами системы «государство – общество – страна – семья – человек» в целях поддержания её устойчивого равновесия и обеспечения её прогрессивного развития, эволюции и адаптации каждого элемента и всей системы в целом. Связи внутри системы, состоящей из трёх элементов, сложны и многообразны, не сводятся

к простому взаимному обмену: каждое решение, от кого бы оно ни исходило, должно учитывать интересы двух других сторон. При этом каждый элемент по-своему значим, каждый обеспечивает одновременно и стабильность, и динамическое развитие системы. Перевес в сторону одного из элементов (и, как было показано выше, это касается не только государства, но и общества) губителен для всей системы, сначала необходимо устранение дисбаланса, а в дальнейшем – поддержание динамического равновесия.

Научный анализ социальной системы, включающей государство, общество, страну, семью, человека, и обоснованные предложения по её совершенствованию мы также находим в трудах С. С. Алексеева и В. Д. Перевалова. Так, В. Д. Перевалов, ещё в 1989 г. настаивая на необходимости реформирования политической системы, подчёркивал существенное значение того направления реформы, которое «состоит в создании максимального простора процессам саморегулирования и самоуправления, всего того, что имеет характер «само…» (самообновление, самоочищение, самообеспечение и т. д.)». Снижение «уровня централизованного государственного управления, связанного с чрезмерным огосударствлением общественной жизни», по его мнению, было способно привести к децентрализации управления, повышению роли политических прав граждан, их политического статуса [9]. При этом, как отмечал С. С. Алексеев, «возникший с конца 1940-х годов своего рода разворот социальной жизни на Человека, на его неотъемлемые права», не должен был стать одновременно предпосылкой «для общей *атмосферы вседозволенности*», когда свобода начала «восприниматься немалым числом людей в виде широкой неконтролируемой *вольницы*, одного лишь произвольного выбора образа действий и поступков, расчёта на приоритетное и лёгкое обретение высококачественных благ и утончённых наслаждений», или – «способа быстрого и лёгкого решения сложнейших жизненных проблем» [3, с. 509]. Для общества как элемента системы «государство – общество – страна – семья – человек» это означало, что «не производство, его модернизация, инновационное развитие и духовное совершенствование людей, а именно потребление, возрастающее поглощение благ становится в центре людской жизни» [3, с. 507].

Второй вывод: особая роль на современном этапе в развитии системы «государство – общество – страна – семья – человек» впервые в истории отведена человеку. В. Д. Перевалов, последовательно отстаивавший необходимость расширения роли и значения человека, его прав и свобод, автор теории человеческого измерения государства и права, писал о взаимодействии человека и государства: «При этом надо иметь в виду, что взаимодействие может носить естественно-стихийный и целенаправленный, дву- и многосторонний характер. В частности, правовую активность, социально активное правомерное поведение можно рассматривать как целенаправленное двустороннее движение правовых ценностей от человека к государственно-правовой действительности и обратно. В качестве основных ценностей выступают права и свободы человека и гражданина, отражающие гуманистическое содержание государства и права. <…> Можно сказать, что смысл жизни человека и «жизни» государства и права в основном совпадают» [6, с. 14]. При этом речь должна идти о человеке «не как о винтике государственно-правовой машины и не как о налогоплательщике, просителе, избирателе, а как о думающей, творческой личности, осознающей необходимость государства и права, освоившей эти явления применительно к себе, пытающейся совершенствовать при помощи юридических знаний свою жизнь и государственно правовые институты» [6, с. 14].

Третий вывод: поддержание баланса, эффективных, способствующих прогрессивному развитию многосторонних связей внутри системы «государство – общество – страна – семья – человек» возможно только с помощью права, правовыми средствами, на основе правовых норм. Именно право – не мораль и не обычаи и традиции – способно создать необходимые рациональные продуманные модели взаимодействия, учитывающие разнообразные интересы государства, общества, страны,

семьи и человека, и гарантировать их реализацию. В этом, как писал С. С. Алексеев, «предназначение права как высшего достижения цивилизации и культуры, которому суждено стать центром и главенствующей силой в поведении людей, способного выступить в качестве стержня в сложных процессах и поворотах формирования и бытия современного гражданского общества, обителью и гарантом свободы людей, надеждой в годины социальных кризисов и катастроф» [1, с. 498–499]. Именно право «обрело свойства, способные противостоять негативным тенденциям и «сбоям» в развитии человечества, стать фактором, обуздывающим власть в её негативных проявлениях, и одновременно обеспечить реальность и раскрытие потенциала последовательно демократических цивилизаций, их устойчивости, дальнейшего развития» [2, с. 263].

Подводя итог, можно прийти к выводу, что на современном этапе развития государство и право западной цивилизации переживают кризис, впервые в истории создающий угрозу для самого их существования и прогрессивного развития. Научный анализ причин, последствий, а также возможных путей выхода из этого кризиса мы находим в трудах выдающихся учёных-правоведов уральской научной школы теории государства права С. С. Алексеева и В. Д. Перевалова. Труды указанных авторов во многом опередили своё время и сегодня раскрывают перед нами перспективы благотворного влияния правовой доктрины на правосознание при условии, что их научные разработки и достижения будут, во-первых, осмыслены и продолжены благодарными учениками и последователями, во-вторых, учтены в процессе реализации продуманной, целенаправленной, согласованной деятельности государства, общества, страны, семьи и человека по укреплению законности, усилению действенной роли права и развитию правосознания [1, с. 173].

Список литературы:

1.Алексеев С. С. Вселенная и человек. Попытка понимания (фрагменты) // Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9: Публицистика. М.: Статут, 2010. 504 с.
2.Алексеев С. С. Крушение права: Полемические заметки // Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. С. 497–514.
3.Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций. Том первый. Основные вопросы общей теории социалистического права // Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
4.Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / пер. с нем. М.: Республика, 1998. 368 с.
5.Левин К. Теория поля в социальных науках / Пер. с нем. Е. А. Сурпиной. М.: Академический проект, 2019. 313 с.
6.Перевалов В. Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 7–14.
7.Перевалов В. Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 168 с.
8.Перевалов В. Д. Смысл жизни человека в государственно-организованном обществе // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 9–17.
9.Перевалов В. Д. Современное российское государство: перспективы, проблемы и риски развития // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения / Отв. ред. В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Издательский дом Уральского гос. юрид. ун-та, 2015. Вып 2. 264 с.
10. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / Пер. с англ. Е.Б. Головляниciной; под науч. ред. В.В. Радаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 464 с.

Dmitry V. Gribanov, Alina A. Solovyova Legal doctrine in the scholarly works of S. S. Alekseyev and V. D. Perevalov (in the context of the development of legal consciousness) // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 665-671.

The scientific article, based on an analysis of the work of prominent legal scholars from the Ural School of the Theory of State and Law S. S. Alekseev and V. D. Perevalov, who were among its founders and made invaluable contributions to its development examines the primary causes and potential consequences of the crisis of law and legal consciousness currently experienced by European civilization. For the first time in history, this crisis poses a threat to the very existence and progressive development of that civilization. The authors conclude that the scholarly works of S. S. Alekseev and V. D. Perevalov were, in many respects, ahead of their time. Their intellectual legacy, concepts, and achievements warrant further reflection and careful

study; engaging with them offers a way to overcome current crises and highlights the potential for legal doctrine to exert a beneficial influence on legal consciousness. Particular attention is given to the challenge of balancing the interests of society, the state, the nation, the family, and the individual ensuring their effective, equitable, and harmonious interaction through law with the aim of expanding the role of law, strengthening the rule of law, and fostering the development of legal consciousness.

Keywords: legal doctrine, legal consciousness, principles of law, theory of law, theory of state.

Spisok literatury:

1.Alekseev S. S. Vselennaya i chelovek. Popytka ponimaniya (fragmenty) // Alekseev S. S. Sobranie sochinenii. V 10 t. T. 9: Publitsistika. M.: Statut, 2010. 504 s.
2.Alekseev S. S. Krushenie prava: Polemicheskie zametki // Alekseev S. S. Sobranie sochinenii. V 10 t. T. 7: Filosofiya prava i teoriya prava. M.: Statut, 2010. S. 497–514.
3.Alekseev S. S. Problemy teorii prava: Kurs lektsii. Tom pervyi. Osnovnye voprosy obshchei teorii sotsialisticheskogo prava // Alekseev S. S. Sobranie sochinenii. V 10 t. T. 3: Problemy teorii prava: Kurs lektsii. M.: Statut, 2010. 781 s.
4.Kozlovski P. Obshchestvo i gosudarstvo: neizbezhnyi dualizm / per. s nem. M.: Respublika, 1998. 368 s.
5.Levin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh / Per. s nem. E. A. Surpinoi. M.: Akademicheskii proekt, 2019. 313 s.
6.Perevalov V. D. Vzaimodeistvie pravovykh sistem: teoreticheskie aspekty // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2014. № 5. S. 7–14.
7.Perevalov V. D. Pravovaya doktrina: problemy formirovaniya i realizatsii: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2022. 168 s.
8.Perevalov V. D. Smysl zhizni cheloveka v gosudarstvenno-organizovannom obshchestve // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2013. № 2. S. 9–17.
9.Perevalov V. D. Sovremennoe rossiiskoe gosudarstvo: perspektivy, problemy i riski razvitiya // Teoreticheskaya yurisprudentsiya: traditsii, sovremennost', perspektivy. Alekseevskie chteniya / Otv. red. V. D. Perevalov. Ekaterinburg: Izdatel'skii dom Ural'skogo gos. yurid. un-ta, 2015. Vyp 2. 264 s.
10. Fligstin N., Makadam D. Teoriya polei / Per. s angl. E.B. Golovlyanitsinoi; pod nauch. red. V.V. Radaeva. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2022. 464 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 672-679.
УДК 340.12

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА СОЗИДАЮЩЕГО КАК ПРОДУКТ ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА

Тонков Е. Е.

Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета

Концепция государства созидающего выступает в качестве актуального политико-правового ответа на современные геополитические вызовы, кризисные условия и угрозы автократического развития. В условиях дефицита реальных возможностей общества осуществлять эффективный контроль за деятельностью властных структур возникает необходимость глубокого переосмысления фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности. Целью исследования является теоретическое обоснование концепции государства созидающего на основе принципов правового реализма, а также выявление направлений совершенствования юридических форм и методов государственной деятельности. Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов. В рамках работы обосновывается необходимость преодоления административного произвола посредством развития институтов гражданского общества, укрепления режима законности как «политической религии» и внедрения начал партнерства в публично-правовую сферу. Сделан вывод о том, что эффективная правовая политика государства созидающего должна быть направлена на создание конструктивной матрицы взаимодействия органов власти, СМИ и общественности для обеспечения приоритета прав человека и успешного решения масштабных социально-экономических задач.

Ключевые слова: государство созидающее, правовой реализм, законность, гражданское общество, юридические формы государственной деятельности, публичный интерес, государственное управление.

«Право – это не то, что написано в книгах, а то, что делают облеченные властью» [1].
Карл Ллевеллин

Государство должно взять на себя ответственность за формирование реальных, а не декларативных предпосылок для создания новых отношений с гражданским обществом, так как в условиях дальнейшего обострения противостояния с Западом нашу страну подстерегает серьезная опасность превращения в автократическое государство. В нем фактически нет гражданского общества, а все его декорации (профессиональные и творческие союзы, некоммерческие и религиозные организации) находятся под жестким государственным контролем. При такой расстановке сил по-настоящему социальное государство функционировать не может.

Преодолеть угрозу автократической перспективы развития страны может, по нашему мнению, новый политико-правовой режим – *государство созидающее*. Используя авторитет и силу публичной власти, административный ресурс аппарата, государство созидающее может выполнить роль мощного активатора общественной жизни, организовать эффективное управление обществом, обеспечить реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности.

В чем мы видим основной смысл государства созидающего, его рациональное зерно, философский камень? В государстве созидающем одной из важнейших задач ближайшего будущего (в случае адекватного восприятия нами «прорыва в новый технологический уклад») является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации, определяемой последствиями специальной военной операции. Основным принципом его деятельности является уважение к закону, обязательное не только для народа, но и для представителей органов власти. Обязанность соблюдать законы из конституционного принципа должна приобрести статус *политической религии* созидающего государства, стать

той национальной идеей, поисками которой так долго и безуспешно заняты российские политики, философы и юристы.

Принцип законности закреплен в части 2 статьи 15 Конституции Российской Федерации и в соответствии с ним «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Происходит ли так на самом деле? Вернее, почему так не происходит? На наш взгляд, ответ следует искать в фактическом отсутствии реальных возможностей общества осуществлять контроль за деятельностью властных структур, как за повседневной, так и за стратегической.

Переформатирование юридических форм государственной деятельности в соответствии с современными реалиями могут придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по максимальному использованию преимуществ наблюдаемого в России «идеального кризиса», по убеждению Дмитрия Пескова, укрепившего наш суверенитет и наполнившего нашу жизнь единством и консолидацией. Не случайно С.С. Алексеев отмечал, что «сложившиеся правовые формы являются средствами, инструментами... оптимального решения социальных задач» [2, с. 351].

В созидающем государстве решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие (если не сказать − реакционные) идеологические стереотипы до настоящего времени превалируют в общественном правосознании, что не способствует современной интерпретации юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Активные дискуссии по этой проблеме в научных кругах сегодня практически отсутствуют, хотя единое мнение среди правоведов так и не сложилось, что дает нам основания на собственное представление о ней.

Как отмечает Е.Н. Тонков, «показавший свою эффективность в XX веке силовой подход начинают в некоторых государствах экстраполировать в юридические техники, удобные для пресечения социальных разногласий – через запреты на альтернативные мнения и критику публичной власти – и последующее демонстративно жесткое наказание» [3, с. 99].

Поэтому особое значение в государстве созидающем приобретают новые, демократические, если хотите, цивилизованные подходы к оценке и формированию как государственной деятельности в целом, так и правовой политики в частности. Безусловно, не единые и обязательные для всех, а преобладающие, доминирующие, выступающие базой методологического инструментария [4].

Новые подходы должны стать хотя бы некоторой гарантией того, чтобы право в случае политической целесообразности вновь не сочеталось с государственным произволом, как бывало неоднократно в нашей истории. Ведь, по мнению Ф. Ницше, которое не прочь поддержать некоторые современные политики, «произвольное право необходимо…у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще» [5, с. 431].

Правовая действительность в российском обществе под воздействием политических предпочтений упрощается искусственно при помощи законотворческого инструментария и юридической техники правотворчества, однако количество социальных проблем в социуме, к сожалению, не уменьшается. Имеющийся в распоряжении ученых скудный массив репрезентативной научной информации не дает достаточного и объективного понимания сущности общественных процессов и явлений. Кроме того, «идеальный кризис» - это не только благо. Он одновременно представляет собой такую проблемную ситуацию, когда общество больше всего заинтересовано не только в объяснении причинно-следственных связей или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании

приемлемого выхода из создавшегося положения. Поэтому исследования в сфере совершенствования государственной деятельности не могут ограничиться объяснительной или прогностической функцией, а обязаны довести познание до предложения руководству страны реальных практических мер.

Подобная ситуация будет возможна до тех пор и там, где имеются грубые управленческие просчёты, так называемые «глухие» места властной вертикали, где «сила права» не в состоянии преодолеть «право силы». Торжество всеподавляющего господства административного ресурса, превратно толкующего свои дискреционные полномочия, действительно допускающие свободу действий, стало следствием пренебрежения отдельными представителями властных структур режимом законности. Предполагающая свободный выбор вариантов действий чиновника дискреция, в значительном ряде случаев трактуется как вседозволенность, которую от произвола отделяет весьма условная грань.

По мнению С.А. Денисова, «административное государство тотально окружает своих подданных мифическими представлениями о своем варианте права, навязывает им собственную терминологию, погружает в определенную семиосферу» [3, с. 271]. Он исходит из убеждения, что государство посредством правовых норм навязывает обществу язык, искажающий политико-правовую реальность, в связи с чем «правовой реализм должен отказаться от языка законодателя, не отражающего реальность» [3, с. 271-272].

Не разделяя в полной мере позицию автора, тем не менее, ведущим стратегическим направлением государства созидающего мы полагаем формирование системы реального (фактического, а не продекларированного) воздействия граждан на государство через развитие (а где-то и воссоздание) институтов гражданского общества. Одним из важных шагов мы рассматриваем расширение полномочий Общественной палаты РФ, образованной в 2005 г. и призванной «обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации» [6].

Одновременно, высоко оценивая преимущества свободного рынка и демократических преобразований, не будем забывать, что формирование гражданского общества, реальной демократии, создание правового государства подразумевают господство права, Конституции и закона. Сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно быть вооружено не менее эффективными методологией и инструментарием, позволяющими осуществлять своевременное и надежное противостояние возникающим угрозам.

А.Д. Керимовым и И.Н. Куксиным опубликована монография, посвященная особенностям и роли сильного государства [7]. В.Д. Зорькин провозглашает «гениальный образ сильной власти, которая во имя высших ценностей и основываясь на праве – призвана дать отпор коррупционной гидре, защитить от хаоса и распада нацию и цивилизацию права» [8]. По мнению Н.А. Власенко, «реформированная Конституция РФ 2020 г. укрепила вертикаль власти, принцип разделения властей еще более ушел в сторону, самостоятельность местного самоуправления растворилась в вертикали публичной власти» [9, с. 113].

Тем самым оказываются в уязвимом положении фундаментальные основы реализации демократических правовых принципов. В предлагаемых обстоятельствах необходимо сформулировать четкую концепцию природы и содержания юридических форм деятельности государства созидающего, которое мы рассматриваем в качестве образа будущей России, с выходом на практические

рекомендации по правовому регулированию соответствующего спектра проблем в современных реалиях.

Противоречия между реализацией правозащитного потенциала общества и отсутствием фактических действий органов законодательной и исполнительной властей в данном направлении составляют чрезвычайно «узкое место» проблемы сущностного содержания права как такового.

Поэтому представляется вполне актуальным не только ограничиться формированием представленной выше нормативно-правовой базы, но и обеспечить эффективное правовое регулирование отношений власти и общества. Разрозненность этих усилий не позволяет в единстве и целенаправленно констатировать успешность задачи перехода от поиска смыслов к формированию общепринятой национальной идеи, направить в единое русло потребности и возможности многочисленных государственных и общественных организаций.

Как известно, мифологическое сознание у наших пращуров проявлялось наиболее заметно в период первобытного общества, однако феномен мистификации остается вполне востребованным и сегодня. В первую очередь, мы имеем в виду поддерживаемый на государственном уровне миф о независимости права и его способности влиять на принимаемые те или иные властью решения от имени народа. На деле все происходит ровно наоборот. Право лишь оформляет возникшие у государства новации по переустройству нашей жизни, придавая им характер законности и легитимации. А.Ф. Косарев справедливо называет мифом «словесное выражение той психической реальности, которую человек созерцает в измененных состояниях сознания и которая для него ничуть не менее реальна, чем окружающая его в обычных условиях физическая реальность» [10, с. 131]. Право как раз и выполняет функцию механизма создания такой иллюзии, причем не всегда в достаточно изящной интерпретации.

По нашему мнению, правовое регулирование должно основываться не на поддержании веры общества в мифический образ государства всеобщего благоденствия и волшебном превращении страны из тоталитарной в демократическую, а на создании платформы (матрицы) конструктивного взаимодействия всех органов, отвечающих за социально-экономическую политику, средств массовой информации, религиозных и общественных структур, нормативно-управленческого ее обоснования.

Важной задачей является достижение консенсуса с активной частью населения, которую принято называть общественностью, по вопросу о том, что победить произвол возможно, однако причины его эскалации лежат в социальных проблемах, поэтому государство должно выступать в качестве координатора их решения. Процесс непосредственно ориентированной координации должен охватывать действия государственных органов, муниципальных служб, СМИ, общественности, отдельных граждан, представителей деловых кругов с соблюдением следующих обстоятельств:

– граждане являются клиентами для государства и именно они определяют уровень потребностей и ожиданий от качества работы государственного аппарата;

– государство и население являются партнерами, которые в равной степени несут ответственность за состояние общественного правопорядка;

– профилактика правонарушений, недопущение криминальных проявлений должны находиться в основе работы государственного аппарата;

– эффективность деятельности государственного аппарата оценивается прежде всего населением, а не вышестоящими чиновниками.

Не следует забывать, что в основе Конституции РФ содержится принцип: власть государственному аппарату дается по закону, от населения и для населения. Деятельность государственного аппарата должна строиться на демократизме, в соответствии с потребностями общества и на основе партнерских отношений с ним. При этом граждане обязаны взять на себя часть ответственности за ситуацию в стране.

Нередко законность и правопорядок воспринимаются населением не как выгодные и единственно возможные условия цивилизованного общественного устройства, а как навязанные государством обстоятельства, которые якобы ограничивают свободу граждан и которые надо преодолевать или уклоняться от них. В общественном сознании образ государства присутствует в двух измерениях – фактическом, где отсутствуют законность и справедливость, и зазеркальном, в котором витают идеи добра и общечеловеческих ценностей.

Деятельность государства предполагает наличие специально созданной им правоохранительной системы, в определенной мере ограничивающей поведение граждан. При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов» [11, с. 170]. Безусловно, ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в рассматриваемой области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

Стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Граждане страны обязаны выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Вольно или невольно им приходится мириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан. Частное право должно занять центральное место в российской правовой системе, поэтому предпочтительно акцентировать внимание на переносе диспозитивных правоотношений, традиционно присущих частноправовым отраслям права, в публично-правовую сферу, когда субъект, наделенный властными полномочиями, является государственным органом и наделен правом издания односторонне-властных предписаний, адресованных другому участнику.

Государство должно гарантировать возможность участникам правоотношений выбирать для себя наиболее приемлемый вариант поведения, ограничивая этот выбор только требованиями соблюдения законности. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

Важнейшей характеристикой правозащитной деятельности служит ее легитимность, результатом которой является способность и готовность граждан следовать определенным правилам, соблюдать правовые ограничения и закрепленные обязательства. Мы поддерживаем мнение Н.В. Исакова, что следствием «признания политического и правового порядка легитимным становится *добровольное* (курсив наш – Е.Т.) подчинение граждан законам и установлениям власти» [12, с. 21].

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание

свободы обусловливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой правозащитной деятельности населения.

Российская правовая доктрина, сформировавшись в коммунистическую эпоху, открыто отдает приоритет целям и интересам государства. Лишь опосредованно речь идет о целях, ориентациях, потребностях индивидов, составляющих социум. По отношению к личности интересы государства выступают в качестве определенной системы требований, направляющих, ограничивающих и регулирующих ее социальное поведение. В процессе реализации юридических форм осуществления государственной власти движущими силами являются не личные интересы граждан, а потребности государства, в той или иной мере предлагаемые индивидам для усвоения. Априори предполагается, что деятельность государства носит публично-правовой, а не частноправовой характер, поэтому, например, правоохранительные интересы граждан охраняются, соответственно, в основном, не гражданским законодательством.

Общее родовое понятие публичного интереса корреспондируется здесь с такими видовыми нормативными понятиями, как интересы общества и государства, экологической безопасности и т.д. Устанавливая границы юридически возможной деятельности, ограничивая человеческую независимость, само право представляет собой ограничение. Конструкция нашего понимания моральной сущности права определяется тем, что возникающие правоотношения представляют собой единство объективного и субъективного, публичного и частного интересов, являясь как результатом осознанных действий участников, так и следствием объективного развития ситуации.

Методологическим инструментом повседневной деятельности государства созидающего должна стать соответствующая государственная политика, направленная на оптимизацию управления исследуемым процессом. Рассмотрение политики и права в плоскости социальной технологии предполагает, что методология совершенствования государственной деятельности выстраивается не только с позиции ее системности, но и функциональности. Это дает веские основания весьма скептически оценивать в рамках политической и правовой системы государства эффективность рассматриваемого процесса, то есть качество совместной деятельности государства и общества.

Французский философ П. Бурдье называл государство правовой фикцией (*fictio juris*), произведенной юристами, которые как юристы произведены этим же государством [13, с. 149]. В свою очередь, нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования юридических форм государственной деятельности. При этом право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, концепция государства созидающего предполагает необходимость переосмысления теоретических конструкций и анализа возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие его на развитие и содержание. Это тем более актуально, что по словам Н.И. Матузова «длительное и безраздельное господство позитивного права в худшем его понимании (в духе Вышинского) и отрицание идей естественного не могли привести к адекватным выводам, характерным для демократического гражданского общества» [14, с. 178-179].

С точки зрения правового реализма, не можем мы приветствовать и усиливающиеся в угоду политическому запросу тенденции пренебрежения определенной родовой связью международного и внутригосударственного права,

которую российские юристы обосновали еще в начале прошлого века. Так, Ф.Ф. Мартенс отмечал, что обе правовые системы являются тесно соприкасающимися кругами, где и позитивное, и негативное влияния обратимы друг на друга. Оторвать системы друг от друга, построив замкнутое, «закрытое» общество означает причинить явный вред всему внутригосударственному развитию, «взрастить уродливое древо государственности» [14]. Однако и гипертрофированный примат абсолютно всех норм международного права без их предварительной адаптации на почву национальную будет злом не менее опасным, способным разрушить государственные устои, подорвать национальный суверенитет государства [14], что вполне убедительно подтвердили геополитические события последнего времени.

Общество – саморегулирующаяся система, которая в случае возникновения угроз для его безопасности (финансовый кризис, терроризм, коррупция и др.) задействует весь арсенал средств противодействия неблагоприятным тенденциям, прежде всего, политических возможностей государства, правовых средств, социальных институтов и др. Это относится и к плоскости научных исследований, поскольку политика, система управления, правовое регулирование нуждаются в научном обеспечении (в данном случае, с позиции установления оптимального набора средств противостояния неблагоприятным тенденциям).

Список литературы:

24. Llewellyn K.N. A Realistik Jurisprudence – The Next Step // Columbia Law Review. – 1930. – Vol.30. – № 4. – P. 431-465.
25. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – 712 с.
26. Перспективы правового реализма. Коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2026. – 736 с.
27. Сырых В.М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. М.Н. Марченко. - М., 2005. – С. 15-44.
28. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – 831 с.
29. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.
30. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М.: Норма, 2017. – 93 с.
31. Зорькин В.Д. Коррупция – угроза цивилизации права // Российская газета. 2025. 21 мая.
32. Власенко Н.А. Основы теории отклоняющегося государства. М.:КНОРУС. 2026. – 125 с.
33. Косарев А.Ф. Философия мифа. М., 2000. – 304 с.
34. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 164-173.
35. Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1. – С. 20-28.
36. Бурдье П. О государстве: курс лекций / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.
37. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. – 510 с.
38. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1902. – 412 с.

Tonkov E.E. The concept of the constructive state as a product of legal realism // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 672-679.

The article examines the concept of the constructive state as a modern political and legal response to current geopolitical challenges, crisis conditions, and autocratic threats. The author analyses the necessity of overcoming administrative arbitrariness and bridging the gap between formal legislation and actual public control over power structures. Drawing on the principles of legal realism, the study underscores the importance of establishing the rule of law as a foundational national idea, strengthening civil society institutions, and reorienting state activities towards safeguarding human rights and fostering a genuine partnership between public authorities and society. The methodological framework combines general scientific, legal, and specialised research methods to yield both theoretical insights and practical recommendations for optimising state administration and legal policy.

Keywords: constructive state, legal realism, rule of law, civil society, legal forms of state activity, public interest, state administration.

Spisok literatury:

1.Llewellyn K.N. A Realistik Jurisprudence – The Next Step // Columbia Law Review. – 1930. – Vol.30. – № 4. – P. 431-465.
2. Alekseev S.S. Pravo: azbuka – teoriia – filosofiia. Opyt kompleksnogo issledovaniia. – M., 1999. – 712 s.
3.Perspektivy pravovogo realizma. Kollektivnaia monografiia / pod red. E.N. Tonkova, I.L. Chestnova. – SPb.: Aleteiia, 2026. – 736 s.
4. Syrykh V.M. Metodologiia iuridicheskoi nauki: sostoianie, problemy, osnovnye napravleniia dal'neishego razvitiia // Metodologiia iuridicheskoi nauki: sostoianie, problemy, perspektivy: Sb. st. Vyp. 1 / Pod red. M.N. Marchenko. - M., 2005. - S. 15-44.
5. Nitsshe F. Soch. v 2-kh t. – T. 1. – M., 1990. – 831 s.
6.Federal'nyi zakon ot 04.04.2005 № 32-FZ «Ob Obshchestvennoi palate Rossiiskoi Federatsii» // SZ RF. – 2005. – № 15. – St. 1277.
7.Kerimov A.D., Kuksin I.N. Sil'noe gosudarstvo kak opredeliaiushchii faktor obshchestvennogo progressa. M.: Norma, 2017. – 93 s.
8.Zor'kin V.D. Korruptsiia – ugroza tsivilizatsii prava // Rossiiskaia gazeta. 2025. 21 maia.
9. Vlasenko N.A. Osnovy teorii otkloniaiushchegosia gosudarstva. M.: KNORUS. 2026. – 125 s.
10. Kosarev A.F. Filosofiia mifa. M., 2000. – 304 s.
11. Gasanov K.K., Stremoukhov A.V. Absoliutnye prava cheloveka i ogranicheniia prav // Pravovedenie. – 2004. – № 1. – S. 164-173.
12. Isakov N.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy pravovoi politiki // Pravovaia politika i pravovaia zhizn. – 2003. – № 1. – S. 20-28.
13. Burd'e P. O gosudarstve: kurs lektsii / per. s fr. D. Kralechkina. M.: Izd. dom «Delo» RANKHiGS, 2016. – 720 s.
14. Matuzov N.I. Aktual'nye problemy teorii prava. Saratov, 2003. – 510 s.
15. Martens F.F. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. – SPb, 1902. – 412 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 672-687.
УДК 328.185

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ЧЕЛОВЕКА ЖИТЬ В ОБЩЕСТВЕ, СВОБОДНОМ ОТ КОРРУПЦИИ

Гуренко-Вайцман М. Н., Губанова Е. В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье анализируются вопросы обеспечения прав и свобод человека через призму борьбы с коррупцией. Освещается становление и развитие теоретико-правовых идей о правовом статусе личности, показывается, что признание человека носителем прав и свобод изменило характер взаимодействия государства, общества и личности. Отмечается, что динамика развития государственно-правовых институтов актуализирует научные исследования проблематики обеспечения прав и свобод, в том числе в сфере противодействия коррупции. Раскрывается деструктивное влияние коррупционных проявлений на государственность и на способность государства гарантировать права личности. Показано, что в Российской Федерации борьба с коррупцией выступает как общенациональная задача и закреплена в ряде документов стратегического планирования. Обобщаются направления современных научных исследований последствий коррупции для прав человека, предложена классификация связей между коррупцией и правами человека по критерию причиняемого ущерба. Обосновывается научная и прикладная значимость изучения коррупции как фактора нарушения прав и свобод человека.

Ключевые слова: обеспечение прав и свобод человека, коррупция, коррупционные риски, противодействие коррупционным проявлениям, коррупционные правонарушения, государственно-правовая и общественная среда, антикоррупционная политики.

Становление и развитие теоретико-правовых идей о правах и свободах человека, о правовом статусе личности обусловили формирование правологического концепта, предопределивший характер государственно-правовых и общественных изменений в современных государственных образованиях. Правовая реальность, закрепившая на высшем конституционном уровне человека субъектом права, носителем своих прав и свобод, привнесла изменения в обществе, сориентировала на совершенствования законодательного процесса, формирование соответствующей правовой культуры ценности прав и свобод человека и гражданина.

Являясь одной из ключевых проблем многовековой истории философско-правовой мысли, проблематика прав и свобод человека, изучаемая с позиций политического, морального, философского, религиозного, правового мировоззрения, вышла за рамки только теоретических поисков и приобрела прикладное значение. Права и свободы человека стали неотъемлемой частью человеческой личности и жизни человека. Признание и принятие определяющего значения и роли прав и свобод человека предопределяют характеристики правовых явлений относительно человека, государства и общества, и, как главное – аспектов их взаимодействия.

Современная юридическая наука наработала значительный багаж научных исследований проблематика прав и свобод человека. Предметная область целевых и комплексных исследований касалась места и значения прав и свобод человека в современном обществе, трансформации социально-экономического уклада государства, государственных и общественно-политических институтов, укрепление духовных ценностей, развития правовой доктрины, создания оптимальных условий для саморазвития личности, обеспечения гарантий её интересов, поступательному развитию конституционно-правового и публичного регулирования взаимоотношений государства, общества и личности. К безусловному стремлению к той правовой действительности, в которой человек может рассчитывать на активную роль государства в обеспечении недопущения нарушения своих прав и свобод, а не только на защиту в случае их нарушения.

Однако, динамика развития государственно-правовых и социальных институтов, правоприменительная деятельность, новые вызовы актуализируют постоянные научно-прикладные исследования проблематики обеспечения прав и свобод человека. Относительно предметной сферы нашей статьи, выделим несколько актуализирующих факторов, такие как: разрозненность деятельности и недостаточность системного взаимодействия органов, организаций, общественных объединений и граждан, которые занимаются профилактикой коррупционных правонарушений; недостаточность надлежащей правовой культуры и правосознания у государственных служащих и граждан в сфере недопущения коррупционных проявлений; постоянную потребность совершенствования действенного механизма противостоянию коррупционным деяниям; отсутствие у граждан правовых навыков юридической самозащиты своих прав и свобод.

Современное понимание ценностных интересов Российского государства, да и общества в целом, в обеспеченности своим гражданам их прав и свобод человека, стало результатом всего пути развития российского государства и права.

Государственно-правовой генезис, философские и правовые идеи о побудили осознании ценности прав и свобод человека, их значение для стабильности и развития государства и общества. Принятие и закрепление правом прав и свобод человека источником и основой всех общественно-правовых отношений, фактически построили фундамент гарантированности прав и свобод человека и гражданина, реальности их обеспечения и защиты. В этом контексте государство предстаёт основным условием и средой, которые непосредственно влияют на формирование обеспеченности человеку его прав и свобод.

Такая роль государства обусловлена наличием у него: специфической власти, которая придаёт правам и свободам человека нормативности, публичности признания и общеобязательности, соблюдения, юридической определённости; способности своей властью сформировать систему обязанностей и юридической ответственности как средства защиты интересов общества и государства, прав других лиц; правоохранительных учреждений, конституционной юрисдикции, правосудия и наличие у них необходимых полномочий и надлежащих средств правового обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. А также, определённая общественная, ценностные принципы которой не допускают развитию дестабилизирующих проявлений и противоречий, которые бы выходили за пределы конституционного права.

Как следствие, непреходящую значимость имеет вопрос о стабильности государства, его защищённости от саморазрушения, неизменности ценностных целей и задач государства. В этом контексте, должно говорить и о «эволюции» коррупционных практик, которые исторически доказывают своё разрушительное влияния на государство и общество. Многовековая истории становления и развития государств, доказала разрушающее воздействие коррупции на организацию государственной власти и на функционирование его институций. Раскрыла значимую зависимость уровня преступности и правопорядка, от степени влияния коррупции. А также сформировала чёткое осознание, что коррупционные проявления затрагивают все сферы жизнедеятельности человека, общества и непосредственно государство.

Обращения теоретико-правовому наследию относительно коррупции, даёт понимание того факта, что её разрушающего влияния далеко вышло за рамки функционирования государственно-правовых и общественные институтов. Она глубоко внедрилось в ту сферу государственно-правовых и общественных отношений, в где должны быть созданы условия для прав и свобод человека. Коррупция, всей своей «историей развитии» доказала безусловность разрушающее воздействие на возможность человека реализовать свои права, на возможность государства обеспечить человеку его права, на способность государства защитить и восстановить нарушенные права и свободы. Можно признать, что борьба с коррупцией стала осознанной цен-

ностной потребностью государства и общества, сформировало право и интересы человека жить в обществе, свободном от коррупции.

Если обратиться к современному отношению к коррупции, то необходимо подчеркнуть, что для сегодняшней России уровень восприятия коррупции и её влияния на права человека, сформировал отношение к борьбе с коррупцией как к общенациональной задаче. Определённой вехой, зафиксировавшей переход от точечно-сегментарной борьбы с коррупционными правонарушениями до общенационального программного противодействия коррупции и её предупреждение, необходимо назвать документы стратегического планирования, такие как «Национальный план противодействия коррупции», утверждаемый Президентом РФ [1] и Национальная стратегия противодействия коррупции [2].

Национальным планом противодействия коррупции [3] создана единая система предупреждения коррупции и борьбы с ней, в которую объединены усилия и функциональные возможности всех государственных органов, органов местного самоуправления и организаций. При этом, необходимо отметить не только постановку новых задач, но и безусловность выполнения мероприятий по минимизации и ликвидации последствий, вызванных коррупционными правонарушений.

Одной из таких задач, определённой Национальным планом противодействия коррупции, следует назвать потребность совершенствования государственно-правовой и общественной среды, благодаря развитию которой создаются устойчивые препятствия для возникновения коррупционных проявлений. Говоря о базовых инструментах противодействия коррупции можно выделить реакцию государства на: все случаи коррупционных правонарушений – неотвратимость ответственности; обеспеченность соблюдения запретов, ограничений и исполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции; результативность применяемой методологии предотвращения и урегулирования конфликта интересов; внедрение антикоррупционной политики в жизнедеятельность предприятий, учреждений и организаций, а также их эффективность.

Учитывая значимость Национального плана противодействия коррупции и его влияние на дальнейшее развитие государственной антикоррупционной политики можно признать, что произошло не только осознание коррупции опасным проявлением современного мира, но и реальным фактором, ослабляющим основы государственности и препятствующим развитию общества. Будучи актуальной проблемой и для современного мира, коррупция, несмотря на многочисленные усилия борьбы с ней, до сих пор создаёт риски дестабилизирующего влияние на национальную экономику, нарушения прав им свобод человека, на подрыв принципов справедливости и угрожает вызвать социальную напряжённость в обществе. Важно, что ущерб от коррупционных проявлений не уступает указанным рискам и тесно с ними связан. И как следствие, коррупция по своей сути ослабляет потенциал государства выполнять свои функции по обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Современные отечественные и зарубежные научные исследования, предметно изучающие коррупцию в целом, и её негативные последствия в частности, в обобщённом виде сформировали несколько таких направлений. Как основные, можно представить исследования, связанные с: выявлением основополагающих последствий коррупционных проявлений для обеспечения человеку его прав и свобод. В этой сфере концентрируется внимание на несостоятельности государства и его институтов создавать и добиваться эффективного внедрения всей системы обеспечения и защиты прав и свобод человека; анализом и оценкой последствий коррупционных проявлений для сохранения стабильности ценностных устоев общества и условий жизни граждан. В этой сфере концентрируется внимание на рисках развития неравенства во всех сферах государственно-правовых и общественных отношений, ухудшения жизненных условий людей и усиления социальной напряжённости. При этом, речь идёт не только об обязательствах государства обеспечить защиту каждому гражданину его прав и свобод, но и минимизировать коррупционные рис-

ки, в которых участвуют государственные служащие; оценкой последствий коррупционных проявлений для функционирования всех институций обеспечения человеку его прав и свобод, их защиты и восстановления нарушенных прав. В этой сфере концентрируется внимание на рисках разрушения ресурсов государства, необходимых для обеспечения экономических, социальных и культурных прав своих граждан. При этом, ключевым моментом является *предвидимость риска*, а также меры, принятые по наступлению событий.

Сделаем акцент, что осознание коррупции значительным фактором риска нарушения прав им свобод человека и принятие данного факта, не ограничено рамками отдельного государства или группы государства. Коррупция для современного мира стала глобальной угрозой правологии и препятствием обеспечения прав и свобод человека [4]. Международным сообществом как данность признано, что коррупционная практика выходит за рамки точечного нарушения конкретных видов прав (шруппы прав) или прав отдельного человека. Суть коррупции, на уровне международного права, оценена и признана «…структурным препятствием для реализации и осуществления всех прав человека…» [5].

Наработанный РФ национальный багаж системной методологии противодействия и профилактики коррупционных правонарушений, является составной частью глобальных усилий по борьбе с коррупцией и имеет серьёзный потенциал для расширения. Как отметил по результатам заседания сессии по обзору осуществления конвенции ООН против коррупции замглавы МИД РФ Д. Любинский: «На прошедших на полях конференции многочисленных встречах с делегациями можно вынести однозначный вывод о том, что вклад России в глобальные усилия на антикоррупционном направлении востребован и есть серьёзный потенциал для диверсификации сотрудничества» [6].

Можно признать, что на сегодняшний день в России сформировано системное антикоррупционное законодательство. Наработаны и приняты более десяти федеральных законов, актуализированы антикоррупционными поправками более сорока действующих федеральных законов, антикоррупционные нормы нашли своё закрепление в УК РФ, КоАП РФ, Трудовом кодексе РФ, а также ведомственных нормативных правовых актов. Стратегия противодействия коррупции и реализация последовательной системной политики, обеспечили создание актуальных механизмом и институтов противодействия данному виду правонарушений, подготовили организацию соответствующих подразделений в государственных органах, достигнуть определённые результаты, дающие права признать эффективность профилактики коррупции.

В свою очередь, не снижаются потребности научного обоснования общепризнанных насущных задач современности, решение которых требует системный и научнообоснованный характер, базирующийся на связи законодательства с теорией и практикой. В центре внимания, наряду с практиками в области деятельности государства по предотвращению коррупции и борьбе с ней, требуют научно-практического обоснования проблемы границ и запретов, устанавливающихся, когда коррупционные деяния нарушают или приводят к нарушению прав человека.

Мы глубоко убеждены, что ценность прав и свобод человека в системе общих социальных ценностей порождает необходимость более глубокого изучения *всех* возможностей оптимального обеспечения их реализации. Поэтому исследования методологии анализа коррупции через призму её влияния на права и свободы человека, связанности рисков нарушения прав человека и коррупционных проявлений, фокусирование на причинно-следственной связи событий, ведущих от коррупционных деяний к нарушению прав человека, могут иметь научный интерес и научно-прикладное значение. Во-первых, создаются условия для исследования взаимосвязей и взаимовоздействия коррупции с правами и свободами человека, что формирует понимание того, какими способами коррупция приводит к нарушению прав и

свобод человека, расширяются представления о возможностях юридической науки в обеспечении прав и свобод человека, ее роли в наиболее полной их реализации. Во-вторых, расширяются возможности для детального определения места и роли теоретических и прикладных правовых наук, их функций в обеспечении надлежащей реализации самых разнообразных правоотношений. В-третьих, создаются условия и возможности для разработки более действенного инструментария непосредственной активной защиты человеком своих прав и свобод.

Рассматривая тенденции развития юридической науки, в частности проблематики влияния коррупции на права и свободы человека и причинно-следственной связи между коррупционными проявлениями и нарушениями прав человека, сделаем акцент на одной объектной составляющей таких исследований – на ущербе, причиняемом жертве коррупционного правонарушения. Наш научный интерес к «ущербу, причиненному жертве коррупционного правонарушения» обусловлен тем, что он стал, с одной стороны – оценочным показателем степени влияния коррупции на права человека (*прим. авторов: показатель степени нарушенности*), а с другой – классификационно образующим фундаментом научных обоснований групповой принадлежности различных связей между коррупцией и правами человека.

Следует отметить, что современные научные разработки, в основном, охватывают предметную сферу спектра связей между коррупцией и правами человека. В результате, в качестве промежуточного вывода, можно говорить о сформированности тенденций к классификации таких связей. В обобщённом виде, на основе оценки коррупционных проявлений, можно предложить следующую классификацию, а именно, классификационные группы связей: формируют определённую негативную государственно-правовую и общественную среду. Речь идёт о связанности коррупции и прав человека, т.е. непосредственной зависимости между высоким уровнем коррупции и низким уровнем защиты прав человека; оказывают воздействие на политику проводимым в государстве реформ. В данном случае, обосновываются угрозы риска смещения приоритетов к определённой сфере (прим.: экономических, политических, налоговых, инвестиционных и др.), оставляя вторичными потребности обеспеченности и защищённости прав и свобод человека; влияют на выбор методологии и мер по борьбе с коррупцией. Непосредственно, обосновываются потребности оценки, не только с точки зрения общей эффективности борьбы с коррупцией, но и правильности выбора конкретных мер воздействия. Делается акцент на том, чтобы меры по борьбе с коррупцией соответствовали правам человека, в том числе и лиц, обвиняемых в коррупции. Фактически, в данном контексте акцентируется внимание на рисках появления/существования определённых противоречий между борьбой с коррупцией и правами человека.

Подчеркнём, что правовая наука, уже имея ряд современных исследований, обобщающих в себе анализ и оценку негативного влияния коррупции на отдельные права и свободы человека, в предметной области своих исследований, только наметила вышеуказанный классификационный подход. При этом, исследуются возможности отдельных прав человека, которые имеют решающее значение для борьбы с коррупцией, а также обосновывается их роль как единоличного и/или коллективного инструментария человека для самозащиты своих прав и свобод.

Но как главное, можно признать научно-сформированную данность понимания коррупции как явления, которое своим проявлением непосредственно нарушает права человека. Как отмечается в учебно-методических материалах Управления ООН по наркотикам и преступности, «коррупция сама по себе является нарушением прав человека, независимо от того, является ли её воздействие на права человека прямым, косвенным или отдалённым» [7, с. 28].

Изложенные выше размышления и предложения не претендуют на бесспорность, что в науке вообще невозможно, а отражают авторское видение понимания проблематики прав и свобод человека и гражданина и направлений их реального гарантирования.

Данной статьёй авторы приглашают к научному диалогу о проблеме права человека жить в обществе, свободном от коррупции.

Список литературы:

1.«О Национальном плане противодействия коррупции» : указ Президента РФ от 31.07.2008 № Пр-1568 // СПС ГАРАНТ. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93679/?ysclid=mwbuu7pjyk583596392 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.
2. «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» : указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (с изменениями и дополнениями) // СПС ГАРАНТ. – URL: https://base.garant.ru/12174916/?ysclid=mwbupfu87s361371481 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.
3.«О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» : указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=602370769&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.
4.Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции : принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.2003 (вступила в силу в 14.12.2005) // Управление ООН по наркотикам и преступности : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml?ysclid=mwbv0pd551571468634 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.
5.Окончательный доклад Консультативного комитета Совета по правам человека по вопросу о негативном воздействии коррупции на осуществление прав человека // Совет по правам человека ООН. – Женева, 2015 – URL: https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unhrc/2015/104386 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.
6.«МИД России выступил против политизации антикоррупционной работы ООН» // РИА Новости : [сайт]. – URL: https://ria.ru/20261106/rossija-2129706639.html?ysclid=mwbv5flxrs288311172 (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.
7.«Инструменты управления знаниями для ученых и профессионалов». Серия модулей по противодействию коррупции. Модуль 7: Коррупция и права человека // Управление ООН по наркотикам и преступности. – [Вена : УНП ООН], [б.г.] – URL: https://grace.unodc.org/grace/uploads/documents/academics/Anti-Corruption_Module_7_Corruption_and_Human_Rights_RU.pdf (дата обращения: 02.11.2026). – Текст : электронный.

Gurenko-Vaitsman M.N., Gubanova E.V. To the question of the human right to live in society, free from corruption // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 672-687.

The article analyzes issues related to ensuring human rights and freedoms through the lens of the fight against corruption. It highlights the formation and development of theoretical and legal ideas concerning the legal status of the individual and shows that recognizing a person as the bearer of rights and freedoms has changed the nature of the interaction between the state, society, and the individual. It is noted that the dynamics of the development of state and legal institutions make scientific research into the issues of ensuring rights and freedoms, including in the area of combating corruption, more relevant. The destructive impact of corrupt practices on the state and on the state's ability to guarantee individual rights is revealed. It is shown that in the Russian Federation, the fight against corruption is considered a nationwide task and is enshrined in a number of strategic planning documents. The directions of modern scientific research into the consequences of corruption for human rights are summarized, and a classification of the relationships between corruption and human rights based on the criterion of the damage caused is proposed. The scientific and practical significance of studying corruption as a factor violating human rights and freedoms is substantiated.

Keywords: ensuring human rights and freedoms, corruption, corruption risks, countering corruption manifestations, corruption offenses, state-legal and public environment, anti-corruption policy.

Spisok literatury`:

1.«O Nacional`nom plane protivodejstviya korrupcii» : ukaz Prezidenta RF ot 31.07.2008 № Pr-1568 // SPS GARANT. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93679/?ysclid=mwbuu7pjyk583596392 (data obrashheniya: 02.11.2026). – Tekst : e`lektronny`j.
2. «O Nacional`noj strategii protivodejstviya korrupcii i Nacional`nom plane protivodejstviya korrupcii na 2010-2011 gody`» : ukaz Prezidenta RF ot 13.04.2010 № 460 (s izmeneniyami i dopolneniyami) // SPS GARANT. – URL: https://base.garant.ru/12174916/?ysclid=mwbupfu87s361371481 (data obrashheniya: 02.11.2026). – Tekst : e`lektronny`j.
3.«O Nacional`nom plane protivodejstviya korrupcii na 2021-2024 gody`» : ukaz Prezidenta RF ot 16.08.2021 № 478 (red. ot 26.06.2023) // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=602370769&intelsearch=&firstDoc=1 (data obrashheniya: 02.11.2026). – Tekst : e`lektronny`j.

4.Konvenciya Organizacii Ob``edinyonny`x Nacij protiv korrupcii : prinyata rezolyuciej 58/4 General`noj Assamblei OON ot 31.10.2003 (vstupila v silu v 14.12.2005) // Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti : [sajt]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml?ysclid=mwbv0pd551571468634 (data obrashheniya: 02.11.2026). – Tekst : e`lektronny`j.
5.Okonchatel`ny`j doklad Konsul`tativnogo komiteta Soveta po pravam cheloveka po voprosu o negativnom vozdejstvii korrupcii na osushhestvlenie prav cheloveka // Sovet po pravam cheloveka OON. – Zheneva, 2015 – URL: https://www.refworld.org/ru/reference/themreport/unhrc/2015/104386 (data obrashheniya: 02.11.2026). – Tekst : e`lektronny`j.
6.«MID Rossii vy`stupil protiv politizacii antikorrupcionnoj raboty` OON» // RIA Novosti : [sajt]. – URL: https://ria.ru/20261106/rossija-2129706639.html?ysclid=mwbv5flxrs288311172 (data obrashheniya: 02.11.2026). – Tekst : e`lektronny`j.
7.«Instrumenty` upravleniya znaniyami dlya ucheny`x i professionalov». Seriya modulej po protivodejstviyu korrupcii. Modul` 7: Korrupciya i prava cheloveka // Upravlenie OON po narkotikam i prestupnosti. – [Vena : UNP OON], [b.g.] – URL: https://grace.unodc.org/grace/uploads/documents/academics/Anti-Corruption_Module_7_Corruption_and_Human_Rights_RU.pdf (data obrashheniya: 02.11.2026). – Tekst : e`lektronny`j.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 688-691.
УДК 340.114

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВЫХ КОДЕКСАХ ГОСУДАРСТВ СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ

Сапронов Д. Ю., Шахрай С. М.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет

В статье рассматривается кодификация информационного законодательства в Центральной Азии на примере принятых Цифровых кодексов Республики Казахстан и Кыргызской Республики и разрабатываемых кодексов соседних государств. Исследуются принципы правого регулирования информационных (цифровых) отношений, которые закреплены в рассматриваемых Цифровых кодексах. Сравнительный анализ показывает, что подходы к вопросу регламентации цифровых отношений во многом схожи и ориентированы на формирование открытых и предсказуемых правовых режимов, способствующих привлечению зарубежных ИТ-инвестиций и иностранных ИТ-компаний.

Ключевые слова: кодификация законодательства, Цифровой кодекс, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, информационное право, принципы правового регулирования, технологическая нейтральность, цифровая этика

Процессы распространения современных информационно-коммуникационных технологий в Центральной Азии вышли на новый уровень, что потребовало принципиального переосмысления устоявшихся подходов к правовому регулированию социальных отношений связанных с использованием цифровых технологий. Этот потребовало от государства и научного сообщества поиска решения такой важной задачи как кодификация информационного законодательства. Переход от специального регулирования к Цифровым кодексам — связан насущной необходимостью выстраивания системного регулирования информационных (цифровых) отношений. Кодификация законодательства помогает систематизировать регулирование и избежать случаев несогласованности норм и сделать регулирование более эффективным и непротиворечивым.

Цифровые кодексы строятся вокруг принципов правового регулирования, которые задают вектор регулирования информационных (цифровых) отношений. Качественно и не противоречиво сформулированные принципы являются неотъемлемым условием эффективного регулирования отношений в информационной сфере. Принципы регулирования должны учитывать интересы не только государства, но и личности, потому что значимый перекос в ту или иную сторону приведёт к тому, что задача выстраивания эффективной регламентации информационных (цифровых) отношений достигнута не будет.

В 2026 г. в Республике Казахстан была завершена разработка Цифрового кодекса. Его принятие стало поворотным моментом в регулировании информационных (цифровых) отношений в Казахстане. Ключевое место в структуре Цифрового кодекса Республики Казахстан занимают нормы ст. 4, закрепляющие принципы регулирования информационных (цифровых) отношений: соблюдение прав, свобод и законных интересов человека в цифровой среде; безопасность человека, общества и государства при применении цифровых технологий; свобода обращения цифровых данных; свобода создания, развития и применения цифровых технологий; баланс частных и публичных интересов; доступность и инклюзивность цифровой среды; пропорциональное и обоснованное участие государства в цифровой среде; технологическая нейтральность правового регулирования; цифровая этика и социальная ответственность [1]. Зафиксирована необходимость соблюдения баланса частных и публичных интересов, что является важным условием гармоничного развития информационного общества. Законодатель не ориентировался, только на интересы государства, а поставил в центр внимания права и свободы человека [2, с. 127-130], а также сделал упор на технологическую открытость и прозрачность регулирования.

Цифровой кодекс Кыргызской Республики выступает значимым примером кодификации информационного законодательства. Документ формирует целостную регуляторную среду за счет систематизации законодательства в области регулирования информационных(цифровых) отношений.

Закрепление принципов регулирования информационных (цифровых) отношений является важным условием построения современного информационного общества, основанного на взаимном доверии государства, и общества.

Цифровой кодекс Кыргызской Республики устанавливает следующие принципы регулирования отношений в цифровой среде (ст. 3): общеправовые (справедливость и соразмерность регулирования, приоритет интересов человека как единственного конечного пользователя цифровых технологий (принцип справедливости); доступность, понятность и предсказуемость правового регулирования (принцип определенности); участие в выработке правил для цифровой среды всех лиц, на которых распространяются правила, напрямую или через представителей (принцип участия); организационные (возможность субъектов правоотношений в цифровой среде по своему выбору использовать любые цифровые технологии, если при их использовании выполняются требования кодекса (принцип технологической нейтральности); применение норм без какой-либо дискриминации в отношении всех субъектов правоотношений в цифровой среде вне зависимости от качества, востребованности и иных содержательных характеристик, обрабатываемых ими цифровых данных (принцип контентной нейтральности); долговременная устойчивость правил и правоотношений, бесперебойность, непрерывность сервисов и процессов, защищенность объектов и субъектов правоотношений в цифровой среде (принцип устойчивости); поощрение конкуренции на цифровых рынках, открытость и совместимость форматов данных и записей с возможностью их переноса между поставщиками разных цифровых сервисов и владельцами разных цифровых технологических систем, доступность цифровых данных и принятие решений на их основе, в том числе при их повторном использовании (принцип открытости); хранение на протяжении всего жизненного цикла соответствующей технологии необходимых цифровых данных, подтверждающих выполнение обязанностей субъектами правоотношений, в том числе устранение ими нарушений и (или) соблюдение прав в цифровой среде (принцип подотчетности) и наконец отраслевые принципы, составляющие основу регулирования отношений в отдельных сферах, закреплённые непосредственно в соответствующих положениях документа [3].

Рассматривая изложенные в исследуемом Цифровом кодексе принципы следует обратить внимание на то, что законодатель институционализирует человека и его интересы как высшую ценность и именно этот принцип играет важную роль построении справедливого и гармоничного информационного общества. Не менее важным является требование определённости правового регулирования, поскольку цифровизация социальных отношений имеет глобальный характер и использование информационно-коммуникационных технологий имеет трансграничный характер, то «прозрачность» регулирования в информационном пространстве будет выступать одним из факторов для привлечения иностранных инвесторов и компаний для ведения бизнеса, действие данного принципа усиливается тем, что законодатель закрепил «принцип участия» в рассматриваемом документе, т.е. открытость государства к коммуникации со всеми участниками информационных (цифровых) отношений с целью получения обратной связи. Говоря об организационных мерах, стоит отметить, что законодатель сосредоточил своё внимание на закреплении принципов технологической открытости и не дискриминации, а также установлении режима максимального благоприятствования конкуренции в области цифровых технологий. Такой подход ориентирован не только на поставщиков цифровых сервисов внутри страны, но и за её пределами. Это позволяет создать условия для прихода в страну ведущих мировых поставщиков ИТ-сервисов, появление которых будет заставлять разработчиков внутри страны улучшать качество предоставляемых услуг и серви-

сов. Кроме этого, установление принципа бесперебойности работы сервисов направлено на достижение стратегической цели обеспечения максимальной доступности цифровых сервисов.

В отличие от Казахстана и Кыргызстана, перешедших к необходимости кодификации информационного законодательства, правовое регулирование цифровой сферы в Республике Узбекистан остаётся не системным и фрагментарным. Регламентация информационных отношений происходит через ряд разрозненных нормативных актов (законы «Об информатизации», «О персональных данных», «О кибербезопасности», «Об электронной коммерции» и др.). Несмотря на все попытки адаптации действующего законодательства к новым вызовам в экспертной среде идут дискуссии о необходимости разработки собственного Цифрового кодекса для создания более централизованной и непротиворечивой системы регулирования информационных (цифровых) отношений. В 2022 г. была предпринята попытка подготовки Информационного кодекса Республики Узбекистан (пока не принят). Согласно положениям ст. 5 проекта основными принципами выступают «открытость, гласность, свободный доступ к информации и достоверность» [4].

В Туркменистане в настоящее время отношения в сфере информации и информационных технологий (возникающие при осуществлении права на поиск, сбор, получение, отправление, производство, хранение, предоставление, распространение и использование информации, а также при применении информационных технологий и обеспечении защиты информации) регулируются Законом Туркменистана «Об информации и её защите» (от 3.05.2014 г. №72-V). Систематизация в форме кодификации пока не предполагается.

Важной вехой в развитии правового регулирования информационных отношений в Республике Таджикистан стала состоявшаяся в ноябре 2022 г. в Душанбе презентация проекта Информационного кодекса [6]. Проанализировав основные принципы, предлагавшиеся в этом проекте можно сделать вывод о том, что законодатель придерживался позиции открытости информационной среды и свободы циркуляции информации в ней [5, с. 67-75].

Анализируя проблематику кодификации законодательства в странах Центральной Азии, становится очевидно, что это объективный процесс, связанный бурным развитием информационных технологий и становлением информационного общества, и тем, что упорядочивание регулирования информационных (цифровых) отношений является стратегически важной задачей для государства от успешного решения которой зависит его дальнейшее эффективное функционирование. А залогом решения этой важной государственной задачи — является вопрос верного (точного) формулирования принципов правого регулирования информационных (цифровых) отношений, которые задают направление всего процесса законотворчества в рассматриваемой области, именно поэтому они так важны и от них зависит в каком направлении будет развиваться юридическая мысль при регламентации деятельности в цифровой среде.

Список литературы:

1.Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII «Цифровой кодекс Республики Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2026. № 2-I (2933).

2.Абсаттаров Г.Р. Основные принципы правового сознания в казахстанском обществе // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 9. С. 127-130.

3.Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года №178 // Эркин Тоо. 2025. № 59. 8 авг.

4.Информационный кодекс Республики Узбекистан (проект) // Regulation.gov.uz : Ўзбекистон Республикаси норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар лойиҳалари муҳокамаси портали. ID: 72848. URL: https://regulation.gov.uz/uz/d/72848 (дата обращения: 03.08.2026).

5.Хаитов С.П. Теоретико-правовые проблемы обеспечения информационными технологиями финансово-правовой политики Таджикистана // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2023. № 1 (57). С. 67–75.

6.В Душанбе представлен проект Информационного кодекса Республики Таджикистан // НИАТ «Ховар». 2022. URL: https://khovar.tj/rus/2022/11/v-dushanbe-predstavlen-proekt-informatsionnogo-kodeksa-respubliki-tadzhikistan/ (дата обращения: 03.08.2026).

Sapronov D. Y., Shakhray S. M. Principles of public law regulation in digital codes of modern Asian states // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2026. – Vol. 12. № 4. – P. 688-691.

This article explores the codification of information legislation in Central Asia, focusing on the adopted Digital Codes of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic, as well as codes currently being drafted in neighboring countries. It investigates the principles of legal regulation of information (digital) relations enshrined in these Digital Codes. Comparative analysis shows that the approaches to regulating digital relations are largely similar and aimed at creating open and predictable legal regimes that facilitate the attraction of foreign IT investments and international IT companies.

Key words: codification of legislation, Digital Code, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, information law, principles of legal regulation, technological neutrality, digital ethics.

Spisok literatury:

1.Kodeks Respubliki Kazahstan ot 9 yanvarya 2026 goda № 255-VIII «Cifrovoj kodeks Respubliki Kazahstan» // Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan. 2026. № 2-I (2933).
2.Absattarov G.R. Osnovnye principy pravovogo soznaniya v kazahstanskom obshchestve // Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2016. № 9. S. 127-130.
3.Cifrovoj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 31 iyulya 2025 goda №178 // Erkin Too. 2025. № 59. 8 avg.
4.Informacionnyj kodeks Respubliki Uzbekistan (proekt) // Regulation.gov.uz : Ўzbekiston Respublikasi normativ-ҳuқuқij ҳuzhzhatlar lojiҳalari muҳokamasi portali. ID: 72848. URL: https://regulation.gov.uz/uz/d/72848 (data obrashcheniya: 03.08.2026).
5.Haitov S.P. Teoretiko-pravovye problemy obespecheniya informacionnymi tekhnologiyami finansovo-pravovoj politi-ki Tadzhikistana // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan. 2023. № 1 (57). S. 67–75.
6.V Dushanbe predstavlen proekt Informacionnogo kodeksa Respubliki Tadzhikistan // NIAT «Hovar». 2022. URL: https://khovar.tj/rus/2022/11/v-dushanbe-predstavlen-proekt-informatsionnogo-kodeksa-respubliki-tadzhikistan/ (data obrashcheniya: 03.08.2026).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 692-701.

УДК 342.41

ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Новикова А. Е., Нифанов А. Н.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Актуальность исследования обусловлена необходимостью историко-правового осмысления эволюции категориального аппарата «языкового» законодательства России с целью выработки концептуально выверенных подходов к современной языковой политике в многонациональном государстве. В статье впервые в систематизированном виде осуществлен анализ вариативных категорий языка, закрепленных в нормативных правовых актах РСФСР и Российской Федерации в период 1918-1991 гг. Цель работы состоит в выявлении, классификации и анализе разновидностей языка, формализованных в отечественных нормативных правовых актах, а также обоснование интегративной роли категории «родного языка» для многонационального населения государства. В результате авторами выделены предметные сферы легализации языковых сопряжений: культурно-просветительская (обучение на родном языке, издание литературы на национальных языках), политическая (агитация на языках меньшинств), государственно-функциональная (делопроизводство, нотариат, суд) и территориально-государственная (автономные республики, области, округа). Показано, что в вариативном аспекте нормативные акты оперируют не менее чем 15 разновидностями языка.

Ключевые слова: законодательство, родной язык, русский язык, национальные меньшинства, государственный язык, судопроизводство.

Язык выступает одним из «инструментов осуществления государственной национальной политики, создания единого коммуникативного информационного пространства» [54, с. 100]; «важнейшим средством самоидентификации народа, особой формой воплощения национального самосознания. Совокупно приведенные и иные характеристики опосредуют важность языковой политики в многонациональном государстве, которым является Российская Федерация» [56, с. 70]. В свою очередь, «конституционно-правовая формализация государственного языка является центральным и наиболее значимым элементом правового режима языков, затрагивая вопросы использования национальных языков в законодательно очерченных сферах отношений в пределах государственной территории, а также права их носителей» [55, с. 8].

Представляется, что одновременно целесообразно и сложно легализовать статус государственного языка в многонациональном государстве, когда его субъектам адресовано право устанавливать государственные языки на своей территории.

Согласно ч. 1 ст. 68 Конституции России «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [1]. На русском говорят 250 млн. человек в мире. Русский – один из 6 официальных языков ООН. Такие прикладные факты, полагаем, обусловливают научное внимание и к статусу языка в государстве [57, 58], и подходам к его легализации не только в современный период [53, 59], но и в ретроспективе, поскольку нынешние страны – члены СНГ – это части Советского государства, на которые распространялись его нормы.

С учетом значимости языка в федеративном многонациональном государстве, а также исходя из приведенных аргументов, авторами представлены результаты анализа правовых аспектов вариаций категории «язык» в отечественном законодательстве с целью обобщения исторического опыта и возможностей использования его положительных юридических инструментов в современном правовом поле РФ.

Далее считаем целесообразным привести результаты анализа нормативных правовых актов Российского государства на предмет выявления в них норм, легализующих вариативные категории языка в период с 1918 г. по 1991 г.

Во вновь образованной Российской Республике в 1918 г. Декрет «О суде» оперировал формулировкой «местный язык» применительно к судам, в которых допускалось «судоговорение на всех местных языках» [2]. Правила языка судоговорения и судопроизводства предоставлялись судами совместно с Советами Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов (ст. 7). Данное же положение о языке сохранилось в Декрете ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (ст. 21) [3] и Положении о Народном Суде РСФСР от 21 октября 1920 г. (ст. 21) [4].

В 1924 г. утверждены основные директивы «в целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству, постепенного перевода делопроизводства всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки» [5]. Категория местного языка использовалась в различных процессуальных нормах. Так, согласно § 11 Положения о праве и порядке производства реквизиции военным и морским ведомствами расписка на местном языке взималась от лиц, коим уплачивались деньги в рамках реквизиции [13].

Уточним, что с образованием Республики все-таки оставались сферы, в которых не предписывались императивы об использовании соответствующего языка. Так, в Декрете СНК РСФСР от 27.07.1918 г. указывалось, что «при ведении торговых книг и при других необходимых записях разрешается пользоваться любым языком» [10].

В связи со спецификой многонациональности населения складывающегося Российского государства, полагаем, категория «родной язык», выступила интегративной для лингвистического многообразия наций. В этой связи уделим исследовательское внимание и родному языку, и иным выявленным вариациям категории языка.

Хронологически в Декрете «О немецких колониях Поволжья» родной язык фиксировался ранее, чем на конституционном уровне. Так, культурная жизнь немцев-колонистов «предполагала употребление ими родного языка в школах, в местной администрации, в суде и в общественной жизни» [11]. Заявленный нами тезис об интегративной роли категории «родной язык» прослеживается в системе принятых правовых актов заявленного исторического периода по ряду ключевых направлений. Поскольку вместе с базовой категорий родного языка использовались и иные, в рамках определенных нами сфер представлена и их характеристика.

Во-первых, культурно-просветительская область, включающая образование, воспитание и результаты творческой деятельности людей. В 1918 г. постановлением Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств» устанавливалось, что «все национальности, населяющие Российскую Федеративную Социалистическую Советскую Республику, пользуются правом организации обучения на своем родном языке» [31]. Речь шла о родном языке всех национальностей и это правило, как следует и из иных нормативных правовых актов, распространялось на всех.

Так, в течение заявленного хронологического периода согласно п. 3 Постановления СНК РСФСР от 7 февраля «в районах со смешанным национальным населением НКПрос РСФСР и совнаркомы автономных республик должны обеспечить работу изб-читален на родном языке (печать, радио, кино и т.п.) [36]; п. 12 Устава советской политехнической школы «вся педагогическая работа в советской политехнической школе проводится на родном языке учащихся» [38]; п. 17 Положения о школе-интернате «обучение в школе проводится на родном языке учащихся по учебным планам и программам, утверждаемым Министерством просвещения РСФСР» [42]; п. 2 Временного положения о дошкольном детском учреждении яслях-саде «воспитание и обучение детей ведется на родном языке» [43] и пр.

В 1974 г. уже на законодательном уровне было подтверждено обеспечение права на образование граждан РСФСР возможностью обучения в школе на родном языке» (ст. 3) [16]. Уточним, что заявленный Закон РСФСР от «О народном образовании» в числе основных принципов народного образования в РСФСР назвал недопусти-

мость дискриминации по признаку языка (ст. 4); свободу выбора языка обучения: обучение на родном языке или на языке другого народа СССР (ст. 4 и 33) [16].

Доводом в пользу интегративности категории родного языка может выступить и следующее положение: «эстетическое воспитание учащихся специальной школы осуществляется в процессе всей учебно-воспитательной работы, особенно на занятиях по русскому (родному) языку и литературе, пению и рисованию, а также путем организации внеклассного чтения и разнообразной внеклассной кружковой работы» (п. 19) [44]. В нем нормативно фактически отождествлены родной и русский язык. Как мы увидим далее родной язык используется в сопряжении и с иными разновидностями языка, например, национальностей, поэтому у высказанного доктринального тезиса все-таки имеются формализованные основания.

Многонациональный характер государства также опосредовал формы «языкового сближения» населения и в этой связи вводилось «в школах национальных меньшинств обязательное изучение языка большинства населения данной области» [31].

Ликвидации безграмотности среди населения РСФСР была связана с обязанностью всего населения Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющего читать или писать, обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию [12, 15]. Таким образом, в связи с образованием впервые была легализована категория русского языка. В ряде нормативных правовых актов предусматривались меры по увеличенную педагогического состава для решения образовательных лингвистических задач. В частности, Декрет СНК РСФСР от 21.11.1925 г. «в целях обеспечения в Республике школ повышенного типа национальностей нерусского языка педагогическим персоналом, владеющим в достаточной степени, для педагогической работы, материнским языком, Совет Народных Комиссаров РСФСР постановил … организовать лингвистические национальные отделения, имеющие целью подготовку преподавателей родного языка и родной литературы для школ повышенного типа» [12, 15]. Обратим внимание, что в контексте преподавания родного языка употребляются формулировки нерусского языка применительно к национальностям и материнского языка в отношении знаний преподавателей.

Гарантией для обеспечения педагогического состава лиц, преподающих на нерусском языке, было положение об обязанности «лиц, окончивших отделения национальных меньшинств при советских партийных школах, а также тех лиц из числа окончивших школы второй ступени, в том числе школы-девятилетки по педагогическому уклону, которые принадлежат к национальностям нерусского языка и пользовались во время своего пребывания в указанных учебных заведениях постоянной материальной помощью от учреждений, состоящих на государственном бюджете, или общественных организаций, работать в течение не менее трех лет в низовой сети просветительных учреждений, обслуживающих соответствующие народности нерусского языка» [34].

Об устойчивости употребления категории «нерусский язык» свидетельствует многократность ее фиксации в правовых актах, типично затрагивающих образовательных процесс и его обеспечение. Так, был учрежден и функционировал Совет по просвещению национальностей нерусского языка. Он являлся «органом, при помощи которого Народный Комиссариат Просвещения осуществлял общее руководство делом просвещения национальностей нерусского языка в Республике и согласовал свои мероприятия с языковыми и бытовыми особенностями населяющих Республику национальностей нерусского языка» (ст. 22) [9].

Позднее в управлениях НКП РСФСР был учрежден «специальный штат работников, знакомых с языком, бытовыми и иными условиями жизни проживающих в РСФСР национальностей нерусского языка. В Государственном ученом совете организуется методическая комиссия по вопросам просвещения национальных меньшинств РСФСР» [33]. В рамках иного административного уровня на губернский исполнительный комитет в культурно-просветительной области возлагалось «общее руководство работами по просвещению народностей нерусского языка» (п. 40) [21];

на краевой (областной) отдел (управление) народного образования возлагалось «общее руководство работами по просвещению народностей нерусского языка, проживающих на территории края (области)» [25].

В целях усиления подготовки квалифицированных работников из среды народов нерусского языка обращалось «внимание местных советов на необходимость расширения мероприятий по подготовке работников из среды народов нерусского языка в техникумы, рабочие факультеты и высшие учебные заведения» (п. 1) [35].

В составе Государственного ученого совета даже была образована секция «просвещения национальностей, разрабатывающая вопросы методики просветительной работы среди народностей нерусского языка» (п. 7) [28].

Таким образом, применение в нормативных правовых актах формулировок народов, народностей и национальностей нерусского языка объективно отражало субъектов-носителей, но также выступало еще одним аргументом в пользу целесообразности использования обобщающей категории родного языка.

О значимости родного языка можно судить по тому, что именно с ним связывалось достижение наиболее успешного строительства социалистической культуры. Это был один принципов деятельности советских органов и учреждений по внешкольному образованию [32]. Оставаясь в рамках культурно-просветительской сферы, уточним, что многократна здесь и легализация национальных языков. Так, «в виду важности политических задач, стоящих перед национальными издательствами по выпуску и распространению литературы на национальных языках, обращалось внимание советов народных комиссаров автономных республик и областных исполнительных комитетов автономных областей РСФСР на необходимость всемерного усиления деятельности национальных издательств и дальнейшего укрепления их финансового положения» (п. 2) [50].

Также для примера считалось «необходимым усилить редакционно-издательские планы национальных издательств, главным образом, в части выпуска на национальных языках букварей, учебных пособий для школ первой и второй ступени, детской и политической литературы с тем, чтобы на русском языке издавались лишь книги краеведческого характера для нужд местных школ» (3) [50]. На наш взгляд, поскольку речь шла об официальных публикациях, то и более целесообразно, понятно здесь использование категории национального языка, а не родного языка. Так как русский язык был одним из национальных языков, нельзя было ограничиться только его легализацией. Национальные языки выступали основанием для персональных пенсий. К примеру, в п. 36 Положения об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой «лицам, имеющим выдающиеся заслуги местного значения (… национального языка и т.п.), персональные пенсии назначаются из средств местного бюджета» [27].

Далее отметим, выявленные в легализованной культурно-просветительской сфере категории языков коренного населения или этнических меньшинств. Объединяющей для них категорий также явилась формулировка родного языка. Подтвердим данный тезис следующими нормативными положениями, в основном институционально-компетенционого характера.

Что касается вариативного аспекта, то к примеру, Главной государственной трудовой сберегательной кассе РСФСР было рекомендовано «усилить свою деятельность по изданию агитационной литературы по сберегательному делу на языках коренного населения автономных республик и областей» [37].

В качестве полномочий отделов национальных меньшинств при президиумах краевых и областных исполкомов, в частности, предусматривались: «разработка плана перевода делопроизводства на язык национальных меньшинств всех учреждений и организаций, расположенных на территории…; участие в разработке плана проведения всеобщего начального обучения на родном языке детей школьного возраста; участие …в организации санитарно-просветительной работы среди национальных меньшинств на их родном языке (п. 2)» [22].

Еще одним примером является п. 14 Постановления Совмина РСФСР от 7.01.1981 г. № 3, предписывающий «Государственному комитету РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли разрабатывать начиная с 1981 г. пятилетние планы издания художественной, политической, детской и специальной литературы по вопросам культуры и искусства народностей Севера, в т.ч. и на языках народностей Севера, имеющих письменность» [48]. Далее укажем ряд норм, которыми подтверждалась значимость языков народов РСФСР именно в культурно-просветительской сфере. В 1972 г. для Комитета по кинематографии при Соимне РСФСР было предписание «сократить сроки дублирования и субтитрирования советских фильмов на языки народов РСФСР» (п. 3) [18] или «организовать субтитрирование и дублирование кинофильмов на языки народов РСФСР» (п. 5) [46].

Серьезное внимание уделялось переводу литературных произведений. В частности, при «переводах литературных произведений с русского языка на языки народов СССР, автору переводимого произведения гонорар не выплачивается» [40]; «устанавливались ставки оплаты гонорара за переводы трудов классиков марксизма-ленинизма с русского языка на языки народов СССР применительно к ставкам оплаты за переводы произведений художественной литературы» [41] и пр. [47].

Особо хотелось бы выделить нормы о языках туземных или кочевых народов. Так, «туземные органы управления рассматривали дела публично на языке или наречии соответствующих народностей и племен» (п. 10) [24]; «Кочевой совет вел свою работу на родном языке населения, причем у народов, имеющих свою письменность, делопроизводство велось преимущественно на этом языке» (п. 41) [29]; «дела в кочевом общественном суде рассматриваются в открытом заседании на языке данной народности (п. 13) [30]. С принятием первых процессуальных кодексов Российского государства происходит переход от использования в процессе местных языков к фиксации русского языка или языка большинства населения данной местности. Так, по ст. 22 УПК 1923 г. предписывалось ведение производства по уголовным делам именно на русском языке или на языке большинства населения данной местности [20]. Сохранялась также категория родного языка для статусов обвиняемого / подсудимого и соответственно обеспечительные действия с документами в данном аспекте (ст.ст. 22, 240).

В финале рассматриваемого исторического периода такой легализованный подход сохранялся, но с акцентом в пользу русского языка, хотя и при сохранении возможностей пользоваться родным языком. К примеру, в ст. 30 Закона РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» было отражено, что «производство в Конституционном Суде РСФСР ведется, решения излагаются и провозглашаются на русском языке. Документы, составленные на другом языке, представляются и оглашаются в переводе на русский язык (ч. 1 ст. 30). Вторая часть указанной нормы и акцентирует значимость русского языка. Вместе с тем, «участники заседания, не владеющие русским языком, могли выступать и давать объяснения на родном языке и пользоваться услугами переводчика» (ч. 2 ст. 30) [18].

Уточним, что такой подход еще с 1946 г. был воспринят в делопроизводстве. Так, «бланки свидетельства печатались на гербовой бумаге на русском языке и на языке соответствующей автономной республики и ввести их в действие с 1 мая 1946 года» (п. 6) [39]; «делопроизводство в сельских Советах автономных республик, автономных областей и национальных округов ведется на русском или на родном языке» [51]; «стенографические отчеты сессий Верховного Совета РСФСР издавались на русском языке» (ст. 64) [51] и др.

В-третьих, политическая сфера. Заметим, что формулировка родного языка здесь используется в сопряжении с языками национальных, подчеркивая заявленный нами интегративный характер. Вместе с тем, самостоятельное употребление категории языков национальных меньшинств позволяет их отнести к отдельным разновидностям. Подтвердим этот тезис положениями, направленными на привлечение на выборы всех имеющих избирательные права трудящихся, в частности:

«а) во всех губерниях, округах, уездах, кантонах, где имеются более или менее значительные массы территориально необъединенных национальностей предвыборные воззвания, инструкции и т.п. печатать также и на языках национальных меньшинств…; в) принять меры к привлечению широких масс национальных меньшинств в избирательную кампанию путем устройства собраний, митингов, отчетов выборных депутатов и т.п. на родном языке национальных меньшинств» [6].

Позднее появилось правило, согласно которому «избирательные бюллетени печатаются на языках населения соответствующего избирательного округа в количестве, обеспечивающем всех избирателей (п. 35) [52].

Следует отметить, что не все направления государственной деятельности задействовали в своих процессуальных нормах родной язык. К примеру, согласно п. 14 Положения о государственном нотариате «совершаемые и свидетельствуемые документы могут быть изложены на русском или на иностранных и местных языках, с переводом на русский язык. В случае же незнания нотариусом иностранного или местного языка, правильность перевода удостоверяется лицом, лично известным нотариусу» [14]. Уточним, в отдельных актах были легализованы положения, затрагивающие сразу несколько из уже обозначенных сфер применительно к языкам национальных меньшинств [33].

Автономный статус республик в составе Российского государств опосредовал отдельное направление норм, легализующих языки. В декретах о таких автономных республиках указывалось на равноправие языков и перечислялись языки. Так, «карельско-финский и русский языки являлись равноправными на территории Автономной Карельской Социалистической Советской Республики» (п. 6) [7], а «немецкий, русский и украинский языки являлись равноправными на территории Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья» (п. 11) [8]. В Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья делопроизводство велось на языке большинства каждой территориальной части Республики. С пополнением состава государства аналогичные положения пополнялись. Например, по поводу киргизского и русского языка на территории Автономной Киргизской Советской Социалистической Республики (п. 11) [23].

В автономных областях, автономных округах изготовляются две вывески, одна – на национальном языке (вывешивается слева), вторая – на русском языке (вывешивается справа) [49]. Подводя итоги осуществленного исследования, отметим следующие ключевые моменты. Законодательные и подзаконные акты в заявленный хронологический период выступили источниками формализации языковых сопряжений в различных сферах (культурно-просветительской, политической, государственно-функциональной, территориально-государственной). В вариативном аспекте установлены такие разновидности, как местный язык, любой язык, родной язык, русский язык, нерусский язык (народа, народностей, национальностей), язык большинства населения, материнский язык, язык коренного населения, язык национальных меньшинств, язык народностей Севера, язык народов РСФСР, язык народов СССР, язык / наречие племен. Подобное многообразие связано со стремлением российского государства обеспечить лингвистическое развитие многонационального населения. С другой стороны, требовалась интегративная категория, которая могла бы отразить объективное разнообразие языков. Такой легализованной категорий выступила формулировка родного языка, что неоднократно было подтверждено в ходе исследования на основе анализа правовых источников.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2022. № 710. Ст. 4398.
2. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
3. Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
4. Декрет ВЦИК от 21.10.1920 г. «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

5. Декрет ВЦИК от 14.04.1924 г. «О мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки» // СУ РСФСР. 1924. № 41. Ст. 371.
6. Декрет ВЦИК от 30.11.1925 г. «О привлечении на выборы всех имеющих избирательные права трудящихся национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1925. № 85. Ст. 635.
7. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 25.07.1923 г. «Об Автономной Карельской Социалистической Советской Республике» // СУ РСФСР. 1923 № 69. Ст. 668.
8. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 20.02.1924 г. «Об Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья» // СУ РСФСР. 1924. № 20. Ст. 199.
9. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 05.10.1925 г. «Положение о Народном Комиссариате Просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 71. Ст. 561.
10. Декрет СНК РСФСР от 27.07.1918 г. «О торговых книгах» // СУ РСФСР. 1918. № 59. Ст. 652.
11. Декрет СНК РСФСР от 19.10.1918 г. «О немецких колониях Поволжья» // СУ РСФСР. 1918. № 79.
12. Декрет СНК РСФСР от 26.12.1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» // СУ РСФСР. 1919. № 67. Ст. 592.
13. Декрет СНК РСФСР от 03.01.1921 г. «Инструкция по применению "Положения о праве и порядке производства реквизиции военным и морским ведомствами"» // СУ РСФСР. 1921. № 5. Ст. 38.
14. Декрет СНК РСФСР от 04.10.1922 г. «Положение о государственном нотариате» // СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.
15. Декрет СНК РСФСР от 21.11.1925 г. «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка» // СУ РСФСР. 1925. № 81. Ст. 617.
16. Закон РСФСР от 02.08.1974 г. «О народном образовании» // Ведомости ВС РСФСР. 1974. № 32.
17. Закон РСФСР от 27.10.1989 г. «О выборах народных депутатов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1305.
18. Закон РСФСР от 06.05.1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 19. Ст. 621.
19. Инструкция по делопроизводству в сельских Советах депутатов трудящихся РСФСР (утв. Постановлением Совмина РСФСР от 17.01.1948 г. № 25) // СП РСФСР. 1948. № 5. Ст. 22.
20. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
21. Постановление ВЦИК от 06.04.1928 г. «Об утверждении Положения о губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1928. № 94. Ст. 606.
22. Постановление ВЦИК от 20.03.1932 г. «Об утверждении Положения об отделах национальных меньшинств при президиумах краевых и областных исполкомов» // СУ РСФСР. 1932. № 30. Ст. 144.
23. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21.03.1927 г. «Об утверждении Положения о государственном устройстве Автономной Киргизской Советской Социалистической Республики» // СУ РСФСР. 1927. № 31. Ст. 205.
24. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 14.10.1927 г. «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1927. № 111. 25. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 02.07.1928 г. «Об утверждении Положения о краевых (областных) отделах (управлениях) народного образования» // СУ РСФСР. 1928. № 89. Ст. 579.
26. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 29.04.1929 г. «Об утверждении Положения об уполномоченных по делам национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1929. № 42. Ст. 449.
27. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.05.1930 г. «Об утверждении Положения об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой» // СУ РСФСР. 1930. № 25. Ст. 325.
28. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30.01.1931 г. «Об утверждении Положения о Государственном ученом совете Наркомпроса РСФСР» // СУ РСФСР. 1931. № 9. Ст. 108.
29. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.08.1933 г. «Об утверждении Положения о кочевых советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 49. Ст. 209.
30. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 16.10.1933 г. «Об утверждении Положения о кочевых общественных судах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР» // СУ РСФСР. 1933. № 54. Ст. 241.
31. Постановление Наркомпроса РСФСР от 31.10.1918 г. «О школах национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1918. № 80. Ст. 835.
32. Постановление Наркомпроса РСФСР от 04.06.1919 г. «Об организации дела внешкольного образования в РСФСР (Положение)» // СУ РСФСР. 1919. № 21. Ст. 267.
33. Постановление СНК РСФСР от 01.02.1929 г. «Об утверждении Положения о Комитете по просвещению национальных меньшинств РСФСР при коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 31. Ст. 323.
34. Постановление СНК РСФСР от 13.06.1929 г. «Об обязательной работе в низовой сети просветительных учреждений лиц, окончивших отделения национальных меньшинств при советских партийных школах, а также принадлежащих к национальным меньшинствам лиц, окончивших школы второй ступени, в том числе и школы-девятилетки по педагогическому уклону» // СУ РСФСР. 1929. № 45.
35. Постановление СНК РСФСР от 12.11.1929 г. «О мероприятиях по подготовке работников из среды народов нерусского языка в техникумы, рабочие факультеты и высшие учебные заведения» // СУ РСФСР. 1929. № 84. Ст. 827.

36. Постановление СНК РСФСР от 07.02.1930 г. «Об избах-читальнях» // СУ РСФСР. 1930. № 6.
37. Постановление СНК РСФСР от 21.05.1930 г. «О мерах усиления деятельности трудовых сберегательных касс» // СУ РСФСР. 1930. № 24. Ст. 319.
38. Постановление СНК РСФСР от 19.09.1933 г. «Об утверждении Устава советской политехнической школы» // СУ РСФСР. 1933. № 50. Ст. 210.
39. Постановление СНК РСФСР от 08.01.1946 г. № 15 «О мероприятиях по упорядочению регистрации актов гражданского состояния» // СП РСФСР. 1946. № 3. Ст. 8.
40. Постановление Совмина РСФСР от 15.07.1947 г. № 521 «Об авторском гонораре за литературно-художественные произведения» // СП РСФСР. 1947. № 9. Ст. 31.
41. Постановление Совмина РСФСР от 18.12.1948 г. № 1261 «О дополнении постановления Совета Министров РСФСР от 15 июля 1947 г. № 521 "Об авторском гонораре за литературно-художественные произведения"» // СП РСФСР. 1949. № 1. Ст. 1.
42. Постановление Совмина РСФСР от 13.04.1957 г. № 209 «Об утверждении Положения о школе-интернате» // СП РСФСР. 1958. № 1. Ст. 15.
43. Постановление Совмина РСФСР от 08.03.1960 г. № 327 «Об утверждении Временного положения о дошкольном детском учреждении яслях-саде» // СП РСФСР. 1960. № 12. Ст. 52.
44. Постановление Совмина РСФСР от 01.12.1964 г. № 1494 «Об утверждении Положения о специальной школе и Положения о специальном профессионально-техническом училище» // Документ опубликован не был; https://www.consultant.ru/ (дата обращения 11.05.2023 г.).
45. Постановление Совмина РСФСР от 13.04.1972 г. № 230 «О состоянии и перспективах развития кинообслуживания населения РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 3. С. 534.
46. Постановление Совмина РСФСР от 21.05.1974 г. № 286 «Об утверждении Положения о Государственном комитете РСФСР по кинематографии» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 1. С. 424.
47. Постановление Совмина РСФСР от 22.04.1975 г. № 243 «О ставках авторского вознаграждения за издание произведений науки, литературы и искусства» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 33.
48. Постановление Совмина РСФСР от 07.01.1981 г. № 3 «О дополнительных мерах по улучшению культурно-бытового обслуживания народностей севера в районах их проживания и дальнейшему развитию культуры и искусства этих народностей» // СП РСФСР. 1981. № 5. Ст. 23.
49. Постановление Совмина РСФСР от 08.05.1990 г. № 142 «Об образцах простых печатей, штампов, бланков документов и вывесок для председателей и президиумов местных Советов народных депутатов РСФСР» // Документ опубликован не был; https://www.consultant.ru/ (дата обращения 11.05.2023 г.).
50. Постановление Экономического Совета РСФСР от 05.12.1928 г. «О деятельности национальных издательств в автономных республиках и автономных областях РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 4
51. Регламент Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принят ВС РСФСР 26.03.1980 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 14. Ст. 350.
52. Указ Президиума ВС РСФСР от 25.09.1948 г. «Об утверждении "Положения о выборах народных судов РСФСР» // Ведомости ВС СССР. 1948. № 39.
53. Артеменко О.И. 2008. Полиэтничность России: государственная образовательная и языковая политика // Вестник образования. 2008. № 2. С. 4-54.
54. Белов С.А., Кропачев Н.М. Что нужно, чтобы русский язык стал государственным? // Закон. 2016. № 10. С. 100-112.
55. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 8-20.
56. Курбанова З.М. 2017. К вопросу об определении конституционно-правового статуса государственных языков республик (в контексте национально-языкового регулирования в Республике Дагестан) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 70-73.
57. Караман А.А. Отсутствие государственного языка в СССР как предпосылка «парада государственных языков» в союзных республиках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. № 3. С. 10-25.
58. Мархгейм М.В., Новикова А.Е. Государственные языки в конституциях республик в составе Российской Федерации: статусно-аксиологические сопряжения. Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 210-212.
59. Новикова А.Е. Легализация официального языка: советский вариант // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 3. С. 558-568.

Alevtina E. Novikova. Alexey N. Nifanov. Linguistic diversity in the mirror of national legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – S. 692-701.

The relevance of the research is determined by the need for historical and legal understanding of the evolution of the categorical apparatus of the "linguistic" legislation of Russia in order to develop conceptually verified approaches to modern language policy in a multinational state. For the first time, the article systematically analyzes the variable categories of language fixed in the normative legal acts of the RSFSR and the Russian Federation in the period 1918-1991. The purpose of the work is to identify, classify and analyze the varieties of language formalized in domestic normative legal acts, as well as to substantiate the integrative role of the category of "mother tongue" for the multinational population of the state. As a result, the authors have identified subject areas for the legalization of language conjugations: cultural and educational (teaching in the

mother tongue, publishing literature in national languages), political (campaigning in minority languages), state-functional (office management, notary, court) and territorial-state (autonomous republics, regions, districts). It is shown that in the variable aspect, normative acts operate with at least 15 varieties of language.

Keywords: legislation, native language, Russian, national minorities, state language, judicial proceedings.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. // SZ RF. 2022. № 710. St. 4398.
2. Dekret VCIK ot 07.03.1918 g. № 2 «O sude» // SU RSFSR. 1918. № 26. St. 420.
3. Dekret VCIK ot 30.11.1918 g. «O Narodnom Sude Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (Polozhenie)» // SU RSFSR. 1918. № 85. St. 889.
4. Dekret VCIK ot 21.10.1920 g. «Polozhenie o Narodnom Sude Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki» // SU RSFSR. 1920. № 83. St. 407.
5. Dekret VCIK ot 14.04.1924 g. «O merah k perevodu deloproizvodstva gosudarstvennyh organov v nacional'nyh oblastyah i respublikah na mestnye yazyki» // SU RSFSR. 1924. № 41. St. 371.
6. Dekret VCIK ot 30.11.1925 g. «O privlechenii na vybory vsekh imeyushchih izbiratel'nye prava trudyashchihsya nacional'nyh men'shinstv» // SU RSFSR. 1925. № 85. St. 635.
7. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 25.07.1923 g. «Ob Avtonomnoj Karel'skoj Socialisticheskoj Sovetskoj Respublike» // SU RSFSR. 1923 № 69. St. 668.
8. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 20.02.1924 g. «Ob Avtonomnoj Socialisticheskoj Sovetskoj Respublike Nemcev Povolzh'ya» // SU RSFSR. 1924. № 20. St. 199.
9. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 05.10.1925 g. «Polozhenie o Narodnom Komissariate Prosveshcheniya RSFSR» // SU RSFSR. 1925. № 71. St. 561.
10. Dekret SNK RSFSR ot 27.07.1918 g. «O torgovyh knigah» // SU RSFSR. 1918. № 59. St. 652.
11. Dekret SNK RSFSR ot 19.10.1918 g. «O nemeckih koloniyah Povolzh'ya» // SU RSFSR. 1918. № 79.
12. Dekret SNK RSFSR ot 26.12.1919 g. «O likvidacii bezgramotnosti sredi naseleniya RSFSR» // SU RSFSR. 1919. № 67. St. 592.
13. Dekret SNK RSFSR ot 03.01.1921 g. «Instrukciya po primeneniyu \"Polozheniya o prave i poryadke proizvodstva rekvizicii voennym i morskim vedomstvami\"» // SU RSFSR. 1921. № 5. St. 38.
14. Dekret SNK RSFSR ot 04.10.1922 g. «Polozhenie o gosudarstvennom notariate» // SU RSFSR. 1922. № 63. St. 807.
15. Dekret SNK RSFSR ot 21.11.1925 g. «O podgotovke prepodavatelej dlya shkol nacional'nostej nerusskogo yazyka» // SU RSFSR. 1925. № 81. St. 617.
16. Zakon RSFSR ot 02.08.1974 g. «O narodnom obrazovanii» // Vedomosti VS RSFSR. 1974. № 32. St. 850.
17. Zakon RSFSR ot 27.10.1989 g. «O vyborah narodnyh deputatov RSFSR» // Vedomosti VS RSFSR. 1989. № 44. St. 1305.
18. Zakon RSFSR ot 06.05.1991 g. «O Konstitucionnom Sude RSFSR» // Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. № 19. St. 621.
19. 26. Instrukciya po deloproizvodstvu v sel'skih Sovetah deputatov trudyashchihsya RSFSR (utv. Postanovleniem Sovmina RSFSR ot 17.01.1948 g. № 25) // SP RSFSR. 1948. № 5. St. 22.
20. 27. Postanovlenie VCIK ot 15.02.1923 g. «Ob utverzhdenii Ugolovno-Processual'nogo Kodeksa RSFSR» // SU RSFSR. 1923. № 7. St. 106.
21. Postanovlenie VCIK ot 06.04.1928 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o gubernskih s''ezdah sovetov i gubernskih ispolnitel'nyh komitetah» // SU RSFSR. 1928. № 94. St. 606.
22. Postanovlenie VCIK ot 20.03.1932 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya ob otdelah nacional'nyh men'shinstv pri prezidiumah kraevyh i oblastnyh ispolkomov» // SU RSFSR. 1932. № 30. St. 144.
23. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 21.03.1927 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennom ustrojstve Avtonomnoj Kirgizskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki» // SU RSFSR. 1927. № 31. St. 205.
24. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 14.10.1927 g. «O vypolnenii sudebnyh funkcij organami tuzemnogo upravleniya narodnostej i plemen severnyh okrain RSFSR» // SU RSFSR. 1927. № 111. St. 746.
25. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 02.07.1928 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o kraevyh (oblastnyh) otdelah (upravleniyah) narodnogo obrazovaniya» // SU RSFSR. 1928. № 89. St. 579.
26. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 29.04.1929 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya ob upolnomochennyh po delam nacional'nyh men'shinstv» // SU RSFSR. 1929. № 42. St. 449.
27. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 20.05.1930 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya ob obespechenii personal'nymi pensiyami lic, imeyushchih isklyuchitel'nye zaslugi pered Respublikoj» // SU RSFSR. 1930. № 25.
28. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 30.01.1931 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom uchenom sovete Narkomprosa RSFSR» // SU RSFSR. 1931. № 9. St. 108.
29. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 20.08.1933 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o kochevyh sovetah v nacional'nyh okrugah i rajonah severnyh okrain RSFSR» // SU RSFSR. 1933. № 49. St. 209.
30. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 16.10.1933 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o kochevyh obshchestvennyh sudah v nacional'nyh okrugah i rajonah severnyh okrain RSFSR» // SU RSFSR. 1933. № 54.
31. Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 31.10.1918 g. «O shkolah nacional'nyh men'shinstv» // SU RSFSR. 1918. № 80. St. 835.
32. Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 04.06.1919 g. «Ob organizacii dela vneshkol'nogo obrazovaniya v RSFSR (Polozhenie)» // SU RSFSR. 1919. № 21. St. 267.

33. Postanovlenie SNK RSFSR ot 01.02.1929 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o Komitete po prosveshcheniyu nacional'nyh men'shinstv RSFSR pri kollegii Narodnogo komissariata prosveshcheniya RSFSR» // SU RSFSR. 1929. № 31. St. 323.
34. Postanovlenie SNK RSFSR ot 13.06.1929 g. «Ob obyazatel'noj rabote v nizovoj seti prosvetitel'nyh uchrezhdenij lic, okonchivshih otdeleniya nacional'nyh men'shinstv pri sovetskih partijnyh shkolah, a takzhe prinadlezhashchih k nacional'nym men'shinstvam lic, okonchivshih shkoly vtoroj stupeni, v tom chisle i shkoly-devyatiletki po pedagogicheskomu uklonu» // SU RSFSR. 1929. № 45. St. 477.
35. Postanovlenie SNK RSFSR ot 12.11.1929 g. «O meropriyatiyah po podgotovke rabotnikov iz sredy narodov nerusskogo yazyka v tekhnikumy, rabochie fakul'tety i vysshie uchebnye zavedeniya» // SU RSFSR. 1929. № 84. St. 827.
36. Postanovlenie SNK RSFSR ot 07.02.1930 g. «Ob izbah-chital'nyah» // SU RSFSR. 1930. № 6. St. 81.
37. Postanovlenie SNK RSFSR ot 21.05.1930 g. «O merah usileniya deyatel'nosti trudovyh sberegatel'nyh kass» // SU RSFSR. 1930. № 24. St. 319.
38. Postanovlenie SNK RSFSR ot 19.09.1933 g. «Ob utverzhdenii Ustava sovetskoj politekhnicheskoj shkoly» // SU RSFSR. 1933. № 50. St. 210.
39. Postanovlenie SNK RSFSR ot 08.01.1946 g. № 15 «O meropriyatiyah po uporyadocheniyu registracii aktov grazhdanskogo sostoyaniya» // SP RSFSR. 1946. № 3. St. 8.
40. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 15.07.1947 g. № 521 «Ob avtorskom gonorare za literaturno-hudozhestvennye proizvedeniya» // SP RSFSR. 1947. № 9. St. 31.
41. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 18.12.1948 g. № 1261 «O dopolnenii postanovleniya Soveta Ministrov RSFSR ot 15 iyulya 1947 g. № 521 \"Ob avtorskom gonorare za literaturno-hudozhestvennye proizvedeniya\"» // SP RSFSR. 1949. № 1. St. 1.
42. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 13.04.1957 g. № 209 «Ob utverzhdenii Polozheniya o shkole-internate» // SP RSFSR. 1958. № 1. St. 15.
43. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 08.03.1960 g. № 327 «Ob utverzhdenii Vremennogo polozheniya o doshkol'nom detskom uchrezhdenii yaslyah-sade» // SP RSFSR. 1960. № 12. St. 52.
44. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 01.12.1964 g. № 1494 «Ob utverzhdenii Polozheniya o special'noj shkole i Polozheniya o special'nom professional'no-tekhnicheskom uchilishche» // Dokument opublikovan ne byl; https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya 11.05.2023 g.).
45. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 13.04.1972 g. № 230 «O sostoyanii i perspektivah razvitiya kinoobsluzhivaniya naseleniya RSFSR» // Svod zakonov RSFSR. 1988. T. 3. S. 534.
46. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 21.05.1974 g. № 286 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom komitete RSFSR po kinematografii» // Svod zakonov RSFSR. 1988. T. 1. S. 424.
47. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 22.04.1975 g. № 243 «O stavkah avtorskogo voznagrazhdeniya za izdanie proizvedenij nauki, literatury i iskusstva» // Svod zakonov RSFSR. 1988. T. 2. S. 33.
48. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 07.01.1981 g. № 3 «O dopolnitel'nyh merah po uluchsheniyu kul'turno-bytovogo obsluzhivaniya narodnostej severa v rajonah ih prozhivaniya i dal'nejshemu razvitiyu kul'tury i iskusstva etih narodnostej» // SP RSFSR. 1981. № 5. St. 23.
49. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 08.05.1990 g. № 142 «Ob obrazcah prostyh pechatej, shtampov, blankov dokumentov i vyvesok dlya predsedatelej i prezidiumov mestnyh Sovetov narodnyh deputatov RSFSR» // Dokument opublikovan ne byl; https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya 11.05.2023 g.).
50. Postanovlenie Ekonomicheskogo Soveta RSFSR ot 05.12.1928 g. «O deyatel'nosti nacional'nyh izdatel'stv v avtonomnyh respublikah i avtonomnyh oblastyah RSFSR» // SU RSFSR. 1929. № 4. St. 48.
51. Reglament Verhovnogo Soveta Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoj Respubliki (prinyat VS RSFSR 26.03.1980 g.) // Vedomosti VS RSFSR. 1980. № 14. St. 350.
52. Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 25.09.1948 g. «Ob utverzhdenii \"Polozheniya o vyborah narodnyh sudov RSFSR» // Vedomosti VS SSSR. 1948. № 39.
53. Artemenko O.I. 2008. Polietnichnost' Rossii: gosudarstvennaya obrazovatel'naya i yazykovaya politika // Vestnik obrazovaniya. 2008. № 2. S. 4-54.
54. Belov S.A., Kropachev N.M. Chto nuzhno, chtoby russkij yazyk stal gosudarstvennym? // Zakon. 2016. № 10. S. 100-112.
55. Dorovskih E.M. K voprosu o razgranichenii ponyatij «gosudarstvennyj yazyk» i «oficial'nyj yazyk» // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 12. S. 8-20.
56. Kurbanova Z.M. 2017. K voprosu ob opredelenii konstitucionno-pravovogo statusa gosudarstvennyh yazykov respublik (v kontekste nacional'no-yazykovogo regulirovaniya v Respublike Dagestan) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2017. № 4. S. 70-73.
57. Karaman A.A. Otsutstvie gosudarstvennogo yazyka v SSSR kak predposylka «parada gosudarstvennyh yazykov» v soyuznyh respublikah // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2022. № 3. S. 10-25.
58. Marhgejm M.V., Novikova A.E. Gosudarstvennye yazyki v konstituciyah respublik v sostave Rossijskoj Federacii: statusno-aksiologicheskie sopryazheniya. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 5 (221). S. 210-212.
59. Novikova A.E. Legalizaciya oficial'nogo yazyka: sovetskij variant // Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2023. T. 48. № 3. S. 558-568.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 4. – С. 702-707.

УДК 342

ПАРЦИАЛЬНЫЙ И ХОЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМУ АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Кокина М. Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина»

Конституционализм как политико-правовое учение, теоретическое и практическое основание правовых основ власти и управления в обществе, изначально развивался в западной цивилизации. В его эволюции выделены 2 этапа. Первый этап (XVII–XIX века) – моноцивилизационный западный, представленный в ряде западных стран. Второй этап (XX – начало XXI веков) – полицивилизационный, когда конституции и конституционализм появились в странах разных цивилизаций. Сформировались разные виды современного конституционализма. Осуществлен анализ концептуальных основ полицивилизационных видов конституционализма на основе диалектических категорий части и целого, парциального и холистического подходов. Выделены два типа конституционно-правовых оснований (либеральный и патернальный конституционализм), которые проявляются на уровне отдельных стран, цивилизаций и в глобальном масштабе. В настоящее время эти концептуальные основания разнообразно взаимодействуют в разных видах конституционализма.

Ключевые слова: конституционализм, этапы эволюции: моноцивилизационный и полицивилизационный, современные виды конституционализма: либеральный, патернальный, гибридный, государственный, международный, глобальный.

Актуальность проблемы конституционализма в современных условиях заключается в особенностях развития общества со второй половины XX века и особенно в первой четверти XXI века. Не вызывает сомнений, что современный мир вступил в эпоху глобализации и активных переходных процессов, как модернизационных, так и революционных.

При рассмотрении сущности и основного содержания правового управления страной с позиций системно-диалектического подхода, в данной статье применен теоретический анализ соотношения диалектических категорий части и целого. В соответствии с логикой рассмотрения в системах части и целого, в современном научном знании выделяются два основных подхода к рассмотрению систем – парциальный (частный, от лат. термина «*pars*» – часть) и холистический (целостный, от греч. термина «*holos*» – цельный, единый). Парциальный подход означает приоритет части над целостным рассмотрением предмета, а холистический подход, напротив, во главу угла исследования ставит целостность, системность (в рамках которой части взаимосвязаны и существуют в определенной целостности, с учетом того, что «целое больше суммы его частей»). Применим парциальный и холистический подходы к исследованию правовой сферы общества, права и его концептуально-практического организационного ядра – конституционализма.

Исходим из того, что основу социального управления обществом функционально составляет государственно-политическое управление, которое, в свою очередь, опирается на структурный компонент писаных законов, или на государственного право, ядро которого составляет конституционализм. Таким образом, именно конституционализм в его современном виде, составляющий структурно-организационную основу управления обществом, отражает сущность политико-правового управления определенного типа общества. Известно, что в истории и современности сложились разные формы политико-правового управления, в связи с чем, само содержание конституционализма требует более подробного системно-диалектического анализа с позиций категорий части и целого.

Целью данной статьи предлагается исследовать формы современного конституционализма с применением парциального и холистического подходов, выявить соответствующие типы конституционализма, а также способы и механизмы их взаимодействия в процессе отношений разных стран и цивилизаций современного мира.

При этом теоретико-методологическую основу исследования составила системно-диалектическая методология. Использованы: цивилизационный подход (как цивилизационно-правовой и цивилизационно-культурный); формационный подход, как разновидность цивилизационного, присущего западной цивилизации (со ссылкой на труды М.А. Супатаева [1] и В.Е. Чиркина [2]); а также методы: компаративистский (сравнительно-правовой) и процессуально-динамический (для изучения механизмов преобразования конституционализма.

Акцентируем внимание на том, что основные социально-правовые концепции, начиная с Нового времени, разработаны, прежде всего, российской и западной цивилизациями, тогда как другие цивилизации в этом отношении выступали и выступают активными пользователями новаторских идей отмеченных цивилизаций. В связи этим в статье основное внимание уделено специфике конституционализма Запада и России (как части восточной цивилизации), с учетом того, что разрабатываемые социально-правовые концепты распространяются на другие мировые цивилизации.

На основании анализа изучения литературы по исследуемому вопросу [3; 4; 5; 6; 7 и др.], с применением системно-диалектического, цивилизационного подходов и компаративистского метода, мы можем предложить следующее авторское определение конституционализма, на которое будем опираться в дальнейшем изложении. Конституционализм – это совокупность идей, принципов, главных писаных норм, стратегий и основ правовой практики управления обществом, исходно – странами, государствами, а затем международными сообществами государств и глобальными цивилизациями в мире, что обеспечивает в итоге практически реализуемые константы жизни общества разных организационных систем и их уровней, вплоть до глобального, на базе конституционного права в определенное историческое время.

Продолжая исследование об этапах конституционализма, которое было проведено автором ранее [8], показало, что данный феномен общественной жизни в целом формировался в западной цивилизации в Новое время (хотя его истоки уходят в античность) и в своем развитии прошел два основных этапа. Первый этап (XVII – XIX в.) – относительно статичный, моноцивилизационный, связан с западной цивилизацией. Он представлен логической структурой западного конституционализма, с определенной спецификой проявления в разных западных странах. Второй этап (в XX в. и в первой четверти XXI в.) – динамичный, полицивилизационный. Здесь проявляется нарастающая динамика дифференциации конституционализма и его концептов. В связи с изменением характера эволюции конституционализма, вплоть до современности, актуализируется проблема его познания на разных уровнях организации – от государственного до глобального [7].

Так, в XX в. в советский период существования российской цивилизации начала действовать конституция страны, которая прошла несколько основных этапов развития. Это: Конституция (Основной Закон) РСФСР 1918 г.; Конституция СССР 1924 года; Конституция СССР 1936 г.; Конституция СССР 1977 г.; Конституция РФ 1993 г. Данные конституции опирались на традиционные основы существования российской цивилизации, а также учитывали происходящие в мире общественно-политические и социальные изменения. Основу данных конституций составили принципы солидарного народовластия и демократического централизма, в основе которых лежало служение власти народу своей страны. Однако конституционализм как учение, подобное западной цивилизации, стал разрабатываться в нашей стране лишь в 80–90-е годы XX в. [9; 10; 11]. В трудах исследователей отмечалась качественная специфика российского конституционализма по сравнению с западным, несмотря на сходство логических принципов и алгоритмов построения концепции. Главные различия заключались в ее цивилизационных основаниях (труды К.В. Арановского, А.И. Дудко, В.И. Лафитского, А.В. Мурановой, Н. Неновски, Н.Н. Паршковой, В.А. Рыбакова, С.В. Ткаченко, см. в [12]). Также был принят ряд конститу-

ций в других незападных странах и цивилизациях на иных цивилизационно-культурных и цивилизационно-религиозных основаниях, например, появился исламский конституционализм.

На современном, втором, динамичном полицивилизационном этапе развития конституционализма встает актуальный вопрос выявления неких общих оснований для сравнения разных видов конституционализма в первой четверти XXI в. Для такого компаративистского анализа в данной статье использован принцип соотношения категорий части целого, воплощенный в современных научных подходах парциализма и холизма.

И для более глубокого понимания динамики современного конституционализма на втором этапе его эволюции следует обратиться к современным научным выводам, обосновывающим типовое разнообразие таких социальных систем в современном обществе – как либеральных и патернальных, с разными социальными кодами существования.

Соответственно, на уровне отдельных государств, в дуализме цивилизационно-культурных отношений Запад – Восток (в том числе России), аналогично можно выделить основные, преобладающие типы конституционализма. Это либеральный и патернальный типы конституционализма. Главное различие данных типов заключается в следующем.

При либеральной власти (от лат. термина «*liber*» – свобода, воля, что означает освобождение, свободу властных структур от жизненно важных обязательств перед населением по обеспечению оптимальной, здоровой организации жизни своего народа), которая закрепляется в ее конституции, во главу угла ставится правящая *часть* общества (элита), которая подчиняет себе остальную, наибольшую часть общества (массу населения) для удовлетворения собственных максимизированных потребностей существования. Здесь часть управляет целым вопреки интересам целого и за счет целого. Нарушается внутренний баланс частей в целом: одна элитарная правящая часть максимизируется, а остальная, наиболее массовая, разнообразно дифференцированная часть (например, средние классы и слои), минимизируется, ослабевает и постепенно деградирует. Нарушается баланс прав и обязанностей, свободы и ответственности в обществе, приводящий в итоге к нарастанию внутренних социальных конфликтов, а также внешних.

При патернальной власти (от лат. термина «*pater*» – отец, что означает заботливое, отеческое отношение к своему народу), правящая часть действует в интересах всестороннего развития целого и всего социума, разных его социальных слоев и групп. Основу власти составляет служение своему народу, для народа и в интересах народа. В целом достигается баланс прав и обязанностей, свободы и ответственности человека в обществе.

«Патернализм – это особый стиль административной деятельности представителей государственной «власти», аналогичный «отношениям отца со своими детьми», а также стереотип восприятия государственно-властных институтов как структур, отвечающих за все в государстве. Патернализм исторически обусловлен особенностями правовой культуры и правового менталитета многих народов мира. Формы его реализации определяются особенностями исторического развития того или иного государства в рамках его цивилизационного типа. В настоящее время патернализм в «широком» смысле может рассматриваться как социокультурный, философско-правовой, социально-экономический и психологический феномен, в основе которого лежит объективно присущая человеку потребность в защищенности. Государственный патернализм является основой любого человеческого общества – государство и является организацией, предназначенной обеспечивать всех своих граждан определенными правами и свободами.» [13, с. 58].

Следовательно, в конституциях либерального и патернального типов и соответствующего устройства общества, по признаку соотношения части и целого, на базе парциального и холистического подходов, закладываются принципиально разные

основы власти и управления обществом: баланс при патернальной конституционной организации и дисбаланс при либеральной конституционной организации общества. Во втором случае, данный дисбаланс открыто не провозглашается во избежание недовольства населения, а преподносится в скрытой, манипулятивной форме. В связи с чем появляется еще один современный вид конституционализма – манипулятивный. В соответствии с предложенным обоснованием, предлагается краткое определение разных типов конституционализма.

Либеральный конституционализм – это парциальный конституционализм буржуазного общества, который опирается на принципы относительно устойчивого (константного) политико-правового управления в поляризованном, элитарно-массовом, классово расчлененном обществе, где правящие элиты настроены на самообогащение правящей части за счет несправедливой эксплуатации масс населения в социуме, где они используют право силы и манипуляции, что в итоге приводит к деградации и конфликтам в обществе. В социокультурном и аксиологическом смысле это провоцирует аморализм и бездуховность в жизни общества. Если самообогащение либеральных элит социума выходит за пределы собственной страны в международное пространство, то формируются страны-метрополии и зависимые от них колониальные и неоколониальные страны. На международно-глобальном уровне управления формируются тенденции становления монополярного мира.

Патернальный конституционализм – это холистический общенародный, или народно-демократический конституционализм солидарного общества, который опирается на принципы относительно устойчивого (константного) политико-правового управления в иерархически организованном консолидированном обществе, где правящие структуры характеризуются справедливым служением своему народу на основе силы права, которое направлено на здоровое развитие и укрепление всего общества как системной целостности. При этом проявляется социокультурный и аксиологический смысл преобладания в обществе принципов человечности, нравственности, отношений добра и правдивой морали. На международно-глобальном уровне управления открывается путь к многополярному миру.

Подчеркнем, что главный «водораздел» между либеральным и патернальным конституционализмом заключается в том, каковы основные идеи, цели и действия власти по отношению ко всему обществу, что в целом определяет главные свойства и сущность разных типов социально-правовых отношений и конституционализма. Также подчеркнем, что указанные противоположные типы конституционализма, скорее, отражают его идеальные формы, поскольку реальная социальная жизнь оказывается значительно сложнее. В ней фактически сосуществуют гибридные социумы и виды конституционализма, в которых, в той или иной мере, преобладает, или либеральное, или патернальное начало. Но общая логика при этом остается.

В целом второй динамический полицивилизационный этап развития современного конституционализма характеризуется тем, что продолжают развиваться либеральные элитарно-массовые социумы капиталистической и посткапиталистической организации. Существуют подконтрольные несамостоятельные колониальные и неоколониальные социосистемы. Получили развитие социумы патернальной социалистической, народно-демократической организации (которые и в настоящее время не исчезли с мировой арены, хотя испытывают сложные процессы преобразований).

В этой связи следует особо отметить, что при разноцивилизационном взаимодействии социумов с разными социальными кодами и специфическими для них социально-правовыми сферами с их конституционными ядрами, особо важное значение приобретает проблема выявления процессов «мирного» проникновения в определенный социум социального кода чужой цивилизации. В таких случаях, скрытое проникновение чужого либерального конституционного социального кода происходит с помощью манипулятивизма и манипулятивных технологий [14]. С другой стороны, макросоциумы с разными социальными кодами совместно проходят путь нового глобального развития и взаимопроникновения. При этом передаются также

некие, важные для обоих конституционных социальных кодов, концепты здорового социального развития (например, инновационные компьютерные технологии, улучшающие жизнь людей). Поэтому каждое социокультурное взаимодействие конституционных основ разных максоциумов (в том числе, однополярного и многополярного мира) следует внимательно изучать с позиций их оптимального или неоптимального воздействия на принимающую (рецепирующую) конституционно-правовую систему. Следует выбирать наилучшие для согласованной мирной жизни варианты международного сотрудничества, которое оказывается неизбежным в глобализирущемся социальном мире XXI в.

Таким образом, современный конституционализм претерпевает ряд эволюционных преобразований, начиная с Нового времени. В своем развитии он прошел два этапа: первый моноцивилизационный западный (XVII – XIX вв.) и второй полицивилизационный международный (XX – первая четверть XXI в.). На втором, динамичном этапе, особенно в начале XXI в., сформировалось несколько видов конституционализма – государственного, цивилизационного и формирующегося глобального. По признаку соотношения категорий части и целого в обществе, с применением парциального и холистического подходов, можно выделить основные типы либерального и патернального конституционализма, проявляющихся на разных уровнях социальной организации. Но они скорее являются идеальными формами, поскольку глобализующийся мир очень многообразен и сложен. Его макросоциумы включают в себя, в разной степени, черты того и другого типов конституционализма. Можно надеяться, что дальнейшее социальное взаимодействие стран и их сообществ будет идти по пути организации все более сбалансированных конституционно-правовых отношений, как внутри отдельных стран, так и их отношений с другими странами.

Список литературы:

1.Супатаев М. А. К проблематике цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики): монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 144 с.
2.Чиркин В. Е. Формационно-цивилизационный подход в сравнительном правоведении // Государство и право. – 2015. № 4. – С. 22-27.
3.История буржуазного конституционализма XVII – XVIII вв. : монография / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1983. – 296 с.
4.Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе: монография. – М., РОССПЭН, 1997. – 650 с.
5.Ромашов Р. А. Современный конституционализм: Вопросы истории и теории: монография. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. – 125 с.
6.Умнова-Конюхова И. А. Тенденции и перспективы конституционного развития Российской Федерации. К 30-летию Конституции РФ: монография. – М: ИНИОН РАН; отдел правоведения, 2024. – 174 с.
7.Федеративные аспекты развития конституционализма (к 100-летию Конституции СССР 1924 г.): коллект. монография / Под общ. ред. А. А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2024. – 168 с.
8.Кокина, М. Н. Конституционализм: статика и динамика концепта / М. Н. Кокина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2026. – Т. 12, № 2. – С. 352-358. – DOI 10.29039/2413-1733-2026-12-2-352-358.
9.Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2003. – 263 с.
10. Кутафин О. Е. Российский конституционализм: монография / Избранные труды: в 7 томах. Том 7. – М.: Проспект, 2011. – 541 с.
11. Степанов И. М. Социалистический конституционализм: сущность, опыт, проблемы // Советское государство и право. – 1987. № 10. – С. 3-12.
12. Кокина М. Н. Диалектика отношений рецепторства–донорства в праве, традиционализма – антитрадиционализма в правовых системах стран и проблемы конституционных преобразований в современной России // Вестник Института развития ноосферы. – 2019. № 6 (8). – С.70-106.
13. Гончаров И.В., Прудников А.С. Государственный патернализм и права человека в современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43).
14. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.

Kokina M.N. Partial and holistic approaches to the political and legal analysis of modern constitutionalism // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 4. – S. 702-707.

Constitutionalism as a political and legal doctrine, a theoretical and practical basis for the legal foundations of power and governance in society, initially developed in Western civilization. Two stages are distinguished in its evolution. The first stage (17th-19th centuries) is mono-civilizational Western, represented in a number of Western countries. The second stage (20th - early 21st centuries) is multi-civilizational, when constitutions and constitutionalism emerged in countries of different civilizations. Different types of modern constitutionalism emerged. An analysis of the conceptual foundations of multi-civilizational types of constitutionalism is conducted based on the dialectical categories of part and whole, partial and holistic approaches. Two types of constitutional and legal foundations are distinguished (liberal and paternal constitutionalism), which manifest themselves at the level of individual countries, civilizations, and on a global scale. Currently, these conceptual foundations interact in various ways in different types of constitutionalism.

Keywords: constitutionalism, stages of evolution: mono-civilizational and poly-civilizational, modern types of constitutionalism: liberal, paternal, hybrid, state, international, global.

Spisok literatury:

1.Supatayev M. A. K problematike tsivilizatsionnogo podkhoda k pravu (ocherki obshchey teorii i praktiki): monografiya. – M.: Yurlitinform, 2012. – 144 s.
2.Chirkin V. Ye. Formatsionno-tsivilizatsionnyy podkhod v sravnitel'nom pravovedenii // Gosudarstvo i pravo. – 2015. № 4. – S. 22-27.
3.Istoriya burzhuaznogo konstitutsionalizma XVII – XVIII vv. : monografiya / Otv. red. V. S. Nersesyants. – M.: Nauka, 1983. – 296 s.
4.Medushevskiy A. N. Demokratiya i avtoritarizm. Rossiyskiy konstitutsionalizm v sravnitel'noy perspektive: monografiya. – M., ROSSPEN, 1997. – 650 s.
5.Romashov R. A. Sovremennyy konstitutsionalizm: Voprosy istorii i teorii: monografiya. – SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii, 1998. – 125 s.
6.Umnova-Konyukhova I. A. Tendentsii i perspektivy konstitutsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. K 30-letiyu Konstitutsii RF: monografiya. – M: INION RAN; otdel pravovedeniya, 2024. – 174 s.
7.Federativnyye aspekty razvitiya konstitutsionalizma (k 100-letiyu Konstitutsii SSSR 1924 g.): kollekt. monografiya / Pod obshch. red. A. A. Dorskoy. – SPb.: Asterion, 2024. – 168 s.
8.Kokina, M. N. Konstitucionalizm: statika i dinamika koncepta / M. N. Kokina // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2026. – T. 12, № 2. – S. 352-358. – DOI 10.29039/2413-1733-2026-12-2-352-358.
9.Bobrova N.A. Konstitutsionnyy stroy i konstitutsionalizm v Rossii. – M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2003. – 263 s.
10. Kutafin O. Ye. Rossiyskiy konstitutsionalizm: monografiya / Izbrannyye trudy: v 7 tomakh. Tom 7. – M.: Prospekt, 2011. – 541 s.
11. Stepanov I. M. Sotsialisticheskiy konstitutsionalizm: sushchnost', opyt, problemy // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1987. №10. – S. 3-12.
12. Kokina M. N. Dialektika otnosheniy retseptorstva–donorstva v prave, traditsionalizma – antitraditsionalizma v pravovykh sistemakh stran i problemy konstitutsionnykh preobrazovaniy v sovremennoy Rossii // Vestnik Instituta razvitiya noosfery. – 2019. №6(8). – S.70-106.
13. Goncharov I.V., Prudnikov A.S. Gosudarstvennyj paternalizm i prava cheloveka v sovremennoj Rossii // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. №3 (43).
14. Dotsenko Ye. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. – M.: CheRo, Izd-vo MGU, 1997. – 344 s.

.

НАШИ АВТОРЫ

Адельсеитова А.Б.	*к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права, юрид. ф-т, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»*
Акименко Е. С.	*старший преп. к-ры публичного и частного права ф-та (командного), Федеральное государственное казённое военного образовательное учреждение ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»*
Алейникова В. А.	*ассистент к-ры уголвоного права и процесса ФГАЛОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Андриевский К. В.	*д.ю.н., доц. руководитель Севастопольского филиала И-та законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ*
Апкаев Д. М.	*старший преп. к-ры уголовного прав и криминологии юрид. ф-та Владимирского юр. И-та ФСИН России*
Арямов А. А.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)*
Астафичев П. А.	*Санкт-Петербургский университет МВД РФ. Проф. к-ры конституционного и международного права; д.ю.н., проф.*
Ахъядов Э. Саид-Мохмадович	*к.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного права, процесса и нацбезопасности; зам. декана по научной работе юрид. ф-та ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова»*
Бармашов В. И.	*Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России)*
Баттахов П. П.	*к.ю.н., Институт г-ва и права РАН (ИГП РАН)*
Барсова Е. Р.	*аспирант к-ры конституционного и международного права НИУ «БелГУ»*
Бекирова Э. Э.	*к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юрид. ф-та ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Биличенко Б. Е.	*аспирант к-ры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Бирюкова Н. Н.	*к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юрид. ф-та ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*

Беляева Г. С.	*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, д.ю.н., проф., к-ры административного права и процесса*
Билоконь В. П.	*зам. нач. к-ры админ. права и админ. деятельности Крымского филиала КрУ МВД России*
Боев Д. В.	*доц. к-ры уголовного права и процесса Юридического и-та НИУ «БелГУ»*
Бокова В. А.	*обучающаяся 4-го курса бакалавриата юрид. ф-та, КФУ им. В. И. Вернадского*
Бондаренко Д. С.	*ФГБОУ ВО Алтайский гос. университет*
Бондарчук И. В.	*к.ю.н., доц. к-ры государственно-правовых дисциплин «Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. М. Лебедева»*
Буткевич С. А.	*начальник к-ры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, к.ю.н., доц.*
Ванжула А. А.	*старший государственный таможенный инспектор таможенного контроля и таможенного оформления Южной электронной таможни, магистр ЮРИУ РАНХиГС*
Венедиктов А. А.	*аспирант к-ры истории и теории государства и права юрид. ф-та КНУ им. В. И. Вернадского*
Великая О. С.	*к.ю.н., доц., к-ры гражданского права Санкт-Петербургского у-та гос. противопожарной службы Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий им. героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева*
Волков Д. В.	*к.ю.н.. доц., Санкт-Петербургский и-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России. Зав. каф. гражданского процесса*
Воронцов А. Л.	*Юго-Западный гос. университет, доц. к-ры административного и финансового права, к.и.н., доц.*
Воронцова Е. В.	*Юго-Западный гос. университет доц. к-ры конституционного права, к.ю.н., доц.*
Гафуров Д. В.	*аспирант к-ры конституционного и международного права НИУ «БелГУ»*
Грибанов С. А.	*директор по корпоративной безопасности ООО «КСК»*
Грибанов Д. В.	*д.ю.н., проф., зав. каф. теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева*

Годованник Е. В.	*д.ю.н., доц., главный научный сотрудник Севастопольского филиала И-та законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ*
Гончаров Д. К.	*преп. к-ры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Губанова Е. В.	*к.ю.н., доц., Заслуженный юрист РК, доц. к-ры уголовного права и процесса юридического факультета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», директор Координационного центра по вопросам формирование у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского».*
Гуренко-Вайцман М. Н.	*д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки и техники АР Крым, Заслуженный деятель науки и техники Украины, проф. к-ры теории и истории права юридического факультета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», начальник юридического управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*
Дадашов М. М.	*доц. к-ры информационного права и юриспруденции. Грозненский государственный нефтяной технический унив. им. М. Д. Миллионщикова*
Джаппаров Д. А.	*бакалавр 4 курса, очной формы обучения, направление подготовки 40.03.01 юридического факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Евтушенко В. И.	*д.ю.н., зам. нач. управления по делам архивов Белгородской области, проф. к-ры админ. права и процесса юрид. и-та НИУ БелГУ*
Евсикова Е. В.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского и административного судопроизводства ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева»*
Задерейчук И. П.	*к.ю.н., доц. к-ры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юрид. и-та (филиала) у-та прокуратуры РФ*
Зайцев И. А.	*к.ю.н., ведущий научный сотрудник 1 отдела научно-исследовательского центра № 4 (по исследованию проблем административно-правовой деятельности ОВД). Федеральное государственное казённое учреждение «Всероссийский научно-исследовательский*

	институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ВНИИ МВД России)
Зоз В. А.	*старший преп. к-ры уголовного права и оперативно-разыскной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского униве. МВД России*
Иващенко Е. С.	*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Игнатьева С. В.	*ведущий научный сотрудник отд. подготовки кадров высшей квалификации НИЦ центра военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии РФ, д.ю.н., проф.*
Кадыков А. В.	*Институт государства и права РАН*
Казанцева Е. В.	*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*
Калантай Р. Ю.	*КФУ имени В. И. Вернадского, аспирант*
Камышанский Д.Ю	*преп. к-ры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка И-та права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ*
Камышанский В.П.	*зав. каф. гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», д.ю.н., проф., Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани*
Канабита Х. М.	*учащийся 3 курса асп., направление специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*
Карнаух Е. А.	*аспирант ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Катренко Н. Н.	*главный специалист-юрисконсульт управления по юрид. сопровождению деятельности и профилактики коррупционных правонарушений ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Кеклис А. Ю.	*к.ю.н.. доц., Санкт-Петербургский и-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Доц. каф. гражданского процесса*
Кислицина И. Н.	*старший преподаватель уголовного права и процесса Юридического и-та НИУ «БелГУ»*
Ковальчук С. С.	*магистр 2 курса, очной формы обучения. Направление подготовки 40.04.01 юрид. ф-та ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Костюк М. Ф.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного*

	аудита МГУ имени М. В. Ломоносова
Кондратюк С. В.	*к.ю.н., доц., зав. каф. уголовно-правовых дисциплин. Луганский юрид. институт (филиал) Университета прокуратуры РФ*
Конопелько А. М.	*соискатель к-ры истории и теории государства и права, юрид. факультет ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»*
Корнев А. В.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры теории государства и права МГЮА*
Кокина М. Н.	*соискатель ка-ры теории государства и права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина»*
Краснокутская И.В	*аспирант кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института, ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Куксов В. А.	*адъюнкт ф-та подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского ордена Почета к-та МВД России имени В. Я. Кикотя*
Кулаевский А. В.	*к.ю.н., ФГБОУ ВО Алтайский гос. университет, преп. к-ры уголовного процесса и криминалистики*
Латынин Ю. А.	*старший преп. к-ры уголовного права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Россиский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»*
Лукьянчикова Е.Ф.	*доц. к-ры уголовного права и процесса. Юридический институт НИУ «БелГУ»*
Лукашева Н. Н.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского и трудового права юрид. ф-та КФУ им. В. И. Вернадского*
Ляхова А. И.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного права и процесса НИУ «БелГУ»*
Мамин А. С.	*канд. юрид. наук, доцент НИУ «БелГУ», к-ра административного и международного права*
Мерджанова Л.А.	*старший преп. к-ры предпринимательского и экологического права юрид. ф-та Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*
Моисеев А. М.	*д.ю.н., проф. базовой кафедры «Цифровая и традиционная криминалистика». Севастопольский государственный университет*
Моисеенко М. А.	*клиницист-исследователь Юридической клиники Севастопольского гос. университета*
Мотина Е. А.	*старший преп. к-ры криминалистики Рязанского филиала федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский ордена Почета университет МВД РФ имени*

	В.Я. Кикотя»
Новикова А. Е.	*д.ю.н., проф., к-ры конституционного и международного права ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский униуверситет»*
Нифанова А. Н.	*д.ю.н., проф., к-ры конституционного и международного права ФГАУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский униуверситет»*
Новокшонов Д. В.	*Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ, начальник к-ры отраслевых и юридических дисциплин ф-та (командного), к.ю.н., доц.*
Овсепян Г. М.	*к.ю.н., старший преп. к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции*
Огль В. Л.	*аспирант, Университет управления «ТИСБИ», Казань, Россия*
Огрохин А. Н.	*к.ю.н., член Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворчества*
Осяк А. Н.	*к.ю.н., доц., нач. к-ры админ. права, Ростовский юрид. и-т МВД России, полковник полиции*
Пестрецов М. А.	*ведущий научный сотрудник НИЦ №3 ВНИИ МВД России, к.ю.н.*
Першина Е. А.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса Белгородского гос. национального исследовательского у-та*
Петрова Т. В.	*к.ю.н., доц., доц к-ры теори государства и права МГЮА*
Позднякова Е. В.	*к.ю.н., доц., зав. к-ры административного и трудового права, Юго-Западный гос. унив., г. Курск*
Пономарев А. В.	*к.ю.н., доц. к-ры админ. и фин. права Крымского филиала ФОГБОУ ВО «РГУП им. В. М. Лебедева»*
Потапов И. Н.	*доц. к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, к.ю.н.*
Процевский В. А.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры «Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность» Юридический институт Севастопольского гос. университета*
Пряхин А. И.	*аспирант к-ры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», главный юрисконсульт ООО «Фосагро-Регион»*
Пухнаревич М. С.	*аспирант, МГЮА им. О. Е. Кутафина*
Равнюшкин А. В.	*к.и.н., доц. к-ры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета*

	МВД России
Радайде Д. С.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»*
Римский А. В.	*проф. к-ры государственно-правовых дисциплин Белгородского юрид. И-та МВД России им. И. Д. Путилина; проф. к-ры философии и теологии Белгородского государственного НИУ; главный научный сотрудник к-ры социальная инженерия Приволжского гос. у-та путей сообщения*
Самбос А. А.	*студент. Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ*
Сапронов Д. Ю.	*к.ю.н., ведущий инженер ВШГА, научный сотрудник центра стратегических исследований ИМИСС МГУ имени М.В. Ломоносова*
Сафина С. Б.	*Башкирская академия гос. службы и управления при Главе Республики Башкортостан; проф. к-ры конституционного и административного права; Южно-Уральский государственный университет, старший научный сотрудник к-ры конституционного и административного права; д.ю.н., доц.*
Светлова А. П.	*к.ю.н., доц. к-ры административной деятельности ОВД Московский ордена Почета университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя*
Смирнова Е. А.	*к.э.н., доц. к-ры финансов и кредита И-та экономики и управления. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»*
Скворцова О. А.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса юрид. ф-та Института «Таврическая академия «КФУ имени В. И. Вернадского*
Скоропуд М. С.	*старший научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского Юрид. Института МВД России имени И. Д. Путилина*
Соловьева А. А.	*к.ю.н., доц. каф. теории государства и права имени С.С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева*
Суязов А. Е.	*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», аспирант*
Тедеев А. А.	*д.ю.н., проф., проф. к-ры государственного аудита Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Международного ин-та сравнительно-правовых исследова-*

	ний новых технологий РУДН
Тонков Е. Е.	*д.пед.н., д.ю.н., проф., Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета, директор*
Трифонов С. Г.	*к.ю.н., проф. к-ры ТГП ФГКОУ ВО «РЮИ МВД России», доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В. М. Лебедева»*
Туранин В. Ю.	*д.ю.н., проф., заведующий кафедрой ТГП юрид. и-та НИУ «БелГУ»*
Улитин И. Н.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юрид. ф-та им. А. А. Хмырова*
Фатова С. Е.	*аспирант к-ры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения*
Филонова А. А.	*аспирант к-ры истории и теории г-ва и права юрид. ф-та КФУ имени В. И. Вернадского*
Хаджиев У. К.	*доц. к-ры таможенного дела ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М.Д. Миллионщикова»*
Ходжалиев С. А.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры уголовного права, процесса и национальной безопасности ЧГУ им. А.А. Кадырова*
Цепенникова К. А.	*обучающаяся магистратуры 2 курса, заочной формы обучения, напр. подготовки 40.04.01. юрид. к-та ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»*
Цуканова Е. Ю	*д.ю.н., доц., проф. к-ры гражданского права и процесса Юрид. института ФГАОУ ВО «НИУ «БелГУ»*
Цындря В. Н.	*к.ю.н., нач. к-ры специальных дисциплин. Крымский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»*
Чаштанова Д. П.	*аспирант к-ры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса и-та философии и права Новосибирского гос. ун-та*
Челпанова М. М.	*к.э.н., доц., начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала КрУ МВД России*
Черная А. Д.	*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Чуева И. А.	*к.ю.н., доц. к-ры теории и истории государства и права юрид. и-та НИУ «БелГУ»*
Шадрин И. А.	*доц. к-ры прокурорского надзора и участия прокурора*

	в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юрид. института (филиала) Университета прокуратуры РФ
Шармоянц А. Н.	*к.ю.н.,доц., к-ры истории и теории государства и права, юрид. ф-та КФУ им. В. И. Вернадского*
Шаталкина Н. А.	*к.ю.н., ФГБОУ ВО Алтайский гос. университет*
Шахрай С. М.	*д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РФ, директор Института правоведения РГГУ*
Шишкин Р. В.	*к.ю.н., доц. к-ры уголовной политики Академии управления МВД России, полковник полиции*
Шматко Д. А.	*ассистент к-ры теории и истории государства и права, Юридический институт НИУ «БелГУ»*
Шумилина О. С.	*доц. к-ры уголовного права и процесса. Юридический институт НИУ «БелГУ»*
Ярошевская А. М.	*к.ю.н., доц., ЕФУ имени В. И. Вернадского, доц. к-ры гражданского и трудового права*
Ярощук И. А.	*и.о. заведующего кафедрой судебной экспертизы и криминалистики Юрид. института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Акименко Е. С.
Нормативно-правовое обеспечение единства гражданского общества и государства как фактор поддержания легитимности власти в условиях ведения боевых действий……..….....3
Анохин А. Н.
Об исследовании соотношения концепции «государство как платформа» и концепции понимания системы правового регулирования как формы воплощения идеи самоуправления народа……..8
Астафичев П. А.
Акт об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной Войны от 17 сентября 1955 года: мотивы принятия, содержание, проблемы историко-правовой оценки……19
Ахъядов Э. Саид-Мохмадович
От обычая к правопорядку: становление древнерусского права и значение в истории Российской государственности……..27
Беляева Г. С., Мамин А. С.
Киберправо в системе россиского права…….……33
Биличенко Б. Е.
Политика «продовольственной диктатуры» в РСФСР в 1918-1921 гг.: организационно-правовой аспект……38
Бондарчук И. В.
Российский законодательный процесс: эмпирический анализ федеральных законов (весна-лето 2026 г.)……..47
Венедиктов А. А.
Формирование системы подготовки священников Евангелическо-лютеранской церкви в Дании во второй половине XX – начале XIX вв……53
Великая О. С.
Организация обучения несовершеннолетних осужденных в Финляндии в XIX веке……..62
Задерейчук И. П.
Кадровая работа в прокуратуре Крыма в конце XX – начале XXI вв.……68
Карая А. В., Ходзинский А. С.
Кодификация в средние века как методологический ресурс современного правового развития: историко-теоретический анализ……..74
Камышанский Д. Ю.
Укрепление межпарламентского сотрудничества как фактор повышения эффективности коллективной безопаности в регионе ответственности организации договора о коллективной безопансости……..81
Пряхин А. И.
Нормативный фундамент участия конмсомола в военно-патриотическом воспитании молодежи: обзорная характеристика……88
Пухнаревич М. С.
К вопросу о необходимости опубликования актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными

свойствами, на «официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru)».....96
Федоришин А. И.
Историческое развитие идеи гуманизма в отечественной и мировой юриспруденции…….106
Чуева И. А. Туранин В. Ю.,
К вопросу о правовом статусе молодежных организаций в России и зарубежных государства в первой четверти XX в.…….. 111
Чуева И. А.
Особенности правового положения молодежи в советских республиках в 1919-1922 гг…….119
Шармоянц А. Н.
Специальные ограничительные правовые режимы в механиме охраны морских рубежей СССР в 1920-1930-е годы: теоретико-правовой анализ….127
Ярощук И. А.
Правовая метафора и культурный код национальной традиции…….131
Цуканова Е. Ю.
Производные юридические факты как результат нормативного обобщения.141

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Адельсеитова А. Б., Конопелько А. М.
Утрата гражданства как конституционно-правовой институт: основания, процедуры и проблемы безгражданства…….147
Бармашов В. И.
Проблемы применения постпенитенциарной пробации……..154
Бекирова Э. Э., Цепенникова К. А.
Правовые проблемы и перспективы развития института государственно-частного партерства……..158
Римский А. В., Сорокопуд М. С.
Постчеловеческий суверенитет: трансформация субъекта власти в цифровой среде как вызов антропологическим основаниям права……167
Казанцева Е. В.
Участие добровольцев (волонтеров) в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: теоретический аспект……..174
Зайцев И. А.
Вопрос о социальной сущности эффективности применения административных наказаний……186
Мерджанова Л. А., Джаппаров Д. А.
Экспериментальный правовой режим по применению беспилотных авиационных систем в сельском хозяйстве: публично-правовые условия защиты прав предпринимателей…….191
Сафина С. Б.
Мониторинг конституции в компетенции Конституционного совета республики в составе Российской Федерации……199
Тедеев А. А.
Формирование национальной модели регулирования искуственного интеллекта в США: законодательство штатов……205

Равнюшкин А. В.
О проблемах регламентирования использования спортивного инвентаря (питбайков) в Российской Федерации……..215
Шматко Д. А.
К вопросу о возможности введения в систему конституционного права Российской Федерации категоррии «конституционного-правовой режим» оперативного реагирования…….220
Карнаух Е. А.
Публично-правовые механизмы взаимодействия России и ВОЗ в условиях пандемии COVID-19……...225
Фатова С. Ф., Игнатьева С. В.
Становление законодательства о правовом регулировании защиты информации в деятельности органов публичной власти в Российской Федерации……231
Игнатьева С. В., Фатова С. Е.
Принципы и подходы правового регулирования защиты информвции в сфере публичной власти в условиях правовой трансформации……..238
Цындря В. Н.
Общая характеристика стадий регламентации государственной политики в области исполнения административных наказаний в Российской Федерации…….….242
Челпанова М. М., Билоконь В. П.
Основные направления совершенствования взаимодействия ГИБДД МВД России и общественности в выявлении административных правонарушений в области дорожного движения……..250

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Андриевский К. В., Годованник Е. В.
Ограничение правоспособности физического лица как дискуссионный вопрос современной цивилистики: теоретико-методологические подходы…..……..256
Арямов А. А., Евсикова Е. В.
К вопросу о дефиниции «искуственный интеллект» в условиях цифровой трансформации……263
Баттахов П. П.
Арктическая зона РФ как опора экономики и обороноспособности России: правовые режимы хозяйственной деятельности……269
Бирюкова Н. Н., Ковальчук С. С.
Институт самозанятости в российском праве: понятие и элементы правового статуса…….276
Волков Д. В., Кеклис А. Ю.
Патентно-правововая охрана технических решений, реализуемых программным способом, и критерии их патентоспособности…….286
Кеклис А. Ю., Волков Д. В.
Трансграничная передача персональных данных и критерии «адекватной защиты»……..292
Евтушенко В. И.
Нетипичные факторы экологического вреда: о нюансах возмещения и полного восстановления экосистемы……..299

Кадыков А. В.
Правовое регулирование производства действующих веществ пестицидов в целях реализации докторины продовольственной безопасности Российской Федерации…….305
Камышанский В. П.
Иски об изъятии приватизированного имущества в федеральную собственность……312
Канабита Х. М., Некрасова Е. В.
Институты признания прав на землю в иностранных правовых системах: доктрина, закорнодательство, проблемные аспекты…….317
Костюк М. Ф.
Латентный конфликт интересов, обусловленный аффилированностью членов закупочных комиссий с субъектами предпринимательской деятельности…….325
Красноутская И. В.
Вред как категория международного частного права: теоретико-методологические аспекты……..…..332
Мотина Е. А.
Гражданско-правовой статус участников отношений в сфере иммунопрофилактики……340
Лукашева Н. Н., Катренко А. И.
Медиация в России: правовая природа и барьеры реализации……350
Пономарев А. В., Торопов С. А.
Информационная природа цифровых финансовых активов и цифровой валюты как детерминанта правовых коллизий их регулирования в Российской Федерации…….356
Процевский В. А., Моисеенко М. А.
Генезис становления и развития международно-правовой регламентации отношений в сфере труда……..365
Радайде Д. С.
Применение ст. 333 ГК РФ о снижении неустойки в договорах аренды и подряда: критерии «явной несоразмерности» и пересмотр позиции ВС РФ в 2025-2026 гг……..370
Сильванович Ю. Н.
Ителлектуальная собственность в избирательном процессе: направления трансформации правового регулирования…….377
Суязов А. Е.
Исключительные правовые режимы в частном праве во второй половине XIX века……384
Трифонов С. Г., Ванжула А. А.
К вопросу о категории «интерес несовершеннолетнего»…….399
Туршук Л. Д.
Регламентация личных неимущественных прав по китайскому и российскому гражданскому законодательству……..405
Чаштанова Д. П.
Правовые вопросы соотношения принципа свободы объединения и принципов социального партнерства в сфере труда……..414
Ярошевская А. М., Калантай Р. Ю.

Институт изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации: правовые основы, цифровая трансформация и материально-правовые проблемы……...420

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алейникова В. А.
Уголовная ответственность за пропаганду наркотических средств как средство профилактики незаконного оборота наркотиков……427
Апкаев Д. М.
Влияние социальных медия на преступность в условиях цифровой трансформации общественного сознания …….432
Боев Д. В., Шумилина О. С.
Правовая природа мнимой обороны……..441
Буткевич С. А.
Трансформация вовлечения граждан в противоправную активность: новые каналы вербовки и координации…….449
Гончаров Д. К.
Тактические аспекты осмотра места происшествия при расследовании незаконных организаций и проведения азартных игр……..457
Грибанов С. А.
Правовая основа противодействия правоохранительнымим органами финансированию экстремистской деятельности……..466
Зоз В. А., Куксов В. А.
Противодействие оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации финансированию экстремисткой деятельности, совершаемому с использованием цифровіх финансовых активов…..……473
Иващенко Е. С., Черная А. Д.
Уголовно-правовые аспекты преступности военнослужащих в условиях вооруженного конфликта…….……..480
Кислицина И. Н., Лукьянчикова Е. Ф.
Законодательное регулирование применения наноматериалов и сенсорных систем при расследовании преступлений……..……486
Кондратюк С. В., Моисеев А. М., Самброс А. А.
Следственно-экспертная профилактика: вопросы взаимодействия….…….497
Кулаевский А. В., Шаталкина Н. А., Бондаренко Д. С.
Тактико-криминалистический риск при поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей……505
Лукьянчикова Е. Ф., Кислицина И. Н.,
Заочное уголовное судопроизводство в российском уголовном процессе: понятие, пределы и направления совершенствования……..……512
Новокшенов Д. В.
Искуственный интеллект как объект уголовной политики в системе обеспечения национальной безопасности в особый период……..…..516
Овсепян Г. М., Осяк А. Н., Светлова А. П.
Проблемные аспекты деятельности полиции во время охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий……..531
Огорохин А. Н.

Сравнительный анализ системы контроля и надзора за опертивно-розыскной деятельностью в МВД СССР (РСФСР) и МВД России……. 535
Першина Е. А., Ляхова А. И.
Актуальные проблемы реализации прав несовершеннолетних потерпевших по делам частного обвинения в российском уголовном процессе…….…542
Пестрецов М. А.
Использование государственной информационной системы противодействия правонарушениям в оперативно-розыскном обеспечении раскрытия дистанционных мошенничеств……..548
Потапов И. Н.
К вопросу о понятии миграционной преступности в контексте оперативно-розыскной деятельности…….553
Процевский В. А., Моисеенко М. А.
Проблемы связанные с криминализацией правоотношений в сфере реализации способности к труду несовершеннолетними…….…….559
Позднякова Е. В.
Криминогенность трансформации системы международной безопаности и их влияние на обепесчение национальной безопасности…….……564
Скворцова О. В., Бокова В. А..
К вопросу о правовом режиме конфиденциальности персональных данных и противодействие преступлениям в сети интернет…….573
Смирнова Е. А.
Перспективные направления противодействия кибермошенничеству в страховом предпринимательстве…….582
Улитин И. Н.
Эмоции (эмоциональное состояние) как факультативный признак состава преступления: некоторые дискуссионныце аспекты…….591
Ходжалиев С. А., Хаджиев У. К.
Уголовно-парвовые и международно-правовые проблемы ответственности за геноцид……600
Шадрин И. А.
К вопросу об ответственности за взятку и коммерческий подкуп в результате провокации или подстрекательства в контексте прокурорского надзора……606

СРОЧНО В НОМЕР

Ахъядов Э. Саид-Мохмадович, Дадашов М. М.
Становление и эволюция российской адвокатуры в XIX веке: правовые основания, организационные формы и общественное значение…….611
Губанова Е. В.
Правовой механизм противодействия межнациональным и межконфессиональным конфликтам (на примерер Республики Крым)……618
Петрова Т. В., Корнев А. В.
Инновационный потенциал правового сознания и правовой культуры…….627
Воронцов А. Л., Воронцова Е. В.
Проблемы противодействия биологическим угрозам в современном мире…….633
Филонова А. А.
Формирование советской системы государственного управления

санаторно-курортным делом (1920-932 гг.)……...638
Осоченко А. А., Туранин В. Ю.
Морское право Путь от регионального правотворчества и упорядочения до англосаксонского глобализма…….646
Латынин Ю. А.
О проблеме формирования назначения судебного штрафа лицам, совершившим преступления с общественно опасными последствиями нематериального характера…….651
Мархгейм М. В., Гафуров Д. В., Барсова Е. Р.
Институционализация гарантий охраны здоровья граждан: от медицинской полиции Российской империи до системы органов публичной власти Российского государства……..…655
Грибанов Д. В., Соловьев А. А.
Правовая доктрина в научных трудах С. С. Алексеева и В. Д. Перевалова (в контексте развития правосознания)……665
Тонков Е. Е.
Концепция государства созидающего как продукт правового реализма……672
Сапронов Д. Ю., Шахрай С. М.
Принципы публично-правового регулирования в цифровых кодексах государств современной Азии……688
Новикова А. И., Нифанов А. Н.
Языковое многообразие в зеркале отечественного законодательства ..…….692
Кокина М. Н.
Парциальный и холистический подходы к политико-правовому анализу современного конституционализма……..702